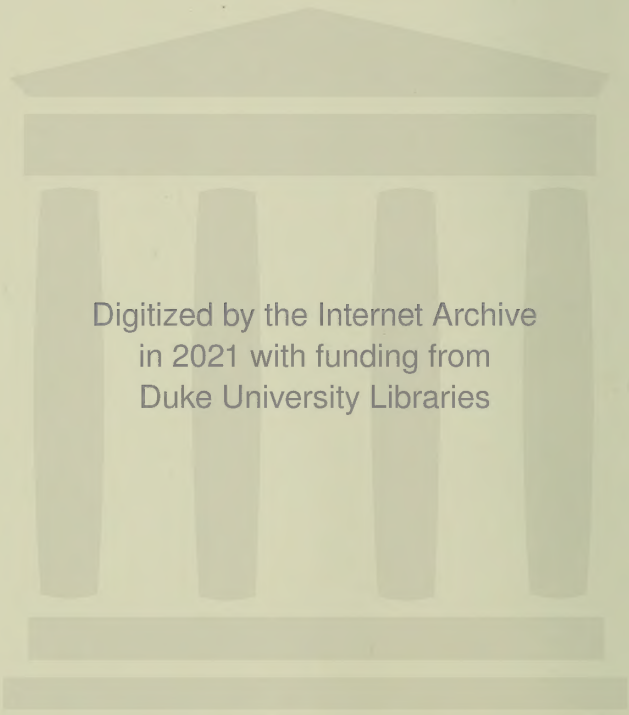
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY


Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/tysiachavosemsot31katk

* * *

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1971 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

* * *

СУК 1 3

М. Н. Катковъ.

1864 годъ.

315
945
Pot 3

СОБРАНІЕ ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ

Московскихъ Вѣдомостей.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

(Первые два выпуска содержатъ статьи по польскому вопросу помѣщавшіяся въ 1863).

ор. 38456
76 4058
Vol 3

МОСКВА.

1887.

943.805
A19T
Typ. 3

Katkov Mikhail Nikiforivich

М. Н. Катковъ.

1864 годъ.

Собраніе передовыхъ статей

Московскихъ Вѣдомостей.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

DK437
.K26

ЯНВАРЬ.

I.

1-го января.

Отъ проницательности петербургскихъ газетъ не укрылось что *Московскія Вѣдомости* стали въ сравненіи съ ними органомъ консервативнымъ. *Московскія Вѣдомости* не восторгаются отъ каждаго проекта долженствующаго осчастливить Россію; не ясно ли что онѣ ударились въ крайность, что онѣ проповѣдуютъ *statu quo*? Мы сдѣлаемъ петербургскимъ газетамъ для Новаго Года маленькое удовольствіе: онѣ до нѣкоторой степени правы.

Реформа! Преобразованіе! Почему эти привлекательныя слова, за разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, перестали ласкать нашъ слухъ, почему мы не приходимъ въ восторгъ отъ многочисленныхъ проектовъ различныхъ вѣдомствъ, и даже относимся къ нимъ съ недовѣрчивостію? Почему?

Въ преобразованіяхъ необходимо различать двѣ вещи: руководящее чувство и практическое исполненіе. Еслибы можно было ограничиться обсужденіемъ однихъ руководящихъ побужденій, то въ большей части случаевъ намъ пришлось бы засвидѣтельствовать у насъ истинный прогрессъ. Наука, гуманность, доброжелательство явственно отпечатлѣны въ основаніяхъ огромнаго множества проектовъ настоящаго времени. Благодаря въ особенности рѣшенію крестьянскаго вопроса, направленіе нашего общества, даже въ менѣе образованныхъ слояхъ

его, значительно измѣнилось въ послѣдніе годы къ лучшему; нечего и говорить что это направленіе должно быть особенно сильно и въ тѣхъ образованныхъ лицахъ которымъ ввѣрено дѣло управленія. Указывать на успѣхъ въ этомъ отношеніи не значитъ льстить кому бы то ни было.

Но практическая политика требуетъ болѣе опредѣленнаго содержанія чѣмъ общее и, такъ-сказать, отвлеченное доброжелательство; она нуждается, какъ по исполнительной, такъ и по законодательной части, во многочисленныхъ дѣятеляхъ, которые должны стоять на твердой почвѣ, имѣть въ виду дѣйствительныя потребности и средства, настолько знать и чувствовать существующій бытъ народа, чтобы могла быть увѣренность въ правильномъ примѣненіи общихъ началъ и въ томъ что это примѣненіе подѣйствуетъ въ желаемомъ смыслѣ на жизнь. Все это истины неоспоримыя, а для Россіи въ настоящую минуту онѣ имѣютъ тѣмъ большее значеніе что находящіеся теперь въ ходу проекты преобразованій объемлютъ собою всѣ сферы народной и государственной жизни. Ни одна изъ этихъ сферъ не можетъ и не должна обойтись безъ реформы; это очевидно. Но именно потому-то предстоящія намъ реформы въ ихъ совокупности неминуемо должны дать направленіе всей будущей русской исторіи и опредѣлить ея дальнѣйшее движеніе. Мы должны знать что̀ мы дѣлаемъ. Наше поколѣніе держитъ въ своихъ рукахъ историческую будущность Русскаго народа. Наша задача такъ колоссальна, что поневолѣ становится жутко.

А между тѣмъ какъ легко, какъ формально смотрятъ на дѣло преобразованій иные изъ нашихъ прогрессистовъ? Лишь былъ бы прогрессъ,—а какой прогрессъ, это многихъ изъ нихъ нисколько не интересуетъ. Они восхищаются или забавляются самымъ процессомъ преобразованій, а о содержаніи реформъ не спрашиваютъ. Прогрессъ совсѣмъ превратился бы для нихъ въ формальное канцелярское дѣло, въ отписку, въ очистку нумера, еслибъ они не были воодушевлены какимъ-то необыкновенно восторженнымъ чувствомъ благожелательства. Въ этомъ надобно отдать имъ справедливость. Но увы! мы видимъ на опытѣ какъ мало помогаетъ имъ это поэтическое чувство.

И въ проектахъ устройства гимназій г. Воронова видно что составитель былъ исполненъ наилучшими намѣреніями, что онъ желалъ добра и процвѣтанія гимназій, что онъ безпокоился о недостаткахъ воспитанія и обученія, словомъ, видно что онъ человѣкъ благожелательный. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что осуществленіе проекта отстаиваемаго г. Вороновымъ нанесло бы такой чувствительный ударъ русскому народному просвѣщенію, что въ виду принятія его *bon gré, mal gré,* остается всѣми силами отстаивать *statu quo.* Не дуренъ также и проектъ, нѣсколько разъ подвергавшійся исправленію и нѣсколько разъ предлагавшійся внимательному обсужденію журналистики,—проектъ о начальныхъ училищахъ.Онъ составленъ—это видно ясно—подъ вліяніемъ мысли что образованіе весьма необходимо и весьма полезно для государства и общества; въ немъ видно желаніе снабдить этимъ образованіемъ наше крестьянское населеніе, хотя бы насильно. Но оказалось что этотъ проектъ даже и невозможенъ. Не говоря уже объ отводѣ десятинъ земли и обязательной работѣ, онъ требовалъ бездѣлицы—ежегодной издержки въ 12 милліоновъ рублей сер.;—тогда какъ весь бюджетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія едва доходитъ до 6 милліоновъ, и эта сумма, очевидно, не можетъ и не должна быть увеличиваема.

Такимъ проектамъ какъ не предпочесть настоящее положеніе дѣла? Оно по крайней мѣрѣ не исключаетъ возможности что въ близкомъ будущемъ, когда усовершенствуются способы выработки и обсужденія законодательныхъ проектовъ, произойдетъ поворотъ къ лучшему, съ меньшимъ рискомъ ошибки и съ меньшею опасностью серіозныхъ потерь.

Мы не хотимъ впрочемъ касаться, въ этой замѣткѣ, высшихъ общественныхъ интересовъ, каковы напримѣръ вопросы о положеніи духовенства, о народномъ образованіи. Что выше, то и болѣе подлежитъ спору. Мы намѣрены указать на вопросы низшаго порядка, гдѣ представляется болѣе очевидныхъ и безспорныхъ выводовъ.

Успѣшность или неуспѣшность исполненія особенно осязательны въ вопросахъ хозяйственныхъ. Потеряннаго рубля не

воротишь. Поэтому мы нѣсколько остановимся на нѣкоторыхъ изъ совершаемыхъ въ этой сферѣ реформъ.

И въ этой сферѣ, точно также какъ и въ другихъ, настроеніе прогрессивное не пугается ни многочисленности, ни колоссальности задачъ. Наоборотъ, настроеніе консервативное побуждаетъ браться только за то что необходимо нужно, не задаваясь множествомъ дѣлъ, а исполняя ихъ по возможности одно за другимъ и притомъ въ размѣрахъ по возможности скромныхъ.

Вотъ напримѣръ двѣ задачи: упрочить цѣнность кредитнаго рубля, освободивъ ее отъ колебаній, вредныхъ для торговли, это—одна задача—скромная, ограничивающаяся необходимымъ; другая задача—смѣлая, рискованная, зависящая отъ множества непредвидимыхъ обстоятельствъ, неизбѣжно сопряженная съ затрудненіями кризиса — состоитъ въ возстановленіи цѣнности кредитнаго рубля. Мы полагаемъ что только первая изъ этихъ задачъ раціональна, а во второй вовсе нѣтъ надобности. Но даже тѣ кто не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ должны признать наиболѣе правильнымъ такой ходъ дѣла, чтобы лишь по совершенномъ исполненіи первой задачи было приступлено къ исполненію второй. Итакъ, можно ли не жалѣть что скромная задача показалась мало заманчивою нашимъ дѣятелямъ, что большинство вліятельныхъ людей увлеклись желаніемъ искусственно возстановить курсъ кредитнаго рубля? Если Государственный Банкъ выдалъ золота и векселей всего на 120 милліоновъ, то чистой потери на операціи возстановленія кредитнаго рубля было никакъ не менѣе 10 милліоновъ рублей, которые были бы сбережены при болѣе скромномъ и консервативномъ образѣ дѣйствій.

Относительно цѣнности кредитнаго рубля еще подлежало вопросу, что лучше, возстановлять ли ее или просто упрочить. Но сколько задачъ несомнѣнно полезныхъ, за которыя однако же браться вредно? Чего лучше, напримѣръ, еслибъ удалось исполосовать всю Россію желѣзными дорогами, и еслибы каждую дорогу удалось построить не такъ какъ строятся желѣзныя дороги въ Америкѣ, а какъ построена наша Николаевская? Это

было бы счастье, но еслибы мы начали строить разомъ въ десяти мѣстахъ Россіи монументальныя желѣзныя дороги, то, разумѣется, не достроили бы ни одной. Кто не знаетъ, что даже то увлеченіе которое выразилось въ учрежденіи Главнаго Общества оказалось вреднымъ? Это Общество не построило намъ южной дороги, а между тѣмъ другія компаніи не могли взяться за южную дорогу, уступленную Главному Обществу, и удобное время было упущено.

Укажемъ еще на исторію съ банками.

Въ исторіи финансовыхъ учрежденій рѣдко встрѣчаются явленія подобныя ликвидаціи оборотовъ сохранныхъ казенъ опекунскихъ совѣтовъ. Банкъ, производившій громадные обороты въ теченіе столѣтія, пользовавшійся особымъ уваженіемъ со стороны правительства, которое оставляло его внѣ зависимости отъ государственнаго казначейства, заслуживший неограниченное довѣріе самыхъ низшихъ классовъ народа—вдругъ исчезаетъ съ лица земли. Реформа радикальная! нѣтъ сомнѣнія что безсрочные вклады ставили сохранную казну въ опасное положеніе, и что нужно было превратить ихъ въ срочные; нѣтъ сомнѣнія, что вслѣдствіе избытка кредитныхъ билетовъ, въ сохранныхъ казнахъ накопились капиталы остававшіеся безъ движенія: все это такъ.—но по устраненіи замѣченныхъ недостатковъ, заведеніе, теперь стертое съ лица земли, было бы навѣрно сохранено, еслибы въ рѣшеніи судьбы его болѣе участвовалъ консервативный голосъ интересовъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ. Этотъ консервативный голосъ сталъ бы можетъ-быть съ нѣкоторою неумѣренностію настаивать на томъ что внезапнаго разбора капиталовъ при довѣріи къ банку трудно ожидать, что огромными массами кредитныхъ билетовъ, скопившихся въ сохранныхъ казнахъ, лучше было бы воспользоваться государственному казначейству, для постройки желѣзныхъ дорогъ или для другихъ несомнѣнно полезныхъ и доходныхъ назначеній, чѣмъ выбрасывать ихъ на денежный рынокъ и тѣмъ вызывать безполезныя и разорительныя предпріятія. Можетъ-быть, повторяемъ, оказалась бы нѣкоторая неумѣренность и теоретическая неправильность въ этихъ указаніяхъ, но можно навѣрное

сказать что консервативный голосъ никогда не указалъ бы на пониженіе процентовъ и на новый выпускъ кредитныхъ билетовъ для воспособленія казеннымъ банкамъ при ликвидаціи вкладовъ, и что еслибы консервативный голосъ интересовъ былъ услышанъ, то какой бы дальнѣйшій ходъ ни приняло это дѣло, все-таки навѣрное сохранныя казны не были бы подорваны, вкладчики не бросились бы туда за своими капиталами, и не были бы принуждены помѣщать ихъ въ разныя рискованныя акціонерныя предпріятія, гдѣ значительная ихъ часть погибла съ явнымъ вредомъ для страны. Были и тогда выгодныя предпріятія, въ родѣ постройки южной желѣзной дороги, въ родѣ постройки Нижегородской дороги, но предпріятія эти были уже уступлены, и въ рукахъ Главнаго Общества сдѣлались столь же рискованными, какъ и любая акціонерная компанія изъ самыхъ гиблыхъ. Правительство нѣсколько разъ имѣло по контракту право конфисковать все дѣло Главнаго Общества. Оно не воспользовалось своимъ правомъ; оно принуждено было сдѣлать рядъ тяжелыхъ единовременныхъ и постоянныхъ уступокъ, которыя отзовутся на долгое время необходимостію включать по нѣскольку милліоновъ р. сер. въ бюджетъ для гарантіи дохода акціонерамъ. И въ то время когда Главное Общество было готово отступиться отъ южной желѣзной дороги, русскія акціонерныя компаніи тратили свои деньги на гиблыя предпріятія, невыгодныя для акціонеровъ и не имѣющія государственнаго значенія!

Вотъ еще одна особенность нашихъ преобразованій, побуждающая нерѣдко стоять за *statu quo*. У насъ существуютъ теперь десятки коммиссій, разрабатывающихъ различные вопросы. Коммиссіи эти составляются разными вѣдомствами изъ чиновниковъ, охотно допускаемъ это, образованныхъ и опытныхъ; чиновники эти вырабатываютъ громадные проекты, и представляютъ обширные томы изслѣдованій. Но какова должна быть точка зрѣнія этихъ коммиссій, уже по самому составу ихъ? Это точка зрѣнія не просто бюрократіи, а бюрократіи отдѣльнаго вѣдомства. Можетъ ли быть съ пользой допущена такая точка зрѣнія въ вопросахъ сложныхъ и важныхъ, гдѣ техни-

ческая сторона переплетается съ политическою до такой степени что ихъ раздѣлить невозможно? Вопросы въ родѣ судебной и земской реформы—эти вопросы не сродни, напримѣръ, вопросу о банковой системѣ или вопросу о желѣзныхъ дорогахъ. Они требуютъ не только техническаго изученія, но и правильной широкой точки зрѣнія на весь существующій порядокъ вещей и на всѣ элементы народной жизни.

Прочтите отдѣльный проектъ земскихъ учрежденій, отдѣльный проектъ судопроизводства и судоустройства, отдѣльный проектъ городоваго устройства или устройства полиціи. Каждый порознь можетъ быть очень хорошъ; но если поставить ихъ вмѣстѣ, что выйдетъ? На каждой страницѣ вы найдете самыя лучшія идеи: о самоуправленіи, о гласномъ и устномъ судопроизводствѣ, о присяжныхъ и т. п. Идеи и цѣли—внѣ спора. Но то же ли слѣдуетъ сказать о средствахъ? Не очевидно ли что судебная и земская реформы должны идти рука объ руку, что онѣ должны соотвѣтствовать нашимъ общественнымъ даннымъ, что въ противномъ случаѣ нельзя не опасаться чтобы не наплодилась у насъ куча присутственныхъ мѣстъ съ чиновниками, которымъ, для предохраненія ихъ отъ грѣхопаденія въ видѣ взяточничества, будетъ отпускаться широкое жалованье, не соотвѣтствующее ни ихъ дѣйствительнымъ услугамъ, ни средствамъ страны?

Труды и проекты отдѣльныхъ коммиссій поступаютъ, правда, для совокупнаго разсмотрѣнія въ Государственный Совѣтъ, но кто не знаетъ какъ бываетъ на практикѣ трудно перерабатывать совершенно готовые проекты, и какъ это въ особенности трудно для многолюднаго собранія? Впрочемъ, какъ извѣстно, не всѣ проекты восходятъ этимъ путемъ, обезпечивающимъ до нѣкоторой степени приведеніе ихъ къ одному знаменателю. Исключеніе составляютъ многія мѣры по военной части, о которой мы также позволимъ себѣ упомянуть.

Въ настоящую минуту преобразовывается въ самыхъ коренныхъ основаніяхъ наше военное устройство, и нѣтъ сомнѣнія что съ точки зрѣнія военнаго вѣдомства этимъ преобразованіемъ устраняются многіе важные недостатки прежней системы.

Положимъ даже что новое во всѣхъ отношеніяхъ лучше стараго со спеціально-военной точки зрѣнія. У насъ до сихъ поръ, напримѣръ, было, «за исключеніемъ гвардіи, гренадеръ и кавказской арміи, *только* 72 дѣйствующіе пѣхотные полка»; тогда какъ Франція имѣетъ 106 пѣхотныхъ полковъ, а Австрія—97. Въ настоящемъ году цифра пѣхотныхъ полковъ у насъ почти удвоена, и притомъ такимъ образомъ что это увеличеніе состава будетъ постоянною принадлежностію и мирнаго времени, съ тою разницей что до половины всѣхъ людей арміи будутъ увольняемы на время отпусковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ установлены *правильные* рекрутскіе наборы, съ сокращеніемъ срока службы, для образованія большаго запаса отпускныхъ чиновъ, которымъ армія и будетъ пользоваться при переходѣ на военное положеніе. Планъ широкій! Безспорно одно: еслибы государственная задача Россіи заключалась въ непрерывныхъ переходахъ войскъ отъ мирнаго на военное положеніе, то исполненіе всего этого плана представляло бы капитальныя выгоды въ сравненіи съ прежнею системой. Но не менѣе безспорно и то что съ точки зрѣнія мирныхъ гражданскихъ интересовъ военное преобразованіе должно представляться иначе чѣмъ съ военной. Безспорно также и то что такая коренная реформа, заходящая въ самыя нѣдра народной жизни, никакъ не можетъ быть вполнѣ удовлетворительно обсуждена съ исключительно-военной точки зрѣнія.

Спеціализація интересовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ ведетъ иногда къ весьма страннымъ явленіямъ. Кому не извѣстенъ изъ официальныхъ журналовъ споръ шедшій между нашимъ горнымъ и артиллерійскимъ вѣдомствами относительно поставки металловъ на оружейные заводы и чугунныхъ орудій въ артиллерію? Подъ вліяніемъ этого спора, мы даже заказывали въ Швеціи нѣсколько сотъ орудій, и правду сказать, получили оттуда издѣлія отнюдь не превосходнаго качества. Кому не извѣстно также что морское вѣдомство, послѣ долгихъ преній съ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ, отказалось отъ пріема казенныхъ лѣсовъ и стало покупать лѣсъ у частныхъ лицъ и преимущественно за границей?

Упомянемъ въ заключеніе еще о бережливости, составляющей такую очевидную потребность для нашихъ финансовъ. Это всѣмъ признается, и несмотря на всѣ заботы о сокращеніи издержекъ, мы видимъ одно движеніе въ постоянномъ направленіи: расходы на содержаніе различныхъ управленій, высшихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ, непрерывно увеличиваются и вызываютъ новые долги или новые налоги, въ такое время когда идетъ громадное экономическое явленіе,—разчетъ помѣщиковъ съ крестьянами, значительно увеличивающій обязательства государства. Расточительность есть всегдашняя принадлежность финансовъ государства дѣлающаго значительные займы. Опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что дабы противодѣйствовать расточительности, есть одно средство—не отступать отъ *statu quo* безъ крайней необходимости.

II.

3-го января.

Истекшій годъ былъ свидѣтелемъ удивительныхъ превратностей. Сравните въ какомъ положеніи засталъ онъ Россію, и въ какомъ положеніи онъ сдалъ ее своему преемнику. Тогда Россія находилась въ крайнемъ уничиженіи; она, казалось, утратила значеніе первоклассной державы; она подвергалась невыносимымъ оскорбленіямъ и угрозамъ; всякое дѣйствіе противъ нея считалось дозволительнымъ, всякій умыселъ возможнымъ, всякое предположеніе сбыточнымъ. Были сомнѣнія въ прочности ея внутренняго состава; были ожиданія что она разрушится отъ собственнаго безсилія. Мы помнимъ, какъ въ законодательныхъ собраніяхъ Европы торжественно возвѣщалось что все внутри Россіи объято пожаромъ революціи. Мы помнимъ что и въ самомъ дѣлѣ какіе-то подземные комитеты заявили у насъ свое существованіе чудовищными прокламаціями, Богъ знаетъ откуда вылетавшими. Мы не можемъ не помнить (это было еще такъ недавно!) сомнительное настроеніе

умомъ и недовѣріе съ которымъ всѣ озирались вокругъ, чего-то ожидая, чего-то опасаясь. Мы не можемъ не помнить какой духъ распространялся у насъ повсюду, всѣми путями единственной у насъ организаціи,—и чрезъ литературу подъ надзоромъ многоэтажной цензуры, и чрезъ учебныя заведенія подъ самымъ сложнымъ бюрократическимъ управленіемъ... наконецъ, какъ сказано выше, всѣми путями. Съ какимъ терроромъ дѣйствовалъ этотъ духъ! какъ поникли всѣ живыя силы общества, всѣ дѣйствительные интересы страны, даже простой здравый смыслъ людей! Какое повсюду было уныніе! Всякое слово внушаемое вѣрой въ величіе и будущность Россіи казалось сумасбродствомъ, или безсмысленнымъ хвастовствомъ. Были русскіе люди которые единственное спасеніе полагали въ малодушныхъ уступкахъ, въ безславіи, въ позорѣ,—въ самоуничтоженіи...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ какомъ положеніи находится теперь Россія? Мы не будемъ говорить сами, мы—Русскіе, мы можемъ быть пристрастны, мы можемъ болѣе или менѣе ошибиться въ оцѣнкѣ. Мы предоставимъ говорить другимъ. «Въ числѣ результатовъ принесенныхъ событіями минувшаго «года,» сказано въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ газеты *Times* по поводу праздника въ петербургскомъ Англійскомъ Клубѣ въ честь князя А. М. Горчакова, всего болѣе замѣчательно то что «Россія заняла свое прежнее мѣсто относительно западныхъ дер«жавъ... Польское возстаніе пробудило въ Русскомъ народѣ «глубокое патріотическое чувство; оно представило Россіи случай «стать предъ Англіей и Франціей съ поднятымъ челомъ, со смѣ«лымъ взглядомъ и ѣдкимъ словомъ на устахъ, къ величайшему тор«жеству ея собственнаго народа, и быть-можетъ къ восхищенію «значительной части европейской публики... Русскіе доказали «свою способность противостоять не только такъ-называемой евро«пейской революціи, но и союзу могущественныхъ и хорошо «организованныхъ государствъ. Они вынудили у насъ сознаніе «что мы не намѣрены поддерживать нашихъ увѣщаній силою «оружія. Они привели въ ясность то обстоятельство, что безъ

«европейской коалиціи Франція не въ силахъ тронуть ихъ въ «Польшѣ, и они увѣрены, что снова возымѣли свое давнее пре- «обладаніе надъ совѣтами Австріи.» «Невозможно,» заключаетъ между прочимъ упомянутая газета, «невозможно отказать въ «нѣкоторомъ чувствѣ уваженія и удивленія къ народу, обнару- «живающему такой духъ, какой обнаруживаютъ теперь Рус- скіе.» Мы не придаемъ никакой особенной цѣны этимъ вос- хваленіямъ Русскаго народа, точно также какъ не считали за- служивающими вниманія тѣ порицанія которыми еще такъ не- давно забрасывали Россію иностранныя газеты. Но эти слова, доносящіяся до насъ съ отдаленнаго Запада, свидѣтельствуютъ о перемѣнѣ происшедшей въ европейскомъ положеніи Россіи, и о впечатлѣніи которое она производитъ теперь въ Европѣ. Эта перемѣна произошла единственно вслѣдствіе того что Россія поступила не такъ какъ хотѣли заставить ее посту- пить, что она оперлась на свои собственныя силы, что она до- вѣрилась своему собственному чувству и смыслу.

Благотворный толчекъ разсѣялъ туманъ, разогналъ призраки, и Россія почувствовала себя тѣмъ что она дѣйствительно есть. Мы пережили тѣ счастливыя въ исторической жизни минуты, ко- торыя должны быть нормальнымъ состояніемъ у насъ,—мину- ты въ которыя чувствовалось полное единеніе между прави- тельствомъ и народомъ и животворное взаимнодѣйствіе между ними. Не тяжкая европейская война, не побѣды купленныя разореніемъ и кровію, нѣтъ!—только проблескъ, одинъ про- блескъ этого чувства, и положеніе дѣлъ измѣнилось мгновен- но, будто силою чаръ. Вмѣстѣ съ такою быстрою и порази- тельною перемѣной въ европейскомъ положеніи Россіи, какъ все измѣнилось внутри ея! какъ все оживилось! какой благо- датный духъ пробудился повсюду! Какъ подъ вліяніемъ этого духа легко и успѣшно стали уравниваться затрудненія, вызван- ныя великою крестьянскою реформой, какъ стали успокоивать- ся и улаживаться встревоженные и разстроенные интересы! Дай Богъ чтобъ это настроеніе продлилось; дай Богъ чтобы при- чины производящія такое животворное дѣйствіе водворились и упрочились навсегда въ нашемъ отечествѣ!

Откуда возникло мнѣніе о какой-то розни, о какомъ-то разладѣ между основными началами нашей народной жизни? Въ дѣйствительныхъ условіяхъ, мы знаемъ, нѣтъ никакой розни, никакого разлада. А между тѣмъ рознь чувствуется, разладъ сказывается. Вся сила, стало-быть, заключается въ мнѣніи. Мнѣніе можетъ не соотвѣтствовать дѣйствительнымъ условіямъ, но оно тѣмъ не менѣе есть сила и можетъ дѣйствовать какъ сила. Что же причиною фальшиваго мнѣнія о возможности какого-то разлада между основными началами нашей народной жизни?

Дѣло въ томъ, что въ Европѣ общественное мнѣніе давно уже стало главною ареной на которой дѣйствуютъ и мѣряются между собою общественныя силы и интересы. Нѣкоторые полагаютъ, что вся сила и все благо Россіи заключаются въ «молчаніи», въ отсутствіи общественнаго мнѣнія и болѣе или менѣе правильныхъ заявленій его. Мы не будемъ противъ этого спорить; положимъ, что это вѣрно. Итакъ, мы безмолвствуемъ: итакъ, у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія; итакъ, у насъ только случайно, и стало-быть не правильно слышатся заявленія общественныхъ интересовъ и національнаго чувства. Но при этомъ торжественномъ молчаніи, при этомъ величественномъ сумракѣ, покрывающемъ нашу жизнь, Европа шумитъ неугомонно, и пользуется всѣми средствами той могущественнѣйшею силой, которая называется человѣческимъ словомъ; всякій интересъ заявляетъ и отстаиваетъ себя; тамъ обо всемъ имѣются мнѣнія, тамъ есть мнѣнія и о Россіи и о русскихъ дѣлахъ; тамъ, разумѣется, русскія дѣла обсуждаются не съ той точки зрѣнія которая и полезна, и пригодна для Русскаго народа: тамъ, во всякомъ случаѣ, къ русскимъ дѣламъ прилагаются понятія совершенно имъ чуждыя. А между тѣмъ мнѣніе есть сила, какая бы то ни было, только сила, и сила великая, и сила эта дѣйствуетъ могущественно. За непмѣніемъ собственнаго мнѣнія, мы невольно подчиняемся чужимъ мнѣніямъ о насъ: мы вовлекаемся въ сферу чуждыхъ намъ идей и понятій и въ ней вращаемся. Мы живемъ и дѣйствуемъ въ Россіи, но

очень часто въ нашихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ мы соображаемся съ чужими, фальшивыми, и иногда прямо враждебными намъ мнѣніями. Мы привыкаемъ такимъ образомъ забывать о своей странѣ, о своемъ народѣ; мы привыкаемъ обходиться безъ своего собственнаго мнѣнія, и конфузимся, и не знаемъ куда дѣться, и негодуемъ, и удивляемся, когда вдругъ послышится намъ что-нибудь похожее на общественное мнѣніе въ Россіи. Оно звучитъ для насъ дикою разладицей; въ немъ все кажется намъ недозволительнымъ варварствомъ. И вотъ мы такимъ образомъ живемъ посреди Россіи, но смотримъ на всѣ предметы въ ней чужими глазами, и чувствуемъ себя въ ней чужими.

Да, много добраго завѣщалъ намъ истекшій годъ. Многое пробудилъ онъ въ насъ, на многое открылъ намъ глаза. Русское общественное мнѣніе доказало на дѣлѣ свое существованіе, оно заявило себя въ трудныя минуты, заявило себя силой способною дѣйствовать и могущественно, и благотворно. На первыхъ же порахъ, при своей неумѣлости, при своихъ скудныхъ средствахъ, оно успѣло выгодно помѣряться съ громадными организованными средствами европейской агитаціи. Пожеласмъ же на новый годъ, чтобы сила эта не осталась втунѣ, чтобъ она продолжала дѣйствовать въ томъ же смыслѣ и духѣ, чтобъ обстоятельства были ей благопріятны, чтобъ она могла вырости и укрѣпиться для блага Россіи, а стало-быть и Европы.

Но намъ не надобно плошать, не надобно ослабѣвать въ нашихъ заботахъ, не надобно засыпать въ нашемъ торжествѣ. Врагъ не дремлетъ и подстерегаетъ насъ. Мы должны держаться выше его угрозъ, но не поддаваться его льстивымъ увѣтамъ. Малѣйшее ослабленіе нашего національнаго духа, малѣйшее чувство возникающей розни и разлада въ нашей жизни, возвратитъ съ пущею силой всѣ наши опасности. Было первое испытаніе, и мы его выдержали успѣшно: не преминутъ послѣдовать другія,—и да поможетъ намъ Богъ выдержать ихъ такъ же успѣшно!

III.

4-го января.

Русскій Инвалидъ объявилъ что прекращаетъ начатую имъ самимъ бесѣду съ нами о казенныхъ газетахъ. Если ему не нравится предметъ бесѣды,—зачѣмъ же онъ начиналъ ее? Если ему не нравимся мы въ качествѣ собесѣдниковъ,—зачѣмъ же онъ, прерывая бесѣду, все-таки продолжаетъ ее и дѣлаетъ насъ самихъ ея предметомъ? По обычаю древнихъ Парѳянъ, отступая, онъ бросаетъ въ насъ тучу стрѣлъ. Обсужденіе общаго вопроса онъ превращаетъ въ какое-то личное дѣло, въ какую-то странную ссору. Онъ упрекаетъ насъ въ ненависти къ нему и очевидно думаетъ что мы заговорили о казенныхъ, или, лучше сказать, *полуофиціальныхъ* изданіяхъ, съ цѣлію досадить или повредить ему. Въ его выходкахъ все дышетъ какимъ-то сильно возбужденнымъ инстинктомъ самосохраненія. А между тѣмъ, какъ далеки были мы отъ побужденія враждовать противъ *Русскаго Инвалида*, или злоумышлять противъ его редакціи! Отнюдь не ожидали мы чтобы наше объясненіе могло превратиться въ вопросъ о *Русскомъ Инвалидѣ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Мы говорили вообще объ изданіяхъ полуофиціальныхъ, содержимыхъ казною, либо получающихъ казенныя субсидіи, либо пользующихся какими-нибудь правительственными привилегіями, либо имѣющихъ *приписную* публику,—и менѣе чѣмъ на всякое другое изданіе въ этомъ родѣ мѣтили мы на *Русскій Инвалидъ*. Мы говорили о принципѣ, а не о фактѣ. Принципъ можетъ быть дуренъ, а фактъ, благодаря той или другой случайности, можетъ быть хорошъ. Нынче *Русскій Инвалидъ* издается г. Романовскимъ; годъ тому назадъ онъ былъ въ рукахъ г. Писаревскаго: принципъ одинъ и тотъ же, но въ фактѣ есть различіе, и намъ всегда пріятно заявить это различіе, въ какія бы отношенія ни угодно было *Русскому Инвалиду* поставить себя къ намъ. Намъ скажутъ, что г. Писаревскій издавалъ *Русскій Инвалидъ* на другихъ основаніяхъ, именно на правѣ аренды. Но г. Писаревскій получилъ это право не вслѣдствіе открытаго состязанія, также не вслѣдствіе пріоб-

рѣтеннаго имъ въ публикѣ кредита; его образъ мыслей никому не былъ извѣстенъ; ему отдано было это изданіе,—эта значительная общественная сила,—единственно по распоряженію правительственнаго вѣдомства. И вотъ, единственно въ силу того принципа о которомъ идетъ рѣчь, былъ выдвинутъ новый литературный дѣятель, и онъ сталъ было до нѣкоторой степени общественною силой.... Въ истекшемъ году началось было ежедневное изданіе того же направленія и духа, какими отличалась газета г. Писаревскаго: мы разумѣемъ *Очерки*. Но эти *Очерки* были изданіе частное, не имѣвшее готовой публики, и оно не могло существовать и нѣсколькихъ мѣсяцевъ; оно скончалось естественною смертію за неимѣніемъ публики, тогда какъ *Современное Слово*, можетъ-быть, продолжало бы еще и теперь существовать, благодаря своему зачатію въ нѣдрахъ казеннаго изданія, завербовавшаго ему публику. Еслибъ издатель велъ свое дѣло нѣсколько искуснѣе, то очень вѣроятно что газета ускользнула бы и отъ насильственной смерти, которая вскорѣ постигла ее.

Русскій Инвалидъ находитъ что мы въ нашей аргументаціи прибѣгали къ какимъ-то «ухищреніямъ», и что всѣ наши ухищренія не въ силахъ доказать, что правительственныя лица не должны имѣть вліянія на общественное мнѣніе. Но мы никогда не думали развивать такой странный тезисъ. Мы, напротивъ, старались доказать, и притомъ вопреки *Русскому Инвалиду*, что находящимся въ правительствѣ лицамъ отнюдь не слѣдуетъ наглухо замыкаться въ офиціальной сферѣ, что имъ слѣдуетъ чувствовать себя живыми членами общества. *Русскій Инвалидъ* указываетъ на англійскихъ государственныхъ людей, которые будто бы, за правительственною дѣятельностію, не принимаютъ никакого участія въ литературѣ. Но мы, напротивъ, напомнили ему что англійскіе государственные люди очень охотно занимаются литературой; и дѣйствительно, бо́льшая часть значительныхъ государственныхъ людей Англіи ознаменовали себя болѣе или менѣе важными трудами по разнымъ частямъ, и это обстоятельство могло только возвышать ихъ достоинство. Вообще, люди значительные въ нашемъ обществѣ могли бы

оказывать величайшія заслуги отечеству живымъ, личнымъ участіемъ въ общественныхъ интересахъ. Это ихъ нравственный долгъ, это ихъ честь. Пора намъ перестать мыслить и говорить по-французски; пора намъ перестать жить нашею умственною жизнію за границей, пора искать и находить элементы для умственной и нравственной жизни у себя дома; пора намъ вносить въ общественный оборотъ весь имѣющійся у насъ капиталъ теоретическаго и практическаго знанія, свѣтскаго образованія, житейскаго опыта, соединеннаго съ разнообразными общественными положеніями: пора не одними официальными способами заботиться о русскомъ словѣ, чтобы дѣятельная сила его не оставалась въ исключительномъ распоряженіи Богъ знаетъ какихъ людей, Богъ знаетъ откуда пришедшихъ и Богъ знаетъ чего добивающихся. Еслибы всѣ наши государственные люди, управлявшіе или управляющіе дѣлами, были возвращены обществу, еслибъ имена ихъ не были только официальною силой, еслибы вообще ихъ дѣятельность была и видимѣе, и слышнѣе— какъ много выиграла бы страна и какъ много выиграли бы они сами! Имя какого-нибудь борзописца становится силою и переходитъ изъ устъ въ уста, а лица имѣющія дѣйствительное значеніе, оказавшія бо́льшія или меньшія заслуги отечеству, опытныя въ дѣлахъ, или представляющія собою важные и существенные интересы страны, остаются извѣстными только либо въ официальныхъ сферахъ, либо въ тѣсномъ кругу своихъ знакомыхъ, и имена ихъ ничего не говорятъ обществу.

Но всякая вещь есть единство многихъ разнородныхъ качествъ. Запахъ и вкусъ, звукъ и цвѣтъ, характеризующіе одну и ту же вещь,—качества самыя разнородныя и несоизмѣримыя. Чѣмъ выше гражданственность и образованіе, тѣмъ явственнѣе и рѣшительнѣе обозначаются различныя качества составляющія принадлежность одного и того же лица въ обществѣ. Правительственное лицо только тогда можетъ дѣйствовать удовлетворительно, когда его официальныя качества не смѣшиваются, по произволу, съ неофиціальными. Только при строгой раздѣльности между казенными и частными средствами, между официальною и неофиціальною дѣятельностію, между правительственнымъ

полномочіемъ и личною свободой, одно и то же лицо можетъ успѣшно и благотворно дѣйствовать и въ той, и въ другой сферѣ. Вмѣшательство офиціальнаго элемента въ неофиціальный сопровождается всегда вредными послѣдствіями какъ для того, такъ и для другаго. Можно утвердительно сказать что никогда систематическое смѣшеніе одного съ другимъ не проходило безнаказанно; всегда оно оставляло послѣ себя какой-нибудь глубокій и существенный вредъ, и всегда приходится исторія тяжко расплачиваться за него рано или поздно.

Русскій Инвалидъ хочетъ открытаго и прямаго дѣйствія. Онъ протестуетъ противъ двусмысленныхъ отношеній между правительственнымъ лицомъ и частнымъ изданіемъ. Но что же можетъ быть двусмысленнѣе этихъ изданій—на половину офиціальныхъ, на половину неофиціальныхъ,—изданій въ которыхъ частныя мнѣнія проводятся въ публику на казенный счетъ, неофиціальныя статьи получаютъ офиціальныхъ читателей, и какое-либо вовсе *необязательное* направленіе идей получаетъ форсированный ходъ? Что можетъ быть двусмысленнѣе имѣющихся у насъ офиціальныхъ изданій съ неофиціальнымъ отдѣломъ? Какъ фактъ, они могутъ быть удовлетворительны; какъ случайность, они могутъ быть терпимы; но какая нужна рѣшимость для того чтобы возводить подобный фактъ въ принципъ, чтобы систематизировать подобную случайность!

По непонятной несообразительности *Русскій Инвалидъ* увѣряетъ что онъ только офиціальныя вещи печатаетъ на казенный счетъ, а статьи своего неофиціальнаго отдѣла печатаетъ на счетъ своихъ подписчиковъ. Какъ будто офиціальный и неофиціальный отдѣлъ одной и той же газеты суть два разныя изданія, только печатаемыя въ одной типографіи; какъ будто это не одинъ и тотъ же листъ; какъ будто не все равно, изъ праваго или изъ лѣваго кармана оплачиваются строчки выше или ниже извѣстной черты! Странный разчетъ! Но деньги деньгами. Еще важнѣе денегъ то правительственное значеніе которое дается листку, бо́льшая часть котораго не имѣетъ, не можетъ и не должна имѣть правительственнаго, то-есть обязательнаго значенія. Не все ли это то же, что дѣлать

частную газету правительственнымъ органомъ? Не значитъ ли это давать, посредствомъ правительственной силы, форспированный курсъ мнѣніямъ, въ ущербъ другимъ столь же дозволительнымъ мнѣніямъ? Не значитъ ли это искуственно создавать направленіе, которое, можетъ-быть, не имѣетъ «внутренней правды», или не имѣетъ основанія въ дѣйствительности? Не значитъ ли это вносить въ дѣло двусмысліе, и стало-быть фальшь, и стало-быть сѣмя вредныхъ послѣдствій? Въ натурѣ вещей черта между неофиціальнымъ и офиціальнымъ какъ нельзя болѣе явственна: не уважать этой черты, забывать ее, не значитъ ли дѣйствовать вопреки натурѣ вещей? А каково же возводить смѣшеніе столь разнородныхъ началъ въ силу правила!

Намъ кажется что все это понимается само-собою безо всякихъ «ухищреній». Можетъ ли это быть предметомъ спора? Что же касается до того или другаго факта, напримѣръ до нынѣшняго *Русскаго Инвалида*, то, повторяемъ, мы никогда и не думали спорить о его достоинствѣ,—мы напротивъ пользовались всякимъ случаемъ отдать справедливость его достоинствамъ. Въ мірѣ не все дѣлается по правиламъ, міръ полонъ исключеній, и мы отнесли *Русскій Инвалидъ* къ весьма счастливымъ исключеніямъ. Кто не согласится, что если ужь непремѣнно нужно давать форспированный курсъ какому-либо органу, то лучше давать его *Русскому Инвалиду*, который издается подъ непосредственнымъ надзоромъ и отвѣтственностію всѣми достойно уважаемаго правительственнаго лица, нежели напримѣръ *Биржевымъ Вѣдомостямъ*, отъ направленія которыхъ отрекается правительственное вѣдомство, которое даетъ имъ въ то же время и форспированный курсъ, и обязательныхъ читателей.

Мы очень сожалѣемъ что *Русскій Инвалидъ*, съ самаго начала, понялъ этотъ вопросъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы сочли нужнымъ заговорить о немъ. Онъ понялъ вопросъ какъ дѣло спеціально касающееся его, и вздумалъ защищаться. Чтобъ отплатить намъ тою же воображаемою монетой онъ поднялъ вопросъ о *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Общее правило всякой порядочной бесѣды: о чемъ бы ни шла рѣчь,

собесѣдники составляютъ исключеніе. А *Русскій Инвалидъ* прибѣгнулъ къ странному аргументу, чтобы принудить насъ къ отступленію: онъ напомнилъ намъ что и *Московскія Вѣдомости* — также казенное изданіе, и что онѣ пользуются нѣкоторою привилегіей,» состоящею въ обязательномъ печатаніи казенныхъ объявленій; онъ попрекнулъ насъ выгодами, которыми, по его разчету, должны мы пользоваться вслѣдствіе этого обстоятельства. Можетъ ли быть что-нибудь страннѣе подобной аргументаціи? Положимъ что разчеты *Русскаго Инвалида* вѣрны; положимъ что мы пользуемся огромными выгодами вслѣдствіе преимущества предоставленнаго *Московскимъ Вѣдомостямъ*: ослабляетъ ли это силу нашихъ доводовъ, не придаетъ ли это имъ напротивъ особенную силу? Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ соединенъ съ личными интересами для каждаго помѣщика, и однакоже предполагалось что помѣщики могли обсуждать его. Не странно ли было бы сказать тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые еще до реформы освободившей крестьянъ привѣтствовали эту мѣру и заявляли ея необходимость,— не странно ли было бы возражать имъ: «молчите! вы идете противъ принципа собственнаго существованія! вы—владѣльцы крѣпостныхъ душъ, и между тѣмъ поднимаете голосъ противъ крѣпостнаго права.» Никому, казалось бы, не могло придти въ голову такое странное возраженіе.—а между тѣмъ *Русскій Инвалидъ*, находя что и наше изданіе пользуется своего рода преимуществомъ, упрекаетъ насъ за то что мы подняли вопросъ, съ которымъ, по его мнѣнію, связаны наши интересы. Онъ поставилъ намъ на видъ матеріальное процвѣтаніе, какъ онъ выразился, *Московскихъ Вѣдомостей*, вслѣдствіе принадлежащей имъ привилегіи. Но какое же отношеніе имѣетъ это обстоятельство къ поднятому вопросу?

Мы очень сожалѣемъ что *Русскій Инвалидъ* вызвалъ насъ на такія объясненія, и совершенно согласны съ нимъ что они не имѣютъ интереса для публики. Да падетъ же на него вся отвѣтственность за эти объясненія!

Какія бы привилегіи ни соединялись съ фирмою *Московскихъ Вѣдомостей*,—мы не пользуемся никакими. Эта фирма пред-

оставлялась не намъ, а всякому извѣстному и незаподозрѣнному лицу, которое пожелало бы взять ее. Не возьми ее мы, она досталась бы другимъ. Требовалось только сполна исчерпать цѣнность какую можетъ имѣть эта фирма. Цѣнность эта не была назначена произвольно. Нынѣшніе владѣльцы фирмы *Московскихъ Вѣдомостей* пріобрѣли ее не по протекціи, не келейнымъ образомъ, не по какому-либо предпочтенію; они пріобрѣли ее вслѣдствіе открытаго состязанія, на которое могъ явиться всякій, и на которое дѣйствительно явились многіе, явились, между прочимъ, лица хорошо знакомыя съ условіями литературнаго предпріятія и со всѣми обстоятельствами *Московскихъ Вѣдомостей*. Явились люди достаточно способные и взвѣсить всѣ шансы, и какъ слѣдуетъ воспользоваться ими. Публичное состязаніе исчерпало всю ту цѣнность которую имѣетъ фирма *Московскихъ Вѣдомостей*. Какой же смыслъ упрекать насъ въ привилегіи, которую могъ пріобрѣсти всякій, и которой цѣнность исчерпана единственнымъ въ подобныхъ случаяхъ средствомъ—свободною конкурренціей? Положимъ что мы пользуемся отъ этой привилегіи «матеріальнымъ процвѣтаніемъ», какъ выражается *Русскій Инвалидъ*; но какое же имѣетъ онъ право ставить намъ на видъ это «матеріальное процвѣтаніе», если оно куплено за полную цѣну, самымъ законнымъ изъ всѣхъ возможныхъ способовъ пріобрѣтенія, съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій благопріятныхъ для продающаго, неблагопріятныхъ для покупающаго? И почему же думаетъ *Русскій Инвалидъ* что мы пожалѣли бы объ этой привилегіи, еслибы правительство рѣшило собрать въ одинъ центральный, чисто-оффиціальный органъ все оффиціальное, отъ правительственныхъ распоряженій до казенныхъ объявленій, и такимъ образомъ эмансипировало бы нашу печать отъ всего казеннаго и отъ всѣхъ привилегій, такъ чтобы всѣ дозволительныя мнѣнія, всѣ дозволительныя направленія могли развиваться каждое въ силу своей «внутренней правды», какъ выразился *Русскій Инвалидъ*, или въ силу дѣйствительно существующихъ въ обществѣ интересовъ? Смѣемъ увѣрить его что никто болѣе насъ не былъ бы радъ этому; но мы спѣшимъ успокоить *Русскій Инвалидъ*: наши интересы

ни мало не пострадали бы отъ этого. Требуется только чтобы въ неофиціальной сферѣ не оставалось уже никакихъ офиціальныхъ поддержекъ, которыя нарушаютъ естественное теченіе жизни, создаютъ фальшивыя силы, неспособныя противиться злу, но способныя стать энергическимъ оружіемъ зла, если оно какъ-нибудь закрадется въ дѣло. Правительственныя лица, какъ и всякія другія, могутъ симпатизировать болѣе одному чѣмъ другому дозволительному мнѣнію; но только тогда положеніе печати можетъ быть признано удовлетворительнымъ и нормальнымъ, только тогда она можетъ стать истинно полезною силой, когда каждое изъ дозволительныхъ направленій или мнѣній будетъ равно обезпечено и не будетъ стѣсняемо ни прямо, ни косвенно примѣсью правительственнаго элемента и казенныхъ средствъ къ дѣлу личныхъ симпатій и антипатій. Этого требуетъ справедливость, этого требуетъ польза общества, этого требуетъ правильное и здравое развитіе мнѣній; ибо искусственная и несправедливая поддержка, давая силу тому что не имѣетъ внутренней силы, можетъ производить только разстройство и замѣшательство. Въ сущности, она дастъ силу только дурному, а доброму подобныя пособія пойдутъ въ прокъ; они не увеличиваютъ, а уменьшаютъ его силу. Значительная доля зла которымъ страдаетъ наше образованіе, фальшивыя направленія которыя возникли въ нашей литературѣ и пріобрѣтали вліяніе, были плодомъ различныхъ нарушеній естественнаго теченія жизни. Можно доказать это съ полною очевидностью, и мы еще не разъ возвратимся къ этому интересному предмету, несмотря на то что *Русскій Инвалидъ* отказывается отъ бесѣды съ нами.

Прекращая свою бесѣду съ нами, онъ подвергаетъ сомнѣнію добросовѣстность вызванныхъ имъ самимъ показаній нашихъ о дѣлѣ близко насъ касающемся, и не считаетъ нужнымъ объяснить, какое онъ имѣетъ основаніе для своихъ сомнѣній. Тотъ не долженъ начинать рѣчь, кто не хочетъ кончить ее. Кто позволяетъ себѣ заявить сомнѣніе въ добросовѣстности чьихъ-либо показаній, тотъ долженъ немедленно доказать почему онъ такъ думаетъ, тотъ не имѣетъ права прервать рѣчь подъ тѣмъ предлогомъ что продолжать ее было бы «неинтересно». Это—элементарное правило общежитія

IV.

8-го января.

Изо всѣхъ мѣръ и патріотическихъ дѣйствій вызываемыхъ положеніемъ вещей въ нашемъ западномъ краѣ напменѣе можетъ подлежать какому-либо недоразумѣнію то что̀ клонится къ поддержанію православныхъ храмовъ и православнаго духовенства. Дѣло здѣсь такъ само по себѣ ясно и такъ настоятельно, что всякое адвокатство въ его пользу могло бы развѣ только ослабить его. Неукоснительныя пособія требуются здѣсь во имя православной церкви, во имя русской народности, во имя Русскаго государства, наконецъ во имя столькихъ милліоновъ бѣднаго, темнаго, загнаннаго люда, оставшагося между костеломъ и церковью. Религіозная мысль и политическая мудрость, нравственное чувство и чувство народное говорятъ здѣсь заодно и соединяютъ въ этомъ направленіи всѣ общественные интересы.

Кому озаботиться положеніемъ церквей и духовенства въ западномъ краѣ и первоначальнымъ обученіемъ народа, которое главнымъ образомъ должно сосредоточиваться въ рукахъ духовенства? Если церковь наша находилась и доселѣ еще находится здѣсь въ такомъ бѣдственномъ положеніи что оказываются необходимыми самыя энергическія усилія для ея поддержанія, то не падаетъ ли отвѣтственность за это главнымъ образомъ на самую церковь, не слѣдуетъ ли поставить ей въ вину грустное положеніе православія въ западномъ краѣ? Неужели, можно бы спросить, неужели православная церковь не нашла въ себѣ достаточно усердія для того чтобъ и поддержать, и умножить, и украсить свои храмы въ тѣхъ мѣстахъ которыя наконецъ возвращены ей послѣ долгаго плѣненія? Эти области уже давно вошли въ составъ Россійской Имперіи, русская народность есть господствующая въ нихъ народность, и православная церковь есть господствующая въ нихъ церковь. Ни особенныхъ усилій или трудовъ, а тѣмъ менѣе опасностей, не предстояло, повидимому, православной церкви для исполненія ея призванія въ этихъ мѣстахъ. Дѣло шло не объ отда-

ленныхъ странахъ, не о проложеніи новыхъ путей Христовой вѣрѣ, не о миссіонерскихъ экспедиціяхъ; требовались заботы православной церкви объ ея собственной паствѣ, объ ея собственныхъ храмахъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи, подъ охраной русскихъ законовъ; чѣмъ же объяснить такое небреженіе въ которомъ находятся интересы православной церкви въ западномъ краѣ? Не служитъ ли это небреженіе печальнымъ свидѣтельствомъ объ упадкѣ духа въ самой церкви и о ея безсиліи?

Наша церковь не имѣетъ и не хочетъ имѣть свѣтской власти. У ней нѣтъ своего особаго государя, какого имѣетъ римская церковь въ лицѣ папы; въ государствѣ она не государство. Всякое притязаніе на свѣтскую власть чуждо основаніямъ и противно духу нашей церкви: все кесарство отдаетъ она кесарю, и въ этомъ заключается главная сила, отдѣляющая ее отъ латинской церкви. Но не имѣя притязанія на свѣтскую власть, она можетъ желать и требовать себѣ свободы. Относясь къ высшему порядку міроправленія, не принадлежащему къ царству міра сего, она есть въ то же время сила призванная дѣйствовать и въ этомъ мірѣ, посреди всѣхъ его условій. Въ качествѣ великой общественной силы, она можетъ быть также самостоятельною и свободною, какъ и въ своей внутренней собственно-церковной жизни; она, какъ и всякая общественная сила, — и болѣе чѣмъ всякая другая, — можетъ желать полной и обезпеченной свободы дѣйствія. Если она не хочетъ властвовать, то, какъ и всякая общественная сила, она можетъ и должна имѣть свободу для того чтобы нести отвѣтственность за свои дѣйствія и за свое положеніе. Въ силу исторической необходимости, общественная свобода была у насъ вездѣ пріостановлена и задержана; церковь раздѣляла въ этомъ отношеніи общую участь. Она утратила свои имѣнія, на которыхъ опирались ея матеріальная сила и значеніе; она утратила также то начало самопроизвольнаго движенія, безъ котораго никакая нравственная сила не можетъ дѣйствовать; она почти совсѣмъ утратила значеніе свободной, самоопредѣляющейся силы, а съ тѣмъ вмѣстѣ утратила и энергію, необхо-

димую для дѣятельности. Сама она почти ничего не могла предпринимать. Положеніе духовенства, его школъ, ея отношенія къ другимъ общественнымъ силамъ,—все это подчинялось внѣшнимъ вліяніямъ и не зависило отъ ея собственныхъ, сознаваемыхъ ею потребностей, все это находилось внѣ ея собственнаго самостоятельнаго контроля. Вотъ почему на нашей церкви не лежитъ отвѣтственность за упадокъ ея учрежденій, тамъ гдѣ этотъ упадокъ замѣчается, за неудовлетворительное положеніе духовныхъ школъ, за равнодушіе и апатію духовенства, за водворившійся въ ней бюрократическій формализмъ, и даже за развитіе чуждаго ея духу *левитизма*, со всѣми его вредными послѣдствіями какъ для церкви, такъ и для народной жизни вообще. На ней стало-быть не лежитъ отвѣтственность и за бѣдственное положеніе православія въ западномъ краѣ. Она молилась и священнодѣйствовала въ своихъ храмахъ, она исполняла духовныя требы своихъ дѣтей; но она не дѣйствовала какъ общественная сила, потому что не имѣла ни свободы, ни духа начинанія, ни средствъ для дѣйствія.

Всѣ заботы о потребностяхъ общественныхъ лежали у насъ на правительствѣ. На немъ стало-быть главнымъ образомъ лежали и заботы о поддержаніи православія въ западномъ краѣ. Что могло быть сдѣлано правительственными средствами, то болѣе или менѣе и дѣлалось. Прошедшее царствованіе было ознаменовано важнымъ событіемъ, положившимъ конецъ той фальшивой сдѣлкѣ между латинствомъ и православіемъ которая извѣстна подъ именемъ уніи. Возникшее въ самомъ уніатскомъ духовенствѣ западнаго края стремленіе къ возсоединенію съ православною церковію было поддержано правительствомъ, и дѣло возсоединенія совершилось легко. Оставалось только воспользоваться его плодами; но для этого оказались недостаточными правительственныя средства; для этого требовались новыя условія, новыя силы; для этого требовалось пробужденіе духа жизни и начинанія въ людяхъ и общественныхъ интересахъ. До этого дѣло еще не доходило, и возсоединенныя съ церковію народонаселенія западнаго края доселѣ оставались безъ поддержки. Бѣдные храмы подгнивали и рушились; они

были лишены необходимыхъ церковныхъ принадлежностей, даже богослужебныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ православною церковію, въ такомъ же небреженіи находилась и самая народность русская, которая сосредоточивается здѣсь преимущественно въ крестьянскомъ сословіи. Коренной людъ есть въ этихъ мѣстахъ, за малыми исключеніями, людъ православный и русскій; но онъ находился въ униженіи и рабствѣ, и надъ нимъ господствовало землевладѣльческое сословіе, которое почти все исповѣдуетъ иную, непріязненную православной, вѣру, и хранитъ притязанія враждебныя Русскому государству. Какъ православныя русскія народонаселенія находились въ порабощеніи, такъ и самая церковь въ этихъ мѣстахъ, несмотря на титло господствующей церкви, находилась въ порабощеніи; какъ русская народность была унижена, такъ была унижена и православная церковь; скудна и жалка была доля русскаго люда въ этихъ мѣстахъ, скудно и жалко было положеніе въ этихъ мѣстахъ православной церкви. Одно другому служило символомъ, русская народность и православная церковь; положеніе одной служило характеристическимъ признакомъ положенія другой; и та и другая находилась въ нищетѣ, презрѣніи и загонѣ. Могли ли эти бѣдныя, несчастныя, забитыя крестьянскія народонаселенія западнаго края поддерживать собственными средствами благолѣпіе своихъ храмовъ, особенно въ присутствіи богатыхъ и могущественныхъ польскихъ пановъ и латинскаго духовенства, которыя надъ ними тяготѣли? Помощь могла придти только изнутри Россіи, но русскія общественныя силы, какъ церковныя такъ и свѣтскія, равно были бездѣйственны, и стало-быть помощь могла придти только изъ одного источника,—изъ государственнаго казначейства.

Но вопросъ о положеніи православія въ западномъ краѣ не есть вопросъ чисто церковный; онъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, есть также и вопросъ государственный. Не одно христіанское чувство, но также и политическая мудрость, какъ замѣчено выше, заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Поддержаніе православія въ этихъ мѣстахъ было бы настоятельною необходимостію для Русскаго государства даже въ томъ случаѣ

еслибъ оно было свободно отъ всякихъ обязательствъ относительно охраны церковныхъ интересовъ, еслибы на немъ не лежала отвѣтственность взятой имъ на себя опеки. Даже при полномъ развитіи свободнаго общественнаго начинанія, даже при полной самостоятельности церковныхъ учрежденій, было бы необходимо большее или меньшее государственное участіе въ этомъ дѣлѣ. Дѣло это именно такого свойства что оно до нѣкоторой степени требуетъ пособія обязательнаго, то-есть пособія изъ государственнаго казначейства. Нѣкоторая доля изъ суммъ государственныхъ сборовъ, обращенная на поддержаніе православныхъ храмовъ въ западномъ краѣ, есть дѣло большей государственной необходимости чѣмъ напримѣръ такъ-называемый «церковный налогъ» въ Англіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія что всякій плательщикъ податей, дѣйствительно преданный Русскому государству и желающій ему пользы, хотя бы онъ былъ и не православнаго исповѣданія, даже не христіанинъ, согласился бы въ необходимости пособія православнымъ храмамъ въ западномъ краѣ изъ государственныхъ суммъ.

На поддержаніе православныхъ храмовъ въ западномъ краѣ было особенно обращено вниманіе съ 1852 года. Сначала было отпущено изъ государственнаго казначейства пятьсотъ тысячъ на этотъ предметъ; но когда правительство ознакомилось ближе съ состояніемъ церквей въ западномъ краѣ, когда раскрылись всѣ ихъ нужды, сумма эта оказалась крайне недостаточною, и отпущенъ былъ еще милліонъ.

Слава Богу, въ нашей администраціи нашлось лицо которое повело это дѣло не только съ высокою добросовѣстностію, но съ горячимъ усердіемъ и энергіей личнаго дѣла. На отпущенныя суммы, начиная съ 1859 года по настоящее время, осмотрѣно свыше восьми сотъ церквей, возобновлено и построено четыреста, и изъ нихъ уже болѣе половины сдано въ духовное вѣдомство. При небольшихъ ассигнованныхъ на этотъ предметъ средствахъ, такого результата можно было достигнуть лишь съ помощію величайшей бережливости и заботливости, съ какими обыкновенно не дѣлаются казенныя дѣла. При осмотрѣ

церквей, при оцѣнкѣ стоимости строительныхъ матеріаловъ, задѣльной платы и т. п., всегда приглашались прихожане, и ни одинъ актъ, ни одна разцѣнка, какъ намъ сообщаютъ, не составлялись иначе какъ по ихъ приговорамъ, и часто сами прихожане принимали на себя работы по устройству собственныхъ храмовъ. Одною изъ причинъ успѣха было отсутствіе формальностей, и главное — отсутствіе *прижимокъ* при выдачѣ суммъ по условіямъ. За этимъ неусыпно наблюдали на мѣстахъ довѣренныя отъ главнаго руководителя лица, выбранныя изъ числа офицеровъ генеральнаго штаба, достаточно знакомыя со строительною частію, благонамѣренныя и усердныя. Благодаря трудамъ этихъ офицеровъ, были собраны подробныя этнографическія и статистическія данныя, относящіяся какъ къ сѣверо-западному, такъ и къ юго-западному краю и послужившія матеріаломъ для великолѣпнаго изданія, которое представляетъ драгоцѣнное пособіе для изученія этого края, но можетъ украсить собою лишь немногія библіотеки. Оно напечатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не свыше кажется ста, и не предназначено къ продажѣ. Это *Атласъ народонаселенія западно-русскаго края по вѣроисповѣданіямъ*, составленный при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ канцеляріи завѣдующаго устройствомъ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ, П. Н. Батюшкова. Въ этомъ атласѣ, громадномъ по своимъ размѣрамъ, съ возможною точностію обозначены вѣроисповѣданія западнаго края и показаны отношенія ихъ къ этнографическимъ элементамъ. Каждая церковь во всѣхъ девяти губерніяхъ обозначена особо.

Возобновленіемъ и постройкою храмовъ не ограничиваются потребности православія въ западномъ краѣ. И старые, и новые храмы требуютъ утвари, книгъ, облаченій; при церквахъ есть и вновь заводятся поселянскія школы; эти школы нуждаются въ учебныхъ пособіяхъ. Для всего этого надобно было обратиться къ добровольнымъ приношеніямъ. Живое участіе, съ которымъ поведено было это дѣло, ручалось за успѣхъ.

Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ и всѣ члены Императорской Фамиліи, высшее

общество въ Петербургѣ и лица купеческаго сословія въ Москвѣ покрыли своими пожертвованіями нужды болѣе двухъ тысячъ церквей западнаго края, кромѣ кіевскихъ, которыя не требовали пособія. По приглашенію высокопреосвященнаго митрополита Московскаго Филарета, приняли въ этомъ дѣлѣ участіе церкви и монастыри его епархіи. Предметы отправленные на мѣста не *застряли* въ консисторіяхъ и дошли благополучно до церквей, для которыхъ были предназначены. Независимо отъ пожертвованія для церквей, поступили приношенія и въ пользу поселянскихъ школъ учебными пособіями, а для причта книгами духовно-нравственнаго содержанія. До сорока тысячъ книгъ собраны и уже почти всѣ получены на мѣстахъ.

Личное участіе—сила могущественная; только оно вноситъ жизнь въ дѣло, только оно оплодотворяетъ его. Но частная дѣятельность и личное участіе въ свободномъ общественномъ дѣлѣ имѣетъ особенное значеніе на высотѣ трона.

Мы не забудемъ того чувства съ которымъ было принято пожертвованіе въ пользу русскихъ воиновъ и ихъ семействъ, присланное отъ Государыни Императрицы къ намъ, въ редакцію частной газеты, когда мы открыли подписку на этотъ предметъ при началѣ польскаго мятежа. Мы легко можемъ понять чувство духовенства и прихожанъ въ бѣдномъ западномъ краѣ при полученіи вкладовъ отъ русскихъ людей, во главѣ которыхъ, и заодно съ ними, какъ русскіе люди и дѣти православной церкви, находятся Государь Императоръ, снабдившій 50 церквей богослужебными книгами, и Государыня Императрица, принимающая особенное участіе въ этомъ дѣлѣ и надѣлившая всѣмъ необходимымъ по одной церкви въ каждомъ уѣздѣ трехъ губерній, Витебской, Могилевской и Минской.

Кромѣ этого главнаго канала которымъ текутъ пожертвованія въ пользу церквей западнаго края, снабдившія церковною утварью и книгами уже до 2.000 мѣстностей,—образовалось много мелкихъ, отдѣльныхъ каналовъ, благодаря учреждающимся церковнымъ братствамъ. Всякій можетъ легко вступить въ непосредственныя сношенія съ тѣмъ или другимъ православнымъ храмомъ западнаго края и записаться въ число его

братчикомъ; всякій такимъ образомъ можетъ, въ своей мѣстности, стать живымъ центромъ заботливости и попеченій о томъ или другомъ изъ православныхъ приходовъ или православныхъ храмовъ и пересылать въ избранную церковь свои посильныя приношенія и сборы.

Остается только желать чтобы пробуждающійся духъ дѣйствія въ нашемъ обществѣ не оказался явленіемъ поверхностнымъ, чтобъ онъ укрѣплялся и входилъ въ силу, и чтобъ административная опека, снимая свою печать съ нашей жизни, открывала ему пути и сдавала ему одно за другимъ всѣ тѣ дѣла которыя только онъ одинъ можетъ и оживять и повести съ успѣхомъ.

V.

9-го января.

Мы получили первые нумера *Виленскаго Вѣстника* (*Kurjer Wileński*) за наступившій годъ, и видимъ въ этомъ изданіи не совсѣмъ утѣшительный признакъ того неопредѣленнаго и двусмысленнаго положенія въ которомъ еще находится этотъ край. *Виленскій Вѣстникъ* попрежнему издается на двухъ языкахъ, русскомъ и польскомъ. Зачѣмъ эта двойственность въ газетѣ правительственной? Западный край—русскій ли край или нѣтъ? Если нѣтъ, зачѣмъ же мы отстаиваемъ его, зачѣмъ же тамъ льется кровь, зачѣмъ же мы не отдаемъ его Полякамъ? Если же это край русскій, зачѣмъ же мы правительственнымъ способомъ создаемъ символъ который поддерживаетъ фальшивую двойственность въ этомъ краѣ?

Мы не понимаемъ, почему бы въ Вильнѣ, Минскѣ, или хоть бы въ самомъ Кіевѣ или даже въ Москвѣ, не издаваться частнымъ газетамъ на польскомъ языкѣ; мы не понимаемъ какія могутъ быть затрудненія для частныхъ литературныхъ предпріятій на польскомъ языкѣ. Но мы точно также не понимаемъ, почему правительство должно издавать въ этомъ краѣ свой органъ на польскомъ языкѣ. Если языкъ присутственныхъ мѣстъ въ этомъ

край есть русскій, если языкъ казенныхъ школъ также есть русскій (мы не понимаемъ, почему преподаваніе закона Божія по римско-католическому вѣроученію должно составлять исключеніе), то нельзя отыскать ни малѣйшаго основанія для объясненія почему необходимо издавать тамъ правительственную газету на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, кромѣ чисто русскаго. Вотъ подобныя-то двусмыслія и поддерживаютъ смуту въ умахъ, свидѣтельствуя о какой-то странной нерѣшительности, неясности и неопредѣленности отношеній! Нѣтъ ни малѣйшей надобности стѣснять частныя предпріятія, нѣтъ ни малѣйшей пользы не допускать изданія чисто-польской газеты въ западномъ краѣ, тѣмъ болѣе что тамъ легко могутъ быть получаемы польскія газеты изъ Варшавы. За содержаніемъ и направленіемъ газеты можетъ слѣдить и правительство, и общество; польскій же языкъ частной газеты не можетъ означать ничего иного, кромѣ желанія тѣхъ или другихъ лицъ писать и читать на языкѣ который имъ болѣе близокъ или болѣе пріятенъ,—желанія законнаго, на которое имѣетъ право всякій въ благоустроенномъ обществѣ. Но будущій историкъ нашихъ временъ будетъ тщетно пытаться объяснить себѣ почему, даже въ 1864 году, въ Вильнѣ издается правительственная газета, гдѣ на казенный счетъ сочиняются и печатаются на польскомъ языкѣ разныя статейки и фельетоны.

VI.

10-го января.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ въ дополненіе ко вчерашней замѣткѣ нашей о *Виленскомъ Вѣстникѣ*. Но прежде всего спѣшимъ оговорить досадную типографскую оплошность, вслѣдствіе которой попали въ печать нѣсколько наскоро написанныхъ и вычеркнутыхъ нами въ корректурѣ словъ, которыя невѣрно передаютъ нашу мысль. За вопросомъ: «западный край—русскій ли край или нѣтъ» въ напечатанномъ слѣдуетъ: «если нѣтъ, то зачѣмъ же мы отстаиваемъ его» и т. д. Этого

нельзя сказать. Нѣтъ, мы должны были бы отстаивать этотъ край и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ не былъ русскій по большинству своего народонаселенія. Мы должны отстаивать всякую часть Русскаго государства, какой бы ни была она народности и какой бы языкъ ни употреблялся большинствомъ ея народонаселенія. Сила заключается въ томъ что въ западномъ краѣ офиціальнымъ языкомъ признается русскій, и вопросъ возвращается въ такомъ видѣ: если въ западномъ краѣ признается только одинъ офиціальный языкъ, зачѣмъ же издается тамъ правительственная газета на двухъ языкахъ?

Мѣстная газета, въ родѣ *Виленскаго Вѣстника*, не можетъ удовлетворять потребностямъ людей принадлежащихъ къ высшимъ общественнымъ классамъ, людей достаточныхъ, болѣе или менѣе образованныхъ и болѣе или менѣе прихотливыхъ по части чтенія. Помѣщики, желающіе слѣдить за политическими событіями или имѣть пріятное и полезное чтеніе, не будутъ довольствоваться подобною газетой. Имъ представляется обширный выборъ газетъ всякаго рода, издаваемыхъ внутри и за границей на всевозможныхъ языкахъ. Мѣстная газета какъ *Виленскій Вѣстникъ* можетъ читаться преимущественно лишь въ среднихъ и низшихъ общественныхъ классахъ, но хотя въ западномъ краѣ громадное большинство народонаселенія принадлежитъ къ русскому корню, однако надобно сообразить что этотъ край долгое время былъ отчужденъ отъ русской народности и русскаго литературнаго языка; надобно сообразить что тамъ и до сихъ поръ вліятельные классы состоятъ преимущественно изъ Поляковъ. Мы очень мало сдѣлали для распространенія въ тѣхъ мѣстахъ русскаго образованія и русскаго литературнаго языка. Извѣстно что тамъ даже въ семействахъ православныхъ священниковъ употребляются польскіе молитвенники, на изданіе которыхъ нѣтъ никакой монополіи и которые стало-быть подручнѣе русскихъ; такъ и календарь въ ходу не русскій, а польскій, который и дешевле и болѣе приспособленъ къ мѣстнымъ потребностямъ, и какъ изданіе частное дѣятельнѣе ищетъ себѣ покупателей, чѣмъ русскій, который составляетъ монополію Академіи Наукъ. Наконецъ, нельзя

отрицать что тамошній русскій людъ, при своемъ грубомъ мѣстномъ нарѣчіи, съ трудомъ могъ защищаться отъ литературнаго польскаго языка, употребляемаго вокругъ образованными классами; нельзя отрицать что обстоятельства въ которыхъ долгое время находился этотъ край сами собою болѣе или менѣе ополячивали людей русской народности и вынуждали ихъ, при извѣстной степени грамотности и образованія, и говорить, и мыслить на польскомъ языкѣ. Теперь спрашивается, есть ли надобность искусственно усиливать эти естественныя послѣдствія обстоятельствъ посредствомъ газеты правительственной?

Впрочемъ, слѣдуетъ указать также и на значительную перемѣну происшедшую въ изданіи *Виленскаго Вѣстника* съ нынѣшняго года. Прежде въ немъ на русскомъ и польскомъ языкахъ излагались разныя матеріи, и отдѣлъ неофиціальный, представлявшій наиболѣе занимательное чтеніе, излагался преимущественно по-польски. Теперь этого нѣтъ, и половина газеты излагается изъ строки въ строку и по-русски, и по-польски. Желающіе могутъ читать одно и то же по-русски и по польски. Перемѣна конечно значительная,—но, спрашивается: къ чему же эта напрасная трата казенной бумаги? Къ чему одно и то же излагается въ газетѣ на двухъ языкахъ? Не пріобрѣтаетъ ли она, вслѣдствіе этого, характеръ какого-то страннаго символизма?

VII.

11-го января.

Каждый годъ приноситъ намъ какія-нибудь новыя полезныя изобрѣтенія. Безпрерывно расширяются предѣлы власти человѣка надъ природой, безпрерывно поступаютъ въ его распоряженіе новые элементы богатства и силы. Желѣзныя дороги, телеграфы.... но, да не подумаетъ читатель что мы намѣрены пуститься въ исчисленіе и характеристику изобрѣтеній и открытій усилившихъ, украсившихъ и обогатившихъ человѣческую жизнь. Мы заговорили объ этомъ только для того чтобы немедленно

перейти къ другому. Мы хотимъ только спросить себя, почему въ новѣйшее время такъ быстро и такъ могущественно растетъ власть человѣка надъ природой. Всѣ безспорно согласятся что этимъ мы обязаны развитію положительныхъ знаній, и всѣ рукоплещутъ успѣхамъ естествовѣдѣнія. Но чему обязаны положительныя науки своимъ успѣхомъ, своими плодотворными для жизни результатами? Естественныя науки съ полною рѣшимостію отказались отъ отвлеченныхъ построеній и взяли въ основаніе опытъ; онѣ слѣдуютъ такъ-называемому индуктивному методу, онѣ отыскиваютъ общіе законы явленій, посредствомъ тщательнаго изученія существующаго; онѣ не хотятъ знать никакихъ общихъ положеній, кромѣ тѣхъ которыя вырабатываются шагъ за шагомъ изъ матеріала даннаго въ опытѣ. Общіе законы, посредствомъ которыхъ онѣ овладѣваютъ міромъ человѣческаго опыта, суть не что иное какъ обобщенные факты, какъ подведенныя подъ общую точку зрѣнія группы данныхъ явленій. Такъ поступаетъ положительное знаніе по отношенію къ природѣ; такимъ способомъ разумъ человѣческій плодотворно законодательствуетъ въ распоряженіи ея силами.

Разумъ человѣческій занимался не одно тысячелѣтіе созерцаніемъ идей и умозрительнымъ построеніемъ природы; но какъ ни велики подвиги его по этой части, какъ ни величественны созданныя имъ системы, какую бы великую цѣну ни имѣли онѣ какъ факты въ исторіи умственнаго развитія человѣчества,— онѣ, какъ извѣстно, ни на шагъ не подвинули людей въ законодательствѣ надъ міромъ окружающихъ явленій, ни на волосъ не прибавили къ его власти надъ явленіями и силами природы. Необходимо было пойти въ противную сторону, необходимо было взяться съ полнымъ самоотверженіемъ за существующее для того чтобъ овладѣть существующимъ. Прежде проходили вѣка, и человѣкъ оставался совершеннымъ младенцемъ въ окружающемъ мірѣ явленій; великіе умы, создавшіе удивительныя системы, ходили какъ слѣпые посреди вещей; напрасно налагали они на природу свои формулы, вещи ихъ не слушались. А теперь, какъ мы видимъ, каждый день свидѣтельствуетъ о какомъ-либо новомъ завоеваніи человѣка въ окружающемъ мірѣ.

Но если разумъ человѣческій пересталъ добиваться власти надъ природой посредствомъ умозрительныхъ построекъ, то еще не видно чтобы люди готовы были отказаться отъ умозрительныхъ созданій въ человѣческихъ обществахъ. Всѣ — большіе мастера хвалить естествовѣдѣніе и вообще положительныя науки, всѣ любятъ пользоваться ихъ результатами, но не всѣ любятъ пользоваться ихъ примѣромъ. Умозрѣніе и созерцаніе идей, это одно: но реальное познаніе, овладѣвающее живыми силами, пользующееся ихъ дѣйствіями, создающее новыя формы и комбинаціи, возвышающее, украшающее и исправляющее природу,— это другое. Это двѣ сферы не имѣющія ничего между собою общаго. Въ человѣческихъ обществахъ также—исправлять существующее, возвышать и преобразовывать жизнь есть одно дѣло: а создать постройки на основаніи отвлеченныхъ идей и взглядовъ—дѣло совершенно иное. Что умозрительныя системы относительно природы, то въ человѣческихъ обществахъ регламентація жизни посредствомъ сочиняемыхъ законовъ. И вотъ, что давно уже оказалось совершенно непригоднымъ по отношенію къ природѣ, то еще считается наилучшимъ способомъ по отношенію къ человѣческимъ обществамъ. Какъ старые схоластики напизывали *королларіи* на *дефиниціи* и были увѣрены что они такимъ способомъ законодательствуютъ надъ окружающею природой, такъ и до сихъ поръ доктринеры французской школы, всякихъ оттѣнковъ, остаются еще увѣрены что они споспѣшествуютъ развитію жизни въ человѣческихъ обществахъ путемъ отвлеченныхъ созданій налагаемыхъ на жизнь.

Возьмите отдѣльнаго человѣка: что составляетъ его истинную силу, его вѣсъ, его характеръ? Отвлеченные ли принципы которые сидятъ въ его головѣ въ видѣ затверженныхъ формулъ и фразъ, или то что выработано имъ изъ своего опыта, изъ индивидуальныхъ стихій его природы, изъ дѣйствительныхъ условій его жизни? Кто не согласится что только та мысль и дѣйствуетъ въ человѣкѣ плодотворно, только та мысль и оказывается въ немъ силой, которая выработана изъ собственныхъ элементовъ его существованія? Все прочее только болѣзненно надмеваетъ голову; все прочее оказывается ложью, фальшивыми

претензіями, которыя существенно портятъ людей. Не затверженные съ чужаго голоса слова, а выработанныя собственнымъ мышленіемъ понятія составляютъ силу человѣка; не напускныя, мнимыя чувствованія, создаваемыя воображеніемъ, даютъ цѣну его сердцу, а тѣ которыя не прежде называютъ себя по имени, какъ обнаружатъ свое дѣйствіе во всемъ существѣ человѣка. Только тѣ общія правила не обманутъ человѣка въ минуту дѣйствія, которыя тѣсно связаны съ навыками и наклонностями и знаютъ всѣ пути его организма. Только то, однимъ словомъ, есть не ложная сила въ человѣкѣ, только то составляетъ его истинный характеръ, въ чемъ выражается его индивидуальность, что выработалось въ немъ изъ глубины его природы, а не наложено на него только сверху.

Что составляетъ достоинство и силу отдѣльнаго человѣка, то, mutatis mutandis, составляетъ достоинство и силу политической организаціи обществъ. Какъ задача воспитанія состоитъ не въ томъ чтобы вносить въ голову готовыя формулы, тяжкимъ хламомъ подавляющія производительность мышленія и не имѣющія связи ни съ сердцемъ, ни съ волею человѣка; такъ и задача законодательства въ политическихъ обществахъ состоитъ не въ томъ чтобы вносить въ него симметрическія учрежденія и подводить жизнь подъ регламенты. Законодательство политическое дѣйствуетъ плодотворно и успѣшно, когда оно держится тѣхъ же самыхъ способовъ посредствомъ которыхъ положительное знаніе законодательствуетъ въ природѣ. Оно дѣйствуетъ плодотворно и успѣшно, поскольку изучаетъ существующее и находитъ въ немъ элементы для своихъ созиданій; оно дѣйствуетъ плодотворно только тогда, когда не задается отвлеченными формулами, какъ бы онѣ ни *казались* вѣрными, и не руководствуется никакими готовыми рубриками; когда оно не налагаетъ законовъ, а открываетъ ихъ въ существующемъ, какъ естествоиспытатель не налагаетъ законовъ на природу, а открываетъ ихъ въ ней. Достоинство учрежденій состоитъ не въ томъ каковы они сами по себѣ, взятыя отвлеченно: они должны быть только средствомъ, никогда цѣлію. Чѣмъ менѣе учрежденіе заботится о самомъ себѣ, тѣмъ бываетъ лучше. Оно

хорошо только тогда когда хорошо для потребностей жизни, а не для артистическаго созерцанія. Оно хорошо только тогда когда въ немъ группируются дѣйствительно данныя силы; когда оно не стѣсняетъ ихъ регламентаціей какого бы то ни было свойства, хотя бы повидимому самаго либеральнаго, но полагаетъ всю свою задачу лишь въ томъ чтобы служить прямымъ выраженіемъ потребностей жизни, оплодотворяя ее и давая ей просторъ. Учрежденія создаваемыя подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было формулъ, взятыхъ не изъ жизни, поражаютъ безплодіемъ существующія силы и производятъ силы фальшивыя, отъ которыхъ добра не бываетъ. Гдѣ законодательство дѣйствуетъ не по отвлеченнымъ принципамъ, а на основаніи существующаго, съ полнымъ уваженіемъ къ его интересамъ, тамъ только и дѣйствуетъ оно либерально, и только въ тѣхъ политическихъ обществахъ, гдѣ оно дѣйствуетъ такимъ образомъ, свобода не есть пустое слово, а истина. Другой свободы въ политическихъ обществахъ не бываетъ и быть не можетъ Она заключается не въ тѣхъ или другихъ учрежденіяхъ, сочиненныхъ въ канцеляріи или провозглашенныхъ учредительными собраніями, а въ тѣхъ элементахъ изъ какихъ учрежденія создаются, и въ тѣхъ способахъ какими они примѣняются къ жизни. Что плодотворное знаніе въ наукѣ, то свобода въ политическихъ обществахъ.

Начало наступившаго года ознаменовано у насъ обнародованіемъ новыхъ учрежденій, которыя отнынѣ вводятся въ нашу земскую жизнь. Вчера въ нашей газетѣ напечатанъ былъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о введеніи въ дѣйствіе новыхъ земскихъ учрежденій. Обсуждать ихъ теперь было бы и неумѣстно, и безплодно. Они—совершившійся фактъ, и отнынѣ сама жизнь будетъ для нихъ пробою. Она сама скажетъ, въ какой мѣрѣ согласуются они съ ея дѣйствительными положеніями. Но, со введеніемъ въ жизнь этихъ учрежденій, для правительства возникаетъ новая, еще болѣе важная задача чѣмъ составленіе проекта этихъ учрежденій,—задача примѣненія ихъ къ жизни. Правительству дорого не учрежденіе, а благо той жизни и тѣхъ интересовъ для которыхъ учрежденія создаются

и приводятся въ дѣйствіе. Не жизнь оно будетъ пріурочивать къ учрежденіямъ, а учрежденія къ жизни. Оно не обвинитъ жизни, еслибы въ томъ или другомъ отношеніи не оказалось удовлетворительныхъ результатовъ, а прежде всего посмотритъ нѣтъ ли въ самомъ учрежденіи чего-нибудь не соотвѣтствующаго жизни. Успѣхъ закона будетъ зависѣть отъ той податливости, отъ той готовности согласоваться съ жизнію и уступать ея требованіямъ, которыми онъ будетъ одушевленъ въ своемъ примѣненіи. При этомъ условіи самые недостатки учрежденія, еслибы недостатки оказались, принесутъ великую пользу. При мудрой зоркости и либеральности примѣненія, оно и въ этомъ случаѣ сослужитъ плодотворную службу: оно исполнитъ назначеніе тѣхъ искусныхъ вопросовъ, которые естествоиспытатель предлагаетъ природѣ и на которые, при изощренномъ вниманіи съ его стороны, она даетъ опредѣленные отвѣты, расширяющіе область плодотворнаго знанія въ наукѣ,—область свободы въ политическихъ обществахъ.

Мы не можемъ, однако, не указать на одно, по нашему мнѣнію, самое важное значеніе новаго закона. Онъ впервые призываетъ у насъ къ жизни *земство*, какъ великую, всеобъемлющую, общественную силу. Это одно уже сообщаетъ новому закону высокую цѣну. Впервые теперь является у насъ цѣльное земство, свободное отъ существовавшей доселѣ организаціи по правамъ состоянія, и впервые является общественная группа *землевладѣльцевъ*. Это великій шагъ. Регламентъ учрежденій можетъ измѣниться, они могутъ уступить свое мѣсто другимъ; но это останется. Останется земство, какъ типическая физіономія Русскаго народа. Въ этомъ главная сила закона.

VIII.

13-го января.

Земская управа или мировой съѣздъ? Такъ спрашивали себя, конечно, весьма многіе русскіе люди, принимающіе къ сердцу благо своего отечества, когда доходили до нихъ вѣсти о заго-

товлявшемся проектѣ земскихъ учрежденій. При словѣ мировой съѣздъ уму представлялось учрежденіе на долю котораго досталась чрезвычайно трудная обязанность и которое исполнило ее такъ успѣшно, какъ никто не ожидалъ,—учрежденіе недавнее, но испытанное, уже оказавшее несомнѣнныя услуги странѣ и обнаружившее свою благодѣтельную силу можетъ-быть всего болѣе на тѣхъ односторонностяхъ, которыя отчасти были искусственно введены въ него изъ сферъ чуждыхъ земству, отчасти были слѣдствіемъ исключительныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ происхожденіе мироваго института. Эти односторонности, которыя дѣйствовали бы разрушительно, еслибы явились въ иной формѣ, напримѣръ, бюрократической, значительно смягчались и умѣрялись обстановкой мироваго института, и хотя вызывали справедливыя жалобы, но не причиняли всѣхъ тѣхъ послѣдствій которыхъ можно было опасаться. Много было и другихъ условій, необходимыхъ по обстоятельствамъ, но дававшихъ мировому институту не свойственный ему видъ: къ этимъ необходимымъ, но въ то же время не вполнѣ правильнымъ условіямъ относится напримѣръ несмѣняемость мировыхъ посредниковъ. Но живая сила института ослабляла вредное вліяніе подобныхъ неправильностей, и безпристрастный наблюдатель долженъ признать уѣздныя мировыя учрѣжденія однимъ изъ лучшихъ учрежденій Россіи. Нельзя не упомянуть также что они учрежденіе обстрѣленное, подвергавшееся не только свободной критикѣ, но и порицаніямъ самымъ безцеремоннымъ, и въ своихъ основаніяхъ выдержавшее съ честью весь этотъ напоръ. Едва ли какое другое учрежденіе въ Россіи было бы въ состояніи сохранить свою репутацію въ такой передѣлкѣ, какой подвергались мировые посредники и мировые съѣзды съ первой минуты ихъ учрежденія. А надобно еще замѣтить, что исполняя новыя законоположенія, потревожившія интересы многихъ, они безвинно навлекали на себя гнѣвъ многихъ лицъ, безсознательно срывавшихъ сердце на исполнителяхъ закона, чтобы на комъ-нибудь дать волю своему чувству досады. Но какъ ни мало были расположены помѣщики щадить мировыхъ посредниковъ, какъ ни широкъ былъ просторъ

который печать имѣла возможность предоставить всѣмъ обвиненіямъ, порицаніямъ и даже придиркамъ направленнымъ на уѣздныя мировыя учрежденія, вышла ли наружу хоть сотая доля того что̀ можетъ быть обнаружено относительно многихъ другихъ учрежденій, безъ особенныхъ усилій и безъ особеннаго интереса обличать и придираться? Уѣздныя мировыя учрежденія — единственный нашъ институтъ котораго дѣйствія подлежатъ полной, ничѣмъ не стѣсненной гласности, а вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, эта гласность получила еще желчный характеръ. И что̀ же? Тѣ прискорбныя уклоненія, безъ которыхъ не обошлось это дѣло,—что̀ значатъ они въ сравненіи съ тѣмъ что̀ было бы при другомъ устройствѣ этой части? Кому, какъ не мировымъ посредникамъ, обязаны мы спокойнымъ ходомъ реформы, тѣмъ ненарушимымъ миромъ который царствуетъ теперь въ нашихъ селахъ, наконецъ тѣмъ взаимнымъ доброжелательствомъ которое видимо возстановляется между нашими двумя сельскими сословіями? Вотъ какія мысли невольно возникали въ умѣ при словѣ *мировой съѣздъ*, по поводу размышленій о томъ что̀ будетъ внесено въ жизнь новыми земскими учрежденіями. Напротивъ, со словами *земская управа* не соединялось ничего опредѣленнаго.

Итакъ, съ одной стороны предъ нами было учрежденіе безспорно удавшееся и представлявшее вѣрныя ручательства дальнѣйшаго успѣха. Съ другой стороны—безвѣстное будущее, за которое никто поручиться не можетъ. Вотъ тотъ контрастъ, который такъ сильно склонялъ къ желанію чтобы земскія учрежденія примкнули къ мировымъ. Въ мировыхъ учрежденіяхъ привлекалъ успѣхъ ихъ увѣнчавшій; въ предполагавшихся земскихъ управахъ пугала безвѣстность ожидавшей ихъ судьбы.

Къ этому присоединялся еще опытъ недавнихъ лѣтъ. Наряду съ мировыми учрежденіями мы въ послѣднее время видѣли другое, также новое учрежденіе—городскія думы. Хотя это учрежденіе, испытанное лишь въ двухъ столицахъ, и принесло, сравнительно съ прежнимъ, нѣкоторую пользу, но мысль которая осуществилась въ городскомъ устройствѣ обѣихъ столицъ стоитъ неизмѣримо ниже мысли положенной въ основаніе

мировыхъ учрежденій, имѣющихъ не коллегіальный, а корпоративный характеръ. Общая дума, разбитая на сословія и состоящая изъ членовъ которые могутъ дѣйствовать почти только въ коммиссіяхъ, страдаетъ двумя повидимому противоположными недостатками, неповоротливостью и вмѣстѣ поспѣшностью въ произнесеніи приговоровъ,—недостатками, которые не разъ обнаруживались въ Петербургѣ, гдѣ опытъ былъ продолжительнѣе чѣмъ въ Москвѣ. Но общая дума все-таки сколько-нибудь улучшила городское хозяйство Петербурга, а что сказать о думахъ распорядительныхъ? Кому неизвѣстны петербургскія исторіи съ распорядительною думой? Въ Москвѣ дѣло еще до того не дошло, и мы не хотимъ тревожить московскую распорядительную думу зловѣщими предсказаніями, хотя не можемъ скрыть, что иные московскіе жители не замѣчаютъ большаго различія между московскою распорядительною думой, учрежденіемъ новымъ, и напримѣръ управой благочинія, учрежденіемъ которое признается неудовлетворительнымъ и требующимъ преобразованія. А какъ бы, кажется, не пріискать людей для распорядительной думы въ Петербургѣ или Москвѣ, гдѣ людей такъ много, и гдѣ есть столько охотниковъ на каждое мѣсто? Не очевидно ли, что есть какой-нибудь недостатокъ въ самомъ устройствѣ распорядительныхъ думъ?

Этотъ опытъ заставлялъ еще болѣе задумываться надъ проектомъ земскихъ учрежденій, который въ первоначальномъ своемъ видѣ очень близко подходилъ, и по духу и по исполненію, къ плану городскаго устройства испытанному въ Петербургѣ и Москвѣ. Естественно возникала мысль, что трудно будетъ устроить по уѣздамъ коллегіи въ родѣ распорядительныхъ думъ, когда и столичныя коллегіи этого рода, какъ старыя, такъ и новыя, далеко не заслужили себѣ лавровъ.

Такъ представлялось это дѣло, а потому понятна живость желанія чтобы законодательство при начертаніи устройства земскихъ управъ отклонилось отъ образца представляемаго распорядительными думами и обратило вниманіе на мировые съѣзды, учрежденіе гораздо болѣе удавшееся и, что особенно важно, удавшееся именно въ уѣздахъ. Только тогда, казалось, будетъ

дѣйствительное самоуправленіе въ нашихъ уѣздахъ, когда все оно сосредоточится въ мировомъ съѣздѣ; только тогда земское дѣло перестанетъ быть канцелярскимъ дѣломъ, и не присутственное мѣсто будетъ заниматься въ присутственной камерѣ уѣзднаго города перепиской объ уѣздномъ благоустройствѣ, а живые люди, живущіе въ разныхъ пунктахъ уѣзда, и притомъ люди надежные, будутъ наблюдать за благоустройствомъ уѣзда и полагать свое честолюбіе въ заботѣ о немъ.

Не было ли однако же поспѣшности въ этихъ желаніяхъ? Если дѣйствительно сама жизнь требуетъ чтобы мировые съѣзды были вмѣстѣ и земскими управами, то все чего на первый разъ можно ожидать отъ законодательства ограничивается воздержностью отъ такихъ предписаній которыя стали бы поперекъ требованіямъ жизни. Законодательство погрѣшило бы, еслибы воспрепятствовало осуществленію требованій жизни, но оно можетъ-быть тоже погрѣшило бы, еслибы взялось само формулировать ихъ. Во всякомъ случаѣ, благоразумнѣе со стороны законодательства не брать на себя исполненія того что̀ можетъ быть свободно совершено самою жизнію, а въ вопросѣ о сліяніи земскихъ управъ съ мировыми съѣздами это тѣмъ благоразумнѣе что сами мировые съѣзды—учрежденіе временное, еще подлежащее переработкѣ.

Высочайше утвержденное Положеніе 1-го января остановилось по этому вопросу именно на томъ предѣлѣ на которомъ должно было остановиться. Въ Положеніи нѣтъ ни одного пункта который воспрепятствовалъ бы уѣздному земству составить уѣздную управу тождественную съ мировымъ съѣздомъ, если только земство найдетъ это полезнымъ. Члены управы сравнены съ мировыми посредниками въ томъ отношеніи что могутъ быть удаляемы отъ должности не иначе какъ по опредѣленію Правительствующаго Сената (§ 117 Положенія); они освобождены отъ обязанности жить въ уѣздномъ городѣ (§ 99); число ихъ можетъ быть измѣняемо, по усмотрѣнію уѣзднаго собранія, отъ трехъ до шести, безъ предварительнаго разрѣшенія губернской или центральной власти (§ 46), а такъ какъ уѣздныя собранія

имѣютъ право, сверхъ членовъ управы, выбирать уполномоченныхъ для исполненія *разныхъ порученій* (§ 59), то на практикѣ число членовъ управы можетъ быть увеличено и сверхъ шести. Словомъ, въ тѣхъ уѣздахъ гдѣ земство довольно своимъ мировымъ съѣздомъ оно не встрѣтитъ никакого препятствія превратить весь съѣздъ въ уѣздную управу. Положеніе 1-го января предоставляетъ земству полную свободу дѣйствія, но воздержавшись отъ предписаній которыя могли бы стѣснить эту свободу, оно не пошло далѣе, и нельзя не признать что оно поступило благоразумно. Гдѣ мировой съѣздъ, въ силу выборовъ, сдѣлается земскою управой, тамъ это будетъ слѣдствіемъ свободнаго рѣшенія. Сама жизнь покажетъ чего она требуетъ, а между тѣмъ мировые посредники будутъ замѣнены мировыми судьями, и тогда законодательство будетъ въ состояніи пойти далѣе, уже руководясь несомнѣнными данными.

Наши уѣзды бѣдны не только людьми; они бѣдны и средствами. Если сокращеніе мировыхъ участковъ, причинившее такъ много тревоги, и не было настоятельною финансовою необходимостью, то нельзя отрицать что сборъ на мировыя учрежденія вызываетъ жалобы. Что же будетъ, когда къ этому сбору присоединится сборъ можетъ-быть еще болѣе значительный на земскія учрежденія, губернскія и уѣздныя? Даже съ точки зрѣнія народнаго хозяйства нельзя желать чтобы расходы на уѣздное управленіе увеличились также непомѣрно, какъ напримѣръ увеличились расходы на управленіе города Москвы. Что можетъ вынести большой городъ, то будетъ тяжко для уѣзда. Если же уѣздъ и не будетъ скупиться на жалованье членамъ управы, то кто поручится что они будутъ ему стоить только одного жалованья? Развѣ жалованье обезпечиваетъ отъ злоупотребленій? Противъ взяточничества одно средство—выбирать людей извѣстнаго общественнаго положенія, но такихъ людей трудно будетъ заохотить къ засѣданію въ управѣ. Между тѣмъ посредники, и такъ уже обязанные собираться на съѣздъ, могутъ взять на себя безъ отягощенія отправленіе тѣхъ немногихъ дѣлъ которыя будутъ лежать на уѣздной управѣ. По всему

вѣроятію, даже не потребуется увеличивать ихъ жалованье, и земскія средства будутъ отягощены только назначеніемъ хорошаго жалованья для канцелярій.

Такимъ образомъ простой разчетъ долженъ побудить земство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ это только возможно къ возложенію функцій земской управы на мировой съѣздъ. Нельзя сомнѣваться что члены мировыхъ учрежденій со своей стороны будутъ содѣйствовать этому направленію дѣла. Можетъ ли укрываться отъ нихъ неизмѣримая важность того института который имъ ввѣренъ судьбой и котораго будущность во многомъ отъ нихъ зависитъ? Но для того чтобъ онъ занялъ подобающее ему мѣсто, онъ долженъ сдѣлаться органомъ полнаго уѣзднаго самоуправленія. Только въ этомъ случаѣ будетъ упрочена его будущность, и онъ будетъ привлекать къ себѣ такія силы какія нужны для его преуспѣянія.

Въ средѣ гдѣ все шатко, мировыя учрежденія тоже не могутъ не подвергаться нѣкоторому колебанію. Новая полиція, увлекаясь своимъ бюрократическимъ положеніемъ, составляющимъ необыкновенное явленіе въ жизни нашихъ уѣздовъ, позволяетъ себѣ заявлять притязанія на вмѣшательство въ мировое вѣдомство, требующія энергическаго отпора. Съ другой стороны, сокращеніе мировыхъ участковъ открыло просторъ для произвола мѣстной администраціи, находящагося въ очевидномъ противорѣчіи съ видами высшаго правительства. Прискорбно упоминать о такомъ случаѣ, какъ, напримѣръ, выходъ въ отставку цѣлыхъ мировыхъ съѣздовъ, еще вчера признававшихся образцовыми. Дѣйствуя такимъ образомъ, мѣстныя власти плохо понимаютъ свое призваніе, состоящее въ томъ чтобы поддерживать мѣры правительства въ ихъ настоящемъ значеніи, а не бросать на нихъ невыгодную и невѣрную тѣнь. Власть должна уважать и оберегать существующее, особенно въ такихъ драгоцѣнныхъ его проявленіяхъ которыя принадлежатъ къ лучшимъ украшеніямъ нашей публичной жизни.

IX.

14-го января.

Законъ 1-го января имѣетъ особенную важность не столько по тѣмъ спеціальнымъ учрежденіямъ (собраніямъ и управамъ) которыя онъ создаетъ, сколько по тѣмъ началамъ которыя онъ вызываетъ въ нашей народной организаціи. Въ этихъ-то началахъ заключается его главное значеніе. До сихъ поръ Русскій народъ не имѣлъ совокупной организаціи; теперь онъ имѣетъ ее. До сихъ поръ мы имѣли отдѣльныя гражданскія состоянія, чуждыя другъ другу, раздроблявшія народъ или скрывавшія его единство, и препятствовавшія теченію его жизни; теперь положено начало живой и цѣльной общественной организаціи земства, основанной на одномъ всеобщемъ началѣ собственности. До сихъ поръ у насъ было замкнутое сословіе дворянъ-помѣщиковъ; теперь мы получаемъ вольную группу землевладѣльческихъ классовъ, къ которой будутъ принадлежать люди всѣхъ состояній при извѣстномъ размѣрѣ поземельной собственности и въ которой дворянство не просто придетъ въ соприкосновеніе съ другими сословіями, какъ въ городскихъ думахъ, но вступитъ въ органическую связь съ народомъ. Трудно исчерпать все содержаніе этихъ новыхъ въ нашемъ законодательствѣ понятій. Развитіе тѣхъ живыхъ силъ которыя ими знаменуются будетъ зависѣть отъ многихъ условій. Но эти силы уже выдвинуты, онѣ уже призваны къ жизни, въ этомъ-то, главнымъ образомъ, заключается важное значеніе новаго закона. Вчера мы коснулись характеристической черты новаго закона, именно его приспособительности, замѣчаемой въ немъ готовности къ плодотворнымъ для земства комбинаціямъ. Теперь мы хотимъ указать еще на одно важное заключающееся въ немъ начало, которое соотвѣтствуетъ самой настоятельной потребности нашей жизни.

Церковь, говорятъ, не отъ міра сего, и слѣдовательно ея священнослужители не должны принимать никакого участія въ дѣлахъ и интересахъ гражданскаго общества. Но еслибъ это было справедливо, то нельзя было бы остановиться на духо-

венствѣ, а слѣдовало бы то же самое утверждать о церкви вообще, то-есть обо всемъ собраніи вѣрующихъ. Однако люди входящіе въ составъ церкви, то-есть принадлежащіе къ собранію вѣрующихъ, не только могутъ, но и должны входить въ составъ гражданскаго общества. Духовенство, какъ и все собраніе вѣрующихъ, входитъ въ составъ государства, и не можетъ чуждаться условій мірскаго порядка. Латинская церковь не знаетъ бѣлаго духовенства, и на всѣхъ своихъ священнослужителей налагаетъ общее обязательство безбрачія, какъ символъ мнимой отрѣшенности отъ условій земнаго существованія, и тѣмъ вноситъ начало неправды и нечистоты въ свою искусственную организацію; протестантизмъ вовсе не знаетъ монашества. Что же касается до православной церкви, то въ ея организаціи содержатся два элемента соотвѣтствующіе ея двоякому характеру: черное духовенство знаменуетъ ту часть церкви которою она возвышается надъ условіями земнаго міра; въ лицѣ бѣлаго духовенства церковь остается органическою частью гражданскаго общества. Монахъ—отшельникъ по добровольному обѣту; но въ лицѣ своихъ священнослужителей церковь живетъ посреди гражданскаго общества и причастна всѣмъ основнымъ интересамъ его жизни. Семейство, право собственности и все что непосредственно связано съ этими главными основаніями гражданскаго порядка столько же свойственно священнослужителю, сколько и мірянину, ибо и священнослужитель есть также мірянинъ. Находиться *внѣ* условій гражданскаго порядка не дозволяется никому и ничему, но возможно стать *выше* этихъ условій, и церковь, въ лицѣ своихъ пиковъ, находится выше ихъ. Церковь не отвергаетъ условій земнаго порядка, напротивъ она благословляетъ и скрѣпляетъ его своимъ духовнымъ авторитетомъ. Благодать не отрицаетъ закона, она даетъ болѣе чѣмъ даетъ законъ, она выше его, и стало-быть оставляетъ его за собою во всей его силѣ. Благодать не освобождаетъ отъ уплаты долга, она только даетъ болѣе чѣмъ требуетъ долгъ; она предначинаетъ высшую жизнь, но не извращаетъ естественнаго теченія жизни остающейся подъ

закономъ. Поскольку церковь въ лицѣ своихъ священнослужителей входитъ въ гражданское общество и живетъ посреди его условій, постольку она должна пользоваться правами гражданскаго общежитія. Причадлежа къ свѣтскому обществу, ея священнослужители должны занимать въ немъ достойное и почетное положеніе; это нужно для чести и достоинства самого общества. Священнослужитель, служа церкви, не можетъ нести собственно государственной службы, онъ не можетъ быть чиновникомъ, но онъ долженъ быть гражданиномъ и не разниться отъ другихъ относительно условій гражданской полноправности. Допущенный къ мірскому быту, онъ не можетъ быть устраненъ отъ гражданскихъ или политическихъ правъ, связанныхъ съ тѣмъ или другимъ общественнымъ положеніемъ. Духовное лицо, живущее въ мірѣ, не должно быть существомъ отчужденнымъ и униженнымъ.

Однако до сихъ поръ положеніе бѣлаго духовенства въ нашемъ обществѣ было странною аномаліей и заключало въ себѣ внутреннее противорѣчіе, которое дѣйствовало вредно на весь народный бытъ нашъ. Оно составляетъ у насъ особую породу, отчужденную отъ остальнаго общества, хотя и живущую въ его средѣ. Оно находится въ какомъ-то униженномъ положеніи, какъ бы подъ опекой, какъ бы въ состояніи несовершеннолѣтія и неполноправности. Въ гражданскихъ дѣлахъ и интересахъ, съ которыми оно соприкасается, оно не имѣетъ никакого голоса и вообще лишено всякаго политическаго значенія. Законъ 1-го января, призывающій къ жизни земство, призываетъ къ гражданской жизни и духовенство, которое должно составлять органическую часть земства. Отнынѣ бѣлое духовенство выходитъ изъ своего неестественнаго, отчужденнаго, униженнаго положенія; за нимъ признана гражданская полноправность на общемъ основаніи права собственности. Духовныя лица допущены и къ земскимъ выборамъ, и къ участію въ земскихъ дѣлахъ. Этимъ распоряженіемъ законъ 1-го января снимаетъ преграду державшую въ неестественномъ и вредномъ отчужденіи отъ общественныхъ дѣлъ столь значительный, столь

важный, столь вліятельный общественный элементъ. Устраненіемъ этой преграды прекращается вредная аномалія въ нашей жизни, и полагается начало новымъ и лучшимъ въ нашемъ быту отношеніямъ, предначертаннымъ въ самой природѣ вещей. Трудно исчислить все обиліе важныхъ послѣдствій которыя не замедлятъ развиться изъ этого начатка, если дальнѣйшія условія будутъ благопріятствовать развитію.

Священнослужителя участвуютъ въ земскихъ выборахъ на основаніи находящейся въ ихъ владѣніи церковной земли, и избираютъ уполномоченныхъ для выбора гласныхъ въ уѣздное собраніе. Но независимо отъ этого, священнослужители могутъ, по смыслу закона, принадлежать къ землевладѣльческимъ классамъ или къ городскимъ собственникамъ, и на основаніи установленнаго ценза непосредственно участвовать въ выборѣ гласныхъ. Наконецъ, священнослужители могутъ быть выбираемы въ гласные какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ собраній.

Повторимъ: это постановленіе новаго закона о священнослужителяхъ, вводимыхъ въ земство, обильно важными послѣдствіями какъ для церкви, такъ и для общества. Оно даетъ надлежащее направленіе одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ нашей народной жизни.

Мы коснулись того пункта закона который разрѣшаетъ священнослужителямъ быть представителями сельскихъ обществъ. Законъ старается устроить земское дѣло такъ чтобы крестьянскія сельскія общины, по возможности, составляли одно цѣлое съ землевладѣльческими классами, которые de facto состоятъ по преимуществу изъ дворянъ-помѣщиковъ. Съ этою цѣлію законъ постановляетъ условіемъ для крестьянскихъ обществъ выбирать своихъ гласныхъ или изъ собственной среды, или изъ числа личныхъ землевладѣльцевъ, а не изъ городскихъ сословій. Но къ числу лицъ способныхъ служить представителями крестьянскихъ обществъ законъ, какъ мы видѣли, справедливо отнесъ и священнослужителей.

X.

15-го января.

Читатели наши, вѣроятно, обратятъ вниманіе на помѣщенное ниже извлеченіе изъ статьи о польскихъ крестьянахъ; статьи, о которой газета *Le Nord*, помѣстившая ее въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ нумеровъ, отзывается какъ о *трудѣ* (travail) заслуживающемъ особаго вниманія. Черезъ нѣсколько дней, въ воскресномъ прибавленіи къ нашей газетѣ, читатели найдутъ статью которая касается того же предмета еще съ бо́льшими подробностями; они будутъ въ состояніи вполнѣ оцѣнить то положеніе которое создалъ для крестьянскаго сословія патріотизмъ польскаго дворянства и всей польской «интеллигенціи»,—этотъ патріотизмъ, который такъ громко говоритъ о себѣ, который такъ высоко держитъ въ Европы свое знамя...

Патріотизмъ! Польскій патріотизмъ! Станемъ ли мы отрицать его? Конечно, нѣтъ; но мы постараемся опредѣлить его характеръ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, назвать то чувство которое побуждало Поляковъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отдѣлять значительную часть своихъ доходовъ въ пользу своей таинственной *справы*, которое подвигло ихъ на отчаянную борьбу безъ оружія, безъ регулярной военной силы, которое заставляетъ ихъ переносить иногда съ мужествомъ голодъ и холодъ въ лѣсахъ, идти на вѣрную гибель? Поляки твердо увѣрены что они въ 1863 году вписали блестящую, героическую страницу въ исторію своей націи. Что́ же однако?... Мы слышали нѣкогда разказъ о томъ, какъ при занятіи какого-то аула въ Чечнѣ одинъ Чеченецъ кинулся съ кинжаломъ на рускаго гренадера: солдатъ всадилъ ему штыкъ въ животъ, а тотъ, ухватясь за ружье одною рукой, чтобы приблизиться къ солдату, вонзилъ ему кинжалъ въ грудь. Этотъ Чеченецъ тоже палъ, и пожалуй палъ геройски, отстаивая свои лѣса и горы. Этого отрицать нельзя. Сравняютъ ли себя польскіе патріоты съ этимъ Чеченцемъ, или найдутъ унизительнымъ для себя это сравненіе? И однакожь нельзя не замѣтить, что кавказскіе горцы, въ продолженіе шести-

десяти лѣтъ отстаивающіе свои лѣсные аулы, а въ послѣднее время и *эмигрирующіе* подобно Полякамъ, имѣютъ немного побольше правъ говорить о своемъ патріотизмѣ нежели Поляки. Горцы не полагаютъ никакой особенной славы въ томъ что бьются за свои горы и отстаиваютъ ихъ кровью. Они не знаютъ что̀ такое политическій патріотизмъ, но въ нихъ живо племенное чувство, и когда то или другое горское племя борется съ нами, то люди къ нему принадлежащіе всѣ стоятъ за одно, отъ мала до велика, отъ богатаго до бѣднаго, чего вовсе нѣтъ въ Польшѣ. Польскій патріотизмъ отнюдь не общее чувство польскаго племени. Онъ вовсе не понятенъ польскимъ крестьянамъ, то-есть огромному большинству Польскаго народа.

Возьмемъ теперь контрастъ къ простому племенному патріотизму,—возьмемъ патріотизмъ иного характера, политическій, сознательный, предусмотрительный. Нѣтъ страны въ Европѣ которая была бы менѣе Англіи подвержена вооруженному нападенію; однако посмотрите какъ она встрепенется всякій разъ чуть обнаружится малѣйшій признакъ опасности, какія жертвы приносятся, какія дѣлаются усилія, и эти усилія идутъ не только на приготовленія къ борьбѣ со внѣшнимъ врагомъ, но еще болѣе на устройство внутреннихъ силъ, на развитіе матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ обороны.

Вотъ образчикъ патріотизма *сознательнаго*, того патріотизма какимъ въ нашъ вѣкъ можетъ справедливо гордиться нація. Но тотъ патріотизмъ который накидываетъ на глаза высшихъ классовъ націи повязку, который ничего не предусматриваетъ, ничего не взвѣшиваетъ, который побуждаетъ землевладѣльцевъ сгонять со своихъ владѣній цѣлыя массы крестьянъ единоземцевъ и призывать на ихъ мѣсто сотни тысячъ иностранцевъ, отдавать имъ въ аренду цѣлыя области, который допустилъ то что дворянство наканунѣ борьбы съ «сѣвернымъ колоссомъ» вздумало обирать крестьянъ и становиться съ ними на ножи, который и въ самую минуту этой борьбы не научаетъ ни единодушію, ни дисциплинѣ,—такой патріотизмъ несетъ въ своихъ нѣдрахъ смертный приговоръ себѣ. Высшіе классы не успѣвшіе развить въ себѣ патріотическихъ инстинктовъ до сознанія

своихъ политическихъ обязанностей не призваны управлять судьбами своего отечества; единственная слава которая ихъ ожидаетъ—храбро умирать за призракъ того отечества, которое они сами же погубили своимъ непатріотическимъ образомъ дѣйствій.

Польскій патріотизмъ никогда не былъ народнымъ чувствомъ и никогда не искалъ себѣ опоры въ немъ. Польскій народъ былъ забитъ и загнанъ; даже такой человѣкъ какъ Костюшко не смѣлъ говорить во имя польскаго патріотизма за освобожденіе польскихъ крестьянъ, не вошедшее и въ ту конституцію 3-го мая, которою польскіе паны гордятся какъ верхомъ своего либерализма. Польскіе паны и вообще польская шляхта, доказавшіе не разъ свою готовность умирать за отечество, не хотѣли ни разу принести отечеству меньшую жертву,—отказаться отъ своего права притѣснять крестьянъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что они умирали не за отечество, а за свою власть надъ нимъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что ихъ отечество много выиграетъ когда высвободится изъ-подъ этого патріотизма касты, называющей себя Польскимъ народомъ и настоящаго Польскаго народа не признающей?

Не польское дворянство, а Русское правительство—мы говоримъ это съ убѣжденіемъ и гордостію—устроитъ и улучшитъ судьбу Польскаго народа.

16-го января.

И для отдѣльныхъ людей, и для общества нѣтъ ничего опаснѣе смутныхъ и сбивчивыхъ понятій. Коль скоро понятія пріобрѣтаютъ значеніе и силу въ жизни, коль скоро люди начинаютъ руководствоваться идеями, то первый долгъ людей не принимать ихъ слѣпо, а подвергать критикѣ. Теперь въ большомъ ходу слово *либерализмъ*. Всякій старается отдать дань либерализму; всякій желаетъ казаться какъ можно болѣе либеральнымъ. Но, къ сожалѣнію, не рѣдко выходитъ, что люди съ

величайшимъ усердіемъ работаютъ въ направленіи которое они считаютъ либеральнымъ, и которое не только не имѣетъ ничего общаго съ либеральнымъ направленіемъ, но и діаметрально противоположно ему.

Оказывать терпимость, не препятствовать, не вмѣшиваться,— вотъ направленіе либеральное, вотъ порядокъ идей въ которыхъ оно выражается. Можно оспаривать и можно защищать это направленіе въ той или другой степени его развитія; но оспаривающіе и защищающіе должны знать, — одни что̀ оспариваютъ, другіе что̀ защищаютъ. Дѣятельно слѣдовать этому направленію значитъ имѣть цѣлію свободу жизни, требующую чтобы всякая человѣческая сила развивалась собственною внутреннею энергіей. Политическая свобода ничего другаго не означаетъ какъ твердое, благонадежное обезпеченіе общественной и личной свободы со стороны государства. Либеральное правительство клонится къ тому чтобы предоставлять жизни естественное теченіе, и прогрессъ этого направленія состоитъ въ томъ чтобъ устранять изъ жизни все что̀ препятствуетъ и мѣшаетъ ея естественному ходу, не допускать насилія и отмѣнять тѣ законы и учрежденія которыя представляютъ собою организованное вмѣшательство въ жизнь. Либеральному въ этомъ смыслѣ правительству соотвѣтствуетъ консервативное общество, то-есть общество исполненное крѣпкихъ силъ, способныхъ къ живой и плодотворной организаціи. При отношеніи разумномъ и правильномъ, чѣмъ либеральнѣе правительство, тѣмъ консервативнѣе общество.

Съ точки зрѣнія терпимости, свободы, либерализма, можно допускать напримѣръ въ обществѣ существованіе разныхъ вѣроисповѣданій и переходы отъ одного къ другому; можно допускать выраженіе всякаго рода мнѣній, можно допускать полную свободу изслѣдованія по всѣмъ частямъ человѣческаго вѣдѣнія. Все это понятно съ либеральной точки зрѣнія, все это согласно съ нею. Наконецъ, съ либеральной точки зрѣнія можно допускать даже нападки на существующій порядокъ вещей, терпѣть критику господствующаго вѣроученія, терпѣть болѣе или менѣе радикальныя оппозиціонныя партіи. Въ томъ или другомъ изъ

такихъ допущеній можно находить крайности, неразумные излишки. Но все это находится въ одномъ и томъ же порядкѣ идей, все это идетъ въ одномъ и томъ же направленіи. Противъ упрековъ за допущеніе полной свободы мнѣній и вѣрованій либеральное направленіе можетъ отвѣчать, что свобода всего лучше способствуетъ дѣлу истины, что внутреннія силы жизни, не ослабляемыя подпорками и предоставленныя себѣ, всего успѣшнѣе преодолѣваютъ зло и предупреждаютъ его развитіе, лишь бы только не было какихъ-нибудь прямыхъ или косвенныхъ вмѣшательствъ въ дѣло свободы и жизни.

Но терпѣть, не препятствовать, не вмѣшиваться, ни на какомъ языкѣ не значитъ: помогать, поощрять, вмѣшиваться. Съ либеральной точки зрѣнія можно терпѣть зло, но мы не знаемъ съ какой точки зрѣнія можно поощрять его или пособлять ему. Съ либеральной точки зрѣнія можно напримѣръ допускать полную свободу вѣроисповѣданій, не препятствовать переходамъ отъ господствующей церкви ко всякой другой; но можно ли было бы назвать либеральнымъ образомъ дѣйствій такую политику которая стала бы напротивъ разными комбинаціями способствовать успѣхамъ чуждаго вѣроисповѣданія въ ущербъ господствующему? Если можно понять въ добромъ смыслѣ терпимость ко всякимъ отрицательнымъ ученіямъ, то либеральное направленіе не пойметъ, какимъ образомъ подобныя ученія могутъ быть вводимы въ общество правительственными средствами, преподаваться въ школахъ содержимыхъ на казенный счетъ, или излагаться въ изданіяхъ находящихъ себѣ какую бы то ни было поддержку со стороны правительства, или даже просто выходящихъ въ свѣтъ съ его спеціальнаго разрѣшенія. Политика вмѣшательства въ обратномъ смыслѣ не только несогласна съ либеральнымъ направленіемъ, но была бы совершеннымъ извращеніемъ его, была бы относительно его тѣмъ что въ математикѣ называется величиною отрицательною.

Принципъ правительственнаго невмѣшательства не есть что-либо чуждое правительству, что-либо идущее наперекоръ ему, умаляющее или стѣсняющее его; напротивъ, этотъ принципъ есть сама правительственная мудрость; въ развитіи этого

начала заключается весь прогрессъ и правительствъ, и обществъ. Государственная сила такъ велика, такъ вѣска и такъ многодѣйственна, что малѣйшее неосторожное склоненіе ея въ какую-либо сторону, малѣйшая искусственная примѣсь ея къ чему бы то ни было не остается безъ глубокихъ послѣдствій, и рано или поздно непремѣнно вызываетъ какія-либо серіозныя затрудненія и замѣшательства. Никакая человѣческая мудрость не можетъ разчитать всѣхъ тѣхъ отзывовъ которые могутъ послѣдовать въ сложной общественной организаціи и милліонахъ людей въ силу одного какого-нибудь толчка, сообщеннаго тому или другому движенію незамѣтнымъ правительственнымъ вмѣшательствомъ. Даже то что̀ кажется совершенно одобрительнымъ и полезнымъ можетъ въ своихъ послѣдствіяхъ совершенно измѣнить свою натуру, вслѣдствіе правительственной примѣси.

У насъ, между прочимъ, есть одно печальное наслѣдіе нашей прошедшей исторіи,—у насъ есть расколъ. Расколъ подвергался стѣсненіямъ и гоненіямъ, которыя не смягчили, не ослабили его, а только укрѣпили и усилили. Расколъ, — это великое бѣдствіе нашей церкви,—и родился именно вслѣдствіе того что къ дѣлу свободы и жизни, къ дѣлу церкви, примѣшалась стихія принудительная. Но теперь взглядъ на расколъ въ нашемъ обществѣ измѣняется. Теперь всѣ хотятъ смотрѣть на него съ либеральной точки зрѣнія. Давай Богъ! Чѣмъ болѣе терпимости можетъ быть оказано расколу, тѣмъ лучше. Терпимость замиритъ то зло которое породило его, терпимость отниметъ у него ядъ, и если суждено когда-либо возстановленіе нарушеннаго церковнаго единства въ нашемъ народѣ, то оно всего вѣрнѣе и успѣшнѣе можетъ совершиться путемъ терпимости и свободы, предоставленной цѣлительнымъ силамъ жизни.

Можно спорить о степени свободы которую слѣдуетъ предоставить расколу, можно спорить о благовременности тѣхъ или другихъ мѣръ въ либеральномъ смыслѣ; но во всякомъ случаѣ самый либеральный взглядъ на расколъ можетъ требовать только того чтобъ его оставить въ покоѣ, не вмѣшиваться въ его дѣла, то-есть чтобы предоставить его собственнымъ его

средствамъ и силамъ. Далѣе этого никакой либерализмъ идти не можетъ; далѣе этого возможно только извращеніе не только либерализма, но и здраваго смысла.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ точки зрѣнія не только либерализма, но и здраваго смысла, можно скорѣе допустить самую безусловную свободу расколу, нежели какое-либо правительственное пособіе ему. Полная свобода во всякомъ случаѣ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то что у раскола была бы отнята пища для вражды противъ церкви и существующаго порядка вещей, а тѣмъ было бы отнято основаніе для самого существованія раскола, такъ что ему пришлось бы остаться ни при чемъ. Но всякое правительственное вмѣшательство въ дѣла раскола, всякое попечительство о его нравственномъ и умственномъ развитіи путемъ правительственной организаціи можетъ повести лишь къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Несравненно либеральнѣе и въ то же время консервативнѣе—предоставить раскольникамъ право содержать не только свои молельни, но и свои собственныя школы, имѣть своихъ собственныхъ наставниковъ, жить и учиться какъ знаютъ, своимъ умомъ и своими средствами, — нежели создавать для нихъ особыя учрежденія, заводить для нихъ особыя казенныя школы и приставлять къ нимъ особыхъ учителей отъ министерства. Путемъ правительственнаго вмѣшательства непремѣнно будутъ внесены въ ихъ среду такіе элементы которые въ соединеніи съ нею не преминутъ создать самую опасную фальшивую силу,—во всякомъ случаѣ, положено будетъ начало радикальному отчужденію ихъ отъ православнаго общества. Благодаря успѣхамъ времени, старообрядцы уже значительно утратили прежнюю напряженность и непріязненность въ отношеніи къ православному обществу, они легко сближаются съ православными, многіе охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ общія школы. Но какихъ послѣдствій можно было бы ожидать еслибы правительство само обвело чертою особую цивилизацію для раскольниковъ, само организовало для нихъ особыя школы? Мудрено ли что тогда между ними вскорѣ появились бы всякаго рода вѣроучители и организаторы, которые сумѣли бы придать новое значеніе всѣмъ ихъ символамъ?

Если отъ свободы не будетъ лучше, то не будетъ и хуже. Много раскольниковъ уходило отъ преслѣдованій въ Турцію; они жили и живутъ тамъ на свободѣ, безо всякаго благопопечительства и призора. Бѣды отъ нихъ нигдѣ не произошло; стало-быть, нѣтъ серіозныхъ опасеній оставить ихъ безъ особеннаго призора и внутри Россіи, гдѣ, напротивъ, при благопріятныхъ условіяхъ, есть еще надежда возвратить путемъ свободы коснѣющія въ расколѣ массы къ корню, отъ котораго оторвалъ ихъ предковъ духъ нетерпимости и насилія. Недостатокъ попечительства положительно лучше чѣмъ излишекъ его.

Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ чтобы правительству ничего не оставалось дѣлать по отношенію къ вопросу котораго мы сейчасъ коснулись. Для его попеченій и заботъ остается еще широкое поприще. Оно можетъ принимать самыя плодотворныя мѣры, внушаемыя политическою мудростію, мѣры направленныя къ тому чтобъ облегчать сближеніе между раскольниками и православнымъ обществомъ, то-есть отыскивать и устранять все что̀ можетъ этому сближенію препятствовать. Вмѣсто того, напримѣръ, чтобы заводить спеціальныя для раскольниковъ школы, лучше устроить дѣло такъ чтобы ничто не отпугивало ихъ посылать своихъ дѣтей въ общія школы и чтобы тамъ не заставляли дѣтей ихъ учиться тому чему они еще не хотятъ учиться.

А вотъ еще другой вопросъ: ниже, въ этомъ самомъ нумерѣ, помѣщается письмо присланное намъ изъ Малороссіи, съ сѣтованіями на украйнофильскія затѣи, о которыхъ не разъ доводилось намъ говорить. Будь у насъ предоставлена полная свобода всякому дѣлать, писать и издавать все что̀ угодно, безо всякаго контроля и разрѣшенія, то никому бы и въ голову не пришло заботиться о томъ что̀ пригрезилось тому или другому мечтателю. Но такъ какъ у насъ все что̀ ни дѣлается въ обществѣ дѣлается при большемъ или меньшемъ участіи правительства, то всякое ничтожество можетъ неожиданно получить серіозное значеніе и силу. Малороссъ Волынецъ высказываетъ въ своемъ письмѣ опасенія относительно украйнофильскихъ стараній пустить въ народъ Евангеліе на малороссійскомъ нарѣчіи. Повидимому, эти опасенія не согласны съ либеральною точкой зрѣнія. Рѣчь идетъ не о

содѣйствіи, не о пособіи, а только о разрѣшеніи. Но, повторимъ, кто хочетъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ понятіями, тотъ долженъ тщательно провѣрять ихъ и отдавать себѣ ясный отчетъ въ нихъ. Гдѣ существуетъ необходимость получать разрѣшеніе, тамъ разрѣшеніе имѣетъ особый смыслъ, особую силу, а тѣмъ болѣе по отношенію къ такимъ предметамъ, какъ священныя книги. Разрѣшеніе синода есть даже не просто разрѣшеніе, но благословеніе. Лучше предоставить всякому издавать что угодно безо всякаго разрѣшенія, нежели напутствовать сомнительное дѣло разрѣшеніемъ имѣющимъ со стороны правительства силу одобренія, со стороны церкви—силу благословенія. Разрѣшая, синодъ благословляетъ, и народъ нѣкоторымъ образомъ обязывается принять то чего онъ конечно не принялъ бы, ни при какой свободѣ, безъ благословенія церкви или безъ особеннаго одобренія законныхъ властей.

XII.

15-го ноября 1863.

Въ минувшемъ октябрѣ, въ городѣ Грязовцѣ, Вологодской губерніи, произошло ужасное событіе, о которомъ производится теперь слѣдствіе. Въ воскресный день, за обѣдней въ Христорождественскомъ соборѣ, послѣ великаго выхода, но еще до совершенія таинства, временно-обязанный крестьянинъ Иванъ Заморинъ вошелъ со свѣчею въ алтарь, взялъ потиръ съ престола, бросилъ его на полъ, пролилъ освященное вино, и растоптавъ потиръ ногами, изступленнымъ голосомъ вскричалъ: «попираю мерзость сатанину». Литургія прекратилась, народомъ овладѣлъ ужасъ, преступника схватили. Онъ оказался перекрещенцемъ изъ секты *странниковъ* или *бѣгуновъ* Сопѣлковскаго согласія. Онъ тутъ же объявилъ что сдѣлалъ это для того чтобы наругаться надъ сатаной и пріять мученическій вѣнецъ.

Событіе ужасное! Есть ли это кощунство, свидѣтельствующее о нравственномъ развратѣ человѣка, или проявленіе дикаго

---

* Статья эта не могла войти въ сборникъ 1863 года, посвященный исключительно польскому вопросу.

фанатизма? Мы не знаемъ что̀ будетъ обнаружено слѣдствіемъ, но и теперь не сомнѣваемся ни минуты что это не простое кощунство, а изступленный фанатизмъ.

Можетъ ли такое нарушеніе святынь, такое оскорбленіе святѣйшихъ чувствованій цѣлаго народа остаться безъ послѣдствій для своего виновника? Конечно, нѣтъ; фанатизмъ или кощунство, дѣло это не можетъ остаться безъ заслуженной кары. Но въ чемъ должна состоять кара? Въ томъ ли чтобы довершить дѣло безумца удовлетвореніемъ его изступленной воли, исполненіемъ того дикаго желанія которое побудило его къ его поступку? Несчастный безумецъ искалъ мученическаго вѣнца, онъ хотѣлъ принести себя въ жертву, онъ хотѣлъ освятить себя: дать ли ему этотъ вѣнецъ, дать ли ему испить этого блаженства лжесвятости, котораго онъ такъ жаждалъ? Вникнемъ въ его поступокъ: онъ совершилъ его всенародно; онъ не только не хотѣлъ избавиться отъ послѣдствій, но шелъ имъ на встрѣчу. Если онъ не сумашедшій (что̀ еще должно быть доказано слѣдствіемъ), то онъ не могъ не знать что его поступокъ не обойдется ему даромъ, что его немедленно схватятъ, что надъ нимъ обрушится жестокая кара. Онъ не могъ не знать этого, онъ не могъ не представить себѣ этого въ полной ясности, если только, повторимъ, онъ не окажется совершенно поврежденнымъ въ своихъ умственныхъ способностяхъ. Онъ зналъ и представлялъ себѣ съ полною ясностію всѣ послѣдствія своего поступка, и если онъ рѣшился на него, то именно для того чтобъ этимъ послѣдствіямъ подвергнуться. Въ своемъ изступленіи, онъ можетъ-быть ожидалъ что его тутъ же растерзаетъ народъ; во всякомъ случаѣ, онъ могъ ожидать только самой жестокой кары, но отнюдь не безнаказанности.

Оскорбленіе святыни совершенное Заморинымъ не можетъ остаться для него безъ послѣдствій; но вопросъ состоитъ въ томъ, надобно ли давать послѣдствіямъ этого дѣла тотъ самый ходъ какой былъ въ мысляхъ и желаніяхъ виновнаго? Должно ли наказаніе быть исполненіемъ его воли? Можно ли назвать карой удовлетвореніе того самаго желанія которое было главнымъ побужденіемъ къ преступленію? Подвергая виновнаго тѣмъ

послѣдствіямъ которыя онъ самъ имѣлъ въ виду, которыхъ онъ самъ добивался, мы лишаемъ кару ея значенія, какой бы ни держались мы теоріи наказаній. Если допустить что поступокъ Заморина можетъ вызвать послѣдователей, то именно исполненіемъ надъ нимъ той кары которой онъ самъ добивался и можно вызвать этихъ послѣдователей. Духъ фанатизма, изъ котораго проистекаютъ подобныя явленія, можетъ только сильнѣе вспыхнуть отъ такихъ каръ, которыя въ глазахъ фанатиковъ—не кары, а исполненіе ихъ изступленнаго чувства, вѣнецъ блаженства и святости въ ихъ помутившемся, грубомъ разумѣніи. Самымъ вѣрнымъ средствомъ усилить духъ фанатизма было бы зажечь костры инквизиціи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ исторія.

Сила не во внѣшнемъ фактѣ, а во внутреннихъ побужденіяхъ которыя въ фактѣ выразились. Кара должна соразмѣряться съ этими внутренними побужденіями и соотвѣтствовать имъ. Что послужило бы истинною карой за дѣйствіе преступнаго кощунства, то было бы наградой за лжеподвигъ фанатизма. Фанатикъ былъ бы истинно наказанъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы послѣдствія его лжеподвига приняли совершенно неожиданный для него оборотъ. Поступите съ нимъ не такъ, какъ онъ хотѣлъ бы,—поступите съ нимъ вопреки его изступленной и одержимой злымъ началомъ волѣ, и вы подвергнете его дѣйствительному наказанію, и въ то же время вы подорвете тотъ духъ фанатизма изъ котораго онъ вышелъ. Съ одной стороны, строгое заключеніе, съ другой—неутомимая и исполненная разума и любви забота церкви о духовномъ уврачеваніи изступленнаго фанатика,—вотъ неожиданный для виновнаго оборотъ послѣдствій совершеннаго имъ преступленія. Онъ не получитъ мученическаго вѣнца лжесвятости ни въ своихъ глазахъ, ни въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ; но онъ будетъ выведенъ наказующею рукой на путь возможнаго для него исправленія и исцѣленія. Заключеніе подъ церковнымъ началомъ было бы самою страшною карой въ его собственномъ злопастроенномъ чувствѣ, а равно и въ чувствѣ его единомышленниковъ; но оно было бы дѣломъ благости и спасенія въ общечеловѣческомъ и

еще болѣе въ христіанскомъ чувствѣ, и такъ точно было бы оно оцѣнено въ послѣдствіи и самимъ виновнымъ, еслибы Богъ судилъ ему достигнуть исцѣленія. Монастырскіе затворы— вотъ лучшія мѣста заключенія для подобныхъ преступниковъ. Заботливый уходъ за подобными несчастными, очищеніе и перевоспитаніе религіознаго ихъ чувства, разумное врачеваніе души руководимое христіанскимъ милосердіемъ, вотъ одна изъ самыхъ лучшихъ задачъ для духовной практики монастырскихъ затворниковъ.

Но говоря о преступномъ дѣйствіи Заморина, мы не можемъ ограничиться только тѣмъ значеніемъ какое оно можетъ имѣть для него лично. Заморинъ—перекрещенецъ, Заморинъ—раскольникъ: преступленіе Заморина не должно ли имѣть послѣдствій для раскольниковъ вообще, хотя къ раскольникамъ относятся безъ разбора самыя разнообразныя и враждебныя одна другой секты? Не слѣдуетъ ли ожидать что многія лица, пораженныя преступнымъ дѣйствіемъ вологодскаго фанатика, станутъ сѣтовать на нѣкоторыя послабленія сдѣланныя въ пользу раскольниковъ, и требовать возвращенія къ прежней системѣ стѣсненій и преслѣдованій? У насъ дѣйствительно есть странный обычай, свидѣтельствующій о недостаточно выработанномъ юридическомъ смыслѣ по отношенію къ нѣкоторымъ еще не установившимся сферамъ общественной дѣятельности,—обычай обобщать значеніе частнаго поступка. Вспомнимъ кстати о томъ что во времена оны бывало съ литературой. Появленіе какой-либо предосудительной статьи въ журналѣ сопровождалось послѣдствіями не столько тягостными для виновныхъ, сколько для литературы вообще; вся литература должна была отвѣтствовать за нелѣпость сказанную какимъ-нибудь сумасбродомъ, и полезная дѣятельность, плодотворная разработка того или другаго вопроса останавливались единственно потому что кто-то и гдѣ-то что-то совралъ. Вмѣсто того чтобы судить частный проступокъ и подвергнуть виновнаго заслуженному взысканію, принималась какая-нибудь общая мѣра, которая стѣсняла печатное слово и падала всею своею тяжестію на людей совершенно невиновныхъ, которые часто всего успѣшнѣе могли бы противо-

дѣйствовать злу. Эта страннымъ образомъ установившаяся точка зрѣнія на литературу представляла всѣхъ пишущихъ въ видѣ какой-то корпораціи, хотя бы между ними не было и не могло быть ничего общаго. Люди совершенно чуждые другъ другу, направленія взаимно исключающія другъ друга, приводились въ какую-то неестественную солидарность, подвергались какой-то странной круговой порукѣ, которая, разумѣется, обращалась въ пользу дурнаго и обезсиливала хорошее. Чтобъ убѣдиться въ неестественности такого воззрѣнія, стоитъ только приложить его къ другимъ общественнымъ сферамъ. Проступки и преступленія совершаются людьми всѣхъ сословій: но что было бы, еслибы за преступленія одного или многихъ дворянъ должны были отвѣчать всѣ дворяне и подвергаться ущербу въ своихъ правахъ? Что было бы, еслибы за проступки людей изъ купеческаго званія должно было отвѣчать все купечество и подвергаться стѣсненію въ своей дѣятельности? Но дворянство или купечество представляютъ собою организованныя сословія, и если ужь допускать что *всѣ* должны отвѣчать за дѣйствіе одного или нѣсколькихъ, то организованнымъ сословіямъ было бы естественнѣе отвѣчать за дѣйствія своихъ членовъ нежели отвѣчать другъ за друга людямъ которые не составляютъ и не могутъ составлять одного цѣлаго.

Расколъ есть одно изъ самыхъ прискорбныхъ явленій у насъ, но онъ возникъ, усилился и размножился, конечно, не вслѣдствіе излишней свободы. Онъ возникъ и размножился и далъ отъ себя всѣ свои дикіе отпрыски именно въ ту пору, когда религіозныя заблужденія раскола подвергались неутомимымъ преслѣдованіямъ. Преступленіе Заморина — не новость; эпоха строгихъ противъ раскола мѣръ представляетъ не одинъ подобный случай. Это не плодъ новой системы, которая только что начинается, или, лучше сказать, предвкушается; это плодъ завѣщанный прошедшимъ, равно какъ и самая секта къ которой принадлежитъ преступникъ. Общимъ именемъ раскола обозначаются у насъ самыя разнородныя, взаимно другъ друга исключающія и антипатическія между собою секты. Сопѣлковскіе *бѣгуны* или *странники* — секта не многочисленная; по

своему духу и характеру, она и не можетъ быть многочисленна; ея равномѣрно чуждаются всѣ болѣе или менѣе организованныя раскольничьи согласія: она равно предметъ отвращенія какъ для старообрядцевъ Рогожскаго согласія, такъ и для безпоповцевъ Преображенскихъ. Признавать или даже терпѣть такую противообщественную секту, какъ *бѣгуны*, никакое государство не можетъ, и государство, безъ сомнѣнія, должно употреблять всѣ зависящія отъ него средства къ ея прекращенію. Но самый вѣрный или лучше сказать единственный способъ къ дѣйствительному пресѣченію явленій подобныхъ сектѣ *бѣгуновъ* есть не возвращеніе къ старымъ порядкамъ, подъ темною сѣнью которыхъ они родились и выросли, а болѣе рѣшительный переходъ къ новымъ. Секта отвергающая всякія власти и духовныя и гражданскія, не признающая никакихъ общественныхъ отношеній, не знающая семейства, отвергающая всякую прочную форму человѣческаго быта и дѣятельности, проклинающая всякій честный промыселъ, поставляющая всю свою религію въ томъ чтобы быть безпрерывно *въ бѣгахъ* и укрываться въ подпольяхъ, и всѣхъ не ведущихъ такого образа жизни и не исповѣдующихъ такой религіи, всѣхъ, какъ православныхъ, такъ и иновѣрцевъ, чествующая именемъ слугъ антихристовыхъ, — такая секта не можетъ устоять при болѣе сильномъ и правильномъ развитіи гражданственности. Самое дѣйствительное средство къ пресѣченію явленій противообщественныхъ есть возможно болѣе полное, возможно болѣе широкое развитіе общественныхъ силъ.

Люди готовые обобщать преступленіе Заморина и видѣть въ немъ знаменіе всего что зовется у насъ расколомъ должны припомнить, что именно около того самаго времени когда было совершено это преступленіе старообрядцы всѣхъ согласій, и Рогожцы, и Преображенцы, наравнѣ со всѣми вѣрноподданными Русскаго Царя, свидѣтельствовали предъ престоломъ свою преданность отечеству и свою готовность жертвовать за него достояніемъ и кровію. Какая же связь между этимъ общимъ духомъ, который такъ повсемѣстно обнаружился въ раскольничьихъ согласіяхъ, и отдѣльнымъ фанатическимъ

поступкомъ вологодскаго крестьянина? Почему же одиночный поступокъ долженъ вопіять громче и значить больше чѣмъ совокупное заявленіе цѣлыхъ обществъ? Почему то, а не это должно служить руководящимъ знаменіемъ и указаніемъ наилучшей системы дѣйствій относительно раскола? Въ своихъ заявленіяхъ раскольничьи согласія просятъ права считаться русскими гражданами, права жертвовать жизнію за Русскую землю, права видѣть въ ней свое законное отечество; они просятъ нѣкоторой терпимости, и если терпимость имъ оказывается, то гдѣ же тутъ сѣмена того изступленнаго фанатизма, который могъ бы выражаться въ поступкахъ подобныхъ поступку Заморина? Нѣтъ сомнѣнія что раскольники всѣхъ согласій, жаждущіе терпимости и такъ смиренно ожидающіе ея, болѣе всѣхъ и съ особенною силою будутъ протестовать противъ дѣлъ дикой нетерпимости подобныхъ безумному преступленію совершенному въ городѣ Грязовцѣ фанатикомъ ничтожной противообщественной секты, презираемой и отвергаемой всѣми.

XIII.

17-го января.

Прусская палата депутатовъ отказала правительству въ согласіи на расходы вызванные преобразованіемъ арміи,—то-есть потребовала чтобы прусская армія была расформирована; кромѣ того палата депутатовъ отказала правительству въ согласіи на заемъ, оказавшійся нужнымъ вслѣдствіе шлезвигъ-гольштейнскихъ дѣлъ,—то-есть хотѣла принудить Прусское правительство къ пассивной роли на все то время пока будетъ распоряжаться этими дѣлами нѣмецкая демократія, господствующая теперь надъ правительствами большей части среднихъ и мелкихъ государствъ Германіи. Верхняя палата высказалась и по тому и по другому вопросу противъ палаты депутатовъ и въ пользу министерства, которое рѣшилось закрыть сессію въ твердой увѣренности что прусскій народъ поддержитъ его. Г-на фонъ-Бисмарка назы-

ваютъ феодаломъ и абсолютистомъ, хотя въ сущности о немъ нельзя сказать ни того, ни другаго. Но какой бы онъ ни былъ феодалъ или абсолютистъ, онъ не могъ бы дѣйствовать такъ рѣшительно, какъ дѣйствуетъ, онъ не позволилъ бы себѣ такъ насмѣхаться надъ «представителями народа», еслибы народъ былъ совершенно согласенъ со своими представителями. Мы говоримъ это не на основаніи гадательныхъ предположеній. Секретъ дѣла раскрытъ самими «представителями народа». Наши читатели знаютъ что одинъ изъ депутатовъ, г. Якоби, въ священномъ негодованіи на возмутительный образъ дѣйствій Прусскаго правительства, пришелъ къ мысли что представители народа должны отвергнуть весь бюджетъ, вслѣдствіе чего правительство лишилось бы права собирать подати. На это ему отвѣчали чрезвычайно разумно его же товарищи демократы, что это было бы очень хорошо, еслибы вслѣдствіе такого рѣшенія палаты народъ пересталъ платить подати, но такъ какъ нельзя ожидать чтобы народъ послѣдовалъ голосу своихъ представителей, то лучше воздержаться отъ рѣшительнаго шага, не ставить себя въ комическое положеніе и не обнаруживать своего безсилія. Итакъ, не на основаніи догадки, а на основаніи собственнаго свидѣтельства этихъ представителей народа, мы можемъ сказать что они не разчитываютъ на энергическую поддержку народа въ своей борьбѣ съ правительствомъ. Еслибы было иначе, то, повторяемъ, никакое министерство не могло бы пренебрегать ихъ голосомъ.

Прусское столкновеніе раскрываетъ чрезвычайно поучительныя политическія истины. Оно указываетъ на больную сторону не одной прусской, а многихъ континентальныхъ «конституцій». Еще на дняхъ графъ Луэрингергъ говорилъ въ австрійской верхней палатѣ что рано или поздно въ Австріи должно произойти нѣчто подобное. Онъ разумѣлъ разногласіе между нижнею и верхнею палатой по вопросу о бюджетѣ. Съ другой стороны, во Франкфуртѣ, на временномъ съѣздѣ депутатовъ разныхъ нѣмецкихъ парламентовъ, который собирался по поводу шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, повторилось другое явленіе характеризующее Берлинскую палату

депутатовъ: какъ въ Берлинѣ теперешнее демократическое большинство образовалось вслѣдствіе того что почти вся либеральная партія отстала отъ своихъ политическихъ вождей, такъ и во Франкфуртѣ рѣшенія съѣзда депутатовъ были приняты явившимися туда членами либеральныхъ партій въ парламентахъ среднихъ и мелкихъ государствъ Германіи, въ особенности же членами баварской палаты депутатовъ, наперекоръ мнѣнію главныхъ вождей либеральныхъ партій. Эти вожди остались на мели; ихъ армія дезертировала, точь-въ-точь какъ два года тому назадъ гг. Симсонъ, Финке, графъ Шверинъ были покинуты почти всѣми своими приверженцами. Въ Берлинѣ г. фонъ-Бисмаркъ вступилъ въ министерство именно вслѣдствіе раскола происшедшаго въ либеральной партіи. Эта партія распалась на двѣ неравныя части. Государственные люди ея, тѣ ея члены которые обладаютъ условіями необходимыми для участія въ правительствѣ, остались безъ приверженцевъ; это—штабъ безъ арміи. А вся масса партіи, имѣя въ своей главѣ лишь профессоровъ, журналистовъ и говоруновъ,—людей которыхъ никто не считаетъ, которые и сами не считаютъ себя государственными людьми,—вся эта масса перешла на сторону крайней партіи, принявшей наименованіе прогрессистовъ; это — армія безъ штаба. Мудрено ли что вслѣдствіе такого оригинальнаго раскола эта партія потеряла способность что-нибудь произвести въ политикѣ кромѣ безплодныхъ волненій и неисполнимыхъ приговоровъ, затрудняющихъ правительство, раздражающихъ націю и положительно вредящихъ веденію государственныхъ дѣлъ? можно было бы думать что это—случайность бывшая въ Пруссіи слѣдствіемъ какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ. Но теперь оказывается, что это такая случайность, которая можетъ встрѣтиться и въ другихъ государствахъ Германіи. Она уже встрѣтилась на Франкфуртскомъ съѣздѣ. Теперь г. Лерхенфельдъ и другіе вожди баварской либеральной партіи тоже не что иное какъ штабъ безъ арміи; ихъ армія тоже дезертировала и тоже присоединилась къ демократамъ. Г. Лерхенфельдъ вышелъ изъ залы засѣданій, когда Франкфуртскій съѣздъ постановилъ избрать постоянный центральный

комитетъ по шлезвигъ-гольштейнскому дѣлу, а приверженцы его остались въ залѣ и подали голосъ въ пользу избранія комитета. Вожди либеральной партіи пытались потомъ возстановить ее: они убѣждали своихъ прежнихъ политическихъ друзей подписать протестъ противъ нѣкоторыхъ постановленій съѣзда, но ихъ усилія были тщетны; подъ протестомъ почти никто не подписался. Партія видимо распалась. На долю ли? рѣшить не беремся. Но въ настоящую минуту въ Баваріи и во многихъ другихъ среднихъ государствахъ Германіи положеніе партій такое же какъ въ Пруссіи. Демократы имѣютъ рѣшительный перевѣсъ въ парламентахъ, но настоящей политической партіи не составляютъ, потому что не имѣютъ въ своей средѣ государственныхъ людей и не могутъ выставить серіозныхъ кандидатовъ на министерскія должности въ государствахъ сколько-нибудь значительныхъ.

Нужно ли говорить что всѣ эти происшествія не служатъ отраженіемъ какихъ-либо серіозныхъ измѣненій въ настроеніи дѣйствительнаго общественнаго мнѣнія? Колоритъ журналовъ измѣнялся, это правда, соотвѣтственно измѣненіямъ въ парламентскихъ партіяхъ; иначе и быть не могло, потому что журналы примыкаютъ къ нимъ. Но по голосу журналовъ нельзя судить объ общественномъ настроеніи такой страны, какъ Германія или Франція. Въ Пруссіи почти вся журналистика на сторонѣ партіи прогрессистовъ, а между тѣмъ эта партія сама сознаетъ что народъ продолжалъ бы платить подати, хотя бы плата депутатовъ и отвергла бюджетъ. Въ журналистикѣ, въ парламентскихъ партіяхъ произошли коренные перевороты; но эти перевороты не были вызваны измѣненіями въ народномъ настроеніи. Между тѣмъ какъ «народное представительство» измѣнило свой колоритъ, въ народѣ, который это представительство должно представлять собой, не произошло соотвѣтственныхъ тому перемѣнъ. Что же послѣ того представляетъ собой это представительство?

Что бы оно собой ни представляло, во всякомъ случаѣ оно не соотвѣтствуетъ цѣли для которой учреждено, и весьма поучительно вникнуть въ причины благодаря которымъ это могло

случиться. Повидимому, прусская конституція составлена очень раціонально; избирательный законъ, повидимому, взвѣшиваетъ всѣ интересы и всѣмъ имъ, въ самой правильной соразмѣрности, даетъ вліяніе на выборъ депутатовъ. Право голоса соразмѣряется съ платимыми каждымъ податями; кто платитъ больше, тотъ и больше имѣетъ вліянія; сословности нѣтъ никакой: все феодальное устранено, а съ другой стороны устраненъ и тотъ демократизмъ, который хочетъ подвести всѣхъ гражданъ подъ одинъ уровень. Словомъ, въ теоретическомъ отношеніи нельзя придумать ничего раціональнѣе прусскаго избирательнаго закона. А на практикѣ оказалось что этотъ повидимому безупречный избирательный законъ далъ Пруссіи представительство котораго мысли и чувства далеко не совпадаютъ съ мыслями и чувствами представляемаго имъ народа. Вотъ самое блистательное доказательство того, какъ опасно въ политикѣ дѣйствовать на основаніи теоріи, даже самой правильной. Политическія учрежденія не должны возникать изъ теоріи, какова бы ни была эта теорія, ошибочная ли, или здравая. Что крайнія теоріи вредны, это безспорно; но нельзя сказать чтобы можно было безъ риску полагать и здравыя теоріи въ основу политическихъ учрежденій. Тутъ мало одной здравой теоріи; тутъ нуженъ опытъ, учитель незамѣнимый въ политическихъ дѣлахъ.

Затрудненія въ которыхъ находится теперь Пруссія происходятъ отъ того что прусская конституція сочиненная, а не выработанная изъ учрежденій уже существовавшихъ. Сочинители этой конституціи слишкомъ мало давали цѣны тѣмъ хотя бы и недостаточнымъ учрежденіямъ которыя существовали въ Пруссіи, и слишкомъ надѣялись на тѣ политическія начала, которыя впрочемъ они основательно считали правильными. Дѣйствительно, старинное прусское представительство—провинціальные чины—не могло удовлетворять новымъ потребностямъ. Дѣйствительно, плата налоговъ есть весьма справедливое основаніе для политическаго представительства. Но тѣмъ не менѣе прусскіе государственные люди сдѣлали великую ошибку, позволивъ оторвать себя отъ той дѣйствительной почвы на которой

развивалось прусское государственное устройство. Старинныя представительныя учрежденія были извѣстны. Ихъ недостатки были у всѣхъ на виду. Устраненіе этихъ недостатковъ могло бы быть совершено съ полною надеждой на успѣхъ, безо всякаго риска. Всѣ могли бы быть увѣрены что дѣла пойдутъ лучше противъ прежняго, потому что устраненіе очевидныхъ недостатковъ не можетъ вести ни къ чему дурному. А теперь что̀ мы видимъ? Разомъ создано представительство, которое по теоріи должно было оказаться самымъ совершеннымъ изо всѣхъ представительствъ, а на дѣлѣ не заслуживаетъ даже имени представительства, потому что представляетъ собой не столько прусскій народъ, сколько какіе-то кружки записныхъ политикановъ не имѣющихъ никакого общественнаго положенія въ странѣ.

Намъ, Русскимъ, нѣтъ особенной надобности разыскивать, вслѣдствіе какихъ особенностей оказалась непримѣнимою въ Пруссіи та политическая теорія которая положена въ основу прусской конституціи 1852 года. Мы указывали уже не разъ на существенные недостатки прусскаго представительства и теперь не можемъ не указать еще разъ на одну, особенно рѣзкую черту, придающую прусскому представительству характеръ совершенно искусственный. Въ Пруссіи учреждены двухстепенные выборы. Первоначальные избиратели, *Urwähler*, то-есть тѣ лица которыя собственно должны быть представлены, выбираютъ окончательныхъ избирателей, *Wahlmänner*, и только этимъ послѣднимъ предоставляется честь выбрать депутата. Законъ ожидалъ что при такомъ порядкѣ выборы будутъ производиться обдуманнѣе, и что избраніе будетъ падать на людей болѣе достойныхъ, а на дѣлѣ оказалось что эти *Wahlmänner*, выбирающіе депутатовъ, гораздо легче подвергаются случайнымъ вліяніямъ чѣмъ первоначальные избиратели, *Urwähler*. Законодательство думало устроить представительство болѣе консервативное, а вышло совсѣмъ наоборотъ. Выборами завладѣть стало гораздо легче чѣмъ овладѣть умами и сердцами Прусскаго народа. Замѣчательный примѣръ исторической пропіи, который не долженъ бы пройти безъ пользы для другихъ націй!

Недавно пришлось намъ коснуться *полуофиціальныхъ* изданій, содержимыхъ или поддерживаемыхъ правительствомъ. Мы доказывали несостоятельность и самый вредъ подобныхъ изданій. Да и доказывать, собственно говоря, было нечего: дѣло само собою очевидно для всякаго, кто захочетъ серіозно подумать о немъ. Однако насъ оспаривали и представляли на видъ что подобныя изданія могутъ служить однимъ изъ самыхъ удобныхъ орудій для государственнаго управленія. Теперь, какъ нарочно, по тому же самому дѣлу подаетъ голосъ судья совершенно компетентный въ немъ,—государственный человѣкъ и первый министръ одной изъ великихъ державъ. Къ какому бы ни принадлежалъ знамени г. фонъ-Бисмаркъ, онъ, безъ сомнѣнія, достаточно свѣдущъ въ потребностяхъ и условіяхъ государственнаго управленія, тѣмъ болѣе что ему приходится управлять дѣлами посреди горячей борьбы съ оппозиціей и въ безпрерывныхъ счетахъ съ общественнымъ мнѣніемъ. Еслибы подобныя изданія могли послужить годнымъ орудіемъ, то онъ не бросилъ бы это орудіе, а поспѣшилъ бы напротивъ воспользоваться имъ. Но вотъ что онъ говоритъ: «объ офиціозной (полуофиціальной) журналистики «у насъ нѣтъ. Принявъ министерство, я прежде всего озаботился «объ отмѣнѣ этой журналистики. Я находилъ что правительству «не удобно принимать отвѣтственность за каждое слово помѣщен«ное въ *Stern-Zeitung*, а потому этой газетѣ пришлось превратить«ся въ разжиженный *Государственный Указатель*. Такой ор«ганъ былъ не нуженъ; и если правительство хочетъ говорить «гласно, за свою отвѣтственностію, то можетъ употребить для «этого *Государственный Указатель*, но это еще не значитъ «чтобы правительственныя лица должны были отказаться отъ «защиты своихъ дѣйствій въ частныхъ журналахъ, если эти по«слѣдніе согласны на то.»

XIV.

18-го января.

Пренія французскаго законодательнаго сословія представляютъ на этотъ разъ несомнѣнный интересъ. Почти впервые

со времени его учрежденія пробудилась въ немъ нѣкоторая жизнь. Говоря это мы имѣемъ въ виду вовсе не появленіе новыхъ либеральныхъ членовъ и между ними старыхъ знаменитостей въ родѣ г. Тьера. Въ этихъ элементахъ нѣтъ ничего, въ нихъ нѣтъ зачатка жизни или возрожденія; всѣ эти обрывки старыхъ партій, начиная отъ гг. Геру и Гавена и оканчивая г. Тьеромъ, сами по себѣ могли бы служить только признаками начинающагося разложенія, предвѣстниками паденія, а не началомъ какого-либо возрожденія. Если Франціи суждено политическое возрожденіе, то оно выйдетъ не изъ этой среды и не отъ этихъ людей. Въ старомъ французскомъ либерализмѣ, какихъ бы то ни было оттѣнковъ, нѣтъ спасенія; Франція уже испытала это. Если ей суждено начать лучшую политическую жизнь, то она найдетъ другія основанія для своихъ либеральныхъ учрежденій. До сихъ поръ французскій либерализмъ, во всѣхъ его видахъ, былъ въ сущности злѣйшимъ отрицаніемъ свободы. Онъ шелъ отъ абсолютизма отвлеченныхъ принциповъ, и дышалъ слѣпою враждой ко всему живому, органическому, индивидуальному, самопроизвольному, самородному. Централизація, правительственная опека, бюрократія, вотъ въ чемъ полагалась вся сила политическаго устройства во Франціи, и либерализмъ состоялъ лишь въ томъ чтобъ отнимать у другихъ эти всѣмъ заправляющія орудія, захватывать ихъ въ свои руки и съ помощію ихъ пересоздавать Францію по новымъ теоріямъ. Основные элементы народной жизни, сельскіе классы, были подавлены и лишены всякой силы. Все болѣзненно стянулось въ Парижъ, и вся эта лихорадочная политическая жизнь, которою жила Франція, совершалась почти исключительно въ одной стихіи—въ городскихъ сословіяхъ, съ ихъ искусственными идеями, съ ихъ чиновничествомъ, съ ихъ адвокатами и писаками. Все совершалось въ сферѣ правительственной организаціи, посредствомъ фальшивыхъ возбужденій. Истинно земскія силы были безмолвны и бездѣйственны; нигдѣ такъ много не говорилось о народѣ, нигдѣ такъ часто не провозглашались его права, и нигдѣ такъ мало не заявляли себя истинно народныя силы. Ничего органически не выростало изъ земли, все только фабри-

ковалось, все, начиная отъ бумажныхъ конституцій и кончая произведеніями французской поэзіи. Франція не была и не могла быть довольна такимъ положеніемъ; она безпрерывно мѣняла основанія своего политическаго устройства, переходя отъ одной революціи къ другой, отъ одного бумажнаго проекта къ другому. Область проектовъ неизмѣрима; въ области отвлеченій нѣтъ ни малѣйшей причины на чемъ-нибудь основаться; въ свойствѣ отвлеченныхъ построеній заключается необходимость безпрерывныхъ переходовъ и ломки. Если Франція недовольна своимъ положеніемъ, то выйти изъ него она можетъ не прежде какъ отказавшись отъ этого принципа отвлеченныхъ построеній и неразрывно соединенныхъ съ нимъ революцій, диктатуръ, всепоглощающей централизаціи, всеподавляющихъ регламентовъ. Она выйдетъ изъ него не прежде какъ освободившись отъ абсолютизма идей, въ кругу которыхъ такъ долго, такъ мучительно и такъ безплодно вращалась.

Отдавая въ нашей газетѣ отчетъ о тѣхъ засѣданіяхъ французскаго законодательнаго сословія, гдѣ снова появился на сцену политическихъ преній г. Тьеръ, мы высказали невольное впечатлѣніе, которое было возбуждено въ насъ этимъ появленіемъ. Что высказывалось нами здѣсь, на крайнемъ востокѣ Европы, то самое вскорѣ было высказано и на крайнемъ западѣ: французскія политическія идеи, однимъ изъ главныхъ представителей которыхъ служитъ г. Тьеръ, одинаково почувствовались какъ здѣсь во глубинѣ Россіи, такъ и на сосѣднемъ съ Франціей островѣ. Но гораздо важнѣе то что и въ самой Франціи эти негодныя начала деспотизма и диктатуры, украшенныя фальшивымъ лоскомъ либерализма, потеряли свой кредитъ, и что иныя идеи начинаютъ тамъ мало-по-малу овладѣвать умами. Если засѣданія законодательнаго сословія показались намъ такъ интереснымъ что мы сочли нужнымъ давать въ нихъ обязательные отчеты публикѣ, то именно потому что въ нихъ замѣчаются нѣкоторые признаки измѣняющагося настроенія политическихъ идей во Франціи. Замѣчательно то что и самые члены оппозиціи, присланные въ законодательный корпусъ съ цѣлію досадить Наполеоновскому правительству и заявить

ему что Франція тяготится тѣмъ пассивнымъ положеніемъ въ которомъ она теперь находится,—замѣчательно, что и изъ нихъ люди принадлежавшіе къ прежнимъ крайнимъ партіямъ, демократы и соціалисты стараго времени, совершенно измѣнили свой языкъ. Во Франціи еще такъ недавно къ либеральнымъ партіямъ причислялись даже соціалисты и коммунисты. Увы, еще такъ недавно, чтобы попасть въ вожаки, стяжать популярность и даже захватить въ свои руки бразды правленія, стоило только сочинить какой-нибудь новый планъ радикальной передѣлки человѣческаго общества и изложить его фразисто! Теперь все кончено; во Франціи нѣтъ ни соціализма, ни коммунизма; ихъ нѣтъ нигдѣ; только объѣдки ихъ еще доѣдаются нашими нигилистами. Во Франціи, кромѣ смѣха, подобныя ученія уже ничего возбудить не могутъ. Кто хочетъ тамъ въ настоящее время дѣйствовать на общественное мнѣніе, тотъ долженъ пуще всего заботиться о томъ чтобы не прослыть за соціалиста. Даже и демократомъ слыть теперь не очень выгодно, хотя это слово еще и въ чести. Люди прежнихъ французскихъ крайнихъ партій стараются говорить въ духѣ здраваго либерализма, какъ въ политическомъ, такъ по большей части и въ экономическомъ отношеніи. Мы недавно указали на это замѣчательное явленіе. Чего бы ни добивалась нараждающаяся теперь оппозиція во Франціи, низложенія ли нынѣшней династіи или измѣненія нынѣшней правительственной системы, во всякомъ случаѣ, для того чтобъ имѣть успѣхъ, она должна отказаться отъ всякой солидарности съ прежними ученіями и идеями волновавшими Францію. Кто хочетъ теперь пріобрѣсти какое-либо политическое значеніе въ странѣ, тому приходится волею или неволею отказываться отъ прежнихъ замашекъ, отъ прежняго склада мыслей и рѣчи.

Обращаемъ вниманіе читателей на поправку къ адресу предложенную нѣкоторыми членами преимущественно изъ оппозиціи и настаивающую на децентрализаціи; припомнимъ также умныя слова сказанныя по этому поводу маркизомъ Анделарромъ, и не менѣе замѣчательную рѣчь барона де-Вооса, касавшуюся одного изъ самыхъ вредныхъ и въ политическомъ, и экономическомъ

отношеніи узаконеній, стѣсняющаго волю завѣщателя,—рѣчь которая была встрѣчена общимъ одобреніемъ палаты.

Какая разница между этими серіозными заявленіями насущныхъ потребностей и тѣми громозвучными фразами, въ которыхъ провозглашались «права человѣка»! Между тѣмъ и другимъ цѣлая бездна, и эту-то бездну должна перейти Франція, чтобы найти почву для твердаго и дѣйствительно свободнаго политическаго устройства. Франція, кажется, уже и перешла эту бездну,—по крайней мѣрѣ близка къ тому. Правда, въ умахъ остаются еще отзывы прежнихъ идей, еще бродятъ старыя дрожжи. И правительственные, и оппозиціонные ораторы, въ законодательномъ сословіи, одинаково ссылаются, будто на священный догматъ, на «великую и славную революцію», *«la grande et glorieuse revolution»*. Возникаетъ и вопросъ о законѣ общественной безопасности, который держитъ Францію въ осадномъ положеніи,—правительственные ораторы стараются освятить эту мѣру ссылкой на начала великой и славной революціи, а французскимъ либераламъ приходитъ на мысль не исключительный характеръ этой революціонно-диктаторской мѣры, не то что онъ внутренно несовмѣстимъ съ нормальнымъ, спокойнымъ, вездѣ желательнымъ порядкомъ вещей, а то что эта мѣра не соотвѣтствуетъ той славѣ которую Франція стяжала путемъ своихъ революцій. Возникаетъ ли вопросъ о министерскихъ «предостереженіяхъ» даваемыхъ журналамъ,—эту мѣру находятъ неумѣстною во Франціи, которую революція сдѣлала страной свободы. Но всѣ эти отголоски стараго якобинства звучатъ теперь какъ остатки умершаго вѣрованія, какъ суевѣрныя привычки потерявшія смыслъ. Чувствуется что жизненная сила уже покинула эти сферы, гдѣ она обнаруживалась въ явленіяхъ фальшивыхъ и болѣзненныхъ, и что она перемѣщается въ другія, гдѣ можетъ стать дѣйствительно силою жизни.

Маркизъ Анделарръ очень здравомысленно обозначилъ необходимое условіе децентрализаціи, въ которой нуждается Франція. Онъ не пустился въ пышныя развитія принципа самоуправленія; онъ указалъ только на одинъ пунктъ, и указалъ какъ нельзя болѣе мѣтко. Какія бы формы ни принимало мѣстное

самоуправленіе, въ какихъ бы размѣрахъ ни развивалось оно, первое и самое необходимое условіе его состоитъ въ томъ чтобъ оно было дѣйствительно «мѣстное». Теперь вся Франція управляется, по польскому выраженію, *напздомъ*. Система французскаго управленія, которая распространилась по всему материку Европы, есть система правительства *напзжаю*. Франція, какъ теперь, такъ и въ эпоху своего фальшиваго парламентаризма, равно управлялась и управляется какъ покоренная страна дружиною завоевателей. Въ этомъ-то и заключается вся сущность такъ-называемой «административной централизаціи», которая дѣлала Францію неспособною къ политической свободѣ, несмотря на всѣ либеральныя учрежденія, которыя фабриковались для ней въ Парижѣ разными учредительными собраніями. Система эта состоитъ въ томъ, чтобы страна повсюду управлялась администраторами пришлыми, чуждыми обществу, чуждыми мѣстности. Дѣло не въ томъ какъ справедливо замѣчаетъ маркизъ Анделарръ, чтобы меры выбирались мѣстными думами, а въ томъ чтобъ они были изъ мѣстныхъ жителей.

Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ еще можетъ пойти рѣчь о тѣхъ или другихъ формахъ или размѣрахъ самоуправленія, необходимо признать его основу, его первѣйшее условіе. Коль скоро части страны суть ея органическія, равноправныя части, коль скоро вся страна не есть провинція въ отношеніи къ какому-нибудь господствующему гражданству, какъ покоренныя Римомъ области были его провинціями,—коль скоро страна во всѣхъ своихъ частяхъ есть одно и то же цѣльное государство,—то нѣтъ никакихъ основаній примѣнять къ ней порядокъ управленія посредствомъ *напзда*,—разумѣется если нѣтъ на-то какихъ-нибудь особенныхъ, исключительныхъ причинъ. Гдѣ есть сепаратизмъ, тамъ не могутъ прилагаться начала нормальнаго порядка: но и тамъ исключительныя мѣры должны имѣть значеніе мѣръ исключительныхъ, а не порядка вещей нормальнаго. Если имѣется въ виду административная децентрализація страны, если имѣется въ виду мѣстное самоуправленіе и общественная свобода, то въ какой бы степени ни предполагалось примѣненіе этихъ началъ, надобно все-таки идти въ ихъ направ-

ленія, а не въ направленіи противоположномъ. При нормальномъ положеніи, которое опирается не на революцію, не отъ революціи ведетъ себя, не къ революціи себя возводитъ,—не только органы самоуправленія, но и самые представители верховной власти могутъ быть назначаемы изъ мѣстныхъ элементовъ. Во Франціи, кромѣ революціоннаго навыка, нѣтъ другой причины ставить и меровъ, и самихъ префектовъ изъ людей *наѣзжихъ*. Маркизъ Анделарръ ссылается на Англію и припоминаетъ мысли о самоуправленіи которыя высказывалъ самъ императоръ, также ссылавшійся на Англію. Но въ Англіи лорды-лейтенанты въ графствахъ назначаются въ это званіе не потому что они занимаютъ такую или другую степень въ административной іерархіи, не на бюрократическомъ основаніи, а по ихъ мѣстному и общественному значенію. Въ этомъ заключается главная сила, отличающая революціонный порядокъ, господствующій во Франціи, отъ англійскаго самоуправленія и политической свободы.

Отъ Франціи мы невольно переносимся мыслію къ нашимъ домашнимъ дѣламъ. У насъ измѣняются старые порядки; общественныя силы постепенно развязываются и получаютъ все бо́льшую и бо́льшую свободу. Общественная свобода и мѣстное самоуправленіе могутъ быть допускаемы въ той или другой степени, ихъ организація можетъ получать болѣе или менѣе удовлетворительныя формы; но коль скоро эти начала имѣются въ виду, то дѣла должны идти по направленію къ нимъ, а не отъ нихъ. Необходима тщательная провѣрка новыхъ понятій, вступающихъ въ силу, чтобы въ нихъ не закралась сбивчивость, которая не замедлитъ перейти и въ практику. Не вдругъ, конечно, можетъ быть измѣнено старое; нельзя сѣтовать на то что еще держатся тѣ или другіе издавна существующіе порядки. Но, безъ сомнѣнія, желательно, чтобы разныя подробности нововведеній согласовались съ общимъ направленіемъ и цѣлію реформъ. Уѣздные исправники у насъ прежде выбирались дворянскими собраніями изъ мѣстныхъ помѣщиковъ; теперь они назначаются центральною администраціей. Если нечего особенно жалѣть прежнихъ выборныхъ

исправниковъ, то можно пожелать, чтобы тѣмъ не менѣе исправники назначались изъ мѣстныхъ жителей, извѣстныхъ въ краѣ и знакомыхъ съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, эти чиновники отнюдь не должны считать себя начальниками уѣзда. Слово «начальникъ» вноситъ только смуту въ понятіе о дѣлѣ, а сталобыть и въ самое дѣло. По странной случайности, именно въ настоящую пору, когда администрація принимаетъ на дѣлѣ все болѣе и болѣе свойственный ей характеръ, входитъ въ употребленіе терминъ, который не употреблялся и въ то время когда онъ болѣе соотвѣтствовалъ существовавшему порядку. Губернаторы предпочитаютъ называть себя «начальниками губерній», хотя въ первоначальномъ актѣ учреждающемъ эту должность, какъ равно и въ высочайшихъ приказахъ, они называются просто губернаторами; а наконецъ и исправники почему-то не прочь приписывать себѣ титулъ «начальниковъ уѣзда».

Кстати объ исправникахъ. Изнутри продолжаютъ доходить свѣдѣнія что въ иныхъ мѣстахъ они начинаютъ вмѣшиваться въ дѣла мировыхъ съѣздовъ, такъ что уѣздные предводители должны иногда дѣлать энергическія усилія чтобы давать имъ отпоръ. Едва ли это хорошо...

XV.

24-го января.

...Читатели найдутъ ниже (въ томъ же №) отчетъ о первомъ изъ двухъ засѣданій французскаго законодательнаго сословія по польскому дѣлу: что же по этому поводу высказала оппозиція? Какія мѣры предложила? Какіе подала практическіе совѣты? Какія дѣйствительно государственныя мысли выразила? Еслибы надъ рѣчами гг. барона Давида и Пельтана во французскихъ газетахъ не было напечатано большими буквами «законодательное сословіе», мы должны были бы подумать что читаемъ *premier Paris* какой-нибудь *Opinion Nationale* или статейку г. Мазада: такое въ нихъ совершеннѣйшее

отсутствіе всего того чего должно бы ожидать отъ людей хотящихъ подавать совѣты коронѣ!

Каждая страна можетъ имѣть свои особые интересы, несовмѣстные съ интересами другой страны; интересы Франціи могутъ въ иныхъ случаяхъ быть противоположны интересамъ Россіи: Франція можетъ желать существованія на Вислѣ дружественнаго ей государства, въ тылу Германіи; это даже нерѣдко выражали ея государственные люди прошедшаго вѣка. Намъ, конечно, можетъ не нравиться это желаніе, но мы не удивились бы, найдя его въ рѣчи одного изъ представителей Французскаго народа. Напротивъ, насъ именно то и удивляетъ что ни одинъ изъ ораторовъ оппозиціи, а ихъ было не мало, даже не намекнулъ на эту мысль, на эту единственную истинно государственную и практическую мысль, могущую съ точки зрѣнія Франціи оправдать постоянное вмѣшательство ея въ польскія дѣла. Вмѣсто этого, что мы встрѣчаемъ? *Отечество Чингисхана, казакованье Европы, оплотъ противъ татарскихъ ордъ* и тому подобныя фразы лишенныя смысла и содержанія. Г. Давидъ предлагаетъ *mettre la Russie au ban de l'Europe*; что это значитъ на языкѣ простыхъ смертныхъ? Въ чемъ состоитъ осязательный смыслъ этой громкой фразы? Какимъ образомъ напримѣръ устранить значеніе Россіи хоть изъ шлезвигскаго вопроса? Г. Давидъ однимъ мановеніемъ своей руки исключаетъ Россію изъ числа европейскихъ государствъ, разрываетъ трактаты связывающіе ее со всѣми современными международными вопросами! *Comediente!.. tragediente!..* вспоминаемъ мы невольно слова Пія VII по поводу другаго французскаго оратора, разрушавшаго на словахъ и церковь и религію: г. Давидъ вѣдь не хочетъ войны съ Россіей; онъ только хочетъ признать Поляковъ воюющею стороной. Г. Пельтанъ бѣснуется еще больше, хотя стоитъ за предложеніе еще болѣе милостивое къ намъ; онъ требуетъ чтобы были прерваны дипломатическія сношенія съ Россіей, но вымещаетъ снисходительность своего требованія такою запосчивостію рѣчи что даже французская палата прерываетъ слова его. По нашему ужь право логичнѣе достопочтенный г. Геру, который вѣренъ своей безусловной предан-

пости революціонному жонду и просто-на-просто предлагаетъ кинуться въ штыки на Россію. *Allons, marchons*, какъ характеризуетъ французскую націю одинъ изъ Диккенсовыхъ героевъ.

Постараемся стать на мѣсто французской оппозиціи и представить себѣ ея интересы. Она слаба въ палатѣ, она не сильно поддерживается и страной. Что же слѣдуетъ ей дѣлать? Прежде всего внушить къ себѣ уваженіе изученіемъ вопросовъ которыхъ она касается, дѣльностію предлагаемыхъ ею мѣръ, практичностію совѣтовъ. При этихъ, и только при этихъ, условіяхъ правительство принуждено было бы, а можетъ-быть и пожелало бы воспользоваться ея совѣтами, и ея голосъ получилъ бы вѣсъ въ странѣ. Но какъ принимать за нѣчто серіозное людей ничтожныхъ числомъ, ничтожныхъ талантами (за малыми исключеніями) и заносчиво выступающихъ съ фельетонными спичами? Вотъ напримѣръ по польскому вопросу эти господа приготовляли свои рѣчи, когда польское дѣло уже погибло въ Европѣ; они хотѣли помочь ему: не слѣдовало ли имъ собрать какъ можно болѣе достовѣрныхъ фактовъ, но они не подумали оказать хоть эту услугу несчастной, ими гальванизируемой странѣ. Они говорили нисколько не лучше чѣмъ какъ пишутъ газетчики. Г. Пельтанъ объявляетъ напримѣръ что у него въ рукахъ документъ доказывающій, что въ одномъ уѣздѣ, изъ числа взятыхъ оттуда въ рекруты 11 тысячъ, возвратилось лишь 300 человѣкъ. Но кто же виноватъ, если отставные солдаты не охотно идутъ туда, а остаются въ Россіи? не лучше ли было бы приберечь «этотъ документъ» для спича въ какомъ-нибудь демократическомъ клубѣ? Г. Давидъ соревнуетъ г. Пельтану въ распространеніи небывалыхъ анекдотовъ о русскихъ жестокостяхъ. Этотъ просто-на-просто повторяетъ давно опровергнутую старину. Мы впрочемъ отнюдь не сердимся на нихъ. Намъ очень легко перенести ихъ лживыя нападенія. Мы вполнѣ вознаграждены за безобразіе словъ благопріятнымъ дѣломъ. Оппозиція не могла сойтись ни на чемъ по польскому вопросу. Только одинъ г. Геру, душой и тѣломъ принадлежащій Полякамъ, осмѣлился говорить о войнѣ за Польшу. Всѣ другіе высказались за миръ и только предлагали какую-нибудь

демонстрацію. Но и на выборѣ демонстраціи они не могли сойтись. Одни не могли разстаться съ мыслію о признаніи Поляковъ воюющею стороной, другіе увлеклись перспективой событій которыя должны послѣдовать за прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній съ Россіей. Словомъ, польское дѣло произвело совершенный хаосъ въ оппозиціи.

Надо имѣть много вѣжливости и снисхожденія, чтобы рѣшиться возражать гг. Пельтану, Геру и Давиду, или даже слушать ихъ съ признаками вниманія. Человѣкъ менѣе сдержанный, какъ напримѣръ г. фонъ-Бисмаркъ, объявилъ однажды одному оратору похожему на гг. Пельтана и Давида, что онъ весьма удобно можетъ слушать его рѣчи изъ другой компаты. Этимъ господамъ возражалъ однакоже самъ герцогъ де-Морни, главный посредникъ происшедшаго было между Россіей и Франціей сближенія. Но и въ рѣчи почтеннаго президента законодательнаго сословія о Россіи что̀ ни слово, то фальшивая нота. Невыразимо обидны намъ эти надежды нашихъ доброжелателей на нашу уступчивость, все еще показывающія что въ самостоятельность Россіи они рѣшительно не хотятъ вѣрить. Затѣмъ, несмотря на все уваженіе къ французской цивилизаціи, намъ крайне обидны похвалы дѣлаемыя нашему политическому устройству съ французской точки зрѣнія, и указывающія на сходство нашихъ внутреннихъ политическихъ отношеній съ французскими. Герцогъ де-Морни отрекомендовалъ Россію благосклонности французской палаты, какъ страну весьма демократическую, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе демократическую чѣмъ сама Франція. Мы вполнѣ цѣнимъ желаніе сказать намъ комплиментъ, но не можемъ не замѣтить что едва ли всѣ историческія условія нашей жизни могутъ сдѣлаться предметомъ благосклоннаго вниманія въ теперешней Франціи, и что мы чрезвычайно этому рады. Французскій демократизмъ пропитанъ ядомъ зависти и раздраженія; съ понятіемъ французской демократіи невольно связывается представленіе блузы, карманьёлы, и ненависти къ *ces chiens d'aristocrates*. Смѣемъ увѣрить достопочтеннаго герцога де-Морни что ничего подобнаго нѣтъ у насъ. Мы точно совершаемъ историческое движеніе къ граж-

данской равноправности; у насъ точно начинало выростать нѣчто въ родѣ польскаго шляхетства, и герцогъ де-Морни правъ, что отнынѣ это прекратится. Но помимо этого демократизма, этого притязанія на равенство, находившаго себѣ пріютъ въ средѣ дворянскаго сословія, помимо этого феодализма демократическаго, какъ его не совсѣмъ точно назвалъ де-Морни, у насъ не было и нѣтъ ничего похожаго на французскую демократію, и ни богатство, ни знатное имя не составляютъ у насъ для бѣдныхъ людей предмета ненависти или зависти. Такова демократія русская, и въ этомъ отношеніи мы позволяемъ себѣ надѣяться что стоимъ на лучшей дорогѣ чѣмъ Франція. Ни между старинною французскою *noblesse* и нашимъ дворянствомъ, ни между французскою демократіей и нашимъ народомъ, ни вообще между Россійскою имперіей и имперіей Французскою нѣтъ ничего общаго.

XVI.

27-го января.

Говорятъ что мы бѣдны. Статья г. Воловскаго о состояніи нашихъ финансовъ, помѣщенная въ *Revue des deux Mondes*, облетѣла Европу. Повсюду твердятъ что состояніе финансовъ наиболѣе слабая сторона Россіи; легкомысленные враги готовы видѣть въ этомъ залогъ успѣха всякаго воинственнаго предпріятія противъ «колосса съ глиняными ногами»; даже г. Бодрильяръ, въ *Journal des Débats*, совѣтуетъ намъ всяческую уступчивость, приглашая впрочемъ и враговъ нашихъ не забывать въ своихъ разчетахъ грозную массу, *une masse formidable*, то-есть по-просту Русскій народъ. Мы, Русскіе, очень хорошо знаемъ что средствъ у насъ и много и мало: много на случай войны за неприкосновенность Русской державы; мало на ежедневныя будничныя потребности. Мы знаемъ также что при извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ Россія можетъ легко выйти и изъ этихъ затрудненій, и что въ нихъ отнюдь нельзя видѣть какой-либо органическій порокъ. Но въ настоящую минуту, должно признаться, мы все-таки бѣдны.

И однакоже нельзя сказать чтобы мы были очень бережливы. Давно уже хотѣли мы поговорить о новомъ обширномъ заведеніи, которое не по днямъ, а по часамъ растетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы и именуется Петровскою Земледѣльческою и Лѣсною Академіей. На дняхъ намъ случилось видѣть печатный проектъ новаго заведенія, устраиваемаго— таково требованіе современности—на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Возникаетъ громадное заведеніе, подобнаго которому, какъ по обширности средствъ, такъ и по самому характеру, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Какъ не желать успѣха новому заведенію? Но нельзя воздержаться и отъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Еслибы нѣсколько благотворительныхъ лицъ основали сельскохозяйственное заведеніе и, раскрывъ настежь его двери и окна, пригласили всѣхъ и каждаго, безъ опредѣленной цѣли и плана, пользоваться нравственными и матеріальными богатствами широкаго заведенія, то скептики могли бы только сожалѣть что благія намѣренія благотворителей приняли подобное направленіе и привели къ безплодному и расточительному плану. Дѣло становится серіознѣе, когда вспомнимъ, что новое заведеніе, обѣщающее затмить блескъ Семирамидиныхъ садовъ, воздвигается на казенный счетъ, требуетъ болѣе полумилліона для своего начальнаго устройства и обѣщаетъ значительно болѣе чѣмъ стотысячную ежегодную прибавку къ государственному бюджету. Не позволительно ли спросить, чѣмъ вызвано это громадное заведеніе, какой вопіющей потребности оно удовлетворяетъ, какую опредѣленную цѣль оно имѣетъ и кого будетъ выпускать изъ своихъ стѣнъ?

Безъ сомнѣнія, при открытіи новой Академіи будетъ торжественное собраніе. Будущему оратору торжества мы рѣшительно совѣтуемъ начать свою рѣчь слѣдующимъ, не лишеннымъ эффекта, вступленіемъ: «Мм. гг., можетъ онъ сказать, славный французскій астрономъ Біо, знакомя ученую публику съ устройствомъ нашей знаменитой Пулковской обсерваторіи, представилъ увлекательную картину жизни ученыхъ, окруженныхъ въ избыткѣ всѣми пособіями науки, обезпеченныхъ въ матеріальныхъ нуждахъ, образующихъ изъ себя колонію астро-

помовъ, находящуюся достаточно близко къ большому городу, чтобы пользоваться его удобствами, но вдали отъ его шума;— и заключилъ свое описаніе словами: «да это утопія, скажутъ «мнѣ; созданное воображеніемъ астрономическое Эльдорадо; «между тѣмъ я ничего не выдумалъ: это вѣрное изображеніе «устройства Пулковской обсерваторіи.» Позвольте и мнѣ раскрыть предъ вами картину внутренней жизни другаго заведенія, назначеннаго не для того чтобы слѣдить за движеніемъ отдаленныхъ міровъ, но чтобы стереть съ человѣка тяжелое призваніе въ потѣ лица снѣдать хлѣбъ свой. Свободные слушатели, не стѣсненные ни экзаменами, ни другими какими-либо формальностями старой рутины, стекаются вокругъ свободныхъ каоедръ; вольною рукой берутъ они все что̀ имъ пригодно изъ неисчерпаемой сокровищницы умственно и матеріально цвѣтущаго заведенія. Они живутъ въ изящныхъ домикахъ вокругъ величественнаго дворца науки, свободные отъ всякаго принужденія или надзора, охраняемые собственными добродѣтелями, и весело слушаютъ умныя рѣчи. Сюда пріѣзжаетъ умиленный помѣщикъ дивиться новѣйшимъ усовершенствованіямъ; приходитъ скромный огородникъ взглянуть какъ хозяйничаетъ наука. Да это эдемъ, скажутъ мнѣ, это Острова Блаженныхъ, —

. . . arva, beata
Petamus arva, divites et insulas.

Но говорю вамъ не объ Островахъ Блаженныхъ, я представилъ только вѣрную картину Петровской Академіи, неожиданно воздвигшейся въ центрѣ нашей страны, земледѣльческой по преимуществу»....

Но если геній фантазіи подсказываетъ намъ эту пышную рѣчь, то злой здравый смыслъ нашептываетъ другое. Если въ библіотекѣ Петровской Академіи будутъ находиться сочиненія Декарта, и какой-нибудь вольный общникъ ея—такъ потомство назоветъ учащихся — отдыхая отъ прогулки по фермамъ, примется перелистывать его сочиненіе *О методѣ*, то онъ задумается на самомъ началѣ: «повидимому, здравый смыслъ есть вещь наилучшимъ образомъ распредѣленная въ мірѣ, ибо всякій

считаетъ себя столь богатымъ по части здраваго смысла, что даже тѣ, чьи желанія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ весьма трудно удовлетворить, обыкновенно не желаютъ здраваго смысла болѣе того, сколько его имѣютъ.» Философъ правъ, скажетъ нашъ агрономъ, и лучшее доказательство тому—Академія; здравый смыслъ имѣетъ право на большій почетъ; люди слишкомъ мало дорожатъ этимъ скромнымъ даромъ и слишкомъ часто забываютъ призвать его на совѣтъ, прельщаясь широкими планами и увлекательными затѣями. Нашъ агрономъ, размышляя о своей Академіи, будетъ навѣрное расположенъ говорить панегирики здравому смыслу.

Пулковская обсерваторія — дѣйствительно знаменитое и полезное учрежденіе, и было бы хорошо еслибы потребность высшей земледѣльческой академіи была сознана съ такою ясностью, съ какою представлялась необходимость замѣнить пришедшую въ упадокъ академическую обсерваторію заведеніемъ удовлетворяющимъ современному состоянію науки, и еслибы планъ новаго заведенія былъ выработанъ съ такимъ неторопливымъ вниманіемъ и изученіемъ, какъ планъ Пулковской обсерваторіи. Встрѣчаемъ ли мы что-нибудь подобное въ воздвигаемомъ нынѣ небываломъ заведеніи, долженствующемъ совмѣстить въ себѣ и ученую академію, и школу, и приложеніе въ обширныхъ размѣрахъ науки къ практикѣ, и образцовую ферму на коммерческомъ основаніи, и многія другія затѣи?

Примѣръ Горыгорѣцкаго Института, этого спеціальнаго сельско-хозяйственнаго заведенія, выпускавшаго преимущественно чиновниковъ для разныхъ вѣдомствъ, могъ бы казалось служить довольно наглядымъ доказательствомъ, какъ мало значенія для нашего хозяйства имѣютъ наши высшія сельско-хозяйственныя школы. Но, скажутъ намъ, къ кому же хозяева-практики обратятся за совѣтомъ, гдѣ увидятъ на дѣлѣ приложеніе новѣйшихъ усовершенствованій, какъ не въ ученомъ заведеніи, снабженномъ богатою фермой? Въ Москвѣ былъ и есть хуторъ при Земледѣльческой Школѣ, хуторъ именно назначавшійся для этой цѣли, но извѣстный болѣе какими-то исторіями довольно скандалезнаго свойства, чѣмъ принесенною имъ пользой.

Высшая школа не удалась; ученая ферма не принесла пользы: ясно, что должно истратить милліонъ, воздвигнуть еще болѣе высокую школу и завести двѣ богатѣйшія фермы — и дѣло пойдетъ на ладъ. Между тѣмъ, если въ самомъ дѣлѣ есть потребность въ ученой фермѣ, что мѣшаетъ усовершенствовать существующій хуторъ? Если есть потребность въ публичныхъ курсахъ, что мѣшаетъ открыть ихъ при Университетѣ или при Обществѣ Сельскаго Хозяйства, вмѣсто того чтобы рядомъ съ Университетомъ заводить новый факультетъ отличающійся отъ естественнаго отдѣленія университета только отсутствіемъ преподаванія математики и включеніемъ въ курсъ ветеринарной медицины, политической экономіи, лѣснаго законодательства и сельско-хозяйственнаго строительнаго искусства? Еслибы нужно было поощрить ученыхъ занимающихся сельскимъ хозяйствомъ и соприкасающимися съ нимъ науками, то это могло бы быть достигнуто платой за публичные курсы, пособіями на изданіе сочиненій и т. п. Не знаемъ, насколько окупитъ новое заведеніе потраченныя на него средства и какой процентъ съ капитала составитъ польза, которую оно будетъ приносить, но не можемъ скрыть нашего мнѣнія, что десятокъ тысячъ разумно употребленный привелъ бы къ тѣмъ же результатамъ, какихъ можно ждать отъ летящихъ нынѣ сотень.

Впрочемъ, эти сотни тысячъ пойдутъ не на одно сельское хозяйство. Съ ихъ помощію будетъ произведенъ опытъ въ области педагогіи. Новая Академія, судя по проекту ея устава, должна представить оригинальное явленіе въ педагогическомъ отношеніи. Казалось бы, что спеціальная школа назначается къ образованію спеціалистовъ. Но первый параграфъ устава явственно гласитъ что новая школа съ ея академически-практическимъ характеромъ вовсе не имѣетъ въ виду заняться образованіемъ спеціалистовъ, а «учреждается для распространенія свѣдѣній по сельскому хозяйству и лѣсоводству». Какъ средства къ достиженію этой цѣли, во второмъ параграфѣ указываются: лекціи и практическія занятія. Академія открываетъ свои богатства и не хочетъ знать, кто и какъ и зачѣмъ ими пользуется. Новая школа не имѣетъ учениковъ въ обыкновен-

номъ смыслѣ: она не экзаменуетъ вступающихъ и ни малѣйшимъ образомъ не интересуется вольными занятіями своихъ слушателей. Понятно, что при такомъ началѣ не можетъ быть и намека на какой-либо нравственный или учебный надзоръ и тѣмъ болѣе на что-нибудь подобное инспекціи. Всякій желающій, внеся 25 рублей, допускается и къ слушанію лекцій, и къ практическимъ занятіямъ (повидимому, составители проекта не предполагаютъ чтобы желающихъ оказалось много; иначе такое допущеніе къ практическимъ занятіямъ, напримѣръ, въ лабораторіяхъ, могло бы, пожалуй, оказаться не совсѣмъ удобнымъ на практикѣ). Выпускныхъ экзаменовъ въ обыкновенномъ смыслѣ тоже не предполагается въ ученой Академіи. Имѣя въ виду только распространять свѣдѣнія, Академія не намѣрена выпускать учениковъ по которымъ можно было бы судить о ея благотворномъ вліяніи. Впрочемъ, желающіе могутъ подвергнуть себя испытанію изъ одного или нѣсколькихъ предметовъ преподаваемыхъ въ Академіи. Выдержавшій такое испытаніе получаетъ свидѣтельство. Надо радоваться что съ этимъ свидѣтельствомъ не соединено чиновъ или какихъ-либо особыхъ правъ службы, за исключеніемъ впрочемъ отдѣла, не скажемъ готовящаго, но въ которомъ желающимъ предлагаются средства готовить себя въ лѣсничіе офицеры (по всей вѣроятности этотъ отдѣлъ, для котораго назначается шестьдесятъ несоединенныхъ ни съ какимъ обязательствомъ стипендій, и будетъ главною частью Академіи, обѣщающей обратиться въ заведеніе для приготовленія лѣсничихъ по новой методѣ, при помощи свободнаго пребыванія ихъ въ стѣнахъ, садахъ и лѣсахъ Академіи). Предлагая желающимъ сокровища свѣдѣній, благодѣтельная Академія предлагаетъ и деньги. Для бѣдныхъ, сказано въ проектѣ устава, учреждается двадцать пять стипендій по 250 р. (замѣтьте, стипендіи крупнѣе университетскихъ). Если слушатель Академіи имѣетъ дипломъ высшаго учебнаго заведенія, то ему достаточно представить только свидѣтельство о бѣдности чтобъ имѣть право на стипендію; кончившіе курсъ въ гимназіяхъ, кромѣ того, должны подвергнуться нѣсколькимъ дополнительнымъ вопросамъ по русскому языку, математикѣ и

физикѣ. Академія дерзнула посягнуть на нѣкоторое ограниченіе свободы стипендіатовъ. Установить обыкновенные экзамены для повѣрки занятій получающихъ степендіи составители проекта не рѣшились, тѣмъ болѣе что стипендіи Академіи назначены не для поощренія въ занятіяхъ, а раздаются въ качествѣ пособія для бѣдныхъ. Но стипендіатъ обязанъ ежегодно подвергаться, по каждой изъ наукъ избраннаго имъ отдѣла, какому-то частному испытанію по усмотрѣнію преподавателя. Такому же правилу подчиняются и стипендіаты по отдѣлу лѣсоводства. Мы порадовались тому что свидѣтельства выдаваемыя Академіей не даютъ права на чинъ. Но насъ ожидаетъ совершенное разочарованіе. Если академическое свидѣтельство не сопряжено (за исключеніемъ отдѣла лѣсоводства) ни съ какими особыми правами, то обладателю такого свидѣтельства достаточно сдѣлать еще одинъ небольшой шагъ чтобы получить права, и притомъ весьма не маловажныя. Составители проекта не забыли приберечь для своего заведенія сильную приманку. Академія, согласно проекту, имѣетъ право давать ученую степень магистра со всѣми преимуществами университетской магистерской степени, и при томъ на правахъ Школы Правовѣдѣнія, то-есть мимо степени кандидата. Юноша окончившій курсъ въ гимназіи заявляетъ себя слушателемъ этой Академіи. Чрезъ три года подвергаетъ себя испытанію на свидѣтельство по одной изъ четырехъ спеціальностей, на какія раздѣлены преподаваемыя въ Академіи науки, и получаетъ желанное свидѣтельство. Съ нимъ онъ является на магистерское испытаніе. Послѣднее состоитъ изъ экзамена по *одному* главному предмету отдѣла, экзамену, производимому по конспекту составленному самимъ экзаменующимся и одобренному совѣтомъ Академіи. Выдержавъ экзаменъ, счастливый искатель степени пишетъ диссертацію по нетрудному отдѣлу избранной науки:— и, вотъ, онъ магистръ съ девятымъ классомъ, правомъ на профессорское мѣсто и т. д. Промоція, какъ видимъ, очень быстрая. Для окончившаго курсъ въ Университетѣ дѣло—еще легче. Онъ не экзаменуется изъ тѣхъ наукъ которыя слушалъ въ Университетѣ (аттестатъ Университета или Земледѣльческаго

Института считается наравнѣ со свидѣтельствомъ Академіи). Такимъ образомъ, напримѣръ, дѣйствительному студенту отдѣла естественныхъ наукъ для полученія степени магистра скотоводства придется проэкзаменоваться только изъ ветеринарной медицины и земледѣлія. Потомъ экзаменъ изъ скотоводства, небольшая диссертація, и нашъ дѣйствительный студентъ—магистръ. Въ университетахъ магистерскій экзаменъ имѣетъ серіозное значеніе, и рѣдко кто достигаетъ этой степени ранѣе четырехъ или пяти лѣтъ по окончаніи полнаго университетскаго курса. Но, скажутъ намъ, и при внѣшней легкости требованій экзаменъ можетъ быть такъ серіозенъ, что увѣнчаны будутъ только дѣйствительно достойные. Это правда; но плохо если дѣло будетъ зависѣть единственно отъ произвола экзаминаторовъ и отъ обычая, какой имѣетъ установиться болѣе или менѣе случайно. Представимъ себѣ что въ Академію мало идетъ слушателей; тогда магистерство будетъ служить хорошею приманкой. А при легкости требованій экзаминаторамъ не легко будетъ остановить ловкаго молодаго человѣка, который пожелаетъ скоро сдѣлать свою карьеру, чтобы потомъ раскланяться и съ Академіей и съ сельскимъ хозяйствомъ.

Проектъ устава Академіи неопредѣленною ширинои своею, отсутствіемъ указанія для кого собственно и для какой опредѣленной цѣли назначается заведеніе требующее такихъ громадныхъ средствъ, показываетъ, что новое заведеніе возникло вовсе не вслѣдствіе ясно выразившейся потребности въ высшей сельско-хозяйственной академіи, а вслѣдствіе случайнаго соединенія обстоятельствъ. Извѣстно какимъ образомъ иной разъ возникаютъ у насъ обширныя учрежденія. Въ какомъ-нибудь изъ вѣдомствъ оказалась значительная экономическая сумма, накопившаяся въ теченіе многихъ лѣтъ. Этой суммѣ предстояло отойти въ государственное казначейство, и экономія многихъ лѣтъ осталась бы безъ слѣда для вѣдомства, привыкшаго жить отдѣльною жизнію въ общей системѣ управленія. Пожертвовать значительную сумму на благое просвѣщеніе развѣ это не самое лучшее употребленіе накопленнаго капитала? Еслибы г. Воловскій и другіе знали, какъ много денегъ у насъ такимъ

образомъ *жертвуется* на весьма привлекательныя, но совершенно фантастическія цѣли, то понятіе этихъ господъ о русскихъ финансахъ измѣнилось бы къ лучшему. Они убѣдились бы, что съ нашимъ дефицитомъ легче справиться чѣмъ съ австрійскимъ.

XVII.

28-го января.

Едва ли о какомъ-либо предметѣ было у насъ въ послѣднее время такъ много всякихъ толковъ и пересудовъ, какъ о народномъ образованіи. Мнѣнія о проектахъ отбирались у множества лицъ, не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ; изъ мнѣній составлялись новые проекты, которые въ свою очередь опять подвергались суду разныхъ мнѣній. Сколько намъ извѣстно, дѣло о народныхъ школахъ приближается теперь къ рѣшенію. Разработка этого вопроса, хотя нѣсколько и эксцентрическая, не могла не принести своей доли пользы: что прежде казалось возможнымъ и полезнымъ, то по нѣкоторомъ обсужденіи оказалось вовсе непримѣнимымъ, и не только не полезнымъ, но вреднымъ для распространенія первоначальнаго образованія въ народныхъ массахъ. Стало очевиднымъ что *мнѣнія,* сами по себѣ, ничего не могутъ и ничего не должны *рѣшать* въ дѣлѣ народнаго образованія, которое по вслѣдствіе какихъ-нибудь мнѣній, а по самой природѣ вещей, должно находиться въ непосредственной связи съ основными началами и дѣйствительными условіями народнаго быта. Пришли, если не къ убѣжденію, то къ заключенію, что *система каменныхъ народныхъ училищъ* совершенно не состоятельна, и что единственно полезный видъ правительственнаго участія въ дѣлѣ народнаго обученія есть *система поощреній и пособій* народнымъ школамъ содержимымъ на частныя или общественныя средства. Въ развитіи этого *финансоваго* положенія о назначеніи изъ казны извѣстной суммы на поощренія и пособія школамъ должна была бы, какъ кажется, состоять главная сущность устава

о народныхъ школахъ. Дѣйствительно, только такой способъ правительственнаго участія въ дѣлѣ народныхъ школъ и можетъ быть полезенъ, но онъ можетъ быть полезенъ лишь подъ условіемъ правильнаго примѣненія. «Принявъ въ дѣлѣ распространенія первоначальнаго ученія систему поощренія и пособій» проектъ, къ сожалѣнію, не раскрываетъ началъ на основаніи которыхъ должно быть производимо пособіе. Да и самое это положеніе высказано какъ бы случайно и мимоходомъ, а не какъ основная мысль, изъ которой должны были бы вытекать всѣ подробности проекта.

Такъ какъ крестьянское населеніе подчинено у насъ разнымъ вѣдомствамъ, и сверхъ того вѣдомства училищное и духовное стоятъ совершенно особнякомъ относительно другъ друга, то естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей было то, что школы для первоначальнаго обученія были какими-то придатками къ управленіямъ разныхъ вѣдомствъ. Въ поясненіяхъ къ проекту высказывается мысль, что вслѣдствіе такого положенія нашихъ народныхъ школъ возникъ *«антагонизмъ по духамъ учебнымъ»*, какъ между отдѣльными правительственными вѣдомствами, такъ и между училищами правительственными и частными». Быть-можетъ, и дѣйствительно, въ высшей сферѣ разныхъ вѣдомствъ, надъ этими школами пролетали бури; но взаимныя отношенія между народными школами всѣхъ возможныхъ вѣдомствъ, правительственныхъ и частныхъ, были всегда совершенно спокойныя, не только безъ всякихъ признаковъ какой-либо вражды, но даже и соревнованія; каждая изъ этихъ школъ жила сама по себѣ, своею скромною жизнію, безъ всякой связи съ другими школами какъ своего, такъ и чужихъ вѣдомствъ. Бывали, правда, случаи, что иные семинаристы, исполнявшіе должности учителей въ школахъ казенныхъ селеній, обращались съ жалобами по начальству на грамотѣевъ изъ мѣщанъ и отставныхъ солдатъ, которые отвлекали крестьянскихъ дѣтей отъ посѣщенія казенныхъ сельскихъ школъ; но такія слабыя и наивныя попытки къ монополизированію обученія крестьянскихъ дѣтей—далеки, конечно, отъ чего-нибудь подобнаго, напримѣръ, тому что встрѣчаемъ въ Бельгіи въ ожесточенной

борьбѣ за право народнаго обученія между католическимъ духовенствомъ и партіей либераловъ. Если же нѣчто подобное, къ сожалѣнію, происходило и у насъ недавно въ юго-западныхъ губерніяхъ, то это явленіе ни мало не связано съ условіями самой жизни, а есть порожденіе обстоятельствъ и вліяній совершенно чуждыхъ ея дѣйствительнымъ условіямъ.

Итакъ, мы дозволяемъ себѣ думать, что антагонизмъ по дѣламъ учебнымъ между нашими народными школами разныхъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ есть не болѣе какъ призракъ. Въ проектѣ полагаютъ, что для прекращенія этого фантастическаго антагонизма и для направленія всѣхъ различныхъ органовъ образованія къ общей цѣли лучшею мѣрой было бы учрежденіе въ каждомъ уѣздѣ попечительныхъ училищныхъ совѣтовъ, составленныхъ изъ чиновниковъ разныхъ министерствъ и вѣдомствъ и назначаемыхъ, по § 29 проекта, губернаторомъ, архіереемъ, попечителемъ учебнаго округа, управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ и удѣльною конторой. Кромѣ этихъ лицъ, въ совѣтѣ могутъ быть членами и попечители школъ, которыхъ избирать предоставляется (§ 12) обществамъ. Мы не говоримъ о попечителяхъ школъ, потому что не знаемъ, что̀ это будутъ за люди; но что касается до остальныхъ членовъ совѣта, то можно серіозно опасаться чтобъ они въ училищную жизнь не внесли того антагонизма, который ей неизвѣстенъ, но который естественно развивается между представителями разныхъ вѣдомствъ.

Надъ уѣздными совѣтами предполагается, въ проектѣ, учредить совѣтъ губернскій, изъ епархіальнаго архіерея, губернатора, директора училищъ, управляющихъ палатой государственныхъ имуществъ и удѣльною конторой. Мы согласны, что въ настоящую минуту нѣтъ другихъ средствъ составить губернскій совѣтъ; но въ рѣдкой губерніи подобный совѣтъ обойдется безъ внутреннихъ столкновеній и ссоръ, особенно если будетъ подчиненъ, какъ теперь предполагается, Министерству Народнаго Просвѣщенія, ибо въ этомъ случаѣ директоръ училищъ, въ качествѣ посредника и докладчика, получитъ надъ своими

сочленами фактическій перевѣсъ, который не будетъ имъ нравиться. Нельзя ли было бы подчинить губернскіе совѣты какому-нибудь нейтральному мѣсту, устроенному и поставленному на подобіе комитета Человѣколюбиваго Общества?

Но главный вопросъ, какъ мы уже сказали, сосредоточивается на томъ, какимъ образомъ разовьется въ уставѣ мысль о правительственныхъ пособіяхъ и поощреніяхъ обществамъ и частнымъ лицамъ, принимающимъ непосредственное участіе въ заводимыхъ ими народныхъ школахъ. Она выражается въ тѣхъ пунктахъ проекта гдѣ излагаются обязанности уѣздныхъ и губернскихъ училищныхъ совѣтовъ. На обязанности уѣзднаго совѣта лежитъ «представленіе губернскому училищному совѣту о тѣхъ училищахъ, учителяхъ и учительницахъ, которые заслуживаютъ пособія и поощренія»; въ кругъ обязанностей губернскаго совѣта входитъ: «назначеніе наградъ и пособій училищамъ изъ суммы предоставленной въ распоряженіе совѣта Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія».

Какъ слышно, въ смѣту Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1864 предполагается внести сумму во 100.000 рублей на народныя школы. Для той же цѣли предполагается ассигновать изъ казны, въ слѣдующіе два года, въ первый 200, а во второй 300 тысячъ рублей.

«Принявъ, въ дѣлѣ распространенія первоначальнаго ученія систему *поощренія и пособій*», проектъ полагаетъ, что «не представляется никакой возможности, особенно при началѣ дѣла, вдаваться въ какія-либо подробности финансовыхъ соображеній, а еще менѣе подводить ихъ подъ общія условія предвидѣнія или какихъ бы то ни было нормальныхъ штатовъ и смѣтныхъ исчисленій.» Намъ кажется что если здѣсь дѣйствительно были неумѣстны какіе-либо штаты и смѣты, то съ другой стороны едва ли можно совершенно отказаться отъ нѣкотораго предвидѣнія, какимъ образомъ будутъ расходоваться назначаемыя казной деньги, особенно если въ системѣ поощреній и пособій главными органами будутъ служить училищные совѣты, въ ихъ вышеупомянутомъ составѣ.

Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе на свойство поощрительнаго пособія. Только то пособіе поощряетъ, котораго можно навѣрное ожидать и которое слѣдовательно не зависитъ отъ произвола. Назначьте малое, но опредѣленное пособіе, и оно будетъ дѣйствовать поощрительнѣе чѣмъ щедрая награда достающаяся неожиданно и слѣдовательно не входящая въ разчетъ. Сельское общество, строящее школу, должно напередъ знать какую долю издержекъ приметъ на себя казна. Учитель принимающійся за дѣло долженъ знать въ точности на какую награду и на какую пенсію онъ можетъ разчитывать, обучивъ грамотѣ такое-то или такое-то количество мальчиковъ и дѣвочекъ. Если казна дѣлаетъ пожертвованіе, то желательно чтобъ она дѣлала его самымъ производительнымъ образомъ и придавала ему самую дѣйствительную силу. Но, повторяемъ, цѣна пособія становится въ десять разъ меньше, когда публика, вслѣдъ за уставомъ, должна отказаться отъ «предвидѣнія, какимъ образомъ будутъ расходоваться назначаемыя казной деньги».

Ст. 2-я п. XIV Положенія 1-го января предоставляетъ земскимъ учрежденіямъ участіе по дѣламъ которыя будутъ имъ ввѣрены на основаніи особыхъ уставовъ, постановленій и положеній, и въ силу той же ст. п. VII, участіе въ попеченіи о народномъ образованіи. Это участіе могло бы выразиться также въ правѣ распоряжаться пособіями и поощреніями, которое проектъ устава о народныхъ школахъ предполагаетъ сосредоточить въ попечительныхъ уѣздныхъ и губернскихъ совѣтахъ. Но во всякомъ случаѣ, повѣрка тѣхъ распоряженій, которыя производили бы земскія власти при выдачѣ пособій училищамъ и лицамъ непосредственно занимающимся преподаваніемъ, должна принадлежать не земскимъ, а правительственнымъ учрежденіямъ; ибо когда государственная казна выдаетъ на какой-нибудь опредѣленный предметъ деньги, то правительству слѣдуетъ имѣть наблюденіе за тѣмъ чтобы деньги расходовались дѣйствительно на предназначенные предметы.

Впрочемъ, характеръ нашихъ земскихъ учрежденій еще неизвѣстенъ, и пока еще нельзя сказать каковъ будетъ ихъ личный составъ и ихъ духъ. Мы имѣемъ теперь только одну должность свойства земскаго, и притомъ достаточно надежную. Это должность уѣзднаго предводителя, и намъ казалось бы, что присутствіе уѣзднаго предводителя въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ не могло бы причинить ему никакого вреда, и еслибъ оказало какое-нибудь дѣйствіе, то не иначе какъ полезное.

Въ заключеніе, невозможно не обратить вниманія на тотъ параграфъ проекта, въ которомъ говорится, что «въ начальныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе совершается на русскомъ языкѣ, но при первоначальномъ изустномъ изложеніи допускаются мѣстныя нарѣчія». Намъ кажется, что если преподаватель дѣйствительно найдетъ необходимымъ пояснять значеніе нѣкоторыхъ русскихъ словъ переводомъ ихъ на мѣстное нарѣчіе, то онъ самъ прибѣгнетъ къ такому роду поясненій, безъ указанія на то въ статьѣ устава, которая можетъ лишь подавать поводъ къ двусмысленнымъ толкованіямъ и вызывать *искусственно* сомнѣнія, притязанія и споры, тамъ гдѣ они можетъ-быть, сами по себѣ, никогда бы и не появились. Какимъ образомъ въ *начальныхъ* училищахъ обозначить предѣлы *первоначальнаго* изустнаго изложенія?

XVIII.

29-го января.

Во французскомъ законодательномъ сословіи было очень раціонально говорено противъ даровыхъ народныхъ школъ. Но эти пренія, о которыхъ наши читатели, вѣроятно, еще помнятъ (см. *Моск. Вѣд.* № 17), вызвали со стороны г. Эмиля де-Жирардена мѣткое возраженіе, съ которымъ французскіе ораторы не въ силахъ справиться. Г. Эмиль де-Жирарденъ не поклонникъ ни обязательнаго, ни дароваго ученья въ народныхъ школахъ. Но онъ спрашиваетъ, хорошо ли что высшее обученіе

во Франціи даровое, а низшее нѣтъ. «Правительство, замѣчаетъ онъ, отвергаетъ безусловно-даровое ученье на самыхъ лучшихъ основаніяхъ. Но если, какъ онъ говоритъ, и говоритъ совершенно справедливо, бюджетъ составляется преимущественно изъ денегъ простаго народа, то выходитъ что люди бѣдные и безграмотные платятъ во Франціи за обученіе людей ученыхъ и богатыхъ. Неужели такъ и должно быть?» Противъ этого возраженія сказать нечего. «Въ *Collège de France* вы пускаете даромъ, продолжаетъ тотъ же публицистъ: почему же не пускаете вы даромъ въ народную школу?»

У насъ за высшее и среднее обученіе взимается нѣкоторая, хотя и весьма умѣренная, плата со всѣхъ тѣхъ, кто въ состояніи вносить ее. Такой порядокъ существуетъ уже около 25 лѣтъ въ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ другихъ вѣдомствахъ, въ особенности военномъ и духовномъ, принято начало совершенно дароваго ученья. Всего дороже обходятся казнѣ военно-учебныя заведенія, которыя не только даромъ обучаютъ, но даромъ и содержатъ дѣтей, иногда не лишенныхъ возможности платить за свое воспитаніе. Тутъ приносится большая жертва, но при ней имѣется въ виду потребность снабженія войскъ офицерами, потребность серіозная, впрочемъ не исключающая, какъ намъ кажется, возможности мало-по-малу вводить плату за ученіе съ тѣхъ кадетовъ которыхъ родители въ состояніи платить за содержаніе своихъ дѣтей въ корпусѣ. Въ нашихъ духовныхъ училищахъ нѣтъ сбора за ученіе по крайней недостаточности большей части духовенства, но и тутъ первымъ серіознымъ условіемъ улучшенія духовныхъ училищъ было бы, по нашему мнѣнію, введеніе въ нихъ небольшой платы за ученіе. Это не встрѣтило бы большихъ препятствій. Итакъ, мы въ этомъ отношеніи поставлены лучше Франціи. Упомянутый французскій публицистъ не могъ бы обратиться къ Россіи съ своимъ возраженіемъ.

Но тѣмъ не менѣе и мы должны сознаться что гратимъ гораздо болѣе казенныхъ денегъ на вспоможеніе воспитанію высшихъ и среднихъ классовъ, чѣмъ на воспитаніе простаго

народа. У насъ, также какъ и во Франціи, бюджетъ составляется изъ денегъ простаго народа. Дворянство, потомственное и личное, почетное гражданство и нѣкоторыя другія свободныя званія не платятъ почти никакихъ податей и пользуются почти даромъ не только охраной, доставляемою государствомъ, но и государственными училищами, содержимыми по преимуществу на крестьянскія деньги. Вотъ почему справедливость требуетъ чтобы народнымъ школамъ было дано наконецъ серіозное пособіе изъ государственныхъ средствъ. Государство тратящее болѣе 10 милліоновъ рублей на воспитаніе высшихъ и среднихъ классовъ народа, государство взимающее эти деньги преимущественно съ низшихъ классовъ, обязано сдѣлать что-нибудь серіозное для народныхъ школъ, чтобы возстановить справедливость. Вотъ почему мы смѣемъ думать, что система поощренія и пособій, принятая какъ основаніе обсуждаемаго теперь проекта устава народныхъ училищъ, должна получить у насъ по возможности широкое развитіе.

Но слѣдуетъ ли обременять бюджетъ новымъ расходомъ на вспомоществованіе народнымъ училищамъ? Мы рѣшительно думаемъ что не слѣдуетъ. Пособія народнымъ училищамъ не потребуются разомъ: они будутъ возрастать постепенно, по мѣрѣ успѣха этихъ училищъ. Было бы совершенно справедливо, и скажемъ болѣе,—было бы въ высшей степени благодѣтельно для русскаго просвѣщенія, еслибы соразмѣрно съ возрастаніемъ расходовъ на пособія народнымъ училищамъ была постепенно возвышаема плата за ученье взимаемая съ достаточныхъ родителей изъ средняго и высшаго классовъ нашего общества. Вотъ настоящій источникъ для покрытія бюджета народныхъ школъ. Если мы обратимъ должное вниманіе на этотъ источникъ и воспользуемся имъ какъ слѣдуетъ, то хоть дѣти наши увидятъ училищную часть построенную на справедливомъ основаніи, чего теперь къ сожалѣнію никакъ нельзя сказать. Они будутъ также свидѣтелями той самостоятельности русскихъ училищъ, которая невозможна въ училищахъ совершенно зависящихъ отъ казеннаго штата и которая составляетъ однакожь неизбѣжное условіе успѣшнаго хода училищныхъ дѣлъ.

Словомъ, справедливая политика должна клониться къ тому чтобъ уравновѣшивать употребленіе податныхъ денегъ на поддержку училищъ, заведенныхъ для различныхъ классовъ общества. Такъ какъ теперь низшіе классы очень обижены у насъ въ этомъ отношеніи, то общею цѣлію законодательства должно быть, съ одной стороны, оказаніе пособія народнымъ школамъ и, съ другой стороны, постепенное возвышеніе сбора за ученье въ школахъ среднихъ и высшихъ, такъ чтобъ эти школы мало-по-малу становились на свои ноги и опирались не на государственный бюджетъ, а на сочувствіе и поддержку публики.

ФЕВРАЛЬ.

I.

1-го февраля.

Въ Финляндскій сеймъ внесенъ проектъ новаго закона о печати. По этому проекту, печать въ Финляндіи освобождается не только отъ предварительной цензуры, но и отъ административнаго контроля и подчиняется единственно суду, то-есть освобождается вполнѣ. Намъ пріятно вспомнить при этомъ, что освобожденіе печати не будетъ новою привилегіей Финляндіи; подобную же реформу правительство давно уже предположило и для русской печати. Еще третьяго года заготовлялся особою коммиссіей проектъ новаго закона о печати; въ прошломъ году, надъ тѣмъ же проектомъ, работала новая коммиссія, и какъ слышно, въ скоромъ времени новый проектъ будетъ внесенъ для обсужденія въ Государственный Совѣтъ.

Наше правительство, очевидно, желаетъ дать эту льготу равномѣрно всѣмъ подданнымъ Русской державы, и никакъ не устранятъ отъ нея лѣхъ на комъ основана вся сила и значеніе Русской державы. Еще прежде чѣмъ рѣшено было созваніе Финляндскаго сейма, наше правительство было озабочено мыслію о прекращеніи того неправильнаго и вреднаго положенія въ которомъ находится наша печать. Стало-быть мы, по крайней мѣрѣ въ проектѣ, имѣемъ даже нѣкоторое первенство по времени предъ нашими финляндскими согражданами. И самое обсужденіе обоихъ законовъ, какъ для Финляндіи, такъ и для

цѣлой Россіи,будетъидти почти параллельно,—одного въ Государственномъ Совѣтѣ, другаго въ Финляндскомъ сеймѣ.

Несмотря на всѣ усилія сепаратистовъ въ Финляндіи, наше правительство не согласилось смотрѣть ихъ глазами на отношенія Финляндіи къ Россіи. Припоминаемъ читателямъ категорическое объясненіе, недавно напечатанное въ *Journal de St.-Pétersbourg* и сообщенное въ свое время въ нашей газетѣ. Изъ этого объясненія слѣдуетъ несомнѣнно что наше правительство не допускаетъ и тѣни того нелѣпаго толкованія которое хочетъ придать Финляндіи значеніе особаго, отдѣльнаго отъ Россіи государства. Наше правительство, согласно съ природою вещей и съ чувствомъ Русскаго народа, видитъ въ Финляндіи лишь часть Русскаго государства, пользующуюся административною автономіей, которая на всегда можетъ остаться за ней, да еще нѣкоторыми случайными преимуществами, результатомъ историческихъ обстоятельствъ и недоразумѣній,—преимуществами временными. Но коль скоро Финляндія не есть особое государство и не должна стремиться къ тому чтобы стать особымъ государствомъ, то такой законъ, какъ законъ о печати, едва ли можетъ быть удовлетворительно постановленъ на основаніи обсужденій въ Финляндскомъ сеймѣ. Законъ опредѣляющій свободу печати не можетъ быть разный въ разныхъ частяхъ одного и того же государства. Печать не есть чисто мѣстный интересъ; она объемлетъ собою всѣ интересы. Законъ о печати есть одинъ изъ основныхъ элементовъ общаго государственнаго права. Если въ одной части государства онъ будетъ дѣйствовать такъ, а въ другой части того же государства иначе, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого разногласія въ столь существенномъ пунктѣ непремѣнно произойдутъ самыя серіозныя замѣшательства. Намъ кажется что значеніе льготы не измѣнилось бы отъ того, еслибы она произошла для Финляндіи изъ одного источника и однимъ путемъ съ остальною Россіей. Теперь нельзя предвидѣть какія основанія приметъ наше правительство для закона о печати въ цѣлой Россіи; но, по всему вѣроятію, основанія новаго закона о печати будутъ для всей Россіи не менѣе удовлетворительны чѣмъ для отдѣльной

Финляндіи. Что̀ можетъ удовлетворить Россію, то конечно можетъ удовлетворить и Финляндію. Что̀ безопасно для государственнаго интереса въ Финляндіи, то въ тысячу разъ безопаснѣе въ Россіи.

Нельзя, однако, не отдать справедливости истинно либеральному духу который выразился въ проектѣ вышедшемъ изъ рукъ финляндской администраціи и внесенномъ теперь въ сеймъ. Всѣ заботы составителей проекта направлены къ тому чтобъ оградить честь и интересы частныхъ лицъ отъ злоупотребленій печати. Государственный интересъ признается въ Финляндіи совершенно безопаснымъ и не требующимъ никакихъ особыхъ мѣръ для огражденія его съ этой стороны. Право начинать періодическое изданіе предоставляется всякому финляндскому гражданину,—и въ этомъ отношеніи проектъ допускаетъ самую широкую свободу, которая приближается къ англійской. Правда, за финляндскою администраціей оставляется еще нѣкоторый контроль въ этомъ отношеніи, такъ что всякій желающій основать новое изданіе долженъ получить предварительное разрѣшеніе; но административному контролю предоставляется только одно право—право давать разрѣшенія. По финляндскому проекту, администрація обязана давать разрѣшеніе всякому финляндскому уроженцу проживающему на мѣстѣ, если онъ не утратилъ своихъ гражданскихъ правъ, если онъ не опороченъ судомъ. Вотъ единственныя ограниченія. Администраціи не предоставляется права входить въ разбирательство какихъ-либо иныхъ условій.

Только въ одномъ пунктѣ финляндскій законъ оказывается крайне нелиберальнымъ. Онъ даетъ свободу финляндскому уроженцу высказываться только на шведскомъ языкѣ, но для русскаго языка онъ не допускаетъ свободы ни въ какой степени, ни въ какой мѣрѣ. Въ Финляндіи есть люди русскіе: въ Выборгской губерніи ихъ много: но еслибы кто-нибудь изъ нихъ захотѣлъ издавать газету или журналъ по-русски, то посреди полной, почти безусловной свободы, которая предоставляется шведской и финской печати, русскій человѣкъ, съ своимъ русскимъ языкомъ, остается подъ цензурой, остается един-

ственно потому что онъ Русскій и желаетъ говорить по-русски. Онъ остается несовершеннолѣтнимъ и неполноправнымъ. Чтобы стать существомъ самостоятельнымъ и свободнымъ, онъ долженъ обратиться или въ Шведа, или въ Финна. Вотъ какая выходитъ странность: званіе Русскаго въ предѣлахъ Русскаго государства становится символомъ гражданской неполноправности.

И есть еще люди которые хмурятся слыша о намѣреніи нашего правительства освободить печать въ нашемъ отечествѣ! Есть люди, которые, будто бы изъ консервативныхъ видовъ, указываютъ на неспособность и незрѣлость русскаго общества для политическихъ льготъ. Боже мой! Когда же разсѣется этотъ туманъ, который застилаетъ глаза даже благонамѣреннымъ людямъ! Намъ приходилось читать въ иныхъ журналахъ, не отличающихся особеннымъ консервативнымъ духомъ, тѣ же ссылки на незрѣлость русскаго общества. Только роковое недоразумѣніе съ одной стороны и самое злонамѣренное ухищреніе съ другой могутъ поддерживать эту грустную и пагубную мысль въ нѣкоторыхъ умахъ и общественныхъ кружкахъ у насъ.

Нѣтъ, если какой-либо народъ можетъ быть несомнѣнно признанъ политически зрѣлымъ, то народъ этотъ есть Русскій. Россія достигла теперь именно той поры которая должна быть по преимуществу названа порой политической зрѣлости. Въ русской исторіи не было, и никогда уже не будетъ момента болѣе благопріятнаго въ политическомъ отношеніи: только теперь и могутъ быть положены безопасно, вѣрно и прочно основанія для возраждающейся къ новой жизни Россіи. Историческіе моменты не повторяются,—не повторится и этотъ. Большей зрѣлости мы будемъ напрасно дожидаться,—большей зрѣлости не будетъ. Доказательство тому что исторія совершила дѣло требуемой зрѣлости и не хочетъ долѣе ждать, доказательство тому—уже начинающіе возникать признаки разложенія..... Пройдетъ минута, которая въ жизни народовъ не повторяется, и за нею послѣдуетъ неудержимое разложеніе. Нѣтъ, не большей зрѣлости можемъ мы ожидать въ будущемъ, а бо́льшихъ затрудненій, бо́льшихъ опасностей, появленія болѣзней общественныхъ, развитія фальшивыхъ интересовъ и разлагающихъ

силъ. Уже не чувствуемъ ли мы вѣяніе этого духа разложенія и хищенія, который охватываетъ всѣ наши окраины? Не чувствуемъ ли мы какъ въ самыхъ нѣдрахъ нашего общества вдругъ начали появляться, до сихъ поръ неслыханные, болѣзненные нравственные признаки? Не чувствуемъ ли мы какъ ядъ всесвѣтной революціи начинаетъ уже проникать въ наши нѣдра? Не чувствуемъ ли мы ея интриги и козни, ея злые захваты? Не заглядываетъ ли она въ наши школы, въ нашу бюрократію? Въ потьмахъ мы отъ нея не избавимся, нѣтъ,—въ потьмахъ она будетъ расти и множиться, и дойдетъ до того что отъ нея нельзя будетъ избавиться безъ тяжкихъ и кровавыхъ усилій. Только людямъ ищущимъ пагубы Россіи, только людямъ злорадно разчитывающимъ на ея разложеніе, выгодны эти потемки? только имъ выгоденъ туманъ застилающій наши глаза, только имъ выгодны наши внутреннія недоразумѣнія. А людямъ искренно любящимъ Россію и желающимъ ей блага грѣшно думать такъ, какъ выгодно думать лишь нашимъ врагамъ; грѣшно имъ такъ думать,—и имъ самимъ пришлось бы въ послѣдствіи горько каяться, еслибы правительство уважило ихъ мнѣніе.

Намъ говорятъ: общество наше легкомысленно; вчера оно увлекалось однимъ мнѣніемъ, завтра будетъ увлекаться другимъ; мнѣнія его шатки и зыбки, и нельзя на нихъ надежно основаться. Но когда же можно было основывать что-нибудь на мнѣніяхъ? Можно ли основывать что-нибудь на мнѣніяхъ? Развѣ во мнѣніяхъ сила? Развѣ мнѣніями измѣряется политическое значеніе общества? Развѣ сонныя грезы, играющія въ усыпленномъ умѣ, могутъ служить пробой его силы и настроенія? Общество оцѣнивается не по мнѣніямъ, которыя случайно возникаютъ на его поверхности, вслѣдствіе бездѣйствія его силъ, вслѣдствіе бездѣйствія его существенныхъ интересовъ, вслѣдствіе того что оно спитъ и не живетъ всею своею жизнію; нѣтъ, общество можно оцѣнивать только по силѣ и значенію тѣхъ интересовъ на которыхъ оно стоитъ и которые должны дѣйствовать для того чтобъ общественное мнѣніе было не игрою сонныхъ грезъ, а разумною силой, свѣтомъ освѣщающимъ жизнь. Мнѣнія сами по себѣ даютъ только мнимое; вся сила, все

значеніе мнѣній заключается въ тѣхъ зиждительныхъ интересахъ человѣческаго общества и народной жизни которые въ нихъ выражаются. Но никогда и нигдѣ дѣйствительные интересы народной жизни, тѣ интересы на которыхъ стоитъ общество, не заключали въ себѣ столько элементовъ здоровья и силы какъ у насъ въ настоящую пору.

Гдѣ, напримѣръ, сильнѣе и крѣпче заинтересованъ народъ въ охраненіи верховной власти? Гдѣ она имѣетъ такое великое, безспорное, незыблемое значеніе? Гдѣ найдемъ такое всеобщее, глубокое убѣжденіе въ ея неприкосновенности и святости? Какая опека можетъ замѣнить этотъ великій интересъ народной жизни? Кто будетъ лучшимъ стражемъ этого интереса? Народныя ли силы которымъ онъ будетъ вѣренъ, или наемникъ, Богъ знаетъ откуда пришедшій и Богъ знаетъ что́ держащій въ своемъ умѣ? Можетъ ли быть хоть тѣнь сомнѣнія въ существованіи этого интереса, воспитаннаго всею нашею исторіей? Можетъ ли быть какое-нибудь сомнѣніе въ существованіи другаго великаго интереса неразрывно связаннаго съ нашею народною жизнію,—интереса цѣлости и единства государства, его величія, чести и силы? Неужели даже теперь, послѣ недавней борьбы, нужно доказывать какъ всемогущъ этотъ интересъ въ Русскомъ народѣ, во всѣхъ слояхъ русскаго общества, во всемъ что́ чувствуетъ себя Русскимъ, во всемъ что́ не измѣняетъ Россіи? Въ обществѣ нашемъ чувствовалось разстройство, вслѣдствіе громадности пропшедшей реформы въ гражданскихъ и экономическихъ условіяхъ его быта: измѣнялись всѣ основы существованія; помѣщикъ чувствовалъ глубокое потрясеніе въ своемъ хозяйствѣ, тревожныя заботы и опасенія помрачали для него будущее; два коренные класса народа разчитывались между собою; всѣ частные интересы колебались и страдали; надъ всѣмъ тяготѣли общія финансовыя затрудненія. И что́ же? При первомъ отдаленномъ признакѣ опасности, при первомъ призывѣ отечества, все было забыто, и все слилось въ одну цѣльную, могущественную, поразившую міръ силу; помѣщикъ и крестьянинъ бросили свои счеты, все собралось вокругъ престола, съ однимъ челобитьемъ, съ одною

мольбою, жертвовать всѣмъ для сохраненія чести и цѣлости отечества. Когда исторія представляла такой примѣръ въ такихъ обстоятельствахъ? А мы осмѣливаемся презирать наше общество, какъ неспособное и незрѣлое къ политической жизни. Ужь не прусскіе ли прогрессисты зрѣлѣе? И неужели можно думать, что когда-нибудь послѣ станутъ зрѣлѣе основные государственные интересы, безъ которыхъ не можетъ быть здоровой политической жизни? Неужели династическія и радикальныя партіи служатъ лучшимъ признакомъ зрѣлости? Увы! когда пролетитъ отмѣченная Провидѣніемъ пора народной жизни, тогда непзбѣжно наступитъ пора другихъ интересовъ,—интересовъ питающихся разложеніемъ, которые отнимутъ у народа способность пользоваться свободой, и отъ которыхъ жизнь можетъ освободиться только опасными кризисами и губительными катастрофами.

II.

3-го февраля.

Офиціальная финляндская газета, *Finlands Allmänna Tidning*, приводя въ переводѣ письмо изъ Финляндіи, напечатанное въ № 16 нашей газеты, сравниваетъ автора этого письма съ тѣми «поборниками истины», которые снабжаютъ извѣстіями о Финляндіи стокгольмскую газету *Nya Dagligt Allehanda*. Мы не знаемъ, подаютъ ли финляндскіе порядки и финляндскіе чиновники какой-нибудь серіозный поводъ къ жалобамъ со стороны подданныхъ короля Карла XV, и заявляются ли подобныя жалобы въ упомянутой стокгольмской газетѣ. Сколько намъ извѣстно, такихъ случаевъ не встрѣчается, а посылаются въ Стокгольмъ изъ Финляндіи корреспонденціи политическаго характера, писанныя съ точки зрѣнія шведскихъ государственныхъ интересовъ,—словомъ, корреспонденціи которыя нисколько не уравновѣшиваются корреспонденціями присылаемыми изъ Финляндіи въ Россію и обыкновенно весьма равнодушными къ русскимъ государственнымъ интересамъ. Мы должны сказать

съ прискорбіемъ что въ этомъ отношеніи шведскія газеты много счастливѣе русскихъ. Корреспонденты русскихъ газетъ находятся въ Финляндіи очевидно подъ болѣе зоркимъ наблюденіемъ нежели тѣ «поборники истины», которые сносятся со Стокгольмомъ. Газета *Dagblad*, мы помнимъ это, производила въ началѣ этой зимы разысканія на счетъ корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей* и объявляла своимъ читателямъ о результатѣ этихъ разысканій. Она дѣлала это съ добрымъ намѣреніемъ; она хотѣла спасти нашего корреспондента отъ нареканій и преслѣдованій за солидарность съ нашими ужасными мыслями о финляндскихъ сепаратистахъ. Мы не встрѣчали въ финляндскихъ газетахъ подобныхъ заявленій относительно корреспондентовъ стокгольмской *Nya Dagligt Allehanda*: никто не считалъ нужнымъ ограждать ихъ отъ публичнаго негодованія. Спѣшимъ впрочемъ оговориться, что этимъ мы отнюдь не хотимъ высказать какого-либо неудовольствія на то что финляндскіе корреспонденты шведскихъ газетъ могутъ свободно выражать свои мысли; мы только хотимъ сказать что *Московскія Вѣдомости* стоятъ въ этомъ отношеніи не совсѣмъ на равной ногѣ съ *Nya Dagligt Allehanda*. Мы ничего не желаемъ помимо свободнаго обсужденія, и полагаемъ что чѣмъ обсужденіе будетъ свободнѣе, тѣмъ оно будетъ спокойнѣе.

Официальная финляндская газета замѣчаетъ съ прискорбіемъ что мы напечатали безъ оговорки письмо изъ Финляндіи помѣщенное въ № 17 нашей газеты. Она видитъ въ этомъ и легкомысліе съ нашей стороны, и недостатокъ почтительности и справедливости, и наконецъ наилучшее доказательство нашего нежеланія получить дѣйствительныя свѣдѣнія о Финляндіи и ея учрежденіяхъ. Мы принуждены сказать что эти широкіе выводы почтенной газеты свидѣтельствуютъ только о ея увлеченіи, отчасти характеризующемъ то настроеніе которое теперь господствуетъ въ Гельсингфорсѣ. Письмо изъ Финляндіи, о которомъ идетъ рѣчь, напечатано въ томъ отдѣлѣ нашей газеты гдѣ помѣщаются *постороннія* статьи, нисколько не выражающія мнѣній редакціи. Мы не имѣли никакого права отказать въ гласности русскому человѣку, который писалъ къ намъ изъ

края, гдѣ такъ широко развиваются теперь замыслы враждебные Россіи. *Finlands Allmänna Tidning* напоминаетъ намъ о справедливости, но именно справедливость не позволила намъ отказать этому письму въ гостепріимствѣ, также точно какъ не позволитъ она намъ отказать въ гостепріимствѣ и возраженію на это письмо, если только это возраженіе будетъ написано тономъ приличнымъ и подтверждено доказательствами. Офиціальная газета Финляндіи извѣщаетъ, что подобное возраженіе готовится; намъ очень пріятно узнать это, и еще пріятнѣе будетъ получить такое разъясненіе дѣла, которое совершенно опровергло бы обвиненія высказанныя въ письмѣ изъ Финляндіи въ № 16 *Московскихъ Вѣдомостей*. Мы даже немного пеняемъ на *Finlands Allmänna Tidning*, что эта почтенная газета не сказала ни одного слова со своей стороны для разъясненія этого дѣла. Если дѣйствительно письмо ожидающее опроверженія написано со «злонамѣреннымъ желаніемъ вредить» (illasinnad afsigt att skada), то было бы кажется естественно бросить хоть нѣсколько словъ для отвращенія вреда.

Мы охотно печатаемъ опроверженіе всякаго невѣрнаго показанія появившагося въ нашей газетѣ. Но еслибы мы позволили себѣ поступить «легкомысленно и несправедливо» съ подобнымъ опроверженіемъ, доставленнымъ изъ Финляндіи, и отказались принять его въ столбцы нашей газеты, то каждый Финляндецъ можетъ быть увѣренъ, что каковы бы ни были тѣ законы которымъ будетъ подлежать русская печать онъ найдетъ себѣ у насъ правосудіе. Русскій судъ и русская администрація не имѣютъ ни малѣйшаго интереса не уважить справедливое требованіе законной защиты со стороны Финляндца. Русскій государственный интересъ требуетъ чтобы русскія власти дѣйствовали въ этомъ отношеніи справедливо. Нарушеніе справедливости съ ихъ стороны было бы нарушеніемъ русскаго государственнаго интереса. Это дѣло очевидное, и даже гельсингфорскій *Dagblad*, если захочетъ вникнуть въ это, согласится, что такъ должно быть. Но пусть же безпристрастные Финляндцы скажутъ таково ли будетъ положеніе Русскаго предъ финляндскимъ судомъ въ случаѣ процесса противъ какой-

нибудь финляндской газеты. Пренія въ финляндскомъ сеймѣ показываютъ что въ судебномъ сословіи Финляндіи есть ярые сепаратисты. Будетъ ли такой судья расположенъ судить справедливо въ процессѣ имѣющемъ политическій оттѣнокъ? Не будетъ ли онъ самъ партіей? Мы задаемъ этотъ вопросъ по поводу проекта финляндскаго закона о печати. Хорошее ли бы дѣло было, еслибы напримѣръ *Московскія Вѣдомости* могли скорѣе получить удовлетвореніе въ Парижѣ или Лондонѣ чѣмъ въ Гельсингфорсѣ? Скажутъ, зачѣмъ предполагать дурное. Но вѣдь законъ и пишется только въ предположеніи дурнаго. Мы спрашиваемъ, гдѣ гарантіи того что политическій процессъ русскаго журналиста съ финскимъ будетъ рѣшенъ справедливо финляндскимъ судьей-сепаратистомъ? Еслибы Финляндія была въ самомъ дѣлѣ особеннымъ государствомъ, то въ случаѣ несправедливаго судебнаго рѣшенія дѣло могло бы быть улажено международнымъ порядкомъ. Во Франціи, напримѣръ, есть русскіе консулы, есть русское посольство, всякій Русскій имѣетъ право искать у нихъ защиты; въ важныхъ случаяхъ защита будетъ исходатайствована и даже истребована. Честь и имущество частныхъ лицъ бываютъ не рѣдко предметомъ дипломатическихъ размолвокъ, но потребность каждаго государства жить въ дружескихъ сношеніяхъ съ другимъ обезпечиваетъ миролюбивый исходъ подобныхъ размолвокъ въ обыкновенныхъ случаяхъ. На этомъ основаніи предполагается что каждое государство расположено поступать справедливо съ подданными другаго государства. Тутъ побужденіемъ служитъ не простое чувство справедливости, которое бываетъ людьми нерѣдко нарушаемо, а очевидный важный государственный интересъ. Представимъ же себѣ что Финляндія сдѣлалась совершенно отдѣльнымъ и притомъ конституціоннымъ государствомъ подъ скипетромъ Русскаго Императора. Правительство каждаго отдѣльнаго государства обязано имѣть въ виду исключительно интересы подданныхъ своего государства; финляндское конституціонное правительство имѣло бы тогда всѣ средства исполнить эту обязанность въ ущербъ русскимъ подданнымъ; оно было бы въ положеніи болѣе выгодномъ чѣмъ правительства иностранныя;

оно было бы совершенно свободно отъ всякаго вмѣшательства со стороны Россіи, отъ того давленія которое производитъ дипломатія, подкрѣпляемая военными силами. Это было бы все равно, какъ еслибы напримѣръ Бельгія получила позволеніе дѣлать съ Франціей и Французами что ей угодно, и была обезпечена отъ войны со стороны Франціи. Удержались ли бы Бельгійцы отъ несправедливостей при такомъ привилегированномъ положеніи?

Тутъ могъ бы произойти куріозный казусъ. Теперь шведскіе подданные живущіе въ Финляндіи не жалуются на то какъ съ ними обращаются въ Финляндіи. Теперь шведскіе подданные ограждены международнымъ правомъ. Но предположимъ что Финляндія — конституціонная страна соединенная съ Россіей, но не связанная съ ней ни чѣмъ кромѣ трона. Даже Шведы могутъ пострадать отъ того. Положимъ что шведскій подданный подвергся бы тогда въ Финляндіи обидѣ. Къ кому обратился бы онъ прежде всего съ требованіемъ защиты? Разумѣется къ своимъ консуламъ и къ своему посольству въ Петербургѣ, а шведское посольство обратилось бы къ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ съ требованіемъ удовлетворенія. Но если Финляндія особое государство, то какое средство имѣло бы наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ доставить удовлетвореніе Шведскому правительству? Оно принуждено было бы обратиться къ финляндскимъ властямъ съ просьбами и убѣжденіями. А что если бы просьбы и убѣжденія не подѣйствовали? Ничего другаго не оставалось бы какъ послать войско для огражденія шведскихъ подданныхъ. Это безсмыслица, скажутъ намъ. Мы отвѣтимъ: но иначе быть не можетъ. Если Финляндія есть государство, если она состоитъ изъ людей, а не ангеловъ, то между Финляндскимъ и Русскимъ государствами непремѣнно возникнутъ несогласія и столкновенія, и не будетъ никакого средства рѣшить ихъ кромѣ посылки войска. Неужели можно желать такого положенія дѣлъ чтобы при каждомъ разногласіи надобно было прибѣгать къ этой *ultima ratio*? Именно на эту неизбѣжную несообразность мы указывали въ тѣхъ нашихъ

словахъ которыя были приняты однимъ сеймовымъ ораторомъ за хвастовство матеріальною силой.

Не тѣ ли желаютъ истинной пользы Финляндіи, кого сепаратисты считаютъ ея ненавистниками? Не тѣ ли напротивъ враги ея, кто ставитъ ее въ невозможное политическое положеніе? Мы видимъ повсюду въ Европѣ что прежняя политическая самостоятельность разныхъ частей одного того же государства устраняется въ силу требованій политическаго успѣха. Австрія либо распадется, либо Венгрія будетъ имѣть одно общее представительство съ ея коронными землями. То же самое будетъ и со Шлезвигомъ относительно Даніи.

III.

4-го февраля.

Въ прошломъ году мы могли несомнѣннымъ образомъ убѣдиться что за ходомъ нашихъ внутреннихъ дѣлъ множество постороннихъ глазъ слѣдили бдительно, и что постороннія руки пытались вмѣшиваться въ нихъ разными способами, какіе только казались пригодными. Иностранные политики вели не просто офиціальныя сношенія съ нашимъ дворомъ, но и приглядывались къ тому что́ у насъ дѣлается.

Мы намѣрены указать на одинъ очень характеристическій фактъ, который можетъ послужить доказательствомъ, какъ хитры и вмѣстѣ дерзки тѣ иноземные интересы, которые слѣдятъ за ходомъ нашихъ дѣлъ и стараются имъ воспользоваться для своихъ цѣлей. Этотъ фактъ послужитъ новымъ доказательствомъ также и тому, какъ наглы и вмѣстѣ коварны ихъ внушенія, прямыя или косвенныя, и какая нужна намъ осторожность и зоркость, какъ необходимо намъ ясное сознаніе истинныхъ свойствъ нашего народа, нашего положенія и нашихъ силъ, для того чтобъ отбить охоту у аферистовъ иноземной политики вмѣшиваться въ наши дѣла.

Какъ извѣстно, въ Европѣ всѣ были увѣрены что Русскій народъ исполненъ революціонныхъ элементовъ, и что отъ

малѣйшей искры, брошенной въ его массу, могъ вспыхнуть страшный пожаръ. Поводовъ къ такому мнѣнію было много. Иностраннымъ политикамъ казалось что правительство и народъ находятся у насъ между собою въ коренномъ разладѣ, что правительство не довѣряетъ народнымъ силамъ и чувствуетъ себя чуждымъ въ своей странѣ. Если Русскимъ непростительно судить о своихъ внутреннихъ дѣлахъ на основаніи чужихъ понятій, то иностранцамъ весьма естественно судить о нашихъ дѣлахъ на основаніи своихъ собственныхъ понятій. Очень естественно что многое въ нашемъ государственномъ устройствѣ, дѣйствительно заимствованное нами со стороны и чуждое истинному типу нашей жизни, даетъ имъ основаніе для фальшивыхъ заключеній о сущности дѣла. Не приноситъ ли намъ самимъ каждый день новыя доказательства того, какъ мало соотвѣтствуютъ истиннымъ интересамъ нашей народной жизни многія управляющія нами понятія и воззрѣнія? Мы начинаемъ болѣе или менѣе отчетливо сознавать что направленіе которому въ послѣднее время слѣдовала наша исторія совершило свой циклъ, что оно сдѣлало свое дѣло, и что теперь задача его состоитъ въ томъ чтобъ уступить мѣсто другому направленію, которое возвратило бы домой нашъ разумъ изъ продолжительнаго скитанія по чужимъ краямъ. Новое лучшее направленіе освободитъ насъ отъ тѣхъ системъ и пріемовъ, которые казались намъ совершенно естественными и которые между тѣмъ представляютъ разительное несоотвѣтствіе съ дѣйствительными условіями и интересами нашей жизни.

Иностранные политики въ послѣднее время имѣли особенные поводы заключать о возможности какой-либо грозной для Россіи катастрофы. Они были поражены громадностію совершающихся у насъ реформъ. Особенно крестьянская реформа, безпримѣрная по своему объему и глубинѣ своего дѣйствія, должна была возбудить ихъ ожиданія въ этомъ смыслѣ. Враждебные Россіи интересы заранѣе радовались, ожидая неизбѣжной катастрофы. Европейская революція уже разчитывала на насъ какъ на свою вѣрную добычу; въ иностранныхъ газетахъ, подъ коварными восхваленіями либеральности и величія

предпринимаемыхъ реформъ, то и дѣло проглядывало злорадное чувство, и всѣ были увѣрены что Россія основательно *революціонизируется* какъ этою, такъ и другими связанными съ нею реформами. И въ самомъ дѣлѣ, начало польской революціи совпало съ совершеніемъ этой реформы. Все, что только находило свои выгоды во вредѣ и пагубѣ Россіи, подняло голову и приготовилось дѣйствовать.

Польскій мятежъ вспыхнулъ. Онъ казался только началомъ цѣлаго ряда катастрофъ, грозившихъ Россіи. Раздробить Русское государство, даже стереть его съ лица земли—казалось дѣломъ легкимъ. Мы помнимъ, какъ въ засѣданіяхъ Британскаго парламента, во время сужденій о польскихъ дѣлахъ, ораторы возвѣщали съ полною увѣренностію о революціи, которая будто бы уже охватила цѣлыя области внутри Россіи. Съ часу на часъ ожидалось что колоссъ рухнетъ всею своею громадой. Ожиданія однако не оправдывались; колоссъ не падалъ. Оказалось нужнымъ усилить дѣйствіе, и вотъ въ это-то время иностранные благопріятели наши принялись неотступно осаждать наше правительство настояніями, прямыми или косвенными, на необходимости какихъ-либо либеральныхъ учрежденій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Европѣ нѣтъ политики болѣе тонкой, болѣе ловкой и располагающей большими средствами чѣмъ политика англійская. Подвергнуться ея операціямъ и стать предметомъ ея разчетовъ—дѣло очень невыгодное. Въ журналахъ и парламентскихъ рѣчахъ давались Россіи убѣдительные совѣты, немедленно послѣдовать примѣру Австріи, и завести у себя другіе правительственные порядки. Составлялись для насъ цѣлые планы государственнаго преобразованія. Намъ давали почувствовать что имѣется въ виду не столько польское дѣло, сколько правительственныя реформы въ самой Россіи. Такъ было особенно въ первую половину минувшаго года; такъ было въ ту пору, когда Россія казалась исполненною революціонныхъ стихій и когда, повидимому, было легко довершить дѣло, которому помѣшалъ Парижскій трактатъ 1856 года.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. И слѣпому стало ясно что въ Россіи между

верховною властью и народомъ существуетъ неразрывная связь, что анархическія и революціонныя стихіи, которыя замѣчали у насъ иностранные наблюдатели, суть явленія фальшивыя, порожденія чуждыхъ нашей жизни условій, искусственно возбуждаемыя на ея поверхности и противныя всѣмъ ея инстинктамъ; что напротивъ всѣ дѣйствительно существующіе въ Русскомъ народѣ интересы исполнены высокаго охранительнаго духа, что правительство въ Россіи можетъ смѣло опираться на общественныя силы, что содѣйствіе ихъ не только не ослабляетъ, но укрѣпляетъ его. Вмѣсто безсмысленныхъ броженій, какихъ ожидали иностранные политики, во всѣхъ классахъ Русскаго народа обнаружилось могущественное охранительное движеніе, которое укрѣпило правительственныя дѣйствія, смутило коалицію державъ и возвратило европейскому положенію Россіи ту силу и значеніе которыя принадлежатъ ему по праву. Нельзя было не убѣдиться что для Русскаго правительства земля можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ силы, и что отъ прикосновенія къ ней оно какъ Антей становится крѣпче. Нельзя было не убѣдиться, что Россія, вступая въ новый періодъ своего существованія и внося въ свое устройство начало свободы, становится могущественнѣе чѣмъ когда-либо прежде. Общественное мнѣніе Европы принуждено было отдать справедливость Русскому народу, къ которому еще такъ недавно относилось оно съ величайшимъ презрѣніемъ. Припоминаемъ читателямъ невольныя восклицанія, которыя раздались въ Европѣ при этомъ неожиданномъ появленіи Русскаго народа, и о которыхъ мы въ свое время сообщали въ нашей газетѣ. Нельзя не удивляться Русскому народу,—такъ писали въ иностранныхъ журналахъ, и именно въ левіаѳанѣ журнальнаго міра, въ газетѣ *Times*,—нельзя не удивляться его могущественному національному чувству, единодушію всѣхъ его классовъ, силѣ отпора, который онъ способенъ оказывать враждѣ, его чуткости въ дѣлѣ государственнаго интереса и безспорному, непоколебимому значенію какое имѣетъ для него верховная власть.

И что же? Отдавъ эту невольную дань уваженія Русскому народу, наши иностранные благопріятели, которые предлагали

намъ важныя государственныя реформы, въ то время когда подозрѣвали въ нѣдрахъ русскаго общества революціонные элементы, вдругъ заговорили теперь совершенно инымъ языкомъ. Теперь, когда оказалось что Русскій народъ отличается иными свойствами, они всячески стараются доказать что Россія не должна и думать о какихъ-либо серіозныхъ измѣненіяхъ въ существующемъ порядкѣ вещей. Припоминая и соображая все, нельзя безъ отвращенія читать не очень давно напечатанную въ *Times* (№ 16-го января) статью, гдѣ развивается эта тема. Прежде, когда у насъ предполагался коренной разладъ между правительствомъ и народомъ, когда ожидалось дѣйствіе безсмысленныхъ стихій разрушенія, наши благопріятели убѣждали насъ въ способности нашей ко всѣмъ хитростямъ тѣхъ учрежденій которыя имъ угодно было фабриковать для насъ,—теперь же, когда разсѣялась всякая тѣнь сомнѣнія относительно истинныхъ свойствъ Русскаго народа, тѣ же самые доброжелатели доказываютъ нашу полнѣйшую неспособность и незрѣлость, и пишутъ будто подъ диктовку нашихъ домашнихъ публицистовъ. Какъ въ прошломъ году старались насъ мистифировать европейскою коалиціей, сбивать насъ съ толку въ нашихъ внутреннихъ дѣйствіяхъ, смущать насъ въ подавленіи мятежа грозившаго раздробленіемъ Россіи,—такъ теперь стараются мистифировать насъ аргументами имѣющими цѣлію убѣдить насъ въ нашей совершенной негодности и неспособности. Удивительною наглостію эти друзья наши хотятъ убѣдить насъ, что русское дворянство есть властолюбивое, строптивое, могущественное сословіе, исполненное духа темныхъ крамолъ, опасныхъ для верховной власти, и что всякая предоставленная ему льгота не преминетъ вызвать этотъ опасный духъ наружу,—что крестьянскія массы представляютъ собою не менѣе опасную демократическую силу,—и наконецъ, въ заключеніе, совѣтуютъ нашему правительству, прежде чѣмъ думать о какихъ-либо серіозныхъ улучшеніяхъ, заняться воспитаніемъ новаго поколѣнія людей, которое было бы способнѣе «понимать свои права и исполнять свои обязанности» чѣмъ нынѣшній Русскій народъ.

Когда появленіе Русскаго народа на сцену казалось выгоднымъ для нашихъ враговъ, они совѣтовали нашему правительству опереться на народныя силы. Теперь, когда Русскій народъ дѣйствительно появился и когда появленіе его оказалось невыгоднымъ для враждебныхъ намъ интересовъ, насъ стараются убѣдить въ неспособности и негодности и незрѣлости русскаго общества, и въ необходимости держать его въ черномъ тѣлѣ...

IV.

5-го февраля.

Всякія такъ-называемыя *исключительныя и чрезвычайныя* мѣры, и тѣмъ болѣе *военная диктатура* — несомнѣнно великое несчастіе для страны. Но было бы совершеннымъ малодушіемъ изъ боязни предъ энергическими мѣрами желать ослабленія власти, когда диктатура есть единственное средство держать край въ порядкѣ. Диктатуру сравниваютъ съ революціей. Мы слышимъ иногда изъ нашихъ же русскихъ различныхъ становъ и кружковъ голоса и вопли о бѣдствіяхъ, угрожающихъ всему нашему отечеству отъ одного его края до другаго, вслѣдствіе соціальнаго и экономическаго переворота, порождаемаго будто бы диктатурой въ нашемъ западномъ краѣ! Мы не отрицаемъ опасности на которую при томъ указываютъ; мы видимъ всю ея серіозность, но не можетъ смѣшивать ее съ необходимыми принадлежностями диктатуры, направляющей свою энергію на подавленіе мятежа. Вѣдь диктатура есть, какъ извѣстно, такой порядокъ вещей, при которомъ не только не волнуется обычное теченіе общественной жизни, а напротивъ задерживается и замедляется нормальное развитіе общественныхъ и экономическихъ интересовъ страны. Можно ли поэтому серіозно разсуждать объ ограниченіи или прекращеніи диктатуры, ради опасенія что диктатура не можетъ обойтись безъ соціальнаго переворота? Впрочемъ не преувеличенъ ли и этотъ панническій страхъ? Не колтунъ ли и мякина, эти принадлежности кростьянскаго

янскаго быта западныхъ губерній, приводятъ въ ужасъ людей нервныхъ? Или, быть-можетъ, пугаетъ насъ возстановленіе въ западномъ краѣ крестьянскаго поземельнаго надѣла, въ томъ видѣ въ какомъ онъ долженъ былъ находиться, согласно существовавшимъ еще до 19 февраля 1861 года законоположеніямъ? Голосъ крестьянъ, впервые услышанный послѣ вѣковаго молчанія, дѣйствительно можетъ показаться, при всей его слабости, громкимъ и грознымъ обличителемъ тяжкихъ притѣсненій, преслѣдованій и неправдъ, которыя испытывали крестьяне отъ польскихъ пановъ за свои хлопскіе обычаи, вѣру и языкъ. Положенія 1846 года, имѣвшія цѣлію ограничить произволъ пановъ надъ личностію и имуществомъ крестьянъ, оставались, въ значительной степени, и въ Литвѣ, какъ въ Польшѣ, одною мертвою буквой. Съ появленіемъ Высочайшаго манифеста 1857 года, этотъ произволъ въ распоряженіи крестьянскимъ надѣломъ и «пустками» усилился еще болѣе. Кто не знаетъ что освобожденіе крестьянъ *съ землею* было неожиданнымъ ударомъ для пановъ и сдѣлалось потомъ главнѣйшею причиной мятежа? Къ чему скрывать отъ себя что вѣрность Россіи польскихъ пановъ покупалась, постоянно и во всѣ времена, цѣною рабства, въ которое отдавались русскіе крестьяне польскимъ помѣщикамъ?

При такихъ условіяхъ, возстановленіе крестьянскаго надѣла въ западныхъ губерніяхъ изъ того вида, въ который успѣли привести его польскіе паны въ продолженіе 15 лѣтъ, когда правительство регулированіемъ отношеній между двумя сословіями думало улучшить бытъ крестьянъ, представляется дѣломъ вполнѣ законнымъ, необходимымъ, и обезпечивающимъ порядокъ въ экономическихъ отношеніяхъ страны. Здѣсь подлежатъ примѣненію законы 1-го марта, 17 февраля и прежнія постановленія объ инвентаряхъ, и если примѣненіе правильно, — а правильность примѣненія законовъ есть существеннѣйшая обязанность исполнителей,—то тутъ нѣтъ ничего революціоннаго, ничего похожаго на соціальный переворотъ. Припомнимъ къ тому же что паны, по приказанію мятежнаго жонда, сами обѣщали крестьянамъ всю ихъ землю. Не на себя ли должны паны жаловаться? Во всякомъ случаѣ было бы несправедливо

оставить крестьянъ на мели. Крестьянскій бытъ русскаго населенія въ западномъ краѣ едва лишь сталъ замѣтно улучшаться въ матеріальномъ отношеніи, нравственный уровень этого сословія едва лишь началъ обнаруживать наклонность къ повышенію до сознанія обязанностей и правъ въ гражданской и государственной жизни; въ эти минуты едва возраждающаяся жизнь края особенно нуждается въ такой существенной опорѣ, какъ сильное управленіе, не поддающееся вліяніямъ интриги, тайныхъ козней и пугливыхъ опасеній.

Мы не хотимъ этимъ сказать чтобъ изъ диктаторскихъ мѣръ по крестьянскому вопросу не могли развиться сѣмена соціальныхъ переворотовъ и всяческаго нарушенія существующихъ правъ; мы полагаемъ что въ крестьянскомъ вопросѣ диктаторскія мѣры неумѣстны. Мы хотимъ только сказать что подобное вмѣшательство не заключается въ самомъ свойствѣ диктатуры, необходимой для подавленія мятежа и для возстановленія спокойствія, и что если оно окажется, то причиной тому будетъ скорѣе общая обстановка, та совокупность условій вліяющихъ на общій ходъ дѣлъ, которая можетъ дѣйствовать въ томъ смыслѣ и во время совершенно мирное.

Впрочемъ, и безъ этой примѣси, ее искажающей, военная диктатура есть бѣдствіе для страны, и для каждаго Русскаго ничего не можетъ быть желательнѣе, какъ скорѣйшее прекращеніе такого исключительнаго положенія нашего западнаго края. Но мы не должны скрывать отъ себя трудности дѣла; мы должны ясно сознать что изъ всѣхъ доселѣ дѣйствовавшихъ системъ управленія западнымъ краемъ нѣтъ ни одной которая могла бы замѣнить собою военную диктатуру безъ самой серіозной опасности. Въ интересахъ человѣколюбія и даже въ интересахъ справедливости надобно желать чтобы суровость нынѣшнихъ мѣръ уступила мѣсто болѣе мягкой системѣ дѣйствій, но эта новая система дѣйствій не должна имѣть то самое основаніе, какъ прежняя либеральная система уступокъ и сдѣлокъ, которая, какъ теперь оказалось, не сближала западнаго края съ Россіей, а отдаляла его отъ нея. Пока не имѣется въ виду новыхъ способовъ дѣйствія, до тѣхъ поръ надобно

всѣми силами держаться диктатуры. Не лучше ли диктатура законная, чѣмъ революціонная? Можно ли забыть что лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ меньшинство польскаго населенія, эта малая горсть людей, успѣла также установить свою диктатуру, которая въ ея глазахъ была уже не исключительнымъ, а нормальнымъ положеніемъ страны? Эта диктатура сбирала подати и управляла страной съ произволомъ, которому люди ужасающіеся теперь предъ строгостію законной власти не могутъ отказать ни въ одномъ изъ свойствъ отличающихъ самый звѣрскій и безсмысленный терроризмъ. Когда ни одно русское семейство не могло уснуть ни одной ночи спокойно въ городѣ Вильнѣ и русскій людъ трепеталъ предъ силою невидимой и подземной диктатуры, тогда военную диктатуру генерала Муравьева каждый Русскій встрѣтилъ какъ свое спасеніе, и крестьяне убѣдились тогда что Россія есть дѣйствительно ихъ настоящее отечество, что ихъ интересы также дороги и Русскому правительству, и русскому обществу, какъ интересы остальныхъ частей государства и народа.

Не ослабленія власти, не прекращенія строгихъ, предупредительныхъ мѣръ противъ возобновленія мятежа, не отверженія тѣхъ поземельныхъ надѣловъ, которыми польское дворянство успѣло незаконно и коварно обездолить крестьянское населеніе, не соглашенія съ Поляками о разграниченіи правъ различныхъ народностей на Русской землѣ, нѣтъ, не той политики можемъ и должны мы желать, которая повела бы лишь къ повторенію того, что уже поставило насъ однажды въ затруднительное положеніе и грозило распаденіемъ Русской державѣ: мы должны ожидать рѣшенія польскаго вопроса лишь отъ нашего внутренняго гражданскаго развитія. Что же касается до временной диктатуры, то мы должны понять наконецъ ея необходимость. Мы можемъ только желать чтобъ она, пока будетъ необходима и не можетъ быть замѣнена ничѣмъ болѣе прочнымъ, сохранила во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, вмѣстѣ съ мужествомъ, и *честность*. Эта суровая и холодная добродѣтель труднѣе прививается, какъ извѣстно, нежели настойчивость и неуклонная точность въ исполненіи данныхъ приказа-

ній, а между тѣмъ такое качество диктатуры только одно можетъ спасти ее отъ неизбѣжнаго извращенія въ стоглавую гидру, столь же бѣдственную для края, сколько презрительную и ненавистную для истинно-патріотическаго чувства. Не менѣе было бы желательно также чтобы при настоящихъ событіяхъ было оказываемо возможно болѣе довѣрія русскимъ общественнымъ силамъ въ дѣлѣ утвержденія русской народности въ западномъ краѣ. Когда агенты диктатуры принимаютъ на себя задачу распространять образованіе и языкъ, или утверждать православіе, то едва ли изъ этого можетъ произойти что-нибудь дѣйствительно полезное для страны, даже при всей энергіи и благонамѣренности дѣятелей. Подобные способы для утвержденія русской народности могутъ только оттолкнуть отъ всякаго живаго участія въ этомъ дѣлѣ тѣ силы которыя естественно могли бы быть призваны къ нему. Довѣріе къ инстинктамъ народныхъ массъ, помимо довѣрія къ общественнымъ силамъ, которыя существуютъ въ верхнихъ слояхъ этихъ же самыхъ массъ, есть пустое слово, за которымъ чаще всего скрывается пристрастіе къ чиновничьимъ и полицейскимъ распоряженіямъ, или привычка разчитывать лишь на то что находится въ нашей непосредственной зависимости и власти. Въ этомъ отношеніи представляется весьма страннымъ положеніе въ западномъ краѣ русскихъ помѣщиковъ. Надобно было ожидать что русскіе помѣщики образуютъ изъ себя главную общественную силу, на которую могло бы опереться управленіе, что они явятся во главѣ всѣхъ распоряженій, охраняющихъ порядокъ и спокойствіе въ краѣ, во главѣ всякаго движенія имѣющаго цѣлію водвореніе русскаго языка, утвержденіе православной вѣры, улучшеніе народнаго быта... И однако же, никому не доводилось слышать о чемъ-либо подобномъ со стороны нашихъ русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ и юго-западномъ краѣ. Говорятъ что нѣкоторые помѣщики, пользовавшіеся значительнымъ вліяніемъ въ своей мѣстности, оставили даже свои имѣнія и переселились въ губернскіе города и столицы. Слышатся только жалобы на прекращеніе всѣхъ доходовъ съ имѣній, на совершенное экономическое разстройство, на оскорбленную

народную гордость; распространеніе на русскихъ помѣщиковъ не только обязательнаго выкупа, но и контрибуціи, хотя въ уменьшенномъ размѣрѣ, противъ помѣщиковъ польскаго происхожденія, возбудило, если вѣрить слухамъ, недовѣріе къ нимъ даже крестьянъ.... Но объ этомъ мы не имѣемъ надобности распространяться. Читателямъ нашимъ извѣстно что мы постоянно высказывались противъ принятія *общихъ* мѣръ, подводящихъ подъ одинъ уровень виноватаго и невиннаго. Мы говорили также что земскій банкъ, учрежденный въ западномъ краѣ для русскихъ помѣщиковъ, могъ бы хоть сколько-нибудь оказать имъ справедливость.

V.

6-го февраля.

Нѣкоторыя газеты подшучиваютъ надъ тѣмъ что онѣ называютъ «преслѣдованіемъ *Московскими Вѣдомостями* украйнофиловъ»; у страха глаза велики, говорятъ онѣ; украйнофилы— такая ничтожная партія что надъ нею можно развѣ только смѣяться; да и изъ ея среды вліятельнѣйшіе люди мечтаютъ лишь о самостоятельной литературѣ малороссійской. О чемъ же брюжжатъ *Московскія Вѣдомости?* заключаютъ наши противники. За что онѣ такъ не жалуютъ Украйну? говорятъ другіе.

Нѣтъ, мы любимъ Украйну,—любимъ какъ часть нашего отечества, какъ живую и дорогую часть нашего народа, какъ часть насъ самихъ, и потому-то намъ такъ ненавистна всякая попытка внести чувство *твоего* и *моего* въ отношенія Украйны къ Россіи. Мы любимъ Украйну со всѣми ея особенностями, въ которыхъ видимъ залогъ будущаго богатства и разнообразія въ общемъ развитіи нашей народной жизни. Мы не понимаемъ, мы не признаемъ никакого соперничества между украинскимъ и русскимъ. Мы видимъ въ этомъ самую фальшивую и вредную мысль. Мы любимъ Украйну, своеобычный характеръ ея дѣтей, поэзію ея преданій и мелодій: ея напѣвы такъ же близки и

родственны намъ, какъ и пѣсни оглашающія Волгу. Мы весьма далеки отъ того чтобъ осуждать тѣхъ украинцевъ которые пристрастны къ своей родинѣ. Le patriotisme du clocher есть весьма почтенное чувство, но оно не должно исключать патріотизма болѣе широкаго; интересы *родины* не слѣдуетъ противопоставлять интересамъ *отечества*. А то ли мы видимъ со стороны такъ-называемыхъ украйнофиловъ? Замѣчали ль тѣ которые подтруниваютъ надъ нашими опасеніями что украйнофилы, обсуживая положеніе малороссійскихъ губерній, говорятъ что Россія ничего для нихъ не сдѣлала? Поражало ли противниковъ нашихъ это сопоставленіе интересовъ Россіи съ интересами Украйны? Насъ оно поражало. Это не тѣ жалобы которыя приходится нерѣдко слышать и отъ Костромичей, и отъ Смольянъ на такія-то распоряженія, на экономическія затрудненія, на стѣсненія торговли, на недостатокъ хорошихъ путей сообщенія,—жалобы, въ которыхъ слышатся сѣтованія Русскаго человѣка что его отечество не пользуется всѣми тѣми благами которыми онъ желалъ бы надѣлить его. Нѣтъ; въ жалобахъ украйнофила звучитъ совсѣмъ особая нота; онѣ выражаютъ сожалѣніе и досаду что на Украйнѣ нѣтъ желѣзной дороги, когда она уже есть между Москвой и Петербургомъ, и что украинскія деньги тратятся для удовлетворенія чуждыхъ ей интересовъ.

Вотъ на какой симптомъ не худо было бы обратить вниманіе нашимъ порицателямъ. Взвѣсивъ его, они не стали бы такъ равнодушно относиться и къ усиліямъ создать малороссійскій языкъ и литературу. Великое дѣло языкъ и литература! Что разошлось въ языкѣ и литературѣ, то разошлось въ духѣ, и того не свяжешь потомъ никакою матеріальною силой. Только исторія создаетъ языкъ литературный. А гдѣ исторія Украйны?.. Казачьи войны,—развѣ это исторія? Также точно рядъ пѣсенъ воспѣвающихъ эти войны—развѣ литература? Когда Поляки говорятъ о своей національности—мы понимаемъ ихъ: мы видимъ долгую самостоятельную историческую жизнь и обширную литературу, обнимавшую и сферу воображенія, и сферу мысли. Правда, эта жизнь иссякла, эта литература лишилась

почвы, но онѣ были, ихъ нельзя отрицать; напротивъ того, что мы видимъ въ Украйнѣ? Хмельницкій замышляетъ создать ей отдѣльное существованіе и убѣждается въ невозможности своихъ замысловъ. Выговскій, Дорошенко и Мазепа пытаются отдѣлиться отъ Россіи, но съ тѣмъ чтобы пристать къ Польшѣ или даже къ Турціи. И вотъ эта исконная и живая часть Русскаго народа соединяется окончательно съ своимъ корнемъ, составляетъ могущественное политическое тѣло, одинъ великій, исполненный силы народъ. Вмѣстѣ пережили они такіе историческіе моменты, какъ эпоха Екатерины, какъ двѣнадцатый годъ, какъ освобожденіе крестьянъ. Какимъ же образомъ могло случиться, что послѣ того, какъ единая, жизненная струя, то радостно, то болѣзненно пробѣгала столько временъ по всему организму Русскаго государства,—вдругъ въ одной части, въ въ одномъ членѣ этого организма оказалась потребность создать самобытную литературу, и изъ особенностей мѣстнаго нарѣчія развить языкъ, какъ символъ особой національности? Это не въ природѣ вещей, это фальшь. Литература не есть кабинетная работа нѣсколькихъ ученыхъ и беллетристовъ; она дѣло внутренней жизни народа, живущаго самостоятельною и отдѣльною политическою жизнію.

Мы отнюдь не протестуемъ противъ свободы частныхъ дѣйствій со стороны украинской партіи, изъ уваженія къ личной свободѣ, предоставляя впрочемъ и себѣ такую же свободу говорить и повторять всѣмъ, кто захочетъ слушать насъ, о лжи и вредѣ стремленій, которыя находимъ ложными и вредными. Пусть эти господа на собственныя деньги заводятъ школы и печатаютъ сочиняемыя ими книги: мы станемъ убѣждать чтобы никто не ходилъ въ эти школы и не покупалъ этихъ книгъ. Мы, повторяемъ, готовы допустить это, но претендовать, какъ нѣкоторые желали бы, чтобы правительство на казенныя средства помогало распаденію Россіи, или создавало призракъ который сталъ бы вампиромъ цѣлыхъ поколѣній,—это верхъ нелѣпости, это сумашествіе.

Нѣкоторые полагаютъ что развитіе и усиленіе украинскаго начала послужитъ сильнымъ оплотомъ противъ польскихъ

притязаній,—мысль благовидная, но совершенно ложная! Развѣ не показалъ опытъ что украйнофилы служатъ самымъ удобнымъ орудіемъ для польской интриги? Развѣ *панычи* въ свитахъ не получали лозунга отъ пановъ въ чамаркахъ? Развѣ Мѣрославскій не включалъ ихъ въ свою революціонную организацію? Пусть прочтутъ его программу, найденную въ домѣ Замойскаго. Правда, что этихъ *панычей* въ свитахъ, этихъ распространителей *золотыхъ грамотъ* немного, но къ нимъ примыкаетъ партія не совсѣмъ-то ничтожная, за которою стоитъ въ резервѣ страшилище всесвѣтной революціи. Самые умѣренные изъ этой партіи препираются съ *Россіей*, обсуживаютъ свои отношенія къ *Россіи*, установляютъ между собою и *Россіей* какія-то международныя отношенія.

Пусть насъ считаютъ алармистами, пусть наши собраты по журналистикѣ ищутъ создать себѣ на нашъ счетъ популярность,— мы желаемъ имъ успѣха, но не перестанемъ указывать на опасность, хотя бы только еще зараждающуюся; мы лучше хотимъ быть похожи на того моряка, который, замѣтивъ на небѣ черное пятнышко, принимаетъ мѣры противъ бури, нежели на того, который начинаетъ убирать парусъ когда уже налетѣлъ шквалъ.

Признаемся откровенно: мы не придаемъ большаго значенія мнѣніямъ нашихъ товарищей по литературѣ въ вопросахъ политическаго свойства. Предъ подобнымъ трибуналомъ весьма вѣроятно что мы проиграемъ нашъ процессъ противъ украйнофиловъ, особенно при извѣстныхъ условіяхъ нашей печати, косвенно покровительствующихъ системѣ молчанія, abstention: «мы не въ состояніи возражать вамъ», отвѣтитъ противная партія, и этого довольно чтобы наши литературные искатели популярности вмѣстѣ съ прогрессистами канцелярій очутились на ея сторонѣ. Но еслибы процессъ нашъ разсматривался людьми земскими, чуждыми теорій и сентиментальностей,— людьми слова которыхъ были бы солидарны съ самымъ дѣломъ,—предъ такимъ собраніемъ наши украйнофилы и всѣ другіе политическіе наши безобразники не осмѣлились бы и заикнуться,—мы твердо въ этомъ увѣрены.

VI.

9-го февраля.

Не даромъ славянская рѣчь означаетъ одинмъ и тѣмъ же словомъ языкъ и народъ. Никакое политическое разъединеніе, какъ бы оно ни было продолжительно, не можетъ изгладить то чувство единства которое связываетъ людей говорящихъ на одномъ языкѣ. Мы видимъ это въ современномъ италіянскомъ движеніи, и можетъ-быть еще рѣзче въ томъ сознаніи общей народности которое связываетъ между собою всѣхъ Нѣмцевъ, несмотря на ихъ политическое раздробленіе, несмотря на глубокую пропасть, которая раздѣляетъ ихъ въ религіозномъ отношеніи.

Эта связующая сила общаго языка, естественно, должна имѣть великое значеніе въ смыслѣ государственномъ. И дѣйствительно, мы видимъ что повсюду, гдѣ исторія собрала въ одно государство разные народы или *языки*, она довершаетъ свое дѣло, сливая въ одинъ народъ, въ одинъ языкъ разнородные входящіе въ него элементы силою общаго языка. Такъ Австрія и Пруссія дѣйствуетъ на подвластныхъ имъ Славянъ, Франція на Нѣмцевъ Альзаса и т. д. Вездѣ правительства удерживаютъ не только въ высшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе на языкѣ господствующемъ, на языкѣ цѣлаго государства. Намъ можетъ быть непріятна такая политика Австріи относительно сплеменныхъ намъ Славянъ, а Нѣмцамъ политика Франціи относительно Альзаса; но со своей точки зрѣнія эти правительства совершенно правы, и дѣйствуютъ согласно съ интересами государства.

Но если политика Австріи была намъ непріятна, хотя она дѣйствуетъ на народы отдѣленные отъ насъ въ государственномъ отношеніи и чуждые намъ; то мы, къ несчастію, долгое время были уже слишкомъ равнодушны въ отношеніи къ подобному явленію совершавшемуся у насъ дома, и притомъ среди народа составляющаго часть насъ самихъ, народа чисто Русскаго. Читатель уже догадался что мы говоримъ о той

несчастной вѣтви нашего народа которая населяетъ возвращенныя отъ Польши губерніи. Теперь намъ непонятно то равнодушіе, съ которымъ прежде смотрѣли у насъ на ополяченіе края, гдѣ огромное большинство населенія чисто русское, и еще болѣе на ту поддержку, какую въ этомъ отношеніи оказывала Полякамъ администрація. Такое равнодушіе объясняется лишь тою апатіей, которая такъ долго тяготѣла надъ нами, убивала въ насъ всякое жизненное движеніе, и Богъ вѣсть къ чему повела бы, еслибы событія насъ не пробудили.

Еслибы, со времени возвращенія къ Россіи западныхъ губерній, во всѣхъ гимназіяхъ и семинаріяхъ (католическихъ) было введено употребленіе русскаго языка по всѣмъ предметамъ, то въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, можетъ-быть, не было бы польскаго вопроса. Но что было на дѣлѣ? Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ господствовалъ польскій языкъ, и чрезъ это не только Поляки сохраняли свою народность и связанныя съ нею сепаратистическія стремленія, но даже Русскіе и Литвины становились Поляками! Еслибы польскій языкъ не былъ искусственно поддерживаемъ, то, конечно, рѣдкій Литвинъ захотѣлъ бы учиться ему, не имѣя въ немъ надобности; но вслѣдствіе господствовавшей системы, всѣ Литвины, получавшіе образованіе, дѣлались Поляками!

Теперь многое измѣнилось къ лучшему. Въ гимназіяхъ западнаго края почти всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ; польскій языкъ преподается только тѣмъ изъ воспитанниковъ которыхъ родители того пожелаютъ. Мы слышали что только весьма немногіе изъявляютъ такое желаніе: доказательство что тамъ очень хорошо можно обойтись безъ польскаго языка. Но насъ смущаетъ слово *почти*, которое мы должны были употребить,—потому что все еще есть предметъ преподаваемый по-польски, — тотъ предметъ, который дѣйствуетъ преимущественно на нравственную сторону человѣка; то ученіе, которое знакомитъ человѣка съ его обязанностями къ Богу и людямъ—законъ Божій для тамошнихъ жителей римско-католическаго исповѣданія. Это исключеніе намъ кажется до того важнымъ что по нашему мнѣнію оно одно можетъ значительно

ослабить, если не совершенно уничтожить, всѣ полезныя послѣдствія преподаванія остальныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Всякій человѣкъ необходимо сочтетъ своимъ роднымъ языкомъ именно тотъ на которомъ онъ привыкъ обращаться съ самыми сокровенными мыслями своими и молитвою къ Богу. Замѣтимъ притомъ что этому вліянію подвергнутся преимущественно люди съ глубоко-религіознымъ чувствомъ, слѣдовательно тѣ которые были бы добрыми членами общества, еслибы мы не отчуждали ихъ отъ себя.

Мы уже не разъ высказывали ту мысль что въ западныхъ губерніяхъ намъ надобно всячески стараться о разъединеніи католицизма съ польскою народностію. Католицизмъ самъ по себѣ не можетъ возбуждать ненависть ни къ какой народности; но въ соединеніи съ элементомъ польщизны онъ становится знаменемъ подъ которымъ соединяется все враждебное Россіи. Отнимемъ же у нашихъ враговъ такое сильное орудіе,— и несбыточныя мечты незначительнаго польскаго населенія западнаго края рушатся сами собою. Пусть католики, протестанты и самые Евреи обучаются каждый своему закону по-русски; пусть въ ихъ храмахъ раздается слово проповѣдника по-русски, пусть всѣ они молятся по русскимъ молитвенникамъ,—и они перестанутъ чувствовать себя Поляками; послѣдняя нить, связующая ихъ съ этою народностію, будетъ порвана, и мы пріобрѣтемъ, вмѣсто враговъ, людей преданныхъ общему отечеству, потому что имъ нельзя уже будетъ считать себя не Русскими.

Не то ли же самое мы видимъ и въ другихъ государствахъ? Въ Англіи католики, даже Ирландцы, употребляютъ англійскій языкъ; точно также во Франціи протестанты столь же ревностные Французы, какъ и католики. Но могло ли бы это быть еслибы въ Англіи католики были принуждены употреблять языкъ кельтскій, а протестанты во Франціи—языкъ нѣмецкій? Намъ кажется что отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію.

Да и у насъ въ этомъ отношеніи уже былъ сдѣланъ опытъ, и кажется удачный,—въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ.

Можетъ-быть намъ возразятъ нѣкоторые что дозволеніе русской проповѣди въ костелахъ и изданіе католическихъ книгъ духовнаго содержанія на русскомъ языкѣ могутъ повлечь за собою совращенія православныхъ въ иновѣріе. Но оставляя въ сторонѣ всѣ другія соображенія, мы напомнимъ возражателямъ только то обстоятельство что въ западномъ краѣ большинство православныхъ очень хорошо понимаютъ по-польски (тамъ даже въ семействахъ священниковъ православныхъ говорятъ больше по-польски чѣмъ по-русски), слѣдовательно если уже непремѣнно предполагать опасность, то точно такой же опасности совращенія можно ожидать и отъ польскихъ проповѣдей.

VII.

10-го февраля.

Западный край въ послѣднее время, можно сказать, поглотилъ вниманіе и публики, и печати нашей. О немъ писалось и пишется ежедневно; всѣ заняты его настоящимъ положеніемъ и будущею его судьбой, а между тѣмъ, — странное дѣло! — о весьма значительной доли его народонаселенія, о племени заключающемъ въ себѣ около 1.200.000 душъ, составляющемъ свыше чѣмъ 11 процентовъ всего населенія края, о еврейскомъ племени, говорилось весьма мало, вскользь, мимоходомъ.

Кто не знаетъ, хотя по слухамъ, о значеніи еврейскаго народонаселенія въ западномъ краѣ? Оно держитъ въ своихъ рукахъ всю мелкую промышленность этого края, всю его торговлю, всѣ капиталы; слышно что и поземельная собственность начинаетъ въ западныхъ губерніяхъ переходить въ руки Евреевъ. И вотъ, въ то же время, они лишены права по произволу избирать себѣ мѣсто жительства, и самъ законъ поддерживаетъ ту замкнутость, то отчужденіе и тотъ духъ касты, которые и безъ того слишкомъ развиты между Евреями. Нельзя не согласиться что такое положеніе крайне ненормально. По крайней мѣрѣ выигрываетъ ли отъ этого край? выигрываетъ ли Россія? Сомнѣваемся. Мы бьемся изо всѣхъ силъ чтобы снять

польскій наростъ съ Бѣлоруссіи и Украйны, а не обращаемъ вниманія на то что въ городахъ и мѣстечкахъ этого края не только наростъ, но все тѣло — Евреи, что эти города и мѣстечки ихъ владѣнія. При 10½ милліонахъ общаго населенія, небогатаго, имѣющаго вообще мало потребностей, милліону промышленниковъ - торговцевъ нечего дѣлать, и они заѣдаютъ благосостояніе цѣлаго края.

Мы не хотимъ поднимать вопросъ о томъ въ какой степени было бы полезно открыть еврейскому племени, заключенному въ западномъ краѣ, свободный выходъ въ другія части Имперіи, а еще менѣе считаемъ себя въ правѣ разрѣшать этотъ вопросъ; но не можемъ не замѣтить что *закрытіе* Евреевъ уже признано явленіемъ ненормальнымъ. Въ послѣднее время имъ открыты два пути изъ той обширной темницы въ которой они заключены: предъявленіе капитала дающаго права первой гильдіи и ученая степень. Постановленія эти, вѣроятно, имѣли цѣлію допускать въ другія части Имперіи лишь лучшихъ людей изъ числа Евреевъ, — но за что же западный край осужденъ оставаться постоянно при худшихъ? Согласно ли съ интересомъ этого края,—а слѣдовательно и всего государства,—чтобы капиталы умственные и матеріальные постоянно утекали изъ него, чтобъ онъ хронически страдалъ умственнымъ и денежнымъ малокровіемъ! Объ этомъ стоило бы подумать.

Да и не одно это. Если справедливо что Евреи стремятся вонъ изъ отведеннаго имъ угла,—а, кажется, это мудрено отрицать,—то тѣмъ изъ нихъ которые не имѣютъ капитала остается одно средство,—высшее образованіе. Чего же, повидимому, лучше! Вотъ средство возбудить между ними охоту къ образованію и увеличить вообще въ Россіи число просвѣщенныхъ людей. Такъ можетъ казаться съ перваго взгляда,—но въ дѣйствительности могутъ выйти явленія неожиданныя. Вообще привлекать искусственнымъ образомъ людей къ высшему образованію—едва ли полезно. Пусть двери нашихъ университетовъ и академій открыты для всѣхъ, а также и для Евреевъ, но нельзя одобрить искусственныхъ приманокъ, создаваемыхъ для привлеченія людей въ высшія образовательныя заведенія, — приманокъ X класса,

освобожденія отъ податнаго состоянія, и наконецъ права переселяться изъ одной губерніи въ другую. Взвѣшены ли относительно Евреевъ, напримѣръ, послѣдствія подобныхъ приманокъ? Что если эти приманки въ самомъ дѣлѣ окажутся успѣшными, если Евреи, за невозможностію выбраться изъ края, откуда выходъ имъ запертъ, хлынутъ въ наши университеты, и не имѣя капиталовъ, чтобы вступить въ торговлю, захватятъ бо́льшую часть такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій, профессорскихъ каѳедръ и служебныхъ мѣстъ?

То и другое заключается въ границахъ возможнаго. Развѣ мы не видѣли еще недавно несоразмѣрно большое число Поляковъ во всѣхъ отрасляхъ государственной службы? Явленіе это было вызвано отчасти фальшивымъ положеніемъ голой шляхты, привлекаемой по старой привычкѣ къ занятіямъ непроизводительнымъ, а отчасти закономъ, который обязывалъ польскихъ дворянъ къ военной службѣ. Постараемся же избѣгнуть подобной ошибки въ отношеніи къ Евреямъ, ошибки, которая можетъ-быть тѣмъ болѣе опасна что породитъ въ Евреяхъ неестественное и черезмѣрное влеченіе къ университетскому образованію, и переполнитъ всѣ наши либеральныя профессіи этимъ элементомъ. Нужно ли это? Не худо также припомнить что Евреи, какъ это доказываетъ примѣръ Германіи, получивъ высшее образованіе, становятся самыми крайними раціоналистами.

Законодателю чрезвычайно трудно, даже невозможно, предусмотрѣть всѣ послѣдствія могущія произойти изъ проектируемаго постановленія. Необходимо зорко слѣдить за тѣми явленіями которыя законъ производитъ въ жизни, и немедленно вносить въ него тѣ поправки на которыя жизнь указываетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, право свободнаго перехода изъ западнаго края студентамъ изъ Евреевъ было даровано съ благимъ намѣреніемъ,—но вотъ однакожъ каковы могутъ быть послѣдствія! Чѣмъ заставлять Евреевъ пролѣзать внутрь Имперіи черезъ узкую дверь университета, не лучше ли ужь просто отворить имъ настежь ворота? Относительно размѣщенія и разселенія жителей не лучше ли дать свободный ходъ экономическимъ условіямъ, нежели ставить искусственнымъ условіемъ степень образованія?

VIII.

11-го февраля.

Судьба всякаго дѣла зависитъ не только отъ тѣхъ элементовъ которые существенно свойственны ему, но и отъ разныхъ постороннихъ условій которыя имѣютъ на него вліяніе. Въ человѣческихъ дѣлахъ могущественное вліяніе имѣютъ тѣ чувствованія, воззрѣнія и понятія, которыми дѣла сопровождаются и которыя къ нимъ примѣшиваются. Все зависитъ отъ того, совпадаютъ ли наши воззрѣнія съ дѣйствительностію, и въ какой мѣрѣ совпадаютъ, или же они вносятъ въ дѣло чуждый ему элементъ и производятъ черезъ то какую-нибудь комбинацію заключающую въ себѣ внутреннее противорѣчіе, отъ котораго неизбѣжно страдаетъ и наконецъ гибнетъ и самое дѣло. Въ жизни мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ подобными случаями. Возьмемъ что-нибудь покрупнѣе и появственнѣе для примѣра. Вотъ два человѣка, соединенные между собою полнымъ согласіемъ всѣхъ своихъ существенныхъ интересовъ; но между ними, какъ говорится, пробѣжала черная кошка, и вотъ, вопреки дѣйствительности, они мало-по-малу пріучаются смотрѣть другъ на друга какъ на соперниковъ, какъ на противниковъ, и, наконецъ, какъ на враговъ. Существенные элементы ихъ взаимныхъ отношеній не измѣняются, ихъ интересы остаются тѣ же самые, и попрежнему направлены въ одну и ту же сторону. Но къ нимъ примѣшивается роковое недоразумѣніе, и вотъ, въ группѣ этихъ интересовъ возникаетъ противорѣчіе, которое ведетъ ихъ къ разстройству и губитъ ихъ въ конецъ.

Всѣ слыхали объ ипохондрикахъ, о мнимо-больныхъ, и всякому болѣе или менѣе случалось самому быть такимъ больнымъ. Никакого органическаго измѣненія не произошло, но человѣкъ тѣмъ не менѣе серіозно чувствуетъ себя больнымъ. Въ его рукѣ, въ его ногѣ нѣтъ никакихъ элементовъ для чувства боли, а чувство боли тѣмъ не менѣе развивается, и человѣкъ чувствуетъ боль, вносимую въ здоровый членъ его воображеніемъ.

Эта воображаемая боль можетъ пріобрѣтать всѣ степени энергіи, и становится наконецъ непобѣдимою силой. Какая польза отъ того что въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ поврежденій въ органѣ? Фальшиво внесенная въ него боль тѣмъ не менѣе дѣйствительно чувствуется, человѣкъ тѣмъ не менѣе страдаетъ, и мнимая болѣзнь тѣмъ не менѣе ведетъ его и можетъ вести къ послѣдствіямъ можетъ-быть еще болѣе пагубнымъ чѣмъ дѣйствительная болѣзнь.

Не такое ли же точно явленіе представляютъ сужденія наши, въ которыхъ данный фактъ освѣщается группою совершенно не относящихся къ нему понятій? Сужденіе бываетъ правильно и вѣрно только тогда, когда наши понятія вполнѣ соотвѣтствуютъ тому о чемъ мы судимъ, когда въ нихъ сосредоточены существенные признаки факта, когда въ нихъ нѣтъ никакой чуждой имъ примѣси. Но очень часто мы судимъ о вещахъ несоотвѣтствующими имъ понятіями, и очень часто наши сужденія представляютъ явленіе весьма сходственное съ тѣми болѣзненными случаями о которыхъ мы говорили выше. Исполненныя внутренняго противорѣчія, эти сужденія вносятъ смуту и разстройство въ нашу жизнь, въ отношенія людей между собою, въ ихъ интересы и ихъ дѣла. Вотъ почему, рѣшаясь судить и дѣйствовать по разсудку, мы должны оглядываться на наши понятія и испытывать ихъ силу, чтобы не попасть въ просакъ и не сдѣлать того, чего мы вовсе не хотимъ сдѣлать. Въ частной жизни каждый самъ отвѣчаетъ за послѣдствія своихъ фальшивыхъ сужденій; но въ общественной жизни они могутъ сопровождаться общественными бѣдствіями. Вотъ почему общественное мнѣніе, пробуждающееся и вступающее въ силу, должно быть очень осмотрительно и заботливо провѣрять запасъ своихъ понятій. Оно должно быть насторожѣ противъ тѣхъ болѣзненныхъ и уродливыхъ комбинацій, въ которыхъ съ данными въ дѣйствительности условіями сочетаются понятія выработанныя изъ иныхъ условій и не имѣющія съ ними ничего общаго. Общественное мнѣніе должно пріучаться къ трезвости и ясности взгляда, и болѣе всего опасаться, чтобы въ его воззрѣніяхъ не появлялись такъ-называемые субъективные цвѣта.

Недоразумѣнія обладаютъ неограниченною способностію разрастаться и плодиться. Недоразумѣніе, возникшее въ одномъ, непремѣнно вызываетъ свойственныя себѣ послѣдствія въ другомъ заинтересованномъ человѣкѣ, и отъ него съ новою силой возвращается къ первому, съ тѣмъ чтобы снова и съ новымъ ядомъ совершить обратный путь. Между людьми разрастается наконецъ цѣлый лѣсъ недоразумѣній. Только твердая рѣшимость взглянуть на дѣло въ истинномъ свѣтѣ можетъ дойти до корня недоразумѣній и, поразивъ его, пресѣчь эту зловредную плодучесть. Твердая рѣшимость есть признакъ мужества, зрѣлой воли и зрѣлаго ума; но освободиться отъ недоразумѣній люди могутъ тѣмъ легче и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ менѣе недоразумѣнія имѣли времени укорениться и разростись въ ихъ средѣ.

Недоразумѣнія которыми страдаетъ наше общественное мнѣніе, слава Богу, не имѣли еще времени слишкомъ глубоко укорениться и слишкомъ широко разростись. Судить объ общественныхъ предметахъ начали мы еще очень недавно, и несмотря на множество нелѣпостей которыя появлялись въ нашей литературѣ, эти нелѣпости не могли получить значительной силы, и въ нашемъ общественномъ мнѣніи еще не могли образоваться непреодолимые навыки въ сочетаніи и примѣненіи понятій. Всѣ эти болѣе или менѣе нелѣпыя сужденія, которыя возникали на поверхности нашего общества, не имѣютъ въ немъ корней, и понятія которыя въ нихъ входили не могутъ даже и назваться понятіями. Это не понятія выработанныя жизненнымъ процессомъ собственной мысли, которыя могли бы стать страшною силой въ фальшивыхъ примѣненіяхъ и въ несвойственныхъ сочетаніяхъ,—это не понятія, а призраки понятій, налетавшіе съ разныхъ сторонъ, благодаря бездѣйствію собственной мысли, и готовые исчезнуть при ея первомъ серіозномъ движеніи. Мы несравненно легче можемъ выходить изъ нашихъ общественныхъ недоразумѣній чѣмъ другіе народы, которые гордятся предъ нами своею давностію и богатствомъ цивилизаціи. У другихъ европейскихъ народовъ, именно вслѣдствіе ихъ давней цивилизаціи, образовалось много воззрѣній которыя составляютъ дѣйствительную силу и въ добрѣ и въ злѣ общественной

жизни, а потому зло фальшивыхъ сочетаній не такъ легко искореняется тамъ, гдѣ вошли въ него дѣйствительныя силы, какъ тамъ гдѣ оно ограничивается одною болтовней съ чужаго голоса. Но мы не должны убаюкивать себя этою легкостію, не должны медлить: чѣмъ скорѣе раздѣлаемся мы съ нашими недоразумѣніями, тѣмъ лучше, потому что, съ теченіемъ времени, отъ навыка и повторенія безсильное и ничтожное можетъ затвердѣть и войти въ силу, отъ которой послѣ трудно будетъ отбиться. Къ тому же и самая тѣнь есть своего рода дѣйствительность: она дѣйствуетъ, скрадывая предметы, помрачая наше зрѣніе и сбивая насъ съ толку.

IX.

14-го февраля.

Мы уже упоминали въ нашей газетѣ объ *Атласѣ народонаселенія Западно-Русскаго края по вѣроисповѣданіямъ*, составленномъ трудами гг. Батюшкова и Риттиха. Это великолѣпное изданіе напечатано въ маломъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступаетъ. А потому мы надѣемся оказать нашимъ читателямъ услугу сообщеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ, почерпнутыхъ нами изъ разсмотрѣнія этого важнаго труда.

Пространство называемое западнымъ краемъ очерчено съ двухъ сторонъ,—съ востока и запада,—большими водными линіями. Съ одной стороны Днѣпръ отдѣляетъ его отъ другихъ русскихъ земель, начиная съ самой южной оконечности до половины Могилевской губерніи; далѣе, къ сѣверу, ея восточная граница уклоняется на востокъ отъ теченія этой рѣки, и идетъ прихотливыми извилинами, обозначенными рукою офиціальныхъ межевщиковъ. Что касается до западной границы этого края, то ее составляютъ Днѣстръ, Бугъ (Западный), Бобръ и Нѣманъ. Сѣверная и южная границы на *Атласѣ* проведены болѣе или менѣе произвольно: Западная Двина и Спнюха суть лишь части этихъ границъ.

Независимо отъ самыхъ рѣкъ, частію судоходныхъ, частію сплавныхъ, западный край прорѣзывается въ разныхъ направленіяхъ рѣками Бугомъ, Припетью, Случемъ, Горынью, Стыремъ, Березиной, Сожью, и Вилiей,—тоже отчасти судоходными, отчасти сплавными.

Почва западнаго края въ высшей степени разнообразна: начиная съ безплодныхъ песковъ сѣверо-западной части Витебской губерніи до густаго чернозема Украйны и торфяныхъ тундръ Полѣсья. Сѣверная часть страны, говоря вообще, возвышенна, гориста и лѣсиста, мѣстами обильна озерками, и въ большей части Витебской, Ковенской и Виленской губерній живописна: Вильна, Троки, часть теченія Нѣмана и Вилiи справедливо славятся въ этомъ отношеніи. Далѣе за Гродномъ, Новогрудкомъ и Минскомъ страна понижается, холмы почти исчезаютъ, и открывается широкая полоса лѣсистыхъ болотъ, постоянно покрытыхъ сизымъ туманомъ и перерѣзанныхъ едва струящимися сонными рѣками. Это Полѣсье,—почти сплошное болото, простирающееся отъ Западнаго Буга до Днѣпра и имѣющее ширины не менѣе 400 верстъ. Оно обнимаетъ южную часть Гродненской, бо́льшую часть Минской губерніи, захватываетъ сѣверный уголъ Кіевской и покрываетъ по крайней мѣрѣ половину (сѣверную) Волынской. Затѣмъ, далѣе къ югу, за Владиміромъ-Волынскимъ, Луцкомъ и Овручемъ, мѣстность начинаетъ возвышаться, лѣса рѣдѣютъ, холмы, отроги Карпатовъ, разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ, и въ сосѣдствѣ Днѣстра образуютъ одну изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей—не только въ Россіи, но можетъ-быть и въ Европѣ. Далѣе къ югу, мало-по-малу, мѣстность сглаживается, и начинаются неоглядныя степи Херсонской губерніи.

Вотъ очеркъ мѣстности. Она изстари была заселена двумя племенами,—русскимъ и литовскимъ. Сколько можно судить по говору и физіономіи жителей, по названію урочищъ и тому подобнымъ признакамъ, Варшавская желѣзная дорога довольно близко проходитъ къ той линіи которую можно было бы принять за границу между этими двумя племенами. Начиная отъ того мѣста, гдѣ дорога эта вступаетъ въ Витебскую губернію,

этнографическая граница должна была бы взять нѣсколько влѣво, обойти Вильну съ восточной стороны, у Ошмянъ, потомъ близъ Гродна перейти на противоположную сторону дороги, и пересѣчь ее снова у Бѣлостока.

Разумѣется, литовское племя, разливавшееся нѣкогда по всей западной Руси и проникавшее до Чернаго Моря, не могло не осѣсть въ разныхъ ея частяхъ. Дѣйствительно, свѣдѣнія представляемыя *Атласомъ* указываютъ на группы литовскаго племени, разбросанныя почти по всему пространству западнаго края, разумѣется, съ большею густотой по мѣрѣ сосѣдства со стародавнимъ гнѣздомъ своимъ, и постепенно рѣдѣя по мѣрѣ отдаленія отъ него. Литовское племя составляетъ слишкомъ 80 процентовъ всего народонаселенія Ковенской губерніи и живетъ тамъ сплошною массой; почти такъ же густо населяетъ оно сѣверо-западную часть Виленской, между тѣмъ какъ въ Подольской и Кіевской его нѣтъ вовсе.

Вся численность этого племени не превышаетъ въ настоящую пору 1.367.450 человѣкъ,—цифра отнюдь не уменьшенная противъ дѣйствительности, но напротивъ, превышающая исчисленіе сдѣланное Кеппеномъ.

Къ востоку отъ линіи желѣзной дороги осѣло почти сплошною массой племя чисто русское —Бѣлоруссы и Малоруссы. Эти двѣ отрасли русскаго корня, подвигаясь нѣкогда съ сѣвера и юга, сошлись и смѣшались на срединѣ пути, въ Полѣсьи, при чемъ, по замѣчанію г. Кояловича, произошло странное филологическое явленіе: бѣлорусское и малорусское нарѣчія утратили часть своихъ особенностей и приблизились къ общему языку русскому. Независимо отъ этихъ двухъ великихъ, почти сплошныхъ группъ русскаго племени, занимающихъ свою исконную территорію, другія группы большей или меньшей плотности и обширности разбросаны по территоріи исконно заселенной Литвою. Въ самой Ковенской губерніи, этой коренной Жмуди, насчитывается до 22 тысячъ Великоруссовъ, Бѣлоруссовъ и Малоруссовъ, особенно первыхъ.

Исторія уже оцѣнила значеніе и дѣйствіе переселеній русскаго племени на сѣверъ, въ земли финскихъ народцевъ.

Новгородскіе рыбаки, звѣроловы, промышленники, бѣглецы, мало-по-малу обруспли сѣверное Заволжье. Точно также русскіе князья и бояре, отъѣзжавшіе за литовскій рубежъ. Толпы старообрядцевъ, рекрутъ и дезертировъ Петровскаго времени, покидавшихъ свои полки, крестьянъ уходившихъ отъ крѣпостнаго права,—вся эта пестрая масса русскихъ людей, выходившихъ изъ коренной Россіи, приносившая живыя преданія русскихъ чувствъ, понятій и обычаевъ въ края подвластные Польшѣ, должна была поддерживать и обновлять связь зарубежнаго русскаго народа съ коренною Русью,— связь метрополіи съ отторгнутыми отъ нея частями.

Миграція русская проникла еще далѣе къ западу, и нынѣ заявляетъ себя въ Августовской губерніи; и тамъ, за сотни верстъ отъ своей колыбели, она сберегла чисто русское чувство, свято сохранила народную связь свою съ Русскимъ отечествомъ. Мы не говоримъ о русскомъ населеніи Люблинской губерніи, такъ какъ оно тамъ коренное, а не пришлое; но возвращаясь къ русскимъ колоніямъ средп литовскаго и польскаго народонаселенія, припомпиая его сильное дѣйствіе въ сѣверномъ Заволжьи, въ Сибири, его стойкость въ Финляндіи (въ Выборгской губерніи), справедливо ли обвинять русское племя въ податливости и слабости относительно другихъ, прикосновенныхъ къ нему, народностей? Всего, по *Атласу*, Русскихъ въ западныхъ губерніяхъ 6.895.830 ч. или около 65 проц. общаго населенія (10.659.712 ч.). Если же мы исключимъ Ковенскую и Виленскую губерніи, то въ остальныхъ чисто-русскаго племени будетъ до 80 проц. на общую массу жителей (8.970.285). Таково численное отношеніе западнаго края по племенамъ.

Взаимное отношеніе по вѣроисповѣданіямъ довольно сходно съ племеннымъ. Вѣроисповѣданія разграничиваются почти тѣми же чертами какъ и національности. Сѣверо-западный уголъ карты представляющей всѣ 9 губерній въ совокупности—*розовый* (католическій), остальная его часть *зеленая* (православная), и линія отдѣляющая *зеленую* сторону отъ *розовой* проходитъ близко отъ Варшавской желѣзной дороги къ востоку, изрѣдка переходя и на западную ея сторону. Разумѣется, *зеленыя* крапинки

разбросаны по *розовой* землѣ, а *розовые* кружки раскиданы по *зеленой*.

Всматриваясь внимательно въ эти *розовые* кружки, мы найдемъ въ нихъ нѣкоторыя указанія. И больше, и гуще они вдоль и по близости линіи очерчивающей страну гдѣ преобладаетъ латинство; кружковъ этихъ наболѣе въ восточной части Виленской губерніи, въ ближайшихъ къ ней частяхъ Минской и въ Гродненской, вдоль польской границы. Это естественно. Далѣе, мы видимъ довольно густо разбросанныя, хотя и мелкія розовыя точки въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и особенно Подольской; это большею частію усадьбы пановъ, осѣдлости піонеровъ полонизма въ юго-западной Руси; это Вишневецъ, Теофиполь, Тульчинъ, Умань,—старинныя владѣнія Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Любомірскихъ и другихъ магнатовъ польскихъ или ополячившихся Русскихъ; — это слободы дробной шляхты, образовавшейся большею частію изъ панской дворни; это, наконецъ, тѣ костелы и монастыри которые уже въ исходѣ XVIII вѣка католическая ревность разсыпала по Украйнѣ, какъ передовые посты своего замышляемаго завоеванія... Менѣе всего испещрено розовымъ кружкомъ Полѣсье, страна бѣдная и глухая, мало привлекшая польскихъ пановъ и католическихъ миссіонеровъ. Имъ была несравненно дороже плодоносная и населенная Украйна. Глядя на это множество, хотя и мелкихъ кружковъ, разсыпанныхъ по пространству юго-западной Руси, особенно Подоліи, становится удивительно, какъ они, будучи центрами систематической энергической пропаганды, не слились между собою, не покрыли всей страны. Надо было много стойкости, много силы упора со стороны осажденныхъ и окруженныхъ отовсюду туземцевъ, чтобъ удержать свой природный *зеленый* цвѣтъ! Замѣтимъ также, что во всемъ западномъ краѣ *нѣтъ ни одного города* который на *Атласѣ* гг. Батюшкова и Риттиха не былъ бы обведенъ болѣе или менѣе обширнымъ розовымъ кружкомъ.

Итакъ, православіе въ западномъ краѣ, вообще говоря, совпадаетъ съ русскою народностію. Однако выводъ этотъ только приблизительно вѣренъ. Въ таблицахъ при *Атласѣ* подъ

рубрикою *Русскихъ* находятся 262.184 католиковъ, а подъ рубрикою *Поляковъ*—38.715 православныхъ. Эти цифры намекаютъ на то что католицизма не слѣдуетъ смѣшивать съ польщизной, и что Русскими могутъ быть и иновѣрцы.

X.

15-го февраля.

Не разъ была высказываема въ нашей печати, и отчасти въ нашемъ законодательствѣ, мысль что самою безыскусственною и наиболѣе удобною земскою единицей могъ бы служить у насъ *приходъ*. Въ приходѣ соединяются всѣ православные жители извѣстнаго участка, безъ различія званій, вѣдомствъ и состояній: всѣ обыватели связаны съ приходомъ весьма важными для нихъ интересами; вокругъ приходской церкви сгруппировались у насъ сами собою и школа, и торговый базаръ; здѣсь же находится нерѣдко и помѣщичья усадьба, и волостное управленіе, и тутъ же собирается мірская сходка. Къ этимъ центрамъ стянулись такимъ образомъ всѣ общественные интересы каждаго уголка въ Россіи. Наконецъ, приходъ существуетъ у насъ издавна какъ синодальная единица. Всѣхъ этихъ условій слишкомъ достаточно для того чтобы ручаться за прочность и примѣнимость тѣхъ учрежденій, которыя, какъ ожидающія теперь законодательнаго утвержденія «приходскія попечительства», будутъ у насъ основаны на выработанныхъ самою жизнію условіяхъ и потребностяхъ. Когда законъ соразмѣряется съ наличными матеріальными и нравственными фактами общества, то законодательство всегда можетъ разчитывать что принимаемыя имъ мѣры легко привьются къ жизни и найдутъ себѣ свободное примѣненіе. Если въ Англіи—этой классической странѣ свободы и порядка—уставы приходскихъ попечительствъ поражаютъ посторонняго читателя своею плодовитостію, видимымъ безпорядкомъ и чрезвычайною дробностію спеціальныхъ узаконеній, то намъ извѣстно, съ другой стороны, что мѣстная жизнь въ Англіи сама нисколько и ни въ чемъ

не подавляется такими свойствами уставовъ; она не теряется въ нихъ, и не стремится всюду ускользать изъ-подъ силы закона, а подъ его опредѣленіями двигается свободно, какъ въ своихъ естественныхъ формахъ. Вопросы о благоустройствѣ приходской общины, сельскіе уставы судебный и полицейскій, имѣютъ право на вниманіе, наравнѣ съ другими законодательными вопросами, и можно полагать что эти уставы по времени примкнутъ къ приходскому устройству. Намъ слѣдуетъ опасаться не избытка или накопленія законодательныхъ мѣръ въ сферѣ приходской жизни, — у насъ въ этомъ отношеніи ничего еще пока не существуетъ, а слѣдуетъ опасаться только того что уставы, вырабатываемые для земскаго благоустройства въ канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ, не будутъ соотвѣтствовать въ должной мѣрѣ дѣйствительнымъ потребностямъ и силамъ земскихъ и приходскихъ общинъ. Вотъ единственная причина почему теперь дѣйствительно надобно заботиться о возможной краткости нашихъ уставовъ и простотѣ нашихъ мѣръ, почему надобно желать чтобы законодательство, пока оно располагаетъ лишь своими теперешними способами, воздержалось по возможности отъ разнообразнаго примѣненія приходскихъ согѣтовъ къ дѣламъ земскимъ.

Но съ другой стороны, нельзя повидимому отрицать, что если, въ видахъ весьма понятной осторожности, или изъ опасенія нарушить законодательными мѣрами установившіеся обычаи, сочиняемые для приходскихъ попечительствъ уставы не получатъ никогда характера обязательности и связанной съ нею законной отвѣтственности для членовъ прихода или приходскихъ попечительствъ, то едва ли подобные уставы будутъ серіозно содѣйствовать укрѣпленію и развитію нашего земскаго организма и его различныхъ развѣтвленій. Нельзя не имѣть въ виду что и у насъ должно будетъ наступить дальнѣйшее развитіе нашихъ приходскихъ учрежденій, когда для нихъ потребуются законодательныя финансовыя опредѣленія. Пока законодательство не касается, или не считаетъ своевременнымъ, или наконецъ не имѣетъ возможности убѣдиться въ своевременности этого, безспорно самаго щекотливаго и наиболѣе чувствительнаго для

гражданъ вопроса о *матеріальныхъ* средствахъ; пока оно не придаетъ своимъ уставамъ вслѣдствіе того никакой обязательной силы, оно всегда рискуетъ что его мѣры не перейдутъ изъ области благожеланій въ прозаическую реальную жизнь, что оно будетъ двигаться въ несвойственныхъ ему сферахъ частной благотворительности, необязательныхъ дѣйствій. Не возлагающій на прихожанъ обязанностей и отвѣтственности уставъ будетъ имѣть тѣ же послѣдствія для благоустройства прихода какія имѣютъ напримѣръ тѣ статьи сельскаго полицейскаго устава, въ которыхъ рекомендуется крестьянамъ стоять прилично въ церкви, не обижать прохожихъ, обращаться ласково съ проѣзжающими и проч.

Положимъ что законодательство признаетъ необходимымъ обезпечить въ приходѣ: благоустройство и благосостояніе церкви, кладбища, причта, школы и участь бѣдныхъ въ предѣлахъ прихода. Вступая въ сферу подобныхъ отношеній и интересовъ, законодательство, очевидно, не можетъ уже ограничиваться однимъ приглашеніемъ жителей прихода къ подобнымъ заботамъ, не можетъ ограничиться въ рубрикахъ своихъ уставовъ одними лишь призывами къ доброхотнымъ пожертвованіямъ по влеченію сердца.

Но какъ все это ни справедливо, въ настоящую минуту намъ кажется рѣшительно неудобнымъ введеніе какихъ-либо обязательныхъ уставовъ въ имѣющую возникнуть жизнь приходскихъ попечительствъ. Теперь задача состоитъ лишь въ томъ чтобы разрѣшить и узаконить существованіе этого рода учрежденій, и тѣмъ удовлетворить важной потребности вызванной измѣненіемъ въ сельскомъ быту.

Какимъ образомъ трактовались у насъ вышеперечисленные предметы приходскаго попечительства, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ? Частная благотворительность, личная инициатива, нравственное вліяніе болѣе сильныхъ лицъ селенія или прихода, власть и средства помѣщика, жертвы богатыхъ владѣльцевъ, взаимныя соглашенія болѣе вліятельныхъ прихожанъ: вотъ источники для поддержанія существующаго устройства и состоянія нашихъ приходовъ. При этомъ власть епархіальнаго

архіерея всегда была первенствующею и утверждающею всѣ распоряженія и дѣйствія частныхъ лицъ и обществъ; этою властью связывалось по закону, и еще сильнѣе по обычаю, попечительство надъ предметами церковныхъ потребностей и интересовъ. Теперь если законодательство имѣетъ въ виду привлечь къ приходскимъ попечительствамъ, подъ наблюденіемъ епархіальнаго архіерея, лица наиболѣе въ нихъ заинтересованныя, то побужденія законодательства очевидны. Крестьянская реформа и самостоятельная жизнь къ которой призвано бывшее крѣпостное населеніе не могли, конечно, не отразиться на состояніи прихода. Помѣщики, которыхъ отцы и предки устраивали по большей части приходскія церкви, и которые сами поддерживали, такъ или иначе, благоустройство церкви и благочиніе при богослуженіяхъ,—теперь нѣсколько отшатнулись отъ этихъ заботъ, вслѣдствіе своего изолированнаго положенія въ приходѣ. Существуютъ конечно и другія причины, по которымъ, съ одной стороны, труднѣе стало разчитывать на частную благотворительность, а съ другой — благоустройство прихода оказывается болѣе чѣмъ прежде неотложною потребностью свободнаго общества.

Этой ближайшей потребности должны удовлетворять на первый разъ проектируемыя нынѣ приходскія попечительства, и теперь кажется отнюдь не время разсуждать о томъ, что они должны быть по существу земскими, а не клерикальными: если мы не ошибаемся, въ послѣдствіи времени въ нашихъ приходахъ будутъ существовать рядомъ попечительства земскія и церковныя.

XI.

18-го февраля.

Наши замѣчанія о Петровской Земледѣльческой Академіи не остались безъ возраженій. Прежде всего въ *Сѣверной Пчелѣ* поднялся обличительный голосъ, повидимому изъ нѣдръ самого Петровскаго - Разумовскаго, такъ какъ имя этой мѣстности

отмѣчено подъ размашистою статьей г. Е. С—го, которой одна часть, по словамъ автора, написана фельетоннымъ, а другая серіознымъ слогомъ. Укоривъ насъ въ томъ что мы толкуемъ о чемъ насъ не спрашиваютъ, авторъ, исполненный либерализма, приравниваетъ насъ даже Гоголевскимъ дядѣ Митяю и дядѣ Миняю (котораго поспѣшный авторъ называетъ Михеемъ), забывая, повидимому, что Академію въ такомъ случаѣ онъ изображаетъ въ видѣ рыдвана, застрявшаго на дорогѣ. Широкою кистію, предъ которою блѣднѣютъ наши слабыя краски, дополнивъ сдѣланное нами изображеніе будущей Академіи, обитатель Петровскаго рисуетъ яркую картину этого заведенія, которое для него и Академія, и театръ, и ферма, и говоритъ (въ серіозномъ отдѣлѣ своей статьи): «дай Богъ, чтобъ Академія никогда не готовила агрономовъ и лѣсничихъ, какъ готовятъ бифстексъ и котлеты, а иногда и спеціалистовъ, и давала каждому средство приготовить себя сообразно съ своимъ призваніемъ». Вскорѣ послѣ появленія этого громкаго голоса жителя Петровскихъ лѣсовъ или садовъ, мы прочли въ *Сѣверной Почтѣ* весьма благоразумную статью имѣющую въ виду опровергнуть наши замѣчанія. Авторъ этой статьи, въ сужденіяхъ своихъ выходящій, повидимому, отъ тѣхъ же принциповъ, которые руководили и нашими размышленіями, не только не дополняетъ представленной нами картины будущей Академіи, но даже называетъ ее вымысломъ. Но такъ какъ наше изображеніе основывалось на проектѣ устава, то авторъ спѣшитъ и уставъ этотъ отнести въ область вымысла, говоря, что онъ еще не обработанъ и безъ сомнѣнія подвергнется существеннымъ измѣненіямъ. Отложивъ въ сторону уставъ, почтенный авторъ утверждаетъ, что возникнетъ не громадное какое-либо учрежденіе, а скромная—quod dii ratum faciant—спеціальная школа, съ меньшими даже затѣями чѣмъ Горыгорецкій Институтъ, съ маленькою фермой, безъ ненужной роскоши, съ удовлетвореніемъ только самыхъ необходимыхъ потребностей спеціальнаго учебнаго заведенія. Какая противоположность между этимъ изображеніемъ и широкими ожиданіями автора первой статьи, живущаго однако въ Петровскомъ-Разумовскомъ!

Авторъ благоразумнаго заявленія, помѣщеннаго въ *Сѣверной Почтѣ*, упрекаетъ насъ въ томъ что мы поторопились рѣшительнымъ заключеніемъ о планѣ Академіи, основываясь на необработанномъ уставѣ, но въ то же время самъ согласенъ допустить что наши замѣчанія могутъ до нѣкоторой степени принести пользу будущему учрежденію. Онъ забываетъ только что всѣ замѣчанія наши дѣлались въ предположеніи что Академія возникаетъ на тѣхъ началахъ и въ томъ духѣ какіе выражаются въ проектѣ устава. Еслибы устраивалась спеціальная сельско-хозяйственная школа, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а не предпринимался громадный опытъ, и притомъ даже не въ области сельскаго хозяйства, а болѣе въ области педагогіи, то и рѣчь была бы другая и наши замѣчанія по преимуществу сосредоточились бы на экономической сторонѣ дѣла. Осторожный авторъ мало касается этой послѣдней стороны вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ проходитъ также молчаніемъ наши замѣчанія о магистерскихъ дипломахъ, какіе будетъ раздавать Академія при рукоплесканіяхъ автора первой замѣтки, неудержимаго въ своихъ откровенныхъ восторгахъ и въ нашемъ спорѣ играющаго до нѣкоторой степени роль enfant terrible Академіи.

Наконецъ, вотъ и попытка внести гармонію въ этотъ диссонансъ. Въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты читатели найдутъ третье возраженіе, написанное почтеннымъ директоромъ будущаго заведенія Н. И. Желѣзновымъ. Почтенный директоръ говоритъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ благоразуміемъ и предусмотрительностію, но онъ тоже живетъ въ Петровскомъ, а тамъ въ воздухѣ утопія. Глубоко проникнутый убѣжденіемъ что просвѣщеніе полезно, Н. И. Желѣзновъ начинаетъ свои доводы издалека и прежде всего устанавливаетъ оригинальную теорію государства, согласно которой «главная обязанность всякаго правительства состоитъ въ принятіи мѣръ содѣйствующихъ поступательному движенію государства на пути къ просвѣщенію». На пути къ этой высшей цѣли, правительство, по мнѣнію автора, не должно останавливаться предъ значительностію издержекъ, даже еслибы мѣра, признаваемая

полезною, предпринималась *въ видѣ опыта*. Понятно, что такая теорія правительства, поглощеннаго главнымъ образомъ заботами о воспитаніи народа, и безграничнаго кредита, открытаго въ надеждѣ, вѣроятно, на неизчерпаемость казны, для всего что́ только обѣщаетъ вести къ желанному просвѣщенію,— понятно, говоримъ, что такая теорія можетъ вполнѣ одобрить и даже прославить дорогой педагогическій опытъ, предпринимаемый подъ именемъ Петровской Академіи. Съ цѣлію, повидимому, подкрѣпить свои доводы, ученый авторъ упоминаетъ, что въ Англіи и Франціи были потрачены значительныя суммы на осушеніе различныхъ мѣстностей и потрачены притомъ въ высшей степени благоразумнымъ образомъ—въ формѣ ссудъ; указываетъ съ тою же, вѣроятно, цѣлью на примѣръ громаднаго сельско-хозяйственнаго института устроеннаго въ утопическомъ 1848 году во Франціи подъ именемъ Версальскаго Національнаго Института и закрытаго нѣсколько лѣтъ спустя (omen dii avertant); говоритъ о существованіи обширныхъ агрономическихъ заведеній въ Англіи и Франціи, устроенныхъ частными обществами на частныя средства, и не забываетъ прибавить, что у насъ подобныя предпріятія едва ли бы могли имѣть успѣхъ. Странное впечатлѣніе дѣлаютъ эти указанія почтеннаго автора! Повидимому какое-то зерно скептицизма и самоопроверженія присутствуетъ въ его умѣ сохраняющемъ инстинктъ истины, и заставляетъ его, высказавъ мысль, тотчасъ приводить другую ослабляющую и даже уничтожающую значеніе первой. Богатая фактическими данными, статья его въ то же время представляетъ любопытную борьбу взглядовъ сталкивающихся между собою въ поучительномъ процессѣ самоопроверженія и избавляющихъ противника отъ необходимости подробнаго возраженія.

Благоразумный авторъ статьи доставленной въ *Сѣверную Почту* отказываетъ въ истинѣ той картинѣ Петровской Академіи которая была набросана въ нашей замѣткѣ. Но пусть прочтетъ онъ живыя строки помѣщенныя въ *Сѣверной Пчелѣ* и ученые доводы заключающіеся въ статьѣ почтеннаго директора, и онъ убѣдится что наше изображеніе представляетъ

собою только слабые штрихи сравнительно съ рѣзкими очертаніями образа будущей Академіи, какъ онъ рисуется въ ожиданіи нетерпѣливаго жителя Петровскаго и какъ онъ выясняется даже въ серіозной аргументаціи ученаго директора. Мы сказали что новое заведеніе требуетъ полмилліона для своего устройства и обѣщаетъ болѣе чѣмъ стотысячный бюджетъ. Почтенный директоръ исправляетъ нашу неточность и дополняетъ что заведеніе обойдется милліонъ и бюджетъ будетъ простираться до двухъ сотъ тысячъ. Мы сказали: Академія открываетъ свои богатства и не хочетъ знать, кто и какъ и зачѣмъ ими пользуется. «А какъ же по вашему?» восклицаетъ обитатель Разумовскаго, находя что мы отлично выразили назначеніе Академіи, «Кого будетъ выпускать Академія?» прибавляетъ онъ: «да всякаго кто войдетъ въ нее и потомъ захочетъ выйти!..... Человѣкъ имѣетъ законный видъ на проживаніе (sic), онъ не преступникъ, не мошенникъ—на какомъ же основаніи, по какому праву вы заградите ему всѣ (?) пути къ образованію, почему вы лишите его возможности слушать лекціи?» Мы запнулись о недостатокъ въ нравственномъ надзорѣ для сонма молодыхъ людей которые будутъ жить при Академіи. «Скажите, пожалуста, восклицаетъ житель садовъ, какая жалость! Какая безнравственность! Ну, какъ обойтись безъ инспекціи!» и остроумно замѣтивъ что театры тоже построены на казенный счетъ и на содержаніе ихъ тоже тратится много денегъ, а между тѣмъ никто не присматриваетъ за зрителями: «заплатилъ полтора цѣлковыхъ, сиди, слушай мувыву»—указываетъ на общую для всѣхъ полицейскую инспекцію, которой слушатели Академіи подчинены наравнѣ со всѣми гражданами (рѣчь идетъ, повидимому, объ инспекціи становаго пристава, такъ какъ Академія находится, если не ошибаемся, въ уѣздѣ). Мы коснулись экзаменовъ. «Академія не установила обыкновенныхъ экзаменовъ, восклицаетъ неутомимый защитникъ новаго заведенія, потому что сознаетъ всю безплодность подобныхъ экзаменовъ... и предпочитаетъ имъ не подготовленную (не со стороны ли слушателей?) бесѣду профессора со слушателями». И что же? Почти такое же мнѣніе о значеніи экзаменовъ высказываетъ и

самъ ученый директоръ заведенія воздвигаемаго для наблюденій и опытовъ надъ дѣйствіемъ новыхъ педагогическихъ началъ. Вообще справедливость требуетъ замѣтить что почтенный г. Желѣзновъ, становясь повидимому въ срединѣ между *Сѣверною Пчелой* и *Сѣверною Почтой*, въ сущности стоитъ за *Пчелу* и противъ *Почты*. Статья его только тономъ подходитъ къ статьѣ *Почты*, а содержаніе ея совершенно другое и вполнѣ подтверждаетъ высказанное нами сужденіе. Даже фантастическая рѣчь, которую въ статьѣ нашей мы вложили въ уста будущему оратору Академіи, оказывается довольно близкою къ той которую почтенный директоръ намѣренъ произнести при открытіи Академіи. Правда, ученый противникъ нашъ говоритъ что никакъ не послѣдуетъ нашему совѣту, никакъ не будетъ гоняться за эффектами будто бы «обличающими въ говорящемъ чувство раздраженія (откуда оно?)», и никоимъ образомъ не начнетъ рѣчи ссылкою на мнѣнія иностранца. «Рѣчи иностранца относительно Россіи, говоритъ онъ, часто напитываются геніемъ фантазіи, а еще чаще завистью, недоброжелательствомъ и другими нечистыми божествами». (отказываемся понять какимъ образомъ доброжелательныя и въ высшей степени лестныя слова Біо о Пулковской обсерваторіи могли подать поводъ къ такому замѣчанію). Но безпристрастный читатель легко усмотритъ что рѣчь почтеннаго директора вовсе не такъ много отличается отъ проектированной нами: не будутъ забыты даже красивые домики.

Есть впрочемъ одинъ пунктъ, относительно котораго доводы нашихъ почтенныхъ противниковъ можно назвать побѣдоносными. Они касаются мысли объ учрежденіи при университетахъ особаго сельско-хозяйственнаго отдѣленія. Къ сожалѣнію доводы эти нисколько не относятся къ намъ, и если бы кто-нибудь высказалъ подобную мысль, мы первые готовы были бы возстать противъ нея самымъ рѣшительнымъ образомъ. Не понимаемъ, какимъ образомъ, какъ будто сговорясь между собою, всѣ три противника наши вычитали между строками нашей статьи какой-то планъ новаго подраздѣленія математическаго факультета чрезъ прибавленіе къ нему агрономическаго отдѣ-

ленія. Авторъ статьи помѣщенной въ *Сѣверной Почтѣ* думаетъ даже что указаніе этого плана составляло главную цѣль нашихъ замѣтокъ. Между тѣмъ въ нашей статьѣ сказано только, что если есть потребность въ *публичныхъ лекціяхъ* сельскаго хозяйства, то для удовлетворенія ея никакой нѣтъ надобности рядомъ съ университетомъ воздвигать еще новый факультетъ, такъ какъ лекціи этого рода легко могутъ быть открыты при университетѣ (т.-е. въ залахъ университета) или при *Обществѣ Сельскаго Хозяйства* (ясно кажется что рѣчь идетъ не объ агрономическомъ факультетѣ), подобно тому какъ при университетахъ (по ходатайству Министерства Финансовъ) открывались публичные курсы технической химіи и технологіи. Называя Академію по отношенію къ теоретическому преподаванію факультетомъ, мы желали только выразить что преподаваніе въ Академіи, какъ оно проектируется въ уставѣ, не соотвѣтствуетъ характеру спеціальной школы.

Наши возражатели желаютъ, помимо прямаго смысла нашихъ словъ, видѣть въ статьѣ нашей какую-то особую цѣль; авторъ замѣчаній помѣщенныхъ въ *Сѣверной Почтѣ* находитъ, что эта статья по духу и тону отличается отъ другихъ статей нашихъ, въ которыхъ ему угодно видѣть твердый здравый смыслъ; почтенный директоръ Академіи отдѣляетъ насъ даже отъ насъ самихъ (такой казусъ не въ первый разъ уже случается съ нами), и обращается къ намъ въ лицѣ какого-то писателя, котораго по временамъ зоветъ остроумнымъ, для чего-то какъ бы забывая что передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей* принадлежатъ редакціи этой газеты; что же касается до добродушнаго обитателя Разумовскаго, онъ просто называетъ статью нашу фельетонною, несмотря, какъ онъ выражается, на ея передовое мѣсто. Между тѣмъ не было ни малѣйшей надобности придумывать что-либо особое чтобы понять духъ и цѣль нашей статьи. Дѣло преобразованія и созиданія трудное дѣло. Между отвлеченною мыслію и дѣйствительнымъ ея осуществленіемъ, между намѣреніемъ, хотя бы самымъ благимъ, и его исполненіемъ лежитъ цѣлая пропасть. Отвлеченный принципъ можетъ быть вполнѣ справедливъ, можетъ быть

истиной въ родѣ того, что просвѣщеніе полезно, и между тѣмъ дѣйствіе предпринятое во имя этого принципа можетъ быть нелѣпо и даже вредно. Просвѣщеніе полезно, но изъ того не слѣдуетъ, чтобы былъ правъ тотъ ораторъ Конвента, который восклицалъ: «Вамъ, законодатели, вамъ основатели республики, предстоитъ открыть великую школу. Ея помѣщеніе будетъ вся территорія Франціи. Старцы, юноши, мужи, женщины, невѣжды и ученые, всѣ мы будемъ учениками: учителемъ нашимъ будетъ природа, а то чему намъ предстоитъ учиться уже вложено въ нашихъ сердцахъ». Только тогда отвлеченный принципъ становится благотворною, созидающею силой, когда онъ отвѣчаетъ тому что невидимо, но дѣятельно присутствуетъ въ элементахъ самой дѣйствительности. Съ этими элементами прежде всего должно считаться, замышляя преобразованіе, иначе оно останется только на бумагѣ, да въ воображеніи преобразователя. А преобразованій, улучшеній и созиданій на бумагѣ мы, Русскіе, должны бояться какъ огня, именно потому, что мы къ нимъ такъ нерѣдко чувствуемъ нѣжную склонность. Намъ казалось что составители устава Академіи, желая широкою рукой сѣять сельско-хозяйственное просвѣщеніе, мало позаботились объ элементахъ дѣйствительности, среди которыхъ воздвигается проектируемое учрежденіе. Если въ средѣ землевладѣльцевъ есть дѣйствительная потребность въ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ, то какая надобность учреждать, конечно, на казенный счетъ, обширное заведеніе почти съ даровымъ ученьемъ, которое, какъ все даровое, всегда такъ мало цѣнится. При существованіи въ обществѣ дѣйствительной потребности въ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ и при правильномъ устройствѣ, безъ сомнѣнія, могла бы процвѣтать и такая школа въ которую учащіеся вносили бы довольно значительную плату, напримѣръ до трехъ сотъ рублей въ годъ, какъ это дѣлается во многихъ агрономическихъ школахъ за границей. Такое заведеніе, конечно, могло бы быть устроено на болѣе экономическихъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ на которыхъ воздвигнется богатая (казенными деньгами) Академія. Да и дѣло въ такомъ заведеніи пошло бы лучше: надобно было бы удовлетворить потребностямъ платящихъ,

то-есть дѣйствительнымъ потребностямъ общества. А то вѣдь, по пословицѣ, *дарового коню въ зубы не смотрятъ*, тѣмъ паче когда изъ него сыплются дипломы на 9-й классъ и на другія благополучія. Наши почтенные возражатели напрасно думаютъ что мы вообще противъ всякихъ спеціальныхъ школъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ мы даже не противъ казенныхъ спеціальныхъ школъ, хотя не можемъ понять, почему люди такъ сильно заботящіеся объ успѣхахъ русскаго сельскаго хозяйства предпочитаютъ учрежденіе казенныхъ школъ тѣмъ мѣрамъ которыми Англичане подняли сельское хозяйство въ Ирландіи. Мы только противъ фантастическихъ проектовъ и дорого стоящихъ опытовъ, хотя бы даже предпринятыхъ во имя благаго просвѣщенія. Опыты позволительно дѣлать лишь на свой собственный счетъ; въ этомъ—узда противъ увлеченій, къ которымъ люди такъ склонны. Податными деньгами никто не въ правѣ рисковать. Этому учитъ самый добрый здравый смыслъ, и смѣемъ увѣрить почтеннаго Н. И. Желѣзнова, злаго ничего нѣтъ даже и въ томъ мнѣніи, что не только вызывать, но и просто одобрять производство милліонныхъ опытовъ на казенныя деньги было бы очень дурно, пока государственные финансы борются съ дефицитомъ.

Въ заключеніе прибавимъ, что наши замѣчанія о имѣющихъ быть въ Академіи магистерскихъ испытаніяхъ привели въ негодованіе защитниковъ проекта, за исключеніемъ впрочемъ автора статьи помѣщенной въ *Сѣверной Почтѣ*, который ничего не говоритъ объ этомъ предметѣ. Житель Разумовскаго съ негодованіемъ встрѣчаетъ наши до очевидности простыя замѣчанія, громко утверждаетъ что экзамены въ Академіи, при кажущейся легкости, будутъ очень трудны (на магистра скотоводства тоже?), беретъ подъ свою защиту дѣйствительнаго студента идущаго въ Академію за степенью магистра, и который, по его выраженію, можетъ-быть кандидата не получилъ лишь потому, что не достало какого-нибудь балла изъ предмета очень далекаго отъ его спеціальности, и наконецъ дѣлаетъ нѣсколько колкихъ замѣчаній на счетъ ненужныхъ затрудненій, съ которыми сопряжено магистерское испытаніе въ университетѣ.

Почтенный директоръ, со своей стороны, называетъ наши замѣчанія о магистерствѣ въ Академіи язвительнымъ обвиненіемъ, горячо вступается за честь несуществующаго еще совѣта Академіи и заключаетъ статью свою колкимъ замѣчаніемъ, которое, такъ какъ оно касается редакціи той газеты гдѣ ученый авторъ помѣщаетъ свое возраженіе,—могло бы назваться неприличнымъ, еслибы не подавало повода къ болѣе смѣшному чѣмъ серіозному истолкованію. Въ извѣстномъ романѣ Диккенса *Давидъ Копперфильдъ*, тетушка юнаго Давида часто обращалась къ нему со словами: «Давидъ, ваша сестра Бетси этого бы не сдѣлала», хотя такой сестры никогда не существовало, а почтенная тетушка только съ увѣренностію ждала ея появленія на свѣтъ въ моментъ рожденія Давида. Исполненная живаго раздраженія защита несуществующаго совѣта отъ несуществующаго обвиненія въ несправедливой слабости магистерскихъ испытаній невольно напомнила намъ оригинальную тетушку Копперфильда.

XII.

24-го февраля.

Мы начинаемъ сегодня печатать рядъ правительственныхъ актовъ, которымъ суждено имѣть въ исторіи Царства Польскаго болѣе важное значеніе чѣмъ имѣло какое-либо изъ событій совершавшихся тамъ въ теченіи нынѣшняго столѣтія. У польскаго хлопа не было доселѣ отечества, какъ недавно выразилась одна восьмидесятилѣтняя крестьянка въ Блендовой Кузницѣ при допросѣ: польскій хлопъ, сказала она, не можетъ сражаться за отечество, потому что его отечество—на томъ свѣтѣ *. Польша принадлежала небольшой части Польскаго народа,

* См. замѣчательную брошюру, вышедшую на дняхъ въ Петербургѣ: *Fictions et Réalités polonaises*. Въ ней читатели найдутъ интересныя свѣдѣнія объ отношеніи обѣихъ польскихъ партій, бѣлой и красной, къ крестьянскому вопросу.

которую нельзя назвать даже высшимъ сословіемъ,—которая скорѣе составляетъ особую расу, доселѣ господствовавшую надъ другою расой, расой хлоповъ, презрѣннымъ *быдломъ*, вовсе неимѣвшимся въ виду, когда Полякамъ приходилось говорить о Польскомъ народѣ. Вслѣдствіе какихъ причинъ образовались отношенія раздѣлившія Польскій народъ на два племени, до такой степени чуждыя одно другому, это предметъ еще ожидающій разъясненія отъ историческихъ изслѣдованій. Но существованіе этихъ отношеній есть фактъ не подлежащій сомнѣнію и заключающій въ себѣ главную разгадку страннаго хода польской исторіи и польскихъ революцій. Русское правительство мало вмѣшивалось въ эти отношенія, — меньше чѣмъ сколько требовали даже интересы порядка. Между тѣмъ какъ въ Познани и Галиціи поселянинъ былъ огражденъ, и въ личныхъ и въ поземельныхъ правахъ своихъ, отъ панскаго произвола, Царство Польское оставалось страной пановъ и холоповъ до послѣдней минуты. Господствующая раса жаловалась на Русское правительство что оно будто бы опирается на крестьянъ; въ этомъ мнимомъ вѣроломствѣ Москалей она находила новыя побужденія къ ненависти, но въ сущности Москали провинились только тѣмъ что черезчуръ поддерживали власть враговъ своихъ и совсѣмъ выдавали имъ беззащитныхъ хлоповъ. Теперь прекращается этотъ порядокъ. Онъ прекращается среди мятежа еще не подавленнаго, — прекращается актомъ который долженъ быть въ одно и то же время актомъ правильнаго и прочнаго законодательства и средствомъ защиты въ борьбѣ съ революціей. Этотъ двойственный характеръ по необходимости отпечатлѣнъ на законоположеніяхъ 19-го февраля 1864 года. Способъ рѣшенія крестьянскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ не могъ не обусловливаться тѣмъ положеніемъ въ которое поставлена была законная власть дѣйствіями революціоннаго правительства, находившаго въ польскихъ помѣщикахъ безпрекословное повиновеніе. Положеніе было трудное, минута рѣшительная. Невозможно было допустить чтобы законная власть еще разъ сдѣлалась игрушкой мятежной шляхты. Необходимость требовала принять всѣ мѣры

чтобы рѣшеніе крестьянскаго вопроса не обратилось въ средство возбуждать мирныя населенія противъ законнаго правительства. Надобно было вырвать дѣло изъ рукъ революціи, и мы можемъ сказать что оно вырвано изъ рукъ ея. Справедливая оцѣнка принимаемой нынѣ мѣры должна будетъ признать что ея характеръ, предопредѣленный всею польскою исторіей, нисколько не зависѣлъ отъ произвола правительства.

Рядъ указовъ, подписанныхъ 19-го февраля сего года, основанъ на обширныхъ предварительныхъ работахъ, исполненныхъ съ необыкновенною быстротой немногими лицами, три года тому назадъ принимавшими дѣятельное участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Имперіи. Одинъ обзоръ работъ, начатыхъ осенью, а въ декабрѣ уже напечатанныхъ (онѣ не предназначены къ публичному обнародованію), свидѣтельствуетъ, что лица призванныя къ этому дѣлу монаршимъ довѣріемъ, могли почерпнуть силы для тяжкаго труда лишь въ чувствѣ патріотическаго долга. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ будутъ руководить и приведеніемъ въ дѣйствіе узаконеній удостоенныхъ нынѣ Высочайшаго утвержденія. Трудъ не менѣе тяжелый предстоитъ имъ и ихъ сотрудникамъ. Они будутъ нести бремя, которое можетъ быть облегчено лишь общимъ сочувствіемъ соотечественниковъ. Пусть же это сочувствіе проявится въ готовности раздѣлить предстоящіе труды, въ предложеніи содѣйствія со стороны людей чувствующихъ въ себѣ силы оказать помощь трудящимся. Отъ успѣшнаго исполненія повозданныхъ законовъ зависитъ многое: умиротвореніе края, сближеніе Польскаго народа съ Русскимъ, честь русскаго имени. Колоссальность задачи, громадность отвѣтственности должны возвышать настроеніе исполнителей. Они должны помнить что безъ неусыпной энергіи, безъ утонченной добросовѣстности въ такомъ дѣлѣ не можетъ быть успѣха.

Рядъ статей, которыя были напечатаны въ нашей газетѣ о крестьянахъ въ Царствѣ Польскомъ, облегчитъ читателямъ пониманіе новыхъ узаконеній. Помѣщаемый сегодня указъ объ устройствѣ крестьянъ заключаетъ въ себѣ общія опредѣленія. Всѣ усадьбы и земли находящіяся въ настоящую минуту въ

пользованіи крестьянъ поступаютъ въ ихъ собственность. Всѣ повинности крестьянъ въ пользу помѣщика прекращаются, а равно прекращаются всѣ иски о прежнихъ недоимкахъ. Съ помѣщиковъ слагается обязанность оказывать крестьянамъ льготы и давать ссуды въ случаѣ чрезвычайныхъ бѣдствій. Въ вознагражденіе за отошедшую землю выдаются бумаги, по которымъ проценты и погашеніе выплачиваются правительствомъ изъ общей казны Царства. Крестьяне платятъ только часть нужной для того суммы и съ этою цѣлью удваивается взимаемая съ нихъ подымная, шарварковая и ливерунковая подати. Другая часть получается со временно-предоставляемаго казнѣ права пропинаціи (выдѣлки и продажи) питей на земляхъ поступающихъ въ собственность крестьянъ. Такимъ образомъ казнѣ Царства открывается возможность выплатить помѣщикамъ вознагражденіе не взимая съ крестьянъ полныхъ выкупныхъ платежей, что особенно важно, такъ какъ полные выкупные платежи послужили бы для революціонной партіи непремѣннымъ поводомъ къ агитаціи противъ правительства.

До сихъ поръ произволъ помѣщика былъ стѣсненъ только относительно крестьянъ имѣвшихъ въ пользованіи не менѣе трехъ морговъ (около $1\frac{1}{2}$ дес.) земли. Крестьянъ пользовавшихся мелкими участками или только одною усадьбой съ огородомъ, всѣхъ такъ-называемыхъ коморниковъ, холупниковъ, огрудниковъ помѣщикъ могъ согнать съ земли по своему усмотрѣнію. Теперь всѣ поселяне становятся собственниками тѣхъ полей, огородовъ или усадьбъ которыми они пользовались въ минуту изданія указа. Сверхъ того крестьянамъ предоставляется отыскивать земли которыми они пользовались при изданіи указа 26-го мая (7-го мая) 1846 года, если въ силу этого указа помѣщикъ не имѣлъ права отбирать эти земли отъ крестьянъ. Для предъявленія права на такія земли крестьянамъ данъ трехлѣтній срокъ.

Въ экономическомъ отношеніи польскій законъ объ устройствѣ крестьянъ интересенъ для насъ тѣмъ что допускаетъ больше свободы чѣмъ русское положеніе о крестьянахъ. Чрезвычайно важно предоставленное крестьянину право продавать и закладывать свой участокъ. Это право ограничено только

двумя условіями: вопервыхъ, домъ и надворныя строенія не могутъ быть проданы отдѣльно отъ земли, и вовторыхъ, покупателями должны быть непремѣнно крестьяне; впрочемъ и эти условія введены лишь на время. Такимъ образомъ въ польскихъ селахъ сохранится чрезвычайно важное различіе крестьянъ хозяевъ и крестьянъ работниковъ. Этотъ порядокъ неизмѣримо выше того который господствуетъ у насъ, въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ каждый крестьянскій дворъ самостоятельно занимается полевымъ хозяйствомъ и въ средѣ крестьянъ искусственно поддерживается противоестественное равенство, не позволяющее образоваться тѣмъ промежуточнымъ степенямъ, которыя могли бы наполнить собой разстояніе раздѣляющее крестьянина отъ помѣщика. Въ Царствѣ Польскомъ крестьянинъ, умѣющій хорошо хозяйничать, будетъ имѣть возможность скупать участки у своихъ сосѣдей, плохихъ хозяевъ,—возможность которой нѣтъ у богатѣющаго крестьянина въ Россіи. Народное хозяйство должно очевидно выиграть отъ того, что участки могутъ сосредоточиваться въ рукахъ способныхъ и зажиточныхъ хозяевъ.

Такъ какъ господствующее у насъ запрещеніе крестьянамъ закладывать и отчуждать свои участки оправдывается единственно опасеніемъ пролетаріата, то нельзя не подивиться что это опасеніе оказывается болѣе сильнымъ у насъ, гдѣ земель такъ много и пролетаріатъ такъ мало возможенъ, нежели въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ населеніе гуще и сельскій пролетаріатъ уже существуетъ въ дѣйствительности. Если въ Царствѣ Польскомъ можетъ быть допущена экономическая свобода, то кольми паче можетъ быть она допущена у насъ.

Прибавимъ еще, что новый законъ о польскихъ крестьянахъ считаетъ возможнымъ обойтись безъ установленія круговой поруки,—другаго нашего учрежденія дѣйствующаго невыгодно на крестьянскій бытъ.

Въ заключеніе выскажемъ надежду что если русское законодательство о крестьянахъ оказало существенное вліяніе на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ, то опытъ большей экономической свободы, допущенный въ законѣ

изданномъ для Царства Польскаго, въ свое время окажетъ воздѣйствіе на русское законодательство и поможетъ нашему сельскому быту освободиться отъ двухъ стѣснительныхъ условій,— неотчуждаемости крестьянскихъ участковъ и круговой поруки.

XIII.

25-го февраля.

Самою важною частію новаго положенія о крестьянахъ въ Царствѣ Польскомъ кажется намъ преобразованіе внесенное въ составъ и управленіе гмины. Гмина (община) есть клѣточка всего политическаго и административнаго организма Польши; она была краеугольнымъ камнемъ исключительнаго и безусловнаго господства шляхетскаго сословія надъ крестьянскимъ. Гмина организована законодательнымъ путемъ не ранѣе 1809 года, но декретъ герцога Варшавскаго облекъ только въ легальную форму то что выработалъ и создалъ стародавній обычай, вступившій тогда въ борьбу съ нововведеніями даннаго Наполеономъ «конституціоннаго статута герцогства Варшавскаго». Этимъ статутомъ крѣпостная зависимость отмѣнялась. Надобно было возстановить ее косвенными мѣрами, и главнѣйшею мѣрой былъ гминный уставъ. Было постановлено что войтомъ (старшиной) гмины долженъ быть по праву владѣлецъ селеній составляющихъ гмину, а если она состояла изъ селеній принадлежащихъ нѣсколькимъ владѣльцамъ, то они должны были избрать въ гминные войты одного изъ своей среды. Въ обоихъ случаяхъ войты имѣли право передавать свою должность арендаторамъ или нанятымъ ими людямъ, смѣщать ихъ и замѣнять новыми: обязанность войта считалась, слѣдовательно, однимъ изъ аттрибутовъ владѣльческаго права. Вслѣдствіе такихъ правъ и понятій въ концѣ 1863 года бо́льшая часть гминъ (1.634 изъ числа 3.069) были управляемы не самими владѣльцами, а лицами получившими патримоніальную административную и даже отчасти судебную власть по полномочію.

Эта чрезмѣрность помѣщичьей власти и чрезмѣрность безгласности крестьянскаго сословія были такъ явны, такъ противны интересамъ и самой Польши и Россіи, что не могли не обращать на себя вниманія правительства, но всѣ попытки его измѣнить существующій порядокъ разбивались объ уклончивое сопротивленіе польскаго дворянства и преданной ему администраціи. Нуженъ былъ мятежъ съ его безумными притязаніями и посягательствами, чтобы правительство рѣшилось положить конецъ этой стачкѣ, благодаря которой крѣпостная зависимость, отмѣненная на бумагѣ, продолжала существовать на дѣлѣ въ самомъ зломъ своемъ видѣ,—безъ смягчающаго элемента заботы господина о крѣпостномъ, принадлежащемъ ему по закону. Принявъ эту рѣшимость, правительство должно было начать съ того чтобъ отнять у помѣщика ту власть въ силу которой онъ оставался господиномъ надъ хлопами,—власть гминнаго войта.

Очень большую важность имѣютъ въ этомъ отношеніи размѣры гмины. По прежнему порядку, тутъ допускалось полнѣйшее разнообразіе, а въ виду при этомъ имѣлось чтобы предѣлы гмины по возможности совпадали съ предѣлами помѣстья. Высочайше утвержденный законъ 19 февраля оставляетъ гмины до времени въ прежнемъ ихъ очертаніи, но обѣщаетъ въ будущемъ переформировку гминъ (конечно, съ тѣмъ чтобъ уменьшить ихъ число). Гмина, по новому уставу, соотвѣтствуетъ нашей волости, но отличается отъ нея тѣмъ что въ нее входятъ не только деревни, но и господскіе дворы. Изъ отдѣльныхъ деревень внутри гмины должны образоваться *сельскія общества*; какъ во главѣ гмины, обнимающей собой и сельскія общества и господскіе дворы, стоитъ выборный гминный войтъ, такъ во главѣ сельскаго общества, въ составъ котораго господскіе дворы не входятъ, стоитъ выборный же *солтысъ* (староста), имѣющій въ своемъ ближайшемъ завѣдываніи свое общество, но дѣйствующій въ предѣлахъ всей гмины въ качествѣ помощника гминнаго войта. Наконецъ какъ въ гминахъ, такъ и въ сельскихъ обществахъ завѣдываніе общественными дѣлами предоставлено общественнымъ сходамъ, или «громадамъ», состоящимъ изъ

домохозяевъ всякаго званія, владѣющихъ участкомъ не менѣе трехъ морговъ (1½ десят.), за исключеніемъ лишь мѣстныхъ мировыхъ судей (когда они будутъ учреждены), лицъ духовнаго званія и чиновъ мѣстной полиціи.

Такимъ образомъ право на рѣшеніе общественныхъ дѣлъ отнынѣ становится принадлежностію землевладѣнія безъ различія сословій. Съ другой стороны, ксендзы, учителя, ремесленники и вся безземельная, безпокойная масса людей устранена отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Далѣе, *всѣ безъ исключенія* лица живущія въ границахъ гмины подлежатъ ея юрисдикціи, ея суду, ея полиціи, ея хозяйственнымъ распоряженіямъ (представляемымъ *гминнымъ сходомъ*): узаконеніе чрезвычайно важное, могущее поставить помѣщика въ зависимость отъ крестьянъ. Вообще нельзя не сказать что помѣщики будутъ поглощены крестьянскимъ элементомъ въ гминныхъ громадахъ, но нельзя и не видѣть что эта демократизація гминнаго устройства составляла существенную необходимость настоящей минуты, дабы поднять духъ сельскаго люда и установить не на бумагѣ, а на дѣлѣ равенство всѣхъ обывателей Царства Польскаго предъ закономъ, провозглашенное еще Наполеономъ I. Къ тому же эта демократизація можетъ быть уравновѣшена другими политическими учрежденіями, которымъ начало уже положено установленіемъ уѣздныхъ и губернскихъ совѣтовъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ сущность новаго гминнаго устройства. Если уставы, не извлеченные изъ нѣдръ самой страны, оправдываемые однакожь и разумомъ и справедливостію и мѣстными интересами, могутъ дать плоды, проникнуть въ жизнь и обнаружить на нее свое дѣйствіе,—можно думать, что вслѣдствіе новаго гминнаго устава тѣ *двѣ расы*, о которыхъ мы говорили вчера, раса шляхетская и раса крестьянская, мало-помалу сплотятся и составятъ нѣчто единое, похожее на націю. Не беремся конечно рѣшать, къ чему поведетъ это сплоченіе польскихъ элементовъ, но очевидно то что вопреки воплямъ, которые, безъ сомнѣнія, раздадутся изъ непріязненнаго намъ лагеря, законы 19-го февраля стремятся установить въ Польшѣ согласіе сословій, и въ интересѣ края забываютъ о правилѣ: *divide et impera.*

XIV.

26-го февраля.

Носятся слухи что новый уставъ гимназій еще разъ переработанъ и уже близокъ къ окончательному разсмотрѣнію законодательнымъ порядкомъ. Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ мы читали что новая обработка этого устава сдѣлана въ духѣ классическаго ученія, и что такимъ образомъ голосъ защитниковъ классическаго образованія, которому грозила опасность конечнаго разрушенія, не остался безъ послѣдствій. Съ другой стороны, есть слухъ, и мы имѣемъ всѣ причины считать его основательнымъ, который совершенно подавляетъ то радостное чувство, съ какимъ всякій, кто серіозно интересуется дѣломъ русскаго просвѣщенія, готовъ былъ бы привѣтствовать возвращеніе нашей педагогіи на прямой путь, указанный опытомъ вѣковъ и народовъ. Говорятъ, будто въ предполагаемыхъ новымъ проектомъ осмиклассныхъ гимназіяхъ будетъ введена съ шестаго класса система раздвоенія курсовъ на отдѣлы: классическій и реальный, послѣдній безъ древнихъ языковъ и основанный на изученіи такъ-называемыхъ реальныхъ наукъ, но дающій тѣмъ не менѣе права на вступленіе въ университетъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли случая видѣть новый проектъ, и потому не можемъ говорить основываясь на полномъ знаніи дѣла. Повидимому, періодъ гласнаго обсужденія преобразованій, готовящихся для среднихъ учебныхъ заведеній, считается теперь оконченнымъ и вопросъ достаточно исчерпаннымъ. Какъ было легко въ началѣ, такъ трудно теперь получить точное свѣдѣніе о томъ, какая участь приготовляется для нашихъ гимназій, а слѣдовательно и для нашего просвѣщенія. Введеніе у насъ системы раздвоенія, или какъ называютъ ее во Франціи, системы *бифуркаціи*—было бы новымъ, въ высшей степени смѣлымъ шагомъ въ исторіи разнообразныхъ реформъ испытанныхъ нашими гимназіями, шагомъ тѣмъ болѣе неожиданнымъ и рѣшительнымъ, что онъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ принципомъ общаго образованія, который

громко провозглашался въ объяснительной запискѣ къ прежнему проекту устава. Вотъ какъ своимъ вычурнымъ слогомъ выражалась объ этомъ *Объяснительная Записка*: «Главная задача настоящаго проекта устава состоитъ въ томъ, чтобы поставить существенною цѣлью нашихъ училищъ *воспитаніе человѣка*, то-есть такое всестороннее и равномѣрное развитіе въ обучающемся юношествѣ всѣхъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ, при которомъ только возможны разумное, согласное съ человѣческимъ достоинствомъ воззрѣніе на жизнь и вытекающее изъ него умѣнье пользоваться жизнію.» Между тѣмъ, министръ Фортуль, основатель системы *бифуркаціи*, введенной во Франціи въ 1852 году и имѣющей относительно этой страны нѣкоторое оправданіе въ исторіи ея школъ, въ своемъ докладѣ именно указывалъ, что новая система должна смѣнить старую, согласно которой имѣлось въ виду «развивать не частныя наклонности отдѣльныхъ людей, но общія способности рода; приготовлять не разнообразныя орудія для различныхъ отправленій въ обществѣ и государствѣ, но нѣкоторый общій типъ изящнаго образованія.» «Предложивъ *образовать людей*, прибавляетъ Фортуль о старой системѣ, она недостаточно обращала вниманія на то, чтобы сдѣлать ихъ способными къ различнымъ должностямъ въ государствѣ.» И вотъ эта система, возбудившая во Франціи множество жалобъ, отвергаемая какъ вредная самыми компетентными людьми и въ настоящее время имѣющая отъявленнаго противника себѣ въ лицѣ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія, г. Дюрюи,— эта система, если вѣрить слухамъ, какимъ-то чудомъ, нежданно и негаданно обѣщаетъ какъ съ неба упасть на наши бѣдныя гимназіи и усложнить и безъ того уже лишенный необходимой простоты планъ нашего школьнаго устава. «Въ настоящее время, восклицаетъ одинъ нѣмецкій педагогъ въ своей *Исторіи воспитанія*, вышедшей въ прошедшемъ году, дѣло воспитанія въ Россіи воспринимаетъ совершенно новое паренiе, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ началъ.» Почтенному педагогу предстоитъ, кажется, разочарованіе: по волѣ судьбы, совершенно иныя начала готовятся руководить нашимъ смѣлымъ полетомъ.

Указавъ, какимъ образомъ установилась во Франціи сложная система *бифуркаціи* лицеевъ, мы ближе всего ознакомимся съ характеристическими чертами той системы, которая должна въ рукахъ нашихъ педагоговъ изъ орудія образованія, готовящаго къ спеціальнымъ цѣлямъ, сдѣлаться могущественнымъ рычагомъ общаго образованія.

Декретомъ президента Французской республики, даннымъ 10 апрѣля 1852 года, высшіе классы лицеевъ и коллегій раздѣлены на два отдѣленія: одно имѣетъ предметомъ «литературное образованіе и открываетъ доступъ на словесный и юридическій факультеты;» другое «приготовляетъ къ коммерческому и ремесленному званію, къ спеціальнымъ школамъ и факультетамъ — математическому и медицинскому.» Въ докладѣ министра просвѣщенія Фортуля подробно объяснялся мотивъ такого нововведенія, мысль котораго принадлежала Лудовику Наполеону, тогда президенту республики. Министръ его указываетъ на то обстоятельство, что во Франціи существуетъ множество спеціальныхъ школъ, поступленіе въ которыя соединено со строгими экзаменами и которыя, привлекая къ себѣ массу молодежи, даютъ толъ всему обученію. Къ поступленію, напримѣръ, въ знаменитую Политехническую Школу ежегодно готовится множество молодыхъ людей, изъ которыхъ только малая часть достигаетъ цѣли. Родители желаютъ, чтобы среднія учебныя заведенія давали ихъ дѣтямъ возможность приготовиться ко вступительному экзамену въ эту или другія пользующіяся извѣстностью школы, а до послѣдней реформы планъ ученія въ лицеяхъ и коллегіяхъ не былъ приведенъ въ согласіе съ требованіями спеціальныхъ школъ. Удовлетворить этимъ справедливымъ желаніямъ общества было необходимо, и вотъ естественнымъ образомъ масса учащейся молодежи распадалась на отдѣльныя группы: одни готовились къ спеціальнымъ школамъ, другіе продолжали общее образованіе. Составился весьма сложный порядокъ вещей, возникла путаница, для устраненія которой и для приведенія всего плана ученья въ систему прибѣгли къ *бифуркаціи*. Министръ спѣшитъ замѣтить въ своемъ докладѣ что эта мѣра есть только возвращеніе къ системѣ указанной

еще въ эпоху консульства и слѣдовательно не есть какая-либо неиспытанная новизна. Для составленія программъ по новому плану была образована коммиссія, докладчикомъ которой былъ знаменитый химикъ Дюма. Первый вопросъ на которомъ остановилась эта коммиссія, состоявшая главнымъ образомъ изъ представителей различныхъ спеціальныхъ заведеній, и который она, со своей стороны, спѣшила устранить, понимая всю тяжесть нравственной отвѣтственности какая лежитъ на преобразователяхъ народнаго просвѣщенія,—слѣдующій: «эта система правильной бифуркаціи есть ли новизна, плодъ какой-нибудь дерзкой импровизаціи?» Указывая на существующее уже фактически раздѣленіе, коммиссія прибавляетъ, что новая система вовсе не раздѣляетъ учениковъ, какъ полагаютъ, а напротивъ скорѣе соединяетъ тѣ отдѣльныя неправильныя ихъ группы, которыя допускались скорѣе изъ уступки неотвязчивымъ требованіямъ семействъ, чѣмъ вслѣдствіе потребностей преподаванія. Коммиссія, составленная почти исключительно изъ математиковъ и естествоиспытателей, въ то же время ясно понимала великое значеніе классическаго образованія и «давая, какъ она выразилась, каждой отрасли обученія принадлежащее ей значеніе», классическое образованіе поставила на первомъ мѣстѣ; второе мѣсто отвела математикѣ, третье — физикѣ и механикѣ и послѣднее—естествовѣдѣнію. Чтобъ устранить по возможности зло раздвоенія и охранить существенный характеръ общаго образованія, коммиссія провела чрезъ всѣ классы того и другаго отдѣленія преподаваніе латинскаго языка, соединяя вмѣстѣ и словесниковъ и математиковъ въ классѣ переводовъ съ латинскаго. Преподаваніе въ общихъ классахъ продолжаетъ основываться почти исключительно на древнихъ языкахъ; самая математика сравнительно занимаетъ весьма второстепенное мѣсто.

Вотъ при какихъ условіяхъ и въ какомъ видѣ возникла во Франціи дѣйствующая нынѣ сложная система, требующая, какъ и всякій сложный механизмъ, самаго внимательнаго ухода. Неожиданно явившись среди нашихъ и безъ того уже разстроенныхъ гимназій, она могла бы только погубить ихъ совсѣмъ,

и съ ними и все наше образованіе. Есть ли у насъ хотя что-нибудь подобное тѣмъ условіямъ которыя вызвали новую систему во Франціи, и можно ли было бы хоть чѣмъ-нибудъ оправдать введеніе ничѣмъ не вызванной сложной мѣры въ нашихъ заведеніяхъ, болѣе всего нуждающихся въ упрощеніи дѣйствующей системы и приведеніи гимназическаго курса къ яснымъ и общепринятымъ началамъ серіознаго ученья? Далѣе, спеціальныхъ школъ, которыми, какъ во Франціи, опредѣлялся бы общій характеръ обученія въ среднихъ заведеніяхъ, у насъ нѣтъ. Этотъ характеръ у насъ опредѣляется университетами, для поступленія въ которые требуется именно общее образованіе, и гдѣ вообще говоря поступающіе подвергаются одинаковому испытанію безъ различія факультетовъ. Ни одинъ университетъ не высказался противъ этого однообразія, а Московскій даже рѣзко объявилъ себя противъ всякаго нарушенія единства въ планѣ гимназическаго ученья, которое, по его мнѣнію, должно имѣть строго классическій характеръ. Итакъ, ни одного изъ условій, объясняющихъ введеніе *бифуркаціи* во французскихъ гимназіяхъ, у насъ не существуетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, трудно понять почему составителя новаго проекта сочли бы нужнымъ измѣнить весь складъ гимназическаго ученья у насъ и отступить отъ общеобразовательнаго характера этихъ заведеній, который съ такою изысканною помпой рекомендовался объяснительною запиской перваго проекта. Какая же причина можетъ, при простотѣ нашихъ условій и требованій, заставить избрать для нашихъ заведеній сложную и неудобоисполнимую систему, требующую чуть ли не двойнаго числа искусныхъ учителей (въ которыхъ у насъ такой недостатокъ), когда и въ самой Франціи она съ каждымъ днемъ приближается къ своей кончинѣ? Если *бифуркація* какъ средство приготовляющее къ спеціальнымъ профессіямъ еще имѣетъ нѣкоторый смыслъ, то *бифуркація* съ цѣлью общаго образованія совершенная диковина.

Общее образованіе можетъ быть только одно, по самой сущности своей. Можно спорить, какимъ путемъ достигается это образованіе, какія знанія ближе всего приводятъ къ нему; можно, различно понимая характеръ этого образованія, учреждать

различныя заведенія для его достиженія. Можно приспособлять общее образованіе къ требованіямъ опредѣленнаго класса учащихся; могутъ быть школы съ общимъ образованіемъ для купцовъ, для работниковъ: въ этомъ смыслѣ и только въ этомъ могутъ быть разные виды образованія. Такихъ школъ не мало въ Англіи, гдѣ господствуетъ убѣжденіе что школа имѣетъ своимъ исключительнымъ назначеніемъ давать общее образованіе: фабрикантъ и рабочій образуется не въ школѣ, а на фабрикѣ, хотя фабрикантъ и рабочій могутъ ходить въ школу для пріобрѣтенія общихъ познаній. И такъ какъ въ Англіи установилось твердое и безспорное понятіе о томъ, что должно разумѣть подъ именемъ общаго образованія, то даже въ школахъ для рабочихъ, какъ напримѣръ въ трехъ замѣчательныхъ коллегіяхъ въ Манчестерѣ, а также въ большинствѣ *mechanics' institutes*, латинскій языкъ есть существенный предметъ преподаванія. Объ этомъ фактѣ стоитъ подумать противникамъ классическаго образованія. Но чтобы въ одномъ и томъ же заведеніи устраивать какія-то два общія образованія, это не слыхано и было бы, конечно, безпримѣрною странностью.

Очень трудно допустить предположеніе что составители новаго проекта не столько имѣли въ виду устроить наше образованіе на прочномъ основаніи, сколько желали предпринять въ широкихъ размѣрахъ на пространствѣ нашего обширнаго отечества любопытный педагогическій опытъ, съ цѣлью рѣшить наконецъ чрезъ сравненіе результатовъ споръ объ общеобразовательномъ значеніи реальныхъ наукъ и о пользѣ или безполезности классическаго образованія? Возможно ли, чтобы составители новаго проекта мечтали обратить наши школы въ педагогическія лабораторіи для взвѣшиванія и разложенія элементовъ образованія? Но еслибы подобное грандіозное предпріятіе было возможно, то нельзя не замѣтить что и для производства опытовъ обсуждаемый нами проектъ бифуркаціи не годится. Въ немъ есть уклоненіе отъ основнаго правила опытныхъ изслѣдованій, уклоненіе, непонятное со стороны составителей проекта, предполагающаго основать общее образованіе, для значительной части учащагося юношества, на изученіи точныхъ наукъ.

Замышляемый опытъ не былъ бы чистымъ опытомъ. Цѣль всякаго опыта отдѣлить изслѣдуемую силу отъ всѣхъ сопровождающихъ ее сторонннхъ условій, такъ чтобы изучаемое дѣйствіе не было результатомъ смѣшанной борьбы многихъ причинъ. Еслибы имѣлось въ виду устроить опытъ для сравненія двухъ системъ общаго образованія, то, по нашему мнѣнію, первоначальный планъ двухъ родовъ гимназій былъ бы предпочтительнѣе предполагаемой амальгамы двухъ направленій. Какая же цѣль таинственной *бифуркаціи*?

Можно сдѣлать еще одно предположеніе: грустное предположеніе! Суровый ликъ классическаго педантства, который повидимому кажетъ, если вѣрить слухамъ, новый проектъ гимназій, обѣщающій болѣе сорока уроковъ латинскаго языка, не скрываетъ ли подъ собою веселыя черты знакомыхъ намъ литературно-реальныхъ гимназій перваго проекта? Старая мантія классицизма, наброшенная на будущія гимназіи, не облекаетъ ли собою новорожденное дитя россійской педагогической школы? Во всякомъ случаѣ нѣтъ надобности быть пророкомъ, чтобы предсказать неудачу попытки ввести у насъ классическое ученье при помощи сложной системы, которая сама въ себѣ несла бы зерно разложенія. Существованіе въ высшихъ классахъ реальнаго отдѣла безъ латинскаго языка, конечно, парализовало бы преподаваніе этого предмета въ низшихъ.

Недавно, на одной изъ публичныхъ лекцій въ Москвѣ, профессоръ исторіи, въ остроумной бесѣдѣ излагая историческія судьбы женщинъ, сообщилъ слушателямъ слѣдующее куріозное правило мусульманской мудрости, основанной на Коранѣ: «Если ты находишься въ затрудненіи, то призови твоего друга, посовѣтуйся съ нимъ и сдѣлай какъ онъ тебѣ скажетъ; если у тебя нѣтъ друга, то выйди на улицу и пригласи перваго встрѣчнаго, посовѣтуйся съ нимъ, и сдѣлай какъ онъ тебѣ скажетъ. Если ты никого не встрѣтишь, то позови твою жену, спроси ея совѣта; выслушай терпѣливо и внимательно все что она тебѣ скажетъ, и сдѣлай совсѣмъ наоборотъ противъ того что она тебѣ скажетъ». Неужели всѣмъ европейскимъ авторитетамъ, высказавшимся по поводу нашихъ педагогическихъ проектовъ,

приведется разыграть роль мусульманской жены? Будемъ надѣяться что слухи о сложной, ничѣмъ не вызванной бифуркаціи окажутся неосновательными. Будемъ надѣяться что во всей Имперіи гимназіи будутъ устроены на томъ основаніи, отъ котораго не рѣшились бы отступить въ остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Царствѣ Польскомъ.

XV.

15-го февраля.

Есть люди находящіе для себя какое-то удовольствіе въ томъ чтобъ отрицать въ Русскомъ народѣ всякую силу начинанія, всякую способность самостоятельнаго дѣйствія. Общественное мнѣніе, говорятъ они;—да гдѣ жь у насъ общественное мнѣніе? его никогда не бывало! Исторія наша? Это исторія правительственныхъ распоряженій: когда и чѣмъ нація заявила о своемъ существованіи?

Сколько требуется умственной косности и фальши, чтобы простирать отрицаніе до подобныхъ размѣровъ! Неужели ни Московскій соборъ въ 1667 году, ни эпоха Петра, ни Екатерининское время, ни Двѣнадцатый Годъ,—эти столь различные моменты нашей жизни, къ которымъ нація относилась со столь различными чувствами, ничего не открываютъ нашимъ бюрократамъ и доктринерамъ? Неужели и въ 1612 году, когда у насъ совсѣмъ не было правительственнаго центра, и когда великое движеніе, освободившее Россію, выработалось на сходкахъ посадскихъ людей,—неужели и тутъ все для нихъ глухо и нѣмо? А взрывъ оскорбленнаго народнаго чувства въ прошломъ году,—тоже выдумка? Надо припомнить, однакожь, что десять мѣсяцевъ назадъ у насъ не было 600 тысячъ войска на западной границѣ: что же дало такой крутой поворотъ европейской политикѣ? Нѣтъ, пробудившаяся сила народнаго чувства и общественнаго мнѣнія въ Россіи была не маловажною поддержкой для правительства въ это тяжкое время. Какая, наконецъ, сила нанесла нашимъ демагогамъ,—этому явленію въ сущности

безсмысленному и ничтожному, но неожиданно получившему значеніе благодаря своему вліянію въ нѣкоторыхъ сферахъ,—какая сила нанесла имъ такое рѣшительное пораженіе, что теперь многіе находятъ излишнимъ и смѣшнымъ заводить о нихъ рѣчь?

Весьма естественно что при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ у насъ не могла развиться сильная общественная жизнь; но общество и теперь не безучастно относится къ государственнымъ вопросамъ, и мнѣнія его уже не остаются безъ вліянія на ихъ рѣшеніе. Это-то именно и не нравится нѣкоторымъ узкимъ умамъ; въ этомъ они хотятъ видѣть какую-то опасность, и чтобы придать себѣ бодрость, отрицаютъ то чего боятся. Но трусость подаетъ худые совѣты, говоритъ старинная, хотя и не русская поговорка.

Мы думаемъ что величайшая опасность наша состоитъ именно въ отрицаніи нашихъ общественныхъ силъ и недовѣріи къ нимъ,—не говоримъ уже о желаніи парализовать ихъ.

Не будемъ обманывать себя: время большихъ усилій въ западномъ краѣ для насъ не миновало, — далеко не миновало. Мятежъ, по крайней мѣрѣ явный, подавленъ и едва ли въ состояніи поднять голову, даже еслибы съ открытіемъ весны онъ нѣсколько и оживился въ польскомъ краѣ; но кто же не убѣжденъ что тайная агитація, что коварныя внушенія, интрига, лесть, клевета будутъ пущены въ ходъ, лишь только администрація немного поослабнетъ?... А можетъ ли она постоянно находиться въ нынѣшнемъ напряженномъ состояніи? Это не въ природѣ вещей. Послѣ 1831 года, точно также какъ теперь, всѣ умы были возбуждены, принимались крутыя и рѣшительныя мѣры, были энергическія личности,—и чѣмъ же все кончилось?

Слабый успѣхъ русскаго дѣла въ западномъ краѣ должно приписывать не чему-либо иному, а только тому что дѣло это было ведено исключительно однѣми правительственными силами. Правительство, особенно Русское, сильно; но вездѣ ли можно дѣйствовать съ успѣхомъ правительственными способами? Правительственные способы хороши только въ правительственной сферѣ, а во всѣхъ другихъ они оказываются не только не

достаточными, но и опасными. Правительство само обращается къ націи въ затруднительныхъ случаяхъ,—а какія великія затрудненія предстоятъ намъ преодолѣть, чтобъ окончательно утвердиться въ западномъ краѣ и упрочить его за собой! Для этого необходимо чтобы живыя силы русскаго общества широкою струей лились туда, гдѣ происходитъ невидимая, но упорная борьба; чтобы борцы за наше дѣло чувствовали себя поддержанными сочувствіемъ и участіемъ всей Россіи, чтобы тѣ за которыхъ идетъ борьба видѣли дружественную протянутую имъ руку.

Сознаніе этой необходимости довольно сильно въ нашемъ обществѣ; но мы затрудняемся дать практическое приложеніе этому сознанію. Непривычные къ самостоятельному дѣйствію, мы ищемъ формъ, ждемъ регламентовъ. Подобно внезапно пробудившейся ратп, наше долго дремавшее общество озирается вокругъ себя, протягиваетъ руки, и либо дѣйствуетъ въ разсыпную, либо останавливается съ безпокойствомъ ища знамени.

Общественный инстинктъ съ необыкновеннымъ тактомъ подхватилъ вопросъ о церковныхъ братствахъ въ западномъ краѣ. Началось приготовленіе различныхъ церковныхъ принадлежностей, покупка книгъ для церквей и школъ; начались даже частныя отправки того и другаго. Русскія женщины, въ Москвѣ по крайней мѣрѣ, принялись за дѣло горячо, съ любовію, съ ревностію. Но скоро всѣ стали замѣчать что дѣло это требуетъ нѣкотораго единства, нѣкоторой совокупности усилій. Родилась мысль о необходимости какого-нибудь центра. Болѣе года тому назадъ заговорили объ этомъ—и центръ все еще не явился.

Какія этому причины?

Причинъ много, но каковы бы онѣ ни были, за отсутствіемъ центра не слѣдуетъ ослабѣвать дѣятельности. Было бы крайне странно откладывать усилія въ ожиданіи совокупности усилій. Наша ошибка очень часто состоитъ въ томъ что мы придаемъ невѣрное значеніе единству, формѣ и правилу. Мы не привыкли просто и прямо принимать практическія указанія самой жизни, смотрѣть въ глаза дѣлу, и встрѣчая дѣйствительную потреб-

ность, тотчасъ же удовлетворять ей. Мы все ищемъ какихъ-нибудь формулъ для самыхъ простыхъ вещей, уставовъ заранѣе начертанныхъ, инструкцій составленныхъ a priori... Вы хотите посылать церковныя вещи и книги для школъ западнаго края? И прекрасно. Вы знаете другъ друга; вы въ вашемъ пріятельскомъ кругу; вы вполнѣ увѣрены что между вами нѣтъ людей злонамѣренныхъ: соберитесь же между собою, согласитесь относительно тѣхъ вещей которыя вы посылать намѣрены. Мало этого; распространяйте вашу мысль: она почтенна, она полезна, и задерживать ея не слѣдуетъ; у васъ есть, безъ сомнѣнія, знакомые въ разныхъ частяхъ Россіи, знакомые, которымъ вы вполнѣ довѣряете, которые, можетъ-быть, также какъ и вы, ищутъ практическаго исхода своимъ добрымъ стремленіямъ: напишите имъ, приглашайте ихъ или дѣлать какъ вы, или, что еще лучше, дѣйствовать черезъ васъ, и въ свою очередь приглашать своихъ знакомыхъ. Вотъ простой путь, по которому очень можно идти, безо всякихъ формулъ и инструкцій. Не ждите центра для своей дѣятельности, и посвящайте себя самой дѣятельности. Съѣзжайтесь между собою, какъ съѣзжаетесь теперь, только вмѣсто безплодныхъ разговоровъ, сѣтованій и ожиданій, принимайтесь съ Богомъ за доброе дѣло, въ сознаніи своей правоты и общей пользы. Такимъ образомъ въ Россіи составится великое множество кружковъ для собиранія средствъ вспомоществованія церквамъ западнаго края. Кромѣ этихъ многочисленныхъ центровъ сбора пособій нужны центры для распредѣленія пожертвованій между церквами. Еслибы каждый кружокъ самъ выбиралъ себѣ церковь, то часто случалось бы что въ одну церковь стекались бы пожертвованія многихъ кружковъ, а другая церковь оставалась бы въ нищетѣ. Поэтому необходимо чтобы кружки собирателей пересылали свои пожертвованія не сами, а черезъ посредство извѣстныхъ лицъ. Такіе посредническіе пути уже отчасти обозначились: графини: Блудова и Протасова, П. Н. Батюшковъ, редакціи нѣкоторыхъ газетъ уже занимаются распредѣленіемъ пособій. Пусть же дѣло ведется тѣмъ же порядкомъ, но съ большею бодростію. Въ послѣдствіи главные дѣятели могутъ соединиться и образовать

центральное общество. Теперь заботиться о такомъ обществѣ было бы, кажется, преждевременно.

Только такое дѣйствіе бываетъ плодотворнымъ которое начинается съ частныхъ стремленій и усилій, а не съ какого-либо заранѣе подготовленнаго общаго плана. Пусть прежде образуются отдѣльные малые центры, пусть въ нихъ горячо и усердно скажется общее дѣло,—и тогда изъ дѣйствительныхъ и живыхъ элементовъ само собою сложится болѣе обширное общество, и отдѣльные центры общественной дѣятельности сблизятся и примкнутъ одинъ къ другому.

МАРТЪ.

I.

2-го марта.

Русскій литературный языкъ не есть какое-либо племенное нарѣчіе: онъ выработался изъ двухъ главныхъ стихій—племенной русской и церковно-славянской. Въ разнообразіи простонароднаго говора, по частямъ, сохранились особенности первоначальной, племенной русской рѣчи, измѣнившейся въ литературномъ языкѣ, подъ могущественнымъ вліяніемъ церковнаго, принадлежащаго къ другой вѣтви славянскихъ языковъ, именно къ болгарской. Реченія и формы вошедшія въ нашъ литературный языкъ изъ церковно-славянской рѣчи составляютъ существенную часть его. Въ тѣхъ случаяхъ гдѣ у насъ, рядомъ съ русскою племенною формой, употребляется то же слово въ формѣ церковно-славянской, обѣ формы служатъ для выраженія различныхъ понятій или различныхъ оттѣнковъ одного и того же понятія; напримѣръ: *равный* и *ровный*, *нравъ* и *норовъ*, *прахъ* и *порохъ*, *хранить* и *хоронить*, *прекратить* и *укоротить*, *наградить* и *наградить*, *власть* и *волость* и т. д.

Обыкновенно нашъ литературный языкъ считается нарѣчіемъ московскимъ. Дѣйствительно, въ Москвѣ народъ говоритъ ближе къ языку литературному чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; но это объясняется очень просто тѣмъ обстоятельствомъ что Москва долго была государственнымъ центромъ, и письменный языкъ въ московскомъ народонаселеніи приблизилъ къ себѣ разговорную

рѣчь болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Но и московскій говоръ имѣетъ свои особенности, отличающія его отъ языка письменнаго; такъ и въ Москвѣ говорятъ: *плóтить*, *ходютъ*, *стоютъ*, *сердица*, *свавó*, вмѣсто: *платить*, *ходятъ* и т. д.

По остроумному замѣчанію В. И. Даля, «если подняться на золотыя маковки Бѣлокаменной, то можно окинуть глазомъ пространство во всѣ четыре стороны, гдѣ говорятъ иначе, и едва ли не во всѣ четыре стороны иначе. Видно тутъ, на распутіи, столкнулись всѣ парѣчія наши, и изъ нихъ выработалось новое, которое, по закону господства духа надъ плотію, усвоило себѣ никѣмъ не оспариваемое первенство».

Это первенство дѣйствительно не оспаривалось, и по здравому разсудку не могло быть оспариваемо и въ южной части нашего отечества, въ той части, гдѣ положено было первое начало Русской державѣ и первое начало русскому письменному языку. Когда исторія отторгла эту часть единой Россіи (такъ-называемую Малороссію) отъ общаго отечества, и подчинила ее иноязычной, польской власти; тогда языкъ того края подвергся сильному вліянію со стороны польскаго, но это вліяніе было совсѣмъ иного свойства чѣмъ вліяніе церковно-славянскаго языка, и на югѣ не образовался особый, самостоятельный языкъ. По возвращеніи къ Россіи южнаго края, его дѣти припялись за обще-русскій литературный языкъ, и даровитые писатели, родомъ оттуда, обогатили нашу литературу болѣе или менѣе значительными произведеніями. И не только въ предѣлахъ Русской державы, но и на самыхъ крайнихъ предѣлахъ русской рѣчи, въ той части нашего народа которая находится подъ владычествомъ Австріи и Венгріи, обнаружилось то же стремленіе.

Но вотъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые литераторы, петербургскіе украйнофилы, вздумали создавать новый *литературный* языкъ изъ народнаго говора, для котораго до сихъ поръ еще не установилась азбука. Мы помнимъ какъ петербургскіе украйнофилы всячески возбуждали въ Галичанахъ подобный же мѣстный патріотизмъ, и успѣли увлечь за собою нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ писателей. Къ числу этихъ писателей принадлежитъ и редакторъ львовской газеты *Слово*,

г. Дѣдицкій. Какая разница между языкомъ этой газеты три-четыре года тому назадъ, и теперь! Мы упоминаемъ о *Словѣ* по поводу указываемыхъ г. Троянскимъ, нашимъ вѣнскимъ корреспондентомъ, статей помѣщенныхъ въ №№ 11—13 этой газеты, подъ заглавіемъ: «Отвѣтъ г. Палацкому на его мнѣніе о Русинахъ». Въ этихъ статьяхъ редакторъ *Слова* старается опровергнуть мнѣнія знаменитаго чешскаго историка, Палацкаго, высказанныя имъ въ статьѣ: «Вопросъ польскій въ наше время.» Мы выпишемъ тѣ мѣста изъ статьи Палацкаго, которыя приводитъ и разбираетъ редакторъ *Слова*.

«Каждому ученику, говоритъ Палацкій, извѣстно, что тѣ три края, Волынь, Подолія и Украйна,—не польскіе и искони не были польскими; но особенно Украйна съ главнымъ городомъ Кіевомъ на Днѣпрѣ была уже за тысячу лѣтъ истинною колыбелью всей Русской державы, столицей первыхъ властителей русскихъ, Св. Владиміра и его предковъ и потомковъ; Кіевъ для каждаго Русскаго то же что и матушка Москва, которую онъ готовъ отстаивать до послѣдней капли крови. Только неслыханный въ дѣяніяхъ міра погромъ, происшедшій отъ Чингисхана и его потомковъ, покорившихъ себѣ неодолимою силой въ короткое время почти всю Азію и половину Европы, могъ ослабить русскую силу на долгое время въ такой мѣрѣ, что и менѣе могущественные сосѣди, какъ Литовцы, въ 1319 году, достигли временнаго перевѣса въ удѣлахъ русскихъ, такъ что позднѣе, черезъ соединеніе Литвы съ Польшей, древній Кіевъ подпалъ подъ власть польскую. Возвращеніе этого города и окрестнаго края къ прежней державѣ есть въ глазахъ каждаго Русскаго не кривда и насиліе, а историческая справедливость.»

Далѣе говоритъ г. Палацкій: «Нѣкоторые Поляки утверждаютъ, что такъ какъ Русины или Малоруссы не Москали, и не хотятъ быть ими, то и правительство, будь оно русское или польское, имъ одинаково мило или немило. Но подобный выводъ ни въ какомъ смыслѣ не имѣетъ достаточнаго основанія. Языкъ малорусскій есть *нарѣчіе русское*, а никакъ не польское, и относится къ письменному русскому языку точно такъ же

какъ словацкое нарѣчіе къ чешскому, хорватское къ сербскому, тирольское или австрійское къ нѣмецкому, провансальское къ французскому и т. д. Нельзя ни у кого оспаривать право писать на какомъ бы то ни было нарѣчіи или поднарѣчіи; но удобно ли и желательно ли, чтобы литературы всѣхъ племенъ и нарѣчій дробились до безконечности (особенно тамъ, гдѣ для этого нѣтъ достаточнаго историческаго основанія). Это—другой вопросъ».

Эти два мѣста изъ статьи Палацкаго, исполненныя безпристрастія и здраваго смысла, подвергаетъ пространной критикѣ *Слово* съ исторической и филологической точки зрѣнія. Мы не станемъ пускаться въ разборъ тѣхъ разглагольствій которыми эта газета хочетъ доказать существованіе особой народности *русской*, т.-е. малороссійской, въ отличіе отъ народности *россійской*; мы взглянемъ лишь нѣсколько ближе на филологическіе доводы г. Дѣдицкаго.

Вся аргументація его основана на томъ что знаменитый Шафарикъ, въ своей *Славянской Народописи*, называетъ всѣ славянскія нарѣчія вмѣстѣ—*языкомъ* славянскимъ. Языкъ этотъ раздѣляетъ онъ на двѣ вѣтви, или молви—юго-восточную и западную; каждую молвь на *рѣчи*; каждую рѣчь на *нарѣчія*, а тѣ наконецъ на *разнарѣчія* и *поднарѣчія*. По этой системѣ, юго-восточная молвь распадается на три рѣчи: болгарскую, иллирскую и русскую, а послѣдняя на три нарѣчія: великорусское, малорусское и бѣлорусское. Изъ этого дѣленія г. Дѣдицкій выводитъ что Шафарикъ принимаетъ слово *нарѣчіе* за соотвѣтствующее словамъ: *народъ* и *народность*. Но еслибы редакторъ *Слова* потрудился заглянуть повнимательнѣе въ *Народопись* Шафарика, то онъ нашелъ бы, на 2-й же страницѣ, что знаменитый славянистъ слово *языкъ* употребляетъ на равной степени съ названіемъ *племя*, а слово *рѣчь* (не *нарѣчіе*) съ названіемъ *народъ* (Slova *jazyk* užíváme na stejném stupni s názvem *kmen*; a slova *řeč* a názvem *národ*). Слѣдовательно, *рѣчь* русская соотвѣтствуетъ у него понятію о Русскомъ народѣ, и не есть только понятіе идеальное, или отвлеченное, какъ думаетъ г. Дѣдицкій. Подтвержденіе этому мы находимъ на 10-й страницѣ

того же сочиненія, гдѣ Шафарикъ, исчисливъ нарѣчія русской рѣчи, уже прямо говоритъ: «Всѣ тѣ нарѣчія (великорусское, малорусское и бѣлорусское) связываетъ *одинъ* литературный языкъ.»

Итакъ, единственный авторитетъ, на который ссылается г. Дѣдицкій, говоритъ прямо противоположное тому что̀ ему приписывается *Словомъ*, и такимъ образомъ всѣ его выводы рушатся сами собою.

Но Шафарикъ былъ Чехъ, и потому г. Дѣдицкій, узнавъ ближе его мнѣніе, можетъ-быть станетъ отвергать и Шафарика; говорить же ему что-нибудь отъ нашего лица мы считаемъ излишнимъ: онъ называетъ насъ *служебниками правительственной россійской системы*, подобно тому какъ онъ намекаетъ очень тонко что и г. Палацкій выступаетъ не съ самостоятельнымъ мнѣніемъ, по *подъ вліяніемъ (за вплывомъ—sic!)* Россійскаго правительства! Мы конечно не будемъ останавливаться на такихъ выходкахъ, доказать которыя было бы г. Дѣдицкому еще труднѣе чѣмъ доказать что по Шафарику терминъ *рѣчь* не соотвѣтствуетъ *народу*. Для насъ важны не личные вопросы, но самое дѣло, то-есть вопросъ объ общемъ русскомъ литературномъ языкѣ. А для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса всего лучше посмотрѣть какъ ближайшіе соотечественники г. Дѣдицкаго понимаютъ его.

Извѣстно что Австрійское правительство, изъ политическихъ видовъ, всегда заботилось объ отдаленіи галицкой литературы отъ обще-русской. Въ 1857 году изданъ въ Вѣнѣ *Дирекціей накладу школьныхъ книжекъ* руководство «для учителей и препарандовъ» подъ заглавіемъ: *Книжка вспомогательная къ употребленію букваря и первой языкоучебной читанки школъ народныхъ каѳолическихъ въ державѣ Австрійской*. Въ этой книгѣ на стр. 157 сказано на какомъ-то чудовищно-безграмотномъ языкѣ слѣдующее: «Кто межи Великоросіянами и Русинами жаднаго народословнаго различія не признае, тотъ такожь послѣдственно и плоды великороссійской литературы за питомія Русинамъ австрійскимъ яко отечественніи подавати буде. Но кто того, исторіею доведенаго и судомъ напученшихъ *испы-*

тателевъ (sic) народословія яко существенное признанаго различія больше сосвѣдомъ, тотъ правда книгъ великороссійскихъ за примѣръ литературнаго языка Русиновъ брати не буде и за инымъ источникамъ оглядати ся буде.»

При такомъ воззрѣніи Австрійскаго правительства, мы должны предположить что учебныя книги изданныя въ самомъ Львовѣ для австрійскихъ гимназій писаны какимъ-нибудь особымъ языкомъ. У насъ теперь подъ рукою два такіе учебника, изданные во Львовѣ въ 1861 и 62 годахъ. Одинъ изъ нихъ — *Исторія церкви*, а другой—*Учебная книга каѳолическаго нравоученія.* Оба составлены уніятскимъ священникомъ г. Цыбыкомъ, катихитомъ Львовской гимназіи.

Чтобы дать читателямъ ясное понятіе о языкѣ этихъ учебниковъ, выпишемъ нѣсколько строкъ изъ *Учебной книги каѳолическаго нравоученія*, стр. 269.

„Обязанности, которыя подданные должны наблюдать въ отношеніи къ своему Царю суть слѣдующія:

1. Мати (имѣть) глубокое уваженіе къ нему, яко лицу священному, яко намѣстнику Божому (Божіему) на земли, возсѣдящему на престолѣ Гэсподнемъ (1 Цар. 20, 23), и признавати въ немъ власть божественную.

2. Питати къ нему въ душѣ своей благодарную сыновнюю любовь, яко къ отцу отечества, неусыпно бодрствующему надъ созиданіемъ его благоденствія, и отеческимъ попеченіемъ своимъ объемлющему всѣ нужды и потребы своихъ подданныхъ.

3. Безпрекословно и охотно повиноватися велѣніямъ его, памятаючи изреченіе Апостола....

4. Возсылати о здравію (здравіи) и благоденствію (благоденствіи) его искренныя (искреннія) молитвы къ Богу, и почитаючи жизнь Царя драгоцѣнною для блага отечества, охотно жертвовати за нію (нее) своею собственною жизнію.

Теперь представляемъ читателямъ судить, можно ли этотъ языкъ назвать особымъ, существенно отличнымъ отъ обще-русскаго? Не есть ли это чисто русскій языкъ, съ нѣкоторыми пичтожными и совершенно излишними особенностями мѣстнаго говора, введенными авторомъ вѣроятно въ видахъ уступки австрійской программѣ,—особенностями, которыя большею частію встрѣчаются и въ другихъ, болѣе сѣверныхъ, мѣстностяхъ нашего отечества?

Мы внимательно разсматривали объ эти книги, и намъ почти вовсе не встрѣтилось польскихъ словъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, какъ напримѣръ *пополохъ*, *обава* въ смыслѣ страха, и *трохa*, которое впрочемъ употребляется и у насъ въ Тверской, Калужской, Тульской губерніяхъ. То же самое должно сказать о словахъ *що*, *яко*, вмѣсто *что*, *какъ*, о причастіяхъ на *чій* вмѣсто *щій*, и о нѣкоторыхъ другихъ грамматическихъ особенностяхъ. Въ словахъ: *норовственно*, *прекороченье* (прекращеніе), *надгорода* (награда), мы встрѣчаемъ формы сохранившія первоначальное племенное русское полногласіе, измѣнившееся въ литературномъ языкѣ подъ вліяніемъ церковнаго. Всѣ эти формы намъ родственны, и никакъ не могутъ служить характеристикой какого-то особаго русскаго языка. Но если всѣ отличія заключаются только въ этихъ мелочахъ, то не лучше ли бы и галицкимъ литераторамъ, по крайней мѣрѣ независимымъ изъ нихъ, оставить эти незначительныя особенности, подобно тому, какъ альзасскіе или швейцарскіе Нѣмцы, несмотря на свое политическое отдѣленіе отъ Германіи, пишутъ общенѣмецкимъ литературнымъ языкомъ, не употребляя своихъ мѣстныхъ провинціализмовъ? Отъ этого установилось бы болѣе живое и плодотворное общеніе и взаимнодѣйствіе между нами и ими, отъ котораго мы всѣ были бы въ выигрышѣ.

Кстати объ учебникахъ г. Цыбыка. Если въ нашихъ западныхъ губерніяхъ будетъ введенъ русскій языкъ,—а это необходимо,—для преподаванія католикамъ Закона Божія, то намъ тотчасъ же понадобятся русскіе учебники по этому предмету. И вотъ, мы уже имѣемъ такіе учебники, которые прямо, почти безъ всякихъ измѣненій, могутъ быть употреблены для этой цѣли.

Съ другой стороны, южно-русскимъ ученымъ не безполезно ближе и короче ознакомиться съ русскою литературой, о которой тотъ же Шафарикъ, въ той же *Народописи*, на стр. 17, отзывается въ слѣдующихъ словахъ:

«Современная русская литература, какъ богатствомъ и разнообразіемъ, такъ и изяществомъ своихъ произведеній, безспорно занимаетъ первое мѣсто между всѣми славянскими литературами.»

Не понимаемъ, какъ искренній *народолюбецъ* можетъ желать отторженія 15 милліоновъ русскихъ людей отъ общей умственной жизни русскаго племени, если обратить вниманіе на то, какъ незначительны особенности южно-русскаго *литературнаго* языка, въ сравненіи съ особенностями народнаго говора даже въ ближайшихъ къ Москвѣ губерніяхъ.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько фразъ калужскаго говора изъ статьи г. Даля: *О нарѣчіяхъ русскаго языка*, напечатанной въ 4 выпускѣ его *Толковаго Словаря*: «Тамъ логъ, а въ логу-то дромъ да буряломъ, такой що й не пройдешь, и икона стаить уся вызлащена, какъ жаръ, и плахта (окладъ) на ней яснымн камнями гарить, а басому хадить нельзя, земля, слышь, каляная, а у капецъ вершины (оврага) дверца желѣзная къ погребу а итти хатишь—спизаться (одѣться) надабить».

Сравните теперь съ этимъ отрывкомъ калужскаго мѣстнаго говора языкъ «Просьбы русской молодежи къ преосвященнымъ епископамъ» венгерской Руси, по какой-то иронiи судьбы напечатанной въ томъ же № *Слова*, гдѣ доказывается необходимость особой южно-русской народности и литературы. Выше мы видѣли, какимъ языкомъ пишутъ галицкіе ученые преподаватели; теперь посмотримъ, на какомъ языкѣ обращаются къ своимъ епископамъ русскіе студенты Пештскаго университета, *побуждаемые неугасаемою любовію къ своему милому русскому народу*. Вотъ эта просьба:

„Ваше преосвященство! Задача предположенная нами въ теперешнихъ обстоятельствахъ столь великаго значенія, что выполненіе и приведеніе ея въ практическую жизнь было бы основаніемъ неисчерпаемаго источника, орошающого своими струями жаждующую нашу народную ниву.

„Но имѣя предъ глазами настоящее жалкое положеніе наше и заключая отсюда на будущность молодежи русской на Пештянскомъ всеучилищѣ, если перестанетъ и милостивѣйше поданная намъ вашимъ высокопревосходительствомъ помощь, мы начинаемъ сомнѣватися въ осуществленіи помянутой задачи, и при томъ сомнѣнія вкрадываются въ сердца наши якая-то унылость и негодованіе на самыхъ себе.

„Чтобъ отстранити сомнѣніе въ исполненіи задачи нашей, мы, въ томъ убѣжденіи, что образованіе было всегда основаніемъ могущества всѣхъ народовъ, и будучи побуждаемы неугасаемою любовію къ нашему милому русскому народу, согласились учредити, по примѣру студентовъ мадьярскихъ, въ нашемъ ловѣ общество къ споможествованію бѣднѣйшихъ русскихъ студентовъ въ Пештѣ.

„По поелику мы собственными, хотя для насъ значными жертвами нашими, не въ состояніи произвести большаго успѣха, и поелику мы и потвержденіе устава помянутаго общества просити намѣряемъ преимущественно на основаніи архипастырскаго благословенія: съ довѣріемъ сыновъ прибѣгаемъ къ вашему преосвященству, покорнѣйше моля, чтобы съ взглядомъ на священную цѣль благоизволили по богоспасаемой епархіи собираніе помощи допустити, о томъ возбуждающее архипастырское посланіе къ преподобному священству издати, а насъ о милостивѣйше сдѣланныхъ въ томъ отношеніи шагахъ благосклонно увѣдомити. Впрочемъ и пр.“

Не наша ли эта родная рѣчь, раздающаяся далеко за предѣлами нашего отечества, за Карпатами, въ венгерской Руси? А венгерская Русь это тѣ же Малороссы какъ галицкіе и наши! Предоставляемъ самимъ читателямъ вывести отсюда заключеніе.

Но, спросятъ нѣкоторые, если дѣйствительно нѣтъ малороссійскаго литературнаго языка, то какимъ же языкомъ пишетъ самъ ревнитель особой малороссійской народности, г. Дѣдицкій? По крайней мѣрѣ у него можно бы надѣяться найти этотъ языкъ во всей его чистотѣ. Увы! у него мы находимъ только гораздо болѣе провинціализмовъ чѣмъ у г. Цыбыка; главное же отличіе его рѣчи состоитъ въ томъ, что она испещрена безчисленнымъ множествомъ польскихъ словъ, которыхъ мы у г. Цыбыка почти вовсе не находимъ. Конечно, такія особенности какъ: «Вже рокъ минувъ» и т. п., не могли показаться и г. Дѣдицкому достаточными для осуществленія его мечты о созданіи особаго малороссійскаго языка, тѣмъ болѣе что всѣ эти особенности встрѣчаются и въ разныхъ мѣстахъ *великой* Россіи;—и вотъ онъ, малорусскій патріотъ, обратился за помощію къ языку тѣхъ самыхъ Поляковъ, противъ насилій которыхъ онъ въ своемъ же *Словѣ* съ такою похвальною ревностію защищаетъ и русскую народность, и чистоту восточнаго обряда своей церкви! Онъ пишетъ: *мусьти*, *увага*, *навѣть*, *певность*, *небезпеченство*, *нешкодливый*, *освѣдчитися*, *вплывъ*, и пр.

Не грустно ли видѣть такое искаженіе русской рѣчи!

Нѣтъ, оставьте вашъ тщетный трудъ создавать новый русскій языкъ! Языки создаются не фантазіей, а исторіей; воспользуйтесь же тѣмъ который она создала для цѣлаго, вели-

каго Русскаго народа, и который, по выраженію Шафарика, связываетъ *всѣ* его нарѣчія. Примите нашъ *щирый* совѣтъ, послѣдуйте примѣру венгерской Руси, а за вами, быть-можетъ, послѣдуютъ и наши украйнофилы.

II.

4-го марта.

Европа оставила насъ въ покоѣ; война намъ не угрожаетъ; иностранные кабинеты насъ не муштруютъ: мы теперь одни съ нашими внутренними затрудненіями. Что же? Лучше ли намъ отъ этого? Благопадежнѣе ли наше положеніе? Сильнѣе ли мы? Успѣшнѣе ли можемъ мы теперь справляться съ нашими затрудненіями? Должно сознаться что зло всегда становится тѣмъ глубже и опаснѣе, чѣмъ оно менѣе на виду. Внѣшняя опасность возбуждала наши силы, она дѣлала насъ чуткими, она дѣлала насъ зоркими, она примиряла наши разногласія, она сливала насъ въ одно могущественное чувство, она давала намъ высокія минуты энергическаго народнаго чувства. Теперь внѣшняя опасность удалилась, а вслѣдъ за ней не угаснетъ ли вызванное ею чувство, не упадутъ ли возбужденныя ею силы? Когда насъ презирали, когда насъ считали народомъ умершимъ,— на насъ дѣйствовали угрозами; но когда убѣдились что нашъ народъ, въ крайнихъ случаяхъ, способенъ къ отпору, что внѣшняя опасность будитъ его и поднимаетъ на ноги, тогда призракъ опасности мгновенно исчезъ; насъ оставили въ покоѣ, съ тѣмъ чтобы мы еще глубже чѣмъ прежде погрузились въ обычную апатію.

Въ чемъ заключается наше зло? Наше зло заключается въ нашей апатіи. У насъ нѣтъ личной предпріимчивости, нѣтъ частной инціативы, нѣтъ самостоятельно дѣйствующихъ общественныхъ силъ; все дѣлается у насъ общею безразличною правительственною силой: вотъ что представляется каждому при первомъ взглядѣ на нашу жизнь, вотъ что ставятъ намъ въ упрекъ и свои и чужіе. Если эти упреки справедливы,—

то чего могутъ желать наши недоброжелатели, и чего можемъ желать мы сами? Нашимъ недоброжелателямъ естественно желать чтобы такое состояніе наше продлилось и упрочилось, а намъ самимъ естественно желать чтобъ оно прекратилось. Но наши недоброжелатели очень хорошо знаютъ чего имъ требуется, а мы, къ сожалѣнію, не всегда идемъ къ своей цѣли и не всегда знаемъ чего хотимъ. У насъ образовалась привычка уничижать свой народъ, и мы дѣлаемъ это съ какою-то странною похвальбою, мы дѣлаемъ это съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ. Мы уничижаемъ свой народъ не только предъ другими великими историческими народами, но и предъ клочками разныхъ чужихъ народностей вошедшихъ въ составъ нашего государства и занимающихъ его окраины. Всѣ и все лучше и способнѣе нашего народа. Но, странное дѣло! мы не отдаемъ себѣ отчета въ томъ что наше зло именно и происходитъ отъ того что мы сами добровольно уничижаемъ себя и сами добровольно отказываемся отъ тѣхъ выгодъ которыя прельщаютъ насъ у другихъ. Мы не видимъ у себя личной предпріимчивости и частной инициативы, мы не видимъ у себя живаго и плодотворнаго развитія общественныхъ силъ, и намъ это, конечно, не нравится, и мы восклицаемъ: «какъ все у насъ пустынно и мертво! какъ мало въ нашемъ народѣ инстинктовъ свободы и самостоятельной дѣятельности! какъ мало въ немъ условій живаго и плодотворнаго движенія! какъ мы скудны! какъ мы непроизводительны! какъ мало у насъ живыхъ силъ, энергическихъ дѣйствій, оригинальныхъ характеровъ! какъ поверхностно и ничтожно наше образованіе! какъ шатки наши мнѣнія!» Это обычная тема жалобъ и сужденій, которыя раздаются повсюду. Но ни теоретики, ни практики наши никакъ не догадываются что эти замѣчаемыя ими явленія, которыя повидимому такъ огорчаютъ ихъ, не происходятъ и не могутъ происходить въ жизни; они не догадываются что эти печальныя явленія суть послѣдствія ихъ же собственныхъ понятій о своемъ народѣ; они не догадываются что эти явленія порождены господствующими у насъ теоріями и ведущеюся согласно съ тѣми теоріями практикой. Люди которые сѣтуютъ на скудость

и безсиліе нашей народной жизни сами въ то же время будутъ протестовать противъ того что́ могло бы дать ей ходъ, возбудить и поднять ее. Напрасно ссылаются они на естественныя свойства нашего народа: всякій народъ есть народъ, какъ и всякій человѣкъ есть человѣкъ. Всякій народъ, какъ и всякій человѣкъ, обладаетъ своею долей силъ и можетъ жить и дѣйствовать въ ихъ мѣру; но чтобъ обнаруживать признаки жизни, для этого надо двигаться и дѣйствовать, для этого живой организмъ долженъ свободно владѣть своими членами. Скажите это тѣмъ людямъ которыхъ у насъ такъ много и которые преклоняются предъ всякимъ проявленіемъ жизни у другихъ народовъ,—скажите имъ что и у насъ можетъ быть то же что́ у другихъ, если мы сколько-нибудь освободимъ нашу жизнь отъ тяготѣющихъ надъ нею, чуждыхъ ей и сковывающихъ ее, теорій, если мы внесемъ въ нее единственно плодотворное начало всякой дѣятельности, начало свободнаго соревнованія силъ, если мы каждой дѣятельности предоставимъ огражденное закономъ и обезпеченное развитіе,—они никакъ не поймутъ васъ и не захотятъ васъ слушать. Они будутъ отвѣчать вамъ по Луи-Блану или по Прудону, или будутъ ссылаться на грубость и невѣжество народа, какъ будто въ другихъ странахъ массы народа отличаются особеннымъ образованіемъ, какъ будто въ другихъ странахъ, издавна пользующихся болѣе или менѣе самостоятельнымъ развитіемъ общественной жизни, высшіе классы общества были всегда образованнѣе высшихъ классовъ нынѣшняго русскаго общества. Нѣтъ, дѣло не въ утонченности образованія: англійскіе *сквайры* прошлаго столѣтія отнюдь не были образованнѣе русскихъ помѣщиковъ; вся сила заключается въ условіяхъ общественной организаціи и личной самостоятельности людей. Только предоставленная себѣ жизнь вырабатываетъ характеры; только она создаетъ и гражданственность, и истинное образованіе, и богатство.

Къ обычнымъ бюрократическимъ понятіямъ, засѣвшимъ у насъ съ давняго времени, присоединились на нашу бѣду въ послѣднее время разныя соціалистическія, коммунистическія и демократическія теоріи, которыя, также какъ и первыя, осно-

ваны на полномъ неуваженіи къ существующему, на недовѣріи къ свободѣ, къ исторіи, къ естественнымъ силамъ человѣческой жизни. Мудрено ли, что намъ ничто не спорится? Мудрено ли, что мы не предвидимъ исхода изъ нашей апатіи, и даемъ всякому злу укрѣпляться и развиваться на нашей почвѣ? Мы на все смотримъ подозрительно, мы принимаемъ предосторожности противъ создаваемыхъ нашимъ воображеніемъ призраковъ, и дѣйствительно губимъ себя, упорно отказываясь, какъ мнимые больные, отъ движенія, пищи и свѣжаго воздуха. Нашимъ консерваторамъ чудятся революціонные элементы въ спокойныхъ и крѣпкихъ нѣдрахъ нашей земли, нашимъ либераламъ мерещится возобновленіе крѣпостнаго права,—и наши консерваторы, сами того не сознавая, способствуютъ фальшивому броженію, происходящему вслѣдствіе безмолвія и бездѣйствія общественныхъ интересовъ, а наши прогрессисты, изъ нелѣпыхъ опасеній вторичнаго пришествія крѣпостнаго права и подъ вліяніемъ смутныхъ идей демократическаго соціализма, рады навѣки закрѣпостить крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи, въ круговой порукѣ, подъ деспотизмомъ мірской сходки и такъ-называемаго крестьянскаго самоуправленія.

Однако жизнь мало-по-малу беретъ свое; по крайней мѣрѣ, мы несомнѣнно заявляемъ свои стремленія и потребности, вопреки господствующимъ системамъ и теоріямъ. Ничто такъ не радуетъ насъ, какъ появляющіеся признаки дружелюбныхъ отношеній и солидарности интересовъ между крестьянами и дворянами-землевладѣльцами, несмотря на сословную организацію, которая еще раздѣляетъ ихъ, несмотря на запутанные счеты, которые они еще ведутъ между собою. Свобода и благосостояніе крестьянъ можетъ упрочиться лишь тогда, когда во главѣ своей будутъ видѣть они людей независимыхъ, достаточно сильныхъ и достаточно просвѣщенныхъ, тѣсно связанныхъ съ ними и составляющихъ съ ними одно цѣлое; точно также благосостояніе и значеніе землевладѣльческихъ классовъ могутъ основываться лишь на ихъ непосредственной связи, на ихъ единствѣ съ народными массами. Только при такомъ условіи общественная организація наша можетъ

устроиться благонадежно и прочно; только при такомъ условіи могутъ исправиться наши порядки, объ исправленіи которыхъ мы такъ заботимся; только при подобныхъ условіяхъ можемъ мы наконецъ отдѣлаться отъ системъ сковывающихъ нашу жизнь и лишающихъ ее плодотворнаго развитія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ мы ниже два адреса отъ крестьянъ, какъ временнообязанныхъ, такъ и государственныхъ, на имя крестецкаго (Новгородской губерніи) уѣзднаго предводителя дворянства, А. А. Татищева. Вотъ доброе предвѣстіе того новаго положенія которое должны принять наши землевладѣльцы, какъ естественные защитники свободнаго сельскаго люда, какъ представители его интересовъ, какъ надежные охранители земскаго мира. А есть либералы, которые все еще думаютъ что крестьянамъ лучше оставаться подъ палкой выборнаго старшины или старосты, подъ расправой мірской сходки, или подъ филантропическою опекой *наѣзжаго* офиціала! Мы мало цѣнимъ, или, лучше сказать, мы мало понимаемъ тѣ элементы политическаго благоустройства которые выработала наша исторія. Мы смотримъ по сторонамъ и не подозрѣваемъ что у насъ есть наготовѣ условія гражданственности, благосостоянія и общественной свободы, какія найдутся не у всякаго народа. Пусть сравнятъ, напримѣръ, эти свободныя отношенія, въ которыя русскій крестьянинъ, по собственному чувству и разуму, становится къ предводителю дворянства, съ тѣмъ чувствомъ которое испытываетъ теперь польскій крестьянинъ, освобождаясь отъ *гминнаго войта*.

Но выше мы заговорили объ опасностяхъ которыя намъ угрожали и быть-можетъ угрожаютъ, о внутреннихъ затрудненіяхъ съ которыми мы продолжаемъ еще бороться. Противъ вооруженной вражды, нѣтъ сомнѣнія, должно дѣйствовать вооруженною силой; противъ мятежа и революціоннаго терроризма надобно дѣйствовать непреклоннымъ и грознымъ развитіемъ подавляющей власти. Но противъ зла тайнаго отрицательныя средства недостаточны и часто бываютъ невозможны; противъ зла тайнаго гнѣздящагося въ государствѣ есть одно дѣйствительное средство—цѣлебная сила жизни, *vis medicatrix*

naturae. Мы не будемъ въ состояніи положить конецъ враждебнымъ притязаніямъ, интригамъ и кознямъ, направленнымъ противъ нашей государственной цѣлости; мы не будемъ въ состояніи изгнать духъ сепаратизма, мятежа и революціи изъ предѣловъ нашего отечества, пока не возвысится уровень нашей національной жизни. Мало пользы преслѣдовать или истреблять враждебные намъ элементы; при тѣхъ же условіяхъ они народятся вновь, если не въ томъ, такъ въ другомъ мѣстѣ, если не въ томъ, такъ въ другомъ видѣ. Чтобъ истребить зло, необходимо устранить порождающія его условія. При свободномъ заявленіи и развитіи русскихъ общественныхъ интересовъ, при полноправности русскаго человѣка, ничьи враждебныя притязанія и замыслы не будутъ возможны, и враждебные элементы сами собою измѣнятъ свой характеръ. Опасность и зло не во враждебныхъ намъ элементахъ, а въ тѣхъ условіяхъ которыя поражаютъ безплодіемъ нашу народную жизнь....

III.

5-го марта.

Всѣ извѣстія изъ Царства Польскаго единогласно свидѣтельствуютъ о сильномъ, рѣшающемъ и благотворномъ дѣйствіи которое производятъ тамъ Высочайшіе указы 19-го февраля. Эта важная мѣра угодила въ самую сердцевину вопроса, который висѣлъ надъ этимъ несчастнымъ краемъ, волнуя, разоряя и обагряя его кровію. Никакія побонща, никакія строгости военнаго положенія, никакія полицейскія распоряженія не могли бы нанести столь рѣшительный ударъ нынѣшнему мятежу въ польскомъ краѣ, какъ это органическое преобразованіе, коснувшееся самыхъ глубокихъ основъ политическаго, общественнаго и экономическаго быта въ этомъ краѣ. Это послѣдній разчетъ съ польскою исторіей, это послѣдняя ликвидація ея банкротства. Послѣ роковаго слова произнесеннаго на полѣ проиграной битвы однимъ изъ лучшихъ защитниковъ старой Польши, знаменитымъ Костюшкой: «finis Poloniae»,—призракъ скончав-

шейся Польши еще продолжалъ смущать живыхъ людей напрасно, и губить цѣлыя поколѣнія. Благодаря интригѣ, всегда привольно дѣйствующей тамъ гдѣ публичныя дѣла лишены надлежащей публичности, призракъ умершей Польши удержалъ связь свою съ міромъ живущихъ, волнуя ихъ воспоминаніями, раздражая ихъ надеждами. На мѣсто Герцогства Варшавскаго появилось Царство Польское, съ особымъ государственнымъ устройствомъ, и съ тайными видами на возобновленіе прежнихъ границъ Рѣчи Посполитой и на ея возстановленіе. Катастрофа 1830 года отчасти измѣнила это положеніе дѣлъ, но старая Польша все еще продолжала жить, въ исключительномъ, уцѣлѣвшемъ послѣ всѣхъ погромовъ, положеніи польской шляхты. Старая Польша и была не что иное какъ эта самая шляхта, составившая особый народъ въ народѣ и подорвавшая всѣ основы національной жизни своей страны. Пока оставался образъ польской шляхты, до тѣхъ поръ должны были продолжать свое пагубное существованіе притязательныя преданія старой Польши. Части прежняго Польскаго королевства, вошедшія въ составъ Австріи и Пруссіи, не получили никакой особой политической организаціи и никакого притязательнаго титула; онѣ подчинились общему государственному праву той и другой страны; шляхетскія привилегіи и преданія исчезли въ тѣхъ мѣстахъ; рядомъ законодательныхъ мѣръ крестьяне Галиціи и Познани были окончательно освобождены, и крестьянскія земли, или лучше сказать крестьянскія повинности соединенныя съ обладаніемъ землей, юридически опредѣленныя, были окончательно выкуплены. Никакія интриги, никакая игра впечатлѣніями, не могли помѣшать этому дѣлу ни въ Галиціи, ни въ Познани; оно совершилось съ неуклонною законностію, полною рѣшимостію и послѣдовательностію. Если польскій вопросъ еще отзывался до послѣдняго времени въ Австріи и Пруссіи, то это именно были только отзывы,—отзывы покушеній и движеній, которыя зараждались и поддерживались въ нашей государственной области. Несмотря на рѣшимость Императора Николая I измѣнить положеніе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ посредствомъ преобразованія быта крестьянъ, дѣло шло неуспѣшно, и поло-

женіе сельскаго люда въ Царствѣ Польскомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, становилось чуть ли не хуже. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, въ общихъ заботахъ своихъ объ освобожденіи и улучшеніи быта земледѣльческихъ классовъ, имѣлъ постоянно въ виду польскихъ крестьянъ. Три законодательныя мѣры: постановленіе совѣта управленія 16-го декабря 1858 года и Высочайшіе указы 4-го мая 1861 года и 24-го мая 1862 года, были направлены къ этой цѣли. Но если, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ 19 февраля объ устройствѣ крестьянъ Царства Польскаго, законодательныя мѣры принятыя въ Россіи увѣнчались быстрымъ успѣхомъ, благодаря дѣятельной помощи оказанной русскимъ помѣстнымъ дворянствомъ и жертвамъ ими принесеннымъ, то законодательныя мѣры въ Царствѣ Польскомъ не встрѣтили «со стороны помѣ«стнаго сословія того содѣйствія, безъ котораго успѣхъ пред«принимаемыхъ мѣръ былъ невозможенъ». Какъ извѣстно, въ Царствѣ Польскомъ пущены были въ ходъ всѣ пружины интриги, чтобы задержать, отклонить и парализовать дѣйствіе этихъ законодательныхъ мѣръ. Въ то время какъ крестьянская реформа внутри Имперіи совершалась очень энергически, въ Варшавѣ происходили революціонныя демонстраціи, и законныя власти отступали предъ ними. Правительство, впрочемъ, не могло опираться въ этомъ краѣ на совершенно благонадежныя орудія; къ тому же оно было стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ нѣкоторыми двусмысленными международными условіями. Наконецъ, событія разъяснили дѣло, и правительство, опираясь на весь Русскій народъ, съ достоинствомъ и энергіей отклонило вмѣшательство иностранныхъ державъ, и приняло соотвѣтственный обстоятельствамъ образъ дѣйствій. Весьма естественно что главною заботой его было освободить народныя массы отъ вліянія и устрашенія мятежниковъ: для этого ему стоило только возобновить или привести въ дѣйствіе задуманныя прежде и уже начатыя реформы, долженствовавшія освободить народъ въ польскомъ краѣ отъ этой системы злоупотребленій, угнетеній и притѣсненій, которая продолжала еще тяготѣть надъ нимъ, какъ наслѣдіе старой Польши. Но тѣмъ

не менѣе крестьянская реформа въ этомъ краѣ не была ускорена революціей,—напротивъ она была задержана революціонными интригами. Приведеніе этой реформы въ исполненіе обусловлено, правда, возстаніемъ, но не должно быть понимаемо въ смыслѣ отпора мятежу; нѣтъ, это — исполненіе долга лежавшаго на правительствѣ,—долга, который оно давно чувствовало на себѣ. Если эта реформа положитъ конецъ польскимъ смутамъ, то она, безъ сомнѣнія, предотвратила бы ихъ, еслибъ обстоятельства не помѣшали ея совершенію въ то время когда она была задумана. И вотъ мы припоминаемъ что первая мысль совершаемой нынѣ въ Царствѣ Польскомъ реформы возникла не только задолго до мятежа, но даже задолго до освобожденія крестьянъ внутри Имперіи. Мысль освободять польскихъ крестьянъ отъ *гминныхъ войтовъ* и прочнымъ образомъ обезпечить ихъ участь была одною изъ первыхъ мыслей нынѣшняго царствованія,—и коснувшись ея, мы не можемъ не вспомнить о государственномъ человѣкѣ, только что похищенномъ смертію и искренно оплаканномъ всѣми его знавшими. Мы говоримъ о графѣ Д. Н. Блудовѣ.

Недостатокъ публичности есть одна изъ главныхъ причинъ того неуважительнаго мнѣнія которое мы, Русскіе, имѣемъ о самихъ себѣ. Мы обращаемъ все наше вниманіе на то что дѣлается въ чужихъ краяхъ, гдѣ публичныя дѣла совершаются со свойственною имъ публичностію и наши мыслящіе люди, вслѣдствіе того, живутъ въ фантастической стихіи, принимая воображаемое участіе въ чужихъ интересахъ, и не зная того что происходитъ въ дѣйствительной, окружающей ихъ, средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ люди знаютъ только то что касается ихъ лично, и только тѣхъ съ кѣмъ лично знакомы. Русскимъ людямъ государственные дѣятели своей страны менѣе извѣстны чѣмъ члены Сентъ-Джемскаго кабинета, или даже министры короля Виктора-Эммануила. Въ чувствованіяхъ и мнѣніяхъ русскихъ людей,—а чувствованія и мнѣнія составляютъ самую существенную стихію человѣческой жизни и человѣческаго общежитія,—нѣтъ мѣста для всего того что дѣйствуетъ отъ имени Россіи и въ ея интересахъ. Имена нашихъ государственныхъ

дѣятелей остаются для публики только звукомъ, не вызывающимъ опредѣленныхъ представленій, никакого живаго образа, и въ свою очередь дѣятельность нашихъ государственныхъ людей не находитъ себѣ плодотворной повѣрки въ общественномъ мнѣніи.

Эти мысли невольно легли подъ перо, при воспоминаніи о покойномъ графѣ Блудовѣ. Какое долгое и почетное поприще! А у многихъ ли возникаетъ въ умѣ какое-либо ясное представленіе при имени этого государственнаго дѣятеля, сошедшаго съ земнаго поприща? Да и тѣмъ, кто близко зналъ покойнаго и могъ цѣнить его личныя свойства, все ли и съ достаточною ли вѣрностію извѣстно изъ его государственной дѣятельности, которой была посвящена его жизнь? Долгая государственная дѣятельность съ ея заслугами, съ ея характеристическими особенностями, съ воззрѣніями и правилами которыя выработались въ ней практикою, вошла ли въ умственный капиталъ общества, которому она была посвящена? Между тѣмъ развитіе чьей бы то ни было публичной дѣятельности поучительно даже въ своихъ ошибкахъ, недоразумѣніяхъ, уклоненіяхъ и недостаткахъ; болѣе чѣмъ всякая книга, оно можетъ способствовать политическому воспитанію общества.

А графъ Д. Н. Блудовъ былъ, во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчательная личность. Знавшіе его лично навсегда сохранятъ живое воспоминаніе о его обширномъ и образованномъ умѣ, о его замѣчательной начитанности, о его удивительной памяти, о его русскомъ чувствѣ и прекрасной русской рѣчи, о любезныхъ качествахъ его сердца, о простотѣ и скромности его нравовъ, о его привѣтливости и радушіи, объ этой изящной *urbanitas*, которою отличалось обращеніе перваго сановника Имперіи со всѣми кто къ нему ни приближался, безъ различія состояній и званій.

Но личныя воспоминанія о покойномъ графѣ Блудовѣ, возбужденныя предметомъ котораго коснулись мы выше, снова приводятъ насъ къ тому же предмету. Мы припоминаемъ, что еще въ 1856 году, вскорѣ по вступленіи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора на престолъ, онъ былъ дѣятельнымъ органомъ мысли Его Величества объ улучшеніи быта

польскихъ крестьянъ. Этотъ эпизодъ государственной дѣятельности покойнаго графа Дмитрія Николаевича почти совершенно неизвѣстенъ публикѣ, но онъ представляетъ особенный интересъ именно въ настоящее время, когда въ Царствѣ Польскомъ совершается то что̀ было предметомъ его размышленій и заботъ еще за восемь лѣтъ предъ симъ, когда, въ качествѣ вице-предсѣдателя польскаго департамента Государственнаго Совѣта, онъ убѣдительно настаивалъ на необходимости серіозной и полной крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ. Государь Императоръ поручилъ ему изученіе этого важнаго вопроса, и графъ Блудовъ, 28-го апрѣля 1856 года, обратился къ тогдашнему намѣстнику Царства Польскаго, князю Горчакову, съ отношеніемъ, содержаніе котораго было потомъ обсуждаемо въ совѣтѣ управленія Царства и потому стало отчасти извѣстно внѣ офиціальныхъ сферъ. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ графъ Блудовъ настаивалъ на необходимости ограничить власть гминныхъ войтовъ, устроить общественныя управленія, городскія и сельскія, и преобразовать бытъ крестьянъ на основаніяхъ постановленныхъ указомъ 1846 года.

Эта мысль, предложенная графомъ Блудовымъ, была тогда, къ несчастію, замята. Она не получила осуществленія, но она свидѣтельствуетъ что нынѣшняя реформа въ Царствѣ Польскомъ, какъ замѣчено выше, не есть мѣра навязанная правительству борьбой съ мятежомъ, и что въ своихъ основаніяхъ эта реформа была давно обдуманнымъ, давно подготовленнымъ шагомъ на томъ пути, на который съ самаго начала вступилъ Государь Императоръ, и на которомъ графъ Блудовъ былъ ему вѣрнымъ и убѣжденнымъ сотрудникомъ.

Итакъ, государственный человѣкъ, которому, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, досталась на долю высокая честь скрѣпить своею подписью, въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, законъ освобождающій крестьянъ отъ крѣпостной зависимости внутри самой Имперіи, былъ уже въ 1856 году предуготовительнымъ орудіемъ другаго освобожденія, которымъ обезпечивается участь слишкомъ трехъ милліоновъ польскихъ крестьянъ, и которое, вырывая съ корнемъ зло, положитъ, какъ

надобно надѣяться, конецъ бѣдствіямъ, такъ часто терзавшимъ этотъ несчастный край.

19-го февраля 1861 графъ Блудовъ скрѣпилъ акты относящіеся къ освобожденію крестьянъ внутри Имперіи. 19-го февраля 1864 года Государь Императоръ подписалъ указы объ окончательномъ устройствѣ быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ,—и чрезъ нѣсколько часовъ, быть-можетъ чрезъ нѣсколько минутъ за тѣмъ графъ Блудовъ испустилъ послѣднее дыханіе...

«Для тѣхъ», пишутъ намъ въ одномъ частномъ письмѣ, указывая на это совпаденіе, «для тѣхъ, кто склоненъ видѣть въ «томъ что́ обыкновенно зовется случаемъ нѣчто болѣе чѣмъ «случай, это совпаденіе знаменательно и поучительно. Будто «слышишь, какъ этотъ благородный старецъ, отходя, говоритъ: «*нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ «миромъ...*»

IV.

6-го марта.

Высочайшіе указы 19-го февраля не могли вызвать особенной радости въ городскомъ населеніи Царства Польскаго; напротивъ, ихъ должны были встрѣтить съ враждебнымъ чувствомъ горожане, такъ трудившіеся надъ возстаніемъ и такъ многимъ для него жертвовавшіе: горожанамъ не трудно было понять, что указы 19-го февраля нанесутъ рѣшительный ударъ польской революціи. Какъ было и ожидать чтобы напримѣръ Варшава обнаружила какое-нибудь сочувствіе великой правительственной мѣрѣ? Но за то народъ повсюду въ Царствѣ выслушиваетъ царское слово съ восторгомъ и одушевленіемъ; въ этомъ согласны всѣ русскія письма изъ разныхъ частей Царства, положительно утверждающія, что законы 19-го февраля вырвутъ польскихъ хлоповъ изъ-подъ вліянія жонда и его мятежныхъ сбирровъ. Этимъ извѣстіямъ, какъ мы сказали, почти единогласнымъ, противорѣчатъ однакоже извѣстія получаемыя

изъ польскихъ источниковъ: польскій народъ, говорятъ эти послѣднія извѣстія, принялъ указъ чрезвычайно равнодушно. Польскій народъ! О какомъ польскомъ народѣ говорятъ они? Развѣ хлопы народъ, по понятіямъ авторовъ этихъ извѣстій? Намъ приходятъ на память зажигательныя прокламаціи того времени, когда еще не было въ Варшавѣ жонда, и всѣ плакаты писались отъ имени *народа*: народъ хочетъ того-то и того-то; запрещаетъ вотъ это и т. д. Одна изъ этихъ прокламацій называлась «голосъ народа къ землевладѣльцамъ». Она призывала землевладѣльцевъ къ безотлагательному рѣшенію крестьянскаго вопроса «въ духѣ справедливости относительно бѣднаго и въ продолженіи столькихъ вѣковъ угнетеннаго *польскаго люда*». Прокламація, называвшая себя голосомъ народа, говорила о крестьянахъ въ третьемъ лицѣ. Она разсуждала объ устройствѣ великаго тѣла народа польскаго, но она называла крестьянъ людомъ, а не народомъ, и явственно отдѣляла отъ нихъ ту силу которая о нихъ заботится—народъ. Нигдѣ кромѣ Польши нѣтъ такихъ куріозныхъ отношеній. Намъ трудно понять ихъ, а между тѣмъ въ нихъ именно заключается самая характеристическая черта польскаго общественнаго быта. Говоря о народѣ, Поляки именно народа-то и не разумѣютъ. Это видно во всей польской литературѣ, а равно и въ старинныхъ актахъ. Такъ и теперь съ польской точки зрѣнія можно-сказать: польскій народъ не доволенъ указами 19-го февраля, хотя польскій сельскій людъ очень доволенъ имп. Недовольны помѣщики, недовольны ксендзы, недовольны чиновники и вообще горожане. Это безспорно, но по нашему, по-русски это еще не весь народъ.

Нельзя сомнѣваться что польскіе помѣщики поднимутъ небо и землю, чтобы дать ходъ своимъ жалобамъ на русское варварское правительство. Они утверждаютъ, что крестьянскія земли составляли точно также ихъ собственность какъ земли господскія, и что слѣдовательно предоставленіе крестьянскихъ земель въ собственность крестьянамъ есть нарушеніе права собственности, споліація, соціальная революція. Они громко кричатъ объ этомъ, и праздная публика европейскихъ столицъ

непремѣнно будетъ повторять этотъ афоризмъ. Однакоже въ сущности дѣло это вовсе не такое революціонное. Отдѣльность крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ не выдумка Русскаго правительства. Еще во времена Рѣчи Посполитой крестьянскія земли различались отъ господскихъ. На господскія или фольварочныя земли была наложена подать кварта, на крестьянскія—подать гиберна. За крестьяниномъ считалось извѣстное право на его участокъ; такъ напримѣръ если крестьянинъ оставлялъ свой участокъ на время, то ему дозволялось возвратиться въ продолженіе полутора года, и онъ имѣлъ право опять занять свой участокъ, даже въ томъ случаѣ когда кто-либо другой вступалъ въ пользованіе этимъ участкомъ. Право пользованія переходило по наслѣдству къ дѣтямъ мужескаго пола; только послѣ бездѣтныхъ крестьянъ земля поступала къ помѣщику. Все это мы находимъ въ сочиненіи знатнаго польскаго ксендза Оадея Любомірскаго, котораго нельзя заподозрить въ желаніи уменьшить права польскихъ помѣщиковъ на ихъ крестьянъ. Сочиненіе ксендза Любомірскаго носитъ заглавіе *Rolnicza ludność w Polsce od XVI do XVIII wieku*, и вышло въ 1862 году. Интересное извлеченіе изъ него входитъ въ число тѣхъ матеріаловъ которые были собраны нынѣшнею осенью составителями проекта изданныхъ нынѣ Высочайшихъ указовъ 19-го февраля.

Эти указы въ сущности возстановляютъ то первоначальное положеніе въ которомъ находился польскій крестьянинъ въ то время, когда польская исторія еще не принимала шляхетскаго характера, сгубившаго ее. Тогда крестьянинъ имѣлъ извѣстное, хотя въ точности и не опредѣленное право на землю,—право, которое воскресаетъ теперь среди новой, болѣе опредѣленной обстановки. Точно также польскій крестьянинъ имѣлъ тогда другое важное право возвращенное ему нынѣ, право выбирать себѣ ближайшее мѣстное начальство,—гминныхъ войтовъ и солтысовъ. Тотъ же ксендзъ Любомірскій свидѣтельствуетъ, что власть гминныхъ войтовъ не вездѣ въ Польшѣ успѣла совершенно слиться съ властью помѣщика. Въ прикарпатскихъ уѣздахъ еще въ XVIII столѣтіи войты и солтысы назначались

согласно стародавнимъ обычаямъ по выбору со стороны крестьянъ и были любимы народомъ.

Итакъ мы въ правѣ сказать, что вводимое нынѣ поземельное и общественное устройство крестьянскаго быта въ Царствѣ Польскомъ, въ главныхъ чертахъ своихъ, не только не можетъ быть названо нарушеніемъ правъ, а напротивъ скорѣе есть возстановленіе правъ, нарушенныхъ несчастнымъ ходомъ польской исторіи.

У насъ очень распространена наклонность судить обо всемъ отвлеченно,—наклонность препятствующая прочной установкѣ общественнаго мнѣнія по многимъ важнымъ предметамъ, между прочимъ и по крестьянскому вопросу, русскому и польскому. Такъ какъ отвлеченныя сужденія трудно оспаривать,—для спора не бываетъ твердой почвы,—то ничего не остается какъ обратиться къ примѣру сосѣдей. Не можетъ же быть чтобы не только въ русской, но и въ прусской и въ австрійской Польшѣ, разрѣшеніе крестьянскаго вопроса состояло въ нарушеніи начала собственности. Если не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Познани и Галиціи, крестьянскія земли отошли отъ помѣщиковъ, то значитъ есть какое-нибудь серіозное основаніе, побудившее эти три государства избрать одинаковый образъ дѣйствія. Взглянемъ же какъ поступила Австрія въ Галиціи.

Тотчасъ по занятіи Галиціи, патентомъ отъ 22 декабря 1772 было предписано привести въ извѣстность тогдашнее распредѣленіе земель, отдѣливъ крестьянскіе надѣлы отъ земель господскихъ (фольварочныхъ). Крестьянскіе надѣлы должны были оставаться въ вѣчномъ пользованіи крестьянъ. Но это правило не соблюдалось, а потому патентомъ отъ 10 февраля 1789 всѣ участки состоявшіе къ 1 ноября 1786 года въ постоянномъ пользованіи крестьянъ формально объявлены на вѣчныя времена *рустикальною*, то-крестьянскою землей. Впрочемъ и послѣ того польскіе помѣщики продолжали измѣнять крестьянскій надѣлъ въ свою пользу; въ особенности они воспользовались тревожнымъ временемъ Наполеоновскихъ войнъ; потомъ Австрійское правительство, въ видахъ уступки мѣстнымъ интересамъ,

смотрѣло сквозь пальцы на дѣйствія галиційскаго дворянства, надѣясь привлечь его на свою сторону, и лишь революціонное движеніе, обнаружившееся въ польскихъ областяхъ около 1846 года, вызвало со стороны Австрійскаго правительства нѣсколько серіозныхъ мѣръ въ пользу крестьянъ Галиціи. Такъ циркуляромъ 25 ноября 1846 года было велѣно считать нормальными крестьянскими землями тѣ которыя состояли въ дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ съ 1820 года. Въ томъ же 1846 году отмѣнены дальніе обозы и приступлено къ регулированію барщинныхъ работъ. Наконецъ въ 1848 году, 15 мая н. ст., совершенно прекратилась барщина на галиційской почвѣ. Нѣкоторыя повинности отмѣнены безъ вознагражденія; другія съ возмездіемъ по оцѣнкѣ, но съ оцѣнки сброшена $^1/_3$, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и нѣсколько больше. Оставшуюся за этою скидкой сумму помѣщики получили въ 5% билетахъ. Что касается до крестьянъ, то ихъ повинности сбавлены больше чѣмъ на одну треть; въ нѣкоторыхъ случаяхъ сбавка доходила до двухъ третей; въ другихъ было сбавлено 60% съ чистаго дохода приносимаго землями надѣла. Года четыре тому назадъ всѣ работы по оцѣнкѣ окончены, и теперь крестьяне выплачиваютъ выкупъ, дѣлающій ихъ собственниками земли.

Изъ этого краткаго очерка видно что главныя основанія устройства крестьянскаго быта одни и тѣ же въ Царствѣ Польскомъ и Галиціи. Изъ этого слѣдуетъ что они избраны не произвольно.

V.

7-го марта.

Богъ велитъ миловать враговъ. Любите враговъ вашихъ, учитъ Евангеліе. Но любить враговъ отнюдь не значитъ любить вражду и питать ея причины. Пользовать больнаго отнюдь не значитъ поддерживать болѣзнь. У насъ было много толковъ о такъ-называемой примирительной политикѣ по отношенію къ польской національности въ западномъ краѣ. Обыкновенно этой

проповѣди о примирительной политикѣ придаютъ сладкую физіономію гуманности, либеральности и великодушія. Но развѣ великодушно, развѣ гуманно поддерживать въ людяхъ притязанія которыя удовлетворить мы не можемъ? Польская національность въ западномъ краѣ есть бездна неудовлетворимыхъ притязаній и непримиримой вражды; она столько же пагубна для Россіи, сколько и для тѣхъ людей которые носятъ имя этой національности. Какъ же мириться съ нею? Именно изъ человѣколюбія, именно изъ доброжелательства къ самимъ Полякамъ, надобно желать чтобы чувство польской національности, которое дѣлаетъ ихъ непримиримыми врагами Россіи, утратило въ нихъ свою силу. Одно изъ двухъ: или мириться съ людьми и стараться о томъ чтобы положить конецъ злу которое ссоритъ ихъ съ нами; или, подъ фальшивымъ предлогомъ гуманности, поддерживать въ нихъ это зло и сѣять вражду, съ тѣмъ чтобы потомъ карать людей и губить живыя общественныя силы, когда сѣмена взойдутъ въ нихъ и дадутъ свой плодъ.

Вмѣстѣ съ гуманными либералами, которые откровенно провозглашаютъ Русское государство химерой и которые готовы великодушно жертвовать имъ, не рѣдкость встрѣтить политиковъ-консерваторовъ, которые не понимаютъ другихъ мѣръ къ избавленію отечества отъ зла, кромѣ истребленія людей и общественныхъ силъ которые имъ страдаютъ. Этимъ патріотамъ-политикамъ и въ голову не приходитъ, что людьми должно дорожить, а также и соединенными съ ними общественными силами, что всякое бѣдствіе постигающее людей есть само по себѣ величайшее зло, что для Россіи нѣтъ никакой радости въ томъ чтобы разорять, истреблять и изгонять цѣлые общественные классы, и что, напротивъ, прямой и существенный интересъ ея требуетъ сбереженія живыхъ силъ, а потому освобожденія ихъ отъ заразы которая губитъ ихъ и вредитъ благосостоянію и развитію страны. И вотъ этого разряда консервативные политики, которымъ ни по чемъ предложить самыя Батыевскія и въ то же время самыя нелѣпыя и невозможныя мѣры противъ живыхъ людей, не поймутъ васъ, если вы скажете, напримѣръ, что въ школахъ, содержимыхъ Русскимъ правительствомъ, въ

Русскомъ краѣ, преподаваніе должно совершаться на русскомъ языкѣ, и что изъ этого правила всего менѣе позволительно дѣлать исключеніе для преподаванія Закона Божія, хотя бы и по римско-католическому догмату. Это покажется имъ чѣмъ-то страннымъ, даже чѣмъ-то не либеральнымъ; они готовы будутъ забыть даже то обстоятельство что въ западномъ краѣ есть не одна сотня тысячъ *чисто русскихъ* людей, которые принадлежатъ къ латинской церкви, но которые тѣмъ не менѣе и могутъ и должны оставаться Русскими, и которымъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдъ учиться Закону Божію по-польски;—они готовы будутъ забыть наконецъ что католицизмъ и полонизмъ отнюдь не одно и то же понятіе, отнюдь не одна и та же сила, что нѣтъ ни разумнаго основанія, ни интереса отождествлять эти два различныя понятія и усиливать одно другимъ, вопреки сущности вещей и въ явный вредъ государству.

Исторія оцѣнитъ заслуги государственнаго человѣка который, въ концѣ своего долгаго поприща, призванный къ управленію обширнымъ краемъ, въ самый разгаръ крѣпко организованнаго мятежа, вспомоществуемаго иностранными правительствами и закупленною печатью, обнаружилъ столько патріотизма, энергіи и способовъ въ борьбѣ съ величайшими трудностями, и умѣлъ преодолѣть ихъ съ такою славой; исторія засвидѣтельствуетъ также, сколько политической зрѣлости обнаружило при этомъ русское общество, вовремя поддержавъ живымъ одобреніемъ и сочувствіемъ генерала Муравьева въ этой борьбѣ. Заслуги М. Н. Муравьева состоятъ не только въ томъ что онъ сломилъ мятежъ, но еще болѣе въ томъ что онъ нанесъ могущественный ударъ коренному злу, которымъ страдалъ этотъ край и которое издавна было источникомъ его бѣдствій. Онъ положилъ конецъ тому двусмысленному положенію вещей которое дѣлало этотъ край ни русскимъ, ни польскимъ. Что бы ни говорили порицатели и хулители его дѣйствій, несомнѣнно то, что именно благодаря его стойкости, непреклонности и энергіи, въ этомъ краѣ не пролилось столько крови, сколько навѣрное пролилось бы при другихъ обстоятельствахъ, при другомъ способѣ дѣйствій. На него возлагаютъ отвѣтственность за нѣкоторыя общія

мѣры принятыя въ западномъ краѣ, каковы обязательный выкупъ крестьянскихъ земель и контрибуція, которая пала на всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ безъ изъятія; но эти мѣры были вызваны исключительными обстоятельствами, въ которыхъ находился край, и во всякомъ случаѣ не были распоряженіемъ мѣстной власти. Онъ былъ безпощаденъ къ мятежу, къ революціонному жонду; но чѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовалъ онъ противъ этого зла, тѣмъ благотворнѣе были результаты его дѣйствій для края, даже для самихъ Поляковъ. Въ этомъ краѣ, искони русскомъ и населенномъ по преимуществу Русскимъ народомъ, генералъ Муравьевъ не счелъ возможнымъ вступать въ какія бы то ни было сдѣлки съ польскою національностью,— и русская народность здѣсь, въ краткое время его управленія, стала наконецъ правдою, стала дѣйствительностью. Всѣ кому случалось проѣзжать въ послѣднее время черезъ Вильну единогласно свидѣтельствуютъ что край получилъ вполнѣ русскую физіономію. Слѣдуетъ при этомъ вспомнить что генералъ-губернаторъ могъ дѣйствовать только тѣми способами управленія какія находятся въ распоряженіи Русскаго правительства. Вездѣ утвердилась тишина и полная безопасность. Православное духовенство ожило; все русское ободрилось и подняло голову. Повсюду теперь господствуетъ русскій языкъ. Въ селеніяхъ открыто около 400 народныхъ школъ. Городскія училища преобразовываются, и также преобразовываются еврейскія народныя училища. Языкъ преподаванія въ еврейскихъ школахъ— русскій. Евреи заговорили даже между собою по-русски, дѣти ихъ съ ревностію учатся русскому языку въ школахъ, и русскія книги разбираются ими на расхватъ. Книжная лавка недавно открытая въ Вильнѣ и находящаяся въ завѣдываніи г. Гусева, астронома тамошней обсерваторіи, какъ намъ пишутъ, ведетъ свои дѣла очень бойко. Актеры изъ Поляковъ играютъ русскія народныя піесы, и театръ всегда полонъ.

Но, какъ бы то ни было, задача правительства въ западномъ краѣ—очень тяжелая: содѣйствовать торжеству русскаго начала тамъ, гдѣ почти все высшее и образованное общество состоитъ изъ людей причисляющихъ себя къ чуждой и притомъ

непріязненной національности,—гдѣ русское начало живетъ только въ бѣдномъ духовенствѣ, да въ простомъ народѣ, запуганномъ, угнетенномъ и подавленномъ. Для того чтобъ окончательно укрѣпить нашу западную границу и успокоить Россію, для того чтобы навсегда покончить съ враждебными ей въ этомъ краѣ притязаніями, недостаточно ума и энергіи одного государственнаго человѣка. Все что можетъ сдѣлать способная и распорядительная власть, дѣлалось и дѣлается. Нужны были русскіе люди по всѣмъ частямъ управленія: генералъ-губернаторомъ края призвано болѣе 1000 чиновниковъ изнутри Россіи, и не его вина, если въ этомъ числѣ, между многими дѣльными и честными людьми, оказались люди падкіе до незаконной поживы, люди ни къ чему неспособные, а также со всѣмъ мирящіеся космополиты, такъ что начальству пришлось нѣкоторыхъ изъ числа паѣхавшихъ въ западный край чиновниковъ выпроваживать обратно. Потребность въ людяхъ тамъ все еще очень большая, и всякій честный и дѣльный человѣкъ принимается тамъ какъ дорогое пріобрѣтеніе, и всякій такой человѣкъ можетъ смѣло отправляться туда въ полной увѣренности, что нигдѣ нельзя принести теперь большей пользы добросовѣстною службой какъ въ западномъ краѣ въ настоящее время. Всякій найдетъ себѣ здѣсь и службу по праву, и удовлетворительное положеніе. Особенно чувствуется здѣсь потребность въ учителяхъ. Достаточно сказать что въ Виленскомъ учебномъ округѣ, въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, даже и теперь на 240 (примѣрно) учителей изъ Поляковъ оказывается только 80 Русскихъ и Нѣмцевъ; въ семи уѣздныхъ училищахъ процентъ польскихъ учителей такой же, а въ приходскихъ училищахъ почти всѣ учители изъ Поляковъ; всѣ женскія частныя учебныя заведенія и теперь еще содержатся Поляками. Только въ устроенныхъ въ послѣднее время (главнымъ образомъ въ Виленской, Минской и Гродненской губерніяхъ, и лишь отчасти въ Ковенской) народныхъ сельскихъ школахъ учители—Русскіе, но этихъ четырехсотъ школъ на весь край еще слишкомъ недостаточно, и отъ крестьянскихъ обществъ безпрестанно поступаютъ прошенія объ открытіи новыхъ. Дѣйствительно, школы

въ настоящее время всего болѣе могутъ поднять нравственныя силы въ здѣшнихъ народонаселеніяхъ. Школы сдѣлаютъ болѣе чѣмъ военное положеніе, да и дешевле обойдутся государству. Говоря о народныхъ школахъ, которыя заводятся въ западномъ краѣ, одинъ мѣстный польскій помѣщикъ замѣтилъ весьма основательно: «Штыки усмирили насъ, а школы убьютъ».

Замѣтимъ кстати, что оклады русскихъ учителей и надзирателей увеличены здѣсь на 50%, и опредѣляющіеся получаютъ двойные прогоны и не въ зачетъ полугодовой окладъ жалованья. Учителя имѣютъ казенное помѣщеніе, или получаютъ квартирныя деньги. Не считая добавочныхъ 50%, окладъ старшаго учителя въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ—600 р. с., а въ самой Вильнѣ 650 р. с., такъ что учительское содержаніе доходитъ здѣсь почти до 1000 р. с. Даже учитель народной школы получаетъ въ Вильнѣ 250 р. с. и имѣетъ квартиру съ отопленіемъ; а по деревнямъ—150 р., также съ квартирой и отопленіемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, по усердію, обязываются сверхъ того снабжать учителя хлѣбомъ.

Но одни правительственные способы, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, все-таки недостаточны. Сколько бы ни наѣхало въ западныя губерніи способныхъ и дѣльныхъ людей, однихъ *наѣзжихъ* дѣятелей недостаточно. Рѣшительно необходимо чтобы землевладѣльческіе классы здѣсь значительно пополнились чисто русскимъ элементомъ. Земли въ западномъ краѣ теперь дешевы и ищутъ покупателей; но у насъ, къ сожалѣнію, мало свободныхъ капиталовъ, а еще менѣе предпріимчивости и духа начинанія въ людяхъ; поэтому необходимы дѣятельныя правительственныя мѣры, которыя могли бы не только облегчить для русскихъ людей пріобрѣтеніе земли въ этомъ краѣ, но и возбудить въ нихъ желаніе къ тому.

Въ высшей степени важно также дать въ этомъ краѣ полный ходъ нѣкоторымъ начинающимся въ немъ попыткамъ свободной общественной организаціи. Мы разумѣемъ устройство «церковныхъ братствъ», которыя въ западномъ краѣ имѣютъ давнія преданія, относящіяся къ борьбѣ православія съ латинствомъ. Но, къ несчастію, мы такъ еще недовѣрчиво смотримъ

на всякое свободное проявленіе жизни въ нашемъ обществѣ, что даже церковныя братства, въ глазахъ иныхъ консерваторовъ нашихъ, кажутся чѣмъ-то сомнительнымъ и даже опаснымъ. Странная участь русской народности! Русская народность считается у насъ господствующею народностью, православная церковь господствующею церковью; но малѣйшій признакъ жизни въ русскомъ обществѣ, малѣйшая попытка русскихъ людей сгруппироваться для совокупнаго дѣйствія даже противъ организованной измѣны и революціи, даже для поддержанія православія и русской народности противъ организованной пропаганды,—это кажется намъ чѣмъ-то страннымъ, чѣмъ-то неудобнымъ, даже опаснымъ. Мудрено ли, что при такомъ взглядѣ на самихъ себя мы кажемся себѣ народомъ лишеннымъ духа жизни и дѣйствія?...

VI.

10-го марта.

Крестьянское дѣло еще весной прошлаго года вступило во второй періодъ своего развитія,—въ періодъ *обязательнаго* для крестьянъ разверстанія угодій. Задача трудная и щекотливая,—тѣмъ болѣе что разверстаніе угодій иногда сопровождается для крестьянъ необходимостію переселяться цѣлыми деревнями на новыя мѣста. Для помѣщика, при новыхъ условіяхъ хозяйства, возникающихъ вслѣдствіе прекращенія крѣпостнаго права, перенесеніе крестьянскихъ усадебъ есть нерѣдко вопросъ жизненной важности. Безъ этого условія, имѣніе во многихъ случаяхъ теряетъ всю свою цѣнность, и не только требуемыя новыми обстоятельствами улучшенія хозяйства оказываются невозможными, но и на старыхъ основаніяхъ хозяйство продолжаться не можетъ. Какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ вопросѣ о разверстаніи угодій и перенесеніи крестьянскихъ усадебъ, самый лучшій путь есть путь добровольнаго соглашенія. Добровольныя сдѣлки могутъ быть безконечно разнообразны и вполнѣ выгодны для обѣихъ сторонъ. Намъ извѣстны многія такія сдѣлки въ

силу которыхъ крестьянамъ было столько же выгодно согласиться на перенесеніе своихъ усадебъ, сколько помѣщику перенести ихъ усадьбы. Но при разверстаніи обязательномъ оказывается необходимымъ дѣятельный и бдительный контроль со стороны мировыхъ властей. Мировому посреднику поставляется въ обязанность тщательно осмотрѣть новыя отводимыя помѣщикомъ угодья и наблюсти чтобы земля не была худшаго качества противъ той которою крестьяне доселѣ пользовались и на основаніи которой была заключена уставная грамота, а равно чтобы были соблюдены и многія другія условія. Дѣло, повторимъ, и трудное, и щекотливое. Перенесеніе усадебъ, въ случаѣ если оно требуется разверстаніемъ угодій, окончательно разрѣшается, по статьѣ 76 Мѣстнаго Положенія, мировымъ съѣздомъ, но не иначе какъ при единогласіи его членовъ. Однако затрудненія возникающія изъ этой задачи, какъ видно, гораздо значительнѣе чѣмъ можно было предполагать. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ произошли по этому поводу серіозныя столкновенія между мировыми съѣздами и губернскими присутствіями. Явился вопросъ, не слѣдуетъ ли, въ противность вышеприведенному параграфу закона, стѣснить и ограничить въ этомъ важномъ пунктѣ юрисдикцію мировыхъ съѣздовъ. Губернскія присутствія въ губерніяхъ Симбирской, Орловской, Тульской, какъ намъ пишутъ оттуда, несмотря на ясное указаніе закона, стали принимать жалобы крестьянъ на *единогласныя* рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ 130 ст. Полож. о губ. и уѣзд. по кр. дѣл. учрежден. Не довольствуясь этимъ, означенныя губернскія присутствія считаютъ необходимымъ даже опредѣлить срокъ для обжалованія рѣшенія мировыхъ съѣздовъ. Но формальное назначеніе срока было бы равносильно окончательной отмѣнѣ вышеприведеннаго постановленія, въ силу котораго, *не единогласное* рѣшеніе съѣзда должно непосредственно, не дожидаясь какого-либо обжалованія, переходить на разсмотрѣніе губернскаго присутствія, а рѣшеніе съѣзда *единогласное* обжалованію подлежать не можетъ.

Нельзя не посѣтовать на обстоятельства которыя вызвали этотъ вопросъ, угрожающій окончательнымъ разрушеніемъ

мировыхъ учрежденій, этого почти единственнаго у насъ исключенія изъ всеобщаго бюрократическаго порядка. По смыслу этихъ учрежденій, мировые съѣзды не находятся въ бюрократической зависимости отъ губернскаго присутствія. И то и другое учрежденіе имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствій. Мировой съѣздъ входитъ въ губернское присутствіе не *донесеніями*, а *отношеніями*, какъ одностепенное мѣсто. Въ означенныхъ закономъ предѣлахъ мировой съѣздъ дѣйствуетъ самостоятельно, и только эта самостоятельность и даетъ ему значеніе. Въ случаѣ разногласія мнѣній на мировомъ съѣздѣ, дѣло по разверстанію и переселенію не считается рѣшеннымъ, и слѣдовательно, поступая въ губернское присутствіе, оно поступаетъ не для апелляціоннаго пересмотра, а для разрѣшенія, котораго на мировомъ съѣздѣ, за разногласіемъ, не состоялось. Подвергнуть единогласное рѣшеніе мировыхъ съѣздовъ пересмотру губернскаго присутствія и опредѣлить срокъ для обжалованія, значило бы окончательно убить значеніе мироваго съѣзда.

Нельзя однако оставить безъ вниманія и тѣ обстоятельства которыми губернскія присутствія, или, лучше сказать, губернаторы оправдываютъ свое вмѣшательство въ кругъ дѣятельности мировыхъ съѣздовъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ мировые съѣзды, вслѣдствіе сокращенія участковъ и устраненія нѣкоторыхъ посредниковъ, получили, какъ увѣряютъ, будто бы слишкомъ однообразный характеръ. Что жъ? если въ самомъ дѣлѣ наличный составъ нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздовъ теперь уже не заключаетъ въ себѣ достаточнаго разнообразія элементовъ для всесторонняго обсужденія спорныхъ между помѣщиками и крестьянами вопросовъ, если это дѣйствительно такъ, и если губернскія власти находятъ это невыгоднымъ для хода дѣла,—то имъ остается сѣтовать на принятую ими въ послѣднее время мѣру, которою были устранены нѣкоторые элементы разногласія на мировыхъ съѣздахъ,—мѣру сокращенія участковъ. Нарушеніе основаній призваннаго къ жизни учрежденія всегда влечетъ за собою необходимость новыхъ нарушеній, пока наконецъ отъ призваннаго къ жизни учрежденія не останется только трупъ.

Но, такъ или иначе, нельзя не войти въ положеніе исполнительной власти, еслибъ она была принуждена разсылать военныя команды для усмиренія многолюдныхъ селеній и для насильственнаго водворенія ихъ гдѣ-нибудь въ болотахъ или мѣстахъ безводныхъ. Какъ ни желательно охраненіе мироваго института отъ посягательствъ на его самостоятельность, мысль о послѣдствіяхъ, какія могутъ произойти отъ одновременнаго насильственнаго перемѣщенія цѣлыхъ народонаселеній въ уѣздѣ или мировомъ участкѣ, невольно раждаетъ серіозныя опасенія. Отвѣтственность за такія послѣдствія падаетъ всею своею тяжестью на мировыхъ посредниковъ. Несправедливостію, или небрежнымъ исполненіемъ своей обязанности они не только уронятъ свой институтъ, но существенно повредятъ интересамъ всего землевладѣльческаго класса; они посѣютъ сѣмена вражды и смуты; они испортятъ будущность нашего сельскаго земства; они сдѣлаютъ необходимымъ бюрократическій контроль со всѣми его послѣдствіями. Умышленная и систематическая несправедливость отзовется непзбѣжно для всего землевладѣльческаго класса пагубными послѣдствіями. Да вотъ и доказательство налицо: не вездѣ же рѣшенія мировыхъ съѣздовъ вызываютъ со стороны крестьянъ жалобы, не вездѣ даютъ губернскимъ властямъ основаніе для вмѣшательства; свѣдѣнія получаемыя изъ разныхъ мѣстностей свидѣтельствуютъ о противномъ. Но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ произошли случаи подавшіе губернскимъ присутствіямъ поводъ дѣйствовать вопреки статьѣ закона и даже настаивать на необходимости ея отмѣны. И вотъ злоупотребленія, случившіяся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ или нѣкоторыхъ мировыхъ участкахъ, подвергаютъ опасности самыя основанія мироваго института, и окончательный разчетъ помѣщика съ крестьянами поступитъ такимъ образомъ подъ непосредственный контроль губернскихъ властей. Лучше ли это будетъ? Лучше ли отъ этого будетъ помѣщикамъ?

Но прежде чѣмъ обвинять мировыхъ посредниковъ или мировые съѣзды, прежде чѣмъ ограничивать ихъ самостоятельность отнятіемъ у нихъ права постановлять рѣшенія не подлежащія обжалованію въ губернскомъ присутствіи, прежде чѣмъ въ про-

исходящихъ между мировыми съѣздами и губернскими властями столкновеніяхъ принимать сторону послѣднихъ и всю вину возлагать на первыя, слѣдуетъ посмотрѣть, не лежитъ ли отвѣтственность и на губернскихъ властяхъ за неправильность или несправедливость какого-либо *единогласнаго* рѣшенія, состоявшагося на мировомъ съѣздѣ. Мировой съѣздъ состоитъ не изъ однихъ посредниковъ; въ числѣ лицъ присутствующихъ на мировомъ съѣздѣ есть членъ отъ правительства, назначаемый губернаторомъ. Чего же еще нужно губернскимъ властямъ? Рѣшенія мироваго съѣзда по дѣламъ о перенесеніи усадебъ считаются окончательными только при единогласіи мнѣній; значитъ, членъ отъ правительства, назначаемый губернаторомъ, всегда можетъ воспрепятствовать рѣшенію, и дѣло стало-быть можетъ поступать въ губернское присутствіе и безъ нарушенія законности. Губернскія власти желаютъ, уповательно, не того чтобъ отнять у мироваго съѣзда всякій призракъ самостоятельности и подчинить его губернскому присутствію какъ низшую инстанцію высшей. Онѣ, конечно, заботятся единственно о томъ чтобъ имѣть гарантію справедливости и законности рѣшеній съѣзда. Какъ надобно думать, онѣ опасаются чтобы рѣшенія мировыхъ съѣздовъ не увлекались сословнымъ пристрастіемъ, вслѣдствіе того что мировые посредники принадлежатъ сами къ сословію помѣщиковъ, и что въ съѣздѣ предсѣдаетъ уѣздный предводитель дворянства. Но въ данномъ вопросѣ рѣшеніе съѣзда считается окончательнымъ только при единогласіи его членовъ, а въ числѣ его членовъ находится лицо посаженное губернаторомъ. Что же бы, кажется, болѣе?

Но какъ бы то ни было, если уже непремѣнно понадобилось бы допустить вмѣшательство губернскихъ властей въ рѣшенія мироваго съѣзда, то оно, говоря судебными терминами, можетъ претендовать не на апелляціонный, а развѣ только на кассаціонный характеръ. При необходимости переселенія крестьянъ посредствомъ военной команды, губернатору можетъ быть предоставлена власть пріостанавливать исполненіе рѣшенія съѣзда въ томъ только случаѣ, когда какое-либо обстоятельство, относящееся къ разверстанію и переселенію и заявленное въ актѣ

мироваго съѣзда, окажется несогласнымъ съ существующими въ натурѣ обстоятельствами и условіями. Всякая неточность и невѣрность въ показаніяхъ акта состоявшагося на мировомъ съѣздѣ можетъ дать исполнительной власти основаніе пріостановить или даже кассировать рѣшеніе и возвратить его въ мировое присутствіе для пересмотра. Этимъ, съ одной стороны, была бы сохранена юрисдикція мироваго съѣзда и было бы устранено вмѣшательство губернскихъ властей въ существо его рѣшеній, а съ другой, крестьянское дѣло было бы достаточно обезпечено отъ умышленныхъ или неумышленныхъ несправедливостей.

VII.

12-го марта.

Нынѣшній годъ, по всему вѣроятію, не обойдется въ Европѣ безъ событій,—событій очень серіознаго свойства,—и дай Богъ, чтобы мы были готовы встрѣтить ихъ должнымъ образомъ. Революціонная партія, распространявшаяся повсюду, организованная и образующая какъ бы особую невидимую державу въ Европѣ, собираетъ свои силы и готовится дать въ разныхъ пунктахъ генеральное сраженіе. Базисомъ операцій этой всесвѣтной *партіи дѣйствія* служитъ та страна, которая, по своему общественному устройству, не боится революціи. Въ Англіи между правительствомъ и обществомъ нѣтъ такого промежутка въ которомъ могли бы гнѣздиться элементы столь же опасные для правительства какъ и для общества. Англія — страна самоуправленія по преимуществу; все что имѣетъ въ ней какое-либо значеніе, какую-либо общественную силу, участвуетъ болѣе или менѣе въ правительственномъ дѣлѣ и охраняетъ основанія существующаго порядка. Потому-то всесвѣтные революціонные элементы, которые, пользуясь политическими льготами Англіи, отовсюду собираются на ея почвѣ, совершенно безвредны для нея самой, и этой застрахованности своей отъ революціи Англія много

обязана могуществомъ своей политики и своимъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ въ Европѣ. Все недовольное, все гонимое, все озлобленное находитъ здѣсь себѣ притонъ, живетъ здѣсь, составляетъ здѣсь свои планы и организуетъ свои дѣйствія. Здѣсь архимедовское *дай мнѣ гдѣ стать*,—и всѣмъ извѣстно, какъ сильно дѣйствуетъ рычагъ, когда, въ случаѣ надобности, ухватится за него искусная и сильная рука министра британской короны. Благодаря этому обстоятельству, англійская политика, не издерживая ни одного шиллинга и не дѣлая ни одного выстрѣла, часто одерживаетъ значительныя побѣды и заставляетъ могущественныя державы подчиняться ея комбинаціямъ и поступать по ея планамъ. Лордъ Пальмерстонъ умѣетъ пользоваться горючими матеріалами которые находятся у него подъ рукою; англійскіе государственные люди знаютъ въ точности всѣ замыслы и всѣ шаги людей революціи; всѣ сношенія этихъ людей извѣстны Британскому правительству; за ними слѣдятъ зорко и неусыпно, и лордъ Пальмерстонъ не пренебрегаетъ никакимъ средствомъ для того чтобы держать ихъ подъ свою рукой. Его безцеремонность въ этомъ отношеніи достигаетъ самыхъ крайнихъ предѣловъ. Дѣло съ г. Стансфельдомъ произвело въ самой Англіи сильное впечатлѣніе: этотъ г. Стансфельдъ, находящійся въ тѣснѣйшей дружбѣ и связяхъ съ г. Мадзини, главнымъ руководителемъ революціоннаго движенія въ Европѣ, принятъ лордомъ Пальмерстономъ въ составъ администраціи. Парламентская битва, въ которой кабинетъ чуть-чуть не потерпѣлъ пораженія, и отзывы какъ оппозиціонныхъ, такъ и независимыхъ органовъ гласности, свидѣтельствуютъ что тактика главы кабинета дошла въ этомъ случаѣ до скандала.

Очевидно, что между двумя западными державами разгорается теперь та подземная война, которую онѣ давно ведутъ между собою. Франція изолирована; между двумя германскими державами и Россіей установилось доброе согласіе, и въ политическомъ мірѣ идетъ даже рѣчь о возобновленіи Священнаго Союза. Очень естественно что императоръ Наполеонъ III употребляетъ со своей стороны всѣ усилія чтобъ обратить въ свою пользу нынѣшнія европейскія затрудненія и направить въ

выгодномъ для себя смыслѣ элементы движенія въ Европѣ. Французское вліяніе поджигаетъ демократическую партію въ Германіи и скандинавскую партію въ Швеціи; не безъ вѣдома Франціи происходятъ въ Италіи воинственныя приготовленія, и конечно не безъ ея вѣдома организуется польско-венгерское движеніе во владѣніяхъ князя Кузы,—движеніе, о которомъ сообщаетъ сегодняшняя телеграмма, и которое имѣетъ во главѣ своей генераловъ Тюрри и Клапку. Тонъ какимъ члены Британскаго правительства выражаются объ императорѣ Французовъ свидѣтельствуетъ о весьма напряженныхъ отношеніяхъ между обѣими державами. Обѣ онѣ ведутъ игру революціонными элементами,—съ тою только разницей что Англія, благодаря особенностямъ своего устройства, держитъ ихъ въ своихъ рукахъ, не поддаваясь имъ сама, а императоръ Французовъ вынужденъ вести счеты и вступать въ сдѣлки съ элементами революціи, которая не дается ему въ руки, а хочетъ сама пользоваться имъ для своихъ цѣлей. Что̀ выйдетъ изъ этой игры, это скажетъ будущее. Что же касается нашего отечества, то положеніе его обозначилось съ достаточною ясностію. Россія будетъ тѣмъ безопаснѣе и сильнѣе, чѣмъ менѣе будетъ подчинять свою политику видамъ той или другой державы. Ея сила въ совершенной независимости и національности ея политики. Если союзъ ея съ Франціей не оказался для нея выгоднымъ, то не оказалось бы выгоднымъ и всякое излишнее сближеніе съ другою западною державой. Мы не имѣемъ никакихъ причинъ довѣряться дружбѣ Англіи и оказывать ей особенное благорасположеніе. Всякій шагъ нашъ для сближенія съ тою или другою державой можетъ не усилить, а развѣ только ослабить насъ, точно также какъ глухой союзъ съ обѣими германскими державами не усилитъ, а ослабитъ насъ. Чѣмъ менѣе будемъ мы хлопотать о тѣсныхъ сближеніяхъ и союзахъ, тѣмъ менѣе будетъ опасности очутиться въ изолированномъ положеніи или стать игралищемъ революціонной интриги. Вся наша сила въ насъ самихъ,—и только на самихъ себя можемъ мы благонадежно опираться. Въ настоящихъ обстоятельствахъ отъ сближеній и союзовъ мы можемъ только

проиграть; въ сближеніяхъ и союзахъ мы будетъ способствовать только чужимъ выгодамъ, а сами останемся въ проигрышѣ. Намъ нечего бояться европейскихъ потрясеній, если только мы не будемъ опираться на другихъ, а напротивъ будемъ держать другихъ въ почтительномъ отъ насъ разстояніи. Слишкомъ довѣрчивое сближеніе съ Англіей можетъ грозить намъ весьма серіозными опасностями. Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены что политика этой державы, какъ бы ни казалась она благорасположенною къ намъ, ни въ какомъ случаѣ не будетъ расположена дѣйствовать въ нашихъ интересахъ. Боже насъ сохрани слѣдовать въ чемъ-нибудь ея внушеніямъ и совѣтамъ, не спросившись хорошенько прежде самихъ себя. Вражда ея конечно опасна, но вдвое и втрое опаснѣе ея дружба, основанная на излишнемъ довѣріи къ ея благорасположенію. Наши отношенія къ этой державѣ могутъ быть хороши и надежны только въ той мѣрѣ, въ какой мы будемъ основывать ихъ на ясно сознаваемыхъ собственныхъ интересахъ нашихъ.

VIII.

13-го марта.

Чѣмъ должно быть наше образованіе? Должно ли оно основываться на тѣхъ общихъ всему образованному міру началахъ на которыхъ зиждется европейская цивилизація, или нашимъ бѣднымъ учебнымъ заведеніямъ суждено ринуться на новые пути по указаніямъ той новѣйшей педагогической школы, къ которой усердный *Голосъ* призываетъ симпатіи Россіи и которая скромно предлагаетъ себя въ руководители русскаго просвѣщенія, стараясь пріютиться у центра нашей учебной администраціи? Осмѣлимся ли мы, наконецъ, стать на одну почву съ образованными народами, и черпать, наравнѣ съ другими, изъ самаго источника европейской цивилизаціи; или мы обречены въ угоду двумъ-тремъ бюрократамъ, желающимъ чтобы мы опередили весь свѣтъ, претерпѣвать преобразованія, которыя будутъ по необходимости сопровождаться обличительною фразой: «мѣра

сія не распространяется на Дерптскій университетъ и его округъ»?

Недѣли двѣ тому назадъ, по поводу разнесшихся слуховъ о новомъ проектѣ гимназическаго устава, въ основаніе котораго будто бы положена такъ-называемая система *бифуркаціи*, мы съ естественнымъ недоумѣніемъ спрашивали, съ какою цѣлью могла бы быть введена въ наши заведенія, такъ нуждающіяся въ простотѣ устройства, эта сложная система. Мы указывали на обстоятельства объясняющія, если не оправдывающія, введеніе этой системы во Франціи,—гдѣ притомъ она дѣйствуетъ, по возможности, безъ ущерба основному классическому образованію, чего, если вѣрить слухамъ, никакъ нельзя сказать о нашей,—и не рѣшились остановиться на грустномъ предположеніи, что новая система, которая должна парализовать классическое обученіе, имѣетъ цѣлью, подъ формой возвращенія къ классицизму, возвратиться къ тѣмъ литературно-реальнымъ учрежденіямъ, которымъ, думали мы, уже окончательно отведено мѣсто въ исторіи куріозовъ послѣдняго времени. Газета *Голосъ* спѣшитъ вывести насъ изъ недоумѣнія и въ обличительной статьѣ подтверждаетъ наше печальное предположеніе. Вопросъ о реформѣ ученья въ нашихъ среднихъ заведеніяхъ до сихъ поръ не принадлежалъ, повидимому, къ числу вопросовъ которые возбуждали горячій интересъ въ этой газетѣ. Въ то время когда газеты наполнялись сужденіями объ этомъ предметѣ, въ *Голосѣ*, правда, помѣщались статейки, иной разъ съ куріозными заголовками въ родѣ «учиться или не учиться»; но авторы ихъ, кажется, и сами не имѣли серіознаго намѣренія высказать какія-либо опредѣленныя мнѣнія. Но вотъ, сказали мы теперь нѣсколько словъ о предполагаемой *бифуркаціи*, и какъ будто какой-то таинственный жезлъ коснулся равнодушныхъ страницъ и извлекъ живую струю обличенія, а вмѣстѣ и горячую защиту не только *бифуркаціи*, но и той россійской педагогической школы, «на сторонѣ которой, по мнѣнію *Голоса*, если не стоятъ уже, то непремѣнно станутъ крѣпкій здравый смыслъ и отзывающаяся на все живое симпатія Русскаго народа». Мы не сказали бы ни слова въ отвѣтъ на обличенія *Голоса*, если-бъ это была

просто журнальная полемика, но тутъ ожесточеніе газеты разоблачило планъ, о которомъ слѣдуетъ сказать два слова.

Указывая на пагубныя послѣдствія какія должно повести за собою разрушеніе въ странѣ классическаго образованія, мы, по мнѣнію *Голоса*, имѣли въ виду *застращать* общественное мнѣніе призраками. Правдивая газета не откажетъ намъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что мы не имѣемъ ни нужды, ни интереса *обманывать* это мнѣніе. Не богатая доводами защита новѣйшей россійской школы педагогіи мало представляетъ любопытнаго, кромѣ комической ссылки на книгу «одного изъ лучшихъ мыслителей Германіи», г. Егера, *О гимнастикѣ у Грековъ*, книгу не имѣющую ни малѣйшаго отношенія къ плану учебнаго курса въ гимназіяхъ (по куріозному стеченію обстоятельствъ этотъ Коранъ новой школы, написанный однимъ юнымъ Нѣмцемъ почти на школьной скамьѣ и исполненный разныхъ безобразій по части политическаго и религіознаго значенія гимнастики, былъ у насъ, въ прежнее время, подъ безусловнымъ запрещеніемъ). Истинный и единственный интересъ статьи заключается въ томъ, что изъ нея можно видѣть какое значеніе, съ точки зрѣнія новой школы, должна имѣть предполагаемая система *бифуркаціи* для нашихъ гимназій.

Основываясь на слухахъ о значительномъ числѣ уроковъ по древнимъ языкамъ въ новомъ проектѣ гимназическаго курса и на журнальныхъ извѣстіяхъ о томъ что новый проектъ составленъ будто бы въ духѣ классическаго образованія, мы сказали что нѣтъ надобности быть пророкомъ, чтобы предсказать неудачу попытки ввести у насъ классическое ученіе при помощи сложной системы. Органъ новѣйшей школы петербургскихъ педагоговъ спѣшитъ снабдить эти слова двумя вопросными знаками, давая, повидимому, разумѣть, что эта школа и не думала о введеніи у насъ классическаго ученья. Вникнемся, что не находясь въ секретѣ заготовляемой реформы, мы предполагали о ней наилучшее. Мы серіозно думали, что имѣется въ виду успѣшное введеніе классическаго образованія, и съ этой точки зрѣнія замѣтили, что существованіе въ высшихъ классахъ реальнаго отдѣла безъ латинскаго языка, но съ правомъ посту-

пленія въ университетъ, конечно, парализовало бы преподаваніе латинскаго языка въ низшихъ классахъ. Проницательный органъ спѣшитъ обличить насъ въ опасеніи за судьбу классическаго образованія и восклицаетъ, что нашелъ «ключъ открывающій тайну ненависти *Московскихъ Вѣдомостей* къ бифуркаціи». «Чего бы тутъ, кажется, прибавляетъ онъ, опасаться за латинскій языкъ, если онъ имѣетъ такія неоцѣненныя свойства для общаго образованія... При этихъ свойствахъ латинскій языкъ и самъ постоитъ за себя». Смыслъ этихъ словъ уже черезчуръ ясенъ. «Пусть вывернется классическое образованіе, имѣющее, по вашему мнѣнію, такую чудодѣйственную силу, изъ тѣхъ условій въ какія ставитъ его новая система», хочетъ сказать нашъ остроумный органъ педагогической школы, и далѣе спѣшитъ привести любимый доводъ этой школы о томъ, что классическое образованіе не имѣетъ корней въ нашей жизни. Итакъ вотъ секретъ, разглашенный такъ неожиданно: *бифуркація* предлагается въ тѣхъ видахъ, чтобы классическое образованіе, не имѣющее корней въ нашей жизни и не одобряемое великимъ г. Егеромъ, нашло себѣ могилу.

Но, дѣлая наше грустное предположеніе, мы именно хотѣли сказать, что бѣдное классическое образованіе не вывернется при бифуркаціи. Классическое образованіе не имѣетъ такой чудодѣйственной силы, которая позволила бы ему процвѣтать и приносить плоды несмотря ни на какія неблагопріятныя обстоятельства. Напротивъ чрезвычайно много трудностей надо побѣдить, чтобъ укрѣпить его на прочныхъ основаніяхъ въ нашихъ разстроенныхъ школахъ. Когда мы говорили о классическомъ образованіи и введеніи его у насъ, мы разумѣли искреннюю реформу, вызванную дѣйствительнымъ сознаніемъ его пользы, а не фальшивую систему, порожденную убѣжденіемъ что оно не нужно и есть только необходимое зло стараго педантства, которому, къ сожалѣнію, пока еще не приходится уступать. Мы благодарны *Голосу*, разсѣявшему наши недоумѣнья о томъ, какое значеніе имѣетъ *бифуркація* для новой школы педагоговъ. Повторяемъ, на бифуркацію они смотрятъ какъ на средство убить классическое образованіе.

Но именно это-то назначеніе новой системы и даетъ намъ нѣкоторую надежду, что система эта не осуществится, такъ какъ, безъ сомнѣнія, центральное управленіе народнаго просвѣщенія въ Россіи далеко отъ мысли изгонять классическое образованіе изъ нашего отечества.

Наши противники классическаго образованія нерѣдко съ торжествомъ ссылаются на требованія общества, равнодушнаго къ латинскому языку. Было бы разумѣется странно поголовно спрашивать отцовъ, посылающихъ дѣтей въ гимназіи, стоятъ ли они за классическое образованіе или противъ него, и основывать на этомъ какое-либо заключеніе: отцы ввѣряютъ дѣтей своихъ школѣ не за тѣмъ чтобъ указывать планъ ученья, который въ школѣ долженъ быть лучше извѣстенъ. Да и гдѣ это общество наше могло пріобрѣсти педагогическую опытность? Развѣ у насъ народное образованіе предоставлено свободной частной дѣятельности, какъ напримѣръ въ Англіи, гдѣ вовсе нѣтъ министерства народнаго просвѣщенія? У насъ школы чисто правительственныя учрежденія; гимназіи пользуются монополіей, и безъ гимназическаго свидѣтельства нельзя даже поступить въ университетъ. Еслибы не было казенныхъ заведеній, тогда открылся бы просторъ педагогическимъ опытамъ, и можетъ-быть въ числѣ прочихъ возникли бы заведенія не менѣе фантастическія, какъ и общеобразовательныя (не реальныя) гимназіи г. Воронова, но время, конечно, взяло бы свое и, конечно, уцѣлѣло бы лишь то что́ способно къ прочному существованію. А при существующихъ нынѣ условіяхъ весь интересъ въ томъ чтобы правительственныя мѣры и средства клонились не къ производству педагогическихъ экспериментовъ въ обширныхъ размѣрахъ, а служили къ утвержденію нашего просвѣщенія на общихъ всему образованному міру началахъ, оправданныхъ опытомъ вѣковъ и народовъ. Но вотъ о чемъ можно и должно спросить отцовъ: довольны ли они плодами нашего школьнаго ученья? Какой же отвѣтъ дадутъ они на этотъ вопросъ? «Мы приводимъ къ вамъ, скажутъ они, дѣтей нашихъ полныхъ юной жизни и свѣжести. Какъ возвращаете вы ихъ намъ?» Общество требуетъ простаго и серіознаго ученья;

общество требуетъ чтобы заведенія наши выпускали дѣльныхъ людей, а не безплодныхъ фразеровъ, хотя бы самой новѣйшей школы. Но могутъ ли вести къ серіозному ученью тѣ фантастическія отступленія отъ общепринятыхъ началъ, отступленія, на которыя такъ падки наши вѣтромъ подбитыя педагогическія школы и системы? Газета *Голосъ* стращаетъ насъ тѣмъ что наше общество уже не ребенокъ, и что его нельзя застращать призраками. Не понимаемъ къ чему заговорила объ этомъ почтенная газета. Или она думаетъ, что русское общество какимъ-нибудь образомъ участвовало въ составленіи проекта о *бифуркаціи*.

IX.

14-го марта.

Вѣсти изъ Кіева становятся благопріятнѣе. Пишутъ что въ этомъ городѣ русскій духъ совершается во очію. Слава Богу! Пора же наконецъ, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, этой древней столицѣ нашей, «матери городовъ русскихъ», по слову лѣтописца, пора здѣсь русскому духу чувствовать себя не загнаннымъ, робкимъ, стыдящимся себя пришельцемъ, а безспорнымъ и полнымъ хозяиномъ. Только того и требуется чтобы русскій духъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ; только того и требуется чтобы русская національность не роняла, а возвышала и укрѣпляла людей въ ихъ собственномъ чувствѣ. Это—единственное средство восторжествовать надъ враждою, которая подъ насъ подкапывается, удержать за собою наше значеніе, оправдать нашу исторію, не растерять ея наслѣдія и упрочить за собою величіе и славу нашего развитія въ будущемъ. Когда вражда поднимаетъ оружіе, надобно отразить ея ударъ, и вырвать у ней оружіе; но убить ее можно не иначе, какъ лишивъ ее всякой надежды, всякой цѣли, всякаго смысла. Сила не въ людяхъ, а въ духѣ который ихъ соединяетъ, и чтобы раздѣлаться съ враждебнымъ намъ духомъ, нѣтъ иного средства какъ поднять свой собственный духъ и дать почувствовать его превозмогающую силу.

Мы готовы теперь всѣхъ Поляковъ считать поголовно врагами Россіи; мы готовы думать что лишь за самыми малыми исключеніями всѣ они сочувствовали и способствовали возстанію. Но нѣтъ сомнѣнія что большинство этихъ людей были подъ гнетомъ обстоятельствъ, которыя не отъ нихъ зависѣли и съ которыми они не смогли бы совладать даже при всѣхъ усиліяхъ разсудка. Вспомнимъ терроризацію революціонной власти, вспомнимъ съ какою силою долженъ былъ дѣйствовать на этихъ людей призывъ ихъ національнаго чувства, съ его воспоминаніями и надеждами, не встрѣчающими себѣ никакого противовѣса въ той національности среди которой поставила ихъ исторія. И страхъ, и стыдъ, и совѣсть,—все должно было дѣйствовать на нихъ, все естественно должно было не только отчуждать ихъ отъ Россіи, но и вовлекать ихъ во враждебные противъ нея замыслы. На что́ могли они опереться чтобы противодѣйствовать этому увлеченію? Что́ могло удержать ихъ? Что́ въ ихъ сердцѣ или въ ихъ умѣ могло бы могущественно сказаться въ отпоръ этимъ влеченіямъ? Какое другое влеченіе могло бы подѣйствовать на нихъ съ большею силою? Они давали революціонному жонду деньги, они посылали дѣтей своихъ подъ его знамена; но вспомнимъ обстоятельства, и спросимъ себя, легко ли было бы имъ поступать иначе? Представимъ себѣ изъ числа ихъ человѣка, самаго равнодушнаго къ польскому національному призыву и вовсе не расположеннаго приносить какія-либо жертвы на алтарь историческихъ воспоминаній и политическихъ надеждъ (представить себѣ такого не трудно, потому что навѣрное элементы подобнаго свойства составляютъ большинство), и съ тѣмъ вмѣстѣ представимъ себѣ всю силу обстоятельствъ и весь гнетъ окружающей среды; вспомнимъ какъ скудно и безсильно бываетъ въ насъ самихъ въ обыкновенную пору чувство русской національности, среди которой эти люди поставлены, и сообразимъ, какъ неуважительно должна бы она чувствоваться ими, какъ мало они могли быть увѣрены въ ея внутреннемъ могуществѣ. Мы сами не хотимъ знать себя: какъ же мы хотимъ чтобы другіе были проникнуты чувствомъ вѣры въ наши народныя силы, въ наше

историческое призваніе, въ несокрушимость нашего государственнаго зданія? Увы! одни ли Поляки были увлечены польскимъ патріотизмомъ? Должны ли мы скрывать отъ себя, что до той минуты, когда поднялись, наконецъ, изъ глубины наши народныя силы бездѣйственныя и дремлющія въ будничную пору, иные русскіе люди готовы были чувствовать себя Поляками чуть ли не болѣе чѣмъ сами Поляки. Во всякомъ случаѣ, вспомнимъ, одни ли Поляки платили вольную или невольную дань *жонду?*

Какъ польскіе, такъ и другіе враждебные намъ элементы сильны не внутреннею силою: они сильны чувствомъ нашего собственнаго безсилія. Только это фальшивое чувство нашего безсилія вызвало, возбуждало, ободряло ихъ, и сообщало имъ характеръ силы, которой они не имѣютъ. Только это чувство нашего убожества и нашей скудости, которымъ мы услаждались и бередили въ себѣ какъ прокаженные бередятъ свои болячки, создаетъ тѣ опасности съ которыми мы боремся и которыя насъ изнуряютъ. Въ правѣ ли мы винить Поляковъ за то что они остаются Поляками, съ фальшивыми притязаніями и надеждами, когда мы сами не хотимъ быть Русскими во всей полнотѣ и силѣ этого слова, когда мы сами не имѣемъ достаточнаго довѣрія къ силамъ собственной нашей жизни и не умѣемъ или не хотимъ разомкнуть ея источники?

Мы не можемъ не порадоваться оживленію русскаго духа въ нашемъ Кіевѣ. Но мы еще болѣе желали бы чтобъ это оживленіе не было только маскарадомъ. Для того чтобъ оживленіе русскаго духа было истиннымъ и плодотворнымъ оживленіемъ, необходимы серіозныя и существенныя мѣры вызываемыя мѣстными потребностями и условіями; а для того чтобъ оживленіе русскаго духа могло возымѣть полную силу въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, гдѣ ему приходится бороться съ духомъ сепаратизма, необходимо чтобы русское національное чувство поднялось и усилилось въ центрѣ, необходимо чтобы возвысился уровень нашей жизни, чтобъ она получила болѣе хода, чтобъ она освободилась отъ недоразумѣній и фальши, которыя ее сковываютъ и лишаютъ движенія,—необхо-

димо, наконецъ, чтобы чувство несокрушимаго политическаго единства русскихъ владѣній выразилось съ несомнѣнною энергіей, и чтобъ оно обнаруживалось не въ минуты крайней опасности, но было постоянно дѣйствующею, связанною со всѣми общественными интересами, надъ всѣмъ господствующею силой.

Кстати. Въ одномъ изъ нумеровъ *Русскаго Инвалида* прочли мы нѣсколько выразительныхъ строкъ обращенныхъ къ Финляндцамъ, которые, какъ сообщаютъ въ этой газетѣ, усердно и повсемѣстно собираютъ пожертвованія въ пользу датскихъ воиновъ, сражающихся за единство своего отечества. *Русскій Инвалидъ* напоминаетъ нашимъ финляндскимъ согражданамъ (которые не прочь однакоже считать насъ иностранцами), что если не худо сочувствовать датскимъ солдатамъ, то еще лучше сочувствовать русскимъ солдатамъ, которые, какъ замѣчаетъ упомянутая газета, «заслужили право на величайшую благодарность всѣхъ своихъ соотечественниковъ, въ томъ числѣ и Финляндцевъ.» *Русскій Инвалидъ* предостерегаетъ финляндскую молодежь отъ ихъ скандинавскихъ увлеченій. Мы вполнѣ сочувствуемъ побужденію вызвавшему въ *Русскомъ Инвалидѣ* эти напоминанія и эти предостереженія, и искренно радуемся что въ этомъ онъ предупредилъ насъ. Но мы опасаемся чтобъ эти добрыя напоминанія не остались втунѣ. *Русскій Инвалидъ* выражаетъ желаніе чтобы представители финляндскихъ сословій, находящіеся теперь въ сборѣ на своемъ сеймѣ, подѣйствовали отрезвляющимъ образомъ на молодежь. Это было бы конечно очень желательно; но едва ли мѣстное развитіе государственной жизни можетъ оказывать на умы такое дѣйствіе какого ожидаетъ *Русскій Инвалидъ*, едва ли напротивъ не оказываетъ оно дѣйствія совершенно противнаго этимъ ожиданіямъ. «Россія», говоритъ *Русскій Инвалидъ*, «поступила съ завоеванною «страной съ великодушіемъ, которому не много можно найти «примѣровъ, и излила на нее благодѣянія, на которыя могли «бы разчитывать только коренные и вѣрные сыны ея». Мы сочувствуемъ этимъ словамъ; но, къ сожалѣнію, исторія весьма убѣдительными примѣрами доказываетъ что въ политическомъ словарѣ слово благодарность не существуетъ, а великодушіе

въ жизни народовъ имѣетъ совсѣмъ не то значеніе и не тѣ послѣдствія что̀ въ жизни людей.

Еще кстати. Предъ нами находится недавно вышедшая французская книга, касающаяся Россіи: *Organisation sociale de la Russie, la noblesse, la bourgeoisie, le peuple,* par un diplomate (Paris, Dentu, 1864.) Книга эта не лишена интереса. Въ *Journal de St.-Pétersbourg* прочли мы недавно лестный отзывъ о направленіи мыслей автора и о дѣльности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Иностранныя, а особенно французскія сочиненія о нашемъ отечествѣ, какъ извѣстно, не отличаются вѣрностію свѣдѣній и дѣльностью замѣчаній, а потому въ ихъ числѣ эта книга выдается довольно выгоднымъ для себя образомъ. Авторъ ея дипломатъ, повидимому жилъ въ Россіи и повидимому заботливо справлялся о нашихъ порядкахъ; онъ даже усиливался, хотя и безъ достаточнаго успѣха, прописывать въ точности русскія слова, которыя случается ему приводить въ своей книгѣ. Объ этой книгѣ, можетъ-быть, поговоримъ мы нѣсколько подробнѣе въ послѣдствіи, но теперь не можемъ не позаимствовать изъ ней одно свѣдѣніе о Финляндіи, которое тѣмъ интереснѣе, что отличается совершенною новостью. Дипломатъ указываетъ на нѣкоторыя особенности въ положеніи Финляндіи относительно Россіи, и присовокупляетъ, что Россія, хотя осторожно и постепенно, но неослабно совершаетъ дѣло политическаго сліянія этого края съ собою. Авторъ сообщаетъ намъ о «значительныхъ результатахъ» достигнутыхъ въ этомъ направленіи. «Если въ Финляндіи, говоритъ онъ, общественный духъ не сталъ еще русскимъ, то онъ пересталъ быть шведскимъ. Даже, продолжаетъ онъ, употребленіе шведскаго языка,— послѣднее сопротивленіе побѣжденныхъ національностей,—исчезаетъ нечувствительно, и недалекъ тотъ день, когда русскій языкъ, нынѣ языкъ официальный въ этомъ краѣ, станетъ тамъ единственно употребительнымъ языкомъ». Доброжелательный къ намъ французскій дипломатъ радуется за насъ этому результату, и видитъ въ этомъ серіозный успѣхъ нашъ. Русскій языкъ— языкъ официальный въ Финляндіи, и не далекъ тотъ день, когда всѣ въ этомъ краѣ будутъ охотно и предпочтительно выражать

на немъ свои мысли!... Добрый дипломатъ, какъ не поблагодарить его за это пріятное извѣстіе!

Но мы спѣшимъ возвратиться на минуту на противоположный край нашего отечества, и сказать слова два по случаю добрыхъ извѣстій изъ Кіева. Нѣтъ, не извѣстія о какихъ-либо сокрушеніяхъ и побѣніяхъ Поляковъ считаемъ мы добрыми и отрадными извѣстіями изъ западнаго края, а тѣ которыя будутъ свидѣтельствовать все громче и громче, все убѣдительнѣе и убѣдительнѣе объ оживленіи и усиленіи русскаго начала въ тѣхъ мѣстахъ. Только такія извѣстія могутъ поистинѣ радовать всякаго Русскаго, только такіе результаты могутъ вывести насъ съ торжествомъ изъ затрудненій.

Мы беремъ смѣлость коснуться мимоходомъ одной весьма полезной въ этомъ смыслѣ мѣры для прочнаго и дѣйствительнаго оживленія русскаго элемента. Всякій согласится что положеніе православнаго духовенства въ тѣхъ мѣстахъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Именно теперь правительство озабочено улучшеніемъ его быта, въ особенности чрезъ предоставленіе угодій изъ мѣстныхъ государственныхъ имуществъ. Старожилы того края указываютъ на средство достигнуть желанныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ безо всякаго обремененія для казны. Это средство—государственныя имущества, которыя сдаются въ аренду съ торговъ большею частію за безцѣнокъ, такъ что выгода отъ нихъ достается не казнѣ, а арендаторамъ изъ шляхтичей или Евреевъ. Казна ничего не потеряла бы, еслибы государственныя земли въ тѣхъ мѣстахъ отдавались, по установленной разцѣнкѣ, епархіальнымъ властямъ, съ предоставленіемъ имъ права распоряжаться ими и сдавать ихъ въ аренду по своему усмотрѣнію. При такомъ условіи, казенныя земли дали бы, по увѣренію людей знающихъ, по крайней мѣрѣ вдвое большій доходъ, который значительно усилилъ бы средства православнаго духовенства, между тѣмъ какъ казна не только ничего не потеряла бы, но напротивъ много выиграла бы, избавившись отъ излишнихъ издержекъ по управленію.

X.

18-го марта.

Посреди отверженцевъ всѣхъ цивилизацій и народностей, составляющихъ резервы такъ-называемой всесвѣтной революціи, людей оторвавшихся отъ всякой нравственной основы, ни къ чему не годныхъ и годныхъ на все, есть энтузіасты, есть великодушные сумасброды, воображающіе что они служатъ великимъ идеямъ обновленія, которымъ суждено владычество надъ міромъ. Поддаваясь обману, который извращаетъ ихъ понятія и отравляетъ лучшіе инстинкты ихъ души, они увѣрены, пока жестокіе уроки не научатъ ихъ лучшему, что ихъ вожди господствуютъ надъ положеніемъ всемірныхъ дѣлъ, и что въ самомъ дѣлѣ космополитическая революція есть самобытная великая сила, которая идетъ туда куда сама хочетъ, и ведетъ міръ за собою. Они трепетно отзываются на свистъ бандитовъ и спѣшатъ подъ ихъ знамена, готовые на всякія жертвы, и, увы! прежде всего принося въ жертву здравый смыслъ и святыню нравственнаго чувства. Переходя отъ обмана къ обману, они долго еще сохраняютъ гордую увѣренность, которая лихорадочно оживляетъ и опьяняетъ ихъ, что они орудіе самостоятельнаго и владѣющаго собою дѣла, заключающаго въ самомъ себѣ свои причины и цѣли. Бѣдныя обманутыя головы, они не подозрѣваютъ что служатъ орудіемъ совершенно чуждаго имъ и презирающаго ихъ дѣла, что они суетятся, хлопочутъ, работаютъ, жертвуя честью, совѣстью, жизнію, на исполненіе плановъ не имѣющихъ ничего общаго съ ихъ утопіями. Такъ называемая космополитическая революція въ Европѣ, со своею чернью и аристократіей, со своими вождями и рядовыми, со своими преступленіями и жертвами, враждуя противъ существующаго порядка вещей, служитъ безсознательнымъ орудіемъ для существующихъ правительствъ въ ихъ взаимной борьбѣ между собою. Политическая интрига овладѣваетъ революціонною организаціей и направляетъ ее согласно со своими цѣлями. Политическіе люди успѣли уже разчитать всѣ способы

этой революціонной организаціи, и прибрать ее къ рукамъ. Революціонные элементы въ рукѣ дѣльца—то же что̀ нарѣзные штуцера, Армстронговы пушки и *мониторы*. Это новоизобрѣтенныя орудія разрушенія.

Польскіе патріоты, дѣйствовавшіе по плану вождей всеобщей революціи, были увѣрены въ успѣхѣ. Планъ, которому они довѣрились и который сочинилъ для нихъ самъ Мадзини съ помощію Мѣрославскаго, предписывалъ употребить всевозможныя средства чтобъ обмануть Европу. Несчастные! они хотѣли «одурачить» Европу. Они сыпали милліоны, они подкупали журналистовъ и политическихъ людей, они подкупали и поили рабочихъ людей, они не скупились ни на деньги, ни на обманы. «Намъ, говорятъ они, надобно было увѣрить Европу что возстаніе въ Польшѣ было дѣломъ не партіи, а дѣломъ народнымъ». Они обманывали другихъ, а обманули себя. Еслибъ они употребляли обманъ какъ военную хитрость, чтобъ отвести глаза врагу и пособить своему дѣлу искусственными способами, то имъ слѣдовало бы имѣть какую-нибудь увѣренность въ своемъ дѣлѣ. Но они знали что польскаго народнаго дѣла нѣтъ; они знали что возстаніе было дѣломъ только партіи; они не могли не знать что обманами можно отвести глаза, но ничего нельзя создать. Пусть Европа дѣйствительно вооружилась бы на освобожденіе Польскаго народа,—какая польза была бы польскимъ патріотамъ отъ того что Европа не нашла бы на указанномъ мѣстѣ никакого народа, который желалъ бы имѣть что-нибудь общее съ этими патріотами? Они еще болѣе обольщали себя чѣмъ обманывали другихъ, и ихъ самообольщеніемъ воспользовались другіе. Они послужили орудіемъ,—и стали жертвами.

Ниже, въ этомъ нумерѣ, читатели найдутъ документъ, переведенный изъ офиціальной варшавской газеты *Dziennik Powszechny*. Это показаніе данное въ слѣдственной коммиссіи однимъ изъ агентовъ революціоннаго польскаго жонда, Стрыцкимъ, который принималъ участіе въ покушеніи на жизнь майора фонъ-Роткирха. По показанію Стрыцкаго, г. фонъ-Роткирхъ былъ приговоренъ къ смерти революціоннымъ

трибуналомъ за то что находился въ сношеніяхъ съ нашею газетой и сообщалъ намъ изъ Варшавы важныя свѣдѣнія проливавшія свѣтъ на польское возстаніе. Дѣйствительно, русская публика многимъ обязана честному исполненію принятой имъ на себя обязанности, тому патріотическому мужеству, съ которымъ онъ изобличалъ обманъ, ежеминутно подвергаясь смертной опасности. Опасность и не обошла его: онъ едва не поплатился жизнію за свое служеніе, которое враги, можетъ-быть лучше своихъ, умѣли оцѣнить по достоинству. Теперь онъ, слава Богу, оправился, но кинжалъ нанесшій ему рану былъ отравленъ, и хотя скорая и дѣятельная помощь спасла г. фонъ-Роткирха отъ смерти, но послѣдствія раны будутъ можетъ-быть еще долго отзываться на его здоровьи. Революціонный жондъ видѣлъ въ немъ Нѣмца. Мы узнаемъ что въ глазахъ убійцъ это было обстоятельствомъ отягчавшимъ его вину. Они почему-то считаютъ людей нѣмецкаго имени обязанными измѣнять Россіи въ пользу польской *справы*. Но они ошиблись: г. фонъ-Роткирхъ принадлежитъ къ числу истинно русскихъ людей, съ непоколебимымъ убѣжденіемъ преданныхъ Россіи, какъ своему отечеству. Гдѣ дѣло идетъ объ интересахъ государства, тамъ всѣ вѣрные слуги его равны и не могутъ различаться по племенамъ. Между людьми носящими не русское имя мы встрѣчаемъ крѣпко убѣжденныхъ патріотовъ, глубоко преданныхъ Россіи, какими желательно было бы видѣть всѣхъ русскихъ людей, носящихъ несомнѣнно русскія имена. Въ предѣлахъ Русскаго государства должны быть только русскіе люди, изъ какого бы племени ни происходили они и какія бы ни носили имена.

Г. фонъ-Роткирхъ сталъ нашимъ корреспондентомъ съ августа мѣсяца прошлаго года, именно съ того времени когда въ Варшавѣ измѣнилась система управленія и когда положенъ былъ конецъ такъ-называемой административной автономіи. Г. фонъ-Роткирхъ принялъ на себя обязанность нашего корреспондента, когда ближайшіе сотрудники наши, находившіеся въ Варшавѣ, возвратились оттуда, исполнивъ свое трудное и опасное порученіе съ высокою добросовѣстностію, замѣчательнымъ талантомъ и самопожертвованіемъ.

Польскіе патріоты видятъ главную причину своей неудачи въ настроеніи русской печати, котораго они не ожидали. Но они ошибаются, полагая что какія-нибудь случайныя обстоятельства были причиной неудачи ихъ дѣла. Въ дѣлѣ ихъ ничего не было кромѣ самообольщенія и обмана: что же въ немъ могло разчитывать на успѣхъ? Продлить самообольщеніе, продлить обманъ,—вотъ все чего они могли бы достигнуть цѣною страшныхъ усилій и жертвъ. Болѣе крови, болѣе потрясеній и страданій,—вотъ все чего они могли бы добиться. Еслибъ имъ, въ соединеніи съ европейскими державами, такъ великодушно давшимися имъ въ обманъ, удалось обмануть Россію и вырвать у нея недостойныя уступки: къ чему бы привело это? Россія—не выдумка, она не химера, какъ вообразили себѣ польскіе патріоты со словъ русскихъ переметчиковъ. Всякая уступка которую имъ удалось бы вырвать у нея, всякое униженіе которому они подвергли бы ее, не преминули бы вызвать въ послѣдствіи соотвѣтственную расплату. Они могли бы причинить Россіи множество бѣдствій, но этимъ и ограничился бы весь успѣхъ ихъ дѣла. Оно ничего не могло бы выиграть отъ временнаго униженія и временныхъ бѣдствій которыя постигли бы Россію; Россія перенесла бы всякія бѣдствія, и развитіе народныхъ силъ, которыя они возбудили бы въ ней, вознаградило бы ее въ послѣдствіи сторицею. Какая же польза была бы отъ того для польскихъ патріотовъ? Чѣмъ окупились бы всѣ ихъ лишенія и жертвы? Имъ не осталось бы на долю и того печальнаго, того непавистнаго утѣшенія, съ которымъ озлобленное чувство, хотя бы и безъ пользы для собственнаго дѣла, видитъ гибель врага. Россія не можетъ погибнуть ни отъ какихъ испытаній. Это чувствуетъ всякій, не напрасно именующій себя Русскимъ. Есть же въ людяхъ чувство правды, которое явственно отличаетъ дѣйствительность отъ обмана. Изъ показаній самихъ польскихъ патріотовъ мы видимъ, что они сами чувствовали ложь своего дѣла, посвящая ему въ то же время столько усилій и жертвъ. Нельзя безъ ужаса и омерзѣнія читать ихъ собственныя свидѣтельства объ этомъ систематическомъ оскорбленіи всего что свято для человѣческой совѣсти, всего чѣмъ

держится человѣческое общество. Нельзя безъ ужаса читать объ этихъ кровавыхъ попыткахъ, которыми польскіе патріоты старались привлечь массы сельскаго люда къ своему дѣлу, единственно только для того чтобъ обмануть Европу и прельстить ее декораціей народнаго всеобъемлющаго движенія. Сначала они надѣялись обмануть сельскій людъ обѣщаніемъ земли, потомъ они прибѣгли къ веревкѣ и ножу,—и вотъ эта народная *справа!* Лучшіе изъ польскихъ людей вовлеченные въ это отчаянное движеніе должны понять, что чѣмъ скорѣе изобличена ложь его, чѣмъ скорѣе положенъ конецъ ему, тѣмъ лучше для нихъ самихъ, и что для нихъ самихъ не можетъ быть ничего хуже того положенія въ которомъ они являются и виновниками, и орудіями, и жертвами обмана.

XI.

20-го марта.

Помѣщая въ нашей газетѣ замѣтку г. В. К. по поводу одной изъ нашихъ статей, мы благодаримъ почтеннаго автора за случай возвратиться къ важному вопросу, обратившему на себя его вниманіе. Замѣтка г. В. К. заключаетъ въ себѣ двоякую силу: вопервыхъ, она возражаетъ противъ *неопредѣленности* нашего взгляда на расколъ и на тотъ путь котораго слѣдуетъ относительно его держаться; вовторыхъ, она развиваетъ *опредѣленный* взглядъ автора на это явленіе нашей народной жизни, и указанія на то, какъ слѣдуетъ поступать съ нимъ. Займемся прежде полемическими замѣчаніями относительно характера высказанныхъ нами мнѣній.

Почтенный авторъ упрекаетъ насъ за то что мы, по его выраженію, «не съ достаточною ясностію указали на ту точку свободы, на которой безвредно, или положимъ даже съ пользою, можно остановиться въ отношеніи къ расколу». Онъ полагаетъ что «неопредѣлительность» нашего воззрѣнія по этому дѣлу можетъ быть «опасна для православія». Признаемся, мы не понимаемъ ни точки зрѣнія автора, ни смысла его требо-

ваній; не понимаемъ, какимъ образомъ опредѣлительность или неопредѣлительность нашихъ мнѣній въ такомъ вопросѣ, какъ отношенія правительства къ расколу, могутъ быть опасны, и притомъ опасны для православія; мы не понимаемъ, на какомъ основаніи можно требовать, чтобы частныя лица, не находящіяся при дѣлахъ, могли считать себя призванными давать опредѣленныя указанія, на какой точкѣ слѣдуетъ остановиться въ практическомъ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Странный взглядъ, странныя требованія! Рѣчь идетъ не о какихъ-либо воззрѣніяхъ на существо православія,—воззрѣніяхъ, которыя могли бы казаться въ какомъ-либо отношеніи предосудительными; рѣчь идетъ о направленіи государственныхъ мѣръ относительно раскола. Г. В. К. составилъ себѣ совершенно опредѣленный взглядъ на расколъ и знаетъ въ точности, гдѣ слѣдуетъ остановиться въ снисходительности къ нему. Мы поздравляемъ его съ этимъ, и не видимъ ни малѣйшей опасности въ опредѣлительности его совѣтовъ и указаній, хотя бы они и казались намъ ошибочными. При ошибочности они были бы опасны только въ томъ случаѣ еслибъ облекались во всеоружіе власти, еслибъ ихъ поддерживало правительство. Но не видя опасности въ точныхъ и опредѣлительныхъ указаніяхъ, мы еще менѣе считаемъ опасными тѣ мнѣнія которыя ограничиваются разъясненіемъ относящихся къ дѣлу понятій, не указывая какъ и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ примѣнять ихъ на практикѣ, часто весьма сложной и запутанной.

Мы желали бы разъ навсегда привести въ ясность цѣль которая руководитъ нами при изложеніи нашихъ мнѣній по разнымъ общественнымъ вопросамъ, побужденія заставляющія насъ говорить, и духъ въ которомъ должны быть принимаемы наши слова. Пользуясь возможностію высказываться по разнымъ предметамъ общаго интереса, мы далеки отъ претензіи имѣть какое-нибудь вліяніе на дѣла. Мы не имѣемъ никакого практическаго побужденія настраивать такъ или иначе побужденія другихъ, совѣтовать, склонять, отклонять, увѣщевать; мы не находимся ни въ какой связи съ властію, точно также какъ не находимся въ связи ни съ какимъ политическимъ честолюбіемъ;

ни на чью волю не хотимъ мы дѣйствовать; никакія выгоды не соединяются для насъ съ тою или другою группой общественныхъ интересовъ. Мы высказываемъ эту нашу profession de foi не изъ скромности, ложной или истинной. Мы не хотимъ сказать, чтобы мы не цѣнили значенія той дѣятельности которая досталась намъ на долю. Напротивъ, мы имѣемъ честолюбіе считать эту дѣятельность весьма важною и весьма значительною. Мы не считаемъ себя въ правѣ судить, въ какой мѣрѣ удовлетворяемъ мы тому призванію которое досталось намъ на долю; но мы остаемся ему вѣрны и дѣйствуемъ только въ его смыслѣ. Весь нашъ интересъ въ дѣлѣ общественныхъ вопросовъ направленъ къ сферѣ понятій, отсюда исходятъ всѣ наши симпатіи и антипатіи. Мы дѣйствуемъ и хотимъ дѣйствовать только на понятія, только черезъ понятія. Ошибочны или не ошибочны бываютъ наши мнѣнія по разнымъ предметамъ, но мы высказываемъ только то что представляется нашему уму съ полною ясностію. Что представляется намъ яснымъ, то побуждаетъ насъ говорить, и въ этомъ единственно заключается и цѣль наша, и весь лично принадлежащій намъ интересъ въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ.

Въ статьѣ № 13 мы еще менѣе чѣмъ въ какой-либо другой имѣли цѣлію настаивать на томъ или другомъ практическомъ рѣшеніи вопроса. Вся эта статья, отъ начала до конца, свидѣтельствуетъ что цѣль наша была совсѣмъ иная. Мы не имѣли въ виду склонять правительство къ тому или другому пути; мы хотѣли только бросить свѣтъ на разные представляющіеся пути, за тѣмъ чтобы судить какой куда ведетъ. Въ статьѣ, о которой идетъ рѣчь, мы предположили разъяснить себѣ, что такое либеральное направленіе. Мы не имѣли ни побужденій, ни надобности навязывать кому бы то ни было либеральное направленіе: всѣ и безъ насъ хотятъ быть либеральными, все и безъ насъ старается прежде всего зарекомендовать себя въ этомъ смыслѣ. Но намъ казалось не лишнимъ отдать себѣ, по возможности, ясный отчетъ, въ чемъ можетъ заключаться либеральное направленіе, и всегда ли соотвѣтствуетъ ему то что выдастъ себя за таковое.

Стѣснять и покровительствовать—два способа дѣйствія не только различные, но и противоположные между собою; однако они принадлежатъ къ одной системѣ, они представляютъ собою двѣ противоположныя стороны одного и того же направленія, а потому они неразлучны между собою, такъ что гдѣ встрѣчается одинъ, тамъ непремѣнно встрѣчается и другой; гдѣ покровительство, тамъ и стѣсненіе; одному пособляется, другое стѣсняется. Система покровительства и стѣсненій можетъ имѣть разныя степени и виды, но гдѣ и въ какой мѣрѣ она можетъ быть полезна или вредна—рѣшать это отвлеченно нельзя. Во всякомъ случаѣ полезно только то что̀ ко времени и къ мѣсту, что̀ дѣлается въ мѣру, что̀ соотвѣтствуетъ своей цѣли. Историческій опытъ свидѣтельствуетъ, что стѣсненія и преслѣдованія весьма часто не только не достигали своей цѣли, но косвенно обращались въ поощренія и пособія; и наоборотъ, излишнее покровительство, неблагоразумная опека убивала живыя силы вѣрнѣе всякихъ преслѣдованій и стѣсненій. Что̀ такое благоразумная опека? Къ тому ли она направлена чтобы дѣлать организмъ неспособнымъ къ самопроизвольному движенію и дѣйствію? Нѣтъ, добрая опека направлена къ тому чтобъ укрѣплять силы, пріучать ихъ къ самостоятельности и дѣлать ихъ способными къ жизни и дѣйствію. Гдѣ опека соотвѣтствуетъ этому назначенію, тамъ она несомнѣнно полезна,—и тамъ она старается дѣйствовать не какими-либо искусственными или насильственными способами, съ вершины какихъ-либо общихъ теорій, но вызывая собственныя силы живаго организма и устраняя все что̀ ихъ связываетъ. Такая опека ведетъ къ свободѣ, и ничего не можетъ быть либеральнѣе такой опеки. Она поступаетъ осторожно, съ полнымъ уваженіемъ къ существующему, съ полнымъ довѣріемъ къ жизни. Она старается сколь можно менѣе предосуждать. Она не подавляетъ жизни подъ предлогомъ подавленія зла, не уничтожаетъ пшеницы подъ предлогомъ очищенія ея отъ плевелъ. Въ свободномъ развитіи естественныхъ силъ жизни ищетъ она противодѣйствія злу, не дающему разрастаться ему и пресѣкающему его побѣги.

Отдѣльная мѣра ничего не значитъ; вся сила въ совокупности и связи мѣръ; вся сила въ общемъ направленіи. Истинно либеральное направленіе есть въ то же время и охранительное направленіе. Предоставлять свободу жизни, уважать требованія, значитъ поступать по преимуществу охранительнымъ образомъ. Можно спорить о томъ, въ какихъ обстоятельствахъ и въ какой степени правительство можетъ допускать различные виды свободы; но всякій согласится, что если требуется участіе правительства, то оно безъ всякаго сомнѣнія требуется для поддержанія и охраненія существующихъ началъ, а отнюдь не для усиленія того что имъ враждебно. Странно было бы видѣть правительство которое вмѣсто того чтобы стараться объ утвержденіи единства, старалось бы напротивъ, подъ предлогомъ либеральнаго направленія, способствовать тенденціямъ которыя клонятся къ расторженію народнаго единства и къ ослабленію связи соединяющей части государственнаго цѣлаго. Странно было бы видѣть правительство, которое, подъ предлогомъ либеральнаго направленія, поддерживало бы своими способами враждебные элементы существующіе въ государствѣ и помогало бы имъ собираться и организовываться для успѣшнаго дѣйствія. Въ общей экономіи жизни, мы знаемъ, бываютъ необходимы и односторонніе системы, и отрицательныя ученія: безъ скептицизма не развивается никакое знаніе; сомнѣніе будитъ мысль, какъ нужда и бѣдствія напрягаютъ силы къ дѣятельности; въ человѣческомъ мірѣ, такъ какъ онъ есть, безъ искушеній зла, безъ его острыхъ и мучительныхъ уязвленій, не бываетъ ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ побѣдъ. Но странно представить себѣ правительство которое, удерживая въ рукахъ своихъ опеку надъ жизнію, искусственно заготовляло бы между тѣмъ возбудительныя искушенія для умовъ. Странно было бы представить себѣ правительство которое, пользуясь принадлежащими ему способами, старалось бы систематически возбуждать въ умахъ сомнѣнія, колебать вѣрованія и покровительствовать всякимъ отрицаніямъ. Понятна общественная свобода при которой возможно появленіе книгъ подобныхъ книгамъ Штрауса или Ренана, Луи-Блана или Прудона; но было бы

непонятно, еслибы подобныя книги выходили изъ-подъ рукъ правительства и распространялись имъ въ публикѣ.

У насъ есть расколъ. Прежде расколъ подвергался преслѣдованію; теперь, при общемъ смягченіи правительственной системы, смягчились и мѣры относительно раскола. Однимъ можетъ это нравиться, другимъ не нравиться; но это фактъ, а фактъ прежде всего надобно признать. Трудно представить себѣ, чтобы при нынѣшнемъ ходѣ дѣлъ можно было поддерживать прежнія мѣры относительно раскола. Чтобы говорить о возможности той или другой мѣры, требуется имѣть въ виду наличныя условія необходимыя для ихъ существованія. Нашъ возражатель увѣренъ что стѣснительныя противъ раскола мѣры непремѣнно увѣнчались бы успѣхомъ. Пусть такъ; однако, пока эти мѣры дѣйствовали,—а дѣйствовали онѣ не малое время,—успѣхомъ онѣ не увѣнчались. Возвратиться къ нимъ для того чтобъ еще разъ испробовать ихъ дѣйствіе,—это зависитъ не отъ насъ; возвратиться къ нимъ можно было бы лишь при возвращеніи къ прежнему порядку во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Если эти мѣры не удались въ то время, когда все способствовало имъ, могли ли бы онѣ увѣнчаться успѣхомъ теперь, когда все было бы въ разладѣ съ ними, все парализовало бы ихъ, все противодѣйствовало бы имъ? Во всякомъ случаѣ, фактъ то, что расколъ не подвергается въ настоящее время преслѣдованію. При существующемъ положеніи дѣлъ правительство не сочло нужнымъ удерживать и тѣ строгости которыми законодательство старалось предупреждать совращенія въ расколъ. Что же отсюда слѣдуетъ? Такъ какъ желаніе возвратиться къ прежнему порядку было бы желаніемъ совершенно безплоднымъ, то остается желать, чтобы всѣ органическія силы нашей народной жизни пріобрѣтали возможно бо́льшую свободу и вмѣстѣ съ ней средства для противодѣйствія злу. Вмѣсто того чтобы фантазировать о невозможномъ, не лучше ли пожелать, чтобы для самой церкви открылись способы дѣйствовать съ большею энергіей, дѣйствовать глубже и плодотворнѣе?

Мы не беремъ на себя обязанности рѣшать, до какой точки можетъ простираться терпимость правительства относительно

раскола; но мы можемъ утвердительно сказать, что какъ бы далеко ни простиралась эта терпимость, она ни въ какомъ случаѣ не должна превращаться въ пособіе и поддержку расколу. Какъ бы либерально ни стали мы смотрѣть на расколъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя представить себѣ, чтобы правительство могло принять его подъ свою опеку.

Г. В. К. затрудняется объяснить себѣ поводъ заставившій написать насъ строки которыя обратили на себя его вниманіе. Мы скажемъ ему, какой это поводъ. Возникла мысль заводить для раскольниковъ школы на казенный счетъ и устраивать ихъ правительственными способами. Вотъ что вызвало наши строки. Мы находили и находимъ, что лучше предоставить раскольникамъ жить своимъ умомъ, какъ они живутъ въ Турціи, какъ они жили въ старой Польшѣ, нежели устраивать дѣла ихъ правительственнымъ путемъ. Можно спорить о степени терпимости относительно раскола, но никакой споръ невозможенъ по вопросу о правительственныхъ учрежденіяхъ для организаціи раскола и воспитанія раскольниковъ. Вотъ все что мы хотѣли сказать; вотъ вся сила и весь смыслъ нашей статьи вызвавшей возраженія г. В. К.

Ни нашъ возражатель, ни мы, конечно, не желаемъ процвѣтанія раскола; и онъ и мы равно видимъ въ немъ зло, и равно желали бы видѣть его прекращеніе. Но мы думаемъ, что правительственными средствами нельзя положить ему конецъ; мы думаемъ, что гоненія, какъ палліативные способы, только усиливаютъ болѣзнь и придаютъ ей злокачественность; мы думаемъ, что подобными мѣрами можно только на время запугать его проявленія, но тѣмъ сильнѣе ожесточить, озлобить и усилить его внутри. Г. В. К. думаетъ объ этомъ иначе, и мы охотно предоставляемъ ему свободу думать иначе, хотя и не убѣждаемся его доводами. Но при всемъ разногласіи нашемъ, онъ вмѣстѣ съ нами отступаетъ предъ мыслію о правительственномъ вмѣшательствѣ въ дѣла раскола, съ цѣлію прочнымъ образомъ обособить его и дать ему организацію посредствомъ школъ и другихъ пособій. Г. В. К. дивится этому, и не

вѣритъ. Мы тоже дивимся, но вѣримъ. Подобныя явленія бывали и бываютъ. Кому извѣстно, гдѣ наиболѣе поддерживается, гдѣ наилучшимъ образомъ процвѣтаетъ далайламайская религія? Всякій подумаетъ, что въ Тибетѣ, и—жестоко ошибется. Въ наилучшемъ положеніи находится эта религія въ нашемъ Забайкальскомъ краѣ. Предоставленная самой себѣ, она разрушалась и падала. Но благодаря поданному ей дѣятельному пособію, далайламайская религія въ Забайкальскомъ краѣ поднялась и укрѣпилась, собрала свою паству, и стала сильною организаціей. Тому что̀ содержитъ въ себѣ истинную силу постороннія пособія и поддержки болѣе вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу; но они обнаруживаютъ творческое могущество, когда изливаются на мертвые организмы; постороннія пособія гальванизируютъ ихъ и даютъ имъ фальшивую жизненность. Право на жизнь принадлежитъ только тому что̀ обладаетъ своею собственною внутреннею силой жизни, но все то что̀ питается наносными элементами, что̀ поддерживается внѣшнею силою, то всегда бываетъ явленіемъ фальшивымъ. И вотъ такими-то фальшивыми явленіями, такими-то фальшивыми силами часто населяется народная жизнь вслѣдствіе излишнихъ вмѣшательствъ и неблагоразумной опеки.

Г. В. К. увѣренъ, что если предоставить расколу свободу, то въ скоромъ времени большинство народа совратится въ расколъ. Онъ такъ думаетъ,—и въ то же время рѣшается утверждать, что система преслѣдованія и стѣсненій довела расколъ до послѣдней крайности и истощила всѣ его силы. Еслибы послѣднее было справедливо, то какъ возможно было бы первое? Если преслѣдованіе и стѣсненіе довели расколъ до послѣдней крайности, то откуда же могла взяться въ немъ та страшная сила, которою угрожаетъ намъ г. В. К.? Шутка сказать: все крестьянство, все мѣщанство, бо́льшая часть купечества, словомъ, весь народъ за исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ душъ готовъ, при первой возможности, броситься въ расколъ!... Желательно только знать, въ какую раскольничью секту бросится народъ? Отчаянное положеніе дѣлъ! И однако

почтенный возражатель нашъ восхваляетъ систему вслѣдствіе которой цѣлый народъ готовъ ринуться массами въ расколъ при первой благопріятной возможности.

Почему нашему возражателю показалось, будто мы желаемъ свободы и даже полноправности именно для раскола? Почему онъ такъ понялъ смыслъ нашей статьи? Нѣтъ, не о свободѣ раскола надобно заботиться; надобно позаботиться о церкви, о предоставленіи ей средствъ и полной свободы дѣйствій, объ устройствѣ ея школъ, объ образованіи и положеніи ея клира. Живая фантазія г. В. К. быстро препроводила его отъ той терпимости, которая можетъ быть предоставлена расколу, къ полноправности, которой будто бы мы требуемъ. Отъ свободы до политической полноправности, по нашему мнѣнію, еще далеко. Мы понимаемъ необходимость вѣротерпимости въ благоустроенномъ государствѣ; мы понимаемъ также возможность предоставить свободу совѣсти людямъ, возможность перехода въ другія вѣроисповѣданія; но при самой полной вѣротерпимости, при самой полной свободѣ совѣсти, мы понимаемъ, какъ затруднительно допустить политическую полноправность для иновѣрцевъ. Политическая полноправность есть не просто свобода; она заключаетъ въ себѣ бо́льшую или меньшую долю власти. Политическая полноправность непріязненныхъ вѣроисповѣданій имѣетъ смыслъ только при полномъ развитіи общественной свободы, при всевозможныхъ обезпеченіяхъ отъ произвольнаго вмѣшательства и злоупотребленій со стороны административныхъ властей. Въ Англіи, этой классической странѣ свободы, давно существовала полная религіозная свобода, но политическая полноправность, какъ для католиковъ, такъ и для диссидентовъ, допущена лишь очень недавно, и то послѣ упорной и долгой борьбы.

Мы разстаемся съ нашимъ почтеннымъ оппонентомъ до завтрашняго №, въ которомъ будетъ напечатано окончаніе его замѣтки.

XII.

21-го марта.

Въ расколѣ, конечно, таится зло,—а ко злу нельзя относиться равнодушно, со зломъ нельзя мириться.

Какія бы мѣры ни придумывали мы противъ раскола, всѣ должны выходить изъ одного побужденія и клониться къ одной цѣли—поразить зло. Всякая примирительность, всякая терпимость относительно зла была бы грустнымъ признакомъ несостоятельности нашей народной жизни и грозила бы ей пагубой. Нѣтъ, не сквозь пальцы должны мы смотрѣть на расколъ, какъ предлагаетъ г. В. К., съ которымъ бесѣдовали мы вчера и докапчиваемъ начатую бесѣду сегодня. Къ чему такой неловкій способъ изучать расколъ и слѣдить за его движеніями? Зачѣмъ смотрѣть сквозь промежутки пальцевъ на явленія которыя требуютъ полнаго вниманія? Зачѣмъ украдкою высматривать то на что́ можно и должно смотрѣть прямо? Г. В. К. укоряетъ насъ въ стремленіи предоставить расколу излишнюю свободу, хотя первопачальнымъ побужденіемъ его возражать намъ была, какъ онъ выразился, неопредѣлительность нашихъ мнѣній объ этомъ предметѣ. Обвинивъ насъ за то что мы не высказались отчетливо до какой степени можетъ простираться терпимость правительства къ расколу, онъ въ заключеніе обвиняетъ насъ напротивъ въ слишкомъ опредѣленномъ мнѣніи, въ силу котораго будто бы требуются для раскола всевозможныя льготы и совершенное уравненіе правъ съ господствующею церковію. Вотъ что́ называется конецъ съ концомъ не сошелся! А между тѣмъ мы, въ свою очередь, готовы укорить нашего почтеннаго возражателя за то что онъ, несмотря на гнѣвный и рѣшительный тонъ своихъ сужденій о расколѣ, обнаруживаетъ съ сущности слишкомъ примирительный относительно его образъ мыслей. Хотя онъ и называетъ расколъ зломъ, и видитъ въ немъ непримиримаго врага церкви и пагубу народа,—хотя онъ и видитъ все это,—однако въ то же самое время предлагаетъ намъ смотрѣть на расколъ сквозь пальцы, оказывать ему терпимость и уживаться съ нимъ.

Какъ же однако завѣдомо уживаться со зломъ? Не будетъ ли терпимость ко злу дѣломъ постыднымъ и пагубнымъ? Но въ человѣческомъ мірѣ нѣтъ безусловнаго зла; самыя зловредныя явленія не состоятъ исключительно изъ одного зла. Еслибы зло являлось безъ примѣси, еслибъ оно вездѣ обозначалось съ полною ясностію, то борьба съ нимъ была бы дѣломъ легкимъ. Мы замѣчаемъ его присутствіе по хаосу и смущенію которое причиняетъ оно въ жизни; но недостаточно видѣть признаки зла, надо открыть его корень, надобно отыскать то мѣсто, гдѣ оно прикоснулось къ намъ, откуда началось оно, откуда пошло его дѣйствіе. Въ мірѣ нѣтъ ничего что̀ было бы совершенно застраховано отъ зла, въ чемъ не происходили бы разстройства и смуты. Были суровые мыслители и мрачные строители обществъ, которые для избавленія жизни человѣческой отъ уклоненій и неправильностей считали за лучшее воспрещать самую жизнь, то-есть лишать ее свободы. Но такія попытки влекутъ за собою худшее изо всѣхъ золъ: онѣ убиваютъ то что̀ хотятъ спасать.

Если мы желаемъ опредѣлить съ точностію наши отношенія къ расколу, то мы должны добраться до источниковъ смуты, мы должны коснуться начала которое производитъ и поддерживаетъ ее. Ознакомившись съ нимъ, мы можетъ-быть приблизимся и къ рѣшенію практической задачи какъ поступить съ расколомъ или какъ избавиться отъ смутъ которыя онъ вноситъ въ нашу жизнь.

Что̀ мы видимъ въ расколѣ? Всякій сколько-нибудь просвѣщенный человѣкъ усматриваетъ въ немъ грубое невѣжество. Это легко усматривается. Раскольники воображаютъ себя хранителями древняго, чистаго, православнаго обряда, и не хотятъ знать, что эти древности, которыхъ они держатся, были большею частію случайныя искаженія позднѣйшаго времени. Не много требуется образованія и науки, не много требуется умственнаго развитія для того чтобы понять, что всѣ эти особенности, которыя составляютъ повидимому сущность раскола, основаны на очевидныхъ искаженіяхъ буквы. Въ этомъ хламѣ, дѣйствительно, не усматривается никакой живой мысли, ника-

кого организующаго начала. Естественно подивиться какимъ образомъ изъ ошибокъ писцовъ, изъ случайныхъ словоискаженій, изъ элементовъ чисто отрицательныхъ, могла образоваться столь положительная вѣра. Эту внутреннюю безсмыслицу раскола иностранцы ставятъ въ упрекъ нашему народу; да и мы сами, сѣтуя на смуты производимыя имъ въ нашей народной жизни, не менѣе сѣтуемъ и на то, что въ этой смутѣ не оказалось никакихъ духовныхъ даровъ; что въ этомъ порожденіи нашей народной жизни нѣтъ ничего, кромѣ невѣжества и умственной грубости. Нѣтъ, это не есть даже заблужденіе, потому что заблужденіе предполагаетъ болѣе или менѣе дѣятельность ума, движеніе мысли; это большею частію простая безсмыслица и безграмотность. Довольно припомнить, что у раскольниковъ имѣетъ значеніе почти догмата начертаніе имени *Іесусъ*, происшедшее вслѣдствіе произвола или неграмотности писцовъ и очевидно менѣе соотвѣтствующее греческому начертанію, нежели возстановленное въ исправленныхъ книгахъ *Іисусъ*.

Но неужели въ самомъ дѣлѣ изъ такихъ ничтожныхъ причинъ могло развиться явленіе которое держится такъ упорно и такъ широко захватило народную жизнь? Неужели очевидная безсмыслица можетъ имѣть такую силу, такъ крѣпко связывать людей, такъ сильно овладѣвать ихъ душою! Нѣтъ, какъ ни печально это явленіе, оно для внимательнаго наблюдателя— въ самой глубинѣ своего зла, откроетъ не столько скудость и слабость, сколько напротивъ силу народнаго духа.

Почтенный собесѣдникъ нашъ, какъ знатокъ въ исторіи раскола, не спускаетъ намъ промаха и ловитъ насъ на словѣ. Мы замѣтили что главною причиной породившею расколъ было принужденіе въ дѣлѣ совѣсти. Возражатель нашъ полагаетъ что подъ принужденіемъ разумѣли мы исправленіе книгъ церковныхъ. Онъ восклицаетъ: «такое исправленіе, такое очищеніе называетъ она (то-есть наша *почтенная газета*) принужденіемъ». Г. В. К. дивится нашему неразумію, и чтобы вразумить насъ, прибѣгаетъ къ сравненію: «въ этомъ смыслѣ, учитъ онъ, можно было также сказать, что не будь граждан-

скихъ и общественныхъ законовъ воспрещающихъ убійство и воровство, не было бы ни убійцъ, ни воровъ». Мы не понимаемъ въ какомъ-такомъ *этомъ* смыслѣ гражданскіе законы о воровствѣ и убійствѣ могутъ идти въ сравненіе съ исправленіемъ церковныхъ книгъ; мы еще менѣе понимаемъ какимъ образомъ почтенный критикъ нашъ могъ возымѣть мысль, что принужденіе на которое мы намекнули состоитъ въ исправленіи книгъ.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ и возстановленіе чистоты православнаго обряда были безспорно существенною потребностію церкви; но обстоятельства времени мало благопріятствовали вполнѣ удовлетворительному рѣшенію этой задачи. Исправители, какъ извѣстно, не всегда соотвѣтствовали ея требованіямъ. Дѣло шло не такъ какъ оно пошло бы при другихъ лучшихъ условіяхъ. Не исправленія книгъ и обрядовъ, сами по себѣ, могли стать причиною смуты, но способъ какимъ это дѣло дѣлалось и какимъ оно налагалось на народъ. Наука тогда не процвѣтала на Руси; самая грамотность была рѣдкимъ исключеніемъ. Кто же въ то время могъ на Руси съ отчетливостію разобрать существенное со случайнымъ и отличить искаженіе и наносную примѣсь? Но при невѣжествѣ и неграмотности, народъ былъ исполненъ непоколебимой преданности православію; онъ тяжкими жертвами отстаивалъ свое православіе, въ немъ онъ видѣлъ все свое спасеніе; онъ крѣпко держался всей совокупности даннаго; онъ боялся всякаго измѣненія; во всякомъ нововведеніи, хотя бы оно было въ сущности возстановленіемъ первобытной чистоты православныхъ обрядовъ, видѣлъ онъ покушеніе отнять у него самую сущность православія и совратить его въ латинство, съ которымъ онъ такъ долго и тяжко боролся. Еслибы преобразованія совершались менѣе настойчиво и болѣе соотвѣтственно со средствами тогдашней науки, еслибы они совершались менѣе круто и съ большею постепенностію, а главное еслибъ они совершались безъ вынужденія и насилія, безъ раздраженія и озлобленія, безъ каръ и торжественныхъ проклятій, то они по всему

вѣроятію не возбудили бы въ нашей народной жизни той печальной смуты, которая выразилась въ расколѣ и длится до сего дня.

Итакъ вотъ гдѣ первоначальное зло, изъ котораго произошла смута. Народъ не могъ принимать совершавшіяся исправленія съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ вѣрности. Но съ другой стороны, была ли необходимость налагать вынудительно на совѣсть людей тѣ исправленія, которыя хотя и требовались церковнымъ благоустройствомъ, но которыя не составляли самой сущности церкви, такъ что церковь могла и безъ нихъ стоять? Было ли такъ важно, такъ существенно, такъ крайне необходимо для православнаго христіанина напримѣръ креститься трехперстнымъ или двуперстнымъ знаменіемъ, чтобы не соглашавшихся на то подвергать проклятію? Не только простые люди, но и духовные упорно держались двуперстнаго; но не утвердила ли ихъ въ этомъ упорствѣ та настоятельность, съ которою преобразователи побуждали колеблющихся отстать отъ одного и пристать къ другому? Не были ли виною раскола проклятія и отлученія отъ церкви за то что̀ къ сущности церкви не касалось? Не выразился ли въ расколѣ протестъ раздраженной совѣсти, отстаивавшей свою свободу противъ вынудительнаго авторитета, въ которомъ ей чувствовалось нѣчто чуждое православію?

Что народъ былъ невѣжественъ, что онъ невѣжественъ и теперь, въ этомъ винить его нечего. По незнанію, человѣкъ можетъ придавать существенный смыслъ тому что̀ такого смысла не имѣетъ; но символъ котораго крѣпко держится совѣсть, придавая ему существенное значеніе, какого онъ не имѣетъ, можетъ быть терпимъ именно потому что самъ онъ не имѣетъ существеннаго значенія. Святыня христіанства и истина православія не могутъ зависѣть отъ нѣкоторыхъ колебаній и разностей въ обрядахъ и символахъ. Духъ церкви можетъ только возвыситься, ея истина можетъ стать только свѣтлѣе, ея единство непоколебимѣе вслѣдствіе ясно сознаваемаго и принимаемаго различія между сущностью церкви и тѣми принадлежностями ея обряда которыя сами по себѣ существеннаго значенія

не имѣютъ, а потому могутъ быть, и не быть не колебля церкви, не потрясая ея основъ, не нарушая ея единства.

Что мы находимся около той причины отъ которой произошла печальная смута, оторвавшая отъ церкви множество народа, доказательствомъ тому служитъ одно событіе нашего времени. Духъ нетерпимости, жертвующій существеннымъ случайному, былъ порожденіемъ темныхъ временъ. Онъ противенъ православной церкви, и она доказала это, открывъ свои нѣдра для отпавшихъ сыновъ своихъ, не насилуя ихъ совѣсти, не вынуждая ихъ отказываться отъ того что̀ издавна было для нихъ святынеи. Церковь предоставляетъ имъ свободу держаться тѣхъ обрядовъ которыми они дорожатъ, и несмотря на разницу обряда признаетъ ихъ своими дѣтьми. И она дала имъ особые храмы, получившіе названіе единовѣрческихъ или новоблагословенныхъ.

Суждена ли будущность этимъ храмамъ, принесутъ ли они ту пользу, которую, безъ сомнѣнія, ожидала отъ нихъ мудрая, создавшая ихъ мысль? Все зависитъ отъ того въ какихъ размѣрахъ разовьется начало положенное въ основаніе этихъ храмовъ,—этотъ духъ терпимости, полагающій различія между существеннымъ и несущественнымъ. До сихъ поръ они, къ сожалѣнію, не оказали значительнаго дѣйствія; расколъ не поколебался, единовѣрческіе храмы не умножаются и число прихожанъ ихъ не возрастаетъ. Но отъ того ли это происходитъ, что мысль руководившая созданіемъ этихъ храмовъ не была вѣрною мыслію, или напротивъ потому что она еще не вполнѣ выразилась въ своемъ созданіи?

Г. В. К. нѣкоторымъ образомъ вызываетъ насъ на опредѣлительныя мнѣнія. Признаемся, мы опасаемся пускаться въ разсужденія о практическомъ рѣшеніи столь трудныхъ и важныхъ вопросовъ. Но начавъ рѣчь, по сдѣланному намъ вызову, мы должны свести ее къ концу, хотя бы и подъ опасеніемъ сказать что-нибудь не совсѣмъ зрѣлое и одобрительное.

Намъ кажется, что единовѣрческіе храмы могутъ не прежде удовлетворять своему назначенію и достигать своей цѣли, какъ когда исчезнетъ всякое сомнѣніе въ ихъ полномъ единствѣ съ

православными храмами. Въ настоящее время положеніе ихъ двусмысленно, и отъ того во мнѣніи раскольниковъ и въ чувствѣ самихъ единовѣрцевъ храмы эти не имѣютъ того значенія, какое они должны были бы имѣть. Конечно, для всякаго просвѣщеннаго, знающаго и мыслящаго человѣка, обряды составляющіе отличіе единовѣрческаго богослуженія не соотвѣтствуютъ первобытной чистотѣ православнаго обряда; однако тѣмъ не менѣе церковь признала это обстоятельство несущественнымъ. Что въ самомъ дѣлѣ значатъ эти обряды,—что значитъ и сугубая аллилуіа, и двуперстное знаменіе, предъ лицомъ того факта, что въ этихъ храмахъ, при этихъ обрядахъ, совершаются таинства православной церкви? Что значатъ эти различія, когда въ этихъ храмахъ священнодѣйствуетъ православное духовенство, и когда они находятся подъ одною съ православною церковью іерархіей? Но если единовѣрческіе храмы въ самомъ главномъ и самомъ существенномъ ничѣмъ не разнятся отъ православія, то они могутъ быть одинаково открыты какъ для раскольниковъ, такъ и для православныхъ. Только при этомъ условіи единовѣрческіе храмы могутъ окончательно получить то значеніе которое предполагалось дать имъ и могутъ приносить ту пользу которая отъ нихъ ожидалась. Надобно чтобы единовѣрцы могли вполнѣ чувствовать и признавать себя дѣтьми церкви, и чтобъ отношенія церкви къ нимъ имѣли характеръ несомнѣнной искренности. Только такимъ полнымъ уравненіемъ единовѣрія съ православіемъ можетъ быть нанесенъ рѣшительный ударъ тому злу, которое живетъ въ расколѣ и даетъ ему духъ.

Чѣмъ снисходительнѣе и великодушнѣе будетъ церковь относительно воприсоединяющихся къ ней отпавшихъ дѣтей ея, чѣмъ менѣе будетъ она оставлять въ нихъ чувства какого-либо отчужденія отъ ней, тѣмъ менѣе можетъ оставаться внутреннихъ причинъ для существованія раскола, по крайней мѣрѣ въ самой главной и многочисленной его сектѣ,—принимающей священство. Во всякомъ случаѣ прозелитизмъ раскола утратитъ всякую опасность, если православнымъ будетъ предоставлена полная свобода въ выборѣ того или другаго храма, и если

перейти изъ одного храма въ другой будетъ имѣть не болѣе значенія какъ перечислиться изъ одного прихода въ другой. На сколько поднялось бы значеніе единовѣрія, на столько упала бы сила раскола. Возвышеніе единовѣрія было бы въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ торжествомъ церкви надъ расколомъ. Нечего опасаться, чтобы единовѣрческій обрядъ не слишкомъ усилился насчетъ чисто-православнаго, нечего опасаться, что единовѣрческіе храмы могутъ слишкомъ переполниться прихожанами изъ чисто-православныхъ храмовъ. Еслибы и въ самомъ дѣлѣ такъ-называемый старый обрядъ единовѣрческихъ храмовъ оказалъ сильное притягательное дѣйствіе на православный народъ, то церковь не потерпѣла бы отъ того никакой существенной утраты. Мы даже думаемъ, что съ размноженіемъ единовѣрческихъ храмовъ побѣда церкви надъ расколомъ была бы вѣрнѣе и полнѣе. Но церковь не можетъ однако быть совершенно равнодушною къ чистотѣ своихъ обрядовъ, знаменій и символовъ. Не естественно ли опасеніе, что благодаря полноправію единовѣрія, въ нашихъ храмахъ можетъ возобладать обрядъ менѣе чистый надъ болѣе чистымъ? Опасеніе напрасное! То чувство раздраженной вынужденіемъ совѣсти, которое было душою стараго обряда, замиряется въ единовѣрческомъ храмѣ; а затѣмъ, съ теченіемъ времени, съ каждымъ новымъ шагомъ просвѣщенія и гражданственности, старый обрядъ можетъ только падать и ослабѣвать, а никакъ не возрастать, никакъ не усиливаться.

XIII.

24-го марта.

Вопросъ о преобразованіи нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній давно уже занимаетъ и правительство, и публику. Много тревогъ и опасеній возбуждено было имъ, много толковъ было вызвано имъ въ печати,—и не безъ основанія: какъ извѣстно, въ Петербургѣ образовалась новая педагогическая школа, которая имѣла серіозное вліяніе на труды предпринятые по этому

предмету Ученымъ Комитетомъ, состоящимъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Труды эти не могли не встревожить всякаго кто сколько-нибудь смыслитъ дѣло и принимаетъ его къ сердцу. Нашему бѣдному просвѣщенію, которое, едва начавшись, уже успѣло испытать печальное паденіе, казалось, угрожалъ послѣдній и рѣшительный ударъ. Петербургская педагогическая школа могла бы и не для нашего просвѣщенія, едва насажденнаго и уже побитаго грозой, но и для старыхъ цивилизацій съ глубокими корнями, исполнить наилучшимъ образомъ назначеніе бича Божія, еслибы гдѣ-нибудь капризъ судьбы предоставилъ ей власть распоряжаться и законодательствовать. Предположенія Комитета, внушенныя этою школой, понятія и взгляды высказанные въ его трудахъ, были бы очень забавны, еслибъ они были только игрою молодыхъ умовъ въ серіозное занятіе; но нельзя безъ содроганія подумать, что все это дѣлалось и писалось серіозно, и что въ одно прекрасное утро Россія, дѣйствительно, могла быть покрыта неслыханными ни въ одной цивилизованной странѣ учебными заведеніями. Мы сказали: новая педагогическая школа, — и выразились не совсѣмъ точно. Какой бы юный духъ ни окрылялъ представителей этой школы, она въ сущности есть только вѣнецъ того направленія которое началось для нашихъ учебныхъ заведеній еще съ 1848 года. Она докончивала, — и докончивала безпощадно, — дѣло разрушенія начатое въ то время. Гроза 1849 года поразила въ нашихъ гимназіяхъ едва принимавшееся въ нихъ серіозное ученіе; въ видахъ охранительныхъ, подорванъ въ нихъ духъ науки и внесено начало безсмысленнаго броженія, которое въ послѣдствіи пышно разрослось цвѣтомъ нигилизма; она создала продолжателей своего дѣла въ лицѣ представителей новой педагогической школы, и проложила имъ путь. Къ счастію, времена теперь иныя; теперь ничего не дѣлается въ торжественномъ безмолвіи, сокровенно, посредствомъ внезапныхъ *coups d'état*; теперь все болѣе или менѣе подвергается гласности, все предварительно выходитъ на дневной свѣтъ, и становится до нѣкоторой степени предметомъ публичнаго обсужденія. Труды Ученаго Комитета также явились на свѣтъ

Божій и быстро исчезли, исполненные стыда и смятенія; только голосъ почтеннаго г. Воронова долго еще раздавался спротливо по разнымъ петербургскимъ газетамъ, оплакивая неудавшіяся педагогическія грезы. Наступилъ мигъ успокоенія, и можно было воздать Богу благодареніе за избавленіе насъ *a furore Normanorum*. Прошла утѣшительная вѣсть, что правительство не только не имѣетъ въ виду осуществлять идеи петербургской педагогической школы, но намѣрено возстановить во всей силѣ то что было подорвано грозою 1849 и совершить преобразованіе нашихъ гимназій на классическихъ основаніяхъ и въ духѣ серіозной науки. Стало извѣстно, что Министерство Народнаго Просвѣщенія дѣятельно изготовляетъ новый проектъ. Но вдругъ, среди всеобщаго успокоенія, распространился слухъ, что педагогическая школа нашла способъ заглянуть и въ этотъ новый проектъ. Сказывали, что въ будущее устройство нашихъ гимназій предположено ввести такъ-называемую систему *бифуркаціи*, послѣдствіемъ которой было бы то, что классическое обученіе въ гимназіяхъ превратилось бы въ маску, за которою наша новая педагогическая школа могла бы лишь удобнѣе чинить свой *Unfug*, говоря нѣмецкимъ словомъ. Мы не желали вѣрить этому слуху, но поспѣшили высказаться объ этой системѣ *бифуркаціи*, которая во многихъ отношеніяхъ была бы можетъ-быть еще хуже чѣмъ прямое осуществленіе идей бывшаго Ученаго Комитета. Наши замѣчанія вызвали сильную статью въ одной изъ петербургскихъ газетъ, въ *Голосѣ*, и въ этой статьѣ явственно послышался замолкнувшій голосъ петербургскихъ педагоговъ; въ ней чинилось нападеніе на классическое образованіе и отстаивалась вышеозначенная система *бифуркаціи*. Въ статьѣ этой слышались, повидимому, самые радикальные элементы школы изъ послѣдней глубины ея,—не тѣ которые клянутся Магеромъ, а тѣ которые божатся Егеромъ. Мы, признаемся, упали духомъ: эта статья убѣждала насъ, что распространившійся слухъ не былъ лишенъ основанія. Что мы только гадательно говорили о новомъ проектѣ, то отстаивалось въ означенной статьѣ какъ совершившійся фактъ.

Скрѣпя сердце, мы отвѣчали—не *Голосу*, а торжествующей педагогической школѣ. Намъ только оставалось сѣтовать на участь грозившую нашимъ гимназіямъ. Но каково же было наше удивленіе, когда, получивъ на этихъ дняхъ текстъ новаго проекта, мы увидѣли, что въ немъ нѣтъ ничего похожаго на то что воодушевляло педагога пишущаго въ *Голосѣ*! Преобразованіе въ нашихъ гимназіяхъ, по новому проекту, будетъ имѣть чисто-классическія основанія, и въ нихъ не предполагается никакой *бифуркаціи* въ томъ смыслѣ какъ ходили слухи и какъ можно было заключить изъ статьи напечатанной въ *Голосѣ*. О чемъ же горячился педагогъ, вооружившійся въ защиту *бифуркаціи* противъ нашихъ на нее нападеній, и чему обрадовался онъ въ проектѣ, котораго духъ и основанія находятся въ самомъ утѣшительномъ разногласіи съ тенденціями его школы? Къ довершенію нашего удивленія, въ то самое время, когда мы пересматривали проектъ, пришла газета *Голосъ* съ новою педагогическою статьей, также какъ бы въ защиту проекта, хотя этотъ проектъ и не имѣетъ ничего общаго съ великимъ авторитетомъ педагогической школы, съ нѣмецкимъ буршемъ Егеромъ. Мы теперь не имѣемъ ни малѣйшей надобности объясняться съ газетою *Голосъ*. Она зачѣмъ-то желаетъ, чтобы мы высказались опредѣленно объ ея мнѣніяхъ и цитуетъ намъ тѣ нумера свои въ которыхъ мы можемъ навести надлежащія справки. Но намъ рѣшительно все равно что бы газета *Голосъ* ни думала о томъ или другомъ предметѣ. Мы предоставляемъ ей полную свободу мнѣній; мы предоставляемъ ей и реальныя гимназіи, и *бифуркацію*, и Егера, и «россійскую» педагогическую школу. Обнаруживаетъ ли она вражду или не обнаруживаетъ къ классическому образованію, никому до этого нѣтъ дѣла, а намъ менѣе всѣхъ. Убѣдившись что между мнѣніями педагоговъ которыя въ ней высказываются и самимъ проектомъ нѣтъ ничего общаго, мы оставляемъ ее въ покоѣ, и спѣшимъ познакомить читателей съ главными основаніями окончательнаго проекта.

Составители новаго проекта въ ясныхъ и твердыхъ выраженіяхъ заявляютъ, что принятая въ немъ система «полагаетъ

«въ основу всего ученья древніе языки.... ибо вѣками доказа-
«но и дознано, что изученіе древнихъ языковъ есть лучшее
«общеобразовательное средство, развивающее одновременно
«разныя способности духа и тѣмъ самымъ приготовляющее мо-
«лодаго человѣка легко усвоивать себѣ всякія другія знанія,
«въ которыхъ онъ встрѣтитъ надобность въ жизни». Безъ со-
мнѣнія всякій, принимающій къ сердцу дѣло просвѣщенія, съ
глубокимъ сочувствіемъ встрѣтитъ вступленіе нашего школь-
наго образованія на истинный путь, указанный опытомъ вѣ-
ковъ и народовъ. Нельзя не поблагодарить вѣдомство народнаго
просвѣщенія за ту дѣйствительно широкую степень свободы и
гласности которая была допущена имъ въ сужденіяхъ о разно-
образныхъ планахъ реформъ заготовлявшихся для нашихъ
учебныхъ заведеній. Смѣемъ думать что эта свобода не по-
вредила дѣлу.

Классическое направленіе не новость для нашихъ заведеній:
оно было указано имъ уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ.
Къ сожалѣнію, обстоятельства мало благопріятствовали его
успѣхамъ, а реформы начала пятидесятыхъ годовъ нанесли ему
рѣшительный ударъ. «Измѣненіе взгляда, — говоримъ словами
объяснительной записки новаго устава,—на цѣль и назначеніе
гимназій, происшедшее въ 1849 году, дало совершенно другое
направленіе учебному курсу гимназій. Мысль приспособить гим-
назическое ученіе къ практической жизни, получившая въ то
время перевѣсъ, была причиною перемѣнъ, имѣвшихъ сильное
вліяніе на наши гимназіи: именно въ 1849 году въ учебный
курсъ гимназій введенъ былъ новый предметъ, русское законо-
вѣдѣніе и, въ замѣнъ того, латинскому языку положено обу-
чать только въ высшихъ четырехъ классахъ, съ освобожде-
ніемъ отъ слушанія его всѣхъ обучающихся законовѣдѣнію; въ
1852 году нанесенъ былъ еще ударъ классическому направле-
нію прекращеніемъ преподаванія греческаго языка и замѣне-
ніемъ его естественною исторіей во всѣхъ гимназіяхъ кромѣ
пяти состоящихъ при университетахъ и четырехъ въ горо-
дахъ населенныхъ Греками. (Припоминаемъ, съ какимъ него-
дованіемъ со стороны нашихъ противниковъ было встрѣчено,

во время нашей полемики съ г. Вороновымъ, изложеніе исторіи реформъ пятидесятыхъ годовъ, сдѣланное нами въ томъ самомъ смыслѣ, какъ читаемъ въ объяснительной запискѣ новаго устава.) Вслѣдствіе этихъ распоряженій всѣ наши гимназіи, за исключеніемъ девяти, утратили свой первоначальный классическій характеръ и пришли, въ отношеніи учебнаго курса, къ тому неудовлетворительному состоянію въ какомъ теперь находятся».

Новый проектъ, въ главныхъ чертахъ, возвращаетъ нашимъ гимназіямъ тотъ характеръ какой онѣ имѣли до реформъ пятидесятыхъ годовъ. Изъ восьмидесяти гимназій, сорокъ предполагается устроить съ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ (именно въ такомъ числѣ гимназій преподавался греческій языкъ до введенія естественныхъ наукъ); двадцать съ однимъ латинскимъ языкомъ; и, наконецъ, въ двадцати, кромѣ классическаго курса, предполагается съ шестаго класса устроить реальное отдѣленіе, безъ древнихъ языковъ, но и безъ права поступленія въ университетъ. (Эти-то реальныя отдѣленія и подали, конечно, поводъ къ слухамъ о *бифуркаціи*.)

Итакъ, классическое ученіе вновь предполагается положить въ основу нашего гимназическаго образованія. Но не должно забывать что между благимъ намѣреніемъ и осуществленіемъ его есть разстояніе; не должно забывать что утвержденіе у насъ прочнаго образованія на мѣсто поверхностнаго пустословія, господствующаго теперь, сопряжено съ величайшими трудностями. Здравый смыслъ родителей говоритъ имъ что въ нашихъ школахъ учатъ многому, но не выучиваютъ ничему, и что молодежь выходитъ изъ нихъ не приготовленная, а часто и неспособная ни къ какому серіозному дѣлу. Одинъ изъ главныхъ признаковъ развитаго и на собственныхъ ногахъ стоящаго человѣка есть тотъ, что ему ясны границы его знанія и та черта которая отдѣляетъ въ его умѣ область извѣстнаго и ясно представляемаго отъ области незнакомаго и неяснаго. Этого контроля собственныхъ силъ и знаній не имѣетъ тотъ у кого въ головѣ господствуетъ хаосъ *мнимыхъ* понятій, ничего въ дѣйствительности не понимающихъ. Ученье поднятое на

ходули, лишенное простоты—главная причина того недостатка въ дѣльныхъ людяхъ и того обилія фразеровъ, какое всѣми чувствуется у насъ въ настоящее время. Еще мало признать классическое направленіе, необходимо самый планъ учебныхъ занятій привести къ той простотѣ, при которой классическое ученье сдѣлалось бы дѣйствительнымъ центромъ ученья, какъ мы видимъ въ странахъ опередившихъ насъ на пути просвѣщенія. Въ планѣ классическаго ученья, какъ онъ предлагается въ новомъ проектѣ, есть, къ сожалѣнію, весьма существенные недостатки. Недостаточное число уроковъ древнихъ языковъ, особенно въ низшихъ классахъ; огромное число уроковъ русскаго языка, служащихъ главнымъ поприщемъ фразерства и пустословія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; излишнее число уроковъ исторіи; неправильно распредѣленное преподаваніе математики, для которой въ низшихъ классахъ назначено слишкомъ много уроковъ сравнительно съ высшими (не такъ поступаютъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ, безспорно, процвѣтаетъ математическое образованіе и гдѣ въ низшихъ классахъ лицеевъ и коллегій весьма немного отдаютъ времени ариѳметикѣ, ограничивая ученье почти исключительно древними языками и только въ высшихъ классахъ значительно усиливая математическое преподаваніе). Естествовѣдѣніе, по новому проекту, изгоняется изъ высшихъ классовъ гимназій и остается только въ низшихъ, повидимому въ смыслѣ простой рекреаціи, хотя потраченное такимъ образомъ время, конечно, съ большею пользою могло бы быть употреблено, напримѣръ, на новые языки. (Замѣтимъ при этомъ, что для пользы заведенія, конечно, было бы лучше имѣть лишняго учителя математики, вмѣсто отдѣльнаго преподавателя естествовѣдѣнія съ физикой). Если желать чтобы гимназіи наши стали ступенью выше того чѣмъ были онѣ до преобразованій пятидесятыхъ годовъ, и чтобы новая реформа была дѣйствительнымъ шагомъ впередъ, то, по нашему мнѣнію, необходимо сдѣлать радикальное измѣненіе въ таблицѣ еженедѣльныхъ уроковъ новаго проекта.

Матеріальное положеніе учителей значительно улучшается по новому проекту. Вознагражденіе расчислено по количеству

уроковъ, и жалованья за двѣнадцать (часовыхъ) уроковъ полагается 900 рубл., а учитель занятый въ заведеніи 22 часа будетъ получать 1.500 руб. Не можемъ не указать на важный, по нашему мнѣнію, недостатокъ какъ нынѣ дѣйствующей системы вознагражденія, такъ и той какую предполагается ввести новымъ уставомъ. У насъ жалованье преподавателя остается одно и то же съ перваго до послѣдняго дня его службы. Молодой, неопытный, только что начинающій свою дѣятельность преподаватель получаетъ содержаніе наравнѣ съ человѣкомъ много лѣтъ уже дѣйствующимъ на учебномъ поприщѣ. Обстановка которую можно назвать роскошною по отношенію къ начинающему становится неудовлетворительною именно въ ту эпоху дѣятельности преподавателя, когда онъ можетъ быть по преимуществу полезенъ. Въ университетахъ, гдѣ существуетъ нѣсколько разрядовъ профессоровъ, молодой ученый имѣетъ въ виду повышеніе и соединенное съ нимъ увеличеніе оклада; въ иностранныхъ заведеніяхъ, соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ, есть также разряды преподавателей. Подобное устройство было бы благотворно и для нашихъ гимназій. Около опытныхъ преподавателей, составляющихъ главный педагогическій корпусъ заведенія и получающихъ вполнѣ обезпечивающее ихъ содержаніе, группировалось бы извѣстное число молодыхъ людей, начинающихъ учебное поприще съ небольшимъ содержаніемъ, но съ надеждою на повышеніе. Служба и опытность получили бы свою цѣну, и самое устройство могло бы быть сдѣлано на весьма экономическихъ началахъ, особенно еслибы содержаніе преподавателей было поставлено въ болѣе близкую, чѣмъ нынѣ, зависимость отъ платы сбираемой съ учащихся.

Наконецъ, мы затрудняемся понять, почему въ новомъ уставѣ предполагается подвергнуть довольно оригинальному преобразованію пансіоны при гимназіяхъ. Для пансіонеровъ назначается комплектъ: ихъ число не должно превышать восьмидесяти, что очень невыгодно съ экономической стороны, именно для тѣхъ пансіоновъ которые нынѣ находятся въ наиболѣе удовлетворительномъ состояніи и пользуются довѣріемъ родителей. Далѣе, пансіоны оставляются только для воспитанниковъ

низшихъ четырехъ классовъ; а въ старшихъ классахъ предполагается выдавать стипендіи тѣмъ изъ воспитанниковъ которые содержатся на счетъ казны, обществъ или сословій. Не возвести ли ужь и гимназистовъ на степень самостоятельныхъ гражданъ подчиненныхъ общей полиціи, какъ это уже сдѣлано относительно студентовъ? Случалось слышать что нѣкоторые директоры жаловались на невозможность справиться съ пансіонерами высшихъ классовъ. Не думаемъ, конечно, чтобы подобныя комическія жалобы могли послужить мотивомъ къ предполагаемымъ перемѣнамъ. Полагаемъ что родители не были бы довольны ими, а ихъ голосъ въ этомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, имѣетъ значеніе.

XIV.

28-го марта.

Теперь, когда намъ предстоитъ коренная реформа въ нашемъ судоустройствѣ, не безполезно обращать вниманіе на особенности судебной практики въ другихъ странахъ. Что препятствуетъ французскому судьѣ сохранять тотъ характеръ достоинства и безпристрастія, который такъ существенно необходимъ ему въ отправленіи его высокой обязанности? Почему онъ не внушаетъ надлежащаго довѣрія къ себѣ? Есть много причинъ которыя способствуютъ этому. Французскій судья—лицо далеко не въ такой степени независимое и возвышенное по своему положенію какъ судья въ Англіи. Благодаря тому обстоятельству что въ Англіи судьи объѣзжаютъ страну въ опредѣленные сроки и опредѣленными участками, тамъ не требуется ихъ въ такомъ количествѣ какъ во Франціи, гдѣ въ каждомъ департаментѣ есть особый мѣстный судъ, а потому въ Англіи, гдѣ на всю страну имѣется не болѣе пятнадцати судей, они дѣйствительно представляютъ собою цвѣтъ судебнаго сословія, дѣйствительно лучшіе люди корпораціи. Сверхъ того, въ Англіи нѣтъ государственныхъ обвинителей, по крайней мѣрѣ государственные обвинители не имѣютъ монополіи тамъ гдѣ они есть,

какъ въ Шотландіи. Судья такимъ образомъ не находится тамъ, какъ во Франціи, между прокуроромъ, какъ агентомъ власти, и частнымъ адвокатомъ, защищающимъ подсудимаго. Судъ въ Англіи находится между двумя равносильными партіями; допросы свидѣтелямъ дѣлаются адвокатами обѣихъ сторонъ, и судья не принимаетъ въ нихъ прямаго участія; судья слѣдитъ только за ходомъ допросовъ и преній, наблюдаетъ за ихъ правильностію и, въ случаѣ уклоненія той или другой стороны, указываетъ имъ законные предѣлы, которыхъ они должны держаться. Предъ судьей такимъ образомъ развертывается процессъ, надъ которымъ онъ возвышается и въ который не вмѣшивается. Во Франціи же судья самъ пускается въ допросы; прежде чѣмъ дѣло успѣло обозначиться и раскрыться, судья уже явно находится на той или другой сторонѣ; онъ является столько же судьей, сколько и преслѣдователемъ, и вотъ почему онъ не отличается тѣмъ характеромъ спокойнаго достоинства, который болѣе всего свойственъ его должности. Въ Англіи судья имѣетъ огромную власть; но онъ поставленъ такъ, что не считаетъ себя обязаннымъ предрасполагать присяжныхъ къ такому или другому рѣшенію; лишь по окончаніи судебныхъ преній онъ суммируетъ ихъ результаты и представляетъ со всевозможнымъ безпристрастіемъ изложеніе дѣла въ его существенныхъ чертахъ, не упуская ничего что̀ можетъ послужить хоть сколько-нибудь къ пользѣ подсудимаго во мнѣніи присяжныхъ....

XV.

28-го марта.

Въ Баденѣ принята мѣра заслуживающая особеннаго вниманія. Мы разумѣемъ новыя постановленія которыми опредѣляется окружная, или по нашему уѣздная юрисдикція. Въ каждомъ округѣ Бадена учреждается совѣтъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ коронаго чиновника изъ наболѣе уважаемыхъ мѣстныхъ жителей, числомъ отъ 2 до 9. При назначеніи членовъ совѣта выборное начало соединено съ опредѣ-

леніемъ отъ короны. Они назначаются на два года министромъ внутреннихъ дѣлъ, но не иначе какъ изъ числа лицъ избранныхъ обывателями, которые составляютъ списокъ лицъ достойныхъ по ихъ мнѣнію этой чести и соотвѣтствующихъ постановленнымъ въ законѣ условіямъ. Одно изъ условій—осѣдлость въ предѣлахъ округа. Ценза не назначено, но должность члена совѣта безвозмездная, и слѣдовательно безвозмездность замѣняетъ собою ценз. Что касается до круга дѣятельности этихъ совѣтовъ, то имъ предоставлена, въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ судебная, такъ и административная часть. Наконецъ, совѣтамъ не придано ни характера присутственныхъ мѣстъ, ни того характера который имѣютъ во Франціи мѣстные совѣты, собирающіеся по разу въ годъ на короткій срокъ, чтобы поговорить о мѣстныхъ потребностяхъ, но не прикасающіеся къ исполненію дѣлъ и сопряженной съ ними отвѣтственности.

Это новое баденское учрежденіе имѣетъ несомнѣнное право на видное мѣсто въ той политической системѣ которой придается, по примѣру Англіи, названіе *системы самоуправленія*, и которая такъ мало примѣняется, и такъ плохо принимается на материкѣ, благодаря мертвящему вліянію французскихъ понятій о либерализмѣ. Самоуправленіе только тогда имѣетъ надлежащій видъ, когда является органомъ той же самой государственной власти, которая дѣйствуетъ и посредствомъ чиновничества. Вотъ почему самоуправленіе можетъ обходиться даже вовсе безъ выборнаго начала, какъ мы и видимъ въ Англіи, гдѣ мировые судьи назначаются отъ короны. Нѣтъ ничего фальшивѣе того мнѣнія, что самоуправленіе будто бы противоположно государственной власти или должно стоять внѣ ея. На основаніи этого мнѣнія считаютъ выборное начало непремѣнною принадлежностью самоуправленія. Но, повторяемъ, нѣтъ ничего ошибочнѣе подобныхъ мнѣній. Выборы необходимы для политическаго представительства, но отнюдь не составляютъ существеннаго условія въ самоуправленіи. Тутъ дѣло заключается не въ томъ кѣмъ выбраны или назначены лица управляющія мѣстными дѣлами, а въ томъ къ какому кругу они принадлежатъ, къ мѣстнымъ ли наиболѣе почетнымъ обывателямъ или

къ спеціалистамъ государственной службы, ею исключительно занимающимся и въ ней находящимъ средства существованія. Выборное начало нисколько не устраняетъ собой такого устройства, при которомъ всѣ дѣла будутъ находиться въ рукахъ наемниковъ, а съ другой стороны коронному назначенію можетъ быть дано такое направленіе, что оно будетъ падать исключительно на людей имѣющихъ общественное положеніе и отъ службы не зависящихъ. Въ каждой мѣстности есть люди которыхъ выдвигаетъ впередъ сама жизнь, люди пользующіеся въ этой мѣстности почетомъ, составляющіе высшій ея кругъ. Если эти люди не поставлены въ антагонизмъ къ другимъ мѣстнымъ жителямъ какою-нибудь сословною организаціей, то всего вѣрнѣе поручить этимъ людямъ веденіе мѣстныхъ дѣлъ. Очень можетъ случиться, что и эти люди будутъ дѣйствовать неудовлетворительно, но гораздо вѣроятнѣе ожидать полезной дѣятельности отъ нихъ чѣмъ отъ людей которые все свое значеніе заимствуютъ отъ должности имъ ввѣряемой. Чиновника можно поставить такъ, что онъ будетъ пользоваться еще бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ почетнѣйшіе мѣстные жители, но это положеніе будетъ искусственное; оно будетъ производить насильственную перестановку въ естественномъ ходѣ общественной жизни, и уже по этому одному должно обходиться государству очень дорого. Нѣтъ напримѣръ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы сдѣлать изъ исправника нѣчто въ родѣ уѣзднаго губернатора, но вопервыхъ, чего это будетъ стоить, а вовторыхъ, кто поручится, что уѣздными начальниками будутъ вездѣ люди болѣе способные держать власть и болѣе достойные почета чѣмъ тѣ мѣстные жители, которые своимъ почетомъ обязаны своему общественному положенію, а не какой-либо должности на нихъ возложенной? Общественная жизнь, выдвигающая и распредѣляющая людей, есть сила; на нее безопаснѣе полагаться чѣмъ на искусственную организацію, которая какъ бы ни старалась отдѣлить себя отъ общества, все-таки не можетъ стоять внѣ его и не подчиняться его вліяніямъ. Самоуправленіе можетъ идти въ одномъ мѣстѣ лучше, въ другомъ хуже, но оно будетъ непремѣнно находиться въ соотвѣтствіи съ дѣй-

ствительнымъ состояніемъ общества, между тѣмъ какъ чиновническое управленіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ стоять выше того общества въ которомъ живутъ и изъ котораго берутся чиновники, но очень можетъ не достигать высшаго уровня общественной жизни.

Итакъ, не способъ избранія имѣетъ важность для самоуправленія, а тѣ условія безъ которыхъ лучшіе мѣстные люди не могутъ быть привлечены къ общественной службѣ. Эти условія заключаются преимущественно въ почетной обстановкѣ должности и въ серіозности ея значенія. Почетная обстановка нужна для того, чтобы принятіе должности не было униженіемъ для человѣка уже пользующагося общественнымъ почетомъ; еслибъ у насъ мировые посредники не были поставлены въ такое же незавидное положеніе какъ предводители дворянства, то можно ли было бы ожидать чтобы личный составъ мировыхъ учрежденій былъ удовлетворителенъ? Въ Англіи мировой судья поставленъ высоко, а нѣсколько столѣтій тому назадъ, когда мировой судъ пускалъ корни въ Англіи, мировой судья стоялъ еще выше. Въ знакъ этого особеннаго уваженія къ его сану, мировой судья получилъ наименованіе не *judge*, а *justice*, что можно перевести высшій судья (justitiarius). Но одного почета мало; должность мироваго судьи только тогда будетъ привлекательна для лучшихъ изъ мѣстныхъ людей, когда отправленіе ея будетъ сопровождаться сознаніемъ приносимой ею пользы. У насъ важность крестьянской реформы призвала къ мировой службѣ много такихъ лицъ, которыя теперь, когда трудное время миновало, уже перестаютъ интересоваться ею и выходятъ въ отставку. Во Франціи есть тоже свои мировые судьи, *juges de paix*, но кругъ ихъ дѣятельности такъ незначителенъ, что никому и въ голову не приходитъ, чтобъ эту должность могли принимать на себя наиболѣе почетные изъ мѣстныхъ жителей. Но какъ увеличить значеніе этой должности? Расширять кругъ судебныхъ дѣлъ подлежащихъ ея вѣдомству было бы неудобно, такъ какъ серіозная судебная юрисдикція требуетъ техническихъ познаній, а потому не остается ничего болѣе, какъ соединить съ судебною частію дѣла административныя. Такъ было

сдѣлано въ Англіи; такъ дѣлаютъ теперь въ Баденѣ, и такъ принуждены будутъ сдѣлать вездѣ, гдѣ захотятъ прочно водворить мѣстное самоуправленіе, то-есть управленіе мѣстными дѣлами посредствомъ первенствующихъ людей мѣстности.

XVI.

28-го марта.

Наши замѣчанія, въ № 56, о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ возникшихъ между мировыми съѣздами и губернскими присутствіями, по поводу обязательнаго для крестьянъ разверстанія угодій, вызвали въ *Сѣверной Почтѣ* (№ 65) нѣсколько словъ критики. Это побуждаетъ насъ яснѣе обозначить смыслъ нашихъ замѣчаній и тѣмъ устранить все что̀ въ нихъ или ихъ тонѣ могло показаться предосудительнымъ.

Сѣверная Почта сожалѣетъ, что статьи наши съ нѣкотораго времени отличаются рѣзкостью, какой прежде въ нихъ не было. «Мы», говоритъ она, «не можемъ не выразить сожалѣ-«нія на счетъ формъ которыми *Московскія Вѣдомости* съ нѣ-«котораго времени начали облекать свои статьи. Мы привыкли «находить въ нихъ не только мысль большею частью вѣрную, «но и выраженія болѣе или менѣе сдержанныя и осторожныя, «тамъ гдѣ сдержанность и осторожность были умѣстны. Мы не «можемъ признать этихъ достоинствъ за статьей которую те-«перь разсматриваемъ». Мы приняли бы безъ протеста укоръ относительно характера нашихъ статей, еслибъ онъ относился къ намъ за все время нашей журнальной дѣятельности; мы не судьи въ собственномъ дѣлѣ, и очень охотно предоставляемъ другимъ, а особенно *Сѣверной Почтѣ*, судить какъ о направленіи, такъ и о формѣ нашихъ статей. Но мы позволяемъ себѣ возразить противъ того ограниченія съ которымъ *Сѣверная Почта* высказываетъ свою укоризну; мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы съ нѣкотораго времени произошла какая-либо перемѣна въ направленіи или тонѣ нашихъ статей. Обстоятельства въ нынѣшнемъ году не тѣ что̀ были въ прошломъ;

но мы не измѣнились. А можетъ-быть намъ слѣдовало, съ перемѣною обстоятельствъ, измѣнить тонъ, или даже вовсе умолкнуть по отношенію къ тѣмъ предметамъ, которые прошлаго года были открыты для довольно свободнаго обсужденія? Это другой вопросъ, на который мы не умѣемъ отвѣчать; и потому продолжаемъ нашу дѣятельность въ томъ смыслѣ и духѣ, какъ шла она до сихъ поръ; во всякомъ случаѣ, намъ было бы гораздо легче вовсе умолкнуть нежели измѣнить направленіе и характеръ нашихъ сужденій.

Намъ было прискорбно прочесть въ статьѣ *Сѣверной Почты* слѣдующія слова: «*Намъ пишутъ*, говорятъ *Московскія Вѣдомости*; и на основаніи этого *намъ пишутъ* построенъ рядъ «обвиненій или нареканій, направленныхъ не только противъ «нѣсколькихъ губернаторовъ, поименованныхъ чрезъ поименование ввѣренныхъ имъ губерній, но и противъ губернскихъ «властей вообще.» Мы не можемъ не пожалѣть, что наша статья подала поводъ къ такимъ заключеніямъ: никакихъ обвиненій или нареканій въ ней не высказывается, ни подразумѣвается. *Сѣверная Почта* вызываетъ насъ указать на случаи въ которыхъ проявилось бы стремленіе губернаторовъ стѣснить самостоятельность мировыхъ учрежденій, въ которыхъ обнаружилось бы неправильное вмѣшательство въ кругъ ихъ дѣятельности, въ которыхъ нарушены были ихъ коренныя основанія, и гдѣ бы подобныя дѣйствія мѣстныхъ начальствъ были одобрены или поддержаны властью высшихъ правительственныхъ инстанцій. Но статья наша о которой идетъ рѣчь отнюдь не имѣла въ виду изобличать неправильный образъ дѣйствій губернскихъ властей. Насъ занимали не какіе-либо частные случаи, относящіеся къ мировымъ учрежденіямъ, а общее положеніе ихъ, и замѣтка наша имѣла своею цѣлію способствовать разъясненію не нами заданнаго вопроса. Мы не говорили, что въ той или другой изъ поименованныхъ нами губерній, губернаторы или губернскія присутствія совершали какія-либо злоупотребленія (обвиненія и нареканія могутъ относиться только къ злоупотребленіямъ); мы говорили лишь о томъ значеніи, которое, по нашему мнѣнію, свойственно мировымъ съѣздамъ, о харак-

терѣ тѣхъ отношеній въ которыхъ они, по нашему мнѣнію, должны находиться къ губернскимъ присутствіямъ или къ губернскимъ властямъ. Намъ казалось и кажется, что мировыя учрежденія могутъ приносить пользу только при условіи возможно большей самостоятельности, которую, если мы не ошибаемся, законъ имѣлъ въ виду сообщить имъ. Держась опредѣленнаго взгляда на мировыя учрежденія, мы весьма естественно беремъ его въ основаніе при оцѣнкѣ всякаго вопроса который ихъ касается. Еслибы все на свѣтѣ дѣлалось *modo geometrico*, то не было бы никакихъ сомнѣній и разногласій. Однако, не только по вопросамъ возникающимъ въ жизни, но даже и по вопросамъ математическимъ, сколько-нибудь сложнымъ, могутъ возникать сомнѣнія, и путь къ рѣшенію можетъ представляться различно съ различныхъ точекъ зрѣнія. «Намъ пишутъ», сказали мы, и на основаніи этого *намъ пишутъ* изложили въ главныхъ чертахъ возникшій въ трехъ губерніяхъ вопросъ относительно срока для обжалованія единогласныхъ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ по дѣлу обязательнаго разверстанія угодій (не жалобъ допускаемыхъ ст. 127 Полож. объ учрежд.). Болѣе ничего не говорили мы въ нашей статьѣ о дѣйствіяхъ губернаторовъ или губернскихъ присутствій въ трехъ поименованныхъ нами губерніяхъ. Возбужденный вопросъ казался намъ интереснымъ и важнымъ. Онъ давалъ поводъ къ нѣкоторымъ размышленіямъ, и мы считали своимъ долгомъ высказать то что казалось намъ въ этомъ отношеніи полезнымъ. Фактическимъ основаніемъ нашей статьи было не какое-либо обвиненіе или нареканіе, а вопросъ дѣйствительно возбужденный тремя губернскими присутствіями; все остальное были наши заключенія изъ этой фактической посылки, ни для кого необязательныя мнѣнія частнаго органа о дѣлѣ, съ которымъ связано столько существенныхъ интересовъ.

Мы искренно сожалѣемъ, если мы подали поводъ полагать, будто бы мы имѣли давать «назидательные совѣты и губернаторамъ, и членамъ мировыхъ съѣздовъ». Въ нѣкоторомъ отношеніи, всякое болѣе или менѣе опредѣленное мнѣніе можетъ быть принято за совѣтъ. Но наши взгляды и сужденія

допускаютъ возможность множества другихъ взглядовъ и сужденій по одному и тому же предмету; они никого стѣснять не могутъ; ихъ можно отвергать, на нихъ можно не обращать вниманія, не приписывая намъ претензіи давать кому бы то ни было урокп.

Если мы иногда считаемъ нужнымъ усленно отстанвать самостоятельность мировыхъ съѣздовъ, то это дѣлается нами не потому чтобы мы предполагали въ лицахъ административныхъ какое-либо недоброжелательство къ нимъ. Совсѣмъ не въ этомъ дѣло; совсѣмъ не это заботитъ людей которые желали бы возможно болѣе успѣшнаго и болѣе широкаго хода новымъ возникающимъ у насъ началамъ управленія. Есть обстоятельства которыя не зависятъ отъ воли и намѣреній людей. Можно имѣть полную увѣренность въ благорасположеніи лицъ, и въ то же время опасаться неблагопріятныхъ условій болѣе сильныхъ чѣмъ добрая воля людей. Бюрократическій порядокъ господствуетъ у насъ издавна, господствуетъ исключительно; все у насъ дѣлается и движется путемъ бюрократической организаціи; всѣ обычаи и пріемы нашей администраціи— бюрократическаго свойства. Это громадная сила: мудрено ли, что слабые едва нараждающіеся начатки другаго порядка подвергаются безпрерывнымъ опасностямъ посреди всеобъемлющаго круга ея дѣйствій? Всякая сила старается превозмочь и уподобить себѣ то что́ съ ней разнородно или ей противоположно; не естественно ли, что бюрократическая организація стремится всячески затянуть въ свою сферу начатки другаго рода организаціи, которые едва показываются у насъ въ слабыхъ намекахъ, уподобить ихъ себѣ и наложить на нихъ свою печать? Повторимъ: здѣсь воля, побужденія, и самыя ясныя понятія людей часто оказываются безсильными; борьба и разногласіе идутъ не между людьми, а между началами, такъ что люди наиболѣе расположенные, наиболѣе заинтересованные отстанвать начатки новой организаціи, невольно уступаютъ на практикѣ господствующей организаціи, въ духѣ которой все построено и все дѣйствуетъ. Новыя учрежденія невольно чувствуются на практикѣ какою-то аномаліей, какимъ-то безпорядкомъ, нару-

шающимъ общій строй, и невольно возникаютъ побужденія складить безпорядокъ и возстановить нарушенное единство общей системы. Мировыя учрежденія у насъ представляютъ собой почти единственное исключеніе изъ бюрократическихъ порядковъ, почти единственный примѣръ управленія не въ бюрократическомъ смыслѣ. А между тѣмъ, что̀ еще такое эти мировыя учрежденія у насъ? До сихъ поръ они имѣютъ значеніе только въ качествѣ временной мѣры, и самая сущность ихъ выразилась въ ихъ организаціи не съ достаточною ясностію и полнотой; все въ нихъ еще слабо, сомнительно, шатко. Вотъ почему невольно приходится дорожить всякимъ, даже повидимому самымъ незначительнымъ обстоятельствомъ, которымъ поддерживается самостоятельность мировыхъ съѣздовъ, всякою чертой которою типъ этого учрежденія отличается отъ всего что̀ окружаетъ его или надъ нимъ высится. Губернское присутствіе никакъ не можетъ относиться къ одной категоріи съ мировыми съѣздами, хотя губернское присутствіе и называется въ положеніи мировымъ учрежденіемъ; въ губернскомъ присутствіи нѣтъ ни одной черты которая бы существенно сближала его съ этимъ типомъ учрежденій и отличала бы его отъ повсемѣстной бюрократической организаціи; это обыкновенное коллегіальное присутственное мѣсто, которое пріурочено мировому институту, но существенно отличается отъ него и отнюдь не можетъ составлять съ нимъ одно органическое цѣлое. Всякая расширенная компетенція губернскихъ присутствій всегда будетъ обращаться въ ущербъ мировымъ учрежденіямъ, и если въ томъ или другомъ случаѣ расширеніе это оказывается необходимымъ, то нельзя по крайней мѣрѣ не посѣтовать на эту необходимость и не пожелать устраненія тѣхъ обстоятельствъ которыя порождаютъ ее.

Независимое мнѣніе и власть—суть двѣ разнородныя сферы, двѣ несоизмѣримыя величины. Слѣдя за какимъ-либо общественнымъ интересомъ, или за ходомъ какого-либо дѣла, независимое мнѣніе, непричастное дѣламъ, ни для кого не обязательное, никогда не можетъ имѣть характеръ навязаннаго назиданія; ошибочное, оно отбрасывается, и его никто не

слушаетъ; справедливое и дѣльное, оно принимается къ свѣдѣнію. Сила такого мнѣнія заключается не въ авторитетѣ говорящаго, а въ соотвѣтствіи съ разумѣніемъ дѣла или съ его внутреннимъ интересомъ. Независимое мнѣніе сохраняетъ этотъ характеръ лишь въ той мѣрѣ, въ какой остается независимымъ; напротивъ, мнѣніе служащее органомъ лицъ непосредственно участвующихъ въ дѣлахъ—совсѣмъ другаго свойства: оно имѣетъ въ виду множество условій, съ которыми соединяется развитіе дѣла на практикѣ. *Сѣверная Почта* прекрасно характеризуетъ положеніе лицъ дѣйствующихъ по управленію: они подвержены множеству разнообразныхъ впечатлѣній и вліяній, которыя неизвѣстны людямъ въ дѣлахъ не участвующимъ и которыя однако имѣютъ большую важность; первые должны считаться и вѣдаться со множествомъ такихъ элементовъ о которыхъ и понятія не можетъ имѣть человѣкъ не принимающій въ дѣлахъ непосредственнаго участія и претендующій только на независимость, а отнюдь не на обязательность своего сужденія. Но посреди множества разнообразныхъ вліяній и элементовъ съ которыми приходится вѣдаться людямъ власти, иногда можетъ-быть для нихъ не излишне слышать мнѣніе независимое—не какъ указаніе или даже совѣтъ, но какъ элементъ для соображенія. Часто такое мнѣніе бываетъ непрактично, именно потому что оно не соображено со многими элементами, которые хотя и не находятся въ неразрывной связи съ предметомъ, но тѣмъ не менѣе связаны съ нимъ обстоятельствами; но оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть оттѣнка докторальности. Докторально судитъ тотъ кто имѣетъ претензію сдѣлать лучше чѣмъ дѣлаютъ другіе.

Сужденія наши о мѣрахъ принимаемыхъ по разнымъ отраслямъ управленія никогда не имѣли и не могли имѣть силы порицанія. Слѣдя за какимъ бы то ни было общественнымъ интересомъ, мы находимъ, что та или другая мѣра можетъ либо способствовать ему, либо имѣть неблагопріятныя для него послѣдствія. Но мы не можемъ не знать, что въ одно и то же время существуетъ въ государствѣ много другихъ интересовъ, и какъ законодательство, такъ и администрація имѣютъ въ

виду всю ихъ совокупность. Когда впервые возникъ вопросъ о сокращеніи мировыхъ участковъ, мы сочли нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что эта мѣра болѣе или менѣе неблагопріятна для твердости и самостоятельности мироваго института; мы высказали наши доводы, не считая полезнымъ скрывать то что могло служить къ разъясненію дѣла въ этомъ смыслѣ. Но основательно или неосновательно было наше мнѣніе о неблагопріятномъ дѣйствіи означенной мѣры относительно мировыхъ учрежденій, оно ни въ какомъ случаѣ не клонилось къ порицанію. Мы увѣрены, что были обстоятельства дѣлавшія принятіе ея необходимымъ и полезнымъ. Но тѣмъ не менѣе мы считали дозволительнымъ посѣтовать на обстоятельства, которыя сложились не совсѣмъ благопріятно для мироваго института. Что казалось намъ неблагопріятнымъ въ этомъ отношеніи, то считали мы нелишнимъ выставить въ чертахъ сколь можно болѣе ясныхъ и даже быть-можетъ рѣзкихъ. Всегда полезно знать чего стоитъ тотъ или другой дѣлаемый шагъ. Мѣра требовалась обстоятельствами, но очень часто бываетъ, что съ принятіемъ самой необходимой и полезной мѣры можетъ соединяться какая-либо невыгода, какой-либо относительный ущербъ, и цѣну этой невыгодѣ, мѣру этого ущерба не худо представлять себѣ со всею ясностію для того чтобы въ послѣдствіи возмѣстить ихъ. Если какому-нибудь дѣлу или учрежденію причиняется ущербъ въ силу обстоятельствъ, или по требованію другихъ болѣе настоятельныхъ интересовъ,—то оцѣнка этого ущерба есть какъ бы признаніе долга, который въ свое время подлежитъ уплатѣ. Ущербъ причиненный дѣлу съ одной стороны, можетъ и долженъ быть возмѣщенъ съ другой, а потому-то лучше давать ему преувеличенное значеніе нежели проходить его молчаніемъ. Точно такъ же судили мы и въ томъ случаѣ который былъ предметомъ статьи обратившей на себя вниманіе *Сѣверной Почты*. Если губернскія присутствія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ находили нужнымъ постановить срокъ для обжалованія окончательныхъ рѣшеній мироваго съѣзда, то ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, побуждали къ тому какія-либо серіозныя причины. Вѣроятно, были случаи неправильныхъ рѣшеній при

разверстаніи угодій, или были опасенія за подобные случаи. Можетъ-быть эти опасенія были преувеличены,—въ такомъ случаѣ можно было пожелать чтобы юрисдикція мировыхъ съѣздовъ не подвергалась стѣсненію; но можетъ-быть эти опасенія были основательны и неоднократно оправдывались,—въ такомъ случаѣ естественно было посѣтовать на тѣ мировые съѣзды которые компрометтируютъ цѣлое учрежденіе и вмѣстѣ вредятъ связаннымъ съ нимъ интересамъ. Нельзя было притомъ не замѣтить, что губернское начальство имѣетъ законное средство вліянія на дѣла о разверстаніи угодій черезъ членовъ отъ правительства присутствующихъ на мировыхъ съѣздахъ. Вотъ весь смыслъ нашей замѣтки.

Считаемъ не лишнимъ впрочемъ прибавить, что мы написали бы нашу замѣтку нѣсколько иначе, еслибы намъ было извѣстно то что̀ *Сѣверная Почта* сообщаетъ теперь о ходѣ этого вопроса. Мы узнаемъ изъ статьи *Сѣверной Почты*, что дѣло идетъ только о кассаціи единогласныхъ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, и что требуется лишь опредѣлить срокъ для подачи жалобъ имѣющихъ въ виду эту кассацію. Въ такомъ ограниченномъ видѣ вопросъ, конечно, не можетъ имѣть значенія какое мы придали ему, понимая выраженія *обжалованіе* и *назначеніе сроковъ обжалованія* въ томъ смыслѣ въ какомъ они употребляются въ Положеніяхъ 19-го февраля 1861 года. Слѣдуетъ ли назначать сроки для подачи жалобъ на основаніи ст. 127 Полож. объ Учрежд., это вопросъ о которомъ можно разсуждать и въ ту и въ другую сторону. Власти, обозрѣвающей всѣ условія, предстоитъ рѣшить что̀ въ данную минуту лучше и удобнѣе.

Вѣдомство которому органомъ въ печати служитъ *Сѣверная Почта* есть самое обширное и центральное; все въ немъ сходится или съ нимъ соприкасается, всѣ разнообразные и часто противоположные интересы громадной страны раскрываются и сталкиваются въ немъ; сюда по преимуществу привлекается общественное мнѣніе со своими желаніями, заявленіями и сужденіями. Слѣдуетъ при этомъ вспомнить, что никогда еще по внутреннимъ дѣламъ нашимъ не происходило столько

измѣненій и преобразованій, никогда не было возбуждено въ нашемъ обществѣ столько могущественныхъ интересовъ, никогда не было столько столкновеній между ними, никогда общественное мнѣніе не было такъ дѣятельно и требовательно, какъ въ настоящее время.

Общій ходъ управленія по этому столь трудному и столь обширному вѣдомству, особенно въ крестьянскомъ дѣлѣ, не служитъ ли лучшимъ свидѣтельствомъ о его духѣ и не даетъ ли лучшій отвѣтъ на всякую возможную критику того или другаго отдѣльнаго случая, той или другой частной мѣры?

XVII.

30-го марта.

Быть или не быть у насъ самоуправленію, это въ настоящее время зависитъ всего болѣе отъ судебной реформы и отъ того вліянія которое она окажетъ на земскія учрежденія. Въ теперешнихъ законодательныхъ совѣщаніяхъ рѣшается вопросъ, долженъ ли усилиться у насъ противъ прежняго чиновническій элементъ, или будетъ допущено противовѣсіе ему въ системѣ мѣстнаго управленія посредствомъ людей взятыхъ изъ общества, служащихъ не изъ жалованья и связанныхъ разнообразными интересами съ тѣмъ дѣломъ которое имъ ввѣрено. Начатки этой второй системы, дальнѣйшее развитіе которой такъ желательно для нашего отечества, даны въ мировыхъ посредническихъ учрежденіяхъ, и есть основанія надѣяться, что судебная реформа, несмотря на всѣ трудности съ которыми сопряжено это великое дѣло, несмотря на тучу недоразумѣній которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ его, воспользуется результатами сдѣланнаго опыта и не только не устранитъ, но подвинетъ впередъ то устройство, которому крестьянская реформа такъ много обязана своимъ успѣхомъ. Въ этой надеждѣ утверждаютъ нѣкоторыя указанія на руководящія мысли вырабатываемой нынѣ реформы. Должность мировыхъ судей, какъ выражено въ удостоившемся Высочайшаго одобренія мнѣніи

нѣсколькихъ членовъ Государственнаго Совѣта (соед. деп.), «выше и полезнѣе должности нынѣшняго мироваго посредника». Мировые судьи «сохранятъ и ту независимость въ служебныхъ отношеніяхъ и то вліяніе на полицію, которыми пользуются нынѣшніе мировые посредники». Этому взгляду на характеръ должности мироваго судьи совершенно соотвѣтствуетъ то, что одною изъ «самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для поддержанія достоинства и силы мироваго учрежденія» признанъ цензъ. Отъ приведенныхъ мыслей вѣетъ именно тѣмъ духомъ, въ которомъ долженъ быть созданъ институтъ мировыхъ судей, если ему суждено стать органомъ мѣстнаго самоуправленія не въ теоріи законодателя, а въ дѣйствительности. Но эти мысли идутъ до такой степени въ разрѣзъ съ ходячими взглядами, заимствованными отчасти изъ бюрократической практики, отчасти изъ того круга отвлеченныхъ французскихъ понятій, который составляетъ привычную атмосферу для большей части нашихъ образованныхъ людей, что надобно будетъ считать особеннымъ счастіемъ для Россіи и великою заслугой лицъ имѣющихъ вліяніе на ходъ судебной реформы, если эти плодотворныя мысли найдутъ себѣ достойное осуществленіе.

Было бы неестественно и удивительно, еслибы бюрократическія идеи не стремились подчинить своему вліянію судебную реформу. Эти идеи очень сильны; доселѣ еще преобладаютъ онѣ на практикѣ во всѣхъ государствахъ материка Европы. Онѣ отличаются чрезвычайною способностью прилаживаться ко всѣмъ односторонним политическимъ системамъ, всякимъ политическимъ крайностямъ. Онѣ дружатся съ революціей, съ демократіей, съ соціализмомъ. Съ ними кокетничаютъ и ихъ готовы поддерживать всѣ утопіи. Во Франціи бюрократія служила равно удобнымъ орудіемъ и для революціи, и для обѣихъ имперій, и для обѣихъ монархій, бурбонской и іюльской. Въ Пруссіи бюрократія служила абсолютизму точно также какъ теперь служитъ прогрессистамъ, составляя главную и почти единственную почву ихъ партіи. Нерѣдко мы видимъ, что чѣмъ болѣе на словахъ ополчаются противъ бюрократической системы, тѣмъ большее поприще предоставляется ей на дѣлѣ.

Особенно рѣшительны бываютъ тѣ моменты политической жизни государства, когда неудержимая сила обстоятельствъ видоизмѣняетъ, ослабляетъ или совсѣмъ отмѣняетъ существовавшую дотолѣ сословную организацію. Эта организація вездѣ, гдѣ она существовала, была въ нѣкоторой степени препоной для бюрократіи. Но когда сословныя учрежденія теряютъ свое прежнее значеніе, то должно послѣдовать одно изъ двухъ: или ихъ наслѣдство достанется самоуправленію, очищенному отъ сословнаго характера, или бюрократія займетъ то мѣсто которое принадлежало сословнымъ учрежденіямъ. Въ Россіи, съ отмѣной крѣпостнаго права, начался именно этотъ процессъ, который, рано ли, поздно ли, не можетъ не привести къ замѣнѣ сословныхъ учрежденій либо бюрократіей, либо земскимъ самоуправленіемъ. Въ первомъ случаѣ чиновничество усилится противъ прежняго; во второмъ случаѣ на ряду съ бюрократіей, какъ однимъ изъ средствъ государственнаго управленія, найдетъ себѣ мѣсто другая система, которая оградитъ политическую жизнь страны отъ односторонняго развитія, причиняющаго на нашихъ глазахъ величайшія затрудненія и, можно сказать, бѣдствія въ большей части государствъ материка Европы.

Корень зла сознается теперь весьма многими и всѣ видятъ главное средство противъ него въ устройствѣ мѣстнаго управленія. Но одного сознанія тутъ недостаточно и одно разумѣніе безсильно для борьбы съ укоренившимся зломъ. Въ Пруссіи правительство видитъ и чувствуетъ теперь къ чему ведетъ господство чиновничества, но для того чтобъ освободить государство изъ-подъ этой власти потребовался бы *coup d'état*, да и за тѣмъ еще сомнительно—оказались ли бы политически годными тѣ общественныя силы, которыя такъ долго находились въ фальшивомъ искусственномъ положеніи посреди народной жизни. Мы говорили въ № 70-мъ о новомъ баденскомъ постановленіи относительно окружныхъ совѣтовъ. Позволимъ себѣ привести изъ выходящей въ Берлинѣ *Wochenschrift für Gemeinde-Verwaltungswesen* нѣсколько словъ, сказанныхъ по поводу этого постановленія и вызванныхъ тою мыслію, что въ

Пруссіи ничто подобное невозможно. Вотъ эти слова, или лучше, этотъ вопль отчаянія:

«Пруссія передовой боецъ Германіи. Совершенно справедливо! Но въ послѣдніе десять лѣтъ она была болѣе передовымъ бойцомъ нѣмецкаго безразсудства чѣмъ нѣмецкой доблести, болѣе образцомъ того чего надобно избѣгать нежели чему подражать. Именно въ Пруссіи нѣмецкая отвлеченность всего болѣе перешла въ государственную жизнь и вызвала здѣсь бездну безобразія, нелѣпостей и претензій, не въ одномъ какомъ-либо направленіи, а во всѣхъ. До тѣхъ поръ пока этотъ духъ не будетъ изгнанъ изъ Пруссіи, пока страсть къ догмату и формулѣ не будетъ искоренена, пока мы не примемся управлять снизу вверхъ, а не сверху внизъ, пока образованному, равно какъ и необразованному юнкерству не будетъ положенъ предѣлъ, Пруссія останется тѣмъ что она есть,—предметомъ самаго достохвальнаго состраданія. Нигдѣ какъ въ Пруссіи политическая формалистика не была отстаиваема съ такимъ упорствомъ и рѣзкостью, нигдѣ не достигала такого господства политическая фраза».

Отъ насъ совершенно зависитъ избѣжать тѣхъ политическихъ затрудненій съ которыми теперь такъ трудно бороться для государствъ развившихъ въ себѣ бюрократію насчетъ общественныхъ силъ. Но чтобъ избѣжать этихъ затрудненій, надобно ясно представлять себѣ задачу. Дѣло заключается не въ выборномъ началѣ, которое уже достаточно испытано и нами и другими народами; еще менѣе оно заключается въ раздѣленіи административной и судебной власти, которое имѣетъ значеніе въ высшихъ инстанціяхъ, а относительно мироваго института теряетъ всякій смыслъ. Сущность дѣла заключается въ томъ чтобы мѣстное управленіе находилось въ рукахъ людей которые шли бы въ должность мироваго судьи не изъ-за жалованья или какой-либо другой поживы. Но что́ какъ не цензъ можетъ вести къ этой цѣли, особенно если допускается возмездность? Не при этомъ ли одномъ условіи выборное начало можетъ оказаться безвреднымъ, потому что безъ этого условія выборы неминуемо сдѣлались бы поприщемъ для интриги? Если

же цензъ необходимъ для мироваго института, то надобно признать эту необходимость съ тою искренностью, которая предписывается достоинствомъ. Вводя цензъ надобно ввести серіозный цензъ, то-есть по меньшей мѣрѣ тотъ цензъ который принятъ нынѣ для назначенія въ должность мировыхъ посредниковъ. Если же цензъ будетъ назначенъ низкій, то не для чего окружать почетомъ званіе мироваго судьи. Это будутъ *insani praetia scribae*, надъ которыми и теперь, какъ во времена Горація, можно только смѣяться.

XVIII.

31-го марта.

При устройствѣ мѣстнаго самоуправленія—первый и главнѣйшій вопросъ, кому и на какомъ основаніи будетъ сообщаться званіе мировыхъ судей? Безъ всякаго сомнѣнія, мировые судьи должны быть изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ жителей, собственниковъ или землевладѣльцевъ; безъ всякаго сомнѣнія также, право быть мировымъ судьей можетъ принадлежать лишь собственникамъ извѣстнаго ценза, и конечно цензъ мироваго судьи не долженъ быть слишкомъ низокъ. Назначить цензомъ для званія мироваго судьи 100 р. ежегоднаго дохода значило бы вовсе не назначать ценза, что было бы откровеннѣе и проще. Но на какомъ основаніи мѣстные собственники извѣстнаго ценза могутъ становиться мировыми судьями,—на основаніи ли выборовъ, или назначенія отъ правительства? Мы считаемъ послѣдній способъ, вообще говоря, болѣе удовлетворительнымъ,—если только онъ не имѣетъ бюрократическаго характера; но намъ кажется, что въ Россіи на первое время ни тотъ, ни другой способъ не могъ бы быть съ успѣхомъ примѣненъ къ мировымъ судьямъ. Бюрократическій способъ назначенія мировыхъ судей могъ бы только затруднить правительство, и едва ли бы могъ дать удовлетворительные результаты. Но едва ли также и способъ выборовъ на обыкновенныхъ основаніяхъ могъ бы приводить къ результатамъ лучшаго свойства. Все хорошо на своемъ мѣстѣ

и для своего назначенія. Выборные представители, это понятно и это хорошо; но выборные судьи или выборные администраторы, особенно судьи, дѣло иное. Если бюрократическій способъ есть механизмъ самый неудовлетворительный и совершенно несовмѣстный съ характеромъ самоуправленія, то и выборное начало въ такого рода дѣлахъ не всегда можетъ обезпечивать лучшіе результаты; оно также можетъ становиться слѣпымъ орудіемъ всякаго рода недостойныхъ искательствъ. Если должность заключаетъ въ себѣ что-либо привлекательное въ какомъ бы то ни было смыслѣ, то всегда окажутся люди искательные, которые будутъ всячески добиваться ея, и, какъ обыкновенно бываетъ, по большей части должность займутъ не столько тѣ кто лучше и достойнѣе, сколько тѣ кто искательнѣе. Чѣмъ достойнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе одаренъ онъ свойствами искательства, тѣмъ менѣе онъ способенъ къ продѣлкамъ, съ которыми по большей части бываетъ сопряжено стяжаніе благосклонности или популярности. Нельзя ожидать никакого прока отъ учрежденія которое допуститъ въ широкихъ размѣрахъ элементъ искательства и интриги. Не только самое учрежденіе подвергается коренной и существенной порчѣ: оно и вокругъ распространяетъ заразу. Что общественная среда гдѣ въ широкихъ размѣрахъ допущено начало искательства никогда не можетъ быть вполнѣ здоровою, доказательствомъ тому служатъ Соединенные Штаты. Да и можно ли назвать такую систему самоуправленіемъ, гдѣ органами ему служатъ люди не въ силу своего хозяйскаго права, соединеннаго съ извѣстными размѣрами собственности, а въ качествѣ делегатовъ или уполномоченныхъ? Такое управленіе можетъ быть названо управленіемъ посредствомъ людей выборныхъ, но его нельзя назвать самоуправленіемъ, то-есть такою системой, которой органы дѣйствуютъ не въ качествѣ представителей чьего-либо чужаго права, а вслѣдствіе предоставленнаго имъ самимъ личнаго права управлять мѣстными дѣлами подъ своею личною отвѣтственностью.

Теперь въ Англіи всякій землевладѣлецъ, имѣющій по цензу и другимъ условіямъ право быть мировымъ судьей, заявляетъ о своемъ желаніи принять на себя эту должность и тотчасъ

же утверждается въ ней короной. Случаи отказа въ утвержденіи встрѣчаются крайне рѣдко, а равно крайне рѣдко корона пользуется своимъ правомъ исключать мировыхъ судей изъ списка. Поэтому право назначенія мировыхъ судей въ Англіи, принадлежащее правительству, превратилось теперь въ формальность, и мировые судьи получаютъ теперь власть, собственно говоря, не отъ правительства, а въ силу ценза, дающаго имъ такъ-сказать право считаться хозяевами въ своей мѣстности. Эти хозяева сами вѣдаютъ свои дѣла, и въ этомъ состоитъ самоуправленіе. Но такой порядокъ установился постепенно. Сначала оказывалось необходимымъ не всѣхъ джентльменовъ извѣстнаго ценза допускать въ должность мировыхъ судей, а отбирать изъ ихъ среды болѣе надежныхъ людей. Это было впрочемъ не назначеніе немногихъ изъ числа весьма многихъ, что походило бы на назначеніе чиновниковъ, а простое отдѣленіе всѣхъ сколько-нибудь надежныхъ людей отъ людей очевидно не способныхъ. Еслибъ эта отборка производилась притязательно, то мировые судьи Англіи легко уподобились бы чиновникамъ, но отъ такой опасности оберегла Англію та удивительная государственная мудрость, которою отличается вся исторія политическихъ учрежденій этой страны. Чтобъ оставить должное значеніе за цензомъ и не дѣлать строгой браковки при утвержденіи мировыхъ судей, но вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить удовлетворительность ихъ службы, придумано было слѣдующее средство: въ средѣ мировыхъ судей производили еще разъ отборку, и на основаніи этой вторичной отборки дѣлили мировыхъ судей на два разряда: на мировыхъ судей простыхъ и такъ называемыхъ *quorum*. Но съ другой стороны, чтобъ не унизить и простыхъ мировыхъ судей, не было положено такого различія между ними и *quorum*, вслѣдствіе котораго простые мировые судьи превратились бы, какъ иные предполагаютъ сдѣлать у насъ, либо въ третейскихъ судей (судящихъ только въ томъ случаѣ, когда къ нимъ обратятся обѣ тяжущіяся стороны), либо въ судейскихъ засѣдателей, а вся власть досталась бы мировымъ судьямъ *quorum*. Судьи обоихъ разрядовъ были уравнены между собой, но ихъ единоличному

суду были предоставлены лишь самыя маловажныя дѣла, а для рѣшенія дѣлъ болѣе серіозныхъ требовалось участіе двухъ мировыхъ судей, и въ этомъ-то случаѣ однимъ изъ двухъ долженъ былъ непремѣнно быть судья изъ разряда *quorum* (quorum alterum esse volumus, говорилось въ королевской грамотѣ, откуда и терминъ *quorum*). Теперь, какъ извѣстно, въ этомъ дѣленіи на разряды уже не оказывается болѣе надобности, и всѣ мировые судьи утверждаются въ должности на правахъ *quorum*.

Вотъ какъ поступали въ Англіи, и вотъ какому образу дѣйствій Англія обязана тѣмъ, что ея мѣстное управленіе свободно отъ бюрократическаго характера и почти ничего не стоитъ странѣ. Легко замѣтить что сила обстоятельствъ клонитъ ко введенію у насъ подобнаго же дѣленія мировыхъ судей на два разряда: участковыхъ и почетныхъ. Надобно желать чтобы наше законодательство извлекло изъ этого дѣленія наибольшую пользу, но для этого два разряда мировыхъ судей должны быть поставлены въ благопріятныя взаимныя отношенія. Въ одной замѣчательной запискѣ по вопросу о судебной реформѣ мы находимъ слѣдующій взглядъ на почетныхъ мировыхъ судей: «они могутъ ставить рѣшенія по дѣлу только въ томъ случаѣ, если обѣ стороны согласятся предоставить имъ это право; въ противномъ случаѣ, почетный мировой судья разказываетъ изслѣдованное имъ дѣло въ присутствіи тяжущихся участковому мировому судьѣ и тѣмъ доставляетъ ему возможность постановить рѣшеніе скоро и правильно.» Очень можетъ-быть что особенно во многолюдныхъ городахъ окажется надобность въ судейскихъ помощникахъ такого рода, но трудно понять зачѣмъ понадобилось бы такимъ помощникамъ названіе почетнаго мироваго судьи. Въ той же запискѣ мы читаемъ далѣе: «Люди съ большимъ состояніемъ, для которыхъ имѣть должность и пользоваться извѣстнымъ содержаніемъ, или не имѣть ея, не составляетъ чувствительной разницы, едва ли согласятся занять должность участковаго мироваго судьи и жить въ своихъ участкахъ; они скорѣе примутъ званіе почетныхъ мировыхъ судей, въ которомъ они могутъ

принести не менѣе пользы, не принимая на себя мелочной и копотливой работы, соединенной съ большою отвѣтственностью.» Итакъ, въ участковые мировые судьи пойдутъ люди для которыхъ получить или не получить эту должность составитъ чувствительную разницу, то-есть мелкіе помѣщики, такъ что изъ теперешнихъ посредниковъ немногіе пошли бы въ должность участковаго мироваго судьи: вотъ какъ иные предполагаютъ поставить эту должность. Какъ же согласить съ этимъ тотъ правильный взглядъ, что должность мироваго судьи должна быть еще выше и полезнѣе должности мироваго посредника? Этотъ вопросъ тѣмъ полновѣснѣе, что если теперешніе мировые посредники не пойдутъ въ должность участковаго мироваго судьи, то тѣмъ менѣе пойдутъ они въ должность почетнаго мироваго судьи, поставленную такъ, какъ сказано въ упомянутой выше запискѣ. Мировой судъ устроенный такимъ образомъ будетъ стоять въ общественномъ мнѣніи много ниже теперешняго мироваго института; и ужь конечно ни высокое жалованье участковыхъ мировыхъ судей, ни назначеніе ихъ по выбору уѣздныхъ или губернскихъ (земскихъ) собраній, не возвысятъ мировыхъ судей въ глазахъ народа. Прибавится только интригъ на выборахъ,—а мировые судьи будутъ поставлены въ необходимость угождать вліятельнымъ лицамъ, и притомъ даже не въ уѣздѣ, а въ уѣздномъ земскомъ собраніи.

Повидимому есть средства избѣжать этого неудобства. Раздѣленіе мировыхъ судей на участковыхъ и почетныхъ никакъ не можетъ быть предоставлено обыкновеннымъ выборамъ. Тутъ возможно одно изъ двухъ: или вести это дѣло тѣмъ порядкомъ какъ назначались мировые посредники, или предоставить его самому мировому собранію, что̀ повидимому удобнѣе, потому что въ такомъ случаѣ облегчился бы замѣнъ участковыхъ судей почетными и установилась бы солидарность между ними. Мы не беремся рѣшать, какой изъ этихъ двухъ способовъ лучше, и только настаиваемъ на томъ, что земскому собранію это дѣло не можетъ быть предоставлено безъ серіознаго ущерба мировому институту. Затѣмъ, кажется намъ, нѣтъ никакой надобности ограничивать права мироваго судьи. Это значило

бы сосредоточить всѣ дѣла у участковыхъ мировыхъ судей и обременить ихъ не по силамъ. Съ другой стороны, это значило бы признать неблагонадежными почетныхъ судей только потому что они служатъ безвозмездно. Наконецъ, нѣтъ причины назначать цифру мировыхъ судей уѣзда: чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ легче будетъ имъ самимъ и тѣмъ удобнѣе для населенія. Если мы не ошибаемся, только съ этими ограниченіями можетъ быть допущено выборное начало при назначеніи мировыхъ судей. Пусть будетъ составленъ списокъ лицъ имѣющихъ право быть мировымъ судьей; пусть изъ этихъ лицъ всѣ тѣ которые получатъ большинство избирательныхъ голосовъ считаются выбранными и по законномъ утвержденіи вступятъ въ права мировыхъ судей. Такимъ образомъ число мировыхъ судей каждаго уѣзда опредѣлится сообразно наличному составу землевладѣльческаго класса, и мировой институтъ воспользуется всѣми силами какія только окажутся въ той или другой мѣстности. Считаемъ впрочемъ нужнымъ оговориться что такой способъ назначенія мировыхъ судей былъ бы удобенъ только на первый разъ.

АПРѢЛЬ.

I.

2-го апрѣля.

Кіевское *римско-католическое* дворянство представило всеподданнѣйшій адресъ. Мы радуемся этому болѣе всего въ интересѣ самихъ гг. дворянъ римско-католическаго исповѣданія Кіевской губерніи, и расположены принимать въ самомъ серіозномъ и буквальномъ смыслѣ слова адреса: «мы всѣ, проникнутые чувствами любви и долга, присоединяемся къ великой семьѣ русской».

Исторія не передѣлывается и не идетъ вспять. Русское государство создавалось цѣлое тысячелѣтіе и не исчезнетъ какъ призракъ. Оно можетъ испытать случайныя внутреннія затрудненія, можетъ потерпѣть неудачи въ Европѣ; его могутъ стѣснить и слутать какими-нибудь временными невыгодными трактатами; это великое тѣло могутъ пришпнуть здѣсь, оторвать у него клочокъ въ другомъ мѣстѣ: но вычеркнуть его изъ системы европейскихъ державъ и отбросить въ Азію, но разрѣзать его на двое и сочинить для каждой изъ его половинъ какую-то особую спеціальную *миссію*,—это могло пригрезиться только сумасбродамъ. Только въ людяхъ эмиграціи, оторванныхъ отъ всякой почвы и не имѣющихъ никакого понятія ни о Русскомъ народѣ вообще, ни о малороссійскомъ крестьянинѣ въ особенности, еще сколько-нибудь понятны подобныя мечтанія, такъ же мало сходныя съ дѣйствительностію, какъ сонныя

грезы голоднаго бѣдняка дѣлающія его обладателемъ златоверхихъ дворцовъ и влюбленныхъ въ него принцессъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если кіевскіе и иные русскіе дворяне римско-католическаго исповѣданія (большею частію, по самому происхожденію своему, коренные русскіе люди: пусть они вспомнятъ это!) обладаютъ здравымъ смысломъ, то они должны съ величайшею искренностію, безъ всякой затаенной мысли, съ полною доброю волей примкнуть къ великой семьѣ русской, примкнуть къ ней всѣми своими надеждами.

Есть впрочемъ люди которые сомнѣваются, слѣдуетъ ли желать чтобы русскій языкъ укоренялся между католическимъ населеніемъ западныхъ губерній, и не пострадаютъ ли интересы наши, если католическое вѣроученіе будетъ преподаваться на русскомъ языкѣ. Эти политики полагаютъ что католикъ западныхъ губерній непремѣнно долженъ быть Полякомъ.

Церковное единство есть великое благо, но церковное единство отнюдь не можетъ совпадать съ единствомъ національнымъ и политическимъ; *требовать* единства религіи значило бы требовать невозможнаго. Вѣра не отъ міра сего, и разграниченія существующія между различными христіанскими исповѣданіями не подчиняются и не могутъ подчиняться ни этнографическимъ признакамъ, ни географическимъ очертаніямъ. Остается языкъ, главное значеніе національнаго единства. Самое прочное изъ всѣхъ завоеваній есть завоеваніе дѣлаемое языкомъ какого-нибудь народа. Гдѣ звучитъ русская рѣчь, гдѣ она связана со всѣми мыслями и чувствованіями людей, тамъ Россія.

Исторія создала нѣсколько языковъ имѣющихъ всемірное значеніе, богатыхъ, разнообразныхъ, способныхъ служить органомъ цивилизаціи и находить въ себѣ оттѣнки соотвѣтствующіе всѣмъ видоизмѣненіямъ понятій. Къ числу такихъ языковъ принадлежитъ и русскій; ему, безъ сомнѣнія, суждено стать языкомъ всемірнымъ, подобно французскому, англійскому, нѣмецкому. Какъ нація русская, такъ и ея языкъ ждутъ своей будущности, и какъ въ предшествующія 150 лѣтъ наше оружіе и наша политика имѣли свое значеніе на вѣсахъ Европы,

такъ современемъ долженъ пріобрѣсти значеніе и нашъ языкъ. Онъ ширится, онъ требуетъ простора, и это можетъ-быть самое сильное и самостоятельное требованіе изъ всѣхъ пробудившихся въ Россіи требованій. Будемъ ли противодѣйствовать тому, не дозволяя русскому языку проникать въ разнородныя среды жизни, особенно когда въ самыхъ этихъ средахъ уже оказывается стремленіе къ русскому языку?

Единство религіозное есть, повторяемъ, великое благо, но возводить его въ политическій догматъ невозможно. Католичество и полонизмъ связаны въ настоящее время, но потому-то самому и должно расторгнуть это пагубное, это столь враждебное намъ сочетаніе.

«Пусть католическіе волки являются въ своей волчьей шкурѣ», говорятъ иные почтенные охранители русскихъ интересовъ; но вѣдь нѣтъ, однако, никакой возможности запретить католикамъ знать по-русски. Противъ пропаганды могутъ быть принимаемы мѣры и безъ запрещенія католикамъ употреблять русскій языкъ въ дѣлахъ своей вѣры, а съ другой стороны мы знаемъ что и при этомъ запрещеніи производилась въ западномъ краѣ весьма дѣятельная пропаганда. Мы также знаемъ что есть русскія народонаселенія въ Австрійской имперіи, окруженныя со всѣхъ сторонъ господствующимъ католицизмомъ и сохраняющія вмѣстѣ съ своимъ языкомъ и свое православіе; мы знаемъ что и въ эпоху старой Польши, при всемъ фанатизмѣ своемъ, католицизмъ могъ осѣтить православный людъ только посредствомъ уніи, оставлявшей во всей силѣ обрядъ православія, ибо только обрядомъ и могло православіе отличаться въ глазахъ простаго человѣка отъ латинства. Но какимъ образомъ ожидать, что если католики будутъ молиться или учиться въ школахъ своему закону по-русски, то православные будутъ вслѣдствіе того совращаться въ латинство? Не то ли же это, что *baculus in angulo, ergo pluit?*

Можно ли возводить въ какой-то странный принципъ тѣ ограниченія которыя доселѣ воздвигались въ ущербъ русскому языку и русской народности, и можно ли желать чтобъ эти ограниченія продолжались, въ виду уже ясьо сознаваемаго

ущерба и очевидныхъ опасностей? Съ одной стороны, русскому языку не дозволялось касаться такихъ-то предметовъ, съ другой, воздвигались преграды естественному стремленію разнородныхъ элементовъ примкнуть къ сильнѣйшей и фактически господствующей народности, посредствомъ усвоенія ея рѣчи. Для какихъ народностей, племенъ и мельчайшихъ этнографическихъ обрывковъ не создавалось у насъ школъ? О какой грушѣ иновѣрцевъ не пеклись мы, не хлопотали ея, и не старались сохранить до позднѣйшаго потомства ея инородческую инородность? Можно ли вслѣдствіе этого ожидать, чтобы съ одной стороны нашъ языкъ и наша народность могли обнаружить всю свойственную имъ силу, а съ другой чтобы каждый племенной отпрыскъ не стремился сдѣлаться чѣмъ-нибудь во всѣхъ отношеніяхъ самостоятельнымъ? Можно ли не подивиться мысли ограничивать употребленіе русскаго языка въ странѣ которая называется Россіей, подъ тѣмъ невѣроятнымъ предлогомъ что на этомъ языкѣ удобнѣе совращать русскаго человѣка въ латинство! Почему же наконецъ не запретить и раскольникамъ говорить по-русски: если бы сочинить для нихъ особый языкъ, вѣдь тогда православные крестьяне не могли бы понимать ихъ *прелестныя* рѣчи? Не заставить ли и ихъ молиться и учиться по-польски? Вѣдь почти три милліона католиковъ (въ томъ числѣ около трехъ сотъ тысячъ коренныхъ Русскихъ) принуждаются же непремѣнно чувствовать себя Поляками въ силу своей религіи....

II.

3-го апрѣля.

Не одна петербургская печать, но точно также и московская посвящаютъ намъ свои досуги. Газета *День* почти въ каждомъ нумерѣ хлопочетъ и о нашихъ мнѣніяхъ и о насъ самихъ. Давно замолкнувшій въ литературѣ глава такъ-называемаго славянофильскаго кружка, г. Кошелевъ, только для насъ прерываетъ свое молчаніе въ газетѣ *День*; для насъ только прерываетъ свое молчаніе и другой дѣятель того же кружка

г. Ю. Самаринъ. Повидимому, только мы еще и привязываемъ этихъ почтенныхъ отшельниковъ къ жизни, съ ея треволненіями, суетами и вопросами, и не будь насъ и нашихъ мнѣній, публикѣ не удалось бы слышать ихъ руководящаго голоса. За послѣдніе два три года, помнится, кромѣ насъ, еще только Бюхнеръ произвелъ на г. Самарина нѣкоторое возбуждающее дѣйствіе, такъ что онъ принялся было писать о матеріализмѣ, написалъ нѣсколько строкъ, но остановился на самомъ интересномъ мѣстѣ, успѣвъ доказать лишь относительную пользу матеріализма какъ кислоты очищающей нравственную жизнь, и щелкнуть неразумныхъ противниковъ этой кислоты въ нашей литературѣ. Потомъ еще, помнится намъ, принимался онъ писать что-то, долженствовавшее служить введеніемъ во что-то, и также неожиданно скрылся отъ взоровъ публики. Вообще г. Самаринъ пишетъ кратко, какъ бы нехотя, и никогда не дописываетъ до конца. Перо его разыгрывается только тогда, когда онъ заводитъ рѣчь о насъ, и оно особенно разыгралось въ послѣднее время. Начиная съ прошлаго года мы почему-то дѣйствовали на него чрезвычайно возбудительно, такъ что онъ снова сталъ писателемъ, и о чемъ бы онъ ни заговорилъ, рѣчь его непремѣнно склонится къ намъ. Въ столь краткій промежутокъ времени онъ успѣлъ въ газетѣ *День* взвѣсить всѣ наши мнѣнія, опредѣлить наши свойства, классифицировать и конструировать насъ, изучить фазы нашего развитія и разказать объ открытіяхъ, которыя мы на своемъ вѣку совершили, начиная съ открытія науки и оканчивая открытіемъ Россіи, существовавшей дотолѣ только въ славянофильскомъ кружкѣ. Эти господа очевидно недовольны нами, наша дѣятельность въ это послѣднее время почему-то особенно не нравилась имъ и раздражала ихъ. Все было не по нихъ. Имъ очевидно казалось что мы вмѣшиваемся въ ихъ спеціальность и отбиваемъ у нихъ Россію, которую они считаютъ изобрѣтеніемъ и достояніемъ своего кружка, хотя мы нисколько не виноваты что г. Самаринъ предпочиталъ болѣе заниматься нами нежели Россіей. Они не находятъ ничего болѣе язвительнаго сказать намъ въ укоръ какъ замѣтить, что мы будто бы въ нашихъ мнѣніяхъ сбиваемся на славянофиль-

ский ладъ; и въ то же самое время они гнѣваются на насъ за находимое ими радикальное несогласіе нашихъ мнѣній съ ихъ Кораномъ. Мы смиренно принимаемъ ихъ гнѣвъ въ послѣднемъ случаѣ; но позволяемъ себѣ протестовать противъ ихъ неудовольствія по первому пункту. Мы рѣшительно не заслуживаемъ попрековъ въ славянофильствѣ, которыми они язвятъ насъ. Такъ какъ намъ пришлось теперь заговорить о г. Самаринѣ и о его занятіяхъ нашими мнѣніями, то мы считаемъ своимъ долгомъ успокоить какъ его, такъ и г. Кошелева, удостовѣреніемъ, что взгляды наши на нѣкоторые политическіе предметы,—взгляды показавшіеся имъ похожими на славянофильство,—отнюдь не могутъ претендовать на честь этого титула, и быть-можетъ болѣе чѣмъ что-либо другое не согласны съ ихъ философіей.

Но къ чему мы заговорили о гг. Кошелевѣ и Самаринѣ? Мы не платили имъ взаимностію; мы предоставляли имъ заниматься нами и дѣлать о насъ какія имъ угодно заключенія. Признаемся, намъ не всегда даже удавалось прочесть результаты ихъ изученій по нашей части. Такъ, лишь на дняхъ довелось намъ прочесть статью г. Самарина, напечатанную въ *Днѣ* недѣли двѣ тому назадъ, и написанную по поводу нѣсколькихъ словъ сказанныхъ нами въ № 51 *Московскихъ Вѣдомостей*. Статейка г. Самарина показалась намъ интересною, и мы считаемъ не лишнимъ поговорить о ней, за неимѣніемъ въ настоящую минуту другаго болѣе серіознаго предмета. Статейка эта интересна во многихъ отношеніяхъ; она интересна также и въ томъ отношеніи, что хорошо знакомитъ съ тактикой и пріемами такъ-называемыхъ славянофиловъ.

Г. Самаринъ, мы совершенно увѣрены въ томъ, исполненъ самаго искренняго желанія поступать въ своихъ публичныхъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ съ полною добросовѣстностію. Доброму желанію нельзя не пожелать исполненія. Мы отъ всей души будемъ радоваться его успѣхамъ по этой части и готовы способствовать ему, сколько позволяютъ наши средства, въ благомъ начинаніи. Для этой цѣли мы считаемъ полезнымъ, чтобъ онъ свое вниманіе, столь пристально обращенное на насъ, обратилъ на себя; мы хотимъ познакомить его съ

сущностію его послѣдняго трактата, ускользнувшею отъ его вниманія.

Вотъ въ чемъ дѣло: въ № 51 нашей газеты, говоря объ общемъ положеніи дѣлъ внутри, мы между прочимъ сказали: «наши прогрессисты, изъ нелѣпыхъ опасеній вторичнаго пришествія крѣпостнаго права и подъ вліяніемъ смутныхъ идей демократіи и соціализма, рады на вѣки закрѣпостить крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи, въ круговой порукѣ, подъ деспотизмомъ мірской сходки и такъ-называемаго крестьянскаго самоуправленія». Эти слова наши выписываетъ г. Самаринъ въ началѣ своей статьи, и дѣлаетъ ихъ предметомъ своего критическаго анализа. Онъ выписалъ эти слова, стало-быть онъ прочелъ ихъ; онъ посвящаетъ имъ цѣлую статью, стало-быть онъ не могъ не видѣть ихъ простаго, не подлежащаго никакому сомнѣнію и спору, смысла. Мы повторяемъ что есть у насъ люди, которые, подъ вліяніемъ разныхъ смутныхъ идей, рады на вѣки закрѣпостить крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи, въ круговой порукѣ, и т. п. Г. Самаринъ, выписавъ эти слова, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ разсужденій пишетъ: «Перейдемъ къ самому дѣлу и постараемся разобрать филиппику «*Московскихъ Вѣдомостей* по пунктамъ. *Крестьяне закрѣпощены на вѣки въ общинномъ землевладѣніи и круговой порукѣ.* «Посмотримъ, такъ ли это? ...Правительство признало общинное землевладѣніе и круговую поруку въ Великороссіи, какъ «признало оно въ Западномъ краѣ и Малороссіи подворное, «наслѣдственное землевладѣніе и личную отвѣтственность. Такъ «ли слѣдовало поступить или иначе? Мы думаемъ, что правительство поступило какъ слѣдовало, иначе и нельзя поступить. «Законъ признавалъ общинное землевладѣніе и круговую поруку, но не придалъ ей безусловно-обязательной силы и не «сковалъ свободы будущаго развитія».

Каково это? Рѣчь у насъ шла о мнѣніяхъ нѣкоторыхъ прогрессистовъ, которые желали бы закрѣпостить крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи и въ круговой порукѣ, и критикъ нашъ зналъ, что именно объ этомъ шла у насъ рѣчь, онъ самъ выписалъ наши слова. И вотъ съ искусствомъ, которому

можно только удивляться, на слѣдующей страницѣ онъ заставляетъ насъ сказать слѣдующее: «*Крестьяне закрѣпощены навѣки въ общинномъ землевладѣніи и въ круговой порукѣ*», и принимая на себя защиту нашего правительства и нашего законодательства, онъ побѣдоносно опровергаетъ это ложное показаніе. Онъ суровымъ и торжественнымъ тономъ убѣждаетъ насъ, что наше законодательство не закрѣпостило крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи и круговой порукѣ и не сковало ихъ будущаго развитія. Онъ требуетъ у насъ отчета въ нашихъ необдуманныхъ словахъ. Онъ требуетъ фактическихъ доказательствъ. «Мы желали бы», говоритъ онъ, вызвать редакцію «на откровенное объясненіе; мы просимъ ее сказать намъ, «что именно ей противно въ крестьянскомъ Положеніи, почему «противно, и чѣмъ бы она полагала замѣнить негодное? При «этомъ мы даже не требуемъ отъ нея, чтобъ она не на«брасывала тѣни на политическія убѣжденія своихъ противни«ковъ; мы даемъ ей полную волю предполагать въ *насъ* (!) «вліяніе демократическаго соціализма, коммунизма и всевоз«можныхъ измовъ; пусть только она намъ дастъ положительные «отвѣты на тѣ вопросы, которые она же возбуждаетъ, расше«веливаетъ и теребитъ».

Что сказать обо всемъ этомъ? Что сказать объ этомъ неожиданномъ и мгновенномъ превращеніи теорій, принадлежащихъ нѣкоторымъ метафизикамъ нашей литературы, въ существующій фактъ? Что сказать объ этой солидарности г. Самарина съ законодательною властью Россійской Имперіи? Онъ проситъ насъ разобрать крестьянское Положеніе, отмѣтить что въ немъ есть негоднаго и замѣнить негодное лучшимъ. При этомъ онъ, съ удивительнымъ великодушіемъ, предоставляетъ намъ полную волю отыскивать въ немъ, г. Самаринѣ, вліяніе всевозможныхъ *измовъ*.

Всѣмъ извѣстно что г. Самаринъ и еще нѣсколько другихъ лицъ участвовали въ такъ-называемыхъ редакціонныхъ коммиссіяхъ по крестьянскому дѣлу; всѣ очень хорошо знаютъ и цѣнятъ заслуги этихъ лицъ, но никому до сихъ поръ еще не было извѣстно что г. Самарину и его друзьямъ Россія обязана

закономъ 19-го февраля, и что г. Самаринъ отвѣтствуетъ за него и предъ современниками, и предъ потомствомъ. Вотъ что̀ значитъ посвящать слишкомъ страстное вниманіе другимъ и не давать себѣ отчета въ движеніяхъ собственной души! Вотъ до чего можно договориться! Г. Самаринъ серіозно вообразилъ себя отвѣтственнымъ за правительство Россійской Имперіи, за Положеніе 19-го февраля и за крестьянское дѣло въ его настоящемъ развитіи. Въ какія странности могутъ иногда впадать серіозные люди!

Г. Самаринъ утверждаетъ что мы относились къ крестьянскому Положенію («къ *нашему* крестьянскому «Положенію», говоритъ онъ) «какъ-то непрямо и неоткровенно. Конечно», продолжаетъ онъ, «рвануть съ одной стороны, щипнуть съ дру«гой и потомъ отскочить—гораздо легче, чѣмъ предъявить опре«дѣлительное возраженіе и принять на себя отвѣтственность за «проектъ улучшенія». Итакъ г. Самаринъ видитъ въ насъ какихъ-то тайныхъ противниковъ Положенія 19-го февраля и требуетъ отъ насъ новаго проекта. Г. Кошелевъ, въ той же газетѣ, намекалъ даже на то что мы крѣпостники. Однако, на какомъ же основаніи господа эти полагаютъ что мы недовольны закономъ 19 февраля? Всѣ наши мнѣнія по крестьянскому дѣлу высказывались въ печати съ тѣхъ самыхъ поръ какъ оно было впервые объявлено и стало предметомъ общественнаго обсужденія. Наши мнѣнія по этому дѣлу довольно извѣстны, и мы ни въ чемъ не отступили отъ тѣхъ основаній которыя съ самаго начала были нами заявлены. Положеніе 19-го февраля было принято нами какъ великое событіе, полагающее эпоху въ нашей исторіи; мы радостно привѣтствовали его, и въ нашихъ отзывахъ не было ни одного слова которое могло бы быть принято за протестъ противъ его основаній. Этого мало: съ полною искренностію отдавали мы справедливость трудамъ которые были положены на это дѣло лицами принимавшими въ немъ участіе. Относительно редакціонныхъ коммиссій мы выражали только сожалѣніе, что разработка этого вопроса въ печати была затруднена и почти пріостановлена вскорѣ послѣ того какъ эти коммиссіи вступили въ дѣйствіе. Но мы были распо-

ложены вѣрить что и это было сдѣлано изъ самыхъ лучшихъ побужденій. Намъ казалось только не совсѣмъ вѣрнымъ мнѣніе о необходимости или пользѣ пріостановить гласное обсужденіе вопроса. Нѣтъ никакого сомнѣнія что благополучное разрѣшеніе вопроса, напротивъ, много зависѣло именно отъ того что съ самаго начала онъ былъ открытъ для гласнаго и довольно свободнаго обсужденія. Всѣ могутъ засвидѣтельствовать какъ разъяснялся и созрѣвалъ онъ, благодаря этой съ самаго начала сообщенной ему гласности, и мы до сихъ поръ думаемъ что дѣло ничего не потеряло бы, еслибъ обсужденіе шло до самаго конца такъ же свободно и широко, какъ оно началось.

Вся сила Положенія 19-го февраля заключается въ томъ что въ немъ осуществились основанія предположенныя въ Высочайшихъ рескриптахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія что въ подробностяхъ этого закона есть можетъ-быть отзвуки нѣкоторыхъ односторонніхъ теорій; есть, какъ и во всякомъ другомъ, свои недочеты и ошибки; но практика и дальнѣйшее движеніе законодательства восполняютъ недостатки и исправляютъ ошибки. Требуется не нарушать закона, требуется развивать его далѣе, преобразуя и улучшая. То самое что̀ подняло противъ насъ г. Самарина, что̀ заставило его и его политическаго друга, г. Кошелева, осыпать насъ укорами и сарказмами,—то самое заключается и въ Положеніи 19-го февраля. Г. Самарину нравится учрежденіе мировыхъ посредниковъ; по крайней мѣрѣ онъ не можетъ отрицать что учрежденіе это содержится въ Положеніи 19 февраля. Что̀ было бы съ такъ-называемымъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, еслибъ оно не примыкало къ мировому институту, которому основанія положены въ законѣ 19-го февраля? Какъ шло бы это управленіе еслибы не было мировыхъ посредниковъ? Г. Самаринъ въ этой самой статейкѣ своей, о которой мы теперь говоримъ, изображаетъ картину благополучнаго хода принятаго крестьянскимъ дѣломъ на практикѣ. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, съ какою готовностію, съ какимъ смысломъ, съ какимъ довѣріемъ крестьяне и ихъ выборные люди подчинялись руководству мировыхъ посредниковъ. Но кто же такіе эти мировые посредники? Откуда взялись эти

люди давшіе своимъ руководствомъ смыслъ крестьянскому управленію и своею дѣятельностію благополучный ходъ крестьянскому дѣлу? Изъ какой среды они вышли? Что значитъ то учрежденіе котораго они члены? И чего наконецъ хотимъ мы, говоря о томъ «новомъ положеніи, которое должны занять наши землевладѣльцы, какъ естественные защитники свободнаго сельскаго люда, какъ представители его интересовъ, какъ надежные хранители земскаго мира?» Г. Самаринъ съ насмѣшкой и негодованіемъ выписываетъ эти наши слова. Но какъ же онъ, отвѣтственный защитникъ закона 19-го февраля, позабылъ что новое положеніе, о которомъ мы говоримъ, создано для нашихъ землевладѣльцевъ этимъ самымъ закономъ; какъ же онъ не вспомнилъ, при этихъ словахъ, о мировыхъ посредникахъ, которые ему такъ нравятся или по крайней мѣрѣ должны нравиться? Онъ упрекаетъ насъ въ какой-то чиимой нами агитаціи: какъ же его добросовѣстность не подсказала ему, что эта агитація есть не что иное какъ желаніе видѣть въ полномъ развитіи тѣ начала управленія которыя даны закономъ 19-го февраля въ мировомъ институтѣ, и что эта агитація производится въ виду новаго закона, который даетъ Россіи мировыхъ судей, долженствующихъ, по Высочайшему слову, имѣть еще большее значеніе чѣмъ ихъ предвѣстники, мировые посредники?

Но мы боимся, не слишкомъ ли мы серіозно заговорили по поводу куріоза случившагося въ *Днѣ*? Нашъ критикъ требуетъ чтобы мы подвергли нещадному разбору дѣйствующій законъ, и представили новый проектъ. Онъ требуетъ настоятельно, онъ прижимаетъ насъ къ стѣнѣ; мрачный и торжественный тонъ не допускаетъ мысли о шуткѣ. Пусть же посудятъ читатели объ аркадскомъ добродушіи нашего критика. Онъ полагаетъ что есть возможность разбирать критически только что вступившій въ силу законъ, и даже отрицать его основанія! Смѣемъ увѣрить г. Самарина что еслибы въ настоящее время и была такая возможность, мы отнюдь не подумали бы воспользоваться ею въ тѣхъ видахъ какіе онъ приписываетъ намъ. Мы пожелали бы только того, къ чему законъ клонится и безъ насъ, вопреки фальшивымъ теоріямъ, которыя хотѣли бы овладѣть имъ,

такъ какъ этотъ законъ, по собственному выраженію г. Самарина, «не закрѣпилъ навсегда общиннаго землевладѣнія и круговой поруки и не сковалъ свободы будущаго развитія». Намъ нравятся эти слова г. Самарина, и мы всегда въ этомъ смыслѣ смотрѣли и желаемъ смотрѣть на дальнѣйшее движеніе нашего законодательства. Намъ эти слова нравятся,—но съ полною ли искренностію написалъ ихъ славянофильскій мыслитель и законодатель? Законъ 19-го февраля не закрѣпилъ навсегда общиннаго землевладѣнія, не закрѣпилъ навсегда круговой поруки,—это мы знаемъ и этому мы радуемся. Но что можетъ быть пріятнаго въ этомъ г. Самарину? По ученію славянофильской мудрости, общинное землевладѣніе есть положеніе нормальное, святыня и вѣнецъ нашей народности; по этому ученію, Русскій народъ именно долженъ быть на вѣки закрѣпощенъ въ общинномъ землевладѣніи и круговой порукѣ. Что же общаго между тѣмъ смысломъ какой г. Самаринъ для нашего поученія открываетъ въ дѣйствующемъ законѣ, и мнѣніемъ тѣхъ народолюбцевъ, о которыхъ мы говорили, и которые дѣйствительно были бы рады навѣки закрѣпостить Русскій народъ?

Г. Самаринъ основательно полагаетъ, что законъ не могъ обойти существующаго факта, что общинное землевладѣніе съ круговою порукой есть форма найденная закономъ въ существующемъ бытѣ. Дѣйствительно, законъ, совершая отмѣну помѣщичьяго права, не могъ за одинъ разъ освободить крестьянъ отъ всякой крѣпости. Мы понимаемъ, что общинное землевладѣніе съ круговою порукой есть крѣпость, въ которой еще остаются массы нашего народа, и которая ждетъ своей окончательной развязки въ будущемъ. Мы также совершенно согласны съ г. Самаринымъ, что «круговая порука какъ обезпеченіе исправнаго отбыванія крестьянскихъ повинностей есть «*право помѣщика*, и что на этомъ условіи отведена крестьянамъ земля въ безсрочное пользованіе». Мы какъ нельзя болѣе согласны съ нимъ въ этомъ: дѣйствительно, круговая порука есть еще продолженіе крѣпостнаго права; круговая порука въ настоящее время, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, требуется интересомъ помѣщика. Но зачѣмъ же г. Самаринъ и

его друзья не хотятъ говорить съ полною откровенностію? Почему эти господа, видя въ круговой порукѣ и нераздѣльномъ съ нею общинномъ землевладѣніи продолженіе крѣпостнаго права и интересъ чисто помѣщичій, въ то же время хотятъ, чтобы другіе видѣли въ этихъ формахъ палладіумъ и святыню Русскаго народа и благодѣяніе для крестьянъ? Зачѣмъ эти господа принимаютъ попечительную о крестьянахъ мину и выдаютъ себя за спеціальныхъ ревнителей ихъ свободы и благосостоянія?

Г. Кошелевъ, въ свою очередь, находитъ, что общинное землевладѣніе съ круговою порукой предохраняетъ народъ отъ пролетаріата и предупреждаетъ необходимость закона о бѣдныхъ. Почтенный предсѣдатель славянофильскаго кружка не сообразилъ, какія невыгодныя послѣдствія вытекаютъ для крестьянъ изъ круговой поруки. Законъ о бѣдныхъ въ Англіи падаетъ на всѣ классы общества, преимущественно на людей богатыхъ и достаточныхъ; но крестьянская круговая порука всею своею тяжестью падаетъ только на крестьянскую общину, на людей бѣдныхъ, живущихъ собственнымъ ежедневнымъ трудомъ, и лучшихъ, работящихъ и добросовѣстнѣйшихъ изъ нихъ приноситъ въ жертву лѣнивцамъ и негодяямъ.

Но мы спѣшимъ окончить это длинное разсужденіе о куріозахъ газеты *День*. Съ какою цѣлію г. Самаринъ написалъ свою статью? Зачѣмъ онъ, на глазахъ читателей, измѣнилъ смыслъ и текстъ нашихъ словъ? Зачѣмъ онъ опровергалъ то чего не было сказано и доказывалъ то что̀ не требовало доказательствъ? Онъ самъ, какъ оказывается, знаетъ, что Положеніе 19 февраля не принимаетъ общиннаго землевладѣнія и круговой поруки за окончательную форму; онъ самъ видитъ важное значеніе мировыхъ учрежденій, созданныхъ этимъ Положеніемъ, открывающихъ нашимъ землевладѣльческимъ классамъ новую будущность. Во всѣхъ этихъ пунктахъ законъ, по собственному толкованію славянофильскаго мыслителя, находится въ противорѣчіи съ истинными убѣжденіями которыя онъ всегда исповѣдывалъ. Зачѣмъ же онъ приводитъ себя въ солидарность съ нимъ, зачѣмъ же онъ замѣчанія относящіяся къ нему и его друзьямъ отнесъ къ закону и объявилъ насъ врагами закона? Г. Сама-

ринъ строго упрекаетъ насъ за то, что мы нашею агитаціей будто бы колеблемъ вѣру въ практичность закона. «Чего же «ожидать отъ будущаго, если эта вѣра подорвется и ничѣмъ «опредѣлительнымъ не замѣнится; если исполнители, отъ низ- «шихъ до высшихъ, повѣривъ на слово *Московскимъ Вѣдомо- «стямъ*, убѣдятся, наконецъ, что то, чему они такъ усердно «служили, никуда не годится; что они сами, эти ревностные «исполнители, трудясь надъ приведеніемъ въ дѣйствіе крестьян- «скаго Положенія, были невинными орудіями *идей демократи- «ческаго соціализма*; если, наконецъ, почувствовавъ необходи- «мость круто свернуть съ прежней дороги, они не увидятъ предъ «собою другаго пути и новой цѣли? Не трудно сказать, чего «ожидать—у всѣхъ опустятся руки, охладѣетъ усердіе, и насту- «питъ пора полнѣйшаго безучастія и бездѣйствія. Ни къ чему «иному не могутъ привести голословное порицаніе, косые взгляды, «колкіе намеки и вся эта журнальная агитація». Что все это значитъ? Это можетъ значить только то, что такъ-называемые славянофилы вознамѣрились считать всякое порицаніе ихъ мнѣній за нападеніе на законъ 19-го февраля. Г. Самаринъ совершилъ своею статейкой актъ чрезвычайной важности; онъ поставилъ мудрость своего кружка подъ гарантію Россійской Имперіи. Отнынѣ возражать противъ славянофиловъ, обличать односторонность или фальшивость ихъ воззрѣній значитъ подрывать вѣру въ законы и колебать Русскую землю.

III.

4-го апрѣля.

Читатели не могли не обратить вниманія на странный документъ заимствованный нами третьяго дня изъ варшавской официальной газеты. Мы разумѣемъ письмо найденное на тѣлѣ одного изъ повстанцевъ и адресованное на имя ксендза Пшибыловскаго. Въ подлинности этого письма нѣтъ никакого основанія сомнѣваться. Не одно только то обстоятельство что документъ этотъ напечатанъ въ газетѣ официальной, но и самое

содержаніе его свидѣтельствуетъ о томъ что оно было дѣйствительно писано изъ Парижа какимъ-то значительнымъ лицомъ польской эмиграціи. Оно носитъ на себѣ отпечатокъ совершенно характеристическій; въ немъ выразился человѣкъ со всѣми особенностями созданнаго современными обстоятельствами положенія. Письмо это стóитъ разсмотрѣть нѣсколько внимательнѣе. Прежде всего бросаются въ глаза нѣкоторыя причудливыя странности въ тонѣ и выраженіяхъ. Оно писано отъ духовнаго лица къ лицу тоже по своему званію духовному. Ни чѣмъ инымъ кромѣ какъ причудливымъ юморомъ нельзя объяснить латинское обращеніе, съ котораго начинается письмо. Титулъ eminentissime въ обращеніи къ простому священнику могъ быть употребленъ только въ шутку; и eruditissime и vir также могутъ имѣть только шуточное или ироническое значеніе въ этомъ обращеніи къ ксендзу предводительствующему шайкой повстанцевъ. Изъ письма видно что авторъ его принадлежитъ къ числу тѣхъ польскихъ агитаторовъ, которые не одобряютъ вооруженнаго возстанія въ польскомъ краѣ и видятъ въ немъ пагубу своего дѣла. Онъ врагъ Мѣрославскаго и краснаго оттѣнка эмиграціи; онъ болѣе принадлежитъ къ группѣ примыкающей къ князю Чарторыйскому, — но у него свои взгляды, свои фантазіи, которыя можетъ-быть раздѣляются многими ему подобными. Онъ повидимому человѣкъ вѣрующій, по крайней мѣрѣ не отрекшійся отъ христіанства, но онъ не принадлежитъ къ числу католиковъ убѣжденныхъ въ своей церкви и непогрѣшимости папы. Въ немъ сказывается полное чувство упадка и внутренняго разложенія латинской церкви. Онъ свидѣтельствуетъ что папская власть со всѣми своими притязаніями можетъ разчитывать, какъ на единственный оплотъ и поддержку себѣ въ Европѣ, только на грубость и слѣпоту религіознаго чувства польскихъ населеній. Онъ очень откровенно объясняетъ нынѣшнее бѣдствіе польскаго края римскими вліяніями, которыя въ своихъ видахъ стараются гальванизировать чувство польской національности. Авторъ письма не раздѣляетъ патріотическихъ увлеченій своихъ соотечественниковъ. Отечество, въ его глазахъ, есть анахронизмъ, отжившая

идея. Истощать силы и приносить кровавыя жертвы для возстановленія національной независимости и самостоятельности кажется ему безуміемъ. Онъ не хочетъ знать особыхъ индивидуальныхъ странъ, и возстановленіе Польши даже въ старыхъ границахъ, какъ особаго государства, какъ отдѣльной страны, ни мало не прельщаетъ его. Онъ находитъ, что Полякамъ, утратившимъ свое отечество и самый народъ свой, остается перенести свои стремленія и помыслы на другой предметъ. Ubi bene, ibi patria *, говоритъ онъ, желая тѣмъ выразить, что польскій элементъ, разбросанный по всей Европѣ, вовсе не нуждается въ какой бы то ни было опредѣленной государственной области, которая носила бы его имя, и что элементъ этотъ можетъ продолжать жить и дѣйствовать подъ другими условіями. Полякамъ онъ отводитъ во владѣніе революцію и предлагаетъ имъ вмѣсто индивидуальной страны, вмѣсто отечества, революціонную организацію. Въ революціонной организаціи Поляки, по его ученію, должны группироваться, въ ней находить свое средоточіе и поприще для своихъ стремленій, для своей дѣятельности. Въ каждой странѣ, гдѣ живутъ Поляки, они должны, по ученію этого духовнаго отца, быть революціонною закваской, поддерживать и усиливать все недовольное и подкапываться подъ существующій порядокъ. Они должны забыть о своей старой Польшѣ, отнюдь не задаваться ея возстановленіемъ, но чувствовать и знать себя только какъ организованную революціонную силу и здѣсь видѣть польскій духъ, польскую національность, здѣсь видѣть свое государство, свою Польшу. Онъ увѣренъ что Европа доживаетъ свои послѣдніе дни, и что существующія формы должны пасть подъ напоромъ революціи, и что можетъ-быть въ одно прекрасное утро исчезнутъ всѣ индивидуальныя страны, всѣ отдѣльныя государства и будетъ «едино стадо и единъ пастырь». Эту нелѣпую, сумазбродную мысль облеченную въ священныя слова, не имѣющія съ нею ничего общаго, онъ излагаетъ довольно серіозно и приглашаетъ ксендза Пшибыловскаго бросить недостойное

* Гдѣ хорошо, тамъ и отечество.

дѣло кровопролитія въ лѣсахъ Польши, оставить шайку, находившуюся подъ его предводительствомъ, отказаться отъ патріотическихъ увлеченій, отъ старой Польши, и перенести свою дѣятельность и свои способности въ новую Польшу, существующую невидимо въ революціонной организаціи. Польскому элементу во всесвѣтной революціи онъ приписываетъ первенствующее значеніе; въ немъ онъ видитъ ея главную силу, точно также какъ въ революціи для революціи полагаетъ онъ призваніе оставленное исторіей за Поляками. Онъ рекомендуетъ для революціонныхъ цѣлей систему такихъ мѣръ, такой интриги, которая должна незамѣтно вкрадываться повсюду. Онъ негодуетъ противъ польской эмиграціи, которая компрометтируетъ революціонное дѣло безразсудными и безмозглыми дѣйствіями. Какъ вооруженное возстаніе въ Польшѣ компрометтировало надежды патріотовъ, располагавшихъ достигнуть своей цѣли постепенными и тихими средствами, такъ точно и грубыя революціонныя попытки компрометтируютъ революцію, это новое отечество, отводимое для Поляковъ духовными ихъ учителями, проживающими въ Парижѣ.

Такой взглядъ на вещи, такіе виды и планы могли естественно выработаться въ польской эмиграціи. Люди разсыпанные, лишенные связующей силы своего народа, уже давно утраченнаго и загубленнаго, легко могутъ приходить въ настоящее время къ такому взгляду на вещи и къ такимъ планамъ. Такъ-называемая польская національность дѣйствительно вся превратилась въ начало революціонное, дѣйствуетъ ли она въ лѣсахъ, собирая повстанцевъ и разсылая шайки жандармовъвѣшателей, дѣйствуетъ ли она ловкою, тонкою интригой путемъ администраціи и римско-католической церковной организаціи, стремится ли она къ возстановленію Польши, или, какъ возвѣщаетъ авторъ письма, хочетъ быть всесвѣтною революціей. Не есть ли это вопіющая ложь, одуряющая умы и губящая людей, губящая напрасно и безсмысленно? Обрекать себя на то чтобы служить ядомъ для существующихъ цивилизацій, развивать въ себѣ завѣдомо всѣ инстинкты зла, превращать

всѣ благородные дары человѣческой природы въ средства разрушенія, превращать религію въ гнусное злодѣйство, становиться сосудомъ всѣхъ мерзостей обмана и коварства и не имѣть никакой разумной цѣли предъ глазами, ничего дѣйствительнаго, ничего истиннаго, а въ концѣ концовъ быть ничѣмъ инымъ, какъ игрушкой или орудіемъ въ чужихъ рукахъ, раболѣпнымъ исполнителемъ чужихъ замысловъ, — какая ужасная перспектива! Могутъ ли люди, еще сохранившіе въ себѣ сколько-нибудь чувство собственнаго достоинства, признать надъ собой власть подобной національности?

Въ польской эмиграціи могли естественно выработаться подобные планы и виды, но что̀ сказать о церкви, о христіанской церкви, съ которою они дружатся и которая служитъ имъ столь благопріятною средой? Да, по истинѣ печальную картину представляетъ теперь эта, когда-то столь гордая, повелительная и могущественная церковь! Истлѣвшая внутри, поражаемая ежечасно заслуженными ударами извнѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряющая свою власть и надъ народами и надъ умами, ненавистная въ одномъ мѣстѣ и презираемая въ другомъ, не разбирающая средствъ для достиженія своихъ цѣлей, которыя иногда бываютъ еще хуже чѣмъ средства, становясь сама орудіемъ чуждыхъ и недостойныхъ религіи цѣлей, латинская церковь на нашихъ глазахъ превращается въ какое-то тайное политическое общество, въ какой-то заговоръ. У насъ все еще держится мнѣніе что католицизмъ можетъ быть опасенъ православію. Напрасно! Римско-католическая организація можетъ быть опасна какъ тайная революціонная сила, а не какъ церковь. Государству можетъ-быть не легко бороться съ нею, но для того чтобы побѣдить ее, надобно поставить ее лицомъ къ лицу не съ государствомъ, а съ церковью. Тогда обличится внутреннее безсиліе, скрывающееся подъ наружностью, еще до сихъ поръ величавою.

IV.

7-го апрѣля.

Вопросъ о расколѣ есть въ настоящее время, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ горячихъ и важныхъ вопросовъ; нѣтъ также сомнѣнія, что отъ того направленія въ которомъ разрѣшится этотъ вопросъ будетъ зависѣть очень многое въ нашей народной жизни; наконецъ нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ возможныхъ системъ самая дурная есть система полумѣръ. Полагать что разомъ можно найти надлежащую формулу для полнаго разрѣшенія вѣковаго, многосложнаго и труднаго вопроса значило бы ставить себѣ задачу неисполнимую и отвлекаться отъ настоящаго дѣла. Истинная задача состоитъ только въ томъ чтобы постановить надлежащимъ образомъ вопросъ. Вопросъ правильно постановленный есть вопросъ почти уже разрѣшенный.

Относительно раскола представляются двѣ системы: система стѣсненія и преслѣдованій и система терпимости. Предстоитъ рѣшить, которая изъ двухъ системъ разумнѣе, соотвѣтственнѣе истиннымъ элементамъ дѣла и духу времени, и ведетъ къ лучшимъ результатамъ; предстоитъ рѣшить, которому изъ двухъ противоположныхъ направленій должно послѣдовать. Только это требуется рѣшить, но рѣшить положительно, не оставляя въ дѣлѣ никакой неясности, никакого колебанія и сомнѣнія. Все остальное разовьется само собою изъ рѣшительно принятыхъ и ясно постановленныхъ началъ. Но если мы не рѣшимся окончательно въ выборѣ того или другаго направленія, то какія бы мы ни стали придумывать мѣры, всѣ оказались бы безплодными, напрасными и въ сущности вредными,—всѣ оказались бы тѣмъ что обыкновенно называется полумѣрами. А нѣтъ ничего хуже нерѣшительнаго, колеблющагося дѣйствія. Какое бы ни было принято начало, на полезное и успѣшное дѣйствіе его можно разчитывать только въ томъ случаѣ, когда будетъ предоставлена ему полная возможность дѣйствовать, и когда оно будетъ окружено всѣми благопріятными для него условіями. Система преслѣдованій не можетъ успѣшно дѣйствовать, если она не

вооружится всѣми необходимыми для дѣйствія способами. Коль скоро мы рѣшимся возложить надежду на эту систему, коль скоро мы убѣдимся въ ея дѣйствительности и пользѣ, слѣдуетъ дать ей полный ходъ и не парализовать ея дѣйствія никакими малодушными колебаніями. Принявъ эту систему, нельзя уже смотрѣть на расколъ сквозь пальцы. Съ другой стороны, принявъ систему терпимости, слѣдуетъ утвердиться въ ней и отнюдь не понимать ее такимъ образомъ, чтобы только вмѣсто серіозныхъ и рѣшительныхъ преслѣдованій свести дѣло на мелкія преслѣдованія, на систему безплодно раздражающихъ стѣсненій и придирокъ. Одно изъ двухъ, но то или другое должно быть понято въ своемъ истинномъ смыслѣ и принято съ полною рѣшимостію.

Система преслѣдованій была уже достаточно испробована и результаты ея оказались неудовлетворительными. Причиною неудовлетворительности, говорятъ, было то, что система эта дѣйствовала не совсѣмъ послѣдовательно, а главное—не имѣла надежныхъ органовъ. «Если прежнія мѣры правительства,» пишетъ намъ одинъ изъ гнѣвныхъ преслѣдователей раскола, взирающій на него еще суровѣе чѣмъ г. В. К. (см. №№ 65 и 66 *Московскихъ Вѣдомостей*), «не имѣли успѣха, такъ это отъ того что должностныя лица легко давали подкупать себя раскольникамъ и дѣйствовали уже не противъ нихъ, а заодно съ ними противъ православной церкви, такъ что дѣло искорененія раскола, совершаемое рукой церкви, уничтожалось рукою чиновника.» Авторъ этихъ словъ принадлежитъ къ духовенству, и онъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ для того чтобы заклеймить чиновниковъ, которые, подъ видомъ преслѣдованія раскола, собирали съ него дань и потворствовали ему. Авторъ приведенныхъ словъ настаиваетъ на принятіи самой безпощадной и неуклонной системы преслѣдованія. Что жъ? онъ правъ: если дѣйствовать путемъ преслѣдованій, то надобно желать чтобы преслѣдованія были дѣйствительныя, а не мнимыя. Всякое дѣло можетъ успѣшно совершаться только изъ свойственныхъ ему источниковъ, только специфическими, ему одному соотвѣтствующими способами. Успѣшно противодѣйствовать какому-либо злу

можетъ только та сила которая къ нему относится, которая отъ него страдаетъ. Почему находятъ что правительство своими способами не можетъ успѣшно бороться съ тѣмъ или другимъ зломъ, возникающимъ въ нравственной жизни? Именно потому что всякое явленіе относится къ какой-либо опредѣленной сферѣ жизни, и только средствами той сферы въ которой оно возникаетъ можетъ оно быть успѣшно развиваемо или стѣсняемо. Только живое, непосредственное, личное участіе въ дѣлѣ можетъ сообщать ему надлежащую силу и обезпечивать его успѣхъ. Дѣятельность *офиціальная*, даже при извѣстной степени добросовѣстности, никогда не коснется сущности дѣла, ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Исторія представляетъ нѣкоторые примѣры успѣшнаго дѣйствія религіозныхъ гоненій; но религіозныя гоненія достигали своей цѣли именно тогда, когда носили религіозный характеръ и были исполнены фанатическаго духа. Успѣшно противодѣйствовать ереси или расколу можетъ только сама же церковь, церковь способная къ тому, организованная соотвѣтственно такой системѣ дѣйствій и исполненная сроднаго ей духа. Рѣшиться на систему преслѣдованій по отношенію къ существующему у насъ расколу,—рѣшиться дѣйствительно, рѣшиться съ тѣмъ чтобы достигнуть цѣли,—для этого нѣтъ иного средства, какъ препоясать нашу церковь мечомъ и сообщить ей такую организацію и такой духъ которые уподобили бы ее римско-католической церкви. Система религіозныхъ гоненій,—это значитъ церковь вооруженная и организованная какъ государство, это значитъ инквизиція, это значитъ пытки и костры. Или система преслѣдованій есть только праздное слово, прикрывающее собою безхарактерную и безсмысленную политику прицѣпокъ, придирокъ, чиновничьихъ поборовъ, всякаго рода злоупотребленій, возмущающихъ народный бытъ, безплодно раздражающихъ народонаселеніе, усиливающихъ зло, сѣющихъ повсюду сѣмена недовольства и ненависти, вредящихъ какъ государству, такъ и церкви; или же религіозныя преслѣдованія должны принять вполнѣ соотвѣтственный имъ характеръ и дѣйствовать энергически, мѣтко, истребительно, искоренительно,—дѣйствовать рукою самой церкви, превратившейся въ инкви-

зицію. Но теперь спрашивается, возможно ли допустить, чтобы православная церковь, и притомъ въ настоящее время, могла принять подобный характеръ? Желать чего-либо подобнаго— не безуміе ли и не оскорбленіе ли достоинства и святыни нашей церкви? Никакая ересь, никакой расколъ не могли бы такъ пагубно подѣйствовать на православную церковь, какъ напитіе подобнаго духа, столь ей чуждаго, столь противнаго ея началамъ. Защищать такимъ способомъ единство и чистоту православія значило бы отравлять его въ собственныхъ источникахъ. Успѣхъ пріобрѣтенный такимъ способомъ, побѣда одержанная такою борьбой, обошлись бы слишкомъ дорого. И можно ли было бы назвать такой успѣхъ успѣхомъ, такую побѣду побѣдой? Побѣда одержанная подобными средствами не была ли бы напротивъ глубокимъ пораженіемъ самой церкви? Успѣхъ купленный такою цѣной не былъ ли бы полнымъ разстройствомъ жизни, упадкомъ народнаго духа и подрывомъ государства? Гдѣ религіозныя гоненія дѣйствовали успѣшно, тамъ они оставляли за собою униженное достоинство церкви, подавленныя силы и убитый народъ.

Но возможно ли серіозно говорить о религіозныхъ гоненіяхъ въ настоящее время? А если невозможно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ единственно-годными къ тому способами, то для чего прибѣгать къ способамъ не соотвѣтствующимъ цѣли? Если невозможно и помышлять о дѣйствительныхъ религіозныхъ гоненіяхъ, то къ чему могли бы послужить фальшивыя подражанія имъ? Если возможна инквизиція, то стоитъ ли возлагать по мелочи ея дѣло на исправниковъ и квартальныхъ надзирателей? Если невозможно примѣнять систему въ ея истинномъ смыслѣ, то какая польза примѣнять ее въ фальшивомъ смыслѣ? Не значило ли бы это оставаться безъ всякой системы, и отказываться отъ серіознаго рѣшенія вопроса? Никакое правительство въ настоящее время не можетъ стать органомъ религіозныхъ преслѣдованій. Еслибы правительство взяло на себя подобную задачу, то оно только поставило бы себя въ ложное положеніе. Да и какой смыслъ имѣла бы подобная политика въ то время, когда все болѣе и болѣе входитъ въ силу начало общественной

свободы? Какими законами можно было бы опредѣлить кругъ дѣйствія подобной политики относительно раскола? Гдѣ найти для нея органы? Наконецъ, можетъ ли правительство дѣйствовать въ явный подрывъ народной жизни, въ явный ущербъ государству,—и безъ всякой пользы для церкви?

Если система гоненій оказывается невозможною, то остается принять политику противоположную. Если ни церковь, ни государство не возьмутся въ настоящее время дѣйствовать мечомъ и огнемъ,—если въ то же время дѣйствовать необходимо, то остается возбуждать въ самой жизни противодѣйствующія злу начала, остается дѣйствовать путемъ умиротворенія. Напрасно вѣтеръ силился сорвать съ путника плащъ,—путникъ только крѣпче укутывался въ него; но поднялось солнце, и полдневные лучи его заставили путника снять съ себя этотъ плащъ, который сталъ ему въ тягость. Такъ гласитъ старинная басня, и ея смыслъ ежедневно оправдывается опытомъ и въ частной, и въ общественной жизни. Политика умиротворенія, въ соединеніи съ общимъ возбужденіемъ народной жизни, съ оживленіемъ церкви какъ общественной силы и въ клирѣ и въ мірянахъ, вотъ стало-быть единственный путь который можетъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ относительно раскола. Стоитъ только принять съ полною рѣшимостію начало, и изъ него само собою разовьются, въ надлежащей послѣдовательности и постепенности, соотвѣтственныя обстоятельствамъ мѣры.

V.

9-го апрѣля

Не одно только безпристрастіе побудило насъ дать въ нашей газетѣ мѣсто замѣткѣ г. В. К. о расколѣ (см. №№ 65 и 66 *Моск. Вѣд.*); особенно побуждало насъ къ тому соображеніе, что мнѣнія высказанныя въ этой замѣткѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ которыя повторяются въ обществѣ слишкомъ безотчетно и, къ сожалѣнію, слишкомъ успокоиваютъ умы и отвлекаютъ ихъ отъ болѣе серіознаго и плодотворнаго

размышленія о дѣлѣ. Мы были очень рады замѣткѣ г. В. К., въ которой ходячее мнѣніе высказалось весьма рѣшительно и въ типической формѣ. Возникающія вслѣдствіе того объясненія не безполезны; они ведутъ къ анализу фактовъ и расшевеливаютъ мысль. Печатая замѣтку г. В. К., мы ограничились общею стороной вопроса; теперь мы возвращаемся къ ней, съ тѣмъ чтобы войти въ нѣкоторыя подробности.

Нашъ критикъ говоритъ: «Я съ своей стороны полагаю, что «преслѣдованіе, коему лжеученіе (то-есть русскій расколъ) под«вергалось по временамъ у насъ, ослабляло его и препятство«вало слишкомъ быстрому его распространенію, и что самыя «рѣшительныя мѣры, къ коимъ правительство иногда прибѣ«гало, вызывались именно опасными успѣхами раскола въ пе«ріоды терпимости и послабленія. Это предположеніе подтвер«ждается, впрочемъ, какъ статистическими данными, на сколько «они возможны въ подобномъ дѣлѣ, такъ и здравымъ смысломъ.»

Статистическія данныя говорятъ совсѣмъ не то что говоритъ г. В. К. Въ прошедшее царствованіе, по словамъ его, были принимаемы строгія мѣры противъ раскола. Это совершенно справедливо. Строгія мѣры начались въ 1827 году, усилились съ 1841 года, а еще болѣе усилились въ 1853 и 1854 годахъ.

Посмотримъ же на статистическія данныя за 1826, 1841, 1853 и 1854 года. Мы пользуемся офиціальными источниками и сообщеніями людей которые спеціально изучали расколъ и въ исторіи, и въ современномъ быту.

Возьмемъ губерніи Саратовскую и Самарскую, гдѣ были средоточія раскола, Иргизскіе монастыри, Саратовская и Волжская часовни, обращенныя въ единовѣрческія церкви между 1827 и 1841 годами, причемъ значительное число особенно упорныхъ раскольниковъ были удалены за Кавказъ и въ Сибирь. Такъ какъ Самарская губернія образована въ 1851 году изъ уѣздовъ Саратовской Оренбургской и Симбирской губерній, то мы будемъ брать всѣ эти губерніи заодно.

Въ 1826 году раскольниковъ по губернаторскимъ донесеніямъ было въ Саратовской 50.931, Симбирской 9.378, Оренбургской 23.198. Всего 83.507.

Въ 1841 году, въ Саратовской 58.691, въ Симбирской 12.714, въ Оренбургской 24.880. Всего 96.285.

Въ 1854, въ Саратовской 25.834, въ Самарской 28.750, въ Оренбургской 89.159. Всего 139.734. Не слѣдуетъ забывать что при этомъ не берется въ разчетъ цѣлая Симбирская губернія въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ. Съ нею же цифра достигаетъ до 145.000.

Итакъ, въ юго-восточномъ краѣ Европейской Россіи раскольниковъ числилось:

Въ 1826	83.000
„ 1841	96.000
„ 1854	145.000

Но послѣдняя цифра оказалась невѣрною. Когда въ губерніяхъ Саратовской, Самарской, Оренбургской были, въ 1854 и 1855 годахъ, произведены спеціальныя изслѣдованія о расколѣ, тогда оказалось что ихъ въ Саратовской губерніи 125.000, въ Самарской 85.194, въ Оренбургской 145.000; всего 355.194. Въ Симбирской не было произведено подробныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, но при поверхностномъ обозрѣніи губерніи оказалось что въ ней было болѣе 50.000 раскольниковъ.

Итакъ, по четыремъ губерніямъ, Саратовской, Самарской, Оренбургской и Симбирской. Вотъ какъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, представляется число раскольниковъ.

Въ 1826	83.000
„ 1841	96.000
„ 1854	405.000

Возьмемъ теперь Московскую губернію, къ которой прямо относятся слѣдующія слова г. В. К.: «Въ подкрѣпленіе своего «по сему предмету мнѣнія, хочу сказать лишь нѣсколько словъ «о настоящемъ положеніи и расположеніи тѣхъ безпоповщинскихъ раскольниковъ, которые въ числѣ 40.000 населяютъ «одну извѣстную въ Россіи мѣстность. По словамъ людей близко «изучившихъ предметъ (желательно было бы знать кто эти люди?), эта раскольническая агломерація мѣрами принятыми «въ послѣдніе годы царствованія Государя Николая Павловича «была доведена до того, что ей не оставалось другаго исхода,

«какъ отказаться отъ лжеученія и возвратиться къ правосла-«вію.» Посмотримъ, что̀ скажутъ статистическія данныя объ этой извѣстной въ Россіи мѣстности, то-есть попросту говоря о Москвѣ и вообще о Московской губерніи.

Въ 1826	53.835
„ 1841	69.806
„ 1850	72.112
„ 1854	73.485
„ 1855	73.485

Въ 1855, по спеціальнымъ изслѣдованіямъ, оказалось 186.000.

Теперь перейдемъ къ близкимъ отъ Москвы тремъ верхневолжскимъ губерніямъ: Ярославской, Костромской и Нижегородской.

	Въ Ярославской.	Въ Костромской.	Въ Нижегородской.	Всего.
Въ 1826	14.191	26.132	31.701	72.023
„ 1841	13.283	26.235	27.088	66.606
„ 1862	7 454	26.112	20.246	53.812

Такое значительное уменьшеніе раскола, показываемое начальниками губерній, особенно замѣчательныхъ сильнымъ распространеніемъ раскола, побудило тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго произвести въ нихъ особыя спеціальныя изслѣдованія. Они производились съ 1852 по 1854, и представили въ результатѣ что въ Ярославской, Костромской и Нижегородской губерніяхъ раскольниковъ было не до 54 тысячи, а болѣе полумилліона, т-е. почти четыре пятыхъ числа раскольниковъ по всей Россіи и Финляндіи, которое показывалось въ 1826 году. *

Въ Ярославской	278.417
„ Костромской	105.000
„ Нижегородской.	170.000

Оказалось что во всѣхъ трехъ губерніяхъ расколъ не уменьшался, а сильно распространился съ 1826 года; цифры же которыя показывались губернаторами въ отчетахъ были когда-то написаны наобумъ, а потомъ переходили изъ года въ годъ, съ ежегоднымъ вычетомъ обращавшихся изъ раскола къ церкви.

---

* Въ 1826 по всей Имперіи, съ Кавказомъ, землею Войска Донскаго и Уральскаго, съ Сибирью, Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ было 827.720

Первый изъ отчетовъ по спеціальнымъ изслѣдованіямъ относился къ Нижегородской губерніи. Министерство усомнилось, увидя что раскольниковъ показывается слишкомъ въ восемь разъ болѣе цифры представляемой во всеподданнѣйшихъ отчетахъ тамошняго губернатора, и вступило въ сношенія со Святѣйшимъ Синодомъ. Святѣйшій Синодъ потребовалъ объясненія у епархіальнаго архіерея. Преосвященный дѣйствительно нашелъ ошибку въ вычисленіяхъ: по его изслѣдованіямъ, раскольниковъ оказалось не 170.000, а 233.323.

Пойдемъ теперь на сѣверъ: не найдемъ ли тамъ чего-нибудь въ подтвержденіе словъ г. В. К. Ограничиваемся губерніями Новгородскою и Олонецкою, какъ такими въ которыхъ были произведены спеціальныя изслѣдованія.

	Новгородской.	Олонецкой.	Всего.
Въ 1826	15.867	8.382	24.249
„ 1843	13.805	7.144	20.949
„ 1851	8.436	3.850	12.286

Результатъ, какъ видимъ, самый благопріятный. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ находятся поморскіе скиты, въ которыхъ особенно сильно развита безпоповщина, число раскольниковъ уменьшилось на половину. Но спеціальныя изслѣдованія (по Олонецкой губерніи произведенныя самимъ губернаторомъ) показали то же самое, что и въ трехъ приволжскихъ, то-есть цифры губернаторскихъ отчетовъ писаны безъ всякаго основанія, никогда никѣмъ до того не повѣрялись, и оказалось что въ Новгородской губерніи раскольниковъ находилось 68.131, въ Олонецкой 18.197, а всего 86.328.

Возьмемъ нѣсколько другихъ губерній на выдержку. Беремъ круглыя цифры.

	въ 1826.	въ 1841.	въ 1851.
Архангельская	5.000	13.000	16.000
Вологодская.	3.000	6.000	8.000
Пензенская	6.000	8.000	11.000
Черниговская	30.000	45.000	54.000
Виленская	18.000	23.000	28.000 *
Витебская.	37.000	38.000	46.000

* Съ Ковенскою.

Послѣ всего этого кажется позволительно усомниться въ соображеніяхъ г. В. К., будто бы подтверждаемыхъ статистическими данными.

Сверхъ статистическихъ данныхъ, г. В. К., въ подтвержденіе своихъ мнѣній, ссылается еще на здравый смыслъ. «Если гоненіе не достаточно для того,» говоритъ онъ, «чтобы прекратить расколъ и направить фанатиковъ на путь истины, то оно во всякомъ случаѣ не можетъ привлекать къ нему и способствовать его расширенію». Это, по мнѣнію г. В. К., выводъ здраваго смысла. Однако истинный здравый смыслъ говоритъ совсѣмъ не то что́ хотятъ приписать ему. Во всякомъ случаѣ здравый смыслъ отнюдь не противорѣчитъ показаніямъ опыта и свидѣтельствамъ исторіи. А опытъ и исторія говорятъ совсѣмъ не то, чему учитъ г. В. К.

Если можно встрѣтить въ исторіи нѣсколько примѣровъ успѣшныхъ религіозныхъ гоненій, то эти случаи запечатлѣны совершенно исключительнымъ характеромъ и могутъ служить развѣ предостереженіемъ, а не поощреніемъ. Что́ сдѣлала инквизиція съ Испаніей? Какова участь тѣхъ народовъ, гдѣ, какъ въ Богеміи, папство силою гоненій раздавило реформацію? Но исторія въ громадныхъ размѣрахъ, и почти всегда и повсюду свидѣтельствуетъ о томъ, какъ могущественно способствуютъ гоненія торжеству гонимаго. Не будемъ говорить о распространеніи самой религіи Христа и о крови мучениковъ, которою ознаменовались ея побѣды надъ міромъ. Не будемъ указывать на торжество православія въ началѣ Среднихъ Вѣковъ посреди гоненій воздвигнутыхъ на него сильными тогда аріанами. Не будемъ указывать на торжество иконодуловъ при императрицѣ Ириніѣ, которому предшествовали гоненія императоровъ Исаврійской династіи. Не будемъ указывать на костеръ Гусса, на тюрьму Лютера. Обратимся къ отечественной исторіи. Что́ имѣли въ результатѣ казни новгородскихъ еретиковъ при Іоаннѣ III? Бакшина Висковатаго, Косаго. Болѣе полутораста лѣтъ не было на русскихъ раціоналистовъ преслѣдованій, и о нихъ слуху не было. Но когда произошли гоненія на Дерюшкина, когда сожгли Ому Иванова и другихъ,

пошли по Россіи духовные христіане, явились малаканы, духоборцы, общіе... Что наконецъ вознесло и укрѣпило расколъ старообрядцевъ? 12 статей царевны Софіи, мѣры Петра I и людей Елисаветина царствованія.

Когда расколъ особенно распространялся? При Софіи, при Петрѣ, при Елисаветѣ, въ прошлое царствованіе. Когда меньше всего? при Екатеринѣ, Александрѣ I, и, какъ можно смѣло сказать, въ нынѣшнее царствованіе.

Предвидимъ возраженіе. Намъ скажутъ что въ послѣднее время расколъ усиливался, что православные (то-есть считавшіеся доселѣ православными) цѣлыми селеніями переходятъ въ расколъ, что въ Симбирской напримѣръ губерніи недавно разомъ обратилось въ расколъ двадцать пять тысячъ народа; что во Псковской, Калужской, Казанской такія же явленія; что изъ разныхъ мѣстъ поступаютъ просьбы о дозволеніи быть въ расколѣ, въ малаканствѣ и т. п.

Все это такъ. Еще въ концѣ 1857 года одинъ изслѣдователь раскола имѣлъ случай заявить правительству, именно покойному министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Ланскому, что все это неминуемо послѣдуетъ, какъ прямой и неизбѣжный результатъ великаго дѣла, тогда начатаго и совершившагося въ 19 день февраля 1861 года.

Дѣло вотъ въ чемъ. Записанныхъ раскольниковъ, то-есть не значащихся православными, въ Россіи около 800.000, а въ дѣйствительности ихъ не менѣе десяти милліоновъ. Ссылаемся на *Статистическія таблицы Россійской Имперіи*, изданныя въ прошломъ году отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Исключивъ скопцовъ, хлыстовъ, лазаревщину, лядовъ, монтановъ, милютинныхъ, шелапутовъ, ползуновъ, фарисеевъ, адамитовъ, наполеонистовъ, купидоновъ и пр. и пр., по наружности самыхъ усердныхъ исполнителей православнаго обряда, исключивъ многочисленное Спасово согласіе со всѣми его отраслями, исключивъ самосправщиковъ, перекупановцевъ, кузминовщину и др., совершающихъ въ православныхъ церквахъ только двѣ требы: крещеніе и бракъ,—получимъ около семи милліоновъ раскольниковъ совершенно чуждыхъ церкви, но записанныхъ право-

славными. Главная масса ихъ—бывшіе помѣщичьи крестьяне состоявшіе на оброкѣ (изъ барщинныхъ весьма рѣдкіе раскольничали). При существованіи крѣпостнаго права многіе помѣщики не позволяли своимъ крестьянамъ раскольничать. Мы можемъ, для примѣра, разказать, какимъ образомъ малаканы одного большаго селенія, по приказанію не любившаго шутить помѣщика, были по виду усердными посѣтителями церквей и исполнителями христіанскихъ обязанностей по обрядамъ православія. Вотъ интересная выписка изъ отчета о спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ одной изъ вышеупомянутыхъ губерній, назадъ тому десять лѣтъ:

«Въ село N. занесено малаканство и поддерживается посредствомъ сношеній съ малаканами Тамбовской, Воронежской и Саратовской губерній во время поѣздокъ на Урюпинскую ярмарку. Кромѣ того, здѣсь много принадлежащихъ къ Спасову согласію. Еще Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ *Розыскѣ* указываетъ на это село какъ на особенно сильное расколомъ. Уменьшился здѣсь расколъ, или, лучше сказать, сдѣлался тайнымъ, только въ продолженіе послѣднихъ 18 или 20 лѣтъ, когда помѣщикъ *** водворился въ немъ на постоянное житье. Для уничтоженія раскола, а особенно малаканства, онъ завелъ особую полицію для наблюденія за посѣщеніемъ крестьянами церквей. Того кто не былъ въ церкви сряду три праздника помѣщикъ призываетъ къ себѣ и говоритъ ему: «Ты что-то въ церковь не ходишь». Послѣ такого замѣчанія крестьянинъ дѣлается усерднѣйшимъ богомольцемъ, ибо знаетъ что если онъ опять не побываетъ въ церкви въ праздникъ, то его снова призовутъ къ помѣщику, который на этотъ разъ ужь не молвитъ ему ни слова, но укажетъ мѣсто въ экипажѣ рядомъ съ собой и поѣдетъ въ губернскій городъ прямо въ рекрутское присутствіе. Поэтому можно положительно сказать что въ селѣ N. изъ крестьянъ не достигшихъ 35-лѣтняго возраста нѣтъ раскольниковъ (явныхъ), а оставшіеся принадлежатъ къ числу людей болѣе пожилыхъ. Замѣчательно, что вездѣ женщинъ въ расколѣ больше чѣмъ мущинъ; но нигдѣ это не представляется такъ рѣзко, какъ въ селѣ N, гдѣ изъ 1067 тайныхъ

раскольниковъ,—мущинъ 377, а женщинъ 690, то-есть мущинъ едва не вдвое меньше чѣмъ женщинъ, которыхъ въ солдаты отдать нельзя.»

Теперь, при упраздненіи крѣпостнаго права, раскольниковъ и малаканъ въ селѣ N. болѣе 3.000.

Такъ и въ другихъ мѣстахъ. Но, спрашивается, можно ли считать это распространеніемъ или усиленіемъ раскола? Напротивъ, расколъ въ настоящее время со дня на день теряетъ ту силу фанатизма, которая необходима ему для пропаганды.

VI.

10-го апрѣля.

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* помѣщена статья г. Чечурина объ устройствѣ народныхъ училищъ въ Подольской губерніи. Содержаніе этой статьи слѣдующее: «учрежденіе народныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Кіевской губерніи «встрѣтило огромныя затрудненія со стороны какъ высшихъ, такъ и *сельскихъ лицъ* (?), не желавшихъ выпустить изъ рукъ своихъ народное образованіе и боявшихся всякой новой *и раціональной* иниціативы со стороны мало симпатичнаго имъ учебнаго и ученаго вѣдомства»; вслѣдствіе чего не оказалось возможнымъ учредить въ этой губерніи болѣе 20 школъ. Совсѣмъ другаго рода пріемъ сдѣланъ былъ этой раціональной иниціативѣ въ Подольской губерніи. Еще годъ тому назадъ, въ *С.-Петербургскихъ* же *Вѣдомостяхъ*, въ статьѣ очень сходнаго съ настоящею штемпеля, была выражена надежда, что «духовенство Подольской и Волынской губерній взглянетъ болѣе просвѣщеннымъ и современнымъ взглядомъ (чѣмъ кіевскія *высшія* и *сельскія лица*) на полезную иниціативу правительства». Нынѣ надежда эта вполнѣ «оправдалась и осуществилась самымъ блистательнымъ образомъ»: въ Подольской губерніи *предположено открыть 27 народныхъ училищъ*.... Ну, немногимъ же это больше чѣмъ въ Кіевской, въ которой по крайней мѣрѣ 20 школъ открыто, а тутъ онѣ только

предположены. Скажутъ: за устройство школъ въ Подоліи принялись недавно; довольно и того что избрали для нихъ пункты и сдѣлали съ кѣмъ слѣдуетъ предварительныя сношенія. Съ этимъ нельзя согласиться. Извѣстно что Высочайшее повелѣніе объ открытіи народныхъ школъ въ западныхъ губерніяхъ послѣдовало 18 января 1862 года, — и что въ началѣ слѣдующаго, то-есть ровно годъ тому назадъ, послѣ фіаско въ Кіевской губерніи, г. Туловъ, главный дѣятель по этому дѣлу, былъ посланъ въ Подольскую губернію. Что же сдѣлано имъ въ теченіе года? *Предположено* открыть 27 училищъ. Не слишкомъ ли рано г. Чечуринъ начинаетъ сулить ему безсмертіе? Есть похвалы которыя ставятъ хвалимаго въ положеніе смѣшное....

Но г. Чечурину мало пропѣть хвалебный гимнъ будущимъ школамъ Подоліи; онъ усиливается доказать, что полное благоденствіе объяло бы и Кіевскую губернію, еслибы тамошнія «высшія и сельскія *лица*» не положили этому преградъ. Тамъ, правда, мало школъ, но какъ онѣ хороши! «Иногда», говоритъ онъ,

„— въ дорогѣ вы видите огонекъ, сверкающій изъ единственнаго окна, въ небольшой хатѣ, среди пустыннаго поля. Радуются недоброжелатели разумнаго человѣческаго движенія, какъ еще много чернаго мрака кругомъ, такъ что огонекъ какъ будто гаснетъ отъ силы и громадности этого мрака! Но и въ этихъ уединенныхъ школахъ, забытыхъ и пренебреженныхъ всѣми тѣми кто издалека смотритъ на народную массу, подверженныхъ только неуклюжей пропіи и площаднымъ остротамъ нашей кіевской прессы, основанной на мелкомъ разчетѣ и не всегда благовидной спекуляціи, живетъ чистое и безкорыстное просвѣщеніе, питающее здоровою пищей молодые умы и сердца будущихъ гражданъ нашей земли; тамъ наука не есть пугало, заставляющее ребенка зѣвать и плакать; тамъ нѣтъ ни розги, ни линейки, ни плетки, какъ орудій поощренія любознательности; тамъ нѣтъ долбленія и забиванія умственныхъ силъ; тамъ нѣтъ крика и не слышно безчестнаго звука рукопашныхъ исправительныхъ мѣръ. Но тамъ вмѣсто того мы находимъ молодаго учителя, который оставилъ городъ по влеченію къ новому дѣлу, вполнѣ полезному и глубоко симпатичному. Кругомъ его дѣти, не старше 10 и 12 лѣтъ, веселыя, незапуганныя, послушныя по собственной волѣ, любящія и не боящіяся его. Онъ ихъ учитъ; день его наполненъ; онъ имъ объясняетъ эпизоды священной исторіи по хорошимъ картинкамъ: глаза дѣтей устремлены на него съ жадностію, и онъ видитъ въ нихъ, какъ умственная сфера въ ребенкѣ расширяется. Работать усердно и добросовѣстно въ такомъ слоѣ общества, который самъ работалъ сотни лѣтъ для другихъ слоевъ, это не есть пошлое занятіе; чувства, такимъ

трудомъ возбуждаемыя, не унижаютъ сердца, а возвышаютъ его и укрѣпляютъ къ вполнѣ человѣческой дѣятельности. Всѣ, которые видѣли нѣсколько народныхъ училищъ, открытыхъ въ 1862 въ Кіевской губерніи, раздѣлятъ и подтвердятъ все здѣсь сказанное; всѣ хвалятъ ихъ почти безусловно."

Блаженная Кіевская губернія! Но почему же она такъ упрямо отказывалась принять предлагаемое ей благодѣяніе? Почему, напротивъ того, Подольская губернія радостно отверзла свои объятія школамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія? Странно: изъ смысла всей статьи ясно до очевидности что сопротивленіе образованію крестьянъ обнаружило кіевское духовенство; между тѣмъ, однакоже, извѣстно что еще за нѣсколько времени до этой «новой и раціональной инициативы» учебнаго округа, Кіевская епархія особенно заявила себя дѣйствительно *новою* и, судя по успѣху, дѣйствительно *раціональною* инициативой по части учрежденія школъ для крестьянскихъ дѣтей.

Посмотримъ, какъ приступило учебное кіевское начальство къ устройству школъ въ Подоліи. Объ этомъ мы находимъ весьма пространныя извѣстія въ статьѣ г. Чечурина. Когда не ладилось дѣло въ Кіевской губерніи, тогда рѣшено было командировать г. Тулова съ необходимыми рекомендаціями въ Подольскую губернію. Г. попечитель отнесся къ тамошнему архіепископу, «прося оказать содѣйствіе труду возложенному на г. Тулова». Этому послѣднему относительно избранія пунктовъ для учрежденія школъ предписано было «дѣйствовать по взаимному соглашенію съ архипастыремъ и г. начальникомъ губерніи». Въ основаніи управленія предполагаемыхъ школъ было положено взаимное содѣйствіе духовнаго и учебнаго начальства: «по важности религіозно-нравственнаго образованія, мѣстному приходскому священнику, кромѣ законоучительства, ввѣрено было, въ званіи блюстителя школы, главное наблюденіе за ходомъ воспитанія въ ней». Епархіальному начальству, наконецъ, чрезъ довѣренныхъ и имъ назначаемыхъ лицъ, предоставлено было слѣдить за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школъ. Вотъ слѣдовательно какую связь, какое взаимнодѣйствіе между свѣтскою и духовною властію положено было установить въ Подольской губерніи, вотъ какое важное вліяніе на школы было предоставлено мѣстному духовенству. Есте-

ственно, что оно съ радостію оказало содѣйствіе начатому такимъ образомъ дѣлу. Но было ли подобное значеніе предоставлено кіевскому духовенству мы сомнѣваемся, мы даже имѣемъ основанія полагать что ничего подобнаго тамъ не было. Удивительно ли что духовенство съ перваго же шага оказалось не слишкомъ благосклоннымъ къ дѣлу начинаемому столь безцеремонно? Надо принять въ разчетъ, что министерская наука явилась въ среду украинскаго крестьянства не ранѣе 1862 года, тогда только когда политическія соображенія указали на настоятельную необходимость школъ въ томъ краѣ, между тѣмъ какъ вѣковѣчнымъ и единственнымъ учителемъ народа тамъ было духовенство, — то самое духовенство, которое, кромѣ своего священнаго призванія, около 300 лѣтъ стояло тамъ во главѣ національнаго движенія, которое постоянно играло тамъ высокую и почтенную историческую роль. Развѣ къ такому важному историческому дѣятелю можно относиться съ тою самонадѣянною развязностью, которую любятъ приносить съ собою въ провинціи петербургскіе чиновники, прибывающіе туда съ полномочіемъ отъ высшаго начальства по дѣламъ земской полиціи? Вертѣть земскою полиціей можетъ-быть и можно человѣку облеченному достаточнымъ полномочіемъ; но къ крѣпкой организаціи, имѣющей глубокіе корни въ народной почвѣ и касающейся своею вершиной самыхъ священныхъ чувствъ и вѣрованій, относиться слѣдуетъ иначе. Можетъ-быть скажутъ что въ интересѣ края и образованія мѣстному духовенству слѣдовало бы уступить и не тормозить полезнаго дѣла. Но въ томъ-то и вопросъ, полезно ли дѣло которое начинается заявленіемъ неуваженія къ тому что имѣетъ право на уваженіе?

Намъ кажется что устройство народныхъ школъ въ Кіевскомъ округѣ съ перваго шага пошло ложнымъ путемъ. Тамъ предположено было начать съ образованія особаго заведенія для приготовленія сельскихъ учителей: мысль не практичная въ такое время, когда настояла надобность въ открытіи сотень сельскихъ школъ разомъ. Несравненно дѣльнѣе поступлено было въ Виленскомъ округѣ, гдѣ, благодаря заботамъ бывшаго

попечителя тамошняго округа, князя Ширинскаго-Шихматова, было безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ прямо приступлено къ открытію школъ на избранныхъ пунктахъ или къ улучшенію тѣхъ которыя уже были открыты духовенствомъ; для того же чтобъ имѣть учителей, па первый разъ обратились къ естественному источнику, къ мѣстному духовенству,—и оно поспѣшило съ полнымъ усердіемъ отозваться на сдѣланное ему приглашеніе. Результатомъ такого способа дѣйствій было то, что въ Виленскомъ округѣ, въ теченіи 1862 года, было открыто 111 школъ, а въ Кіевскомъ 20, между тѣмъ какъ на устройство тѣхъ и другихъ матеріальное пособіе отъ правительства дано было одинаковое, по 10.000 рублей. Продолжая идти по правильно избранному пути, виленское учебное начальство имѣетъ уже до 400 народныхъ школъ, а кіевское, со включеніемъ *предположенныхъ*, только 47. Не мѣшаетъ къ этимъ итогамъ прибавить и то, что дѣло грамотности въ народѣ послужило въ сѣверо-западномъ краѣ новою связью между свѣтскою властію и духовною, а въ юго-западномъ то же самое дѣло послужило къ ихъ печальному разъединенію.... Чему же радуется г. Чечуринъ? Что восхваляетъ? Кому плететъ лавровые вѣнки?

VII.

14 апрѣля.

Съ полнымъ сочувствіемъ перепечатали мы въ № 82 нашей газеты отзывъ *Русскаго Инвалида* на принятый въ финляндскомъ сеймѣ законъ о печати. Мы совершенно раздѣляемъ то чувство негодованія столь естественное, столь понятное, столь благородное во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ, чувство, съ которымъ эта газета отзывается о презрительномъ намекѣ на Русскій народъ, замѣченномъ ею въ словахъ сказанныхъ по этому поводу комитетомъ законовъ. «Къ сожалѣнію, говоритъ *Русскій Инвалидъ*, комитетъ законовъ, заботясь о расширеніи этой свободы для Финляндіи, въ то же время, повидимому, хлопочетъ о томъ чтобъ обратить ее въ исключительную привп-

легію своего края... Финляндскій комитетъ хорошо знаетъ цѣну этой свободы; тѣмъ не менѣе комитетъ признаетъ необходимость цензуры не въ прошедшемъ, а въ настоящемъ,—но только для націи стоящей на низкой ступени развитія. О какой націи въ этомъ случаѣ идетъ рѣчь,—не можетъ быть сомнѣнія, если мы вспомнимъ что лишь въ Россіи существуетъ теперь предварительная цензура.» Замѣчаніе совершенно справедливое. Дѣйствительно, изъ всѣхъ странъ Европы только въ Россіи господствуетъ еще цензура, столь сильно противодѣйствующая, какъ выражается *Русскій Инвалидъ*, дѣлу прогресса. Вездѣ печать подлежитъ болѣе или менѣе твердому закону; вездѣ она болѣе или менѣе вышла изъ того положенія которое препятствуетъ всякому мнѣнію и направленію доходить до надлежащей ясности, до надлежащаго кризиса, вгоняетъ внутрь нравственныя болѣзни общественнаго организма, приводитъ въ уныніе и обезоруживаетъ честную мысль, между тѣмъ какъ во мракѣ пріобрѣтаетъ силу всякое нечестное, злонамѣренное, тайное дѣло, особенно въ настоящее время, когда революціонныя движенія организуются правильнымъ образомъ и становятся орудіемъ политическихъ интригъ. Финляндскіе представители, къ которымъ обращаетъ рѣчь свою сочувственная намъ по многимъ вопросамъ петербургская газета, могли бы пожалуй возразить ей, что говоря о націи стоящей на низкой степени развитія,—націи для которой, по мнѣнію ихъ, необходима предварительная цензура,—они разумѣли не Русскій народъ. Тѣснимые противникомъ и озираясь кругомъ, они пожалуй могли бы еще указать на Турцію и сказать что подъ этою *низко стоящею* націей, для которой необходима предварительная цензура, они разумѣли не Русскій народъ, а Турцію. Но эта отговорка не принесла бы имъ пользы. Турція отказалась бы послужить имъ примѣромъ низко стоящей націи, для которой предварительная цензура *необходима*. Турція не есть исключеніе изъ общаго правила; въ Турціи не господствуетъ исключительно предварительная цензура; тамъ предварительная цензура не считается необходимостью. Правда, Турція все-таки страна варварская, неблагоустроенная, страна магометанскаго правп-

тельства, страна, гдѣ господствующее племя лишено будущности, страна справедливо и мѣтко названная *больнымъ человѣкомъ*, страна, гдѣ все находится въ хаотическомъ броженіи, покрытая тайными обществами, поприще всевозможныхъ политическихъ интригъ, наконецъ страна, гдѣ нѣтъ ни правильной администраціи, ни сколько-нибудь правильнаго суда, гдѣ стало-быть, казалось бы, нѣтъ другой возможности контролировать печать, какъ посредствомъ предварительной цензуры; и вотъ, однако же, въ Турціи дѣло можетъ обходиться и безъ предварительной цензуры. Въ Турціи цензура существуетъ, но она не обязательна; въ Турціи существуетъ цензура *факультативная*. По турецкому положенію, всякій кто рѣшится принять на себя полную отвѣтственность за свое изданіе освобождается отъ предварительной цензуры, а въ случаѣ проступка подвергается установленнымъ взысканіямъ и наказаніямъ. Какъ бы ни были плохи законы въ Турціи, какъ бы ни дурно они администрировались, тѣмъ не менѣе всякому предоставляется, въ дѣлѣ печати, нести такую же отвѣтственность за себя, какую обыкновенно несетъ на себѣ всякій взрослый человѣкъ въ собственныхъ дѣйствіяхъ. Самоотвѣтственность великое дѣло. Чувство самоотвѣтственности облагораживаетъ, очищаетъ и отрезвляетъ мысль въ ея источникахъ. Безъ этого чувства ни въ чемъ не можетъ быть ни достоинства, ни зрѣлости.

Русскій Инвалидъ, въ возраженіи своемъ, продолжаетъ такъ: «Развѣ почтеннымъ представителямъ Финляндіи неизвѣстно что подобную же реформу въ законахъ о печати наше правительство давно имѣетъ въ виду и для Россіи: новый цензурный уставъ былъ составленъ въ двухъ коммиссіяхъ, и можно надѣяться что не далеко то время когда войдетъ онъ въ силу; образованное общество наше и литература съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этой давно желанной минуты.» Дѣйствительно, вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ какъ правительство наше занято мыслію о реформѣ въ положеніи печати, но еще и прежде того оно убѣдилось что это положеніе отнюдь не можетъ быть признано нормальнымъ. Мы помнимъ, два года тому назадъ, въ нашей журналистикѣ шли горячіе толки объ этомъ вопросѣ, высказы-

вались противоположныя мнѣнія, и намъ не разъ доводилось въ *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника* высказываться съ полною откровенностію по этому предмету. Въ журналистикѣ была рѣчь о проектѣ, въ основаніяхъ котораго были согласны всѣ редакціи нашихъ журналовъ, и въ которомъ представлялись на видъ практическія мѣры, какія могли бы быть приняты для улучшенія положенія печати, не дожидаясь коренныхъ преобразованій въ нынѣ существующемъ порядкѣ. По этому простому, самому умѣренному, самому непритязательному проекту, все оставлялось какъ есть: и цензоры, цензурные комитеты, и цензурное управленіе; отмѣны цензуры не предполагалось, но ей давалось значеніе факультативное, то-есть предоставлялось желающему брать на себя отвѣтственность и обязанность сообразоваться съ установленными правилами. Въ послѣдствіи, нѣкоторыя петербургскія редакціи отпали отъ этого проекта; онѣ пожелали полныхъ гарантій, независимости отъ администраціи, присяжныхъ, и мало ли еще чего? Нѣкоторыя административныя лица раздѣляли это мнѣніе, и находили, что если ужь улучшать положеніе печати, то надобно сдѣлать это наилучшимъ образомъ. Другіе противъ этого мнѣнія возражали,— и возражали, какъ кажется, весьма основательно,—что одно другому мѣшать отнюдь не можетъ, что если правительство признало нужнымъ предпринять болѣе существенную реформу и постановить твердый законъ, который бы съ точностію опредѣлялъ права и повинности печати и подчинялъ бы ее правильной юрисдикціи, то все это можетъ идти своимъ путемъ, и всему этому никакъ не могло бы воспрепятствовать то возможное при настоящемъ порядкѣ улучшеніе, которое предполагалось въ вышеупомянутомъ проектѣ, улучшеніе самое простое, самое удобоисполнимое и тѣмъ не менѣе весьма существенное. Напротивъ, факультативная цензура, которая предполагалась въ вышеупомянутомъ проектѣ, никого не стѣснявшая, никого ни къ чему не обязывавшая, ни въ чемъ не ослаблявшая правительственнаго контроля надъ печатью, и въ то же время дозволявшая желающимъ вести свое дѣло самостоятельно, подъ страхомъ серіозной и тяжелой отвѣтственности, могла бы

лишь способствовать правильному ходу предполагаемой коренной реформы и послужить переходнымъ состояніемъ въ ожиданіи этой реформы, которая должна была потребовать болѣе или менѣе продолжительныхъ предварительныхъ работъ. Что эти предварительныя работы, дѣйствительно, трє бовали времени, доказательство тому представляетъ уже сдѣланный опытъ: проектъ новаго устава о печати долженъ былъ пройти черезъ двѣ комиссіи, на что потребовалось два года времени, такъ что только теперь онъ приготовленъ окончательно ко внесенію въ Государственный Совѣтъ. Дай Богъ, чтобы ничто не задержало его хода, и мы присоединяемъ нашъ голосъ къ голосу *Русскаго Инвалида*, который свидѣтельствуетъ о нетерпѣніи съ какимъ образованное общество наше и литература ожидаютъ закона о печати. Тѣмъ не менѣе все же и при самомъ быстромъ ходѣ дѣла, при полномъ отсутствіи всякихъ относительно его недоразумѣній, при полной рѣшимости правительства совершить эту реформу, которую оно признало необходимою и полезною, реформа эта все-таки потребуетъ нѣкотораго времени; а между тѣмъ ничто не препятствовало бы дать желающимъ возможность, и при существующемъ порядкѣ, увольняться на свой страхъ отъ предварительной цензуры, которая, кромѣ другихъ болѣе существенныхъ неудобствъ, сопряжена для редакцій съ значительною и напрасною тратой времени.

«Какіе доводы, спрашиваетъ *Русскій Инвалидъ*,—какіе доводы могутъ представить финляндскіе представители, что желаемыя реформы въ законѣ о печати болѣе пригодны для Финляндіи нежели для Россіи? Кому изъ людей хоть сколько-нибудь знакомыхъ съ теперешнимъ положеніемъ общества и публицистики въ Финляндіи не извѣстно, что въ настоящее время почти вся финляндская печать находится въ рукахъ одной, весьма не многочисленной партіи, которая и проводитъ беззастѣнчиво свои воззрѣнія, хотя эти воззрѣнія часто вовсе несогласны съ истинными выгодами страны и далеко не раздѣляются большинствомъ народонаселенія? А то ли мы видимъ въ Россіи? Говорить при этомъ случаѣ о Русскомъ народѣ совершенно излишне. Всякому извѣстно, что при большомъ развитіи

здраваго смысла и смѣтливости, русскій человѣкъ отличается еще преданностію самымъ положительнымъ вѣрованіямъ, непреклонною готовностію слѣдовать великимъ началамъ выработаннымъ его исторіей, самымъ стойкимъ консерватизмомъ: при такихъ ли качествахъ не сумѣетъ онъ пользоваться благами свободной печати?»

Ничего не можетъ быть вѣрнѣе и справедливѣе этихъ словъ. Намъ пріятно повторить ихъ, и мы повторяемъ ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ: такъ всегда мы думали, такъ всегда мы чувствовали. Мы позволяемъ себѣ произносить объ этомъ дѣлѣ болѣе рѣшительное сужденіе чѣмъ о какомъ-либо другомъ, потому что оно особенно близко намъ, потому что оно во всѣхъ своихъ элементахъ провѣрено нами долговременнымъ опытомъ. Мы убѣждены, что нигдѣ самая полная свобода печати, какъ и вообще всякая свобода, не можетъ быть допущена съ такою безопасностію и сопровождаться такими добрыми послѣдствіями, какъ посреди Русскаго народа. И вотъ, однакожь, при всемъ этомъ, мы, заинтересованные въ дѣлѣ люди, считали бы себя счастливыми, еслибы русская печать, въ ожиданіи приготовляемаго для нея закона, который долженъ освободить ее вполнѣ, могла въ настоящее время пользоваться преимуществами турецкой печати, для чего не требуется никакихъ реформъ, даже никакого особаго узаконенія. Мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ свидѣтельствовать, что даже эта малая льгота могла бы поправить положеніе русской печати, и она получила бы возможность дѣйствовать съ бо́льшею пользой, и успѣшнѣе бороться со зломъ.

VIII.

16-го апрѣля.

Ничего хорошаго не можетъ выйти изъ недовѣрія къ собственнымъ силамъ, возведеннаго въ правило и организованнаго въ систему. Всякая сила слабѣетъ и теряется отъ бездѣйствія. Уклоняться отъ дѣйствія и борьбы, съ которою оно неразлучно,

не значитъ сохранять себя и сберегать свои силы; напротивъ, это значитъ зарывать въ землю свой талантъ, это значитъ быть рабомъ лѣнивымъ и невѣрнымъ.

Государственная сила объемлетъ всю совокупность интересовъ общественной жизни, и потому государство можетъ успѣшно вѣдать и охранять каждый изъ интересовъ лишь въ томъ, что̀ всѣ они имѣютъ между собою общаго. Государству подлежатъ только необходимыя условія общественной жизни, только ея всеобщіе, такъ-сказать, родовые элементы. Гдѣ дѣйствуетъ только одна эта всеобщая сила, тамъ не можетъ быть жизни въ тѣснѣйшемъ и собственномъ значеніи этого слова, потому что тамъ ни одинъ не живетъ изъ своихъ внутреннихъ источниковъ, ни одинъ не дѣйствуетъ своею собственною энергіей, ни одинъ не обнаруживаетъ своей истинной природы, и все пребываетъ въ состояніи скрытномъ, скудномъ и бездѣйственномъ.

Интересъ религіозный есть, безъ сомнѣнія, величайшій изъ всѣхъ интересовъ человѣческой жизни; но его сила заключается не въ тѣхъ условіяхъ его существованія которыя общи ему со всевозможными другими интересами; сила его заключается въ томъ, что̀ только ему одному свойственно, что̀ составляетъ его отличительную сущность. Та безразличная, всеобщая, внѣшняя сила, которая находится въ вѣдѣніи государства, никогда не можетъ замѣнить внутреннюю силу, свойственную исключительно тому или другому жизненному интересу, высшему или низшему; никогда не можетъ успѣшно способствовать развитію или охраненію каждаго интереса въ его спеціальности, а тѣмъ менѣе религіознаго въ томъ что̀ составляетъ его существенную сторону.

Мы часто удивляемся и часто сѣтуемъ, находя, что въ нашемъ обществѣ мало жизни, что ни одинъ интересъ не дѣйствуетъ въ немъ съ достаточною энергіей, что даже самый высшій, самый дорогой для цѣлаго народа интересъ,—религія, церковь,—остается непроизводительнымъ и неплоднымъ въ общественной жизни. Мы видимъ наше духовенство въ униженіи, религіозное воспитаніе народа и самаго клира въ крайнемъ

небреженіи, видимъ цѣлыя области, принадлежащія Русскому государству и православной церкви, преданныя запустѣнію; мы замѣчаемъ въ нашемъ свѣтскомъ образованіи не только отсутствіе религіознаго интереса, но часто полное отрицаніе его, видимъ все это, и скорбимъ, и сѣтуемъ, и съ содроганіемъ помышляемъ о будущемъ; мы удивляемся такимъ плачевнымъ признакамъ, умножающимся подъ сильною рукой государства, которое неусыпно заботится объ охраненіи религіознаго интереса и не оставляетъ ни одного сколько-нибудь важнаго отправленія церковной жизни безъ своего пособія, опеки и контроля. Если даже при такой могущественной опекѣ государства,—такъ можемъ мы подумать, — если при такомъ дѣятельномъ участіи охранительной его силы во всемъ что̀ касается церковной жизни, религіозный интересъ у насъ слабъ, церковь наша не обнаруживаетъ никакой энергіи; то что̀ же было бы съ ними, еслибы государство, призываемое другими заботами, прекратило наконецъ свое неусыпное вмѣшательство въ дѣла религіознаго интереса и оставило безъ своего попечительства нашу церковь? Что̀ было бы?... И вотъ мы уже готовы сомнѣваться во внутреннихъ силахъ нашей церкви и жизненныхъ началахъ ей присущихъ, между тѣмъ какъ намъ слѣдовало бы убѣдиться, что печальные признаки, поражающіе насъ въ дѣйствительности, именно и происходятъ отъ того, что церковь живетъ у насъ не собственными своими силами, религіозный интересъ поддерживается у насъ не собственною своею энергіей, что за нихъ дѣйствуетъ во всемъ государственная сила. Намъ слѣдовало бы убѣдиться, что не въ недостаткѣ попечительства заключается оскудѣніе этой великой силы, а напротивъ въ ея излишествѣ. Мы не достаточно цѣнимъ внутреннія силы нашей церкви и истину ей присущую, потому что мы не видимъ ихъ проявленій, потому что они находятся въ скрытномъ и бездѣйственномъ состояніи.

Не обнаруживаясь въ жизни, не создавая въ обществѣ соотвѣтственнаго себѣ могущественнаго интереса, который возбуждалъ бы людей къ дѣятельности, церковь не можетъ оказывать достаточной силы отпора, она не одерживаетъ побѣдъ. Ея

жизненность подвергается сомнѣнію, потому что за ней во всемъ и вездѣ дѣйствуетъ сила отнюдь не замѣняющая ея сущности. Въ жизни церковь наша кажется скудною и несильною, потому что въ обществѣ, среди котораго она находится, за все и во всемъ дѣйствуетъ и отвѣтствуетъ одна безразличная государственная сила.

Когда зайдетъ рѣчь объ охраненіи православія, то мы не находимъ лучшаго способа какъ механически отдѣлять его отъ другихъ вѣроисповѣданій. Мы боимся, что при первой встрѣчѣ съ другими вѣроисповѣданіями, особенно съ дѣятельными и одержимыми духомъ завоеванія, каково римско-католическое. наша церковь не выдержитъ состязанія. Возникаетъ ли вопросъ о расколѣ, у насъ на умѣ только мѣры преслѣдованія и гоненія какъ единственное средство возвратить заблудшихся, хотя исторія убѣдительно свидѣтельствуетъ, что именно эти-то самыя мѣры и были причиною заблужденія и упорства въ немъ; возникаетъ ли опасеніе иновѣрной пропаганды, мы ограждаемъ себя отъ совращеній мѣрами полицейской охраны, хотя ежедневный опытъ свидѣтельствуетъ какъ нельзя убѣдительнѣе, что дѣлу религіи такая охрана опаснѣе напасти.

Нѣтъ! не иновѣрная пропаганда, какъ бы ни была она организована, не католическіе ксендзы, не упорствующіе раскольники могутъ быть опасны истиннымъ интересамъ православной церкви, также какъ не революціонные элементы, откуда бы они ни шли и какими бы средствами ни вооружались, могутъ быть опасны для нашего государства; намъ болѣе всего вредно и опасно излишнее бюрократическое попечительство и излишняя надежда на полицейскую охрану. Наши общественныя силы, предоставленныя самимъ себѣ въ своихъ спеціальныхъ интересахъ, будутъ несравненно безопаснѣе, сохраннѣе и плодотворнѣе. Кто не ограничивается поверхностію явленій и отдаетъ себѣ какой-либо отчетъ въ ихъ сущности, тотъ не усомнится, что самодѣятельность и самоохраненіе не уронятъ, а возвысятъ наши силы, и что православная церковь, освобожденная отъ излишней опеки и отъ бюрократическаго элемента въ своей организаціи, столь не соотвѣтственнаго ея духу,

можетъ выдерживать всякое состязаніе. Католическая пропаганда, несмотря на несчастныя для насъ историческія обстоятельства прежнихъ временъ, несмотря на организацію своихъ воинствующихъ орденовъ, несмотря на неразборчивость въ средствахъ, не много сдѣлала завоеваній у православія; и нѣтъ сомнѣнія, что православная церковь въ настоящее время, при сколько-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, могла бы не потерять, а выиграть отъ свободнаго состязанія съ латинствомъ. Ужь и теперь богословы другихъ вѣроисповѣданій все болѣе и болѣе обращаются мыслію къ Востоку и начинаютъ видѣть въ православной церкви основаніе и залогъ церковнаго единства. Духъ болѣе таящійся, нежели раскрывающійся въ ней, уже и теперь привлекаетъ къ ней религіозное чувство иновѣрцевъ, ищущихъ единенія, хотя ея обстановка отнюдь не обладаетъ притягательнымъ свойствомъ.

Кстати, мы припоминаемъ объ одномъ священникѣ епископальной (англійской) церкви въ Америкѣ, г. Йонгѣ, изъ Нью-Йорка, который недѣли двѣ тому назадъ былъ въ Москвѣ, одушевленный ревностнымъ желаніемъ ознакомиться ближе съ основаніями и обрядами нашей церкви и вступить въ сношенія съ ея іерархами. Онъ сообщилъ намъ между прочимъ записку, въ которой высказывается взглядъ его единовѣрцевъ на православную церковь. «Не многіе вопросы», сказано въ этой запискѣ, «изъ поднимавшихся въ американской епископальной церкви могутъ состязаться въ важности и значеніи съ вопросомъ о сближеніи съ восточною церковію. Въ послѣднее время съ особенною силой представлялись нашему убѣжденію права восточной церкви. Чѣмъ болѣе изучаемъ мы ея исторію, чѣмъ ближе знакомимся съ нею, тѣмъ слышнѣе становится для насъ голосъ ея авторитета и тѣмъ живѣе стремленія наши къ сближенію съ нею. Мы были ложно пріучены видѣть въ латинской церкви церковь первоначальную, древнѣйшую по организаціи, главный авторитетъ въ дѣлѣ преданія. Мы забывали, что римская церковь была лишь отпрыскомъ греческой... Несмотря на страшное потрясеніе, раздвоившее церковь, восточная церковь осталась твердою и вѣрною хранительницей первоначальнаго

преданія; она ожидаетъ той поры, когда могущественное движеніе въ христіанскомъ мірѣ начнетъ искать забытыхъ путей, начнетъ искать единенія и мира... Мы съ радостію привѣтствуемъ принятое въ послѣднее время въ нашей конвенціи рѣшеніе заботиться о сближеніи съ восточною церковію... Мы не хотимъ вѣрить, чтобы восточная церковь въ Россіи не могла, по существу своему, быть независимою относительно государства... Углубляясь въ свою исторію, убѣждаясь въ своей жизненности и въ своихъ судьбахъ, она не можетъ не чувствовать потребности занять то положеніе въ обществѣ и христіанствѣ, на которое даровано ей право.»

IX.

17-го апрѣля.

Нельзя не порадоваться признакамъ самостоятельной жизни замѣчаемымъ въ нашемъ университетѣ, особенно съ того недавняго времени когда ему была возвращена та доля независимости и самоуправленія, которою онъ пользовался прежде, съ выборнымъ ректоромъ во главѣ. Къ этимъ признакамъ относимъ мы и торжественное собраніе членовъ университета 11-го апрѣля, въ день Шекспировскаго праздника. Такого акта не требовалось уставомъ университета; онъ не былъ рутиннымъ исполненіемъ официальной формальности. Такой актъ предполагаетъ живую корпорацію, дѣйствующую по собственной инициативѣ, стоящую въ уровень съ своимъ призваніемъ и способную принимать дѣятельное участіе въ общихъ интересахъ цивилизаціи. Вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій нашего общественнаго быта, люди у насъ рѣдко бываютъ способны къ совокупному дѣйствію въ какомъ-нибудь общемъ интересѣ. Бездѣйствіе и апатія, которыми поражена наша общественная жизнь, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что у насъ ни одинъ интересъ не оказывается настолько сильнымъ чтобы созывать людей и связывать ихъ въ совокупномъ дѣйствіи. У насъ люди сообща дѣйствуютъ только по командѣ, по инструкціи, по данной

программѣ, и какъ только этихъ связующихъ и побуждающихъ къ дѣятельности началъ не оказывается, люди разсыпаются какъ песокъ. Инициатива пугаетъ ихъ, и они дичатся всякаго свободнаго, самопроизвольнаго участія въ общемъ дѣлѣ, какого бы то ни было свойства. Общее дѣло рѣдко бываетъ у насъ достаточно сильно, чтобы подавить мелкія самолюбія, умничанье, интриги. По всему вѣроятію, и въ нашемъ университетѣ есть подобные элементы; но, какъ видно, они незначительны и ничтожны; подобные элементы въ нашей университетской корпораціи оказываются безсильными благодаря доброму духу въ ней живущему, благодаря достоинству и здравому смыслу ея членовъ.

Воспоминаніе о Шекспирѣ въ трехсотлѣтнюю годовщину его рожденія, торжествуемое всѣмъ образованнымъ міромъ, было вполнѣ достойно корпораціи имѣющей своимъ назначеніемъ блюсти и развивать высшіе умственные интересы. Не могло быть предмета болѣе достойнаго собрать членовъ университетской корпораціи на актъ, о которомъ было въ свое время сообщено въ нашей газетѣ, и который удался какъ нельзя болѣе. Заговоривъ объ этомъ праздникѣ, мы не можемъ не выразить благодарности почтенному ректору университета и членамъ совѣта, за принятое имъ отъ лица русской науки участіе въ общемъ праздникѣ, посвященномъ воспоминанію, дорогому для всякаго образованнаго общества, для всякаго просвѣщеннаго и мыслящаго человѣка.

Въ исторіи человѣческаго рода, въ этой несмѣтной, непрерывно возобновляющейся массѣ чувствующихъ, мыслящихъ и дѣйствующихъ существъ, въ этихъ непрерывно смѣняющихъ одно другое безчисленныхъ поколѣніяхъ людей, выдѣляются лишь нѣсколько человѣкъ, которыхъ имена переходятъ изъ рода въ родъ съ неувядающею славой,—нѣсколько человѣкъ, которые возвышаются въ безспорномъ величіи, могущественные, вѣчно юные, какъ боги Олимпа, предметы общаго поклоненія, сознательнаго или безсознательнаго. Шекспиръ принадлежитъ къ самымъ избраннымъ, въ числѣ этихъ избранныхъ.

Шекспиръ не просто поэтъ или художникъ съ необыкновенными природными дарованіями: этимъ далеко не исчерпывается его значеніе, этимъ не объясняется та великая слава которая соединяется съ его именемъ. Его имя есть символъ. Онъ не даромъ родился въ XVI столѣтіи, съ котораго начинается новая исторія; онъ не даромъ родился на томъ островѣ, гдѣ исторія не дѣлается, а выростаетъ, гдѣ прошедшее не исчезаетъ, а живетъ въ настоящемъ и даетъ ему силу, въ странѣ, гдѣ все носитъ на себѣ печать самобытности и индивидуальности, странѣ личной свободы по преимуществу. Шекспиръ раскрылъ для созерцанія великій міръ души человѣческой; онъ приблизилъ его явленія къ нашему взору; онъ овладѣлъ ими во имя грядущихъ поколѣній. Въ его поэзіи мы признаемъ и чувствуемъ мысль созрѣвшую до той высоты, откуда она можетъ созерцать явленія нравственнаго міра, не въ отвлеченныхъ представленіяхъ, не въ отрывочныхъ моментахъ, но въ ихъ жизни и индивидуальности. Шекспирова поэзія есть именно это внутреннее зрѣніе, созерцающее то, что всего глубже и что всего выше въ жизни, то что изъ мрака слѣпыхъ влеченій восходитъ до свѣта разумѣнія, то въ чемъ заключается тайна жизни и мысли, что не исчерпывается никакимъ понятіемъ, что не есть ни идея, ни родъ, ни видъ, ни качество, ни типъ, но что во всемъ присутствуетъ и все соединяетъ въ себѣ, что характеризируется своими безчисленными проявленіями и отличается отъ всякаго положенія, отъ всякой формы своего существованія,—безсмертную личность человѣка. Шекспира называютъ поэтомъ сердцевѣдѣнія,—и дѣйствительно его творчество положило начало этому великому вѣдѣнію, которое своимъ главнымъ органомъ имѣетъ художественное созерцаніе. Шекспира называютъ поэтомъ реализма,—и дѣйствительно міръ души человѣческой является въ его созерцаніи не отвлеченною идеей, но самою несомнѣнною реальностью. Кто скажетъ лицо, тотъ скажетъ свобода, тотъ скажетъ жизнь, тотъ скажетъ знаніе, тотъ скажетъ поэзія, тотъ скажетъ—все. Только чувство индивидуальности создаетъ характеры жизни, только чувство личной самостоятельности есть движущая сила жизни; только оно

творитъ чудеса предпріимчивости, и только оно опредѣляетъ нравственную цѣну нашихъ дѣйствій; наконецъ только оно можетъ восходить до мудрости самоограниченія, до святости самопожертвованія. И лучшая проба всякой цивилизаціи, вѣрнѣйшая мѣра достоинства народной жизни и гражданскаго общества есть та степень личной самостоятельности, которую они могутъ выносить и которая ими обезпечивается.

Великіе завоеватели, потрясавшіе міръ, люди сильные, люди власти, теряются въ историческихъ воспоминаніяхъ какъ далекіе призраки, а если потомство и торжествуетъ память ихъ, то лишь въ томъ народѣ среди котораго они дѣйствовали. Геніи мысли, знанія, искусства, въ потомствѣ не умаляются, а растутъ, и принадлежатъ они не тому или другому народу, а всему человѣчеству. Кто могъ бы во времена Шекспира подумать, что этотъ бѣднякъ, рожденный въ низкой долѣ, горемыка-лицедѣй, пріобрѣтетъ великую власть надъ всѣмъ образованнымъ міромъ, и что власть эта съ каждымъ столѣтіемъ будетъ не умаляться, а возрастать? Шекспиръ въ прошломъ столѣтіи далеко еще не имѣлъ такого значенія, какое имѣетъ онъ теперь, когда протекло уже триста лѣтъ со дня его рожденія: тогда его знала только Англія, а съ тѣхъ поръ цѣлыя литературы образовались и разцвѣли подъ вліяніемъ его генія, и великіе умы у разныхъ народовъ воспитались на его произведеніяхъ. Вспомнимъ какъ много обязана Шекспиру нѣмецкая литература: мудрено ли что въ Германіи чествуютъ его память не менѣе чѣмъ въ его отечествѣ?

Вообще теперь иностранныя газеты полны воспоминаніями о Шекспирѣ. Сколько стиховъ, сколько статей и статеекъ, сколько книгъ выходило и выходитъ къ этому юбилею! И г. Викторъ-Гюго, знаменитый французскій поэтъ и политическій изгнанникъ, живущій на островѣ Джерсеѣ, не преминулъ издать цѣлую книгу о Шекспирѣ въ честь его юбилея. И вотъ г. Виктора Гюго выбрали парижскіе литераторы въ президенты банкета, который намѣревались они дать 23-го (11-го) апрѣля въ честь Шекспира. Поэтъ-изгнанникъ, конечно, не могъ бы лично присутствовать на этомъ банкетѣ, но для него было бы вѣро-

ятно оставлено за этимъ пиршествомъ мѣсто, какъ для тѣни Банко. По всему вѣроятію, парижскіе литераторы, избравшіе президентомъ политическаго изгнанника, который неисправимо скомпрометтировалъ себя предъ нынѣшнею династіей, не ограничились бы въ настоящее время однимъ этимъ заявленіемъ оппозиціоннаго духа. По крайней мѣрѣ правительство ожидало отъ этого сборища какихъ-нибудь серіозныхъ демонстрацій, которыхъ оно не хотѣло сносить или которыя казались ему опасными. Что демонстраціи предполагались, видно изъ того, что гг. Гизо и Вильменъ, извѣстные цѣнители Шекспира и въ то же время люди не правительственные, отказались отъ участія въ сборищѣ парижскихъ литераторовъ. Итакъ правительство запретило банкетъ; запрещенъ также и шекспировскій спектакль, который долженъ былъ состоять изъ піесъ: *Гамлетъ принцъ Датскій* и *Сонъ въ лѣтнюю ночь*. Другими словами, празднованіе трехсотлѣтней годовщины Шекспира запрещено Французамъ, и лишь въ видѣ особаго снисхожденія разрѣшено Англичанамъ проживающимъ въ Парижѣ собраться въ этотъ день для пиршества. Однако разрѣшеніе оказалось только номинальнымъ: вышли какія-то недоразумѣнія, и банкетъ ихъ также не состоялся. Случай куріозный, не лишенный въ настоящее время интереса. Парижскій корреспондентъ *Times* полушутя догадывается, что *Гамлета* еще можно было запретить, потому что датскій принцъ могъ подать поводъ къ какимъ-нибудь манифестаціямъ въ пользу своихъ храбрыхъ соотечественниковъ, но онъ отказывается объяснить, по какимъ соображеніямъ могъ подвергнуться запрету *Сонъ въ лѣтнюю ночь*. Другіе думаютъ, что императорское правительство, запрещая банкетъ и спектакль въ честь Шекспира, имѣло въ виду отвѣчать косвеннымъ образомъ на овацію генералу Гарибальди въ Англіи, и что эта мѣра не что́ иное какъ маленькая пика безцеремонной сосѣдкѣ.

Какъ бы то ни было, этотъ неожиданный случай взволновалъ все общество и всю журналистику въ Парижѣ. Газеты поспѣшили перепечатать довольно напыщенное, но безобидное письмо г. Виктора Гюго, гдѣ онъ говоритъ о союзѣ и слияніи народовъ

въ общемъ чествованіи великихъ міровыхъ геніевъ. *Le Temps*, въ статьѣ подъ названіемъ: *Миръ и свобода*, провелъ параллель между запрещеніемъ Шекспировскаго праздника и другими мѣрами французской администраціи за послѣднее время, и вывелъ изъ этого заключеніе для Французовъ, что имъ долго еще придется ждать свободы. За это *Le Temps* получилъ на другой же день офиціальное предостереженіе. *La Presse* съ неменьшимъ противъ другихъ оппозиціонныхъ газетъ раздраженіемъ доказываетъ, что во Франціи нѣтъ свободы. «Насъ хотятъ утѣшить, сказано въ этой газетѣ, насъ увѣряютъ—и кто же? самъ Викторъ Гюго!—что если у насъ нѣтъ свободы, то есть за то равенство. Какое заблужденіе! Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ, тамъ не можетъ быть и равенства. И вотъ доказательство: банкетъ въ честь Суэзскаго канала, на двѣ тысячи человѣкъ, подъ предсѣдательствомъ принца Наполеона, банкетъ, который завѣдомо для всѣхъ долженъ былъ имѣть (и дѣйствительно имѣлъ) политическій характеръ, разрѣшенъ былъ свободно, а банкетъ въ честь Шекспира, на 500 человѣкъ, праздникъ чисто литературный и отнюдь не политическій, внезапно подвергся запрещенію, безъ объясненія причинъ и поводовъ! Гдѣ же тутъ равенство? Наоборотъ, въ Англіи, гдѣ господствуетъ свобода, укажите уголокъ, гдѣ бы не было равенства!»

Положимъ такъ, но оставляя газету *la Presse* при ея толкахъ о свободѣ и равенствѣ, нельзя не замѣтить, что этотъ случай заслуживаетъ особеннаго вниманія въ другомъ отношеніи. Едва ли правительство Наполеона III стало бы такъ безпощадно преслѣдовать всякое воспоминаніе о великомъ англійскомъ поэтѣ, еслибы не имѣло достаточныхъ основаній опасаться даже малѣйшаго волненія въ парижскомъ населеніи. Мѣра на которую жалуются парижскія газеты,—повидимому очень странная и произвольная,—интересна для насъ какъ несомнѣнное свидѣтельство о томъ, что во Франціи внутреннія дѣла обстоятъ далеко не благополучно. Оппозиціонное движеніе, выразившееся въ парижскихъ выборахъ и уже принявшее въ значительной степени республиканскій и революціонный оттѣнокъ, не могло, конечно, ослабѣть или получить болѣе умѣренное направленіе

подъ вліяніемъ демонстрацій происходившихъ въ Англіи въ честь Гарибальди. Эти демонстраціи должны были повсюду поднять духъ революціонной партіи, и война Французскаго правительства съ Шекспиромъ говоритъ намъ, что во Франціи этотъ духъ поднятъ теперь высоко.

X.

23-го апрѣля.

Мы хотимъ обратить вниманіе читателей на одно удивительное явленіе, на одну колоссальную нелѣпость. Наше общество часто подвергается упрекамъ въ незрѣлости и необразованности: пусть же посмотрятъ какой сумбуръ, исполненный сумасбродства и невѣжества, можетъ излагаться публично въ нынѣшней Франціи, и приниматься за нѣчто серіозное. Вотъ въ чемъ дѣло: въ Парижѣ явилась на свѣтъ новая историческая школа. Девизомъ ея служитъ счастіе народовъ и умиротвореніе племенной вражды. Основатель этой школы—«извѣстный въ ученомъ мірѣ», панъ Духинскій; число послѣдователей его увеличивается безпрерывно какъ во Франціи, такъ и въ другихъ государствахъ, если вѣрить свидѣтельству г-на Реньйо, фельетониста *Revue des cours littéraires*.

Новому благотворителю человѣчества нужно было бороться со многими предразсудками и доказать ничтожество многихъ преданій; три года сряду излагалъ онъ свои изслѣдованія, свои *баданія*, въ публичныхъ курсахъ, читанныхъ въ Парижѣ, и въ настоящемъ году, съ похвальною ревностью, онъ принялся въ четвертый разъ проповѣдывать открытыя имъ истины. И вотъ, труды его увѣнчиваются успѣхомъ! По словамъ его критика, всѣ предразсудки и преданія должны пасть предъ неотразимою силой его доказательствъ, и теперь заботы пана Духинскаго направлены уже къ практической цѣли: онъ хлопочетъ о томъ чтобъ его ученіе введено было въ основу преподаванія всеобщей исторіи въ среднихъ французскихъ школахъ.

И дѣйствительно, ученіе новаго пророка имѣетъ свои соблазнительныя стороны. Французамъ нравится его положеніе, въ

силу котораго «миссія исторической науки заключается въ томъ чтобы служить средствомъ умиротворенія». Панъ Духинскій даетъ исторической наукѣ такое направленіе, при которомъ она будетъ способствовать прекращенію племенной вражды, будетъ не только образовывать разумъ учащихся, но и развивать въ юныхъ питомцахъ идеи гуманности.

Въ чемъ же состоитъ сущность новаго ученія?

Панъ Духинскій полагаетъ необходимымъ, для счастія рода человѣческаго, предпосылать преподаванію всеобщей исторіи особую изобрѣтенную имъ науку, которую онъ считаетъ отраслью антропологіи и именуетъ *антропологіей исторіософичною*. Главный результатъ этой антропологіи есть новое дѣленіе рода человѣческаго.

Этотъ профессоръ не оспариваетъ предложенныхъ до настоящаго времени способовъ дѣленія рода человѣческаго; онъ питаетъ глубокое уваженіе къ общепринятому дѣленію, по происхожденію отъ трехъ сыновей Ноя. Онъ самъ прежде принадлежалъ къ числу ученыхъ принимавшихъ это дѣленіе; но потомъ изслѣдованія привели его къ заключенію, что ни дѣленіе Кювье, ни дѣленія Блюменбаха, Борн де-Сенъ-Венсана, Омаліюса д'Аллуа, Латама, Причарда, Катрфажа, и другихъ антропологовъ, не могутъ считаться удовлетворительными для объясненія историческихъ фазъ относящихся къ жизни народовъ «съ точки зрѣнія физіологическо-психологической и физіологическо-нравственной». Чтобы получить такое объясненіе историческихъ явленій, заключаетъ этотъ удивительный профессоръ, необходимо произвести самое дѣленіе съ означенной точки зрѣнія. Двѣ категоріи признаковъ должны быть положены въ основаніе новаго дѣленія. Къ первой категоріи, физіологическо-психологической, относятся: привязанность къ родинѣ, расположеніе къ земледѣлію, любовь къ отечеству, уваженіе къ женщинѣ, стремленіе къ свободѣ личности, способность къ умственному совершенствованію, и другія подобныя свойства, на которыя совмѣстно вліяютъ и психологія, и физіологія. Въ составъ другой категоріи признаковъ входятъ тѣ средства какія даны народамъ для обезпеченія самостоятельнаго развитія различныхъ

установленій: религіозныхъ, гражданскихъ и политическихъ. Съ точки зрѣнія этого двойнаго ряда признаковъ родъ человѣческій раздѣлился, около четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, на двѣ группы, которыя профессоръ обозначаетъ именами Аріевъ и Турановъ.

Результаты новой исторической антропологіи приводятъ къ слѣдующимъ подробностямъ дѣленія рода человѣческаго, согласно потребностямъ народовъ, вытекающимъ изъ ихъ наклонностей физіологическо - психологическихъ и физіологическо-моральныхъ.

Послушаемъ парижскаго учителя: въ чемъ признаки обѣихъ вѣтвей человѣчества.

Отрасль Арійская. Главная цѣль физіологическо-психологическая—*свободы.*

1. Привязанность къ родинѣ; любовь къ земледѣлію ради земледѣлія, а не изъ торговыхъ видовъ; сильное развитіе провинціальной жизни; наслѣдованіе землями личное или семейное; любовь къ отечеству.

2. Индивидуальная самодѣятельность въ развитіи личности и свободы, важность родоваго имени.

3. Меньшая привязанность къ лицамъ чѣмъ къ правамъ.

4. Преобладаніе чувства надъ умствованіемъ, или гармонія между этими двумя проявленіями; творческая мысль сильно развитая, энтузіазмъ.

5. Положеніе женщины въ обществѣ огражденное почетомъ.

Отрасль Туранская. Главная цѣль физіологическо-психологическая—*безопасность.*

1. Преобладаніе наклонности къ кочевой жизни, выражающееся или въ дѣйствительности, или въ учрежденіяхъ; земледѣліе цѣнимое какъ статья торговли; слабое развитіе провинціальной жизни, или совершенное отсутствіе такого развитія; наслѣдованіе земель по идеѣ господствующей въ отрасли Арійской почитается воровствомъ; недостатокъ любви къ отечеству въ арійскомъ значеніи.

2. Индивидуальная самодѣятельность въ развитіи подчиненности; недостатокъ привязанности къ родовымъ фамиліямъ.

3. Бо́льшая привязанность къ лицамъ чѣмъ къ правамъ.

4. Недостатокъ или совершенное отсутствіе чувства; творческая мысль слабо развитая; большая страсть къ метафизикѣ; способность подражанія сильно развитая; фанатизмъ.

5. Положеніе женщины въ обществѣ весьма стѣсненное.

Наклонности народовъ къ обезпеченію нравственности при развитіи свойственныхъ имъ цѣлей.

Отрасль Арійская. Обезпеченіе свободы.

1. Отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной; установленіе трехъ или четырехъ сословій въ обществѣ; наслѣдованіе земель.

2. Конституціонализмъ въ образѣ правленія.

3. Провинціализмы и выраженіе ихъ въ національностяхъ, какъ основаніе государствъ; преобладаніе федеративнаго духа даже въ отношеніяхъ между государствами.

Разнообразіе цивилизаціи у народовъ которые имѣютъ своею цѣлію свободу.

Отрасль Туранская. Обезпеченіе безопасности.

1. Общество не терпитъ дѣленія на классы; общее равенство; единство власти или соединеніе всѣхъ властей въ одной.

2. Патріархальное самовластіе въ правленіи.

3. Матеріальная сила какъ главная опора государствъ.

4. Характеристическое раздѣленіе на пѣхоту и кавалерію.

Однообразіе характеризуетъ цивилизацію народовъ имѣющихъ своею цѣлію—безопасность.

Вотъ перечень народовъ, распредѣленныхъ по вышеупомянутому дѣленію:

Народы цѣль которыхъ свобода.

Аріи, или земледѣльцы.

Въ Азіи: Индо-Брамины (бѣлоцвѣтные), Персы, Тадзики— 48 милліоновъ. Въ томъ числѣ около 18 милліоновъ Индо-Браминовъ, служащихъ типомъ группъ азіятскихъ Аріевъ.

Въ Европѣ, въ Америкѣ и въ другихъ частяхъ свѣта, Славяно-Германо-Латиновъ 280 милліоновъ.

Всего 328 милліоновъ.

Народы цѣль которыхъ *безопасность*.

Тураны или Кочевники.

1. Монголы, собственно Китайцы, Японцы 520 мил. Аборигены-Индійцы и Негры африканскіе 300 м. Аборигены Америки 7 м. Аборигены Океаніи 1 м.

2. Тураны, Татары и Турки Оттоманскіе 15 м.

3. Казаки (два типа: Киргизскій и Черкесскій, подъ владычествомъ царей московскихъ; ихъ отъ 8 до 12 м.), всего 20 м.

4. Собственно Москали—30 милліоновъ.

5. Симитическое племя: а) Арабы 15 мил., б) Евреи 5 мил., в) Армяне 5 мил.

Всего 918 милліоновъ.

Переходъ отъ одной группы къ другой, вслѣдствіе смѣшенія крови или географическаго положенія, представляютъ слѣдующія племена.

Въ Азіи: Афганы, Белуджистанцы, Бухарцы, Хивинцы, и часть народонаселенія Индіи.

Въ Европѣ: народъ Туранскій въ Финляндіи, Эстляндіи, Мадьяры, Славяне окрестностей Новгорода, Пскова, Смоленска, Малоруссы.

Итакъ Аріевъ—328 м., Турановъ 918.

«Есть о чемъ подумать», замѣчаетъ французскій критикъ.

Читатели, конечно, замѣтили то почетное мѣсто которое отведено профессоромъ Москалямъ. Это капитальный пунктъ ученія. Что Москали—Тураны; это не только выводъ науки, но положительная необходимость для того чтобы человѣчество обладало счастіемъ на землѣ. Москали—Тураны съ точки зрѣнія физіологическо-психологической и физіологическо-нравственной, при которой, конечно, не обращается вниманія ни на очертаніе лица, ни на религію, ни на языкъ. Москали связаны полнымъ единствомъ съ Неграми и Китайцами. У нихъ и у Китайцевъ проявляются въ идеяхъ, законодательствѣ, способахъ государственнаго управленія, тѣ же самыя наклонности которыя обнаруживаются въ быту негровъ и американскихъ аборигеновъ. Федеративные элементы Аріевъ, то-есть народовъ латинско-германско-славянскихъ, останавливаются у русла Днѣпра; за этою рѣкой, какъ теперь, такъ и во времена Геродота,

обитаютъ народы которые не имѣютъ въ себѣ никакихъ федеративныхъ элементовъ.

Такимъ образомъ Европа, въ томъ видѣ какъ ее очертили географы, дѣлится на два обширныя пространства, пересѣченныя теченіемъ Днѣпра. Въ каждую сторону отъ этой рѣки начинается особый міръ. Европа оканчивается у Днѣпра; за нимъ начинается Азія, явственными признаками отмѣчающая единство племенъ монгольскаго, китайскаго, татарскаго и Москалей.

Какимъ же образомъ это новое дѣленіе рода человѣческаго послужитъ къ умиротворенію племенной вражды? На это панъ Духинскій отвѣчаетъ умозрѣніемъ, обличающимъ въ немъ преобладаніе чувства надъ разумомъ, то-есть кровнаго Арійца.

Новое дѣленіе необходимо, полагаетъ профессоръ. Принятіе учеными отдѣльной истины что Москали не Славяне можетъ послужить только къ усиленію борьбы, и стало-быть не будетъ способствовать цѣли примиренія, которую профессоръ не отдѣляетъ отъ цѣлей науки. Сказать, что Москали не принадлежатъ къ славянскому племени, и не доказать имъ что ихъ собственное благосостояніе требуетъ чтобъ они убѣдились въ этой истинѣ, значило бы только побудить ихъ еще упорнѣе признавать себя Славянами, а это повело бы только къ распространенію панславизма. Новое дѣленіе рода человѣческаго одно лишь можетъ успокоить Москалей, ибо оно показываетъ имъ, что предназначеніе Турановъ—столь же почетно, какъ и Аріевъ, хотя болѣе простаго свойства. Такимъ образомъ новое дѣленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ высокимъ нравственнымъ цѣлямъ; оно содѣйствуетъ умиротворенію племенной вражды и освобождаетъ Москалей изъ-подъ ига указовъ, навязывающихъ имъ вѣрованіе въ совершенно противное истинѣ происхожденіе ихъ племени, и тѣмъ препятствующихъ Москалямъ возвратиться къ ихъ народнымъ преданіямъ и обычаямъ.

При чтеніяхъ своихъ панъ Духинскій не преминулъ сообщить, что одинъ изъ первыхъ историковъ Франціи, г. Анри Мартенъ, раздѣляетъ его взгляды, и намѣренъ даже воспользоваться ими въ XVIII томѣ своей *Исторіи Франціи*. Въ доказательство, онъ прочелъ на своей лекціи отвѣтъ г. Анри Мартена на его

предложеніе относительно введенія его исторической антропологіи въ среднія французскія школы. Вотъ, ради куріоза, этотъ *отвѣтъ*.

„Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что необходимо при преподаваніи всеобщей исторіи настаивать на первобытномъ единствѣ племени Арійскаго, называемаго неправильно Индо-Европейскимъ, единствѣ доказанномъ всѣми открытіями физіологіи и этнографіи.

„Необходимо внушить ученикамъ, что это единство сохранилось, въ основаніяхъ своихъ, при образованіи различныхъ народностей изъ племенъ происхожденія арійскаго, образующихъ европейское общество, племенъ которыя нѣкогда должны будутъ образовать европейскую федерацію, присоединивъ къ узамъ нравственнымъ и общественнымъ узы реальныя и политическія устройствомъ международнаго суда и взаимной обороны. Это совсѣмъ не утопія, это не пророческое увлеченіе, это логическое развитіе сущности дѣла, и оно будетъ необходимымъ противувѣсомъ: 1) колоссальному развитію американской федераціи, которая выйдетъ изъ настоящаго испытанія съ могущественною силой, въ нѣсколько разъ умноженною; 2) развитію деспотическаго единства у народовъ туранскихъ (Татаръ Китайцевъ и т. д.), у народовъ сѣвера и востока, предназначенныхъ по всей вѣроятности къ переходу подъ власть Турановъ. Наконецъ, представляется совершенная необходимость очертить существующее европейское общество въ отношеніяхъ *географическомъ* и *этнографическомъ*. Настоящая Европа ни мало не распространяется до Уральскихъ горъ; она останавливается у равнинъ Днѣпра. Москали (мы отвергаемъ названіе Россіянъ, какъ двусмысленное и не обозначающее ни народа, ни племени). Москали, повторяемъ, Туранцы, по происхожденію и духу своему совершенно отличны отъ европейскаго общества, вносятъ въ него смуту и анархію, и не будутъ въ немъ никогда элементомъ гармоническимъ; мы вынуждены поддерживать съ ними сношенія, но только внѣшнимъ образомъ; ихъ настоящее мѣсто въ Азіи, и тамъ они могутъ имѣть свое величіе. Пока они не будутъ вынуждены подчиняться этой роли, пока не будетъ навсегда уничтожено извѣстное завѣщаніе Петра Великаго, столь пагубное для человѣчества, до тѣхъ поръ не будетъ ни мира, ни безопасности, ни порядка въ Европѣ.

„Другъ вашъ
„Henry Martin."

4 февраля 1864.

Дружеское письмо г. Анри Мартена панъ Духинскій считаетъ «послѣднею отповѣдью французской науки, данною князю «Трубецкому, гг. Погодину, Порошину, Шевыреву, Шницлеру, «автору сочиненія *Польша и дѣло порядка*, и другимъ защит«никамъ указовъ Екатерины II, утверждавшимъ, что Москали «суть Славяне, Европейцы и Русскіе».

Чтобъ еще болѣе утвердить легковѣрныхъ Французовъ и Поляковъ въ истинѣ своихъ ученій, панъ Духинскій рѣшился объявить, что онъ особенно счастливъ тѣмъ, что въ самой Москвѣ образовался ученый кружокъ «который», говоритъ онъ, «начинаетъ насъ понимать и оказывать намъ сочувствіе». Пріятно было бы узнать, что̀ это за кружокъ.

Но въ этомъ дикомъ и безобразномъ сумбурѣ, заслужившемъ одобреніе французскаго историка, особенно куріозно то̀ что бо́льшая часть признаковъ которыми панъ Духинскій характеризуетъ такъ-называемую имъ туранскую вѣтвь, лучше всего прилагаются къ Франціи: всепоглощающая власть, правительство отвѣчающее за все и подавляющее всякую личную энергію и самостоятельность въ обществѣ, законъ *de la sûreté générale*, идея равенства уничтожающая всякую возможность свободы, отсутствіе всякой областной самостоятельности, а наконецъ то что̀ составляетъ дѣйствительное достоинство Франціи,—крѣпкое государственное единство, исключающее все что̀ хотя сколько-нибудь похоже на федерацію. Сословной организаціи въ современной Франціи нѣтъ; во Франціи занятіе земледѣліемъ не есть искусство для искусства, тамъ земледѣліемъ занимаются какъ промышленностію, съ торговыми видами, чего, впрочемъ, ни на островахъ Океаніи, ни въ центральной Африкѣ, ни у краснокожихъ Америки не оказывается. Къ довершенію *туранской* характеристики Франціи служитъ еще то обстоятельство, что именно на французской почвѣ развились *туранскія* ученія, отрицающія начало собственности и провозглашающія его воровствомъ. La propriété c'est le vol,—это было сказано именно во Франціи.

XI.

24-го апрѣля.

Законоположеніями 19-го февраля н. г. даровано польскимъ крестьянамъ, вмѣстѣ съ поземельною собственностію, и участіе въ мѣстномъ общественномъ управленіи, участіе, которое ни

въ какомъ случаѣ не было бы дано, которое не было даже и обѣщано революціоннымъ жондомъ, сулившимъ только земли, и которое, еще болѣе чѣмъ поземельная собственность, должно поднять духъ крестьянъ и, оградивъ ихъ навсегда отъ вѣковаго угнетавшаго ихъ порабощенія, положить конецъ въ Царствѣ Польскомъ пагубному вліянію духовенства и шляхты, стоившему этой странѣ столькихъ кровавыхъ жертвъ и бѣдствій. Чтобы сдѣлать невозможнымъ повтореніе тѣхъ смутъ, которыя, какъ небесная кара за грѣхи минувшихъ поколѣній, періодически терзаютъ и губятъ этотъ несчастный край, правительство призвало къ участію въ охраненіи общественнаго порядка то сословіе въ Польшѣ которому онъ наиболѣе дорогъ и которое наименѣе способно увлекаться политическими грезами мечтателей, не имѣющими въ его глазахъ ни основанія, ни цѣли. Всѣхъ польскихъ крестьянъ, доселѣ только пользовавшихся, а нынѣ владѣющихъ землею, законъ о новомъ общинномъ устройствѣ признаетъ способными занимать, по избранію общиннаго (гминнаго) схода, должность войта, если только выбранный владѣетъ шестью моргами земли и не опороченъ по судебному приговору. Учредительный комитетъ, на который возложено попеченіе о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ, принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, дабы при самомъ началѣ реформы поселяне воспользовались дарованными имъ правами, и чтобы прописки людей недовольныхъ ею не обратили ихъ въ мертвую букву. Съ этою цѣлью комитетъ далъ въ руководство военнымъ начальникамъ, обязаннымъ приводить въ дѣйствіе новыя постановленія, особую подробную инструкцію, въ которой имъ было предписано обстоятельно объяснить крестьянамъ дарованныя имъ права, уже извѣстныя имъ въ главныхъ чертахъ изъ прокламаціи намѣстника, и увѣрить ихъ, что выборъ гминныхъ должностныхъ лицъ зависитъ вполнѣ отъ ихъ усмотрѣнія. Инструкція эта, запрещая всякія принудительныя мѣры, дозволяетъ дѣйствовать на умы только убѣжденіемъ и совѣтомъ. Она поручаетъ военнымъ начальникамъ ознакомить крестьянъ со всѣми обязанностями и преимуществами сопряженными съ должностію войта, и внимательно наблюдать

чтобы враждебные новому порядку люди не присвоили себѣ какого-либо вліянія на выборы и не смущали неопытныхъ первопзбранниковъ преувеличенными разказами о предстоящемъ имъ трудѣ. Съ этою цѣлью было строжайше запрещено присутствовать на гминныхъ выборахъ прежнимъ войтамъ, офиціалистамъ, духовенству и мѣстнымъ чиновникамъ. Для скорѣйшаго же введенія новаго управленія во всѣхъ 3083 гминахъ Царства, инструкція пригласила военныхъ уѣздныхъ начальниковъ раздѣлить труды по надзору за правильностію выборовъ съ подвѣдомственными имъ участковыми офицерами; но при этомъ вмѣнила первымъ въ обязанность произвести предварительно выборы въ нѣсколькихъ гминахъ въ присутствіи этихъ офицеровъ, дабы они, ознакомившись на практикѣ съ поручаемымъ имъ дѣломъ, могли потомъ продолжать его независимо другъ отъ друга, соблюдая въ своихъ дѣйствіяхъ надлежащее единство.

На основаніи достовѣрныхъ полученныхъ нами свѣдѣній мы можемъ сообщить читателямъ, что устройство новыхъ гминныхъ управленій идетъ успѣшно во всѣхъ частяхъ Царства Польскаго. Въ Августовской губерніи, состоящей подъ ближайшимъ завѣдываніемъ генерала отъ инфантеріи Муравьева, оно введено съ тою быстротой, которою вообще отличается управленіе сѣверо-западнаго края: въ Августовской губерніи выборы начались вскорѣ по обнародованіи новыхъ указовъ, и теперь уже окончены. Въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ Царства, гдѣ, для введенія въ дѣйствіе новыхъ законоположеній, учредительному комитету предстояло образовать тринадцать коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ, выборы начались немного позже, въ концѣ нашего марта. Наши извѣстія говорятъ, что выборы происходили вездѣ въ такомъ порядкѣ, съ такою осмотрительностію и съ такимъ успѣхомъ, которые даютъ выгодное понятіе о польскомъ крестьянствѣ и служатъ къ чести тѣхъ русскихъ офицеровъ, которымъ посчастливилось быть первыми исполнителями благодѣтельныхъ для края предначертаній Государя Императора. Изъ рукъ Москалей, которыхъ вожаки мятежа прокричали чуть не людоѣдами, польскіе хлопы

приняли наконецъ свободу, которая такъ упорно не давалась имъ, таясь подъ спудомъ злоупотребленій и неправдъ, даже послѣ того какъ Наполеонъ I объявилъ рабство въ Польшѣ уничтоженнымъ. Этимъ Туранцамъ суждено было оказаться болѣе вѣрными проводниками благопріятныхъ для крестьянской свободы законовъ, чѣмъ отчизнолюбивое польское дворянство и ловкая туземная бюрократія.

Крестьяне встрѣчаютъ вездѣ съ непритворнымъ удовольствіемъ нетерпѣливо ожидаемыхъ вѣстниковъ столь важной перемѣны въ ихъ бытѣ; они радостно приступаютъ къ выборамъ и обыкновенно ставятъ себѣ войтами лучшихъ людей своего сословія; новый глава гмины принимаетъ отъ своего шляхетнаго предмѣстника печать и дѣла и вмѣстѣ съ новыми лавниками (судьями) и солтысами (сельскими старостами) приноситъ предъ алтаремъ присягу въ присутствіи избирателей, которые нерѣдко поютъ потомъ, подъ звуки органа, благодарственный молебенъ. Охраняемые отъ мятежныхъ наплій и подстрекательствъ, польскіе крестьяне пользуются предоставленною имъ свободой безъ заносчивости и желчи: они охотно выбираютъ себѣ начальниковъ изъ своей среды, но выбираютъ и помѣщика, или прежняго войта, въ тѣхъ, къ сожалѣнію, рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ умѣлъ пріобрѣсть довѣріе общества и хлопы убѣждены въ искренности его добраго къ нимъ расположенія. На сходахъ крестьяне высказывали различныя желанія; гмину слишкомъ обширную и многолюдную, съ которою трудно будетъ войту управиться, они просили раздѣлить на двѣ; гмину малую, слабую, они просили соединить съ другою; сельскія школы также обращали на себя ихъ вниманіе, и они озабочивались ихъ улучшеніемъ. Въ нѣкоторыхъ гминахъ, по окончаніи выборовъ, состоялись первыя рѣшенія новыхъ гминныхъ судовъ: многіе мелкіе споры и жалобы крестьянъ были разобраны и удовлетворены на мѣстѣ.

Единственное обстоятельство, которое, на первыхъ порахъ, нѣсколько озабочиваетъ новыя гминныя управленія, есть недостатокъ въ благонадежныхъ и способныхъ писаряхъ. Законъ предвидѣлъ это затрудненіе и разрѣшилъ нанимать одного

писаря для двухъ и болѣе небольшихъ смежныхъ гминъ. Для радикальнаго уменьшенія письмоводства въ сельскихъ управленіяхъ, учредительный комитетъ имѣетъ въ виду опредѣлить особою инструкціей непосредственныя обязанности и порядокъ дѣйствія новыхъ войтовъ. Въ кругъ занятій прежнихъ войтовъ входили такого рода письменные труды и собиранія свѣдѣній, которыя, безъ малѣйшаго ущерба для сельскаго управленія, могутъ быть поручены земской полиціи. Вообще кругъ дѣятельности гминнаго войта можетъ быть ограниченъ съ выгодой для службы, при чемъ можетъ до нѣкоторой степени служить примѣромъ наша должность волостнаго старшины. Мы не хотимъ, впрочемъ, этимъ сказать, чтобы было полезно поставить гминнаго войта въ Царствѣ Польскомъ въ такое же служебное положеніе, въ какомъ находятся наши волостные старшины. Напротивъ, для страны будетъ очень выгодно, если за должностью гминнаго войта останется тотъ почетъ, которымъ она была доселѣ окружена. Само законодательство не хотѣло превращать ее въ должность крестьянскую, какова у насъ должность волостнаго старшины. Даже теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ войтами остались помѣщики. Въ интересѣ польскаго крестьянства надобно желать, чтобъ и впредь подобные выборы могли повторяться, то-есть чтобъ общественное положеніе войта не служило къ тому препятствіемъ: иначе умалилось бы значеніе распространенной на крестьянъ Царства избираемости въ гминные войты. По мысли законодательства 19-го февраля текущаго года, сельскія учрежденія въ Царствѣ Польскомъ должны быть не сословныя крестьянскія, а мѣстныя земскія учрежденія. Мы уже говорили однажды, что въ этомъ соединеніи сословій нельзя не видѣть одного изъ важныхъ преимуществъ порядка вводимаго теперь въ Польшѣ предъ порядкомъ введеннымъ у насъ Положеніями 19-го февраля 1861.

Сдѣлаемъ здѣсь кстати замѣчаніе для тѣхъ нашихъ критиковъ, которымъ было угодно перетолковывать наши слова и придавать имъ смыслъ порицанія направленнаго будто бы противъ Положеній 19-го февраля 1861 года. Если въ нашихъ словахъ заключалось порицаніе, то оно относилось отнюдь не

къ Положеніямъ о русскихъ крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Самое наименованіе этихъ Положеній, сейчасъ выписанное нами, показываетъ что они относились и могли относиться только къ одному разряду людей, именно къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Сельское управленіе, введенное этими Положеніями, не только не могло обнимать собой лица всѣхъ сословій, живущія въ извѣстной мѣстности, но оно не обнимало собой даже крестьянъ всѣхъ наименованій. Кому приходило въ голову осуждать за это Положенія? Развѣ не по закрытіи редакціонныхъ коммиссій былъ учрежденъ комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія въ Россіи, и развѣ этотъ комитетъ могъ быть учрежденъ прежде разрѣшенія крестьянскаго вопроса? Порицать Положенія о крестьянахъ за то, что они занимаются крестьянскимъ дѣломъ, крестьянскими обществами и крестьянскими волостями, значило бы сѣтовать на то, что Положенія о крестьянахъ суть Положенія о крестьянахъ, а не Положенія о земскихъ учрежденіяхъ или не общинный законъ. Мы можемъ увѣрить нашихъ критиковъ, что мы далеки отъ подобнаго безразсудства. Если въ нашихъ словахъ заключалось порицаніе, то отнюдь не Положеній 19-го февраля 1861 года, а тѣхъ теоретиковъ-народолюбцевъ, которые полагаютъ, что отдѣльное крестьянское управленіе есть идеалъ, выше котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ, а не временная необходимость, какъ полагаютъ близорукіе люди предпочитающіе простой здравый смыслъ превыспреннимъ умозрѣніямъ. Находить что законъ способенъ къ дальнѣйшему развитію не значитъ еще порицать законъ, а только значитъ не соглашаться съ тѣмъ кто полагаетъ что законъ долженъ остаться на вѣки безъ измѣненій. Мы полагаемъ, что устройство общинъ территоріальныхъ и принятіе въ нихъ лицъ всякаго состоянія есть образецъ заслуживающій подражанія и въ Россіи, и высказываемъ это тѣмъ съ большею надеждой на согласіе компетентныхъ людей, что кажущійся намъ образцовымъ законъ объ устройствѣ гминъ въ Царствѣ Польскомъ составленъ при дѣятельномъ участіи тѣхъ самыхъ лицъ которыя засѣдали въ редакціонныхъ коммиссіяхъ по русскому крестьянскому дѣлу. Эти

лица стало-быть не вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе нашихъ народолюбцевъ, что крестьянъ для ихъ блага слѣдуетъ вѣчно держать въ клѣткѣ сословнаго крестьянскаго управленія. Но возвратимся къ ходу дѣлъ по новому общинному устройству въ Царствѣ Польскомъ.

Устройство новыхъ гминныхъ управленій замедляется образованіемъ не существовавшихъ до сего времени сельскихъ обществъ и выборомъ солтысовъ (сельскихъ старостъ), который, по данной военнымъ начальникамъ инструкціи, долженъ быть оконченъ прежде созванія гминнаго схода. Польскія деревни вообще очень малолюдны, въ иной гминѣ насчитывается ихъ до 50 и болѣе, а такъ какъ въ каждой изъ деревень нужно выбрать солтыса, то понятно сколько потребно на это времени и труда. Въ Августовской губерніи вся администрація могла принять участіе въ этомъ дѣлѣ, и потому оно шло безпрепятственно, но въ остальныхъ четырехъ губерніяхъ Царства военныя власти должны бороться со многими затрудненіями. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь, когда всѣ коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ уже прибыли въ свои округи и объѣзжаютъ ихъ, устройство гминныхъ управленій значительно ускорится, ибо коммиссіи получили отъ учредительнаго комитета, въ данной имъ инструкціи, порученіе оказывать всякое содѣйствіе военнымъ властямъ и, между прочимъ, принять дѣятельное участіе въ производствѣ выборовъ. Вообще отъ этихъ коммиссій, которыя состоятъ исключительно изъ Русскихъ, ожидается многое. Враждебное чувство, съ которымъ почти каждый образованный Полякъ смотритъ на Москаля, есть въ большей части случаевъ не что иное какъ ослѣпленіе, но справедливость требуетъ сказать, что это ослѣпленіе нерѣдко поддерживалось злоупотребленіями, которыми пятналось въ Польшѣ русское имя и которыя приписывались не безконтрольному характеру власти, а русскому народному характеру. Коммиссіи могутъ значительно ослабить то чувство недовѣрія, съ которымъ Поляки смотрятъ на Москалей въ гражданскомъ быту. Это всего вѣрнѣе будетъ способствовать дѣлу примиренія.

XII.

25-го апрѣля.

Во время церемоніи какой-то канонизаціи, въ полномъ собраніи римской консисторіи, въ присутствіи двухъ лицъ принадлежащихъ къ владѣтельнымъ домамъ и четырнадцати кардиналовъ, глава римской церкви, такъ извѣщаетъ телеграфъ, позволилъ себѣ «импровизацію» въ высшей степени неприличную и заносчивую противъ притѣсненій испытываемыхъ будто бы римскою церковью «въ обширномъ сѣверномъ государствѣ», *потентатъ* котораго «возбудилъ своихъ подданныхъ къ возстанію» для того чтобы потомъ истреблять католическую религію и, «*неслыханное дѣло!*» смѣщать епископовъ, поставленныхъ властію римскаго первосвященника.

Пій IX, конечно, не назвалъ ни «обширнаго сѣвернаго государства», ни царствующаго въ немъ «потентата»; онъ не сказалъ имени тѣхъ «льдистыхъ пустынь», въ которыя отправляются «цѣлыя народонаселенія», но мы будемъ откровеннѣе его и скажемъ, что его слова дошли по адресу. Слова эти громки; они облетятъ весь свѣтъ; сказанныя государемъ и епископомъ, они имѣютъ двоякую силу. Но тѣмъ болѣе слѣдовало бы ему взвѣсить каждое изъ словъ, облеченное такою силой; чѣмъ выше авторитетъ человѣка, тѣмъ менѣе онъ можетъ увлекаться страстію къ импровизаціямъ. Когда французскій газетчикъ, въ угоду своимъ патронамъ, беззастѣнчиво пишетъ одну изъ тѣхъ зажигательныхъ статей, какими наполнялась прошлаго года европейская печать,—дивиться нечему: въ наше время есть кондотьеры пера, какъ бывали нѣкогда кондотьеры шпаги; имъ терять нечего; на нихъ не лежитъ никакой отвѣтственности, кромѣ той которую возлагаетъ на нихъ болѣе или менѣе сговорчивая совѣсть. Но таково ли положеніе римскаго епископа? Такъ ли легко могутъ сходить ему съ рукъ недостойныя сплетни которыхъ онъ становится органомъ? Неужели папа Пій IX полагаетъ, что превзойдя принца Наполеона въ неприличіи, онъ успѣшнѣе проведетъ своего нунція въ Россію, чего

онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, очень настойчиво добивался? Неужели онъ думаетъ, что легкомысленно отзываясь о государѣ могущественнаго народа, онъ въ области этого народа лучше обезпечитъ положеніе своего духовенства,— этого духовенства, которое такъ нуждается въ настоящее время въ снисходительности и прощеніи? Знаетъ ли онъ, что этотъ народъ имѣетъ старые, длинные счеты съ римскимъ духовенствомъ, и что въ интересѣ этого духовенства лучше бы не пробуждать ни старыхъ, ни слишкомъ свѣжихъ воспоминаній о ксендзахъ предводившихъ шайками убійцъ и грабителей, о плебанахъ которые собственноручно разстрѣливали крестьянъ, не хотѣвшихъ нарушить вѣрноподданнической присяги? Тяжелыя, раздражительныя и крайне невыгодныя для римскаго духовенства воспоминанія импровизаторъ въ тіарѣ вздумалъ будить,—и будить когда же?—когда борьба кончена, и побѣжденные въ рукахъ побѣдителей!

Говоря о злосчастной выходкѣ Пія IX, *Indépendance Belge* справедливо напоминаетъ ему, что онъ видитъ сучецъ въ окѣ ближняго, а не видитъ бревна въ собственномъ. «Правда, говоритъ эта газета, въ Римѣ не ссылаютъ въ Сибирь, но сажаютъ въ *піомбы* протестантовъ, виновныхъ въ распространеніи своихъ Библій. Что же сдѣлалъ бы Римскій дворъ, если-бы онъ былъ поставленъ въ необходимость бороться противъ возмущенія и революціи возбужденныхъ иновѣрческою сектой?»

Его святѣйшество намекаетъ, кажется, въ своей импровизаціи на нарушеніе конкордата 1847 года. Но ему не мѣшало бы самому обратить вниманіе на статьи XVII, XXII и XXX этого конкордата, которыя требуютъ, чтобы чины католической консисторіи, ректоры и профессоры католическихъ семинарій, наконецъ приходскіе ксендзы и плебаны были изъ числа *непротивныхъ правительству лицъ*; а таковы ли были всѣ эти лица,—это объясняетъ почти столѣтняя исторія западнаго края подъ русскимъ владычествомъ.

Мы желали бы знать страну, гдѣ подданный, какой бы религіи и какого бы званія онъ ни былъ, можетъ безнаказанно проповѣдывать возмущеніе противъ законнаго правительства,

презрѣніе къ господствующей церкви и ненависть противъ коренаго народонаселенія? Если король Италіи,—страны римско-католической,—увидѣлъ себя вынужденнымъ положить предѣлъ своеволію латинскаго духовенства, если онъ смѣщалъ епископовъ и предавалъ суду аббатовъ, то не было ли бы безумно ожидать большей снисходительности отъ правительства Русскаго, вполнѣ свободнаго отъ духовныхъ отношеній къ Риму? Если правительство это имѣло довольно силы, чтобы не дозволять нарушенія государственныхъ законовъ со стороны единовѣрнаго ему духовенства, то неужели оно можетъ потворствовать иновѣрческому? Неужели оно можетъ допустить, чтобы римско-католическое духовенство открыто нарушало государственные законы, проповѣдывало мятежъ и руководило революціей? Неужели оно не въ правѣ и не обязано требовать, чтобы латинскіе ксендзы перестали мечтать о господствѣ въ Россіи, и чтобы, повинуясь Риму во всемъ что́ касается догмата, они подчинялись законамъ русскимъ и навсегда, безусловно, отреклись отъ всякаго политическаго значенія?

Странное дѣло! На пространствѣ Русскаго царства живутъ и уживаются всевозможныя религіи, отъ всѣхъ существующихъ исповѣданій христіанскихъ до язычества и поклоненія огню,—и ни одна изъ этихъ религій не угнетена, ни одна не жалуется, кромѣ католической. Что́ же поставило эту послѣднюю въ исключительное и невыгодное для нея положеніе? Отвѣтъ на это мы получимъ, припомнивъ нѣсколько историческихъ фактовъ. Послѣ возвращенія западныхъ губерній, Екатерина ласкала католическое духовенство, оставила за нимъ всѣ его права и привилегіи и, въ заключеніе, одна изъ всѣхъ государей въ Европѣ дала пріютъ іезуитамъ изгнаннымъ отовсюду. Вотъ положеніе которое было съ перваго шага создано католическому духовенству Русскимъ правительствомъ. Какъ же католическое духовенство имъ воспользовалось? Оно вознегодовало на духовенство православное, которому удалось возвратить въ лоно своей церкви нѣкоторое число уніатовъ, не задолго предъ тѣмъ отторгнутыхъ у ней насиліемъ и страхомъ. Не ограничиваясь негодованіемъ и жалобами, оно вздумало вступить въ дѣятельную борьбу съ

господствующею въ странѣ, съ природною ея церковью.... Результатомъ этого перваго, но колоссальнаго безумія было изгнаніе іезуитовъ, на которое былъ вынужденъ,—весьма впрочемъ благосклонный къ католичеству, Императоръ Александръ I. Постоянно обольщаясь на счетъ собственныхъ силъ и слабости Россіи, католическое духовенство приняло участіе и въ возмущеніи 1831 года. Что же послѣдовало? Его имѣнія были отобраны и замѣнены опредѣленнымъ жалованьемъ; нѣсколько десятковъ монастырей закрыто. Но какъ же иначе? Пій IX взялъ на себя трудъ исчислить послѣдствія нынѣшнихъ въ высшей степени недостойныхъ дѣйствій своего духовенства. Но онъ исчислилъ не все: онъ не знаетъ можетъ-быть, что еслибы въ настоящую минуту *схизматики* обратились къ крестьянамъ-католикамъ и сказали имъ: «выбирайте между Царемъ освободившимъ васъ и ксендзами которые предавали васъ вѣшателямъ», то выборъ былъ бы несомнѣненъ.

Никакая церковь не можетъ выиграть отъ союза съ измѣной и тайнымъ убійствомъ. Поэтому несомнѣнно, что и теперь римская церковь не можетъ не понести значительнаго ущерба отъ образа дѣйствій принятаго латинскимъ духовенствомъ въ Царствѣ Польскомъ. Польское возстаніе есть язва для Россіи, но еще бо́льшая язва для католицизма. «Импровизація» папы очевидно была бы невозможна, еслибы папа имѣлъ хоть сколько-нибудь вѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи польскаго мятежа. Всѣмъ извѣстно, что мятежъ былъ вызванъ уступчивою и примирительною политикой, введеніемъ автономіи, допущеніемъ пропаганды, политической и церковной, противъ Россіи. Но папѣ это, повидимому, неизвѣстно. Папа говоритъ, конечно, по убѣжденію и вѣритъ въ передаваемыя имъ сплетни. Онъ увѣренъ, что Русское правительство своими жестокостями вынудило польскій народъ взяться за оружіе. Кѣмъ же Пій IX обманутъ? Не ясное ли дѣло, что еслибы польское духовенство не скрывало правды отъ главы своей церкви, то папа Пій IX не могъ бы впасть въ то заблужденіе, на которомъ основана его несчастная рѣчь? Итакъ не только нѣтъ правды въ отношеніяхъ польскаго духовенства къ государственной власти; правды нѣтъ и въ отноше-

ніяхъ къ его собственной іерархіи. Ложь пущена въ ходъ не только противъ насъ схизматиковъ, но и противъ римскаго первосвященника! Жалкое положеніе римскаго папы! Прискорбное свидѣтельство о внутреннемъ разложеніи римской церкви!

«Я долженъ высказать, произнесъ папа въ заключеніе своей рѣчи, чтобы Верховный Судія не вопросилъ меня со временемъ: Зачѣмъ ты безмолвствовалъ?» Увы! Предшественникъ папы Пія IX во время предшествовавшаго польскаго возстанія тоже не безмолствовалъ, но слово его не возбуждало страстей, не питало заблужденій, не вносило деморализаціи въ духовенство, а проповѣдывало миръ и охраняло достоинство церкви! Тогда папа самъ по крайней мѣрѣ не содѣйствовалъ гибели своей паствы.

XIII.

28-го апрѣля.

Иностранныя газеты принесли намъ подлинный текстъ папской аллокуціи, о которой говорили мы въ № 92 на основаніи краткаго телеграфическаго извѣстія,—и надобно правду сказать, подлинный текстъ этой аллокуціи, неприличіемъ и рѣзкостію выраженій, далеко превосходитъ то понятіе которое можно было составить о ней по краткой депешѣ. Ораторъ, вѣнчанный тіарой, говорилъ не намеками: онъ называлъ безъ всякой церемоніи какое государство и какого потентата имѣлъ онъ въ виду.

«Кровь слабыхъ и невинныхъ вопіетъ предъ престоломъ Всевышняго, требуя возмездія тѣмъ которые ее проливаютъ. И въ наше время не льется ли также невинная кровь въ католической странѣ, въ несчастной Польшѣ, гдѣ такъ жестоко преслѣдуютъ ту самую религію за которую Св. Фиделій отдалъ свою жизнь! Я желалъ бы не говорить объ этомъ предметѣ до будущаго засѣданія консисторіи, но я страшусь своимъ продолжительнымъ молчаніемъ навлечь на себя кару небесную, возвѣщенную пророками тѣмъ людямъ которые допускаютъ совершеніе беззаконій: *Горе мнѣ умолчавшему* (*Vae mihi quia*

tacui!) Совѣсть заставляетъ меня возвысить мой голосъ противъ того могущественнаго монарха, владѣнія котораго простираются до самаго полюса. Внемлите!

«Вотъ онъ этотъ могущественный монархъ, который, оставаясь внѣ лона нашей святой церкви, дерзаетъ называть себя каѳолическимъ государемъ, и забываетъ что ..... (слѣдуютъ выраженія которыя мы отказываемся передавать). Этотъ монархъ съ безчеловѣчною жестокостью преслѣдуетъ польскую націю; онъ предпринялъ беззаконное дѣло—искоренить въ Польшѣ католическую религію и силою ввести въ нее расколъ.»

И такъ далѣе, и такъ далѣе: чѣмъ дальше, тѣмъ больше лжи и хуленій. Жалкая участь суждена этому бѣдному Пію IX! Вступилъ онъ на престолъ какимъ-то неслыханнымъ на папскомъ престолѣ либераломъ-преобразователемъ: онъ искалъ популярности демагога; онъ кокетничалъ съ революціей; онъ далъ ей разыграться въ Римѣ, бѣжалъ отъ нея, подвергъ «вѣчный городъ» бомбардировкѣ, спрятался за французскіе штыки, превзошелъ потомъ своихъ предшественниковъ въ тупомъ сопротивленіи самымъ законнымъ требованіямъ гражданскаго благоустройства, потерялъ почти всѣ свои владѣнія за исключеніемъ такъ называемой вотчины Св. Петра, и еще болѣе чѣмъ достоинство своего свѣтскаго престола уронилъ онъ честь своего духовнаго сана. Никогда Римская церковь не подвергалась такому уничиженію, никогда такъ явственно не обнаруживалась ея внутренняя несостоятельность какъ въ правленіе этого папы, который теперь, быть-можетъ наканунѣ своей кончины, этою импровизаціей достойно завершаетъ печальные подвиги своего житія. Гдѣ же достоинство, честь и правда, если представитель одного изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, чествующій себя намѣстникомъ Св. Петра, рѣшается говорить такимъ языкомъ? Онъ объявляетъ, что не хочетъ возжигать революціонныя страсти:—слава Богу! не доставало только того чтобы глава римской церкви громко сознался предъ цѣлымъ міромъ, что для него всякія средства хороши, и что онъ охотно дастъ свое апостольское благословеніе революціи, какъ давалъ его бурбонскимъ бандитамъ въ Неаполѣ. Однако что же онъ

теперь дѣлаетъ какъ не возжигаетъ революцію? Римская курія съ ужасомъ и негодованіемъ отзывалась о козняхъ революціи. Еще такъ недавно гремѣла она противъ короля Виктора-Эммануила, проклинала и отлучала его правительство за революціонныя дѣйствія, и обрекала огненной геенѣ Гарибальди, который съ крикомъ: «Roma o morte!» шелъ выгонять папу изъ Ватикана. А что дѣлаетъ теперь этотъ папа? Онъ подаетъ свою одряхлѣвшую руку этому-самому Гарибальди, и повторяетъ, но только съ меньшимъ приличіемъ—слова, которыя Гарибальди, въ качествѣ главы революціи, на этихъ дняхъ сказалъ депутаціи отъ польской шляхты, представлявшейся ему въ Лондонѣ. Если въ теперешнемъ состояніи своего здоровья Пій IX не могъ вполнѣ взвѣсить значенія произнесенныхъ имъ словъ, то его совѣтники не могли не сообразить что дѣло въ которомъ римская курія приняла столь живое участіе есть дѣло революціи, болѣе чѣмъ какое-либо другое. Гг. Гавенъ и Геру, рукоплещущіе папѣ,—вотъ достойная награда ему, вотъ заслуженный позоръ на Ватиканъ, вотъ изобличеніе того лживаго духа, который въ немъ живетъ своими дѣйствіями, хуже чѣмъ ученіе безвѣрія и атеизма отрицаетъ и безславитъ дѣло Христовой вѣры.

Пій IX даруетъ свое апостольское благословеніе тѣмъ кто будетъ молиться за дѣло исполненное лжи и обмана. Но не всѣмъ извѣстно, что добрый пастырь не оставляетъ и насъ безъ призора, и что въ послѣднее время по римской церкви отданъ ея владыкой приказъ ревностно молиться о насъ «русскихъ схизматикахъ», какъ насъ чествуютъ въ Римѣ. Не всѣмъ извѣстно, что въ Римѣ учреждена ассоціація молитвъ, во имя безгрѣшнаго зачатія Пресвятой Дѣвы Маріи, объ обращеніи восточныхъ схизматиковъ и преимущественно Русскихъ къ католической вѣрѣ. Сочиненная на этотъ предметъ молитва исполнена удивительной нѣжности къ намъ, и его святѣйшество простеръ свою ревность до того, что даруетъ триста дней индульгенціи за усердное прочтеніе молитвы о нашемъ обращеніи, и полную индульгенцію (indulgence plenière) тѣмъ кто будетъ читать ее въ продолженіе цѣлаго мѣсяца и потомъ

исповѣдается и причастится. Своимъ бреве отъ 2-го сентября 1862 года, папа распространилъ индульгенцію по этому предмету и на души чистилища. Въ печатномъ листкѣ, вышедшемъ недавно въ Парижѣ и находящемся теперь предъ глазами у насъ, сказано по этому поводу между прочимъ слѣдующее: «Никогда еще, можетъ-быть, обстоятельства не были такъ благопріятны (для обращенія Русскихъ). Столь торжественный примѣръ ихъ единовѣрцевъ на Востокѣ, особенно Болгаръ, надежда на установленіе дружественныхъ отношеній между С.-Петербургскимъ дворомъ и папскимъ престоломъ и многія другія могущественныя причины, легко открывающіяся для всякаго кто сколько-нибудь знаетъ политическое и религіозное положеніе Россійской Имперіи,—все это сообщаетъ великую вѣроятность желаемому соединенію церквей... Примиреніе русской церкви съ церковью католическою есть и для царя и для московскаго епископства единственный путь спасенія посреди потрясеній, угрожающихъ славянскому обществу.»

Не полагаютъ ли совѣтники папы, что его послѣдняя аллокуція есть наилучшее средство къ возстановленію дружелюбныхъ отношеній къ С.-Петербургскому двору? Не полагаютъ ли они, что она подкрѣпитъ молитвы о соединеніи церквей или дастъ силу папскимъ индульгенціямъ, имѣющимъ цѣлію споспѣшествовать обращенію *русскихъ схизматиковъ?* Не полагаютъ ли они, что образъ дѣйствія «любезныхъ сыновъ» папы Пія IX въ Россіи въ послѣднее время можетъ способствовать, не говоримъ, церковному сближенію, но сохраненію и поддержанію тѣхъ, можетъ-быть излишнихъ, политическихъ правъ, которыми пользуется у насъ латинское духовенство? Теперь болѣе чѣмъ когда-либо возникаетъ вопросъ о будущемъ положеніи римской церкви въ Россіи. Намъ нечего бояться чего-либо худшаго со стороны ксендзовъ. Все что только было возможно, сдѣлано ими. Всѣ силы лжи и злобы были напряжены къ нашей гибели. Послѣ всего того что мы испытали, уже нѣтъ угрозъ которыми эта воинствующая церковь могла бы застращать насъ. Оставалась одна опасность: ошибочная надежда что изъ Рима услышится когда-нибудь голосъ который призоветъ

заблудшихъ на путь религіознаго долга. Эта надежда могла бы вести къ нѣкоторой уступчивости, но аллокуція папы пришла вовремя. Какъ безразсудство красныхъ открыло намъ глаза на то что́ было замаскировано подъ скромнымъ девизомъ административной автономіи Царства Польскаго, такъ старческая нетерпѣливость папы Пія IX предостерегаетъ насъ теперь отъ того зла которое готовилось для насъ въ притязаніяхъ латинской церкви на бо́льшую свободу движенія. Польскій мятежъ въ нашихъ западныхъ предѣлахъ и римскій папа въ Римѣ дѣлаетъ явнымъ то что́ могло отъ насъ укрываться. Благодаря имъ, мы имѣемъ всѣ данныя чтобы рѣшить безошибочно вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ намъ поступать относительно тѣхъ льготъ которыми латинское духовенство пользуется у насъ и относительно тѣхъ на которыя оно объявляетъ притязанія. Отношенія бываютъ искреннѣе, когда съ недругомъ мы и для вида не обращаемся какъ съ другомъ. Если нельзя ожидать примиренія, то нѣтъ повода къ уступчивости: чѣмъ меньше будетъ уступокъ, тѣмъ меньше будетъ опасности отъ враждебныхъ дѣйствій, и тѣмъ меньше будетъ для нихъ опоры.

На всякія притязанія и требованія со стороны, государства неполненныя силы должны отвѣчать не уступками, а энергическимъ отпоромъ и соотвѣтственнымъ развитіемъ своихъ внутреннихъ силъ. Всякая уступка папѣ въ интересѣ какой-либо чуждой державы или въ интересѣ римской церкви, облеченной свѣтскою властью и организованной какъ государство, была бы и признакомъ слабости и новою причиной ослабленія. Не уступчивостію заставила Россія замолкнуть коалицію трехъ державъ, которая тѣснила ее въ прошломъ году, а развитіемъ высокаго патріотическаго духа, который поднялъ ея народъ и придалъ достоинство и силу отвѣтамъ ея правительства. На безчинныя притязанія папства самый вѣрный и самый лучшій отвѣтъ—умаленіе того почета и тѣхъ политическихъ льготъ которыми пользуется его духовенство въ нашихъ предѣлахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ дѣятельныя мѣры которыя могли бы измѣнить къ лучшему положеніе нашей православной церкви, возвысить ея служителей, укрѣпить, на точномъ основаніи каноновъ, союзъ клира съ

мірянами, и раскрыть наконецъ русскую православную церковь въ ея истинномъ видѣ предъ міромъ, который, не зная ея, считаетъ ее какимъ-то полицейскимъ институтомъ, и на всякое ея торжество смотритъ какъ на ущербъ живой вѣры Христовой.

XIV.

28-го апрѣля.

Недѣли три тому назадъ въ газетѣ *Голосъ* появилась статья имѣвшая цѣлью вывести насъ изъ заблужденія и исправить погрѣшности будто бы вкравшіяся въ наши показанія объ администраціи сѣверо-западнаго края. Такова была высказанная цѣль статьи, но въ сущности имѣлись въ виду не столько мы, сколько воскреситель русскаго духа въ сѣверо-западномъ краѣ, генералъ-отъ-инфантеріи М. Н. Муравьевъ. Посредствомъ лживаго изображенія фактовъ, къ счастію всѣмъ извѣстныхъ, газета *Голосъ* старалась доказать, что все дѣйствительно важное было сдѣлано въ сѣверо-западномъ краѣ до прибытія туда генерала Муравьева: и мятежъ подавленъ, и русскій духъ поднятъ, и народныя школы открыты, и наконецъ даже русская сцена въ Вильнѣ приведена въ блистательное положеніе. Такъ какъ газета *Голосъ* повидимому была весьма озабочена тѣмъ, что скажутъ читатели на подобнаго рода статью, то для вящаго оказательства своей добросовѣстности она окончила эту куріозную діатрибу слѣдующею не менѣе куріозною тирадой, обращенною къ намъ въ видѣ выговора за то что мы, вмѣстѣ со всею Россіей, отдавали справедливость заслугамъ генерала Муравьева. Ни одинъ истинно-Русскій, писала газета *Голосъ*, не дозволитъ себѣ играть общественнымъ мнѣніемъ Россіи и особенно въ дѣлѣ съ которымъ такъ тѣсно связаны интересы дорогаго намъ отечества. Сами *Московскія Вѣдомости*, безъ сомнѣнія, не пожелаютъ быть поставленными на одну параллель съ иностранною прессой, которая, не гнушаясь распространяемою ею ложью, справедливо названа московскимъ публицистомъ (то-есть нами) *закупленною печатью.*» Прочтя эту фразу,

читатели сами поймутъ, почему мы оставили безъ возраженія статью газеты *Голосъ*. Презрительное молчаніе казалось намъ умѣстнѣе разсужденій о томъ, что русская газета, не глушающаяся распространяемою ею ложью въ дѣлѣ съ которымъ связаны интересы отечества, никакъ не можетъ быть поставлена въ параллель съ закупленною иностранною печатью, лживо разсуждающею о польскомъ дѣлѣ въ ущербъ интересамъ нашимъ, а не своего отечества.

Но почтенный авторъ помѣщенной ниже статьи, подписавшійся псевдонимомъ «Военный», счелъ нужнымъ обличить лживость показаній газеты *Голосъ* и возстановить истину, поскольку дѣло касается военныхъ дѣйствій. Открывая столбцы нашей газеты для этой статьи съ тѣмъ радушіемъ котораго она заслуживаетъ, мы сочли не лишнимъ коснуться и со своей стороны того дѣла которое она возстановляетъ въ его истинномъ свѣтѣ. Многія соображенія побуждаютъ насъ къ тому.

Споръ идетъ о различіи между временемъ послѣ-майскимъ и до-майскимъ. Газета *Голосъ* не замѣчаетъ этого различія, и тѣмъ кто съ нею не согласится, заранѣе возражаетъ септенціей, что оцѣнка дѣйствій государственныхъ людей не принадлежитъ современникамъ. Жалкое лицемѣріе! Имъ прикрывается желаніе провести одинъ уровень по всѣмъ государственнымъ людямъ, смотрѣть равнодушно на всякія заслуги, большія и малыя. Но такою нивеллировкой возмущается чувство справедливости.

Мы далеки отъ мысли осуждать людей управлявшихъ сѣверо-западнымъ краемъ прежде нежели былъ назначенъ туда генералъ Муравьевъ. Мы говоримъ о дѣйствіяхъ, о системѣ. Мы не утверждаемъ, чтобъ и система вступившая въ силу вмѣстѣ съ назначеніемъ генерала Муравьева заключала въ себѣ все чего можно было бы желать, но она заключала въ себѣ все возможное при данныхъ обстоятельствахъ. Она имѣла въ виду ясную цѣль и въ рукахъ сильныхъ и способныхъ повела къ немедленнымъ блистательнымъ результатамъ. Весь край преобразился почти мгновенно, и только злоба или зависть могутъ отрицать это. До мая 1863 года, несмотря на то, что край былъ объявленъ въ военномъ положеніи, русскіе мирные

граждане ежедневно трепетали за свою жизнь; жены и дѣти ихъ, за родную русскую рѣчь и даже за цвѣтное платье, подвергались грубымъ и дерзкимъ оскорбленіямъ; ни полъ, ни возрастъ, ни званіе не спасали отъ этихъ оскорбленій; они наносимы были высшимъ свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ въ самой Вильнѣ, гдѣ сосредоточивалась главная военная и гражданская власть, среди бѣлаго дня, и проходили безнаказанно... Что же дѣлалось въ уѣздныхъ городахъ, въ деревняхъ, въ глуши? Объ этомъ могутъ разказать тамошніе православные священники, народные учителя и другіе русскіе люди, которые въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ постоянно мѣняли мѣсто своего ночлега... Администрація была тогда въ польскихъ рукахъ; въ присутственныхъ мѣстахъ гнѣздилась измѣна и предательство, такъ что всѣ распоряженія правительства, даже секретныя, подземная власть знала прежде чѣмъ доходили они до мѣста своего назначенія. Учебныя заведенія, столь щедро разсыпанныя по краю, проникнуты были полонизмомъ насквозь; большинство преподавателей состояло изъ Поляковъ, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ инспекторы и директоры были Поляки, а каково было служить русскому учителю подъ начальствомъ завзятаго Поляка, объ этомъ надобно разузнать отъ тѣхъ кто испыталъ на себѣ это несчастіе. Русскій элементъ въ гимназіяхъ игралъ самую жалкую роль: на русскихъ преподавателей и директоровъ писали пасквили, подбрасывали имъ угрожающія письма, въ квартирахъ ихъ били стекла. Нѣкоторыхъ учителей даже выгоняли изъ классовъ. Хотя преподаваніе, по закону, должно было совершаться на русскомъ языкѣ, но учителя и начальники-Поляки сумѣли ввести польскую рѣчь и въ классы и въ педагогическіе совѣты. Оставалось только вытѣснить изъ гимназій немногихъ русскихъ учителей, къ чему уже дѣлались дружныя попытки. Положеніе православнаго духовенства, въ особенности сельскаго, было ужасно: бѣдное, загнанное, преслѣдуемое и притѣсняемое панами и мѣстными польскими властями, живя бокъ-о-бокъ съ хорошо обезпеченными безсемейными латинскими ксендзами, оно являлось здѣсь предста-

вителемъ какой-то какъ бы не признанной государствомъ церкви, а не господствующей въ Имперіи православной вѣры.

Русскимъ людямъ извѣстно многознаменательное посланіе высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита Литовскаго и Виленскаго, отъ 28-го декабря п. г., къ его паствѣ, изъ котораго видно, что даже во многихъ священнослужительскихъ православныхъ семействахъ польскій языкъ былъ до того времени въ употребленіи: «имѣя въ виду опасеніе, какъ сказано въ посланіи, чтобъ употребленіе польскаго языка *не уронило самихъ священно-служителей во мнѣніи собственныхъ ихъ прихожанъ, искони Русскихъ, говорящихъ русскимъ языкомъ по бѣлорусскому, или малорусскому нарѣчію*, митрополитъ Іосифъ предлагалъ, *дабы въ тѣхъ священнослужительскихъ семействахъ, гдѣ еще въ употребленіи бываетъ польскій языкъ, приложено было самое тщательное стараніе къ изученію языка русскаго.*» Русскимъ людямъ извѣстно также, какъ шли тамъ дѣла по управленію временно-обязанными крестьянами, и кто тамъ были назначены мировыми посредниками. Чтобъ и тутъ не все возлагать на лица, приведемъ признаніе покойнаго графа І. И. Ростовцова, что «Положеніе 19-го февраля не распространило на сѣверо-западныя губерніи тѣхъ облегченій въ крестьянскихъ повинностяхъ какія сдѣланы для прочихъ мѣстностей Имперіи,» и что эта неуравнительность «была слѣдствіемъ того печальнаго обстоятельства что въ составѣ редакціонныхъ коммиссій не находилось лицъ знающихъ подробно сѣверо-западный край и не принадлежащихъ въ то же время польской помѣщичьей стихіи.»

Итакъ, вопреки всѣмъ показаніямъ свидѣтелей-очевидцевъ *Голоса*, состояніе православія и русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ до мая 1863 года было самое печальное. Русская власть тамъ опиралась только на войско. Если кто-нибудь думалъ, то кто энергически заботился тогда о томъ, чтобъ ободрить православное духовенство и дать ему то значеніе, какое оно давно уже должно было бы имѣть,—о томъ, чтобы поднять и укрѣпить въ народѣ, подавленномъ польскимъ гнетомъ, сознаніе его русской народности,—чтобы доказать ему на дѣлѣ,

что сѣверо-западный край есть исконная русская земля, что польское шляхетство составляетъ тамъ элементъ пришлый? Въ *до-майскія* времена для разрѣшенія этой задачи, въ сущности, ничего сдѣлано не было; только православное духовенство старалось научить крестьянскихъ дѣтей славянскимъ молитвамъ, да бывшимъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа открыто было въ 1862 году 135 русскихъ народныхъ школъ (остальныя школы были открыты имъ позднѣе, именно въ ноябрѣ и декабрѣ прошедшаго 1863 года). Этими 135 школами, учрежденными при содѣйствіи православнаго духовенства, князь Ширинскій-Шихматовъ принесъ краю несомнѣнную услугу. Но вотъ и все! А теперь? Теперь узнать нельзя, тотъ ли это край, въ которомъ годъ тому назадъ такъ безобразничала и изувѣрствовала латино-польская пропаганда. Не имѣли ли мы полное право сказать, что «русская народность въ краѣ въ короткое время управленія генерала Муравьева стала наконецъ правдою, стала дѣйствительностію»? Это видитъ, чувствуетъ и сознаетъ тамъ каждый Русскій.

Нѣтъ надобности подробно исчислять всѣ мѣры какими ознаменовала себя неусыпная дѣятельность генерала Муравьева въ усмиреніи мятежа и прочномъ водвореніи тамъ русскаго элемента. Достаточно указать на послѣдствія: возстановлено значеніе Русскаго правительства и уваженіе къ нему; край успокоенъ; крамола раскрыта; крестьянскому дѣлу данъ твердый ходъ; администрація освобождена изъ польскихъ рукъ и передана въ русскія; въ губернскихъ городахъ учреждены русскія двуклассныя училища; по деревнямъ и селамъ постоянно открываются новыя школы на мѣстныя средства, и русскій языкъ становится въ странѣ господствующимъ; русскія книги распространяются во множествѣ; въ прошедшемъ году ассигновано 25.000 руб. для содѣйствія распространенію въ народѣ русскаго образованія; учреждена русская книжная лавка въ самомъ центрѣ полонизма, въ Вильнѣ, гдѣ до того времени нельзя было купить ни одной русской книги; строятся новые православные храмы, а древніе, претерпѣвшіе многолѣтній позоръ и униженіе, возобновляются. Все русское и православное ожило.

И все это совершилось—кто въ силахъ скрыть правду?—благодаря уму, непреклонной энергіи и самоотверженнымъ трудамъ одного человѣка, который въ продолженіе цѣлаго нынѣ истекшаго года, день въ день, безъ устали, съ ранняго утра до глубокой ночи, съ энергіей юноши, работалъ для русскаго дѣла, почтенный высокимъ довѣріемъ Монарха и всеобщимъ восторженнымъ сочувствіемъ Русскаго народа.

XV.

29-го апрѣля.

Недавняя, столь странная аллокуція папы римскаго возбуждаетъ вопросъ о томъ, не слишкомъ ли значительными преимуществами пользовался у насъ этотъ государь, не слишкомъ ли много было сдѣлано ему уступокъ, и не была ли крайняя уступчивость наша предъ притязаніями римской куріи виною этихъ ни съ чѣмъ несообразныхъ притязаній и тѣхъ важныхъ неудобствъ которыя мы терпимъ съ этой стороны? Дѣйствительно, сообразивъ всѣ обстоятельства, мы убѣдимся что никакими уступками не можемъ мы умиротворить и ублажить папство въ его притязаніяхъ. Чѣмъ болѣе съ нашей стороны уступчивости, тѣмъ болѣе будетъ противъ насъ неудовольствій, тѣмъ сильнѣе будутъ разжигаться притязанія, тѣмъ чаще будутъ возникать затрудненія, тѣмъ менѣе, наконецъ, можетъ быть лада между Римомъ и нами. Папство есть начало ненасытное; это—жажда, которую можно заставить молчать, но удовлетворить нѣтъ возможности. Папство желаетъ не просто терпимости и свободы, ему нужна власть, и власть ему нужна полная, исключительная, безусловная. Дайте ему свободу, оно потребуетъ власти; дайте ему власть, оно потребуетъ уничтоженія и искорененія всего что имѣетъ какую-либо самостоятельность внѣ его власти. А потому чѣмъ менѣе гарантируется за нимъ какихъ-либо правъ, чѣмъ менѣе въ сношеніяхъ съ нимъ имѣется въ виду удовлетворять и ублажать его, тѣмъ лучше, спокойнѣе и миролюбивѣе становится оно само. Для его

собственнаго спокойствія и для благосостоянія самихъ римскихъ католическихъ народонаселеній въ государствѣ требуется не угодливость въ отношеніи къ папѣ, а напротивъ строгій и рѣшительный отпоръ всѣмъ его притязаніямъ. Это правило обязательно не только для правительствъ не находящихся въ церковномъ общеніи съ Римомъ, но и для правительствъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Если государство, гдѣ римско-католическая церковь признается господствующею, желаетъ быть спокойнымъ, то оно заботится о томъ, чтобъ эта церковь въ его предѣлахъ находилась сколько можно въ меньшей зависимости отъ римскаго двора. Ультрамонтанства опасаются правительства странъ исповѣдующихъ римско-католическую вѣру, и принимаютъ противъ него самыя дѣятельныя мѣры. Во Франціи король или императоръ считается старѣйшимъ сыномъ римской церкви и естественнымъ охранителемъ и защитникомъ ея интересовъ; и однакожь во Франціи, несмотря на то, и государство и церковь галликанская всячески ограждаются отъ притязаній папства. Именно по тому самому что во Франціи господствующая религія есть римско-католическая полагается невозможнымъ допустить тамъ свободу преподаванія, изъ опасенія чтобъ имъ не овладѣло духовенство. Вслѣдствіе особыхъ свойствъ этого духовенства, только въ римско-католическихъ странахъ и возникаетъ серіозный вопросъ о возможности допустить полную свободу для церкви,— вопросъ, который лишь по крайнему несмыслію и невѣдѣнію можетъ быть примѣняемъ къ нашей церкви. То же самое, и еще въ большей степени, видимъ въ Бельгіи и Піемонтѣ; да и въ Австріи, гдѣ конкордатъ предоставляетъ столь широкія льготы ультрамонтанству, съ тѣмъ вмѣстѣ принимаются и мѣры противъ чрезмѣрныхъ притязаній, столь свойственныхъ этому ненасытному властолюбію? Читателямъ извѣстно что импровизованный мексиканскій императоръ, предъ отплытіемъ въ свои владѣнія, пріѣзжалъ въ Римъ поклониться папѣ, но вотъ обстоятельство на которое стоитъ при этомъ обратить вниманіе: чрезъ нѣсколько дней по прибытіи Максимиліана въ Римъ, явился къ нему кардиналъ Антонелли съ предложеніемъ заключить

конкордатъ для Мексики. Бывшій эрцгерцогъ крайне смутился, не зналъ какъ отдѣлаться отъ настойчиваго кардинала, и наконецъ вынужденъ былъ рѣшительно отвергнуть сдѣланное ему предложеніе, подъ тѣмъ предлогомъ что онъ не можетъ безъ знакомства со страной взять на себя отвѣтственность за подобный шагъ. Онъ далъ почувствовать римской куріи что считаетъ себя обязаннымъ предъ страной, довѣрившею ему свои судьбы, заботиться объ огражденіи ея независимости и самостоятельности въ церковномъ отношеніи, по образцу Бельгіи. Это, разумѣется, разомъ охладило Ватиканъ къ новому императору; но этимъ, безъ сомнѣнія, онъ предохранилъ и свое новое отечество, и себя самого отъ великихъ затрудненій на будущее время.

Итакъ, если римско-католическія правительства стараются оградить себя отъ ультрамонтанства, не соглашаются на уступки его притязаніямъ и отказываютъ папству въ требуемыхъ имъ правахъ и преимуществахъ, то можетъ ли правительство православнаго вѣроисповѣданія основывать свою политику въ отношеніи къ папѣ на уступкахъ его притязаніямъ и вступать съ нимъ въ какія-либо юридическія условія и обязательства? Страна признающая своимъ закономъ вѣротерпимость не можетъ отказать и римской вѣрѣ въ общемъ покровительствѣ своихъ законовъ; но отъ вѣротерпимости и даже отъ самой полной религіозной свободы, какую только можетъ государство обезпечивать для своихъ гражданъ, еще далеко до предоставленія какихъ-либо правъ и преимуществъ для чуждаго властолюбія, для его воинствъ, для его организаціи, похожей болѣе на заговоръ и тайное общество нежели на христіанскую церковь.

Папа обвиняетъ наше правительство въ гоненіяхъ противъ римско-католической вѣры; папа обвиняетъ наше правительство въ покушеніяхъ истребить католицизмъ въ подвластныхъ ему предѣлахъ. Не есть ли это награда намъ за то, что мы такъ заботливо старались мирволить папству, за то что въ Царствѣ Польскомъ православная церковь недавно находилась въ такомъ положеніи, что не дерзала принять въ свои нѣдра не только обращавшихся къ ней латынянъ, но и Евреевъ, и отсылала

ихъ къ церкви господствующей, то-есть латинской? Не есть ли это награда намъ за то, что мы дозволили римской церкви въ послѣднее время уничтожить всякую тѣнь самостоятельности, которую еще удерживала унія въ Царствѣ Польскомъ? Не есть ли это естественное послѣдствіе того ряда уступокъ которыя мы дѣлали Риму и его духовенству? Не служитъ ли это вѣрнымъ указаніемъ на необходимость измѣнить основанія нашей политики относительно Рима? Послѣдняя выходка папы, и вообще весь образъ дѣйствій его правительства по случаю польскихъ смутъ, не освобождаетъ ли насъ отъ всѣхъ обязательствъ относительно Рима?

Правда, подъ русскимъ скипетромъ живутъ многіе милліоны людей исповѣдующихъ христіанскую вѣру по догмату римско-католической церкви; но отсюда еще не слѣдуетъ чтобы Россія была непремѣнно обязана находиться въ правильныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ римскимъ дворомъ, или поддерживать заключенный съ нимъ конкордатъ. Въ этомъ отношеніи не худо взять въ примѣръ Соединенное Королевство: подъ британскимъ скипетромъ живутъ также многочисленныя народонаселенія римско-католическаго вѣроисповѣданія; также какъ у насъ, въ Соединенномъ Королевствѣ есть цѣлая страна имѣвшая также нѣкогда политическую самостоятельность, какъ и Польша, и гдѣ, какъ въ Польшѣ, большинство народонаселенія принадлежитъ къ латинской церкви; однако Британское правительство не признаетъ папской власти въ своихъ предѣлахъ: этого мало, въ Ирландіи, гдѣ послѣдователей англиканской церкви числится съ небольшимъ полмилліона при четырехъ слишкомъ милліонахъ католическаго народонаселенія, господствующею церковію признается не римская, а англиканская. Не худо взять въ соображеніе еще и то, что въ Англіи, при самой полной религіозной свободѣ, при всевозможныхъ льготахъ и гражданскихъ обезпеченіяхъ, какими пользуются на ея почвѣ всѣ секты, стало-быть и римско-католическое вѣроисповѣданіе, это послѣднее лишено однако нѣкоторыхъ существенныхъ политическихъ правъ, духовныя лица этого вѣроисповѣданія не могутъ быть избираемы въ члены парламента, и есть

общественныя должности къ которымъ не могутъ имѣть доступъ люди исповѣдующіе эту вѣру. Намъ кажется что для Россіи было бы всего безопаснѣе держаться этого примѣра. Намъ кажется что не въ уступкахъ папизму, а въ развитіи религіозной свободы должны мы искать средствъ освободиться отъ затрудненій которыми осѣтила насъ римская церковь. Зачѣмъ стали бы мы ограничивать въ Царствѣ Польскомъ религіозную свободу въ интересахъ римско-католической церкви и затруднять тамъ пропаганду другихъ исповѣданій и сектъ? Не затѣмъ ли чтобы ксендзы, обезпеченные отъ всякой борьбы на полѣ религіозной проповѣди, имѣли болѣе времени заниматься политическими дѣлами?

М А Й.

I.

1-го мая.

Въ то время когда приближался срокъ закрытія финляндскаго сейма, открывался сеймъ лифляндскій. Сеймъ лифляндскій, конечно, не совсѣмъ то же самое что̀ сеймъ финляндскій, но также и не то что̀ наши дворянскія собранія въ Москвѣ, Рязани, Тулѣ или Харьковѣ. Лифляндскіе рыцари и землевладѣльцы собираются какъ представители своего края для широкаго и обстоятельнаго обсужденія всѣхъ его интересовъ и потребностей, и заготовляютъ проекты постановленій по всѣмъ частямъ его управленія. Лифляндскій сеймъ есть собраніе не просто сословное, но и представительное: онъ служитъ органомъ представительства для цѣлаго края. Въ немъ, кромѣ дворянъ и землевладѣльцевъ, представлены въ извѣстной степени города, особенно Рига, какъ главный городъ края. Всевозможные интересы края становятся здѣсь предметомъ полнаго и свободнаго обсужденія. Лифляндскій сеймъ, какъ кажется, пользуется полною инициативой въ возбужденіи вопросовъ общественнаго интереса.

Лифляндскій сеймъ, какъ англійскій парламентъ въ прошломъ столѣтіи, не имѣетъ публичности, пренія его не оглашаются, и лишь только окончательно выработавшіеся результаты ихъ выходятъ въ послѣдствіи наружу. Мы еще не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о результатахъ лифляндскаго сейма, который уже

окончилъ свои засѣданія. Но у насъ теперь предъ глазами слово сказанное при открытіи этого сейма, 9-го марта, въ церкви Св. Іакова въ Ригѣ, епископомъ, докторомъ Вальтеромъ, лифляндскимъ генералъ-суперинтендентомъ. Слово это, по своему содержанію и характеру,—не просто проповѣдь, но и политическая рѣчь, открывшая пренія и коснувшаяся тѣхъ предметовъ и интересовъ вокругъ которыхъ пренія сейма долженствовали сосредоточиться. Текстомъ своей проповѣди докторъ Вальтеръ взялъ слова изъ Евангелія: «инъ есть сѣяй и инъ есть жняй». То что у насъ есть, и то что мы имѣемъ—не все плодъ нашего собственнаго труда, а большею частію наслѣдіе завѣщанное намъ предками, вообще результатъ труда другихъ людей, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніи. Развивая эту мысль, проповѣдникъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, лифляндскимъ рыцарямъ и землевладѣльцамъ, что права и преимущества которыми они пользуются, творя судъ въ своемъ краѣ, выбирая судей изъ своей среды, облагая податьми земство на содержаніе церкви и школъ, и вообще представляя собою «страну» «какъ внутри такъ и внѣ», — что эти права и преимущества, что это высокое положеніе и сопряженныя съ нимъ великія обязанности на пользу края—не результатъ ихъ личной заслуги, а наслѣдіе завѣщанное имъ предками, плодъ труда другихъ людей. Но съ тѣмъ вмѣстѣ проповѣдникъ напомнилъ своимъ слушателямъ, что въ ихъ крѣпости есть бреши, что на нихъ падаютъ нѣкоторыя справедливыя или несправедливыя нареканія, которыя не были вовремя предотвращены, что они терпятъ многія неудобства и встрѣчаютъ многія затрудненія, что во всемъ этомъ они должны видѣть долги которые перешли къ нимъ отъ предковъ, вмѣстѣ съ богатымъ наслѣдіемъ. Затѣмъ проповѣдникъ объясняетъ своимъ слушателямъ, что по уплатѣ долговъ, оставленныхъ имъ предками, на нихъ лежитъ обязанность приготовить для своихъ потомковъ сколь можно лучшую жатву. Онъ наказываетъ имъ помнить крѣпко, что они протестанты по религіи и Нѣмцы по происхожденію, и что въ ихъ краѣ господствующею церковью должна быть протестантская, а господствующею народностью

должна быть нѣмецкая. Проповѣдникъ полагаетъ ихъ первую и священнѣйшую обязанность предъ родиною, долгъ совѣсти ихъ и долгъ патріотизма, въ огражденіи правъ протестантской церкви и нѣмецкой народности въ Лифляндіи. Проповѣдникъ объясняетъ своимъ слушателямъ, что къ какой бы національности ни принадлежали первоначально предки того или другаго изъ нихъ, въ средѣ лифляндскихъ рыцарей и земле-владѣльцевъ, на лифляндской почвѣ не можетъ и не должно быть другихъ элементовъ кромѣ нѣмецкихъ; между ними нѣтъ ни Эстовъ, ни Латышей, ни Шведовъ, ни Ливовъ, ни *Русскихъ*, наконецъ; въ Лифляндіи могутъ и должны быть только Нѣмцы. «Дворянство равно какъ и мѣщанство въ Лифляндіи «чисто нѣмецкія», говорилъ проповѣдникъ, «и если мы нынѣ «не можемъ сказать что все лифляндское земство есть нѣмец-«кое, то въ этомъ главнымъ образомъ виноваты мы сами, по-«тому что мы, повинуясь смутному чувству какого-то сожалѣ-«нія къ остаткамъ изчезающихъ изъ исторіи племенъ, стара-«лись поддерживать ихъ народность..... Если еще возможно, то «да даруетъ намъ Богъ достаточную силу любви къ нимъ, что-«бы посредствомъ школъ настигнуть упущенное.» Докторъ Вальтеръ убѣждаетъ своихъ слушателей укрѣплять и поддерживать въ себѣ нѣмецкую народность постоянными сношеніями съ германскою народностью въ ея отечествѣ, Германіи, и сближеніемъ между различными слоями нѣмецкихъ элементовъ въ самой Лифляндіи. «Такимъ образомъ», продолжалъ проповѣдникъ, «укрѣпляясь въ своей нѣмецкой народности, можете вы «съ отрадою помышлять о вашихъ потомкахъ, которые вой-«дутъ въ трудъ вашъ, и вы заранѣе можете радоваться, что «они въ свое время съ благодарностію къ вамъ будутъ радо-«ваться своимъ нѣмецкимъ языкомъ, нѣмецкимъ образованіемъ, »нѣмецкимъ обычаемъ, нѣмецкою вѣрностію, и, если Богу бу-«детъ угодно, своею вполнѣ нѣмецкою родиной.»

Итакъ, постоянное возобновленіе нѣмецкой народности въ сношеніяхъ съ Германіей, сближеніе всѣхъ слоевъ нѣмецкой народности въ самой Лифляндіи, дабы въ этомъ краѣ могли раскрыться во всей полнотѣ своей и во всемъ своемъ разно-

образіи отличительныя свойства германскаго духа, наконецъ постоянная, ревностная германизація всего того что̀ вслѣдствіе прошлыхъ упущеній и недоразумѣній, фальшивыхъ взглядовъ и чувствованій осталось въ Лифляндіи не нѣмецкимъ,—вотъ, по ученію проповѣдника, главный интересъ и долгъ лифляндскаго дворянства. Докторъ Вальтеръ находитъ что эта послѣдняя задача, т.-е. окончательная германизація края, «есть собственный, живой интересъ инородцевъ, которые еще населяютъ Лифляндію.» Германизовать эти остатки не-нѣмецкихъ народностей, этихъ аборигеновъ края, Ливовъ, Эстовъ, Латышей, значитъ, какъ объясняетъ докторъ Вальтеръ, «уравнять ихъ по національности и вѣроисповѣданію съ ихъ господами», то-есть съ землевладѣльцами, которые составляютъ силу края и держатъ въ рукахъ своихъ всѣ его интересы.

Наставленіе которое протестантскій епископъ города Риги давалъ лифляндскимъ дворянамъ и землевладѣльцамъ примѣняется не къ нимъ однимъ. Текстъ который онъ приводитъ и примѣненіе которое онъ даетъ ему могутъ и должны имѣть болѣе обширное значеніе. Потомки пожинаютъ посѣянное предками, и живущія поколѣнія должны усердно заботиться о томъ чтобы не расточить полученнаго наслѣдія, а пріумножить его и приготовить добрую жатву своимъ потомкамъ: это правило мудрое и правило общее. Лифляндскому Нѣмцу непріятно видѣть что его родина, одна изъ губерній Россійской Имперіи, не вполнѣ германизована, что ея народонаселенія не представляютъ собою полной и сплошной нѣмецкой народности; въ національномъ единствѣ своего края видитъ онъ залогъ его благосостоянія и плодотворнаго развитія въ будущемъ; онъ сѣтуетъ на упущенія предковъ, которые, по небрежности ли, по недостатку ли энергіи, или по неразумному чувству, оставили дѣло германизаціи не доконченнымъ, а край лифляндскій не вполнѣ нѣмецкимъ краемъ; лифляндскому Нѣмцу отрадно помышлять что упущенія предковъ будутъ восполнены, что послѣдующее время узритъ его родину вполнѣ нѣмецкою страной, въ которой никто не будетъ имѣть права называть себя ни Эстомъ, ни Ливомъ, ни даже Русскимъ, а всѣ будутъ чество-

вать себя Нѣмцами. Мы не будемъ оспаривать такой точки зрѣнія; напротивъ, мы признаемъ ея силу и сами вполнѣ подчиняемся ей. И русскіе люди пожинаютъ посѣянное по́томъ и кровью своихъ предковъ; и русскіе люди всѣмъ что̀ въ нихъ есть, и всѣмъ что̀ они имѣютъ, обязаны труду своихъ предковъ. Русскіе люди также получили наслѣдіе: это наслѣдіе есть Россія, Русское Царство со всѣми его областями; для нихъ имѣетъ по крайней мѣрѣ не меньшую силу то правило которое напомнилъ финляндскимъ рыцарямъ генералъ-суперинтендентъ Лифляндіи,—«правило, что кто наслѣдуетъ имѣніе отца своего, тотъ уплачиваетъ и оставленные имъ долги». На нихъ также лежитъ обязанность настигнуть упущенное, довершить недоконченное, имъ также отрадно помышлять, что они не погубятъ завѣщаннаго имъ наслѣдія, но сохранятъ и пріумножатъ его. Россія, кромѣ русскаго племени, населена еще многими инородными племенами, не только удерживающими свои особенности, которыхъ никто у нихъ не оспаривалъ и оспаривать не будетъ, но и враждующими съ русскою народностію, или по крайней мѣрѣ чуждающимися ея и не желающими носить ея имя. Это упущеніе предковъ которое должно быть восполнено нынѣ живущими поколѣніями; это долги подлежащіе уплатѣ. Нынѣшнія поколѣнія Русскаго народа не могутъ обвинять своихъ предковъ за эти упущенія: предки сдѣлали много, а средства которыми они располагали были не такого свойства чтобы заготовить почву для сліянія всѣхъ разнородныхъ элементовъ входящихъ въ составъ Русскаго государства. Торжество какой-либо народности надъ противными и чуждыми ей элементами не достигается развитіемъ одной внѣшней силы. Обладая внѣшнею силой, господствующая народность должна стать еще силою внутреннею, и въ противныхъ или чуждыхъ ей элементахъ возбуждать интересъ и стремленіе сближаться и сливаться съ нею. Чего не могли сдѣлать предки, которымъ было много своего дѣла, то предстоитъ совершить намъ, ихъ наслѣдникамъ. Лифляндскому Нѣмцу пріятно что въ средѣ лифляндскаго рыцарства нѣтъ ни Эстовъ, ни Ливовъ, ни Шведовъ, ни

Русскихъ, и что всѣ въ немъ именуютъ и чувствуютъ себя Нѣмцами, и онъ считаетъ своею задачей повести дѣло такъ чтобы все земство въ этомъ краѣ было исключительно нѣмецкимъ. Послѣ этого не позволительно ли Русскому желать чтобы въ предѣлахъ Русскаго государства не было ни Эста, ни Лива, ни Шведа, ни Нѣмца, и чтобы Нѣмецъ въ Россіи, не разучиваясь своему языку (которому мы и сами учимся) и не измѣняя своей вѣрѣ, — тѣмъ не менѣе звалъ себя прежде всего Русскимъ и дорожилъ этимъ званіемъ?

Предки наши, по средствамъ своимъ, не могли совершить внутренняго сліянія разнородныхъ элементовъ вошедшихъ въ область Русскаго народа, но они создали эту область и утвердили ея государственное единство. Потомки, «вошедшіе въ трудъ ихъ», получившіе ихъ наслѣдіе, довершатъ ли ихъ дѣло, уплатятъ ли ихъ долги, или погубятъ и то что̀ имъ досталось? Сумѣютъ ли они совершить внутреннее сліяніе, или, оставаясь при средствахъ предковъ своихъ, посреди измѣнившихся обстоятельствъ, предъ лицомъ новыхъ требованій, они утратятъ и то единство которое имъ завѣщано для дальнѣйшаго плодотворнаго развитія? Не грустно ли, не позорно ли было бы нынѣшнимъ поколѣніямъ подумать что при нихъ, подъ ихъ рукою, могутъ не только удержаться, но и развиться сѣмена отчужденія и розни? Не грустно ли видѣть что именно въ наше время не только иноплеменныя народности, входящія въ составъ Русскаго государства, стремятся къ большему обособленію и отчужденію, но даже можетъ возникать и ласкать себя надеждою мысль о расторженіи единства самой русской народности, о ея раздвоеніи?

Слѣдуетъ серіозно подумать объ этомъ: одни и тѣ же признаки появляются повсюду, и повсюду съ новою силой даютъ одно и то же свидѣтельство,—свидѣтельство о необходимости призвать къ дѣйствію какія-либо новыя условія въ развитіи нашей народности, соотвѣтствующія новымъ потребностямъ и новымъ задачамъ.

II.

1-го мая.

Конечно, ни о чемъ такъ много не говорятъ теперь въ Москвѣ, какъ о покупкѣ имѣній въ западномъ краѣ. Важныя облегченія дѣлаемыя правительствомъ сильно заманиваютъ всѣхъ, и не менѣе того заманиваютъ извѣстія о баснословно-дешевыхъ цѣнахъ имѣній. Нѣтъ сомнѣнія что кто захватитъ дѣло вовремя, когда конкурренція еще не велика, тотъ будетъ щедро награжденъ за свою предпріимчивость. При покупкѣ съ пособіемъ правительства потребуется въ первое время очень небольшой капиталъ чтобы купить значительное имѣніе. На ближайшихъ торгахъ имѣнія едва ли пойдутъ много выше оцѣнки, и стало-быть приплачивать придется не много, а оцѣночная сумма будетъ незамѣтно погашена ежегодными платежами. У кого есть капиталъ болѣе значительный и кто захочетъ обойтись безъ пособія казны, тотъ можетъ за то прінскать имѣнія лучше устроенныя, продаваемыя добровольно, по тѣмъ не менѣе крайне дешево. Цѣны на крупныя имѣнія упали въ однихъ мѣстахъ на 50%, въ другихъ на 40% и на 30%, а надобно замѣтить что въ западныхъ губерніяхъ усадьбы и вообще господское хозяйство устроены очень хорошо. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ мятежа прежнія цѣны непремѣнно возстановятся, и тогда окажется, какъ велики барыши пріобрѣтенные теперешними покупщиками. По всему вѣроятію, цѣны не только поднимутся до прежней высоты, но и превзойдутъ ее.

Въ средней и сѣверной Европѣ можно принять за общее правило, что земля одинаковаго качества тѣмъ дороже, чѣмъ западнѣе; только Польша и бывшія польскія земли составляютъ исключеніе. Въ южной черноземной части западнаго края цѣны на землю почти вдвое ниже чѣмъ въ ближайшихъ къ Москвѣ черноземныхъ губерніяхъ. Въ сѣверной нечерноземной полосѣ западнаго края земля втрое и вчетверо дешевле сравнительно съ подмосковными нечерноземными губерніями. Не беремся объяснять этотъ замѣчательный фактъ; полагаемъ однако что

главною причиной сравнительной дешевизны земель въ западномъ краѣ слѣдуетъ признать плохое положеніе крестьянскаго населенія. Получали ли бы владимірскіе и ярославскіе помѣщики высокій оброкъ еслибы владимірскіе и ярославскіе крестьяне были народъ забитый? При крѣпостномъ состояніи говорили что эти крестьяне платятъ оброкъ не столько за землю, сколько за свои души. Теперь оброкъ немного пониженъ, но онъ все-таки значительно превышаетъ цѣну не населенной земли отдаваемой внаймы отдѣльно. Тѣмъ не менѣе однако же едва ли можно ожидать чтобы многіе изъ владимірскихъ и ярославскихъ крестьянъ захотѣли воспользоваться правомъ выхода, которое будетъ предоставлено имъ чрезъ шесть лѣтъ. Они останутся на мѣстѣ, не ради полей, а ради усадебъ, и оброкъ который они будутъ платить будетъ поддерживать цѣнность имѣній и вообще цѣнность земли въ этихъ двухъ промышленныхъ губерніяхъ. Таково вліяніе оказываемое развитостью крестьянскаго населенія на цѣнность земли. Въ западномъ краѣ, и особенно въ сѣверо-западной его части, было обратное вліяніе, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ извѣстною неспособностью польской шляхты къ сбереженіямъ и слѣдовательно къ накопленію капиталовъ, должно было сильно дѣйствовать на цѣнность земель. Чѣмъ меньше рукъ и чѣмъ руки менѣе способны, а также чѣмъ меньше капиталовъ въ странѣ, тѣмъ дешевле бываетъ земля: это одно изъ основныхъ экономическихъ положеній. Но если такъ, то съ освобожденіемъ крестьянъ и съ улучшеніемъ ихъ быта, а также съ уменьшеніемъ расточительности польскихъ помѣщиковъ, экономическое состояніе края должно исправиться, и прежнія неестественно низкія цѣны на землю должны подняться. Вотъ почему мы полагаемъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ мятежа цѣны на землю не только войдутъ тамъ въ прежнюю норму, но и начнутъ восходить выше ея.

Можно предполагать,—и уже есть признаки того,—что западному краю предстоитъ коренное измѣненіе экономическихъ отношеній, измѣненіе тѣмъ болѣе поучительное, что весьма многое въ немъ будетъ слѣдствіемъ силы обстоятельствъ, а не правительственныхъ мѣръ вызванныхъ мятежемъ. Дешевизна

имѣній, спросъ на трудъ и капиталъ, уже вызываютъ потокъ переселеній съ востока на западъ. Этимъ переселеніямъ соотвѣтствуютъ другія, съ запада на востокъ, переселенія Поляковъ въ Русскую землю. Мы разумѣемъ переселеніе добровольное, а не принудительное, не ссылку. Многія польскія семейства уже выселяются въ русскіе города, чтобъ уйти отъ гнета своихъ патріотовъ. Это движеніе должно усилиться вслѣдствіе разрыва происшедшаго, какъ увѣряютъ, между польскою аристократическою и демократическою партіями. Между тѣмъ какъ демократы еще замышляютъ продолженіе мятежа, помѣщики все болѣе и болѣе устраняются отъ революціи, и всѣ ихъ усилія направлены повидимому лишь на то чтобы, по старой привычкѣ, пользуясь неясностію нашего внутренняго положенія, выторговать у Россіи что-нибудь для польскаго дѣла. Но урокъ полученный нами такъ свѣжъ, что едва ли они и сами предсказываютъ успѣхъ этимъ попыткамъ. А если стремленія къ сепаратизму не будутъ оживлены надеждой на уступки, то можно ожидать что въ отношеніяхъ польскихъ помѣщиковъ къ намъ скоро обнаружится та мягкость и уступчивость, которая всегда обнаруживается послѣ пароксизмовъ враждебнаго чувства. Завзятые польскіе демократы—другое дѣло: эти будутъ продолжать свой безумный способъ служенія своей справѣ. Но каково будетъ тогда житье помѣщикамъ польскаго происхожденія?

Уже и теперь есть слухи (за достовѣрность которыхъ мы впрочемъ не ручаемся), будто нѣкоторые изъ помѣщиковъ-католиковъ перебираются въ Херсонскую губернію, чтобъ уйти отъ притязательности патріотовъ. По вѣрнымъ свѣдѣніямъ, Одесса переполнена Поляками. Евреи этого края также въ движеніи. Словомъ, если признаки не обманываютъ, то чрезъ короткое время физіономія всего западнаго края такъ измѣнится что его нельзя будетъ узнать. Край несомнѣнно выиграетъ отъ этого какъ въ политическомъ и соціальномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи.

Намъ очень пріятно сообщить читателямъ, въ особенности же тѣмъ изъ нихъ которые интересуются покупкой имѣній въ юго-западномъ краѣ, что по всѣмъ извѣстіямъ дѣла идутъ тамъ

теперь самымъ лучшимъ образомъ. Русскій духъ поднятъ; въ характерѣ администраціи произошли существенныя улучшенія, крестьяне привыкаютъ къ своему новому положенію. Съ другой стороны, юго-западный край менѣе потерпѣлъ чѣмъ сѣверо-западный,—гдѣ и возстаніе было упорнѣе, и нужны были самыя энергическія мѣры чтобъ оградить будущность крестьянства, гораздо болѣе загнаннаго, отъ прежней неправды. Въ юго-западномъ краѣ исключительное положеніе менѣе тяготѣло надъ мирнымъ населеніемъ; тамъ разорились только тѣ помѣщики которые принимали дѣятельное участіе въ мятежѣ и заговорахъ.

Что касается собиранія свѣдѣній о продающихся имѣніяхъ, то необходимо довольствоваться услугами частныхъ лицъ. Учрежденіе справочныхъ конторъ сопряжено у насъ со многими затрудненіями и проволочками, а потому этого удобства дожидаться нельзя. Всего лучше было бы, кажется, еслибы нѣсколько покупателей собрались вмѣстѣ и посылали отъ себя агента, который могъ бы вступить на мѣстѣ въ сношеніе съ людьми знающими край и слѣдящими за продажей имѣній. Безъ пособія подобныхъ лицъ пріѣзжій агентъ не былъ бы въ состояніи много сдѣлать; но недостатка въ подобныхъ лицахъ не встрѣтится, и отыскать ихъ будетъ не трудно; въ случаѣ надобности мы со своей стороны готовы указать нѣсколько адресовъ.

III.

1-го мая.

Рѣдко когда-либо журнальная выходка возбуждала такое негодованіе, какое статья № 93 *Голоса* вызвала въ русскихъ людяхъ сѣверо-западнаго края. Мы засыпаны письмами оттуда, исполненными одного и того же чувства и протестующими противъ упомянутой выходки. Съ кѣмъ изъ пріѣзжающихъ оттуда ни случилось намъ говорить, у всѣхъ одно и то же на языкѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и *День* въ послѣднемъ нумерѣ. «Мы обязаны занести на страницы нашей журнальной лѣто-«писи», сказано въ этой газетѣ, «что статья № 93 *Голоса* «возбудила сильнѣйшее единодушное негодованіе во всемъ

«сѣверо-западномъ краѣ (то-есть въ русскомъ его населеніи) и «подала поводъ къ протестамъ, изъ которыхъ одинъ былъ по-«сланъ въ редакцію *Голоса*, гдѣ наконецъ и помѣщенъ...»

Дѣйствительно, строки нашей газеты, подавшія поводъ къ выходкѣ, не заключали въ себѣ ничего что могло бы хоть сколько-нибудь оправдывать ее. Мы только заявляли фактъ всѣмъ извѣстный, неоспоримый и несомнѣнный. Кто не помнитъ въ какомъ положеніи были дѣла въ литовскихъ губерніяхъ въ маѣ прошлаго года? Кто не помнитъ того почти отчаяннаго положенія въ которомъ находился этотъ край, гдѣ сосредоточивалась сила тайной революціонной организаціи, куда направлены были всѣ усилія мятежа и гдѣ приходилось почти снова завоевывать каждый шагъ въ то время, когда мятежники надѣялись на дѣятельное иностранное вмѣшательство и даже на высадку въ близкомъ разстояніи отъ театра событій? Терроръ владычествовалъ повсюду, и въ селахъ, и въ городахъ; все трепетало предъ невидимою властью, вооруженною кинжаломъ и петлей, все приникало долу, и не только польскіе обыватели, но и Русскіе должны были не рѣдко повиноваться ея велѣніямъ. Нужна была могущественная рука чтобы сломить эту силу, настигнуть ее на всѣхъ ея путяхъ и поразить ее наконецъ въ самое сердце. Нужна была крѣпкая, непоколебимая воля, чтобы неуклонно дѣйствовать посреди этихъ обстоятельствъ, при крикахъ цѣлой Европы, при сомнительности положенія дѣлъ въ самой Россіи. Нельзя никого обвинять за недостатокъ подобныхъ необыкновенныхъ качествъ, посреди подобныхъ необыкновенныхъ обстоятельствъ; но нельзя же не признать этихъ качествъ въ управленіи генерала Муравьева. Менѣе энергическій дѣятель не выдержалъ бы испытанія и отступилъ бы послѣ отчаянныхъ усилій предъ всемогущею интригой и страшною агитаціей, вопившею тысячами голосовъ. Ничѣмъ наше общество столько не доказало своего зрѣлаго политическаго смысла, какъ поддержкой оказанною имъ вовремя генералу Муравьеву, въ его тяжкой борьбѣ, посреди страшныхъ затрудненій, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ.

Мы были далеки отъ всякой мысли бросать тѣнь на дѣятелей прежняго управленія или порочить ихъ. Мы не имѣли никакихъ личныхъ предрасположеній въ ту или другую сторону; мы говорили только то что думалъ и говорилъ всякій русскій человѣкъ, не лишенный здраваго смысла. Мы были въ то же время готовы отдать всякую справедливость лицамъ принадлежавшимъ къ прежнему управленію Литовскаго края; намъ было бы это тѣмъ пріятнѣе сдѣлать, что нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ удовольствіе знать лично. Въ отвѣтъ на нѣкоторыя рекламаціи съ этой стороны, мы просили сообщить намъ все что могло бы послужить къ разъясненію дѣла въ благопріятномъ прежнему управленію смыслѣ. Къ сожалѣнію, однако, намъ только давали обѣщанія доставить нужныя объясненія и факты, но ни фактовъ, ни объясненій мы не получали, а между тѣмъ въ вышеупомянутой петербургской газетѣ вдругъ появилась статейка такъ возмутившая русское населеніе Литовскаго края, статейка, исполненная очень нехорошаго чувства, очевидныхъ искаженій, неправдъ и столько же безсмысленныхъ, сколько безобразныхъ намековъ. Мы не желали отвѣчать на эту выходку; презрѣніе казалось намъ самымъ приличнымъ отвѣтомъ на это недостойное шипѣніе. Мы и не упоминали объ этой выходкѣ, пока наконецъ не вынуждены были уступить напору. Изъ многихъ статей полученныхъ нами по этому поводу, мы помѣстили въ № 94 характеристику хода военныхъ дѣлъ въ сѣверо-западномъ краѣ; а изъ другихъ статей, по желанію доставителей, заимствовали нѣкоторыя характеристическія мѣста, рисующія состояніе края при прежнемъ и при нынѣшнемъ управленіи. Авторъ одной изъ этихъ статей, написанной въ защиту высказанныхъ нами мнѣній и оцѣнокъ, помѣстилъ подробное изложеніе своихъ показаній въ послѣднемъ нумерѣ *Дня*. Считаемъ не лишнимъ привести изъ этой статьи нѣсколько строкъ о русскомъ театрѣ въ Вильнѣ:

„Говоря о театрѣ, ловкій авторъ утверждаетъ, что „исполненіе русскихъ піесъ на Виленской сценѣ никогда не прекращалось", что „по волѣ покойнаго Императора Николая Павловича отпускалось ежегодно, на поддержаніе *русской сцены*, по 3.000 рублей изъ городскихъ доходовъ" и „Московскій артистъ Живокини игралъ вмѣстѣ съ Поляками-актерами. Вотъ въ какомъ положеніи

(восклицаетъ *Голосъ*) была русская сцена.“ Что и говорить, процвѣтала! Не годится мертвую букву выставлять вмѣсто живаго дѣла; если вы, въ самомъ дѣлѣ, пишете со словъ людей „бывшихъ очевидцами всѣхъ совершавшихся въ краѣ, въ послѣднее время, событій“, то вы намѣренно вводите публику въ обманъ, потому что очевидцы ваши должны же знать что эти 3.000 р. никогда, кромѣ конца прошедшаго и начала настоящаго года, не употреблялись согласно своему назначенію, т.-е. исключительно на поддержаніе русской сцены Какіе русскія піесы ставилъ Виленскій театръ? Изготовлялись ли для нихъ новыя декораціи, новые костюмы, выписывались ли русскіе актеры? Ничего этого не бывало; за исключеніемъ двухъ-трехъ большихъ піесъ, которыя давались очень рѣдко, играли, и то не въ каждый спектакль, пустѣйшіе русскіе водевили для разъѣзда пановъ, которые при началѣ ихъ выходили изъ театра, отплевываясь. Не вѣрите—справьтесь въ афишахъ или въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*. Беру на удачу эту газету за апрѣль 1860. Оказывается, что въ продолженіе этого мѣсяца было въ Вильнѣ 9 спектаклей, изъ нихъ 6 прошли *безъ русскихъ піесъ*, а въ остальные три сыграны были три глупѣйшіе русскіе водевильчика; вотъ вамъ живые-то факты, вотъ какъ поддерживалась здѣшняя русская сцена! Нѣтъ, милостивые государи, не на русскую сцену шли эти деньги, а на постановку трескучихъ шляхетскихъ драмъ съ кунтушами да конфедератками, имѣвшихъ цѣлію возбуждать и поддерживать въ польской публикѣ то настроеніе которое разыгралось въ послѣдствіи мятежомъ. Впрочемъ, мы очень благодарны вамъ за эту замѣтку о 3.000 руб.; она даетъ намъ поводъ сообщить вамъ, что нынѣшняя виленская театральная дирекція загладитъ недобросовѣстность прежняго управленія, и воля покойнаго Государя будетъ исполнена въ точности, т.-е. эти 3.000 р. не пойдутъ уже болѣе на кунтуши и конфедератки, но будутъ употреблены исключительно, и *не на бумагу, а на самомъ дѣлѣ, на поддержаніе Русской сцены въ городѣ Вильнѣ.*“ (*День*, № 18).

Приводимъ еще нѣсколько характеристическихъ мѣстъ изъ присланной намъ статьи другаго виленскаго жителя:

„Развѣ неизвѣстно *Голосу*, что и послѣ разбитія шаекъ Сѣраковскаго и Козлики, бо́льшая часть Ковенской губерніи почти что не принадлежала намъ, что со многими мѣстностями не было даже почтоваго сообщенія, что не было возможности проѣхать въ глубь уѣздовъ безъ конвоевъ? Пусть вспомнитъ эта газета извѣстія, ею же самою въ свое время напечатанныя, и она убѣдится, что эта страшная сила мятежа, эта подземная организація съ своимъ терроромъ, съ своими кознями и адскими ухищреніями, увлекшая и погубившая столько семействъ, господствовала еще довольно долго и послѣ того что *Голосъ* называетъ *раздавленіемъ гидры мятежа*; что при такомъ ужасающемъ и, казалось, почти безвыходномъ положеніи края, когда законная власть пришла въ совершенно ненормальное положеніе, когда врагъ угрожалъ намъ не на одномъ полѣ брани, но изъ-за каждаго угла, когда ваши жены и дочери не могли показаться на улицѣ, чтобы не подвергнуться оскорбленіямъ,—недостаточно было однѣхъ доблестей и мужества войскъ, для этого необходимы были еще административныя мѣры. мѣры мудрыя, сильныя, глубоко и зрѣло обдуманныя,—чтобы противопоставить рѣшительный и твердый отпоръ революціонной организаціи, развивавшейся свободно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вотъ гдѣ надобно искать

дѣйствительнаго начала *раздавленію гидры мятежа.* Такую гидру можно было раздавить не разбитіемъ нѣсколькихъ мятежныхъ шаекъ, изъ коихъ ни одна кажется не превосходила 3 т. человѣкъ, но постепеннымъ возвращеніемъ всего края на путь долга, нравственно завоевывая его почти шагъ за шагомъ, водворяя въ немъ совершенно разрушенный порядокъ и возстановляя довѣріе къ силѣ законной власти. Открыть тайныя типографіи, добраться до состава организаціи, захватить главныхъ дѣятелей, пресѣчь собираніе налоговъ, дотолѣ открыто взимавшихся въ видѣ процентнаго сбора со всякаго имущества, обнаружить всѣ тайные комитеты для формированія шаекъ, привоза оружія, устройства магазиновъ и складовъ, призрѣнія раненыхъ,—прекратить всѣ тайныя сношенія мѣстныхъ жителей съ революціоннымъ жондомъ въ Варшавѣ и за границей, постоянно присылавшимъ сюда своихъ агентовъ съ приказаніями и прокламаціями, коп тысячами экземпляровъ расходились по цѣлому краю,—словомъ низвергнуть всю адскую машину двигавшую краемъ по своему произволу, вотъ въ чемъ заключалось подавленіе гидры мятежа...“

Говоря о народныхъ школахъ, авторъ этой статьи замѣчаетъ:

„Мы охотно вѣримъ, что многіе мальчики хорошо читали Апостолъ и пѣли на клиросахъ; но это еще не доказываетъ, чтобъ эти школы были въ цвѣтущемъ состояніи, а что преподаваніе въ нихъ прежде шло очень плохо, что число учащихся было невелико, что нѣкоторые изъ учителей не сумѣли снискать уваженіе и довѣріе родителей,—это факты извѣстные здѣсь всѣмъ. Наконецъ, что касается до *русскихъ учителей*, то ихъ и въ настоящее время еще недостаточно; припомнимъ напечатанное въ газетахъ письмо г. главнаго начальника края къ восьми епископамъ великороссійскихъ губерній о приглашеніи воспитанниковъ духовныхъ училищъ для занятія должностей волостныхъ писарей и сельскихъ учителей...“

IV.

5-го мая.

Въ засѣданіи британской верхней палаты 10-го мая лордъ Кампбелъ завелъ-было рѣчь о польскомъ дѣлѣ; нѣсколько словъ сказано было въ отвѣтъ ему графомъ Росселемъ, и едва ли въ палатѣ нашлись два, три человѣка которые обратили какое-нибудь вниманіе на этотъ незначительный разговоръ. Лордъ Кампбелъ тотчасъ же отказался отъ всякаго продолженія дѣла по этому вопросу, и палата перешла къ своимъ очереднымъ занятіямъ. Въ журналахъ отозвались объ этомъ такимъ тономъ, какъ будто бы рѣчь шла о допотопномъ событіи. Еслибы лордъ Кампбелъ возбудилъ въ парламентѣ вопросъ о походахъ Юлія

Цезаря, то это отнюдь не показалось бы менѣе умѣстнымъ и своевременнымъ. Впрочемъ, въ сущности вовсе не о польскомъ вопросѣ и была рѣчь. Лордъ Кампбелъ вкратцѣ изложилъ дипломатическую кампанію прошлаго года, во главѣ которой находилось Англійское правительство, и поставилъ ему въ укоръ понесенную имъ неудачу. Графъ Россель, въ свою очередь, также вкратцѣ обозрѣлъ исторію этой кампаніи, и пришелъ къ заключенію что дѣло приняло совершенно естественный оборотъ, что оно совсѣмъ кончено, что Европа не имѣетъ возможности вмѣшиваться въ это дѣло или снова поднимать о немъ вопросъ, что Поляки должны возложить всѣ свои надежды на Россію, на ея внутреннее политическое развитіе, и отъ нея ожидать удовлетворенія своимъ законнымъ потребностямъ. Вотъ и все. Это очень благоразумно и справедливо, и это же высказано и въ журналахъ. Слово Костюшки: «Finis Poloniae!» повторено на всѣ лады. Дѣло польское признано мертвымъ и хоронить его предоставлено мертвымъ. Доказано какъ нельзя убѣдительнѣе что европейская война изъ-за Польши есть дѣло совершенно невозможное. А въ прошломъ году съ какими усиліями нужно было доказывать эту невозможность! То что теперь такъ очевидно, тогда казалось парадоксомъ, и многіе умные люди не чаяли для Россіи иного избавленія отъ войны какъ путемъ уступчивости, покорности и безпрекословнаго согласія на всѣ требованія, между тѣмъ какъ единственная и весьма серіозная опасность состояла для Россіи именно въ такой уступчивости. Всякая уступка даже въ тонѣ выраженій повела бы неминуемо ко внутреннему ослабленію, котораго послѣдствій нельзя было бы исчислить. Система уступокъ была бы ни чѣмъ инымъ, какъ собственноручнымъ исполненіемъ надъ собою смертнаго приговора.

Однако напрасно противники нынѣшняго кабинета въ Англіи упрекаютъ его въ неловкомъ веденіи этого несчастнаго польскаго дѣла: напрасно увѣряютъ они что Англійское правительство въ этомъ случаѣ поступало безъ яснаго сознанія своихъ цѣлей и средствъ. Оно очень хорошо знало что дѣлало; нельзя не отдать ему въ этомъ отношеніи справедливости. Дѣлаемые

ему упреки—или обычные маневры оппозиціи, или просто комедія. Политическіе люди въ Англіи не могли съ самаго начала не видѣть откуда шла и куда клонилась политика страны. Забавно читать въ англійскихъ журналахъ эти самопорицанія, эти откровенныя сознанія въ неразумѣ, неосмотрительности, опрометчивости англійской политики, и въ пораженіяхъ ею понесенныхъ. Такъ-называемое польское дѣло было возведено на степень европейскаго вопроса англійскою политикой съ весьма опредѣленною и ясно сознаваемою цѣлію, и цѣль эта была достигнута самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Благодаря этому фальшивому вопросу, Англійское правительство совершенно измѣнило политическое положеніе Европы. Болѣе полнаго успѣха нельзя было ожидать, потому что требовалось не разрѣшать польскій вопросъ, а только разобщить Францію и Россію, и оградить отъ обѣихъ державъ Востокъ, съ которымъ для Англіи соединяется столько существенныхъ интересовъ. Игра была ведена какъ нельзя удачнѣе, и обнаружила тѣ могущественные способы политической агитаціи которыми располагаетъ эта страна. Гордясь своею свободой, Англія съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ гордиться и своею дисциплиной: политическая свобода и политическая дисциплина—въ сущности одно и тоже. Политическія движенія развиваются въ Англіи не случайно, а въ связи съ общею политикой страны и всегда организуются соотвѣтственно ея видамъ. Во главѣ этихъ движеній становятся тамъ не какіе-либо бродячіе элементы, случайные демагоги, создаваемые минутой, отвлеченныя головы, теоретики или фантазеры, журнальные крикуны или адвокаты; во главѣ всѣхъ политическихъ движеній находятся тамъ земскіе классы, представляющіе собою коренныя силы страны, постоянно управляющія всѣми ея интересами и солидарныя въ нихъ между собою. Нельзя сказать чтобы всѣ эти политическія демонстраціи, которыя дѣлаются въ Англіи, и которыя такъ эффектно разыгрывались въ прошломъ году по поводу польскаго вопроса и въ нынѣшнемъ въ честь Гарибальди, были комедіей, всеобщимъ заговоромъ. Нѣтъ, тысячи и сотни тысячъ людей въ этихъ политическихъ движеніяхъ и демонстраціяхъ принимали

самое живое и искреннее участіе, каждый соотвѣтственно своимъ мнѣніямъ и интересамъ; но всякое подобное движеніе въ Англіи непремѣнно организуется интеллигенціей страны, направляется, усиливается или погашается ею, соотвѣтственно общимъ политическимъ видамъ страны. Что въ другихъ странахъ предоставляется обыкновенно на волю случая или подчиняется мертвой формалистикѣ административныхъ предписаній и бюрократическихъ инструкцій, то здѣсь, благодаря общественной организаціи, есть дѣло политики, преемственной, постоянной, воспитанной преданіемъ, принадлежащей цѣлому обществу, руководимой его вліятельными классами. Потому-то заявленія общественнаго мнѣнія въ Англіи производятъ такое могущественное дѣйствіе на весь политическій міръ, и отзываются въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ его.

Исходъ польскаго дѣла можно было предвидѣть съ самаго начала. Грустно что оно было виною столькихъ бѣдствій и напраснаго кровопролитія. Но Поляки должны возлагать отвѣтственность за эту кровь, за эти бѣдствія на самихъ себя, или, лучше сказать, они должны винить тѣ обстоятельства и условія которыми поддерживается ихъ фальшивое положеніе, потому что люди не всегда могутъ сами собою отказаться отъ того что поддерживается въ нихъ всѣми условіями ихъ жизни, что связано со всѣми ихъ помыслами и чувствами. Надобно убѣдиться, что польское дѣло, какія бы симпатіи ни привлекало оно къ себѣ, какую бы оно ни обнаруживало энергію, не есть дѣло народности, которая добивается своего возстановленія. Польская народность есть болѣе воспоминаніе или фантазія нежели дѣйствительность. Польскій народъ исчезъ изъ исторіи, и скудные остатки его представляютъ собою лишь выраженіе разрушеннаго національнаго единства. Польское дѣло есть дѣло общественнаго класса, который принялъ фальшивое, неорганическое развитіе. Тайна польскаго дѣла, вся сущность его заключается въ стремленіи этой оторвавшейся отъ своего народа и убившей его касты возстановить свое утраченное, свое невозможное значеніе, подъ видомъ возстановленія національности. Польское дѣло свидѣтельствуетъ, съ одной стороны,

что каста никогда не можетъ замѣнить собою народъ; но съ другой стороны, оно также свидѣтельствуетъ, какою сплою, какою живучестію могутъ обладать общественные классы пользовавшіеся нѣкогда свободою и политическимъ значеніемъ, обладать даже тогда когда они утратили свою народную почву. Инстинкты политической свободы или власти, которые сохранились въ польскихъ панахъ, фальшиво принимаются ими за энергію національнаго чувства, котораго въ нихъ нѣтъ и быть не можетъ, потому что они въ своей исторіи не запомнятъ ни одного момента полной національной жизни. Эти паны нашего западнаго края, окруженные народонаселеніемъ не польскимъ и сами большею частію Русскіе по происхожденію, лишь въ недавнее время ставшіе Поляками и католиками, ошибаются въ чувствахъ своего польскаго патріотизма: вся сила того чувства которое ихъ одушевляетъ и которому они приносятъ столько жертвъ заключается главнымъ образомъ въ инстинктахъ политической свободы и политическихъ правъ, которыми польскіе паны не умѣли пользоваться въ своемъ прошедшемъ, и которымъ даютъ фальшивое значеніе въ настоящемъ.

V.

7-го мая.

Въ историческомъ развитіи народовъ бываетъ пора, когда жизнь во всѣхъ своихъ отправленіяхъ подчиняется государственной необходимости, когда общественныя силы не могутъ самопроизвольно дѣйствовать, когда никакое народное начало не можетъ само по себѣ имѣть значенія, и когда за все отвѣчаетъ безразличная, по существу своему, правительственная сила. Бываетъ ли такое состояніе послѣдствіемъ внутренней или внѣшней необходимости, оно во всякомъ случаѣ имѣетъ свой характеръ, свои условія, свои обязанности. Коль скоро государство пріостанавливаетъ самодѣятельность народной жизни, то оно беретъ на себя также и всю отвѣтственность за сохранность

ея достоянія. Государство можетъ быть могущественно, а народная жизнь можетъ быть скудна и темна, общественныя силы могутъ быть бездѣйственны и безплодны. Государственное могущество не можетъ замѣнить собою производительное развитіе народныхъ силъ, общественную и личную энергію въ разныхъ сферахъ человѣческой жизни и дѣятельности; но пока длится государственная дѣятельность, пока не оказывается возможнымъ, удобнымъ или своевременнымъ предоставить жизненнымъ силамъ свободу дѣйствовать самостоятельно и охранять себя свойственными каждой способами, то оно должно не ослабѣвать въ тѣхъ способахъ которые ему свойственны. Если жизнь въ своихъ основныхъ силахъ почему-либо не имѣетъ самостоятельнаго развитія, то государство тѣмъ ревностнѣе должно охранять ее своими средствами. Либерализмъ при такихъ условіяхъ былъ бы весьма жалкимъ и пагубнымъ заблужденіемъ. Либерализмъ при такихъ условіяхъ былъ бы выраженіемъ не силы народной жизни, а безсиліемъ государства.

Либерализмъ вошелъ у насъ въ моду. Никто не осмѣлится сказать у насъ слова безъ либеральной приправы, всякій старается оправдать свои фантазіи либеральными цѣлями. Увы! какъ далеко отъ этого моднаго либерализма, размѣняннаго на мелкую монету, истинное чувство свободы, творящей чудеса, оплодотворяющей жизнь, дающей народу богатство, образованіе, физіономію, и сообщающей ему нравственное вліяніе на всемірную цивилизацію! Правда, мы можемъ утѣшать себя тѣмъ что фальшивый либерализмъ не у насъ однихъ въ модѣ, что пышныя либеральныя фразы безъ истиннаго смысла свободы раздаются повсюду; однако нельзя не сознаться, что нигдѣ не могутъ онѣ вести къ такимъ прискорбнымъ недоразумѣніямъ какъ у насъ.

Жизнь есть борьба; въ ней есть и положительныя, и отрицательныя силы; въ ней совершаются и созиданія, и разрушенія. Но хорошъ ли тотъ либерализмъ который захотѣлъ бы предоставить свободу силамъ отрицанія и разрушенія на счетъ силъ положительныхъ и созидающихъ? Хорошъ ли тотъ либерализмъ который захотѣлъ бы предоставить свободу, помимо

собственныхъ силъ народа, началамъ чуждымъ и враждебнымъ ему? Мы слышимъ и рядомъ слышимъ, какъ подъ свободною мыслію и свободнымъ дѣйствіемъ разумѣется мысль и дѣйствіе отрицательнаго свойства. Печальный и пагубный софизмъ! Безъ сомнѣнія, гдѣ жизнь, тамъ и отрицательныя начала, враждующія противъ нея. Но можно ли допустить, можно ли здравомысленно пожелать, чтобы жизнь въ своихъ органическихъ силахъ оставалась связанною, а воля была предоставлена только тому что ее разрушаетъ и разлагаетъ, и чтобъ она была беззащитно предана дѣйствію этихъ разлагающихъ началъ, и чтобы въ этомъ поставлялась ея свобода? Фальшивый либерализмъ будетъ требовать самоуправленія для дѣтей, которыя, по естественнымъ условіямъ своего возраста, непремѣнно должны находиться подъ опекой; но онъ не поймет что люди взрослые могутъ достойно дѣйствовать въ соотвѣтствующихъ возрасту ихъ сферахъ лишь по мѣрѣ своей самостоятельности и самоотвѣтственности. Фальшивый либерализмъ обойдется съ сѣдовласымъ учителемъ какъ съ мальчишкой, а предъ мальчишкой сконфузится какъ предъ мудрецомъ и передовымъ человѣкомъ. Фальшивый либерализмъ не поймет что право собственности должно быть обезпечено, что оно должно быть уважено, что ему должно быть предоставлено значеніе и вліяніе, и захочетъ напротивъ предоставитъ и силу, и значеніе тому что подрываетъ и нарушаетъ это основное право. Онъ окажется равнодушнымъ къ интересамъ честныхъ и мирныхъ людей, къ обезпеченію ихъ отъ обиды и насилія, къ огражденію ихъ чести и жизни; но онъ будетъ сентиментально умиляться предъ грабителемъ и душегубомъ, онъ будетъ заботиться объ ихъ эмансипаціи, и желать чтобы преступникъ былъ обезпеченъ, если не отъ преслѣдованія, то отъ должной кары правосудія.

Пока наши общественныя силы бездѣйствуютъ, пока въ дѣйствіи одна правительственная организація, можно ли желать чтобъ она ослабѣвала въ охраненіи народнаго достоянія, такъ тяжко собраннаго трудомъ нашей исторіи? Въ составъ Русскаго государства входятъ многія разноплеменныя народности.

Нельзя требовать чтобы правительство свойственными ему способами сливало эти чуждыя начала съ господствующею народностію. Подобныя сліянія можетъ успѣшно совершать только жизнь, при свободномъ и полномъ развитіи своихъ интересовъ. Но, съ другой стороны, можетъ ли государство не признавать себя органомъ господствующей народности, и не держать высоко ея знамени надъ всѣми иноплеменными элементами живущими подъ его державой? Можетъ ли въ какой-либо части Русскаго государства какая бы то ни была иноплеменная народность, или даже какой-нибудь общественный классъ, принадлежащій къ чужой народности, домогаться не только терпимости къ себѣ, но и заботиться о господствѣ и о расширеніи своего господства, о покореніи себѣ другихъ племенъ и народностей, и можетъ ли ему быть предоставлено право считать свою провинцію особымъ государствомъ въ государствѣ?

Мы не можемъ не признать что столь долго господствовавшая у насъ правительственная система значительно смягчилась. Должны ли мы радоваться этому или желать возвращенія прежняго обаянія государственной силы, которое отечество наше имѣло какъ въ глазахъ иностранцевъ, такъ и въ нашемъ собственномъ мнѣніи? Возвращеніе къ прежнему, еслибы даже и было хоть сколько-нибудь желательно, не всегда бываетъ возможно. Но если мы не можемъ или не хотимъ дѣйствовать одними отрицательными средствами для огражденія нашей церкви, правъ нашей народности, нашего политическаго значенія, если наконецъ мы сознаемъ тщету одной внѣшней силы для подавленія опасныхъ и вредныхъ началъ, если мы начинаемъ сознавать цѣну свободы и хотимъ дѣйствовать либеральными средствами, то не слѣдуетъ ли прежде всего пожелать чтобы господствующая народность вступила въ обладаніе всѣми своими силами, и чтобы смягченіе правительственнаго дѣйствія имѣло своимъ послѣдствіемъ прежде всего пробужденіе нашихъ народныхъ силъ?

VI.

8-го мая.

Совершеніе предположенной судебной реформы было бы, безъ сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій нашего благоустройства. Реформа задумана на самыхъ широкихъ основаніяхъ и окружена многими благопріятными обстоятельствами. Законодатель имѣетъ предъ собою богатство историческаго опыта всѣхъ цивилизованныхъ народовъ; сила и значеніе каждаго начала судоустройства и судопроизводства раскрываются предъ нимъ не въ теоретическихъ построеніяхъ, а въ дѣйствительныхъ примѣрахъ, въ разнообразныхъ фактахъ которые представляютъ богатый матеріалъ для наблюденій и соображеній. Пользуясь опытомъ всѣхъ историческихъ народовъ, наше законодательство можетъ провѣрять на дѣлѣ силу каждаго начала и слѣдить за его дѣйствіями при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Такого рода изученіе болѣе или менѣе обезпечиваетъ органическое примѣненіе реформы къ дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ страны. Понятія выработанныя такимъ путемъ находятъ прямой и вѣрный путь къ жизни и могутъ обезпечивать успѣхъ преобразованія. А все же очень трудная задача для законодателя—примѣненіе реформы къ дѣйствительнымъ условіямъ среды для которой она предназначается. Отдѣльныя части, которыхъ касаются преобразованія, никогда не являются отдѣльными въ дѣйствительномъ быту. Всѣ части народнаго быта неразрывно между собою связаны, и истинный успѣхъ какой бы то ни было части его зависитъ отъ большаго или меньшаго согласія съ разнообразными условіями, часто не находящимися съ нею въ непосредственной связи, но тѣмъ не менѣе дѣйствующими въ томъ же быту. Что въ сферѣ понятій совершенно разнородно между собою, то жизнь соединяетъ иногда въ органическую связь сочетаніями неожиданными и плодотворными.

При введеніи новой системы суда одна изъ главнѣйшихъ задачъ состоитъ въ томъ чтобы согласить эту часть съ

другими соприкосновенными частями: напримѣръ съ земскими учрежденіями, съ разными административными вѣдомствами, съ полиціей. Высочайше утвержденныя основанія судебной реформы не могли имѣть въ виду, а тѣмъ менѣе могли вполнѣ исчерпать подобное соглашеніе; въ нихъ намѣчены только главныя черты, обозначены сущность и духъ предпринимаемой реформы. Дальнѣйшая задача законодательства должна состоять въ развитіи этихъ основаній, въ полной и окончательной разработкѣ положенія долженствующаго вступить въ жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ соглашеніи нѣкоторыхъ существенныхъ элементовъ его съ другими частями, которыя будутъ находиться въ разнообразныхъ соприкосновеніяхъ съ судебною частію. Это совершенно новая задача, которая, повторимъ, не входила и не могла входить въ первоначальное начертаніе основной реформы. Въ этомъ первоначальномъ начертаніи невозможно было предопредѣлять отношенія судебныхъ мѣстъ и лицъ къ другимъ вѣдомствамъ, равно какъ и многія другія обстоятельства, которыя могутъ быть изучены и оцѣнены надлежащимъ образомъ лишь при окончательной разработкѣ проекта. Первоначальное начертаніе имѣетъ совершенно общій характеръ и не регламентируетъ дальнѣйшаго законодательнаго развитія, которое должно оставаться вѣрнымъ духу основаній и намѣреніямъ въ нихъ выраженнымъ, но не должно рабски держаться ихъ буквы, не должно приносить ей въ жертву живую дѣйствительность, пренебрегая изъ одного формализма новыми или вновь обнаруживающимися потребностями быта. Въ противномъ случаѣ не было бы надобности совершать двѣ отдѣльныя стадіи, и первоначальное начертаніе основаній было бы въ сущности и окончательною разработкой проекта закона.

Особенно важное значеніе въ новомъ судебномъ порядкѣ будутъ имѣть мировые судьи. Мировая юстиція и начало и корень новаго судоустройства. Она будетъ вѣдать весь нашъ народный бытъ, и на ея широкомъ основаніи должно выситься новое зданіе всей судебной системы. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мировая юстиція, по самой сущности своей и по своему положенію, должна служить связующимъ звеномъ между судебною

частью и всѣми другими частями. Мировая юстиція должна стать живымъ органомъ нашего новаго свободнаго земства; она должна стать лучшимъ правомъ поземельной собственности, она должна дать новое благотворное значеніе нашимъ земле-владѣльческимъ классамъ, если только Богу будетъ угодно благословить эти начатки. Съ другой стороны, имѣя въ своемъ завѣдываніи ежедневные мелкіе случаи жизни, мировые судьи не могутъ, по самому характеру своего служенія, успѣшно вести свою судебную практику въ разобщеніи со всѣмъ остальнымъ, какъ судебная палата. Судебные интересы по необходимости связаны на практикѣ со всѣми другими земскими интересами. Если дѣятельность мировыхъ судей не можетъ быть вполнѣ удовлетворительна въ искусственномъ разобщеніи съ прочими земскими дѣлами, съ другой стороны было бы крайне расточительно, совершенно не соотвѣтственно съ нашими средствами и противно интересамъ земскаго дѣла не воспользоваться новыми дѣятелями для всѣхъ соприкосновенныхъ съ ихъ практикой общественныхъ интересовъ, которые всего лучше могутъ преуспѣвать въ ихъ рукахъ, и которые едвали и найдутъ себѣ другія руки въ цѣломъ земствѣ. Не обращая вниманія на совокупность элементовъ составляющихъ дѣйствительный бытъ и на органическую связь его потребностей, слѣдя за каждою частью отвлеченно и порознь, можно настроить много учрежденій на воздухѣ, которымъ на дѣйствительной почвѣ пришлось бы отбивать другъ у друга мѣсто. Природа—великая учительница наша; она изъ немногаго дѣлаетъ многое, и удивляетъ насъ простотою своихъ способовъ Только то и въ людскомъ быту выходитъ зрѣлымъ и прочнымъ, что̀ отличается этимъ характеромъ. Будемъ надѣяться что практика сблизитъ и можетъ-быть сольетъ земскія управы съ мировыми съѣздами, которымъ по преимуществу можно прочить будущность и широкое развитіе. Теперь, однако, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о другомъ тоже весьма существенномъ для быта соприкосновеніи мировой юстиціи,—именно о ея соприкосновеніи съ полиціей.

Въ нашей журналистикѣ случалось намъ встрѣчать забавно-брѣзгливые отзывы о полицейскихъ обязанностяхъ. При нашей

крайней неопытности въ дѣлѣ самоуправленія, намъ кажется что вмѣшиваться въ полицейскія обязанности не джентльменское дѣло, и что будто бы полиція вовсе и входить не должна въ систему самоуправленія. Полицейскія обязанности, съ которыми связаны всѣ интересы общественнаго быта, напротивъ, должны составлять одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ самоуправленія; безъ нихъ самоуправленіе не можетъ имѣть никакого смысла, никакой силы, никакой дѣйствительности, и превращается въ фантазію для пріятнаго препровожденія времени. Отбрасывать эти обязанности, какъ что-то недостойное, предоставлять эту часть первому встрѣчному, отдавать ее въ исключительное завѣдываніе чуждымъ земству людямъ, значитъ отказываться отъ самоуправленія и оставаться въ зависимости. Всякій кто способенъ быть органомъ самоуправленія долженъ нести на себѣ долю этихъ столь важныхъ для общества обязанностей. Мировой судья только тогда и будетъ удовлетворять своему назначенію, когда онъ вмѣстѣ со своими чисто-судейскими обязанностями будетъ соединять завѣдываніе полицейскою частію.

И дѣйствительно есть мысль подчинить мировому судьѣ, въ сферѣ его дѣятельности, полицейскую часть. Мы не можемъ не порадоваться этой мысли, не можемъ не привѣтствовать ее какъ истинно государственную плодотворную мысль, совершенно согласную съ назначеніемъ мироваго института и тѣмъ развитіемъ которое онъ долженъ принять чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой. Въ Основныхъ Положеніяхъ, правда, не упоминается о правѣ мировыхъ судей на разборъ первоначальныхъ обвиненій по уголовнымъ преступленіямъ. Но если тѣмъ которые пострадали отъ преступленія, или напали на слѣды преступленія, или несправедливо въ преступленіи заподозрѣны, придется выбирать одно изъ двухъ,—обратиться либо къ полиціи, которая близко, либо къ судебнымъ слѣдователямъ и прокурорамъ, которые далеко,—то за становыми приставами непремѣнно останется страшная, опасная для общества власть—подвести подъ уголовное слѣдствіе или отъ него избавить, сохранить слѣды преступленія или дозволить виновному скрыть

ихъ, дать ходъ уголовному обвиненію или заранѣе уничтожить его силу. Право арестовать по подозрѣнію есть обширное и безотчетное право; оно обширнѣе обыкновенной судейской власти; ибо распространяется не на арестантовъ, судимыхъ въ преступленіи, а на всѣхъ и каждаго; оно безотчетнѣе власти присяжныхъ, ибо если нельзя опредѣлить правилъ для признанія человѣка виновнымъ, то еще невозможнѣе опредѣлить ихъ для подозрѣнія. Но съ другой стороны отсрочка ареста можетъ испортить все дѣло правосудія, а вовремя арестовать мировому судьѣ удобнѣе чѣмъ даже становому приставу. Мы полагаемъ что тогда только аресты могутъ производиться у насъ правильно, когда право ареста будетъ дано мировому судьѣ. Порядокъ обезпечивающій дѣйствительность суда и судейскаго покровительства правамъ каждаго заключается въ томъ чтобы подозрительныя лица приводились предъ самостоятельныхъ мѣстныхъ представителей судебной власти, предъ ними обвинялись, и только по ихъ рѣшенію могли быть подвергнуты аресту или отданы на поруки или избавлены отъ дальнѣйшаго уголовнаго преслѣдованія. Намъ кажется что если то вѣдомство которое имѣетъ высшій въ Имперіи надзоръ за полиціей находитъ возможнымъ поставить ее въ положеніе необходимое для дѣйствительности суда и судебной реформы, то съ точки зрѣнія судебнаго и другихъ вѣдомствъ не можетъ быть никакого затрудненія при допущеніи столь важнаго улучшенія, совершенно согласнаго съ цѣлью Основныхъ Положеній и составляющаго непремѣнное условіе того чтобы могло сдѣлаться дѣйствительнымъ ихъ примѣненіе.

Къ общимъ соображеніямъ, которыя говорятъ въ пользу подчиненія мѣстной полиціи контролю мировыхъ судей, присоединяются въ настоящую минуту еще другія временныя, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важныя побужденія желать упомянутаго нами улучшенія судебной реформы. Одно изъ самыхъ серіозныхъ, самаго заботливаго вниманія заслуживающихъ явленій нашей сельской жизни безспорно составляетъ теперь значительное размноженіе случаевъ воровства и грабежа. Много причинъ соединилось чтобы вызвать это явленіе: отмѣна крѣпо-

стнаго права, разомъ освободившая изъ-подъ строгой опеки слишкомъ 20 милліоновъ людей, отмѣна откупа, отозвавшаяся усиленіемъ пьянства, и что здѣсь особенно важно, размноженіемъ питейныхъ домовъ; наконецъ отмѣна тѣлеснаго наказанія для уголовныхъ преступниковъ, избавившая испорченныхъ людей отъ того что ихъ всего болѣе устрашало въ уголовномъ наказаніи. Польза этихъ трехъ мѣръ несомнѣнна, но было бы крайне ошибочно упускать изъ виду, что чѣмъ болѣе ограничивается произволъ и жестокость, и чѣмъ менѣе употребляются они какъ средство къ поддержанію порядка, тѣмъ сильнѣе долженъ дѣйствовать законъ. Эта усиленная дѣятельность закона должна оказать себя какъ можно скорѣе въ нашихъ селахъ: иначе зло успѣетъ пустить корни, и послѣ того съ нимъ будетъ очень трудно бороться. Неурядица сельскаго быта, мы въ томъ увѣрены, заставитъ ускорить введеніе судебной реформы, по крайней мѣрѣ введеніе мироваго суда, и въ то же время принудитъ дать мировому суду то значеніе, тотъ кругъ дѣятельности и ту обстановку, которыя необходимы для огражденія земскаго мира. Нельзя не пожелать чтобы законодательство предупредило проявленіе суровой силы обстоятельствъ заранѣе соединивъ въ мировомъ судѣ всѣ условія и средства энергически противодѣйствовать соціальному злу, теперь болѣе и болѣе развивающемуся.

VII.

12-го мая.

Усмотрѣть недостатокъ существующаго порядка, конечно, гораздо легче нежели установить новый болѣе соотвѣтствующій идеямъ и потребностямъ времени. Этотъ общій законъ имѣетъ у насъ еще особенную силу, потому что идеи у насъ по большей части сознаются смутно, а потребности имѣютъ мало правильныхъ путей чтобы заявлять себя. Видя недостатки существующаго порядка, мы не только недоумѣваемъ какъ установить лучшее, но даже не увѣрены что должно быть за лучшее

признано. Эти затрудненія отражаются во многихъ проектахъ послѣдняго времени; они оказываются и въ трудахъ коммиссіи для преобразованія рекрутскаго устава. Есть вопросы предъ которыми коммиссія останавливается; а между тѣмъ въ нихъ-то, по ея собственному убѣжденію, и главная сила.

Военная повинность, какъ система, имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что уравнительная раскладка ея очень затруднительна. Коммиссія, въ виду современныхъ требованій, считала самою важною задачей своею уменьшить и ослабить неуравнительность раскладки. Она говоритъ: «первымъ необходи«мымъ условіемъ для того должно быть, чтобы военною повин«ностью были одинаково обязаны всѣ подданные государства, «къ какому бы званію, состоянію и къ какой бы мѣстности «они ни принадлежали». И вотъ задача, которую коммиссія считаетъ главною, выражается такимъ образомъ: «разсмотрѣніе «допущенныхъ у насъ изъятій отъ рекрутской повинности по «сословіямъ, мѣстностямъ, семейному положенію и прочимъ слу«чаямъ, и принятіе изъ нихъ только тѣхъ которыя справед«ливы или не могутъ быть отмѣнены въ настоящее время по «другимъ какимъ-либо уважительнымъ причинамъ».

Вопросъ этотъ былъ разработанъ коммиссіей преимущественно на основаніи свѣдѣній собиравшихся съ 1847 года, когда состоялось Высочайшее повелѣніе о представленіи министрами соображеній относительно привлеченія къ рекрутской повинности лицъ отъ оной изъятыхъ. Собираніе свѣдѣній продолжалось отъ 1847 до 1852 года; потомъ Восточная война остановила дѣло, а въ 1861 году министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ министрами Военнымъ и Государственныхъ Имуществъ, полагалъ оставить дѣло безъ послѣдствій. Вотъ причины которыми мотивировалось это рѣшеніе: неполнота собранныхъ свѣдѣній, по которымъ оказалось всего 700.000 душъ изъятыхъ отъ повинности; при наборѣ по 5 съ 1.000 поступило бы только 3.500,— цифра весьма незначительная въ сравненіи съ ежегодною потребностію арміи, цифра, которая не въ состояніи облегчить сословія обязанныя повинностію; а между тѣмъ привлеченіе этого числа потребовало бы нарушенія давнихъ привилегій.

Въ такомъ положеніи было дѣло объ изъятіяхъ, когда оно поступило на обсужденіе коммиссіи. Тутъ при болѣе подробномъ пересмотрѣ, число изъятій оказалось значительно больше, но не могло быть опредѣлено точнымъ образомъ. Изъ всего мужскаго населенія въ Европейской Россіи (за исключеніемъ Царства Польскаго и Финляндіи), доходящаго, по 10-й ревизіи, до 29.654.202 человѣкъ, отправляютъ рекрутскую повинность 23.588.121 чел., по свѣдѣніямъ Военнаго Министерства, и 24.285.807, по свѣдѣніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Затѣмъ остается изъятыхъ отъ рекрутства—6.066.081 чел., или 5.368.375 чел., смотря по тому какихъ свѣдѣній будемъ держаться. Слѣдовательно, по выводу коммиссіи, «тягость рекрутской повинности разлагается только на четыре пятыхъ населенія; одна пятая, или 20%, вовсе не несетъ этой тяжелой повинности».

Устранить такую неравномѣрность, вотъ та цѣль которую предположила себѣ коммиссія. Но при первомъ шагѣ въ этомъ направленіи она стала лицомъ къ лицу съ сословными привилегіями.

Дѣло въ томъ, что значительная масса изъятій отъ рекрутской повинности падаетъ на сословную организацію. По существующимъ узаконеніямъ о состояніяхъ, свободны отъ повинности 969.350 лицъ. Эта цифра разлагается по сословіямъ слѣдующимъ образомъ:

Сословія.	Численность.
1. Дворянъ потомственныхъ и личныхъ	437.326
2. Купцы бывшихъ трехъ, а теперь двухъ гильдій	219.935
3. Почетные граждане.....	9.074
4. Духовенство	303.015
Итого.	969.350

Въ томъ числѣ православнаго исповѣданія священно-и церковно-служителей 125.467; дѣтей ихъ 156.034.

На чемъ основаны эти изъятія? Труды коммиссіи заключаютъ въ себѣ достаточно полную исторію ихъ. Изъятіе отъ повинности, дарованное сословіямъ верховною властію, есть въ Россіи одно изъ существенныхъ политическихъ правъ. Должны ли

быть сохранены эти привилегіи, данныя «на вѣчныя времена»? Коммиссія не вошла въ разсмотрѣніе разныхъ способовъ отмѣны привилегій, напримѣръ посредствомъ роспространенія привилегіи на непривилегированныхъ или посредствомъ вознагражденія правами полезными для государства за отмѣняемую вредную привилегію. Коммиссія того мнѣнія, что правительство должно считать себя свободнымъ относительно всякаго рода привилегій, ибо «еслибы на разнаго рода привилегіи, со времени образованія гражданскихъ обществъ, смотрѣть какъ на незыблемое «право, то законодательство не могло бы двигаться впередъ, и «не рушилось бы крѣпостное право, бывшее нѣкогда господствующимъ».

Впрочемъ, коммиссія нашла недостаточнымъ свое положеніе, что несправедливая привилегія не должна считаться «незыблемымъ правомъ», она сочла еще необходимымъ обратиться къ толкованію смысла и текста тѣхъ узаконеній которыми различныя сословія избавлены отъ рекрутской повинности.

Въ Сводѣ Законовъ выражено, что дворянскому сословію дарована *навсегда* свобода вступать въ общую службу государственную безъ принужденія къ ней, развѣ бы встрѣтилась особенная надобность. Дворянамъ дозволено также вступать и въ иностранную службу союзныхъ европейскихъ государствъ; но всякій дворянинъ обязанъ, по первому призыву самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самой жизни для службы государственной. Дворяне изъемлются отъ личной рекрутской повинности.

Первыя постановленія основаны на грамотахъ 18-го февраля 1762 и 21 апрѣля 1785; изъятіе же личное отъ рекрутской повинности основано на высочайше утвержденномъ 29 мая 1814 мнѣніи Государственнаго Совѣта. Грамота Петра III о вольности и свободѣ россійскому дворянству, въ отношеніи къ службѣ дворянъ, содержитъ въ себѣ слѣдующіе пункты:

Пунктъ 1-й. Всѣ находящіеся въ разныхъ службахъ дворяне могутъ оную продолжать сколь долго пожелаютъ и ихъ состояніе имъ дозволитъ; состоящіе въ военной службѣ могутъ просить увольненія или отставки и ожидать резолюціи.

Пунктъ 6-й. Какъ уже никто изъ дворянъ неволею службу продолжать не будетъ, *развѣ особливая надобность востребуетъ*, но то не инаково, какъ за

подписаніемъ нашей собственной руки именнымъ указомъ повелѣно будетъ, напротивъ того, въ Петербургѣ и Москвѣ опредѣлено еще указомъ Петра I имѣть по нѣскольку чиновъ изъ отставныхъ дворянъ при Сенатѣ и онаго конторѣ, для случающихся надобностей, то повелѣваемъ отнынѣ впредь навсегда съ перемѣною быть при Сенатѣ по 30, а при конторѣ онаго по 20, для чего по пропорціи живущихъ въ губерніи, не въ службѣ находящихся дворянъ, нарядъ чинить, не назначая никого поименно, но самимъ дворянамъ въ губерніяхъ и провинціяхъ между собою выборы чинить.

Далѣе, есть еще въ грамотѣ императора Петра III пунктъ 7, въ которомъ опредѣлено, чтобы дворяне, за коими не болѣе 1000 душъ, подъ тяжкимъ государевымъ гнѣвомъ, объявляли дѣтей своихъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ они будутъ обучаемы «всему, что́ къ знанію дворянства принадлежитъ».

Таковы постановленія грамоты 18 февраля 1762 года. Грамотой императрицы Екатерины II, обнародованною 21-го апрѣля 1785 года, въ служебныхъ отношеніяхъ дворянства къ правительству подтверждались только прежнія вольности «на вѣчныя времена въ потомственные роды». Въ разбираемомъ вопросѣ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій пунктъ:

Пунктъ 20-й. Но какъ дворянское достоинство пріобрѣтается службою и трудами Имперіи и престолу полезными, и существенное состояніе дворянства зависимо есть отъ безопасности отечества и престола, и для того во всякое таковое россійскому самодержавію нужное время, *когда служба дворянства общему добру нужна и надобна*, тогда всякій дворянинъ обязанъ, по первому позыву отъ самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самого живота, для службы государственной.

Но въ манифестѣ императора Александра I, отъ 2-го апрѣля 1801 года, сказано слѣдующее:

Удостовѣрены въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ дворянства. Мы первою обязанностію себѣ признали симъ торжественно утвердить ихъ, возстановить и удостовѣрить, утверждая, возстановляя и императорскимъ словомъ Нашимъ за Насъ и наслѣдниковъ Нашихъ удостовѣряя всѣ права и преимущества, въ грамотѣ дворянства содержащіяся, и напротивъ, отмѣняя, уничтожая и отлагая все, что̀ противно оной, или въ ослабленіи ея силы по стеченію обстоятельствъ и времени допущено или постановлено было, повелѣваемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ признавать и почитать сіе Наше постановленіе кореннымъ и непрелагаемымъ закономъ Имперіи.

Разсматривая эти постановленія, коммиссія пришла къ убѣжденію, что грамотой Петра III отмѣнялась древняя поголовная служба дворянства, и отмѣнялась собственно «какъ мѣра въ

которой правительство не встрѣчало болѣе надобности». Кромѣ того, *требованіе* грамоты объ объявленіи дѣтей въ шляхетскомъ корпусѣ, по мнѣнію коммиссіи, указываетъ «на прежній порядокъ, въ измѣненномъ только видѣ». Въ грамотѣ Екатерины II вниманіе коммиссіи остановилось преимущественно на подчеркнутой строкѣ, что всякій дворянинъ обязанъ нести службу во всякое время, когда служба дворянства общему добру нужна. «Такимъ образомъ», замѣчаетъ коммиссія, «правитель-«ство никогда не отказывалось отъ права призывать дворянство «на службу, когда надобность того потребуетъ». Вопросъ сталобыть только въ томъ, наступила ли эта надобность?

Коммиссія находитъ, что привлеченіе на военную службу купечества, почетныхъ гражданъ и лицъ духовнаго званія далеко не принесло бы той пользы, какую принесла бы служба дворянъ въ рядахъ войскъ наравнѣ со всѣми другими. Признавая такимъ образомъ, что надобность въ обязательной военной службѣ дворянъ наступила, коммиссія задаетъ себѣ другой вопросъ: наступила ли возможность? На это коммиссія отвѣчаетъ словами *«едва ли»*. Это отрицаніе основано на томъ, что въ войскахъ есть много порочныхъ людей, что срокъ службы еще продолжителенъ, что не уничтожены въ войскахъ тѣлесныя наказанія, и потому солдатская служба не можетъ еще считаться почетною. «Ясно, что все это должно измѣниться прежде «чѣмъ дворянство будетъ привлечено къ *личному* отправленію «военной повинности».

Купцы, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, не подлежатъ ни натуральной, ни денежной рекрутской повинности до тѣхъ поръ пока состоятъ въ купеческомъ сословіи. Въ 1776 году они были освобождены отъ натуральной, въ 1807 году и отъ денежной повинности. Одною изъ статей особаго манифеста, внесеннаго въ число коренныхъ государственныхъ уставовъ, было объявлено: «Рекрутскую денежную повинность въ ознаменованіе нашего благоволенія къ достоинству купеческаго сословія, всемилостивѣйше снимаемъ со всѣхъ трехъ гильдій на вѣчныя времена».

Высочайше утвержденное 1-го января 1864 года положеніе о пошлинахъ удержало во всей полнотѣ прежнюю привилегію. Но, замѣчаетъ коммиссія, въ указѣ Сенату, при которомъ распубликовано новое положеніе, сказано: «привесть оное въ исполненіе съ 1-го іюля 1863 года, *впредь до общаго пересмотра уставовъ торговыхъ и другихъ, относящихся сюда, узаконеній*». Слѣдовательно, заключаетъ коммиссія, на новое положеніе слѣдуетъ смотрѣть какъ на временное, могущее измѣниться. И дѣйствительно, мнѣніе коммиссіи направлено къ тому, чтобы произведены были нѣкоторыя перемѣны въ новомъ положеніи, и чтобы купцы были привлечены къ отправленію военной повинности. Въ подкрѣпленіе приводится то, что въ 1847 году значительная часть губернаторовъ была въ пользу такого рѣшенія.

Почетное гражданство также пользуется свободою отъ рекрутской повинности. Учрежденіе этого сословія относится къ 1832 году. Освобожденіе его отъ рекрутской повинности коммиссія считаетъ однимъ изъ самыхъ несправедливыхъ преимуществъ, особенно въ отношеніи къ потомственнымъ гражданамъ, и ходатайствуетъ даже объ отдѣленіи этого вопроса отъ общаго, и объ отмѣнѣ теперь же потомственнаго увольненія почетныхъ гражданъ отъ рекрутской повинности на будущее время. Личныхъ почетныхъ гражданъ коммиссія дѣлитъ на двѣ категоріи: за кончившимъ курсъ въ университетахъ, Академіи Художествъ, Технологическомъ Институтѣ и другихъ *высшихъ* учебныхъ заведеніяхъ коммиссія полагаетъ полезнымъ сохранить увольненіе отъ личной повинности; воспитанниковъ остальныхъ учебныхъ заведеній, артистовъ Императорскихъ театровъ, зайсанговъ, служащихъ въ Американской компаніи и жителей городовъ Анапы, Новороссійска и Сухума, коммиссія предлагаетъ подчинить рекрутской повинности, несмотря на то что въ войскахъ есть много порочныхъ людей, что срокъ службы еще продолжителенъ, и что солдатская служба не можетъ еще назваться почетною.

Эти предположенія коммиссіи относятся и до почетныхъ гражданъ западныхъ губерній.

Духовенство православное и римское, какъ бѣлое, такъ и монашествующее, а также и протестантское, по дѣйствующимъ законамъ, освобождены отъ рекрутской повинности. Къ бѣлому православному духовенству отнесены, между прочимъ, протодіаконы, діаконы, иподіаконы и причетники. Дѣти лицъ бѣлаго духовенства причисляются по родителямъ своимъ къ духовному вѣдомству, не подлежа обязанности избирать другой родъ жизни. Такимъ образомъ права присвоенныя духовному *вѣдомству* передаются потомственно, даже въ томъ случаѣ, когда происходящія изъ духовнаго вѣдомства лица не занимаютъ никакихъ духовныхъ должностей: статья Свода гласитъ, что лица духовнаго *состоянія* свободны отъ рекрутства. Это дало коммиссіи поводъ показать, что вѣдомство и состояніе— два понятія различныя, выставить на видъ то, что въ прошломъ столѣтіи дѣти бѣлаго духовенства отправляли рекрутскую повинность, и придти къ тому заключенію, что на будущее время слѣдуетъ освободить изъ православнаго бѣлаго духовенства только лицъ дѣйствительно занимающихъ духовныя должности, и тѣхъ которыя, посвящая себя духовному сану, окончили богословскій курсъ наукъ; остальныхъ же священническихъ дѣтей, равно церковниковъ и ихъ потомство, не причисляя къ духовному состоянію, подчинить дѣйствію общихъ законовъ.

На этомъ же основаніи слѣдуетъ, по мнѣнію коммиссіи, опредѣлить и права протестантскаго духовенства. Затѣмъ не подвергать рекрутству только монашествующихъ, а также римско-католическое духовенство, какъ безбрачное.

Таковы предположенія коммиссіи относительно сословныхъ изъятій отъ военной повинности,—предположенія, кажется, не получившія дальнѣйшаго хода. Они касаются всего существующаго законодательства о состояніяхъ. Они указываютъ единственный путь къ освобожденію отъ рекрутства — посѣщеніе высшихъ учебныхъ заведеній. Какъ теперь Евреи, на основаніи послѣднихъ постановленій о мѣстѣ жительства ихъ, набиваются въ университеты, такъ въ будущемъ купеческія дѣти стали бы также проходить черезъ университетъ или Академію Художествъ,

въ видахъ уклоненія отъ рекрутской повинности. Мы никакъ не думаемъ, чтобы высшее образованіе отъ этого выиграло.

Нельзя отстаивать привилегій основанныхъ исключительно на происхожденіи. За особенное несчастіе считаемъ мы то обстоятельство, что политическіе образованные классы избавлены у насъ ходомъ дѣлъ отъ тѣхъ тягостей которыя несетъ простой народъ. Участіе политическихъ классовъ общества въ этихъ тягостяхъ обезпечиваетъ единственный правильный исходъ всѣхъ преобразованій. Когда высшіе классы поймутъ, что̀ такое государственная подати, что̀ такое правильная рекрутская повинность, тогда, и только тогда, мы будемъ имѣть и хорошій законъ о податяхъ, и хорошій законъ о военной службѣ. Но по всему вѣроятію, сословія не стали бы поддерживать своихъ привилегій въ томъ что̀ онѣ могутъ заключать въ себѣ несправедливаго или вреднаго для государства. Еще недавно финляндское дворянство, на сеймѣ, по собственному побужденію, почти единогласно рѣшило отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ безспорныхъ правъ своихъ. Только свободное отреченіе сословій отъ той доли правъ своихъ, которую они сами найдутъ несостоятельною въ виду высшихъ интересовъ, можетъ быть и справедливо и желательно.

VIII.

13-го мая.

Телеграфъ принесъ намъ сегодня важное извѣстіе. Если вѣрить помѣщаемой ниже депешѣ, то Франція и Англія соглашаются на отторженіе Гольштиніи и южнаго (нѣмецкаго) Шлезвига отъ Даніи. Обѣ западныя державы рѣшительно высказываются противъ личнаго соединенія, то-есть противъ соединенія Шлезвигъ-Гольштейна съ Даніей въ лицѣ короля. Такое соединеніе представлялось какъ послѣднее средство выйти изъ столкновенія не нарушивъ европейскаго равновѣсія. Безсмысленная датская демократія, не имѣющая, замѣтимъ кстати, корней въ датскомъ народномъ бытѣ и навязанная ему бумажною

конституціей случайно сочиненною, оттолкнувшею отъ дѣлъ все что было способно руководить ими ко благу отечества,—эта нелѣпая демократія раздражила Шлезвигъ-Гольштейнцевъ своими притязаніями, а Германію своимъ задоромъ, полагаясь единственно на защиту Европы, которая, по мнѣнію копенгагенскихъ демагоговъ, волей-неволей принуждена покрывать въ интересахъ европейскаго равновѣсія всѣ ихъ безразсудства. Они думали что имъ все сойдетъ съ рукъ и не воображали, какую опасность накликали они на бѣдную Данію. Они довели дѣло до взрыва, послѣ котораго повидимому уже нѣтъ средствъ спасти цѣлость Датской монархіи. Друзья мира должны сожалѣть о такомъ исходѣ запосчивой политики датскихъ демагоговъ, но если дѣйствительно примиреніе между Гольштейномъ и Даніей невозможно, то нельзя желать чтобъ европейская дипломатія настаивала на цѣлости Датской монархіи, и нельзя пенять на западныя державы, что онѣ предпочитаютъ распаденіе Датской монархіи искусственной поддержкѣ ея цѣлости посредствомъ *unio personalis* (личнаго соединенія): нѣтъ ничего несовмѣстимѣе съ политическимъ благоустройствомъ, чѣмъ эта средневѣковая форма соединенія нѣсколькихъ государствъ, словно вотчинъ, подъ однимъ скипетромъ.

Итакъ Глюксбургская линія потеряетъ право на Гольштейнъ и на южную нѣмецкую часть Шлезвига. Трудно было ожидать такого результата въ началѣ войны! Блистательную услугу, нечего сказать, датская демократія оказала своей подругѣ демократіи нѣмецкой, которая уже тотчасъ по смерти короля Фридриха объявила, что король Христіанъ лишается престола въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, а въ санъ герцога всемилостивѣйше возводится наслѣдный принцъ Августенбургскій, благоразумно отказавшійся отъ сочувствія съ нѣмецкими феодалами. Признаемся, мы не думали что намъ такъ скоро придется высказываться за этого импровизованнаго кандидата демократіи, а мы принуждены теперь высказываться за него и желать ему всякаго успѣха въ предстоящей ему борьбѣ съ алчными притязаніями Прусскаго правительства. Ужь если невозможно сохранить цѣлость Датской монархіи и предоставить Глюксбургской

линіи неумаленную корону Фридриха VII, то, конечно, Шлезвигъ-Гольштейнъ долженъ сдѣлаться не провинціей Прусскаго государства, а самостоятельнымъ герцогствомъ, независимымъ отъ Пруссіи, съ Августенбургскою, а не Гогенцоллернскою династіей во главѣ. Европа не можетъ выносить завоеваній: она претерпѣваетъ униженіе, когда въ ея предѣлахъ происходятъ захваты, и если она смотритъ на нихъ равнодушно, то это никогда не пройдетъ ей безнаказанно. Савоія и Ница еще не разъ отзовутся болѣзненно европейской политикѣ; эта капля яда долго будетъ дѣйствовать. Всѣмъ извѣстно, какъ Франція отблагодарила насъ, какъ Англія и Австрія отмстили намъ за нашу уступчивость по дѣлу о Савоіи и Ницѣ; не ясно ли теперь что и у Пруссіи горятъ глаза чтобы послѣдовать примѣру Франціи? Пруссія тоже захотѣла воспользоваться обстоятельствами и тоже надѣется на уступчивость. Но если Пруссіи удастся захватить Шлезвигъ-Гольштейнъ, то и Франція потребуетъ себѣ вознагражденія, а вслѣдъ затѣмъ и Англія и Австрія захотятъ улучшить свое положеніе въ Европѣ дабы возстановить равновѣсіе. Дѣло должно будетъ окончиться европейскою войной. Неужели Европѣ надоѣлъ миръ, неужели она желаетъ возвращенія временъ Тридцатилѣтней войны?

Мы не хотимъ вѣрить чтобы Европа дозволила Пруссіи присоединить къ себѣ Герцогства, и полагаемъ, что подобный планъ встрѣтилъ бы даже въ Германіи серіозныя препятствія. По всему вѣроятію, сама Пруссія не смотритъ на этотъ планъ серіозно: она должна была бы уже черезчуръ разчитывать на уступчивость сосѣдей. Но она не захочетъ совсѣмъ выпустить изъ своихъ когтей такъ ловко схваченную добычу. Г. фонъ-Бисмаркъ ужь конечно придумалъ нѣчто среднее между присоединеніемъ Герцогствъ и ихъ самостоятельностью. Для Пруссіи очень важно не только придумать, но и осуществить такую форму протектората или верховенства (suzéraineté), которая могла бы служить образцомъ для дальнѣйшихъ захватовъ внутри Германіи, а наслѣдный принцъ Августенбургскій, такъ скоро вошедшій въ виды постылой ему всегерманской демократіи, еще скорѣе войдетъ въ виды Пруссіи, отъ которой существенно

зависитъ корона его. Въ возможности такой сдѣлки заключается серіозная опасность для интересовъ Россіи. Протекторатъ Пруссіи въ Гольштейнѣ измѣняетъ существенно отношенія Ольденбургскаго дома въ этой коренной части его наслѣдственныхъ владѣній: ни Глюксбургская, ни старшая Готторпская линіи не будутъ уже имѣть возможности считать за что-нибудь серіозное свои права на Шлезвигъ-Гольштейнъ, состоящій подъ прусскою гегемоніей. Но этого мало: Пруссія въ Килѣ, это значитъ нѣмецкій флотъ въ Балтійскомъ морѣ и рѣшительная необходимость скандинавскаго союза, то-есть скандинавскаго флота рядомъ съ флотомъ нѣмецкимъ. Богъ знаетъ сталъ ли бы Петръ Великій строить Петербургъ, еслибы предвидѣлъ что это возможно. Или можетъ-быть судьба вынуждаетъ Россію перенести центръ своей тяжести на югъ, туда гдѣ была колыбель Руси, еще не оттѣсненной отъ Европы и обращенной лицомъ къ Цареграду?

IX.

13-го мая.

Мы получили возраженіе по поводу сдѣланнаго нами сопоставленія между успѣхами народнаго образованія въ Кіевскомъ и въ Виленскомъ учебныхъ округахъ. Мы не имѣемъ никакого повода отказать г. Чечурину въ помѣщеніи его возраженія въ нашей газетѣ, но надѣемся что и онъ дозволитъ намъ сказать, что аргументы его не перемѣнили нашего взгляда. Факта, на который мы главнымъ образомъ указывали, не отрицаетъ и г. Чечуринъ: все-таки къ началу 1863 года въ Виленскомъ округѣ было открыто 111 школъ, а въ Кіевскомъ 20; недавно объявлялось что въ первомъ изъ этихъ округовъ свыше 400, а по свѣдѣніямъ сообщаемымъ самимъ оппонентомъ нашимъ, кромѣ 20 кіевскихъ, открыто въ Подоліи 14 *,—итого 34: разница

* Этихъ 14 школъ мы не могли считать *открытыми*, такъ какъ въ статьѣ г. Чечурина сказано: „г. Туловъ нашелъ возможнымъ *приготовить все нужное для начатія ученія* и послать туда учителей".

не бездѣльная! Оппонентъ нашъ указываетъ на существующее различіе между мѣстными условіями юго-западнаго и сѣверо-западнаго края; онъ замѣчаетъ что въ Подольской губерніи возстаніе овладѣло всѣмъ вниманіемъ начальства и крестьянъ, и что потому именно было не время открывать школы; стало-быть въ Подольской губерніи было возстаніе, была шестимѣсячная борьба съ шайками, а вокругъ Вильны были тишина и миръ! Въ Кіевской губерніи, говоритъ онъ, успѣху открытія школъ помѣшала «неопредѣленность взаимныхъ отношеній духовнаго и учебнаго вѣдомствъ въ общемъ вопросѣ народнаго воспитанія». Но эту-то «неопредѣленность», или вѣрнѣе напряженность, мы именно и ставимъ въ упрекъ тамошнему ходу дѣлъ. Г. Чечулинъ говоритъ что со стороны кіевскаго учебнаго начальства дѣланы были «предложенія» и кіевскому епархіальному начальству, какъ они въ послѣдствіи сдѣланы были подольскому. Но каковы были эти предложенія? Могли ли тѣ кому они дѣлались принять ихъ, не отрекаясь отъ того значенія которое духовенство искони имѣло въ томъ краѣ и отъ того вліянія которое оно должно имѣть на образованіе народа? Мы имѣемъ очень и очень основательныя причины полагать что нѣкоторыя изъ лицъ двигавшихъ устройствомъ народныхъ школъ въ юго-западномъ краѣ не ясно понимали свою задачу и свое положеніе. Не сдѣлавъ еще ничего замѣчательнаго, не принеся никакихъ жертвъ, и даже не доказавъ своей способности дѣйствовать, они считали себя въ правѣ смотрѣть свысока на духовенство и народъ, какъ будто бы ни тамошнее духовенство, ни тамошній народъ не имѣли исторіи до эпохи открытія 20 школъ Кіевскимъ учебнымъ округомъ. Они видѣли въ себѣ что-то безмѣрно высшее и лучшее чѣмъ та среда которую они хотѣли просвѣщать, развивать и направлять. Понятно что при такомъ заблужденіи они далеко не сознавали необходимости допустить вліяніе духовенства на народныя школы въ той мѣрѣ въ какой это рѣшительно необходимо для ихъ успѣха. Не потому ли и на «предложенія» этихъ лицъ получались, какъ пишетъ г. Чечулинъ, постоянные отказы? Оппонентъ нашъ очень налегаетъ на раціональность съ которою

въ Кіевѣ приступлено было къ дѣлу народнаго образованія и которая состояла въ томъ что прежде всего открыта была учительская семинарія. Мы со своей стороны находили и продолжаемъ находить что фабрикація народныхъ учителей большая ошибка. Опасеніе—не найти въ краѣ потребнаго количества учителей для народныхъ школъ не имѣетъ никакого основанія, и лучшее доказательство тому опять-таки Виленскій округъ. Если учебное вѣдомство въ Кіевѣ полагало что та среда изъ которой казалось естественнымъ почерпать учителей не удовлетворитъ «современнымъ требованіямъ педагогики», то и въ этомъ мы видимъ болѣе фразу чѣмъ дѣло. Что знакомство съ педагогическими пріемами полезно для преподавателя—въ этомъ никто спорить не будетъ; но надо имѣть большую дозу доктринерства чтобы полагать, будто однимъ знакомствомъ съ новыми методами преподаванія, схваченнымъ въ школѣ, и ограничиваются качества требуемыя отъ преподавателя народной школы. Мы думаемъ поэтому что духовенство, взятое въ цѣломъ, не взирая на свою педагогическую неподготовленность, все-таки было бы полезнѣе во главѣ сельскихъ школъ, нежели 18—20-ти-лѣтніе юноши, которыхъ главная рекомендація для этого важнаго званія заключается въ знакомствѣ съ методами Золотова, Головинскаго и т. п., да въ подчиненіи вѣдомству, котораго училища, несмотря на сравнительно огромныя средства, далеко не процвѣтаютъ даже въ городахъ.

Затѣмъ, если неудачи въ 1862 и 1863 годахъ заставили лицъ занимающихся народными школами въ Кіевѣ взглянуть на свое дѣло болѣе серіознымъ и практическимъ образомъ, если они искренно отказались отъ части первоначальной своей самоувѣренности и откровенно подали руку мѣстному духовенству,—намъ ничего не остается болѣе желать имъ, какъ полнаго успѣха ихъ дѣятельности, которая въ такомъ случаѣ несомнѣнно приведетъ ихъ не только къ учрежденію образцовыхъ школъ, но и къ выдачѣ пособій и премій лучшимъ изъ школъ, заведенныхъ духовенствомъ безъ казенной поддержки.

X.

14-го мая.

Польскія брошюры и польскія газеты надѣлали намъ много хлопотъ, но онѣ же приносятъ намъ теперь и большую пользу, открывая намъ тайныя пружины великой польской интриги. Предъ нами брошюра г. Таньскаго: *L'entrée des Russes à Paris et l'armée russe* (Вступленіе Русскихъ въ Парижъ и русская армія). Нашъ польскій благопріятель, конечно, не преминулъ воспользоваться случаемъ пятидесятилѣтняго юбилея вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ, чтобы кольнуть раздражительность французскаго чувства. «La Russie jette un défi à la France», этими словами начинается брошюра, и оканчивается слѣдующею эффектною фразой: «Croyez-vous que sur les bords de la Seine il se trouve des lauriers pour les vaincus d'Alma, d'Inkermann et de Traktir?»

Мы беремся за перо, конечно, не съ тѣмъ чтобъ отвѣчать на родомонтады Поляка во славу французской арміи. Книжонка его представляетъ намъ совершенно другаго рода интересъ; она содержитъ въ себѣ нѣкоторыя откровенія, которыми не мѣшаетъ намъ воспользоваться. Еще въ началѣ Восточной войны, говоритъ г. Таньскій, состоявшій при французской арміи, «плѣнные и перебѣжчики изъ Поляковъ единодушно объявляли намъ что нашими соотечественниками, находящимися въ московитской арміи, руководитъ какая-то невидимая власть, которой они повинуются». Этотъ руководитель былъ нѣкто Ремеръ. За долго до послѣдней войны онъ служилъ на Кавказѣ волонтеромъ и возвратясь въ Литву (эта фамилія, помнится, есть на Волыни), исключительно занялся революціонною пропагандой, которую онъ велъ съ такимъ успѣхомъ, что во время венгерскаго возмущенія и замысловъ Бема проникнуть въ Подолію онъ надѣялся поднять весь тотъ край. Замыселъ его однакожь былъ открытъ, вслѣдствіе чего онъ во второй разъ,—и уже непроизвольно, — вступилъ въ военную службу. Это однако не связало рукъ дѣятельному заговорщику; онъ вкрался въ довѣ-

ренность къ своему дивизіонному командиру, и во время Крымской кампаніи «ce barbare» поручилъ Ремеру отбирать показаніе отъ непріятельскихъ плѣнныхъ и дезертировъ, что̀ открыло этому послѣднему возможность войти въ сношенія съ англо-французскимъ лагеремъ и даже посылать туда своихъ коммиссаровъ. Въ Крыму Ремеръ сблизился съ однимъ изъ своихъ земляковъ, капитаномъ Ходасѣвичемъ. Они стали дѣйствовать заодно. Ходасѣвичъ, извѣстный какъ хорошій рисовальщикъ, предложилъ дивизіонному генералу снять планъ непріятельской позиціи подъ Севастополемъ, на что̀, разумѣется, получилъ согласіе и, сверхъ того, въ подарокъ прекрасную зрительную трубу. Само собою разумѣется что труба эта была наведена на нашъ лагерь, планъ котораго въ одно прекрасное утро польскіе патріоты сами доставили союзнымъ главнокомандующимъ.

Вотъ содержаніе происшествія подробно разказаннаго г. Таньскимъ. Самъ по себѣ разказъ этотъ не представляетъ ничего особенно поразительнаго: въ какой арміи не бываетъ измѣнниковъ и перебѣжчиковъ! Но вотъ слова которыя не могутъ не навести на размышленія: «Ремеръ и Ходасѣвичъ суть только олицетвореніе всеобщаго настроенія Поляковъ служащихъ «въ московской арміи.... На Кавказѣ и въ Сибири, въ Москвѣ «и Петербургѣ, они вездѣ носили съ собою *отечество* (то-«есть старую Польшу). Повинуясь единой идеѣ, они, не взирая «на раздѣлявшія ихъ разстоянія, дѣйствовали съ единствомъ «свойственнымъ правильному правительству.... Можно смѣло «сказать что сильнѣйшій толчокъ нынѣшнему возстанію въ «Польшѣ сообщенъ былъ офицерами воспитанными въ русскихъ «учебныхъ заведеніяхъ; они направили первые шаги революціи, «они были первыми жертвами».

Итакъ, вотъ роль которую, по свидѣтельству г. Таньскаго, играютъ,—мы не скажемъ *всѣ*,—но многіе Поляки въ нашей арміи. Нѣтъ основанія думать чтобы другіе, вступая въ гражданскую службу, не стремились къ тѣмъ же самымъ цѣлямъ; а когда мы сообразимъ какое громадное количество офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ доставляли намъ многочисленныя

гимназіи и дворянскія училища западнаго края, какія массы голодной шляхты ищутъ пріюта и крова во всѣхъ нашихъ управленіяхъ, то поневолѣ становится жутко. На какомъ волканѣ мы стояли, и какимъ чудомъ мы спаслись! Великъ Богъ земли Русской!.... Кто сомнѣвается въ подлинности польскаго катихизиса, тѣ должны повѣрить по крайней мѣрѣ брошюрѣ напечатанной въ Парижѣ, и украшенной именемъ ея автора.

Соображая по подобнымъ несомнѣннымъ свидѣтельствамъ объ опасности которая намъ угрожала изъ среды самой нашей администраціи, мы находимся въ положеніи путника котораго удалый возница промчалъ по зыбкому мостику брошенному черезъ пропасть, и который, оглянувшись случайно, замираетъ отъ ужаса.... Но кто поручится что подобные мостики не предстоятъ намъ и въ дальнѣйшемъ нашемъ путп? Польская пропаганда есть не болѣе какъ департаментъ того обширнаго управленія которое называется всесвѣтною революціей,—этого новаго франъ-масонства распространившагося на всю Европу, этого воскресшаго съ дѣятельною силой карбонаризма. Гдѣ же тѣ охранительныя силы наши, которыя должны бороться съ этою такъ-называемою партіей дѣйствія? Бюрократія есть единственная организованная сила въ Россіи; а въ состояніи ли она бороться съ такою разнообразною по своимъ средствамъ, неуловимою по природѣ своей силой какъ революціонная пропаганда? Мы сомнѣваемся. Въ правѣ ли мы обвинить генерала который довѣрился Ремеру и Ходасѣвичу? Отнюдь нѣтъ. Революціонный катихизисъ не только дозволяетъ, но предписываетъ лесть, угодничество, обманъ, притворство, наружное отступничество отъ своей святыни. Ремеръ и Ходасѣвичъ, безъ сомнѣнія, прикидывались самыми горячими русскими патріотами: г. Таньскій разказываетъ что наканунѣ своего отъѣзда въ непріятельскій лагерь они устроили пирушку, на которой пили за русскую армію и за Государя.... Можно ли требовать отъ каждаго начальника чтобъ онъ былъ сердцевѣдцемъ? То же самое, и еще въ большей степени, прилагается къ гражданской службѣ.

Бюрократическая машина, какъ бы ни была она совершенна, все-таки есть только машина, и не можетъ замѣнить живую силу человѣка. Она можетъ раздавить неосторожную руку которая подвернется подъ ея колесо; но ловкія руки могутъ направлять ее соотвѣтственно своимъ цѣлямъ. Тайные враги могутъ пробираться внутрь самой администраціи, овладѣвать ея канцеляріями, пріобрѣтать вліяніе на дѣла....

При тѣхъ трудностяхъ которыя характеризуютъ наше время и съ которыми намъ предстоитъ бороться, бюрократическая организація не только оказывается недостаточною, но и сама представляетъ серіозныя опасности.

XI.

15-го мая.

Вѣдомство народнаго просвѣщенія имѣетъ, по самому существу своему, много особенностей сравнительно съ другими, собственно политическими вѣдомствами. Въ Англіи высшія и среднія учебныя заведенія находятся подъ общимъ надзоромъ государственныхъ властей, не входя въ вѣдѣніе какого-нибудь отдѣльнаго министерства или учрежденія; лишь для народныхъ школъ учрежденъ особый департаментъ, *Educational Board*, который, впрочемъ, завѣдываетъ не столько народными школами, сколько выдаваемыми имъ казенными пособіями; но и этотъ департаментъ примыкаетъ не къ министерству, а къ собственному, или тайному совѣту королевы, то-есть такому правительственному собранію, которое состоитъ изъ высшихъ сановниковъ всѣхъ партій (изъ всѣхъ такъ-называемыхъ Right Honourables, что мы обыкновенно переводимъ словомъ: *высокочтимые*), и имѣетъ всегда возможность освободить дѣло народныхъ школъ изъ-подъ односторонняго вліянія господствующей партіи, еслибъ это оказалось нужнымъ. Училищная часть должна быть ограждена отъ реформъ вызываемыхъ личными взглядами начальствующихъ лицъ и вообще политическихъ людей. Въ управленіи училищною частью, гдѣ считается необходимымъ

подобное управленіе, долженъ быть предоставленъ значительный вѣсъ элементамъ консервативнымъ, дабы существующее устройство имѣло достаточный устой противъ преобразовательныхъ увлеченій. Власть главы училищнаго управленія должна дѣйствовать совершенно свободно, когда требуется пресѣчь злоупотребленія, уклоненія отъ закона или бездѣйствіе должностныхъ лицъ, но по части нововведеній, по части вмѣшательства въ положительную сторону училищной жизни, глава управленія долженъ быть гораздо болѣе ограниченъ чѣмъ другіе министры по ихъ частямъ. Эта мысль была довольно ясно сознаваема и у насъ, вслѣдствіе чего Главному Правленію Училищъ было предоставлено болѣе самостоятельности чѣмъ совѣтамъ состоящимъ при другихъ министрахъ. Главное Правленіе Училищъ было поставлено довольно независимо отъ министра Народнаго Просвѣщенія, такъ что даже при своемъ неудовлетворительномъ устройствѣ служило нѣкоторою гарантіей противъ нововведеній неосновательныхъ или поспѣшныхъ. Были предположенія дать еще большее значеніе этому учрежденію, введя въ число его членовъ нѣсколько академиковъ и профессоровъ, а также нѣсколько духовныхъ лицъ; но, какъ извѣстно, эти предположенія не состоялись, и Главное Правленіе Училищъ вовсе упразднено, уступивъ свое мѣсто совѣту министра, который, по своему уставу, не имѣетъ самостоятельности. Намъ невольно припомнился этотъ ходъ реформы нашего училищнаго вѣдомства, когда мы мысленно сравнивали наше прежнее Главное Правленіе Училищъ съ новымъ австрійскимъ училищнымъ совѣтомъ, о которомъ говоритъ подробно печатаемое ниже письмо нашего вѣнскаго корреспондента. Обращаемъ вниманіе читателей на это интересное учрежденіе, которому предстоитъ бороться съ чрезвычайными затрудненіями, но которое, какъ мысль, дѣлаетъ большую честь австрійскому государственному министру, его виновнику.

У насъ весьма важно было бы существованіе подобнаго органа для предварительнаго гласнаго обсужденія педагогическихъ вопросовъ, требующихъ законодательнаго или административнаго рѣшенія. Министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало все

что отъ него зависѣло, съ цѣлію вызвать обсужденіе составленныхъ имъ проектовъ училищной реформы. Оно разослало эти проекты многимъ сотнямъ лицъ и учрежденій, дабы отобрать ихъ мнѣнія; оно издало полученныя имъ замѣчанія, и т. д. Но затѣмъ слѣдовали самыя трудныя задачи: привести въ порядокъ всю эту *rudis indigestaque moles* и наконецъ произнести приговоръ. Эта послѣдняя часть задачи исполняется, если можно такъ выразиться, при закрытыхъ дверяхъ. Тяжба мнѣній о лучшемъ устройствѣ училищъ происходитъ не тѣмъ порядкомъ который предполагается теперь ввести въ наше судопроизводство. Процессъ идетъ не гласный, не устный, не состязательный. Доказательства тяжущихся сторонъ не почерпаны; докладъ сдѣланъ не въ присутствіи, и имъ неизвѣстны мотивы которые будутъ имѣть вліяніе на приговоръ. Мы говоримъ не о политической, не о финансовой сторонѣ дѣла,—онѣ подлежатъ общему законодательному разсмотрѣнію. Мы говоримъ о той педагогической сторонѣ дѣла, по которой невозможно постановлять приговоры тѣмъ порядкомъ какой употребителенъ при рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ. Если нельзя рѣшить большинствомъ голосовъ вопросъ о происхожденіи Руси или о древне-греческомъ произношеніи, то почему же большинство голосовъ будетъ болѣе на мѣстѣ при разрѣшеніи вопроса о томъ, ошибается или пѣтъ образованный міръ, считая древніе языки и математику основой высшаго образованія? Мы не хотимъ сказать чтобы самый этотъ вопросъ подлежалъ рѣшенію педагогическаго собранія, но пренія подобнаго собранія могли бы разъяснить возраженія дѣлаемыя противъ примѣнимости къ Россіи того что хорошо для другихъ странъ Европы.

Чѣмъ болѣе понимается важность вопроса объ устройствѣ гимназій, тѣмъ тревожнѣе чувство съ которымъ ожидается рѣшеніе этого вопроса. Мы, говорятъ, находимся въ исключительномъ положеніи; мы стоимъ ниже другихъ европейскихъ народовъ. Переведенныя на языкъ законодательный, эти слова значили бы: мы должны и будемъ оставаться въ исключительномъ положеніи; мы должны и будемъ стоять ниже другихъ европейскихъ народовъ. Если превосходство иностраннаго обра-

зованія есть фактъ, то намъ ли узаконивать его? Не слѣдуетъ ли намъ, напротивъ, бороться съ нимъ? Предстоящій къ разрѣшенію вопросъ есть собственно вопросъ о нашемъ взглядѣ на себя, на свое историческое призваніе. Что мы такое? Народъ призванный дѣйствовать наряду съ другими народами, народъ которому суждено принимать самостоятельное участіе въ дѣлахъ образованнаго міра, или народъ обреченный на пассивную роль безплоднаго подражанія и всегдашней зависимости отъ народовъ образовавшихъ? Этотъ вопросъ никто, конечно, не можетъ рѣшить кромѣ насъ самихъ. Удастся ли намъ рѣшить его въ нашу пользу, этого никто знать не можетъ, но мы чрезвычайно легко можемъ рѣшить его противъ себя. Мы ужь, конечно, не достигнемъ самостоятельности въ кругу образованныхъ народовъ, если заранѣе будемъ считать себя неспособными къ ней. Пускаясь въ бѣгъ, можно отстать отъ другихъ и не добѣжать до цѣли, это правда: но ни въ какомъ случаѣ нельзя достигнуть цѣли, оставаясь на мѣстѣ. Отъ устава гимназій зависитъ, будутъ ли у слѣдующихъ за нами поколѣній Русскаго народа подрѣзаны крылья.

Наше положеніе исключительное, говорятъ намъ. Нѣтъ спора, что у каждаго народа есть свое особое положеніе. Нѣмцы не то что Французы, Французы не то что Англичане, мы не то что Нѣмцы. Одни народы поставлены болѣе, другіе менѣе выгодно, и съ теченіемъ времени выгоды постановки измѣняются. Было время когда Голландія стояла впереди Англіи по всемірной торговлѣ; теперь Англія далеко опередила Голландію. Мы пришли на праздникъ послѣ другихъ, и потому у насъ больше предшественниковъ которыхъ труды слѣдуетъ намъ изучать; въ этомъ отношеніи наше положеніе затруднительнѣе. Но, съ другой стороны, мы имѣемъ больше трудовъ уже сдѣланныхъ которыми можемъ пользоваться, и въ этомъ отношеніи наше положеніе выгоднѣе. Мы вѣримъ въ свое историческое призваніе, но если мы дѣйствительно имѣемъ историческое призваніе, то у насъ, конечно, есть и соотвѣтствующія средства. Русскій образованный человѣкъ долженъ знать однимъ языкомъ больше чѣмъ западные Европейцы, но если русскій человѣкъ

способенъ воспринять европейскую цивилизацію, то онъ, конечно, снабженъ способностію изучить этотъ лишній языкъ, и мы дѣйствительно замѣчаемъ что Русскіе имѣютъ особое дарованіе къ языкамъ. Но положимъ, что исключительность нашего положенія можетъ отстранить насъ отъ европейской цивилизаціи; во всякомъ случаѣ, если мы не хотимъ быть отстранены, а напротивъ намѣреваемся принадлежать къ образованной Европѣ, то мы не должны по крайней мѣрѣ сами ссылаться на эту исключительность и извиняясь ею освобождать себя отъ пріобрѣтенія того образованія которымъ гордятся опередившіе насъ народы образованной Европы. Чтобы быть наравнѣ съ Нѣмцами, Французами и Англичанами, мы непремѣнно должны учиться всему тому чему учатся Нѣмцы, Французы и Англичане.

Наши умники говорятъ еще, что школы у этихъ народовъ устроены на средневѣковыхъ основаніяхъ и даютъ своимъ питомцамъ односторонее образованіе. Тутъ ужь дѣло получаетъ обратный видъ: мы являемся порицателями и принимаемъ учительскій топъ. Не мы стоимъ ниже другихъ европейскихъ народовъ, а другіе европейскіе народы стоятъ ниже того уровня на которомъ мы хотимъ и очень скоро будемъ стоять. Чтобъ это сбылось, требуется только устроить училища такъ чтобы въ нихъ по возможности ничему не учили. Тогда низойдетъ на землю новая цивилизація, предъ которою померкнетъ теперешняя цивилизація Европы, заключающая въ себѣ такъ много средневѣковыхъ элементовъ. Стоитъ ли говорить о подобныхъ фантазіяхъ, или, вѣрнѣе, о подобномъ бредѣ? Смѣшно и безсмысленно загадывать о будущемъ, но если мы дѣйствительно призваны подвинуть впередъ цивилизацію человѣчества, если нашей цивилизаціи суждено стать выше цивилизаціи Западной Европы, то мы все-таки должны сперва усвоить себѣ эту послѣднюю, должны перейти черезъ ея школу, и только потомъ можемъ надѣяться что пойдемъ далѣе. Исторія не рядъ случайностей. Всякая историческая цивилизація должна быть основана на цивилизаціи предшествовавшей. Словомъ, даже самое странное національное хвастовство безвѣстнымъ будущимъ не

можетъ отрицать потребность усвоенія европейской цивилизаціи въ ея полнотѣ, не только ея вѣтвей, но и ея корней.

Таково общее требованіе. Практическая же сторона вопроса состоитъ въ томъ, что до сихъ поръ основанія всеобщей европейской школьной системы не были у насъ достаточно признаваемы. У насъ учили и древнимъ языкамъ и математикѣ,—математикѣ лучше, чѣмъ древнимъ языкамъ,—но давали слишкомъ мало мѣста даже математикѣ, а древнимъ языкамъ еще меньше. Поэтому классическое преподаваніе не могло принесть у насъ удовлетворительнаго плода. Теперь задача состоитъ въ томъ чтобы дать большее чѣмъ прежде значеніе этимъ чистымъ началамъ гимназическаго обученія и съ этою цѣлію стѣснить преподаваніе предметовъ загромождающихъ наши гимназіи къ ихъ величайшему ущербу. Какъ достигнуть этого,— вотъ о чемъ собственно должны бы идти пренія, и вотъ что, надобно сознаться, разъяснено недостаточно, хотя наша школьная практика и представляетъ всѣ нужныя данныя для разъясненія этого важнаго вопроса. Эта практика ясно указываетъ на совершенную безполезность преподаванія естественной исторіи, на несоотвѣтствіе преподаванія всеобщей исторіи съ возрастомъ учениковъ, на безнадежную неуспѣшность обученія новымъ языкамъ въ гимназіяхъ, наконецъ на чрезвычайный вредъ причиняемый юношеству употребительнымъ у насъ преподаваніемъ такъ-называемой русской словесности, превратившейся въ полную науку фразерства. Вотъ какіе предметы должны быть сокращены, чтобы дать нужный просторъ основнымъ предметамъ преподаванія,—древнимъ языкамъ и математикѣ.

Сердце сжимается, когда подумаешь сколько неразъясненнаго остается по всѣмъ этимъ вопросамъ, требующимъ однакоже скораго рѣшенія. Отъ ошибокъ можетъ спасти одно—уваженіе къ общему голосу образованнаго міра. Предъ этимъ голосомъ должны смолкнуть не подтвержденныя опытомъ теоріи, какъ бы ни были ихъ приверженцы увѣрены въ ихъ исполнимости. Мы предоставляемъ себѣ впрочемъ сказать на дняхъ нѣсколько словъ объ этихъ теоріяхъ.

XII.

16-го мая.

Мы получили письмо отъ здѣшняго лютеранскаго пастора, г. Фермана, которое помѣщаемъ ниже. Почтенный корреспондентъ, съ которымъ намъ было бы гораздо пріятнѣе соглашаться чѣмъ спорить, не доволенъ нѣкоторыми изъ нашихъ замѣчаній, вызванныхъ проповѣдью доктора Вальтера, лифляндскаго генералъ суперинтендента, произнесенною имъ 9-го марта при открытіи засѣданій лифляндскаго сейма. Г. Фермапъ называетъ замѣчанія наши критикой, и заявляетъ что въ нихъ есть нѣчто оскорбительное для его чувства. Но мы не подвергали критикѣ проповѣдь доктора Вальтера; мы, напротивъ, безъ всякой критики, соглашались принять ту точку зрѣнія которую онъ рекомендуетъ. Принявъ его точку зрѣнія, мы нашли, что во всѣхъ областяхъ Русскаго государства коренные жители должны чувствовать себя, по преимуществу, Русскими, изъ какого бы племени ни происходили они первоначально. А такъ какъ Лифляндія есть одна изъ провинцій Русскаго государства, такъ какъ лифляндская земля есть часть Русской, то въ силу основаній въ которыхъ утвердилъ насъ епископъ Вальтеръ мы должны желать чтобы всѣ обитатели этой части Русской земли были Русскими, и отнюдь не должны желать германизаціи, предлагаемой епископомъ Вальтеромъ.

Г. пасторъ Фермапъ замѣчаетъ это разногласіе и объясняетъ его «различною точкой зрѣнія, съ которой обсуживаются одни и тѣ же явленія». Онъ примѣняетъ признаваемое имъ общее правило къ Лифляндіи, но не примѣняетъ его къ Россіи, которой часть есть Лифляндія. Чтобъ оправдать эту свою точку зрѣнія, онъ ссылается на то что германизовать Эстовъ и Латышей въ Лифляндіи побуждаетъ «долгъ гуманности и христіанской любви». Гуманность и христіанская любовь! Увы! кто не употреблялъ этихъ звучныхъ словъ? Какому дѣлу не служили они прикрасой! По правдѣ сказать, мы не хорошо понимаемъ, что́ такое можетъ значить «долгъ христіанской любви»?

Любовь, и особенно любовь христіанская, творитъ свои чудеса не въ силу долга. Гдѣ дѣйствуетъ долгъ, тамъ нѣтъ надобности говорить о любви: это производитъ только путаницу въ понятіяхъ. Любовь только тогда и любовь, когда она раждается, живетъ и дѣйствуетъ сверхъ долга и отъ него независимо. Нашему почтенному совопроснику это должно быть еще лучше извѣстно чѣмъ намъ, и намъ кажется, что дѣло германизаціи, которое его интересуетъ, могло бы обойтись и безъ ссылки на христіанскую любовь. Онъ находитъ, что сдѣлать Латышей и Эстовъ сынами Германіи значитъ возвысить и облагородить ихъ: онъ ссылается на своего епископа который удостовѣряетъ что сами Латыши и Эсты чувствуютъ неодолимое влеченіе къ германизаціи, что отказывать имъ въ томъ значило бы отказывать имъ въ удовлетвореніи ихъ собственныхъ потребностей и желаній. Ахъ, еслибы спросить по секрету эти бѣдныя народонаселенія латышскія и финскія объ ихъ желаніяхъ, не о томъ бы можетъ-быть они заговорили!... Нашъ почтенный корреспондентъ указываетъ на «сотни и тысячи Латышей и Эстовъ которые гордятся именемъ Нѣмцевъ на родинѣ, какъ и во всей Россіи, потому только что они говорятъ по-нѣмецки и опередили своихъ соплеменниковъ относительно образованія.» Что они говорятъ по-нѣмецки, это дѣло не худое; что они получили образованіе, это еще лучше; но что они, будучи гражданами Русской земли, гордятся именемъ Нѣмцевъ—это дѣло плохое, и въ этомъ несчастномъ обстоятельствѣ не можемъ мы не чувствовать бремени долга, оставленнаго намъ предками нашими, не можемъ не видѣть въ этомъ упрека себѣ, и не можемъ не ставить себѣ задачей прекращеніе такого ненормальнаго положенія вещей. Г. Ферманъ самъ даетъ намъ это чувствовать, говоря намъ прямо въ лицо, что намъ даже и думать не позволительно, чтобы лифляндскіе уроженцы, то-есть подданные Русскаго государства и граждане Русской земли, могли называть себя прежде всего Русскими и дорожить этимъ названіемъ. Положимъ, что мы заслужили такое презрѣніе,— но что жъ изъ этого слѣдуетъ? Не слѣдуетъ ли намъ постараться чтобы впредь мы не давали повода говорить намъ то

что́ теперь сказалъ епископъ Вальтеръ въ Ригѣ и пасторъ Ферманъ въ Москвѣ.

Но г. Ферманъ, удостовѣряя насъ въ существованіи многихъ сотенъ, даже тысячъ, Латышей и Эстовъ ставшихъ Нѣмцами и не желающихъ считать себя Русскими, сознается однако что' есть лица нѣмецкаго происхожденія и протестантской религіи, которые признаютъ себя Русскими. Что́ кажется ему несбыточнымъ, то черезъ нѣсколько строкъ заявляется имъ самимъ какъ существующій фактъ. Мы въ свою очередь подтверждаемъ его показаніе, и заявляемъ что такихъ лицъ не мало. Мы выражаемъ увѣренность что и всѣ русскіе граждане нѣмецкаго происхожденія, по совѣсти, признаютъ себя Русскими. Г. Ферманъ говоритъ объ этихъ лицахъ тономъ нѣкотораго презрѣнія и видитъ въ нихъ дешевую побѣду русской народности, уступая ихъ намъ, какъ онъ выражается, безъ зависти. Благодаримъ за уступку и спѣшимъ присовокупить что въ русскомъ чувствѣ гражданъ Русскаго государства, какого бы они ни были происхожденія, какое бы они имя ни носили, какую бы вѣру ни исповѣдывали, мы видимъ самый естественный фактъ. Тутъ нѣтъ ни побѣдъ, ни пораженій. Естественно всякому подданному Русскаго государства, всякому гражданину Русской земли считать Россію своимъ отечествомъ. Только Цыганы не имѣютъ отечества; но и тѣ, становясь осѣдлыми, начинаютъ его чувствовать. Лифляндія не есть часть Германіи: она есть часть Россіи. Жители этой губерніи, какого бы то ни было происхожденія, не могутъ считать своимъ отечествомъ Германію. Какой бы языкъ они преимущественно ни употребляли, какую бы вѣру ни исповѣдывали, они не могутъ не видѣть своего отечества въ Россіи, и стало-быть не могутъ не считать себя Русскими. Наша исторія гордится многими дорогими для насъ именами—русскими, несмотря на свой нѣмецкій звукъ. Вездѣ, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности въ нашемъ великомъ отечествѣ, встрѣчаемъ мы этихъ людей, которыхъ бросаютъ намъ съ презрѣніемъ какъ дешевое пріобрѣтеніе. Мы дорожимъ этимъ пріобрѣтеніемъ и видимъ въ нихъ истинно-русскихъ людей и истинно-честныхъ людей, служащихъ Русской землѣ въ качествѣ

ея дѣтей, а не наемниковъ или искателей приключеній. Мы хотимъ думать что всѣ лифляндскіе уроженцы считаютъ себя Русскими. Если многіе изъ нихъ не владѣютъ языкомъ своего отечества, то этому, конечно, радоваться нечего; но мы не можемъ очень сѣтовать на нихъ за это. Увы, какъ часто встрѣчаемъ мы людей носящихъ самыя національныя имена, восходящія до Рюрика, — людей, которые по языку гораздо болѣе Французы нежели Русскіе! Это ужь наша вина,—и вотъ почему мы ожидаемъ какихъ-либо новыхъ условій въ развитіи нашей народной жизни, которыя пробудили бы дремлющія нравственныя силы въ нашемъ обществѣ.

Зачѣмъ вдругъ понадобилось германизовать народонаселенія Лифляндіи? Епископъ Вальтеръ отправляется отъ той мысли что Эсты, Ливы и Латыши суть племена лишенныя самостоятельной культуры и историческаго значенія. Мы готовы согласиться съ этимъ, мы понимаемъ что Эсту или Латышу, получившему образованіе, не ловко оставаться Эстомъ или Латышемъ, что племя къ которому онъ принадлежитъ не имѣетъ ни исторіи, ни литературы, ни аристократіи, ни либеральныхъ профессій, что оно никогда не имѣло ни общественной организаціи, ни политической самостоятельности, что племенное чувство этихъ людей служитъ символомъ темной доли, грубаго быта и подчиненнаго положенія, что оно часто исчезаетъ безслѣдно съ перемѣной общественнаго положенія, съ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ. Но если школа и образованіе должны выводить этихъ людей изъ тѣсной доли скуднаго племеннаго существованія и пріобщать ихъ къ какой-либо великой исторической народности, то всего естественнѣе желать чтобъ они пріобщались къ народности русской. Мы не хотимъ вступать въ споръ объ относительныхъ достоинствахъ нѣмецкой и русской народности; мы безспорно соглашаемся что культура нѣмецкая несравненно богаче русской, и что нѣмецкій языкъ открываетъ для ума гораздо болѣе широкіе горизонты чѣмъ русскій. Мы знаемъ также, что есть люди которые и о русской народности имѣютъ мнѣніе не болѣе выгодное чѣмъ о народности Латышей и Эстовъ, и которые были бы готовы, по долгу

гуманности, германизовать и насъ еслибъ это было возможно. Но намъ позволительно имѣть объ этомъ предметѣ иное мнѣніе; намъ позволительно думать что русская народность имѣетъ свои великія судьбы, имѣетъ свое всемірное назначеніе; намъ позволительно имѣть вѣру въ свою народность, крѣпко охранять ея интересы и не бросать позорно того что стяжали наши предки. Мы думаемъ, что это не только позволительно, но что въ этомъ состоитъ главный долгъ нашъ; и намъ кажется, что Латышамъ и Эстамъ не только не обидно быть частію Русскаго народа, но что это самый вѣрный исходъ для нихъ, потому что исторія судила имъ жить въ неразрывной связи съ Русскимъ народомъ.

Какую будущность приготовили бы мы этимъ народонаселеніямъ, латышскимъ, эстскимъ, еслибы мы допустили германизовать ихъ en masse? Мы согласны съ епископомъ Вальтеромъ, что ставъ Нѣмцами, они «будутъ крѣпко держаться своей нѣ-«мецкой національности какъ Альтенбургцы въ Германіи, ко-«торые принадлежали первоначально къ славянскому племени.» Какъ вообще бываетъ съ новообращенными, они, по всему вѣроятію, съ особенною энергіей предадутся чувству своей новой національности. Что же будетъ изъ этого края, смежнаго съ Германіей, когда германская національность овладѣетъ всею его толщею? Могутъ ли тогда эти народонаселенія, ставшія въ корнѣ нѣмецкими, не тяготѣть къ Германіи? А если такъ, то какой источникъ недовольства, подавленныхъ стремленій и смутъ откроется въ этихъ, нынѣ мирныхъ, краяхъ? Вносить въ жизнь сѣмена неудовлетворимыхъ стремленій, значитъ ли готовить для потомковъ добрую жертву?

Suum cuique: у высшихъ классовъ политическое значеніе, богатство, образованіе; но источникъ народности у низшихъ, у простаго народа. Народность идетъ отъ корней, а корни не на вершинахъ, корни въ глубинѣ. Лифляндія, равно какъ и весь Балтійскій край, не можетъ назваться краемъ нѣмецкимъ, потому что все нѣмецкое заключается тамъ въ рыцарствѣ и въ городскихъ сословіяхъ. О нѣмецкой народности въ этомъ краѣ не можетъ и не должно быть рѣчи. Въ немъ живетъ большое

или меньшее количество людей говорящихъ преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, исповѣдывающихъ протестантскую вѣру,— у вотъ всѣ отношенія его къ нѣмецкой народности. И въ Москвѣ учатся по-нѣмецки: отчего же тому или другому Латышу и Эсту не выучиться по-нѣмецки? Но отъ народныхъ массъ до отдѣльныхъ людей получающихъ высшее образованіе большое разстояніе. Между народными первоначальными школами и высшими учебными заведеніями есть существенная разница. Допускать всеобщую германизацію этого края значило бы, со стороны Россіи, либо заранѣе отрекаться отъ него, либо, какъ замѣчено выше, готовить для его народонаселенія двусмысленное и нестерпимое положеніе въ будущемъ. Образованные и мыслящіе люди изъ высшихъ классовъ, поневолѣ, будутъ чувствовать себя совершенно иначе, когда они вдругъ почувствуютъ подъ собою массу нѣмецкой народности. Что теперь можетъ придти въ голову только фантазерамъ и мечтателямъ, то при подобныхъ условіяхъ будетъ самымъ естественнымъ чувствомъ, самою естественною мыслію въ каждомъ мыслящемъ и чувствующемъ человѣкѣ.

Повторимъ, въ остзейскихъ губерніяхъ нѣмецкій элементъ никогда не былъ нѣмецкимъ народомъ; изъ нѣмецкаго элемента состоятъ тамъ лишь верхніе слои, и говорить о нѣмецкомъ народѣ въ этомъ краѣ—совершенно неосновательно. Тѣмъ не менѣе Россія предоставляетъ и, безъ сомнѣнія, будетъ предоставлять всевозможныя льготы нѣмецкому обычаю и нѣмецкой культурѣ въ этихъ мѣстахъ. Боже насъ сохрани желать чтобы напримѣръ педагогическая система, существующая тамъ на основаніяхъ общихъ всему цивилизованному міру, подверглась какимъ-нибудь вандальскимъ наѣздамъ, чтобъ ихъ гимназіи были подведены подъ жалкій уровень нашихъ учебныхъ заведеній, подвергающихся самымъ случайнымъ вліяніямъ, самымъ неожиданнымъ переворотамъ; чтобы въ нихъ, какъ недавно заявлялось въ одной петербургской газетѣ, древніе языки поступились мѣстомъ естествовѣдѣнію и другимъ вѣдѣніямъ, по измышленію петербургскихъ прогрессистовъ. Пусть преподаваніе и въ гимназіяхъ, и въ университетѣ производится тамъ на нѣмецкомъ

языкѣ: протестовать противъ этого было бы съ нашей стороны дѣйствительно фальшивою національною гордостью, отъ которой мы, слава Богу, совершенно свободны. Но совершенно справедливо и совершенно необходимо обезпечить за русскимъ языкомъ полное право гражданства въ этихъ краяхъ, какъ и вездѣ въ Россіи.

Что же касается первоначальныхъ или народныхъ школъ, то для Латышей пусть онѣ будутъ латышскія, для Эстовъ финскія. Такъ вообще заведено у насъ, таковъ вообще нашъ обычай. Мы не насиловали и не смапивали ни одного изъ множества народныхъ племенъ живущихъ въ нашемъ отечествѣ. Не всѣ Латыши и Эсты становятся людьми либеральныхъ профессій: масса остается въ низменной долѣ. Мы оставляемъ же за Финнами ихъ языкъ въ Финляндіи и даже даемъ ему политическую полноправность, которою Финны дорожатъ; за что же мы будемъ отказывать въ финской грамотности Финнамъ въ Лифляндіи? Наконецъ, можно ли серіозно думать, чтобы мы, изобрѣтая грамоту для дикихъ инородцевъ въ Сибири и переводя на ихъ грубыя нарѣчія Священное Писаніе, измѣнили этому нашему обычаю въ Лифляндіи въ пользу германской народности, и чтобы мы допустили другихъ дѣлать то, чего не дѣлаемъ сами надъ другими? А между тѣмъ (вотъ къ какому презрительному мнѣнію о себѣ подали мы поводъ!) отъ насъ еще ожидаютъ, чтобы мы лифляндскихъ инородцевъ, обратившихся въ православіе и не умѣющихъ по-нѣмецки, германизовали посредствомъ православной литургіи переведенной на нѣмецкій языкъ. Православная литургія—орудіе германизаціи!

И неужели то что не могло совершиться въ темныя времена нашей исторіи, когда русская народность таплась подъ спудомъ, когда Русскій народъ не жилъ, а прозябалъ, неужели то должно совершиться теперь, когда Русскій народъ, повидимому, пробуждается къ новой жизни? Неужели то, что было трудно и невозможно въ тѣ времена, стало теперь возможнымъ и легкимъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, даемъ мы поводъ думать со стороны что эта эпоха, въ которую мы живемъ, есть начало не возрожденія, а упадка, не жизни, а смерти,—*commencement*

de la fin! Чѣмъ могли мы возбудить эти обидные помыслы, эти покушенія и надежды? Должно-быть дѣйствительно есть что-нибудь недоброе въ ходѣ нашихъ дѣлъ, и намъ слѣдуетъ серіозно вникнуть въ требованія обстоятельствъ и времени, чтобы немедля вывести наше народное дѣло изъ тумана недоразумѣній, сомнѣній и колебаній.

Г. Ферманъ заключаетъ свое письмо прекрасными словами; но намъ кажется, что они имѣютъ мало отношенія къ возникшему вопросу, тѣмъ болѣе что въ слова эти вкралась ошибка. Въ нихъ выразился не совсѣмъ ясный взглядъ на наше государство. Царственный Домъ, управляющій судьбами Россіи, не есть нѣчто постороннее Русскому народу, не есть внѣшняя связь безразлично соединяющая разныя владѣнія и разныя народности. Царствующій въ Россіи Домъ есть русскій Домъ. Онъ неразрывно соединенъ съ Русскимъ народомъ, онъ есть одно съ нимъ, и въ этомъ единствѣ—ихъ могущество и величіе, завѣтъ нашего прошедшаго, залогъ лучшаго будущаго. Малѣйшее разобщеніе между ними было бы величайшею опасностію.

Свободнаго развитія желаемъ мы всѣмъ и каждому, и безъ всякаго ложнаго страха; напротивъ, въ ложномъ страхѣ видимъ мы главнаго врага нашего, главную вину нашей слабости. Но допускать, чтобы Германія совершала мирныя завоеванія въ Россіи и съ помощію Русскаго правительства захватывала цѣлыя массы иноплеменныхъ народностей,—развѣ имя этому была бы гуманность или либеральность? развѣ это означало бы свободу развитія и соединеніе «всѣхъ языковъ во единую паству Единаго Пастыря»?

XIII.

18-го мая.

Нельзя новые языки приносить въ жертву древнимъ; къ чему въ жизни пригодятся мертвые языки, между тѣмъ какъ знаніе языковъ живыхъ, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, можетъ быть полезно на каждомъ шагу. Такъ разсуждаютъ у

насъ весьма многіе въ публикѣ, и на этомъ основаніи требуютъ, чтобы преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ было ограничено небольшимъ числомъ уроковъ и отнюдь не расширялось въ ущербъ преподаванію языковъ новыхъ, которые должны непремѣнно оставаться обязательнымъ предметомъ ученья. Но что такое новые языки въ гимназіяхъ? Гдѣ та гимназія которая выучивала бы новымъ языкамъ до такой степени чтобы знаніе ихъ могло имѣть для ученика практическое значеніе? Много ли даже такихъ гимназій, гдѣ ученики не разучиваются тѣмъ языкамъ на которыхъ могли объясняться до поступленія въ заведеніе? Новые языки никогда не были и никогда не будутъ серіознымъ предметомъ ученья въ гимназіяхъ. За это нельзя укорять наши гимназіи, потому что это же самое мы видимъ повсюду. Новымъ языкамъ нельзя учиться безъ живой практики; преподаваніе можетъ служить тутъ только подспорьемъ, а никакъ не главнымъ средствомъ ученія; имъ учатся такъ же какъ языку родному, путемъ темнаго усвоенія, а не путемъ науки; вотъ почему эти языки не считаются образовательнымъ средствомъ, и вотъ почему общественныя учебныя заведенія, ни у насъ, ни за границей, не бываютъ въ состояніи выучивать новымъ языкамъ мальчиковъ не учившихся этимъ языкамъ дома. Неудачи которыми сопровождается преподаваніе новыхъ языковъ въ публичныхъ многолюдныхъ школахъ навели даже въ недавнее время заграничныхъ проэкторовъ на мысль о такъ-называемыхъ *международныхъ* училищахъ, въ которыя принимались бы дѣти изъ разныхъ націй, и которыя періодически переѣзжали бы изъ страны въ страну. Эта мысль такъ оригинальна что мы скажемъ о ней нѣсколько словъ. Представьте себѣ, что устроено три заведенія съ совершенно одинакимъ планомъ ученья, въ Бельгіи, Германіи и Англіи, и что въ каждомъ изъ этихъ училищъ воспитываются дѣти изо всѣхъ этихъ націй, Французы, Нѣмцы, Англичане. Совмѣстное ученіе дѣтей трехъ націй дастъ уже имъ возможность практиковаться въ иностранныхъ языкахъ. Но для бо́льшаго успѣха предполагается переводить дѣтей изъ одного заведенія въ другое по извѣстной очереди, такъ чтобы каждый мальчикъ

одну треть своего учебнаго времени провелъ въ нѣмецкой школѣ, другую треть — въ бельгійской (французской) и третью треть—въ англійской. Еслибы въ этихъ школахъ было шесть классовъ, то каждый изъ учениковъ каждой изъ школъ пробылъ бы въ той школѣ куда поступилъ только два года (то-есть два класса), а на остальные четыре года былъ бы переведенъ въ другія двѣ школы, съ тѣмъ чтобъ учиться два года въ одной и два года въ другой. Такимъ образомъ ученики оставались бы два года въ Германіи и въ это время усвоили бы себѣ нѣмецкій языкъ; за тѣмъ они переѣхали бы на два года въ Бельгію, гдѣ учились бы всѣмъ предметамъ по-французски, и наконецъ еще два года провели бы въ Англіи, практикуясь въ языкѣ англійскомъ. Вотъ какая сложная система придумана для того чтобы успѣшно обучать новымъ языкамъ. Но можно ли думать чтобъ эти путешествующія училища, даже еслибы ихъ курсъ совершенно соотвѣтствовалъ гимназическому, были въ состояніи доставить своимъ ученикамъ хорошее образованіе? Ученики выучились бы, по всему вѣроятію, хорошо говорить на трехъ языкахъ, но общее образованіе должно было бы сильно пострадать отъ того что преподаваніе производилось поочередно на трехъ языкахъ учителями трехъ различныхъ націй. Ни умственное развитіе, ни нравственное воспитаніе (образованіе характера и т. п.) не могло бы выиграть отъ этого космополитическаго обученія. Школа должна сохранять національный характеръ; мальчикъ, учась иностраннымъ языкамъ, не долженъ разучиваться своему родному языку. Быть полу-Нѣмцемъ, полу-Французомъ, полу-Англичаниномъ, это можетъ-быть очень хорошо для конторпста, для купеческаго прикащика, для лондинера, для переводчика, но лицамъ высшихъ профессій такое воспитаніе не можетъ быть желательно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы теперешнія училища, существующія въ Западной Европѣ, были замѣнены училищами международными, устроенными по описанному нами проекту, то общій уровень цивилизаціи долженъ былъ бы значительно понизиться, и это сильно отозвалось бы какъ на государственной жизни, такъ и на литературѣ.

Итакъ, нѣтъ никакой возможности и даже отнюдь не желательно устроить гимназіи такъ чтобы практическое обученіе новымъ языкамъ было поставлено одною изъ задачъ гимназій. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Должны ли гимназіи тратить и время и силы на достиженіе цѣли которая не достижима, да еслибъ и была достижима, то не соотвѣтствовала бы ихъ назначенію? Должны ли наши гимназіи ради этой недостижимой и даже нежелательной цѣли отказываться отъ того характера который среднія учебныя заведенія имѣютъ во всемъ образованномъ мірѣ? Не должны ли мы напротивъ главною цѣлію гимназій поставить то что вездѣ признается за ихъ главную цѣль,—изученіе древнихъ языковъ и математики,—и уже сообразуясь съ этою главною цѣлію назначать время для преподаванія другихъ предметовъ, въ томъ числѣ и новыхъ языковъ, хотя бы пришлось отказаться отъ обязательности обоихъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго, и сдѣлать обязательнымъ одинъ изъ нихъ, по выбору самихъ учащихся?

Приступая къ рѣшенію вопроса о наилучшемъ устройствѣ гимназій, надобно же дѣйствовать хоть сколько-нибудь практически. Народный здравый смыслъ не велитъ гоняться за двумя зайцами: неужели разумно поставить себѣ задачей исканіе двухъ вещей, съ тѣмъ чтобы ни одной изъ нихъ не найти? Гимназіи которыхъ курсъ основанъ на древнихъ языкахъ и математикѣ намъ извѣстны, и мы знаемъ что на этомъ устройствѣ гимназій зиждется та европейская цивилизація которую мы желаемъ усвоить себѣ. Отвергнемъ ли мы устройство оправданное и прославленное опытомъ образованныхъ народовъ, чтобы вводить у себя устройство нигдѣ еще неиспытанное? И еслибы еще объ этомъ новомъ устройствѣ можно было сказать что оно нигдѣ не испытано! Оно много разъ испытано, на всѣ лады испытано, и послѣ всѣхъ этихъ опытовъ задача его оказалась до того недостижимою, что повела къ проектированію утопій въ родѣ международныхъ школъ. Но что еще важнѣе, всеобщимъ опытомъ дознано что изученіе новыхъ языковъ вовсе не дѣйствуетъ образовательно, и что ни одинъ народъ не

выработалъ себѣ самостоятельной цивилизаціи посредствомъ изученія современныхъ живыхъ языковъ.

Странное дѣло! Мы очень благодушно и смиренно готовы признавать себя во всемъ незрѣлыми и неспособными жить и мыслить своимъ умомъ; предъ всѣмъ мы пасуемъ, всему рабски подражаемъ, и во всемъ вредимъ себѣ примѣненіемъ чуждыхъ намъ понятій къ нашему быту; все сомнительное или явно никуда негодное мы съ удивительною ревностію переносимъ къ себѣ; мнѣніе всякаго иностраннаго писаки, хотя бы явно нелѣпое, для насъ великій авторитетъ; мы съ трепетнымъ подобострастіемъ подчиняемся всякимъ сужденіямъ и приговорамъ, лишь бы только они были чужіе; мы готовы передѣлывать нашъ народъ по всякой вновь прочтенной нами французской брошюркѣ; но вдругъ, ни съ того ни съ сего, мы изъявляемъ притязаніе на оригинальность, вдругъ начинаемъ говорить и дѣйствовать такъ, какъ будто бы мы чувствуемъ себя во главѣ всемірнаго прогресса, опытнѣе, и зрѣлѣе, и умнѣе не только каждаго изъ цивилизованныхъ народовъ въ отдѣльности, но и всѣхъ въ совокупности. Мы отказываемся отъ всякой самостоятельности тамъ, гдѣ быть самостоятельнымъ есть долгъ, и вдругъ, предъ лицомъ несомнѣннаго факта, выработаннаго всемірною цивилизаціей, предъ всеобъемлющимъ опытомъ, нигдѣ не подвергающимся серіозному вопросу, предъ свидѣтельствомъ жизни и великихъ умовъ, предъ показаніями теоріи и практики совершенно между собою согласныхъ, мы начинаемъ резоперствовать и подвергаемъ вопросу и спору то, что вездѣ стоитъ твердо, что дознано всеобщимъ опытомъ. Ни въ чемъ такъ не былъ бы полезенъ для насъ опытъ цивилизованныхъ народовъ, какъ въ дѣлѣ ученія; но тутъ-то мы и хотимъ отличиться нашею оригинальностью. Мы хотимъ строить наши школы на небывалыхъ основаніяхъ, мы сочиняемъ науки, которыя ни въ какихъ школахъ не преподаются; мы изобрѣтаемъ неслыханныя педагогическія системы, и съ ревностью, достойною лучшаго дѣла, изощряемся къ пріисканію способовъ, какъ лишить наши школы того что только могло бы дать имъ жизненную силу; какъ бы обойти то что для нихъ всего нужнѣе;

мы придумываемъ всевозможныя комбинаціи чѣмъ бы замѣнить въ нихъ преподаваніе древнихъ языковъ. Нигилисты и консерваторы готовы подать другъ другу руку когда дѣло идетъ о томъ чтобы подорвать основы нашего образованія или воспрепятствовать ему стать на твердую почву. Не нигилисты же были виною печальнаго упадка нашихъ гимназій, гдѣ вмѣсто древнихъ языковъ водворена жалкая карикатура естествовѣдѣнія и законовѣдѣнія и откуда выходятъ наши нигилисты! Вмѣсто того чтобъ учить латинскому языку, скажутъ вамъ пожалуй и теперь иные благочестивые люди, не лучше ли посвятить назначенное для него время славянскому языку? Но импровизованные педагоги, выражающіе такое мнѣніе, не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что изученіе славянскаго языка должно входить въ программу русскаго языка, которая безъ него была бы лишена одного изъ самыхъ существенныхъ своихъ элементовъ, что славянскій языкъ никакъ не можетъ быть особымъ предметомъ ученія, что онъ не представляетъ для этого матеріала, что изученіе его есть дѣло нѣсколькихъ уроковъ, что съ изученіемъ его юный умъ ничего не пріобрѣтетъ и останется ни при чемъ. Славянскій языкъ не есть особый, самостоятельный міръ, который бы, шагъ за шагомъ, завоевывался умомъ учащагося въ дѣятельной борьбѣ, развивающей всѣ силы ума и приводящей въ дѣйствіе всѣ направленія мысли, всѣ ея пріемы и способы. Славянскій языкъ можетъ быть предметомъ серіознаго изученія только для лингвиста, но сравнительное языкознаніе есть наука еще гораздо менѣе доступная для дѣтскаго возраста чѣмъ естествознаніе. Занимать гимназистовъ сличеніемъ корней есть великое педагогическое злоупотребленіе.

XIV.

19-го мая.

Минуты слабости не проходятъ даромъ. Миновавшая опасность всегда чего-нибудь стоитъ; всегда остается отъ ней какой-нибудь *минусъ* въ нашихъ дѣлахъ. Что въ жизни отдѣль-

ныхъ людей, то и въ жизни цѣлыхъ обществъ, въ системѣ политическихъ тѣлъ. Ослабленіе нашего авторитета въ европейскихъ дѣлахъ имѣло своимъ послѣдствіемъ печальныя событія прошлаго года, а эти событія, каковы бы ни были ихъ дальнѣйшія послѣдствія, уже успѣли создать для насъ новыя затрудненія въ Европѣ, уже грозятъ причинить намъ новый ущербъ, который вполнѣ оцѣнить мы теперь еще не въ состояніи. Чѣмъ слабѣе мы почувствовали себя, тѣмъ сильнѣе стали чувствовать себя наши сосѣди. На сколько они выиграли, на столько мы проиграли, и на столько намъ придется употреблять усилій чтобы возстановить равновѣсіе. Мы подвергались самому оскорбительному обращенію, въ наши дѣла вмѣшивались самымъ нецеремоннымъ образомъ, о нашихъ областяхъ метали жребій, противъ насъ поднялась вся Европа, противъ насъ составилась коалиція; мы были вынуждены готовиться къ вооруженному отпору. Мы однако вышли съ честію изъ этого прискорбнаго положенія; мы не дались въ обманъ, мы не испугались угрозъ, мы отвѣчали съ достоинствомъ и энергіей. Коалиція рушилась, опасность войны миновала, мятежъ подавленъ. Дай Богъ чтобы дѣло не ограничилось подавленіемъ только случайныхъ и временныхъ проявленій зла, чтобы мы могли одержать побѣду и надъ внутренними причинами, которыя породили нашу слабость и окружили насъ опасностями, чтобы мы могли ясно усмотрѣть чего не достаетъ намъ и безошибочно рѣшить куда идти и какъ дѣйствовать! Мы отклонили грозившія намъ опасности, но положеніе наше не стало легче, напротивъ, оно теперь труднѣе. Отъ насъ теперь требуется несравненно болѣе усилій, для того чтобъ обезпечить благоуспѣшный ходъ нашихъ дѣлъ. Что будетъ, то будетъ, но въ настоящемъ мы уже въ проигрышѣ. Мы вышли изъ затрудненій, но они обошлись намъ не дешево; мы отдѣлались отъ нихъ, но отдѣлались не безъ ущерба. Наше ослабленіе въ Европѣ не осталось безъ послѣдствій, оно выразилось въ измѣнившемся положеніи европейскихъ дѣлъ, и это измѣненіе никакъ не послужитъ элементомъ силы для насъ.

Какъ бы теперь ни пошли наши дѣла, но ослабленіе, которое мы испытали, выразилось фактически въ новыхъ, не совсѣмъ благопріятныхъ намъ политическихъ сочетаніяхъ. Въ стѣсненномъ положеніи нашемъ, посреди затрудненій съ которыми мы боролись и опасностей которыя намъ угрожали, мы принуждены были допустить многое, чего не могло бы произойти при другихъ обстоятельствахъ. Мы успѣли выйти изъ положенія совершенно нестерпимаго, а другіе между тѣмъ пріобрѣли серіозныя выгоды, соединенныя съ соотвѣтственными невыгодами для насъ. Мы подавили возстаніе, мы сохранили цѣлость нашего государства, и поздравляемъ себя съ успѣхомъ, а другіе успѣли возвысить свое политическое значеніе и занять положеніе о какомъ прежде не могли подумать. Мы удержали нашу позицію на Вислѣ, а Германія очутилась за Эйдеромъ, Скандинавскій союзъ сталъ возможностію, нашему положенію на Сѣверѣ угрожаетъ значительный уронъ, наше морское значеніе, которое покупалось такъ дорого, подвергается новой опасности. На сколько въ Германіи возвысилось національное чувство, на столько оно понизилось у насъ, и это уже отзывается нѣкоторыми не совсѣмъ благопріятными послѣдствіями внутри Имперіи.

Пруссія не принимала участія въ прошлогодней демонстраціи противъ насъ; она одна въ цѣлой Европѣ оставалась нейтральною, и вотъ, потому только что она не требовала отъ насъ того чего не могли бы допустить ея собственные интересы еще болѣе чѣмъ наши, она пріобрѣла нѣкоторое основаніе надѣяться на нашу уступчивость. Для насъ былъ выгоденъ нѣкоторый разладъ происшедшій между двумя наступавшими на насъ западными державами, но выгода наша была чисто отрицательнаго свойства; Пруссія успѣла извлечь изъ этого хода дѣлъ положительную для себя выгоду: напряженныя отношенія возникшія между Франціей и Великобританіей придали ей рѣшимость дѣйствовать, и прежде чѣмъ между великими державами могло произойти какое-либо соглашеніе относительно датскаго дѣла, Пруссія, въ союзѣ съ Австріей, совершила кампанію, которая отдала имъ въ руки почти весь Ютландскій полуостровъ.

Правда, на успѣхи германскаго оружія въ Даніи смотритъ неблагопріятно и Англія, но какой бы исходъ ни имѣло это дѣло, всевозможныя невыгодныя послѣдствія его для Англіи ничто въ сравненіи съ тѣми результатами которыхъ она достигла на Востокѣ, благодаря поднятому ею польскому вопросу. Всѣ опасности, когда-либо угрожавшія здѣсь ея интересамъ, миновали. Теперь она сильнѣе чѣмъ когда-нибудь. Что еще оставалось сомнительнымъ послѣ Парижскаго трактата въ ея интересахъ на Востокѣ, то теперь окончательно уладилось самымъ благопріятнымъ для нея образомъ. На чей же счетъ произошло приращеніе силы у нашихъ соперниковъ? Ни на чей болѣе какъ на нашъ. Мы утратили часть нашего значенія на Сѣверѣ, мы рискуемъ утратить послѣднее наше значеніе на Востокѣ. Что мы утратили, то пріобрѣли другіе. Перемѣны происшедшія въ положеніи Европы произошли на нашъ счетъ.

Что прошло, того воротить невозможно; но настоящее и будущее въ нашихъ рукахъ. Искусная, мудрая и энергическая политика можетъ отчасти предотвратить неблагопріятные обороты текущихъ событій, отчасти возвратить другими путями что было утрачено. Предупреждая неблагопріятные для насъ результаты на Сѣверѣ, мы сдѣлаемъ хорошо, если будемъ всѣми способами усиливать и возвышать значеніе нашего Юга. Чѣмъ болѣе будетъ возростать значеніе нашего Юга, тѣмъ сильнѣе мы будемъ и внутри и въ Европѣ. Этимъ путемъ мы не только можемъ вознаградить себя за утраченное, но пріобрѣсти новые элементы могущества.

Мы говоримъ это отнюдь не въ видахъ завоеванія, а въ видахъ обороны или лучше въ видахъ неуязвимости, потому что мы будемъ неуязвимѣе, когда возвысимъ значеніе нашего Юга. Равновѣсіе великихъ державъ, теперь очевидно нарушенное, было бы возстановлено, еслибы польскій вопросъ потерялъ способность возникать періодически, а для этого всего важнѣе чтобы Кіевъ, сдѣлавшись городомъ несомнѣнно-русскимъ, получилъ бо́льшую чѣмъ прежде притягательную силу относительно за-днѣпровскихъ губерній. Освободившись отъ опасности заключающейся въ польскомъ вопросѣ, мы могли бы смотрѣть

спокойно на совершившееся нынѣ приращеніе силы и возвышеніе духа въ другихъ великихъ державахъ.

Вопросъ о равновѣсіи есть коренной вопросъ политическаго положенія Европы, интересующій не насъ однихъ. Еслибы не было Крымской войны, Французы не были бы въ Савойѣ и Ниццѣ; еслибы не было польскаго возстанія, Австро-Прусаки не были бы въ Ютландіи. Нельзя не надѣяться, что Европа, наученная опытомъ, взглянетъ серіозно на угрожающую ей опасность и не дозволитъ захватовъ ни Пруссіи, ни Германскому Союзу. Планы относительно присоединенія Герцогствъ къ Пруссіи теперь повидимому оставлены, но по всему вѣроятію, южный Шлезвигъ придется присоединить къ Гольштейну, и образовать изъ этихъ двухъ странъ одно государство. Еслибъ это новое государство вошло въ составъ Германскаго Союза, то Германія получила бы значительное приращеніе. Неужели это будетъ допущено Европой? Въ утѣшеніе обыкновенно указываютъ на оборонительный характеръ Союза, лишеннаго будто бы средствъ къ нападенію. Но это утѣшеніе крайне сомнительное. Кто поручится что черезъ нѣсколько времени внутри Германскаго Союза не произойдетъ важныхъ перемѣнъ? Кто поручится что планъ прусской гегемоніи не осуществится? Тогда позиція на Эйдерѣ будетъ принадлежать Пруссіи, а такое приращеніе силы было бы слишкомъ дешево куплено, еслибы всѣ жертвы Пруссіи ограничились военными дѣйствіями нынѣшней весны. Поэтому и справедливость, и интересы европейскаго равновѣсія настоятельно требуютъ чтобы новое государство, которое по всему вѣроятію возникнетъ на Эйдерѣ, получило совершенно независимое существованіе, и чтобы за присоединеніе южнаго Шлезвига къ Гольштейну Европа была вознаграждена со стороны Германскаго Союза освобожденіемъ Гольштейна отъ принадлежности къ Союзу. Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ будетъ удовлетворительно разрѣшенъ только въ томъ случаѣ, если Шлезвигъ-Гольштейнъ будетъ объявленъ государствомъ нейтральнымъ, независимымъ какъ отъ Даніи, такъ и отъ Германскаго Союза. Нейтралитетъ этого новаго

государства вполнѣ обезпечилъ бы справедливые интересы Германіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ дозволилъ бы Даніи сохранить свою самостоятельность, не вступая по неволѣ въ Скандинавскій союзъ.

XV.

11-го мая.

.... Что касается польскаго вопроса, то этотъ метеоръ наконецъ совсѣмъ исчезъ съ европейскаго горизонта. Читатели обратятъ, конечно, вниманіе на парламентскій разговоръ, происходившій въ британской нижней палатѣ, который найдутъ они въ этомъ нумерѣ нашей газеты. Г. Геннесси, ревностный защитникъ польскаго дѣла въ англійскомъ парламентѣ, произвелъ отчаянную попытку гальванизировать это похороненное дѣло. Онъ перебралъ всю польскую исторію и всѣ фазы оставленнаго ею вопроса; онъ говорилъ очень долго и очень красно. Онъ предлагалъ чтобы палата высказала то что́ выпустилъ графъ Россель изъ своей заключительной депеши, то-есть чтобъ она заявила объ утратѣ Россіей ея правъ на Царство Польское и вмѣстѣ на тѣ исконныя русскія области которыя были возвращены ей по раздѣлѣ бывшаго Польскаго королевства, и которыя г. Геннесси ухитрился тоже поставить въ зависимость отъ Вѣнскаго трактата. Но, увы! рѣчь его, при всѣхъ ораторскихъ движеніяхъ, которыми она изобилуетъ, звучала будто изъ другаго міра; ее слушали безъ всякаго вниманія, и ему нужно было употребить величайшія усилія чтобъ взять назадъ свои резолюціи, и спасти ихъ отъ приговора палаты, который высказался бы съ безпощадною недвусмысленностію.

Если этотъ парламентскій разговоръ не лишенъ нѣкоторыхъ забавныхъ сторонъ, то онъ не лишенъ также нѣкоторой поучительности. Пусть наши читатели припомнятъ какимъ серіознымъ дѣломъ казался польскій вопросъ въ прошломъ году, какъ всѣ были убѣждены въ необходимости со стороны Россіи всевозможныхъ уступокъ для избѣжанія великой, всеобъемлющей европейской

войны, какъ всѣмъ казалось опаснымъ допустить какую-либо твердость въ отвѣтахъ Россіи на требованія коалиціи, какъ всякое рѣшительное дѣйствіе власти для прекращенія бѣдственнаго положенія, въ которомъ находился цѣлый край, взятіе подъ арестъ какого-нибудь вліятельнаго члена *жонда* представлялось какъ неизбѣжный *casus belli*. Читатели помнятъ, какъ вопреки всѣмъ этимъ опасеніямъ, всему этому оглушительному шуму, нужно было усиленно доказывать, что война изъ-за Польши есть совершенная невозможность, и что только уступчивость можетъ быть для насъ пагубна. Что же мы слышимъ теперь, когда мистификація кончилась? «Начинать войну изъ-за Польши было бы безуміемъ», подтвердилъ лордъ Пальмерстонъ, отвѣчая г-ну Гешесси.

Вотъ еще одно поучительное обстоятельство, которое подтверждаетъ, какъ можетъ быть опасенъ даже тотъ уступчивости въ дѣлахъ подобнаго рода: лордъ Пальмерстонъ припоминаетъ отвѣтъ Россіи, данный ею послѣ польскаго возстанія въ 1832 году. Россія объявила тогда что по прекращеніи возстанія она владѣетъ этимъ краемъ не въ силу Вѣнскаго трактата, а въ силу завоеванія, и тѣмъ самымъ прекратила всякія дипломатическія объясненія. Лордъ Пальмерстонъ признаетъ выгоды которыя проистекали для Россіи изъ такого взгляда, а въ томъ, что Россія въ прошломъ году допустила объясненія о польскомъ дѣлѣ на основаніи Вѣнскаго трактата, глава англійскаго министерства видитъ съ ея стороны уже уступку, ослабляющую ея положеніе.

Въ заключеніе укажемъ еще на одну, тоже не лишенную интереса, черту. Г. Грантъ-Доффъ заговорилъ было о либеральныхъ учрежденіяхъ, но палата не дала ему говорить криками: «*на раздѣлъ, на раздѣлъ!*» Вотъ какъ радикально измѣняются настроенія хорошо организованныхъ политическихъ собраній, соотвѣтственно обстоятельствамъ! Прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ, и въ той самой палатѣ, гдѣ громогласно, настоятельно, со всевозможными доводами, заявлялась необходимость самыхъ широкихъ государственныхъ реформъ въ Россіи, теперь и слышать не хотятъ объ этомъ, и заглушаютъ запоздалаго оратора криками нетерпѣнія, потому что слушатели стали иначе

смотрѣть на вещи, потому что оказались новые элементы, которыхъ прежде они не подозрѣвали. Въ первую половину прошлаго года Россія казалась исполненною революціонныхъ элементовъ, между ея правительствомъ и народомъ предполагался глубочайшій антагонизмъ и разладъ между всѣми ея общественными элементами, и согласно съ этимъ изъявлялось желаніе, чтобы ея общественныя силы такъ или иначе были призваны къ участію въ дѣлахъ государственныхъ; теперь, когда единство между правительствомъ и народомъ въ Россіи не подлежитъ сомнѣнію, когда сталъ извѣстенъ патріотическій духъ ея народонаселеній и великія силы въ нихъ сокрытыя, палата общинъ при первомъ намекѣ на что-либо подобное, всѣми своими голосами заглушаетъ оратора.

XVI.

13-го мая.

Преобразованіе нашихъ гимназій есть вопросъ особенной важности. Ошибки или недочеты во всякомъ другомъ дѣлѣ не могутъ сопровождаться такимъ вредомъ, какъ въ дѣлѣ воспитанія; здѣсь они губятъ цѣлыя поколѣнія, и вредъ ими причиненный не можетъ быть ни исправленъ, ни искупленъ. Ложное начало внесенное въ педагогическую систему не ограничивается настоящимъ; оно простираетъ свое дѣйствіе на будущее. Къ чему послужатъ всѣ наши преобразованія, если общество, въ своихъ подростающихъ поколѣніяхъ, будетъ заранѣе поражено безсиліемъ или порчею? А между тѣмъ намъ предстоитъ серіозный трудъ во всемъ, намъ теперь особенно нужны крѣпкія силы, способные и дѣльные люди. Никогда пособіе школы не было такъ важно, такъ необходимо для нашей жизни, какъ въ настоящую пору. Прежде мы могли обходиться чужими школами, за недостаткомъ или плохимъ состояніемъ своихъ; мы могли прежде жить и дѣйствовать въ нашемъ отечествѣ будучи по воспитанію Французами или Нѣмцами. Теперь это становится невозможно. Лѣнь и бездѣйствіе которыя доселѣ сковы-

вали нашу жизнь должны уступить мѣсто бодрой и неутомимой дѣятельности; мы уже не можемъ, попрежнему, пребывать въ умственной и нравственной дремотѣ, не можемъ жить чужимъ умомъ и довольствоваться словами вмѣсто понятій, фразами вмѣсто дѣйствій; полно уже намъ лежать на боку, или ходить на помочахъ: теперь требуется стоять на своихъ ногахъ; каждый шагъ нашъ отнынѣ будетъ доставаться намъ съ бою, какъ въ хозяйственномъ быту нашемъ, глубоко измѣнившемся съ отмѣной крѣпостнаго права, такъ и во всѣхъ сферахъ гражданской жизни. Намъ не дадутъ теперь даромъ пользоваться тѣмъ великимъ значеніемъ которое принадлежитъ Россіи какъ великой европейской державѣ; за нами ничего не оставятъ безспорно, на все будутъ требовать у насъ доказательствъ и правъ. Зоркая, ревнивая, неумолимая Немезида не терпитъ въ мірѣ ничего даровaго, ничего случайнаго, незаслуженнаго, неоправданнаго, и всякая сила подвергается испытаніямъ. Намъ нужно готовиться къ испытаніямъ; а гдѣ же вѣрнѣе и благовременнѣе готовиться къ нимъ, какъ не въ школахъ, изъ которыхъ выходятъ дѣятели нашего будущаго? Ошибочная педагогическая система губитъ людей и подвергаетъ опасности общество.

Задача учебныхъ заведеній—давать людей учащихся и знающихъ что-либо не для вида, а на самомъ дѣлѣ. Задача состоитъ не въ томъ чтобы въ школахъ преподавалось много важныхъ и полезныхъ наукъ, а единственно въ томъ чтобъ учащіеся выносили изъ преподаванія пользу, чтобъ они чему-нибудь научились вполнѣ, чтобъ умственныя силы ихъ крѣпли, а не слабѣли, не уничтожались. Школа достигла своей цѣли, если она пріучила молодой умъ къ серіозному труду, если она дала ему узнать на дѣлѣ что́ такое знаніе, извѣдать собственнымъ опытомъ какъ оно пріобрѣтается, если она дала ему почувствовать что́ значитъ на самомъ дѣлѣ понимать что-либо. Знаніе и понятіе не такія вещи которыя можно было бы механически вносить въ голову. Самое глубокое знаніе звучитъ пустою фразой, если умъ, которому оно преподается, не содержитъ въ себѣ элементовъ для того чтобы воспроизвести его въ себѣ. Школа удовлетворитъ своей цѣли, когда она сосредоточитъ силы

учащихся на предметахъ которыми они могутъ овладѣвать безъ черезмѣрныхъ напряженій, безъ неестественныхъ усилій, шагъ за шагомъ, вполнѣ и въ возможномъ совершенствѣ. Вѣковая практика всего образованнаго человѣчества выработала эти предметы и дала ихъ школѣ. Древніе языки и математика, вотъ испытанныя и несомнѣнныя основанія гимназическаго ученія. Должны ли мы одни быть исключеніемъ? До сихъ поръ мы ничему серіозно не учились; теперь предстоитъ намъ необходимость учиться серіозно, чтобы стать чѣмъ-нибудь. Ужели мы откажемся отъ большой, прямой, извѣданной дороги и отправимся блуждать по дебрямъ и топямъ? Указываютъ на естественныя науки, на ихъ богатство въ современномъ развитіи, на пользу которую они приносятъ въ практическомъ примѣненіи, на ихъ плодотворный методъ, и на этомъ основаніи иные желали бы ввести ихъ въ наши гимназіи, съ тѣмъ чтобы на нихъ главнымъ образомъ сосредоточить ученіе. Но мало ли на свѣтѣ хорошаго? Всякое знаніе хорошо и полезно: слѣдуетъ ли изъ этого чтобы можно было съ пользою преподавать всякое знаніе въ гимназіяхъ? Все хорошо только на своемъ мѣстѣ и въ свою пору. Что составляетъ достоинство наукъ, требующихъ зрѣлаго и приготовленнаго ума, что составляетъ ихъ пользу и плодотворность ихъ метода, то, въ большинствѣ случаевъ, пропадетъ даромъ или дастъ противный ожиданію результатъ въ преподаваніи дѣтскимъ умамъ. Науки, возбуждающія живую и плодотворную дѣятельность въ зрѣломъ умѣ, превратятся здѣсь либо въ мертвую схему, либо въ пустую фразу. Именно того-то и не будетъ что побуждаетъ иныхъ желать преподаванія этихъ наукъ въ гимназіяхъ. Вмѣсто положительнаго знанія, вмѣсто навыка въ точныхъ пріемахъ мысли, мы получимъ верхоглядство, фразерство, напыщенность неспособность отличить понятое отъ непонятаго, узнанное отъ неузнаннаго, ясное отъ неяснаго; вмѣсто здороваго, крѣпкаго, подготовленнаго къ дѣятельности ума, мы получимъ умъ испорченный, подавленный и неспособный къ серіозному труду.

Школьное обученіе, какъ бы оно ни ухищрялось, не можетъ наполнить молодой умъ разнообразными свѣдѣніями, для которыхъ еще нѣтъ у него органовъ; назначеніе школьнаго обученія

прежде всего состоитъ въ томъ чтобы развить въ умѣ эти органы. Но ничѣмъ до такой степени и съ такимъ успѣхомъ не могутъ быть развиты умственные органы, необходимые для всякаго знанія, какъ посредствомъ математики съ одной стороны и древнихъ языковъ съ другой.

Безъ науки числа и пространства была бы невозможна власть человѣка надъ природой; безъ этого могущественнаго орудія были бы безплодны всѣ усилія ума въ борьбѣ его съ нею. Съ другой стороны, вся цивилизація, посреди которой мы живемъ, восходитъ, какъ къ своему первоначальному источнику, къ древнему міру, къ древнимъ языкамъ, въ которыхъ онъ кристаллизовался. Языкъ есть начало всего въ человѣческомъ мірѣ; въ немъ всѣ формы человѣческаго мышленія, въ немъ запечатлѣны всѣ основныя отношенія человѣческихъ понятій, точно также какъ въ языкѣ того или другаго народа, сверхъ того, запечатлѣна вся жизнь его и всѣ особенности его генія. Изученіе древнихъ языковъ не только даетъ уму самый вѣрный способъ овладѣть общею логикой, присущею всякому языку, но и всѣмъ тѣмъ великимъ матеріаломъ который выработанъ древнимъ міромъ и который послужилъ основаніемъ новому. Изученіе древнихъ языковъ, развивая дѣятельность ума и пріучая его ко всѣмъ пріемамъ необходимымъ для мысли въ борьбѣ съ даннымъ матеріаломъ, развивая всѣ способы ума, знакомя его на практикѣ со всѣми методами положительнаго знанія, сообщаетъ ему въ то же самое время тѣ основные историческіе элементы которые вошли въ безконечно-разнообразныя, въ безконечно-сложныя сочетанія новѣйшей цивилизаціи. То общество которое ведетъ свое образованіе не отъ этихъ основныхъ элементовъ никогда не будетъ обладать самостоятельнымъ образованіемъ; всегда образованіе его будетъ безжизненно, вяло и безплодно; всегда будетъ оно рабскимъ сколкомъ съ чужаго.

Въ то самое время, когда рѣшается участь нашего образованія, судьба нашихъ гимназій, на другомъ концѣ Европы, на крайнемъ Западѣ, въ Англіи, также трактуется вопросъ о системѣ обученія въ среднихъ школахъ. Коммиссія состоящая изъ многихъ опытныхъ людей, въ томъ числѣ изъ двухъ прелатовъ,

архіепископа кантерберійскаго и епископа лондонскаго, подъ предсѣдательствомъ лорда Кларендона, въ продолженіе трехъ лѣтъ изучала этотъ вопросъ. Она имѣла 120 съѣздовъ, и осмотрѣла всѣ существующія въ Англіи учебныя заведенія; она входила въ сношенія со всѣми педагогами и свѣдущими въ дѣлѣ людьми. Богатые матеріалы, собранные ею, результатъ своихъ изученій, представила она парламенту, и на этихъ дняхъ въ палатѣ лордовъ была рѣчь объ этомъ предметѣ. Коммиссія подтверждаетъ, что вся сила обученія въ среднихъ школахъ должна состоять въ древнихъ языкахъ и математикѣ; все прочее должно служить только придатками къ этимъ основнымъ и существеннымъ предметамъ. «Мы убѣждены», говорятъ коммиссары, «что самые «лучшіе матеріалы для ученія въ этихъ заведеніяхъ составляютъ «языки и литература Греціи и Рима. По правильному строю «этихъ языковъ, по логической точности ихъ выраженія, по «сравнительной легкости съ какою ихъ этимологія возводится «къ общимъ законамъ, по строгимъ правиламъ вкуса и стиля, «господствующимъ въ нихъ, по тому самому факту, что языки «эти суть языки *мертвые* и переданы намъ изъ періода своего «высшаго совершенства, почти нетронутыми неизбѣжнымъ про«цессомъ вырожденія и упадка, они, безъ всякаго сомнѣнія, «представляютъ самые лучшіе образцы для изученія слова «человѣческаго... Кромѣ того, классическая литература оказы«ваетъ могущественное дѣйствіе на образованіе государствен«ныхъ дѣятелей и развитіе политической жизни въ Англіи.» Точно такъ же судятъ коммиссары и о важности математики.

Всѣ другіе предметы допускаются лишь на столько, на сколько остается времени отъ главныхъ; въ программу коммиссіи входятъ и новые языки, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ, французскій или нѣмецкій, желала бы она видѣть во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ какъ предметъ обязательный; она допускаетъ въ нѣкоторой степени и естествовѣдѣніе. Но чтобы судить о томъ въ какомъ отношеніи, по соображеніямъ коммиссіи, должны находиться между собою разные предметы преподаванія, мы приведемъ цифры репетиціонныхъ часовъ. Изъ 17 репетиціонныхъ часовъ въ недѣлю предполагаемыхъ коммисса-

рами, 10 отводятъ они для приготовленія только по предмету классическихъ языковъ, и лишь два часа въ недѣлю для приготовленія по новѣйшимъ языкамъ и естествовѣдѣнію вмѣстѣ. Вспомнимъ при этомъ какая широкая доля дается у насъ въ гимназіяхъ (и дается, конечно, по праву) физикѣ какъ основной естественной наукѣ, служащей главнѣйшимъ примѣненіемъ математики къ положительному знанію и открывающей собою рядъ естественныхъ наукъ, какъ ихъ первое звено и основаніе.

Мы говоримъ о нашихъ гимназіяхъ и забываемъ о другой вѣтви нашихъ учебныхъ заведеній, равностепенныхъ съ ними и можетъ-быть еще болѣе важныхъ,—о семинаріяхъ. Вопросъ о гимназіяхъ подлежитъ теперь рѣшенію,—и дай Богъ, чтобы рѣшеніе послѣдовало вполнѣ правильное, чтобъ оно вывело наше образованіе на другую лучшую дорогу! Но когда послѣдуетъ рѣшеніе вопроса о преобразованіи нашихъ семинарій, которыя не могутъ долѣе оставаться въ своемъ совершенно невозможномъ состояніи, семинарій съ ихъ жалкими крохами сельскаго хозяйства и медицины,—семинарій, въ которыхъ убитъ всякій духъ серіознаго ученія и которыя служатъ только къ тому чтобы въ нихъ самымъ успѣшнымъ образомъ забывалось все пріобрѣтенное въ первоначальныхъ духовныхъ училищахъ?—когда послѣдуетъ наконецъ правильное рѣшеніе этого вопроса?

XVII.

6-го мая.

Въ преніяхъ британской верхней палаты, о которыхъ мы упомянали въ передовой статьѣ № 115 *Московскихъ Вѣдомостей*, былъ между прочимъ затронутъ вопросъ, имѣющій нѣкоторое, хотя и отдаленное сходство съ возбужденнымъ теперь у насъ вопросомъ о бифуркаціи гимназическаго курса. Королевскіе коммиссары, изслѣдовавшіе состояніе публичныхъ школъ въ Англіи, высказали нѣсколько замѣчаній о необходимости сократить слишкомъ поощряемыя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ

упражненія въ сочиненіи греческихъ и латинскихъ стиховъ. На эти упражненія идетъ въ Англіи очень много времени. Учениковъ доводятъ иногда до такой ловкости, что они легко переводятъ Шекспира греческими стихами. Это уже не гимнастика, а волтижерство. Коммиссары полагаютъ, что слишкомъ широкое мѣсто предоставленное упражненіямъ этого рода вредитъ изученію даже древнихъ литературъ. Они полагаютъ, что можно совсѣмъ не дѣлать обязательнымъ писанія греческихъ и латинскихъ стиховъ, и совѣтуютъ ограничиться латинскими сочиненіями въ прозѣ, какъ обязательнымъ для всѣхъ учениковъ упражненіемъ. На этомъ основаніи они предлагаютъ, чтобы въ публичныхъ школахъ было дозволено ученикамъ, съ согласія своихъ родителей, отказываться отъ нѣкоторой части упражненій по древнимъ языкамъ (отъ латинскихъ и греческихъ стиховъ и отъ греческихъ сочиненій), съ тѣмъ чтобы посвящать больше времени новымъ языкамъ, математикѣ и физикѣ. Это была бы весьма умѣренная бифуркація, и притомъ допущенная, надобно признаться, съ чрезвычайною осмотрительностію. Просимъ читателей замѣтить, что воспитанники публичныхъ школъ получили бы право освобождаться отъ нѣкоторыхъ упражненій не по собственной волѣ, какъ нерѣдко бываетъ у насъ, и даже не съ согласія однихъ родителей, что у насъ считается верхомъ осмотрительности, а съ согласія также воспитателей, то-есть тѣхъ лицъ которыя слѣдятъ за занятіями учениковъ и сами принадлежатъ къ школѣ, — такъ-называемыхъ *туторовъ*. Эти лица, имѣвъ возможность въ продолженіи многихъ лѣтъ узнать способности и наклонности ученика, конечно скорѣе всѣхъ другихъ были бы въ состояніи выбрать для него тѣ занятія которыя болѣе соотвѣтствуютъ его характеру. Но и при обоюдномъ согласіи какъ воспитателей, такъ и родителей, ученикъ могъ бы быть освобожденъ не вообще отъ древнихъ языковъ (этого и въ голову не входитъ никому въ Англіи), а только отъ нѣкоторыхъ особенно трудныхъ и мало полезныхъ упражненій по древнимъ языкамъ. Что казалось бы можетъ быть умѣреннѣе и разсудительнѣе? Это не выборъ факультета, предоставляемый четырнадцатилѣтнему мальчику; это не такой актъ

которымъ можетъ быть опредѣлена будущая карьера молодаго человѣка; это не болѣе какъ весьма незначительное измѣненіе въ программѣ ученія, и притомъ измѣненіе не отдаваемое даже на произволъ родителей, которые легко могутъ ошибиться въ своемъ сужденіи по вопросу педагогическому, а допускаемое лишь въ случаѣ согласія между родителями и воспитателями. Значеніе предполагаемой перемѣны уменьшено до такой степени, что нашимъ прогрессистамъ, которымъ море по колѣно, эта перемѣна должна показаться совершенно ничтожною: по тѣмъ не менѣе она окружена всѣми возможными гарантіями въ томъ что дозволяемый шагъ не будетъ сдѣланъ неосмотрительно. И что же однако? Несмотря на всю ограниченность значенія предложенной мѣры, несмотря на всѣ обезпеченія противъ ошибки, которыми она окружена, она вызвала сильную оппозицію со стороны графа Станнопа, человѣка пользующагося высокимъ авторитетомъ по вопросамъ педагогическимъ.

По англійскимъ понятіямъ, школы должны зависѣть отъ родителей въ томъ отношеніи, что должны содержаться преимущественно на ихъ деньги. Такъ называемыя публичныя среднія школы, то-есть училища соотвѣтствующія нашимъ гимназіямъ не получаютъ въ Англіи отъ государственной казны ни одного пенни. Онѣ содержатся на проценты съ пожертвованныхъ въ разныя времена капиталовъ, но главный источникъ ихъ доходовъ составляетъ плата за ученье. Въ этомъ отношеніи онѣ зависятъ отъ публики, и это очень полезно: плохія школы не могли бы существовать, потому что не имѣли бы воспитанниковъ. Для существованія, и тѣмъ болѣе для процвѣтанія школы необходимо чтобъ она пользовалась доброю славой. Но на этомъ и останавливается вліяніе родителей на публичныя школы Англіи. Родители не имѣютъ никакого права вмѣшиваться во внутреннія распорядки публичной школы. Въ этомъ преимуществѣ собственно и состоитъ различіе между публичными школами и частными учебными заведеніями. Послѣднія, не имѣя самостоятельности, принуждены исполнять всѣ желанія родителей, разумныя точно также какъ неразумныя. Напротивъ публичныя школы, благодаря своимъ богатымъ фундушамъ

поставленныя независимо, сохраняютъ свободу отъ этихъ минутныхъ вліяній и имѣютъ возможность блюсти изъ вѣка въ вѣкъ педагогическое преданіе. Графъ Стангопъ указалъ на этотъ характеръ англійскихъ публичныхъ школъ и выразилъ опасеніе, что предоставивъ родителямъ хотя и небольшое вліяніе на планъ ученья, парламентъ ослабитъ различіе существующее теперь между публичными и частными школами. Кромѣ того, этотъ перъ указалъ на вредныя послѣдствія бифуркаціи даже въ томъ случаѣ, когда выборъ отдѣла не бываетъ ошибоченъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ натурѣ ученика. Эти вредныя послѣдствія состоятъ въ томъ, что ученикъ, зная что впереди предстоитъ ему выборъ отдѣла, невольно дѣлаетъ этотъ выборъ заранѣе въ своихъ мысляхъ, такъ что хотя по закону выборъ и будетъ зависѣть отъ единогласнаго рѣшенія родителей и воспитателей но на практикѣ его еще прежде сдѣлаетъ самъ мальчикъ, за нѣсколько лѣтъ до срока допускаемаго закономъ, въ такое время когда никакой опытный педагогъ не въ состояніи еще опредѣлить будущее развитіе и направленіе способностей мальчика. Вообще противъ бифуркаціи графъ Стангопъ высказался такъ: «Ничего не можетъ быть неразумнѣе, какъ начинать занятія, имѣя въ виду что они будутъ прерваны по достиженіи извѣстной мѣры успѣха? Если ученики будутъ останавливаемы въ классическихъ упражненіяхъ въ ту самую минуту когда начнутъ оказывать въ нихъ успѣхи, то не лучше ли вовсе не начинать классическихъ занятій?» Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться. Дѣйствительно, лучше вовсе не вводить древнихъ языковъ въ гимназіи, чѣмъ не доводить занятій ими до конца. Что-нибудь одно изъ двухъ: учить древнимъ языкамъ либо полезно, либо безполезно. Если безполезно, то не надобно и начинать ученья. Если же полезно, то нечего выторговывать, нельзя ли какъ-нибудь научить поменьше. Надобно научить какъ слѣдуетъ, то-есть выучить.

Интересны также замѣчанія графа Стангопа о способѣ управленія публичными школами. Коммиссары предложили, чтобы при главномъ учителѣ, т.-е. по нашему директорѣ школы (head-master), состоялъ совѣтъ изъ учителей (assistant masters),

для пособія директору. Такихъ совѣтовъ въ Англіи до сихъ поръ не существовало, и предложеніе комиссіи встрѣчено многими возраженіями. «Такой совѣтъ, замѣчаетъ графъ Станхопъ, подобно всѣмъ законодательнымъ собраніямъ, скоро раздѣлится на партіи, и когда ученики узнаютъ,—а узнаютъ они непремѣнно,—что такіе-то учители на одной сторонѣ, а другіе на другой, то ихъ довѣріе и уваженіе къ центральному авторитету уменьшится. Епископъ, который былъ много лѣтъ директоромъ одной большой публичной школы, говорилъ мнѣ, что во все продолженіе своего директорства онъ не имѣлъ ни разу неудовольствій ни съ кѣмъ изъ учителей, но что тѣмъ не менѣе, еслибы учрежденіе педагогическихъ совѣтовъ было рѣшено въ понедѣльникъ, то во вторникъ онъ подалъ бы просьбу объ увольненіи. Есть огромное различіе между добровольнымъ совѣщаніемъ директора съ своими помощниками и между подчиненіемъ директора совѣту состоящему изъ его помощниковъ и постановляющему рѣшенія которымъ онъ обязанъ повиноваться. Теперь нашъ директоръ можетъ быть сравненъ съ монархомъ, котораго власть естественно ограничена. Берегитесь сдѣлать изъ него нѣчто въ родѣ венеціанскаго дожа »

XVIII.

27-го мая.

Въ апрѣльской книжкѣ ежемѣсячнаго изданія *Baltische Monatsschrift* помѣщена интересная корреспонденція изъ Лифляндіи объ устройствѣ и составѣ собраній носящихъ въ остзейскихъ губерніяхъ названіе *Landtag*, земскій сеймъ (хотя они состоятъ почти исключительно изъ дворянъ). Въ Лифляндіи и Эстляндіи бо́льшая часть членовъ этихъ собраній засѣдаютъ по личному праву, и потому лифляндскій и эстляндскій сеймы довольно многолюдны. Въ Курляндіи, напротивъ, сеймъ состоитъ изъ представителей избираемыхъ дворянами по приходамъ; впрочемъ и сами избиратели имѣютъ право по временамъ собираться въ губернскомъ городѣ и замѣнять собой сеймъ пред-

ставителей. Это общее собраніе всѣхъ избирателей созывалось только однажды въ нынѣшнемъ столѣтіи, именно въ прошломъ году. Оно носитъ сохранившееся изстари, оригинальное и вмѣстѣ привлекательное имя «братскаго совѣщанія» (brüderliche Conferenz). Корреспондентъ *Baltische Monatsschrift* находитъ что курляндское устройство гораздо лучше чѣмъ лифляндское и эстляндское, и этимъ объясняетъ сравнительно бо́льшую удовлетворительность совѣщаній курляндскаго сейма. «Каждый непредубѣжденный, сказано въ *Baltische Monatsschrift*, будетъ ожидать лучшей и въ особенности болѣе послѣдовательной дѣятельности отъ собранія менѣе многолюднаго, которое упованію заключало бы въ себѣ отборныя и наиболѣе зрѣлыя силы нашего дворянства, нежели отъ массы колеблющейся и слишкомъ доступной минутнымъ вліяніямъ. Вмѣсто теперешнихъ непредвидѣнныхъ рѣшеній, въ земской политикѣ будетъ тогда система и преданіе. Лифляндскій корреспондентъ *Baltische Monatsschrift* высказывается въ пользу выборныхъ собраній, какъ регулярнаго средства отправленія дѣлъ, и допускаетъ общее собраніе членовъ подающихъ голосъ по личному праву только въ экстренныхъ случаяхъ, когда предстоитъ не рѣшеніе дѣлъ, а выраженіе мнѣнія объ общихъ началахъ. Отдавая такимъ образомъ преимущество курляндскому устройству, корреспондентъ не совѣтуетъ подражать ему только въ одномъ,— именно въ обычаѣ давать инструкціи представителямъ приходовъ. «Эти инструкціи, или мандаты, даваемые избирателями, говоритъ онъ, усложняютъ дѣло, препятствуютъ живому сближенію мнѣній на сеймѣ и уменьшаютъ значеніе уполномоченнаго, такъ что избиратели не имѣютъ надобности высылать на сеймъ наиболѣе способнаго изъ своей среды человѣка. Отмѣну инструкцій или мандатовъ онъ предлагаетъ также подъ вліяніемъ своего общаго взгляда на предпочтительность выборныхъ собраній. Въ Курляндіи обычныя совѣщанія происходили доселѣ въ двоякихъ собраніяхъ—приходскихъ и губернскихъ; въ первыхъ голосъ былъ основанъ на личномъ правѣ; во вторыхъ— на выборѣ. Но обычай давать инструкціи ставилъ губернскія собранія въ зависимость отъ приходскихъ, то-есть давалъ

перевѣсъ собраніямъ личнымъ надъ собраніемъ выборнымъ. Съ отмѣной инструкцій, въ приходскихъ собраніяхъ прекратились бы совѣщанія, и эти собранія сдѣлались бы не болѣе какъ простыми избирательными съѣздами. Выборное начало получило бы большій чѣмъ нынѣ перевѣсъ надъ началомъ личнымъ, которое осталось бы въ полной силѣ только въ экстренныхъ «братскихъ совѣщаніяхъ».

Таково въ сущности мнѣніе лифляндскаго корреспондента *Baltische Monatsschrift*. Онъ не хочетъ совершенно устранять личное начало; онъ оставляетъ его въ силѣ для экстренныхъ «братскихъ совѣщаній». Но для регулярныхъ собраній онъ предлагаетъ выборное начало и совѣтуетъ дать ему въ остзейскихъ губерніяхъ гораздо большее противъ теперешняго развитіе. Онъ полагаетъ что Лифляндія и Эстляндія должны заимствовать это начало у Курляндіи, но не довольствуется и этимъ: курляндское выборное начало, распространенное на Лифляндію и Эстляндію, должно быть, по его мнѣнію, еще усилено отмѣной инструкцій.

Какъ ни смѣлы эти предложенія, они все-таки гораздо осмотрительнѣе чѣмъ замыслы нашего ложнаго либерализма совсѣмъ распроститься съ личнымъ началомъ въ мѣстномъ самоуправленіи. Считаемъ нужнымъ указать на это различіе, говорящее въ пользу остзейскаго публициста. Онъ предлагаетъ большую ломку, но все-таки обнаруживаетъ нѣкоторое уваженіе къ существующему. Онъ не стоитъ за сословную исключительность; онъ высказывается въ пользу соединенія дворянства съ горожанами въ общихъ собраніяхъ; онъ заботится объ общемъ представительствѣ *von Stadt und Land*: тѣмъ не менѣе онъ дорожитъ «братскими совѣщаніями» и предоставляетъ имъ сужденіе о наиболѣе важныхъ *принципіальныхъ* вопросахъ. Онъ оставляетъ въ силѣ, онъ даже совѣтуетъ еще болѣе расширить ту широкую основу земскихъ собраній, безъ которой невозможно самоуправленіе.

Мы не настолько знакомы съ мѣстными отношеніями въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ, чтобы предсказывать какую

судьбу могутъ имѣть тамъ тѣ или другія предложенія. По всему вѣроятію, планъ корреспондента *Baltische Monatsschrift* не встрѣтитъ сочувствія и не будетъ принятъ. Остзейское дворянство, что бы о немъ ни говорили, имѣетъ то достоинство что умѣетъ отстаивать существующій порядокъ вещей. Оно обладаетъ тою почтенною силой устоя, которая есть признакъ жизни, хотя жизнь остзейскаго дворянства можетъ-быть и страдаетъ односторонностью и исключительностью. Какъ мы ни мало имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ остзейскихъ дѣлъ, но мы почти увѣрены что личное начало удержитъ за собой въ Лифляндіи и Эстляндіи больше значенія, чѣмъ сколько предоставляетъ ему лифляндскій корреспондентъ *Baltische Monatsschrift*. Его корреспонденція уже вызвала сильное возраженіе въ *Dorpater Tagesblatt*, главномъ органѣ тамошнихъ рыцарскихъ интересовъ, и по всему вѣроятію мнѣніе дерптскаго листка окажется господствующимъ. Поэтому мы считаемъ нужнымъ обратить и на него вниманіе нашихъ читателей. Насъ впрочемъ тутъ интересуетъ не столько мѣстная, сколько общая сторона дѣла. Мы оставляемъ внѣ вопроса тѣ сложныя и отчасти таинственныя побужденія, которыми руководятся въ своихъ сужденіяхъ разные органы остзейской печати: тамошняя журналистика очень оживилась въ послѣдніе два года, но при всѣхъ ея достоинствахъ у нея есть одинъ коренной недостатокъ: она не имѣетъ ясныхъ и опредѣлительныхъ политическихъ цѣлей и, къ сожалѣнію, слишкомъ явственно отражаетъ на себѣ неопредѣленность нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Итакъ, оставляя внѣ вопроса все то въ чемъ заключается *специальность* взгляда *Дерптскаго Листка*, основанная въ свою очередь на какой-то метафизической «особенности» Остзейскаго края, на такъ-называемой *baltische Eigenthümlichkeit* (какое куріозное выраженіе!), мы расположены отдавать справедливость всему тому что высказывается дѣльнаго какъ вообще въ остзейской печати, такъ и въ частности въ упомянутой нами дерптской газетѣ. Кстати, мы можемъ облегчить для этой газеты тяжесть упрековъ которымъ она подвергается теперь отъ своихъ

собратій за оказываемое намъ вниманіе: пусть вспомнятъ ея порицатели, что она посильно содѣйствовала распространенію разныхъ нелѣпыхъ сплетней объ издателяхъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Dorpater Tagesblatt находитъ что курляндскій порядокъ хуже лифляндскаго и эстляндскаго. Совѣщанія курляндскаго сейма связаны инструкціями, вслѣдствіе чего пренія не имѣютъ должнаго значенія, и рѣшенія сейма бываютъ уже заранѣе составлены. Но гдѣ они составлены? удобное ли для того мѣсто въ приходскихъ собраніяхъ съ ихъ ограниченнымъ горизонтомъ? Если въ послѣднее время результаты совѣщаній курляндскаго сейма были удовлетворительны, то, по мнѣнію дерптской газеты, этимъ онъ обязанъ «братскимъ совѣщаніямъ», то-есть собранію составленному на основаніи личнаго начала. Поэтому *Dorpater Tagesblatt* полагаетъ что не Лифляндія и Эстляндія должны подражать Курляндіи, а наоборотъ, Курляндія должна ограничить значеніе своего сейма, состоящаго изъ уполномоченныхъ, и ввести у себя періодическія собранія «братскихъ совѣщаній». Что же касается неудобства заниматься отправленіемъ мелкихъ дѣлъ во многолюдномъ собраніи, то *Dorpater Tagesblatt* предлагаетъ усилить дѣятельность коммиссій сейма, а также предоставить большій кругъ дѣятельности собранію уѣздныхъ депутатовъ и ландратовъ. Дерптская газета подкрѣпляетъ эти свои предложенія общими соображеніями о преимуществахъ личныхъ собраній предъ выборными. «Личныя собранія, сказано въ *Dorpater Tagesblatt*, могутъ три раза сряду не внимать требованіямъ времени и обстоятельствъ, но когда они въ четвертый разъ вникнутъ въ дѣло и измѣнятъ свой взглядъ, тогда ихъ рѣшеніе, по своей широтѣ и силѣ, далеко превзойдетъ сумму частныхъ, миніатюрно-отмѣренныхъ реформъ произведенныхъ четырьмя сессіями собранія уполномоченныхъ. Эти послѣдніе гораздо болѣе потребляютъ нежели производятъ политической мудрости и политической силы. Въ личныхъ собраніяхъ очень можетъ случиться что неразумѣе одержитъ верхъ надъ благоразумѣемъ, но благоразумѣе прилипчиво: оно подъ

конецъ пристанетъ и къ неразумію. Политическій успѣхъ вырабатывается въ такихъ собраніяхъ медленно, но прочно. Сознаніе связи отдѣльнаго лица съ цѣлымъ не вымираетъ ни при какихъ обстоятельствахъ; чувство личной отвѣтственности живо сохраняется. Способность къ совокупному дѣйствію остается всегда по крайней мѣрѣ какъ возможность и можетъ обнаружиться когда наступитъ надобность. Личныя собранія съ ихъ широкимъ основаніемъ могутъ вынести гораздо большее давленіе чѣмъ собранія уполномоченныхъ, которыхъ основаніе подобно стеблю.» Нѣсколькими нумерами прежде *Dorpater Tagesblatt* приводилъ слѣдующія замѣчательныя мысли по тому же вопросу изъ берлинской газеты *Deutsche Gemeindezeitung*. «При личномъ правѣ участія каждый членъ хранитъ въ себѣ чувство собственной отвѣтственности и гордое сознаніе, что онъ лично и непосредственно, могуществомъ своего слова и силой своей воли, можетъ оказать рѣшительное вліяніе на счастіе и несчастіе своихъ согражданъ. Это имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ то, что въ членахъ собранія крѣпнетъ сознательная мужественная сила и порождается благородное честолюбіе, а также становится общѣе и живѣе готовность къ жертвамъ. Съ другой стороны, значительно возрастаетъ уваженіе къ общей волѣ и къ постановленіямъ большинства; для ропота остается мало мѣста, когда каждый видитъ что порицать существующее легче нежели создать что-нибудь лучшее, и что каждому члену собранія доступны всѣ средства содѣйствовать тому чтобы дѣла измѣнились къ лучшему. Недовольство ходомъ дѣлъ должно превратиться для каждаго въ недовольство самимъ собой, побуждающее къ дальнѣйшему напряженію силъ, или въ безропотную покорность обстоятельствамъ.» Берлинская *Gemeindezeitung* указываетъ также на жалкія партіи и клики, на мелочныя непріязни и кумовство, которымъ легче гнѣздиться въ малолюдныхъ выборныхъ чѣмъ во многолюдныхъ личныхъ собраніяхъ.

Къ этимъ доводамъ считаемъ не лишнимъ прибавить, что члены выборныхъ собраній бываютъ обыкновенно менѣе само-

стоятельны и смотрятъ на свое занятіе какъ на временное, и что сами собранія, вслѣдствіе частой перемѣны личнаго состава, въ противность мнѣнію лифляндскаго корреспондента *Baltische Monatsschrift*, бываютъ неспособны дѣйствовать послѣдовательно. Въ собраніяхъ людей участвующихъ по личному праву гораздо крѣпче бываетъ духъ и гораздо тверже хранится преданіе. Наконецъ только въ этого рода собраніяхъ каждый членъ можетъ считать себя не повѣреннымъ, а хозяиномъ своего дѣла,—условіе котораго отсутствіе ничѣмъ невознаградимо Вотъ почему самоуправленіе возможно только тамъ, гдѣ время пощадило эту первоначальную форму политическаго права— личное участіе въ веденіи дѣлъ. Самоуправленіе и управленіе черезъ выборныхъ и повѣренныхъ вещи несовмѣстимыя; однимъ исключается другое. Гдѣ общія дѣла повѣрены выборнымъ, тамъ нѣтъ ни въ комъ хозяйскаго отношенія къ общему дѣлу и слѣдовательно нѣтъ самоуправленія. Въ Англіи, какъ извѣстно, и приходское управленіе и управленіе въ графствахъ основаны на участіи по личному праву. Только въ центральномъ управленіи допущено по необходимости выборное начало, но и тамъ оно уравновѣшивается началомъ личнымъ: надъ палатой общинъ, собраніемъ выборныхъ, стоятъ палата лордовъ и королевскій домъ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ повторить еще разъ, что высказываясь въ пользу личнаго голоса въ земскихъ собраніяхъ, и соглашаясь въ этомъ отношеніи съ *Dorpater Tagesblatt*, мы нисколько не имѣемъ въ виду произносить какое бы то ни было сужденіе о той формѣ этого права которую мы находимъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Нашъ общій взглядъ на дѣло знакомъ читателямъ изъ печатавшихся въ прошломъ году статей нашихъ о проектѣ земскихъ учрежденій. Не говоримъ уже о томъ, что при существованіи вотчинной полиціи и юстиціи претензія на самоуправленіе есть вопіющая несправедливость, но и вообще сословное начало столь же мало совмѣстимо съ самоуправленіемъ, какъ и начало выборное.

XIX.

30-го мая.

Мы ничего не говорили о полемикѣ, живо занимавшей остзейскую печать во время засѣданій лифляндскаго ландтага. Она была вызвана приговоромъ одного изъ органовъ рижскаго городскаго управленія (AeltestenBank) относившимся къ предоставленію горожанамъ права пріобрѣтать въ собственность рыцарскія имѣнія. Этотъ приговоръ былъ обнародованъ, по обычаю Рижской большой гильдіи, которая печатаетъ всѣ свои приговоры. *Рижская газета* поддерживала этотъ приговоръ; *Dorpater Tagesblatt* опорочивалъ его. Между тѣмъ, онъ поступилъ на разсмотрѣніе ландтага, получившаго кромѣ того еще нѣсколько адресовъ по тому же предмету. Ландтагъ нашелъ что желаніе горожанъ Лифляндіи не можетъ быть исполнено *по политическимъ соображеніямъ*. Такъ какъ пренія лифляндскаго рыцарства происходятъ негласно, то и неизвѣстно, какія именно политическія соображенія вызвали упомянутое рѣшеніе. Можно было ожидать разъясненій отъ журнальной полемики, но она скоро перешла въ споръ о вопросѣ совершенно спеціальномъ—о значеніи и силѣ одного изъ параграфовъ (§ 20) документа называющагося *Constitutiones Livonicae* и даннаго въ 1582 году польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, владѣвшимъ тогда Лифляндіей. Нѣкоторыя русскія газеты отозвались иронически объ этомъ антикварномъ спорѣ и получили за то головомойку отъ обѣихъ спорившихъ сторонъ, съ указаніемъ на то что пренебрегать историческимъ развитіемъ законодательства могутъ только люди не разумѣющіе что̀ такое значитъ стоять на почвѣ цивилизаціи, считающей свою исторію вѣками. Мы со своей стороны можемъ сказать что слѣдили за этою полемикой безъ малѣйшаго пренебреженія, но тѣмъ не менѣе видѣли въ ней не болѣе какъ турниръ остроумія, который, при всемъ своемъ литературномъ интересѣ, не имѣетъ въ политическомъ отношеніи только значеніе кулисъ. Стефанъ Баторій далъ горожанамъ право покупать рыцарскія имѣнія. Это было, говорятъ, нарушеніемъ конституціи, *Verfas-*

sungsbruch, деспотическимъ актомъ завоевателя, потерявшимъ силу съ прекращеніемъ польскаго владычества. Правда, что этотъ актъ считался въ числѣ лифляндскихъ законовъ, что онъ отмѣненъ не былъ. Но какое до того дѣло, если онъ былъ забытъ, если онъ не имѣлъ дѣйствительной силы? Былъ ли онъ однакоже забытъ? На это противная сторона отвѣчаетъ: Какъ забытъ? Какъ не имѣлъ силы? Развѣ не въ 1837 году горожане потеряли свое исконное право? Развѣ окончательное устраненіе горожанъ не произошло еще позже, именно въ 1845 году? Отвѣтъ: все это было злоупотребленіе, все это не что иное какъ нарушеніе конституціи. Мы извиняемся что представляемъ это состязаніе въ видѣ слишкомъ элементарномъ и грубомъ. Оно было ведено тонко, съ большою убѣдительностью, но тѣмъ не менѣе уразумѣть его было трудно, и трудность заключалась въ томъ что рѣчь шла не объ одномъ историческомъ правѣ, дѣлѣ всегда почтенномъ; тутъ была въ то же время какая-то шарада, подстрекавшая не историческую любознательность, а современное любопытство. Особенно *Dorpater Tagesblatt* сильно раздражалъ въ читателяхъ эту человѣческую слабость. «Мы высказались, говорила эта газета, противъ ссылки на § 20, не потому чтобы мы считали вредоноснымъ (unheilsam) распространеніе права владѣнія имѣніями на горожанъ, но именно потому, что мы считаемъ распространеніе права владѣнія имѣніями на горожанъ дѣломъ полезнымъ (heilsam), мы предостерегали противъ вредоносной (unheilsam) ссылки на § 20.» Не правда ли что это очень похоже на языкъ Ипоіи? Между тѣмъ горожане не унимались. *Рижская Газета* продолжала доказывать что требованіе ихъ законно. Но что законно, то должно быть исполнено, даже независимо отъ воли рыцарства. Не потому ли *Dorpater Tagesblatt* находилъ вреднымъ указаніе на законъ? Онъ продолжалъ говорить намеками, постоянно отказывая въ правѣ, но постоянно поддерживая надежду на милость. 26-го марта была брошена имъ слѣдующая мысль: «Мы тоже желаемъ допущенія горожанъ до владѣнія имѣніями, но одновременно съ этимъ должно быть произведено нѣкоторое измѣненіе въ теперешнемъ политиче-

скомъ устройствѣ (Verfassung; лифляндскіе политики любятъ чествовать свою провинціальную автономію этимъ увѣспстымъ словомъ). Еслибы оставался одинъ выборъ: либо допущеніе горожанъ безъ перемѣны въ существующемъ устройствѣ, либо отказъ въ допущеніи, то мы были бы затруднены въ нашемъ сужденіи, но тѣмъ не менѣе мы столько же живо симпатизировали бы требованію горожанъ, сколько жива наша антипатія къ адвокатамъ параграфа 20 въ Стефановыхъ *Constitutiones Livoniae.*» Итакъ, вотъ условіе при исполненіи котораго горожане могутъ получить просимое Пусть произойдетъ перемѣна въ «устройствѣ» Лифляндіи. Но одной ли Лифляндіи? *Dorpater Tagesblatt* нѣсколько разъ говорилъ что для него *выше всего* (замѣтьте это выраженіе нѣсколько разъ повторенное: *выше всего!*) автономія и сближеніе Остзейскихъ провинцій. Но какъ же горожане Лифляндіи могутъ выполнить это условіе? Развѣ отъ нихъ зависитъ измѣнить политическое устройство хотя бы въ одной Лифляндіи? А тутъ требуется еще общее измѣненіе, распространяющееся и на Эстляндію, даже на Курляндію! Пиѳія говорила очень темно, надобно сознаться. Но она любитъ оставлять просвѣты. Отказывая, она всегда подаетъ надежду. Ставя въ импассъ, она только заставляетъ искать выхода. Послѣдуемъ же за нею далѣе.

«Что вы все говорите о правѣ? Право правомъ, а сила силой? Политическое право основывается на силѣ и ею поддерживается. Докажите свою силу, и вамъ будетъ дано право. Если вы не дѣйствуете съ достаточною энергіей, то сами виноваты что не получаете права. Рижане по крайней мѣрѣ требуютъ. Что же молчатъ другіе? Когда господствуетъ апатія, то какая польза въ правахъ? Какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ правъ? Насколько будутъ дорожить правами тѣ которые не умѣютъ или не хотятъ ихъ добиваться? Еще разъ докажите свою силу, и вы получите права.» Намъ нравится этотъ разговоръ защитниковъ рыцарства съ горожанами. Дѣйствительно, политическія права не имѣютъ значенія въ рукахъ безсильныхъ. Бумажныя политическія права вносятъ только фальшь въ политическую жизнь и не пользуютъ ни мало. Кто способенъ къ политическимъ правамъ, тотъ непремѣнно

способенъ обнаружить политическую силу. Но, спрашивается, какъ приложить эти истины къ данному случаю. Неужели защитники рыцарства предлагаютъ горожанамъ заявить ихъ силу предъ рыцарствомъ? Это невѣроятно. Рижская *Aeltestenbank* никакого заявленія силы себѣ не позволяла, даже никакой демонстраціи не дѣлала, а просто напечатала свой приговоръ, исполняя свой всегдашній обычай, и тѣмъ не менѣе навлекла на себя жестокій гнѣвъ. Вѣрный органъ рыцарства, *Dorpater Tagesblatt*, говоритъ такъ, обращаясь къ мелкимъ городамъ Лифляндіи: «Держитесь крѣпко между собой. Не цѣпляйтесь за рыцарство. Знайте что люди мощные не братаются съ несчастными замарашками.» *Dorpater Tagesblatt* совѣтуетъ мелкимъ городамъ устроить между собой сношенія, завести съѣзды, сначала частнымъ образомъ, а потомъ и офиціально. Припомнимъ условіе допущенія горожанъ къ покупкѣ имѣній. Если горожане Лифляндіи желаютъ быть допущены къ поземельной собственности, они должны желать перемѣны въ тамошнемъ устройствѣ,—желать сильно, какъ можно сильнѣе. При этомъ для недогадливыхъ дѣлается предостереженіе. Агитировать противъ рыцарства не только не нужно, не только не дозволяется вѣжливостью, но не дозволяется и «патріотизмомъ»; такая агитація была бы измѣной противъ своей земли, *Landes-Verrath*. Если же произойдутъ перемѣны въ существующемъ устройствѣ Остзейскихъ «провинцій», то горожане получатъ доступъ не только къ поземельной собственности, но и къ засѣданію въ сеймѣ. Вотъ какая ждетъ ихъ награда за благонравіе! Какъ тутъ горожанамъ не желать перемѣнъ? Но возможно-сильнымъ желаніемъ какихъ перемѣнъ могутъ остзейскіе горожане заслужить эту щедрость, указываемую имъ въ перспективѣ? Послѣ продолжительной игры въ намеки, 15-го мая подпищики *Dorpater Tagesblatt*, наконецъ, прочли слѣдующее: «Совокупное представительство городовъ и земства, *von Stadt und Land*, могло бы имѣть мѣсто съ одной стороны въ уѣздныхъ съѣздахъ, съ другой стороны *на общемъ сеймѣ трехъ провинцій*.»

Итакъ вотъ что́ нужно. Вотъ чего должны сильно желать, вотъ о чемъ должны усердно молиться лифляндскіе горожане: соединеніе трехъ губерній въ одно политическое цѣлое.

Но зачѣмъ же понадобилось соединить эти три губерніи? Онѣ всегда существовали порознь; каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенности, свои учрежденія. Чтобы соединить эти три губерніи, пришлось бы разрушить многое завѣщанное прошедшимъ, на которое тамошніе политики такъ любятъ ссылаться: зачѣмъ же касаться существующаго и завѣщаннаго исторіей? Изъ тѣхъ губерній постоянно слышались голоса охранительнаго свойства, протестовавшіе противъ всякаго нарушенія исторически образовавшихся тамъ отношеній и обычаевъ. Въ виду коренныхъ преобразованій, которыя совершаются во всей Россійской Имперіи, эти три «провинціи» постоянно желали остаться въ сторонѣ и ограждались отъ нововведеній. Что же такое вдругъ заставляетъ ихъ помышлять о радикальной реформѣ въ ихъ бытѣ, что̀ можетъ побуждать ихъ броситься въ потокъ нововведеній? Что̀ придаетъ, во мнѣніи тамошнихъ политиковъ, такую цѣнность соединенію трехъ губерній, что они рѣшаются сами нарушить печать неприкосновенности своихъ учрежденій? Соединеніе трехъ губерній было бы большою новостью; это было бы нарушеніемъ существующаго. Нарушеніе права иматрикуляціи, которымъ пользуется лифляндское дворянство, было бы дѣломъ несравненно менѣе значительнаго свойства. Полное приравненіе трехъ губерній къ остальнымъ губерніямъ Россійской Имперіи не было бы большею новостью.

Рыцарство остзейскихъ губерній всегда очень крѣпко отстаивало свои привилегіи; оно не легко даетъ другимъ сословіямъ доступъ къ землѣ. Горожанъ къ землѣ оно и теперь еще не допускаетъ. На лифляндскомъ сеймѣ, кромѣ города Риги, никакой другой не имѣетъ своего прямаго представительства. Но вотъ является мысль о соединеніи трехъ губерній, и органъ рыцарства даетъ нѣмецкимъ бюргерамъ надежду на политическое значеніе, котораго они добиваются. Въ виду соединенія губерній забывается давняя распря, смягчаются сословныя права, и дворянство, крѣпко замкнутое для русскихъ дворянъ, готово, въ виду соединенія трехъ губерній, разомкнуться для нѣмецкихъ мѣщанъ, лишь бы только образовалась общая политическая сила нѣмецкой національности. Такъ по крайней мѣрѣ выходитъ изъ словъ остзейской печати.

Лифляндское дворянство на своемъ послѣднемъ ландтагѣ отказалось отъ приплатъ на содержаніе судовъ въ своей губерніи; но оно изъявило полную готовность на содержаніе высшаго суда, если только онъ будетъ общій для трехъ губерній. Предъ идеей соединенія всѣ неудобства кажутся легкими. Остзейскіе публицисты очень хорошо понимаютъ, напримѣръ, неудобства одной офиціальной газеты для всѣхъ трехъ губерній; они сами указываютъ на эти неудобства; но, несмотря на всѣ неудобства, они тѣмъ не менѣе желаютъ, чтобы для всего Остзейскаго края былъ одинъ офиціальный органъ, какъ символъ его единства.

Спрашивается, для чего же все это? Нѣмецкіе обитатели этихъ трехъ губерній, хотя и малочисленные, но составляющіе въ нихъ высшіе классы, не подвергаются никакой опасности ни въ своемъ языкѣ, ни въ своихъ обычаяхъ, ни въ своей вѣрѣ. Во всякомъ случаѣ, все чего они могли бы желать въ этомъ отношеніи не имѣетъ ничего общаго съ мыслію о соединеніи трехъ губерній. Къ тому же эти губерніи какъ нельзя тѣснѣе соединены между собою, будучи частью одного государства. Между ними нѣтъ таможенныхъ линій, нѣтъ ни малѣйшихъ политическихъ затрудненій въ сообщеніяхъ. Для объясненія на нѣмецкомъ языкѣ, для сохраненія нѣмецкихъ обычаевъ, для процвѣтанія нѣмецкой культуры посреди нѣмецкихъ обитателей трехъ остзейскихъ губерній нѣтъ никакого препятствія. Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы ввести въ тамошнихъ гимназіяхъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, не о томъ, чтобы ввести нѣмецкій языкъ въ тамошніе суды, не о томъ, чтобъ основать для нѣмецкихъ жителей этихъ трехъ губерній нѣмецкій университетъ: все это есть. Что же требуется? Требуется чтобъ эти три губерніи составили одно политическое цѣлое, которое имѣло бы свое *особое* представительство..... Для чего же это нужно, когда это не имѣетъ никакихъ основаній въ прошедшемъ и никакой цѣли въ будущемъ?....

ІЮНЬ.

I.

1-го іюня.

При разговорѣ въ палатѣ лордовъ, о которомъ мы говорили въ передовой статьѣ № 117 *Московскихъ Вѣдомостей*, лордъ Стангопъ, высказавшись противъ всего что̀ хотя сколько-нибудь похоже на бифуркацію, замѣтилъ слегка, что скорѣе можетъ-быть слѣдовало бы согласиться на освобожденіе всѣхъ учащихся отъ обязательнаго писанія греческихъ стиховъ. Писаніе латинскихъ стиховъ необходимо оставить въ силѣ, говорилъ онъ; это упражненіе существующее въ англійскихъ публичныхъ школахъ болѣе пяти сотъ лѣтъ. Безъ греческихъ прозаическихъ сочиненій тоже нельзя обойтись, потому что нельзя вполнѣ овладѣть языкомъ, не пріобрѣтя искусства писать на немъ. Но нельзя ли отмѣнить писаніе греческихъ стиховъ какъ упражненіе обязательное для всѣхъ учениковъ? Этотъ вопросъ былъ брошенъ мимоходомъ; онъ не имѣлъ вида предложенія, не былъ представленъ въ формѣ *поправки* къ биллю. Но тѣмъ не менѣе слова графа Стангопа навлекли на него сильныя порицанія,— и гдѣ же? не въ консервативныхъ органахъ, не въ педагогическихъ журналахъ, а въ одномъ изъ либеральныхъ изданій (а по нѣкоторымъ вопросамъ даже радикальномъ), въ *Saturday Review*, которое находитъ что принятіе подобной мѣры ослабило бы изученіе греческаго языка и повело бы къ «пагубнымъ послѣдствіямъ».

Читателямъ должно быть интересно узнать, какъ смотрятъ англійскіе журналы этого рода на значеніе древнихъ языковъ въ системѣ воспитанія высшихъ классовъ. Во многихъ сферахъ *Saturday Review* ратуетъ противъ существующаго, но ея сотрудники—люди умные и образованные, цѣнятъ умственное образованіе, и желаютъ возвышенія, а не пониженія уровня англійской цивилизаціи. Поэтому они возстали даже противъ легкаго мимоходомъ сдѣланнаго намека на возможность устранить самое изысканное и нигдѣ кромѣ Англіи не существующее упражненіе въ сочиненіи греческихъ стиховъ.

«Знаніе греческаго языка, говоритъ *Saturday Review*, есть сокровище, котораго цѣнность многообразна. Грамматикъ находитъ въ этомъ языкѣ, болѣе нежели въ какомъ другомъ, приближеніе къ совершенству выраженія человѣческой мысли. Натуралистъ заимствуетъ изъ греческаго языка почти всю свою терминологію. Въ медицинѣ великій Іоніецъ есть до сихъ поръ авторитетъ высшаго разряда; въ богословіи на этомъ языкѣ начертаны писанія, слѣдъ которыхъ никогда не изгладится, и въ самомъ строгомъ дедуктивномъ мышленіи *Элементы* Эвклида сохраняютъ свое очарованіе даже для тѣхъ которые не цѣнятъ *Аналитики* Аристотеля. Но въ литературѣ греческій языкъ превышаетъ всѣ образцы.

Nec viget quicquam simile aut secundum.

«Въ поэзіи, философіи, исторіи, въ ораторскомъ искусствѣ, въ тонкости замысла, въ богатствѣ образовъ, въ чистотѣ и обиліи выраженія, въ точности методы и въ этой не имѣющей имени окончености стиля—греческіе учители имѣютъ все человѣчество своими учениками и не имѣютъ никого своимъ соперникомъ. Спеціально призваны наши университеты признавать и поддерживать эти права греческаго языка, и если въ нашихъ публичныхъ школахъ сердце бьется за одно съ чувствомъ университетовъ, то чрезвычайно мало вѣроятія чтобы лучшія и испытанныя методы столь благороднаго занятія уступили мѣсто низшимъ и дюжиннымъ.»

Спеціально о писаніи греческихъ стиховъ *Saturday Review* говоритъ такъ: «Могущественное вліяніе поэзіи на развитіе

способностей дѣйствующихъ въ союзѣ съ воображеніемъ едва ли можетъ быть оцѣнено сверхъ мѣры. Есть другія способности, имѣющія дѣло съ предметами болѣе строгими, но во всѣхъ предметахъ не ограниченныхъ чисто-формальныхъ мышленіемъ или извлеченіемъ общихъ законовъ изъ наблюденія отдѣльныхъ явленій главное мѣсто принадлежитъ способностямъ нуждающимся въ воображеніи для своего оживленія, а въ развитіи этихъ способностей поэзія есть первостепенный дѣятель. Греческій языкъ отличается такою широтой развитія, которой не достигъ ни одинъ языкъ на землѣ, ни изъ числа живыхъ, ни изъ числа мертвыхъ, и сколько мы можемъ судить, ни одинъ языкъ не въ состояніи достигнуть. Греческая литература, въ особенности греческая поэзія, по своему царственному богатству и блеску одна только можетъ оказаться достаточною, чтобы питать и укрѣплять воображеніе всѣхъ слѣдующихъ поколѣній. И все это было въ болѣе тѣсномъ смыслѣ «оригинально» чѣмъ всякая другая поэзія, какую только свѣтъ видѣлъ въ послѣдствіи. Доля принадлежащая поэзіи въ воспитаніи такъ значительна что не можетъ быть уменьшена безъ отнятія у души принадлежащей ей пищи. Спору можетъ подлежать только способъ занятія поэзіей, но чтобъ узнать поэта какой другой путь кромѣ изученія его языка, кромѣ усвоенія его манеры выражаться и его оборотовъ, въ которые отливается его мысль, кромѣ изслѣдованія его метрическихъ формъ? А чтобы съ успѣхомъ совершить это, учащійся долженъ подступить къ поэту извнутри, долженъ заговорить съ нимъ его собственнымъ языкомъ. Передача мыслей греческаго поэта на другомъ языкѣ—отечественномъ языкѣ учащагося—недостаточна для этой цѣли.»

Saturday Review высказываетъ сожалѣніе что въ преніяхъ палаты лордовъ по вопросу объ этихъ поэтическихъ упражненіяхъ не принялъ участія лордъ Литтельтонъ, который, среди своихъ тяжкихъ публичныхъ обязанностей находитъ время для продолженія любимыхъ школьныхъ занятій, чему доказательствомъ служитъ недавно изданный имъ переводъ Мильтонова *Комуса* греческими ямбическими триметрами. Поводъ къ этому сожалѣнію теперь устраненъ. Въ дальнѣйшихъ преніяхъ

бывшихъ по этому вопросу (6-го іюня), лордъ Литтельтонъ высказался. Онъ не совѣтовалъ парламенту вмѣшиваться въ расписаніе предметовъ и часовъ, употребительное въ публичныхъ школахъ Англіи. Юрисдикціи парламента, по его мнѣнію, должно подлежать только устройство управленія этими школами. Что касается до практическихъ упражненій, то онъ замѣтилъ, что Англія въ этомъ отношеніи стоитъ выше другихъ странъ. «Нѣмцы, сказалъ онъ, безъ сомнѣнія очень трудолюбивые ученые, но въ знаніи языковъ они не могутъ поравняться съ учеными англійскими.» Лорда Станнопа, слишкомъ слегка отозвавшагося о писаніи греческихъ стиховъ, онъ просилъ обратить вниманіе на чрезвычайное удовольствіе, радость и интересъ, которыя находятъ въ греческихъ и латинскихъ сочиненіяхъ ученики имѣющіе нѣкоторую способность къ классическимъ занятіямъ. «Я говорю по опыту, когда свидѣтельствую объ интересѣ, который я и другіе находили, какъ въ Итонѣ, такъ и въ Кембриджѣ, въ греческихъ и латинскихъ сочиненіяхъ. Половина удовольствія доставляемаго школьною работой была бы отнята у учениковъ, еслибъ эти упражненія были устранены.»

Да не подумаютъ читатели что англійскія публичныя школы замучиваютъ своихъ учениковъ. Совсѣмъ напротивъ; нигдѣ ученики не имѣютъ такъ много свободнаго времени для игръ и добровольныхъ занятій какъ въ Англіи. Въ знаменитѣйшей изъ англійскихъ публичныхъ школъ, въ школѣ Итонской, полагается на сонъ 8 часовъ, на обѣдъ, завтракъ и ужинъ 2 часа, изъ остальныхъ 14 часовъ около 8 часовъ въ день дается на игры и добровольныя занятія, и лишь около 6 часовъ назначается на ежедневную общую молитву въ церкви, на уроки и на обязательное приготовленіе къ нимъ. Уроки продолжаются ровно по одному часу; ихъ бываетъ по 20 въ недѣлю, и распредѣленіе ихъ очень просто: 1 часъ на чтеніе Новаго Завѣта, 16 часовъ на древніе языки и 3 часа на математику. Больше ничего не преподается обязательно. Но изъ этого не слѣдуетъ чтобъ ученики ничѣмъ другимъ не занимались. Имѣя много свободнаго времени, они занимаются многимъ, по собственной охотѣ, а не по обязанности, и эти добровольныя занятія идутъ очень успѣшно.

«Что вы дѣлаете для французскаго языка?» спросили однажды у директора Итонской школы. «Мы очень много заботимся объ этомъ предметѣ, отвѣчалъ онъ. Мы почти столько же заботимся о французскомъ языкѣ какъ объ англійскомъ.» «Сколько же уроковъ положено у васъ на французскій языкъ?» «У насъ не положено ни одного урока ни на французскій, ни на англійскій языкъ.» Это разговоръ оригинальный, но можетъ-быть не менѣе удивится читатель и слѣдующему разговору. Одинъ французскій путешественникъ, посѣтивъ Итонъ, пожелалъ видѣть дѣтскія игры. Онъ смотрѣлъ, какъ ученики гребутъ, какъ играютъ въ крикетъ. «Все это очаровательно, сказалъ онъ, но гдѣ же здѣсь у васъ *surveillance* (надзоръ)?» «У насъ нѣтъ *surveillance*», было отвѣтомъ. Въ Итонской школѣ строго соблюдаются извѣстныя правила, но въ предѣлахъ этихъ правилъ предоставляется полная свобода, и постояннаго надзора нѣтъ. Въ школьной дисциплинѣ та же система что и въ школьномъ ученьи: обязательнаго немного, но обязательное исполняется съ безукоризненною отчетливостью. Въ этой системѣ заключается воспитательная сила знаменитой школы. За то ученики Итона цѣнятся на всѣхъ поприщахъ. «Въ арміи, сказалъ графъ Де-Росъ въ палатѣ лордовъ, лучшіе полковые командиры постоянно говорили: «дайте намъ ученика изъ Итона». Во флотѣ говорили то же самое. Архіепископъ Кантерберійскій, который самъ учился въ Итонѣ, разказалъ о герцогѣ Веллингтонѣ анекдотъ, что однажды, намѣреваясь дать важное порученіе одному изъ своихъ адьютантовъ, онъ спросилъ у него гдѣ онъ воспитывался, а когда тотъ сказалъ что въ Итонѣ, то герцогъ зачастилъ съ удовольствіемъ: «Очень хорошо, очень хорошо.» Извѣстно что Итонская школа дала Англіи множество знаменитыхъ государственныхъ людей.

II.

2-го іюня.

Мы не можемъ оторваться отъ мысли о нашихъ гимназіяхъ, которымъ предстоитъ теперь преобразованіе. Неизвѣстно, какая судьба ожидаетъ ихъ, или лучше сказать, ожидаетъ Россію, потому что вопросъ объ устройствѣ учебныхъ заведеній, о направленіи которое будетъ сообщено нашему образованію, о началахъ которыя положены будутъ въ его основаніе,—вопросъ этотъ, по нашему убѣжденію, теперь важнѣе всякаго другаго вопроса. Его рѣшеніемъ въ томъ или другомъ смыслѣ предопредѣлится наше будущее, и ожиданія наши тѣмъ тревожнѣе, что рѣшеніе этого вопроса будетъ какъ бы знаменіемъ, которое скажетъ намъ, благопріятствуетъ ли судьба, властвующая въ исторіи, развитію русской народности. Способъ рѣшенія этого вопроса, болѣе всякаго другаго, зависитъ отъ воли Провидѣнія, какъ скажетъ вѣрующій, отъ случая, какъ скажетъ невѣрующій. Обыкновенные законодательные способы, каковы бы они ни были, сами по себѣ недостаточны для установленія началъ умственнаго воспитанія; общественное мнѣніе страны, въ которой нѣтъ твердыхъ и непрерывныхъ преданій въ педагогическомъ дѣлѣ, не можетъ дать никакихъ уважительныхъ показаній, не можетъ сказать ничего опредѣленнаго и разумнаго относительно устройства школы. Во всѣхъ другихъ дѣлахъ общественное мнѣніе болѣе или менѣе чутко, и можетъ давать болѣе или менѣе подходящія къ дѣлу показанія о томъ что́ обществу требуется или чего ему не достаетъ, что́ его стѣсняетъ, чѣмъ оно страдаетъ; всякій другой интересъ, экономическаго, юридическаго, политическаго свойства, можетъ съ большею или меньшею отчетливостію заявлять себя въ общественномъ мнѣніи. Совсѣмъ иное—интересы педагогическіе. Люди очень умные, съ житейскимъ смысломъ и тактомъ, искусные политики, наконецъ родители искренно заботящіеся о воспитаніи своихъ дѣтей и ничего для этого не жалѣющіе, могутъ жестоко ошибаться въ своихъ педагогическихъ сужденіяхъ

и дѣйствіяхъ. Какъ часто встрѣчаются родители которые изъ самаго пламеннаго желанія блага своимъ дѣтямъ причиняютъ имъ страшный вредъ и безвозвратно губятъ ихъ! Что видимъ мы въ частности, то можетъ представлять собою цѣлое общество,—и къ несчастію разительный примѣръ у насъ предъ глазами. Нѣтъ никакого сомнѣнія что всѣ родители у насъ желаютъ чтобы дѣти ихъ хорошо воспитывались и получали прочное образованіе; нѣтъ сомнѣнія что и правительство вполнѣ сознаетъ важность этого великаго общественнаго интереса,— и однако что мы видимъ?...

Да, однихъ добрыхъ желаній недостаточно въ этомъ дѣлѣ, недостаточно также и обыкновенныхъ ходячихъ понятій. Педагогическія теоріи принадлежатъ къ области умозрѣнія, очень утонченнаго и не всѣмъ доступнаго. Это область слишкомъ спеціальная, а потому никакое общество, изъ какихъ бы оно умныхъ людей ни состояло, не можетъ удовлетворительно резонировать о предметахъ педагогическаго свойства, если посреди его нѣтъ давней и безспорной педагогической практики, если нѣтъ въ странѣ педагогическихъ учрежденій установившихся исторически. У насъ же, къ несчастію, педагогическое дѣло не есть историческая, могущественная дѣйствительность, не дозволяющая праздпаго резонерства. Мы, къ несчастію, во всѣхъ вопросахъ относящихся до образованія и науки стоимъ не на землѣ, а виснемъ на воздухѣ. Мы резонерствуемъ и теоретически допскиваемся началъ которыя могли бы послужить основаніемъ для нашихъ школъ; мы придумываемъ, чему и какъ учить нашихъ дѣтей, и подвергаемся опасности впадать въ самыя злополучныя и роковыя ошибки. Исторія нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ училищъ представляетъ тому грустныя и убѣдительныя доказательства. А между тѣмъ мы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе чувствуемъ одолѣвающее насъ зло, наши недостатки, нашу несостоятельность; мы сознаемъ что ничто у насъ не спорится, что этотъ долгій полуторастолѣтній періодъ, протекшій съ тѣхъ поръ какъ мы пошли въ европейскую науку, не привелъ насъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, что у насъ до сихъ поръ дѣло науки и образо-

ванія не пріобрѣло никакой самостоятельности и ограничивается наружнымъ лоскомъ или жалкимъ лепетомъ съ чужаго голоса, что у насъ доселѣ ни одно знаніе не пустило корней и никакой умственный трудъ не оказалъ производительной силы; что до сихъ поръ наша умственная жизнь не обнаруживаетъ сколько-нибудь явственнаго намека на оригинальную физіономію; что до сихъ поръ образованіе не оплодотворяетъ нашу мысль ни на какую дѣятельность, которою могли бы мы быть сами довольны; что до сихъ поръ мы не видимъ въ нашихъ такъ-называемыхъ образованныхъ людяхъ никакого твердаго умственнаго склада; что до сихъ поръ мы не можемъ обойтись безъ помощи иностранцевъ въ дѣлахъ требующихъ знанія, образованности, ясности понятій и твердости сужденія; что до сихъ поръ оказывается у насъ страшный недостатокъ въ дѣльныхъ и способныхъ людяхъ, и что мы, народъ состоящій изъ множества милліоновъ, христіанскій, живущій въ Европѣ, считающій у себя болѣе восьмидесяти гимназій и пять чисто-русскихъ университетовъ да еще нѣсколько другихъ высшихъ ученыхъ заведеній, должны выписывать себѣ дѣловыхъ людей изъ чужихъ краевъ, и наполнять нашу администрацію дѣятелями которые не хотятъ быть Русскими и съ презрѣніемъ или съ враждою относятся къ русской народности. Мы удивились и ужаснулись, когда недавній мятежъ, угрожавшій цѣлости нашего отечества, заставилъ насъ оглянуться вокругъ себя, и обнаружилъ намъ, въ какой зависимости находимся мы отъ людей польскаго происхожденія, къ которымъ мы теряли довѣріе, и которыхъ не знали кѣмъ замѣнить. Когда открылась настоятельная надобность наполнить администрацію въ нашихъ опольченныхъ западныхъ губерніяхъ способными и дѣльными людьми несомнѣнно русскаго происхожденія, мы съ отчаяніемъ должны были сознаваться въ нашемъ банкротствѣ, мы должны были употреблять чрезмѣрныя усилія, принимать чрезвычайныя мѣры чтобы выбрать что-нибудь порядочное изъ нашего чиновничества, изъ нашего университетскаго юношества, изъ нашихъ образованныхъ людей. Мы, какъ прокаженные, которымъ любо бередить свои болячки, съ циническимъ самоуслажденіемъ

объявляемъ себя ни къ чему негодными, и въ то же время хотимъ чтобы русская народность имѣла какое-нибудь значеніе и оставалась безспорною въ своихъ правахъ. Мы бередимъ свои болячки, но не помышляемъ о томъ чтобы принять какія-либо мѣры къ ихъ излѣченію, а еще менѣе помышляемъ о томъ что мы сами производимъ и поддерживаемъ ихъ; мы презираемъ наше образованіе, нашу жалкую науку, но мы не хотимъ понять что мы сами виною этого нашего презрительнаго состоянія. Мы унижаемъ себя предъ всѣми народностями, даемъ имъ предпочтеніе предъ своею и не хотимъ понять что чувствуемая нами наша униженность предъ другими народностями есть слѣдствіе нашего добровольнаго отреченія отъ тѣхъ преимуществъ образованія которыми пользуются другіе. Мы удивляемся, отчего чиновники изъ Поляковъ оказываются болѣе способными, болѣе дѣльными и толковыми въ разныхъ родахъ службы, и не хотимъ добраться до того простаго факта что у Поляковъ были классическія школы и что и теперь въ ихъ мѣстахъ не совсѣмъ изсякли преданія крѣпкаго и солиднаго классическаго ученія. Еслибы наши духовныя школы, изъ которыхъ выходили Платоны и Филареты, Сперанскіе и Павскіе и столько другихъ замѣчательныхъ людей, не подвергались ломкамъ которыя потрясли ихъ греко-римскія основанія, и разрушили начинавшіяся въ нихъ завязи самостоятельнаго умственнаго образованія, еслибъ эти школы развивались, очищались и улучшались на своихъ историческихъ, повсюду установившихся началахъ ученія, то ли бы зрѣлище представляло теперь наше духовенство, а съ нимъ и весь нашъ умственный и нравственный бытъ? Еслибы классическое ученіе въ нашихъ гимназіяхъ удержалось въ нихъ до сегодня, непрерывно усиливаясь и расширяясь, развѣ такое зрѣлище представляла бы теперь наша молодежь, наша литература, наши образованные классы, наша государственная служба?

Двадцать, тридцать лѣтъ значитъ много, очень много въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Еслибы надъ начинавшимся у насъ педагогическимъ дѣломъ не проносился многократно духъ разрушенія, мы не обрѣтались бы теперь въ плачевномъ состояніи

банкротства. Намъ не приходилось бы стыдиться и презирать себя, не приходилось бы безсмысленно роптать на естественныя свойства нашей народности и считать себя низшею породой непризванною къ самостоятельной жизни и способною только подбирать крохи падающія отъ чужой трапезы. Мы сами искусственно держимъ себя въ этомъ состояніи безплодія и безсилія,—и винимъ невинную въ этомъ дѣлѣ природу нашу. Возьмите дѣтей какого хотите племени, поставьте ихъ въ такія же условія въ какихъ находятся наши дѣти, посадите ихъ въ наши учебныя заведенія, и посмотрите выйдетъ ли изъ нихъ какой-нибудь прокъ: изъ нихъ выйдутъ тѣ же самые *умные* люди, которыхъ Гоголевскій городничій раздѣлилъ весьма удачно на двѣ категоріи: «или пьяница, или рожу такую состроитъ, что святыхъ песи вонъ».

Корень всему въ школѣ. Какова школа, таково и образованіе цѣлаго общества, такова его цивилизація. Если школа построена на пескѣ, то и вся цивилизація народа построена на пескѣ. Спрашивается, зачѣмъ же мы строимъ нашу школу на пескѣ? Отчего же мы не хотимъ построить ее на общихъ всему цивилизованному міру основаніяхъ?

Есть одна всемірная, общечеловѣческая цивилизація, и если мы хотимъ примкнуть къ ней, если мы хотимъ войти въ нее, то можемъ сдѣлать это не иначе, какъ усвоивъ ея первыя начала и превративъ ихъ въ нашу собственность. Историческія начала цивилизаціи у всѣхъ европейскихъ народовъ одни и тѣ же, и оригинальное развитіе каждой европейской народности условливается самостоятельнымъ усвоеніемъ этихъ началъ. Хотимъ ли мы пріобрѣсти умственную самостоятельность, имѣть свое оригинальное образованіе, свою оригинальную науку, свою оригинальную литературу, хотимъ ли мы занять почетное мѣсто между цивилизованными народами, хотимъ ли мы оправдать наше политическое могущество, которое безъ самостоятельной цивилизаціи и умственной производительности само можетъ оказаться ненадежнымъ и непрочнымъ? Если хотимъ, то мы должны не медля усвоить нашей школѣ тѣ самые элементы на которыхъ основана вся европейская цивилизація. Хотимъ ли

мы выйти изъ нашей ученической зависимости отъ Запада, хотимъ ли мы сравняться съ нашими учителями? Для этого нѣтъ другаго средства какъ проходить ту же школу, какую проходятъ они. Мы на вѣки вѣковъ останемся безплодными подражателями другихъ европейскихъ народовъ, если будемъ ограничиваться только тѣмъ что получаемъ изъ ихъ рукъ, если наши школы будутъ основаны на результатахъ ихъ труда, а не на томъ, на чемъ основаны ихъ собственныя школы. Всѣ элементы европейской цивилизаціи находятся въ классической древности, и мы до тѣхъ поръ не будемъ народомъ вполнѣ независимымъ отъ другихъ и вполнѣ самостоятельнымъ въ нашей цивилизаціи, пока не дойдемъ до этихъ корней и не поведемъ отъ нихъ нашу школу. Мы до тѣхъ поръ будемъ неизбѣжно вовлекаться въ сферы чуждой намъ жизни, до тѣхъ поръ будемъ оставаться полу-Русскими, полу-Французами или полу-Нѣмцами, пока не освободимъ себя школой, основанною на общихъ элементахъ всей европейской цивилизаціи. Идеи и понятія которыя мы нахватываемъ изъ новѣйшихъ европейскихъ литературъ не должно почитать за что-нибудь простое, само изъ себя объяснимое: нѣтъ, все въ современной цивилизаціи есть продуктъ безконечно сложный, и мы никогда ни чѣмъ не овладѣемъ въ дробяхъ и сочетаніяхъ современной цивилизаціи, пока не дойдемъ до единицъ и первоначальныхъ элементовъ. Вся сила состоитъ въ томъ чтобъ овладѣть этими основными историческими элементами европейской цивилизаціи и отъ нихъ повести наше образованіе, на нихъ основать нашу школу.

Нѣкоторые умные люди, соглашаясь, съ грѣхомъ пополамъ, признать нѣкоторую пользу отъ занятій классическими языками, полагаютъ эту пользу единственно въ томъ что они могутъ служить формальною гимнастикой для ума. Взглядъ на изученіе древнихъ языковъ какъ на гимнастику есть крайне односторонній взглядъ. Если вводить древніе языки въ наши школы только въ этомъ смыслѣ, только для этой цѣли, и стало-быть въ томъ видѣ и въ тѣхъ размѣрахъ какіе требуются подобною цѣлью, то лучше не вводить ихъ вовсе. Люди не видящіе въ изученіи древнихъ языковъ ничего кромѣ формальной

гимнастики предлагаютъ, какъ намъ случается слышать, такую сдѣлку: вмѣсто цѣлаго предмета ввести только половину его, вмѣсто обоихъ древнихъ языковъ ввести только одинъ латинскій. Имъ кажется, что еслибъ оставить, какъ говорится, для завода, на всю Россію, только десять гимназій (десять, которыя были пощажены при общемъ разгромѣ нашихъ гимназій въ 1849 году) съ греческимъ языкомъ, а остальныя ограничить однимъ латинскимъ, нѣсколько усиливъ его преподаваніе, то классическому образованію была бы отдана вся должная дань. Какъ жестоко ошиблись бы мы въ разчетѣ, еслибы послѣдовали такому плану въ устройствѣ нашихъ школъ! Древніе языки заключаютъ въ себѣ великую образовательную силу; но только вмѣстѣ обладаютъ они этою силой, только вмѣстѣ могутъ они стать надежною основой умственнаго образованія, только на обоихъ классическихъ языкахъ въ неразрывной связи можетъ стоять школа. Взятые порознь, они теряютъ свою силу. Основать нашу школу на одномъ латинскомъ языкѣ значитъ обречь ее на безплодіе. Умственная гимнастика, въ которой иные полагаютъ всю силу изученія древнихъ языковъ, есть послѣднее дѣло; главная сила ихъ состоитъ напротивъ въ томъ жизненномъ содержаніи, въ тѣхъ оплодотворяющихъ началахъ которыя они даютъ уму учащагося, возбуждая въ немъ самостоятельныя силы. Отдѣльное изученіе латинскаго языка, не приводящее къ греческому, было бы повтореніемъ безплодной схоластики Среднихъ Вѣковъ; въ наше время это было бы умственнымъ уродствомъ, которое было бы тѣмъ разительнѣе, чѣмъ полнѣе и отчетливѣе овладѣлъ бы учащійся латинскимъ языкомъ безъ всякаго знанія греческаго. Кругъ идей къ которымъ открываетъ доступъ латинскій языкъ самъ имѣетъ своимъ первоначальнымъ источникомъ, своимъ корнемъ, греческій языкъ, греческую литературу, греческую мысль. Каждою фиброй своею латинская мысль связана съ греческою, и отъ нея заимствуетъ свою жизнь и силу. Латинскій языкъ есть великое педагогическое орудіе; на немъ воспиталось все европейское человѣчество, на немъ выработались всѣ педагогическіе пріемы и методы, безъ него нѣтъ филологіи; безъ него не можетъ обойтись

методическое и основательное изученіе греческаго языка. Безъ пособія латинскаго языка нельзя было бы плодотворно овладѣть этимъ великимъ матеріаломъ. Изученіе же одного латинскаго языка, не примыкающее къ греческому, было бы изученіемъ безъ смысла и безъ цѣли. Да, наконецъ, простительно ли намъ, поставленнымъ исторіей въ ближайшую связь съ Греціей, намъ, которыхъ связываютъ съ греческимъ языкомъ самыя священныя преданія наши, простительно ли намъ обѣгать его, когда именно въ этомъ-то языкѣ таится самая основная и самая живительная сила классическаго образованія? Простительно ли намъ уклоняться отъ него, когда этому языку учатся во всѣхъ классическихъ школахъ Европы? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что основательное и серіозное изученіе этого языка въ нашихъ школахъ, въ какія-нибудь десять лѣтъ, высоко подняло бы уровень нашей умственной жизни. Во всей сферѣ нашего образованія, во всѣхъ родахъ знанія и литературы, скоро почувствовался бы притокъ оплодотворяющей силы, и только тогда могли бы мы и сами узнать, и другимъ показать русскую оригинальную мысль, русское самостоятельное знаніе и творчество. Къ чему послужатъ и что за странныя явленія представятъ изъ себя эти филологическія гимназіи, основанныя на одномъ изъ древнихъ языковъ, при полномъ исключеніи другаго? Для чего воспитаемъ мы этого юнаго филолога, который, выйдя изъ нашей латинской гимназіи, не будетъ знать и азбуки греческой? Къ чему послужитъ ему латынь, какъ бы онъ тщательно ни выучился ей? Развѣ только къ тому чтобы умѣть щегольнуть латинскою фразой въ разговорѣ,

Потолковать о Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *cale*.

Нѣтъ, не духъ плодотворнаго филологическаго образованія выйдетъ изъ такихъ школъ, а духъ фанфаронства новаго рода, или мертвая схоластика, ни къ чему непригодная! Мы готовы думать что вмѣсто такихъ, на одномъ латинскомъ языкѣ основанныхъ, гимназій лучше ужь покрыть все раздолье нашего бѣднаго отечества заведеніями устроенными по плану г. Водо-

возова. По крайней мѣрѣ это было бы нѣчто характеристическое, нѣчто цѣльное; по крайней мѣрѣ это значило бы мужественно испить до дна всю чашу безсмыслицы и нелѣпости.

Наконецъ, вотъ о чемъ слѣдуетъ намъ подумать серіозно, соображая окружающія обстоятельства и настоятельныя требованія текущей минуты: у насъ нѣтъ учителей; мы терпимъ страшный недостатокъ не только въ порядочныхъ, но и въ какихъ-нибудь педагогическихъ дѣятеляхъ. Педагогическіе дѣятели могутъ выходить только изъ двухъ факультетовъ, филологическаго и математическаго, и главнымъ образомъ изъ перваго. Кромѣ учителей древнихъ языковъ, учитель русскаго языка и учитель исторіи выходятъ только изъ филологическаго факультета. Въ филологическій же факультетъ могутъ поступать только тѣ молодые люди которые обучались обоимъ древнимъ языкамъ. Теперь спрашивается, много ли студентовъ могутъ поступать въ филологическій факультетъ нашихъ университетовъ изъ десяти классическихъ гимназій на всю Россію? Можетъ ли быть обиленъ выборъ педагогическихъ дѣятелей, которыхъ намъ требуется не мало, особенно въ настоящую пору, когда обстоятельства побуждаютъ насъ быть особенно строгими и осторожными въ выборѣ? Вѣдь мы, кажется, хотимъ еще чтобы въ западномъ краѣ всѣ учители были несомнѣнно русскаго происхожденія? А откуда же мы возьмемъ ихъ при той скудости, на которую мы сами добровольно обрекаемъ себя?...

III.

4-го іюня.

Намъ было очень пріятно прочитать пригласительную программу къ акту имѣющему быть на дняхъ въ частной гимназіи содержимой въ Петербургѣ г. Видеманомъ. Въ этой программѣ излагаются здравые взгляды на воспитаніе и высказано нѣсколько мѣткихъ сужденій о спорныхъ педагогическихъ вопросахъ. Заведеніе г. Видемана есть заведеніе частное и принуждено

приноровляться къ измѣнчивымъ вкусамъ и требованіямъ публики. Рядомъ съ классическою гимназіей существуетъ въ этомъ заведеніи реальное отдѣленіе и даже особая коммерческая школа; не отсутствуетъ, разумѣется, ни преподаваніе естественныхъ наукъ, ни куріозное преподаваніе химіи, хотя г. Видеманъ сознается что рѣшительно не понимаетъ къ чему оно служитъ. Программа г. Видемана свидѣтельствуетъ что съ его стороны дѣлается все возможное чтобы нейтрализовать послѣдствія заблужденій, которыя лежатъ какъ кошмаръ-душитель на нашихъ училищахъ. Главнымъ ядромъ своего заведенія г. Видеманъ считаетъ гимназію, основанную на изученіи древнихъ языковъ, и употребляетъ со своей стороны всѣ мѣры убѣжденія чтобъ удерживать учениковъ отъ перехода въ реальное отдѣленіе. Онъ свидѣтельствуетъ что это отдѣленіе наполняется обыкновенно слабѣйшими изъ воспитанниковъ, и спрашиваетъ, не слѣдуетъ ли уже изъ одного этого наблюденія, дѣлаемаго и въ другихъ гимназіяхъ, заключить что древніе языки должны считаться лучшимъ пробнымъ камнемъ зрѣлости къ поступленію въ университетъ,—конечно, прибавляетъ онъ, не въ такой университетъ куда открытъ доступъ и прекрасному полу и гдѣ галантерейные профессоры въ популярныхъ бесѣдахъ разжижаютъ науку водицей, чтобы развлекать своихъ слушателей. Онъ замѣчаетъ совершенно справедливо: «если и Россіи суждено подняться до общаго высшаго образованія, если русская литература должна освободиться отъ рабства французской литературѣ, то, конечно, волшебный напитокъ долженъ течь и къ намъ изъ Кастальскаго источника классической древности.»

Г. Видеманъ жалуется на чрезмѣрное множество уроковъ которыми обременены ученики въ нашихъ гимназіяхъ и которыми онъ принужденъ обременять и своихъ воспитанниковъ, такъ какъ частное заведеніе не можетъ бороться съ положеніемъ дѣлъ зависящимъ отъ общаго учебнаго законодательства. Онъ указываетъ на фактъ заслуживающій серіознаго вниманія, что воспитанники петербургскихъ учебныхъ заведеній вообще физически слабѣе чѣмъ воспитанники остзейскихъ училищъ. Мы не успѣваемъ выучить нашихъ воспитанниковъ, но отлично

успѣваемъ заучить ихъ. Пора бы серіозно подумать о причинахъ этой превратности: пора бы намъ дать себѣ ясный отчетъ въ коренной изъ этихъ причинъ. Наша общая бѣда, какъ и бѣда нашей учебной части, состоитъ въ той несчастной характеристической чертѣ нашего прогресса, что онъ происходитъ словно въ безвоздушномъ пространствѣ. Наши нововведенія, какъ уже почти всѣ мы начинаемъ понимать, не встрѣчаютъ никакихъ затрудненій именно потому что совершаются на поверхности и не претендуютъ на дѣйствительную жизнь. Намъ черезчуръ легко заводить у себя все то, о чемъ кто-нибудь за границей только заикнется, и мы заводимъ у себя сегодня то, завтра другое. Ко многому, существующему только для вида, отчего не присоединить еще чего-нибудь, что́ также будетъ существовать для вида? Мы привыкли заботиться не о томъ, какъ что выйдетъ въ дѣйствительности, а только о томъ какъ размашистъ и затѣйливъ будетъ сочиненный нами проектъ. Неудобоисполнимость насъ нисколько не смущаетъ, мы привыкли не обращать вниманія на дѣйствительность. Что́ за бѣда что гимназисты не выучиваются какъ слѣдуетъ ни одному изъ предметовъ которымъ по уставу они должны выучиваться? Но мы забываемъ одно: уставъ можетъ быть исполненъ до такой степени формально, что въ результатѣ окажется чрезвычайно мало ученья, а все-таки нѣтъ возможности до такой степени не исполнить устава чтобъ избавить учениковъ отъ мученья, дѣйствующаго разрушительно на ихъ физическое и нравственное здоровье, даже на ихъ честность, гибнущую въ попыткахъ обманывать наставниковъ дабы удовлетворять неисполнимымъ требованіямъ. Мы смотримъ равнодушно на всѣ эти плоды нашей педагогической дѣятельности. Противъ насъ свидѣтельствуютъ цѣлыя поколѣнія нашихъ питомцевъ, изнуренныя физически, извращенныя нравственно, но мы все еще не отстаемъ отъ привычки не обращать вниманія на сущность дѣла, довольствуясь его внѣшностью. Мы идемъ все далѣе на этомъ пути,— продолжаемъ перенимать лишь то что́ можно перенять внѣшнимъ образомъ, то-есть самое дурное. Учить какъ слѣдуетъ, учить чтобы научить, этого перенять нельзя. Но учить многому,

это относится къ наружности дѣла; это осязательно; это можетъ быть предписано уставомъ: и вотъ мы чувствуемъ влеченіе учить многому, и въ этомъ отношеніи скоро превзойдемъ всѣ народы міра.

Многоученіе есть новость, весьма недавняя, въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, и мы съ жаромъ принялись вводить у себя эту новость, не справившись, каковы плоды ея въ самой Германіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію что нѣмецкія гимназіи зашли слишкомъ далеко въ этомъ отношеніи, что множество предметовъ преподаванія разсѣиваетъ и ослабляетъ силы учащихся, и что они вступаютъ въ жизнь усталые, чувствуя не позывъ къ дѣятельности, какъ слѣдовало бы, а потребность отдохнуть отъ трудовъ школы. Превратность этого направленія кажется не должна бы укрываться отъ насъ. Насмѣшки надъ нѣмецкимъ филистерствомъ хорошо намъ извѣстны и охотно повторяются нами, особенно въ соединеніи съ насмѣшками надъ неестественнымъ характеромъ нѣмецкаго гелертерства. Мы трунимъ надъ Нѣмцами, и въ то же время, не будучи въ состояніи перенять у нихъ то что скрывается за случайною оболочкой и составляетъ силу нѣмецкой цивилизаціи, мы спѣшимъ перенять именно эту оболочку. Что можетъ быть несообразнѣе этого способа дѣйствій, и чѣмъ можетъ быть объяснена эта несообразность кромѣ вкоренившейся въ насъ привычки интересоваться одною наружностью всякаго дѣла? И мы не просто перенимаемъ: не основываясь ни на чемъ и ничѣмъ не стѣсняясь, мы выступаемъ изъ всякой мѣры и оставляемъ за собою далеко даже ту односторонность которую копируемъ. Нѣмецкія гимназіи чрезмѣрно загромождены предметами, но тѣмъ не менѣе за древними языками, какъ за предметомъ самымъ главнымъ, остается принадлежащее имъ мѣсто, такое мѣсто какого мы для нихъ и требовать не смѣемъ, и существенная часть гимназическаго преподаванія приносится въ жертву многопредметности. А мы готовы совсѣмъ забыть главное, гоняясь за ложно-понятымъ разнообразіемъ и обиліемъ свѣдѣній, которыя мы хотимъ передать гимназистамъ, и которыя, даже еслибы были дѣйствительно переданы, сдѣлали бы изъ нихъ только попугаевъ.

Школа не можетъ научить всему тому что́ нужно въ жизни; она не можетъ избавить отъ необходимости, она не должна заглушать въ молодомъ человѣкѣ потребность учиться и по вступленіи его въ жизнь. Школа приготовляющая къ университетскому ученью должна только ввести учащагося въ міръ всеобщей цивилизаціи, давъ ему возможность овладѣть ея корнями. Ничего другаго нельзя требовать отъ гимназіи. Дальнѣйшее должны дать университетъ и еще болѣе самый трудъ жизни. Мы совершенно сочувствуемъ тому что́ говоритъ г. Видеманъ о многоученіи, и вмѣстѣ съ нимъ сожалѣемъ, что онъ, по своей зависимости отъ окружающихъ его условій, лишенъ возможности прилагать къ своей школѣ тѣ здравыя педагогическія начала, которыя онъ такъ вѣрно излагаетъ въ своей программѣ.

IV.

5-го іюня.

Съ удовольствіемъ печатаемъ мы сегодня письмо барона Гершау, вызванное одною изъ нашихъ статей и имѣющее цѣлію показать въ истинномъ свѣтѣ образъ мыслей лифляндскаго дворянства по отношенію къ нашему общему отечеству. Хотя смыслъ этого письма очень порадовалъ насъ, но мы были нѣсколько удивлены тономъ возраженія которымъ оно писано. Ни въ той статьѣ нашей къ которой письмо барона Гершау относится, ни въ другой по тому же предмету, которая вскорѣ за ней послѣдовала, не высказывалось никакихъ неблагопріятныхъ заключеній объ образѣ мыслей и направленіи лифляндскаго дворянства. Намъ рѣдко случалось говорить о дѣлахъ этого края; но мы проспимъ барона Гершау, который сѣтуетъ на замѣчаемое имъ натянутое отношеніе русской печати къ прибалтійскимъ губерніямъ, найти хотя одну строку въ нашихъ изданіяхъ, отъ самаго начала ихъ до нынѣшняго недоразумѣнія, гдѣ бы говорилось что-нибудь неблагопріятное о лифляндскомъ или курляндскомъ дворянствѣ. Мы не слѣдили за отно-

шеніями русской печати къ прибалтійскимъ губерніямъ и не можемъ въ точности сказать, въ какой мѣрѣ справедливъ укоръ нашего почтеннаго корреспондента; насъ во всякомъ случаѣ укоръ этотъ касаться не можетъ. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда намъ доводилось сказать слово о дѣлахъ этого края, мы говорили безъ всякой натянутости, безъ всякаго предубѣжденія или недоброжелательства. Наконецъ, въ этихъ самыхъ статьяхъ нашихъ, вызвавшихъ возраженіе барона Гершау, мы высказывались съ живою симпатіей о тѣхъ лицахъ нѣмецкаго происхожденія, которыя, будучи гражданами Русскаго государства, служатъ ему не какъ наемники или авантюристы, но какъ дѣти Русской земли, и ничѣмъ въ этомъ отношеніи не отличаются отъ природныхъ Русскихъ; мы выражали полную увѣренность, что не только дворянство лифляндское, но и вообще коренные жители этой провинціи чувствуютъ себя Русскими. Ошибались ли мы въ этой увѣренности или нѣтъ, но мы высказывали ее, и могли подать поводъ къ возраженію только тѣмъ, кто иначе смотритъ на дѣло и имѣетъ основаніе полагать, что мы въ нашей увѣренности ошибаемся,—а конечно не тѣмъ, кто смотритъ на дѣло одинаково съ нами и представляетъ доказательства для утвержденія насъ въ этой увѣренности.

Баронъ Гершау совершенно одинаково съ нами понимаетъ отношенія Прибалтійскаго края и тамошняго дворянства къ Россіи: онъ согласенъ съ нами въ сужденіи о томъ, каковы должны быть эти отношенія при естественномъ и правильномъ ходѣ дѣлъ; въ то же время, какъ дворянинъ этого края, онъ является живымъ свидѣтельствомъ въ пользу нашего мнѣнія о дѣйствительномъ характерѣ этихъ отношеній въ настоящее время. Гдѣ же предметъ для возраженія? Гдѣ же основанія для спора? Баронъ Гершау находитъ, что мы придали слишкомъ большое значеніе проповѣди доктора Вальтера. Онъ объясняетъ намъ, что какъ проповѣдь она никакого отношенія къ преніямъ лифляндскаго ландтага не имѣетъ, и что между высказанными въ ней мнѣніями и образомъ мыслей лифляндскаго дворянства нѣтъ никакой солидарности. Но мы ничего не говорили о солидарности между этою проповѣдью и образомъ мыслей

лифляндскаго дворянства. Мы не дѣлали никакихъ дальнѣйшихъ заключеній, а только заявили фактъ. Мы ничего не преувеличили, ничего не исказили. Мы выписали нѣкоторыя мѣста изъ этой рѣчи, и высказали нѣсколько внушенныхъ ею мыслей. Какъ великъ авторитетъ доктора Вальтера, въ какой мѣрѣ высказанныя имъ мнѣнія соотвѣтствуютъ общему настроенію умовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, какой вѣсъ, какую силу слѣдуетъ придавать его словамъ,—этого мы не касались, этого мы не знали и объ этомъ мы не дѣлали никакихъ догадокъ; мы не выходили изъ предѣловъ даннаго факта: мы говорили только о томъ что́ прочли въ самой проповѣди. Повторимъ, сущность дѣла не въ томъ, какой авторитетъ имѣетъ эта рѣчь, кѣмъ и по какому случаю она произнесена: интересъ для насъ прежде всего заключался въ мнѣніяхъ, на которыя мы обратили вниманіе. Но, безъ сомнѣнія, интересъ рѣчи не могъ умалиться въ нашихъ глазахъ отъ того, что она была произнесена высшимъ духовнымъ лицомъ, епископомъ, въ торжественномъ случаѣ, предъ цѣлымъ дворянствомъ губерніи, которое собралось для обсужденія мѣстныхъ дѣлъ и интересовъ, и что въ этой рѣчи, имѣвшей, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, характеръ политическій, слушателямъ представлялись на видъ дѣла и интересы подлежавшіе ихъ обсужденію. И газетная статейка могла обратить на себя вниманіе, тѣмъ болѣе заявленіе такого лица, въ такомъ случаѣ и при такомъ собраніи. Это не была болтовня какого-нибудь праздная писаки; это было очень толковое, взвѣшенное слово. Не обратить вниманія на такое слово, счесть его вздоромъ, о которомъ не сто́итъ говорить, было бы безсмыслiемъ.

Во всякомъ случаѣ, кто безъ предубѣжденія и съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочтетъ нашу статейку, тотъ увидитъ, что чувство горечи, которое въ ней замѣчается, относится не къ кому-либо иному, а къ намъ самимъ. Если русская національность подвергается гдѣ-нибудь вопросу или отрицанію, то винною тому можетъ быть только она же сама, какой-либо недостатокъ въ ея развитіи, какая-либо неправильность въ ея положеніи. Вотъ къ какому заключенію мы пришли, къ заключенію

болѣе огорчительному для насъ, Русскихъ, нежели для Нѣмцевъ. Подъ вліяніемъ этого чувства, мы выразили мысль о необходимости призвать къ дѣйствію какія-либо новыя условія въ развитіи русской народности, соотвѣтствующія новымъ потребностямъ и новымъ задачамъ русскаго общества, мысль, которую съ сочувствіемъ повторяетъ и почтенный корреспондентъ нашъ. Намъ было истинною отрадой прочесть въ его письмѣ слѣдующія благородныя слова, которыми онъ удостовѣряетъ насъ въ настроеніи умовъ въ Прибалтійскомъ краѣ: «Пробудившаяся, въ послѣднее время, общественная дѣятельность «русскаго общества нашла полное сочувствіе въ Прибалтійскомъ краѣ; онъ отъ души желаетъ, чтобы господствующая «народность вступила въ полное обладаніе всѣми своими нравственными силами, несомнѣннымъ результатомъ чего будетъ «постепенное и естественное сближеніе всѣхъ разнородныхъ «элементовъ, вошедшихъ въ область Русскаго государства».

Послѣ этихъ словъ между нами и барономъ Гершау не можетъ быть никакого спора по предмету котораго коснулись мы, говоря о проповѣди доктора Вальтера. Еслибъ и оказались какія-либо разногласія между нами, то они умолкаютъ предъ этимъ общимъ нашимъ чувствомъ, общимъ нашимъ желаніемъ. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что баронъ Гершау гораздо болѣе сходится съ нами нежели съ бывшимъ лифляндскимъ генералъ-суперинтендентомъ въ вопросѣ о германизаціи Прибалтійскаго края. Докторъ Вальтеръ видитъ важное упущеніе въ томъ, что лифляндское дворянство до сихъ поръ не германизовало этого края; онъ, во имя гуманности, приглашаетъ нынѣшнее поколѣніе уплатить этотъ долгъ, оставленный отцами, и немедленно приняться за дѣло германизаціи Латышей и Эстовъ, чувствующихъ, какъ онъ свидѣтельствуетъ, непреодолимое влеченіе превратиться въ Нѣмцевъ. Нашъ корреспондентъ утверждаетъ, напротивъ, что лифляндскіе землевладѣльческіе классы, именно по чувству гуманности, не германизовали этихъ племенъ и не хотятъ германизовать ихъ.

Лифляндское дворянство, дѣйствительно, до сихъ поръ не заботилось о германизаціи этихъ племенъ. Это фактъ несомнѣнный.

Мы знаемъ также и то, что лифляндское дворянство подвергается за это сильнѣйшимъ укорамъ. Недѣли три тому назадъ, почти въ одно время съ проповѣдью доктора Вальтера, читали мы въ одной изъ распространеннѣйшихъ нѣмецкихъ газетъ лифляндскую корреспонденцію, гдѣ между прочимъ сказано: «Эти феодалы никогда не заботились о томъ, чтобы распространить нѣмецкій языкъ между туземцами, чего однако требовала сколько-нибудь *разумная политика*... Къ нѣмецкому «языку господа эти привязаны только по привычкѣ, или, лучше «сказать, по чувству косности; имъ и во снѣ не пригрезится «принести нѣмецкому языку какую-либо жертву; въ противномъ «случаѣ весь сельскій людъ нашъ былъ бы давнымъ-давно германизованъ...»

Итакъ, не одинъ докторъ Вальтеръ въ Лифляндіи укоряетъ тамошнее дворянство за то, что Латыши и Эсты не превращены до сихъ поръ въ нѣмецкія народонаселенія, подобно тому какъ обращены въ Нѣмцевъ славянскіе обитатели Альтенбурга.

Мы сейчасъ цитовали одну нѣмецкую газету; укажемъ кстати на другую. Въ *Allgemeine Zeitung* на проповѣдь доктора Вальтера отозвались такими словами: «Докторъ Вальтеръ возобновилъ воспоминанія о *соприналежности* Прибалтійскаго края съ Германіей». Случайно довелось намъ прочесть эти слова въ первый разъ не въ *Allgemeine Zeitung*, а въ одной остзейской газетѣ, гдѣ они были перепечатаны, съ какимъ-то куріознымъ символическимъ восклицаніемъ. Вотъ въ какой связи находятся между собою идеи! Вотъ какъ въ умахъ германизація естественно соприкасается съ *Wiedererinnerung an die Zusammengehörigkeit mit Deutschland*. А еще до германизаціи Латышей и Эстовъ далеко; благодаря образу дѣйствій тамошнихъ землевладѣльческихъ классовъ, Латыши и Эсты остаются Латышами и Эстами: но вотъ едва сказалась мысль о возможности превращенія ихъ въ Нѣмцевъ, какъ уже явилась мысль о «соприпадлежности этого края съ Германіей».

Что лифляндское дворянство дѣйствовало до сихъ поръ не такъ, какъ, по мнѣнію доктора Вальтера, оно должно было дѣйствовать, это не подлежитъ сомнѣнію. Но что въ настоящее

время слово генералъ-суперинтендента вовсе не выражаетъ общественнаго настроенія въ Прибалтійскомъ краѣ, что между нимъ и земствомъ нѣтъ никакой солидарности, противъ этого есть свидѣтельство,—не наше (мы въ этомъ дѣлѣ свидѣтелями быть не можемъ), — свидѣтельство самой остзейской печати. Извѣщая объ отставкѣ г. Вальтера, *Dorpater Tagesblatt* говоритъ слѣдующее:

«Страна (*das Land*) будетъ единодушно сѣтовать на стече-«ніе обстоятельствъ, которое лишаетъ ее службы одного изъ «достойнѣйшихъ ея представителей, почти въ ту самую минуту, «когда она считала себя въ правѣ привѣтствовать въ его муже-«ственно сказанныхъ словахъ *вѣрное выраженіе образа мыслей «и направленія, котораго она держится неколебимо*».

Эти строки буквально противорѣчатъ показанію барона Гершау, который свидѣтельствуетъ: «что слово генералъ-суперин-«тендента *не можетъ служить выраженіемъ мѣстнаго обще-«ственнаго направленія*, что между земствомъ и докторомъ «Вальтеромъ нѣтъ солидарности».

Замѣтимъ въ добавокъ, что *Dorpater Tagesblatt* не какая-нибудь пустая, не заслуживающая вниманія газета. Редакція этого листка отличается умомъ, ловкостію и политическимъ смысломъ. Наконецъ, въ своихъ статьяхъ она служитъ органомъ по преимуществу землевладѣльческихъ интересовъ Прибалтійскаго края. Итакъ, органъ лифляндскаго дворянства свидѣтельствуетъ совершенно противное тому что говоритъ баронъ Гершау. Стало-быть не съ нашей стороны противорѣчіе; вотъ стало-быть куда надо обратиться съ возраженіемъ. Слѣдуетъ протестовать не противъ насъ, ничего не говорившихъ отъ имени лифляндскаго дворянства, а противъ остзейской газеты, которая говоритъ отъ имени цѣлаго края и очень рѣзко противорѣчитъ показаніямъ барона Гершау. Кто-нибудь изъ нихъ ошибается. Мы были бы рады думать, что ошибается *Дерптскій Дневникъ*; но почему же въ *Дерптскій Дневникъ* и *Рижскую Газету* никто не посылаетъ возраженій, тогда какъ насъ совсѣмъ засыпали ими? Во всякомъ случаѣ, если въ средѣ дворянства остзейскихъ губерній есть, что́ несомнѣнно, много лицъ

раздѣляющихъ сочувственный намъ образъ мыслей барона Гершау, то есть должно-быть и такіе которые этого образа мыслей не раздѣляютъ. Иначе какъ могли бы существовать эти газеты еслибъ онѣ высказывали образъ мыслей совершенно противный мнѣніямъ высшихъ, читающихъ классовъ въ этихъ губерніяхъ? Кто бы сталъ читать ихъ? Для кого бы издавались онѣ?

Остзейскія газеты рѣшительно негодуютъ на насъ за то, что мы позволили себѣ высказаться противъ германизаціи латышскихъ и эстонскихъ народонаселеній Прибалтійскаго края. Онѣ доказываютъ намъ и историческое право, и необходимость германизаціи на томъ основаніи что «исторія не съ Русскимъ народомъ неразрывно соединила судьбу этихъ народонаселеній, а съ нѣмецкими завоевателями». Онѣ настаиваютъ на томъ чтобы нѣмецкій языкъ преподавался въ народныхъ школахъ, и чтобы русскій не оспаривалъ у него этого права. Всѣ изъявленія нашего уваженія къ нѣмецкому языку и къ нѣмецкой культурѣ бросаютъ они намъ въ лицо съ досадой и негодованіемъ. Мы находили весьма естественнымъ чтобы граждане Русскаго государства не чуждались Русскаго народа и чувствовали свою живую и неразрывную связь съ нимъ. Только этимъ ограничивались наши скромныя притязанія, но это оказалось ложкой дегтя. Эти господа съ пронзей отвѣчаютъ намъ, что и имъ безъ насъ очень хорошо извѣстно что страна ихъ подвластна теперь Россійской Имперіи, точно также какъ прежде она была подвластна королевствамъ Шведскому и Польскому. Они употребляютъ во зло ту деликатность съ которою желали мы уклониться отъ всякаго спора объ относительныхъ достоинствахъ національностей; нашимъ признаніемъ тѣхъ преимуществъ которыми отличается нѣмецкая культура они спѣшатъ воспользоваться какъ орудіемъ противъ насъ же самихъ. Мы сказали что нѣмецкая культура богаче русской, что нѣмецкій языкъ представляетъ болѣе далекіе горизонты чѣмъ русскій: остзейскіе публицисты, вмѣсто того чтобъ убѣдиться изъ этихъ словъ, какъ свободны мы отъ всякаго непріязненнаго чувства къ тому чѣмъ дорожатъ они, также какъ и отъ національнаго тщеславія, восклицаютъ: «И русская газета, признавая это,

«требуютъ, чтобы тотъ кто родился Нѣмцемъ могъ чувство-«вать себя по преимуществу Русскимъ!... Она хочетъ оспари-«вать у нѣмецкой исторіи страну которая въ продолженіи цѣ-«лыхъ столѣтій была въ политическомъ единеніи съ Германіей, «и съ которою она неразрывно связана всѣмъ что даетъ цѣну «существованію... И Нѣмцы должны устранять Латышей и Эс-«товъ отъ языка открывающаго для ума несравненно болѣе «далекіе горизонты, съ тѣмъ чтобъ обратить ихъ къ чужому, «скуднѣйшему идіому». Въ своемъ увлеченіи остзейскіе публи-цисты сообщили намъ даже неслыханную новость о Священ-номъ Писаніи переведенномъ на латышскій и эстонскій языки задолго прежде чѣмъ Русскій народъ имѣлъ его на своемъ,— Русскій народъ, который имѣлъ Священное Писаніе на род-номъ славянскомъ языкѣ задолго прежде чѣмъ даже сами Нѣм-цы имѣли Священное Писаніе на своемъ языкѣ, потому что языкъ Ульфилы далеко не въ такомъ отношеніи находится къ нынѣшнему нѣмецкому, въ какомъ языкъ Меѳодія и Кирилла находится къ тому языку которымъ мы теперь говоримъ и который въ церковно-славянскомъ нарѣчіи, для всѣхъ Русскихъ и теперь понятномъ, находитъ свое историческое начало.

Мы и теперь не хотимъ пускаться въ споръ объ относитель-ныхъ достоинствахъ той или другой народности, и не отрекаем-ся отъ своихъ словъ. Да, нѣмецкая культура богаче русской, и нѣмецкій языкъ представляетъ несравненно болѣе пособій для умственнаго образованія нежели русскій. Но мы напомнимъ нашимъ антагонистамъ, что богатства, которыми они гордятся, есть дѣло наживное, что преимущества, которыми славится теперь нѣмецкій языкъ, пріобрѣтены имъ не въ какія-либо не-запамятныя времена, а на глазахъ поколѣній весьма недавно сошедшихъ съ земнаго поприща. На какомъ языкѣ писалъ Лейбницъ? Какъ Фридрихъ Великій отзывался о нѣмецкомъ языкѣ? Давно ли нѣмецкіе люди стыдились своего языка и не находили возможнымъ употреблять его въ порядочномъ обще-ствѣ или выражать на немъ свои лучшія мысли и чувство-ванія? Давно ли жили Шиллеръ и Гёте? Да, богатство литера-туры и цивилизаціи есть дѣло наживное, и при благопріятныхъ

условіяхъ, которыхъ мы ожидаемъ, русскому языку, черезъ нѣсколько десятилѣтій, можетъ-быть не въ чемъ будетъ позавидовать нѣмецкому.

Что же касается до самой сущности народа, которая не есть дѣло наживное, до его духа, до его призванія, то Русскому народу нечего опасаться какого бы то ни было сравненія.

Дерптскимъ публицистамъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень хорошо извѣстна Тацитова *Germania*; имъ должна быть не менѣе извѣстна и Геродотова *Мельпомена*. Дика была страна описанная Тацитомъ; но что̀ можетъ сравниться съ ужасающею дичью тѣхъ странъ которыя носятъ нынѣ имя Россіи? Не нужно и свидѣтельства древнихъ авторовъ, для того чтобы представить себѣ каковы были эти страны въ древнія времена. Племена заселившія Европу всѣ спѣшили миновать эти страшныя пустыни, ища мѣстъ болѣе гостепріимныхъ и сподручныхъ человѣку. Только одно изъ индо-европейскихъ племенъ, когда наступила для него историческая пора, смѣло углубилось въ эти мѣста, о которыхъ безъ содроганія не могли и подумать обитатели странъ болѣе благословенныхъ. Изъ этого племени вышелъ Русскій народъ. Что̀ долженъ былъ вынести, что̀ долженъ былъ совершить этотъ народъ, о какихъ силахъ, о какой живучести свидѣтельствуетъ борьба его съ этою природой и съ этими полулюдьми, которые гнѣздились въ этихъ мѣстахъ и набѣгали на нихъ? Сила измѣряется тѣми препятствіями которыя она встрѣчаетъ и надъ которыми торжествуетъ. Какія же силы должны быть въ томъ народѣ который являетъ теперь міру на всемъ этомъ безмѣрномъ пространствѣ христіанское могущественное государство, быстро зрѣющее и въ матеріальныхъ и въ нравственныхъ силахъ, — народѣ, который внесъ крестъ, жизнь и свѣтъ въ эту обитель ужасовъ, мрака и смерти?

Къ этому ли народу обидно присоединиться тѣмъ бѣднымъ племенамъ, которымъ не дано самостоятельнаго историческаго существованія, и которыя, какъ гласитъ древнѣйшее преданіе нашей исторіи, вмѣстѣ съ нашими предками призывали основателей Русскаго государства и такимъ образомъ, при самомъ началѣ нашей исторіи, связали судьбу свою съ Русскимъ

народомъ? Этого ли народа будетъ чуждаться, предъ нимъ ли будетъ кичиться своею національностью и культурой горсть нѣмецкихъ зашельцевъ посреди этихъ племенъ?

V.

6-го іюня.

«Вѣрнѣйшіе успѣхи брани,» какъ сказалъ однажды знаменитѣйшій изъ нашихъ современныхъ духовныхъ проповѣдниковъ, «заготовляются прежде брани». Въ настоящее время начата «брань», результатомъ которой должно быть полное нравственное завоеваніе бывшихъ польскихъ владѣній на Русской землѣ. До сихъ поръ эти владѣнія соединены были съ Россіей только внѣшнимъ образомъ; въ нихъ не только продолжалъ преобладать, но совершалъ новые успѣхи польскій элементъ, теперь дѣло идетъ о томъ чтобы связать этотъ край съ Россіей неразрывною внутреннею связью, и мы въ правѣ спросить себя: заготовили ли мы всѣ средства для совершенія такого великаго дѣла, и пользуемся ли мы, по крайней мѣрѣ, вполнѣ тѣми средствами которыя находятся въ нашемъ распоряженіи?

Безспорно, въ одинъ годъ сдѣлано очень многое въ видахъ обращенія нашего сѣверо-западнаго края въ край чисто-русскій. Открытый мятежъ подавленъ; русское крестьянское населеніе поставлено въ независимость отъ польскихъ помѣщиковъ, и повѣрочныя коммиссіи съ самымъ похвальнымъ рвеніемъ заботятся объ огражденіи его отъ неправыхъ притязаній; съ тѣмъ вмѣстѣ, для него, и при собственномъ его содѣйствіи, основаны во множествѣ народныя училища; при нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ мѣстностяхъ наиболѣе населенныхъ, устроены книжные склады для продажи крестьянамъ, по доступной для нихъ цѣнѣ, русскихъ книгъ, православныхъ иконъ, картинъ священнаго и историческаго содержанія; на обезпеченіе быта православнаго духовенства обращено, какъ слышно, самое серіозное вниманіе, и уже ассигнованы съ этою цѣлью, какъ извѣстно, довольно значительныя суммы; неблагонадежные польскіе чинов-

ники замѣнены русскими; русскій языкъ возстановленъ не только въ гимназіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ, но и вообще въ мѣстахъ публичныхъ, въ лавкахъ, въ магазинахъ и даже на ихъ вывѣскахъ; польская пропаганда преслѣдуется вездѣ, гдѣ только успѣваютъ обнаружить ее, не только въ школахъ и учебникахъ, но даже и въ дѣтскихъ играхъ, которыя со своей стороны также должны были служить къ распространенію и вкорененію польскаго ученія о границахъ 1771 года; наконецъ приняты нѣкоторыя мѣры для пополненія состава высшаго земле-владѣльческаго класса чисто-русскими людьми, и были предположены мѣры еще болѣе рѣшительныя въ этомъ же смыслѣ, какъ, напримѣръ, продажа русскимъ людямъ имѣній секвестрованныхъ, съ выдачей владѣльцамъ этихъ имѣній суммъ которыя были бы выручены при продажѣ. Словомъ, задача поставленная намъ исторіей по отношенію къ нашему западному краю понята совершенно, важность ея сознается, и принимаются всѣ мѣры къ ея рѣшенію. Борьба противъ польскихъ захватовъ и противъ польско-католической пропаганды открыта по всей линіи, и пока нынѣшняя система управленія продержится во всей своей силѣ, можно быть вполнѣ увѣрену что все что̀ можетъ быть достигнуто одними административными, одними бюрократическими способами, будетъ достигнуто. И это уже чрезвычайно много, но это далеко не все что̀ необходимо для полнаго завоеванія края, нѣкогда отторгнутаго отъ Россіи и почти совершенно ополяченнаго, почти совершенно ушедшаго изъ рукъ Россіи, несмотря на то что владычество ея тамъ казалось, еще полтора года тому назадъ, несокрушимымъ. Для полнаго и прочнаго завоеванія края необходимы нравственныя силы.

Еслибы дѣло шло только о подавленіи открытаго мятежа, объ отраженіи внѣшнихъ враговъ, объ уничтоженіи революціонной организаціи, о пресѣченіи *явныхъ* путей и *явныхъ* способовъ, которыми вздумала-было дѣйствовать польско-католическая пропаганда, тогда было бы совершенно достаточно правительственной силы и тѣхъ привычныхъ способовъ которыми располагаетъ администрація. Но въ настоящее время это внѣшнее

дѣло уже сдѣлано, и осталась другая важнѣйшая и труднѣйшая задача, которая не подъ силу никакой администраціи, какимъ бы искусствомъ и энергіей она ни отличалась, и хотя бы въ распоряженіи ея были самыя обширныя средства. Дѣйствительно, въ чемъ теперь дѣло? Не въ томъ только чтобъ оградить внѣшнимъ образомъ православіе и русскую народность отъ латинскихъ и польскихъ захватовъ, а въ томъ чтобы православіе и русская народность окрѣпли въ самихъ себѣ настолько чтобы не нуждаться ни въ какой внѣшней оградѣ, чтобы собственною своею силой восторжествовать вполнѣ надъ папизмомъ и полонизмомъ и отнять у польской пропаганды всѣ прежнія ея завоеванія въ русскомъ, въ литовскомъ и жмудскомъ, въ еврейскомъ населеніи края. Что можетъ сдѣлать государство въ этомъ отношеніи? Оно можетъ запретить *явное* совращеніе въ католицизмъ; но содѣйствовать дѣйствительному укорененію православія, не прибѣгая къ тѣмъ способамъ которые осуждены исторіей и отвергаются духомъ нашего времени, оно рѣшительно не въ состояніи. Оно можетъ изгнать изъ употребленія польскій языкъ въ своихъ школахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, и пожалуй еще, съ грѣхомъ пополамъ, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, кофейняхъ, кондитерскихъ и т. д.; но распространить и водворить русскій языкъ и русскій духъ въ польскихъ или ополяченныхъ семействахъ и въ обществѣ оно рѣшительно не въ состояніи. Только собственное внутреннее преуспѣяніе и процвѣтаніе мѣстной русской церкви и мѣстныхъ русскихъ училищъ, только добровольное усвоеніе русскаго языка и русской литературы, какъ единственнаго средства умственнаго общенія края со всею Россіей, въ связи съ процвѣтаніемъ этихъ силъ въ цѣлой Россіи, могутъ достигнуть такихъ результатовъ. И въ этомъ отношеніи государство можетъ сдѣлать очень многое. Прежде всего оно можетъ освободить русское духовенство и вообще русское общество отъ препятствій и затрудненій которыя еще встрѣчаетъ у насъ самая благонамѣренная дѣятельность; затѣмъ оно можетъ дать средства для обезпеченія быта русскаго духовенства и русскихъ учителей, для умноженія и улучшенія православныхъ храмовъ, духов-

ныхъ и свѣтскихъ училищъ. Но даже и матеріальныхъ средствъ, которыми оно располагаетъ въ настоящее время, окажется недостаточно, и необходимо содѣйствіе всего русскаго общества для того чтобы въ западномъ краѣ Россіи наши православные храмы и наше православное богослуженіе могли своимъ благолѣпіемъ и торжественностью поравняться съ храмами и богослуженіемъ римско-католическими. Оно можетъ дать значительныя служебныя преимущества, возвысить оклады, назначить преміи для привлеченія изъ другихъ мѣстъ Россіи въ западный, и особенно въ сѣверо-западный, край ея достойныхъ русскихъ учителей и воспитательницъ; но и тутъ, кромѣ ограниченности средствъ, прошлогодній и отчасти нынѣшняго года опытъ показываетъ, что этихъ одинѣхъ приманокъ недостаточно даже для замѣщенія учительскихъ должностей въ гимназіяхъ природными Русскими. Къ 1-му января 1864 во всѣхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по Виленскому учебному округу (т.-е. въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Минской и Гродненской) изъ 390 начальниковъ и учителей, православныхъ Русскихъ состояло всего 113, т.-е. менѣе одной трети, католиковъ же было 239, остальные—лютеране; въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, взятыхъ въ отдѣльности, изъ 243 учителей—православныхъ 92, а католиковъ 124, остальные же 27—лютеране. Необходимо воодушевленіе къ дѣлу и извѣстная доля самоотверженія, во имя общей пользы, для того чтобы человѣкъ рѣшился покинуть свою родину, своихъ родныхъ и друзей, и переселился въ чуждый ему край, гдѣ предстоитъ тяжкая борьба противъ всей окружающей образованной общественной среды, а это воодушевленіе не можетъ быть куплено ни деньгами, ни чинами: оно бываетъ возможно только въ такомъ дѣлѣ, которое цѣлымъ обществомъ принимается особенно близко къ сердцу. Говорить ли еще о томъ, что никакими денежными и служебными преимуществами нельзя вдохнуть въ человѣка рвеніе къ общему дѣлу и готовность служить ему всѣми своими силами, всѣмъ своимъ разумѣніемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ,—рвеніе и готовность, въ которыхъ, конечно, нельзя отказать нашимъ противникамъ?

Впрочемъ, попытка обруспть нашъ западный край однпми чисто-правительственными способами была уже сдѣлана, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, въ прошедшее царствованіе, ознаменовавшееся, между прочимъ, возсоединеніемъ уніатовъ съ православною греко-россійскою церковью, и что же оказалось въ результатѣ? По свидѣтельству людей самыхъ свѣдущихъ въ этомъ отношеніи, въ 1832 году, тотчасъ же по подавленіи польской революціи, сѣверо-западный край былъ менѣе ополяченъ чѣмъ по прошествіи тридцати одного года, когда только что былъ подавленъ нынѣшній мятежъ. Не поучительно ли это показаніе?

Отрицательными мѣрами, какими по необходимости должна ограничиваться правительственная дѣятельность, нельзя созидать и возбуждать къ жизни. Возьмемъ примѣръ. Положимъ, дѣло идетъ о томъ чтобы въ западномъ краѣ доставить перевѣсъ русскому элементу надъ польскимъ относительно образованія. Призвавъ все русское общество къ содѣйствію этой высокой цѣли, поддержавъ воодушевленіе къ вопросу, которое дѣйствительно овладѣло-было русскимъ обществомъ весною прошлаго года, открывъ всѣ пути и способы дѣйствовать мѣстнымъ и центральнымъ братствамъ, о которыхъ было начали серіозно говорить у насъ и потомъ разомъ почему-то замолкли, можно было бы, дѣйствительно, совершить весьма многое. Но для этого нужны живыя личныя силы. При недовѣріи же къ нимъ, мы, очевидно, должны предпочитать болѣе сподручные отрицательные способы дѣйствія. Для доставленія перевѣса русскому образованію надъ польскимъ, можно, пожалуй, подавлять послѣднее. Вмѣсто того чтобы всячески, при содѣйствіи живыхъ національныхъ силъ, поднимать духъ и уровень образованія мѣстнаго русскаго населенія, мы принялись бы запрещать и затруднять образованіе для Поляковъ, а польскіе ксендзы легко сумѣли бы обойти наши запрещенія и завести свои тайныя школы, радуясь что мы выпустили изъ своихъ рукъ образованіе польскаго юношества.

Дѣйствовать благотворно на польское юношество посредствомъ русскихъ школъ до сихъ поръ, дѣйствительно, намъ не удавалось; но почему? Именно потому что общественная среда

въ этомъ дѣлѣ имѣетъ гораздо бо́льшую силу чѣмъ правительственныя мѣры. Полякамъ же удалось ополячить наши русскія гимназіи въ западномъ краѣ и обратить ихъ въ орудія полонизма и католицизма. Замѣчательно, съ какимъ единодушіемъ и съ какимъ искусствомъ они дѣйствовали въ этомъ отношеніи повсемѣстно, а особенно въ Ковенской губерніи. Русское правительство содержало тамъ четыре гимназіи и одну прогимназію, конечно, не съ тѣмъ чтобы приготовлять ярыхъ себѣ противниковъ, ксендзовъ, которые въ послѣдствіи, стоя по самому своему происхожденію близко къ крестьянамъ жмудскаго племени, возмущали бы ихъ противъ Россіи и русскаго владычества, и однако же, при содѣйствіи мѣстнаго польскаго общества, эти гимназіи были именно обращены въ разсадникъ такого рода дѣятелей. Въ нихъ привлекались крестьянскіе мальчики, которые, готовясь къ богословскому образованію, шли обыкновенно не далѣе 5-го класса, и потомъ переходили въ Виленскую или, еще чаще, въ мѣстную Ворнепскую (близь Тельшъ) римско-католическую семинарію. Конечно, ни въ одной губерніи нѣтъ въ гимназіяхъ такого числа учениковъ изъ крестьянскаго сословія какъ въ Ковенской. По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, изъ 820 учениковъ 267 принадлежатъ къ крестьянскому классу. Вотъ что́ значитъ участіе въ дѣлѣ самого общества! Можно смѣло сказать, что пока мы будемъ противопоставлять польско-католической пропагандѣ только правительственныя силы, а общество будемъ держать въ сторонѣ, пока все русское общество не воодушевится для борьбы за православіе и русскую народность въ краѣ, и не будетъ для этой высокой цѣли жертвовать и личнымъ трудомъ, и капиталами, мы не исхитимъ Литвы, Бѣлоруссіи и юго-западной Украйны изъ рукъ польскихъ ксендзовъ и пановъ.

Повторяемъ еще разъ: въ настоящее время дѣло идетъ о нравственномъ завоеваніи западнаго края Россіи, а это завоеваніе не можетъ быть совершено иначе, какъ при самомъ живомъ, при самомъ дружномъ содѣйствіи со стороны всей Россіи, со стороны всего русскаго общества. Нравственныя силы нашего общества, за отсутствіемъ средствъ къ ихъ упраж-

нeнію, дѣйствительно, не очень велики, но мы надѣемся что ихъ хватило бы для этого дѣла, лишь бы только дана была имъ возможность свободно дѣйствовать, порознь и сообща, и лишь бы стремленія къ общеполезнымъ цѣлямъ встрѣчались съ сочувствіемъ, а не съ тревожными и напрасными опасеніями.

VI.

9-го іюня.

Свиданія Государя Императора въ Берлинѣ съ королемъ Прусскимъ, въ присутствіи князя Горчакова и г. фонъ-Бисмарка, и въ Киссингенѣ съ императоромъ Австрійскимъ, имѣющимъ прибыть туда въ сопровожденіи графа Рехберга, равно какъ предстоящее въ Карльсбадѣ свиданіе Франца-Іосифа и его министра иностранныхъ дѣлъ съ королемъ Вильгельмомъ I и президентомъ его министерства, породили, естественнымъ образомъ, множество толковъ въ европейской журналистикѣ, и дѣло Польши, канувшее въ Лету, снова всплыло наружу. Утверждаютъ, съ необыкновеннымъ упорствомъ, будто бы между тремя монархами и ихъ министрами дѣло идетъ объ особомъ трактатѣ, которымъ они гарантировали бы другъ другу польскія ихъ владѣнія. Въ параллель съ этимъ извѣстіемъ, съ другой стороны сообщаютъ что Наполеонъ III, при отъѣздѣ нашего посла при Тюильрійскомъ дворѣ, барона Будберга, въ Киссингенъ, выразилъ ему желаніе свидѣться съ Государемъ Императоромъ въ Штутгартѣ, или въ Стразбургѣ, и путемъ личныхъ съ нимъ переговоровъ достигнуть соглашенія насчетъ Польши. Дѣло Польши, на которое мы въ правѣ смотрѣть какъ на свое внутреннее дѣло, и которое уже объявлено таковымъ въ депешахъ князя Горчакова, возводится такимъ образомъ снова въ дѣло общеевропейской политики, требующее будто бы международныхъ совѣщаній и подлежащее будто бы соглашенію государей между собою.

Всѣ эти извѣстія, какъ намъ кажется, лишены всякаго основанія. Какою бы самоувѣренностью ни обладалъ Наполеонъ III,

едва ли онъ можетъ обѣщать себѣ, что его голосъ покроетъ собою теченіе событій. Время колебаній, которыя только питали въ Полякахъ безразсудныя притязанія, и которыя привели было ихъ на край погибели, теперь, кажется, миновало. Въ Царствѣ Польскомъ предпринята колоссальная реформа крестьянскаго быта, которая не будетъ оставлена на полпути, а потому ни о какихъ совѣщаніяхъ, ни о какомъ соглашеніи съ Франціей насчетъ Польши, очевидно, не можетъ быть рѣчи.

Но, съ другой стороны, также Россія нисколько не нуждается въ какомъ бы то ни было трактатѣ, въ какомъ бы то ни было ручательствѣ Австріи и Пруссіи за неприкосновенность польскихъ ея владѣній. Самымъ лучшимъ и самымъ надежнымъ для нея ручательствомъ въ этомъ случаѣ служитъ внутренняя сила и крѣпость Русскаго народа и разумное направленіе которое приняла ея политика въ польскомъ вопросѣ и которое, конечно, нуждается въ дальнѣйшемъ развитіи и въ поддержкѣ со стороны русскихъ земскихъ силъ. При такихъ ручательствахъ намъ не только не нужны, но были бы и вредны ручательства Пруссіи и Австріи. Въ польскомъ вопросѣ наши интересы и безъ того сходятся съ интересами этихъ двухъ державъ и по заключеніи особаго трактата нисколько не стали бы ближе или тождественнѣе. Если Австрія, въ прошломъ году, въ угоду Франціи и въ возмездіе за нашу политику въ италіянскомъ вопросѣ, дозволила себѣ потворствовать нѣкоторое время польскому мятежу, то она же и принуждена была принять самыя крутыя мѣры противъ его распространенія въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ. Публицисты Австріи и Пруссіи, пожалуй, могутъ доказывать, что трактатъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ бы только въ интересахъ Россіи, а что Австрія и особенно Пруссія и безъ того спокойно обладаютъ своими польскими провинціями, и не опасаются не только ихъ отпаденія, но даже и возстановленія королевства Польскаго въ предѣлахъ хотя бы и близко подходящихъ къ границамъ 1771 года. Но мы съ большею правдой можемъ утверждать наоборотъ, что возникновеніе новаго польскаго королевства, еслибъ оно было возможно, менѣе было бы опасно для насъ чѣмъ для Пруссіи и

для Австріи: у насъ стало бы однимъ врагомъ больше на западной границѣ, между тѣмъ какъ Пруссія и Австрія, съ запада и съ востока, были бы поставлены между огнемъ и пламенемъ. Россія уже выдержала опытъ въ этомъ отношеніи: было время, когда полчища Наполеона I могли опереться на великое герцогство Варшавское, и тѣмъ не менѣе Россія устояла въ борьбѣ со всею Европой; мало того, не вразумленная опытомъ, она сама возстановила часть прежняго королевства Польскаго, почти въ совершенной независимости, и Австрія же первая встревожилась этимъ возстановленіемъ. Нѣтъ спора что эта романтическая политика, направленная къ возстановленію того что было ниспровергнуто и осуждено исторіей, была большою ошибкой со стороны Россіи, за которую она и поплатилась въ 1830, 1831 и въ 1863 годахъ; но тѣмъ не менѣе она доказываетъ что независимая Польша не до такой степени опасна для Россіи, какъ полагаютъ теперь нѣкоторые нѣмецкіе публицисты. Что же касается до спокойнаго обладанія польскими провинціями, которымъ отъ имени Пруссіи похваляется *Кельнская Газета*, то она же сама говоритъ что полувѣковой опытъ убѣдилъ Пруссію въ томъ что Поляки въ Познани могутъ быть сдерживаемы въ покорности только силой оружія, что Пруссія то и дѣло принуждена или подавлять возстанія, или бороться противъ тайныхъ приготовленій къ возстанію. То же самое должно сказать и объ Австріи. Притомъ же Поляки, вопреки мнѣнію *Кельнской Газеты*, нисколько не отреклись ни отъ Данцига, ни вообще отъ Западной Пруссіи,—а что сталось бы съ Пруссіей безъ этой ея провинціи? Нѣмецкіе публицисты обманываютъ если не себя, то другихъ, утверждая, будто бы польскій вопросъ опаснѣе для Россіи чѣмъ для Австріи и для Пруссіи. Но именно потому что онъ болѣе опасенъ для этихъ державъ, Россія и не имѣетъ надобности заключать съ ними особый трактатъ насчетъ польскихъ ихъ владѣній: самая природа вещей будетъ всегда побуждать ихъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи. Польское дѣло слѣдовало бы, кажется, считать окончательно проиграннымъ и навсегда исчезнувшимъ изъ среды вопросовъ способныхъ занимать европейскую дипломатію.

Крестовая Газета, дѣйствительно, опровергаетъ всѣ прежнія извѣстія о трактатѣ насчетъ Польши, и говоритъ, что въ Берлинѣ всѣ переговоры между княземъ Горчаковымъ и г. фонъ-Бисмаркомъ насчетъ Польши ограничивались только вопросомъ о свободѣ торговли между этими двумя сосѣдними странами, и такъ какъ, по мнѣнію этой газеты, реформа русскаго тарифа, въ духѣ началъ свободной торговли, дѣло не легкое, то она высказывается въ пользу возстановленія прежней таможенной линіи между Россіей и Царствомъ Польскимъ. Очень не мудрено что не только *Крестовая Газета*, но и состоящее съ нею въ нѣкоторыхъ связяхъ нынѣшнее правительство Пруссіи готово было бы склонить Россію въ пользу такой мѣры, такъ какъ она, дѣйствительно, могла бы быть выгодна для Пруссіи. Но выгодно ли это для Россіи? Нѣкоторые полагаютъ что для Россіи было бы полезно временное разъединеніе между Царствомъ Польскимъ и западнымъ краемъ, въ которомъ вслѣдствіе того усилилось бы тяготѣніе къ центральной Россіи. Мы не отрицаемъ важности вопроса о таможенной линіи между Царствомъ Польскимъ и Имперіей, но полагаемъ однако же что не таковъ долженъ быть правильный ходъ событій. Теперь едва ли время возстановлять таможни, однажды отмѣненныя. Къ тому же не подлежитъ сомнѣнію что обособленіе Польши отъ Россіи, въ политическомъ ли, или въ промышленномъ отношеніи, клонилось бы ко вреду для той и для другой страны. Польша должна быть связана съ Россіей единствомъ государственныхъ интересовъ; въ этой связи слѣдуетъ искать обезпеченій противъ тяготѣнія западнаго края къ Царству Польскому. Ежели же предвидится эта политическая связь, то безъ сомнѣнія желательно чтобы Польша все болѣе и болѣе притягивалась къ Россіи и своими интересами матеріальными.

VII.

10 іюня.

Печальный результатъ борьбы Россіи съ Польшей, уніатская церковь остается и понынѣ однимъ изъ яблокъ раздора между двумя націями. Оторванные отъ православія, называя православныхъ *схизматиками*, уніаты не пристали однако къ католикамъ, и относятся не совсѣмъ благосклонно къ *латинству*, по ихъ выраженію. Между тѣмъ церковь ихъ далеко не имѣетъ условій нужныхъ для самостоятельной жизни, и не представляетъ въ своихъ обрядахъ чего-либо законченнаго, опредѣленнаго; отъ политическаго положенія Царства Польскаго зависѣло большее или меньшее сближеніе уніатовъ съ католиками или православными. Въ самое послѣднее время, при системѣ маркиза Велёпольскаго, католики умѣли ввести органы въ уніатскіе храмы, умѣли выхлопотать разрѣшеніе переводить для окончанія курса уніатскихъ семинаристовъ изъ Холмской семинаріи въ Варшавскую католическую духовную академію; монсиньоръ Фелинскій совершилъ процессію въ варшавскій соборъ базиліановъ, и наконецъ, подъ вліяніемъ католическаго духовенства, сдѣланъ былъ выборъ главы уніатской церкви въ Царствѣ Польскомъ.

Знакомство съ состояніемъ уніатской церкви не оставляетъ никакого сомнѣнія что церковь эта въ Царствѣ Польскомъ не пользуется самостоятельностію. Римско-католическое духовенство считаетъ уніатовъ своею принадлежностію, и трудится надъ тѣмъ чтобы продолжать дѣло совращенія ихъ въ католицизмъ; съ другой стороны, наше православное духовенство не забываетъ того что уніаты были нѣкогда православными, и если не имѣетъ въ данное время средствъ къ дѣйствію въ пользу воссоединенія уніатовъ съ православіемъ (въ православную церковь въ Холмѣ до сихъ поръ еще, кажется, не назначенъ священникъ), то взамѣнъ бдительно слѣдитъ за работой католической церкви и, по возможности, препятствуетъ ей въ томъ. Самая существенная сторона дѣятельности Варшавской православной

консисторіи относится, конечно, къ дѣлу уніатовъ. Такимъ образомъ духовенство, и православное и римско-католическое, смотрятъ на уніатовъ каждое съ своей особой точки зрѣнія; но они сходятся въ одномъ: въ непризнаніи самостоятельности уніатской церкви.

Послѣднее слово принадлежитъ, при такомъ положеніи дѣлъ, политической власти. И дѣйствительно, съ возсоединеніемъ, въ 1839 году, уніатовъ Литовскаго края съ православіемъ послѣдовало и возсоединеніе нѣсколькихъ приходовъ Царства Польскаго. Такіе приходы, за исключеніемъ церквей войсковыхъ и пограничной стражи, составляютъ огромное большинство въ незначительномъ числѣ приходовъ вѣдомства православной консисторіи. Но времена перемѣнились: дворецъ намѣстника наполнился католиками, которые проповѣдывали, пожалуй, и неразрывный союзъ съ Россіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ были убѣждены что уніаты такіе же католики какъ они, только съ небольшимъ различіемъ въ обрядахъ. При такой обстановкѣ, намѣстники, даже расположенные къ поддержанію свободы вѣроисповѣданія, начинали на дѣлѣ помогать католической церкви въ ея стремленіяхъ къ поглощенію уніатской церкви; доказательствомъ тому служитъ тотъ гнетъ которому подверглись уніаты въ послѣднее время предъ возстаніемъ. Указанія, сообщенія, жалобы уніатовъ, исходившія изъ православной консисторіи, принимались съ крайнимъ неудовольствіемъ, какъ посягательство на свободу вѣроисповѣданія, а между тѣмъ только такимъ путемъ и могъ достигнуть до намѣстника голосъ подавленныхъ чиновничествомъ и ксендзами уніатовъ.

Теперь настаетъ конецъ гнету католической церкви. Латинизаторскимъ наклонностямъ ксендзовъ и заботливости ордена Фелиціянокъ ставится предѣлъ. «Наконецъ нашла коса на камень,» пишетъ корреспондентъ львовской газеты *Слово* изъ Холма; «этотъ камень,» продолжаетъ онъ своимъ безыскусственнымъ слогомъ, «есть Россійское правительство, которое, «смотрѣвъ долгое время со сложенными руками на то что «дѣется на его глазахъ, теперь выдало до нашего собора воз«званіе, чтобы каждые три мѣсяца представлялись донесенія:

«кто, гдѣ, и по какимъ причинамъ перемѣнилъ обрядъ. Вотъ «первая бѣлая ластовка, которую я посылаю вамъ.» Ластовка эта, замѣтимъ кстати, для предостереженія холмскихъ уніатовъ, будетъ бѣлою только до тѣхъ поръ, пока въ Царствѣ будетъ русское управленіе. «Другая ластовка», продолжаетъ корреспондентъ, «есть извѣстіе, что правительство наше начинаетъ ду«мать объ улучшеніи участи уніатскихъ священниковъ. До на«стоящаго времени правительство полагало что оставляя нашихъ «уніатскихъ ксендзовъ въ крайней нуждѣ оно принесетъ ихъ къ переходу въ православіе. Но не успѣвъ въ томъ и «замѣтивъ, что наши, находясь во многихъ отношеніяхъ въ за«висимости отъ польскихъ помѣщиковъ, пристаютъ къ ихъ «дѣлу, *Россіяне* (sic) выходятъ теперь на другой путь и по«даютъ руку помощи вопіющей до неба нашей нуждѣ. Съ этою «цѣлію директоръ коммиссіи вѣроисповѣданій сдѣлалъ нашему «собору сообщеніе, чтобъ онъ подалъ списокъ наибѣднѣйшихъ «нашихъ приходовъ, священникамъ которыхъ съ 1865 года «выплачивалось бы содержаніе до тѣхъ поръ, пока не послѣ«дуетъ совершенная реорганизація приходовъ.» Списокъ этотъ поданъ: въ немъ на сто съ лишнимъ приходовъ испрашивается 43.000 р. сер. въ годъ.

Этими распоряженіями правительство стремится нѣсколько освободить уніатскую церковь отъ вліянія ксендзовъ и пановъ. Но распоряженія эти не удовлетворяютъ вполнѣ корреспондента львовскаго *Слова*, и онъ особенно указываетъ на неудобство того, чтобы будущіе уніатскіе священники довершали свое образованіе въ Холмѣ, мѣстечкѣ находящемся въ не русской сторонѣ, не представляющемъ образовательныхъ средствъ, библіотекъ, музеевъ, театровъ и т. п. Но, перечисливъ всѣ неудобства Холма, корреспондентъ отвергаетъ одинаково выборъ Варшавы, Москвы или Кіева, гдѣ прежде уніатскіе семинаристы оканчивали свое образованіе, и нейтральное мѣсто находитъ единственно во Львовѣ, сѣдалищѣ украйнофильства. Чуть ли это не значило бы изъ огня да въ поломя.

VIII.

11-го іюня.

Не печальный ли признакъ это отсутствіе у насъ всякихъ преданій и прочныхъ основъ по самымъ существеннымъ частямъ? Не печальное ли явленіе эти быстрые переходы отъ одного взгляда на извѣстный вопросъ къ другому совершенно противоположному, эта готовность во всякую минуту разстаться съ чѣмъ бы то ни было существующимъ и кинуться на встрѣчу новому и неизвѣстному,—только бы новому? Поразительный примѣръ такой измѣнчивости началъ и слабости преданій представляетъ намъ судьба нашего флота. Императоръ Петръ создаетъ флотъ со страшными усиліями; затѣмъ, до вступленія на престолъ Екатерины II, онъ остается въ пренебреженіи; корабли построенные преобразователемъ гніютъ, и адмиралтействъ-коллегія принуждена занимать деньги у своего президента для покрытія нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ расходовъ. При Екатеринѣ сооружается новый флотъ, который совершаетъ громкіе подвиги, но—умираетъ великая государыня, и Чесма и Красная Горка предаются забвенію, и созданный Орловымъ и Потемкинымъ флотъ мало-по-малу уничтожается. Онъ возраждается въ третій разъ при императорѣ Николаѣ, и мы были свидѣтелями того, какъ въ третій разъ возбужденъ былъ вопросъ должна ли Россія имѣть флотъ. Люди считающіеся весьма серіозными самымъ серіознымъ образомъ доказывали что мы должны отказаться отъ значенія морской державы, хотя берега Россіи омываются двумя океанами и нѣсколькими морями, не считая морей внутреннихъ, какъ Аральское и Каспійское.

Люди считающіе себя серіозными говорили, и говорятъ еще до сихъ поръ, что Россія не имѣетъ достаточныхъ матеріальныхъ средствъ чтобы быть первоклассною морскою державой; что флотъ ея никогда не можетъ выдержать состязаніе съ соединеннымъ французскимъ и англійскимъ, и что поэтому лучше вовсе не тратиться на флотъ. Мы не имѣемъ, говорятъ они, торговаго флота: кого же защищать нашимъ военнымъ кораб-

лямъ? Народъ Русскій не обнаруживаетъ наклонности къ мореплаванію, зачѣмъ же насиловать его склонности? Мысли, какъ видно, провозглашались во имя экономической науки, не были лишены либеральныхъ примапокъ и, главное, заключали въ себѣ нѣчто противорѣчащее предшествующей системѣ; сколько слѣдовательно данныхъ для успѣха! И опѣ имѣли нѣкоторый успѣхъ. Ихъ вліяніе простиралось даже на законодательство: въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ бюджетъ Морскаго Министерства былъ сокращенъ почти на 7 милліоновъ рублей. Что же вышло однако? Когда въ началѣ прошедшаго года обнаружилась возможность войны съ Франціей и Англіей, намъ пришлось приняться за усиленныя работы, дѣлать на нихъ усиленныя денежныя ассигновки, и чуть ли не вся сумма которую урѣзывали въ продолженіе шести лѣтъ была отпущена единовременно на морское вѣдомство въ видѣ экстраординарнаго кредита. Такимъ образомъ мы не сдѣлали почти никакого сбереженія, а между тѣмъ рисковали начать войну при невыгодныхъ для насъ условіяхъ.

Флотъ создается десятилѣтіями, и въ сокращеніи его надо быть гораздо осторожнѣе нежели въ сокращеніи сухопутной арміи. Эта послѣдняя, при хорошей системѣ резерповъ, при хорошо снабженныхъ арсеналахъ, можетъ быть удвоена въ нѣсколько мѣсяцевъ: но образованіе матросовъ требуетъ много времени, а кораблестроеніе производимое съ поспѣшностію не можетъ быть удовлетворительно. Доказательство этому—канонерскія лодки построенныя въ Петербургѣ во время Восточной войны.

Мы очень порадовались что спеціальныя періодическія изданія по морской части энергически возстали въ послѣднее время противъ легкомысленныхъ мнѣній о безполезности военнаго флота для Россіи. Каждый спеціалистъ долженъ любить свою часть и настапвать на необходимости ея развитія. Пусть онъ относится къ ней даже съ пристрастіемъ: бѣда была бы еслибъ онъ былъ къ ней равнодушенъ.

Говорятъ что Россія не можетъ сдѣлаться первостепенною морскою державой. Такъ; но много ли на свѣтѣ первостепен-

ныхъ морскихъ державъ? Первостепенныхъ морскихъ державъ только—одна: это Англія. Ни одна изъ прочихъ державъ не можетъ въ одиночку состязаться съ ея морскими силами, а потому ни одна не можетъ претендовать на значеніе первостепенной морской державы. Но неужели изъ этого слѣдуетъ чтобы Россіи вовсе не было надобности въ военныхъ кораблях? И Турція, и Испанія, даже Австрія и Пруссія,—страны едва прикасающіяся къ морю,—имѣютъ флоты; послѣднія двѣ державы дѣлаютъ огромныя усилія чтобы пріобрѣсти морское значеніе; а насъ,—хотя мы еще недавно господствовали на двухъ европейскихъ моряхъ, хотя мы владѣемъ нѣсколькими превосходными гаванями на Восточномъ Океанѣ, столь полномъ будущности,—насъ желали бы вычеркнуть изъ числа морскихъ державъ! Нашъ флотъ не можетъ выдержать состязаніе ни съ французскимъ, ни съ англійскимъ, одинъ-на-одинъ, но въ союзѣ съ другимъ онъ можетъ значить не мало на вѣсахъ европейской политики. Даже безъ видовъ на какой-либо союзъ, одно появленіе нашей эскадры въ Атлантическомъ Океанѣ возбудило, какъ помнятъ читатели, серіозное вниманіе англійскихъ государственныхъ людей. Эскадра эта, можетъ-быть, имѣла свою долю въ прекращеніи мистификаціи которой мы были предметомъ прошлаго года. Вотъ, слѣдовательно, польза даже и небольшаго флота. Не будь его, какъ справедливо замѣчаетъ *Морской Сборникъ*, пресловутый «адмиралъ польскаго флота» Маньянъ въ самомъ дѣлѣ могъ бы явиться съ нѣсколькими рыбачьими лодками и надѣлать тревоги въ нашихъ приморскихъ городахъ.

По мнѣнію нашему, и—что гораздо важнѣе,—по мнѣнію спеціалистовъ, нѣтъ слѣдовательно и мѣста вопросу о томъ, быть или не быть у Россіи военному флоту. Надобно рѣшить только какое наилучшее употребленіе дать тѣмъ относительно небольшимъ средствамъ которыя мы можемъ удѣлить на флотъ. Средства эти состояли въ послѣднее время приблизительно въ 20 милліонахъ отпускаемыхъ на морское вѣдомство. Сумма эта незначительна только по отношенію къ безмѣрному протяженію нашихъ морскихъ береговъ, которые при томъ такъ располо-

жены что флоты различныхъ морей не имѣютъ возможности соединиться между собою въ случаѣ объявленія морской войны. Въ виду этихъ дѣйствительно весьма важныхъ затрудненій, благоразуміе не позволяетъ намъ помышлять о такомъ флотѣ который бы безъ союзниковъ могъ быть употребленъ для дѣйствій наступательныхъ; но благоразуміе требуетъ чтобы мы имѣли въ нашемъ флотѣ всегда готовое средство обороны, и этой цѣли мы можемъ легко достигнуть, присоединивъ къ нашему теперешнему флоту небольшую, но исправную эскадру броненосныхъ судовъ. «Многочисленные обсерваціонные корпуса», замѣчаетъ *Морской Сборникъ*,—

„самое обдуманное концентрированіе желѣзныхъ дорогъ на угрожаемыхъ пунктахъ, берега покрытые электрическими телеграфами,—ничто не спасетъ страну съ пространнымъ прибрежьемъ отъ нападенія съ моря, и тутъ не требуется особенныхъ соображеній, чтобы понять всю невозможность воспрепятствовать, напримѣръ, 50-ти тысячамъ Французовъ, посаженнымъ на паровыя суда, передвигающіяся со скоростью 200 миль въ сутки, выйти на берегъ тамъ, гдѣ заблагоразсудится французскому главнокомандующему, т.-е. именно тамъ, гдѣ въ большей части случаевъ менѣе всего будутъ ждать такой высадки. Другое дѣло, если адмиралъ командующій непріятельскимъ флотомъ будетъ знать что въ Кронштадтѣ постоянно содержится въ готовности къ выходу въ море эскадра, численностію хотя и слабѣйшая эскадры предназначенной для прикрытія нападающаго транспортнаго флота, но состоящая изъ отборныхъ судовъ, закованныхъ въ броню, снабженныхъ сильными машинами, грозною артилеріей, словомъ, судовъ вполнѣ соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ морскаго искусства. Такая эскадра способна разстроить самые глубокообдуманные планы и во всякомъ случаѣ пригодится хотя и на то, что воспрепятствуетъ спокойствію ихъ исполненія. Такая именно эскадра составляетъ идеалъ къ которому мы должны стремиться, идеалъ осуществимый и прежде, а теперь, благодаря непреложной аксіомѣ, *что введеніе паровыхъ броненосныхъ судовъ въ особенности выгодно второкласснымъ морскимъ державамъ*,—осуществимый въ недалекомъ будущемъ."

Къ осуществленію этого «идеала» уже приступлено. Мы имѣемъ семь броненосныхъ лодокъ или мониторовъ и плавучихъ батарей, спущенныхъ уже на воду, и еще восемь въ петербургскихъ верфяхъ, да сверхъ того два броненосные фрегата. Нѣтъ сомнѣнія что еслибы всѣ эти суда существовали весной прошлаго года, то наша дипломатія могла бы въ польскомъ вопросѣ съ самаго начала быть тверже, а тонъ депешъ лорда Росселя, безъ сомнѣнія, былъ бы вѣжливѣе.

Матеріальныя упущенія исправлены или исправляются; но главный, самый желательный успѣхъ состоялъ бы въ томъ, чтобы были устранены эти колебанія, эти переходы отъ одной крайности къ другой во взглядѣ на значеніе нашего флота. Флотъ стóитъ денегъ и большихъ денегъ; но эти деньги не пошли бы въ прокъ, еслибы въ нашихъ морякахъ не крѣпъ, а ослабѣвалъ духъ, еслибы въ нихъ не поддерживалось, а подавлялось ободряющее сознаніе что страна дорожитъ ихъ службой, цѣнитъ ихъ трудъ и смотритъ съ гордостію на ихъ отвагу и искусство. Мы отнюдь не хотимъ говорить въ пользу значительныхъ новыхъ затратъ. Строить новое слѣдуетъ только въ случаѣ необходимости. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ беречь старое; чѣмъ меньше бываетъ ломки, тѣмъ меньше требуется и стройки. Нашъ главный недостатокъ заключается въ томъ что мы не бережемъ построеннаго, и вслѣдствіе того наша, надобно признать это, довольно дѣятельная стройка почти не увеличиваетъ нашего капитала. Съ тѣхъ поръ какъ Петръ I порвалъ нить нашихъ преданій, Россіей овладѣла лихорадка нововведеній; то что дѣлалось вчера, на слѣдующій день ломалось и—замѣчательно—всегда находилось для этого достаточно уважительныхъ причинъ. Это понятно: нѣтъ человѣческаго дѣла столько совершеннаго, чтобы въ немъ не могло оказаться многихъ сторонъ поддающихся критикѣ, также какъ съ другой стороны нѣтъ столько нелѣпой системы, которой какія-нибудь стороны не представляли бы выгодъ. Но именно потому-то что радикализму всегда и вездѣ есть за что уцѣпиться дабы начать ломку, потому-то самому, говоримъ, и необходима въ человѣческомъ обществѣ сила преданія, которое допускало бы усовершенствованіе существующаго, но крѣпко отстаивало бы его существованіе.

IX.

12-го іюня.

Извѣстія о томъ, что̀ дѣлается и что́ замышляется въ Румыніи, къ сожалѣнію, получается нами изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, чрезъ посредство нѣмецкихъ, французскихъ или англійскихъ газетъ, въ которыхъ большею частью опускается все то что́ можетъ быть интересно для русскаго читателя. На *Одесскомъ Вѣстникѣ*, какъ органѣ ближайшемъ къ Дунайскимъ Княжествамъ, лежитъ обязанность восполнять, по возможности, означенные пробѣлы, и мы очень благодарны его редакціи за помѣщеніе письма г-на Череску, изъ котораго мы узнаемъ многое такое чего нельзя было бы и предполагать.

Румынскія газеты: полуофиціальная—*Бучумулъ* и оппозиціонная—*Романулъ*, какъ оказывается, вздумали направить свои удары противъ русскаго владычества въ Бессарабіи, и надѣялись, во имя румынской національности, найти сочувствіе своимъ видамъ въ Румынахъ Бессарабіи. Эти газеты старались увѣрить ихъ, что они должны присоединиться къ Румыніи, и для этого должны содѣйствовать польскимъ мятежникамъ, такъ какъ возстановленная Польша, по мнѣнію этихъ газетъ, непремѣнно возвратила бы Бессарабію Румыніи. Вотъ какъ далеко простираютъ свои виды румынскіе патріоты! Не даромъ съ нѣкотораго времени всесвѣтная революція перенесла къ нимъ свою дѣятельность!

Мы узнаемъ также что въ свое время статья французскаго публициста, г. Ипполита Кастиля, о томъ что на Россію надобно ударить черезъ Румынію, нашла особенное сочувствіе въ газетѣ *Бучумулъ*, и что эта полуофиціальная газета спѣшила доставить, на случай прохода французскихъ войскъ черезъ Румынію, точныя свѣдѣнія о цѣнахъ на различные продукты въ этомъ краѣ, и старалась убѣдить бессарабскихъ Румыновъ чтобъ они встрѣтили Французовъ какъ своихъ освободителей. Легкомысленнымъ румынскимъ публицистамъ все это казалось какъ нельзя болѣе возможнымъ. Г. Череску, отъ имени бессарабскихъ Румыновъ,

счелъ своимъ долгомъ, въ письмѣ къ редактору *Бучумула*, разочаровать ихъ, по крайнѣй мѣрѣ, относительно ихъ видовъ на Бессарабію, и вмѣстѣ съ тѣмъ напечаталъ переводъ этого письма въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, заявляя что «всѣ благонамѣренные Румыны желаютъ чтобъ истинныя чувства ихъ были извѣстны Русскимъ, искупившимъ своею кровію автономію Княжествъ.»

Прежде всего онъ указываетъ на тѣ блага которыми пользуются Румыны Бессарабіи, въ противоположность тѣмъ бѣдствіямъ на которыя справедливо жалуются Румыны подвластные князю Кузѣ. «Мы сохраняемъ свято вѣру нашихъ отцовъ, говоритъ онъ. Наши нравы и обычаи неприкосновенны.» «Рекрутскаго набора у насъ нѣтъ,—мы и понятія о немъ не имѣемъ. Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ получаетъ воспитаніе кто только желаетъ, безъ различія сословій. Плата въ гимназіи взимается по 10, а въ уѣздныхъ училищахъ по 3 руб. въ годъ съ ученика. На служебномъ поприщѣ мы, Румыны, восходимъ до высшихъ чиновъ и званій.»

Въ противоположность этому положенію Румыновъ въ Бессарабіи, онъ изобличаетъ политику князя Кузы, направленную, съ тѣхъ поръ какъ онъ подчинился вліянію Франціи, къ тому чтобы сдѣлать Румынію орудіемъ всѣхъ замысловъ этой державы на Востокѣ. Къ чему клонятся усилія князя Кузы, это видно, между прочимъ, изъ того что какъ только у кирiарха (митрополита) отнято было завѣдываніе духовно-учебными заведеніями края, они тотчасъ же начали наполняться наставниками изъ уніатовъ, въ видахъ постепеннаго введенія уніи. Между тѣмъ какъ у всѣхъ православныхъ монастырей были отобраны ихъ имущества, близъ церкви Трехъ Святителей въ Яссахъ красуется католическій монастырь, за которымъ попрежнему сохраняются всѣ его богатства. Такимъ образомъ въ Румыніи, подвластной князю Кузѣ, православію, которое во всѣ времена служило оплотомъ для румынской народности, грозитъ въ настоящее время серіозная опасность.

Съ другой стороны, на что̀ идутъ всѣ средства края, всѣ суммы доставляемыя противозаконнымъ взиманіемъ налоговъ,

похищенныя у монастырей и изъ сельскихъ кассъ, или добытыя путемъ займовъ? Не на возвышеніе благосостоянія края, а на умноженіе войска, на покупку оружія, на постройку укрѣпленій и крѣпостей. На каждыхъ сто поселянъ, говоритъ г. Чересу, роздано по 30 ружей, съ тѣмъ чтобы они заплатили за каждое ружье по 134 лева 16 паръ. «Не давайте, взываетъ *Бучумулъ*, денегъ ни священнику, ни вдовѣ, ни сиротѣ, ни нищему, а жертвуйте ими на покупку орудій; пушки заставятъ слушать голосъ Румыніи въ Европѣ». Гдѣ тотъ врагъ противъ котораго вы вооружаетесь, спрашиваетъ г. Чересу, и справедливо прибавляетъ, что еслибы союзники князя Кузы и восторжествовали, то все-таки они не могли бы доставить Румыніи болѣе того что ей дано по Парижскому трактату и конвенціи 1858 года.

Политика князя Кузы, направленная противъ православія и враждебная Россіи, вдвойнѣ враждебна всѣмъ интересамъ и всѣмъ историческимъ воспоминаніямъ румынской народности, и не можетъ разчитывать на сочувствіе или поддержку ни духовенства страны, ни бояръ, ни поселянъ, отличающихся искреннею набожностью и преданностью православію. «Какъ намъ, такъ и вамъ, запрутскіе и замплковскіе *) Румыны, говоритъ г. Чересу, благодѣтельствовала одна Россія», и прибавляетъ далѣе:

„Кто сложилъ съ насъ и съ васъ турецкое иго, кто избавилъ Румынію отъ назначаемыхъ Портою арендаторовъ-господарей изъ фанаріотовъ, которые въ продолженіи семилѣтней аренды, истощивъ казну, вывозили Румынское золото въ Стамбулъ, и которые, продажею должностныхъ мѣстъ, вкоренили начало злоупотребленій въ администраціи? Кто въ 1822 году возстановилъ древнее право избранія господарей изъ Румыновъ? Кто въ 1829 году, оружіемъ и кровію, исторгъ трактатъ по которому возвращено Румыніи утраченное представительное управленіе, посредствомъ общаго національнаго собранія?“

Князь Куза, повидимому, не хочетъ знать исторію. Но не такъ забывчивы бываютъ народы, и каковъ бы ни былъ пріемъ оказанный ему въ Константинополѣ, какъ бы ни была велика поддержка оказываемая ему Франціей, рано или поздно, безъ всякихъ особыхъ усилій со стороны Россіи, этотъ князь не

*) Милковъ—пограничныя горы между Молдавіей и Валахіей.

устоитъ противъ естественнаго теченія событій, и въ собственной своей странѣ пожнетъ то что посѣялъ. Россіи нѣтъ надобности ускорять естественный ходъ событій ни въ этомъ случаѣ, ни въ какомъ-либо другомъ на Востокѣ. Изготовившись вполнѣ на всякій случай, она можетъ спокойно выжидать чѣмъ разрѣшится глухая борьба на Востокѣ между политикой Англіи и политикой Франціи. Ни та, ни другая политика не имѣютъ ни малѣйшаго права на ея сочувствіе, или поддержку.

X.

13-го іюня.

Обнародованіе указовъ 19-го февраля 1864 года, объ устройствѣ быта польскихъ крестьянъ, возбудило добрыя надежды даже въ нѣкоторой части иностранной журналистики. «Россія,— слышалось тогда,—начала постройку новаго зданія Польши съ самаго фундамента, съ обезпеченія политическаго и хозяйственнаго положенія огромнаго большинства польскаго населенія. До сихъ поръ Польша была не болѣе какъ страною пановъ и ксендзовъ; теперь, подъ знаменемъ Россіи, призывается къ жизни настоящій польскій народъ.» Словомъ, отъ крестьянской реформы ожидалось тогда возрожденіе Царства Польскаго къ новой, лучшей жизни. Дѣйствительно, крестьянская реформа была здѣсь необходимостью. Это понимали всѣ, но вполнѣ сознавая всю важность законодательныхъ мѣръ 19-го февраля нынѣшняго года, многіе смотрѣли на нихъ выжидательно. Мы Русскіе очень твердо знаемъ, что благотворная сила самыхъ лучшихъ законовъ только тогда оказывается на дѣлѣ, когда исполненіе ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ намѣреніямъ законодателя. Указъ 25-го мая 1846 года, о польскихъ же крестьянахъ, былъ также счастливою мыслію, которая вполнѣ соотвѣтствовала требованіямъ дѣйствительности, и однакоже, что сталось съ этимъ указомъ? Очень скоро по его обнародованіи послѣдовали распоряженія намѣстника Царства Польскаго, покойнаго князя Варшавскаго, и постановленія Совѣта Управленія въ совершенно противномъ

указу духѣ и смыслѣ, и потребовались новые указы для огражденія польскихъ крестьянъ отъ панскихъ неправдъ. Не встрѣтятъ ли указы 19-го февраля 1864 года подобныхъ затрудненій? Такъ спрашивали себя съ недоумѣніемъ всѣ въ Россіи.

Эти вопросы и недоумѣнія вызваны вѣрнымъ взглядомъ на рѣзкую противоположность между польскимъ паномъ и русскимъ помѣщикомъ. Русскій помѣщикъ никогда не смотрѣлъ на своихъ крестьянъ съ презрѣніемъ или враждою; никогда не отдѣлялъ онъ ихъ отъ себя въ своемъ народномъ сознаніи; свое народное, свое патріотическое чувство онъ всегда сливалъ съ чувствомъ крестьянина. Онъ былъ готовъ на жертвы во имя отечества. Эти жертвы потребовались для устройства крестьянскаго дѣла, и русскій помѣщикъ принесъ ихъ безъ сопротивленія. Поэтому въ Россіи было легко вводить въ дѣйствіе Положенія 19-го февраля 1861 года. Они введены безъ лицепріятій и торгашества. Исполнители имѣли даже возможность дѣйствовать сурово и иногда безъ нужды раздражали очень понятное и совершенно безвредное чувство оскорбленнаго самолюбія, сказывавшееся въ помѣщикахъ, когда ихъ трактовали, безъ вины съ ихъ стороны, какъ враговъ крестьянскаго сословія и ослушниковъ Высочайшей воли. Въ Царствѣ Польскомъ другое дѣло. Тамъ вся исторія свидѣтельствуетъ, что помѣщики были дѣйствительно врагами своихъ хлоповъ, а въ продолженіе прошлогодняго мятежа польскіе помѣщики, почти всѣ безъ исключенія ему подчинившіеся, достаточно обнаружили свои чувства къ верховной власти. Смѣшно было бы думать что они въ правѣ обижаться сомнѣніями въ ихъ дружелюбіи къ крестьянамъ и готовности исполнить законъ. Что могло оскорбить русскихъ помѣщиковъ гдѣ-нибудь въ Калужской губерніи, то никакъ не должно бы оскорбить польскаго пана. Но именно потому-то съ нимъ и тяжела борьба; именно потому-то и нужна непреклонная энергія для правильнаго исполненія высочайшихъ указовъ 21-го февраля 1864 года.

Можно ли удивляться что русскіе люди съ тревожнымъ чувствомъ слѣдятъ за документами и извѣстіями, получаемыми изъ Варшавы и встрѣчаемыми въ различныхъ нѣмецкихъ газе-

тахъ, о ходѣ крестьянской реформы въ Польшѣ? Можно ли удивляться что тягостное впечатлѣніе производятъ слухи,—дай Богъ чтобъ они оказались неосновательными,—будто бы не только въ самомъ населеніи, но повидимому и въ средѣ двигателей этой реформы образовались какъ бы два враждебные лагеря, крестьянскій и панскій?

Нѣкоторыя нѣмецкія газеты утверждаютъ, что Учредительный Комитетъ и крестьянскія коммиссіи погрѣшили сначала чрезмѣрною угодливостью въ отношеніи къ крестьянамъ и излишнею податливостью на всѣ ихъ просьбы и желанія, вслѣдствіе чего притязанія ихъ стали безмѣрны, а положеніе помѣщиковъ въ высшей степени тягостно. «Во многихъ мѣстахъ», пишутъ въ *Wanderer* изъ Варшавы, отъ 14-го іюня, «новые гминные войты, выбранные почти повсемѣстно изъ крестьянъ, требуютъ помѣщиковъ къ своему суду за всякую мелочь, и въ случаѣ сопротивленія употребляютъ надъ ними насиліе. Сельскій людъ предается всякаго рода излишествамъ, проводитъ время въ кабакахъ и трактирахъ, и совсѣмъ не занимается работами. Поденьщики, которые довольствовались прежде полузлотомъ, требуютъ теперь въ шесть разъ больше, и помѣщики, не имѣя возможности платить такія цѣны, оставляютъ свои земли безъ обработки.» Все это, если только не преувеличено, показываетъ, во сколько разъ выше стояли русскій помѣщикъ и русскій крестьянинъ и во сколько разъ были лучше взаимныя отношенія между ними, даже и при господствѣ крѣпостнаго права. Но если поблажка польскимъ крестьянамъ, дѣлаемая въ противность смыслу закона, заслуживала бы порицанія, то нельзя упускать изъ виду и характеръ закона вызваннаго не только вѣковыми притѣсненіями, которымъ подвергались польскіе хлопы, но и мѣрами революціоннаго жонда, которымъ безмолвно подчинились и за которые слѣдовательно приняли на себя отвѣтственность польскіе помѣщики. Обстоятельства при которыхъ были изданы указы 19 февраля 1864 года лишили ихъ того характера которымъ они могли бы отличаться, еслибъ имъ было суждено явиться при другой обстановкѣ. Законы 19 февраля 1864 года въ этомъ не виноваты: среди революціи

нельзя принимать нормальныя мѣры. Поэтому если то что выставляется на видъ какъ поблажка крестьянамъ основано на самомъ законѣ, а не на произвольномъ нарушеніи его, то нечего сѣтовать. Вмѣстѣ съ закономъ, эта «поблажка» оправдывается тѣмъ, что не было такого злоупотребленія котораго бы не дозволяли себѣ польскіе помѣщики въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ, и еще болѣе тѣмъ что сами паны своимъ соучастіемъ въ возстаніи вынудили правительство предпринять крестьянскую реформу въ такое время, когда народныя страсти еще разожжены мятежомъ и революціонными декретами объ освобожденіи крестьянъ отъ чинша.

Даже и въ настоящее время образъ дѣйствій польскихъ пановъ въ отношеніи къ крестьянамъ и въ отношеніи къ правительству далеко не безукоризненный и не искренній. Въ Кельцовскомъ уѣздѣ многіе землевладѣльцы требовали барщинной работы отъ поселянъ, какъ будто бы указовъ 19-го февраля вовсе и не было. Въ Лэнчицкомъ уѣздѣ крестьяне вынуждены были жаловаться военному начальнику на кулачные и палочные побои со стороны мелкихъ землевладѣльцевъ, управителей, экономовъ и даже со стороны дочерей помѣщиковъ, какъ прибавляетъ *Всеобщій Дневникъ*. Въ прежнее время, помѣщики и ихъ управители, какъ гласитъ одно прошеніе поданное въ Учредительный Комитетъ, тѣлеснымъ наказаніемъ и угрозами принуждали крестьянъ отказываться отъ ихъ земельныхъ участковъ, или, какъ значится въ другомъ прошеніи, за долгъ въ 800 злотыхъ самовольно отбирали участки земли, стоившіе 15.000 злотыхъ и составлявшіе полную собственность земледѣльца. Въ прошломъ году, когда мятежъ былъ во всей силѣ, помѣщики, исполняя волю *народоваго жонда*, не только не взыскивали чиншей и окуповъ съ своихъ поселянъ, но, за весьма немногими исключеніями, даже и не жаловались законнымъ властямъ на недоимки. Теперь же, когда указомъ 19-го февраля крестьяне освобождены отъ платежей помѣщикамъ и никакіе иски о недоимкахъ не дозволены, многіе изъ нихъ требуютъ чинша впередъ, а другимъ, дѣйствительно, удалось подвергнуть крестьянъ военной экзекуціи, съ цѣлью собрать съ

нихъ недоимки. Вообще, какъ только указы были обнародованы и съ 3-го апрѣля вступили въ силу, усилія польскихъ пановъ какъ бы умышленно были направлены къ тому чтобъ убѣдить крестьянъ въ ихъ недѣйствительности и въ томъ что положеніе хлоповъ было лучше и обезпеченнѣе подъ покровомъ декретовъ народоваго жонда. Сборъ недоимокъ и чиншей съ помощью Русскаго правительства, посредствомъ военныхъ экзекуцій, сталъ главною ихъ цѣлью. Земское Кредитное Общество, во главѣ котораго нѣкогда стоялъ графъ Андрей Замойскій, первое обратилось, 19-го марта, съ ходатайствомъ о пополненіи недоимокъ, накопившихся на помѣщикахъ, въ количествѣ двухъ милліоновъ, посредствомъ взысканія съ крестьянъ чиншей и окуповъ, замѣчая, что въ противномъ случаѣ неисправность плательщиковъ можетъ достигнуть такого размѣра что кредитъ Общества совершенно будетъ подорванъ. Хорошо было бы положеніе правительства, еслибъ оно, по изданіи указовъ 19-го февраля, принялось взыскивать военною силой два милліона рублей недоимки съ преданныхъ ему крестьянъ, по желанію бунтовавшихъ пановъ! Ходатайство Земскаго Кредитнаго Общества обратило на себя вниманіе Государя Императора, и еще разъ состоялось Высочайшее повелѣніе, отъ 21-го апрѣля, о томъ, что «ни Кредитное Общество, ни другія учрежденія и частные владѣльцы не имѣютъ никакого права, подъ какимъ бы ни было предлогомъ, домогаться взысканія съ крестьянъ прежнихъ недоимокъ.»

Повторимъ еще разъ: въ виду всего прошедшаго и настоящаго, въ виду этихъ продолжающихся усилій обратить въ ничто самыя очевидныя положенія указовъ 19-го февраля, можно не только понять, но до нѣкоторой степени и оправдывать увлеченіе сторонниковъ крестьянскаго дѣла въ Польшѣ. Но было бы прискорбно и пагубно, еслибы, по несчастію, крестьянская реформа попала на тотъ же путь, какимъ шелъ Совѣтъ Управленія въ отношеніи къ указу 1864 года.

Мы только что привели подлинное выраженіе Высочайшаго повелѣнія, отъ 21-го апрѣля, не признающее ни за учрежденіями, ни за частными владѣльцами никакого права, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, домогаться взысканія съ

крестьянъ прежнихъ недоимокъ. Между тѣмъ это дѣло такое, что его легко запутать. Въ десятомъ засѣданіи Учредительнаго Комитета, бывшемъ 2-го мая, на разсмотрѣніе его, въ числѣ многихъ другихъ прошеній о взысканіи недоимокъ, поступило и прошеніе помѣщика Радомской губерніи, графа Велёпольскаго, домогающагося взысканія съ крестьянъ недоимокъ на сумму около 20.000 р., подъ тѣмъ предлогомъ, что крестьяне арендуютъ въ его имѣніяхъ земли на различныхъ условіяхъ и небольшими участками. Учредительный Комитетъ постановилъ рѣшеніе, чтобы подобныя прошенія препровождались въ мѣстныя коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, для изслѣдованія, накопились ли недоимки по тѣмъ повинностямъ которыя подлежатъ упраздненію, то-есть, по тѣмъ которыя уплачивались за земли поступившія въ полную собственность крестьянъ, или по тѣмъ повинностямъ, которыя возникли изъ контрактовъ, и чтобы въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы имѣній взыскивали недоимки обыкновеннымъ гражданскимъ порядкомъ, минуя крестьянскія коммиссіи. Но извѣстно что по контрактамъ находились иногда въ крестьянскомъ положеніи земли по которымъ народовый жондъ запрещалъ взысканіе чинша, что и принято во вниманіе законодательствомъ.

Въ засѣданіи Учредительнаго Комитета 22-го апрѣля постановлено «не предоставлять права на открытіе нынѣ исковъ о неправильномъ удаленіи изъ участковъ такимъ поселянамъ, кои въ настоящее время уже имѣютъ какой-либо другой участокъ, заключающій въ себѣ не менѣе трехъ морговъ.» Но, сверхъ того, предположено заняться разсмотрѣніемъ вопроса: «Не представляется ли возможнымъ и справедливымъ признать до нѣкоторой степени удовлетворенными и тѣхъ крестьянъ которые уже владѣютъ участками меньше трехъ морговъ.»

Въ шестомъ засѣданіи Учредительнаго Комитета 14-го апрѣля, было постановлено принимать и передавать на законное распоряженіе мѣстныхъ коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ даже и такія прошенія крестьянъ которыя подлежали бы прямому отказу, какъ, напримѣръ, жалобы на отнятіе у крестьянъ земли, происшедшее до указа 26-го мая 1864, «такъ какъ, съ одной

стороны, крестьяне не умѣютъ письменно излагать свои жалобы и не всегда можно составить понятіе, по ихъ письменнымъ просьбамъ, чего желаютъ просители и въ чемъ состоитъ дѣло, а съ другой—весьма полезно чтобы крестьянамъ, даже при отказахъ въ ихъ просьбахъ, мѣстныя власти всегда объясняли тѣ законныя основанія по которымъ иныя ходатайства не могутъ быть удовлетворены.» Но чрезъ восемь дней послѣ этого постановленія, 22-го апрѣля, Учредительный Комитетъ уже призналъ полезнымъ ограничить, по возможности, самое число жалобъ подлежащихъ разбирательству и удовлетворенію, и включилъ въ эту категорію и такіе иски которые не устранены и, слѣдовательно, дозволены указами 19-го февраля 1864. Это явное противорѣчіе указываетъ на колебанія самого Учредительнаго Комитета.

Мы высказываемъ эти опасенія особенно потому что польскіе паны начинаютъ уже громко заявлять торжество свое въ преданныхъ имъ нѣмецкихъ газетахъ. Въ то же время эти газеты оповѣщаютъ что крестьянское населеніе въ Польшѣ начинаетъ волноваться. Въ селеніи Тромбкахъ, Гостынинскаго уѣзда, какъ разказываетъ въ письмѣ, отъ 10-го іюня, корреспондентъ *Балтійской Газеты*, сотни крестьянъ, собравшись вмѣстѣ, вошли: «Намъ измѣняютъ! Крестьянская коммиссія подкуплена панами!» и отъ укоровъ перешли къ угрозамъ, отъ угрозъ къ прямымъ нападеніямъ на членовъ коммиссіи, пока не была призвана военная сила и не разогнала ихъ штыками и прикладами. Предводитель мятежниковъ, Босакъ, взываетъ, отъ 30-го мая, къ польскимъ крестьянамъ, указывая имъ, что они не дождутся ничего путнаго отъ русскихъ властей, внушаетъ имъ не платить за земли выкупныхъ денегъ, и обѣщаетъ, если Россія будетъ требовать этихъ денегъ, призвать всѣхъ ихъ къ оружію.

XI.

17-го іюня.

Вполнѣ понимаемъ и раздѣляемъ сѣтованія почтеннаго автора письма изъ Кіева, которое читатели найдутъ въ этомъ листкѣ газеты. Случай который вызвалъ эти сѣтованія можетъ самъ по себѣ показаться незначительнымъ; но для людей способныхъ отдавать себѣ отчетъ въ происходящихъ предъ глазами явленіяхъ онъ довольно ясно свидѣтельствуетъ о новой фазѣ въ которую готовится вступить такъ-называемый польскій вопросъ на кіевской почвѣ. Мы дѣйствительно самый прогрессивный на свѣтѣ народъ, мы съ непомѣрною быстротой совершаемъ переходы отъ одного положенія къ другому: вчера мы отстаивали отъ безпримѣрныхъ, по своей наглости, притязаній самую русскую на Руси землю; вчера мы были исполнены негодованія противъ внутреннихъ враговъ нашихъ, столь неразборчивыхъ въ средствахъ; мы съ омерзѣніемъ читали польскій катихизисъ; мы съ ужасомъ и со стыдомъ осматривали подземныя работы которыми подкапывалась польская шляхта подъ русскую народность и русское государство; мы видѣли какъ весь западный край нашъ, населенный десятью милліонами чисто русскаго народа, находился въ полномъ обладаніи нѣсколькихъ сотъ тысячъ Поляковъ, которые подъ сѣнью Русскаго правительства ополячивали весь этотъ край и съ каждымъ годомъ отчуждали его отъ русскаго корня гораздо глубже и успѣшнѣе чѣмъ въ тѣ времена, когда онъ находился подъ польскимъ правительствомъ; мы усматривали необходимость принимать самыя рѣшительныя мѣры, чтобы положить конецъ такому невозможному порядку вещей; мы желали энергическихъ распоряженій; мы спѣшили измѣнить персоналъ администраціи, переполненной польскимъ элементомъ, и сзывали чиновниковъ со всѣхъ концовъ Россійской Имперіи чтобъ отнять у Поляковъ возможность приводить въ дѣйствіе правила ихъ политическаго катихизиса; мы спѣшили измѣнить персоналъ землевладѣльческихъ классовъ, также переполненныхъ польскимъ элементомъ; мы

признавали печальную необходимость строгихъ каръ, которымъ подвергались Поляки именно за то что побуждаемые чувствомъ своей національности, движимые духомъ ея преданій, они оказались виновными въ самой тяжкой изъ государственныхъ измѣнъ. Все это происходило вчера: еще не окончены слѣдственныя дѣла по мятежу, еще поддерживаются и даже усиливаются мѣры общественной безопасности, падающія равно на виновныхъ и на невинныхъ, — мѣры, которыя были вызваны мятежемъ и которыя можетъ-быть надолго потрясли благосостояніе этого края,—и вотъ, сегодня, съ напріятнѣйшею изъ нашихъ улыбокъ мы уже снова начинаемъ играть примирительную роль, которая кончилась вчерашними бѣдствіями. Мы на славу задаемъ банкеты, и на нихъ, уже съ достодолжнымъ униженіемъ собственнаго достоинства, чествуемъ презирающую и ненавидящую насъ національность, которой вся сущность заключается ни въ чемъ другомъ, какъ только въ отрицаніи русской народности, Русскаго государства и русской вѣры.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое польская національность на кіевской почвѣ и во всемъ западномъ краѣ? Здѣсь польская національность есть явленіе лишенное смысла,—явленіе съ которымъ невозможна никакая сдѣлка. Національность есть принадлежность народа: но составляютъ ли здѣсь Поляки народъ? Не есть ли польская національность въ этомъ краѣ принадлежность по преимуществу лишь одного общественнаго класса? Не есть ли она символъ элемента пришлаго, завоевательнаго, овладѣвшаго въ смутную пору исторіи чужою землей и чужимъ народомъ; Польская національность не означаетъ ли въ этихъ мѣстахъ чужаго господства, которое имѣло смыслъ когда существовало Польское государство, дѣйствительно владѣвшее этимъ краемъ, но которое въ настоящую пору ничего другаго не можетъ представлять собою кромѣ позора и безчестія для русской народности, кромѣ постоянной и наглой угрозы Русскому государству? Мириться съ этимъ элементомъ, который въ западномъ краѣ называется польскою національностію,—мириться съ нимъ при данныхъ условіяхъ, при данной обстановкѣ,—не значитъ ли это ратифицировать безчестіе русской народности? Признавать

какія-либо права этого элемента на русской почвѣ, не значитъ ли это узаконять государственную измѣну и увѣковѣчивать зло, которое постоянно будетъ препятствовать правильной организаціи и благосостоянію края, и грозить опасностію цѣлой странѣ? Еслибы польская національность жила въ какой-либо части этого края цѣльнымъ, съ верху до низу, народомъ, то характеръ пораждаемаго ею чувства былъ бы совершенно иной, и съ нею были бы возможны всякаго рода сдѣлки, къ ней можно было бы относиться примирительно и сочувственно. Будь Кіевская, Волынская и Подольская губерніи то же самое въ составѣ Русскаго государства что напримѣръ Чехія въ составѣ Австрійской имперіи,—понятно было бы существованіе особой національности въ этомъ краѣ, понятно было бы признаніе за нею извѣстныхъ правъ, съ которыми каждый Русскій могъ бы мириться безъ уничиженія своего національнаго достоинства и которыя могли бы не быть источникомъ смутъ и бѣдствій для края и опасностію для цѣлаго государства. Или будь польская національность въ этомъ краѣ принадлежностію людей не имѣющихъ ни осѣдлости, ни общественнаго значенія, будь она чѣмъ-либо въ родѣ національности Цыганъ, существованіе ея, какъ бы ни казалось вреднымъ, не могло бы однако грозить серіозною опасностію или быть нашимъ народнымъ и государственнымъ безславіемъ. Но польская національность есть въ этомъ краѣ чувство людей, хотя и составляющихъ незначительное меньшинство, но наполняющихъ собою высшіе общественные классы, владѣющихъ землею и недавно владѣвшихъ, на крѣпостномъ правѣ, русскимъ людомъ этого края. Польская національность есть здѣсь принадлежность организованнаго сословія пользующагося выгодами высшаго общественнаго положенія и наибольшею полнотой гражданскихъ и политическихъ правъ, обезпечиваемыхъ Русскимъ государствомъ. Спрашивается, возможно ли какое-либо примиреніе, какая-либо сдѣлка съ этою національностію въ этомъ краѣ, при такихъ условіяхъ? Возможно ли допустить, чтобы въ какой-нибудь части своихъ владѣній господствующая народность находилась въ подчиненномъ и уничиженномъ положеніи, чтобы высшею общественною

силой въ краѣ была чуждая національность, хранящая преданія своихъ захватовъ и своего государства, изъ котораго она произошла и которому служитъ живымъ символомъ? Это противно всякому смыслу; это не только политическое и нравственное безобразіе,—это логическая нелѣпость. Даже тамъ, гдѣ пришлыя дружины завоевателей становились основателями государства и удерживали за собою верховное владычество, они сливались съ туземною коренною народностію, принимая языкъ ея и полагая въ томъ всю свою силу и значеніе, чтобы не быть посреди ея чуждымъ элементомъ. Какъ же возможно допустить, чтобы цѣлое сословіе оставшееся въ обладаніи своими землями и пользующееся высшимъ и господствующимъ общественнымъ положеніемъ подъ державой Русскою, было среди русскихъ народонаселеній чуждою національностію?

Одно изъ двухъ: если эти люди хотятъ оставаться Поляками, то имъ нельзя удерживать нынѣшнее общественное и политическое положеніе свое, ибо въ такомъ случаѣ ни край не можетъ имѣть правильной и юридически-твердой организаціи, ни государство не можетъ продолжать спокойно и плодотворно свое развитіе, ни сами эти люди не могутъ жить въ безопасности и обезпеченности, не рискуя подвергаться страшнымъ катастрофамъ, вносящимъ въ ихъ домы разореніе и трауръ; если же землевладѣльцы этого края должны удержать свое нынѣшнее общественное и политическое положеніе, должны быть обезпечены въ своихъ правахъ и закоснѣлыхъ интересахъ, то мы не только не можемъ льстить ихъ польскому національному чувству, но не можемъ признавать ихъ за Поляковъ; мы не можемъ поддерживать въ нихъ этотъ ядъ отравляющій ихъ собственное существованіе и заражающій цѣлую страну, мы не можемъ допустить чтобы дѣти ихъ воспитывались въ преданіяхъ этой національности, и чтобы она была для нихъ чувствомъ гордости и чести. Вообще ни о какомъ примиреніи здѣсь не можетъ быть рѣчи. Съ польскою національностью землевладѣльческихъ классовъ, входящихъ въ органическій составъ Русскаго народа, Русскаго государства, мириться нѣтъ возможности; а съ людьми, которые искренно хотятъ быть членами того народа, среди

котораго живутъ, мириться нѣтъ надобности. О какомъ же примиреніи *національностей* говорилъ на банкетѣ, данномъ въ Кіевѣ, одинъ изъ распорядителей его г. Новицкій, какъ значится въ подробномъ описаніи этого банкета въ *Кіевскомъ Телеграфѣ*? Какъ рѣшился упомянутый ораторъ почтить уважаемую виновницу этого праздника столь нелѣпымъ титуломъ примирительницы національностей въ Кіевѣ? Примиряться съ польскою національностію въ Кіевѣ, въ лицѣ *русскихъ* дворянъ и землевладѣльцевъ,—на что это похоже? И это теперь, въ настоящую пору, когда такъ явно обнаружилась невозможность существованія польской національности на здѣшней почвѣ, когда такъ очевидно доказано, что признавать польскую національность въ этомъ краѣ значитъ поддерживать начало, столько же пагубное для самихъ Поляковъ, сколько и для всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ интересовъ, что признавать эту національность въ этомъ краѣ значитъ узаконять и поощрять государственную измѣну, особенно опасную, когда она дѣйствуетъ тайно, подъ фальшивою личиной примиренія.

Миролюбіе есть прекрасное качество. Похвально мириться съ врагами и прощать имъ нанесенный отъ нихъ вредъ, причиненныя ими оскорбленія. Всякій имѣетъ неотъемлемое право великодушно переносить всевозможныя уничиженія своей личности; но никто не имѣетъ права уничижать въ своемъ лицѣ достоинство своего народа подъ предлогомъ миролюбія или христіанскаго смиренія, точно также какъ никто не имѣетъ права жертвовать чужимъ добромъ въ видахъ благотворенія.

Если желательно чтобъ этотъ несчастный и столь глубоко потрясенный край наконецъ успокоился, если желательно чтобы въ немъ возстановился прочный порядокъ, укрѣпилась колеблющаяся собственность и были обезпечены всѣ законные интересы и права, то ни подъ какимъ видомъ нельзя мириться въ немъ съ польскою національностію,—нельзя, повторимъ, уже изъ интересѣ тѣхъ самыхъ людей которые носятъ ея имя.

Припомнимъ что чуть ли не бо́льшая часть этихъ людей, теперь называющихъ себя Поляками, были когда-то, и еще очень недавно, коренными Русскими, которыхъ предки муже-

ственно боролись за свою народность и вѣру; вспомнимъ что бо́льшая часть этихъ людей стали заклятыми Поляками въ теченіе нынѣшняго столѣтія, когда этотъ край уже находился подъ Русскою державой; вспомнимъ что причиной тому и причиной всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ бѣдствій было ложное признаніе въ этомъ краѣ польской національности, какъ элемента кореннаго, чѣмъ она никогда не была, и искусительная лесть ей оказанная, и пагубныя преимущества ей дарованныя.

XII.

18-го іюня.

Нѣтъ ничего болѣе невыгоднаго для правительствъ, какъ международные договоры по дѣламъ внутренняго управленія; нѣтъ ничего болѣе стѣснительнаго, болѣе опаснаго, какъ допущеніе иностраннаго покровительства надъ подданными какой-либо страны. Еслибъ о возстановленіи Царства Польскаго не было упомянуто въ международномъ актѣ державъ, договорившихся въ Вѣнѣ,—не было бы и прошлогодней дипломатической бури и, конечно, не было бы польскаго возстанія. Эта простая и очень, кажется, ясная истина не всегда была столь ясно сознаваема, какъ теперь. Въ доказательство неудобствъ возникающихъ изъ подобныхъ международныхъ актовъ, мы позволимъ себѣ указать на конкордатъ 1847 года и его послѣдствія.

Римскіе католики—не новое явленіе въ Русскомъ государствѣ; они были въ Россіи задолго до присоединенія Западнаго края, о нихъ упоминается въ окружныхъ посланіяхъ кіевскихъ митрополитовъ въ X и XII вѣкахъ; въ XV вѣкѣ они имѣли въ Новгородѣ свою церковь. При Годуновѣ и при царяхъ изъ дома Романовыхъ ихъ должно было находиться не малое число въ нашемъ войскѣ; наконецъ Петръ открылъ свободный доступъ въ Россію всѣмъ иновѣрцамъ, и въ числѣ ихъ римскимъ католикамъ. Во все это время иновѣрцы, а слѣдовательно и римскіе католики, жили у насъ преимущественно въ качествѣ иностранцевъ; но были и такія семейства, въ которыхъ нѣсколько

поколѣній родились и умерли въ Россіи, состоя въ русскомъ подданствѣ. Слѣдовательно, когда, въ исходѣ XVIII вѣка, число русскихъ подданныхъ латинскаго вѣроисповѣданія вдругъ увеличилось съ присоединеніемъ отъ Польши нѣсколькихъ воеводствъ, для опредѣленія ихъ отношеній къ Русскому правительству имѣлись уже давніе примѣры, изъ которыхъ не открывалось ни малѣйшихъ основаній для того чтобы подчинять папской юрисдикціи наши отношенія къ пребывающимъ въ Россіи римскимъ католикамъ. Къ несчастію, въ основаніе устройства латинской церкви въ Россіи были приняты примѣры не наши, а польскіе. Императрица Екатерина, не желая производить ломки въ новоприобрѣтенныхъ провинціяхъ, оставила въ нихъ прежнюю церковную администрацію, а съ тѣмъ вмѣстѣ допустила вмѣшательство Римскаго двора въ ея дѣла. Это былъ шагъ который привелъ, хотя и нельзя сказать чтобы долженъ былъ привести, къ конкордату 1847 года. Конкордатъ этотъ собственно не измѣнялъ прежней формы управленія католической церкви въ Россіи, но договоромъ заключеннымъ съ папою мы *обязались* признавать и охранять нѣкоторыя части этого управленія; кромѣ того мы *обязались* создать одну новую епископскую каѳедру (въ Херсонѣ, откуда потомъ она была перенесена въ Саратовъ); мы *обязались* назначить новому епископу содержаніе 4.480 р., учредить въ новой епархіи семинарію съ извѣстнымъ числомъ казенныхъ пансіонеровъ, доставить епархіи возможность посылать миссіи изъ Херсона къ закавказскимъ Армянамъ-католикамъ, и даже давать этимъ миссіонерамъ казенное содержаніе.

Не беремся судить, была ли дѣйствительная надобность въ новой епархіи, не слишкомъ ли много было и шести прежнихъ епископовъ въ западныхъ губерніяхъ на католическую часть народонаселенія этого края, которое и теперь не превосходитъ 2.633.456 душъ, то-есть численности двухъ-трехъ православныхъ епархій; не говоримъ объ увеличеніи средствъ содержанія католическихъ епископовъ и содѣйствіи къ посылкѣ миссій въ Закавказье: обо всемъ этомъ разсуждать мы не станемъ, но несомнѣнно то что правительство наше не нужда-

лось въ согласіи римскаго первосвященника чтобы сдѣлать по собственному благоизволенію все то что выговорено конкордатомъ. Конкордатъ только поставилъ наше правительство въ обязанность исполнить эти предначертанія, даже еслибъ они оказались несовмѣстными съ государственнымъ интересомъ; онъ давалъ папѣ и всему римскому клиру право наполнять свѣтъ жалобами, еслибы мы вздумали уклониться отъ установленныхъ мѣръ, найдя ихъ вредными.

Дѣйствительно, конкордатъ вскорѣ оказался неудобоисполнимымъ, и негодованіе Римскаго двора не замедлило обнаружиться. Очень скоро случилось что ни одинъ представляемый нами кандидатъ на епископскую каѳедру не получалъ одобренія отъ Римскаго двора, точно также какъ рекомендуемыя нами лица не внушали довѣрія Русскому правительству. Кончилось тѣмъ что въ 1856 году изъ числа семи епископскихъ каѳедръ, существующихъ въ Царствѣ Польскомъ и признанныхъ конкордатомъ, только одна была замѣщена. Очень понятно что Римская курія не переставала протестовать и жаловаться на несоблюденіе договоровъ съ нашей стороны. Кому же было извѣстно что въ это самое время пять кандидатовъ ждали—иные по нѣскольку лѣтъ—папскаго благословенія? Кому могло придти къ голову что именно существованіемъ конкордата всего болѣе объясняется та несговорчивость, въ которой папа Пій IX далеко превзошелъ своего предшественника?

Вотъ одно изъ тысячи затрудненій, къ которымъ привелъ Русское правительство договоръ съ иностраннымъ дворомъ о дѣлахъ не имѣющихъ международнаго характера. Правда, что заключать подобные конкордаты съ папой установлено обычаемъ, но это обычай далеко однакожь не всеобщій. Англія, напримѣръ, не допускаетъ никакихъ конкордатовъ, хотя въ числѣ подданныхъ Англійской королевы исповѣдующіе римскую вѣру считаются милліонами. Австрія, Франція и другія католическія страны могутъ находить выгоду въ подобныхъ договорахъ съ главою римской церкви, авторитетъ котораго способствуетъ утвержденію въ нихъ законнаго порядка; но у насъ совершенно другое дѣло: при извѣстномъ завоевательномъ духѣ Рима,

вмѣшательство его въ наши внутреннія дѣла должно неминуемо вести не къ порядку и миру, а къ антагонизму и враждѣ. Россія, меньше нежели какая-нибудь другая страна, должна была бы, кажется, допускать у себя иностранное покровительство по религіознымъ дѣламъ,—то самое оружіе которое такъ могущественно дѣйствовало въ ея рукахъ въ нынѣшней Турціи и въ бывшей Польшѣ. Какъ же позволить, чтобъ это страшное оружіе было обращено противъ нея самой! Какой же рядъ пораженій нанесъ намъ папа, гдѣ тѣ непобѣдимыя затрудненія которыя въ 1847 принудили насъ признать законность папскихъ рѣшеній въ нашихъ домашнихъ дѣлахъ? Мы знаемъ, что, напротивъ, никогда политическое положеніе Россіи не было такъ сильно, какъ въ теченіе 25—30 лѣтъ предъ Восточною войной.

Въ числѣ жалобъ представленныхъ Римскимъ дворомъ С.-Петербургскому кабинету, въ 1856 году, была жалоба на закрытіе 36 латинскихъ монастырей. Латинскіе монахи пріобрѣли вѣковую репутацію въ Россіи. Еще во времена царей, когда число латинянъ не превосходило у насъ нѣсколькихъ сотенъ, или, по самой большой мѣрѣ, нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ францисканцы, доминиканцы и особенно іезуиты домогались внѣдриться въ Россіи, и папскіе легаты, въ разное время пріѣзжавшіе въ Москву, никакъ не соглашались удовольствоваться допущеніемъ бѣлаго латинскаго духовенства, но настаивали чтобы мы допустили и монаховъ латинскихъ. Долго эти настоянія оставались безуспѣшными, но наконецъ наступило время когда Россіи пришлось узнать на опытѣ что̀ такое значатъ католическіе монастыри. Они не только сдѣлались убѣжищемъ религіозной пропаганды, но и приняли дѣятельное участіе въ пропагандѣ политической и революціонной. Удивительно ли, что были случаи когда приходилось закрывать нѣкоторые изъ нихъ, какъ безъ сомнѣнія былъ бы закрытъ и православный монастырь, еслибъ онъ обратился въ демагогическій клубъ? Но такіе случаи были очень рѣдки, а обыкновенно латинскіе монастыри закрывались на основаніи каноническихъ правилъ самой же римской церкви, именно въ тѣхъ случаяхъ когда число

братіи становилось меньше восьми человѣкъ. При несмѣтномъ множествѣ латинскихъ монастырей въ западномъ краѣ, частое повтореніе такихъ случаевъ очень понятно. Вотъ причина закрытія большей части монастырей. Они закрывались, такъ-сказать, сами собой. Припомнимъ еще, что, по счастію, о латинскихъ монастыряхъ не сказано въ конкордатѣ ни одного слова. На что же и по какому же праву жалуется Римская курія? Разгадка этихъ жалобъ заключается, кажется, въ томъ же характерѣ Римской куріи, благодаря которому конкордатъ 1847 года не облегчилъ, а скорѣе затруднилъ назначеніе епископовъ и другія сношенія наши съ Римомъ. Конкордатъ былъ уступкой, а уступка вызвала притязанія. Не происходятъ ли жалобы Римской куріи на закрытіе монастырей именно вслѣдствіе нашей воздержности въ закрытіи латинскихъ монастырей даже подлежащихъ закрытію по каноническимъ правиламъ? Г. Эртель, въ письмѣ изъ Волынской губерніи, упоминаетъ о монастыряхъ гдѣ живетъ по четыре человѣка. Существованіе такихъ монастырей воспрещается каноническими правилами, и Римская курія должна бы сама понуждать насъ къ ихъ закрытію. Мы не закрывали ихъ по снисхожденію, дабы не тревожить монашествующихъ и дозволить имъ дожить свой вѣкъ въ своей обители. А между тѣмъ можно опасаться что допуская существованіе такихъ монастырей и ограничиваясь запрещеніемъ принимать въ нихъ новыхъ монашествующихъ, мы навлечемъ на себя, пожалуй, еще нареканіе въ томъ что употребляемъ косвенныя мѣры враждебныя тѣмъ самымъ монастырямъ, которымъ въ дѣйствительности мы оказываемъ чрезвычайную снисходительность.

XIII.

20-го іюня.

Въ послѣднее время въ иностранной журналистикѣ съ необыкновеннымъ упорствомъ держатся слухи о трактатѣ между Россіей, Австріей и Пруссіей, которымъ будто бы скрѣпляются или должны скрѣпляться новыя дружественныя отношенія между

нимъ. Несмотря на опроверженія полуофиціальныхъ газетъ австрійскихъ и прусскихъ, *Кельнская Газета* возвращается къ этому предмету, и придаетъ своимъ извѣстіямъ самую опредѣленную форму. Россія желала, будто бы, чтобы державы участвовавшія въ раздѣлѣ Польши не только взаимно гарантировали другъ другу ихъ польскія владѣнія, но и объявили, какъ это сдѣлала Россія въ прошломъ году, что онѣ признаютъ польскій вопросъ внутреннимъ своимъ вопросомъ, и тѣмъ отняли бы у другихъ державъ всякій поводъ къ какому бы то ни было вмѣшательству. Пруссія, будто бы, тотчасъ же изъявила на это согласіе, но съ тѣмъ чтобы Россія обѣщала ей нравственную и, при случаѣ, даже матеріальную поддержку въ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ дѣлѣ, на что Россія, съ своей стороны, обнаружила, будто бы, готовность, подъ условіемъ, однакоже, что Пруссія будетъ всячески противодѣйствовать осуществленію Скандинавскаго союза. Австрія, въ свою очередь, предъявила еще дальнѣйшія требованія, а именно—объявила свою готовность приступить къ союзу обѣихъ сѣверныхъ державъ, если онѣ гарантируютъ ей всѣ ея владѣнія, италіянскія и венгерскія. Она, по словамъ *Кельнской Газеты*, признаетъ вполнѣ, какъ важно было бы для трехъ державъ тѣснѣйшее и искреннѣйшее соединеніе, такъ какъ теперь еще болѣе чѣмъ въ 1815 году настоитъ необходимость противодѣйствовать сообща натиску новыхъ идей о правѣ народовъ рѣшать собственную судьбу свою и давать себѣ государей,—идей, представителемъ и поборникомъ которыхъ повсемѣстно является Наполеонъ III. *Кельнская Газета* не утверждаетъ впрочемъ, что формальный союзъ между тремя державами уже состоялся, и только указываетъ на опасныя его послѣдствія. Франція и Англія, говоритъ эта газета, не ограничатся протестомъ противъ такого формальнаго устраненія ихъ отъ польскаго вопроса, но тѣснѣе сблизятся между собою, и новый союзъ между тремя сѣверными державами менѣе всего послужитъ къ упроченію спокойствія Европы.

Несмотря на всю свою опредѣленность и положительность, эти извѣстія безъ сомнѣнія представляютъ дѣло въ размѣрахъ фантастическихъ. Одинаковость интересовъ въ польскихъ

дѣлахъ повела къ болѣе дружественнымъ отношеніямъ между Россіей и Австріей, чѣмъ какія существовали прежде, со временъ Восточной войны,—вотъ единственный достовѣрный фактъ, который лежитъ въ основѣ этихъ извѣстій. Россія не имѣетъ надобности въ ручательствѣ Пруссіи и Австріи за неприкосновенность ея владѣній, нѣкогда принадлежавшихъ Польскому королевству, или по крайней мѣрѣ имѣетъ столько же въ этомъ надобность сколько обѣ германскія державы. Тутъ онѣ связаны съ Россіей общимъ интересомъ; тутъ онѣ могутъ и дѣйствовать подъ вліяніемъ этого общаго интереса. Но за что же Россія стала бы гарантировать всѣ прочія ихъ владѣнія и брать на себя защиту ихъ интересовъ по другимъ европейскимъ дѣламъ, гдѣ только могутъ быть они замѣшаны?

И въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ вопроса Римскаго и вопроса Восточнаго, въ программу новаго союза между сѣверными державами, какъ ее выставляетъ *Кельнская Газета*, входятъ почти всѣ европейскіе вопросы. *Кельнская Газета* пугается призрака ни съ чѣмъ несообразнаго, воображая себѣ, что Россія обяжется воевать съ Франціей и Италіей, для того чтобы сохранить за Австріей обладаніе Венеціянскою областью, или поддерживать Пруссію въ ея властолюбивыхъ замыслахъ по Шлезвигъ-Гольштейнскому дѣлу, обезпечивъ себѣ съ ея стороны, въ вознагражденіе за эти услуги, единственно противодѣйствіе замысламъ скандинавистовъ. Дѣйствительно, Россія не можетъ допустить осуществленія этихъ замысловъ, главнѣйшимъ образомъ направленныхъ противъ нея; но какъ бы ни велика была поддержка оказываемая имъ въ тайнѣ со стороны Франціи, имъ еще слишкомъ далеко до осуществленія, если суждено когда-либо осуществиться, и для отраженія этой отдаленной опасности едва ли выгодно намъ послужить орудіемъ въ достиженіи чуждыхъ намъ и также вовсе не желательныхъ для насъ цѣлей. Наконецъ, противодѣйствовать натиску новыхъ идей, представителемъ и поборникомъ которыхъ является Наполеонъ III, Россія также имѣетъ менѣе надобности чѣмъ многія другія державы. Этимъ идеямъ нѣтъ доступа внутрь Россіи, а по всей западной окраинѣ ея онѣ утратятъ всякое практиче-

ское значеніе, какъ только внутренняя жизнь Россіи, получивъ большій просторъ, станетъ оказывать бо́льшую притягательную силу.

Итакъ, еслибы взаимное обязательство трехъ великихъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи, о которомъ идетъ рѣчь въ иностранныхъ газетахъ, ограничилось только польскимъ дѣломъ, не вовлекая Россію ни въ какія дальнѣйшія односторонніе обязательства, то оно соотвѣтствовало бы видамъ русской политики, и было бы только осуществленіемъ той самой мысли которую высказалъ князь Горчаковъ, предложивъ признать такъ-называемый польскій вопросъ дѣломъ трехъ державъ, непосредственно въ немъ заинтересованныхъ, Россіи, Австріи и Пруссіи, а не Европы, какъ настаивала коалиція. Взаимное обязательство трехъ державъ по этому дѣлу изъяло бы его окончательно изъ числа европейскихъ вопросовъ, оно предотвратило бы на будущее время повтореніе той комедіи, которая разыгрывалась въ прошломъ году и въ которой участвовала Австрія. Но это обязательство теряло бы въ той мѣрѣ свои выгоды для насъ и роняло достоинство нашего положенія въ Европѣ, въ какой ставило бы насъ въ обязанность гарантировать посторонніе для насъ интересы Австріи или Пруссіи. Все что мы гарантировали бы этимъ державамъ сверхъ ихъ польскихъ владѣній было бы для насъ и матеріальнымъ и нравственнымъ ущербомъ; намъ приходилось бы жертвовать нашими силами въ пользу интересовъ не только намъ чуждыхъ, но и могущихъ придти во враждебное столкновеніе съ нашими. Во всякомъ случаѣ, всякое лишнее обязательство, которое дали бы мы германскимъ державамъ, было бы унизительно для насъ, ослабляло бы нашу политику и вовлекало бы насъ въ серіозныя затрудненія. А потому нѣтъ ни малѣйшаго повода полагать чтобы Россія могла согласиться на что-либо подобное тому трактату, о которомъ пишутъ въ *Кельнской Газетѣ*.

Въ настоящее время, когда державы въ своихъ сношеніяхъ руководствуются не какими-либо общими началами, религіозными или политическими, какъ бывало прежде, а самымъ строгимъ разчетомъ своихъ собственныхъ выгодъ, такіе союзы,

какимъ былъ нѣкогда Священный Союзъ, стали рѣшительною невозможностью. Сходясь между собою въ однихъ интересахъ, державы рѣшительно расходятся въ другихъ, и между ними постоянно возникаютъ новыя сочетанія, смотря потому, какой вопросъ выдвигается событіями на первый планъ. Такъ, между прочимъ, въ то самое время какъ по Европѣ ходятъ слухи чуть не о возстановленіи прежняго Священнаго Союза, Австрія всячески старается противодѣйствовать Россіи по вопросамъ возбужденнымъ дѣйствіями князя Кузы.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ эти извѣстія о новомъ Священномъ Союзѣ между Россіей, Австріей и Пруссіей принадлежатъ къ области вымысловъ. Но не безполезно вникнуть, изъ какого источника произошелъ этотъ вымыслъ. Если не ошибаемся, въ настоящее время онъ возбужденъ и поддерживается наиболѣе со стороны Англіи. Разчетъ ея въ этомъ случаѣ очевидный. Онъ направленъ столько же къ тому, чтобы возбудить общественное мнѣніе Франціи противъ германскихъ державъ и тѣмъ побудить ея властелина примкнуть попрежнему къ Англіи, сколько и къ тому чтобъ уронить политику г. фонъ-Бисмарка въ глазахъ либеральныхъ партій Германіи, которыя начали уже примиряться съ нею, благодаря ея смѣлости и рѣшительности. *Кельнская Газета*, которая не перестаетъ предостерегать Германію отъ столкновеній съ Англіей, отъ замысловъ Франціи и отъ черезчуръ отважной политики г. фонъ-Бисмарка, въ то же время является одною изъ главныхъ распространительницъ извѣстія о новомъ крѣпкомъ союзѣ между тремя сѣверными державами.

Для Россіи не столько нужны внѣшніе союзы, сколько скрѣпленіе ея внутренняго государственнаго союза. При этомъ условіи, при дружныхъ усиліяхъ общества и правительства, направленныхъ къ этой цѣли, ей нечего опасаться изолированнаго положенія въ Европѣ, и вліяніе ея на общеевропейскія дѣла окажется тѣмъ значительнѣе и тѣмъ благотворнѣе, чѣмъ менѣе она будетъ заботиться объ искусственномъ поддержаніи его, и чѣмъ большее вниманіе сосредоточитъ на развитіи внутреннихъ силъ своихъ.

XIV.

22-го іюня.

Печальная и необъяснимая загадка—усплія нѣкоторыхъ людей поддерживать и распространять въ обществѣ фальшивыя воззрѣнія на предметы великой практической важности въ то самое время, когда они подвергаются вопросу и обсужденію. Несомнѣнную важность для Россіи имѣетъ въ настоящее время вопросъ объ устройствѣ нашихъ гимназій,—и вотъ, посмотрите какія неутомимыя, достойныя лучшаго дѣла, усплія употребляются нѣкоторыми петербургскими *педагогами* на то чтобы смущать и сбивать съ толку и безъ того не совсѣмъ ясныя и не совсѣмъ твердыя понятія объ этомъ дѣлѣ въ нашей публикѣ! Эти петербургскіе педагоги являются, какъ бы *ex officio*, въ своемъ обычномъ органѣ, петербургской газетѣ *Голосъ*, каждый разъ какъ только представляется имъ печальный случай повредить дѣлу предстоящей реформы въ нашихъ гимназіяхъ. Имѣя въ виду наши послѣднія статьи о предполагаемомъ преобразованіи гимназій, петербургскіе педагоги стараются въ своей газетѣ внушить публикѣ мысль что классическое ученіе есть пустая прихоть, дозволительная только богатымъ людямъ, которые и безъ науки могутъ прожить свой вѣкъ съ полнымъ удобствомъ, что изученіе древнихъ языковъ держится по преимуществу въ Англіи, потому что тамъ учатся только дѣти богатыхъ лордовъ, еще потому что тамъ остается до сихъ поръ въ силѣ средневѣковое варварство, да еще потому что Англичане, какъ извѣстно цѣлому міру, величайшіе эксцентрики; при этомъ наши педагоги даютъ разумѣть, что въ другихъ странахъ Европы, напримѣръ въ Германіи, которую мы должны брать по преимуществу въ образецъ для организаціи нашего народнаго просвѣщенія, классическія гимназіи уже отжили свой вѣкъ, и что тамъ надъ ними восторжествовали реальныя училища, въ которыхъ обучаются не дѣти роскоши, праздности и богатства, а дѣти бѣдности, долженствующія тяжкимъ трудомъ пролагать себѣ дорогу и потому нуждающіяся въ томъ солидномъ образо-

ваніи, какое могутъ давать только эти реальныя училища. Вотъ сущность статьи напечатанной около двухъ недѣль назадъ въ вышеупомянутой петербургской газетѣ, и на основаніи этихъ-то *положительныхъ* данныхъ авторъ статьи внушаетъ публикѣ, что въ русскихъ гимназіяхъ, гдѣ будто бы учатся по преимуществу люди бѣдные и стало-быть нуждающіеся въ солидномъ образованіи, древніе языки могутъ быть допущены лишь въ самой незначительной степени, только *pro forma*, если не совсѣмъ изгнаны изъ нихъ, какъ остатокъ средневѣковаго варварства, уцѣлѣвшій только въ Англіи, въ этой странѣ всякихъ эксцентричностей.

Главная цѣль статьи состоитъ въ томъ чтобы заставить читателя подумать будто бы, при имѣющейся у насъ въ виду реформѣ гимназій, защитники классическаго образованія увлекаются англоманіей и будто классическое образованіе и англоманія есть одно и то же явленіе. Авторъ статьи, безъ зазрѣнія совѣсти, утверждаетъ будто бы мы, для устройства учебной части нашихъ гимназій, предлагаемъ въ образецъ Итонскую школу, о которой случайно была рѣчь въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по поводу недавно происходившаго парламентскаго разговора о ней въ палатѣ лордовъ,—Итонскую коллегію, гдѣ,—*horribile dictu*!—употребляется 16 часовъ въ недѣлю на древніе языки. Читателямъ дается подразумѣвать что ничего подобнаго не существуетъ въ остальной Европѣ, гдѣ надъ классическими гимназіями возобладали реальныя школы.

Петербургскій педагогъ полагаетъ особенный эффектъ въ этихъ шестнадцати часахъ, употребляемыхъ въ Итонской школѣ на древніе языки. «Заставьте», восклицаетъ онъ, «нашихъ «гимназистовъ изъ двадцати часовъ въ недѣлю учиться шестнад«цать часовъ однимъ древнимъ языкамъ, и результатомъ такой «системы будутъ (и то весьма сомнительно: скорѣе ученниковъ «вовсе не будетъ) успѣхи въ древнихъ языкахъ, недостаточное «знаніе математики, и совершенное невѣжество во всемъ остальномъ.... Къ чему же, послѣ этого, служатъ такія разглагольствованія *Московскихъ Вѣдомостей* о превосходномъ устройствѣ Итонской школы? (Слѣдуетъ замѣтить, что мы ничего

не говорили отъ себя ни о превосходствахъ, ни о недостаткахъ Итонской школы, а передавали только отзывы о ней ея старыхъ воспитанниковъ). Не ясно ли до очевидности, что гимназіи, «подобныя итонскимъ школамъ (sic), у насъ невозможны и «немыслимы?... Классикъ Тиршъ» (дѣло идетъ о Германіи), говоритъ авторъ въ заключеніе своей статьи, «своими желч-«ными діатрибами противъ реальныхъ училищъ не только не «уничтожилъ эти училища въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго «столѣтія, но еще придалъ имъ небывалую до тѣхъ поръ «крѣпость и прочность, а все потому, что училища эти нахо-«дили могущественную поддержку въ общественномъ мнѣніи. «Твердо вѣримъ, что такъ будетъ и у насъ, потому что иначе «и быть не можетъ.» Такъ заключаетъ петербургскій педагогъ свою статью. Что будетъ у насъ, мы этого не знаемъ, и охотно соглашаемся, что ему извѣстнѣе то что будетъ у насъ, и о чемъ онъ говоритъ съ такою рѣшительностію и увѣренностію. Но зачѣмъ онъ вводитъ публику въ заблужденіе, утверждая что защитники народнаго просвѣщенія у насъ предлагаютъ Итонскую коллегію въ образецъ для нашимъ гимназій, и зачѣмъ онъ выставляетъ своимъ читателямъ какъ куріозную особенность этой школы то что составляетъ общую принадлежность соотвѣтственныхъ учебныхъ заведеній въ другихъ странахъ Европы?

Мы не будемъ пускаться въ далекія разсужденія, мы не будемъ говорить объ англійской цивилизаціи, которая считается по преимуществу передовою цивилизаціей нашего времени, о богатствѣ и производительности ея литературы, о могуществѣ того вліянія которое эта страна имѣетъ на развитіе умственныхъ, общественныхъ и экономическихъ движеній въ другихъ странахъ, о ея практическомъ разумѣ, о громадномъ развитіи ея промышленности и реальныхъ знаній. Мы не будемъ говорить, что въ Англіи въ такъ-называемыхъ «публичныхъ» и «грамматическихъ» школахъ учатся не одни богатые, но и бѣдные, которые сами должны пролагать себѣ дорогу тяжкимъ трудомъ, и вообще всѣ кто только учится,—и что богатые люди въ этой странѣ болѣе всего заботятся о доставленіи своимъ дѣтямъ преимуществъ и выгодъ солиднаго образованія,

которое упрочиваетъ за англійскими землевладѣльческими классами ихъ высокое политическое значеніе. Мы ограничиваемся Германіей, на которую косвенно указываютъ намъ,— и теряемся въ недоумѣніи о томъ что побуждаетъ этихъ господъ писать о дѣлѣ которое либо совершенно неизвѣстно имъ, либо умышленно представляется ими въ ложномъ видѣ. Если они дѣйствительно интересуются дѣломъ народнаго просвѣщенія, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, то они очень легко могли бы пріобрѣсти всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія: стоило бы только раскрыть любую справочную книгу. Если же они имѣютъ свѣдѣнія объ этомъ интересующемъ ихъ предметѣ, если они имѣютъ нѣкоторое понятіе о народномъ просвѣщеніи въ разныхъ странахъ Европы, то что же побуждаетъ ихъ говорить неправду, искажать факты и вводить въ заблужденіе читателей? Возьмемъ изъ числа читателей человѣка неглупаго и довольно образованнаго, но никогда серіозно не размышлявшаго о педагогическихъ предметахъ и имѣющаго о нихъ самыя смутныя и поверхностныя свѣдѣнія: что можетъ онъ подумать подъ вліяніемъ подобныхъ внушеній? «Конечно,—такъ подумаетъ онъ, если только допустить, что статья петербургскаго педагога, несмотря на свою грубую неправду, произвела на него впечатлѣніе.—конечно, средневѣковое варварство и эксцентричность англійскихъ лордовъ, которые будто бы нарочно отдаютъ своихъ дѣтей въ такія школы, гдѣ они напрасно губятъ золотое время, все это слишкомъ преувеличено, все это конечно сказано только для краснаго словца, все это конечно не болѣе какъ обычная въ полемикѣ уловка, употребляемая съ цѣлію оттѣнить явственнѣе и рѣзче крайность противнаго мнѣнія; но, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что намъ трудно заводить у себя такіе порядки по педагогической части, какіе ведутся въ Англіи, странѣ удивительно своеобразной и такъ мало похожей на другія европейскія страны. Англія съ своими учрежденіями,— продолжаетъ размышлять читатель, — совершенный лѣсъ, въ которомъ только теперь ученые люди другихъ европейскихъ странъ начинаютъ мало-по-малу опознаваться: кстати ли же намъ вдругъ примѣнять къ себѣ основанія на которыхъ

держатся англійскія школы? Если въ самомъ дѣлѣ англійскіе лорды, слѣдуя преданіямъ своей старины, продолжаютъ учить своихъ дѣтей такъ какъ нигдѣ въ Европѣ уже не учатся, употребляя до шестнадцати часовъ въ недѣлю на древніе языки, то какъ намъ отважиться на что-либо подобное у себя? Можетъ-быть такое изученіе древнихъ языковъ и приноситъ свою пользу, но было бы странно, еслибы мы, въ смутномъ предположеніи этой пользы, стали заводить у себя нѣчто въ родѣ Итонской коллегіи, гдѣ употреблялось бы шестнадцать часовъ въ недѣлю на древніе языки, чего не дѣлается ни въ какой другой цивилизованной странѣ Европы. Германія считается по преимуществу страной науки, тамъ процвѣтаетъ филологія, тамъ совершаются громадные труды по этой части, и однакоже въ Германіи ничего подобнаго не водится, иначе авторъ прочитанной мною статьи, повидимому хорошо знающій дѣло о которомъ разсуждаетъ, и говорящій тономъ нѣкотораго авторитета и самоувѣренности, не сталъ бы удивляться Итонской коллегіи, какъ какому-то допотопному куріозу. Къ тому же мощный духъ новаго времени произвелъ на свѣтъ гимназіи реальныя, гдѣ преподаются предметы болѣе полезные и болѣе соотвѣтствующіе современной цивилизаціи, а классическія гимназіи съ каждымъ днемъ уступаютъ имъ мѣсто и служатъ мѣстомъ обученія только для тѣхъ молодыхъ людей которые предназначаются для ученой филологической карьеры. Вопросъ о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ есть дѣло уже рѣшенное, и было бы странно, еслибы мы, изъ подражанія англійскимъ лордамъ, вмѣсто реальныхъ гимназій, которыми славится самая ученая страна Европы, стали заводить у себя гимназіи классическія, которыя отжили свой вѣкъ, хотя бы даже и съ меньшимъ на половину противъ англійскихъ коллегій числомъ уроковъ посвященныхъ древнимъ языкамъ. Наши университеты и гимназіи были первоначально заведены по нѣмецкой, а не по англійской системѣ, а потому мы поступимъ несравненно благоразумнѣе и практичнѣе, если въ нашихъ педагогическихъ преобразованіяхъ будемъ держаться того хода какой приняло педагогическое дѣло въ этой послѣдней странѣ.»

Вотъ-впечатлѣнія и размышленія которыя, безъ сомнѣнія, желалъ произвести въ своихъ читателяхъ петербургскій педагогъ, имѣющій газету *Голосъ* своимъ органомъ. Очень вѣроятно что многіе такъ и подумаютъ, прочтя эту статью и довѣрившись свѣдѣніямъ которыя она предлагаетъ.

Но какъ удивится добродушный читатель, если узнаетъ что его неопытность въ педагогическихъ предметахъ подвергается странной эксплуатаціи изъ какихъ-то непонятныхъ видовъ. Дѣло въ томъ, что въ Германіи, равно какъ и въ остальной цивилизованной Европѣ, древніе языки составляютъ главное основаніе той системы учебныхъ заведеній, къ которымъ, по своему назначенію, если не по жалкому устройству своему, примыкаютъ наши гимназіи. Между различными странами цивилизованной Европы есть болѣе или менѣе существенныя различія, какъ во всемъ, такъ и въ системѣ народнаго просвѣщенія; но во всѣхъ безспорно основаніемъ и необходимымъ условіемъ высшаго образованія почитаются оба древніе языка.

Петербургскій педагогъ заставляетъ своихъ читателей удивляться шестнадцати часамъ употребляемымъ въ Итонской коллегіи на древніе языки. Но, какъ нарочно, во всѣхъ прусскихъ гимназіяхъ (а гимназій въ Пруссіи, имѣющей не болѣе 17 милліоновъ народонаселенія, считается почти до полутораста) именно *шестнадцать часовъ* въ недѣлю полагается нормальнымъ числомъ для уроковъ по предмету древнихъ языковъ. Ни Итонская коллегія ничего не заимствовала у прусскихъ гимназій, ни прусскія гимназіи ничего не заимствовали у Итонской коллегіи; а между тѣмъ онѣ почти пунктуально сходятся въ опредѣленіи времени полагаемаго необходимымъ для преподаванія древнихъ языковъ. Петербургскій педагогъ представляетъ своимъ читателямъ на видъ эксцентричность англійскихъ коллегій; пусть же онъ, человѣкъ новѣйшаго прогресса и высшей цивилизаціи, познакомившись съ устройствомъ учебной части нѣмецкихъ гимназій, представитъ кстати своимъ читателямъ на видъ и нѣмецкое варварство. Замѣтимъ, что нормальный учебный планъ прусской гимназіи былъ составленъ въ 1837 году, и что назадъ тому лѣтъ шесть, въ 1857 году, онъ подвергся еще нѣкоторымъ

измѣненіямъ въ смыслѣ усиленія древнихъ языковъ и ослабленія нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, въ томъ числѣ даже математики. Вотъ какъ навыворотъ идетъ европейскій прогрессъ! Надо еще замѣтить, что прусскія гимназіи раздѣляются на 6 классовъ, и счетъ ихъ идетъ не съ низу вверхъ, какъ у насъ, а сверху внизъ, такъ что первый классъ нѣмецкой гимназіи соотвѣтствуетъ нашему высшему классу, а шестой нашему первому классу. Преподаваніе латинскаго языка идетъ съ самаго низшаго. Греческій языкъ вводится въ преподаваніе съ 3-го класса (считая снизу). Сколько же часовъ въ недѣлю посвящается латинскому языку въ двухъ низшихъ классахъ? По десяти часовъ въ недѣлю. Чему еще учатъ въ двухъ низшихъ классахъ? Отечественному языку (на который употребляютъ по 4 часа въ недѣлю), закону Божію (по два часа), ариѳметикѣ (по 4 часа въ недѣлю), исторіи и географіи (по 2 часа). Кромѣ того, не обязательно, но въ случаѣ если найдется учитель пригодный для такого дѣла, полагается еще описательная характеристика царствъ природы приспособленная къ дѣтскому разумѣнію. Вотъ учебный планъ въ низшихъ классахъ, гдѣ еще не преподается греческій языкъ. Изъ этого плана мы видимъ, что въ низшемъ классѣ употребляется на обязательные предметы (не считая каллиграфіи, рисованія и пѣнія) двадцать два часа, и изъ нихъ десять посвящается латинскому языку. Теперь спрашивается, какъ распредѣляются уроки въ высшихъ классахъ, начиная съ третьяго (то-есть четвертаго по нѣмецкому счету), гдѣ въ число предметовъ преподаванія входитъ греческій языкъ? На латинскій языкъ полагается то же число часовъ какъ и въ первыхъ классахъ, именно 10 (за исключеніемъ послѣдняго класса, гдѣ число латинскихъ часовъ сокращается до 8). Для греческаго же языка во всѣхъ классахъ полагается по 6-ти часовъ. Итакъ, для обоихъ древнихъ языковъ въ трехъ классахъ полагается *шестнадцать часовъ*, именно та самая цифра которою петербургскій педагогъ разчитывалъ смутить своихъ читателей. Какимъ еще предметамъ учатъ въ высшихъ классахъ? Закону Божію (по 2 часа въ недѣлю), отечественному языку (по 2 часа), одному изъ иностранныхъ (по 2 часа),

математикѣ (въ послѣднемъ и предпослѣднемъ по 4 часа, а въ остальныхъ по 3), физикѣ (только въ двухъ послѣднихъ классахъ, и въ послѣднемъ 2 часа, а въ предпослѣднемъ 1 часъ), исторіи и географіи (по 3 часа). Сверхъ того, въ двухъ послѣднихъ преподается необязательно еврейскій языкъ (необходимый только для будущихъ богослововъ и филологовъ). Читатель видитъ, что число часовъ посвящаемыхъ на изученіе древнихъ языковъ превосходитъ въ каждомъ изъ четырехъ классовъ число часовъ полагаемыхъ на остальные предметы, изъ которыхъ одна математика доходитъ до 4 часовъ, остальные же довольствуются тремя и двумя, а на физику полагается въ послѣднемъ классѣ два, а въ предпослѣднемъ только одинъ часъ. Наконецъ, слѣдуетъ взять въ соображеніе, что курсъ ученія въ каждомъ изъ трехъ послѣднихъ классовъ продолжается по два года, такъ что воспитанники занимаются латинскимъ языкомъ въ продолженіе девяти лѣтъ по десяти часовъ, а греческимъ въ продолженіе семи лѣтъ по шести часовъ. Мы, конечно, не желали бы ничего лучшаго, еслибы хотя сорокъ нашихъ гимназій могли нѣсколько приблизиться къ такому учебному устройству, какое видимъ мы въ этихъ полутораста прусскихъ гимназіяхъ.

Многимъ ли существенно отличаются нѣмецкія гимназіи отъ англійскихъ public schools относительно размѣровъ преподаванія древнихъ языковъ? Мы имѣемъ полное право сказать, что несмотря на нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя различія, они могутъ считаться совершенно тождественными, въ сравненіи съ тѣмъ видомъ какой представляютъ наши несчастныя каррикатуры на гимназіи.

Во ста сорока трехъ прусскихъ гимназіяхъ, равно какъ и во всѣхъ гимназіяхъ Германіи, учатся дѣти не англійскихъ лордовъ и не богачей, которые по необъяснимому капризу будто бы обрекаютъ на напрасную трату золотое время своихъ дѣтей; въ этихъ заведеніяхъ учатся дѣти изъ всѣхъ общественныхъ классовъ, и зажиточныхъ, и бѣдныхъ. А что такое эти реальныя гимназіи, вызванныя мощнымъ духомъ новаго времени, о которыхъ толкуютъ наши петербургскіе педагоги? Кто тамъ учится, чему тамъ учатъ, въ какихъ отношеніяхъ эти реальныя

гимназіи находятся къ классическимъ, у которыхъ будто бы онѣ оспариваютъ первенство и мѣсто? Что такое въ самомъ дѣлѣ нѣмецкія реальныя школы, объ этомъ стоитъ поговорить подробнѣе, и мы завтра возвратимся къ этому вопросу.

XV.

23-го іюня.

Въ Германіи есть такъ-называемыя реальныя школы, и изъ нихъ нѣкоторыя новыше называются реальными гимназіями, но между этими реальными гимназіями и гимназіями классическими, то-есть настоящими гимназіями, нѣтъ ничего общаго. Это двѣ совершенно различныя группы учебныхъ заведеній. Такъ называемыя реальныя школы въ Германіи также заступаютъ мѣсто классическихъ гимназій, какъ упасъ, напримѣръ, Коммерческое Училище или Ремесленное Заведеніе могутъ заступать мѣсто гимназій, или какъ Артиллерійское Училище можетъ заступать мѣсто университета. Въ Германіи реальныя училища принадлежатъ къ одной группѣ учебныхъ заведеній съ такъ-называемыми мѣщанскими школами и назначаются для тѣхъ, кто не имѣетъ въ виду университетскаго образованія. Никогда въ Европѣ не было рѣчи о томъ, чтобъ изгнать древніе языки изъ гимназій и превратить эти послѣднія въ реальныя школы. Все это выдумка нашихъ петербургскихъ педагоговъ.

Дѣло вотъ въ чемъ: въ Германіи, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, возникъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли молодымъ людямъ которые по своему положенію въ обществѣ, по свойству своихъ способностей, по желанію родителей, или по другимъ обстоятельствамъ, не предназначаются къ высшимъ сферамъ знанія и дѣятельности давать образованіе которое могло бы быть пригодно въ жизни или послужить общею подготовкой къ какимъ-либо спеціальнымъ занятіямъ второстепеннаго значенія. Не всякій же можетъ проходить черезъ университетъ: но не всѣмъ же и довольствоваться только тѣмъ что

даетъ элементарная школа. Возможно нѣчто среднее, и притомъ въ разныхъ степеняхъ и видахъ, и вотъ въ чемъ главнымъ образомъ состоитъ вопросъ о такъ-называемыхъ реальныхъ или мѣщанскихъ школахъ, въ отличіе отъ гимназій, которыя примыкаютъ къ университету: спрашивалось, слѣдуетъ ли дѣтямъ которыя къ университету не предназначаются, для которыхъ не имѣются въ виду преимущества соединяющіяся съ высшимъ образованіемъ, которыя не будутъ ни медиками, ни судьями, ни администраторами, ни священниками, ни учеными по разнымъ сферамъ знаній, и которыхъ ждетъ болѣе скромная доля, но тѣмъ не менѣе полезная и способная въ свою мѣру быть украшенною дарами цивилизаціи и науки,—слѣдуетъ ли устроить для учащихся этого рода особую группу заведеній, или же проводить и ихъ черезъ ученыя гимназіи, примыкающія къ университету? Объ этомъ были споры, и наконецъ произошли соглашенія и сдѣлки, и дѣйствительно устроились заведенія подъ именемъ реальныхъ и высшихъ мѣщанскихъ школъ (въ Пруссіи реальныхъ училищъ высшаго и низшаго порядка насчитывается до 60), которыя имѣютъ свой особый учебный планъ и составляютъ систему низшаго образованія.

Только гимназіи,—настоящія гимназіи, съ обоими древними языками,—даютъ право на поступленіе въ университетъ и вообще на слушаніе университетскихъ лекцій; реальная же школа права этого не даетъ, и въ этомъ заключается существенное различіе между этими двумя группами учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, только университетское образованіе даетъ право на высшія степени государственной службы, и на тѣ профессіи которыя основываются на факультетскихъ наукахъ. Всякій, богатый ли, бѣдный ли человѣкъ, желающій провести своего сына черезъ университетъ, отдаетъ его въ классическую гимназію; къ какому бы факультету ни предназначался мальчикъ, онъ долженъ пройти курсъ классической гимназіи. Только успѣшное окончаніе этого курса считается достаточнымъ свидѣтельствомъ умственной зрѣлости (Maturitäts-Zeugniss) для занятія факультетскими науками въ университетѣ. Предназначается ли молодой человѣкъ въ медики, или для него имѣется въ виду духовное

званіе, или же родители готовятъ его къ поприщу юриста, или они хотятъ открыть ему перспективу высшихъ сферъ государственной службы, не говоря уже о собственно ученой сферѣ, по какой бы то ни было части: путь одинъ—университетъ, и одно необходимое приготовленіе къ нему—гимназія, основанная на древнихъ языкахъ. Всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія сходятся на этой общей для всѣхъ основѣ. И будущій юристъ, и будущій священнослужитель, и будущій естествовѣдъ или математикъ, равно учатся въ гимназіи обоимъ древнимъ языкамъ и считаются достаточно зрѣлыми для университетскаго ученія по всѣмъ факультетамъ не иначе какъ получивъ въ гимназіи основательное филологическое образованіе. Не одни дѣти богатыхъ англійскихъ лордовъ занимаются въ школѣ латинскими и греческими упражненіями, но и бѣдныя дѣти, которыхъ не мало воспитывается въ тѣхъ же самыхъ общественныхъ заведеніяхъ; въ этихъ же упражненіяхъ долженъ былъ показать свою силу, не менѣе англійскихъ эксцентриковъ, и нѣмецкій студентъ, изучающій медицину или права, *als Brodwissenschaften*, и живущій на три талера въ мѣсяцъ. Доказательство умственной зрѣлости необходимой для занятія факультетскими предметами въ университетѣ состоитъ преимущественно въ древнихъ языкахъ. Только изъ древнихъ языковъ требуется двойной экзаменъ, изустный и письменный, «такъ какъ они, по выраженію устава прусскихъ гимназій, даютъ самое надежное основаніе для того чтобы судить о зрѣлости молодаго человѣка къ продолженію ученія въ университетѣ».

Но можетъ-быть во Франціи дѣла идутъ иначе? Можетъ-быть во Франціи, странѣ занимающей однако одно изъ первыхъ мѣстъ въ европейской цивилизаціи, древніе языки не считаются необходимымъ элементомъ умственнаго образованія, какъ въ Англіи или Германіи? Во Франціи, конечно, дѣла идутъ не совсѣмъ такъ, какъ въ Англіи и Германіи; каждая изъ этихъ странъ имѣетъ свой типъ, свою физіономію какъ во всемъ, такъ и въ системѣ народнаго просвѣщенія. Но по пункту древнихъ языковъ Франція ни въ чемъ существенномъ не разногласитъ ни съ Германіей, ни съ Англіей. Во Франціи точно также древніе

языки считаются необходимымъ основаніемъ для высшаго образованія. Главнымъ условіемъ умственной зрѣлости и способности къ высшей наукѣ полагается какъ въ Англіи, такъ равно въ Германіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и во всей цивилизованной Европѣ, классическое образованіе, основанное на обоихъ древнихъ языкахъ, и отвергаемое нашими прогрессистами, какъ ни къ чему негодное чудачество, какъ остатокъ средневѣковаго варварства. Значитъ мы одни не варвары, мы одни не сумасброды, мы одни представители цивилизаціи; въ самомъ дѣлѣ, какъ процвѣтаетъ наша цивилизація, какъ высоко стоимъ мы въ нашемъ умственномъ развитіи, какъ плодотворна у насъ наука и жизнь!

Нѣмецкимъ гимназіямъ во Франціи соотвѣтствуютъ лицеи,— и несмотря на кутерьму которую произвелъ въ устройствѣ лицеевъ въ 1852 году, руководствуясь ложными политическими воззрѣніями, министръ Фортуль введеніемъ своей бифуркаціи въ высшихъ классахъ,—кутерьму возбудившую сильныя жалобы въ педагогическомъ мірѣ, такъ что принятыя г. Фортулемъ мѣры мало-по-малу отмѣняются его преемниками,—несмотря на эту бифуркацію, французскіе лицеи удерживаютъ во всей силѣ классическую основу. Лицеи французскіе имѣютъ два отдѣленія: низшее и высшее, и состоятъ изъ 8-ми классовъ. Въ пяти классахъ перваго отдѣленія главнымъ, почти исключительнымъ предметомъ, служатъ древніе языки. Латинскій языкъ начинается съ 8-го (то-есть съ самаго низшаго) класса, греческій языкъ съ шестаго и преподается обязательно для всѣхъ въ шестомъ, пятомъ и четвертомъ. Въ высшее отдѣленіе можетъ перейти только тотъ, кто свободно владѣетъ латинскимъ языкомъ и можетъ объяснять греческихъ авторовъ. Въ высшемъ отдѣленіи, заключающемъ въ себѣ три класса, ученіе, съ 1852 года, раздвоется (бифуркація) какъ бы на два факультета: филологическій и физико-математическій, но такъ однако что ученики послѣдняго не отстаютъ отъ перваго въ занятіи латинскимъ языкомъ. Чтобы поступить на медицинскій факультетъ, необходимо быть бакалавромъ словесныхъ наукъ, то-есть совершить курсъ греколатинской школы. Всѣмъ извѣстно на какой высотѣ стоитъ медицина во Франціи. Неужели французскіе или нѣмецкіе медики

губили напрасно золотое время своего отрочества занятіями латинскою и греческою грамматикой и экспозиціей древнихъ авторовъ?... Къ слову: возьмемъ напримѣръ медицинскую часть и спросимъ себя, отчего мы до сихъ поръ остаемся по этой части, столько же какъ и по всѣмъ прочимъ, робкими учениками иностранцевъ? Отчего у насъ до сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшихъ начатковъ самостоятельной разработки какъ этихъ, такъ и другихъ наукъ? Медицинскій факультетъ существуетъ у насъ давно; анатомическіе театры и клиники устроены у насъ блистательно; труповъ и больныхъ у насъ въ изобиліи; всѣ науки, главныя, второстепенныя и побочныя, сгруппированы въ нашихъ медицинскихъ факультетахъ не безъ нѣкоторой роскоши; всѣ каѳедры заняты; профессоры, ихъ занимающіе, докончивали свое медицинское образованіе въ Германіи и Франціи и слушали тамошнихъ знаменитостей. Между нашими врачами есть безспорно не мало людей высоко талантливыхъ, изощрившихъ свой взглядъ богатою практикой; тѣ же способы какими располагаютъ французскіе и нѣмецкіе ученые врачи находятся въ распоряженіи и у нашихъ медиковъ; тѣмъ не менѣе у насъ нѣтъ никакой самостоятельной науки, наши знаменитости, при всѣхъ своихъ дѣйствительныхъ достоинствахъ, являются робкими учениками предъ лицомъ нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ. Чѣмъ же первые отличаются отъ этихъ послѣднихъ, если они совершили одно и то же спеціальное поприще, если одни и тѣ же пособія спеціальнаго медицинскаго образованія были равно въ распоряженіи у тѣхъ и у другихъ, если даже, какъ часто бываетъ, они проходили одну и ту же медицинскую школу, и пользовались наставленіями однихъ и тѣхъ же знаменитыхъ учителей? Въ какомъ существенномъ недостаткѣ долженъ сознаться каждый изъ нашихъ спеціалистовъ, какъ бы онъ ни былъ даровитъ отъ природы и какъ бы добросовѣстно и старательно ни занимался своимъ дѣломъ? Въ недостаткѣ того общаго приготовительнаго образованія, которое цивилизованныя страны Европы даютъ своимъ ученымъ,—въ недостаткѣ той умственной зрѣлости, которая поставляется въ Европѣ необходимымъ условіемъ для приступленія къ высшимъ спеціальнымъ занятіямъ, въ

недостаткѣ той крѣпкой школы, на которой держится все европейское образованіе, европейская цивилизація, европейская наука, и отъ которой всѣми неправдами стараются отбить насъ петербургскіе педагоги.

Какъ всѣ спеціальности знанія имѣютъ въ цивилизованной Европѣ одинъ общій имъ корень—греко-латинскую школу, точно также всѣ народы цивилизованной Европы, какъ бы ни разнились между собою характеромъ своего генія, бытомъ и обычаемъ, политическимъ устройствомъ и нравственною физіономіей, имѣютъ одинъ общій корень своей цивилизаціи,—греко-латинскую школу. Какъ бы они ни разнились между собою, но представители ихъ умственнаго и нравственнаго образованія сходятся на одной общей почвѣ, сходятся какъ равные съ равными. Что же касается до насъ, то при существующихъ условіяхъ нашего народнаго просвѣщенія, какъ бы мы ни изощрялись въ тонкостяхъ французскаго выговора, какъ бы натурально ни пищѣли по-англійски, какъ бы ни заслушивались рѣчей Тьера и Гизо, какъ бы ни зачитывались Бокля и Люиса, какъ бы прилежно ни посѣщали курсовъ нѣмецкихъ профессоровъ въ Гейдельбергѣ или Берлинѣ, на насъ все-таки будутъ смотрѣть съ презрительнымъ снисхожденіемъ, какъ на варваровъ, и мы всегда будемъ оставаться чужими людьми въ Европѣ, наши умственныя попытки, кромѣ нѣкоторыхъ разрозненныхъ случайныхъ явленій, всегда будутъ имѣть въ основаніи своемъ ученическій характеръ, пока наша учебная система не станетъ твердо на общую для всей европейской цивилизаціи почву.

Петербургскій педагогъ, тономъ нѣкотораго ожесточенія и какъ бы злорадства, восклицаетъ, что у насъ непремѣнно водворятся реальныя училища, которыя, какъ онъ наивно думаетъ, представляютъ собою какъ бы высшій типъ учебныхъ заведеній, вызванный современною цивилизаціей. Онъ не подозрѣваетъ, что эти училища, которыми онъ желаетъ снабдить Россію, училища соотвѣтствующія нѣмецкимъ реальнымъ школамъ, существуютъ у насъ въ изобиліи, и что никакихъ другихъ заведеній у насъ не имѣется. У насъ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго тѣмъ учебнымъ заведеніямъ которыя въ цивилизованной Европѣ

считаются необходимымъ условіемъ умственной зрѣлости для высшихъ университетскихъ занятій, у насъ нѣтъ ничего похожаго на нѣмецкія гимназіи, на французскіе лицеи, на англійскіе *public* и *grammar schools*, на бельгійскіе атенеи. Но всѣ наши такъ-называемыя гимназіи, за исключеніемъ десяти (впрочемъ, стоитъ ли ихъ исключать?), совершенно подходятъ подъ типъ нѣмецкихъ такъ-называемыхъ высшихъ мѣщанскихъ, или реальныхъ школъ. Сюда же присоединяются наши кадетскіе корпуса, гдѣ преподаются и естественныя науки, и всѣ тѣ науки которыя плѣняютъ воображеніе гг. Воропова и Водовозова. Программа же нѣмецкихъ мѣщанскихъ школъ (высшаго порядка) совершенно совпадаетъ съ программою нашихъ университетскихъ гимназій, съ тою только разницей, что въ высшихъ изъ нѣмецкихъ реальныхъ школъ латинскому языку посвящается болѣе времени и преподается онъ несравненно основательнѣе чѣмъ въ нашихъ университетскихъ гимназіяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что иной способный ремесленникъ кончившій курсъ въ хорошей нѣмецкой реальной школѣ отличается несравненно бо́льшимъ классическимъ образованіемъ, нежели большинство нашихъ студентовъ въ настоящее время, послѣ тѣхъ жестокихъ мѣръ, которыя такъ радикально убили у насъ чуть-чуть начинавшуюся, подъ управленіемъ князя Ливена и графа Уварова, европейскую систему народнаго просвѣщенія. Замѣтимъ кстати, что въ прусскихъ реальныхъ школахъ, кромѣ латинскаго языка, закона Божія, отечественнаго языка и двухъ иностранныхъ, математики и физики, исторіи и географіи, преподаются еще основанія химіи и орикгогнозіи. Но изъ этихъ школъ нельзя поступить въ университетъ; преимущества же дарованныя въ Пруссіи этимъ школамъ суть слѣдующія: выдержавшіе успѣшно заключительный экзаменъ (замѣтимъ, что изъ латинскаго языка требуется свободное объясненіе Цезаря, Саллюстія, Ливія, а изъ поэтовъ Овидія и Виргилія) получаютъ право быть допущенными къ испытанію на техническія должности по горному, заводскому и соляному управленію, право быть допущенными къ испытанію на землемѣра, право получить мѣсто по почтовому вѣдомству, право на поступленіе въ королевскій

Нейштадтъ-Эберсвальдскій лѣсной институтъ, право на поступленіе въ корпусъ конныхъ фельдъегерей, право на поступленіе въ королевское ремесленное заведеніе, право на вступленіе сверхштатнымъ чиновникомъ по таможеннымъ и акцизнымъ сборамъ.

Итакъ, цвѣтъ русскаго юношества, наши будущіе общественные дѣятели, администраторы, судьи, мужи науки, просвѣтители народа, его будущія очи, разумѣніе и слово, воспитываются въ тѣхъ самыхъ школахъ въ которыхъ Пруссія подготовляетъ своихъ конныхъ фельдъегерей, съ тою только разницей, что школы изъ которыхъ выходятъ прусскіе фельдъегери лучше устроены чѣмъ наши, и ученіе въ нихъ производится солидн ѣе. Этому ли радуются петербургскіе педагоги?

Петербургскій педагогъ ссылается на общественное мнѣніе. Онъ находитъ что общественное мнѣніе не требуетъ у насъ классическихъ гимназій. Странно, что онъ, по нѣкоторымъ признакамъ, человѣкъ очень свѣдущій въ дѣлахъ департамента народнаго просвѣщенія, не сообразилъ при этомъ одного обстоятельства: какъ же ожидать чтобы наши помѣщики, чиновники и торговые люди, посылающіе своихъ дѣтей въ гимназіи, могли требовать для нихъ хорошаго европейскаго классическаго обученія, когда этого не требуютъ мужи науки, представители ея высшихъ интересовъ, когда этого не требуютъ профессоры университета, принимающіе въ университетъ молодыхъ людей которые по своей умственной зрѣлости не годились бы и въ фельдъегери, а не только къ занятію факультетскими науками? Но почему же наука и ея представители не предъявляютъ высшихъ требованій? Потому что наукѣ и ея представителямъ не велѣно предъявлять высшихъ требованій, а не велѣно потому что такъ устроена система нашего народнаго просвѣщенія. Наше народное просвѣщеніе дошло въ настоящее время до такого банкрутства, что даже на филологическій факультетъ предписано принимать молодыхъ людей совсѣмъ безъ греческаго языка (петербургскій педагогъ ошибается, полагая, что это предписаніе не исполняется въ университетѣ Московскомъ). Не окончательное ли это разореніе и паденіе этого несчастнаго факультета, откуда выходятъ по преимуществу наши педагогиче-

ские дѣятели? Молодые люди вступившіе на филологическій факультетъ съ абсолютнымъ незнаніемъ греческаго языка должны начинать съ азбуки. Спрашивается: многому ли научатся эти молодые люди, вообще не пріобыкшіе къ настойчивому умственному труду, и принужденные приниматься за азбуку греческаго языка на 18-мъ, на 20-мъ году своего возраста? Каково должно быть положеніе профессора, и каковы должны быть результаты такого положенія вещей? Слѣдствіемъ этого между прочимъ оказалось то, что въ Московскомъ университетѣ со втораго на третій курсъ филологическаго факультета могъ перейти теперь всего только одинъ слушатель. И вотъ цѣлый корпусъ преподавателей будетъ въ продолженіе года наставлять этого единственнаго филолога!...

Мы свободны отъ всякихъ предубѣжденій относительно гг. петербургскихъ педагоговъ; мы желаемъ думать, что ихъ одушевляетъ искренняя любовь къ своему народу и къ народному просвѣщенію, и что только ошибочный путь, на который они случайно попали, дѣлаетъ ихъ безсознательными врагами того и другаго. Еще болѣе желаемъ мы, чтобъ они одумались, чтобъ они глубже прислушались къ своему чувству, если оно дѣйствительно искренно и что-нибудь говоритъ имъ, чтобъ они глубже вникли въ дѣло, о которомъ рѣшаются судить, и тщательнѣе ознакомились съ нимъ: можетъ-быть они прозрѣютъ и поймутъ какое зло заключается въ томъ направленіи, которое съ особенною силой выразилось у насъ послѣ злополучной февральской революціи во Франціи и которому эти господа служатъ теперь столь усердными органами. Нѣтъ ничего благороднѣе, какъ сознаться въ своемъ заблужденіи и освободиться отъ него.

XVI.

26-го іюня.

Толки о предстоящемъ будто бы союзѣ трехъ сѣверныхъ державъ вызвали со стороны газеты *La France* замѣтку, которая во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. «Если-

бы, говоритъ газета почтеннаго сенатора Франціи, г. де-Лагеронньера, еслибы между Россіей, Австріей и Пруссіей, дѣйствительно, состоялся союзъ, онъ не произвелъ бы никакой перемѣны въ политикѣ Франціи. Франціи нечего желать для самой себя, и сохраняя полное спокойствіе, которое свидѣтельствуетъ о ея силѣ, она вѣрнѣе всего удержитъ за собою однажды пріобрѣтенное ею вліяніе, котораго никто не въ состояніи отнять у нея». Этого спокойствія, этого довольства настоящими своими предѣлами и настоящимъ своимъ положеніемъ въ Европѣ, конечно, желаютъ Франціи, вмѣстѣ съ г. де-Лагеронньеромъ, всѣ друзья мира и всѣ европейскія державы; но, къ сожалѣнію, не трудно было бы доказать, что именно въ этомъ-то настроеніи духа нерѣдко и оказывается у нея недостатокъ.

Не трудно было бы также доказать, вопреки мнѣнію газеты *La France*, что начиная съ 24-го февраля 1848 года Франція, съ несомнѣнно-своекорыстными цѣлями, вновь развернула въ Европѣ знамя, вокругъ котораго старается собрать такъ-называемыя «угнетенныя народности», и что изъ всѣхъ державъ она наиболѣе содѣйствовала возбужденію такъ-называемаго вопроса о національностяхъ. Она на каждомъ шагу готова эксплуатировать его въ свою пользу, подобно тому какъ нѣкогда она эксплуатировала и какъ теперь еще эксплуатируетъ въ свою пользу интересы католицизма, европейской цивилизаціи, и т. д.

Начало національности, какъ оно теперь постановлено революціонными партіями Европы, направлено противъ всего существующаго порядка вещей, сложившагося въ теченіе долгихъ вѣковъ исторіи: оно требуетъ, съ одной стороны, независимости и политическаго обособленія народностей и племенъ, которыхъ способность къ политическому существованію ничѣмъ не доказана, и съ другой, распаденія такихъ политическихъ тѣлъ, которыя сложились исторически, и которыхъ существованіемъ условливается миръ и слѣдовательно успѣхи человѣческаго общежитія и цивилизаціи въ обширныхъ странахъ. Мы не станемъ распространяться здѣсь, насколько удобоисполнимы эти требованія, какъ безсмысленны они въ приложеніи ко всѣмъ стра-

намъ со смѣшаннымъ населеніемъ, какъ несогласны они съ интересами самихъ народовъ, которыхъ желаютъ разъединить, и съ интересами всего человѣчества, благо котораго заключается въ сближеніи и соединеніи людей, а не въ расторженіи тѣхъ соединеній, которыя были плодомъ многотрудныхъ историческихъ процессовъ. Принципъ національности получилъ извѣстную степень обаянія вслѣдствіе успѣха съ которымъ онъ былъ приложенъ въ Италіи. Но здѣсь этотъ принципъ велъ къ расширенію и распространенію существовавшихъ политическихъ соединеній, а не къ раздробленію ихъ. Приложеніе этого принципа въ Италіи было шагомъ впередъ, а не назадъ: оно возвеличило успѣхъ, а не посягало на результаты труда исторіи. Но мы не станемъ распространяться объ этой высшей сторонѣ вопроса. Здѣсь мы имѣемъ въ виду только указать на поразительную непослѣдовательность съ которою примѣняется принципъ національности тѣми самыми державами которыя имъ пользуются какъ политическимъ орудіемъ. Эти державы, высказывающіяся за обособленіе и освобожденіе національностей въ интересѣ гуманности, равнодушно оставляютъ Болгаръ, Сербовъ и другихъ христіанъ подъ страшнымъ гнетомъ Турецкой магометанской имперіи, и сами еще заботятся объ увеличеніи этого гнета, какъ видно, между прочимъ, изъ недавно-обнародованнаго нами извѣстія о томъ что Порта предприняла поселеніе Татаръ и Черкесовъ въ Болгаріи по совѣту и по внушеніямъ Англіи. Та же самая Франція, такъ озабоченная искусственнымъ соединеніемъ Румыновъ и Скандинавовъ, которые по всему вѣроятію не способны ужиться вмѣстѣ, препятствуетъ упроченію политическаго единства италіянской народности, и, безъ сомнѣнія, взялась бы за мечъ, еслибы какимъ-нибудь чудомъ готово было скрѣпиться политическое единство Германіи. Выставляемое Франціей начало національности служитъ ей лишь орудіемъ для порожденія замѣшательствъ и для достиженія, съ ихъ помощью, своекорыстныхъ политическихъ цѣлей, и интересы европейскаго мира, конечно, требуютъ энергическаго противодѣйствія интригамъ и происканъ, повсюду сѣющимъ вражду между народами, соединенными въ нѣдрахъ разныхъ госу-

дарствъ. Только въ смыслѣ этого охранительнаго противодѣйствія могла быть рѣчь о сближеніи сѣверныхъ державъ между собою.

Но *La France*, съ своей точки зрѣнія, представляетъ это дѣло въ иномъ свѣтѣ. По ея словамъ, дѣло шло какъ будто бы о союзѣ государей и правительствъ противъ подвластныхъ имъ народовъ. «Своею попыткой заключить между собою союзъ, говоритъ она, три державы обнаружили скорѣе свою недовѣрчивость чѣмъ осторожность. У нихъ нѣтъ другихъ противниковъ, кромѣ народовъ національныя стремленія которыхъ старается подавить ихъ владычество. Истиннымъ ихъ призваніемъ было бы доставить удовлетвореніе этимъ стремленіямъ; если же онѣ соединяются между собою съ тѣмъ чтобы лучше держать ихъ въ покорности, то онѣ могутъ вызвать противъ себя большія затрудненія, и желая показать свою силу, обнаруживаютъ только свое безсиліе».

Предполагая даже, что извѣстія о соглашеніи между тремя державами вѣрны, по крайней мѣрѣ въ той части которая относится до Поляковъ, было бы въ высшей степени несообразно предполагать, вмѣстѣ съ *La France*, что Россія, Австрія и Пруссія обязались помогать другъ другу управляться съ ихъ польскими подданными и общими силами подавлять возможныя съ ихъ стороны возстанія, въ какой бы изъ этихъ отдѣльныхъ странъ они ни случались. Единственное обязательство которое они *могли* заключить между собою въ этомъ отношеніи могло имѣть лишь международный характеръ, и заключается, собственно говоря, въ основныхъ началахъ международнаго права. Имѣя въ виду примѣры и случаи прошлаго года, они могли вновь обязаться между собою строго соблюдать правила добраго сосѣдства и не дозволять своимъ подданнымъ содѣйствовать мятежу въ дружественной сосѣдней странѣ. Если подобное обязательство и состоялось, что до сихъ поръ еще весьма сомнительно, то очевидно, что было бы крайне недобросовѣстно выдавать его за союзъ государей противъ собственныхъ подданныхъ. О такихъ нелѣпостяхъ въ наше время не должно бы быть и рѣчи.

Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что на подобныя обязательства, какъ бы ни были они чисты въ нравственномъ отношеніи и какъ бы ни соотвѣтствовали они началамъ европейскаго международнаго и государственнаго права, никакъ нельзя полагаться, и современная намъ Россія, конечно, не въ нихъ должна искать себѣ опоры противъ замѣшательствъ, какими ознаменовались прошлый годъ и начало нынѣшняго. Съ другой стороны, она не можетъ вступить, въ отношеніи къ подвластнымъ ей народамъ чуждаго происхожденія, на тотъ путь, или, лучше, она не можетъ продолжать идти тѣмъ путемъ на который услужливо указываетъ ей г. де-Лагеронньеръ.

Прилагать принципъ національности тамъ гдѣ онъ ведетъ къ разъединенію было бы противно закону историческаго прогресса, но его должно прилагать вездѣ гдѣ онъ можетъ скрѣплять политическое единство. Нація не все равно что̀ племя и даже не все равно что̀ народъ. Нація есть понятіе политическое. Только исторія, только продолжительная политическая жизнь способна вырабатывать націи, и чѣмъ политическая жизнь богаче, тѣмъ крѣпче бываетъ національное единство. Но, съ другой стороны, никакой политическій успѣхъ невозможенъ, если внутренняя политика государства не имѣетъ національнаго характера. Космополитическихъ государствъ на свѣтѣ быть не можетъ. Они заключаютъ въ себѣ, какъ говорится въ логикѣ, *contradictionem in adjecto*. Скрѣпленіе государственнаго единства, соединеніе племенъ въ политическую націю, гордящуюся своими учрежденіями и ихъ національнымъ характеромъ, вотъ гдѣ настоящее мѣсто для благотворнаго приложенія принципа національности. Въ этой принадлежащей ему политической сферѣ принципъ національности будетъ не разъединять людей, не отчуждать ихъ другъ отъ друга, а сближать ихъ и связывать, возвышая ихъ политическій духъ и политическое самосознаніе. Вотъ то примѣненіе которое принципъ національности долженъ получить въ нашей политикѣ; а взгляды восхваляемые г. де-Лагеронньеромъ могли бы повести русскую исторію только назадъ.

Нельзя сказать чтобы до сихъ поръ Россію можно было упрекнуть въ излишествахъ національной политики. Въ завоеванныхъ странахъ не только оставлялись во всей ихъ силѣ прежніе законы, учрежденія, религія, языкъ, нравы и обычаи, но эти страны поставлялись даже въ привилегированное положеніе сравнительно съ русскимъ населеніемъ. Народъ силами котораго раздвигалась государственная территорія нисколько не возвышался въ своихъ правахъ; народы вновь присоединенные, напротивъ, могли смотрѣть на него съ гордостью и съ пренебреженіемъ. Подобный порядокъ вещей былъ несомнѣнно одною изъ главнѣйшихъ причинъ того что русская народность, собственно говоря, не только не дѣлала ни шага впередъ въ этихъ присоединенныхъ къ Россіи областяхъ, а скорѣе наоборотъ, проживающему въ нихъ Русскому приходилось перерождаться, чтобы воспользоваться правами и положеніемъ которыя были имъ предоставлены. Литва, Бѣлоруссія, юго-западная Украйна подъ нашимъ владычествомъ стали болѣе польскими областями, чѣмъ они были въ пору владычества польскаго, и еслибы прошлогодній мятежъ и угрозы западныхъ державъ не вывели насъ изъ нашей дремоты,—дай Богъ чтобы мы не впали въ нее снова!—они незамѣтно и сами собою совсѣмъ ушли бы изъ нашихъ рукъ.

Близорукіе петербургскіе умники успѣливаются трунить надъ нами, говоря, что наши поиски за сепаратизмомъ доходятъ до смѣшнаго. Но намъ нечего предпринимать какіе бы то ни было поиски въ этомъ направленіи; сущность дѣла сама слишкомъ сильно заявляетъ себя, и мы только не закрываемъ глазъ предъ фактами, и не молчимъ, не потерявъ до сихъ поръ вѣры что голосъ истины будетъ же когда-нибудь услышанъ. Политика національности, очевидно, начинаетъ грозить нашимъ западнымъ предѣламъ на всемъ ихъ протяженіи, и по несчастію застаетъ насъ почти врасплохъ. Русскій народъ обнаружилъ великую зиждительную силу, соединивъ эту громадную государственную территорію; но онъ не успѣлъ почти ничего сдѣлать чтобы сплотить прочно всѣ части своего государственнаго организма,

и крѣпость его можетъ легко вновь подвергнуться испытанію, въ родѣ прошлогодняго.

Средства къ отвращенію этой опасности, какъ бы отдаленна она ни была, должны быть приняты заблаговременно. Они должны имѣть не отрицательный, а положительный характеръ. Они должны быть направлены не на подавленіе связанныхъ съ нами племенъ чуждаго происхожденія, а на возвышеніе русской народности. Быть полноправнымъ членомъ русской семьи и жить подъ сѣнью общихъ для всей Имперіи учрежденій, въ которыхъ сильно выражалось бы политическое единство Русской земли, вотъ что́ должно стать многоцѣннымъ предметомъ желаній для всѣхъ русскихъ подданныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ общественныя и личныя силы Русскаго народа должны получить просторъ на разнообразныхъ поприщахъ общественной жизни, и по всѣмъ предметамъ какъ общаго, такъ и частнаго интереса, безъ вредной конкурренціи со стороны государства, безъ не менѣе вредныхъ мѣръ поощренія и привилегій, которыя такъ часто нарушаютъ права наиболѣе способныхъ предпринимателей. Тогда создадутся сами собою крѣпкія матеріальныя и нравственныя связи, которыя притянутъ самыя отдаленныя и неупроченныя владѣнія наши къ общему центру и устоятъ противъ всякихъ революціонныхъ происковъ, противъ всякой политической интриги и всякой политики національностей,—устоятъ безъ какого бы то ни было содѣйствія и помощи со стороны сосѣднихъ намъ государствъ.

ІЮЛЬ.

I.

2-го іюля.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* положительно опровергаютъ извѣстіе, будто бы Россія намѣревалась заключить особый трактатъ съ Австріей и съ Пруссіей на счетъ польскихъ ихъ владѣній. «Всѣ три державы, сказано въ этой газетѣ, не могутъ избрать лучшаго образа дѣйствій, какъ управляя принадлежащими имъ владѣніями сообразно собственнымъ видамъ, намѣреніямъ и цѣлямъ. Всякія взаимныя между ними обязательства, вмѣсто пользы, принесли бы каждой изъ нихъ только вредъ. Политика Россіи, по крайней мѣрѣ, не замедлила бы получить отъ подобныхъ обязательствъ направленіе совершенно противное ея интересамъ. Русское правительство и русское общество проникнуты одинаковымъ убѣжденіемъ на этотъ счетъ.»

Предполагая что это заявленіе на счетъ трактата о польскихъ владѣніяхъ сдѣлано на основаніи вѣрныхъ свѣдѣній, мы можемъ только порадоваться его положительности, которая разсѣетъ много напрасныхъ опасеній. Свобода дѣйствій гораздо нужнѣе Россіи, чѣмъ какая бы то ни было поддержка по такому незначительному въ европейскомъ смыслѣ дѣлу, какъ польскій вопросъ. Мы должны идти въ этомъ дѣлѣ своимъ путемъ. Такъ, напримѣръ, по вопросу о положеніи римско-католическаго духовенства, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ прочихъ нашихъ владѣніяхъ, Австрія никакъ не можетъ поддерживать насъ на

томъ пути который для насъ былъ бы путемъ самымъ вѣрнымъ. У насъ реформа сюда относящаяся, какъ пишутъ въ иностранныхъ газетахъ, будетъ направлена къ тому чтобы поставить римско-католическое духовенство въ возможно бо́льшую независимость отъ Рима и не оставить за нимъ ни малѣйшихъ преимуществъ, ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, предъ духовенствомъ православнымъ. Одна изъ берлинскихъ газетъ, именно *Volks-Zeitung*, заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что желаетъ чтобы Россія вовсе порвала всякія связи между своимъ римско-католическимъ духовенствомъ и Римскою куріей и основала свою независимую католическую церковь. «Подобное событіе, говоритъ *Volks-Zeitung*, имѣло бы всемірно-историческое значеніе: примѣръ Россіи могъ бы найти подражателей, и внѣшнему, политическому единству римско-католической церкви былъ бы нанесенъ смертельный ударъ.» Подобное разрѣшеніе вопроса о римско-католической церкви въ Россіи и въ Польшѣ, безъ сомнѣнія, было бы всего для насъ желательнѣе, и существованіе конкордата 1847 года не могло бы быть въ этомъ отношеніи препятствіемъ, такъ какъ вліяніе предоставленное имъ папѣ послужило не въ пользу, а во вредъ римско-католической у насъ церкви, и употреблялось въ видахъ не успокоенія, а раздраженія и возмущенія въ ней умовъ. Въ этомъ смыслѣ конкордатъ 1847 года нарушенъ самимъ папой: онъ дѣйствовалъ вопреки его духу и буквѣ. Конкордаты заключенные другими державами съ Римскимъ дворомъ точно также не могутъ служить для насъ образцомъ: въ нихъ Римскій дворъ болѣе или менѣе умѣлъ выговорить себѣ различныя права, которыя не могутъ быть за нимъ признаны, послѣ того какъ онъ не только попустилъ, но и поощрялъ ксендзовъ дѣйствовать заодно съ мятежниками. Во всякомъ случаѣ, нельзя не порадоваться что никакой конвенціи у насъ не будетъ ни съ Пруссіей, ни особенно съ Австріей, и что Россія съ полною свободой можетъ приступить къ рѣшенію какъ этого, такъ и всѣхъ другихъ вопросовъ вызванныхъ польскимъ мятежемъ...

II.

4-го іюля.

Наши замѣчанія о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ (въ № 131 *Московскихъ Вѣдомостей*) вызвали два опроверженія. Одно изъ нихъ, напечатанное въ № 146 нашей газеты, относится къ факту который мы заимствовали изъ *Балтійской Газеты*, и который, по счастію, оказывается теперь совершенно ложнымъ. Въ селеніи Трембковѣ, какъ свидѣтельствуетъ предсѣдатель Влоцлавской коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, не только не было никакого возмущенія противъ коммиссіи, но и сама коммиссія еще не была въ этомъ селеніи; во всѣхъ же другихъ мѣстностяхъ она встрѣчала къ себѣ полное довѣріе и уваженіе со стороны крестьянъ, и имѣла случай убѣдиться что послѣдніе чувствуютъ себя вполнѣ счастливыми. Менѣе рѣшительно другое опроверженіе, появившееся въ № 145 *Русскаго Инвалида* со стороны, какъ видно изъ самой статьи, одного изъ членовъ Кельцовской по крестьянскимъ дѣламъ коммиссіи, который обозначилъ свою фамилію буквами *А. Иск.* Его опроверженіе направлено противъ заявленныхъ нами опасеній относительно колебаній самого учредительнаго комитета въ примѣненіи указовъ 19-го февраля 1864 года. Но еслибъ объ этихъ опасеніяхъ вовсе не могло быть рѣчи, то почтенному автору едва ли была бы надобность такъ сильно настаивать на пагубныхъ послѣдствіяхъ неудачи крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, и прибавлять о русскихъ дѣятеляхъ этой реформы, что они охотно берутъ на себя всѣ труды и усилія, но только до той поры пока дѣло будетъ ведено въ томъ духѣ какъ его начали; «въ противномъ же случаѣ», говоритъ авторъ, «усилія наши были бы тщетны, и мы поторопились бы оставить край, куда завлекла насъ не своекорыстная цѣль».

Почтенный авторъ не находитъ противорѣчія между направленіемъ постановленій учредительнаго комитета, отъ 14-го и отъ 22-го апрѣля, изъ которыхъ въ первомъ опредѣлено прини-

мать и передавать на законное распоряженіе мѣстныхъ коммиссій и такія жалобы крестьянъ на отнятіе у нихъ участковъ земли (до 26 мая 1846) которыя подлежали бы прямому отказу, а во второмъ — не предоставляется имъ права отыскивать даже неправильно (то-есть, вопреки указу 1846) отнятые у нихъ участки, если только они имѣютъ въ настоящее время какой-либо другой участокъ, заключающій въ себѣ не менѣе 3-хъ морговъ земли. «Не предоставлять права крестьянамъ на открытіе исковъ въ ихъ пользу, говоритъ авторъ опроверженія, не значитъ оставлять самый предметъ иска (то-есть неправильно отобранные помѣщиками участки земли) безъ вниманія». Это дѣйствительно такъ, или можетъ быть такъ; но это во всякомъ случаѣ не совсѣмъ согласно со статьей 6-ю Высочайшаго указа объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, которою всѣмъ крестьянамъ безъ исключенія, имѣющимъ по три морга и не имѣющимъ трехъ морговъ земли, предоставлено право, въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 3-го апрѣля 1864 года, отыскивать въ свою пользу земли которыми они пользовались при изданіи указа 1846 года. Что учредительный комитетъ, въ своемъ постановленіи отъ 21 апрѣля, имѣлъ въ виду именно ограничить число жалобъ и прошеній со стороны крестьянъ, это прямо высказано въ его мотивахъ; но что онъ имѣетъ въ виду, тѣмъ не менѣе, требовать отъ помѣщиковъ возвращенія всѣхъ крестьянскихъ земель, незаконно присвоенныхъ ими послѣ 1846 года, съ тѣмъ чтобы раздѣлить ихъ между крестьянами вовсе безземельными, это не было заявлено въ постановленіи; это пока не болѣе какъ слово автора опроверженія, болѣе или менѣе правдоподобное, судя по большей или меньшей близости его къ этому дѣлу.

Предположимъ однако что слово это столь же твердо, какъ еслибъ оно было сказано въ постановленіи учредительнаго комитета. Подобные виды можетъ-быть не состоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ узаконеніями 19-го февраля, но никакъ не вытекаютъ прямо изъ нихъ. Въ этихъ узаконеніяхъ прямо говорится только о правѣ всѣхъ вообще крестьянъ отыскивать поземельные участки, которыми они пользовались при изданіи указа-

1846 года и которые потомъ были неправильно у нихъ отняты, но ничего не говорится о надѣленіи этою землей не тѣхъ крестьянъ которымъ она слѣдуетъ, а крестьянъ вовсе безземельныхъ. Даже напротивъ, въ статьѣ 7-й указа объ устройствѣ крестьянъ сказано, что земли, произвольно изъятыя изъ пользованія крестьянъ, на которыя они до истеченія трехлѣтняго срока не предъявятъ своего права, *могутъ* быть присоединены къ фольварочнымъ, то-есть, помѣщичьимъ землямъ. Законъ, очевидно, имѣлъ прежде всего въ виду возвратить крестьянамъ и упрочить за ними то чѣмъ они законно пользовались прежде, и въ этомъ случаѣ законодатель руководился уважительными соображеніями. По закону, прежнее пользованіе землей даетъ на нее право, и это право должно быть уважено. Этого требуетъ законъ; но еслибы для кого-нибудь было нужно совершенно излишнее подтвержденіе этого требованія, то можно было бы замѣтить, что того же требуетъ простой разчетъ. Безземельныхъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ огромное число, и такъ какъ всѣхъ ихъ невозможно одарить землями, то выборъ между ними былъ бы труденъ, и могъ бы возбудить къ нихъ неудовольствіе и ни на чемъ не основанныя притязанія. Къ тому же право отыскивать землю предоставлено по закону самимъ крестьянамъ; кто же изъ нихъ согласится быть истцомъ и нести сопряженныя съ тѣмъ хлопоты, когда отысканная земля достанется не ему, а кому-нибудь другому? Не лучше ли ему тогда вступить въ сдѣлку съ помѣщикомъ и пойти съ нимъ на мировую?

Что огромное число безземельныхъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ дѣйствительно озабочиваетъ учредительный комитетъ, доказательствомъ тому служатъ его постановленія въ засѣданіи 30-го мая, на которыя указываетъ намъ г. А. Иск. Мы совершенно согласны, что *пустками*, которыхъ всего на все оказывается 12.500, невозможно обезпечить бытъ этого класса людей. Но въ составѣ 1.338.000 крестьянъ, которыхъ обыкновенно называютъ безземельными, далеко не всѣ были фольварочными работниками, состоящими на денежномъ жалованьи, на содержаніи помѣщиковъ или на довольствіи зерномъ: если не

ошибаемся, то бо́льшая часть изъ нихъ принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ коморниковъ, огрудниковъ и халупниковъ, которые живутъ въ особыхъ избахъ, отдѣльными семьями или по нѣсколько семействъ вмѣстѣ, и за свою работу на помѣщика пользовались небольшими клочками земли, нерѣдко въ полморга (около $\frac{1}{4}$ десятины), или же брали и большее количество земли «съ гною» (изъ навоза), унаваживали ее на свой счетъ и обрабатывали ее для себя, послѣ чего по прошествіи года она снова присоединялась къ фольварочнымъ землямъ, а крестьянамъ отводилась другая земля съ тою же цѣлью удобренія и воздѣлыванія ея. Къ этому разряду не принадлежатъ ни *конюжи*, которымъ предоставлялось получать извѣстное количество копъ хлѣба въ снопахъ, или мѣръ готоваго хлѣба въ зернѣ, ни тѣ которые пользовались только урожаемъ. Объ этихъ-то низшихъ разрядахъ крестьянъ и шла рѣчь въ засѣданіи учредительнаго комитета 30-го мая, и рѣшенія имъ принятыя строго соображены съ духомъ и съ буквою закона. Принимая въ руководство статью 15-ю, гдѣ говорится о правѣ собственности крестьянъ владѣющихъ дворами, съ пахотною землей, или съ огородомъ, или безъ нихъ, комитетъ постановилъ, что всѣ этого рода крестьяне, если они дѣйствительно имѣли свое жилище или даже и часть жилища не на господской землѣ, пріобрѣтаютъ свои мелкіе участки въ полную собственность на тѣхъ же условіяхъ, какъ и всѣ другіе крестьяне. Подъ это рѣшеніе не подходятъ тѣ крестьяне, которые хотя и пользовались землею на тѣхъ же условіяхъ, но не имѣли своего двора или части двора, а жили въ рабочихъ казармахъ построенныхъ помѣщикомъ. Для удобства помѣщиковъ, въ видахъ избѣжанія чрезполосицы, предоставляется имъ теперь же отводить крестьянамъ бравшимъ изъ навоза фольварочныя земли полосы къ одному мѣсту въ томъ же количествѣ, или въ большемъ, если новыя земли окажутся худшаго качества. Этимъ рѣшеніемъ число безземельныхъ крестьянъ будетъ, какъ надобно думать, значительно уменьшено. Оно согласно съ закономъ, и не подаетъ повода къ притязаніямъ со стороны другихъ крестьянъ, такъ какъ не представляетъ собою произвольнаго предпочтенія

однихъ другимъ. Что же касается до экономическихъ послѣдствій его какъ для самихъ крестьянъ, такъ и для всей страны, то по всей вѣроятности они будутъ незначительны. Клочки земли, которые достанутся такимъ образомъ крестьянамъ, нисколько не обезпечатъ ихъ быта, и по всей вѣроятности вскорѣ перейдутъ въ руки болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Впрочемъ, при обсужденіи всего этого вопроса не слѣдуетъ, кажется, терять изъ виду, что не всякій крестьянинъ, по личнымъ качествамъ своимъ, можетъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ, и что говорить о сельскомъ пролетаріатѣ въ Польшѣ, какъ дѣлаетъ г. А. Иск., едва ли основательно. Отличительная черта пролетаріата, которая дѣлаетъ его опаснымъ для государства и общества, заключается не въ недостаткѣ какого-либо имущества, а въ невозможности, при всей физической и нравственной способности къ труду, обезпечить имъ свой бытъ, и въ духѣ недовольства, вслѣдствіе того, всѣмъ общественнымъ порядкомъ. Пролетаріатъ можетъ развиться только тамъ, гдѣ предложеніе труда значительнѣе чѣмъ спросъ на него. Онъ всегда указываетъ на неправильности въ законодательствѣ, на несправедливое распредѣленіе налоговъ, на стѣсненія экономической свободы. Раздача поземельной собственности не избавитъ отъ пролетаріата; она либо не приведетъ ни къ какимъ послѣдствіямъ, либо послужитъ поводомъ къ прикрѣпленію человѣка къ землѣ.

Главная задача исполнителей законодательства 12-го февраля нынѣшняго года состоитъ, конечно, не въ борьбѣ съ фантомомъ пролетаріата, а въ непреклонномъ осуществленіи реформы въ томъ видѣ, какъ она предначертана закономъ. Намъ кажется, что дѣятели реформы должны строго держаться въ этихъ предѣлахъ, и что такимъ образомъ дѣйствій они всего успѣшнѣе разовьютъ въ польскихъ крестьянахъ чувство законности, столь необходимое имъ теперь, и то уваженіе къ обязательствамъ, которое было, безъ сомнѣнія, сильно потрясено въ нихъ тѣмъ что, вслѣдствіе распоряженій мятежническихъ властей и потворства имъ со стороны помѣщиковъ, оказалось необходимымъ вовсе освободить ихъ отъ взноса недоимокъ. Исполненіе закона, твердое, строгое,

неуклонное, вотъ что единственно можетъ обезпечить реформу отъ случайныхъ вліяній и отъ всякаго домогательства.

III.

6-го іюня.

Подложные документы обнародованные въ *Morning Post* увѣнчались изумительнымъ успѣхомъ: во Франціи, въ Германіи, въ Англіи, продолжаютъ раздаваться голоса увѣряющіе что если эти документы и не подлинные, то по крайней мѣрѣ они вполнѣ соотвѣтствуютъ настоящему положенію дѣлъ. Теперь не можетъ быть сомнѣнія что подлогъ шелъ изъ Парижа, и что онъ, какъ уже мы говорили недѣли полторы или двѣ тому назадъ, былъ разчитанъ на то чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на общественное мнѣніе во Франціи, въ Англіи и въ самой Германіи, чтобы возбудить его противъ трехъ сѣверныхъ державъ и подготовить ко всякаго рода новымъ политическимъ комбинаціямъ, а быть-можетъ даже къ новымъ военнымъ громамъ. Съ того времени какъ въ мартѣ 1861 Франція присоединила къ себѣ Ниццу и Савойю, ей не удается выйти изъ тягостнаго для нея бездѣйствія. Сначала она пыталась вовлечь насъ въ ея интриги на Востокѣ; затѣмъ, не безъ поощренія со стороны Англіи, она увлеклась донкихотскимъ, какъ теперь выражается лордъ Кларендонъ, планомъ вмѣшательства въ польскія волненія. Благодаря сильному возбужденію народнаго чувства въ Россіи, все дѣло окончилось для французской политики рѣшительнымъ дипломатическимъ пораженіемъ: Англія, усердно раздувавшая польское дѣло, тотчасъ же отказалась отъ него, какъ только увидѣла что Франція уже зарвалась сколько было нужно для совершеннаго разрыва съ Россіей. Не лучшій исходъ имѣло предложеніе общаго европейскаго конгресса: энергическимъ шагомъ Англія вырвала у Франціи это средство выйти изъ изолированнаго положенія. Оставалась одна надежда—на повсемѣстныя замѣшательства Европы. На Востокѣ нашелся отважный исполнитель замысловъ Франціи въ лицѣ молдо-

валахскаго господаря; на сѣверѣ Европы возгорѣлась война, вызванная народными страстями Германіи, и своею быстротой предупредившая ея раздѣленіе и сближеніе одной ея части съ Франціей. Тогда всѣ виды послѣдней сосредоточились на томъ, что въ эту войну неминуемо будетъ вовлечена Англія, и что она принуждена будетъ купить себѣ помощь Франціи на чей-либо счетъ. Но и этотъ разчетъ не удался: Англія воздержалась отъ вмѣшательства въ войну между Даніей и германскими державами. Послѣдовалъ мгновенный взрывъ негодованія, которымъ разразились оффиціозныя газеты Франціи противъ Англіи; но въ то же самое время внезапно явился призракъ Священнаго Союза, и со стороны Франціи началось заискиваніе и въ Англіи, и въ мелкихъ государствахъ Германіи; наконецъ послѣдовало вызванное самою же Франціей обращеніе Даніи за ея совѣтомъ и посредничествомъ. Всѣ три явленія состоятъ, очевидно, въ посредственной связи между собою, и дополняются новѣйшими извѣстіями о томъ, что Франція выказываетъ большое дружелюбіе къ Пруссіи, которая, благодаря ловкости своего министра-президента, мастерски, хотя уже чрезчуръ безцеремонно, пользуется выгодами минуты.

Едва ли можетъ быть однако сомнѣніе, что Франція, при дальнѣйшемъ ходѣ событій, разчитываетъ прежде всего найти себѣ опору въ группѣ второстепенныхъ и мелкихъ государствъ Германіи, которыя глубоко оскорблены и запуганы самостоятельнымъ образомъ дѣйствій Пруссіи и Австріи въ дѣлѣ которое получило для всей Германіи національное значеніе, и особенно сближеніемъ ихъ съ Россіей, которое одно можетъ установить между ними единство видовъ, а при этомъ единствѣ мелкимъ государствамъ Германіи дѣйствительно не остается ничего болѣе какъ вполнѣ имъ подчиниться, или броситься въ объятія Франціи. Французскія интриги, направленныя въ эту сторону, нашли уже себѣ выраженіе въ газетѣ которая служитъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ политики второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, именно въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ*. Отзывы ея лондонскихъ и вѣнскихъ корреспондентовъ всѣ говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ,

и клонятъ свою рѣчь къ одной и той же цѣли, — къ доказательству что для мелкихъ государствъ Германіи нѣтъ другаго спасенія отъ властолюбія и гнета Пруссіи и Австріи, поддерживаемыхъ Россіей, какъ въ союзѣ съ Франціей и кстати уже съ Англіей, которая въ свою очередь стоитъ на сторонѣ Даніи противъ великихъ нѣмецкихъ державъ. Для плановъ Франціи, очевидно, недостаточно одного разложенія Германскаго Союза, одного привлеченія на свою сторону его третьей группы: необходимо еще сближеніе съ Англіей, и къ этому должны уравнять ей путь второстепенныя нѣмецкія государства.

Что касается до Англіи, то наиболѣе вліятельный органъ ея журналистики провозглашаетъ, что недавнія пренія ея парламента должны стать началомъ новой эры для внѣшней ея политики. «Изъ этихъ преній, говоритъ *Times*, явно вытекаетъ урокъ о безусловной необходимости коренным образомъ измѣнить систему нашей иностранной дипломатіи. Страна, очевидно, желаетъ прежде всего, чтобъ Англія впредь не подвергалась опасности вовлечься въ войну съ цѣлію устраивать къ нашему удовольствію дѣла и отношенія между иностранными государствами; далѣе, она желаетъ, чтобы мы воздерживались отъ угрозъ которыхъ не думаемъ энергически исполнить, и наконецъ, она желаетъ, чтобы мы довольствовались заявленіемъ нашего мнѣнія въ качествѣ великой державы и избѣгали этой повсюду вмѣшивающейся, хлопотливой дипломатіи, которая обратилась въ нашу привычку,—такъ какъ мы не должны ни грозить, ни воевать, когда непосредственно не замѣшаны въ дѣло собственные наши интересы». Этотъ урокъ еще свѣжъ, и можно думать что усилія Англіи прежде всего будутъ направлены къ тому чтобы препятствовать осуществленію замысловъ Франціи, не доходя до явнаго съ нею разрыва и не допуская ея до сближенія съ какою-либо изъ континентальныхъ державъ, но, съ другой стороны, можно также думать что Англія постарается обезпечить себѣ вліяніе на Францію и съ этою цѣлію, конечно, не упуститъ случая ставить ловушки сѣвернымъ державамъ. Она можетъ тутъ дѣйствовать безъ малѣйшаго для себя риска, какъ и въ польскомъ вопросѣ. *Au pis aller*, другіе

поплатятся за игру, а между западными державами возродится дружба какъ фениксъ. Уже и теперь правительственные ораторы Великобританіи дѣлаютъ маленькій оттѣнокъ въ своихъ отзывахъ объ образѣ дѣйствій Россіи и Франціи по Шлезвигъ-Гольштейнскому вопросу. Россія и Франція, говорятъ они, отказались вступиться за Лондонскій трактатъ и были причиной того что Англія не могла ничего сдѣлать; но, прибавляютъ они, Франція поступила благоразумно, и на нее пенять нечего, а о Россіи они умалчиваютъ, хотя очень хорошо знаютъ что она отнюдь не несетъ на себѣ отвѣтственности за продолженіе войны. Такой неопредѣленный, колеблющійся, изворотливый образъ дѣйствій требуетъ чтобъ и Россія оставляла за собой полную свободу дѣйствій. Мы были бы въ очевидномъ проигрышѣ, еслибы наше сближеніе съ Пруссіей и Австріей не умѣряло, а увеличивало ихъ отвагу.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія статья *Крестовой Газеты*, отъ 15-го іюля. Она отрицаетъ существованіе и даже возможность какого бы то ни было трактата, конвенціи или союза между тремя державами, но старается доказать что интересы ихъ тождественны, такъ какъ они непосредственно граничатъ между собою, такъ какъ они болѣе или менѣе состоятъ изъ различныхъ національностей (къ Россіи это можетъ относиться только въ нѣмецкомъ воображеніи), и такъ какъ имъ сообща и постоянно грозитъ опасность съ одной стороны, то-есть со стороны революціонной Франціи. «Пруссія, продолжаетъ *Крестовая Газета*, не нуждалась ни въ какой конвенціи, чтобы начать вмѣстѣ съ Россіей борьбу противъ польскаго мятежа, такъ какъ у нихъ были тутъ одни и тѣ же интересы. Россія, Пруссія и Австрія, поистинѣ, также не нуждаются во взаимныхъ гарантіяхъ чтобы сохранить наслѣдственныя свои владѣнія. Но онѣ нуждаются во взаимномъ расположеніи, въ фактическомъ соглашеніи и въ одинаковомъ заявленіи мнѣній по вопросамъ которые грозятъ или могутъ грозить опасностью каждому изъ этихъ государствъ въ отдѣльности. Россія испытала въ Крыму что̀ значитъ когда Австрія

переходитъ на сторону западныхъ державъ; Австрія испытала въ Италіи что̀ значитъ оскорбить Россію, и убѣдилась въ прошломъ году во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, что въ Германіи никто не можетъ идти по ея волѣ, когда того не хочетъ Пруссія. Эти опыты краснорѣчиво говорятъ въ пользу дружественныхъ отношеній какія подобаютъ добрымъ сосѣдямъ, и еще краснорѣчивѣе говорятъ несомнѣнные и немедленные успѣхи Пруссіи и Австріи, какъ только между ними установилось согласіе по одному предмету... Согласіе между тремя державами дало Германіи сорокъ лѣтъ мира и доставило ей возможность безпримѣрнаго преуспѣянія.»

Все это болѣе или менѣе естественно читать въ нѣмецкой газетѣ. Мы не станемъ говорить о томъ что̀ испытала Россія въ Крыму благодаря сперва своей политической ошибкѣ, потомъ своей нерѣшительности, а наконецъ необходимости вести неожиданную войну, къ которой мы не были нисколько готовы. Крымская война была исключеніемъ, которое повториться не можетъ. Обратимся лучше къ обычному ходу дѣлъ. Противъ желательности добраго согласія между сосѣдями никто не станетъ спорить, но было бы въ высшей степени невыгодно для Россіи, еслибы, преувеличивая общность своихъ интересовъ съ великими нѣмецкими державами, она стала вступаться за нихъ тамъ, гдѣ она менѣе всего можетъ имъ сочувствовать. Въ настоящее время, когда Пруссія и Австрія, въ сознаніи совершенной ими неправды, могутъ опасаться грозы съ запада, онѣ, разумѣется, не прочь толковать намъ объ однаковости нашихъ интересовъ и необходимости фактическаго согласія и даже общаго дѣйствія между тремя державами: но нашъ интересъ въ данномъ случаѣ не позволяетъ намъ внимать такимъ рѣчамъ. Они вступили на путь завоеваній на свой собственный рискъ и опасность, и намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности брать этотъ рискъ и опасность на свою голову. Напротивъ, мы не могли бы не порадоваться, еслибы сила обстоятельствъ или здраваго смысла положила предѣлъ ихъ притязаніямъ. Какъ добрые сосѣди мы можемъ имъ подать одинъ совѣтъ,— чтобъ

онѣ воздержались отъ дальнѣйшаго риска, чтобъ онѣ остерегались обманчиваго пепла, подъ которымъ таится огонь,—этихъ

ignes suppositos cineri doloso.

Между державами не можетъ быть рѣчи ни о взаимности, ни о благодарности: всѣ отношенія сходятся и должны сходиться къ самому строгому разчету собственныхъ выгодъ. Союзъ съ Россіей доставилъ Австріи и Пруссіи, по собственному признанію *Крестовой Газеты*, сорокъ лѣтъ мира и безпримѣрнаго преуспѣянія; но Россія не извлекла изъ него для себя ни малѣйшей выгоды, а напротивъ, какъ засвидѣтельствовалъ графъ Нессельродъ, приносила ему жертвы, не только матеріальныя, но и нравственныя. Когда же наступилъ часъ расплаты, не только Австрія, но и сама Пруссія, хотя и съ меньшею откровенностью, перешла на сторону нашихъ враговъ. Мы не винимъ ихъ за это: ихъ интересы не сходятся съ нашими на Востокѣ; но и наши интересы нисколько не требуютъ чтобы мы стояли за Пруссію въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и помогали ей противъ враговъ, какихъ она можетъ вызвать своею властолюбивою политикой, или за Австрію, если ей придется вновь выдерживать борьбу за италіянскія ея владѣнія, либо интриговать противъ нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Вообще же говоря, намъ, также какъ и Англіи, нечего мѣшаться въ чужія дѣла: у насъ слишкомъ много собственныхъ дѣлъ, настоятельныхъ, не терпящихъ отлагательства. Намъ нечего заботиться о внѣшнемъ вліяніи: оно придетъ само собой: намъ необходимо прежде всего озаботиться вліяніемъ Россіи, то-есть русскаго въ ней элемента, въ самой Россіи. Намъ нечего полагаться въ какомъ бы то ни было вопросѣ на иностранные союзы: намъ необходимо укрѣпить нашъ внутренній союзъ государственный и упрочить его величіе и благоустройство. Тогда всѣ правильные виды нашей иностранной политики осуществятся сами собою, безъ содѣйствія иностранныхъ державъ—и даже вопреки имъ.

IV.

9-го іюля.

Мы очень рады что почтенные петербургскіе педагоги не только отрекаются отъ своихъ мнѣній, которыя высказывали они и въ Ученомъ Комитетѣ, и въ своей газетѣ *Голосъ*, но и не могутъ вспомнить о нихъ безъ досады и огорченія. Имъ стало стыдно что они еще недавно съ такимъ легкомыслiемъ наговорили такъ много фальшиваго по дѣлу народнаго просвѣщенія; они хотятъ чтобы все ими сказанное считалось какъ бы *non avenu*, и осыпаютъ насъ укоризнами за то что мы напомнили публикѣ недавнія внушенія ихъ въ *Голосъ*. Почтенные петербургскіе педагоги доходятъ до того что просто-на-просто отпираются отъ своихъ печатныхъ мнѣній и безпощадно называютъ ихъ «нелѣпостями». Они объявляютъ себя теперь сторонниками классическаго образованія. Пріятно узнать объ этомъ, но тѣмъ не менѣе долгъ истины побуждаетъ насъ замѣтить что, какъ вообще бываетъ съ неофитами, они обнаруживаютъ большую смутность и зыбкость въ своихъ новыхъ убѣжденіяхъ. Объявивъ себя партизанами классическаго образованія, они очевидно еще не отдали себѣ отчета что̀ такое классическое образованіе и почему важно изученіе древнихъ языковъ. Они говорятъ объ этомъ артикулѣ своего новаго символа вѣры такъ какъ сталъ бы говорить слѣпой о краскахъ и глухой о звукахъ. Сколько намъ извѣстно, вопросъ о реформѣ нашихъ гимназій принялъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ благопріятный для нашего народнаго просвѣщенія оборотъ; это обстоятельство вполнѣ удовлетворительно объясняетъ заявляемое петербургскими педагогами уваженіе къ дѣлу классическаго образованія и желаніе предать полному забвенію то что̀ было прежде высказано ими по этому предмету. Но это обстоятельство, хотя и очень могущественное для того чтобъ измѣнить фронтъ петербургскихъ педагоговъ, не обладаетъ однако такою чудотворною силой чтобы мгновенно пересоздать ихъ образъ мыслей и водворить въ нихъ новыя убѣжденія.

Пусть припомнятъ читатели результаты трудовъ Ученаго Комитета по реформѣ нашихъ гимназій; пусть они припомнятъ что результатомъ этихъ совѣщаній было полное отрицаніе классическаго ученія въ гимназіяхъ какъ отжившей свой вѣкъ нелѣпости. Горячая полемика завязавшаяся по этому поводу и склоненіе правительства къ принятію въ нашихъ гимназіяхъ классической основы заставили офиціальныхъ педагоговъ заявить публично что они будутъ добросовѣстно радѣть и способствовать этому дѣлу, хотя бы оно получило противную ихъ убѣжденіямъ организацію. Это признаніе, конечно, не могло успокоить людей принимающихъ живое участіе въ предстоящей реформѣ нашихъ гимназій. Всякій знаетъ что законъ, каковъ бы онъ ни былъ, не есть даже начало дѣла, что судьба дѣла зависитъ единственно отъ того, какъ будетъ примѣняться законъ. Въ педагогическомъ дѣлѣ особенно все зависитъ отъ тѣхъ убѣжденій которыя одушевляютъ примѣненіе закона. Безъ убѣжденія, яснаго, твердаго и энергическаго въ вѣрности началъ и правильности предпринимаемой реформы, не только нельзя ожидать никакого успѣха, но слѣдуетъ напротивъ ожидать всякаго вреда, какъ бы ни были вѣрны усвоенныя закономъ начала и какъ бы ни была правильна предпринимаемая реформа. Въ то время когда взглядъ на это дѣло не установился, и вопросъ безпрестанно колебался то въ ту, то въ другую сторону, петербургскіе педагоги употребляли всевозможныя усилія чтобы запутать вопросъ, съ тѣмъ чтобы разрѣшеніе его вышло по возможности согласно съ ихъ убѣжденіями. Слѣдя за этими колебаніями вопроса и замѣчая эти усилія, мы видѣли необходимость поддерживать полемику съ петербургскими педагогами, на мнѣнія которыхъ при другихъ обстоятельствахъ мы конечно не обратили бы вниманія.

Послѣдняя фраза этой полемики выразилась такимъ образомъ: петербургскіе педагоги находили что англійскимъ лордамъ, при ихъ богатствѣ и эксцентричности, дозволительно учить своихъ дѣтей древнимъ языкамъ по 16 часовъ въ недѣлю, и что стало быть въ тѣхъ школахъ гдѣ учатся дѣти бѣдныхъ родителей, желающихъ дать имъ полезное и солидное образо-

ваніе, такая безсмысленная трата времени была бы злоупотребленіемъ, что занятіе классическими языками должно быть предоставлено только будущимъ ученымъ филологамъ, и что наконецъ сила обстоятельствъ и духъ нашего времени требуютъ теперь развитія другихъ учебныхъ заведеній, такъ-называемыхъ реальныхъ школъ. Мы нашлись вынужденными отвѣчать на это и разъяснить дѣло для нашей публики, которая имѣетъ о немъ, къ сожалѣнію, слишкомъ скудныя и смутныя понятія. Мы сочли своимъ долгомъ возстановить въ нихъ истинѣ факты, съ умысломъ или безъ умысла искаженные петербургскими педагогами. Оказалось, что древніе языки составляютъ главный и преимущественный предметъ занятій не въ одной Итонской школѣ, но и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ въ цѣлой цивилизованной Европѣ, и что шестнадцать часовъ, употребляемые въ Итонской школѣ на древніе языки и удивившіе нашихъ петербургскихъ педагоговъ, какъ эксцентричность англійскихъ лордовъ,—что именно шестнадцать часовъ посвящаются на это ученіе и въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, гдѣ учатся дѣти не англійскихъ лордовъ, что не менѣе времени посвящается на этотъ предметъ и во французскихъ лицеяхъ, гдѣ также занимаютъ латинскою и греческою версификаціей, что наконецъ реальныя школы не имѣютъ ничего общаго съ тѣми учебными заведеніями которыя въ цивилизованныхъ странахъ Европы служатъ необходимымъ приготовленіемъ къ высшему университетскому образованію по разнымъ факультетамъ.

Теперь петербургскіе педагоги объявляютъ что считаютъ нелѣпостію все явно заключавшееся въ ихъ словахъ, или явно витекавшее изъ нихъ; они свидѣтельствуютъ о своемъ уваженіи къ классическому образованію, указываютъ на опытъ образованныхъ странъ Европы, и убѣждаютъ насъ согласоваться съ ними. Но согласоваться съ опытомъ образованныхъ странъ Европы значитъ полагать древніе языки въ основаніе гимназій, и сосредоточивать на нихъ все умственное развитіе учащихся. Вотъ опытъ образованныхъ странъ: въ нѣмецкихъ гимназіяхъ большая часть всего времени учащихся въ продолженіе девяти-

лѣтняго курса идетъ на этотъ предметъ; во Франціи восемь лѣтъ лицейскаго ученія точно также преимущественно посвящается древнимъ языкамъ; въ Англіи нѣтъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній кромѣ классическихъ, въ которыхъ почти только одни древніе языки и преподаются какъ предметъ обязательный. Вотъ самыя образованныя страны въ Европѣ, гдѣ развиваются такъ плодотворно и такъ блистательно всѣ роды человѣческаго знанія! Петербургскіе педагоги указываютъ на опытъ образованныхъ странъ: пусть же они испытаютъ свои новыя убѣжденія, точно ли они готовы слѣдовать примѣру этихъ странъ и пользоваться ихъ опытомъ, или же они, попрежнему, въ глубинѣ души своей считаютъ все это сумазбродствомъ, эксцентричностію, средневѣковымъ варварствомъ. О мнѣніяхъ можно спорить, мнѣнія предметъ зыбкій; но факты, употребляя выраженіе петербургскихъ педагоговъ, факты неумолимы; факты не допускаютъ никакого спора. Если петербургскіе педагоги дѣйствительно хотятъ слѣдовать примѣру и опыту образованныхъ странъ Европы, то они должны сдѣлать это съ полнымъ сознаніемъ и измѣнить весь образъ своихъ мыслей; они не должны уже ни колебаться, ни вертѣться, а принять и признать фактъ во всей его силѣ. Или вовсе не нужно европейскаго образованія со всѣми его послѣдствіями, или надобно принять всѣ его условія и во всей ихъ силѣ; ввести древніе языки въ систему нашего народнаго просвѣщенія только для формы, какъ вообще принимаемъ мы все европейское, допустить ихъ только для того чтобъ имѣть право сказать, что и у насъ есть классическія гимназіи, это хуже всего. Всякая фальшь хуже истины. Лучше быть истиннымъ дикаремъ нежели поддѣльнымъ Европейцемъ.

Петербургскіе педагоги, свидѣтельствуя свое уваженіе къ классическому образованію, въ то же самое время проговариваются, что латинскій языкъ одинъ, безъ греческаго, былъ бы совершенно достаточенъ для этой цѣли. Это одно уже свидѣтельствуетъ что убѣжденія ихъ въ сущности ни мало не измѣнились.

Чѣмъ отличаются такъ-называемыя реальныя школы въ цивилизованныхъ странахъ Европы отъ классическихъ? Тѣмъ что въ реальныхъ либо вовсе нѣтъ древнихъ языковъ, либо допускается одинъ латинскій. Одинъ латинскій языкъ безъ греческаго есть отличительный признакъ школы не имѣющей классическаго или университетскаго характера. Вотъ что говоритъ примѣръ цивилизованныхъ странъ, а наши петербургскіе педагоги, ссылаясь на этотъ примѣръ, будутъ увѣрять насъ что въ школахъ ведущихъ къ университету достаточно одного латинскаго языка. Одно изъ двухъ: либо примѣръ цивилизованныхъ странъ никуда не годится, а стало-быть ссылаться на него не слѣдуетъ, либо петербургскіе педагоги желали бы снабдить Россію, подъ именемъ классическихъ школъ, такими которыя вездѣ въ Европѣ являются какъ противоположность и отрицаніе классическаго образованія. Зачѣмъ же это дѣлаютъ петербургскіе педагоги? Опытъ европейской цивилизаціи свидѣтельствуетъ, что въ то время когда въ школѣ господствовалъ одинъ латинскій языкъ она была безплодна и мертва, что исключительно латинская школа была школа средневѣковой схоластики, и тогда не существовало того что въ наше время называется классическимъ образованіемъ, начавшимся съ эпохи Возрожденія, т.-е. возрожденія классической древности въ европейской школѣ, а классическая древность есть Греція и Римъ въ неразрывной связи. Только отъ этой эпохи ведетъ свое начало классическое образованіе цивилизованной Европы, и лишь съ этой эпохи начинается то живое, могущественное, плодотворное развитіе человѣческой мысли во всѣхъ сферахъ знанія, характеризующее наше время. Итакъ вотъ одинъ фактъ: всѣ европейскія школы и учебныя заведенія называющіяся классическими и служащія основаніемъ высшаго, т.-е. университетскаго образованія суть школы греко-латинскія; вотъ другой фактъ: конецъ средневѣковой схоластики и начало новой европейской цивилизаціи совпадаютъ съ эпохой основанія этихъ классическихъ школъ, въ которыхъ къ латинскому языку присоединилось то что ученію латинскому даетъ жизнь и смыслъ— ученіе греческое. Если у насъ по какимъ-либо причинамъ только

часть гимназій можетъ получить греческій языкъ, а другая часть останется съ однимъ латинскимъ, то это будетъ значить только то что лишь одна часть нашихъ гимназій будетъ имѣть характеръ классической школы, а другая, съ однимъ латинскимъ языкомъ, будетъ соотвѣтствовать тому что въ Германіи называется мѣщанскими или реальными школами, воспитанники которыхъ не считаются зрѣлыми для слушанія университетскихъ лекцій по какому бы то ни было факультету. Пусть эти реальныя школы по мнѣнію петербургскихъ педагоговъ не только не хуже, но еще лучше классическихъ школъ или гимназій, но петербургскіе педагоги не должны вводить въ заблужденіе ни себя, ни другихъ, называя ихъ гимназіями, да еще классическими.

Петербургскіе педагоги подвергаютъ насъ горькому осмѣянію за то что мы въ одной изъ статей нашихъ между прочимъ указываемъ на то, какъ плохо спорится у насъ дѣло спеціальныхъ знаній, лишенное прочнаго, подготовительнаго классическаго образованія, и къ слову сравнили состояніе медицинскихъ наукъ у насъ съ процвѣтаніемъ ихъ во Франціи, гдѣ нельзя поступить на медицинскій факультетъ, не выдержавъ экзамена на баккалавра словесности, то-есть не пройдя полнаго курса греко-латинской школы. Петербургскимъ педагогамъ показалась до крайности смѣшною и дикою мысль что предварительное классическое образованіе можетъ имѣть вліяніе на развитіе такихъ спеціальныхъ наукъ какъ медицинскія. Они забыли принятую ими на себя роль поклонниковъ классическаго образованія, и явили новое доказательство что словамъ ихъ вѣрить не должно. Еслибъ они были дѣйствительно убѣждены что классическія гимназіи нужны и полезны для насъ, то имъ не показалась бы странною мысль что классическое ученіе, способствуя умственной зрѣлости людей готовящихся къ высшему образованію, оказываетъ благотворное дѣйствіе на ходъ ихъ дальнѣйшихъ занятій и на развитіе наукъ вообще. Зачѣмъ же и нужно классическое образованіе, если оно не способствуетъ, несомнѣнно и могущественно, умственной зрѣлости? А если оно способствуетъ умственной зрѣлости, то можетъ ли оно оставаться безъ вліянія на развитіе наукъ, которыя могутъ разви-

ваться только по мѣрѣ зрѣлости посвящаемыхъ имъ умственныхъ силъ? Петербургскіе педагоги предобродушно хохочутъ надъ нами; но они не подозрѣваютъ, что мнѣніе которое показалось имъ столь смѣшнымъ вовсе не наше мнѣніе. Они хотѣли осмѣять и уронить насъ предъ русскою публикой, но осмѣяли и уронили не насъ, а французскихъ ученыхъ медиковъ, этихъ сумасбродовъ и варваровъ, къ которымъ Богъ знаетъ зачѣмъ ѣздимъ мы изъ Россіи учиться и лѣчиться. Въ 1852 году, во Франціи, какъ извѣстно, произведены были министромъ Фортулемъ нѣкоторыя перемѣны въ устройствѣ университетской системы; между прочимъ было постановлено, чтобы для поступленія въ медицинскіе факультеты не было обязательнымъ условіемъ держать экзаменъ на баккалавра словесности, то-есть представить доказательство вполнѣ окончепнаго курса греко-латинской школы. Что же послѣдовало? Медицинскіе факультеты во Франціи не такъ свободны отъ предразсудковъ и не отличаются такимъ просвѣщеннымъ духомъ, какъ медицинская школа въ Константинополѣ или какъ наши медицинскіе факультеты,—и вотъ что послѣдовало: всѣ медицинскіе факультеты во Франціи въ одинъ голосъ потребовали отмѣны этого распоряженія, угрожая въ противномъ случаѣ упадкомъ медицинскихъ наукъ во Франціи, и правительство поспѣшило отмѣнить это распоряженіе и возстановило во всей силѣ классическія требованія для поступленія на медицинскіе факультеты.

Итакъ, профессоры медицины во Франціи, которыми она такъ гордится и которые до сихъ поръ считались повсюду столь важнымъ авторитетомъ въ дѣлѣ медицинской науки, оказываются въ сущности такими же эксцентриками и варварами, какъ и англійскіе лорды. Для чего имъ понадобилось классическое образованіе? Какой смыслъ требовать, чтобы молодые люди, готовящіе себя къ тому чтобы щупать пульсъ у больныхъ и умѣть ловко отхватить переломленную ногу, предварительно проходили греко-латинскую школу, изучали Цицерона, Ѳукидида, Гомера и Софокла, и даже упражнялись въ латинской и греческой версификаціи, потому что французская школа и въ этомъ сумасбродствѣ не отстаетъ отъ англійской?

Петербургскіе педагоги упрекаютъ насъ въ непониманіи смысла и высокаго призванія реальныхъ школъ; они утверждаютъ, что мы будто бы умолчали злостнымъ образомъ что въ Германіи такъ-называемыя реальныя школы имѣютъ свои права, приготовляя своихъ воспитанниковъ, если не къ университету, то къ высшимъ реальнымъ заведеніямъ, существующимъ независимо отъ университетовъ. Но почтенные противники или союзники наши взводятъ на насъ напраслину; мы ничего не умолчали, мы указали всѣ пути которые открываютъ своимъ воспитанникамъ такъ-называемыя реальныя или мѣщанскія школы въ Пруссіи и руководствовались самымъ вѣрнымъ источникомъ, именно уставомъ прусскихъ учебныхъ заведеній. Мы упомянули о Нейштадтъ-Оберфельдскомъ лѣсномъ институтѣ, о Королевскомъ Промышленномъ Заведеніи въ Берлинѣ, и пр. Сюда можно прибавить еще Королевскую Строительную Академію, также ветеринарныя школы. Мы убѣдительно просимъ ученыхъ петербургскихъ педагоговъ сказать, въ какія еще высшія заведенія поступаютъ воспитанники прусскихъ реальныхъ школъ. Мы ничего не скрыли, и не имѣли надобности ничего скрывать. Мы представили фактъ въ его истинномъ свѣтѣ и со всею точностію. Изъ этого факта ясно, что Германія не уступаетъ въ педагогическихъ нелѣпостяхъ ни Англіи, ни Франціи; воспитаннику реальной школы Германія дозволяетъ учиться, напримѣръ, ветеринарному искусству въ спеціальныхъ заведеніяхъ, но учиться медицинѣ въ университетахъ она дозволяетъ только тѣмъ молодымъ людямъ которые прошли греко-латинскую школу. Мы вполнѣ понимаемъ, что нашимъ петербургскимъ педагогамъ это должно казаться величайшею нелѣпостью, и мы знаемъ, что не имъ однимъ это такъ кажется. Въ Константинополѣ и Тунисѣ думается и чувствуется совершенно точно такъ же.

Почтенные петербургскіе педагоги немножко напоминаютъ собою Мольерова мѣщанина, когда они говорятъ о реальныхъ школахъ. Имъ кажется, что это что-то такое необыкновенное и новое. Мольеровъ мѣщанинъ не зналъ, что говоритъ прозой, а петербургскіе педагоги, повидимому, не подозрѣваютъ, что

ихъ идеалъ давнымъ-давно осуществленъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и блистательнымъ образомъ явилъ на опытѣ свою плодотворную силу. Идеалъ ихъ осуществленъ не гдѣ-нибудь за моремъ, но въ самой Россіи, и осуществленъ въ такой полнотѣ, которая не оставляетъ желать ничего бо́льшаго. У насъ нѣтъ другихъ учебныхъ заведеній, кромѣ такъ-называемыхъ реальныхъ школъ. Даже напотважнѣйшіе планы г. Водовозова осуществились у насъ въ весьма удовлетворительныхъ размѣрахъ. Учебное устройство нашихъ кадетскихъ корпусовъ, особенно въ ихъ прежнемъ видѣ, совершенно соотвѣтствуетъ этому идеалу. Въ свою очередь наши гимназіи, которыя неправильно носятъ это названіе, не имѣя ничего общаго съ европейскими гимназіями, въ точности соотвѣтствуютъ, по учебному устройству, такъ-называемымъ реальнымъ училищамъ. Только въ Прибалтійскихъ губерніяхъ сохранились гимназіи подходящія къ европейскому образцу. Чего же еще хотѣли бы гг. Вороновъ и Водовозовъ? Чего же еще хотѣли бы петербургскіе педагоги? Система которую они предлагаютъ дѣйствуетъ у насъ давно и господствуетъ исключительно, абсолютно; эта система достаточно испробована, и послѣдствія ея предъ глазами. Если эта система хороша, то зачѣмъ же намъ преобразовывать наши гимназіи? Если эта система хороша, то Россія должна бы въ настоящее время быть жизненнымъ средоточіемъ всѣхъ реальныхъ и техническихъ знаній, Россія должна была бы стоять во главѣ современнаго умственнаго прогресса, потому что нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не господствуетъ въ такой силѣ система реальныхъ школъ, которую петербургскіе педагоги считаютъ новостію и предлагаютъ ввести въ Россію. У насъ молодые люди не тратятъ, какъ въ Германіи или Франціи, по восьми и девяти лѣтъ на латинскій и греческій языкъ, посвящая имъ по 16 часовъ въ недѣлю; у насъ молодые люди учатся всѣмъ наукамъ входящимъ въ программу реальныхъ или мѣщанскихъ школъ: и исторіи, и географіи, и новѣйшимъ языкамъ, и отечественной словесности, и естествовѣдѣнію, и даже законовѣдѣнію, и прихватываютъ немножко латыни. Изученіе новѣйшихъ языковъ процвѣтаетъ у насъ такъ, какъ нигдѣ въ мірѣ; наши образованные

люди умѣютъ говорить по-французски часто не хуже Французовъ, и нерѣдко притомъ обладаютъ въ совершенствѣ языками нѣмецкимъ и англійскимъ. У насъ есть больше чѣмъ гдѣ-нибудь высшихъ учебныхъ заведеній назначаемыхъ для приготовленія спеціалистовъ и по своимъ правамъ стоящихъ даже выше университетовъ; у насъ есть и технологическія заведенія, и инженерный корпусъ, и лѣсной институтъ, и школы топографовъ, и земледѣльческія академіи, и школа правовѣдѣнія, и пр. и пр. Наши университеты не требуютъ подготовительнаго классическаго образованія даже для филологическаго факультета; наши университеты совершенно довольствуются тою подготовкой которая въ Германіи считается необходимою для поступленія въ ветеринарныя школы и въ аптекарскія заведенія. При такомъ развитіи системы реальныхъ школъ, у насъ въ настоящее время должны бы процвѣтать реальныя знанія какъ нигдѣ въ Европѣ. Не намъ бы слѣдовало ѣздить въ Европу учиться правамъ, естествовѣдѣнію, медицинѣ, въ университетахъ основанныхъ на предварительномъ классическомъ образованіи, а къ намъ бы слѣдовало ѣздить оттуда, для того чтобы пропитаться духомъ реализма въ нашихъ университетахъ, вполнѣ свободныхъ отъ классическихъ предразсудковъ и основанныхъ на чистѣйшихъ реальныхъ школахъ. Весь обманъ заключается въ словѣ реальное. Развитіе системы такъ-называемыхъ реальныхъ школъ не имѣетъ ничего общаго съ развитіемъ реальныхъ знаній. Наши педагоги думаютъ, что удержаніемъ или распространеніемъ системы школъ случайно названныхъ въ Германіи реальными они будутъ способствовать распространенію духа реальныхъ знаній; но реальныя школы вовсе не значатъ школы служащія основаніемъ для реальныхъ знаній. Подготовительнымъ основаніемъ для реальныхъ знаній въ Германіи служатъ гимназіи, въ которыхъ всѣ умственныя силы учащихся сосредоточиваются на изученіи древнихъ языковъ; реальными же училищами называется система учебныхъ заведеній низшаго разряда, не примыкающихъ къ университету, какъ къ средоточію всѣхъ знаній и высшаго умственнаго образованія. Не изъ ветеринарныхъ школъ, не изъ ремесленныхъ заведеній выходили и выхо-

дятъ знаменитые ученые по всѣмъ частямъ человѣческаго вѣдѣнія, и химики, и естествоиспытатели, и юристы, и историки, и физики, и физіологи; они выходятъ изъ университета, и всѣ они воспитанники греко-латинской школы, всѣ они убивали золотое время своего отрочества на сумасбродныхъ занятіяхъ обоими древними языками по шестнадцати часовъ въ недѣлю,— занятіяхъ, отъ которыхъ избавлены воспитанники реальныхъ школъ, и отъ которыхъ также всецѣло избавлено наше учащееся юношество.

Петербургскіе педагоги полагаютъ, что мы ошиблись въ показаніи цифры прусскихъ гимназій: мы сказали что въ Пруссіи гимназій считается 143, а они поправляютъ насъ и показываютъ цифру 125. Сто сорокъ три гимназіи—дѣйствительно большая цифра, по нашему мнѣнію, даже слишкомъ большая для Пруссіи; но не мы ошиблись, а ошиблись наши почтенные антагонисты. Смѣемъ ихъ увѣрить, что въ Пруссіи дѣйствительно находится въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія сто сорокъ три гимназіи: сто двѣ евангелическія, тридцать девять католическихъ и двѣ смѣшанныя, итого сто сорокъ три; въ провинціи Прусской двадцать гимназій, въ провинціи Познанской семь, въ Силезской двадцать двѣ, въ Померанской тринадцать, въ Бранденбургской двадцать одна, въ Саксонской двадцать одна, въ Вестфальской шестнадцать, въ Рейнской двадцать три,—итого сто сорокъ три гимназіи. Въ точности нашихъ показаній легко убѣдиться заглянувъ только въ прусскій учебный календарь. Въ числѣ этихъ ста сорока трехъ гимназій есть одна на которую мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей. Говоря о нѣмецкихъ реальныхъ училищахъ, у насъ нерѣдко называютъ ихъ реальными гимназіями, но это не точно: гимназіями въ Германіи называются только тѣ учебныя заведенія которыя примыкаютъ къ университету, и въ которыхъ оба древніе языка составляютъ главный предметъ ученія. Въ Пруссіи, если не ошибаемся, есть одна реальная гимназія, это такъ-называемая Кельнская въ Берлинѣ. Она пользуется правами университетской гимназіи. Но тотъ очень ошибется, кто вообразитъ себѣ, что эта реальная гимназія

имѣетъ хоть малѣйшее сходство съ тѣми заведеніями которыя придумываетъ прогрессивная изобрѣтательность нашихъ петербургскихъ педагоговъ. Еслибы въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ преподавались древніе языки въ такой силѣ и степени, какъ въ этой Кельнской реальной гимназіи, то мы могли бы благословить свою судьбу и сказать, что дѣло народнаго просвѣщенія наконецъ у насъ упрочено.

Чтобы судить, какъ мало эта реальная гимназія походитъ на то что̀ у насъ называютъ реальными гимназіями, нужно знать, что въ ней преподаются обязательно для *всѣхъ* учениковъ оба древніе языка, что преподаванію древнихъ языковъ дано въ ней наибольшее число часовъ, что элементъ филологическій въ ней господствуетъ, что ея директоръ—филологъ и учитель латинскаго языка, что въ каждомъ классѣ старшій учитель (ordinarius), завѣдующій ходомъ цѣлаго класса, есть непремѣнно учитель одного изъ древнихъ языковъ, что наконецъ главные учители этой школы принадлежатъ къ замѣчательнымъ филологамъ Германіи, какъ гг. Риббекъ, Бенари, Кунъ, Сельманъ, которые безспорно обладаютъ всѣми средствами сдѣлать съ своими учениками въ одинъ часъ то что̀ обыкновенный учитель не сдѣлалъ бы въ три. Нормальное число часовъ употребляемыхъ въ обыкновенныхъ гимназіяхъ на древніе языки—шестнадцать, а въ Кельнской реальной гимназіи, при тѣхъ особенныхъ средствахъ которыми она обладаетъ, на преподаваніе древнихъ языковъ употребляется отъ четырнадцати до одиннадцати. Но за то полный курсъ этой гимназіи не 9, а 10 лѣтъ. Четырнадцать часовъ въ недѣлю на древніе языки въ гимназіи которая называется реальною! Преподаваніе латинскаго языка начинается съ перваго класса и продолжается всѣ десять лѣтъ. Греческій языкъ начинается съ четвертаго года гимназіальнаго ученія, и преподается въ продолженіе семи лѣтъ. Реализмъ этой гимназіи заключается въ томъ, что тамъ успѣшно преподаваніе физики, въ нѣкоторыхъ классахъ введено преподаваніе элементарной химіи, технологіи и естественной исторіи; да сверхъ того преподаются два иностранные языка: англійскій и французскій. Еврейскій языкъ, для будущихъ филологовъ и

богослововъ, преподается въ ней, какъ и въ другихъ прусскихъ гимназіяхъ. Изъ греческаго языка на высшихъ курсахъ объясняются Демосѳенъ и Ѳукидидъ, и сверхъ того требуются упражненія въ писаніи на греческомъ языкѣ. Изъ латинскаго въ высшихъ классахъ объясняются Цицеронъ, Тацитъ, Виргилій, Горацій, и ученики упражняются въ латинскомъ разговорѣ. Вотъ *реальная* гимназія въ Германіи, пользующаяся правами аттестаціи въ университетъ!

V.

11-го іюля.

Дерптскій учебный округъ и ближайшимъ образомъ Дерптскій университетъ удостоился новаго преимущества: въ немъ учреждены тридцать степендій, въ 300 р. каждая, для приготовленія учителей для западныхъ губерній, православнаго или протестантскаго исповѣданій. Это преимущество, можетъ-быть очень прискорбное для дѣятелей и питомцевъ другихъ русскихъ университетовъ, безъ сомнѣнія, основано на очень уважительныхъ соображеніяхъ. Господствующій въ университетахъ духъ и успѣхи учащихся въ нихъ зависятъ отъ гимназическаго подготовленія послѣднихъ, а это подготовленіе въ Дерптскомъ учебномъ округѣ несравненно солиднѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ учебномъ округѣ Россіи. Тогда какъ мы еще споримъ, какое гимназическое образованіе пригоднѣе для природныхъ Русскихъ, солидное ли, основанное на изученіи обоихъ древнихъ языковъ, или поверхностное, какое дается въ нашихъ *такъ-называемыхъ* гимназіяхъ, прибалтійскіе Нѣмцы давнымъ-давно уже рѣшили этотъ вопросъ въ свою пользу, и теперь хлопочутъ только о томъ, нельзя ли и тѣ немногія реальныя училища или неполныя гимназіи, какія у нихъ уцѣлѣли, обратить въ настоящія гимназіи классическія. Очевидно, что огромное преимущество должно оказываться на сторонѣ Дерптскаго университета у тѣхъ студентовъ его которые поступаютъ изъ мѣстныхъ гимназій,—преимущество, которое должно заставить

университетскій совѣтъ, при назначеніи степендій, предпочитать мѣстныхъ уроженцевъ протестантовъ православнымъ Русскимъ, получившимъ образованіе въ русскихъ такъ-называемыхъ гимназіяхъ. Такимъ образомъ воспитаніе молодыхъ поколѣній нашего западнаго края въ духѣ русской народности придется вѣрить, благодаря жалкому состоянію нашихъ гимназій, преимущественно заботливости нѣмецкихъ и протестантскихъ педагоговъ, которые не даромъ такъ свысока смотрятъ на русскую народность: оказывается, что безъ ихъ помощи и содѣйствія Русскій народъ не можетъ обойтись даже и въ такомъ дѣлѣ, какъ поддержаніе русской національности въ ополяченныхъ областяхъ нашихъ.

Впрочемъ, это не единственная несообразность какую представляетъ нынѣшнее положеніе нашего народнаго просвѣщенія: въ нашей западной окраинѣ сосредоточены не только наилучшія, но и наибольшія образовательныя средства, доступныя не массѣ населенія, а высшимъ, болѣе достаточнымъ классамъ, или прямо враждебнымъ Россіи, или пренебрегающимъ русскою народностью. Изъ нашихъ 80 гимназій на долю Дерптскаго учебнаго округа, то-есть, Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, приходится 9 гимназій, въ томъ числѣ три прогимназіи, изъ коихъ двѣ, въ Перновѣ и въ Либавѣ, предполагалось преобразовать въ полныя гимназіи, и два реальныя училища (въ Ригѣ и въ Митавѣ), о преобразованіи которыхъ въ настоящія гимназіи также идетъ рѣчь. Сверхъ того, частныхъ гимназій считается тамъ три, и изъ нихъ двумъ лифляндскимъ, въ Венденѣ и въ Феллинѣ, предоставлено право давать воспитанникамъ свидѣтельство на поступленіе въ университетъ. Всего 12 гимназій, изъ коихъ 9 казенныхъ нѣмецкихъ, на три губерніи, среднимъ числомъ по 4 гимназіи на каждую губернію. Какая изъ нашихъ внутреннихъ губерній, за исключеніемъ Петербургской и Московской со столицами всей Имперіи, представляетъ намъ что-либо подобное? Все нѣмецкое и онѣмеченное населеніе этихъ трехъ губерній, для котораго главнѣйшимъ образомъ предназначены эти нѣмецкія гимназіи, простирается до 179.000, что даетъ по одной казенной гимназіи на каждыя 19.000 Нѣмцевъ, тогда какъ на 36.000 Русскихъ, проживающихъ въ Эстляндіи,

Лифляндіи и Курляндіи, нѣтъ ни одной ни казенной, ни частной русской гимназіи. Мудрено ли, что 25.000 Нѣмцевъ въ Эстляндіи, 94.000 въ Лифляндіи и 60.000 въ Курляндіи могутъ при такихъ могущественныхъ средствахъ онѣмечить не только 36.000 проживающихъ среди нихъ Русскихъ, но и 700.000 Финновъ (Эстонцевъ) въ трехъ губерніяхъ, а также 820.000 народа литовскаго племени?

Но пойдемъ далѣе на югъ по нашей западной окраинѣ. Тутъ, въ Виленскомъ учебномъ округѣ, то-есть въ губерніяхъ Ковенской, Виленской, Гродненской и Минской, представляется намъ опять такая роскошь средствъ къ общечеловѣческому образованію, о которыхъ пока не смѣютъ и мечтать наши чисторусскія губерніи. 16 казенныхъ гимназій, въ томъ числѣ 3 прогимназіи, на 4 губерніи, и того по 4 гимназіи на каждую! И эти гимназіи главнѣйшимъ образомъ служатъ интересамъ не русскаго или литовскаго населенія, а ополяченныхъ высшихъ и среднихъ классовъ, которые заключаютъ въ себѣ 382.230 душъ обоего пола, такъ что по одной казенной гимназіи приходится на каждыя 24.000 душъ того населенія, для котораго преимущественно доступно гимназическое образованіе. Вспомнимъ при этомъ, что, за немногими исключеніями, до послѣдняго мятежа, учителями въ этихъ гимназіяхъ были завзятые Поляки, которые отчасти успѣли, а отчасти надѣялись изгнать изъ нихъ русскій языкъ. Изъ нихъ двое пропали безъ вѣсти во время мятежа, шестеро были уволены въ 1863 за явную неблагонадежность, а 23 были подъ арестомъ; ученики же ихъ, цѣлыми массами, вступали въ ряды повстанцевъ. Да и послѣ того какъ мятежъ былъ подавленъ и были приняты мѣры къ измѣненію состава учительскихъ совѣтовъ, къ началу нынѣшняго года, изъ 243 учителей было только 92 Русскихъ и 124 Поляковъ. О числѣ учениковъ и распредѣленіи ихъ по происхожденію мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но несомнѣнно, что польскій элементъ былъ въ нихъ рѣшительно преобладающимъ. Не знаемъ какъ будетъ впредь, но до сихъ поръ щедрость нашей казны относительно надѣленія гимназіями этихъ ополяченныхъ губерній служила только къ водворенію и утвержденію здѣсь

полонизма и католицизма. Что это именно было такъ, самымъ наглядным тому доказательствомъ служитъ нынѣшнее распредѣленіе казенныхъ гимназій между этими губерніями. Въ Ковенской губерніи, гдѣ наименьшее число православныхъ Русскихъ (а именно всего около 23.000), сосредоточено наибольшее число, а именно 5 гимназій; въ Гродненской же губерніи, гдѣ Русскихъ 671.000, всего 3 гимназіи.

Всѣ эти гимназіи были переполнены учениками не столько потому чтобы Поляки выше Русскихъ цѣнили общее человѣческое образованіе,—хотя мы и должны отдать справедливость дворянству Виленской губерніи, которое года два тому назадъ ходатайствовало объ обращеніи тамошнихъ гимназій въ настоящія классическія, зная, какое преимущество пріобрѣли бы такимъ образомъ ихъ сыновья предъ воспитанниками гимназій въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ,—сколько потому что польская шляхта, гордая и тщеславная, хотя нерѣдко и очень бѣдная, съ пренебреженіемъ смотритъ на торговыя и промышленныя занятія, и стремясь къ преобладанію и господству въ краѣ и въ цѣлой Россіи, спѣшила доставлять своимъ сыновьямъ гимназическое образованіе и тѣмъ открывать имъ широкій путь къ государственной службѣ. И этимъ-то властолюбивымъ видамъ какъ нельзя лучше служили 16 казенныхъ гимназій въ четырехъ наиболѣе ополяченныхъ губерніяхъ.

Такимъ образомъ почти одна треть всѣхъ нашихъ гимназій сосредоточены въ семи губерніяхъ, гдѣ господствующій классъ населенія принадлежитъ къ инороднымъ племенамъ. Если и независимо отъ этого обстоятельства такое предпочтеніе однѣхъ губерній другимъ есть явная несправедливость, то при этомъ дополнительномъ условіи оно получаетъ значеніе политической ошибки, послѣдствія которой уже дали и даютъ себя чувствовать очень сильно. Мы не будемъ говорить о тѣхъ ея послѣдствіяхъ которыя могутъ выразиться въ отношеніяхъ окраинъ къ цѣлому. Мы укажемъ только на зависимость въ которой находится отъ этого порядка вещей личный составъ нашего чиновничества, то-есть нашего правительственнаго класса. Намъ сообщали за достовѣрное слѣдующія многознаменательныя въ

этомъ отношеніи данныя: не говоря уже о трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ почти всѣ должности, за весьма немногими исключеніями, заняты туземцами, въ нашихъ ополяченныхъ западныхъ губерніяхъ, въ общемъ составѣ облеченныхъ властью лицъ было до послѣдняго мятежа не болѣе $^1/_{10}$ части лицъ не польскаго происхожденія, а въ остальной Россіи болѣе одной трети (37 проц.) всѣхъ лицъ имѣющихъ власть принадлежатъ не Русскимъ. Вотъ въ какой значительной мѣрѣ инородцы участвуютъ у насъ въ господствѣ надъ господствующимъ народомъ! Одною относительно-низшею степенью образованности Русскаго народа, конечно, нельзя еще объяснить такое въ высшей степени прискорбное и безпримѣрное въ исторіи явленіе: древніе Греки еще болѣе превосходили своимъ образованіемъ Римлянъ чѣмъ наши западные инородцы превосходятъ Русскихъ, и однакоже самые образованные Греки за величайшую честь и счастіе считали для себя быть простыми римскими гражданами, и никогда не становились въ Римѣ ни консулами, ни преторами. Но въ наше время перевѣсъ образованія все болѣе влечетъ за собою перевѣсъ силы, политическаго могущества и преобладанія, и однакоже этотъ перевѣсъ образованія у насъ предоставленъ враждебнымъ или не совсѣмъ доброжелательнымъ къ намъ инородцамъ. Мы сохраняемъ за этими инородцами такія преимущества, въ которыхъ отказываемъ Русскому народу, какъ необразованному и неразвитому, и однакоже всѣ средства къ образованію наиболѣе щедрою рукой расточаемъ не Русскому народу, а живущимъ въ его государственной области инородцамъ...

Можно ли не скорбѣть и не опасаться за будущность Русскаго народа въ Россіи, видя съ одной стороны эти преимущества чужеродцевъ относительно средствъ образованія, а съ другой, видя что у Русскаго народа русскіе же люди оспариваютъ даже право на солидное образованіе, какое почерпается только въ классическихъ гимназіяхъ?

VI.

11-го іюля.

Мы надѣемся, что читатели обратили вниманіе на извѣстіе о съѣздѣ священниковъ Гродненской губерніи, Брагинскаго благочинія (*Моск. Вѣд.* № 151.) Это явленіе совершенно новое у насъ и въ высшей степени замѣчательное.

Двѣнадцать сельскихъ священниковъ, въ назначенный день, собираются въ присутствіи своего благочиннаго и подъ его предсѣдательствомъ, и призвавъ помощь Того отъ Кого исходитъ всякое благо, приступаютъ къ обсужденію предметовъ по дѣламъ «вѣры, православной церкви и отечества», записываютъ свои рѣшенія въ протоколъ и принимаютъ его въ руководство себѣ на будущее время. Вотъ наконецъ люди, которые, не витійствуя и не разсыпаясь во фразахъ, прямо принимаются за дѣло! И какое дѣло! Вносить въ дома своихъ прихожанъ, въ кругъ ихъ ежедневной жизни, чувство вѣры, обычай православія, русскую рѣчь, просвѣтлять ихъ умъ, улучшать ихъ нравственность и во всемъ этомъ служить имъ примѣромъ. Вотъ, наконецъ, гдѣ эти «положительныя» средства къ упроченію за Русскимъ народомъ западнаго края, которыя мы такъ часто призывали!... Этого мало: люди о которыхъ мы говоримъ, кромѣ христіанскаго, достойнаго добрыхъ пастырей дѣла, являютъ доказательство живаго гражданскаго чувства и участія въ интересахъ, хотя и не посторонникъ имъ, но далекихъ: мы говоримъ о Кавказскомъ обществѣ распространенія православія, которому хотятъ удѣлить изъ своихъ крохъ эти сельскіе пастыри, нуждающіеся въ самомъ необходимомъ, совершающіе богослуженіе въ крашенинныхъ ризахъ въ полуразвалившихся храмахъ,—они такъ долго забытые и покинутые нами, къ кому мы такъ не спѣша спѣшимъ на помощь даже и теперь, когда открылась предъ нами вся страшная бездна ихъ положенія, вся опасность нашей народности и вѣры въ этомъ краѣ!.... Какъ умилительна эта лепта, и сколько въ ней горькаго укора для Москвы!

Соборъ этихъ двѣнадцати (апостольское число) священниковъ не можетъ быть явленіемъ случайнымъ: это, безъ сомнѣнія, плодъ давнихъ, не вовсе истребившихся преданій, результатъ иныхъ, мало знакомыхъ намъ условій жизни. Мы должны были бы отодвинуться слишкомъ далеко въ даль вѣковъ, чтобы найти духъ самопроизвольнаго движенія въ сельскомъ духовенствѣ нашей восточной, московской Руси. Увы! едва ли въ немъ сохранились объ этомъ даже и преданія! Трудно и представить себѣ, чтобы нѣсколько сельскихъ священниковъ какой-нибудь великороссійской епархіи осмѣлились съѣхаться безъ особаго на то приглашенія, да сомнѣваемся чтобъ и начальство ихъ взглянуло благосклонно на такую новость. Духовенство западныхъ губерній находилось,—какъ видно, еще и теперь находится,—въ иныхъ условіяхъ. Правда, оно терпѣло несравненно много бѣдствій и утѣсненій, но эти бѣдствія и утѣсненія были послѣдствіемъ борьбы, а борьба великая школа! Тѣ силы—не силы, которыя не испытали борьбы, которыя не дѣйствовали самопроизвольно, утратили свою упругость, и заглохли отъ бездѣйствія. Вотъ новая причина для насъ дорожить нашею западною Русью, и видѣть въ ней начала необходимыя для дальнѣйшаго развитія русской народности. Посылаемъ вамъ сердечный, исполненный любви и умиленія привѣтъ, безвѣстные бойцы за русское дѣло!...

VII.

15-го іюля.

Теперь въ нѣмецкихъ газетахъ то и дѣло приходится намъ читать хвалебные отзывы о Русскомъ правительствѣ, о его мудрости, либерализмѣ, гуманности и о его устойчивости въ дѣлѣ прогресса. Онѣ съ восторгомъ говорятъ о нашихъ реформахъ и не находятъ достаточно громкихъ словъ для того чтобы вполнѣ оцѣнить ихъ. Почему Нѣмцы заговорили вдругъ о русскихъ дѣлахъ съ такимъ одушевленіемъ? Почему теперь, въ эту минуту, нѣмецкія газеты становятся трубою нашей славы?

Это явленіе не совсѣмъ лишено интереса, и мы хотимъ обратить на него вниманіе нашихъ читателей, по поводу только что прочтенной нами передовой статейки въ *Кельнской Газетѣ*. Тевтоны не только biedere Männer, но съ нѣкоторыхъ поръ имъ еще хочется быть и плутоватыми людьми, и они искушаются въ хитростяхъ политической интриги. *Кельнская Газета* пріобрѣла въ нѣкоторомъ смыслѣ международное значеніе; она получаетъ неизвѣстными путями очень интересныя сообщенія отъ Французскаго правительства; нерѣдко въ ея столбцахъ появляются впервые дипломатическіе документы; ей же иногда доставляются свѣдѣнія и изъ нашего Прибалтійскаго края; словомъ, это одна изъ тѣхъ нѣмецкихъ газетъ, которыя наиболѣе приспособлены къ тому чтобы служить органомъ для политическихъ игроковъ. Намъ было бы очень пріятно прочесть тѣ похвалы которыми эта газета осыпаетъ наше правительство, еслибы мы не знали, что похвалы изъ иныхъ устъ и при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть гораздо оскорбительнѣе всякихъ порицаній. Похвалы внушенныя неискреннимъ чувствомъ и разчитанныя на то чтобъ уловить насъ дѣйствительно оскорбительнѣе всякаго порицанія. Вообще изъявленія сочувствія иностранному правительству никогда не могутъ быть принимаемы за чистую монету. Рѣдко бываетъ такъ, чтобы правительство, дѣйствующее въ интересахъ своей страны, вызывало искреннее сочувствіе въ иноземныхъ политическихъ органахъ. Тѣхъ кто знаетъ истинную цѣну подобныхъ заявленій они заставятъ только покрѣпче держать свои карманы. Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что ни въ одной странѣ Европы, гдѣ есть политическая жизнь и политическіе органы, даромъ не будутъ хвалить насъ, даромъ не будутъ изъявлять намъ сочувствіе. Знающее себѣ цѣну правительство дорожитъ сочувствіемъ только своего народа, и опирается на общественное мнѣніе только своей страны. Оно не даетъ никакого значенія хвалебнымъ или порицательнымъ голосамъ которые доносятся до него изъ чужихъ странъ. Оно знаетъ, что безпристрастный судъ о его дѣйствіяхъ произнесетъ въ послѣдствіи исторія, а въ сужденіяхъ современниковъ оно слышитъ

только интересы находящіеся въ дѣйствіи и борьбѣ. Русское правительство знаетъ, что если его будутъ хвалить въ Англіи, то это не потому чтобъ англійскіе государственные люди и публицисты проникнулись глубоко русскими интересами, а потому что такъ нужно въ виду англійской политики, и что если теперь хвалятъ его въ Германіи, то это не потому чтобы нѣмецкіе политики возымѣли платоническую любовь къ нему, а потому что это имъ выгодно, потому что это имъ нужно по ихъ разчетамъ. Дѣло не въ словахъ, дѣло въ тѣхъ побужденіяхъ изъ которыхъ они проистекаютъ и которыя подъ ними скрываются. Слова сами по себѣ могутъ быть очень пріятны, но побужденія которыя подъ ними скрываются, система видовъ и цѣлей съ которыми они произносятся, могутъ давать имъ самое оскорбительное значеніе. Дѣйствія вмѣняются людямъ не по внѣшнему факту, а по тѣмъ нравственнымъ побужденіямъ которыя въ нихъ выразились; точно также и слова: истинная сила ихъ заключается не въ томъ внѣшнемъ смыслѣ который слышится въ нихъ, а въ тѣхъ интересахъ которые вызвали ихъ. Послѣднія событія показали, что Русское правительство стоитъ выше иноземной брани, и стало-быть выше иноземныхъ похвалъ, и что оно не ограничивается тѣмъ поверхностнымъ смысломъ, на который разчитываютъ политическіе интриганы, но умѣетъ проникать во внутреннія побужденія, заставляющія ихъ говорить въ томъ или другомъ смыслѣ. Оно не поколебалось, когда въ прошломъ году со всѣхъ концовъ Европы раздавались противъ него ругательства и клеветы; оно твердо продолжало идти своимъ путемъ не теряя изъ виду интересовъ и достоинства своей страны и опираясь на сочувствіе своего народа. Нѣмецкіе публицисты хвалятъ теперь Русское правительство за его энергію и достоинство и за непоколебимое постоянство въ исполненіи его предначертаній. Отъ всей души желаемъ, чтобъ они не только говорили это, но и дѣйствительно въ этомъ убѣдились; убѣдившись въ этомъ, они можетъ-быть не сочтутъ нужнымъ продолжать свои сладкія рѣчи, и займутся другими дѣлами. Если Русское правительство не поколебалось и не измѣнило своего образа дѣйствій вслѣдствіе

угрозъ и ругательствъ, то напрасно полагать, что оно будетъ податливѣе на льстивыя похвалы.

Кельнской Газетѣ легко восхвалять внутреннюю политику нашего правительства и высокія качества отличающія умъ и сердце нашего Государя; для этого стóитъ только отдавать должную справедливость тому что̀ дѣйствительно происходитъ у насъ. Великія преобразованія которыя уже совершились у насъ, и великія преобразованія которыя готовятся,—это факты которыхъ нельзя не видѣть, нельзя не признать. Въ исторіи нѣтъ примѣра бóльшаго единства между верховною властью и народомъ, какъ въ настоящее время въ Россіи; нѣтъ примѣра въ исторіи чтобы верховная власть, движимая заботами о благѣ своего народа, совершила столько великаго въ столь короткое время, какъ видимъ мы въ Россіи въ нынѣшнее царствованіе; падаютъ злоупотребленія, связанныя силы освобождаются и призываются къ дѣйствію, создается свободное гражданское общество, учреждается правильный судъ, и власть сама полагаетъ предѣлы произволу своихъ органовъ: все это факты, которыхъ нельзя не видѣть, нельзя не признать. Отчего же нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ никто не хотѣлъ признать этихъ фактовъ, несомнѣнныхъ, очевидныхъ, говорящихъ такъ громко и такъ убѣдительно о духѣ и намѣреніяхъ верховной власти ведущей Россію? Отчего въ прошломъ году, когда Россія была предметомъ недостойной мистификаціи, когда въ нѣдрахъ ея былъ разожженъ безумный мятежъ, никто не хотѣлъ сказать добраго слова о ея правительствѣ и со всѣхъ сторонъ бросали въ него камнями и грязью. Почему *Кельнская Газета*, подобно всѣмъ остальнымъ, наполняла свои столбцы только клеветою или ложью на Русское правительство, и ни однимъ словомъ не обмолвилась,—не говоримъ въ похвалу ему,—а въ справедливую оцѣнку событій и дѣлъ, которыхъ нельзя было не видѣть, нельзя было не признать? Отчего среди этой бури, которая на насъ была воздвигнута и, казалось, грозила разрушеніемъ нашего государственнаго состава, политическіе люди руководящіе этою газетой и ея нѣмецкіе корреспонденты изъ Россіи не упомянули ни слова о дѣйствительно прекрасныхъ

явленіяхъ характеризующихъ нынѣшнее царствованіе? Рѣчь была только о жестокостяхъ Русскаго правительства, о его мрачныхъ свойствахъ, бывшихъ будто бы виною польскаго мятежа и грозящихъ пагубой европейской цивилизаціи. Какой же туманъ застилалъ тогда очи нашимъ нынѣшнимъ нѣмецкимъ хвалителямъ? Что̀ заставляло языкъ ихъ говорить вопреки совѣсти и истинѣ? Теперь оказывается, что они очень хорошо понимали дѣла и очень хорошо знали, что Русское правительство одушевлено самымъ лучшимъ духомъ, что оно неутомимо дѣйствуетъ на пользу цивилизаціи и свободы; теперь они видятъ, что не жестокости правительства были виною польскаго мятежа, а напротивъ, какъ *Кельнская Газета* выражается, тѣ «улучшенія» которыя правительство предпринимало въ интересѣ польской національности. Еслибы *Кельнская Газета* сказала въ прошломъ году что-нибудь изъ тѣхъ похвалъ Русскому правительству, которыя мы теперь читаемъ въ ея столбцахъ, слова ея имѣли бы совершенно иной смыслъ; тогда они могли бы свидѣтельствовать о ея любви къ истинѣ; теперь же они значатъ только то, что *Кельнской Газетѣ* стало выгодно говорить этимъ тономъ, что это требуется видами ея руководителей и корреспондентовъ. Русское правительство пренебрегло заграничными клеветами и ложью; оно оперлось на сочувствіе своего народа, на общественное мнѣніе своей страны, и оно выиграло дѣло, и заняло въ Европѣ положеніе соотвѣтствующее достоинству и значенію Русской державы. Крики умолкли, и недавніе ругатели являются теперь нашими хвалителями, и щедро одѣляютъ насъ своими благожелательными совѣтами. Прежде фальшиво бранили насъ, теперь столь же фальшиво насъ хвалятъ; прежде надѣялись застращать наше правительство нелѣпыми угрозами, чтобы навести его на ложный путь; теперь расточаютъ похвалы и лесть, въ надеждѣ склонить его на тотъ же самый путь. Цѣль одна и та же: разница только въ пріемахъ и способахъ. Брань и похвалы, это одно и то же: подъ тѣмъ и подъ другимъ одна и та же ложь, одно и то же стремленіе воспользоваться нами

въ чуждыхъ намъ интересахъ, овладѣть нашею политикой и внести смуту въ наши дѣла.

Еслибы всѣ нѣмецкія газеты, какъ напримѣръ *Крестовая Газета*, своими похвалами въ честь Русскаго правительства только вторили дружелюбнымъ отношеніямъ которыя установились между имъ и правительствами германскихъ державъ, то мы ничего не могли бы сказать противъ этого; мы видѣли бы въ этомъ весьма естественное явленіе. Но *Кельнская Газета*, какъ видно изъ ея статьи, не ограничивается этими побужденіями. Она дѣлаетъ внушенія Русскому правительству и даетъ ему совѣты, она входитъ въ наши внутреннія дѣла и видимо пытается дать кредитъ нѣкоторымъ существующимъ у насъ кое-гдѣ мнѣніямъ, и поддержать нѣкоторыя существующія у насъ кое-гдѣ направленія.

Главный смыслъ нѣмецкихъ внушеній состоитъ въ томъ, что Русскій народъ есть косная масса, глубоко антипатическая дѣлу свободы и прогресса. Намъ очень назидательно говорятъ о прогрессѣ и въ то же время хотятъ возвратить насъ къ тому воззрѣнію которое представляло народъ и правительство какъ два чуждыя одно другому начала,—народъ какъ завоеванную массу, а правительство какъ дружину завоевателей,—народъ какъ мертвое вещество, а правительство какъ деміурга, впечатлѣвающаго въ эту массу чуждыя и противныя ей идеи. *Кельнская Газета* старается отвлечь насъ отъ того убѣжденія, въ которомъ полагаемъ мы самое лучшее пріобрѣтеніе нашего прогресса,—отъ того убѣжденія, что правительство Русское есть *русское* правительство. Поучающая насъ нѣмецкая газета хочетъ чтобы мы забыли недавній опытъ доказавшій намъ, что только въ сознаніи единства Русскаго народа съ верховною властію, управляющею его судьбами, заключается истинная сила Россіи, и что всякое правительство можетъ успѣшно дѣйствовать какъ внутри, такъ и внѣ, только при условіи національной политики. Эта газета какъ будто никогда не слыхала, что истинная слава государей и правителей состоитъ единственно въ вѣрномъ и глубокомъ разумѣніи инстинктовъ и потребностей народной жизни, и что они не могутъ имѣть

иныхъ цѣлей, кромѣ огражденія и обезпеченія интересовъ своего народа, матеріальныхъ и нравственныхъ, и что въ этомъ заключается весь смыслъ національной политики, и что никакое правительство, понимающее свое призваніе, не захочетъ признаться въ какой-либо иной политикѣ. *Кельнская Газета* хочетъ вызвать призракъ выдуманной за границей *старой русской партіи*, и тщится бросить тѣнь на то національное движеніе которое, слава Богу, наконецъ пробудилось въ нашемъ обществѣ, и въ которомъ единственно заключается живая сила прогресса. Въ этомъ національномъ чувствѣ, которое пробудилось въ русскомъ обществѣ, нѣмецкая газета хочетъ видѣть отголосокъ враждебныхъ цивилизаціи и свободѣ инстинктовъ Русскаго народа. Нѣмецкая газета не забываетъ и русскую журналистику. О петербургской печати она ничего не говоритъ, и повидимому очень довольна ею, какъ довольна ею и *Рижская Газета*. Совѣты и выговоры нѣмецкой газеты обращаются исключительно къ московской журналистикѣ,—къ *Дню* и *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Въ насъ, московскихъ журналистахъ, видитъ она фальшивое и зловредное явленіе, и уличаетъ насъ въ панславизмѣ и завоевательныхъ замыслахъ. За панславизмъ она грозитъ намъ гнѣвомъ и возстаніемъ на насъ цѣлой Европы, и усовѣщеваетъ насъ отказаться отъ завоевательныхъ плановъ дабы заняться дѣломъ мирнаго прогресса. Для отрезвленія русскихъ людей она представляетъ выписку изъ Бальзакова романа *Parens Pauvres*, въ которомъ этотъ глубокій знатокъ людей и народовъ изображаетъ Славянъ какъ племя лишенное солидныхъ качествъ, необходимыхъ для цивилизаціи, призванное служить только мостомъ отъ азіятскаго варварства къ европейской цивилизаціи. Дѣлая эту выписку, *Кельнская Газета* путается и ставитъ въ скобкахъ вопросительный знакъ при непонятномъ ей выраженіи своей собственной статьи, и тѣмъ доказываетъ, что статья эта прислана въ Кельнъ издалека. *Кельнская Газета* говоритъ: «эти славянофилы (то-есть мы) вращаются только въ безсильномъ отрицаніи и ищутъ скрыть недостатокъ органа для общей человѣческой культуры и для соединеннаго съ нею солиднаго труда подъ пустыми фразами

и кокетничаніемъ со славянскими древностями, не имѣющими никакого отношенія къ настоящему». «Они (то-есть мы), говоритъ нѣмецкая газета, безпрерывно думаютъ только о томъ, какъ бы обрусить славянскія и не славянскія племена, смотрятъ въ даль и пренебрегаютъ занятіями которыя должны быть насущнымъ хлѣбомъ русскаго журналиста».

И она даетъ намъ исполненные мудрости и опредѣленности совѣты, что́ должны дѣлать русскіе журналисты: «они должны вести свой народъ къ культурѣ (къ германизаціи?), обращать вниманіе на препятствія встрѣчаемыя ея развитіемъ, искать средствъ какъ бы лучше устранить дурное, и ставить ближайшія цѣли къ которымъ слѣдуетъ стремиться». Оказывается, что вмѣсто всего этого мы проповѣдуемъ національный фанатизмъ, и замышляемъ ославянить всю Европу, и въ то же время обрусить всѣ славянскія племена и Нѣмцевъ.

Постараемся воспользоваться этими благими наставленіями *Кельнской Газеты*, цитующій противъ насъ *Рижскую Газету*; перестанемъ вращаться въ отрицаніи, перестанемъ кокетничать со славянскими древностями, займемся насущнымъ хлѣбомъ, будемъ вести нашъ народъ къ общечеловѣческой культурѣ, будемъ устранять препятствія и ставить цѣли. Но мы позволимъ себѣ замѣтить нашимъ кельнскимъ наставникамъ, цитующимъ *Рижскую Газету*, что доставленныя имъ указанія и свѣдѣнія не совсѣмъ точны. Мы знаемъ только то, что въ предѣлахъ Русскаго государства была рѣчь о германизаціи и о принятіи дѣятельныхъ мѣръ къ тому; мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ русскихъ областяхъ бываетъ не только не выгодно, но и не безопасно признавать себя Русскимъ; мы знаемъ также, что недавно у насъ въ Россіи была полемика о томъ позволительно ли желать, чтобы граждане Русскаго государства признавали себя Русскими, и полагавшіе что въ этомъ нѣтъ ничего не позволительнаго кажется не убѣдили своихъ противниковъ, но сами замолкли, должно-быть убѣжденные ихъ доводами.

Но чтобъ оцѣнить весь комизмъ представляемый нѣмецкою газетой, укоряющею русское общество въ національномъ

фанатизмѣ и въ завоевательныхъ замыслахъ,—чтобы вполнѣ оцѣнить весь грубый цинизмъ этого явленія, стóитъ только вспомнить объ этихъ оргіяхъ подъ знаменемъ національности которыя разыгрываются въ настоящее время въ Германіи,— стóитъ только вспомнить, что именно въ настоящую минуту, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, происходитъ почти безпримѣрный по своей несправедливости захватъ у слабаго государства его исконной области, потому только что тамъ когда-то поселилось нѣсколько тысячъ выходцевъ изъ Германіи!

VIII.

20-го іюля.

Въ № 26 *Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* (отъ 27-го іюня) напечатано извѣстіе, что въ половинѣ прошлаго мая крестьянинъ деревни Аверинской, Глазовскаго уѣзда, Трифонъ Дебринъ, былъ наказанъ въ волостномъ правленіи розгами за неплатежъ податн. Съ тѣхъ поръ Дебринъ тяжко заболѣлъ и чрезъ двѣ недѣли, 31-го мая, умеръ. По офиціальному донесенію, волостное правленіе опредѣлило наказать Дебрина *только десятью ударами*, но,—не безъ сарказма замѣчаетъ вятская газета.—«видно столь сильно было усердіе исполнителей этого опредѣленія, что и десяти ударовъ не могла вынести крѣпкая, привычная къ розгѣ, мужицкая натура»... Случайно въ томъ же № *Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, на той же страницѣ, помѣщено извѣстіе о судебномъ приговорѣ другаго рода. Во второй половинѣ іюня, въ Вяткѣ, публично объявленъ судебный приговоръ преступнику, осужденному на каторжную работу за *отцеубійство*. Этотъ случай, какъ всегда бываетъ, привлекъ многочисленную толпу народа на Верхній рынокъ, къ Александровскому собору, гдѣ былъ устроенъ эшафотъ для преступника. Въ массѣ народа было не мало такихъ, которые еще не были твердо увѣрены, что тѣлесное наказаніе уголовныхъ преступниковъ отмѣнено навсегда, и находились въ сомнительномъ ожиданіи, не появятся ли плети, и не будетъ ли душегубецъ

наказанъ по-старому. Многіе даже недоумѣвали, зачѣмъ взводятъ преступника на эшафотъ, если дѣло обойдется безъ казни, и вообще простой народъ остался крайне недоволенъ тѣмъ, что преступникъ *не былъ наказанъ по-старому*. «Вспороть бы его хорошенько», «вздуть бы ему спину-то», и тому подобные возгласы такъ и сыпались вокругъ эшафота и по дорогѣ, на возвратномъ пути осужденнаго. Мѣстная газета видитъ въ этихъ возгласахъ признакъ грубости народныхъ нравовъ и лишь нѣсколько оправдываетъ ихъ тѣмъ, что самый видъ преступника ни мало не говорилъ въ его пользу. Но возгласы народные, которые показались столь грубыми вятской газетѣ, могли происходить и изъ источниковъ другаго свойства. Въ нихъ могло сказаться и врожденное человѣку чувство справедливости, которое требуетъ правомѣрности въ наказаніяхъ и возмущается ея нарушеніемъ. Простому человѣку трудно понять, почему съ отцеубійцей слѣдуетъ обращаться «гуманнѣе» чѣмъ, напримѣръ, съ крестьяниномъ не уплатившимъ въ срокъ подати, можетъ-быть по болѣзни; почему не сѣкутъ отцеубійцу, когда въ волостныхъ правленіяхъ зачастую сѣкутъ порядочныхъ людей за ничтожные проступки и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что пока розга остается обычнымъ наказаніемъ въ повседневной крестьянской жизни, гуманная отмѣна тѣлеснаго наказанія въ нашемъ уголовномъ кодексѣ останется въ глазахъ народа непонятною мѣрой. Простой народъ въ Вяткѣ былъ недоволенъ тѣмъ, что отъ тѣлеснаго наказанія былъ освобожденъ отцеубійца, и громко заявлялъ свое неудовольствіе. Могло ли быть иначе? Простой человѣкъ не пишетъ проектовъ преобразованія обычнаго строя своей повседневной жизни; но когда предъ нимъ совершается явленіе въ которомъ онъ не можетъ не видѣть какъ бы предпочтенія отдаваемаго преступнику, убійцѣ, предъ людьми не утратившими ни стыда, ни совѣсти, ни человѣческаго достоинства,—чувство его невольно возмущается. Масса народа, люди не совершившіе никакихъ преступленій, не освобождены отъ тѣлеснаго наказанія (и безъ примѣра Дебрина очень хорошо извѣстно, что розга иногда не уступитъ плети): они могутъ подвергаться розгѣ по нѣскольку

разъ за такіе мелкіе проступки, отъ которыхъ не всегда можно остеречься, или за неаккуратность денежныхъ взносовъ, или даже по злобѣ кого-либо изъ сильныхъ крестьянскаго міра, такъ какъ волостные суды далеко не всегда отличаются справедливостью и самостоятельностью приговоровъ,—и въ то же время ни плеть, ни розга отнюдь не могутъ коснуться изверговъ, отцеубійцъ! Въ самомъ дѣлѣ, когда орудія тѣлеснаго наказанія изъяты изъ рукъ блюстителей правосудія,—членовъ высшихъ судебныхъ инстанцій, людей болѣе или менѣе образованныхъ,—слѣдуетъ ли оставлять розгу въ рукахъ грубыхъ представителей крестьянскаго управленія? слѣдуетъ ли видѣть только грубость нравовъ въ томъ, что народъ въ Вяткѣ песочувственно отнесся къ освобожденію отъ тѣлеснаго наказанія отцеубійцы, когда еще въ свѣжей памяти была у него тѣнь несчастнаго Дебрина?

Представителей нашей ультрапрогрессивной и quasi-гуманной печати повидимому нисколько не возмущаетъ печальная необходимость, вслѣдствіе которой розга остается доселѣ орудіемъ полицейской расправы, отъ котораго не обезпеченъ ни честный домохозяинъ, ни почтенный сѣдовласый отецъ семейства, если только принадлежитъ къ мѣщанскому или крестьянскому сословію; но посмотрите, какой гвалтъ подымутъ они, когда прослышатъ, что въ какой-нибудь школѣ высѣкли мальчишку! А между тѣмъ тѣлесное наказаніе въ дѣтскомъ возрастѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ и въ ограниченной мѣрѣ, признается необходимымъ въ цѣломъ мірѣ. Наши самозванные филантропы и не подозрѣваютъ, что тѣлесное наказаніе дѣтей нельзя даже и сравнивать съ тѣлеснымъ наказаніемъ взрослыхъ, что допущеніе перваго нисколько не постыдно и не предосудительно, тогда какъ существованіе втораго въ извѣстныхъ случаяхъ возмутительно. До какой степени извращенія понятій доходятъ иные прогрессисты по части юридической науки, можно судить по тому, что въ ихъ средѣ, при существованіи тѣлеснаго наказанія въ повседневной жизни податныхъ сословій, иногда слышится мысль о необходимости отмѣны тѣлеснаго наказанія для людей находящихся на каторгѣ въ случаѣ новыхъ проступковъ и преступленій. Въ то время когда простой полицейскій

проступокъ, грубое слово, даже недоимка, могутъ подвергнуть позорному наказанію человѣка принадлежащаго къ гражданскому обществу,—грабитель, душегубецъ, отцеубійца, кровосмѣситель, люди извергнутые изъ общества, опозоренные судомъ и сосланные на каторгу, за совершаемые ими вновь на каторгѣ проступки и преступленія, въ силу этихъ филантропическихъ ученій, должны подвергаться только аресту и другимъ тому подобнымъ наказаніямъ, и лишь за повтореніе каторжникомъ преступленія ведущаго на каторгу онъ долженъ подвергаться—разстрѣлянію, наравнѣ съ дезертиромъ. По роду преступленія ведущаго къ разстрѣлянію, каторжникъ, въ силу этихъ ученій, долженъ быть поставленъ въ привилегированное положеніе наравнѣ съ воиномъ! По роду наказаній,—ему дается неизмѣримо лучшее положеніе чѣмъ всему народу, состоящему не изъ злодѣевъ и негодяевъ, а изъ честныхъ гражданъ! Такимъ образомъ совершеніе преступленій и злодѣйствъ должно освобождать преступника отъ тѣлеснаго наказанія, отъ котораго онъ не былъ освобожденъ до совершенія преступленія, должно давать ему тѣ же права, какія еще недавно давало только возведеніе въ дворянское достоинство!

Если необходимо оставить тѣлесное наказаніе розгой въ числѣ дисциплинарныхъ наказаній,—при крайне неудовлетворительномъ состояніи нашихъ остроговъ, только портящихъ арестантовъ, то намъ кажется, во всякомъ случаѣ, никакъ не слѣдуетъ предоставлять розгѣ тотъ просторъ, который данъ ей у насъ, никакъ нельзя оставлять ее въ тѣхъ рукахъ въ которыхъ она теперь находится. Не то возмутительно, что сѣкутъ, а то, кого сѣкутъ, за что, по чьему приговору. Есть грубыя натуры, на которыя уже ничто не дѣйствуетъ, кромѣ тѣлесной боли,—но существованіе подобныхъ натуръ отнюдь не можетъ служить доказательствомъ необходимости розги для всей массы народа, и притомъ за проступки и упущенія не изобличающіе ни дикости, ни разврата. А потому ни подъ какимъ видомъ нельзя оставлять право налагать тѣлесныя наказанія въ рукахъ волостныхъ судей, старшинъ и писарей. Военная дисциплина труднѣе всего могла бы обходиться безъ тѣлеснаго наказанія, но и въ отношеніи къ ней

найдено возможнымъ ограничить число случаевъ примѣненія розги, и только перечисленные въ разрядѣ штрафованныхъ могутъ подвергаться тѣлесному наказанію. Если такое ограниченіе не вредитъ даже строгой военной дисциплинѣ, то ужъ, конечно, примѣненіе его въ гражданской сферѣ отнюдь не можетъ повести къ вреднымъ послѣдствіямъ. Опредѣленіе закономъ тѣхъ случаевъ въ которыхъ можетъ быть присуждаемо тѣлесное наказаніе розгой (когда подсудимый, по роду вины, не можетъ быть приговоренъ къ каторжной работѣ или ссылкѣ, а содержаніе въ острогѣ было бы либо недѣйствительно, либо вредно для его нравственности) и предоставленіе права присуждать къ такому тѣлесному наказанію единственно суду, ввѣренному образованнымъ лицамъ,—вотъ истинно либеральныя и гуманныя мѣры, необходимость которыхъ указывается и жизнью, и самимъ ходомъ нашего новѣйшаго законодательства.

IX.

28-го іюля.

Съ нѣкотораго времени прямыя извѣстія изъ Польши получаются и нами, и другими русскими газетами все рѣже и рѣже, и по содержанію своему становятся все скуднѣе. Открытый мятежъ подавленъ; послѣднія его жертвы несутъ кару правосудія; опасности европейской войны, которою, казалось, готовы были намъ грозить изъ-за Польши, благополучно устранены; русскій патріотизмъ, который питался извѣстіями изъ Польши и о Польшѣ, своимъ появленіемъ на политическомъ поприщѣ уже успѣлъ сослужить свою службу, и корреспонденты повидимому думаютъ что въ немъ не имѣется больше надобности. Къ чему же было бы теперь утруждать вниманіе русской публики и озабочивать ее тѣмъ что дѣлается въ Польшѣ?

А между тѣмъ то что дѣлается или должно дѣлаться въ этой части владѣній Русской короны заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ людей и нуждается въ сильной поддержкѣ со стороны ихъ патріотизма. Устраненіе русской публики отъ обществен-

ныхъ дѣлъ и интересовъ было одною изъ главныхъ причинъ тѣхъ несчастій которыя постигли польскій край; оно было одною изъ главныхъ причинъ успѣшнаго развитія этой сѣти интригъ, которыя такъ поразительно обличились прошлогоднимъ мятежомъ, и которыхъ сила далеко еще не истощилась. Именно для предотвращенія этихъ бѣдствій, этихъ страшныхъ кровопролитій, этихъ казней, требуется чтобы русскіе люди съ неослабѣвающимъ участіемъ слѣдили за ходомъ польскихъ дѣлъ и громко заявляли неустрашимыя требованія русскихъ государственныхъ интересовъ.

На первомъ планѣ стоитъ теперь въ польскомъ краѣ реформа крестьянскаго быта, основанія которой опредѣлены въ указахъ 19-го февраля 1864 года, но выполненіе которой прежде всего зависитъ отъ мѣстнаго центральнаго управленія и мѣстныхъ дѣятелей. Эта реформа, вызванная самыми настоятельными потребностями мѣстнаго населенія, совершается—нельзя отрицать того—при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ для землевладѣльцевъ. Жалобы ихъ въ этомъ отношеніи громко раздаются въ иностранныхъ газетахъ, но нельзя также отрицать, что по большей части онѣ мало основательны. Такъ между прочимъ, въ одной корреспонденціи изъ Западной Пруссіи, напечатанной въ *National-Zeitung*, жалуются, что польскіе крестьяне не хотятъ идти въ работники къ прежнимъ панамъ своимъ. Но что же дѣлать, если паны успѣли такъ возстановить противъ себя прежнихъ своихъ рабочихъ? Наибольшее снисхожденіе, какое могло быть оказано въ этомъ случаѣ помѣщикамъ, заключалось въ дозволеніи со стороны намѣстника Царства Польскаго нанимать солдатъ для земледѣльческихъ работъ. Это дозволеніе уже подѣйствовало на пониженіе платы вольнымъ рабочимъ, которая съ 60 коп. разомъ упала до 30 коп., то-есть до платы получаемой солдатами. Далѣе этого идти невозможно.

Реформа крестьянскаго быта должна идти своимъ чередомъ, независимо отъ жалобъ и сѣтованій польскихъ землевладѣльцевъ и криковъ заграничной журналистики. Съ успѣшнымъ совершеніемъ ея связана честь Русскаго правительства, которое

уже не разъ было увлекаемо на ложный путь польскими интригами. Притомъ успѣшное совершеніе этой реформы обѣщаетъ дать преданное Россіи населеніе, простирающееся до 2½ милліоновъ, которое должно стать опорой общественнаго порядка. Въ одной нѣмецкой газетѣ, между прочимъ, предсказываютъ, что виды Русскаго правительства въ этомъ отношеніи не сбудутся, и что разчеты его на польскихъ крестьянъ окажутся невѣрными: они станутъ въ самомъ скоромъ времени не друзьями, а врагами Россіи, такъ какъ имъ даны права свыше всякой мѣры, и въ будущемъ окажется необходимость не расширять, а ограничивать ихъ. Невозможно не видѣть чрезвычайной серіозности того положенія въ которомъ находится теперь польское крестьянское дѣло. Требовавшееся обстоятельствами освобожденіе крестьянъ отъ обязанности уплачивать недоимки не могло не оставить по себѣ такихъ впечатлѣній, съ которыми необходимо будетъ бороться. Далѣе, какъ извѣстно, самоуправленіе въ гминахъ попало и не могло не попасть почти исключительно въ руки крестьянъ, мало способныхъ къ этому дѣлу. Вотъ слабыя стороны крестьянской реформы и вотъ ея главныя опасности. Отъ крестьянскаго самоуправленія нельзя вообще ожидать ничего серіознаго, и потому на него отнюдь нельзя нигдѣ полагаться, а въ польскомъ краѣ еще менѣе чѣмъ гдѣ-либо. Недостатки гминнаго самоуправленія должны быть покрываемы дѣятельностью правительства, и преимущественно дѣятельностью крестьянскихъ коммиссій, на которыя между прочимъ возложена обязанность разъяснять крестьянамъ истинный смыслъ указа объ устройствѣ ихъ быта и наблюдать за дѣйствіями сельскихъ солтысовъ и гминныхъ войтовъ. Отъ членовъ коммиссій, а также отъ уѣздныхъ начальниковъ зависитъ ослабить тѣ вредныя впечатлѣнія, о которыхъ упомянуто выше, и дать такое направленіе полицейской, административной и судебной дѣятельности новыхъ войтовъ и ихъ помощниковъ,—солтысовъ и лавниковъ,—которое согласовалось бы съ требованіями строгой справедливости и безпристрастія въ отношеніи ко всѣмъ обитателямъ гмины. Всякое недостойное популярничанье, всякое заискиванье въ крестьянахъ было бы, безъ

сомнѣнія, неумѣстно и вредно. Имъ даны важныя льготы и права; надлежитъ отъ нихъ требовать неуклоннаго выполненія ихъ обязанностей въ отношеніи къ казнѣ и къ частнымъ лицамъ. Требуется не потворство, а соблюденіе законности,—соблюденіе строгое, точное, не допускающее ни тѣни произвола въ какую-либо сторону. Вотъ лучшее средство избѣжать всѣхъ опасностей.

Но дѣло не можетъ ограничиться одною крестьянскою реформой. Корреспонденты нѣмецкихъ газетъ справедливо указываютъ на то, какое вредное вліяніе можетъ имѣть польское римско-католическое духовенство на этихъ новыхъ полноправныхъ гражданъ. Римская церковь въ польскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ требуетъ коренныхъ преобразованій во главѣ и въ членахъ, какъ говорилось въ старину. *Во главѣ:* необходимо измѣнить свойство и форму отношеній Русской державы къ власти римскаго первосвященника и вмѣстѣ свѣтскаго государя: *въ членахъ*: самый составъ духовенства долженъ подвергнуться измѣненію и очищенію. Необходимость того и другаго очевидна послѣ извѣстнаго всѣмъ образа дѣйствій Римской куріи и того положенія которое избрало для себя римско-католическое духовенство во время мятежа и предшествовавшей ему агитаціи. Что именно предполагается сдѣлать въ этомъ отношеніи, объ этомъ въ нѣмецкихъ газетахъ сообщаются самыя противорѣчивыя свѣдѣнія. Въ аугсбургской *Всеобщей Газетѣ* недавно писали, будто бы Австріи удалось выхлопотать согласіе Русскаго правительства на прибытіе папскаго нунція въ Петербургъ. А съ другой стороны, нѣмецкія же газеты, почти хоромъ, сообщаютъ извѣстія имѣющія совершенно противоположный характеръ и согласныя съ ожиданіями общественнаго мнѣнія въ Россіи. Особенно упорно держится слухъ о предстоящемъ закрытіи въ Царствѣ Польскомъ многочисленныхъ монастырей, которые такъ ревностно служили дѣлу мятежа, и объ отобраніи въ казну принадлежащихъ имъ имуществъ. По словамъ *Познанской Газеты*, это уже окончательно рѣшенная мѣра. Изъемлются изъ нея только тѣ монастыри которые служатъ общеполезнымъ цѣлямъ: уходу за больными, воспитанію

юношества, и т. д. Монастырскія зданія и имущества, по словамъ той же газеты, за обезпеченіемъ ежегоднаго дохода на содержаніе монастырскихъ церквей, будутъ употреблены исключительно на дѣло народнаго образованія: на основаніе и содержаніе учительскихъ семинарій и народныхъ училищъ. Газета прибавляетъ, что монахи и монахини, буде окажутся способными, будутъ назначаемы въ учительскія должности, но если правда что многіе монастыри были главными средоточіями революціонной пропаганды, то эта послѣдняя мѣра, какъ намъ кажется, могла бы оказать лишь весьма вредное вліяніе на духъ молодыхъ людей, которые будутъ воспитываться подъ непосредственнымъ вліяніемъ учителей и учительницъ взятыхъ изъ этихъ разсадниковъ святотатственнаго взгляда на религію какъ на средство заглушать въ людяхъ нравственный законъ.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ дѣло не можетъ быть оставлено въ прежнемъ положеніи. Православіе, въ чистомъ его видѣ и въ видѣ уніатства, не будетъ уже, конечно, въ загонѣ въ польскомъ краѣ, какъ было прежде, когда даже вызванные изъ Галиціи уніатскіе священники, русскаго происхожденія, вслѣдствіе гоненій отъ римско-католическаго духовенства, принуждены были возвращаться во-свояси. Настоящее время, какъ намъ случалось слышать отъ людей свѣдущихъ и ознакомившихся на мѣстѣ съ настроеніемъ умовъ, какъ нельзя болѣе благопріятно для допущенія тамъ свободы вѣроисповѣданій. Насъ увѣряютъ, что римско-католическіе ксендзы своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ шляхетскомъ мятежѣ такъ уронили себя въ глазахъ католическаго крестьянскаго населенія, что религіозная свобода непремѣнно обратилась бы въ пользу православія. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, говорятъ, было очень много случаевъ перехода изъ латинства въ православіе. Бывали ли эти переходы слѣдствіемъ искренняго убѣжденія или разчетовъ, это—дѣло совѣсти каждаго. Со стороны власти было бы достаточно не принуждать и не переманивать католиковъ на сторону православія какими-либо внѣшними преимуществами; но было крайне несправедливо и противно интересамъ государства затруднять переходъ въ господствующую церковь. Даже

съ чисто-государственной точки зрѣнія, на приращеніе паствы православной церкви никакъ нельзя смотрѣть какъ на дѣло второстепенной важности, если наша внутренняя политика должна имѣть національно-русское направленіе.

Въ системѣ народнаго просвѣщенія въ польскомъ краѣ, по извѣстіямъ тѣхъ же нѣмецкихъ газетъ, также предполагаются важныя и существенныя перемѣны. Въ начальныхъ народныхъ училищахъ, а равно и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ пишутъ нѣмецкіе корреспонденты, предполагается сдѣлать русскій языкъ для всѣхъ обязательнымъ, и нѣмецкіе корреспонденты не сомнѣваются, что, при составѣ администраціи изъ русскихъ чиновниковъ, эта мѣра будетъ сопровождаться полнымъ успѣхомъ. Единоплеменность Русскихъ и Поляковъ и сочувствіе польскихъ крестьянъ къ русскимъ властямъ даютъ, дѣйствительно, право предполагать, что знаніе русскаго языка можетъ быстро распространяться въ польскомъ краѣ. Не надобно притомъ забывать, что довольно значительная часть народонаселенія въ Царствѣ Польскомъ состоитъ изъ Русскихъ и уніатовъ, и что русскій элементъ можетъ найти себѣ сильную поддержку въ старообрядцахъ, которые, при религіозной свободѣ, получили бы значеніе могущественнаго аванпоста русской народности въ Царствѣ Польскомъ.

X.

29-го іюня.

Не взирая на все то, что въ послѣдніе два года писано о дѣлахъ западнаго края, не взирая на всѣ сдѣланныя оглашенія тамошнихъ махинацій противъ русской народности, многія частности продолжаютъ открываться еще до сего времени, и мы все болѣе и болѣе узнаемъ какъ мы были слабы и беззащитны въ этомъ краѣ, пока наконецъ очевидная опасность не раскрыла намъ глазъ. Дѣло о сооруженіи и поддержкѣ православныхъ церквей можетъ служить образчикомъ. Извѣстно, что забота объ устройствѣ и поддержкѣ церквей возложена зако-

номъ на самихъ прихожанъ, которые, при недостаточности своихъ средствъ, прибѣгаютъ къ общественной благотворительности, безъ всякаго, въ большинствѣ случаевъ, пособія отъ правительства. На счетъ казны отнесено устройство только тѣхъ церквей которыя находятся въ исключительныхъ условіяхъ. Законъ этотъ общій для всей Имперіи, но приложеніе его оказалось невозможнымъ въ губерніяхъ западныхъ. Бѣдность сельскихъ церквей въ имѣніяхъ принадлежавшихъ на крѣпостномъ правѣ, большею частію, иновѣрнымъ помѣщикамъ до того была велика и такъ повсемѣстна, что еще въ 1831 году правительство было вынуждено нарушить свое невмѣшательство въ дѣла церковнаго благоустройства и рѣшилось принять въ западномъ краѣ особыя мѣры. Вслѣдъ за усмиреніемъ возстанія 1831 года устройство церквей въ казенныхъ имѣніяхъ Кіевскаго генералъ-губернаторства начато было правительственными средствами, а помѣщиковъ того края повелѣно было *пригласить* къ построенію и починкѣ православныхъ церквей. По возсоединеніи уніатовъ это приглашеніе было распространено и на остальныя губерніи западнаго края. Распоряженіе это было принято какъ вопіющее насиліе. Мѣстные помѣщики были, какъ извѣстно, католики: съ какой же стати, говорили они, заботиться имъ о поддержаніи иновѣрческихъ для нихъ церквей? Это было однакожь прямымъ послѣдствіемъ ихъ помѣщичьяго права. Такъ какъ весь трудъ, вся живая сила въ ихъ имѣніяхъ принадлежала имъ, равно какъ и вся выгода отъ этой живой силы, такъ какъ законъ возлагалъ за это на помѣщиковъ и попеченіе о матеріальныхъ и нравственныхъ нуждахъ подвластныхъ имъ крестьянъ, то кому же какъ не имъ принадлежало и попеченіе о духовныхъ нуждахъ крѣпостнаго сословія? Но помѣщики видѣли въ осуществленіи Высочайшей воли упроченіе въ той странѣ православія и потому не только не отозвались на призывъ Государя, а, напротивъ, старались отклонить отъ себя устройство церквей, подъ разными предлогами, которые мудрено назвать иначе какъ насмѣшками. Напримѣръ: одинъ значительный по состоянію помѣщикъ въ данной имъ подпискѣ назначилъ на окраску пола своей сельской церкви 8 лѣтъ; другой

въ 1839 году обязался исправить въ своемъ имѣніи церковь въ 4 года, съ тѣмъ чтобы начать работы съ 1869 года; нѣкоторые назначили для постройки небольшой деревянной церкви срокъ 25 лѣтъ и т. п. Разумѣется, церкви, оставаясь такимъ образомъ безъ поддержки, годъ отъ года приходили въ бо́льшую ветхость. Крестьяне дѣлали что̀ могли, но велики ли были средства крѣпостныхъ крестьянъ, особенно подъ польскимъ управленіемъ?

Видя безуспѣшность *принужденія* помѣщиковъ поддерживать разрушающіяся церкви, правительство въ 1852 году вмѣнило имъ эту поддержку въ *обязанность*. Но и эта мѣра имѣла не болѣе успѣха.

Въ двадцатисемилѣтній періодъ времени (съ 1841 по 1858 годъ) безполезнаго убѣжденія помѣщиковъ, пришло въ обветшаніе и наконецъ въ совершенное разрушеніе въ девяти западныхъ губерніяхъ до 3.000 церквей; было исчислено, что для возстановленія и исправленія всѣхъ этихъ обрушившихся и обрушавшихся храмовъ потребно было бы до 6.000.000 рублей. Между тѣмъ предпринято было освобожденіе крестьянъ, вмѣстѣ съ которымъ изчезало и самое право требовать отъ помѣщиковъ поддержанія православныхъ церквей. Оставалось одно изъ двухъ: либо, на общемъ основаніи закона, предоставить ихъ окончательному разрушенію, либо поддержать ихъ посредствомъ какихъ-нибудь особыхъ мѣръ. Теперешній завѣдующій устройствомъ православныхъ церквей въ западномъ краѣ П. Н. Батюшковъ, лично знакомый съ этимъ краемъ, составилъ въ 1858 году записку, которая изображала картину, для многихъ въ то время совершенно новую и тѣмъ болѣе поразительную. Дѣло было найдено столь серіознымъ, что тогда же, несмотря на финансовыя затрудненія, ассигновано $1^1/_2$ милліона руб. сер. изъ государственнаго казначейства, для возобновленія на первый разъ храмовъ въ Бѣлоруссіи, наиболѣе нуждавшихся въ помощи. Надзоръ за употребленіемъ ассигнованныхъ суммъ былъ порученъ мѣстнымъ губернаторамъ, и въ помощь имъ даны люди не принадлежавшіе къ губернской чиновной іерархіи, но побуждаемые внутреннимъ чувствомъ содѣйствовать пред-

принятому дѣлу. Такіе люди выбраны были преимущественно изъ числа офицеровъ генеральнаго штаба и инженеровъ, какъ болѣе или менѣе знакомыхъ со строительнымъ дѣломъ. Требовалось, чтобъ они лично осмотрѣли всѣ церкви края, ознакомились съ мѣстными условіями и средствами, изыскали способы для возможно болѣе дешеваго и удобнаго заготовленія матеріаловъ и найма рабочихъ. Кромѣ того, необходимо было, чтобъ эти довѣренные люди, своимъ безукоризненнымъ образомъ дѣйствій, умѣли устранить поводъ къ притязаніямъ владѣльцевъ имѣній, гдѣ устраиваются церкви, и избѣжать столкновеній съ лицами имѣющими прямое или косвенное участіе въ дѣлѣ. Зная лично нѣкоторыхъ изъ выбранныхъ для этого дѣла людей, и имѣя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ всѣхъ, мы имѣемъ основанія думать, что сдѣланный выборъ былъ вообще удаченъ. Вотъ въ чемъ состоятъ эти дѣйствія:

По свѣдѣніямъ собраннымъ въ 1859 и 1860 годахъ официальнымъ (свѣтскимъ и духовнымъ) путемъ, православныхъ приходскихъ храмовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ считалось:

Въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края:	
Виленской	106
Гродненской	220
Ковенской	3
Витебской	206
Могилевской	496
Минской	520
	1551.
Юго-западнаго края:	
Волынской	1.066
Подольской	1.170
Кіевской	1.044
	3.280.
а всего	4.831.

Всѣ эти церкви слѣдовало осмотрѣть, привести въ извѣстность степень ихъ ветхости и за тѣмъ опредѣлить, которыя изъ нихъ должны быть замѣнены новыми и которыя требуютъ лишь исправленій, болѣе или менѣе значительныхъ. Наконецъ

требовалось рѣшить, въ какой мѣрѣ необходимо содѣйствіе правительства при исполненіи этихъ работъ. За этими предварительными развѣдками должны были слѣдовать самыя работы. Результаты этихъ развѣдокъ и работъ были слѣдующіе:

а) По Могилевской губерніи, до 1864 года, осмотрѣно 473 церкви и 311 изъ нихъ предназначены къ возобновленію на счетъ казны. Въ этомъ числѣ предположено возвести новыхъ каменныхъ 17 и деревянныхъ 75; остальныя 216 предположены къ капитальнымъ передѣлкамъ или къ починкѣ. 250 уже отстроены окончательно; по 44 работы должны быть окончены въ текущемъ году.

б) По Витебской губерніи осмотрѣно 183 церкви и осталось осмотрѣть 23. Изъ числа первыхъ предназначено возобновить на счетъ казны 146, въ томъ числѣ построить новыхъ: каменныхъ 3 и деревянныхъ 27, а въ 116 произвести капитальныя передѣлки и исправленія. Въ настоящее время отстроено новыхъ 11 и исправлено 55; по прочимъ работы продолжаются.

в) По Минской губерніи осмотрѣны 191 церковь, остается осмотрѣть 244. Изъ осмотрѣнныхъ церквей предположено устроить новыхъ: каменныхъ 15 и деревянныхъ 58, къ капитальной передѣлкѣ и къ починкѣ назначено 88, всего 161. Изъ этого числа отстроено окончательно 33; по остальнымъ работы производятся.

г) По губерніямъ, собственно такъ называемымъ Литовскимъ, общихъ распоряженій не сдѣлано, за недостаточностью ассигнованнаго капитала (1½ милліона); по частямъ же, въ продолженіи пяти лѣтъ, оказаны въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣкоторыя пособія.

Во второй половинѣ 1863 года найдено необходимымъ распространить на счетъ особаго источника правительственныя дѣйствія по постройкѣ церквей и на юго-западный край, куда въ то же время командированы офицеры генеральнаго штаба. Въ теченіи прошлаго лѣта, они успѣли осмотрѣть въ Подольской губерніи—112 и въ Волынской 155 храмовъ. Нынѣ сдѣланы уже распоряженія къ открытію работъ по устройству этихъ церквей и отпущены необходимыя на то суммы. Что

касается до Кіевской губерніи, то въ нее командированъ офицеръ лишь въ недавнее время.

Таковы дѣйствія по постройкѣ сельскихъ храмовъ. Независимо отъ того предполагается приступить къ сооруженію Житомірскаго каѳедральнаго собора, обрушившагося въ 1853 году. Будетъ приступлено также и къ устройству тѣхъ соборныхъ уѣздныхъ храмовъ, гдѣ, по различнымъ соображеніямъ, это будетъ признано наиболѣе необходимымъ. Если къ этому присоединить многочисленныя постройки предпринятыя по распоряженію генерала Муравьева, то можно надѣяться, что черезъ нѣсколько лѣтъ западный край не будетъ имѣть причины завидовать въ этомъ отношеніи остальной Россіи. Можетъ ли однако на все это достать ассигнованныхъ изъ государственнаго казначейства суммъ? Очевидно, нѣтъ, и указать на это тѣмъ болѣе необходимо, что возведеніемъ или поновленіемъ церковныхъ построекъ не исчерпываются еще церковныя нужды западнаго края.

Почти всѣ бывшія уніатскія, нынѣ православныя, церкви нуждаются въ утвари и церковныхъ книгахъ. Со времени уніи въ нихъ сохранились образа святыхъ непризнаваемыхъ ею, аллегорическія изображенія и портреты папъ, не причисленныхъ и латинскою церковью къ лику святыхъ; конфессіоналы, баптистеріи, монстранціи, колокольчики въ алтаряхъ. Но на ряду съ этимъ лишнимъ, почти ни въ одномъ храмѣ до послѣдняго времени не было полной богослужебной утвари и облаченій: въ Волынской губерніи ни одна церковь не имѣла полнаго круга священныхъ книгъ. Вообще, въ утвари и другихъ предметахъ нуждаются, по свѣдѣніямъ собраннымъ офиціальнымъ путемъ, 2.076 церквей.

Удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, даже при помощи значительныхъ суммъ, взысканныхъ съ имѣній замѣшанныхъ въ возмущеніи помѣщиковъ, весьма трудно. Вотъ почему разрѣшенъ былъ, съ Высочайшаго соизволенія, сборъ добровольныхъ приношеній, сперва въ пользу храмовъ бѣлорусскихъ, а потомъ юго-западныхъ и литовскихъ, о чемъ въ свое время было объявлено въ нашей газетѣ. Первыми жертвователями были

Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ и члены Императорскаго Дома, пожертвовавшіе значительныя суммы на устройство и пополненіе ризницъ. Слѣдуя Царскому примѣру, высшее духовенство, нѣкоторые монастыри и церкви, и частныя лица сдѣлали столь значительныя приношенія, что въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ наиболѣе нуждавшіеся храмы получили все необходимое для безостановочнаго богослуженія, и многія церкви даже съ избыткомъ надѣлены дорогими иконами и священною утварью, которыя навсегда останутся памятникомъ сочувствія Россіи къ духовнымъ нуждамъ западнаго края. (Слѣдуетъ подробное перечисленіе пожертвованій).

Но эти приношенія имѣли нѣкоторымъ образомъ характеръ частный. Въ нихъ принимали участіе лишь немногія лица. Между тѣмъ дѣло которое вызвало эти приношенія должно имѣть значеніе общаго, всероссійскаго дѣла; въ немъ слѣдуетъ принять участіе всему Русскому народу. Съ этою цѣлію въ настоящемъ году, какъ нашимъ читателямъ извѣстно, съ Высочайшаго разрѣшенія, сдѣлано по всей Имперіи приглашеніе къ пожертвованіямъ для необезпеченныхъ еще церквей и для устройства находящихся при нихъ поселянскихъ школъ. Какъ откликнулась Россія на это приглашеніе? Мы слышали, что по 1-е іюня на имя г. Батюшкова поступило до 17.000 рублей, независимо отъ пожертвованій которыя разрѣшено принимать губернаторамъ. Впрочемъ обо всѣхъ поступающихъ тѣмъ или другимъ путемъ пожертвованіяхъ будетъ оглашаемо во всеобщее свѣдѣніе, равно какъ и о данныхъ этимъ пожертвованіямъ назначеніяхъ. Мы со своей стороны считаемъ нужнымъ упомянуть, что при распредѣленіи суммъ поступающихъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ оно придерживается воли жертвователей и нѣкоторымъ изъ нихъ даетъ назначеніе собственно на церковныя нужды, другія же обращаетъ въ пособіе школамъ, содержимымъ духовными лицами. Такъ, напримѣръ, для бѣднѣйшихъ приходовъ Минской епархіи, оно отпустило въ распоряженіе минскаго преосвященнаго изъ суммъ пожертвованныхъ частными лицами 5.000 руб. Кромѣ того, оно отправило въ западный

край до 50.000 экземпляровъ книгъ, отчасти пожертвованныхъ Государынней Императрицей и частными лицами, а отчасти пріобрѣтенныхъ на пожертвованныя деньги. Книги эти распредѣлены между 1.029 школами губерній: Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Ковенской, Полтавской и Волынской.

Наконецъ изъ пожертвованныхъ же суммъ выданы значительныя пособія нѣсколькимъ братствамъ западнаго края, которыя пожелали принять на себя исправленіе своихъ храмовъ. Вообще гдѣ находятся въ числѣ братчиковъ лица пользующіяся общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, тамъ употребленіе пособій и исполненіе строительныхъ работъ поручается прямо этимъ лицамъ.

Таковъ ходъ и характеръ дѣла, которое, независимо отъ чисто благочестиваго своего значенія, имѣетъ и огромное значеніе политическое. Эти милліоны переходшіе, и другіе, которые, надѣемся, перейдутъ еще изъ одной половины Россіи въ другую — самыя крѣпкія узы соединяющія ихъ между собою. Вспомнимъ, что связь религіозная послужила основаніемъ возвращенія западныхъ губерній въ лоно отечества; эта же связь въ настоящее время должна закрѣпить на вѣки единство и цѣлость Россіи.

XI.

30-го іюля.

Не безъ удивленія прочли мы передовую статью въ № 151 *Одесскаго Вѣстника*, въ которой говорится и объ украйнофилахъ, и о перенесеніи государственнаго центра тяжести съ сѣвера на югъ, и о г. Гогоцкомъ, и о другомъ нашемъ сотрудникѣ, и о насъ самихъ. Распутывать всю эту путаницу полусловъ мы, конечно, не станемъ, но остановимся надъ нѣкоторыми отдѣльными пунктами. Одесская газета не вѣритъ въ существованіе украйнофиловъ и считаетъ ихъ пуфомъ: не шутитъ ли она? Или она ничего не видала и не слыхала въ

послѣдніе два-три года? Но чѣмъ же вдругъ кольнуло ее? Что она вдругъ спохватилась теперь, и повторяетъ незавидный мотивъ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ? Если «Одесса славится (!) индифферентизмомъ въ національныхъ вопросахъ», и если *Одесскій Вѣстникъ* считаетъ себя органомъ тамошняго общественнаго мнѣнія, то зачѣмъ же и пускается онъ теперь въ дѣло въ которомъ не чувствуетъ себя компетентнымъ, зачѣмъ не остается въ сферѣ «торговаго космополитизма»? Съ плѣнительною наивностію *Одесскій Вѣстникъ* объявляетъ, что по увѣренію его корреспондентовъ ни въ Харьковѣ, ни въ Полтавѣ никто не слыхивалъ ни о чемъ подобномъ, а съ этими корреспондентами «рожденіе и воспитаніе позволило установить редакціи прочныя связи».

Мы не можемъ понять, откуда взяла одесская газета будто бы противники украйнофиловъ требовали исключительнаго для великорусскихъ уроженцевъ права покупки земель въ западныхъ губерніяхъ? Кто подшутилъ надъ нею, увѣривъ ее въ этомъ? За то и нельзя безъ улыбки прочесть ея восклицаніе: «Какъ будто уроженецъ Екатеринославской, Полтавской или Херсонской губерніи—не Русскій!» Смѣемъ увѣрить почтенную газету, что ни мы, ни наши сотрудники никогда не отнимали у Херсонцевъ, Екатеринославцевъ и Полтавцевъ имени Русскихъ, и что идея о «двухъ народностяхъ русскихъ» пущена въ ходъ отнюдь не нами. Мы никогда не хотѣли знать никакихъ Великоруссовъ и Южноруссовъ; ихъ выдумали именно тѣ противъ кого мы вооружаемся; для насъ же это не болѣе какъ географическій терминъ. Мы желали бы знать только Русскихъ, дорожащихъ единствомъ и процвѣтаніемъ Россіи. Повидимому и одесская газета того же самаго желаетъ: «Южная Россія, говоритъ она, неразрывно связана съ Сѣверною Россіей и ничего не заявляетъ противъ этой связи: таковъ существующій фактъ.» Ну, и слава Богу! Но въ такомъ случаѣ желательно бы знать, за что же эта газета прогнѣвалась на насъ и на нашихъ корреспондентовъ? Мы знали и всегда говорили, что южная Россія ничего не заявляетъ противъ своей связи съ сѣверною Россіей, что южная часть нашего народа не желаетъ быть особою

національностью и имѣть свой особый литературный и офиціальный языкъ. Но всѣмъ извѣстно, что есть люди которые усиленно и настойчиво хлопотали о томъ чтобы вопреки интересамъ и собственныхъ желаніямъ южной части Русскаго народа превратить ее въ особую національность, и, что всего важнѣе и въ чемъ вся сила дѣла, старались завлечь правительство въ такія мѣры которыя дѣйствительно должны были бы разорвать Русскій народъ на двѣ чуждыя и неизбѣжно-враждебныя одна другой части. Неужели вопросъ о мощеніи одесскихъ улицъ такъ поглотилъ вниманіе одесской газеты, что она не замѣтила въ чемъ заключались истинныя опасности украйнофильскихъ затѣй?

АВГУСТЪ.

I.

4-го августа.

«Народы, говорилъ недавно архіепископъ парижскій на праздникѣ лицея (гимназіи) *Louis le Grand*, становятся тѣмъ чѣмъ дѣлаетъ ихъ воспитаніе, и будущій гражданинъ обнаруживаетъ или заявляетъ себя уже въ ученикѣ. Что вы теперь, продолжалъ онъ, обращаясь къ воспитанникамъ лицея, тѣмъ же будете вы, съ небольшими перемѣнами, и въ послѣдствіи, по достиженіи вами зрѣлаго возраста, то-есть, вы будете или людьми способными къ самообладанію, къ самопожертвованію, къ дѣятельному и любвеобильному участію въ общихъ дѣлахъ, или наоборотъ, и во всякомъ случаѣ почти всегда творцами собственнаго благополучія или виновниками собственнаго несчастія.» Если читая эти слова вспомнить о нынѣшнемъ состояніи нашихъ воспитательныхъ и образовательныхъ заведеній, то по истинѣ станетъ и страшно, и больно за Россію и за воспитывающееся въ нихъ теперь поколѣніе. Духъ дисциплины, такъ необходимый для пріученія къ самообладанію, исчезъ изъ нихъ почти совершенно; о серіозныхъ занятіяхъ наукой нѣтъ почти и помину; благодаря господствующей системѣ поверхностнаго и безплоднаго многоученія и сообщенія взглядовъ и идей вмѣсто положительныхъ познаній, молодые умы пріучаются къ верхоглядству и къ самой пагубной запосчивости; безпрерывныя колебанія въ образѣ дѣйствій и въ правилахъ, которыми должны руководствоваться начальствующія лица и въ то же

время искать популярности въ ученикахъ, совершенно подрываютъ и разрушаютъ въ самомъ зародышѣ дѣло воспитанія. Твердыхъ преданій по учебной и воспитательной части у насъ не выработалось, а общія теоретическія начала, не говоря уже объ ихъ шаткости у насъ, безпрерывно отступаютъ назадъ предъ требованіями такъ-называемаго общественнаго мнѣнія, за которое принимаются обыкновенно случайныя заявленія отдѣльныхъ лицъ.

Общихъ улучшеній по этой части можно ждать только тогда, когда въ несомнѣнныхъ заявленіяхъ истиннаго общественнаго мнѣнія будетъ найдена твердая опора для веденія нашего образовательнаго и воспитательнаго дѣла; но уже и теперь сдѣланъ очень важный и рѣшительный шагъ впередъ: какъ слышно, вопросъ о серіозномъ или поверхностномъ ученіи въ нашихъ гимназіяхъ рѣшенъ, въ принципѣ, въ пользу серіознаго ученія, то-есть, ученія основаннаго на изученіи обоихъ классическихъ языковъ. Это рѣшеніе будетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія, если только общее начало, имъ принятое, будетъ вполнѣ осуществлено во всѣхъ подробностяхъ учебнаго плана нашихъ гимназій, если этому плану будетъ соотвѣтствовать исполненіе. Умственныя силы нашихъ учениковъ, такимъ образомъ, не были бы впредь ослабляемы этимъ несчастнымъ, ничему не научающимъ многоученіемъ; онѣ перестали бы теряться и разсѣиваться между множествомъ предметовъ, а напротивъ стали бы сосредоточиваться на серіозномъ усвоеніи основныхъ элементовъ всемірной цивилизаціи, на изученіи древнихъ языковъ съ ихъ литературами, и это изученіе, проходя широко черезъ всѣ классы, давало бы ученикамъ ту умственную зрѣлость и сосредоточенность, которыя необходимы и для самостоятельной дѣятельности въ жизни, и для плодотворной дѣятельности въ сферѣ какой бы то ни было науки. Какъ только краеугольнымъ камнемъ всего гимназическаго курса у насъ станутъ оба древніе языка въ своей неразрывной органической связи, тотчасъ же можетъ-быть окажется сокращеніе въ числѣ лицъ способныхъ поступить въ университеты; но за то и наша наука, и наша литература, и наша гражданственность приняли бы

болѣе серіозное и болѣе самостоятельное направленіе, и углубивъ въ своей почвѣ корни общеевропейскаго образованія, мы сами стали бы способны быть его двигателями.

Между тѣмъ какъ противники классическаго образованія у насъ старались увѣрить публику, что это образованіе уже отжило свой вѣкъ, и что оно еще держится въ видѣ исключенія изъ общаго правила, заодно со многими средневѣковыми предразсудками и учрежденіями, посмотрите какъ разсуждаютъ объ этомъ предметѣ въ Европѣ. 8-го августа, въ старомъ парижскомъ дворцѣ Сорбонны, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія и въ присутствіи архіепископа парижскаго, маршала Маньяна и членовъ всѣхъ парижскихъ факультетовъ, Французской Академіи и всего высшаго управленія народнаго просвѣщенія во Франціи, происходило ежегодное торжество раздачи наградъ за лучшія сочиненія ученикамъ столичныхъ и департаментскихъ гимназій (лицеевъ). На нынѣшній разъ торжество было торжествомъ классическаго образованія, благодаря прекрасной рѣчи, произнесенной министромъ народнаго просвѣщенія г-мъ Дюрюи, столь извѣстнымъ многими сочиненіями и учебными руководствами по части исторіи. Эта рѣчь имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что, по словамъ министра, она представляетъ собою «отчетъ странѣ, въ тѣхъ успѣхахъ которыя сдѣланы, и въ тѣхъ которыя слѣдуетъ сдѣлать, чтобъ оправдать довѣріе верховной власти и всей Франціи.»

Что же говоритъ французскій министръ народнаго просвѣщенія въ этомъ своемъ отчетѣ предъ лицомъ великой страны, которая вмѣстѣ съ Англіей и Германіей стоитъ во главѣ европейской цивилизаціи? Временный упадокъ классическаго образованія, бывшій слѣдствіемъ системы извѣстной подъ именемъ *бифуркаціи*, по словамъ его, «грозилъ преобразить великія классическія школы Франціи,—въ которыхъ дитя становится человѣкомъ, въ которыхъ умъ развертывается и возвышается вслѣдствіе своего соприкосновенія съ лучшими произведеніями человѣческой мысли и искусства, преобразить—во что-то безвѣстное, во что-то безъ чести и безъ имени.» Вотъ какъ назвалъ бы французскій министръ народнаго просвѣщенія то что-

мы величали до сихъ поръ гимназіями,—не реальными, а классическими гимназіями! Эти наши гимназіи, безъ греческаго языка и съ самыми жалкими остатками языка латинскаго, по его энергическому выраженію—школы безъ чести и безъ имени. Теперь намъ не такъ больно отнести эту обидную квалификацію къ нашимъ гимназіямъ, потому что уже рѣшено ихъ преобразованіе, которое дастъ имъ и честь, и имя.

Во Франціи эта *бифуркація*, которою такъ еще недавно плѣнялись нѣкоторые педагоги у насъ, которая, по словамъ французскаго министра, «поставляла юношей еще колеблющихся и малосвѣдущихъ въ необходимость дѣлать безвозвратный выборъ между науками внѣшняго и науками внутренняго міра и которая осуждала слишкомъ молодые умы на безплодныя въ этомъ незрѣломъ возрастѣ занятія естественными науками,»— во Франціи эта система имѣла самыя пагубныя послѣдствія. Въ своей рѣчи г. Дюрюи говоритъ, что онъ полюбопытствовалъ сравнить сочиненія заслужившія наградъ въ Сорбоннѣ, начиная съ 1830. Эти сочиненія распредѣлены были, по своему содержанію, между различными коммиссіями, и что же оказалось? Всѣ коммиссіи сошлись въ слѣдующемъ заключеніи: съ 1830 по 1840 происходили колебанія то вверхъ, то внизъ; съ 1841 по 1851 замѣтно значительное возвышеніе успѣховъ гимназическаго образованія по всѣмъ отраслямъ знанія; но съ 1852 по 1859, въ періодъ *бифуркаціи*, проявился общій упадокъ и не только по предметамъ имѣющимъ прямое отношеніе къ древнимъ языкамъ, но и по естественнымъ наукамъ, которыя думали особенно развить стѣсненіемъ классическаго образованія. Такъ справедливо, что для процвѣтанія самихъ естественныхъ наукъ необходима та умственная зрѣлость, которую даетъ серіозное классическое образованіе въ гимназіяхъ.

Эта система *бифуркаціи*, введенная въ 1852, окончательно и безвозвратно осуждена во Франціи: она пала, какъ выразился министръ, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ. Въ прошломъ году она была уничтожена уже въ шестомъ (считая снизу) классѣ гимназій, и осталась только для двухъ высшихъ; въ нынѣшнемъ году ожидаются свѣдѣнія отъ генеральныхъ инспекторовъ

о томъ, не слѣдуетъ ли уничтожить ее и для втораго класса, а министръ народнаго просвѣщенія самымъ энергическимъ образомъ высказался вообще противъ нея и въ пользу возможно-большаго упрощенія гимназическаго ученія и экзаменовъ на степень баккалавра (соотвѣтствующихъ нашимъ выпускнымъ изъ гимназіи экзаменамъ). «Что касается до меня, сказалъ г. Дюрюи, я желалъ бы свести всѣ установленныя испытанія на эту степень къ одному: ученики должны удостовѣрить экзаминаторовъ только въ томъ, что они съ успѣхомъ изучали древніе языки. Декретъ 1808 года ничего болѣе и не требовалъ. Можетъ-быть, продолжалъ министръ, у насъ было бы меньше баккалавровъ, что̀ вовсе не было бы зломъ; но за то они были бы гораздо лучше, что̀ было бы великимъ благомъ, и различныя управленія, для поступленія въ которыя требуется этотъ дипломъ, имѣли бы въ немъ полное для себя обезпеченіе. Каждый такой дипломъ свидѣтельствовалъ бы, что училищное вѣдомство даровало обществу умъ широко развернувшійся, который будетъ для него новою силой и новымъ богатствомъ».

На счетъ многоученія, которымъ такъ страдаютъ и наши гимназіи, г. Дюрюи высказался такъ: «Нѣкоторые умы, добросовѣстно изыскивавшіе истину, желали бы, чтобы воспитанникамъ нашихъ лицеевъ (гимназій) преподавали все что̀ въ природѣ или въ мірѣ промышленности представляется интереснаго, начиная съ привлекательныхъ подробностей нѣкоторыхъ наукъ и кончая любопытными пріемами нѣкоторыхъ отраслей производства. Но это требованіе обнаруживаетъ непониманіе возвышеннаго характера гимназическаго образованія; слѣдуетъ избѣгать безплоднаго многоученія, и идти гораздо болѣе въ глубину чѣмъ въ ширину. Будемъ тщательно устранять отъ нашихъ лицеевъ (гимназій) тѣ занятія которыя имѣютъ дѣло только съ памятью или удовлетворяютъ только любопытству, оставляя умъ въ томъ же положеніи въ какомъ они нашли его.»

Въ нынѣшнемъ году, по всему вѣроятію, *бифуркація* будетъ отмѣнена въ предпослѣднемъ классѣ лицеевъ. *La Presse* порицаетъ министра за излишнюю постепенность въ этой реформѣ. Къ спеціальнымъ школамъ, требуемымъ преимущественно военною

службой, молодые люди могли бы подготовляться въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а училищное вѣдомство должно имѣть въ виду только образованіе будущихъ людей науки. Неизвѣстность когда же наконецъ исчезнутъ послѣдніе остатки *бифуркаціи*, по словамъ *la Presse*, тяготитъ отцовъ семействъ. Послѣдній срокъ ей наступитъ повидимому въ 1866—67 учебномъ году. Министръ въ своей рѣчи предвозвѣстилъ ея конецъ. Наша Франція, сказалъ г. Дюрюи, не хочетъ принизить долу какъ Китай, гдѣ матеріальная цивилизація получила высокое развитіе, но гдѣ нѣтъ духа чистаго знанія. «Она хочетъ смотрѣть вверхъ, а потому мы сохранимъ за нашимъ *классическимъ* лицеемъ духъ чистаго знанія, служащій къ образованію возвышенныхъ и могущественныхъ умовъ, въ которыхъ нуждается наша страна, чтобъ идти впередъ, а прикладныя свѣдѣнія мы предоставимъ особымъ школамъ, въ которыхъ будутъ получать образованіе промышленники, земледѣльцы и торговцы». Слава Богу, что наконецъ и у насъ будутъ настоящія *классическія* гимназіи, такъ какъ и мы, не менѣе, если не болѣе Франціи, нуждаемся въ умахъ возвышенныхъ и могущественныхъ, чтобы дѣйствительно идти впередъ, а не празднословить о прогрессѣ.

Но есть ли хоть одна цивилизованная страна въ Европѣ которая не нуждалась бы въ такихъ умахъ и въ классическомъ образованіи, такъ могущественно содѣйствующемъ ихъ развитію? Кстати; вотъ недавнее циркулярное предписаніе прусскаго министра народнаго просвѣщенія. Въ немъ вмѣняется въ обязанность директорамъ гимназій въ отчетахъ за 1862, 1863 и 1864 годы обратить особенное вниманіе на то, въ какой мѣрѣ въ высшихъ классахъ гимназій развито чтеніе греческихъ и латинскихъ классиковъ, которое, по словамъ министра, не должно быть отрывочное, а должно живо вводить учащееся юношество въ духъ классической древности. Придавая надлежащую цѣну медленному (статарному) чтенію и критическому толкованію древнихъ авторовъ, а также и писанію греческихъ сочиненій, министръ желалъ бы съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы воспитанники

высшихъ классовъ какъ можно больше прочитывали изъ древнихъ классическихъ сочиненій.

Будемъ твердо надѣяться, что и для нашихъ дѣтей наступитъ, наконецъ, пора серіознаго, классическаго образованія, которое несомнѣнно окажетъ на нихъ благотворное вліяніе и въ нравственномъ отношеніи.

II.

7-го августа.

И французскіе, и нѣмецкіе публицисты преподаютъ намъ уроки политической мудрости. Кое-что имъ не нравится, кое-что имъ очень нравится у насъ: своими похвалами и своими порицаніями они повидимому желали бы проложить наилучшее русло теченію нашей политики. Нельзя достойно возблагодарить нашихъ доброжелателей за ихъ заботы о нашихъ дѣлахъ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ, новичкамъ въ европейской цивилизаціи, не худо прислушиваться къ урокамъ политической мудрости, выработанной европейскими народами и составляющей силу ихъ цивилизаціи. Мы не можемъ не принять къ полному свѣдѣнію такого могущественнаго факта какъ Европа съ ея цивилизаціей и системой ея государствъ,—Европа, въ составъ которой входитъ и Россія какъ одна изъ ея великихъ державъ; мы, конечно, всячески должны стараться ввести этотъ фактъ въ кругъ нашихъ понятій и овладѣть имъ. Но для этого намъ вовсе не требуется прислушиваться къ тому что говорятъ о насъ извѣстные или неизвѣстные господа на европейскихъ рынкахъ, вообще намъ требуется знать не столько то что говорится въ Европѣ, сколько то что въ ней дѣлается. Мало ли что говорится на свѣтѣ, а особенно въ Европѣ, гдѣ все говоритъ и все говорится? Если полезно отдавать себѣ отчетъ въ томъ что дѣлается на свѣтѣ и особенно въ томъ что дѣлается въ странахъ стоящихъ во главѣ цивилизаціи; если полезно и достойно изучать условія и законы существующаго, если такимъ изученіемъ просвѣщается и обогащается разумъ и пріобрѣтается

мудрость, то, наоборотъ, прислушиваться къ чужимъ толкамъ и подчиняться совѣтамъ, которые подаются кѣмъ попало со стороны, и опасно, и недостойно. О томъ чего стóятъ подобные совѣты сложенъ старый апологъ о крестьянинѣ, который выѣхалъ на рынокъ на ослѣ, а кончилъ тѣмъ, что взвалилъ себѣ осла на плечи.

Итакъ, намъ нечего знать что́ думаетъ такой-то господинъ Французъ или такой-то господинъ Нѣмецъ о наилучшей возможной политикѣ въ Россіи; но намъ, безъ сомнѣнія, интересно знать, какой политики слѣдуетъ въ своихъ дѣлахъ, напримѣръ, Франція или Пруссія. Французъ или Нѣмецъ, желающій поучать насъ, пусть укажетъ намъ на Францію, пусть укажетъ намъ на Пруссію. Слова сами по себѣ не имѣютъ никакой силы; слова почерпаютъ свою силу въ дѣлѣ. Поучительны не слова, поучителенъ примѣръ. Итакъ, пусть Французъ укажетъ намъ на Францію, пусть Нѣмецъ укажетъ намъ на свои германскія государства: мы можетъ-быть въ томъ или другомъ не согласимся съ ними, но мы поймемъ и оцѣнимъ ихъ искренность, мы поймемъ и оцѣнимъ честность ихъ слова. Впрочемъ, быть-можетъ, иностранный мудрецъ предлагающій намъ совѣты недоволенъ ходомъ дѣлъ въ своей странѣ? Быть-можетъ, путемъ свободнаго мышленія этотъ Французъ или этотъ Нѣмецъ дошли до такихъ воззрѣній, которыя несогласны съ ходомъ дѣлъ въ ихъ *респективныхъ* отечествахъ? Въ такомъ случаѣ, тотъ и другой поступятъ разумно, если прежде обратятся съ своими уроками къ собственному народу, и прежде попытаются переиначить политику собственной страны, а потомъ уже отнесутся къ краямъ отдаленнымъ и чуждымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не безсмысленно ли предполагать, чтобы Нѣмецъ сталъ хлопотать объ улучшеніи внутренней политики въ чужой странѣ, которой онъ не знаетъ и въ дѣлахъ которой не можетъ принимать непосредственное участіе, между тѣмъ какъ въ его собственномъ отечествѣ, тамъ гдѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ, гдѣ его слово можетъ имѣть практическое значеніе и силу, господствуетъ именно то самое что́ ему не нравится? Статочное ли дѣло, чтобы какой-нибудь нѣмецкій публицистъ, убѣжденный

въ несостоятельности и негодности національной политики вообще, сталъ ополчаться противъ ея развитія въ Россіи и оставался безмолвнымъ зрителемъ этого бѣдствія въ своемъ отечествѣ? Если же Нѣмецъ не только терпитъ, но и признаетъ за благо національную политику въ Германіи, а вооружается противъ примѣненія этой политики въ Россіи, то что́ же можетъ значить это какъ не то, что нашимъ совѣтчикамъ желательно или выгодно чтобы дѣла у насъ шли какъ можно хуже?

Какъ идутъ дѣла во Франціи, какъ идутъ дѣла въ Пруссіи? Обѣ эти страны, безспорно, принадлежатъ къ самымъ цивилизованнымъ, и примѣръ ихъ во всякомъ случаѣ очень интересенъ. Возможное ли дѣло, чтобы во Франціи или въ Пруссіи инородцы, вошедшіе въ государственную область этихъ странъ, оставались чужды господствующему народу, гордились этимъ отчужденіемъ и не желали имѣть съ нимъ ничего общаго? Извѣстно, что во Франціи есть цѣлыя области присоединенныя мечомъ и исконно заселенныя народомъ иного племени: такъ Лотарингія была страной исконно нѣмецкою, но извѣстно также, что во всей Франціи въ настоящее время нѣтъ народонаселенія болѣе французскаго, какъ потомки нѣмецкихъ обитателей Лотарингіи. Извѣстно, что Франція въ настоящее время владѣетъ значительною окраиной сплошь и рядомъ заселенною Нѣмцами и также присоединенною силою меча,—мы говоримъ объ Альзасѣ,—и извѣстно также, что хотя въ этой части Франціи еще держится въ простомъ народѣ искаженная нѣмецкая рѣчь, однако во Франціи нѣтъ болѣе ревностныхъ Французовъ какъ эти альзасскіе Нѣмцы, которыхъ ничѣмъ такъ нельзя оскорбить какъ названіемъ Нѣмцевъ. Любопытно вникнуть, почему альзасскіе Нѣмцы такъ гордятся званіемъ Французовъ, такъ стараются быть Французами, и дѣйствительно составляютъ живую и неотъемлемую часть Французскаго народа. Не потому ли это, что обѣ народности, и французская, и нѣмецкая, слишкомъ родственны между собою, слишкомъ созвучны по своему характеру? Нѣтъ, мы знаемъ, что это двѣ самыя антипатическія между собою народности, и что между французскимъ и нѣмецкимъ языками нѣтъ ничего общаго, также какъ нѣтъ

ничего общаго между французскимъ и нѣмецкимъ обычаемъ, какъ нѣтъ ничего созвучнаго между французскимъ и нѣмецкимъ характеромъ. Но можетъ-быть инородческій элементъ здѣсь принадлежитъ къ національности слабой и темной, къ племени лишенному культуры? Нѣтъ, нѣмецкая народность есть народность образованная и прогрессивная; своею культурой она не только не уступаетъ французской, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и превосходитъ ее. Быть-можетъ, порядки во Франціи были очень хороши и привлекательны? Нѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ этотъ край присоединенъ къ Франціи, порядки въ ней измѣнялись безпрерывно: значитъ не были хороши и привлекательны. Быть-можетъ французское общество, движимое личною и коллективною энергіей, употребляло всевозможныя усилія чтобы ассимилировать этотъ чуждый элементъ? Нѣтъ, французское общество никогда не отличалось самодѣятельностію, частною предпріимчивостію и силою колонизаціи; во Франціи, какъ извѣстно, все поглощалось правительственною организаціей, всегда и за все отвѣчало правительство, всегда и все дѣлалось правительственными способами. Въ фактѣ усвоенія нѣмецкихъ элементовъ французскому народу нисколько не участвовало то что называется свободною общественною дѣятельностію, въ отличіе отъ дѣятельности правительственной. Что же было виною этого полнаго сліянія съ французскимъ народомъ присоединенныхъ къ нему нѣмецкихъ народонаселеній? Что причиною тому, что альзасскій Нѣмецъ изо всѣхъ силъ бился и изо всѣхъ силъ бьется чтобъ уподобиться Французу и быть истымъ Французомъ? Причиною тому лишь одно обстоятельство, именно то, что нѣмецкія народонаселенія, вошедшія въ государственную область Французскаго народа, должны были естественно почесть своимъ отечествомъ Францію, должны были естественно признать себя Французами. Нѣмецкія народонаселенія, входя въ государственный составъ Франціи, ео ipso становились французскими, и правительство Франціи ничего другаго не сдѣлало какъ только признало этотъ фактъ во всей его истинѣ и силѣ. Къ своимъ новымъ подданнымъ оно отнеслось какъ къ Французамъ, и его новые подданные поспѣшили

сравняться съ Французами. Французское правительство не имѣло надобности притѣснять или насиловать ихъ: оно только не ставило ихъ въ исключительныя отношенія къ себѣ, и они сами собою стали Французами. Во Франціи смѣнялись всевозможныя формы правленія; Франція была и абсолютною монархіей, и республикой, и военною диктатурой подъ именемъ имперіи, и конституціонною монархіей съ династіей навязанною иностраннымъ вмѣшательствомъ, и конституціонною монархіей съ династіей вышедшею изъ революціи, и снова стала военною диктатурой: въ теченіе этого короткаго времени она пережила много переворотовъ, видѣла много торжествъ и паденій; но никогда, ни въ какомъ случаѣ, ни въ какомъ положеніи, ни при какой перемѣнѣ, Французское правительство, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось, не переставало быть французскимъ; какъ бы оно ни дѣйствовало въ другихъ отношеніяхъ, оно всегда дѣйствовало какъ правительство французское, и никогда не было ни бретонскимъ, ни альзасскимъ, и т. п., и не было также отвлеченнымъ не имѣющимъ никакой національности принципомъ власти. Оно считало бы для себя безславіемъ, еслибы въ томъ или другомъ положеніи оно могло показаться не французскимъ. И потомокъ Людовика Святаго на тронѣ Франціи, и счастливый солдатъ овладѣвшій французскою короной, и демагогъ, и конституціонный министръ, и каждый органъ власти сверху до низу правительственной іерархіи,—все что во Франціи имѣло какую-нибудь силу и долю вліянія, все всегда чувствовало себя французскимъ, все держало высоко знамя французской національности. А потому, и изъ новоприсоединенныхъ элементовъ все что хотѣло получить значеніе, все что хотѣло дѣйствовать и имѣть силу, старалось прежде всего о томъ, чтобы стать несомнѣнно французскимъ. Инородецъ здѣсь не хочетъ быть инородцемъ; онъ гордится званіемъ Француза, и чувствуетъ себя оскорбленнымъ и униженнымъ ужь конечно не тогда, когда его приравниваютъ къ господствующей народности, а напротивъ, когда между имъ и Французомъ дѣлается различіе. Въ своихъ новоприобрѣтенныхъ владѣніяхъ Франція не принимала какихъ-либо насильственныхъ мѣръ для покоренія или подавленія

инородческихъ національностей, не запрещала говорить и писать на нѣмецкомъ языкѣ въ Альзасѣ, какъ не запрещаетъ говорить и писать на италіянскомъ языкѣ въ Ниццѣ, какъ не запрещаетъ говорить и писать на какомъ угодно языкѣ во всѣхъ пунктахъ своей территоріи. Но за то она сама не хочетъ знать иного языка кромѣ французскаго, то-есть ея правительство не признаетъ на всей ея землѣ никакой другой народности кромѣ французской, ибо языкъ и народность одно и то же. Въ ея судахъ, въ ея администраціи, въ школахъ содержимыхъ правительствомъ, господствуетъ одинъ языкъ—французскій, то-есть, одна народность—французская. Только тѣмъ, что правительство Французское всегда было несомнѣнно и исключительно французскимъ объясняется эта могущественная сила уподобленія, которую Французскій народъ оказывалъ на всѣ чуждые элементы, входившіе въ его государственную область. Въ этомъ непзмѣнномъ національномъ свойствѣ Французскаго правительства заключается корень величія и славы этой страны, корень ея цивилизаціи и развитія. Этимъ свойствомъ искупаетъ она все то что̀ въ другихъ отношеніяхъ внутренняя политика ея представляла или представляетъ дурнаго и недостаточнаго. Эта непзмѣнная національность Французскаго правительства, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось, спасала Францію отъ всѣхъ бѣдъ: оно сообщило Французской націи ея несокрушимость. Франціи не нужно обнажать мечъ для того чтобъ удерживать за собою ту или другую область, какимъ бы племенемъ ни была заселена она первоначально. Франція, благодаря національности своей политики и полному уравненію предъ собою всѣхъ народонаселеній своей земли, никогда не знала язвы сепаратизма; при всѣхъ потрясеніяхъ и смутахъ, которымъ она подвергалась въ борьбѣ за власть между разными партіями, ни одна часть ея владѣній не стремилась отторгнуться отъ ней, никогда на ея окраинахъ не обнаруживалось ни малѣйшихъ признаковъ разложенія. Что̀ бы ни подвергалось спору въ этой странѣ, никогда, ни въ одной ея части не подвергалась спору французская національность. Французскіе порядки не всегда были хороши, и они часто измѣнялись при бо́льшихъ или мень-

шихъ потрясеніяхъ; но ни одна часть французскихъ владѣній не стремилась пріобрѣсти какое-либо исключительное отношеніе къ Французскому правительству, и тѣмъ отдѣлиться отъ Французскаго народа. Обитатели Альзаса, точно также какъ обитатели Бретани или Нормандіи, участвовали во всѣхъ событіяхъ постигавшихъ Францію, во всѣхъ переворотахъ, которые она испытывала; но вездѣ и всегда участвовали они какъ Французы, въ интересахъ цѣлаго. Никто не скажетъ чтобы Франція поступала жестоко относительно инородческихъ элементовъ, которые она присоединяла къ себѣ; напротивъ, она не дѣлала между ими и собою никакого различія, она принимала ихъ какъ своихъ дѣтей, и тѣмъ дѣйствительно дѣлала ихъ навсегда своими вѣрными дѣтьми. Новыя народонаселенія, входя органически въ составъ господствующаго народа, и совершенно усвоясь ему, вносили со собою новые творческіе элементы въ его жизнь, новыя особенности въ его геній, и такимъ образомъ служили къ обогащенію великой исторической національности, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ обогащенію всемірнаго прогресса. Съ другой стороны, эти присоединившіяся къ Франціи иноплеменныя народонаселенія, вступивъ разъ навсегда въ полное органическое единство съ Французскимъ народомъ, ставъ дѣтьми французской земли, ставъ Французами, избавились отъ того двусмысленнаго положенія, въ какомъ неизбѣжно должны находиться области механически присоединенныя къ государству, удерживающія свою инородческую національность, связанныя съ господствующимъ народомъ общею властію, но внутренно чуждыя ему, и обреченныя на мучительное чувство неполнаго существованія,—существованія отравленнаго, раздраженнаго, озлобленнаго. Всякой народности болѣе или менѣе свойственно стремленіе къ самостоятельному политическому существованію; всякая народность хочетъ имѣть свое правительство, свою власть, свое государство. Принадлежать къ государству другаго народа, не сливаясь съ нимъ внутренно и удерживая свою инородческую особенность,—такое состояніе столько же мучительно для инородцевъ, сколько опасно для государства къ которому они механически примкнуты. Историческій

жребій, присудившій одной національности войти въ государственную область другой, совершается хорошо, когда совершается рѣшительно; въ противномъ случаѣ, онъ превращается въ источникъ проклятій, страданій и бѣдствій. Еслибы присоединеніе одной народности къ государственной области другаго народа было сопряжено для нея съ страданіемъ и чувствовалось какъ бѣдствіе въ поколѣніи застигнутомъ катастрофой, то ни съ какой точки зрѣнія невозможно желать чтобъ эти страданія увѣковѣчились и простерлись на всѣ грядущія поколѣнія. Если жребій исторіи рѣшилъ присоединеніе какихъ-либо инородческихъ народонаселеній къ другому государству, то столько же въ интересѣ государства, сколько и въ интересѣ этихъ присоединенныхъ элементовъ, а равно и въ интересѣ человѣчества, требуется чтобы соединеніе было полное и искреннее. Живая историческая національность ни изъ чего другаго такъ не познается, какъ изъ силы органическаго уподобленія элементовъ вступающихъ въ сферу ея дѣйствія. Эта сила уподобленія, свойственная живой національности, главнымъ образомъ знаменуется національностью правительства, національностью его политики, которая не дѣлаетъ различія между какими-либо инородческими элементами и господствующимъ народомъ.

Главною причиной того рода бѣдствій которыя испытала Ирландія былъ духъ религіозной вражды, примѣшавшійся къ политикѣ, та ожесточенная и упорная борьба которую выдерживалъ въ Англіи протестантизмъ противъ папизма. Ирландія страдала потому что, вслѣдствіе религіозныхъ причинъ, ее упорно держали въ униженномъ и отчужденномъ состояніи. Но антагонизмъ ослабѣвалъ и терялъ значеніе по мѣрѣ того какъ исчезало различіе между подданными одной короны, призванными жить одною историческою жизнію. Призракъ особой національности порождался въ Ирландіи не воспоминаніями ея прошлой независимости; напротивъ, эти воспоминанія сами гальванизировались тѣмъ неполноправіемъ и униженнымъ состояніемъ, въ которомъ держала ее Англія, не давая ей слиться съ собою. Здѣсь мы видимъ примѣръ пагубной поддержки

національнаго чувства въ присоединенной странѣ уничиженіемъ ея предъ господствующею народностію; въ другихъ мѣстахъ мы можемъ видѣть примѣры подобной поддержки въ силу преимуществъ получаемыхъ предъ господствующею народностію присоединенными къ ея государственной области обрывками другихъ національностей. И та и другая система, полагая розни между господствующею народностію и присоединенными къ ней элементами, вредны и пагубны, съ тою только разницей, что система уничиженія представляетъ менѣе неблагопріятную перспективу въ будущемъ: она есть только выраженіе политики до излишества національной, и какъ все доведенное до излишества, наносящей вредъ самой себѣ; будучи злоупотребленіемъ религіозной страсти, какъ это было въ протестантской Англіи по отношенію къ католической Ирландіи, такое положеніе дѣлъ подлежитъ исправленію, и съ умиротвореніемъ возбужденныхъ страстей для угнетеннаго края наступаютъ лучшія времена.

Мы говорили о національной политикѣ Франціи: взглянемъ теперь на Германію. Въ Германіи національное чувство было ничтожно до той поры, пока ея государства не возобладали надъ иноплеменными элементами, и не усвоили ихъ германской народности. Пруссія главнымъ образомъ состоитъ изъ народонаселеній не германскаго племени, но ставшихъ безвозвратно нѣмецкими. Не только Восточная и Западная Пруссія, не только Силезія, но и Померанія и Бранденбургъ, гдѣ стоитъ столица Прусскаго королевства, все это было когда-то заселено разными славянскими и литовскими племенами, и самое имя Пруссіи есть имя той вѣтви литовскаго племени которая нѣкогда жила въ восточныхъ частяхъ этого королевства. Теперь этихъ славянскихъ и литовскихъ племенъ почти не существуетъ въ Пруссіи. Самая Познань, недавнее пріобрѣтеніе Пруссіи, стала уже почти нѣмецкимъ краемъ, и была бы окончательно нѣмецкимъ, еслибы не сосѣдство съ созданнымъ Россіей Царствомъ Польскимъ. Гдѣ дѣвались эти племена, заселявшія нѣкогда страны составляющія нынѣшнее Прусское королевство? Были ли тѣ иноплеменные люди которые обитали въ этихъ мѣстахъ посѣчены мечомъ или изгнаны жестокими побѣдите-

лями? Нѣтъ, всѣ эти народонаселенія остались на своихъ мѣстахъ, но власть, которая водворилась здѣсь, была власть нѣмецкой народности, и она оставалась такою не только въ отношеніи къ собственно нѣмецкимъ народонаселеніямъ, водворившимся вмѣстѣ съ нею въ этихъ странахъ, но равно и къ племенамъ славянскимъ и литовскимъ, сидѣвшимъ тутъ изначала. Мы не знаемъ въ какой мѣрѣ было тяжело этимъ племенамъ подчиниться чуждой, водворившейся между ними власти; но мы знаемъ, что массы нынѣ живущихъ потомковъ этихъ племенъ видятъ въ ней свою родную власть и чувствуютъ себя вполнѣ нѣмецкими. Въ цѣлой Германіи нѣтъ, безъ сомнѣнія, элементовъ болѣе нѣмецкихъ, чѣмъ обитатели Померанія, Бранденбурга и другихъ провинцій королевства Прусскаго, которыя въ прежнія времена были заселены не германскими народностями. Пусть взглянутъ на области самого Прусскаго королевства и сравнятъ духъ обитателей ея восточныхъ областей усвоенныхъ Германіи, съ духомъ обитателей ея западныхъ предѣловъ, искони германскихъ: въ этихъ послѣднихъ, на Рейнѣ, чувство германской народности несравненно слабѣе чѣмъ въ первыхъ,—и, конечно, не на Рейнѣ находится центръ тяжести германскаго могущества. Обитатели лѣваго берега Рейна были не далеки отъ того чтобы сдѣлаться Французами, а въ тѣхъ частяхъ Пруссіи гдѣ германская національность доказала свою энергію уподобленіемъ себѣ чуждыхъ племенъ преимущественно развился тотъ духъ который далъ германской народности высшее политическое значеніе. Еслибы на окраинахъ Германіи, въ силу уподобленія чуждыхъ элементовъ, не развился этотъ духъ, то германская народность оставалась бы въ томъ безсильномъ состояніи, лишенномъ чести и достоинства, о которомъ исторія даетъ еще столь недавнее свидѣтельство. Такъ справедливо, что сила органическаго уподобленія (которою въ высокой степени обладаетъ Русскій народъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его до-Петровская исторія) условливаетъ достоинство національности и даетъ ей мѣсто во всемірно-историческомъ развитіи!

Теперь спрашивается, что́ было бы съ этими окраинами нынѣшней Германіи, которыя въ прежнія времена были заселены чуждыми нѣмецкому корню племенами, что́ было бы съ этими странами, еслибы водворившееся въ нихъ германское начало не обладало достаточною ассимилирующею силой, другими словами, еслибы политика германской власти въ этихъ мѣстахъ не была достаточна національною? Сила ли была бы въ этихъ мѣстахъ, или напротивъ жалкое безсиліе, пагубное для Германіи и мучительное для чуждыхъ племенъ, захваченныхъ ею, но неусвоенныхъ ея духу и ея языку? Не представляли ли бы эти мѣста позорище безславія и страданій, позорище событій которыя обращались бы въ скорбь человѣчеству, въ ущербъ цивилизаціи, въ проклятіе для безчисленныхъ поколѣній людей? Попытайте теперь какого-нибудь *Herrn Wulkow*, то-есть г. Волкова, родомъ откуда-нибудь изъ Померапіи, то-есть изъ давняго славянскаго *Поморья*: вы найдете въ немъ кореннаго Германца, и ни въ одномъ изгибѣ его души вы не встрѣтите тѣни иной національности, которая отравляла бы его существованіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ отравляла бы и существованіе государства къ которому онъ принадлежитъ. За симъ спрашивается: лучше ли было бы, еслибы въ этихъ людяхъ прозябало чувство иной національности лишенной независимаго существованія и подчиненной чуждому правительству? Лучше ли было бы для живущихъ поколѣній, еслибъ они сохранили какую-нибудь связь съ народностями которымъ не было суждено существовать въ этихъ мѣстахъ самостоятельною жизнію? Лучше ли было бы, еслибы люди этихъ мѣстъ вели существованіе тѣней Ахеронта и томились жаждою ускользающей жизни? Лучше ли было бы, еслибы здѣсь всходила обильная жатва ненависти и измѣны явной или тайной? Лучше ли было бы это и для людей, и для государства? Могло ли бы это государство имѣть силу и процвѣтать? Было ли бы возможно въ немъ правильное и плодотворное развитіе гражданственности?

Въ Пруссіи признается только одна нація. Въ Австріи, напротивъ, мы видимъ изобиліе народовъ, и Австрійскій императоръ, обращаясь въ торжественныхъ случаяхъ къ своимъ

подданнымъ, также какъ и въ дипломатическихъ актахъ своего правительства, говоритъ не о народѣ своемъ, какъ императоръ Французовъ, или король Прусскій, а о «народахъ». Но Австрійскій императоръ дорого бы далъ, чтобъ имѣть возможность употреблять въ этомъ случаѣ единственное число вмѣсто множественнаго. Множественность націй составляющихъ государство есть элементъ его слабости, а отнюдь не силы. Австрія составилась изъ многихъ цѣльныхъ государствъ, которыя соединились въ теченіе времени подъ одною династіей, государствъ, когда-то бывшихъ могущественными и цвѣтущими; но несмотря на это и на то что германскій элементъ въ Австріи, сравнительно малочисленный, имѣетъ дѣло со многими иноплеменными государствами, несмотря на то, что Австрійская имперія считаетъ въ себѣ около тридцати пяти милліоновъ жителей, германскій элементъ, едва превосходящій семь милліоновъ, остается господствующимъ, объединяющимъ и на все налагающимъ свою печать. Несмотря на то что въ составъ Австріи входятъ, всею цѣлостію, такія государства, какъ королевство Венгерское, королевство Чешское, Венеція, бывшая когда-то славною республикой, и многія другія страны, которыя выработали и сохранили свою историческую индивидуальность, Австрійское правительство употребляетъ всѣ усилія, и употребляетъ ихъ не безъ успѣха, къ объединенію этихъ народностей въ духѣ и смыслѣ народности германской. Мы, Русскіе, вовсе не обязанные доброжелательствовать Пруссіи или Австріи, можемъ со своей точки зрѣнія желать, чтобъ эти усилія не увѣнчались успѣхомъ, и чтобы Германія не водворилась окончательно во всѣхъ подвластныхъ ей странахъ; но германское правительство Австріи не безъ основанія видитъ въ этомъ главное условіе для прочнаго существованія и развитія нынѣшней Австрійской имперіи. Оно заботится не о томъ, чтобы дать каждой изъ народностей входящихъ въ составъ имперіи возможно болѣе отдѣльное отъ нѣмецкой положеніе; напротивъ, всѣ усилія его направлены къ тому, чтобы собрать всѣ эти разнородные элементы по возможности воедино и сосредоточить ихъ вокругъ малочисленной, но господствующей націо-

нальности германской. И можетъ-быть, скажемъ не безъ нѣкотораго невольнаго чувства сожалѣнія, это удастся ему, и императоръ Австрійскій не будетъ въ печальной для него необходимости говорить о «своихъ народахъ».

Мы говорили о государствахъ европейскихъ, посмотримъ, какою политикой руководствовались и руководствуются правительства варварскія, и какъ идутъ дѣла въ государствахъ лишенныхъ внутреннихъ элементовъ силы и жизни. Когда-то мы сами были народностію угнетенною, завоеванною, находившеюся подъ чуждою властію. Когда-то надъ Русскимъ народомъ тяготѣло иго Монголовъ. Какою политикой руководствовалось правительство Золотой Орды? Оно высылало тучи саранчи на подвластныя ей страны; ея баскаки наѣзжали для собиранія дани; оно требовало внѣшней покорности, и карало ослушныхъ; оно принимало поклоны и приношенія вассальныхъ князей: но оно и понятія не имѣло о живыхъ силахъ національности; оно оставляло подвластные народы при ихъ особыхъ властяхъ, при ихъ языкѣ, при всѣхъ условіяхъ ихъ особеннаго быта; оно не помышляло о національной политикѣ въ отношеніи къ нимъ, потому что оно не знало и не понимало значенія какой бы то ни было національности, а того менѣе монгольской, потому что монгольскій народъ въ его рукахъ былъ только бичомъ Божіимъ: оно не чувствовало себя органомъ живой національности призванной къ созиданію и къ совершенію какого-нибудь историческаго призванія. Для насъ такое свойство монгольскаго правительства было обстоятельствомъ счастливымъ. Наши предки, подъ игомъ Монголовъ, не утратили своей народной самостоятельности, а напротивъ искусно пользуясь этою грубою и дикою силой, успѣли крѣпче сплотиться и собрать воедино свою разрозненную землю. Наши князья искусно вели свои дѣла, и временно покоряясь варварской ордѣ, улещая хановъ и ихъ совѣтниковъ, изъявляя имъ свою преданность и покорно исполняя всѣ ихъ прихоти, въ то же время собирали свои силы и готовили паденіе варварскаго царства, которое надъ ними тяготѣло.

Мы видимъ какъ въ цивилизованныхъ государствахъ Европы правительства стараются болѣе всего объединять свои владѣнія въ смыслѣ главной народности, и полагаютъ свое достоинство и торжество въ національности своей политики; но прогрессъ турецкій — иного свойства. «Больной человѣкъ», какъ мы видимъ, разлагается на свои составныя части, которыя были въ немъ механически связаны. Въ то время какъ могущественныя, призванныя къ жизни христіанскія государства Европы представляютъ собою цѣлыя индивидуальности, Турецкая имперія является осуществленіемъ того идеала о которомъ восторженно мечтаютъ нѣкоторые изъ нашихъ прогрессистовъ и къ которому хотѣли бы склонить насъ разные доброжелатели наши. Оттоманское правительство въ настоящее время служитъ лишь внѣшнею связью, соединяющею совершенно самостоятельныя государства.

Сила ли Турецкой имперіи выразилась въ томъ, что на ея окраинахъ образовались независимыя государства? Прогрессъ ли ея создалъ сначала Греческое королевство, а потомъ Сербское княжество и Румынію? Могущество ли оттоманской цивилизаціи и присущія ея правительству свойства великодушія, либеральности и гуманности выразились въ этой особаго рода ленной системѣ, въ этой особаго рода федераціи разныхъ государствъ, которыхъ все отношеніе къ Оттоманской имперіи состоитъ лишь во временномъ подчиненіи отвлеченному символу власти въ лицѣ великаго падишаха?

Къ какой же категоріи націй и государствъ хотѣли бы отнести насъ заграничные совѣтователи наши, радѣющіе о нашихъ пользахъ? Къ которому изъ этихъ двухъ прогрессовъ они хотѣли бы сопричислить насъ? Пусть они не разчитываютъ на наше слабоуміе и не говорятъ намъ о великодушіи, либеральности, гуманности и прогрессѣ; пусть они примутъ болѣе прямой способъ выраженія, который привыкли мы слышать отъ открытыхъ враговъ нашихъ, и просто скажутъ намъ: вы нація не призванная къ жизни; вы не нація, а орда; готовьтесь же уступить ваше мѣсто другимъ.

Но мы полагаемъ, что какъ друзья, такъ и болѣе откровенные враги наши ошибаются въ своихъ предположеніяхъ и сужденіяхъ. Ихъ вводятъ въ заблужденіе нѣкоторыя обстоятельства нашего недавняго прошедшаго, того громаднаго переворота который совершился у насъ въ началѣ прошедшаго столѣтія, въ смыслъ котораго они не имѣютъ побужденій вникнуть, и который оставилъ за собою множество недоразумѣній, еще висящихъ туманомъ надъ нашею жизнію. Но туманъ начинаетъ рѣдѣть, и съ каждымъ новымъ историческимъ мгновеніемъ мы все болѣе и болѣе освобождаемся отъ недоразумѣній, которыя вводятъ въ заблужденіе и своихъ, и чужихъ. Цѣли нашей внутренней политики обозначаются яснѣе, и она, на зло нашимъ совѣтодателямъ, будетъ принимать, съ Божіею помощію, все болѣе и болѣе національный, то-есть все болѣе и болѣе европейскій характеръ.

III.

8-го августа.

Въ №№ 119 и 120 *Московскихъ Вѣдомостей* (отъ 30-го и 31-го мая) мы обратили вниманіе нашихъ читателей на полемику нѣмецкихъ газетъ въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ о составѣ тамошнихъ сеймовъ,—полемику, въ которой *Dorpater Tagesblatt* (прекратившійся съ 20-го іюля вслѣдствіе недостаточнаго числа подписчиковъ, что, скажемъ кстати, не свидѣтельствуетъ о сочувствіи къ его направленію), высказался, наконецъ, въ такомъ смыслѣ, что «совокупное представительство городовъ и земства, *von Stadt und Land*, могло бы имѣть мѣсто, съ одной стороны, въ уѣздныхъ съѣздахъ, а съ другой, на общемъ сеймѣ трехъ провинцій». Хотя мысль объ общемъ сеймѣ трехъ прибалтійскихъ губерній уже не появлялась болѣе въ столбцахъ тамошнихъ нѣмецкихъ газетъ, тѣмъ не менѣе полемика о составѣ сеймовъ, и ближайшимъ образомъ лифляндскаго, продолжается съ прежнимъ жаромъ; какъ намъ кажется, она не лишена существеннаго интереса и для нашихъ читателей.

Земскіе сеймы губерній Курляндской, Эстляндской и Лифляндской, какъ съ этимъ согласна и *Рижская Газета*, далеко не то что дворянскія собранія въ нашихъ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, также далеко не то чѣмъ предположено быть нашимъ будущимъ губернскимъ земскимъ собраніямъ. Вотъ какъ *Рижская Газета* опредѣляетъ значеніе лифляндскаго сейма: «Лифляндскій сеймъ, вмѣстѣ съ городомъ Ригой (имѣющимъ свое особое устройство и самоуправленіе) одинъ является представителемъ провинціи предъ лицомъ правительства; онъ—хранитель тѣхъ привилегій которыя обезпечиваютъ нашу провинціальную самостоятельность и органъ основанной на этихъ привилегіяхъ автономіи и самоуправленія. Участвующему на немъ дворянству предоставлена такая полнота верховныхъ правъ государства, какая не сохранилась ни въ какой другой странѣ». Само собою разумѣется, что *Рижская Газета* ратуетъ не противъ «этой полноты государственныхъ правъ», предоставленныхъ провинціальному сейму, а только противъ исключительно дворянскаго состава этого сейма, и желаетъ сдѣлать причастными «этой полнотѣ государственныхъ правъ» и горожанъ Лифляндіи. Какъ ни мало сочувствуетъ эта газета привилегіямъ дворянства, однакоже повидимому онѣ дороги ей. Она порицаетъ нынѣшнее судебное устройство страны, такъ какъ судьи избираются дворянскимъ сеймомъ и изъ числа дворянъ; но это право дворянъ «въ связи съ тѣмъ что можетъ занять его мѣсто» (то-есть, сравнительно съ назначеніемъ судей отъ короны?), по словамъ ея, «есть дорогая, охраняющая и другія сословія, часть провинціальной самостоятельности» Лифляндіи (то-есть Лифляндской губерніи).

Вопросъ о составѣ сеймовъ, по словамъ этихъ газетъ, возбужденъ прежде всего важностью вопросовъ предстоящихъ теперь ихъ рѣшенію. Не только судебныя и полицейскія должности, не только управленія всѣми земскими и церковными дѣлами и народными училищами зависятъ отъ сеймовъ; но имъ предоставлено еще значительное участіе въ рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ. Въ настоящее время, на очереди стоитъ прежде всего вопросъ о судебной реформѣ, проектъ которой

уже былъ представленъ собиравшемуся въ нынѣшнемъ году лифляндскому сейму, и для предварительнаго обсужденія которой уже назначена особая коммиссія съ участіемъ депутатовъ отъ городовъ; затѣмъ слѣдуетъ проектъ реформы городскаго устройства Риги, который уже выработанъ особою коммиссіей и теперь подлежитъ дальнѣйшему обсужденію сейма; наконецъ, вопросъ о податяхъ платимыхъ рыцарствомъ, и на дальнѣйшемъ планѣ, вопросъ объ отмѣнѣ натуральныхъ повинностей, которая дѣйствительно окажется необходимою, если только нынѣшніе крестьяне-арендаторы обратятся въ землевладѣльцевъ.

Всѣ эти вопросы, касающіеся общихъ интересовъ губерніи, по мнѣнію прибалтійскихъ газетъ, представляютъ большія трудности для такихъ сеймовъ какъ эстляндскій и лифляндскій, на которыхъ засѣдаютъ не выборные отъ дворянства, а всѣ члены его по личному праву. Притомъ же является, весьма естественно, опасеніе, что въ вопросахъ, въ которыхъ равно замѣшаны интересы и дворянства, и остальныхъ классовъ населенія, первое не будетъ достаточно безпристрастно, и потому мнѣнія высказываемыя въ пользу перемѣны въ нынѣшнемъ устройствѣ сеймовъ Лифляндіи и Эстляндіи клонятся, собственно говоря, въ пользу дарованія горожанамъ права участія на сеймахъ, а это возможно не иначе какъ съ устраненіемъ личнаго права дворянъ быть членами сейма и со введеніемъ выборнаго начала. Реформа эта была бы весьма значительна: сеймы прибалтійскихъ губерній утратили бы свой сословной характеръ. Сохраненіемъ особыхъ правъ и преимуществъ, которыя предоставлены этимъ сеймамъ, были бы заинтересованы не одни дворяне, но вмѣстѣ съ ними и города. Реформа, по мнѣнію ея защитниковъ, послужила бы къ упроченію особыхъ правъ и преимуществъ прибалтійскихъ губерній въ общемъ составѣ Россійской Имперіи. Эту же сторону дѣла имѣютъ въ виду и защитники нынѣшняго порядка вещей, и онъ кажется имъ въ этомъ отношеніи гораздо удовлетворительнѣе. Прислушаемся къ доводамъ тѣхъ и другихъ.

Нынѣшняя, старинная форма сеймовъ, говорятъ ея защитники, должна быть дорога рыцарству. Она поддерживаетъ въ

немъ сознаніе общей и на каждаго въ отдѣльности падающей отвѣтственности и возбуждаетъ въ каждомъ патріотизмъ (то-есть, мѣстный?). Благодаря нынѣшней формѣ сеймовъ, продолжаютъ ея защитники, рыцарство является какъ одно цѣлое и тѣмъ получаетъ большое значеніе и можетъ разчитывать на бо́льшую готовность подчиняться его рѣшеніямъ со стороны отдѣльныхъ его членовъ. Нынѣшняя форма сеймовъ сохраняетъ согласіе въ дворянствѣ и возвышаетъ его *государственное значеніе* (erhöht seine *staatliche* Bedeutung). Консерваторы желаютъ только, чтобы постановленія сеймовъ были обнародываемы, что̀ и рѣшено уже бывшимъ въ нынѣшнемъ году лифляндскимъ сеймомъ, и чтобы всѣ предложенія и мнѣнія предварительнаго совѣщательнаго дворянскаго собранія или конвента (Adelsconvent) были заранѣе печатаемы, что̀ можетъ быть легко достигнуто, если между закрытіемъ конвента и открытіемъ сейма будетъ установленъ промежутокъ отъ двухъ до трехъ недѣль.

Напротивъ, реформаторамъ нынѣшняя форма сеймовъ кажется особенно неудовлетворительною для настоящаго времени, которое они называютъ временемъ переходнымъ, временемъ политическихъ преобразованій и государственнаго обновленія. *Dorpater Tagesblatt*, который прежде, повидимому, отличался такимъ консервативнымъ направленіемъ, подъ конецъ своего существованія открылъ полный просторъ мнѣніямъ нововводителей. Одинъ изъ нихъ, за подписью—*n*, говоритъ въ этой газетѣ: «Какъ только дѣло идетъ о защитѣ учрежденій, о мужественномъ и упорномъ отстаиваньи ихъ, способность къ этому общихъ дворянскихъ собраній (Massenlandtage) оказывается, какъ видно изъ бывшихъ опытовъ, очень сомнительною. Сравните только, продолжаетъ онъ, текстъ нашихъ основанныхъ на договорахъ правъ съ тѣми отступленіями которыя пріобрѣли фактическую силу; припомните, какъ часто мы безпрекословно дозволяли отнимать у себя то что̀ намъ принадлежало, и вы составите себѣ настоящее понятіе о способности земскихъ и городскихъ собраній, гдѣ присутствуютъ не выборные, а имѣющіе личное на то право члены, охранять ихъ наслѣдіе». «Если, говоритъ онъ далѣе, такія собранія гораздо менѣе надежны чѣмъ собранія

выборныхъ людей даже и тамъ, гдѣ дѣло идетъ только о сохраненіи, то они еще менѣе способны сами собою, по собственной инициативѣ, приниматься за реформы и за политическія нововведенія», а между тѣмъ, по словамъ г.—*n*, «только немногіе изъ членовъ сейма остались свободны отъ болѣе или менѣе яснаго предчувствія предстоящихъ реформъ въ нашемъ политическомъ устройствѣ (Verfassungsreformen): дѣло преобразованій нашихъ политическихъ отношеній, очевидно, все ближе къ намъ подходитъ». За это дѣло могутъ приняться только собраніе выборныхъ, въ которомъ имѣли бы своихъ представителей и города, и земство (т.-е. рыцарство). Г.—*n* разсуждаетъ и объ отношеніяхъ этихъ выборныхъ къ ихъ избирателямъ. Онъ не желаетъ, чтобы выборные были стѣснены инструкціями отъ своихъ избирателей, и говоритъ, что въ случаѣ еслибы во время засѣданій сейма возникли вопросы которыхъ нельзя было предвидѣть, то выборный можетъ самъ обратиться къ избирателямъ, чтобъ узнать ихъ желанія, или они сами заявятъ ихъ посредствомъ адресовъ. Онъ указываетъ еще на распущеніе сейма и на значеніе новыхъ выборовъ какъ на средство привести мнѣнія депутатовъ въ соотвѣтствіе съ мнѣніемъ страны. Это право распускать сеймъ и назначать новые выборы онъ желаетъ предоставить не правительству, а коллегіальному губернскому правленію (Landrathscollegium), члены котораго были бы на всю жизнь избираемы дворянствомъ и изъ среды дворянства.

Статьи г.—*n* нашли полное сочувствіе въ *Рижской Газетѣ*; но противъ нихъ ополчился кто-то въ *Dorpater Tagesblatt*. «Говорить въ пользу народнаго представительства страны, сказано здѣсь, значитъ рѣшительно считать безъ хозяина, такъ какъ въ странѣ нѣтъ народа, въ современномъ смыслѣ слова, а есть только сословія, и избирать выборныхъ изъ другихъ сословій значило бы измѣнить конституцію страны, а этотъ вопросъ слѣдуетъ разсматривать въ связи съ другими вопросами политическаго свойства.» Консервативный авторъ указываетъ, что сеймъ и теперь можетъ восполнить недостатокъ спеціальныхъ свѣдѣній въ своихъ членахъ, такъ какъ онъ можетъ совѣщаться

со свѣдущими «патріотами» изъ другихъ сословій, спеціальныя же коммиссіи, наряжаемыя сеймомъ, могутъ вступать въ правильныя сношенія съ непринадлежащими къ сейму спеціалистами.

Возраженіе на эту статью не замедлило: оно появилось въ *Рижской Газетѣ*, и существенно заключается въ указаніи на примѣръ королевства Саксонскаго, гдѣ, по словамъ автора, 15 лѣтъ тому назадъ господствовала такая враждебность въ отношеніяхъ между сословіями, о какой Лифляндцы и понятія не имѣютъ, и гдѣ, однакоже, своевременно введенныя новыя учрежденія положили конецъ сословному антагонизму. «Что случилось, говоритъ авторъ, послѣ печальныхъ дрезденскихъ событій, не могло ли то случиться и прежде?... Зачѣмъ предоставлять устройство наступающихъ отношеній болѣе или менѣе отдаленной будущности? Зачѣмъ оставлять слѣдующему за нами поколѣнію пути еще болѣе непроходимые чѣмъ тѣ которыми мы сами насилу пробираемся? Зачѣмъ заслуживать ихъ проклятіе, а не благодарность? За что нашимъ потомкамъ достанется удѣлъ не лучшій чѣмъ намъ, когда сами мы, благодаря политическому достоянію завѣщанному нами предками, низошли до рѣдкаго ничтожества и безсилія?»

Мы имѣемъ причины не входить въ разборъ этихъ мнѣній. Не высказывая своего сужденія объ интересной полемикѣ происходящей въ прибалтійскихъ газетахъ, мы довольствуемся тѣмъ что знакомимъ читателей съ ея ходомъ и направленіемъ.

IV.

13-го августа.

Ниже *) мы помѣщаемъ отчетъ о процессѣ познанскихъ Поляковъ, съ 1-го по 19-е августа. Въ этомъ процессѣ самое видное мѣсто до сихъ поръ принадлежитъ рѣчи адвоката Янецкаго, въ засѣданіи 17-го августа. Главную причину послѣдняго польскаго мятежа онъ видитъ въ томъ, что въ Полякахъ, подвласт-

*) Въ этомъ же нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*

ныхъ Россіи, были возбуждены надежды которыя никакъ не могли осуществиться. Эти надежды, по собственному его сознанію, направлены были не на водвореніе политической свободы въ Царствѣ Польскомъ; напротивъ, по словамъ его, Поляки Царства сами добровольно отказывались отъ этой свободы, которую будто бы готова была предоставить имъ Россія, лишь бы они отреклись отъ своихъ притязаній на Литву, на Бѣлоруссію и на юго-западную Украйну. Не политической свободы хотѣли они для себя, а господства надъ этими русскими областями; они надѣялись, сначала мирными способами, а потомъ и съ оружіемъ въ рукахъ, оттягать эти области отъ Россіи и присоединить ихъ къ Царству Польскому. Адвокаты познанскихъ подсудимыхъ стараются доказать, что этимъ и ограничивались всѣ надежды и всѣ желанія Поляковъ, нисколько не простираясь на Познань и на Галицію. Берлинскій судъ, безъ сомнѣнія, разсмотритъ въ какой мѣрѣ эти ихъ увѣренія справедливы; но для насъ важно то, что сами защитники Поляковъ нисколько не думаютъ отрицать ихъ притязаній на русскія области и въ этихъ притязаніяхъ видятъ главную и даже единственную причину возстанія. Поляки, по сознанію самихъ защитниковъ своихъ, вполнѣ виноваты предъ Россіей, и они настаиваютъ только на томъ, что Поляки невинны предъ Пруссіей и Австріей.

Но можемъ ли мы винить ихъ однихъ въ томъ, что они еще не отказались отъ своихъ притязаній на русскія области и все еще надѣются оттѣснить Россію къ Уралу? Нѣтъ, мы безспорно сами подавали и подаемъ имъ поводъ къ подобнымъ притязаніямъ и надеждамъ. Если, какъ говоритъ г. Янецкій, нація, лишившись своей политической самобытности, долгое время и перестаетъ еще быть націей и составляетъ одну семью, членъ которой, хотя бы и расторгнутые, все еще стремятся къ соединенію; то что же сказать о націи для которой искусственно создается особый, болѣе или менѣе самостоятельный политическій центръ, которой указана впереди возможность притянуть къ этому центру принадлежавшія ей прежде области, которой предоставляются способы укрѣплять и усиливать въ этихъ областяхъ свою національность, подавляя коренное русское населеніе

и въ пользу которой на всемъ пространствѣ прежнихъ ея владѣній выговариваются въ международномъ актѣ особыя національныя учрежденія? Можно ли ожидать отъ такой націи, чтобъ она воздержалась отъ стремленія къ возстановленію полной своей политической самобытности на всемъ пространствѣ прежнихъ своихъ владѣній, чтобъ она убѣдилась въ несбыточности своихъ надеждъ и перестала питаться воспоминаніями прошедшаго? Когда въ 1815 году Россія выступила на Вѣнскомъ конгрессѣ съ предложеніемъ возстановить Царство Польское въ предѣлахъ великаго герцогства Варшавскаго и обезпечить національность Поляковъ подвластныхъ какъ ей, такъ и другимъ двумъ державамъ, то она изумила всю Европу, долгое время подозрѣвавшую въ ней властолюбивые замыслы. Лишь въ послѣдствіи европейскія державы могли убѣдиться въ совершенномъ безкорыстіи императора Александра I, но убѣдившись въ этомъ, онѣ должны были естественно позаботиться объ извлеченіи возможныхъ для себя выгодъ изъ этого безкорыстія. Удивляться ли, что европейская дипломатія получила возможность пользоваться польскимъ вопросомъ какъ средствомъ для своихъ цѣлей, и что теперь, по прошествіи почти пятидесяти лѣтъ послѣ Вѣнскаго трактата, роли наконецъ измѣнились, и наше тогдашнее безкорыстіе сдѣлалось поводомъ ко вмѣшательству не Россіи въ дѣла Пруссіи и Австріи, а наоборотъ, всякой желающей изъ великихъ державъ въ дѣла Россіи,—ко вмѣшательству, стоящему намъ стольнихъ жертвъ и причиняющему столько бѣдствій польскому краю, а нашимъ сосѣдямъ, какъ напримѣръ Пруссіи, доставляющему возможность съ такимъ успѣхомъ осуществлять свою національную политику, отнюдь не страдающую безкорыстіемъ?

Предотвратить на будущее время все то зло которое надѣлали и Полякамъ, и Русскимъ Вѣнскіе трактаты возможно не иначе какъ сознавъ ясно весь вредъ политики выразившейся въ этихъ актахъ, какъ бы нарочно придуманныхъ для того чтобы лишать Поляковъ возможности стать мирными гражданами тѣхъ государствъ въ которыя ввела ихъ исторія.

Если Поляки поспѣшаютъ на помощь другъ къ другу, въ какомъ бы изъ государствъ ни произошло возстаніе, если они жертвуютъ и жизнію, и имуществомъ для интересовъ которые чужды и даже противоположны интересамъ государства считающаго ихъ въ числѣ своихъ подданныхъ, то въ этомъ прежде всего виноватъ порядокъ вещей установленный въ 1815 году. «Грустно подумать, сказалъ г. Янецкій, что такой ненормальный порядокъ вещей возможенъ еще въ благоустроенныхъ государствахъ; но виноваты въ этомъ не Поляки, а Вѣнскіе трактаты.» Въ этомъ случаѣ сама истина говорила устами прусскаго адвоката.

Г. Янецкій совершенно вѣрно выражаетъ сущность польскаго дѣла, утверждая что оно имѣетъ своимъ корнемъ не вопросъ о политической свободѣ, даже не вопросъ о польской національности, а вопросъ о польскомъ господствѣ въ западномъ краѣ. Не польская національность дорога польскимъ патріотамъ, а власть надъ Русскимъ народомъ. Вотъ въ чемъ заключается вся тайна польскаго вопроса. Это кажется невѣроятнымъ, но въ этомъ, и только въ этомъ вся сущность, все жизненное начало польскаго движенія. Оно сейчасъ потеряетъ все свое значеніе, какъ скоро заглохнутъ польскія притязанія на западный край. Гдѣ же корень этихъ притязаній? Всякій разумный человѣкъ видитъ что они несбыточны, и въ то же время всякій безпристрастный наблюдатель дивится ихъ живучести, а многіе весьма разумные люди недоумѣваютъ, какъ объяснить ее. Горсть шляхты, не имѣвшей ни силы, ни воли сохранить свое государство, когда оно существовало, эта горсть столько разъ испытывавшая тщету своихъ усилій возстановить это государство послѣ его паденія, не теряетъ однакожь надежды на побѣду надъ народомъ успѣвшимъ создать одну изъ могущественнѣйшихъ великихъ державъ Европы. Явленіе непонятное, явленіе сверхъестественное! Въ немъ сказывается какая-то таинственная вѣра въ будущее, не подчиняющаяся естественнымъ законамъ историческаго хода дѣлъ, и дѣйствительно польскіе патріоты, наблюдая характеръ своего патріотизма, приходятъ къ убѣжденію въ его сверхъестественной силѣ и мистически именуютъ его

мессіанизмомъ. А между тѣмъ тутъ все объясняется очень просто и очень естественно. Вся тайна заключается въ политикѣ гальванизирующей польскія притязанія. Во время присоединенія западнаго края никто не помышлялъ тамъ о сепаратизмѣ. Не только низшіе классы населенія, но даже помѣщики, отчасти польскаго происхожденія, отчасти совершенно ополяченные, радовались факту присоединенія и видѣли въ немъ ручательство въ прекращеніи неурядицы, царившей этотъ край. Русская національность была тогда въ положеніи несравненно лучшемъ нежели теперь, и даже храмы имѣли видъ менѣе печальный. Разложеніе польской шляхты было полное, и мысль о возстановленіи Рѣчи Посполитой не имѣла почвы. Но все измѣнилось какъ скоро явилась увѣренность въ равнодушіи русской политики къ русскимъ національнымъ интересамъ. Въ польскихъ патріотахъ возникли сначала попытки, потомъ опредѣленныя стремленія дѣйствовать соотвѣтственно ихъ понятіямъ о характерѣ русской политики. Они начали помышлять то объ отложеніи отъ Россіи, то о пріобрѣтеніи внутри Россіи преимуществъ предъ русскою народностью. Они основывали свои разчеты не на своихъ силахъ, а на космополитизмѣ и внутренней безхарактерности Русскаго государства, способнаго, по ихъ мнѣнію, дѣйствовать лишь внѣшними средствами и совершенно лишеннаго живой національной силы. Вотъ естественный источникъ той живучести польскихъ притязаній, которой мы Русскіе удивляемся нисколько не менѣе чѣмъ сами Поляки, и того ихъ убѣжденія въ непрочности Русскаго государства, отъ котораго никакія бѣдствія не въ состояніи освободить польскихъ патріотовъ, пока они не увидятъ на дѣлѣ не нашу способность подавлять ихъ возстанія, имъ хорошо извѣстную, а нашу неспособность къ уступкамъ клонящимся къ ущербу русской національности и къ торжеству, въ предѣлахъ Русской державы, другихъ національностей надъ національностью русскою, ее создавшею. Свою силу почерпаютъ польскія притязанія не въ себѣ, а въ насъ, и въ способахъ нашего государства. Вотъ почему она должна либо казаться сверхъестественною, какъ она представляется польскимъ мистикамъ, либо возбуж-

дать грусть, высказанную г. Янецкимъ, что подобный порядокъ вещей возможенъ еще въ благоустроенныхъ государствахъ Европы.

V.

19-го августа.

Такъ какъ вопросъ о поземельномъ кредитѣ теперь въ ходу, и такъ какъ отъ практическаго разрѣшенія этого вопроса ожидается, повидимому, очень много благихъ послѣдствій для русскаго сельскаго хозяйства, такихъ послѣдствій, ради которыхъ можно рѣшаться «на всякія жертвы», то для общей пользы теперь особенно необходимо безпристрастное и разностороннее разсмотрѣніе всего того что̀ къ нему относится или съ нимъ соприкасается. Чтобы не обмануться въ ожиданіяхъ, надобно короче ознакомиться съ дѣйствительностью. Мы намѣрены указать сегодня на самую крупную характеристическую черту, которую представляетъ намъ осуществленіе этого дѣла въ дѣйствительности,—на ту черту что поземельный кредитъ наименѣе развитъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ въ сельское хозяйство затрачивается наибольшая масса капиталовъ, и имѣетъ особенно успѣшный ходъ тамъ, гдѣ капиталы въ наименьшей сравнительно степени бываютъ употребляемы на улучшеніе почвы и на прочныя сельско-хозяйственныя сооруженія. Этотъ фактъ заслуживаетъ серіознаго вниманія. Онъ заставляетъ сомнѣваться въ экономическомъ значеніи поземельнаго кредита.

Подъ поземельнымъ кредитомъ обыкновенно разумѣется долгосрочный кредитъ, состоящій въ томъ, что землевладѣлецъ разомъ получаетъ взаймы извѣстную долю цѣнности своей земли, съ тѣмъ чтобъ уплачивать долгъ по малымъ частямъ, разсроченнымъ на значительное число лѣтъ, на 30, на 40, даже на 50 лѣтъ. Заложивъ свое имѣніе, землевладѣлецъ обязывается вносить ежегодно не только проценты за ссуженный ему капиталъ, но и небольшой процентъ на погашеніе долга. Подобный способъ займа неудобенъ для пополненія оборотнаго капи-

тала; онъ вовсе не соотвѣтствуетъ потребности во временномъ краткосрочномъ подспорьѣ оборотному капиталу: для этого нужны займы краткосрочные. Сельское хозяйство, какъ промышленность, нуждается въ долгосрочномъ поземельномъ кредитѣ только для затратъ дѣлаемыхъ на многіе годы, а именно на обзаведеніе хозяйства, на улучшеніе почвы, преимущественно на ея дренажъ, и вообще на увеличеніе основнаго капитала. Только въ такомъ случаѣ сельское хозяйство можетъ съ выгодой воспользоваться долгосрочнымъ кредитомъ. Но весьма странно то, что именно въ той странѣ которая отличается громадностью основнаго капитала потребнаго для извлеченія выгодъ изъ сельскаго хозяйства, что именно въ Англіи долгосрочный поземельный кредитъ почти не существуетъ. Поземельныхъ банковъ тамъ вовсе нѣтъ; закладные листы тамъ неизвѣстны, и единственное примѣненіе поземельнаго кредита было сдѣлано тамъ съ совершенно спеціальною цѣлію доставить землевладѣльцамъ возможность дренировать свои поля. Во Франціи въ сельскомъ хозяйствѣ затрачено несравненно менѣе основнаго капитала чѣмъ въ Англіи, и какъ бы въ соотвѣтствіе тому мы во Франціи уже находимъ поземельный кредитъ (crédit foncier), но онъ и во Франціи далеко не такъ процвѣтаетъ, какъ въ Германіи, гдѣ основный капиталъ сельскаго хозяйства еще менѣе значителенъ. Далѣе и въ Германіи мы замѣчаемъ такую же постепенность: въ западныхъ частяхъ ея поземельная собственность вбираетъ въ себя болѣе капиталовъ, а поземельный кредитъ дѣйствуетъ слабѣе чѣмъ въ восточныхъ частяхъ Германіи, гдѣ капиталы почти вовсе не влагаются въ землю. Наконецъ, Царство Польское, состоящее, въ отношеніи къ количеству затратъ поглощаемыхъ поземельною собственностью, еще ниже восточной Германіи, является тою мѣстностью въ Европѣ, гдѣ учрежденія поземельнаго кредита наиболѣе процвѣтаютъ. Повторяемъ, это такой фактъ въ дѣлѣ поземельнаго кредита, на который необходимо обратить вниманіе, чтобы вѣрно судить объ условіяхъ осуществимости поземельнаго кредита и о послѣдствіяхъ его осуществленія.

Указанный нами фактъ можно выразить такъ: поземельный долгосрочный кредитъ не находитъ для себя удобной почвы именно тамъ гдѣ сельское хозяйство требуетъ особенно много долгосрочныхъ затратъ. Или, другими словами, гдѣ сельское хозяйство нуждается въ большихъ долгосрочныхъ затратахъ основнаго капитала, тамъ оно неохотно обращается къ поземельному долгосрочному кредиту. Мы не будемъ останавливаться сегодня на объясненіи этого факта; мы только выставляемъ его на видъ, чтобы сдѣлать изъ него выводъ. Въ чемъ же будетъ состоять этотъ выводъ? Сельское хозяйство, какъ промышленность, можетъ нуждаться либо въ краткосрочныхъ, либо въ долгосрочныхъ затратахъ, то-есть либо въ оборотномъ, либо въ основномъ капиталѣ. Для краткосрочныхъ затратъ поземельный кредитъ неудобенъ; тутъ нуженъ кредитъ коммерческій, эластичный. Поземельный кредитъ соотвѣтствовалъ бы потребности въ долгосрочныхъ затратахъ подходящихъ подъ категорію основнаго капитала, но опытъ показываетъ, что сельское хозяйство неохотно прибѣгаетъ къ нему для этой цѣли. Итакъ, ни въ одномъ изъ случаевъ, въ которыхъ сельское хозяйство можетъ нуждаться въ кредитѣ, поземельный кредитъ, какъ показываетъ опытъ, не приноситъ ему большихъ услугъ.

Спрашивается, при какихъ же обстоятельствахъ возникаетъ такая потребность въ поземельномъ кредитѣ, что онъ находитъ для себя удобную почву? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы также не будемъ вдаваться въ теорію, а обратимся къ практикѣ. Когда возникъ поземельный кредитъ въ Германіи? Онъ возникъ послѣ Семилѣтней войны. Какой потребности удовлетворялъ онъ въ то время? Онъ далъ задолжавшимъ землевладѣльцамъ возможность расплатиться съ долгами, накопившимися на ихъ имѣніяхъ во время войны. Далѣе мы видимъ, что поземельный кредитъ сдѣлалъ значительные успѣхи послѣ войнъ съ Наполеономъ, когда онъ былъ учрежденъ между прочимъ и въ Царствѣ Польскомъ. Тутъ также онъ былъ вызванъ необходимостью разчета землевладѣльцевъ съ ихъ многочисленными кредиторами. Это видно вездѣ, но всего болѣе видно на польскомъ поземельномъ кредитѣ, который заслуживаетъ упоминанія

еще въ другомъ отношеніи. Особенность погибшаго польскаго государства состояла въ томъ что тамъ общіе государственные интересы постоянно приносились въ жертву интересамъ шляхетскимъ. Когда императоръ Александръ I рѣшилъ возстановить Царство Польское, то самъ собой возродился тамъ и старинный духъ Рѣчи Посполитой. Ближайшимъ стремленіемъ политическихъ людей, называвшихъ себя государственными людьми Царства Польскаго, сдѣлалось тогда принять мѣры къ поддержкѣ интересовъ польской шляхты. Общіе интересы края для этихъ патріотовъ почти вовсе не существовали: польское дѣло, дѣло польскаго государства, было въ ихъ глазахъ не что иное, какъ дѣло польской шляхты. На чемъ же прежде всего остановилась ихъ патріотическая мысль? Шляхта была тогда, что называется, въ долгу какъ въ шелку, и вотъ польскій патріотизмъ породилъ изъ себя чрезвычайно характеристическую государственную мѣру. Было учреждено Земское Кредитное Общество. Оно выдало помѣщикамъ такъ-называемые заставные листы, а законъ предоставилъ помѣщикамъ право расплатиться этими листами по нарицательной цѣнѣ съ кредиторами. Это была споліація, недостойная европейской цивилизаціи XIX вѣка, но она ярко характеризуетъ тотъ порядокъ вещей который былъ возстановленъ вмѣстѣ съ возстановленіемъ Царства Польскаго. Кредиторы польскихъ шляхтичей получили, вмѣсто денегъ, на которыя имѣли неотъемлемое право, заставные листы Кредитнаго Общества, которые въ первое время невозможно было сбыть. Но стоило ли останавливаться предъ этимъ насиліемъ, когда того требовало благо отчизны, то-есть благо шляхты? Итакъ, эта мѣра состоялась въ XIX столѣтіи. Кредитное Общество съ перваго же разу сдѣлало громадный оборотъ, а такъ какъ казна Царства оказала ему въ добавокъ пособіе изъ податныхъ денегъ, то мудрено ли что оно процвѣло? Но кто рѣшится сказать, что оно возникло изъ мирныхъ экономическихъ интересовъ сельскаго хозяйства? Заставные листы были выпущены не для затратъ по сельскому хозяйству, а для уплаты долговъ накопившихся на шляхтѣ; интересъ тутъ былъ вовсе не экономическій, не развитіе производства страны, не

улучшеніе его способовъ, а просто-на-просто имѣлось въ виду спасти шляхту разорившуюся вслѣдствіе Наполеоновскихъ войнъ и покушеній противъ Россіи, — спасти ее цѣной разоренія ея кредиторовъ. Вотъ истинный ходъ и истинный мотивъ этого дѣла, которое теперь прославляютъ какъ мѣру оказавшую благотворное дѣйствіе на польское сельское хозяйство.

Самый общій и самый крупный выводъ изъ исторіи поземельнаго кредита въ разныхъ странахъ Европы заключается въ томъ, что онъ легко водворялся не тамъ, гдѣ требовались затраты капитала для сельскаго хозяйства, а тамъ, гдѣ землевладѣльцы затруднялись платежомъ своихъ долговъ. Практическою цѣлію при учрежденіи поземельнаго кредита было обыкновенно не желаніе улучшить земледѣліе, а необходимость раздѣлаться съ кредиторами. Вотъ та атмосфера въ которой до сихъ поръ поземельный кредитъ находилъ выгодныя условія для своего водворенія. Но если такъ, то правильно ли будетъ говорить, что поземельный кредитъ нуженъ для поддержки сельскаго хозяйства? Не слѣдуетъ ли сказать прямо, что онъ желателенъ не столько въ интересахъ сельскаго хозяйства, сколько въ интересахъ землевладѣльческаго класса, и стало-быть болѣе въ политическихъ интересахъ? Только такой взглядъ будетъ согласенъ съ исторіей поземельнаго кредита, и мы только тогда будемъ въ состояніи правильно судить о поземельномъ кредитѣ, когда будемъ судить о немъ съ политической точки зрѣнія.

VI.

20-го августа.

Вопросъ о поземельномъ кредитѣ, сказали мы вчера, есть вопросъ гораздо болѣе политическій нежели экономическій. Историческій опытъ показываетъ, что поземельный кредитъ ведетъ не столько къ поддержкѣ сельскаго хозяйства, сколько къ охраненію землевладѣнія. Сельское хозяйство въ нѣкоторомъ смыслѣ даже страдаетъ отъ поземельнаго кредита: онъ спасаетъ задолжавшаго землевладѣльца отъ необходимости продать

свое имѣніе, а такъ какъ всегда болѣе вѣроятности, что покупатель будетъ въ состояніи лучше хозяйничать чѣмъ продавецъ, то спасая имѣнія отъ продажи, поземельный кредитъ оставляетъ ихъ въ такихъ рукахъ о которыхъ можно предполагать что онѣ менѣе способны и менѣе снабжены средствами къ хорошему веденію хозяйства чѣмъ тѣ руки въ которыя имѣніе поступило бы, еслибы было продано. Конечно, тутъ бываютъ исключенія, но вообще говоря, производимое поземельнымъ кредитомъ противодѣйствіе продажѣ недвижимыхъ имуществъ и переходу ихъ изъ рукъ людей нуждающихся въ руки людей денежныхъ, не можетъ имѣть полезныхъ послѣдствій для процвѣтанія сельскаго хозяйства какъ промысла и для возрастанія народнаго богатства. Никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что поземельный кредитъ нуженъ Россіи для разработки богатствъ ея почвы и вообще для экономическаго преуспѣянія нашей страны. Тутъ поземельный кредитъ многаго не сдѣлаетъ, а отчасти даже повредитъ успѣху. Если онъ намъ нуженъ, то только въ качествѣ такой экономической мѣры которая могла бы быть желательна съ политической точки зрѣнія, именно въ видахъ поддержки существующаго распредѣленія поземельной собственности, въ видахъ огражденія землевладѣльческаго класса и воспособленія ему среди трудныхъ для него обстоятельствъ. Вотъ съ какой точки зрѣнія надобно смотрѣть на вопросъ о поземельномъ кредитѣ, чтобы судить о немъ правильно.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Не ясно ли, что поземельнаго кредита нельзя желать безусловно, и что онъ желателенъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда политическія соображенія побуждаютъ желать поддержанія землевладѣнія въ его данномъ видѣ? Не ясно ли наоборотъ, что въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ съ политической точки зрѣнія не требуется поддерживать личный составъ землевладѣльцевъ въ его данномъ видѣ, поземельный кредитъ оказался бы мѣрой не только не раціональною, но можетъ-быть даже вредною? Возьмемъ напримѣръ нашъ западный край. Мѣры принимаемыя тамъ относительно продажи имѣній, или по крайней мѣрѣ постановленія

утвержденныя по этой части, имѣютъ цѣлію облегчить переходъ поземельной собственности изъ рукъ политически неблагонадежныхъ въ руки благонадежныя. Исполненіе этихъ постановленій зависитъ отъ мѣстной администраціи, отъ бо́льшаго или меньшаго усердія ея служить великимъ интересамъ государства, отъ котораго она учреждена. Но намѣренія правительства высказаны въ этихъ постановленіяхъ ясно: оно признало, что западный край долженъ выйти изъ своего двусмысленнаго положенія, что русская народность въ немъ, коренная и изначальная, не должна подвергаться спору, и что слѣдовательно примирительная политика тутъ не можетъ состоять въ снисходительности къ сепаратистическимъ притязаніямъ. Въ этой рѣшимости Русскаго правительства заключается все, потому что все польское дѣло находится въ исключительной зависимости отъ того какъ будетъ смотрѣть на него Русское правительство. Нашъ житомірскій корреспо́ндентъ въ своемъ письмѣ говоритъ о стачкѣ польскихъ помѣщиковъ, клонящейся къ тому чтобы не продавать имѣній русскимъ покупателямъ. Подобныя же извѣстія мы получаемъ и другими путями: польскіе помѣщики передаютъ свои имѣнія Евреямъ въ аренду за ничтожныя деньги, надѣясь извернуться въ послѣдствіи, лишь бы только они не перешли теперь въ русскія руки. Эти надежды основаны на увѣренности, что польскія притязанія на западный край найдутъ себѣ въ будущемъ какую-нибудь опору, и что подпольная организація восторжествуетъ наконецъ надъ Русскимъ народомъ. Но если сепаратистическія притязанія польской шляхты въ западномъ краѣ не будутъ встрѣчать снисходительной терпимости со стороны Россіи, то всѣ эти надежды падутъ сами собой, и та стачка о которой теперь такъ много говорятъ окажется безсильною, а мѣры предположенныя правительствомъ будутъ все болѣе и болѣе достигать своей цѣли. Но направленію этихъ мѣръ совершенно противорѣчило бы поощреніе оказываемое водворенію въ томъ краѣ поземельнаго кредита,—поощреніе которое совершенно остановило бы покупку поземельной собственности въ западномъ краѣ русскими людьми, то-есть воспрепятствовало бы

тому что правительство теперь поощряетъ и чему ни въ какомъ случаѣ Русское правительство не имѣетъ повода противодѣйствовать.

Но даже и въ тѣхъ случаяхъ когда политическіе интересы государства требуютъ поддержанія существующаго землевладѣнія, политическая предусмотрительность должна воздерживать отъ искусственнаго поощренія кредита. Оказывая землевладѣльческому классу временную поддержку, поземельный кредитъ подкапываетъ его будущность. Онъ облегчаетъ бремя долговъ лежащее на землевладѣльцахъ, но въ то же время облегчаетъ и дальнѣйшее задолженіе. Представимъ же себѣ двѣ страны изъ которыхъ въ одной большая часть поземельной собственности заложена, а въ другой землевладѣніе чисто отъ долговъ. Въ которой изъ этихъ двухъ странъ будетъ крѣпче землевладѣльческій классъ? Въ которой изъ нихъ будетъ сильнѣе его политическое значеніе? Въ политическомъ отношеніи землевладѣльцы обыкновенно противопоставляются капиталистамъ: первые считаются хранителями народныхъ нравовъ, преданій, патріотизма; вторые рѣдко бываютъ расположены къ самоотверженію и обыкновенно вносятъ въ политику меркантильные взгляды. Но чѣмъ болѣе поземельная собственность мобилизуется посредствомъ поземельнаго кредита, тѣмъ болѣе вторгаются меркантильные элементы въ землевладѣльческій классъ. Дѣло можетъ дойти наконецъ до того, что землевладѣльцы будутъ нѣчто въ родѣ фермеровъ на землѣ принадлежащей владѣльцамъ закладныхъ листовъ. Но эти послѣдніе не что иное какъ капиталисты и въ политическомъ отношеніи никакъ не могутъ замѣнить собой независимыхъ землевладѣльцевъ. Земледѣльческую страну подвергшуюся подобной метаморфозѣ можно было бы назвать Римомъ превратившимся въ Кароагенъ.

Чрезмѣрное развитіе которое получилъ поземельный кредитъ въ Царствѣ Польскомъ уже отчасти оказало на этотъ край подобное дѣйствіе. Такъ какъ имѣнія заложенныя въ Кредитномъ Обществѣ продаются съ переводомъ долга, то переходъ недвижимой собственности въ Царствѣ Польскомъ очень облегченъ и помѣстья безпрестанно мѣняютъ своихъ владѣльцевъ.

Съ 1846 года, когда были составлены престаціонныя табели, весьма многія помѣстья по нѣскольку разъ перешли изъ рукъ въ руки. Члены крестьянскихъ коммиссій, привыкшіе къ ходу дѣлъ въ Россіи, не могутъ надивиться этому коловратному движенію происходящему съ поземельною собственностью въ Царствѣ Польскомъ. Можно ли сомнѣваться что эти непрестанныя измѣненія въ личномъ составѣ землевладѣльческаго класса должны лишать его тѣхъ свойствъ которыми условливается все его значеніе въ политической жизни народа?

Если внимательно вникнуть въ политическія послѣдствія подобнаго порядка вещей, то нельзя не сказать, что мобилизація поземельной собственности, причиняемая поземельнымъ кредитомъ, есть такое дѣло надъ которымъ можно призадуматься въ интересахъ того самаго землевладѣльческаго класса которому она повидимому оказываетъ такія услуги. Давая ему временную поддержку, она, какъ мы сказали, подкапываетъ его будущность.

VII.

21-го августа.

...Если и нельзя согласиться съ *Крестовою Газетой*, что отнынѣ судьбы міра будутъ рѣшаться не въ Лондонѣ и въ Парижѣ, а въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ; то, съ другой стороны, нельзя и отрицать, что прусско-австрійскій союзъ въ тѣхъ видахъ въ какихъ онъ установился принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ событіямъ нашего времени, и что ему суждено, повидимому, оказать не малое вліяніе на общія дѣла Европы.

Въ какое же отношеніе можетъ стать Россія къ тѣмъ послѣдствіямъ прусско-австрійскаго союза которыя благопріятны для Пруссіи, и къ тѣмъ которыми при случаѣ можетъ воспользоваться Австрія? И тѣ, и другія находятся въ явномъ противорѣчіи съ нашими существенными интересами въ Балтійскомъ морѣ и на Востокѣ. Тѣмъ не менѣе, имѣя твердо въ памяти политику графа Нессельроде, Пруссія и Австрія были бы, повидимому, не прочь дать и намъ мѣстечко въ своемъ

нѣмецкомъ союзѣ, подъ условіемъ, разумѣется, чтобы мы дѣйствовали исключительно въ ихъ интересахъ. Но Россія, конечно, не попадетъ снова въ эти сѣти. Положимъ, что интересы ея сходятся съ интересами Австріи и Пруссіи въ сопротивленіи революціоннымъ планамъ, какіе приписываются Франціи. Но эти планы никакъ не могутъ быть прямо направлены противъ насъ, особенно еслибы національнымъ развитіемъ нашей внутренней политики былъ упраздненъ вопросъ польскій. Во всякомъ случаѣ противъ революціонныхъ замысловъ, откуда бы они ни исходили, можно защититься не внѣшними союзами, а мѣрами внутренняго благоустройства и благоуправленія.

Но если Россіи нечего добиваться *чести* быть въ союзѣ съ великими нѣмецкими державами, то нѣтъ ей надобности искать союза и съ Франціей. На всякій случай мы должны сохранять возможность равномѣрнаго сближенія съ каждою изъ трехъ группъ, на которыя распалась теперь Европа; но сами должны устремлять всѣ свои помыслы и всѣ свои силы ко внутреннему преуспѣянію Россіи. Въ настоящее время, какъ говорили мы не разъ, всѣ политическія задачи Россіи сосредоточены въ ней самой, а отнюдь не въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ.

VIII.

22-го августа. .

Въ № 184 *Московскихъ Вѣдомостей* напечатано Высочайше утвержденное, 14-го іюля сего года, Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ. Этимъ положеніемъ окончательно разрѣшенъ вопросъ, который въ свое время сильно занималъ нашу періодическую печать—вопросъ о томъ, кому должно быть ввѣрено попеченіе о первоначальномъ народномъ образованіи, государственной ли администраціи (то-есть Министерству Народнаго Просвѣщенія), церкви ли (то-есть православному духовенству), земству или наконецъ особому вѣдомству въ родѣ вѣдомства Человѣколюбиваго Общества. Почти одновременно подобный вопросъ подвергался разсмотрѣнію и въ баденской

палатѣ депутатовъ, которая посвятила ему цѣлый рядъ засѣданій, длившихся нерѣдко по пяти и шести часовъ. Въ главныхъ чертахъ своихъ оба положенія,—и наше, и баденское—сходятся между собою: и то, и другое ввѣряютъ попеченіе о первоначальномъ народномъ образованіи особымъ училищнымъ совѣтамъ, по участіе въ этихъ совѣтахъ предоставляютъ и органамъ администраціи, и церкви, и земства.

Для Россіи, при рѣшеніи этого вопроса, дѣло шло только объ интересахъ народнаго образованія; въ Баденѣ, гдѣ двѣ трети населенія принадлежатъ къ церкви римско-католической, слѣдовало еще обратить вниманіе на права и притязанія этой церкви, которая въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія всегда стремилась къ рѣшительному преобладанію надъ государствомъ. Баденскіе законодатели думали удовлетворить ея требованіямъ, допустивъ въ мѣстныхъ училищныхъ совѣтахъ участіе мѣстнаго католическаго или лютеранскаго священника, или и того и другаго, тамъ гдѣ школы посѣщаются учениками того и другаго вѣроисповѣданія, при чемъ министръ внутреннихъ дѣлъ г. Ломей, во время преній въ палатѣ представителей, не разъ объщалъ, что въ предсѣдатели училищныхъ совѣтовъ правительство будетъ назначать присутствующихъ въ нихъ католическихъ священниковъ. Тѣмъ не менѣе баденскій училищный законъ подалъ поводъ къ столкновенію: архіепископъ фрейбургскій въ пастырскомъ посланіи, отъ 19-го іюля, которое было прочитано съ церковныхъ каѳедръ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ возсталъ противъ намѣренія правительства подчинить народныя школы вѣдѣнію государства, и даже предостерегалъ родителей отъ посѣщенія ихъ дѣтьми школъ не исключительно католическихъ. Въ этомъ спорѣ принялъ участіе и самъ папа, высказавшійся рѣшительно въ пользу мнѣній и образа дѣйствій фрейбургскаго архіепископа. По счастію, такого рода столкновенія по поводу изданнаго у насъ Положенія невозможны: хотя въ статьѣ 6-й Положенія о народныхъ училищахъ и сказано, что въ нихъ могутъ быть принимаемы дѣти безъ различія вѣроисповѣданія, однакоже изъ указа о приведеніи въ дѣйствіе Положенія видно, что оно будетъ имѣть силу только въ мѣст-

ностяхъ заселенныхъ православными людьми. Поэтому въ Положеніи исключительно имѣются въ виду училища православнаго вѣроисповѣданія, и слѣдовательно религіозно-нравственное образованіе, которое признается главнѣйшею цѣлью этихъ училищъ, будетъ сообщаемо въ духѣ и по ученію православной церкви. Въ дѣло первоначальнаго народнаго образованія вносится такимъ образомъ, въ самомъ началѣ, въ самомъ принципѣ, положительный вѣроисповѣдный характеръ, что особенно важно, такъ какъ народныя училища, лишаясь вѣроисповѣднаго характера, по необходимости бываютъ безсильны давать религіозно-нравственное образованіе и превращаются въ простыя школы грамотности. Учреждаемые теперь правительствомъ училищные совѣты обязаны слѣдовательно имѣть попеченіе объ открытіи новыхъ и объ улучшеніи прежнихъ училищъ только для православнаго населенія. Старообрядцамъ, раскольникамъ, протестантамъ, католикамъ, Евреямъ, и т. д., живущимъ въ тѣхъ частяхъ Россіи на которыя простирается дѣйствіе Положенія, по всей справедливости, могло бы быть предоставлено либо пользоваться этими училищами по предметамъ преподаванія, кромѣ вѣроученія, либо самимъ заботиться объ учрежденіи отдѣльныхъ первоначальныхъ училищъ, въ каковомъ случаѣ надзоръ за ихъ училищами могъ бы принадлежать вообще училищному и губернскому начальствамъ, а не вновь учреждаемымъ училищнымъ совѣтамъ. Что таковы именно виды законодателя, въ этомъ насъ убѣждаютъ: 17-я статья Положенія, въ которой сказано, что «наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ во всѣхъ начальныхъ народныхъ и воскресныхъ училищахъ возлагается на мѣстнаго приходскаго священника», которому предоставляется, въ случаѣ надобности, сообщать свои замѣчанія учителю и лицамъ завѣдующимъ училищемъ, а еслибы его замѣчанія не были приняты, то доносить о томъ уѣздному училищному совѣту;—статья 19-я, которая въ составъ этого совѣта вводитъ члена только отъ духовнаго вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія, а въ составъ губернскаго училищнаго совѣта—епархіальнаго архіерея, въ качествѣ первенствующаго члена.—и наконецъ, Высочайшій указъ при кото-

ромъ Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ препровождено въ Правительствующій Сенатъ и въ которомъ сказано, что оно приводится въ дѣйствіе по предварительному сношенію министра Народнаго Просвѣщенія съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, а также и съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

До самаго послѣдняго времени, первоначальное народное образованіе было у насъ въ такомъ пренебреженіи, какъ, можетъ-быть, нигдѣ въ Европѣ. Число приходскихъ и народныхъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія простиралось въ 1862 всего до 1.200, вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ—до 6.367, и наконецъ вѣдомства Министерства Удѣловъ до 1.697,—всего 9.264 училища, что приблизительно даетъ по одному училищу на 6.236 человѣкъ, тогда какъ въ бѣдной въ этомъ отношеніи Австріи приходится по одному училищу на 1.200 человѣкъ обоего пола. Въ послѣднее время значительно размножились школы при церквахъ, а также возникли школы въ обществахъ временно-обязанныхъ крестьянъ, состоящія въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Попеченіе объ увеличеніи числа школъ должно быть главнымъ дѣломъ новыхъ училищныхъ совѣтовъ. Средства которыми могутъ располагать они въ этомъ случаѣ будутъ на первое время чисто-нравственныя: они заключаются лишь въ собственныхъ ихъ успѣхахъ возбудить ревность и духъ инициативы въ мѣстномъ духовенствѣ, въ мѣстныхъ обществахъ, а также и въ частныхъ лицахъ. Если 100.000 рублей, которые, въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 14-го іюля, должны быть распредѣлены между губернскими училищными совѣтами, будутъ употреблены ими исключительно на выдачу пособій учителямъ, учительницамъ и училищамъ, то все-таки ни число, ни размѣры этихъ пособій не могутъ быть столь значительны, чтобы благодаря этой матеріальной поддержкѣ можно было ожидать размноженія училищъ. Въ этомъ отношеніи законы 14-го іюля не измѣняютъ существенно настоящаго положенія дѣлъ; но за то они, при хорошемъ выполненіи, могутъ отчасти устранить другое зло, которое господствовало у насъ въ дѣлѣ первоначальнаго народнаго образованія. Это зло заключалось въ томъ,

что каждое изъ вышеупомянутыхъ вѣдомствъ (духовное и Министерства Народнаго Просвѣщенія, Государственныхъ Имуществъ, Удѣловъ и Внутреннихъ Дѣлъ) дѣйствовало въ этомъ отношеніи само по себѣ, безъ содѣйствія и поддержки со стороны другихъ вѣдомствъ и безъ общаго плана, а иногда даже вступало въ антагонизмъ со школами другихъ вѣдомствъ. Отъ новаго закона можно ожидать нѣкоторыхъ улучшеній въ этомъ отношеніи. Не вводя никакихъ новыхъ элементовъ въ дѣло, онъ соединяетъ, въ предположенныхъ имъ совѣтахъ, губернскихъ и уѣздныхъ представителей различныхъ вѣдомствъ, въ распоряженіи которыхъ состоятъ теперь народныя училища, присоединяя къ нимъ еще по два выборныхъ на каждый уѣздъ и на каждую губернію отъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній. Отъ единодушія и отъ рвенія къ дѣлу членовъ этихъ совѣтовъ будутъ во многомъ зависѣть успѣхи народнаго образованія. За исключеніемъ развѣ выборныхъ отъ земскихъ собраній, въ этихъ совѣтахъ не будетъ лицъ которыя были бы призваны трудиться исключительно на пользу народныхъ школъ и которыя не отвлекались бы отъ этого важнаго дѣла болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ другихъ служебныхъ обязанностей. Баденскій законъ предпочелъ прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ особымъ чиновникамъ, на которыхъ возлагается надзоръ за училищами въ ихъ округѣ и которымъ назначается относительно высокое содержаніе, по 1.900 гульденовъ въ годъ каждому; но, за то въ Баденѣ всего 11 округовъ. Надзоръ за успѣхами училищъ въ Баденѣ будетъ, безъ сомнѣнія, лучше чѣмъ у насъ; но съ другой стороны, нельзя не одобрить, что мы избѣгаемъ излишнихъ издержекъ на управленіе училищами и излишняго развитія бюрократическихъ вліяній: при столь ограниченныхъ суммахъ назначенныхъ на поддержку народныхъ училищъ, необходимо воздерживаться отъ косвенныхъ расходовъ, тѣмъ болѣе что при нашемъ недостаткѣ въ людяхъ эти косвенные расходы были бы, по всему вѣроятію, употреблены непроизводительно.

Что касается до надзора за училищами и до попеченія объ нихъ, то баденскіе законодатели предпочли заинтересовать имъ

жителей въ каждой мѣстности отдѣльно: дѣятельность баденскихъ училищныхъ совѣтовъ, по составу своему напоминающихъ наши совѣты, ограничивается училищами лишь одной городской и сельской общины, а училища цѣлаго округа ввѣряются вѣдѣнію особаго должностнаго лица, назначаемаго отъ правительства. У насъ наоборотъ: постояннаго мѣстнаго надзора, если не считать наблюденія мѣстныхъ священниковъ за религіозно-нравственнымъ направленіемъ училищъ, не установлено никакого, а общій надзоръ за училищами цѣлаго уѣзда ввѣренъ коллегіальному учрежденію, съ подчиненіемъ его еще высшему коллегіальному же учрежденію—губернскому училищному совѣту. Будетъ ли этотъ надзоръ дѣйствителенъ, въ состояніи ли будутъ члены училищныхъ совѣтовъ обозрѣвать ввѣренныя имъ училища и внимательно слѣдить за ихъ состояніемъ, все это покажетъ только время и опытъ.

Соединеніе вѣдомствъ, допущенное въ новыхъ училищныхъ совѣтахъ, не идетъ выше губернскихъ учрежденій. Въ порядкѣ высшей администраціи народныя училища подчинены преимущественно Министерству Народнаго Просвѣщенія хотя и вѣдомство православнаго исповѣданія будетъ, конечно, имѣть на нихъ нѣкоторое вліяніе. Но эти два вѣдомства будутъ дѣйствовать по прежнему порознь, независимо и отдѣльно одно отъ другаго. Укажемъ для примѣра на распредѣленіе учебныхъ пособій и руководствъ, изъ коихъ одни одобряются Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, а другія—духовнымъ вѣдомствомъ, между тѣмъ какъ наблюденіе за нравственно-религіознымъ направленіемъ училищъ, которое очень много зависитъ отъ свойства учебныхъ пособій и руководствъ, какъ сказано, возлагается на лица духовнаго вѣдомства. Хорошо, если виды министерства и его органовъ будутъ совпадать съ видами духовенства. Въ противномъ же случаѣ можно ожидать разлада, который не замедлитъ отозваться и на дѣлѣ народнаго образованія. Впрочемъ, нельзя не признать, что, вообще говоря, успѣхи этого дѣла зависятъ не столько отъ болѣе или менѣе удачно-придуманной организаціи учрежденій которымъ ввѣряется высшее завѣдываніе училищами, сколько отъ доброй воли и усердія тѣхъ дѣятелей на которыхъ возлагается ближайшее попеченіе о нихъ.

IX.

24-го августа.

Ближайшимъ полезнымъ послѣдствіемъ новоутвержденнаго Положенія о народныхъ училищахъ будетъ, кажется, сближеніе между училищами разныхъ вѣдомствъ. Теперь часто случается, что въ границахъ не только одного уѣзда, но даже одного мироваго участка, существуютъ училища не знающія одно о другомъ и слѣдовательно не испытывающія того живительнаго взаимнодѣйствія, и того соревнованія, напрягающаго энергію, которыя такъ естественно возникаютъ между людьми занятыми однимъ и тѣмъ же дѣломъ вблизи другъ отъ друга. Народныя школы разныхъ вѣдомствъ были у насъ до сихъ поръ какъ бы особыми областями взаимно недоступными и другъ для друга не существующими. Иная школа шла прекрасно и могла бы служить образцомъ для окрестныхъ школъ, но объ ней никто не зналъ, и кругъ ея полезнаго дѣйствія ограничивался тѣснымъ околоткомъ. Въ школахъ каждаго вѣдомства были свои обычаи и свои порядки: общей жизни не было и не могло быть. Новое Положеніе, соединяя всѣ народныя школы уѣзда подъ общимъ вѣдѣніемъ уѣзднаго училищнаго совѣта, можетъ имѣть въ училищномъ дѣлѣ такое же благотворное вліяніе, какое имѣла въ общей народной жизни отмѣна внутреннихъ таможень. Когда изсякнетъ источникъ искусственнаго взаимнаго отчужденія, долженъ явиться общій духъ и общій обычай, и народныя училища будутъ подчиняться ему столь же охотно, какъ вообще всякій охотно подчиняется общественному обычаю и даже модѣ. Это будетъ законъ живой, установившійся самъ собою и дѣйствующій сильнѣе закона писаннаго.

Мы говоримъ тутъ, конечно, не о преподаваніи грамоты, не о его методахъ. Это дѣло второстепенное. Мы говоримъ о внутреннемъ порядкѣ училища, о дисциплинѣ, о надзорѣ за взаимнымъ обращеніемъ учениковъ, за ихъ привычками, за ихъ опрятностью и т. д. Еслибы все что ожидается отъ народныхъ школъ ограничивалось скорою выучкой грамотѣ, то было бы

легко довести народныя школы до совершенства. Улучшенныя методы учить чтенію и письму дѣло не мудреное; распространить ихъ было бы не трудно, и если не всѣ учителя, то значительная часть учителей усвоила бы ихъ себѣ очень скоро. Но здравомыслящіе люди требуютъ отъ народныхъ школъ не одной грамотности, которая сама по себѣ приноситъ еще мало пользы, а иногда даже причиняетъ вредъ. Не даромъ въ нашей литературѣ слышались голоса противъ грамотности, и эти голоса шли никакъ не отъ однихъ обскурантовъ или крѣпостниковъ. Это были иногда голоса серіозные людей искренно-доброжелательныхъ, и вызываемы они были не страхомъ просвѣщенія, а страхомъ того умственнаго мрака, который сильнѣе гнететъ невѣжественнаго грамотѣя чѣмъ столько же невѣжественнаго безграмотнаго. Нельзя не порадоваться, что въ новомъ Положеніи не употребляется терминъ, который совсѣмъ было вошелъ въ употребленіе у нашихъ офиціальныхъ педагоговъ для обозначенія первоначальныхъ школъ: ихъ стали у насъ называть школами грамотности. Если въ устраненіи этого термина видѣть символъ направленія принятаго нынѣ дѣломъ народнаго обученія, то это символъ чрезвычайно важный: нѣтъ взгляда бездушнѣе и пошлѣе какъ тотъ взглядъ по которому народная школа непремѣнно должна выучивать свободно читать и писать: это условіе нельзя обойти, но не въ этомъ условіи заключается цѣль народнаго училища, та цѣль ради которой благотворительные люди жертвуютъ деньги и полагаютъ труды на учрежденіе школъ, какъ на дѣло богоугодное. Нельзя быть хорошимъ солдатомъ не обучившись стрѣльбѣ и маршировкѣ, но чтобы быть хорошимъ солдатомъ надобно нѣчто большее: надобно умѣть повиноваться и умирать за отечество, а предъ этимъ *ничто* искусство стрѣлять и маршировать превращается въ ничто. Въ народныхъ школахъ это *ничто*, несопзмѣримо большее чѣмъ грамотность, есть именно нравственность, которую народная школа должна развивать и утверждать въ ученикахъ не только посредствомъ прямыхъ наставленій, но и посредствомъ всей школьной обстановки. Строгая выдержка съ одной стороны, а съ другой стороны возбужденіе живаго религіознаго

чувства, возвышающаго людей надъ земными радостями и заботами, — вотъ та цѣль которую должна поставить себѣ всякая народная школа, желающая принести истинную пользу народу. Для этого не требуется ни учености, ни денегъ; для этого нужна прежде всего любовь къ дѣлу, основанная на увѣренности что это дѣло богоугодное. Вотъ почему, между прочимъ, изо всѣхъ классовъ духовенство наиболѣе призвано взять на себя дѣло народнаго образованія. Но тутъ мало того чтобы преподавать катихизисъ: все ученье должно быть запечатлѣно религіозно-нравственнымъ характеромъ. Тутъ мало и одного ученья: необходимо чтобъ ученью помогала нравственная выдержка учениковъ, достигаемая разумнымъ примѣненіемъ дисциплины. Не въ методахъ обученія грамотѣ, а въ методахъ веденія школы заключается тайна успѣха, и вотъ та сторона этого дѣла, гдѣ недостаточно одной любви къ нему, а нуженъ примѣръ и вырабатывающійся изъ примѣровъ школьный обычай. Какъ лучше учить грамотѣ, это можетъ быть изложено даже въ предписаніи, присылаемомъ по начальству, но предписанія безсильны для того чтобъ установился разумный и твердый школьный обычай. Тутъ успѣхъ зависитъ не отъ регламентовъ, а отъ путей которыми пойдетъ живое дѣло. Правильности же этихъ путей должно, повидимому, содѣйствовать общеніе, установляемое между народными школами новымъ Положеніемъ.

Обученіе простаго народа, по существенному своему характеру, есть дѣло богоугодное. Оно только тогда можетъ идти успѣшно, когда трудящійся ищетъ награды себѣ въ своей совѣсти. Начальническаго надзора, побуждающаго къ дѣятельности, тутъ быть не можетъ, а результаты дѣятельности подлежатъ повѣркѣ только своею формальною стороной. Можно испытать мальчиковъ хорошо ли они читаютъ, пишутъ, дѣлаютъ четыре ариѳметическія дѣйствія; можно замѣтить, по внѣшнему виду школы и учениковъ, соблюдаются ли въ школѣ опрятность и наружный порядокъ. Но далѣе этого контроль идти не можетъ. Все остальное, все наиболѣе важное остается на совѣсти учащихъ и приходскаго священника, обязаннаго наблюдать за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы. Тутъ дѣятель-

ность укрывается отъ людской оцѣнки, и единственная человѣческая благодарность, которою можетъ быть награжденъ воспитатель народа, есть благодарность его учениковъ, когда они возмужаютъ и оцѣнятъ его труды. Но какъ ни невозможно заплатить деньгами за трудъ народнаго воспитанія, тѣмъ не менѣе, даже въ тѣхъ случаяхъ когда этотъ трудъ беретъ на себя приходское духовенство, необходимо чтобы трудящемуся была дана матеріальная возможность трудиться. Если напримѣръ священнослужители принуждены работать въ полѣ для того чтобы убирать хлѣбъ съ церковной земли, то невозможно чтобъ они одновременно работали и въ школѣ. Если положеніе священнослужителя такъ стѣснено, что онъ не можетъ доставить необходимаго своимъ дѣтямъ, то можетъ ли онъ и, скажемъ болѣе, имѣетъ ли онъ право отдавать бо́льшую часть своего времени на обученіе дѣтей своихъ прихожанъ, вмѣсто того чтобы заботиться о своемъ домашнемъ хозяйствѣ? Онъ дѣлаетъ великую услугу прихожанамъ, обучая ихъ дѣтей; эта услуга такого рода что ее деньгами оцѣнить нельзя, но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы прихожане не были обязаны отплатить ему если не равнозначительною, то хоть какою-нибудь услугой? Теперь когда сдѣлалось извѣстнымъ, что казенное пособіе будетъ состоять на будущій 1865 годъ изъ суммы во 100.000 р. для всей Россіи, за исключеніемъ западнаго края, теперь пріобрѣтаетъ особенное значеніе вопросъ о вознагражденіи духовенства за его даровые труды по обученію народа. Чтобы дѣло народныхъ школъ подвигалось впередъ, ему необходимо матеріальное основаніе; въ противномъ случаѣ нельзя ожидать ничего болѣе какъ движенія назадъ. Но гдѣ найти это матеріальное основаніе, откуда взять средства, которыми можно было бы хоть сколько-нибудь вознаградить духовенство за его жертвы? Прежде всего представляется вопросъ, не могутъ ли священно- и церковнослужители занимающіеся обученіемъ крестьянскихъ дѣтей получать какую-нибудь плату съ ихъ родителей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они и получаютъ плату, но эта плата ничтожная, недостаточная, и вовторыхъ, для того чтобъ она взималась необходимъ все-таки общественный приговоръ.

Сколько намъ извѣстно, эта плата можетъ быть всего удобнѣе взимаема зерновымъ хлѣбомъ,—четверика по два, по три за ученика. Это мало, но крестьяне еще не на столько цѣнятъ ученье, чтобы согласиться на болѣе значительное пожертвованіе. Остается стало-быть желать, чтобы, кромѣ вознагражденія даваемаго каждымъ крестьяниномъ за обученіе его дѣтей, причтъ получалъ какое-нибудь вознагражденіе отъ цѣлаго крестьянскаго общества. Для этого послѣдняго вознагражденія самая практическая форма заключалась бы, кажется, въ общественномъ приговорѣ, опредѣляющемъ чтобы церковная земля была воздѣлываема и убираема прихожанами. Пожертвовать однимъ днемъ въ году или даже одною половиной дня крестьяне охотно согласятся въ каждомъ приходѣ, чтобъ отблагодарить причтъ за приходскую школу. Надобно только, чтобы кто-нибудь взялъ на себя трудъ растолковать имъ всю пользу такого приговора, и разчесть, какъ незначителенъ будетъ трудъ который достанется на долю каждаго изъ нихъ. Кто же можетъ сдѣлать это лучше и удобнѣе чѣмъ мировой посредникъ? Въ подмосковныхъ губерніяхъ опытъ уже показалъ, какъ бываютъ успѣшны усилія по учрежденію сельскихъ школъ, когда священникъ, съ одной стороны, а мировой посредникъ, съ другой, искренно расположены къ этому дѣлу. Мірскіе приговоры составляются въ этомъ случаѣ легко, и крестьяне оказываютъ готовность даже на болѣе значительныя пожертвованія нежели тѣ о которыхъ мы говоримъ.

Зная такой ходъ дѣлъ, нельзя не пожалѣть, что мировые посредники оставлены въ сторонѣ новопзданнымъ Положеніемъ. Причины того впрочемъ очевидны. Положеніе относится ко всему населенію уѣзда, а мировымъ посредникамъ подвѣдомственны только бывшіе помѣщичьи и удѣльные крестьяне. Но въ скоромъ времени мѣсто мировыхъ посредниковъ будетъ занято мировыми судьями, которыхъ вѣдѣнію будутъ подлежать не только крестьяне всѣхъ вѣдомствъ, но и вообще лица всѣхъ состояній. Тогда будетъ устранено теперешнее затрудненіе, и тогда откроется полная возможность воспользоваться пріобрѣтеннымъ теперь опытомъ, что мировая власть есть самый

надежный двигатель въ дѣлѣ устройства народныхъ училищъ безъ значительнаго пособія со стороны казны.

Какое же участіе могутъ принять въ этомъ дѣлѣ земскія учрежденія? Не находясь въ живомъ общеніи съ народомъ, они не могутъ содѣйствовать упомянутымъ нами общественнымъ приговорамъ, но они могли бы назначить со своей стороны денежныя пособія для постройки училищныхъ домовъ и денежныя награды лицамъ занимающимся обученіемъ народа. Желательно только, чтобъ эти награды выдавались не случайно и не произвольно, а на основаніи экзамена. Всего приличнѣе было бы, кажется, назначить денежную награду за каждаго мальчика и за каждую дѣвочку которые на экзаменѣ докажутъ что обучены, какъ слѣдуетъ, Закону Божію, чтенію, письму и четыремъ правиламъ ариѳметики. При этомъ, дабы поощрить обученіе дѣвочекъ, можно было бы назначить за нихъ награду нѣсколько возвышенную. Въ такомъ случаѣ казенное пособіе могло бы выдаваться школамъ особенно отличающимся предъ другими всею совокупностью даваемаго въ нихъ религіозно-нравственнаго воспитанія.

X.

25-го августа

Скептики спрашиваютъ, не сдѣлаются ли будущіе уѣздные училищные совѣты тѣмъ же чѣмъ сдѣлались разные комитеты положенные въ уѣздахъ по закону, но существующіе только на бумагѣ и ни разу въ годъ не собирающіеся. Отвѣчать на такой вопросъ значило бы предсказывать будущее. Но нельзя не указать, что Положеніе о народныхъ училищахъ установило порядокъ засѣданій въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ, который въ извѣстной степени долженъ ограждать ихъ отъ печальной судьбы безчисленныхъ уѣздныхъ комитетовъ, имѣющихъ лишь призрачное существованіе. Этотъ порядокъ заключается въ томъ, что уѣздные училищные совѣты засѣдаютъ не круглый годъ, а собираются ежегодно два раза въ двухнедѣльной сессіи.

Такого рода періодическія собранія представляютъ всегда гораздо болѣе интереса чѣмъ случайныя засѣданія разбросанныя по цѣлому году. Для примѣра можно указать на мировые съѣзды, которые по необходимости созываются чаще чѣмъ будутъ созываться уѣздные училищные совѣты, но тѣмъ не менѣе посѣщаются усердно. Съ другой стороны, надобно впрочемъ сказать и то, что мировые посредники получаютъ жалованье и потому имъ неловко уклоняться отъ присутствія на съѣздахъ, а предводитель дворянства, жалованья не получающій, занимаетъ на съѣздѣ лестное мѣсто предсѣдательствующаго члена. Одна періодичность засѣданій уѣзднаго училищнаго совѣта, конечно, не представляетъ еще достаточныхъ ручательствъ въ томъ, что они будутъ интересовать всѣхъ его членовъ. Главнымъ условіемъ тутъ слѣдуетъ признать хорошій составъ уѣзднаго совѣта. Только въ томъ случаѣ можно будетъ ожидать отъ училищныхъ совѣтовъ усердной и плодотворной дѣятельности, если въ ихъ члены поступятъ лица дѣйствительно интересующіяся дѣломъ народнаго воспитанія. Это самый важный пунктъ для успѣха этого дѣла, пунктъ требующій особенной заботливости со стороны тѣхъ властей которымъ поручено назначеніе членовъ: Положеніе предоставляетъ этимъ властямъ широкую свободу. Духовное вѣдомство можетъ назначить любаго изъ благочинныхъ, а другія вѣдомства не ограничены даже кругомъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ. Прежде напримѣръ предполагалось, что отъ вѣдомства народнаго просвѣщенія будетъ засѣдать въ училищномъ совѣтѣ штатный смотритель уѣзднаго училища. Но въ Положеніи сказано, что на штатнаго смотрителя обязательно возлагается лишь дѣлопроизводство по училищному совѣту. Изъ этого почти слѣдуетъ, что штатный смотритель едва ли будетъ назначаться въ члены совѣта, если не окажется къ тому особенно уважительныхъ побужденій, и что попечители учебныхъ округовъ, назначающіе въ училищный уѣздный совѣтъ члена отъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, могутъ дѣлать выборъ изъ всѣхъ жителей уѣзда. Столь же неограниченный выборъ предстоитъ и губернаторамъ, на которыхъ возложена обязанность назначать членовъ отъ вѣдомства

внутреннихъ дѣлъ. Можно надѣяться, что въ тѣхъ уѣздахъ гдѣ есть лица оказавшія несомнѣнныя заслуги народному воспитанію эти лица будутъ назначены отъ того либо другаго вѣдомства въ члены училищныхъ совѣтовъ. При соблюденіи этого условія, можно надѣяться, что сессіи училищныхъ совѣтовъ не только не будутъ собираться лишь номинально, но каждый разъ будутъ оставлять по себѣ живую память въ успѣхахъ совершаемыхъ дѣломъ ввѣреннымъ ихъ попеченію.

Нельзя съ другой стороны не упомянуть, что періодическія сессіи уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ представляютъ одно важное неудобство. Положеніе даетъ имъ право разрѣшать открытіе народныхъ училищъ и утверждать назначеніе учителей и учительницъ, между тѣмъ какъ закрытіе училищъ и устраненіе учащихъ лицъ поставлены внѣ компетенціи уѣздныхъ совѣтовъ и входятъ въ кругъ правъ совѣтовъ губернскихъ; такимъ образомъ, отъ уѣздныхъ совѣтовъ не будетъ зависѣть пресѣченіе злоупотребленій или вредныхъ уклоненій, но они будутъ имѣть полную возможность задерживать полезныя начинанія отсрочкой своего разрѣшенія. Какъ въ томъ такъ и въ другомъ заключается существенное неудобство, въ послѣднемъ случаѣ тѣмъ болѣе разительное, что устраненіе это даже не зависитъ отъ доброй воли уѣздныхъ совѣтовъ. Такъ какъ они собираются въ опредѣленные сроки, то въ промежутки между сессіями они не имѣютъ возможности разрѣшать открытіе школъ или опредѣленіе учителей и учительницъ. Предсѣдатель совѣта, правда, уполномоченъ закономъ созывать совѣтъ и чаще чѣмъ два раза въ годъ. Но неужели онъ долженъ пользоваться этимъ правомъ каждый разъ когда представится случай открытія новаго училища или опредѣленія новаго учителя и новой учительницы? Созывая совѣтъ слишкомъ часто, не уменьшитъ ли онъ значеніе его сессій, а слѣдовательно и интересъ сопряженный съ ними для членовъ совѣта? Не поведетъ ли это къ тому, что въ дѣйствительности совѣтъ не будетъ собираться, а только будутъ разсылаться протоколы для подписи къ его членамъ? Но если заведется такой обычай, то

что станется съ уѣздными совѣтами? Не сойдутъ ли они на одну степень съ уѣздными комитетами упомянутыми выше?

Таково, сколько намъ кажется, главное неудобство, которое не замедлитъ представиться, особенно въ тѣхъ уѣздахъ гдѣ дѣло народныхъ училищъ пойдетъ живо. Не забѣгая впередъ, мы не позволимъ себѣ ничего предлагать въ устраненіе этого неудобства. Но считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ взглядѣ, что предоставленное уѣзднымъ совѣтамъ право разрѣшать открытіе училищъ и опредѣленіе въ нихъ учителей и учительницъ не можетъ причинить существенныхъ неудобствъ. Говорятъ, что повременить открытіемъ училища какіе-нибудь полгода ничего не значитъ, а учителя и учительницы въ народныхъ училищахъ не могутъ смѣняться часто. Говорятъ еще, что гораздо легче отказать въ утвержденіи человѣку мало достойному, нежели устранить его отъ должности когда онъ уже занялъ ее. Но на дѣлѣ очень часто должно оказываться совершенно противное. Устранить утвержденнаго учителя труднѣе, чѣмъ не утвержденнаго, а еще труднѣе входить объ устраненіи съ представленіемъ, которое можетъ-быть не будетъ уважено. Не менѣе трудно отказать въ утвержденіи человѣку еще не показавшему себя на дѣлѣ, особенно когда нѣтъ другихъ охотниковъ занять должность. При теперешнихъ обстоятельствахъ, отъ уѣзднаго совѣта невозможно требовать строгой разборчивости при утвержденіи учителей, а между тѣмъ учитель утвержденный совѣтомъ будетъ какъ бы на его отвѣтственности. Если онъ окажется дуренъ, то будетъ значить, что совѣтъ ошибся давъ ему утвержденіе. Представляя губернскому совѣту объ устраненіи дурнаго учителя, уѣздный совѣтъ будетъ какъ бы виниться въ ошибочномъ утвержденіи его. Итакъ, для противодѣйствія недостаткамъ сельскихъ училищъ этотъ порядокъ едва ли окажется удобнымъ, а между тѣмъ онъ можетъ несомнѣнно затруднять ходъ дѣла. Сколько можетъ встрѣтиться случаевъ, когда школа, которая могла бы осуществиться, еслибы была открыта безъ замедленія, будетъ отложена *ad calendas graecas* изъ-за нежеланія просить разрѣшенія? Если на учрежденіе школъ надобно смотрѣть какъ на

пожертвованіе, то на жертвователей нельзя смотрѣть какъ на героевъ, готовыхъ бороться съ препятствіями. Это замѣчаніе имѣетъ особенную силу у насъ, гдѣ общественную инпціативу надобно вызывать, и иногда съ большими усиліями, а отнюдь не сдерживать. Что касается мнѣнія, что учитель въ народныхъ школахъ обыкновенно остается по нѣсколько лѣтъ, то и тутъ нельзя не замѣтить, что русскимъ народнымъ училищамъ надобно пользоваться всякимъ случаемъ для увеличенія своего персонала. Нельзя полагать, чтобы напримѣръ дочери или жены помѣщиковъ смотрѣли благопріятно на необходимость испрашивать разрѣшенія уѣзднаго совѣта на свое участіе въ школьномъ преподаваніи; но кто скажетъ что это участіе не желательно? Было бы не трудно привести много примѣровъ этомъ родѣ, еслибъ это было нужно.

XI.

28-го августа.

Въ послѣднее время въ иностранныхъ газетахъ то-и-дѣло появляются извѣстія о томъ, что въ управленіи Царствомъ Польскимъ предстоятъ значительныя перемѣны: военное положеніе будто бы будетъ снято; учрежденія которыя предположены были въ 1862 году будутъ не только возстановлены, но и получатъ дальнѣйшее развитіе, основанное на самомъ широкомъ признаніи автономіи. Но изъ сообщаемыхъ тѣми же газетами извѣстій видно, что Царство Польское находится пока вовсе не въ нормальномъ состояніи, и что отмѣнить въ немъ военное положеніе въ настоящее время значило бы тотчасъ же предать большинство его населенія въ руки всесвѣтной революціи и новыхъ шаекъ мятежниковъ и жандармовъ-вѣшателей. Какая же тутъ возможна автономія?

Притомъ въ настоящее время въ Польшѣ предпринятъ цѣлый рядъ преобразованій которыя должны измѣнить самый составъ общества и взаимныя отношенія различныхъ его классовъ. Эти преобразованія коснулись пока только крестьянъ и

помѣщиковъ; но, какъ слышно, они будутъ распространены и на духовенство—бѣлое и черное, и на городское населеніе. Мятежъ 1863 обнаружилъ, въ какомъ ненормальномъ положеніи находятся всѣ классы польскаго общества. Одно оно въ цѣлой Европѣ почти неизмѣнно сохраняло всѣ особенности средневѣковаго быта, по крайней мѣрѣ, всѣ худыя его стороны. Масса крестьянскаго населенія оставалась почти безъ правъ, подъ двойнымъ гнетомъ патримоніальнаго суда и конфессіонала. Если паны пользовались своими государственными правами для борьбы противъ Русскаго государства, то члены римской іерархіи, къ сожалѣнію, на всѣхъ ступеняхъ, отъ низшей до высшей, именемъ религіи мира и любви возбуждали ненависть къ нему, а римско-католическіе монастыри обратились изъ мѣстъ молитвы въ склады оружія для мятежниковъ и въ убѣжища для душегубцевъ. Матеріаломъ же для безумнаго движенія послужилъ тотъ элементъ польскаго общества который Поляки, по характеристическому недоразумѣнію, называютъ польскимъ народомъ,—многочисленное населеніе городовъ и мѣстечекъ, составляющее наибольшую оригинальность польскаго края. Этотъ классъ такъ-называемыхъ обывателей и служащихъ получилъ тамъ развитіе нисколько не соотвѣтствующее состоянію промышленности и торговли,—развитіе, объясняющееся тѣмъ, что города и мѣстечки служатъ предпочтительнымъ мѣстомъ жительства низшаго дворянства, или польской шляхты, составлявшей нѣкогда вооруженные отряды и свиту ясновельможныхъ паповъ, а теперь совершенно обнищавшей, но все-таки гордой своимъ происхожденіемъ и съ пренебреженіемъ взирающей на деревню и на ея обитателей хлоповъ, то-есть на настоящій польскій народъ. Это городское населеніе, со включеніемъ промышленной его части, то-есть 600 тысячъ Евреевъ, простирается до 1.200.000 человѣкъ, составляя болѣе одной трети всего населенія въ Царствѣ Польскомъ,—явленіе, которому подобнаго не находимъ нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ одной Великобританіи, съ ея изумительнымъ развитіемъ всѣхъ отраслей городской промышленности и торговли. Понятно, что при низменномъ состояніи городскихъ промысловъ

въ Польшѣ, значительная часть этой трети всего населенія края представляетъ собою классъ истыхъ паразитовъ, который, не имѣя никакихъ положительныхъ интересовъ, служитъ самымъ удобнымъ орудіемъ для всякаго рода отрицательныхъ и разрушительныхъ дѣйствій. Не представляя надежной опоры ни для одной изъ партій, боровшихся за власть въ революціонной организаціи, этотъ классъ былъ однакоже почти единственнымъ разсадникомъ всѣхъ мятежническихъ полчищъ и всѣхъ наемныхъ убійцъ и жандармовъ-вѣшателей, которыми опозорился польскій край во время послѣдняго мятежа. Если припомнить еще, что въ Польшѣ считается до 1.318.000 безземельныхъ крестьянъ, то надобно будетъ сознаться, что революція располагаетъ тамъ столь же значительными способами, сколько ничтожны тѣ способы которыми можетъ располагать польская національная администрація, какому бы политическому направленію она ни слѣдовала.

Что будетъ предпринято Русскимъ правительствомъ, сверхъ крестьянской реформы, въ виду такого ненормальнаго состоянія польскаго общества, и насколько его предпріятія въ этомъ направленіи увѣнчаются успѣхомъ, мы не знаемъ. Не споримъ впрочемъ, что успѣшность соціальныхъ реформъ много облегчила бы окончательное разрѣшеніе польскаго вопроса, хотя и не согласны съ тѣми по мнѣнію которыхъ разрѣшенія его слѣдуетъ искать только путемъ соціальныхъ реформъ, не придавая особеннаго значенія политическимъ отношеніямъ и политическому быту страны. Польша, говорятъ они, важна для Россіи не сама по себѣ, а по притязаніямъ ея свѣтской и духовной аристократіи на обладаніе исконно-русскими областями. Какъ только путемъ соціальныхъ реформъ значеніе этихъ аристократическихъ классовъ будетъ умалено, городской и сельскій пролетаріатъ будетъ если не вовсе уничтоженъ, что невозможно, то много уменьшенъ, и основою всего польскаго общества станетъ здоровый, не зараженный властолюбивыми, враждебными Русскому народу и государству стремленіями, многочисленнѣйшій классъ мелкихъ землевладѣльцевъ-земледѣльцевъ, а въ самой западной Россіи польскіе помѣщики принуждены будутъ или

продать свои земли, или признать себя Русскими, тогда въ какихъ бы политическихъ отношеніяхъ Польша ни стояла къ Россіи, она перестанетъ быть вѣчною угрозой для спокойствія и неприкосновенности западныхъ ея предѣловъ.

Заключеніе это само по себѣ можетъ быть вѣрно; но предположенія изъ которыхъ оно вытекаетъ несравненно труднѣе осуществить чѣмъ самыя смѣлыя политическія мѣры. Свѣтская и еще болѣе духовная аристократія не могутъ быть настолько ослаблены, чтобъ они перестали быть самыми значительными классами польскаго населенія: для этого была бы нужна политика Тамерлановская. Два милліона безземельныхъ и ничего неимущихъ горожанъ (не считая Евреевъ и поселянъ) никогда не могутъ быть надѣлены землею или какою бы то ни было собственностью, и стало-быть въ нихъ средѣ всегда будетъ значительное число людей которыхъ можно будетъ привлечь къ любымъ политическимъ замысламъ. Наконецъ, классъ крестьянъ, облагодѣтельствованныхъ Россіей, стоявшій до сихъ поръ въ антагонизмѣ съ помѣщиками, отдѣлявшійся отъ нихъ цѣлою пропастью, можетъ теперь, и именно вслѣдствіе крестьянской реформы, вслѣдствіе предстоящаго вскорѣ прекращенія всѣхъ счетовъ съ панами, легко къ нимъ примкнуть въ борьбѣ, которой постараются придать значеніе не только національное, но и религіозное: легко можетъ быть отравленъ въ политическомъ и національномъ отношеніяхъ, благодаря естественному на него вліянію римско-католическаго духовенства и крупныхъ землевладѣльцевъ. Всякій согласится, что эти предположенія ничуть не менѣе правдоподобны, не говоря уже о томъ, что успѣхъ и окончательные результаты соціальныхъ реформъ всегда сомнительнѣе чѣмъ успѣхъ и результаты реформъ политическихъ. Послѣднія указываются обстоятельствами и изъ нихъ вытекаютъ; первыя пытаются создать нѣчто новое, никому неизвѣстное.

Какъ кажется, въ Царствѣ Польскомъ всего необходимѣе теперь такая политика, которая касалась бы не столько соціальныхъ отношеній, сколько политическаго быта страны и ея отношеній къ Имперіи. Настоящее время въ высшей степени

благопріятно для мѣръ подобнаго рода. Мы слышали отъ достовѣрныхъ очевидцевъ, что польскіе крестьяне съ самымъ полнымъ довѣріемъ и сочувствіемъ внимаютъ русской рѣчи членовъ коммиссій, и предпочитаютъ документы утверждающіе ихъ права на русскомъ языкѣ, заявляя, что они вовсе не нуждаются въ польскомъ ихъ переводѣ. Своихъ прежнихъ пановъ они называютъ Поляками, польскихъ чиновниковъ, страннымъ образомъ, Москалями, а русскихъ членовъ коммиссій съ большимъ сочувствіемъ величаютъ Русскими. Какой можемъ имѣть интересъ отталкивать этихъ добрыхъ хлоповъ отъ сближенія и общенія съ Русскимъ народомъ? Еслибы спросить ихъ теперь, какой грамотѣ желаютъ они учиться въ своихъ школахъ, если спросить ихъ не черезъ польскаго чиновника или ксендза, то, какъ увѣряютъ, девять человѣкъ изъ десяти выскажутся въ пользу русской, а не польской грамоты. Почему намъ не воспользоваться этимъ настроеніемъ? Многіе славянисты мечтали о введеніи общаго алфавита для всѣхъ славянскихъ народовъ и видѣли въ томъ могущественное средство племеннаго общенія. Если когда-нибудь можно было сдѣлать первый шагъ на этомъ пути, то конечно теперь, когда введеніе кириллицы вмѣсто латинскаго алфавита было бы принято въ польскихъ народныхъ школахъ съ большою радостью. Это мысль не новая; многіе даже между Поляками готовы привѣтствовать ее, какъ шагъ впередъ. Нѣтъ разсудительнаго человѣка который не видѣлъ бы что звуки польскаго языка несравненно проще и естественнѣе могутъ быть переданы русскими нежели употребительными теперь латинскими буквами. А между тѣмъ подобная мѣра стоила бы въ политическомъ отношеніи нѣкоторыхъ соціальныхъ реформъ, причиняющихъ несчетныя бѣдствія и потрясающихъ край до основанія, но не выводящихъ польскую національность изъ того фальшиваго положенія которое ее мучитъ и терзаетъ, отравляя и губя ея лучшія силы.

Теперь такое время, что всякая реформа въ политическихъ отношеніяхъ Царства Польскаго, освобождающая его жителей отъ гнетущаго ихъ кошмара неосуществимыхъ надеждъ, можетъ быть совершена легко и удобно, по крайней мѣрѣ, безъ

серіозныхъ препятствій. Со стороны польскаго революціоннаго жонда эти препятствія невозможны, а европейскія державы не могли не убѣдиться, что статьи Вѣнскаго трактата относящіяся къ Польшѣ рѣшительно не осуществимы, и что существованіе этихъ статей только порождаетъ въ Полякахъ смутныя и вѣчно-тревожныя ожиданія, которыя разрѣшаются для нихъ безплоднымъ кровопролитіемъ и нескончаемыми бѣдствіями. Къ чему питать эти надежды на отдѣльное политическое существованіе, когда надъ ними состоялся неотразимый приговоръ исторіи? Не лучше ли открыть жителямъ Царства Польскаго путь къ трезвой и полезной дѣятельности, огражденной справедливымъ и доброжелательнымъ, но неуступчивымъ относительно политическаго сепаратизма закономъ.

XII.

31-го августа.

Въ послѣднее время мы получили изъ юго-западнаго края нѣсколько извѣстій весьма печальныхъ. Письма оттуда исполнены жалобъ на возникающія между Русскими разногласія, тогда какъ лица намѣревающіяся оставаться Поляками и дѣйствовать въ польскихъ видахъ на русской почвѣ держатся согласнѣе чѣмъ когда-либо и какъ одинъ человѣкъ слѣдуютъ лозунгу, даваемому имъ неизвѣстно откуда. Совокупность усилій направленныхъ къ одной цѣли не можетъ не увѣнчаться успѣхомъ, если не встрѣтитъ соотвѣтственнаго отпора, а какой отпоръ можетъ дать общество дробящееся на круги и кружки взаимно другъ другу недовѣряющіе и даже другъ противъ друга ратующіе? Вотъ отъ чего, пишутъ намъ, Русскими овладѣваетъ тамъ уныніе, и они недоумѣваютъ къ чему все это должно привести. Пишущіе съ горестью обвиняютъ русскихъ людей въ неспособности бороться съ польскою шляхтой тѣми же общественными средствами, которыми она дѣйствуетъ такъ успѣшно; причину этой неспособности они видятъ въ разъединеніи, и спрашиваютъ, не есть ли это разъединеніе коренная

слабость русскаго общества, дѣлающая его безсильнымъ предъ обществомъ польскимъ.

Удивительное явленіе! Польская Рѣчь Посполитая погибла отъ совершеннаго отсутствія единодушія; польская эмиграція остается вѣрною этому національному характеру; въ Царствѣ Польскомъ по возстановленіи его императоромъ Александромъ I, тотчасъ же явились раздоры, и Чарторыйскимъ опротивѣли всѣ дарованныя Царству политическія льготы, только потому что во главѣ управленія былъ поставленъ Зайончекъ; въ самое послѣднее время, на нашихъ глазахъ, повторились эти раздоры въ степени нисколько не меньшей чѣмъ прежде. Изъ брошюры графа Лубенскаго, вышедшей весной прошлаго года, мы знаемъ какою цѣной могло быть куплено сближеніе графа Андрея Замойскаго съ маркизомъ Велёпольскимъ; для этого великаго событія Россія должна была уступить Царству Польскому Литву, Бѣлоруссію и Заднѣпровскую Малороссію и учредить общій сеймъ для всего этого края; тогда, говоритъ графъ Лубенскій, Замойскій могъ бы протянуть руку Велёпольскому; какія же чудеса должны были бы совершиться на свѣтѣ, чтобы маркизу Велёпольскому подалъ руку генералъ Мѣрославскій? Такова бездна лежащая между претензіями, которыя мы до сихъ поръ такъ неразумно чествуемъ общимъ именемъ польскаго патріотизма.

О Русскомъ народѣ напротивъ всякій изъ нашихъ недруговъ долженъ сказать, что его сила въ единодушіи, и что онъ всегда умѣлъ стоять какъ одинъ человѣкъ когда дѣло шло объ интересахъ отечества. Внутреннія несогласія всегда смолкали, всякій ропотъ стихалъ, коль скоро требовалось дружно поддержать власть защищающую національные интересы. Пусть Русскому народу отказываютъ въ другихъ достоинствахъ; но въ этомъ достоинствѣ отказать ему невозможно. Какой хаосъ господствовалъ въ нашемъ обществѣ предъ взрывомъ послѣдняго польскаго возстанія! Какіе явные были признаки разложенія, какъ было все повидимому отравлено взаимнымъ недовѣріемъ и недовольствомъ! И какое величественное зрѣлище представилъ воспрянувшій народный духъ

въ незабвенное лѣто прошлаго года! Гдѣ въ исторіи есть примѣръ большей силы и вмѣстѣ большей чистоты всенароднаго одушевленія? Если чего не доставало намъ для торжества надъ всѣми препятствіями, то ужь, конечно, не единодушія общества.

Таковъ русскій національный характеръ, заявленный неоднократно и несомнѣнно. Какъ же объяснить, что въ юго-западномъ краѣ роли повидимому перемѣнились? Какъ понять то что теперь тамъ происходитъ и приводитъ русскихъ людей въ уныніе? Гдѣ корень этой изумительной силы польскихъ притязаній и интригъ, и гдѣ корень того пагубнаго разъединенія, которымъ причиняется тамъ кажущееся безсиліе русскаго общества?

Въ отвѣтѣ на эти вопросы, кажется намъ, не можетъ быть сомнѣнія. Существенная черта, опредѣляющая собою характеръ всѣхъ фазъ польской агитаціи, заключается въ ея несосуществимости. Поэтому, чѣмъ ближе польское движеніе къ своему осуществленію, тѣмъ менѣе въ немъ бываетъ условій успѣха, и наоборотъ, чѣмъ далѣе отодвигается цѣль, тѣмъ единодушнѣе оказывается движеніе. Въ юго-западномъ краѣ положеніе польскаго дѣла теперь не имѣетъ никакой собственной силы, но надежды на благопріятный поворотъ дѣлъ, основанныя на неизвѣстности относительно будущаго рѣшенія польскаго вопроса, еще далеко не исчезли. Сознаніе слабости внушаетъ согласіе, а надежды на успѣхъ вселяютъ энергію: вотъ элементы изъ которыхъ выростаетъ эта сила польскаго единодушія въ юго-западномъ краѣ, которая изумляетъ русскихъ наблюдателей и которая однакоже есть не что иное какъ сила безсилія. Ея поприще ограничивается тайною интригой. На другихъ поприщахъ она безсильна, но нельзя скрывать отъ себя, что тутъ она можетъ причинить неисчислимое зло, если не встрѣтитъ соотвѣтственнаго отпора.

Почему же русскій элементъ не даетъ ей этого отпора? Отчего русскіе люди позволяютъ ей опутывать себя? Отъ равнодушія ли къ интересамъ отечества? Отъ недостатка ли способности подать другъ другу руку когда миновала явная опасность? Не думаемъ. Апатію и разъединеніе нельзя принимать

за причину; это не болѣе какъ признаки неопредѣленнаго положенія дѣлъ. Поляки дѣйствуютъ согласно и дальновидно не потому чтобъ они стояли выше Русскихъ въ политической зрѣлости; не потому чтобъ они были всѣ до единаго одарены проницательностью, зорко усматривающею тотъ путь по которому слѣдуетъ идти чтобы достигнуть вѣрнаго успѣха. Ничего подобнаго у Поляковъ нѣтъ. Ихъ политическія дарованія достаточно обличаются ихъ невѣроятными политическими ошибками; политической проницательности у нихъ такъ мало, что можно напротивъ изумляться ея совершенному отсутствію во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, которыя переходятъ изъ сферы интригъ въ открытую сферу политическихъ дѣйствій. По части вѣрнаго взгляда и здраваго сужденія намъ нечего имъ завидовать. Если они превосходятъ насъ кажущеюся энергіей и твердостью, то только потому что мы сами гальванизируемъ ихъ національность; если они начинаютъ одерживать надъ нами верхъ своимъ единодушіемъ, то только потому что у нихъ есть программа дѣйствій,—программа ясная и для всѣхъ понятная. Вотъ то чего не достаетъ у насъ, и вотъ почему русскіе люди въ юго-западномъ краѣ впадаютъ въ уныніе и не въ состояніи противодѣйствовать возникающему между ними разногласію. Дайте имъ ясную національную программу, и тотчасъ же со всею силой скажется въ нихъ способность къ дружному дѣйствію, составляющая отличительную черту русскаго характера.

Но, скажутъ, Поляки выработали же себѣ программу дѣйствій: почему не выработаютъ ее себѣ и Русскіе живущіе въ юго-западномъ краѣ? Поляки пришли же къ соглашенію: почему Русскіе идутъ въ розни? Не есть ли это признакъ слабости?

Дѣлающіе такой выводъ упускаютъ изъ виду, что между составленіемъ русской и польской программы дѣйствій есть огромное различіе. Польской націи нѣтъ, и польскій патріотизмъ— не что иное какъ заговоръ; лозунгъ которому подчиняются Поляки исходитъ изъ тайнаго источника. Можетъ ли быть что-нибудь подобное съ русской стороны? Единственная организація въ которой можетъ дѣйствовать русскій человѣкъ вступающій въ борьбу съ польскими притязаніями есть Русское

государство. Русское общество не можетъ приходить къ соглашенію тѣми путями которыми достигается соглашеніе между Поляками. Оно можетъ дѣйствовать только по программѣ опредѣляемой общимъ настроеніемъ внутренней политики своего государства, и сила національныхъ надеждъ его одушевляющихъ зависитъ отъ того насколько эта внутренняя политика вызываетъ эти надежды. Сила русской народности можетъ обнаружиться въ западномъ краѣ только послѣ того какъ польскій вопросъ будетъ рѣшенъ въ русскомъ національномъ смыслѣ.

СЕНТЯБРЬ.

I.

1-го сентября.

Иностранныя газеты, особенно нѣмецкія, отъ времени до времени возвращаются къ такъ-называемому польскому вопросу, и стараются уяснить себѣ результаты послѣдняго польскаго мятежа. Всѣ они,—а вмѣстѣ съ ними общественное мнѣніе всей Европы,—глубоко убѣждены, что Поляки послѣднимъ своимъ возстаніемъ нанесли послѣдній ударъ не только призраку Польши какъ особаго государства, созданнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ личною волей императора Александра I, но и призраку польской національности, которая, какъ извѣстно, нигдѣ не сохранилась въ такой силѣ, какъ подъ русскимъ скипетромъ, и нигдѣ не находила себѣ такой пищи, какъ въ собственныхъ предѣлахъ Россіи, въ ея западныхъ и юго-западныхъ областяхъ, такъ какъ здѣсь она питалась всѣми соками Русскаго народа, здѣсь были главнѣйшія матеріальныя ея средства, здѣсь же нашла она себѣ и выразителя въ поэтѣ Мицкевичѣ, художественныя произведенія котораго дышатъ фанатическою ненавистью къ русскому имени,—ненавистью, которая считаетъ всѣ средства дозволенными для достиженія своей цѣли,—вотъ естественный и ближайшій результатъ котораго ожидаетъ Европа. «Польша, говоритъ австрійская газета *Ostdeutsche Post*, была до сихъ поръ Ахиллесовою пятой Россіи, то-есть, мѣстомъ въ которое враги ея могли смертельно уязвить ее; отнынѣ ей суждено, повидимому, стать передовымъ постомъ русской народности, выдвинутымъ въ самое сердце Европы, и даже орудіемъ нападенія на нее.» Убѣжденіе это такъ распространено, что

прусскія полуофиціальныя газеты считаютъ обрусѣніе Польши какъ бы совершившимся фактомъ, и стараясь приковать Австрію къ союзу съ Пруссіей, находятъ возможнымъ указывать ей на то, что ей можетъ понадобиться военная помощь со стороны Пруссіи для охраненія Галиціи отъ захватовъ Россіи.

Это неминуемое внутреннее сліяніе польскаго элемента съ русскимъ *Ostdeutsche Post* приводитъ въ связь съ пробужденіемъ національнаго и политическаго сознанія самихъ Русскихъ, которое, по словамъ этой газеты, было также слѣдствіемъ послѣдняго польскаго мятежа и обстоятельствъ его сопровождавшихъ. И подлинно, еслибы національное и политическое сознаніе самихъ Русскихъ пріобрѣло бо́льшую бодрость, неминуемымъ слѣдствіемъ того было бы не подавленіе, не истребленіе польской національности, а полное сліяніе ея съ русскою народностью, и напротивъ, какъ только слабѣетъ и засыпаетъ русское народное чувство, тотчасъ же начинаетъ оживляться и укрѣпляться польская національность, которая, какъ сказано, питается соками Русскаго народа и въ стремленіи къ господству надъ нимъ имѣетъ свой корень и свое основаніе. Возстановленіе политическаго существованія польской національности и предположеніе раздвинуть предѣлы этого возстановленнаго государства внутрь Россіи находились въ прямомъ противорѣчіи несомнѣннымъ историческимъ правамъ русской народности.

Способы, которыми, по представленію иностранныхъ газетъ, совершится сліяніе польскаго элемента съ русскимъ, естественно, заимствуются ими изъ богатой опытами и примѣрами этого рода исторіи и современности государствъ Европы. Обрусѣніе Польши, читаемъ мы въ иностранныхъ газетахъ, будетъ произведено en bloc, въ цѣломъ составѣ ея: съ этою цѣлью громадныя имущества продаются всякому, кто пожелаетъ: Русскому, Нѣмцу, Еврею, лишь бы не Поляку; населеніе цѣлыхъ мѣстечекъ и деревень препровождается въ Россію и замѣняется русскими колонистами; могущество свѣтской и духовной аристократіи совершенно сокрушается, и въ довершеніе всего вводится во всѣхъ школахъ русскій языкъ, который тѣмъ легче можетъ водвориться въ Польшѣ, что оба языка близко родственны между собою.

Какъ ни преувеличена эта картина, какъ ни мало соотвѣтствуетъ она дѣйствительности, однакоже и съ нею совершенно примиряется общественное мнѣніе въ Европѣ. «Какъ бы ни обливалось кровью сердце,—говоритъ *Ostdeutsche Post*,—при воспоминаніи о геропческихъ усиліяхъ Поляковъ, которые, впрочемъ, сами сгубили себя и свою страну, однакоже политикъ долженъ прежде всего заботиться о томъ, чтобы вѣрно сводить свои счеты и не туманить себѣ взоровъ никакою сентиментальностью: кровь пролитая въ Польшѣ потушила (?) пожары въ Россіи, утвердила дѣло освобожденія крестьянъ и распространила благодѣянія этой мѣры на самоё Польшу, гдѣ она должна не только приковать крестьянъ къ Русскому правительству, но и содѣйствовать полному обрусѣнію Поляковъ.»

Оставимъ въ сторонѣ всѣ другія мѣры политическаго и соціальнаго свойства, которыхъ естественно ожидаетъ отъ Россіи общественное мнѣніе Европы по отношенію къ Польшѣ, и остановимся только на одной изъ нихъ: на введеніи русскаго языка во всѣ школы и училища въ этомъ краѣ. Какимъ образомъ могло бы общественное мнѣніе въ Европѣ не только протестовать противъ этой мѣры, не только не примиряться съ нею, но даже не ожидать ея отъ Россіи? Россія считается государствомъ европейскимъ; Россія, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, слѣдуетъ европейскимъ образцамъ и примѣрамъ. Что же видимъ мы въ Европѣ? Не говоримъ уже о Познани и о Галиціи, гдѣ нѣтъ теперь ни одного Поляка, получившаго хотя какое-нибудь школьное образованіе, который бы не говорилъ и по меньшей мѣрѣ не понималъ по-нѣмецки, гдѣ и въ народныхъ училищахъ учатъ нѣмецкому языку; но вотъ страна только вчера завоеванная Прусаками и Австрійцами: мы разумѣемъ сѣверный Шлезвигъ, заселенный почти исключительно Датчанами. Что же дѣлаютъ въ немъ Прусаки? Они на другой же день послѣ завоеванія принялись вводить въ немъ свой нѣмецкій языкъ и въ богослуженіе, и въ школы. *Berlingske Tidende*, полуофиціальная газета копенгагенская, горько жалуется на это, какъ на актъ насилія; она сообщаетъ, что всѣ природные Датчане и расположенные къ Даніи Нѣмцы исключены

изъ государственной службы въ Шлезвигѣ, что въ судахъ тамъ введенъ исключительно нѣмецкій языкъ, что единственное высшее учебное заведеніе для датскаго населенія, именно гимназія въ Гадерслебенѣ, обращено въ чисто-нѣмецкое училище, что всѣ газеты на датскомъ языкѣ прекращены, и что только за недостаткомъ желающихъ не всѣ духовныя должности ввѣрены природнымъ Нѣмцамъ. Указывая на эти факты, копенгагенская газета требуетъ, чтобы въ мирномъ договорѣ нѣмецкія державы обязались уважать права датской національности въ этой такъ недавно еще датской области; но *National-Zeitung*, берлинскій органъ партіи прогрессистовъ, ничего не хочетъ и слышать о подобныхъ обязательствахъ. Германія дорожитъ мирнымъ и несомнѣннымъ обладаніемъ этою областью; она желаетъ доставить прочное спокойствіе ея населенію, и поэтому старается заранѣе отнять у него всякій поводъ думать, что оно можетъ отпасть отъ Германіи и снова соединиться съ Даніей.

Отнюдь не изъ ненависти къ Полякамъ, а напротивъ изъ самаго искренняго желанія отвратить отъ нихъ въ будущемъ всѣ тѣ бѣдствія которыя постигали ихъ въ прошедшемъ, и освободить ихъ отъ яда который отравляетъ ихъ существованіе, необходимо, чтобъ и Россія въ отношеніи къ нимъ послѣдовала той же прямой, откровенной и рѣшительной политикѣ, какой слѣдуютъ въ подобныхъ случаяхъ вездѣ въ Европейскомъ мірѣ. Возможно ли, чтобы Поляки, оставаясь Поляками и сохраняя хотя бы тѣнь политической самобытности, на основаніи и подъ покровомъ Вѣнскихъ трактатовъ, отказались отъ своихъ притязаній на русскія области? Нѣтъ. Возможно ли, чтобы Россія когда-нибудь и въ какомъ бы то ни было видѣ, въ какой бы то ни было степени, согласилась удовлетворить этимъ притязаніямъ? Нѣтъ: скорѣе можно ожидать погибели всей Русской земли, чѣмъ ея добровольнаго согласія на это. Что же слѣдуетъ изъ этого сопоставленія двухъ невозможностей? Одно изъ двухъ: или нескончаемая борьба, въ которой слабѣйшая часть—Поляки—будетъ физически истреблена сильнѣйшею,—борьба среди взаимной безпощадной ненависти и ожесточенія, которыя потрясутъ всѣ основы общества и государства; или же

обращеніе Поляковъ въ русскихъ гражданъ прекращеніемъ всѣхъ тѣхъ условій которыя поддерживаютъ въ нихъ неосуществимыя надежды. Будетъ ли это нравственною кончиной польской національности? *Да*, въ тѣхъ ея началахъ которыя дѣлаютъ ее непримиримымъ врагомъ русской народности, и *нѣтъ*, въ тѣхъ ея элементахъ которые способны къ сліянію съ близко-родственною, одноплеменною русскою семьей. При этомъ сліяніи симпатическія черты польскаго характера привьются къ русской натурѣ, и во всякомъ случаѣ Поляки выиграютъ въ соціальномъ и въ политическомъ отношеніи все то что они потеряютъ въ отношеніи національномъ.

Настоящее время какъ нельзя болѣе благопріятно для сближенія Поляковъ съ русскою народностью на всемъ пространствѣ владѣній Русской державы. Еслибы вопросъ этотъ могъ быть рѣшенъ всеобщею подачей голосовъ, то прежде всего въ самомъ Царствѣ Польскомъ огромное большинство голосовъ высказалось бы въ пользу политическаго и національнаго сліянія съ Россіей. Спросите у крестьянъ: желаютъ ли они быть русскими подданными, принадлежать къ Русскому государству, или быть польскими подданными, принадлежать къ Польскому королевству, и они вамъ скажутъ, что они хотятъ быть русскими подданными, и что они вполнѣ вѣрятъ только Русскимъ, а не Полякамъ (то-есть, панамъ) и не своимъ *Москалямъ* (то-есть, польскимъ чиновникамъ). Въ этой массѣ польскаго населенія, которая состояла на положеніи рабочаго скота, еще не развилось ни чувство, ни сознаніе особой польской національности, враждебной къ національности русской, и при разумной заботливости съ нашей стороны, она охотно усвоила бы себѣ теперь, въ предполагаемыхъ правительствомъ школахъ, и русскую грамоту, и русскую рѣчь, тогда какъ въ послѣдствіи можно навѣрное ожидать, что и въ ней, подъ неотразимымъ вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, ксендзовъ и горожанъ-шляхтичей, и при благопріятныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, которыя будутъ слѣдствіемъ крестьянской реформы, при политической особности Польши, неминуемо разовьется національное польское чувство, такъ враждебное къ

Россіи. Легко упустить благопріятное время, но невозможно воротить его.

Этого мало. Мы получаемъ письма отъ самихъ Поляковъ, которые, понимая пользы края и своихъ соплеменниковъ лучше такъ-называемыхъ польскихъ патріотовъ, лишь въ обрусѣніи польскихъ крестьянъ видятъ дѣйствительное разрѣшеніе польскаго вопроса. Первымъ шагомъ къ тому они считаютъ введеніе въ будущихъ польскихъ народныхъ школахъ русской грамоты, русскаго шрифта вмѣсто нынѣшняго латинскаго, гораздо менѣе приспособленнаго къ звукамъ польскаго языка.

Наконецъ, мы можемъ сослаться на варшавскаго корреспондента *Крестовой Газеты*, свидѣтельство котораго никто не заподозритъ въ пристрастіи къ интересамъ Россіи и русской народности, такъ какъ онъ приписываетъ высшей мѣстной администраціи Царства непреклонно-твердое рѣшеніе не допускать сліянія польскаго элемента съ русскимъ,—рѣшеніе, которое, по словамъ его, стало уже непреложнымъ правиломъ во всѣхъ правительственныхъ сферахъ въ Польшѣ. По словамъ корреспондента, непреложнымъ правиломъ въ правительственныхъ сферахъ въ Польшѣ стало то, чтобъ о ея сближеніи съ русскою народностью не было и рѣчи, и чтобы какъ въ школѣ, такъ и въ администраціи строго различались и признавались всевозможныя національности: прежде всего польская, потомъ нѣмецкая, литовская, еврейская, не исключая, впрочемъ, и русской. Корреспондентъ восхищается вавилонскимъ столпотвореніемъ, которое онъ рисуетъ въ своей фантазіи, и заранѣе мечтаетъ о нѣмецкихъ училищахъ и даже о нѣмецкихъ гимназіяхъ для горсти нѣмецкихъ обитателей края.

Но чѣмъ болѣе восторгается онъ своими фантазіями, тѣмъ искреннѣе и правдивѣе должно быть его свидѣтельство о томъ, чего въ этомъ отношеніи ожидали отъ Русскаго правительства сами Поляки. Оказывается, что и они ожидали того же, чего ожидала европейская публика, не говоря уже о публикѣ русской. Онъ говоритъ:

„Высокая важность училищной реформы такъ была очевидна, что она давно уже составляла предметъ всеобщихъ разговоровъ въ публикѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ

подавала поводъ ко множеству различныхъ предположеній, основывавшихся большею частью на правѣ возмездія, *jus talionis*, которое народъ, благодаря развитому въ немъ, все-таки, чувству справедливости, считалъ самымъ естественнымъ правомъ восторжествовавшаго надъ революціей правительства. Если два года тому назадъ, при Велёпольскомъ, вся система народнаго образованія, начиная съ низшихъ училищъ и до высшихъ, разсчитана была на господство польскаго элемента во всѣхъ классахъ здѣшняго населенія, съ устраненіемъ всѣхъ другихъ, то теперь естественно можно было ожидать того же самаго въ пользу русскаго элемента. Дѣйствительно, общественное мнѣніе ожидало, что новое училищное устройство будетъ имѣть исключительною цѣлью обрусить Польшу, и нельзя не сознаться, что противъ этого предполагаемаго направленія никто не роптала; большею же частію Поляки находили, что такой образъ дѣйствія подразумѣвается самъ собою, что иного нельзя и ожидать."

Такимъ образомъ, усилія Русскаго правительства къ распространенію русскаго языка въ польскомъ краѣ соотвѣтствовали бы ожиданіямъ не только русской и европейской, но и самой польской публики; они удовлетворили бы несомнѣннымъ желаніямъ большинства польскаго населенія; они были бы согласны съ интересами Россіи, съ интересами самихъ Поляковъ, съ задачами поставленными для насъ исторіей, и наконецъ съ видами человѣколюбія. Неужели еще мало принесено было жертвъ и пролито крови въ угоду политики которою поддержались и питались въ Полякахъ несбыточныя мечты и притязанія? Кого называютъ Поляки своими монгольскими притѣснителями и кого наиболѣе они ненавидятъ: Нѣмцевъ ли Пруссіи и Австріи, которые не задумались съ самаго начала употребить всѣ усилія ко внутреннему сближенію ихъ съ собою, или насъ, Русскихъ, которые искусственно, почти цѣлое столѣтіе, продолжаемъ мучительную агонію польской національности? Неужели же мы и теперь, какъ думаетъ варшавскій корреспондентъ *Крестовой Газеты*, добровольно откажемся отъ совершенія задачи въ которой заключается разрѣшеніе всего польскаго вопроса, и дождемся, чтобы вся Европа снова обратилась къ намъ съ упреками, что мы питаемъ въ самомъ сердцѣ ея вѣчное пламя революціонныхъ движеній, и что Польшѣ подъ нашимъ владычествомъ суждено лишь испытывать періодическія потрясенія?

II.

2-го сентября.

Польскій вопросъ, очень простой въ Царствѣ Польскомъ, становится чрезвычайно сложнымъ на русской почвѣ, въ западномъ краѣ, особенно въ его южной части. Тутъ онъ уже перестаетъ быть польскимъ вопросомъ и совсѣмъ превращается въ вопросъ русскій, отражая въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, слабыя стороны Россіи. Народъ тамъ надеженъ; онъ столько же храбръ, сколько памятливъ; онъ даже прозорливъ и находчивъ, какъ показали весеннія событія прошлаго года. Онъ твердъ въ своей вѣрности отечеству. Колебанія и шаткость появляются не на той почвѣ которую можно по праву назвать народною почвой; они сказываются не въ тѣхъ сферахъ дѣятельности въ которыхъ русское общество юго-западнаго края способно дѣйствовать, не при исполненіи тѣхъ задачъ которыя ему доступны. Россію называютъ колоссомъ съ глиняными ногами: не можетъ быть сравненія болѣе превратнаго; у русскаго колосса ноги изъ желѣза и гранита. Еще говорятъ, что польскій край есть Ахиллесова пята Россіи; прошлогодніе событія показали какъ ошибочно это мнѣніе: Ахиллесова пята Россіи вовсе не въ польскомъ краѣ, а въ томъ что въ самой Россіи есть не національнаго. Въ эту-то Ахиллесову пяту и мѣтятъ теперь враги Россіи: около этой же пяты ея хлопочутъ теперь и польскіе національы, чтобы, выждавъ время, тѣмъ смертельнѣе уязвить ее. И нельзя не видѣть, что съ этой стороны Россія легко уязвима. Космополитическіе, лишенные національнаго чувства элементы нашего общества— легкая добыча для нашихъ враговъ. Что такое космополитизмъ въ политикѣ? Космополитическихъ государствъ на свѣтѣ быть не можетъ; отвлеченная политика есть отсутствіе политики, есть нескончаемая перспектива отступленій возведенныхъ въ систему; мудрено ли, что космополитизмъ стараются навязать намъ тѣ которые безсильны принудить Россію къ отступленію и могутъ войти въ силу только въ томъ случаѣ, если Россія

сама пойдетъ путемъ отступленій? Тутъ нѣтъ ничего мудренаго, но то, что въ Россіи возможна невозможная ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ рѣчь о политикѣ отвлеченной, въ этомъ заключается дѣйствительно очень мудреная сторона русскаго общества и Русскаго государства. Польскіе патріоты не даромъ стараются доказать что Русскаго народа не существуетъ: съ увѣренностью въ существованіи Русскаго народа были бы не совмѣстны надежды на водвореніе въ Россіи космополитизма или на участіе русскихъ людей въ заговорахъ направленныхъ противъ единства Россіи. Поляки—да и не одни Поляки—потому именно и обманываются на счетъ Россіи, что не могутъ повѣрить въ совмѣстимость этихъ двухъ вещей,—что существуетъ на свѣтѣ живой Русскій народъ, и что тѣмъ не менѣе антинаціональныя стремленія находятъ себѣ поборниковъ между русскими людьми. Необычайность того, что эти двѣ несовмѣстимыя вещи существуютъ у насъ рядомъ, чего нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ кромѣ Россіи, служитъ объясненіемъ ошибочныхъ понятій о Россіи, распространенныхъ въ Западной Европѣ, и вмѣстѣ живучести польскихъ надеждъ, несмотря на ихъ очевидную несбыточность. Поляки только тогда сдѣлаются изъ враговъ нашими друзьями, когда убѣдятся, что не Россія есть сновидѣніе, а русскій космополитизмъ, не позволяющій имъ вѣрить въ дѣйствительное существованіе Русскаго народа.

Поляки юго-западнаго края ознакомились на дѣлѣ съ тѣмъ народомъ среди котораго живутъ; имъ очень хорошо извѣстно что это, вопервыхъ, народъ дѣйствительно живой, а вовторыхъ, народъ враждебный ихъ замысламъ. Но съ польской точки зрѣнія уже и прежде дѣлалось различіе между этимъ отнюдь не космополитическимъ Русскимъ народомъ юго-западнаго края и между народомъ *Россійскимъ*, который не имѣетъ и не можетъ имѣть никакой національности, потому де что созданъ не исторіей, а указомъ императрицы Екатерины II, переименовавшей Монголовъ въ Русскихъ. Русской публикѣ должно казаться, что эта куріозная теорія есть верхъ нелѣпости; она и въ самомъ дѣлѣ есть верхъ нелѣпости. Но съ польской точки зрѣнія она выставляется очень серіозно, и мы очень ошиблись бы, еслибы

полагали, что разсуждая о различіи между Русью и Россіей, польскіе патріоты только обманываютъ и ублажаютъ себя. Многіе изъ нихъ очень хорошо знаютъ, что въ дѣйствительности подобнаго различія нѣтъ; но они твердо увѣрены что современемъ оно осуществится, войдетъ въ силу и поведетъ къ разложенію Русскаго государства. На чемъ же основана эта увѣренность, и отъ кого могутъ ожидать исполненія подобные виды? Отъ кого, какъ не отъ тѣхъ элементовъ въ *Россійскомъ* государствѣ, которые болѣе расположены къ космополитизму, чѣмъ юго-западный Русскій народъ? Эти элементы пригодны на все что̀ можетъ вредить русскому національному дѣлу; всякая пригрезившаяся мечта, всякое дѣтское опасеніе способны увлекать эти элементы сильнѣе чѣмъ не существующій для нихъ интересъ національнаго дѣла. Люди, которые очень могли бы дѣйствовать съ пользой, становятся въ политическомъ отношеніи совершенно безпомощными, когда не имѣютъ въ себѣ живаго чувства своей національности. Они не могутъ не сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ всякой политической интриги; они даже вызываютъ интригу тѣми колебаніями и тою безхарактерностью, отъ которыхъ для нихъ нѣтъ спасенія, пока они остаются безразличны въ національномъ отношеніи, и пока это безразличіе лишаетъ ихъ способности распознавать что̀ полезно и что̀ вредно для того государства къ которому они принадлежатъ.

Изъ этихъ вѣчно колеблющихся, безпомощныхъ и безразличныхъ элементовъ могутъ возникать самыя противоположныя явленія. Изъ нихъ между прочимъ возникло и въ нихъ нашло сочувствіе себѣ украйнофильство, которымъ теперь особенно интересуется польская интрига въ юго-западномъ краѣ. Земскихъ корней это призрачное явленіе не имѣетъ. Занесенное на берега Днѣпра съ береговъ Невы и Вислы, оно всѣмъ своимъ значеніемъ обязано этой встрѣчѣ, повидимому неожиданной, но повторявшейся и при другихъ случаяхъ, а потому заслуживающей самаго серіознаго вниманія. Какъ можетъ быть важно украйнофильство для польскаго дѣла, это понятно само собой: нѣтъ лучшаго средства чтобъ изолировать отъ Россіи

этотъ Русскій народъ юго-западнаго края, который такъ безпощадно разрушилъ польскія мечты о принадлежности русской Украйны къ великому польскому государству. Распространяться объ этомъ нѣтъ надобности; гораздо полезнѣе обратить вниманіе на тѣ сужденія объ украйнофильствѣ которыя могутъ возникать въ разныхъ слояхъ русскаго общества, болѣе или менѣе страдающихъ національнымъ индифферентизмомъ. Шаткость взглядовъ, происходящая отъ естественнаго въ подобныхъ слояхъ колебанія между крайностями, можетъ вести къ сужденіямъ совершенно противоположнымъ, но равно ошибочнымъ,— съ одной стороны къ отрицанію опасности заключающейся въ украйнофильствѣ, а съ другой стороны къ ея преувеличенію. Эти два противоположныя сужденія должны выразиться на практикѣ въ двухъ способахъ дѣйствій, столь же противоположныхъ: съ одной стороны въ излишней терпимости, съ другой стороны въ излишней нетерпимости. И тотъ и другой способъ дѣйствій былъ бы крайне вреденъ, потому что поддерживалъ бы явленіе, которое, не имѣя корней въ народной почвѣ, можетъ держаться только поощреніями или преслѣдованіями. Еслибъ украйнофильство не было явленіемъ совершенно искусственнымъ, то оно было бы опаснѣе польскихъ притязаній; къ борьбѣ съ польскими притязаніями оно присоединило бы внутреннюю междуусобную борьбу въ нѣдрахъ Русскаго народа. Можно ли покровительствовать подобному явленію? Можно ли искусственно придавать ему силу, которой оно само по себѣ не имѣетъ? Ради какихъ благъ стали бы мы уменьшать его естественную слабость и снабжать его средствами, которыя могутъ наконецъ укоренить его въ почвѣ, отказывающей ему въ своихъ здоровыхъ сокахъ? Между тѣмъ еще недавно шла у насъ рѣчь о правительственномъ содѣйствіи украйнофильству какъ дѣлу безвредному,—о переводѣ Священнаго Писанія и государственныхъ актовъ на малороссійское нарѣчіе, объ обязательномъ введеніи этого нарѣчія въ народныя школы, о ревностномъ распространеніи въ народѣ книгъ писанныхъ на этомъ нарѣчіи, книгъ иногда составленныхъ въ духѣ враждебномъ русской народности, и объ исполненіи всего

этого государственными средствами и на казенныя деньги. Что подобныя затѣи находили себѣ сочувствіе у насъ въ нѣкоторыхъ сферахъ, этимъ вполнѣ изобличилось до какой степени слабо въ этихъ сферахъ сознаніе русскихъ національныхъ интересовъ. Но можетъ быть не менѣе ошибочно было бы вдаваться въ противоположную крайность и видѣть серіозную опасность въ украйнофильствѣ, не поддерживаемомъ мѣрами правительства. Это можетъ-быть было бы всего болѣе въ интересѣ польской интриги, которой должно быть равно желательно чтобъ украйнофильство усиливалось и чтобы въ то же время украйнофилы подвергались сколь возможно тяжкимъ преслѣдованіямъ. Во всякомъ случаѣ это было бы несогласно съ тою увѣренностью въ несокрушимомъ единствѣ Русскаго народа, которая можетъ слабѣть въ русскихъ людяхъ только по мѣрѣ ослабѣванія въ нихъ русскаго народнаго чувства. Истинно-національная политика не страдаетъ подозрительностью или мнительностью; она не только способна допустить въ широкихъ размѣрахъ великое начало общественной свободы,—она къ нему стремится, его требуетъ и только въ немъ находитъ себѣ полное выраженіе и прочное осуществленіе. Недовѣріе къ здоровымъ силамъ народной жизни обличаетъ у насъ тотъ же самый національный индифферентизмъ, на который наши враги теперь очевидно мѣтятъ какъ на Ахиллесову пяту Россіи.

III.

4-го сентября.

Мы должны наконецъ сообщить нашимъ читателямъ извѣстіе о весьма интересномъ явленіи возникшемъ на политическомъ горизонтѣ Европы: это явленіе—мы. Съ нѣкоторыхъ поръ мы стали предметомъ вниманія, изученія и агитаціи, гласной и не гласной,—предметомъ корреспонденцій и передовыхъ статей въ заграничной печати, наконецъ предметомъ книгъ. Удивительныя легенды появлялись о насъ въ серіозныхъ заграничныхъ журналахъ: европейской публикѣ сообщалось, напримѣръ, что въ

отдаленной и хладной Россіи народился драконъ, которому имя *Herr Katkoff*, что онъ сидитъ въ Москвѣ и оттуда пропзводитъ свои опустошительные набѣги, что цѣлая страна изнываетъ подъ его желѣзнымъ игомъ, и слезно молитъ, да изведетъ ее Богъ изъ этой тѣсноты, и да явится изъ-за моря Святый Георгій поразить это чудище на радость и ликованіе Русскаго народа. Читатели могутъ подумать что мы шутимъ; мы серіозно увѣряемъ ихъ, что подобныя легенды появлялись въ заграничныхъ журналахъ. Мы не передаемъ ихъ въ буквальномъ переводѣ, единственно по крайнему неудобству сдѣлать это, такъ какъ наше имя является тутъ въ самыхъ невозможныхъ сопоставленіяхъ. Наше имя ничего не значитъ, безъ всякаго затрудненія, неудобства и неприличія оно можетъ быть употребляемо во всякаго рода пасквиляхъ и пуфахъ, изъ какого бы источника они ни происходили; но есть имена предъ которыми долженъ бы остановиться всякій, даже самый безсовѣстный интриганъ и которыми нельзя помыкать даже въ заграничной печати. Мы читали эти сказанія со смѣхомъ, поскольку они касались насъ, но и не безъ прискорбнаго чувства— не за себя; мы молчали объ этихъ сказаніяхъ, потому что вѣкъ ихъ былъ не дологъ; день приносилъ ихъ и день уносилъ.

Но вотъ, въ Брюсселѣ, является большая книга, плодъ долгаго и усидчиваго труда, сочиненная остроумнымъ авторомъ многихъ книжекъ, скрывающимъ себя подъ куріозпымъ псевдонимомъ Скедо-Феротти (какъ слѣдуетъ пропзносить, судя по италіянской структурѣ этого имени), или Шедо-Ферроти (если слѣдовать нѣмецкому выговору, которому слѣдуетъ и самъ авторъ). Еще за нѣсколько недѣль предъ симъ заграничные друзья наши извѣстили насъ о появленіи этой книги и сообщили намъ нѣкоторыя выписки изъ нея. Теперь незримая рука разбрасываетъ ее по Россіи, и мы наконецъ успѣли ознакомиться съ пей ближе.

Книга, о которой идетъ рѣчь, принадлежитъ къ цѣлому ряду этюдовъ, которые авторъ посвящаетъ будущему Россіи (*Etudes sur l'avenir de la Russie*). Но своимъ объемомъ она чуть ли не превосходитъ всѣ прежніе этюды этого автора.—и совер-

менно естественно: въ прежнихъ этюдахъ своихъ авторъ развивалъ свои идеи объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи и о другихъ реформахъ которыя въ ней совершаются; послѣдній же трудъ его о будущности Россіи, имѣющій своимъ спеціальнымъ заглавіемъ вопросъ: *что сдѣлаютъ съ Польшей?* трактуетъ о предметѣ несравненно болѣе важномъ: предметъ этотъ мы. Вопросъ о будущности Россіи и судьбахъ Польши подчиняется вопросу о нашей особѣ. Герой обширнаго трактата, излагающаго соображенія политическаго писателя, герой наполняющій собою всю книгу и неотлучно присущій мысли автора, есть все тотъ же народившійся въ Москвѣ драконъ, M. Katkoff или *M. Katkoff*, какъ иногда изображаетъ это имя, впрочемъ, весьма искусная рука корректора этой книги, вѣроятно затѣмъ, чтобы будущіе историки могли поспорить между собою даже о буквахъ имени этого знаменитаго персонажа господствующаго надъ будущностію Россіи и судьбами Польши.

Возведенные такимъ образомъ въ политическій сюжетъ первоклассной важности, мы не можемъ конечно не заинтересоваться собою; нѣтъ никакого сомнѣнія, что и вся читающая публика не можетъ теперь не заинтересоваться нами. Нашъ изслѣдователь оцѣниваетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Онъ исчисляетъ сумму сдѣланнаго нами добра и, какъ слѣдуетъ мыслителю, всесторонне и глубоко изучающему свой предметъ, исчисляетъ также и сумму зла которое мы причинили. Онъ знаетъ, что все въ нашемъ земномъ мірѣ имѣетъ свои хорошія и свои дурныя стороны; но онъ еще лучше знаетъ правило ловкости, предписывающее показывать нѣкоторое безпристрастіе къ тому предмету на который долженъ пасть сокрушительный ударъ. Собственно задачей автора было раскрыть причиняемое нами зло. Практическая цѣль его труда именно состоитъ въ томъ, чтобъ убѣдить всѣхъ кому вѣдать о томъ надлежитъ въ нашемъ пагубномъ дѣйствіи и освободить отъ насъ міръ, который мы тяготимъ своимъ существованіемъ. Наши добрыя стороны, при такой цѣли, вовсе не входятъ въ планъ изученія г. Шедо-Ферроти; но онъ посвящаетъ и имъ нѣсколько строкъ, чтобъ успокоить тѣхъ изъ своихъ читателей которые могли слышать о

насъ кое-что не съ дурной стороны. Г. Шедо-Ферроти воздаетъ намъ хвалу за пораженіе нанесенное г. Герцену, за то что мы, какъ онъ описываетъ, сокрушили его господство надъ умами русской молодежи и овладѣли ея воображеніемъ, показавъ ей вмѣсто Россіи *идеальной*, которую показывалъ ей Герценъ, Россію *осязательную*, чѣмъ положенъ конецъ революціонному настроенію, которое у насъ господствовало. Но совершивъ этотъ подвигъ и плѣнивъ воображеніе молодежи осязательною Россіей, мы вступили въ новый періодъ нашей дѣятельности,—дѣятельности зловредной и пагубной, которая еще продолжается, но которой, какъ нашъ историкъ надѣется, скоро будетъ положенъ конецъ. Наша заслуга относится къ прошедшему; но зло которое мы причиняемъ длится теперь, и потому въ настоящее время требуется, чтобы всѣ благонамѣренные люди соединили противъ насъ свои усилія. Изслѣдователь будущности Россіи и судебъ ожидающихъ Польшу пришелъ къ убѣжденію, что самое пагубное развитіе приняла наша дѣятельность въ прошломъ году по польскому вопросу. Мы оказались виновными въ самомъ тяжкомъ преступленіи, которое г. Шедо-Ферроти называетъ ультрапатріотизмомъ; мы неистовствовали, мы безумствовали, мы говорили постыдныя нелѣпости дышавшія вредомъ и пагубой, въ насъ развились при этомъ всѣ дурные инстинкты человѣческой природы. Тутъ оказалось до какой степени мы дурны, и въ какой мѣрѣ можемъ быть опасны и вредны.

Обвинитель не дозволяетъ намъ опереться на русское общественное мнѣніе, котораго самое существованіе онъ отрицаетъ. Онъ хочетъ чтобы вся отвѣтственность пала на наши слабыя плечи. Онъ не хочетъ допустить, чтобы тѣ мнѣнія которыя мы высказывали по польскому дѣлу хотя въ какой-нибудь степени соотвѣтствовали дѣйствительнымъ чувствованіямъ по крайней мѣрѣ нѣкоторой части русскихъ людей. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія противъ насъ ставится то, что мы, съ адскимъ искусствомъ, увѣрили всѣхъ и каждаго будто бы служимъ въ польскомъ вопросѣ, по случаю прошлогоднихъ событій, органомъ общественнаго мнѣнія. Мы выдумывали и сочиняли, и потомъ успѣвали увѣрить всю глупую русскую публику, что и

она точно такъ же думаетъ, и производили такимъ образомъ фантасмагорію какого-то русскаго общественнаго мнѣнія, котораго будто бы мы служили органомъ. Обвинитель нашъ съ чувствомъ прерываетъ свою рѣчь, и обращается къ правительству Россіи съ назидательнымъ замѣчаніемъ быть впередъ осторожнѣе и не даваться въ обманъ, столь пагубный и бѣдственный.

Но, думали мы, когда получили первыя свѣдѣнія объ этой странной книгѣ,—прежде чѣмъ искать преступника,—въ чемъ же преступленіе? гдѣ corpus delicti? Прежде чѣмъ звать когонибудь къ отвѣту за общественный вредъ и бѣдствія,—гдѣ вредъ и бѣдствія? Пусть мы высказывали самыя неразумныя мнѣнія, пусть мы подавали самые зловредные совѣты, пусть мы обманывали публику, увѣряя ее, что писали наши статьи подъ ея диктовку, и вводили въ заблужденіе правительство, заставивъ его думать, что мнѣнія которыя мы высказывали произошли путемъ поголовной подачи голосовъ, которые мы собирали ходя по дворамъ,—положимъ, что мы дѣйствительно творили всѣ эти чудеса и что вся Россія была обманута нами такимъ безпримѣрнымъ образомъ,—положимъ, что все это такъ,—но прежде всего, гдѣ же бѣдствія, гдѣ вредъ?

Мы съ ужасомъ озирались вокругъ, съ трепетомъ припоминали недавнее прошедшее.

Историкъ нашихъ дѣяній, какъ выше замѣчено, придаетъ чудотворное значеніе нашей статейкѣ о г. Герценѣ. Онъ полагаетъ, что этимъ походомъ на г. Герцена мы совершенно уничтожили всѣ вредныя сѣмена въ нашей молодежи и воодушевили ее лучшаго свойства энтузіазмомъ, такъ что была разомъ прекращена болѣзнь изнурявшая нашъ общественный организмъ, портившая наши общественныя силы и готовившая столь печальныя послѣдствія въ будущемъ. Много чести, но это не вѣрно. Нашъ походъ на г. Герцена не имѣлъ такихъ послѣдствій. Напрасно историкъ нашъ приписываетъ и г. Герцену такое значеніе, что будто бы онъ былъ главнымъ виновникомъ той пагубы которой подвергалась наша молодежь, будто онъ былъ источникомъ той болѣзни которая внѣдрялась и распространялась въ нашей общественной жизни. Нѣтъ, это

несправедливо. Г. Герценъ былъ не столько причиной болѣзни, сколько ея симптомомъ. Положеніе вещей которое нашло себѣ столь яркое выраженіе въ немъ было создано не имъ; оно создано было причинами несравненно болѣе могущественными. Печальный комизмъ агитаціи производившейся г. Герценомъ именно и заключается въ томъ, что онъ счелъ себя причиной и силой, тогда какъ онъ былъ только послѣдствіемъ и орудіемъ. Г. Шедо-Ферроти находитъ, что этотъ агитаторъ, въ началѣ своего поприща, отличался совсѣмъ иными свойствами чѣмъ въ послѣдствіи; онъ находитъ, что г. Герценъ, въ первый періодъ своего *Колокола*, дѣйствовалъ прекрасно и плодотворно, и изъявляетъ ему за то время свое полное сочувствіе; лишь въ послѣдствіи, по его мнѣнію, г. Герценъ испортился. Изъ показаній г. Шедо-Ферроти слѣдуетъ, что еслибы г. Герценъ продолжалъ издавать свой *Колоколъ* въ томъ направленіи и духѣ въ какомъ его началъ, то онъ продолжалъ бы оказывать великія услуги своему отечеству. Значитъ, не измѣнись г. Герценъ въ образѣ своихъ мыслей или дѣйствій, его *Колоколъ*, съ точки зрѣнія г. Шедо-Ферроти, могъ бы еще долго благовѣстить, воспитывать юныя поколѣнія Русскаго народа и служить полезнымъ орудіемъ для извѣстныхъ цѣлей. Но каковъ бы ни былъ г. Герценъ, и какова бы ни была его дѣятельность, несомнѣнно то, что онъ сохраняетъ неизмѣнную вѣрность своимъ воззрѣніямъ. Какъ прежде, такъ и послѣ, онъ полагалъ всю силу своего символа вѣры въ полнѣйшемъ отрицаніи всѣхъ основъ человѣческаго общежитія,—религіи, государства, собственности, семейства. Но тѣ же самыя идеи проповѣдывалъ онъ съ несравненно большею рѣзкостью и фанатизмомъ именно въ тотъ періодъ времени, когда г. Шедо-Ферроти находилъ его заслуживающимъ полнаго сочувствія и содѣйствія, а напротивъ въ послѣдствіи онъ нѣсколько очеловѣчился и даже вступилъ въ нѣкоторыя сдѣлки съ ненавистными для него принципами.

Г. Герценомъ пользовались многіе. Извѣстный документъ Мѣрославскаго, который попался въ руки варшавской полиціи и появился потомъ въ газетахъ, очень хорошо свидѣтельствуетъ о томъ, какъ нужно было плодить *герценистовъ* въ интересѣ

напримѣръ польскаго дѣла. Плодить ихъ было выгодно въ интересѣ всякаго дѣла имѣющаго цѣлію раздробить Русское государство и отнять его у Русскаго народа.

Писанія г. Герцена расходились въ страшномъ множествѣ по всей Россіи, и имя его было у всѣхъ на языкѣ; но не возможно было подумать о томъ, чтобы произнести его имя въ печати. Для молодыхъ, и даже не для молодыхъ умовъ, съ этимъ именемъ соединилось обаяніе какой-то таинственной силы, а между тѣмъ люди не менѣе чѣмъ г. Шедо-Ферроти понимавшіе весь сумбуръ ученій которыя проповѣдывалъ этотъ мыслитель отдавали ему въ негласныхъ сферахъ, гдѣ онъ властвовалъ, такой же почетъ какой отданъ ему этимъ остроумнымъ писателемъ въ печатномъ письмѣ къ нему, хотя письмо это и долженствовало имѣть характеръ полемическій. Г. Шедо-Ферроти, какъ у насъ выражаются, стоитъ на почвѣ дѣйствительности; гдѣ ему надобно, тамъ онъ безпощадно издѣвается надъ нашими безбородыми преобразователями и поклонниками идей г. Герцена. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой здравомыслящій и цивилизованный человѣкъ, какъ напримѣръ г. Шедо-Ферроти, никакъ не счелъ бы возможнымъ говорить почтительно о заслугахъ г. Герцена посреди общества которое онъ уважаетъ; невозможно представить себѣ напримѣръ, чтобъ онъ позволилъ себѣ сказать финляндской или лифляндской публикѣ, еслибы г. Герценъ представлялъ какой-нибудь интересъ для этихъ публикъ, что его изданія заслуживаютъ сочувствія, что они исполнены патріотизма. Мы вполнѣ увѣрены, что участь которою грозитъ польскій патріотъ Мѣрославскій нашимъ герценистамъ въ будущемъ польскомъ государствѣ, еслибъ они вздумали показаться въ немъ, грозила бы имъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ не требуется дѣйствовать орудіями разрушенія. То же самое, что и Мѣрославскій, думали про себя разные другіе *дятели*, имѣвшіе надобность поддерживать въ русскомъ обществѣ, особенно въ молодежи, кредитъ идей составляющихъ вѣроученіе нигилизма, и возвышать обаяніе именъ служащихъ для нихъ символомъ. Г. Шедо-Ферроти предварилъ насъ своимъ объясненіемъ съ г. Герценомъ. Читая его извѣстное письмо, изданное

по-французски и по-русски, мы подивились той ловкости съ которою оно написано. Божество должно было оставаться божествомъ для поклонниковъ; нужно было только ущипнуть его, чтобъ оно не забывалось и не считало себя чѣмъ-либо само собою существующимъ и своею силой дѣйствующимъ. Г. Герценъ, въ то время какъ писалъ къ нему краснорѣчивое посланіе г. Шедо-Ферроти, дѣйствительно вообразилъ себя самостоятельнымъ и могущественнымъ дѣятелемъ, и началъ вступать въ разныя практическія сдѣлки, и оказывать терпимость къ нѣкоторымъ предразсудкамъ цивилизаціи. Но этого не требовалось, и г. Герцену данъ былъ урокъ, долженствовавшій возвратить его къ первоначальной чистотѣ его идей, къ тому періоду его дѣятельности, когда онъ безкорыстно занимался великою задачей пересозданія мозговъ человѣческихъ,—и имѣлъ другихъ корреспондентовъ. Полезное дѣйствіе г. Герцена должно было состоять въ развитіи чистаго нигилизма, отравой котораго онъ дѣйствовалъ на молодые умы, дѣлая ихъ ни къ чему негодными и отнимая ихъ у Русскаго народа; онъ былъ хорошъ, когда, безъ всякихъ дальнѣйшихъ цѣлей, способствовалъ только къ подрыву въ русскомъ обществѣ тѣхъ основъ на которыхъ держится и развивается цивилизація. Посланіе г. Шедо-Ферроти къ г. Герцену, изданное въ Брюсселѣ, было впущено въ Россію. Брошюрка, озаглавленная именемъ непзглаголеннымъ въ русской печати, появилась въ окнахъ магазиновъ, и это имя въ крупныхъ буквахъ запестрѣло въ газетныхъ объявленіяхъ. Всякій могъ законнымъ образомъ пріобрѣсти эту брошюрку, напечатанную по-французски и по-русски, и всякій могъ законнымъ образомъ читать въ ней о томъ, какое важное значеніе имѣетъ этотъ мыслитель и патріотъ, пребывающій въ изгнаніи, и какія великія заслуги оказалъ онъ оттуда Россіи, хотя онъ въ послѣдствіи и испортился, перейдя въ другія руки,—перемѣнивъ своихъ корреспондентовъ, такъ тонко выразился г. Шедо-Ферроти. Эти изысканно-почтительныя объясненія съ г. Герценомъ на французскомъ и русскомъ діалектахъ, въ то время когда русская печать не смѣла произнести его имя, производили странное впечатлѣніе. Г. Шедо-Ферроти, кажется, думаетъ, что въ

1862 году было разрѣшено писать о г. Герценѣ въ Россіи. Это не совсѣмъ точно. Въ Россіи пропущена была его брошюрка изъ-за границы, но по внутренней цензурѣ не было сдѣлано никакого распоряженія о томъ чтобы пропускать что-либо относящееся къ этому предмету. Тѣмъ не менѣе, когда эта брошюрка появилась въ русскихъ книжныхъ лавкахъ, мы сочли и себя въ правѣ заговорить. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, цензоръ нашъ (вскорѣ затѣмъ получившій другое назначеніе) пропустилъ статью, которая хотя и произвела нѣкоторое дѣйствіе, но вовсе не то какое приписываетъ ей г. Шедо-Ферроти. Мы отнюдь не обращались къ молодежи, отнюдь не дѣйствовали на ея воображеніе. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и постоянно, мы обращались только къ здравому смыслу и разумѣнію людей зрѣлыхъ. Фальшивое обаяніе соединявшееся съ именемъ издателя *Колокола* было разрушено, потому что съ нимъ заговорили не какъ съ полубогомъ и даже не какъ съ важною особой, но какъ съ простымъ смертнымъ, безъ всякой пощады для его поддѣльнаго авторитета. Вотъ все что было сдѣлано; но, повторяемъ, мы не разчитывали плѣнить этимъ воображеніе учащагося юношества. Имя г. Герцена, дѣйствительно, утратило то странное, почти мистическое значеніе, которое было сообщено ему обстоятельствами; но настроеніе молодыхъ умовъ мало отъ того улучшилось. Мы были засыпаны пасквилями, съ бранью и угрозами, и противъ насъ озлобились не одни наивные поклонники г. Герцена, а еще болѣе тѣ кто понималъ нелѣпость его идей, но пользовался ими для разныхъ своихъ цѣлей. Противъ насъ началась тогда глухая агитація, которую мы не скоро могли выразумѣть; принимались разныя мѣры чтобы насъ компрометтировать, затруднить, запугать, привести въ уныніе; распускались слухи, что мы подкуплены, и какъ бы въ подтвержденіе этихъ клеветъ г. Герценъ въ своемъ *Колоколѣ* возвѣстилъ объ одобреніи которое статья наша о немъ заслужила въ высшихъ сферахъ, что, по разчетамъ интригановъ, должно было непремѣнно уронить насъ во мнѣніи общества и особенно молодежи. Въ русскихъ журналахъ начали появляться противъ насъ ожесточенныя выходки. Въ печать

проскользали даже такія статейки въ которыхъ изъявлялось негодованіе на невѣжливый топъ съ которымъ мы позволили себѣ говорить о г. Герценѣ.

Итакъ, если кумиръ былъ разбитъ, то поклóнники остались, остались и жрецы, и они усугубили свою дѣятельность чтобы поддерживать въ русскомъ обществѣ то настроеніе которое было нужно для ихъ цѣлей; а потому въ началѣ прошлаго года наша молодежь была нисколько не въ лучшемъ положеніи чѣмъ прежде. Въ это время съ особенною силой распространялось сочувствіе къ польскому дѣлу въ русскомъ обществѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ распространялась мысль о раздѣленіи Россіи на многія отдѣльныя государства, какъ о чемъ-то въ высшей степени необходимомъ въ интересѣ прогресса. Что́ говорилось въ разныхъ мѣстахъ открыто, то появлялось, только въ другомъ тонѣ, въ подметныхъ листкахъ. Люди честные и здравомыслящіе приходили въ уныніе, и заговорить въ то время противъ польскихъ притязаній казалось дѣломъ не только самымъ непопулярнымъ, но и опаснымъ...

Что́ же мы видимъ въ началѣ прошлаго года? Мятежъ, кровопролитіе, тайныя политическія убійства, казни, безславіе и позоръ, униженіе, какого Россія не запомнитъ; русское имя преданное всеобщему поруганію; вопросъ поднятый о самомъ существованіи Русскаго государства и Русскаго народа; удушливая атмосфера будто предъ грозою; самое несбыточное казавшееся возможнымъ, самое очевидное казавшееся недѣйствительнымъ. Всѣмъ казалось дѣломъ легкимъ заставить Русское правительство дѣлать все что́ ему предпишутъ къ подрыву всѣхъ основъ своего государства. Люди самые серіозные, глубокіе политики, правители государствъ, считали возможнымъ обмануть насъ комедіей торжественныхъ заявленій цѣлой Европы и угрозами самой несбыточной европейской войны. Мы припоминаемъ, что была увѣренность съ одной стороны, было тягостное опасеніе съ другой въ неблагонадежности нашей военной молодежи...

Вотъ въ какомъ положеніи находились русскія дѣла за первые мѣсяцы прошлаго года. Въ какомъ положеніи находятся

они теперь? Мятежъ прекращенъ не только въ западныхъ губерніяхъ, но и въ Царствѣ Польскомъ. Фантасмагорія революціи носившаяся надъ Россіей исчезла, исчезли также и призрачныя опасенія европейской войны изъ-за Польши. Съ самой Крымской войны Россія не занимала такого выгоднаго положенія въ Европѣ, и не пользовалась такимъ уваженіемъ, какъ нынѣ. Не только всѣ крики противъ нея умолкли, но ея союза ищутъ тѣ самыя державы которыя въ прошломъ году считали возможнымъ издѣваться надъ ней. Можно подумать, что цѣлое столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ тѣхъ возмутительныхъ словъ, сказанныхъ во Французскомъ сенатѣ, которыя такъ болѣзненно отозвались въ нашемъ отечествѣ. Мы не скажемъ, чтобы въ настоящее время все въ нашихъ дѣлахъ обстояло благополучно, но вѣрно то, что правительство можетъ безъ всякихъ опасеній совершать то что оно сочтетъ за благо, и что отъ него, единственно отъ него, зависитъ счастливый или несчастливый исходъ всѣхъ нашихъ задачъ, вопросовъ и затрудненій.

Опытъ показалъ, что всякія мѣры, какого бы они ни были свойства, принимаемыя для подавленія мятежа, не могутъ быть дѣйствительны, если оставляютъ въ силѣ его внутреннюю организацію, а падаютъ только на людей которые волей или неволей служатъ ей. Развѣ мы когда-нибудь говорили, что надобно щадить внутреннюю организацію мятежа, и не устранять тѣхъ условій, которыя благопріятствуютъ ему, поражать его жертвы? Развѣ мы выражали удовольствіе при чтеніи этихъ потрясающихъ бюллетеней, изъ которыхъ мы узнавали, что въ такомъ-то лѣсу, при такой-то встрѣчѣ, со стороны войскъ убито два нижнихъ чина, а мятежниковъ полегла тысяча? Развѣ мы изъявляли удовольствіе читая о томъ, какъ толпы несчастныхъ повстанцевъ, согнанныхъ въ лѣса жандармами-вѣшателями, бросали оружіе и на колѣняхъ просили пощады, при встрѣчѣ съ войсками? Развѣ мы могли безъ содроганія читать показанія этихъ бѣдняковъ предъ слѣдственными коммиссіями о тѣхъ страшныхъ насиліяхъ которыми они привлекались къ участію въ бандахъ? Развѣ эти сцены ужаса и крови радовали насъ? Развѣ они могли кого-нибудь радовать? Развѣ не вырывалось у

насъ невольное восклицаніе: нѣтъ, лучше бросить этотъ несчастный край, лучше вывести изъ него войска!... Читая въ *Журналѣ военныхъ дѣйствій* извѣстія о томъ, что такого-то числа, въ такое-то мѣсто, отправлялся отрядъ войскъ для приведенія крестьянъ въ повиновеніе ихъ помѣщику, въ то время когда всѣ или почти всѣ помѣщики-Поляки волей или неволей должны были способствовать мятежу, развѣ мы радовались этому? Развѣ мы старались поддерживать то заблужденіе которое выгодно было распространять польскимъ патріотамъ, что дѣло ихъ есть народное дѣло? Развѣ мы доказывали, что польскіе крестьяне симпатизируютъ дѣлу польскаго патріотизма, что они чувствуютъ себя Поляками, жаждутъ возстановленія польской національности и враждебно расположены къ Россіи? Развѣ мы выражали увѣренность, что въ средѣ даже пановъ, чиновниковъ и городскихъ обывателей, все само собою пламенѣло мятежомъ, что въ объятыхъ имъ классахъ не было множества людей совершенно равнодушныхъ къ національнымъ и политическимъ вопросамъ, и что всѣ они дѣйствовали по собственному побужденію, а не подъ страхомъ тайной организаціи и ея жандармовъ?

Послѣдствія доказали несомнѣнно, что призракъ войны, которою намъ угрожали, былъ только выраженіемъ нашего собственнаго мнѣнія о нашей слабости. Брюссельскій публицистъ полагаетъ, что Русское правительство могло принять рѣшительный топъ относительно западныхъ державъ, и измѣнить систему въ Царствѣ Польскомъ не прежде какъ изготовившись къ войнѣ, которая была въ противномъ случаѣ неизбѣжна. Не знаемъ, дѣйствительно ли она казалась ему неизбѣжною въ то время, но надобно много отваги, чтобъ утверждать это даже теперь, когда, по окончаніи піесы, сами актеры, снявъ съ себя маску, объявили, что никакой войны не имѣлось въ виду, и что война была невозможна. Что жь? Развѣ мы говорили, что война была возможна, и что опасность наша заключается въ чемъ-либо другомъ кромѣ уступокъ и неувѣренности въ своихъ силахъ? Развѣ мы пугали правительство и публику европейскою войной въ то время, когда наступавшія на насъ державы

не только не увеличивали, но сокращали свой военный бюджетъ? Развѣ мы говорили, что при такомъ положеніи дѣлъ въ теченіе прошлаго года могли начаться непріятельскія дѣйствія, какой бы мы ни дали отвѣтъ тремъ державамъ, и какія бы мѣры ни стали мы принимать въ Царствѣ Польскомъ? Г. Шедо-Ферроти отыскалъ въ нашей газетѣ нѣсколько словъ о томъ, что Россія предъ лицомъ составившейся противъ нея коалиціи могла бы принять положеніе наступательное, и онъ поздравляетъ правительство, что оно не послѣдовало нашему совѣту. Мы очень рады, что оно не послѣдовало тому что никогда не было совѣтомъ,—что было только выраженіемъ увѣренности, что для Россіи было бы несравненно выгоднѣе принять наступательное положеніе, нежели безъ войны подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ войны самой бѣдственной.

Итакъ, приведя на память прошлое, мы убѣждаемся, что съ нашей стороны не произошло ничего такого въ чемъ можно было бы видѣть умышленную или неумышленную попытку воспрепятствовать направленію къ лучшему, которое принимали дѣла въ нашемъ отечествѣ. Мы можемъ стало-быть остаться спокойными въ нашей совѣсти. По направленіе къ лучшему находится весьма естественно въ ожесточенной борьбѣ съ направленіемъ къ худшему. Еслибы не было двухъ противоположныхъ направленій, то не было бы ни вопросовъ, ни затрудненій, ни опасностей. Итакъ, если мы можемъ оставаться спокойными, что ничему хорошему въ русскихъ дѣлахъ не воспрепятствовали и не пытались воспрепятствовать, то это не можетъ послужить къ нашему оправданію съ точки зрѣнія противнаго направленія. Оно тѣмъ менѣе можетъ быть довольно нами, чѣмъ преувеличеннѣе представляетъ себѣ значеніе нашей дѣятельности. Полагая что мы особенно способствовали развитію народнаго чувства, оно весьма естественно сосредоточиваетъ на насъ все свое неудовольствіе,—и вотъ выходитъ книга, въ которой мы являемся героями судебъ Россіи и Польши, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самымъ ненавистнымъ началомъ, которое когда-либо на Руси появлялось.

Итакъ, гдѣ же зло? Былъ мятежъ, и мятежъ подавленъ: неужели это зло? Была фантасмагорія революціи, были призрачныя опасенія войны, этого нѣтъ въ настоящее время: неужели это зло? Россія казалась при послѣднемъ издыханіи, теперь она является сильною: неужели это вредъ? Гдѣ же пагубныя перемѣны происшедшія въ положеніи нашего отечества за тотъ краткій промежутокъ времени, который такъ заботитъ брюссельскаго публициста? Перемѣнъ къ худшему мы не видимъ; видимъ только перемѣны къ лучшему.

Слѣдовательно, какъ бы ни была дурна какая-нибудь газета въ Россіи, какъ бы ни было зловредно ея существованіе, она, славу Богу, не помѣшала счастливымъ перемѣнамъ въ положеніи дѣлъ. Зачѣмъ же привлекать насъ такъ торжественно на судъ современниковъ и потомства? Мало ли на свѣтѣ дурнаго? Мало ли на свѣтѣ нелѣпостей? Почему же на насъ остановился выборъ изслѣдователя судебъ Россіи и Польши?

Мы, разумѣется, допускаемъ только одну точку зрѣнія для оцѣнки нашей общественной дѣятельности,—точку зрѣнія исключительно русскую. Со всякой другой точки зрѣнія, порицаніе было бы для насъ не порицаніемъ, а честью. Но прежде чѣмъ рѣшать въ какой мѣрѣ приносятъ намъ честь порицанія Шедо-Ферроти, мы хотимъ припомнить, не было ли съ нашей стороны какихъ-нибудь умышленныхъ попытокъ, хотя и безсильныхъ, но во всякомъ случаѣ постыдныхъ.

Что главнымъ образомъ произвело перемѣну къ лучшему въ русскихъ дѣлахъ?—не народное ли русское чувство, не патріотическое ли одушевленіе пробудившееся повсюду, вверху и внизу, заговорившее тысячами голосовъ со всѣхъ концовъ Русской земли? не оно ли разсѣяло туманъ недоразумѣній, не оно ли разоблачило наши опасности, освѣтило намъ путь нашъ? не оно ли пресѣкло тайную интригу, которая подкапывалась подъ основанія Русскаго государства внутри? не оно ли положило конецъ мистификаціи, которой подвергались мы извнѣ? не оно ли возвратило намъ уваженіе Европы? Благодатныя минуты! скоро прошли онѣ, но кто испыталъ ихъ, тотъ не забудетъ, а ихъ испытала вся Русская земля. Мы знаемъ силу ихъ

по себѣ: мы помнимъ какъ подъ ихъ вліяніемъ все въ нашей мысли очищалось и укрѣплялось. Впервые на памяти живущихъ людей все отъ мала до велика сходилось въ русскомъ чувствѣ, каждый Русскій энергически чувствовалъ себя живымъ членомъ своего народа, каждый чувствовалъ его въ своемъ сердцѣ. Подъ дѣйствіемъ этого чувства исчезли разногласія, его благотворное дѣйствіе освѣжило нашу молодежь, и нанесло ударъ нигилизму, который только теперь, когда это чувство замолкаетъ и наше общество возвращается къ своей обычной дремотѣ, только теперь начинаетъ снова поднимать свою голову, и снова начинаютъ выходить на свѣтъ Кукшины, Базаровы, Аркадіи Кирсановы. Тогда не смѣла бы появиться книга подобная книгѣ г. Шедо-Ферроти, которая, какъ мы надѣемся показать, мало разнится отъ тѣхъ издѣлій подземной печати которыя еще въ началѣ прошлаго года разлетались изъ Петербурга по Россіи. Это было великое благотворное движеніе народнаго духа, которое имѣло только то несчастіе, что было не довольно продолжительное, и что Россія не успѣла имъ воспользоваться должнымъ образомъ для своего будущаго. Теперь спрашивается: въ то время какъ пробуждалась и развивалась эта сила, которой мы обязаны столь разительною перемѣной къ лучшему въ русскихъ дѣлахъ,—мѣшали ли мы, на нашемъ посту, этому движенію? старались ли мы прямыми или косвенными способами ослабить и охладить это чувство, пытались ли мы подавить его въ обществѣ? Нѣтъ, этого никто не скажетъ. Стало-быть въ этомъ пунктѣ, самомъ главномъ, мы не причинили никакого вреда.

Опытъ показалъ, что система уступокъ предъ польскимъ мятежомъ грозившихъ раздробить государство, также какъ и предъ иностранными требованіями, былъ путь самый опасный. Говорили ли мы прямо или косвенно въ пользу этого пути?

Опытъ показалъ также, что всякая система возбуждающая польскіе національные инстинкты есть система несовмѣстная съ безопасностію Русскаго государства и пагубная для народонаселеній этого края. Но развѣ мы говорили что-нибудь въ пользу этой системы, развѣ мы поддерживали ее, развѣ мы старались

всякими софизмами оправдать ее и приписывали ея неуспѣхъ случайности, между тѣмъ какъ онъ непзбѣженъ по самой ея сущности?

Опытъ показалъ, что система первоначально принятая для подавленія мятежа не только не подавляла, но еще болѣе разжигала его. Развѣ мы говорили что-нибудь въ пользу этой системы? Развѣ мы съ полною искренностію, какъ прилично честнымъ людямъ, которымъ позволено было говорить въ дѣлѣ столь важнаго общественнаго интереса, не высказали откровеннаго мнѣнія о томъ что представлялось намъ съ полною ясностію, и что должно было представляться всякому, на основаніи фактовъ доходившихъ до общаго свѣдѣнія? Развѣ мы говорили что-нибудь въ пользу системы управленія края посредствомъ польскихъ чиновниковъ въ то время, когда край находился подъ властію подземнаго правительства и когда эти самые чиновники были въ то же время и агентами тайной организаціи?

Но прежде всего мы желали бы вывести свою особу изъ того траги-комическаго положенія въ которое ставятъ ее. Мы не заслуживаемъ той массы непріязни которою чествуютъ насъ противники русскаго дѣла. За собою лично мы не признаемъ никакой особенной заслуги, а также никакого особеннаго повода ко враждѣ, и стало-быть не видимъ, почему именно на насъ сосредоточивается ненависть противной стороны. Нельзя видѣть особенную заслугу въ томъ что дѣлается по простой обязанности. Мы были обязаны дѣйствовать такъ какъ мы дѣйствовали, говорить то что говорили; еслибы мы дѣйствовали и говорили иначе, то мы не могли бы не презирать себя и заслуживали бы презрѣніе всякаго честнаго человѣка, какой бы то ни было партіи, изъ какого бы то ни было лагеря. Значеніе которое намъ приписываютъ наши противники есть ошибка, нѣчто въ родѣ оптическаго обмана, происходящаго вслѣдствіе обстоятельствъ совершенно случайныхъ. Какая важность въ томъ, что Французъ чувствуетъ себя Французомъ? Какая важность въ томъ, что Нѣмецъ чувствуетъ себя Нѣмцемъ? Теперь спрашивается, какая же важность можетъ быть въ томъ, что Русскій чувствуетъ себя Русскимъ?

Въ насъ видятъ какую-то уродливую случайность, а вся бѣда состоитъ только въ томъ, что мы чувствуя себя въ глубинѣ души Русскими, нераздѣльно съ тѣмъ и такъ же глубоко чувствуемъ свою связь съ европейскою цивилизаціей. Намъ простили бы, еслибы чувство русской народности было у насъ темнымъ фанатизмомъ, дикою страстью, или тѣмъ что называется квасным патріотизмомъ. На насъ не обратили бы вниманія, еслибъ это чувство развивалось у насъ въ фантазіи и вопреки здравому смыслу. Но намъ не могутъ простить то, что въ нашихъ понятіяхъ русское дѣло есть дѣло цивилизаціи и человѣчества, что мы въ то же время остаемся въ предѣлахъ здраваго смысла и на землѣ. Такое сочетаніе кажется крайне неудобнымъ для всѣхъ нашихъ сепаратистовъ; оно является досадною неожиданностью. Допускается имѣть какіе угодно идеалы и цѣли; но отнюдь не можетъ быть допущено живое, искреннее и толковое убѣжденіе, что истинный прогрессъ въ Россіи возможенъ только на основаніи русской народности, что Русское государство можетъ сохранить свою силу и пріобрѣсти желаемое благоустройство только въ качествѣ русскаго государства, что политика Русскаго правительства можетъ не иначе вести ко благу, не иначе удовлетворять своему назначенію, какъ принимая все болѣе и болѣе національный характеръ.

Нѣтъ, не въ личности нашей дѣло,—мы не такъ малодушны чтобы польститься тѣмъ значеніемъ которое хотятъ придать намъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ гордиться тою ненавистью которую повидимому возбуждаемъ противъ себя. Наше имя употребляется съ цѣлію вовсе не лестною для нашего самолюбія; оно служитъ только средствомъ для того чтобъ умалить значеніе новой силы, которая не имѣлась въ виду и съ которою однако приходится считаться: эта сила—пробуждающееся чувство русской народности, и возникающая на Руси гласность независимаго мнѣнія. Въ прошломъ году впервые русскимъ людямъ не имѣющимъ никакого политическаго или офиціальнаго значенія стало возможно принимать серіозное участіе въ дѣлахъ общаго интереса. Не къ намъ лично относится ненависть, но вообще къ русскому человѣку, къ русской мысли, къ русскому

чувству, получившему голосъ. Это кажется и страннымъ, и невозможнымъ, и досаднымъ; и этого досаднаго факта не хотятъ признать, съ нимъ не хотятъ примириться. Все употребляется въ дѣло чтобъ обезсилить его. Ему хотятъ насильно придать значеніе чисто личное, хотятъ представить его какимъ-то уродливымъ исключеніемъ, и въ то же время стараются всячески заподозрить и образъ мыслей, и образъ дѣйствій тѣхъ лицъ съ которыми хотятъ насильно связать его.

IV.

5-го сентября.

Возвращаемся къ книгѣ г. Шедо-Ферроти о которой говорили вчера.

Чего добиваются наши противники, избравъ насъ предметомъ атаки? Увы, дѣло совсѣмъ не въ насъ! — атака направлена противъ нашего правительства. Тактика этихъ господъ состоитъ въ томъ, чтобы поставить Русское правительство между двухъ противоположныхъ системъ, и одну изъ нихъ истолковать какъ такую къ которой оно само клонится, другую же истолковать какъ систему навязанную ему и противную его собственному влеченію. Цѣль ихъ возвратить русскія дѣла въ ту фазу изъ которой они были выведены прошлогодними событіями. Они хотятъ, чтобы правительство сдѣлало теперь то къ чему не могли вынудить его ни мятежъ, ни угрозы, и замышляютъ повторить въ маломъ видѣ что́ дѣлалось въ прошломъ году en grand. Въ чемъ, думаютъ они, не успѣлъ открытый разбой, то удастся ловкой продѣлкѣ. Наша особа служитъ только средствомъ для того чтобъ уронить систему правительственныхъ дѣйствій, которая не соотвѣтствуетъ ихъ видамъ и которую они хотятъ объяснить какъ нѣчто вынужденное у правительства въ силу самаго жалкаго заблужденія. Весь смыслъ агитаціи заключается въ томъ, чтобъ устыдить правительство мыслію, что оно дѣйствуетъ вопреки собственному влеченію, по внушенію Богъ-знаетъ кого и Богъ-знаетъ для чего.

Г. Шедо-Ферроти дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ совершенно по одному плану съ г. Герценомъ, такъ что онъ могъ бы предоставить этому послѣднему вести задуманное дѣло, еслибы листки *Колокола* теперь еще читались кѣмъ-нибудь. Какъ въ этихъ листкахъ, такъ и въ книгѣ брюссельскаго публициста цѣль одна—отождествить съ нашею особой дѣйствія правительства, и приписать ихъ нашему вліянію. Разница только въ томъ, что издатель *Колокола* дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ съ грубымъ цинизмомъ, а г. Шедо-Ферроти поступаетъ искусно и тонко.

Мы говоримъ: искусно и тонко, но это не значитъ чтобы г. Шедо-Ферроти имѣлъ слишкомъ большое уваженіе къ здравому смыслу своихъ читателей. Весь разчетъ его основанъ на томъ, что книга его будетъ читаться бѣгло, что читатель не будетъ останавливаться ни на одномъ изъ его показаній, не будетъ сводить ихъ между собою, и вынесетъ то впечатлѣніе которое требуется видами автора. Его памфлетъ весь состоитъ изъ показаній не только просто невѣрныхъ, уничтожающихъ одно другое; но онъ старался размѣстить ихъ такъ, чтобы каждое изъ нихъ въ отдѣльности не бросалось читателю въ глаза своею нелѣпостію, и чтобы читатель, переходя къ дальнѣйшему, сохранялъ только смутное впечатлѣніе, которое въ сложности съ другими такими же впечатлѣніями должно отозваться въ общемъ эффектѣ книги. При этомъ г. Шедо-Ферроти старается соблюдать такое правило, чтобы тѣ изъ неблагопріятныхъ ему событій которыя явно порочить не возможно, потому что это заставило бы всякаго сразу бросить его книгу, онъ не порочитъ, и даже какъ бы восхваляетъ ихъ, но такъ, что только самое грубое разумѣніе можетъ повѣрить искренности его хвалы. Онъ готовъ признать, что народное движеніе прошлаго года было дѣломъ полезнымъ; онъ готовъ признать, что одушевленіе которое овладѣло всѣми классами было можетъ-быть сильнѣе того какимъ ознаменовался 1812 годъ; онъ скажетъ даже нѣсколько громкихъ фразъ по этому дѣлу, но онъ не упуститъ, въ надлежащемъ мѣстѣ своей книги, изобразить Русскій народъ такими чертами, что народное движеніе, которое

имѣло такія благотворныя послѣдствія для Россіи и было уважено Европой, теряетъ всякій смыслъ. Русскій народъ изображается какъ грубая масса, въ которой едва найдется два-три десятка людей способныхъ къ зрѣлому сужденію.

Г. Шедо-Ферротн соглашается, что Русское правительство одержало дипломатическую побѣду. Не можетъ же онъ сказать, что Русское правительство поступило дурно, сохранивъ достоинство Россіи и кончивъ свои переговоры съ тремя державами рѣшительнымъ отказомъ на ихъ требованія? Онъ даже хвалитъ наши дипломатическіе акты,—но, какъ бы думалъ читатель, за что онъ главнымъ образомъ хвалитъ ихъ?—онъ поздравляетъ Русское правительство съ тѣмъ, что въ своихъ дипломатическихъ депешахъ оно не копировало статей изъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Онъ очень радъ, что дипломатическія депеши князя Горчакова написаны такъ какъ пишутся дипломатическія депеши, а не какъ пишутся передовыя статьи въ газетѣ: вотъ похвала которую получило Русское правительство отъ изслѣдователя будущихъ судебъ Россіи. Вотъ все существенное, вотъ наилучшее что было сдѣлано Русскимъ правительствомъ, и сдѣлано благодаря тому, что въ этомъ случаѣ оно не обращало вниманія на газетныхъ болтуновъ, которые непотребствовали и говорили нелѣпости.

Изъ слѣдующихъ примѣровъ читатели могутъ судить объ отвагѣ съ которою г. Шедо-Ферротн писалъ свою книгу: на стр. 66 и 68 онъ доказываетъ, что изъ трехсотъ представителей польской шляхты, собравшихся въ Варшавѣ, въ домѣ Замойскаго, въ 1862 году, для составленія адреса о присоединеніи западнаго края къ Царству Польскому, ни одинъ серіозно не думалъ говорить объ этомъ, что всѣ эти депутаты рѣшились на заявленіе случайно, по минутному увлеченію, для того чтобы поправиться дамамъ, изъ свойственной Полякамъ излишней боязливости показаться слишкомъ боязливыми. Въ этомъ мѣстѣ книги требовалось такъ для произведенія извѣстнаго эффекта. Но авторъ, краснорѣчиво свидѣтельствуя объ этомъ фактѣ, самъ лучше всякаго знаетъ, что это неправда: въ другомъ мѣстѣ, на стр. 287, требуется иначе подѣйствовать на умъ читающаго, и

тутъ уже говорится, съ благородною откровенностію, что сколько г. Шедо-Ферроти ни встрѣчалъ польскихъ дворянъ, ни одинъ не отказывался отъ мысли о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 года.

Но вотъ удивительный пуфъ, разказанный такъ, что вниманіе читателя, спѣша далѣе, можетъ легко скользнуть по немъ, удержавъ однако произведенное имъ впечатлѣніе, которое должно главнымъ образомъ способствовать общему эффекту книги: чтобы показать какое давленіе производила въ прошломъ году печать на правительство, брюссельскій публицистъ свидѣтельствуетъ, что генералъ Муравьевъ былъ назначенъ на свой постъ въ Вильну не кѣмъ-либо,—а нами! Всѣ толковали о чудовищныхъ выдумкахъ которыя распространяли въ прошломъ году польскія и закупленныя Поляками газеты: мы спрашиваемъ, было ли что подобное этому? А между тѣмъ г. Шедо-Ферроти какъ-то причисляетъ себя къ Русскимъ, и говоря о русскихъ дѣлахъ, называетъ ихъ своими. Цѣль очевидная: нужно было разомъ компрометтировать и правительственное лицо, и въ то же время поставить предъ Европой въ неловкое положеніе самую власть, которая въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ назначеніе главнаго правителя цѣлой области, дѣйствовала по вынужденію той или другой газеты. Съ отвагой которой нѣтъ имени авторъ положительно извѣщаетъ европейскую публику, что генералъ Муравьевъ былъ отправленъ въ Вильну патріотическими газетами, которыя вслѣдствіе того и стараются всячески превозносить и поддерживать его какъ свое созданіе. Въ правительственныхъ сферахъ, конечно, выдумка эта не можетъ имѣть успѣха, потому что тамъ извѣстно, какимъ образомъ произошло назначеніе генерала Муравьева; но публика, читая это показаніе, сдѣланное самымъ положительнымъ тономъ, можетъ до нѣкоторой степени повѣрить ему. Не всякій вдругъ сообразитъ, что дѣло такого рода есть совершенная невозможность; не всякій будетъ припоминать или справляться, не было ли въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по крайней мѣрѣ какого-нибудь намека на генерала Муравьева въ то время, когда правительство затруднялось въ пріисканіи лица для

управленія сѣверо-западнымъ краемъ, находившимся подъ властью революціонной организаціи. Но хуже всего то, что г. Шедо-Ферроти самъ знаетъ, что этого не было и не могло быть. Онъ знаетъ, что этого не было, потому что листки нашей газеты были у него подъ рукою; но онъ знаетъ также, что этого и быть не могло. Дѣло вотъ въ чемъ; онъ ставитъ іюнь мѣсяцъ роковымъ предѣломъ, послѣ котораго мы стали пріобрѣтать ту пелѣпую силу, которую онъ намъ приписываетъ; до іюня мѣсяца, по его собственному сказанію, дѣла шли довольно сносно; ультранатріотизмъ еще не разыгрывался, и наши мнѣнія не имѣли никакого серіознаго дѣйствія; въ іюнѣ получили мы приглашеніе отправить нашихъ корреспондентовъ въ Варшаву, но въ іюнѣ же мѣсяцѣ, какъ извѣстно, получилъ свое назначеніе и генералъ Муравьевъ. Непристойная выдумка, пущенная о Русскомъ правительствѣ въ европейскую публику, свидѣтельствуетъ о крайней неразборчивости въ средствахъ. Можно однако спросить, не было ли со стороны какихъ-нибудь агитацій въ пользу назначенія генерала Муравьева? Всѣмъ извѣстно, что ничего такого не было. Что же касается до насъ, въ качествѣ патріотической газеты привлеченныхъ такимъ страннымъ образомъ къ участію въ этомъ назначеніи, то мы никогда, ни прежде, ни послѣ, не находились въ личныхъ сношеніяхъ съ М. Н. Муравьевымъ, не имѣли и до сихъ поръ не имѣемъ чести быть съ нимъ лично знакомы и ничего не знали о его взглядѣ на событія. Вообще наши государственные люди большею частію неизвѣстны публикѣ, ихъ имена не соединяются ни съ какими опредѣленными представленіями; въ публикѣ о нихъ ведутся разговоры на основаніи апокрифическихъ извѣстій и сплетенъ. Только въ самое послѣднее время туманъ скрывавшій отъ общества правительственныхъ дѣятелей сталъ нѣсколько рѣдѣть, и имена нѣкоторыхъ изъ нихъ пріобрѣли болѣе опредѣленное значеніе для публики. Какъ не имѣемъ мы чести знать лично М. Н. Муравьева, такъ точно не было намъ ничего извѣстно о способѣ дѣйствій который онъ намѣревался принять, когда верховная власть призвала его къ новой дѣятельности. Мы считали долгомъ русской печати поддерживать

его на этомъ столь отвѣтственномъ, столь трудномъ постѣ, какъ считали бы долгомъ поддержпвать всякаго другаго, потому что этотъ постъ не былъ какою-либо великолѣпною синекурой, требовалъ тяжкихъ трудовъ, гражданскаго мужества и самоотверженія. Во всякомъ случаѣ, сила заключалась не въ выборѣ того или другаго лица, а въ перемѣнѣ системы принятой для подавленія мятежа. Здравый смыслъ русскаго общества не могъ не привѣтствовать рѣшеніе правительства, когда предъ нимъ обозначилось положеніе дѣлъ. Всѣмъ было ясно, что рѣшительныя мѣры противъ тайной организаціи были столько же мѣрами государственной необходимости, сколько и требованіями человѣколюбія. Дѣйствительно, государственная необходимость и человѣколюбіе, которыя такъ часто расходятся между собою, здѣсь говорили одно и то же. Разумѣется, для организаторовъ мятежа стремившихся во что бы то ни стало достигнуть своей цѣли, такая система не могла быть пріятною; имъ было конечно лучше чтобы лилась кровь, которою они домогались достигнуть своихъ цѣлей, имъ было лучше чтобы правительство изнемогало въ борьбѣ и чтобы мятежъ казался непобѣдимымъ; имъ было лучше чтобы правительство роняло себя безплодными усиліями, стоившими страшнаго кровопролитія. Но кто осмѣлится сказать, что въ интересѣ человѣчества было предпочтительнѣе длить кровавую драму нежели прекратить ее такъ или иначе? Одно изъ двухъ: или уступить мятежу, или подавить его. Уступить притязаніямъ мятежа не предполагалось; стало-быть предполагалось подавить мятежъ. Если же предполагалось подавить мятежъ, то требовались именно такія мѣры, которыя имѣли бы своею цѣлію обезсилить тайную организацію и липшть ее духа и средствъ дѣйствовать.

Какъ назначеніе генерала Муравьева было совершенно свободнымъ дѣйствіемъ верховной власти, такъ равно и мѣры принятыя для прекращенія мятежа въ западномъ краѣ никѣмъ не подсказывались правительству, а принимались имъ по собственному усмотрѣнію, весьма не рѣдко вопреки мнѣніямъ которыя высказывались въ печати, получившей тогда нѣкоторую свободу въ обсужденіи дѣла, и преимущественно вопреки

мнѣніямъ которыя высказывались въ нашей газетѣ. Мы говорили то что́ намъ представлялось за лучшее, но мы не имѣли притязанія дѣйствовать на рѣшенія власти, которая имѣетъ въ виду множество обстоятельствъ ускользающихъ отъ вниманія простыхъ наблюдателей. Намъ казалось, что въ западномъ краѣ не было надобности прибѣгать къ такимъ мѣрамъ какъ напримѣръ общая контрибуція; мы думали что даже можно было бы обойтись безъ распространенія обязательнаго выкупа на Бѣлоруссію, и говорили это неоднократно; быть-можетъ мы ошибались, но таково было наше мнѣніе. Какъ же поступаетъ нашъ біографъ? Онъ идетъ не смущаясь впередъ; заставивъ насъ назначить генерала Муравьева въ Вильну, онъ заставляетъ насъ рекомендовать и поддерживать тѣ самыя мѣры, принятыя впрочемъ не въ одномъ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, но и въ цѣломъ западномъ краѣ,—мѣры, противъ которыхъ мы одни въ русской печати позволили себѣ сдѣлать нѣсколько возраженій.

Такъ какъ мы, благодаря труду г. Шедо-Ферротн, попали въ исторію,—то, взирая на его трудъ, мы можемъ сказать: вотъ какъ сочиняется исторія! Покойный графъ Уваровъ написалъ статью о достовѣрности исторіи: какой обильный матеріалъ представилъ бы ему памфлетъ г. Шедо-Ферротн! Говоря о нашихъ злонамѣренныхъ выходкахъ въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ прошлаго года и о томъ вредномъ вліяніи которое мы производили на всю нашу печать, онъ замѣчаетъ, что въ послѣдствіи одна газета, увлеченная нашимъ примѣромъ, дошла до того, что воскликнула: *законность насъ убиваетъ!* Эти слова были сказаны въ *Journal de St.-Pétersbourg* въ февралѣ мѣсяцѣ въ защиту мѣры принятой варшавскимъ управленіемъ и надѣлавшей столько шума,—именно рекрутскаго набора,—слова не только не внушенныя нами, а напротивъ подвергшіяся въ нашей газетѣ нѣкоторымъ протестаціямъ.

Читатели вѣроятно помнятъ о подлогѣ, который, въ прошломъ году, появился въ парижской газетѣ *Opinion Nationale*, по поводу сообщеннаго въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* извѣстія объ отравленныхъ кинжалахъ найденныхъ въ Варшавѣ. Мы намѣре-

взялись начать процессъ противъ *Opinion Nationale*, но должны были отказаться отъ этого намѣренія по причинамъ отъ насъ не зависѣвшимъ. Мы однако достигли того, что эта газета нашлась вынужденною напечатать въ своихъ столбцахъ правильный переводъ нашего текста, который она исказила чудовищнымъ образомъ, заставивъ насъ сказать, будто отравленные книжалы были употребляемы не заговорщиками, а полицейскими агентами. Въ своихъ объясненіяхъ по этому предмету французская газета оправдывалась тѣмъ, что она сама была жертвой обмана, и намекала на какихъ-то русскихъ агентовъ чуть ли не въ Брюсселѣ, будто бы подославшихъ ей этотъ фальшивый переводъ. Жаль во всякомъ случаѣ, что не могъ состояться процессъ который раскрылъ бы подробности этого куріознаго дѣла. Мы невольно вспомнили объ этой поддѣлкѣ, которая ввела въ заблужденіе французскую газету: въ книгѣ брюссельскаго публициста мы встрѣчаемъ примѣры сочиненій еще болѣе отважныхъ чѣмъ эта поддѣлка. Историкъ нашъ ни предъ чѣмъ не останавливается. Свидѣтельствуя, что мы опираемся на купеческое сословіе въ Россіи, онъ разказываетъ, что мы, дабы польстить фантазіямъ этихъ почтенныхъ людей, предлагаемъ обрусить — не Ригу, Вильну, либо Варшаву, — что иностранной публикѣ показалось бы вовсе не страннымъ, — но цѣлый міръ, le monde, со включеніемъ Франціи и Англіи. По остроумной догадкѣ этого писателя, русскимъ купцамъ очень улыбается мысль быть въ Парижѣ и Лондонѣ какъ у себя дома, и вотъ за тенденцію нашу обрусить цѣлый міръ, которая льститъ воображенію русскаго купеческаго сословія, оно поддерживаетъ насъ, и мы черезъ это пріобрѣтаемъ такую силу, которая становится опасною для правительства и для спокойствія Имперіи. Мы спрашиваемъ, что значитъ вышеупомянутый подлогъ появившійся въ *Opinion Nationale* въ сравненіи съ подобнымъ гомерическимъ сказаніемъ?

Но этимъ сказаніемъ не исчерпывается изобрѣтательность г. Шедо-Ферроти. Негодуя на насъ за ту дурную дѣятельность которою мы ознаменовали себя во вторую половину прошлаго года, онъ находитъ, что чѣмъ далѣе мы писали о польскомъ

вопросѣ, тѣмъ хуже становились наши мнѣнія и наконецъ дошли ad absurdum, до нелѣпости, которой онъ и посвящаетъ нѣсколько страницъ своей книги. Это капитальный пунктъ обвиненія взведеннаго противъ нашихъ бѣдныхъ мнѣній предъ судомъ современниковъ и потомства. Авторъ истощаетъ всю силу своей діалектики и все свое краснорѣчіе на развитіе этого пункта. Когда мы еще не имѣли книги г. Шедо-Ферроти предъ собою и знали объ ней по слухамъ, мы не могли догадаться въ чемъ дѣло. Намъ писали, что насъ торжественно обвиняютъ въ томъ, будто мы предлагаемъ ввести въ западномъ краѣ инквизицію. Мы никакъ не могли объяснить себѣ, что могло подать поводъ въ нашихъ писаніяхъ къ такому обвиненію, и въ чемъ должна состоять инквизиція которую мы намѣрены ввести въ западный край. Намъ писали, что рѣчь идетъ о какомъ-то надзорѣ за молитвами въ нѣдрахъ семействъ и даже надъ внутреннею молитвой людей римско-католическаго вѣроисповѣданія. Мы ломали себѣ голову, и ничего не могли понять. Что же оказалось? Читатели можетъ-быть помнятъ, какъ въ нашей газетѣ неоднократно высказывалась мысль о необходимости раздѣлить вопросъ религіозный отъ вопроса національнаго, римскій католицизмъ отъ полонизма. Этого требуетъ сколько свобода совѣсти, столько и интересъ государства. Мы разсматривали этотъ предметъ и съ той, и съ другой точки зрѣнія. Нѣтъ ни малѣйшаго разумнаго основанія отождествлять римскій католицизмъ съ польскою національностію и возводить такимъ образомъ національное дѣло въ предметъ религіозный. Мы указывали на многія сотни тысячъ людей чисто-русскаго народонаселенія въ западномъ краѣ, исповѣдующихъ римско-католическую вѣру и вслѣдствіе того обязанныхъ учиться догматамъ своей вѣры и слушать проповѣди на польскомъ языкѣ, и такимъ образомъ чувствовать себя Поляками въ самомъ главномъ интересѣ своей нравственной жизни; мы указывали и на высшіе общественные классы въ томъ краѣ, которые не имѣютъ никакого основанія считать себя польскими, хотя и принадлежатъ къ римской церкви. Мы находили, что правительство не можетъ прибѣгать къ какимъ-либо мѣрамъ для

привлеченія людей другихъ вѣроисповѣданій къ православной церкви, но что оно точно также не можетъ отчуждать отъ Русскаго народа людей только потому, что они не принадлежатъ къ православію. Не можетъ же оно сдѣлать не Русскими старообрядцевъ и раскольниковъ всѣхъ сектъ; точно также не можетъ оно безъ явной несправедливости и безъ крайняго вреда для государства отталкивать отъ Русскаго народа людей русскихъ исповѣдующихъ римско-католическую вѣру. Если правительственныя школы въ западномъ краѣ суть русскія школы, и всѣ предметы въ нихъ преподаются на русскомъ языкѣ, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія преподавать въ нихъ римское вѣроученіе на польскомъ, а не на русскомъ языкѣ. Вотъ мысли которыя мы излагали и которыхъ мы держимся. И вотъ изъ этого-то г. Шедо-Ферроти сумѣлъ сочинить свою инквизицію, которая будто бы должна прислушиваться ко внутренней молитвѣ человѣка! «Наилучшій другъ Польши» оказался проницательнѣе тѣхъ ревнителей чистоты русской народности которые слышать не хотятъ о различеніи національнаго вопроса отъ вопроса религіознаго, тогда какъ въ этомъ заключается самый главный способъ къ разрѣшенію тяжкаго вопроса висящаго надъ западнымъ краемъ; точно также какъ въ этомъ соединеніи двухъ силъ заключается та фальшивая живучесть которою отличается польская національность въ этомъ совершенно не принадлежащемъ ей краѣ. Было время, когда само дворянство нѣкоторыхъ губерній этого края желало чтобы дѣти его воспитывались вполнѣ какъ Русскіе, и чтобы догматы религіи преподавались въ школахъ, какъ и всѣ прочіе предметы, на русскомъ языкѣ. Намъ сообщали что въ архивѣ Виленскаго попечительства хранятся дѣла по этому предмету, изъ которыхъ явствуетъ что мы сами отталкивали отъ русской народности людей некрѣпко присоединявшихся къ ней, и сами хотѣли чтобъ они оставались чужими Русскому народу, и сталобыть врагами Русскаго государства, дѣйствующими противъ него то подкопами, то мятежемъ. Неужели мы и теперь будетъ хотѣть того же? Но во всякомъ случаѣ, неужели это имѣетъ

что-нибудь общее съ *инквизиціей*, которую сочинило игривое мышленіе г. Шедо-Ферроти?

Для того чтобъ отдѣлить религіозный вопросъ отъ національнаго надобно допустить свободу пользоваться русскимъ языкомъ и въ вѣроученіи, и въ богослуженіи другихъ религій. Почему же не допустить? Неужели русскій языкъ можетъ оскверниться отъ того, что на немъ будетъ преподаваемо католическое вѣроученіе, или будетъ сказываться протестантская проповѣдь? Вопросъ только въ этомъ. Г. Шедо-Ферроти очень хорошо понимаетъ что это и вполнѣ законно, и вполнѣ либерально. Противъ введенія русскаго языка въ религіозное преподаваніе и въ общественное богослуженіе протестовать было бы неудобно, а потому, чтобы придать этому дѣлу ненавистный характеръ, онъ прибѣгаетъ къ маневру и старается доказать, что мы считаемъ полезнымъ *запретить* всѣмъ обитателямъ западнаго края обращаться къ Богу на другомъ языкѣ кромѣ русскаго. Г. Шедо-Ферроти называетъ это русификаціей всѣхъ религій и покушеніемъ на религіозную свободу, показывая видъ, будто ему совершенно неизвѣстно что на нѣмецкомъ, французскомъ и всякомъ другомъ европейскомъ языкѣ можетъ исповѣдываться всякая религія, что въ этомъ полагается одно изъ самыхъ существенныхъ условій гражданственности и одно изъ самыхъ дорогихъ правъ человѣческой совѣсти.

Итакъ, вотъ наши дѣянія и замыслы: назначеніе генерала Муравьева въ Вильну, будто бы вынужденное ультрапатріотическою печатью, русификація всѣхъ народовъ міра, которая особенно нравится русскому купечеству, и наконецъ русификація всѣхъ религій міра посредствомъ инквизиціи, чѣмъ завершается помраченіе нашего ума, и послѣ чего остается только связать насъ по рукамъ и по ногамъ.

Вотъ тѣ положительныя данныя, вотъ тѣ факты, на которыхъ основано заключеніе нашихъ противниковъ. Плѣняя съ одной стороны воображеніе юношества, съ другой, увлекая добрыхъ и не хитрыхъ людей безсмысленными фантазіями, мы создаемъ изъ нихъ себѣ партію, которая устрашаетъ правительство и вырываетъ у него рѣшенія противныя его видамъ и

намѣреніямъ. Свергнувъ г. Герцена съ престола, мы заняли его мѣсто. Лондонскую лиру смѣнила московская *балалайка*. Но мы гораздо опаснѣе г. Герцена, и противъ насъ надобно принимать болѣе серіозныя мѣры. Г. Шедо-Ферроти возымѣлъ благую мысль открыть глаза правительственнымъ лицамъ и убѣдить ихъ, что сила на которую мы опираемся ничего не значитъ, и что съ нами церемониться нечего. Онъ приглашаетъ обойти селенія и деревни обширной Россійской Имперіи, и разспросить добрыхъ мужичковъ, знаютъ ли они имя издателя *Московскихъ Вѣдомостей*. Каждый изъ нихъ навѣрное скажетъ: nie slichiali, batiouschka. Отсюда ясно слѣдуетъ, говоритъ г. Шедо-Ферроти въ успокоеніе и ободреніе колеблющихся, что сила этого демагога не страшна, такъ же какъ и сила лондонскаго агитатора. Надобно только собраться съ духомъ, ободриться; очарованіе само собою исчезнетъ, *et la liberté du vote sera rétablie*.

И вотъ до какой арлекинады мы дожили!

Впрочемъ, не только правительство, но и русская печать находится подъ гнетомъ московскаго демагога. Г. Шедо-Ферроти объясняетъ, что петербургскіе журналы, которые обнаруживали въ началѣ прошлаго года самый лучшій духъ, потомъ очень опустились и были принуждены измѣнить свой языкъ. Московскій агитаторъ принудилъ ихъ къ тому своими кулаками. Напрасно газета *Голосъ* и нѣкоторыя другія петербургскія изданія пытались противиться: они должны были послѣдовать за патріотическимъ знаменемъ, они принуждены были подлаживаться подъ тонъ *Русскаго Инвалида* и *Московскихъ Вѣдомостей*, вопреки своимъ искреннимъ убѣжденіямъ... Какой комплиментъ петербургскимъ газетамъ!..

Итакъ, г. Шедо-Ферроти торжественно возводитъ насъ на тронъ столь достославно отбитый нами у г. Герцена. Изслѣдователь будущихъ судебъ Россіи уже знаетъ и предвѣщаетъ наши дальнѣйшія дѣянія. Намъ остается, въ уваженіе оказанныхъ заслугъ, теперь же пригласить къ себѣ г. Шедо-Ферроти на службу.

Но возводя насъ на столь высокую чреду, напрасно г. Шедо-Ферроти такъ низко ставитъ нашу публику,—нашу партію, какъ онъ выражается,—тѣхъ лицъ которыя насъ читали и не находили наши мнѣнія нелѣпыми, не видѣли въ насъ вредныхъ агитаторовъ и заговорщиковъ, и прощали намъ нашу претензію обращаться только къ здравому чувству своихъ читателей. Г. Шедо-Ферроти съ пасмѣшкой отзывается объ изъявленіяхъ сочувствія которыя мы получали въ прошломъ году. Мы не думаемъ, чтобъ они были такъ презрительны, какъ ему кажутся. Нѣкоторыя изъ этихъ изъявленій имѣли общественное значеніе, и мы не должны были утаивать ихъ про себя. Но кромѣ этихъ изъявленій, имѣвшихъ значеніе общественное, мы получили еще множество искреннихъ выраженій сочувствія отъ лицъ, образованіе которыхъ г. Шедо-Ферроти, конечно, оспаривать не будетъ, отъ лицъ стоящихъ высоко по своему положенію. Мы храним ихъ письма; намъ пріятно вспомнить объ нихъ теперь, когда насъ объявляютъ такимъ вреднымъ и опаснымъ существомъ и предаютъ поруганію наше направленіе. Намъ особенно пріятно вспомнить теперь письмо полученное нами въ прошломъ году отъ г. министра Народнаго Просвѣщенія, который предлагалъ намъ собрать статьи наши по польскому вопросу изъ *Московскихъ Вѣдомостей* и изъ *Русскаго Вѣстника* (гдѣ высказаны всѣ главныя основанія взглядовъ столь противныхъ г. Шедо-Ферроти), и вызывался пріобрѣсть большое число экземпляровъ этой книги для разсылки по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ. Мы не могли воспользоваться этимъ благосклоннымъ предложеніемъ; но мы высоко оцѣнили полное сочувствіе изъявленное въ этомъ письмѣ нашимъ воззрѣніямъ на польскій вопросъ, и именно патріотическому направленію нашихъ статей. Выраженія письма такъ лестны, что скромность не позволила бы намъ привести ихъ; но сказаннаго достаточно чтобъ убѣдить г. Шедо-Ферроти, какъ неосновательно онъ судитъ о характерѣ нашей публики и о значеніи тѣхъ лицъ которыя насъ читали и намъ сочувствовали.

Кстати объ учебныхъ заведеніяхъ. Мы слышали, что книга г. Шедо-Ферроти особенно распространяется въ учебныхъ

заведеніяхъ. Юношеству предстоитъ убѣдиться изъ этой книги, какъ вредно и безсмысленно русское народное чувство, и какъ слѣдуетъ оберегаться его. Изъ книги г. Шедо-Ферроти молодые умы усмотрятъ, какъ низко стоитъ ихъ русская народность, какъ мало она заслуживаетъ любви и уваженія, и сколько, напротивъ, силы и достоинства въ польской націи, сколько блеска въ этихъ людяхъ «изъ гранита и желѣза». Изъ этой книги они узнаютъ, что сила прогресса превратитъ Россійскую Имперію въ отдѣльныя государства, которыя должны быть чужды другъ для друга, а особенно для Русскаго народа. Читая эту книгу, они будутъ созерцать въ близкой будущности на мѣстѣ Россійской Имперіи новую, доселѣ неслыханную, *гуманитарную* имперію, изъ которой будетъ изгнанъ ненавистный духъ патріотизма. Они узнаютъ изъ нея многое, о чемъ поговоримъ мы въ послѣдствіи.

V.

7-го сентября.

Прошлый годъ былъ во многихъ отношеніяхъ славнымъ для Россіи годомъ; онъ, безъ сомнѣнія, составитъ блестящую страницу въ исторіи царствованія Императора Александра II. Если въ 1812 году Россія отразила вторженіе почти цѣлой Европы, то въ 1863 она съ величайшею твердостью и рѣшимостью выдержала не менѣе опасный дипломатическій напоръ всѣхъ европейскихъ правительствъ, за весьма немногими исключеніями, и въ добавокъ еще—напоръ общественнаго мнѣнія цѣлой Европы. Она устояла противъ этого двойственнаго давленія, и вышла изъ борьбы побѣдительницей. Въ виду всѣхъ требованій, настояній и даже угрозъ, она, сильная рѣшимостью своего народа, не приняла на себя никакихъ обязательствъ предъ лицомъ Европы. Державы разчитывали на то, что Россія, еще не вполнѣ оправившись отъ бѣдствій Восточной Войны, не рѣшится на энергическій отпоръ ихъ требованіямъ, но онѣ ошиблись въ своихъ разчетахъ: Россія ни въ чемъ имъ не

уступила, и обнаружила готовность на всѣ опасности и пожертвованія, лишь бы не допустить надъ собою опеки иностранныхъ государствъ по вопросу который она справедливо признаетъ своимъ внутреннимъ вопросомъ и притомъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ. Своею твердостью и рѣшимостью Россія снова заняла то высокое мѣсто въ средѣ европейскихъ государствъ, которое она имѣла до послѣдней Восточной Войны. Таково было, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ общее въ Россіи убѣжденіе, и вся Россія привѣтствовала горячимъ сочувствіемъ депеши князя Горчакова, видя въ нихъ полное выраженіе державной воли своего Государя.

Но вотъ съ разныхъ концовъ, и въ иностранныхъ, и въ русскихъ газетахъ начинаютъ насъ увѣрять, что это не такъ, что Россія предъ лицомъ всей Европы приняла на себя обязательства относительно Польши, и что она не вольна болѣе дѣйствовать въ отношеніи къ ней по собственному разумѣнію, согласно съ ея собственными и своими интересами, а обязана выполнить обѣщанія торжественно высказанныя предъ лицомъ Европы; словомъ, что она поставила себя по дѣламъ Польши въ обязательныя же отношенія къ европейскимъ державамъ. Остроумный брюссельскій публицистъ (къ которому мы еще возвратимся и которому придаемъ значеніе только потому что его произведенія разсылаются теперь по университетамъ, какъ бы въ замѣнъ предложенной намъ въ прошломъ году, но нами отклоненной разсылки сборника нашихъ статей по польскому вопросу *), доходитъ даже до того, что прямо говоритъ о трехъ покровительствующихъ Польшѣ державахъ, какъ будто бы онѣ уже успѣли взять насъ подъ свою опеку, подобно тому, какъ взята подъ опеку Турція. Чѣмъ же гордилась такъ Россія въ прошлогднихъ депешахъ своего правительства и почему она видѣла въ нихъ выраженіе твердой воли Государя, проникнутаго сознаніемъ высокаго достоинства своего великаго отечества? Еслибы вслѣдствіе прошлогодней дипломатической переписки Россія дѣйствительно не вольна была дѣйствовать въ

*) См. *Московскія Вѣдомости* № 165.

Польшѣ какъ сама найдетъ лучшимъ, съ полною свободой рѣшенія, это значило бы, что она уступила требованіямъ европейскихъ державъ, приняла на себя обязательства предъ ними, допустила до извѣстной степени ихъ контроль и опеку надъ собою; это значило бы, что вся Россія, страннымъ образомъ, введена была въ заблужденіе насчетъ блестящаго исхода прошлогодней дипломатической борьбы съ Европой, и не только Россія, но и сама Европа, государи и правители которой не разъ указывали публично предъ законодательными палатами своихъ странъ, что путемъ дипломатическихъ представленій, сдѣланныхъ Россіи, они не достигли никакихъ результатовъ, а на войну съ нею они не могли или не хотѣли рѣшиться. Но въ томъ то и дѣло, что заблуждаются не Россія и не Европа, а петербургскіе корреспонденты иностранныхъ газетъ.

На что же ссылаются они въ подтвержденіе своего ошибочнаго мнѣнія? Единственное мѣсто изъ прошлогодней дипломатической корреспонденціи которое они приводятъ въ свою пользу съ нѣкоторымъ видомъ основательности находится въ меморандумѣ приложенномъ къ отвѣту Россіи на депешу и на меморандумъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ мѣстѣ сказано: «Его Величество, Августѣйшій нашъ Государь, даровалъ Польшѣ учрежденія, которыя основываются на началахъ административной автономіи и представительства чрезъ выборныхъ... Государь Императоръ сохраняетъ эти учрежденія, и предоставляетъ себѣ дальнѣйшее развитіе ихъ.» Содержится ли въ этихъ словахъ обѣщаніе или обязательство сохранить на будущее время и во что бы ни стало тѣ учрежденія которыя даны Польшѣ, или же въ нихъ просто заявляется фактъ, который и оставался бы фактомъ, пока ходъ событій и указанія самого опыта не потребовали бы его измѣненія? Если въ отношеніи къ дарованнымъ Польшѣ учрежденіямъ въ меморандумѣ князя Горчакова категорически заявленъ только фактъ сохраненія ихъ, безъ всякаго обязательства насчетъ неизмѣняемости этого факта, то въ отношеніи къ дальнѣйшему развитію этихъ учрежденій высказано еще менѣе, а именно что Государь Императоръ *предоставляетъ себѣ* развить

ихъ далѣе. Очевидно, что ни въ той, ни въ другой части этихъ словъ нѣтъ ни тѣни какого-либо обязательства или обѣщанія, торжественно высказаннаго предъ лицомъ Европы. Мало того: подобное обязательство вовсе не согласовалось бы со всѣми заявленіями въ тѣхъ же отвѣтныхъ депешахъ князя Горчакова. Въ нихъ сказано было, между прочимъ, что Россія принимаетъ на себя всю отвѣтственность за прочное умиротвореніе Польши, и слѣдовательно, будетъ стремиться къ достиженію этой цѣли тѣми способами какіе сама признаетъ лучшими, не стѣсняясь никакими предварительно даннымп обѣщаніями и обязательствами. Далѣе прибавлено: «Нашъ Августѣйшій Государь воодушевленъ самыми благосклонными намѣреніями въ отношеніи къ Польшѣ.... Благосостояніе его подданныхъ всякаго происхожденія и всѣхъ религій составляетъ долгъ, который Его Величество возложилъ на себя предъ Богомъ... Государь Императоръ посвящаетъ всю свою заботливость выполненію этого долга.» Еслибы сохраненіе за Польшей учрежденій, основанныхъ на началѣ административной автономіи ея, по указанію самого опыта, оказалось несовмѣстнымъ съ благосостояніемъ ни самихъ Поляковъ, ни Русскаго народа, то не было ли бы оно въ противорѣчіи съ тѣмъ долгомъ о которомъ такъ торжественно говоритъ князь Горчаковъ въ своихъ депешахъ, и возможно ли предположить, что оно могло быть предметомъ какого бы то ни было предварительнаго обѣщанія или обязательства? Учрежденія и законы существуютъ не сами по себѣ, а для блага народовъ, и по самой натурѣ вещей сохраняются до тѣхъ поръ пока того требуетъ благо самихъ заинтересованныхъ народовъ. Обѣщаніе сохранять какія-либо учрежденія во что бы то ни стало не имѣетъ никакого смысла: оно не было и не могло быть дано и въ прошломъ году по отношенію къ Польшѣ.

Итакъ, несмотря на усилія какихъ бы то ни было публицистовъ, Россія едва ли повѣритъ, что вслѣдствіе прошлогодней дипломатической корреспонденціи она поставила себя по отношенію къ автономіи Польши въ то же положеніе къ Европѣ, съ какомъ стоитъ Турція по отношенію къ автономіи Сербіи или Румыніи.

Что касается до Вѣнскихъ трактатовъ, при заключеніи ихъ императоръ Александръ I находился подъ вліяніемъ великодушныхъ увлеченій, которыя не согласовались ни съ интересами государства, ни съ приговорами исторіи, ни, какъ оказалось на опытѣ, съ благомъ самихъ Поляковъ. Вѣнскіе трактаты создали порядокъ вещей который менѣе чѣмъ въ полстолѣтіе уже двоекратно ознаменовался всѣми бѣдствіями революціи и междуусобной войны. Пока этотъ порядокъ вещей будетъ продолжаться въ главныхъ чертахъ своихъ, нѣтъ никакихъ основаній думать, что эти бѣдствія не будутъ періодически возобновляться.

Въ Вѣнскихъ трактатахъ, Польшѣ выговорены Императоромъ Александромъ I не только политическая и административная автономія,—ограниченная, впрочемъ, туманнымъ выраженіемъ, что эта страна будетъ связана съ Россіей своею конституціей,—но и такое распространеніе ея предѣловъ внутрь Россіи, какое императоръ найдетъ умѣстнымъ. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что Поляки могутъ удовольствоваться выполненіемъ со стороны Россіи первой половины этихъ обѣщаній и когда-либо откажутся отъ выполненія второй, болѣе существенной. Даже напротивъ, чѣмъ точнѣе будетъ Россія выполнять условія относительно политико-административной автономіи Польши, тѣмъ легче и тѣмъ съ большею, повидимому, основательностью могутъ возникать надежды, что и обѣщанное распространеніе предѣловъ Польши внутрь Россіи, наконецъ, осуществится. Невозможно и не въ натурѣ человѣка отказаться отъ одной части своихъ надеждъ, когда другая, тѣсно связанная съ нею, дѣйствительно осуществляется. Мы можемъ кричать сколько душѣ угодно, что западныя наши области—край русскій, но намъ не будутъ вѣрить. При совершенной невозможности дать Польшѣ то распространеніе внутрь Россіи, какое имѣлось въ виду въ 1815, мы нисколько не успокоимъ и не удовлетворимъ Поляковъ никакою автономіей Царства Польскаго, не только административною, но даже политическою, а напротивъ, по мѣрѣ расширенія ея, будемъ все болѣе и болѣе тревожить ихъ воспоминанія и возбуждать ихъ притязанія на Русскую

землю. Мы не умиротворимъ Поляковъ, а только раздразнимъ ихъ и подготовимъ новое ихъ возстаніе. Всѣми бѣдствіями которыми сопровождаются для нихъ эти возстанія они обязаны Вѣнскимъ трактатамъ, и если бо́льшая часть статей этихъ трактатовъ, вслѣдствіе естественнаго хода событій, исчезли сами собою (вспомнимъ Бельгію, Италію, династію Бонапартовъ во Франціи, Краковъ), то почему же Россія, во зло себѣ и на бѣду Польскому краю, должна до сихъ поръ еще, послѣ стольких опытовъ, сохранять и поддерживать самыя неудобоисполнимыя ихъ постановленія? Благо Россіи и благо самихъ Поляковъ требуетъ фактической отмѣны этихъ постановленій, и чѣмъ скорѣе она послѣдуетъ, тѣмъ будетъ лучше.

VI.

9-го сентября.

30-го августа въ Югенхеймѣ, близъ Дармштадта, подписаны высочайшій рескриптъ на имя графа Берга и высочайшіе указы относящіеся къ народному обученію въ Царствѣ Польскомъ. Въ этихъ указахъ, по выраженію одной петербургской газеты, наше правительство является представителемъ просвѣтительнаго начала въ Польшѣ. Они примыкаютъ, какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ, къ законамъ по этому предмету изданнымъ въ 1862 году, но еще болѣе они примыкаютъ къ указамъ 19-го февраля сего года и отъ нихъ заимствуютъ свое направленіе. Уставъ выработанный маркизомъ Велёпольскимъ въ 1862 поручалъ учрежденіе сельскихъ школъ и управленіе ими мѣстнымъ ксендзамъ и помѣщикамъ; нынѣшніе указы призываютъ къ этому важному дѣлу гминные и сельскіе сходы съ ихъ войтами, лавниками и солтысами, подъ надзоромъ начальниковъ учебныхъ дирекцій. Уставъ 1862 подчинялъ гимназіи клерикальному вліянію, поручая всю училищную дисциплину ксендзу-законоучителю, съ титуломъ префекта; нынѣшніе указы сосредоточиваютъ педагогическую и дисциплинарную часть въ вѣдѣніи свѣтскаго директора и педагогическихъ совѣтовъ,

какъ заведено и въ самой Россіи. Уставъ 1862 оставлялъ все женское воспитаніе въ рукахъ женскихъ монастырей. Изъ семи существовавшихъ тогда женскихъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ теперь уцѣлѣло только одно, въ Варшавѣ, хотя самъ маркизъ Велёпольскій публично признавалъ, что въ этихъ училищахъ образованіе было и дешевле, и лучше, чѣмъ въ монастырскихъ школахъ. Въ настоящее время опредѣлено вновь учредить на счетъ казны женскія гимназіи въ городахъ Люблинѣ, Радомѣ, Плоцкѣ, Сувалкахъ и Калишѣ и открывать ихъ и въ другихъ городахъ, гдѣ представится возможность обезпечить ихъ существованіе.

Но кромѣ «просвѣтительнаго» начала, представителемъ котораго явилось Русское правительство въ указахъ 30-го августа, насъ интересуютъ еще и выразившіяся въ нихъ начала политическія и національныя. Устройство учебной части въ краѣ со смѣшаннымъ населеніемъ,—въ краѣ, навсегда связанномъ съ Русскимъ государствомъ своею конституціей, какъ сказано въ заключительномъ актѣ Вѣнскаго конгресса, всегда касается множества вопросовъ и интересовъ политическихъ и національныхъ. Австрійцы и Прусаки, напримѣръ, не будучи вовсе людьми близорукими, начинаютъ въ сѣверномъ Шлезвигѣ съ того что вводятъ тамъ въ гимназіяхъ и народныхъ училищахъ нѣмецкій языкъ, поставляютъ тамъ нѣмецкихъ учителей, и почитаютъ такой образъ дѣйствій не только за справедливый, но и за согласный съ правилами разумной политики и человѣколюбія, такъ какъ иначе датское населеніе края невольно тяготѣло бы къ Даніи, подчинялось бы возбужденіямъ изъ Даніи, возставало бы противъ германскаго владычества и тѣмъ навлекало бы на себя величайшія бѣдствія. Мы, съ своей стороны, считали также и желательнымъ и возможнымъ—не покончить разъ навсегда съ польскимъ языкомъ, съ польскою національностью, съ польскими училищами, какъ намекаетъ одна петербургская газета,—нѣтъ, до этого далеко,—но принять такія мѣры, которыя бы въ интересахъ и Россіи, и польскаго населенія, повели мало-по-малу къ сближенію массы польскихъ крестьянъ, совершенно чуждыхъ польскому патріотизму и даже

не называющихъ себя Поляками, съ Русскимъ народомъ, а не полагать между ними преграды. Спѣшимъ замѣтить, не входя еще въ подробное разсмотрѣніе указовъ 30-го августа, что въ нихъ есть нѣкоторыя черты сближающія польскій край съ Россіей. Варшавскій университетъ, который опредѣлено преобразовать въ Главную Школу, будетъ пользоваться тѣми же правами и преимуществами какія дарованы общимъ уставомъ русскихъ университетовъ; управленіе мужскихъ гимназій устраивается по тому же типу какой представляютъ русскія гимназіи; наконецъ, женскія гимназіи учреждаются прямо, какъ сказано въ самомъ указѣ, по образцу существующихъ въ Имперіи училищъ такого рода. Далѣе, во всѣхъ начальныхъ училищахъ постановлено обучать, между прочимъ, основнымъ правиламъ ариѳметики, съ понятіями о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ употребляемыхъ какъ въ Россіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ. Наконецъ, по желанію самихъ обществъ, къ обязательнымъ для обученія предметамъ можетъ быть прибавлено еще чтеніе и письмо по-русски. Но за тѣмъ законодатель преимущественно принялъ во вниманіе только общее начало равноправности всѣхъ національностей, въ силу котораго слѣдуетъ озаботиться образованіемъ отдѣльныхъ училищъ для каждой народности, а въ школахъ общихъ, особенно же низшихъ, ввести обученіе на природномъ языкѣ большинства населенія, то-есть, или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей.

Прежде всего тутъ представляется вопросъ о Евреяхъ, которыхъ въ Царствѣ Польскомъ считается слишкомъ 600.000 человѣкъ. На природномъ своемъ, древне-еврейскомъ, языкѣ они теперь уже не говорятъ, и только немногіе ученые изъ этого народа могутъ излагать на немъ свои мысли. Обиходнымъ для нихъ языкомъ служитъ устарѣвшее и испорченное нѣмецкое нарѣчіе, которое употребляется еще въ такъ-называемыхъ хедерахъ, но отъ котораго всячески стараются отдѣлаться сами Евреи, сколько-нибудь образованные, и котораго они сами отнюдь не допускаютъ въ сколько-нибудь благоустроенныя свои школы, а таковыя, безъ сомнѣнія, имѣются въ виду въ указахъ

30-го августа. Вездѣ, гдѣ только законодательство не полагаетъ тому преградъ, Евреи стремятся усвоить себѣ господствующій языкъ той страны, гдѣ они живутъ. Въ 1861 и 1862 годахъ и въ русской Польшѣ они обнаружили сильнѣйшее влеченіе стать Поляками, и по языку, и по чувству: они начали вводить польскій языкъ въ свои школы, основали свой журналъ на польскомъ языкѣ (*Jutrzenka*), и заключили тѣсный союзъ съ польскими патріотами,—союзъ, который былъ менѣе всего въ интересахъ Россіи и ея правительства. Будетъ ли этотъ порядокъ вещей продолжаться и теперь? Указы 30-го августа сами по себѣ не препятствуютъ этому. Польская агитація можетъ оказывать гнетъ на Евреевъ, принуждая ихъ прибавлять къ предметамъ преподаванія чтеніе и письмо по-польски. Но въ такомъ случаѣ безпристрастіе въ отношеніи къ языкамъ будетъ уже нарушено, и одинъ изъ нихъ, именно польскій, станетъ языкомъ не однихъ только Поляковъ, но еще и Евреевъ. Или, можетъ-быть, по близости еврейскаго жаргона къ нѣмецкому языку, въ еврейскихъ школахъ введенъ будетъ послѣдній? Въ такомъ случаѣ опять-таки будетъ оказано явное пристрастіе къ нѣмецкому языку, что вовсе не желательно въ краѣ, состоящемъ подъ властью Россіи, но сосѣднемъ съ нѣмецкими областями и имѣющемъ многіе общіе съ ними матеріальные интересы.

Но сверхъ того, въ указѣ о начальныхъ училищахъ сказано: «Если училище посѣщается дѣтьми принадлежащими къ разнымъ племенамъ, то преподаваніе производится на языкѣ большинства учениковъ и ученицъ». Мы не знаемъ, много ли гминъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ бы населеніе не было смѣшанное, гдѣ бы жили по крайней мѣрѣ сплошными массами одни Русскіе, одни Литовцы, или одни Нѣмцы и Евреи, безъ болѣе или менѣе значительной и даже преобладающей примѣси Поляковъ. Въ большей части училищъ въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ не станетъ ли учебнымъ языкомъ языкъ польскій, который и будетъ все болѣе и болѣе распространяться въ ущербъ языку русскому, литовскому и даже нѣмецкому?

Для избѣжанія ополяченія, Русскимъ, Литовцамъ, Нѣмцамъ и Евреямъ, тамъ гдѣ они не составляютъ большинства населенія, предоставлено, правда, заводить собственныя училища, или въ общихъ училищахъ содержать своего учителя для преподаванія своего языка и закона своей вѣры, но этимъ дозволеніемъ не легко будетъ воспользоваться какъ по недостатку средствъ, такъ и по весьма вѣроятному противодѣйствію со стороны большинства населенія. Цѣлое сельское общество можетъ еще найти средства для учрежденія школы и содержанія учителя, но часть общества едва ли будетъ на то способна.

Можно опасаться, что теперь усилія Поляковъ будутъ направлены къ тому, чтобъ отклонять сельскія общества польскихъ крестьянъ отъ желанія учиться чтенію и письму по-русски, и напротивъ, чтобы понуждать Русскихъ, Литовцевъ и др. учиться по-польски. Польской пропагандѣ былъ бы открытъ широкій просторъ, еслибы русскія власти въ краѣ упустили изъ виду общій духъ указа 30-го августа и вмѣсто того чтобы противодѣйствовать этой пропагандѣ и склонять общества польскихъ крестьянъ въ пользу чтенія и письма по-русски, предоставили ей поле дѣйствія въ ущербъ установленной указомъ равноправности. Вся надежда въ этомъ отношеніи на дѣятельность русскихъ властей въ польскомъ краѣ.

VII.

11 сентября.

Годъ тому назадъ въ западной Европѣ только и было рѣчи что о польскомъ возстаніи; всѣ газеты трубили о немъ; многочисленные митинги высказывали сочувствіе польскому дѣлу, а законодательныя палаты повидимому старались еще превзойти уличную публику въ клеветахъ на Россію и превознесеніи героевъ польскаго мятежа какъ мучениковъ цивилизаціи. Если голосъ общественнаго мнѣнія западной Европы высказывался когда-нибудь громко и единодушно, то именно прошлымъ лѣтомъ по польскому дѣлу. Можно было въ самомъ дѣлѣ повѣрить,

что вся либеральная Европа готова на крестовый походъ противъ варваровъ Московитовъ, что раздраженіе дошло до послѣдней степени, и что правительствамъ будетъ трудно устоять противъ напора высоко поднявшихся волнъ народнаго чувства. Какъ же могло случиться, что по польскому вопросу теперь наступило такое полное затишье, что онъ такъ безпощадно преданъ забвенію и совсѣмъ вычеркнутъ изъ числа вопросовъ интересующихъ европейскую публику? Не свидѣтельствуетъ ли это равнодушіе самымъ непререкаемымъ образомъ, что прошлогодняя агитація была дѣломъ искусственнымъ? Но если такъ, то ея колоссальные размѣры не раскрываютъ ли такихъ закулисныхъ тайнъ европейской политики, которыя до сихъ поръ можно было лишь предугадывать и которыя вышли теперь наружу болѣе чѣмъ когда-либо прежде? Если теперь очевидно, что прошлымъ лѣтомъ европейскія правительства вовсе не имѣли надобности сдерживать порывы общественнаго мнѣнія, если теперь несомнѣнно, что эти порывы, казавшіеся, однакожь, столь грознымп, служили въ сущности только выгоднымъ фономъ для дипломатическаго дѣйствія, и тотчасъ же улеглись, какъ скоро это дѣйствіе прекратилось, то нельзя не подивиться могуществу тѣхъ сферъ, откуда дается тонъ и направленіе общественному мнѣнію, этому загадочному существу, которое нерѣдко кажется самобытною силой, когда въ дѣйствительности служитъ лишь послушнымъ орудіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не нужно особенной сообразительности для того чтобъ, имѣя все это въ виду, придти къ заключенію, что теперешнее затишье очень можетъ быть такимъ же искусственнымъ явленіемъ, какимъ была прошлогодняя агитація. Къ этому заключенію даже необходимо придти, если принять во вниманіе, что теперешнее затишье никакъ не можетъ быть слѣдствіемъ совершеннаго отреченія отъ цѣли имѣвшейся въ виду при прошлогодней агитаціи. Отреченіе отъ цѣли всегда сопровождается чувствомъ досады: виновники прошлогодней комедіи не имѣли бы никакого повода скрывать это чувство, еслибы не намѣревались продолжать игру, перемѣнивъ только средства, но удерживая цѣль. Въ прошломъ году насъ старались ошеломить и запугать;

теперь насъ ублажаютъ смиреннымъ безмолвіемъ. Если прошлогодній азартъ былъ средствомъ, то почему бы не могло быть средствомъ и нынѣшнее смиреніе? Не имѣя никакого умысла, можно ли такъ притаиться, какъ притаились теперь антипатіи къ Россіи? Вотъ практическій вопросъ, котораго нельзя не сдѣлать, смотря на разительный контрастъ между нынѣшнимъ и прошлымъ годомъ, и который въ свою очередь заставляетъ насъ спросить себя: что же для насъ опаснѣе, поддѣльный ли азартъ или фальшивое смиреніе?

Между тѣмъ какъ все въ Европѣ притихло, оставался еще одинъ пунктъ, откуда доносился до насъ прежній суровый, а потому и менѣе опасный голосъ. Этотъ пунктъ былъ Римъ. Папа Пій IX, не болѣе какъ четыре мѣсяца тому назадъ, осыпалъ насъ такими любезностями, что повидимому совсѣмъ исчезала для насъ опасность услышать изъ вѣчнаго города голосъ способный вызвать какую-нибудь уступчивость съ нашей стороны. Но увы! общій токъ европейской политики такъ силенъ, что и святой отецъ увлеченъ имъ. Когда ксендзы польскаго края потеряли физическую возможность предводительствовать бандами и воодушевлять книжальщиковъ, вѣрные докладчики папы Пія IX нашли благовременнымъ довести наконецъ до его свѣдѣнія, что латинское духовенство этого края дѣйствительно злоупотребляло религіей и заслуживаетъ за то строгаго апостолическаго порицанія. Папа не можетъ смотрѣть равнодушно на подобное нечестіе, коль скоро оно сдѣлается ему извѣстнымъ, и вотъ римскій епископъ, какъ извѣстилъ насъ вчерашній телеграфъ, собирается писать къ польскимъ епископамъ, чтобъ они поспѣшили призвать заблудшихъ на путь религіознаго долга. Въ непродолжительномъ времени мы вѣроятно прочтемъ папское посланіе, въ которомъ будетъ сказано, что папа порицаетъ революцію. Едва ли однакоже это посланіе произведетъ на насъ чистое впечатлѣніе радости: можно поручиться, что въ немъ будутъ сдѣланы намеки на несчастное состояніе латинской церкви въ предѣлахъ Русской державы. И та и другая часть посланія будутъ, конечно, исполненіемъ пастырской

обязанности. Это несомнѣнно. Но столько же несомнѣнно и то, что первая часть теперь не можетъ оказать ни малѣйшаго практическаго дѣйствія, такъ какъ революція, порицаемая папой, уже подавлена безъ его пастырскаго содѣйствія. Тѣмъ важнѣе будетъ значеніе той части посланія которая послужитъ на практикѣ открытіемъ наступательнаго похода противъ Россіи. Пастырская дѣятельность римскаго епископа до насъ не касается: это дѣло его совѣсти, проникать въ которую мы не имѣемъ никакого права. Мы можемъ смотрѣть на образъ дѣйствій Римской куріи только съ государственной точки зрѣнія, можемъ относиться къ ней только какъ государство къ государству. Но съ этой точки зрѣнія самъ собой возникаетъ вопросъ о взаимности, безъ которой международныя сношенія не имѣли бы смысла. Что же намѣрена теперь предложить намъ Римская курія? Какую можетъ она оказать намъ услугу? Какую пользу извлечетъ для себя Русское государство изъ того шага который намѣренъ теперь сдѣлать папа? Этотъ шагъ, насколько онъ могъ бы быть выгоденъ для насъ, насколько онъ могъ бы быть полезенъ для внутренняго мира въ предѣлахъ нашей державы, будетъ шагомъ запоздалымъ. Онъ будетъ сдѣланъ, очевидно, не въ нашемъ интересѣ. Дастъ ли онъ Римской куріи какое-либо право ожидать взаимности съ нашей стороны? Если Римская курія хоть сколько-нибудь испортила свое дѣло чрезмѣрною медлительностью въ исполненіи того чего мы были въ правѣ ожидать отъ нея, и что она сама считаетъ своею обязанностью, то не должна ли она еще болѣе испортить свое дѣло тою нетерпѣливостью, съ которою она, кругомъ виноватая предъ нами, спѣшитъ требовать отъ насъ того что не мы сами, а только она считаетъ нашею обязанностью? Не слишкомъ ли рано для Римской куріи обращаться къ намъ теперь съ какими бы то ни было, — не скажемъ требованіями, но даже просьбами?

Прежде всего Римской куріи должно быть желательно привести въ прежній видъ дипломатическія сношенія съ Россіей. Но какую получимъ мы отъ того выгоду? Развѣ посредничество

нашего дипломатическаго агента нужно Римскому престолу для того чтобы выказывать намъ свое дружелюбіе? Развѣ замышляемое папой Піемъ IX посланіе не дойдетъ до польскихъ епископовъ и прежде возстановленія нашей миссіи въ Римѣ, разумѣется если будетъ написано въ искреннемъ духѣ мира, и развѣ не дойдетъ оно до нихъ законнымъ путемъ черезъ посредство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ? Развѣ нуждающіеся въ диспензіяхъ, абсолюціяхъ, индульгенціяхъ, не имѣютъ средствъ получать ихъ и теперь? Развѣ не проще и естественнѣе, чтобы подобныя ходатайства имѣли характеръ частной просьбы, а не были предметомъ дипломатическихъ сношеній и не казались ходатайствами Русскаго государства предъ иностраннымъ государемъ? А между тѣмъ просьбы о церковныхъ актахъ такого рода составляли главный предметъ занятій русской миссіи въ Римѣ.

Даже назначеніе епископовъ могло бы повидимому происходить сообразнѣе съ достоинствомъ государства, еслибы Римская курія изъявляла свое согласіе или отказывала въ немъ не русской дипломатіи, а римско-католическимъ капитуламъ, которые должны были бы сами пріискивать кандидата равно угоднаго и Русскому правительству, и Римской куріи. Вліяніе правительства на выборъ епископа было бы то же самое, но форма сношеній съ Римомъ измѣнилась бы къ лучшему. Римской куріи это не могло бы, правда, понравиться, но какое право имѣетъ Римская курія ожидать чтобы мы желали ей нравиться? Не обязаны ли мы напротивъ дѣйствовать по отношенію къ ней на основаніи закона взаимности? Въ личныхъ сношеніяхъ злопамятство есть порокъ; въ дипломатическихъ сношеніяхъ оно добродѣтель, потому что—обязанность. Мы не въ правѣ забывать папскую аллокуцію, какъ не въ правѣ забывать прошлогоднюю дипломатическую комедію, стоившую намъ многихъ милліоновъ рублей.

VIII.

13-го сентября.

Указы 30-го августа—объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ—служатъ естественнымъ дополненіемъ предпринятой въ этомъ краѣ реформы крестьянскаго быта. Какъ эта реформа полагаетъ конецъ всемогуществу свѣтской аристократіи, такъ точно указы 30-го августа должны вести къ освобожденію массы польскаго народа изъ-подъ безконтрольной власти римско-католическаго духовенства. Съ незапамятныхъ временъ, какъ въ пору политической самостоятельности Польши, такъ и въ періодъ русскаго владычества, народное просвѣщеніе въ этомъ краѣ почти исключительно находилось въ рукахъ духовенства. Это было бы хорошо, еслибы римско-католическое духовенство въ Польшѣ было вѣрно своему религіозному характеру, а не превратилось во вредное политическое общество, какъ наконецъ засвидѣтельствовалъ и самъ глава Римской церкви. Такому духовенству государство не можетъ ввѣрить дѣло народнаго воспитанія, и теперь оно по возможности устраняется отъ этого дѣла. Начальныя народныя училища, которымъ предполагается посвятить наибольшее вниманіе и заботы, ввѣряются ближайшему попеченію гминныхъ и сельскихъ сходовъ, въ которыхъ ксендзамъ не дозволяется вовсе участвовать,—и подчиняются непосредственному вѣдѣнію гминныхъ войтовъ, солтысовъ или особыхъ смотрителей, въ должности которыхъ также не могутъ быть выбраны клирики. Какъ рѣшителенъ этотъ шагъ, видно изъ того, что даже въ 1833, когда были закрыты мѣстные комитеты, или *дозоры*, завѣдывавшіе элементарными училищами, правительство постановило, чтобы каждое училище было въ завѣдываніи опекуна, а чтобъ опекуномъ назначался преимущественно мѣстный приходскій священникъ или викарій. Уставомъ 8-го мая 1862, который былъ составленъ въ общемъ духѣ всей системы маркиза Велёпольскаго, ксендзамъ предоставлялось и учреждать училища, и назначать въ нихъ учителей, даже и тамъ, гдѣ училища были

основаны не ими; ксендзы же назначались главными предсѣдательствующими членами въ возстановленныхъ дозорахъ, состоявшихъ, кромѣ нихъ, еще изъ помѣщика, войта или бургомистра и двухъ или трехъ мѣстныхъ жителей. Теперь выборъ учителей поручается гминнымъ и сельскимъ сходамъ съ ихъ должностными лицами, и подчиняется утвержденію начальниковъ учебныхъ дирекцій, долженствующихъ вообще замѣнить собою прежніе *дозоры*, такъ какъ имъ порученъ общій надзоръ за начальными училищами и ближайшее попеченіе объ ихъ направленіи и преуспѣяніи. Устраняя польское римско-католическое духовенство вообще, и монашествующее въ особенности, отъ дѣла народнаго образованія, правительство беретъ его въ собственныя руки и призываетъ къ содѣйствію себѣ сельскія гмины и общества. Главными органами его въ этомъ отношеніи должны стать эти 10 директоровъ и 1 инспекторъ (въ Варшавѣ), между которыми распредѣляется все пространство польскаго края. Крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, были бы безпомощны. Весь успѣхъ предпринятой учебной реформы, все направленіе народныхъ училищъ будутъ преимущественно зависѣть отъ дѣятельности и благонамѣренности директоровъ: поэтому-то Высочайшій рескриптъ особенно указываетъ на важность выбора свѣдущихъ и добросовѣстныхъ исполнителей указовъ 30-го августа и возлагаетъ ближайшее попеченіе, по отношенію къ начальнымъ училищамъ, на учредительный въ Царствѣ Польскомъ комитетъ.

Принимаясь за какое-нибудь дѣло, не слѣдуетъ скрывать отъ себя его трудностей и опасностей. Римско-католическое духовенство, которое всегда и вездѣ было до крайней степени ревниво къ своей власти и особенно къ своему вліянію на народное образованіе, по всей вѣроятности, и тутъ не уступитъ безъ борьбы, и борьбы самой энергической, хотя бы и не явной. Безъ величайшей бдительности со стороны начальниковъ учебныхъ дирекцій, безъ дружнаго содѣйствія имъ со стороны всѣхъ Русскихъ въ краѣ, и особенно со стороны поставленныхъ такъ близко къ крестьянамъ коммиссій по ихъ дѣламъ, очень легко можетъ случиться, что клерикальное вліяніе на училища

вслѣдствіе указовъ 30-го августа не исчезнетъ, а только сокроется, и изъ явнаго станетъ тайнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ. Всѣмъ русскимъ властямъ въ краѣ предстоитъ несомнѣнная борьба съ этими темными вліяніями,—борьба, которую можно вести лишь съ русскимъ знаменемъ въ рукахъ. Польскіе паны и ксендзы, и вообще польскіе патріоты, безъ сомнѣнія, примутся отклонять крестьянъ и горожанъ, Поляковъ, Литовцевъ и Евреевъ отъ введенія въ ихъ школы русскаго языка и русской грамоты; эти усилія польской пропаганды не должны бы имѣть успѣхъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ крестьянамъ, такъ какъ Русскому Царю и безпристрастію русскихъ властей крестьяне обязаны всѣми своими правами и соблюденіемъ всѣхъ своихъ интересовъ, и такъ какъ въ этомъ сознаніи они не разъ уже и въ очень многихъ мѣстахъ заявляли явное предпочтеніе къ русскимъ людямъ и къ русской грамотѣ. Усердіе польскихъ крестьянъ въ этомъ отношеніи было бы явнымъ признакомъ, что вліяніе ксендзовъ и пановъ устранено нами не только на бумагѣ, но и на самомъ дѣлѣ, и что предпринятыя теперь преобразованія, дѣйствительно, ведутъ къ полному обновленію гражданскаго быта Польши, ставя крестьянъ въ положеніе независимое и освобождая ихъ отъ того страха предъ панами и ксендзами, въ которомъ они воспитались и жили.

Въ нашихъ сужденіяхъ о временахъ недавно-прошедшихъ мы нерѣдко смѣшиваемъ цѣль и средства которыми предполагалось ея достигнуть, и порицаніе, котораго могутъ заслуживать послѣднія, часто переносимъ на первую. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ имѣлось въ виду «сблизить Поляковъ съ русскою стихіей и искоренить въ нихъ незамѣтнымъ образомъ старыя ихъ понятія и предубѣжденія», какъ сказано во всеподданнѣйшей запискѣ 1843 года бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова. Мысль эта была вполнѣ разумная, основательная и гуманная; но средства къ ея осуществленію были отчасти не достаточныя, отчасти не сочувственныя. Почти всѣ мѣры которыя принимались для ея осуществленія были отрицательнаго свойства и получали въ глазахъ не только польскаго, но и русскаго общества, характеръ гоненія.

Всѣ они примыкали къ системѣ которая въ подавленіи жизни искала обезпеченія противъ ея ложныхъ направленій. Такъ, въ 1831 году Варшавскій университетъ, основанный въ 1816 императоромъ Александромъ I, былъ закрытъ, и въ продолженіе 25 лѣтъ въ Царствѣ Польскомъ не было ни одного высшаго учебнаго заведенія, ни общеобразовательнаго, ни спеціальнаго, а молодые люди отправлялись въ русскіе университеты, въ которыхъ, при общемъ въ то время господствѣ отрицательнаго направленія, при отсутствіи живительнаго духа науки, при крайне невыгодной общественной обстановкѣ, они еще болѣе утверждались въ своей враждѣ къ Россіи. Разобщеніе нашихъ казенныхъ училищъ съ живыми началами русскаго народнаго сознанія было такъ велико, во всей окружающей школу средѣ было такъ мало привлекательнаго и воодушевительнаго, что не Поляки могли становиться Русскими, а напротивъ, Русскіе могли быть переманиваемы въ польскій лагерь, какъ это большею частью и бывало. Гимназіямъ въ Царствѣ Польскомъ также не было пощады. Въ 1830 ихъ было 15, въ 1833—11, а въ концѣ сороковыхъ годовъ ихъ осталось всего 7, со включеніемъ Варшавскаго благороднаго института. Управленіе гимназіями было предоставлено людямъ выбраннымъ случайно и нерѣдко считалось синекурой. Сверхъ того, начиная преимущественно съ 1845, значительная часть среднихъ учебныхъ заведеній лишена была своего общеобразовательнаго характера, и усвоила себѣ узкое, утилитарное направленіе. Уѣздныя училища (прогимназіи) обращены были изъ классическихъ въ реальныя, изъ коихъ однимъ придана была спеціальность коммерческая, другимъ—техническая, третьимъ—агрономическая. Гимназіи, въ свою очередь, въ высшихъ своихъ классахъ раздѣлены были на отдѣленія историко-филологическое и физико-математическое, и одни изъ нихъ предназначены для образованія чиновниковъ и юристовъ, другія—для образованія техниковъ, третьи—спеціалистовъ по горной части, и т. д. Въ довершеніе всего право поступать въ гимназіи было предоставлено единственно дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ. Одновременно со всѣмъ этимъ погромомъ въ гимназіи введено было преподаваніе

русскаго языка и словесности и русской исторіи, которая вмѣстѣ со всеобщею исторіей ввѣрялась русскому преподавателю, при чемъ учителямъ было предписано внушать ихъ ученикамъ сознаніе первенства Россіи между славянскими народами. Преподаваніе ихъ съ самаго начала получало, такимъ образомъ, тенденціозный характеръ, возбуждавшій къ себѣ сильнѣйшее недовѣріе: удивляться ли, что казенное сближеніе Польскаго народа съ Русскимъ не имѣло успѣха? Надъ этою системой состоялся уже приговоръ исторіи, и она, по счастію, рушилась; но изъ общаго крушенія должны быть спасены тѣ здравыя мысли которыя лежали въ ея основѣ и не нашли себѣ успѣшнаго осуществленія только потому, что примѣнялись формально, и были со всѣхъ сторонъ обставлены произволомъ и злоупотребленіями. Историческій опытъ положительно и невозвратно осудилъ всю эту систему управленія посредствомъ страха и гоненій на всякое проявленіе самобытной жизни; онъ показалъ, что подобная система не только не предотвращаетъ революціонныхъ потрясеній, а скорѣе вызываетъ ихъ. Но было бы въ высшей степени несправедливо сказать, что опытъ осудилъ, напримѣръ, попытки распространять знаніе русскаго языка между Поляками. Если въ системѣ сороковыхъ годовъ было что-либо хорошее и полезное, такъ это именно усилія направленныя къ этой цѣли, и если тотъ или другой Полякъ можетъ чувствовать себя чѣмъ-либо обязаннымъ ей, такъ это именно знаніемъ русскаго языка.

Причины ненависти къ этой системѣ заключаются отнюдь не въ ея стремленіи сблизить Поляковъ съ Русскими, а въ формальномъ и мертвомъ характерѣ мѣръ въ которыхъ она выражалась и къ которымъ примыкала. Ни одинъ сколько-нибудь разумный Полякъ не скажетъ, что ему нѣтъ надобности знать русскій языкъ и Россію. Уставъ 1862 составленъ былъ въ исключительно-польскомъ духѣ, и однакоже и въ немъ русскому языку отведено было довольно видное мѣсто не только въ гимназіяхъ, гдѣ съ 3-го класса все преподаваніе этого предмета должно было вестись уже по-русски, но и въ уѣздныхъ училищахъ (прогимназіяхъ), какъ педагогическихъ (то-есть, въ

учительскихъ семинаріяхъ) и общихъ, такъ и въ спеціальныхъ (съ реальными курсами), и даже въ самыхъ элементарныхъ одноклассныхъ училищахъ.

Польша навсегда соединена съ Россіей. Съ теченіемъ времени, какъ можно думать, политическія, соціальныя и торговыя связи между ними, къ обоюдному ихъ благу, будутъ становиться все многочисленнѣе и тѣснѣе, и все ощутительнѣе будетъ для всѣхъ классовъ населенія Польши потребность знать русскій языкъ, какъ органъ единенія съ великимъ государствомъ. Сознаніе этой потребности, при нормальномъ ходѣ дѣлъ, не можетъ не возбудиться во всѣхъ классахъ польскаго населенія и, какъ мы уже сказали, будетъ самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что тамошнія дѣла приняли нормальный ходъ.

IX.

16-го сентября.

Народъ юго-западныхъ губерній заявилъ себя русскимъ народомъ; это заявленіе было торжественное и всеобщее; если оно имѣетъ силу,—а не имѣть силы оно не можетъ,—то юго-западный край надобно считать русскимъ. Мѣстная русская печать, представительница администраціи, также объявляетъ во всеуслышаніе, что это край русскій, и признаетъ это свое объявленіе за аксіому неоспоримую, которая разумѣется сама собой. А между тѣмъ каждый шагъ къ тому чтобъ этотъ край дѣйствительно становился русскимъ встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія, вырастающія невѣдомо откуда. Что же мѣшаетъ этому краю быть дѣйствительно русскимъ?

Если это край русскій, то почему русскимъ людямъ нѣтъ тамъ возможности покупать имѣнія? Почему столь естественная и спокойно высказываемая мысль о необходимости соединить этотъ край желѣзною дорогой съ Москвой приводитъ многихъ въ тревогу, раздраженіе, чуть не въ бѣшенство? Почему на этотъ бѣдный Русскій народъ юго-западнаго края, оказавшій такія заслуги русскому дѣлу, сыплются всяческія клеветы,

сопровождаемыя притязаніями, чтобы русскія власти, щадя измѣнниковъ, только съ нимъ обращались безпощадно? Если это край русскій, то кто можетъ ожидать отъ русскихъ властей подобнаго образа дѣйствій, кто можетъ встрѣчать негодованіемъ мысль, еще весьма далекую отъ осуществленія, о Московско-Кіевской желѣзной дорогѣ, или видѣть какихъ-то кровопійцъ въ людяхъ пріѣзжающихъ пріобрѣтать имѣнія въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ,—пріѣзжающихъ не съ ножомъ, а съ деньгами въ рукахъ? Почему, покупая имѣніе у разорившагося помѣщика въ Рязанской губерніи, вы не подвергаетесь нареканію въ преступленіи, а если вздумаете торговать имѣніе въ Подольской губерніи, то васъ, пожалуй, назовутъ извергомъ? Почему Поляку у Поляка купить имѣніе не грѣшно, а Русскому грѣшно? Почему—если въ самомъ дѣлѣ это край русскій?

Что же мѣшаетъ однако этому краю сдѣлаться русскимъ? Онъ населенъ Русскимъ народомъ, и народъ этотъ умѣетъ стоять за себя; онъ находится подъ Русскою державой, и держава эта могущественна. Что же можетъ быть причиной тому, что онъ все-таки не дается намъ въ руки, и что ни громадное превосходство силъ, ни полная готовность положить всѣ силы за неприкосновенность Русской земли, не обезпечиваютъ намъ мирнаго обладанія этимъ краемъ?

Если юго-западный край имѣетъ намѣреніе когда-нибудь отложиться отъ Россіи, то понятно, что «всеобъемлющимъ желаніемъ» его должно быть совершенное устраненіе русскихъ людей отъ покупки тамъ имѣній. Но еслибы мы хоть сколько-нибудь уважили это желаніе, то не показали ли бы мы, что допускаемъ и тѣ намѣренія изъ которыхъ оно истекаетъ? Еслибъ этимъ намѣреніямъ предстояло осуществиться, то нельзя было бы и намъ самимъ ожидать особенной пользы, напримѣръ, отъ проведенія желѣзной дороги изъ Кіева въ Москву; предлагающіе эту мысль могли бы казаться праздными фантазерами и, если угодно, подвергаться нареканію за то что хотятъ мѣшать правильному теченію событій, хотя нельзя не замѣтить, что даже и съ этой точки зрѣнія не было бы повода

къ ожесточенію противъ идеологовъ. Мысль о Пинской желѣзной дорогѣ, пущенная въ ходъ въ 1862 году, клонилась очевидно къ отвлеченію Волыни отъ Россіи; варшавскія газеты придавали этой мысли чрезвычайную важность и посвящали ей статью за статьей; многія петербургскія газеты высказывали сочувствіе ей столько же рѣшительно, какъ теперь выражаютъ свое несочувствіе къ мысли о дорогѣ Московско-Кіевской. Во всякомъ случаѣ эта мысль не принадлежала къ области идеологіи, а имѣла практическіе виды на осуществленіе. Въ Москвѣ эта мысль была оцѣнена по достоинству и не нашла поддержки но развѣ въ Москвѣ нападали на нее съ ожесточеніемъ? Развѣ возраженіе не ограничивалось замѣчаніемъ, что подобную дорогу нельзя строить на средства Русскаго государства (то-есть съ его гарантіей)? Ожесточеніе есть признакъ слабости; оно лучше всего свидѣтельствуетъ что мысль о желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Кіевъ не есть праздная фантазія, и что она гораздо естественнѣе чѣмъ мысль о принадлежности юго-западнаго края къ будущей Рѣчи Посполитой. Но отчего же мы, Русскіе, такъ холодны къ этой мысли?

Взглянемъ еще на обвиненія взводимыя на Русскій народъ въ юго-западномъ краѣ. Развѣ онъ запятналъ себя тѣми неистовствами, которыя были совершены въ Галиціи? Развѣ онъ самовольно учреждалъ сельскія стражи? Развѣ не понесъ онъ на себѣ всей тягости подавленія мятежа, и развѣ его пожертвованія временемъ и трудомъ не превосходятъ тѣхъ денежныхъ сборовъ, которымъ подверглись помѣщики того края? Откуда же эта заклятая злоба, теперь направленная на южно-русскій народъ? Не заключается ли въ ней чего-нибудь побольше чѣмъ защита землевладѣльческихъ интересовъ и даже чѣмъ простое мщеніе? Эта злоба была бы непонятна, еслибы юго-западный край считался русскимъ краемъ, еслибы въ немъ не гнѣздилась измѣна, и еслибы въ то же время тамошняя измѣна не чувствовала своей слабости и своего ничтожества.

Да, благодаря твердости и энергіи Русскаго народа въ юго-западномъ краѣ, измѣна сознаетъ тамъ свою слабость и свое

ничтожество, но въ то же время она не теряетъ надежды на случайный успѣхъ въ будущемъ и разчитываетъ на пособниковъ, сознательныхъ и несознательныхъ, которые помогутъ ея пропавшему дѣлу. Вотъ почему она не можетъ успокоиться и вотъ почему ея озлобленіе возрастаетъ подъ наружнымъ видомъ смиренія. Но гдѣ же можетъ она найти себѣ этихъ пособниковъ какъ не въ нашей средѣ? Кто виноватъ, если она до сихъ поръ, несмотря на всѣ событія, не разочаровалась въ своихъ надеждахъ?

Что обезоружить измѣну надо, въ этомъ всѣ, повидимому, согласны. Но какъ?—вотъ вопросъ, на который слышатся разные отвѣты. Разногласіе происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что къ борьбѣ съ измѣной иные безсознательно примѣняютъ правила имѣющія силу только относительно личныхъ отношеній между людьми. Щадить слабаго есть дѣло гуманное, когда относится къ людямъ; но оказывать пощаду направленіямъ, которыхъ господство мы допустить не хотимъ и не можемъ, значитъ плодить эти направленія и приготовлять въ будущемъ новую борьбу съ ними, борьбу, которая по необходимости будетъ сопряжена съ новою гибелью людей. Въ борьбѣ съ людьми примиреніе возможно, но въ борьбѣ съ идеями не можетъ быть мира: ихъ надобно упразднить до конца; съ ними надобно бороться пока не исчезнетъ послѣдній слѣдъ ихъ.

Что какъ не враждебное Русскому народу притязаніе заключается въ требованіи, чтобы со стороны Россіи было оказано снисхожденіе не къ людямъ замышлявшимъ ей пагубу, а къ тому ихъ чувству которое побуждало ихъ и не можетъ не побуждать ихъ къ враждѣ противъ Россіи и Русскаго народа? Этому чувству нанесенъ тяжкій ударъ, но никакъ нельзя сказать что оно исчезло. Въ какое же отношеніе должны мы стать къ нему? Должны ли мы усугубить усилія, чтобы совершенно искоренить его, или намъ слѣдуетъ сжалиться надъ нимъ, смягчиться и снова дать ему силу? Но если намъ жаль этого чувства, то не придется ли намъ сожалѣть и о несчастіи имъ испытанномъ, о томъ ударѣ который нанесенъ ему русскимъ

населеніемъ юго-западнаго края? Въ такомъ случаѣ не должны ли мы гнѣваться на этотъ Русскій народъ за его патріотизмъ, за его вѣрность престолу? Не должны ли мы совсѣмъ перейти на польскую точку зрѣнія, и щадя польское чувство въ юго-западномъ краѣ, отказать въ пощадѣ русскому чувству, одушевляющему огромное большинство тамошняго населенія? Еслибъ этотъ край находился во власти чужеземнаго правительства, то и тогда подобный образъ дѣйствій былъ бы несправедливъ, но съ русской стороны, въ предѣлахъ Русскаго государства, какое найти ему оправданіе? Средняго пути тутъ быть не можетъ: всякое потворство оказываемое здѣсь польской національности есть предательство относительно національности русской.

Эти мысли внушила намъ замѣчательная статья г. Юзефовича, на которую читатели, конечно, обратятъ должное вниманіе. Положеніе дѣлъ въ юго-западномъ краѣ чрезвычайно серіозно, и г. Юзефовичъ совершенно вѣрно замѣчаетъ что главная опасность заключается въ такъ-называемомъ примирительномъ направленіи. Польскіе замыслы не имѣютъ тамъ сами по себѣ никакой силы; они должны мгновенно исчезнуть, если не будутъ почерпать силу въ насъ самихъ или лучше въ неясности нашихъ понятій. Мы повторяемъ на всѣ лады, что юго-западный край есть русскій край. Но если это наше убѣжденіе серіозно, то мы не можемъ мириться тамъ съ Поляками иначе какъ на томъ условіи, чтобъ и они смотрѣли на юго-западный край такъ же какъ мы и совершенно отказались отъ мысли, что это край не русскій, а польскій. Это *conditio sine qua non* примиренія; изъ этого условія невозможно сдѣлать ни малѣйшей уступки, если мы не хотимъ принимать на себя отвѣтственность въ возбужденіи и распространеніи между Поляками того духа вражды и измѣны, который дѣлаетъ съ ихъ стороны невозможнымъ искреннее примиреніе съ нами.

X.

17 сентября.

Неудача польскихъ замысловъ въ юго-западномъ краѣ имѣла огромное вліяніе на ходъ польскаго возстанія и на отношенія къ нему европейской дипломатіи: этимъ Русское государство обязано энергіи южно-Русскаго народа. Ей же обязаны и тамошніе помѣщики тѣмъ, что заговоръ обошелся имъ легче чѣмъ въ сѣверо-западномъ краѣ, и что ихъ благосостояніе пострадало сравнительно не такъ сильно. Болѣе мягкій образъ дѣйствій, принятый въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ, былъ бы невозможенъ, еслибы тамъ приходилось бороться съ открытымъ мятежомъ, еслибъ онъ получилъ тамъ такое же развитіе, какъ въ Литвѣ, и принялъ такой же угрожающій характеръ. Кого же какъ не южно-Русскій народъ должны благодарить помѣщики юго-западныхъ губерній за мягкость правительственныхъ мѣръ, которая могла тамъ удержаться и такъ рѣзко отдѣлила этотъ край отъ края сѣверо-западнаго? Кого долженъ благодарить весь этотъ край, кого должна благодарить вся Россія за то, что тамъ почти не было пролито крови, и что издержки на подавленіе мятежа были тамъ незначительны?

Между тѣмъ въ какомъ положеніи находится теперь народъ юго-западныхъ губерній? Въ немъ сильно сознаніе что онъ служилъ Русскому Царю вѣрой и правдой, и что Русскій Царь смотритъ на него съ благоволеніемъ. Съ другой стороны ему коротко извѣстны всѣ происки революціонеровъ; онъ знаетъ гораздо лучше всякой полиціи какъ дѣйствовалъ тотъ или другой изъ помѣщиковъ или чиновниковъ въ то время когда успѣлія революціи были прямо направлены на *бѣдло*. Вѣрность царю и ненависть къ врагамъ Царя есть господствующее въ немъ чувство,—то чувство которымъ онъ гордится и въ которомъ сознаетъ свою силу. Энергическое проявленіе этого чувства весною прошлаго года и разительный успѣхъ которымъ было увѣнчано это проявленіе оставили глубокій слѣдъ въ душѣ каждаго крестьянина и значительно возвысили народное

настроеніе противъ прежняго. Въ этомъ высоко-поднятомъ народномъ настроеніи заключается элементъ нашей государственной силы, и оно-то подвергается теперь тяжкому испытанію. Польской интригѣ должно быть всего желательнѣе понизить и подавить это настроеніе и по возможности направить его такъ чтобъ оно вело къ замѣшательствамъ и если не угрожало въ самомъ дѣлѣ, то казалось угрожающимъ спокойствію края. Въ русскихъ интересахъ напротивъ желательно, чтобъ эта драгоцѣнная сила не оскудѣвала, и огонь народнаго чувства поддерживался,—конечно, чтобъ онъ поддерживался въ его первоначальной чистотѣ. Боже насъ сохрани отъ такой уступчивости какимъ бы то ни было настояніямъ, которая можетъ вести къ оскорбленію и раздраженію народнаго чувства въ самой глубинѣ его. Но съ другой стороны нельзя упускать изъ виду, что безъ доброжелательнаго и бережнаго руководительства, въ такую критическую минуту какъ теперь, народъ югозападныхъ губерній едва ли будетъ въ силахъ удержаться на прямомъ пути. Обязанность руководительства лежитъ преимущественно на духовенствѣ и на мировыхъ учрежденіяхъ; ея исполненіе и то направленіе въ которомъ она исполняется зависитъ отъ общаго характера администраціи. Трудность этой обязанности возрастаетъ отъ той недовѣрчивости, которая, вслѣдствіе продолжительнаго вліянія неблагопріятныхъ историческихъ условій, сдѣлалась, можно сказать, второю натурой южно-Русскаго народа. Онъ твердо вѣритъ въ Царя, но смотритъ подозрительно на всѣхъ исполнителей. Винитъ ли въ этомъ южно-Русскій народъ? Сожалѣть ли объ этомъ его свойствѣ? Какъ бы ни были велики затрудненія проистекающія для мѣстной администраціи изъ этой оригинальной черты южно-Русскаго народнаго характера, нельзя однакоже не видѣть, что эта черта ограждала до сихъ поръ южно-Русскій народъ отъ упынія: среди всяческихъ угнетеній и несправедливостей, которымъ онъ подвергался, его поддерживали эти надежды на Царя, эта увѣренность что Царь не можетъ желать ничего кромѣ блага своему народу. Нельзя также не видѣть, что полагаемое южно-Русскимъ и вообще Русскимъ народомъ различіе между верховною властью

и администраціей отнюдь не есть признакъ низкой степени народныхъ понятій о государствѣ: это различіе признается основнымъ началомъ государственнаго устройства у самыхъ зрѣлыхъ въ политическомъ отношеніи монархическихъ народовъ. Итакъ, сожалѣть тутъ не о чемъ, какъ не въ чемъ тутъ и винить южно-Русскій народъ. Надобно только имѣть въ виду эту его особенность и потому обращаться съ нимъ какъ можно бережнѣе, избѣгая такихъ дѣйствій которыя увеличивали бы недовѣріе къ администраціи и слѣдовательно усугубляли бы ея затрудненія.

Чтобы твердою рукой удерживать народъ на правильномъ пути, для этого руководящіе должны сами держаться твердыхъ началъ. Эти начала всѣмъ извѣстны. Это вопервыхъ, законъ прилагаемый безъ всякой примѣси произвола, и вовторыхъ, справедливость смягчающая строгое примѣненіе закона во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ смягченіе закона требуется обстоятельствами и можетъ быть допущено безъ нарушенія законныхъ правъ третьихъ лицъ. Строгое право всегда нуждается въ этомъ смягчающемъ элементѣ, въ этой *aequitas*, которою должно всюду сопровождаться *strictum jus* и которая отнюдь не есть произволъ, а напротивъ необходимое условіе дѣйствительнаго осуществленія законности. Народный инстинктъ требуетъ справедливости отъ закона, и народный инстинктъ не ошибается. Въ данномъ случаѣ было бы напримѣръ несомнѣнно справедливо, чтобы послѣдствія возстанія, подавленнаго народомъ юго-западныхъ губерній, не увеличивали собой лежащихъ на немъ тягостей. Подавить возстаніе нельзя было безъ пожертвованій и усилій: справедливость требуетъ чтобъ эти пожертвованія и усилія были зачтены южно-Русскому народу. Если поведеніе его предотвратило пролитіе крови, сберегло казенныя деньги и спасло край отъ разоренія, то государство по всей справедливости должно вознаградить его за эти пожертвованія и усилія. Формальный законъ долженъ быть соглашенъ съ этимъ долгомъ справедливости. Формальный законъ требуетъ полнаго взноса всѣхъ повинностей, какъ прежде установленныхъ, такъ и возникшихъ изъ обязательнаго выкупа. Относительно этихъ

послѣднихъ повинностей формальный законъ требуетъ чтобъ онѣ были внесены сполна, хотя бы основанія принятыя въ уставныхъ грамотахъ и оказались въ послѣдствіи подлежащими исправленію. Взысканіе должно быть производимо со всею строгостію предписанною въ законѣ, безъ послабленій. Нашъ законъ давно уже отмѣнилъ взысканіе недоимокъ посредствомъ правежа; онъ воспрещаетъ подвергать недоимщиковъ тѣлесному наказанію, но допускаетъ мѣры въ достаточной степени обезпечивающія успѣшность взысканія. Итакъ, по строгому формальному закону, въ юго-западныхъ губерніяхъ должны быть взысканы всѣ повинности безъ вниманія къ тому, что вслѣдствіе возстанія обычныя тягости народа были увеличены службой сельской стражи, что недоимки возросли вслѣдствіе фактической пріостановки взысканій въ продолженіе смутнаго времени, что тѣ данныя на которыхъ основано вычисленіе выкупныхъ платежей еще не вполнѣ повѣрены, и что наконецъ взносъ чрезмѣрнаго оброка гораздо труднѣе для крестьянина чѣмъ отбываніе чрезмѣрной барщины. Несмотря на все это, формальный законъ уполномочиваетъ взыскивать съ должною строгостью всѣ повинности, какъ прежде лежавшія на крестьянахъ юго-западныхъ губерній, такъ и вновь установленныя въ силу обязательнаго выкупа, и взыскивать ихъ въ тѣхъ размѣрахъ въ которыхъ онѣ назначены уставными грамотами. Не было ли бы однакоже высокимъ дѣломъ государственной справедливости, не было ли бы самымъ сочувственнымъ и вмѣстѣ практически-полезнымъ проявленіемъ благороднѣйшей стороны въ призваніи администраціи, еслибъ она, не довольствуясь формальнымъ исполненіемъ закона, вникла въ дѣйствительное положеніе дѣлъ и пріискала пути и средства для такого образа дѣйствій который показалъ бы крестьянамъ юго-западныхъ губерній, и передалъ благодарной памяти народа, что ихъ похвальное поведеніе во время возстанія оцѣнено было правительствомъ какъ заслуга, и отозвалось не увеличеніемъ, а облегченіемъ тягостей на нихъ лежавшихъ. Вина въ томъ что возстаніе было возможно лежитъ на всемъ государствѣ, а потому все государство по справедливости можетъ

взять на себя тотъ излишекъ тягостей отъ котораго слѣдуетъ освободить крестьянъ юго-западныхъ губерній. Мы не позволимъ себѣ входить въ подробности по этому дѣлу, но не можемъ не высказать, что подобный актъ высшей государственной справедливости рѣшительно необходимъ теперь, чтобъ освободить народъ юго-западнаго края и тамошнюю мѣстную администрацію отъ того неестественнаго положенія, которымъ могутъ воспользоваться всѣ элементы враждебные законному порядку.

XI.

18-го сентября.

Назадъ тому нѣсколько недѣль, одна изъ петербургскихъ газетъ съ какимъ-то страннымъ торжествомъ объявляла намъ, что мы ошиблись, сказавъ въ одномъ изъ нумеровъ нашей газеты, что правительство наше совершило весьма важный и рѣшительный шагъ впередъ, принявъ въ принципѣ классическую систему для русскихъ гимназій. Эта газета сообщала намъ, что только одна часть русскихъ гимназій приметъ классическій характеръ, и не безъ нѣкотораго непонятнаго намъ злорадства давала намъ чувствовать горечь будто бы понесеннаго нами такимъ образомъ пораженія. Можно подумать, что эти почтенные господа играютъ въ дѣтскія игры, и воображаютъ насъ въ качествѣ заинтересованныхъ лицъ, которымъ отказано въ ихъ прошеніи. Смѣемъ увѣрить ихъ, что съ судьбою нашихъ гимназій не соединяется для насъ никакого личнаго интереса; дѣтей своихъ ни въ какомъ случаѣ не пошлемъ мы учиться въ наши гимназіи; отъ правильнаго устройства нашимъ учебныхъ заведеній у насъ лично ничего не прибудетъ, точно также какъ отъ неправильнаго ничего не убудетъ. Съ другой стороны, этотъ вопросъ не можетъ ни въ какой степени быть вопросомъ нашего самолюбія; мы не участвуемъ ни въ администраціи, ни въ законодательствѣ ни по какимъ вопросамъ; мы не несемъ на себѣ никакой отвѣтственности, ни предъ людьми, ни предъ

своею совѣстью, за какія-либо мѣры, отъ которыхъ можетъ зависѣть будущность великой страны; точно также мы не можемъ претендовать ни на какую долю чести въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Не мы поднимаемъ, не мы рѣшаемъ ихъ. Мы только пользуемся общимъ, всякому предоставленнымъ правомъ сказать свое слово въ разъясненіе дѣла насколько мы понимаемъ его, сознаемъ его важность, и можемъ сообразить благопріятныя и неблагопріятныя условія среди которыхъ оно рѣшается или приводится въ исполненіе. Никакой посторонній человѣкъ, имѣющій совѣсть, не можетъ оставаться равнодушнымъ при видѣ очевидной ему ошибки, грозящей роковыми послѣдствіями для другихъ людей или для цѣлаго общества,—не можетъ тѣмъ менѣе, чѣмъ яснѣе видны тѣ печальныя недоразумѣнія отъ которыхъ ошибка происходитъ. Если мы, смотря на сцену или читая вымыселъ, принимаемъ живое участіе въ раскрывающейся предъ нами интригѣ, не безъ волненія слѣдимъ за переплетеніемъ ея нитей, и невольно порываемся указать дѣйствующимъ лицамъ опасность которой они подвергаются и которая имъ не видна, то еще естественнѣе и глубже должно быть то чувство, съ какимъ всякій, хотя бы и совершенно посторонній человѣкъ, слѣдитъ за развитіемъ дѣйствительныхъ событій, которыхъ смыслъ, по разнымъ случайностямъ, можетъ быть не ясенъ для лицъ наиболѣе заинтересованныхъ въ ихъ благопріятномъ исходѣ. Не кто-либо потеряетъ или выиграетъ что-либо отъ устройства нашихъ учебныхъ заведеній, потеряетъ или выиграетъ Россія, Русское правительство, русское общество, Русскій народъ. Не имѣя никакого прикосновенія къ дѣлу, мы не могли бы говорить о немъ съ такою настойчивостью и съ такою можетъ-быть излишнею горячностію, въ которой упрекаютъ насъ, еслибы мы не были убѣждены въ важности этого дѣла, еслибы не видѣли какъ много зависитъ для русской народности отъ его благопріятнаго рѣшенія. Окажется ли какой-либо недостатокъ въ той или другой финансовой мѣрѣ, окажется ли оплошность въ предпринимаемомъ устройствѣ судовъ или другихъ какихъ-либо государственныхъ учрежденій, жизнь не замедлитъ отозваться въ ту же минуту,

повѣрка не замедлитъ послѣдовать за рѣшеніемъ задачи, и какъ бы ни былъ великъ вредъ причиненный ошибкой, онъ ограничится настоящимъ; онъ можетъ быть взвѣшенъ, оцѣненъ, вознагражденъ; но ошибка которая вкрадется въ рѣшеніе педагогическаго вопроса не такого свойства: она не такъ очевидна, и сущность причиненнаго ею вреда не такъ легко разыскать и оцѣнить. Педагогическое дѣло есть сѣяніе, и жатва его всходитъ лишь по прошествіи многихъ лѣтъ. Время и силы погибшія вслѣдствіе какой-либо ошибки, вкравшейся въ основанія педагогическаго дѣла, ничѣмъ не вознаградимы. Съ другой стороны, чѣмъ менѣе представляется серіозныхъ затрудненій и препятствій для правильнаго рѣшенія дѣла, чѣмъ повидимому благопріятнѣе минута для истиннаго удовлетворенія великой національной потребности, чѣмъ благопріятнѣе обстоятельства, чѣмъ благорасположеннѣе власть къ дарованію необходимыхъ льготъ для развитія внутреннихъ силъ народа, во главѣ котораго она поставлена, тѣмъ тяжеле и прискорбнѣе видѣть какъ разныя случайности и недоразумѣнія препятствуютъ дѣлу выйти на прямой путь.

Намъ говорятъ, что мы поторопились заявить о преобразованіи нашихъ гимназій въ классическомъ смыслѣ. Намъ говорятъ, что гимназій классическихъ, то-есть такихъ которыя существуютъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы для приготовленія молодыхъ людей къ высшему университетскому ученію, будетъ лишь самое ограниченное число, а все остальное, какъ и теперь, будетъ соотвѣтствовать тѣмъ низшаго разряда школамъ которыя въ Германіи носятъ названіе реальныхъ, мѣщанскихъ, также латинскихъ школъ, и которыя лишены университетскихъ правъ. Мы не знаемъ что̀ будетъ, но сколько намъ извѣстно изъ источниковъ достовѣрныхъ, у насъ, какъ и вездѣ, правительствомъ принятъ вполнѣ принципъ классическаго образованія, основаннаго на обоихъ древнихъ языкахъ. Сколько намъ извѣстно, наше правительство признало классическую систему не только за лучшую, но за единственно-возможную систему для гимназій. Наши оппоненты не отрицаютъ этого, но они присовокупляютъ, что несмотря на то наши

гимназіи всетаки будутъ устроены на иныхъ основаніяхъ. Мы рѣшительно не понимаемъ что̀ можетъ это значить. Если существуетъ только одна система для гимназій, принятая вездѣ, и если эта система принята также и нашимъ правительствомъ, то что̀ же можетъ воспрепятствовать осуществленію ея на дѣлѣ? что̀ можетъ явиться между словомъ и дѣломъ? въ силу чего устройство нашихъ учебныхъ заведеній не будетъ на дѣлѣ соотвѣтствовать тому что̀ въ принципѣ признано правительствомъ за лучшее? Какимъ же образомъ русское образованіе будетъ лишено классическихъ основаній, именно потому что эти основанія признаются за лучшія Русскимъ правительствомъ?

Постараемся привести вопросъ въ ясность. Въ европейской системѣ образованія, къ которой мы примыкаемъ и повидимому желаемъ еще тѣснѣе примкнуть, университетъ занимаетъ центральное мѣсто; но подъ университетскою системой слѣдуетъ разумѣть не только тѣ спеціальные факультеты въ которые принимаются молодые люди достаточно зрѣлые и достаточно приготовленные, а также и тѣ учебныя заведенія въ которыхъ эти молодые люди съ дѣтскихъ лѣтъ приготовляются къ высшимъ спеціальнымъ факультетскимъ занятіямъ. Эти учебныя заведенія называются у насъ, какъ и въ Германіи, гимназіями; во Франціи они называются лицеями, въ Англіи—общественными и грамматическими школами. Университетъ опирается на гимназіи; гимназіи на университетъ. Внѣ этой системы могутъ быть еще разныя группы учебныхъ заведеній, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой, особый, только ей свойственный типъ. Есть первоначальныя народныя школы, есть разнаго рода ремесленныя заведенія, есть разныхъ степеней техническія училища. Вопросъ теперь идетъ у насъ объ университетской системѣ, о гимназіяхъ имѣющихъ своимъ назначеніемъ приготовлять молодыхъ людей къ университету. Пусть будутъ у насъ какія угодно учебныя заведенія внѣ университетской системы, вопросъ теперь не въ нихъ,—вопросъ только въ томъ, на какихъ основаніяхъ должны быть устроены учебныя заведенія служащія приготовленіемъ къ университету; другими словами: какая система умственнаго воспитанія должна быть принята для

приготовленія къ высшимъ факультетскимъ занятіямъ? Въ цѣломъ образованномъ мірѣ, вездѣ, гдѣ только существуетъ система университетская, гимназіи имѣютъ одинаковый, общій имъ всѣмъ типъ. Знанія развѣтвляются въ факультетахъ университета, а въ гимназіи совершается то воспитаніе ума, которое равно необходимо для всѣхъ спеціальностей знанія. Предполагается, что ребенокъ девяти или десяти лѣтъ не можетъ избрать себѣ спеціальность; предполагается также, что прежде всякой спеціальности требуется воспитать умъ и развить въ немъ тѣ основныя стихіи которыя служатъ существеннымъ условіемъ для всякаго умственнаго дѣла. Это предуготовительное умственное воспитаніе, начинающееся съ девяти или десятилѣтняго возраста и постепенно вводящее ребенка въ силу юноши, вмѣстѣ съ его физическимъ развитіемъ, имѣетъ вездѣ одинъ и тотъ же характеръ; вездѣ оно основано на обоихъ древнихъ языкахъ и математикѣ. И будущій филологъ, и будущій юриспрудентъ, и будущій математикъ, и будущій естествоиспытатель, и будущій богословъ, и будущій государственный человѣкъ, получаютъ вездѣ одно и то же предварительное умственное воспитаніе, соотвѣтствующее какъ естественнымъ, такъ и исторически установившимся условіямъ педагогическаго дѣла.

Итакъ, если у насъ принятъ принципъ классическаго образованія, то это не можетъ значить, что предполагается основать нѣсколько гимназій съ греческимъ языкомъ, которыя готовили бы молодыхъ людей къ филологическому факультету (и готовили бы крайне дурно, еслибы въ нихъ была препебрежена математика,—другой необходимый элементъ умственнаго воспитанія). У насъ и теперь есть нѣсколько такихъ гимназій, гдѣ съ грѣхомъ пополамъ молодые люди приготовляются къ филологическому факультету. Вопросъ заключается совсѣмъ не въ томъ, нужно ли проходить греко-римскую школу для того чтобы поступить въ филологическій факультетъ;—вопросъ заключается не въ филологическомъ факультетѣ, а вообще въ университетѣ. Принять систему классическую значитъ принять ее какъ общее приготовленіе для всѣхъ факультетовъ безъ различія.

Если же наши гимназіи будутъ раздѣляться на двѣ или на три группы, изъ которыхъ одна, и притомъ самая малая, будетъ приписана къ филологическому факультету, а другая, соотвѣтствующая тому что въ Пруссіи называется реальною или латинскою школой, будетъ приписана къ прочимъ факультетамъ, и наконецъ, пожалуй, еще третья, которая будетъ приписана исключительно къ математическому факультету, потому что въ ней будетъ введено преподаваніе химіи (преподаваніе, которое оказалось столь плодотворнымъ въ нашихъ нынѣшнихъ семинаріяхъ и кадетскихъ корпусахъ, и приготовило намъ столько Либиховъ и Бунзеновъ), то выйдетъ что всякій сколько-нибудь свѣдущій человѣкъ скажетъ, что слухи были дѣйствительно несправедливы, и что нашимъ законодательствомъ не только не принятъ, но рѣшительно отвергнутъ принципъ классическаго образованія. Принятіе классической системы означало бы, что всѣ факультеты университета будутъ равно требовать одного и того же умственнаго воспитанія, которое оказывается равно необходимымъ для всѣхъ родовъ знанія и дѣятельности. Если же должны образоваться нѣсколько группъ гимназій съ разнымъ учебнымъ устройствомъ, и лишь нѣкоторая часть ихъ получитъ кое-какое классическое устройство для того чтобы не совершенно опустѣлъ филологическій факультетъ, то это значило бы, что классическая система, принятая нашимъ законодательствомъ въ принципѣ какъ наилучшая система умственнаго воспитанія, будетъ рѣшительно отвергнута на дѣлѣ. Но такъ ли это? Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія? Одна газета, сообщивъ намъ это извѣстіе, объявляетъ, что она нисколько не радуется такъ-называемымъ реальнымъ школамъ (чему же радоваться? это и не новость: всѣ наши нынѣшнія гимназіи суть реальныя школы); но она радуется тому, что педагогическое дѣло устроится не такъ какъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* находили лучшимъ, а вопреки имъ. Мы счастливы, что доставляемъ кому бы то ни было поводъ къ столь невинному удовольствію; но смѣемъ увѣрить тѣхъ почтенныхъ господъ которые радуются тому что педагогическое дѣло приметъ у насъ оборотъ хотя и къ худшему, да за то

вопреки мнѣніямъ которыхъ *Московскія Вѣдомости* были органомъ,—смѣемъ увѣрить ихъ, что есть много людей которые порадуются неблагопріятному обороту педагогическаго дѣла въ нашемъ отечествѣ по другимъ, гораздо болѣе серіознымъ причинамъ. Такому результату порадуются всѣ тѣ, кому не желательно чтобы русская народность вошла въ силу, и которые съ часу на часъ ждутъ ея банкрутства.

У насъ многіе совершенно неправильно понимаютъ вопросъ о такъ-называемомъ классическомъ образованіи, полагая, что тутъ идетъ рѣчь о преимуществахъ однѣхъ наукъ надъ другими. Нѣтъ, это вовсе не споръ между факультетами, вовсе не споръ между филологическими науками и науками естественными. Реальныя школы вовсе не значатъ школы которыя способствуютъ развитію естественныхъ наукъ, точно также какъ классическія гимназіи вовсе не значатъ такія учебныя заведенія, гдѣ воспитываются только будущіе филологи. Хотя и желательно, чтобы филологическій факультетъ, преимущественно поставляющій дѣятелей по педагогической части, вышелъ у насъ изъ того жалкаго состоянія въ которомъ онъ теперь находится,—но не въ этомъ сила. Требуется не того чтобъ у насъ расплодилось много ученыхъ филологовъ; требуется того, чтобы поднялся уровень нашего умственнаго образованія, и чтобы вообще наука пустила корни въ нашей почвѣ. Умственное воспитаніе, которое дается въ классическихъ учебныхъ заведеніяхъ Европы, важно не только для поприща дѣятеля политическаго, или юриста, или ученаго врача, или естествоиспытателя; оно признается необходимымъ условіемъ и для высшаго развитія технической дѣятельности. Но лучше предоставимъ говорить человѣку который пользуется безспорнымъ авторитетомъ въ дѣлѣ высшаго техническаго образованія: мы приведемъ отзывъ столь извѣстнаго своими заслугами по дѣлу техническаго образованія во Франціи, генерала Морена, нынѣшняго президента Парижской Академіи Наукъ и директора Консерваторіи Искусствъ и Ремеслъ:

«Тѣ изъ молодыхъ людей, обрекающихъ себя промышленному образованію, которые имѣютъ средства и не стѣснены

временемъ, сдѣлаютъ всего лучше, если начнутъ съ университетской школы (съ классической гимназіи) и 18 или 20 лѣтъ поступятъ въ Центральную Школу искусствъ и мануфактуръ, или въ какое-нибудь другое подобное заведеніе. Молодые люди, которые терпѣливо подчинятся разчитанной медленности университетской системы, составляющей гордость Франціи, всегда будутъ имѣть великое преимущество предъ другими. Они, одни они, будутъ находиться въ полномъ обладаніи наукой. Имъ будетъ принадлежать первенство во всѣхъ положеніяхъ, и чувство умственнаго удовлетворенія будетъ сопровождать ихъ на всемъ ихъ поприщѣ. Это путь самый вѣрный, и потому всякій долженъ избирать его, если только не воспрепятствуютъ тому какія-либо обстоятельства. Какъ бы ни была заманчива быстрота всякого другаго пути, не должно уклоняться съ этой большой дороги, если только она не преграждена какою-нибудь непреодолимою причиной.

«Классическое ученіе, образующее умъ и душу, науки физико-математическія, укрѣпляющія судительную силу и приготовляющія къ практическимъ примѣненіямъ, наконецъ техническое ученіе, открывающее предѣлы дѣйствительнаго могущества человѣка и снабжающее его новыми средствами къ изслѣдованію: что̀ можетъ быть полнѣе этого преемства ученій, не только нужнымъ, но необходимымъ для инженера, какъ для врача, какъ, наконецъ, для всѣхъ кто въ общественной жизни призванъ способствовать вещественному или нравственному прогрессу человѣчества» *).

XII.

19-го сентября.

Въ высочайшемъ рескриптѣ, отъ 30-го августа, на имя Намѣстника Царства Польскаго, сказано, что «задача Россіи въ отношеніи къ Царству Польскому должна заключаться въ полномъ безпристрастіи ко всѣмъ составнымъ стихіямъ тамошняго

*) *Exposition universelle de Londres de 1862.* Rapports des membres de la section française du jury international. Tome VI p. 226.

населенія». Въ слѣдующихъ затѣмъ указахъ эта мысль развита въ примѣненіи къ народнымъ училищамъ Царства Польскаго; дальнѣйшее примѣненіе ея къ гимназіямъ и къ университету края, безъ сомнѣнія, предоставлено дальнѣйшимъ правительственнымъ постановленіямъ. Пока эти постановленія еще не состоялись, мы позволимъ себѣ обратить вниманіе нашихъ читателей на помѣщаемую ниже замѣтку, присланную намъ *уроженцемъ Царства Польскаго*. Онъ указываетъ на то, что русское населеніе Царства Польскаго нуждается въ болѣе сподручныхъ средствахъ къ общему гимназическому образованію чѣмъ гимназія учреждаемая въ Варшавѣ. Если безпристрастіе къ составнымъ стихіямъ населенія Царства Польскаго признается главнымъ основнымъ началомъ русской политики въ этомъ краѣ, то изъ этого начала, по необходимости, слѣдуетъ, что средства къ образованію предоставляемыя русскому населенію въ краѣ не должны ограничиваться одними народными училищами, ибо въ такомъ случаѣ русскій человѣкъ желающій получить дальнѣйшее образованіе былъ бы принужденъ учиться на польскомъ языкѣ въ противность своей волѣ, и такимъ образомъ русская національность не пользовалась бы равноправностью. Вотъ почему, именно на основаніи принципа безпристрастія къ національностямъ, можно желать, чтобы не всѣ 36 прогимназій (уѣздныхъ училищъ) и гимназій, предположенныхъ въ уставѣ 1862 были отданы исключительно польскому элементу, а чтобы Бѣлорусъ или Малорусъ, уроженцы губерній Августовской и Люблинской, имѣли возможность возвышаться надъ уровнемъ земледѣльческаго класса, не превращаясь по необходимости въ Поляковъ. Если все высшее образованіе было бы въ Царствѣ исключительно польское, то тѣмъ самымъ русская національность была бы тамъ унижена, и русскій языкъ оставался бы тамъ попрежнему языкомъ хлоповъ.

Далѣе, въ силу начала равноправности національностей позволительно желать, чтобъ и въ будущемъ университетѣ Варшавскомъ дано было мѣсто русскому элементу, и чтобы преподаваніе происходило тамъ не только на польскомъ, но и на русскомъ языкѣ, или, говоря иначе, чтобы при замѣщеніи въ

немъ каѳедръ русскіе профессоры допускались наравнѣ съ польскими.

Но еще важнѣе въ этомъ отношеніи то, чтобъ языкомъ правительственнымъ, языкомъ администраціи и судовъ, не былъ исключительно языкъ польскій, а чтобы за русскимъ языкомъ признаны были равныя права съ языкомъ польскимъ: иначе, русская составная стихія въ населеніи Царства Польскаго будетъ поставлена въ крайне невыгодное положеніе сравнительно со стихіей польскою. Необходимо, чтобы мѣры и распоряженія правительства были обнародываемы и вносимы въ *Дневникъ Законовъ* не иначе какъ на обоихъ языкахъ, и чтобы русскимъ людямъ было дозволено защищать себя и свои интересы предъ судомъ и предъ администраціей на русскомъ языкѣ, словомъ чтобы русскій языкъ былъ поставленъ хотя въ такое положеніе относительно языка польскаго, въ какое поставленъ недавними законами въ Финляндіи языкъ финскій относительно языка шведскаго, вслѣдствіе чего въ Царствѣ Польскомъ ни въ какія должности не могли бы быть опредѣляемы лица не знающія по-русски.

Нельзя не пожелать, чтобы русская народность была вообще не менѣе всякой другой надѣлена въ Русскомъ царствѣ средствами къ общему образованію. Вопросъ этотъ, который мы уже разсматривали однажды (№ 154), сравнивая коренную Русь съ сѣверо-западнымъ и съ Прибалтійскимъ ея краями, имѣетъ первостепенную важность. Отъ рѣшенія его зависитъ между прочимъ и бо́льшая или меньшая годность инородцевъ, сравнительно съ Русскими, къ государственной службѣ и слѣдовательно, дѣйствительное ихъ превосходство и преобладаніе надъ Русскими. Уставъ 1862, выработанный главнѣйшимъ образомъ маркизомъ Велёпольскимъ, давалъ значительный перевесъ Царству Польскому надъ всѣми прочими частями Имперіи (за исключеніемъ Прибалтійскаго края). Тогда какъ въ Имперіи (не считая Финляндіи и Прибалтійскаго края) всего 75 прогимназій и гимназій, или по одному среднему учебному заведенію на каждыя 715 тысячъ человѣкъ, въ Царствѣ Польскомъ предположено было уставомъ 1862 года 13 гимназій, не

считая Люблинскаго лицея, 5 педагогическихъ уѣздныхъ училищъ (или, иначе, учительскихъ семинарій), 8 спеціальныхъ уѣздныхъ училищъ, которыя въ высочайшемъ рескриптѣ 30-го августа предположено преобразовать въ семиклассныя реальныя гимназіи, и 10 общихъ уѣздныхъ училищъ, которыя переименовываются теперь въ прогимназіи, всего съ Люблинскимъ лицеемъ 37 среднихъ учебныхъ заведеній на населеніе 4.800.000 человѣкъ. или по одному на каждыя 132 тысячи. Такимъ образомъ. сравнительно количества населенія, польскій край будетъ имѣть слишкомъ въ 5 разъ большее число общеобразовательныхъ училищъ чѣмъ тѣ части Имперіи которыя заселены Русскимъ народомъ, и Россіи, чтобы поравняться въ этомъ отношеніи съ Польшей, надлежало бы имѣть не 75, а 400 среднихъ учебныхъ заведеній.

Но этого мало: дѣло не въ одномъ количествѣ, а еще болѣе въ качествѣ. Маркизу Велёпольскому удалось безъ шума, безъ усилій, безъ споровъ, однимъ разомъ доставить торжество солидному классическому образованію надъ поверхностнымъ, такъ-называемымъ, реальнымъ. Всѣ 13 гимназій имъ предположенныхъ должны были стать классическими гимназіями. Правда, за недостаткомъ полныхъ университетскихъ факультетовъ. въ нихъ предполагалось ввести множество предметовъ преподаванія усвоеніе которыхъ было бы не подъ силу учащимся: но вполнѣ серіозный, вполнѣ солидный характеръ этихъ гимназій ясно виденъ изъ того, какое мѣсто дано въ нихъ математикѣ и древнимъ классическимъ языкамъ. Уже отъ поступающихъ въ первый классъ гимназій, по программамъ 1862, требуется нѣкоторое знаніе латинскаго языка; начиная съ 5-го класса ученики должны уже читать Ливія, Цицерона, Тацита, Виргилія и Горація; ученики 6-го и 7-го классовъ слушаютъ по-латыни римскія древности и исторію римской литературы и сами пишутъ латинскія сочиненія на данныя учителемъ темы. Съ 4-го класса начинается преподаваніе греческаго языка во всѣхъ гимназіяхъ, безъ исключенія, и знаніе греческаго языка должно быть усвоено въ продолженіе гимназическаго курса настолько, чтобъ

ученики могли переводить съ польскаго на греческій и сами писать греческія сочиненія. Курсъ математики обширенъ, такъ что преподаваніе оканчивается аналитическою геометріей, которая у насъ преподается только въ университетѣ. Можетъ ли быть какое-нибудь сравненіе между этими настоящими гимназіями и нашими, которымъ безъ всякаго на то права придается это почетное имя?

Никто не пожелаетъ, чтобы Польша была лишена тѣхъ средствъ къ образованію которыя были заготовлены для нея заботливою рукой маркиза Велёпольскаго, или чтобы взамѣнъ настоящихъ гимназій получила нѣчто въ родѣ нашихъ гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ, едва доводимымъ до чтенія Цицерона. Но нельзя не желать, чтобы блага и преимущества солиднаго образованія были по возможности распредѣлены равномѣрно между всѣми подданными государства. Было бы несправедливо, еслибъ и впредь русская народность была поставлена въ худшія условія чѣмъ всякая иноплеменная, враждебная ей или ея чуждающаяся народность. Поляки отнюдь не отказались отъ мысли о борьбѣ и о владычествѣ надъ коренною русскою землей; эта борьба, какъ во всеуслышаніе заявляютъ и князь Чарторыйскій, и клерикально-аристократическая партія, должна быть впредь ведена въ сферѣ умственной и нравственной, путемъ дѣятельной пропаганды. «Надобно умѣть терпѣливо ждать», писалъ недавно князь Владиславъ Чарторыйскій къ князю Адаму Сапѣгѣ: «борьба противъ врага должна ограничиться лишь чисто нравственными и умственными сферами, гдѣ дѣятельная пропаганда, недоступная никакому мечу, можетъ принести чрезвычайную пользу». Къ этой же борьбѣ приготовляются бѣжавшіе въ Римъ юноши, бывшіе въ шайкахъ повстанцевъ, въ учреждаемой тамъ для нихъ семинаріи. Желательно чтобы русская народность не лишилась по крайней мѣрѣ средствъ къ оборонѣ. Не предпочтенія, а только равенства, вотъ чего приходится просить русской народности въ Русскомъ государствѣ.

XIII.

22-го сентября.

10-го сентября въ Дерптѣ послѣдовало открытіе засѣданій центральной коммиссіи по вопросу о судебной реформѣ въ трехъ губерніяхъ—Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Читатели наши были извѣщены объ этомъ телеграммой, какъ о событіи особенной важности. И дѣйствительно, важности этого событія отрицать невозможно. Много у насъ было различныхъ коммиссій и комитетовъ, на которые правительство возлагало составленіе проектовъ по тому или другому вопросу государственнаго благоустройства; и по вопросу о судебной реформѣ также наряженъ былъ въ Петербургѣ комитетъ, къ которому, между прочимъ, были приглашены, въ качествѣ свѣдущихъ людей, нѣкоторыя лица и не принадлежащія къ центральнымъ правительственнымъ вѣдомствамъ. Но центральная коммиссія трехъ вышеупомянованныхъ губерній, по своему характеру и составу, существенно отличается отъ всѣхъ этихъ коммиссій и комитетовъ. Въ послѣднихъ засѣдали лица по назначенію отъ правительства; въ центральной Дерптской коммиссіи засѣдаютъ лица по выбору политически-организованныхъ корпорацій края. Тамъ были лица назначенныя администраціей, здѣсь засѣдаютъ довѣренныя лица общества, тамъ выборъ падалъ на людей болѣе или менѣе спеціальныхъ; здѣсь города и дворянство трехъ губерній и острова Эзеля избрали своихъ представителей, которые были бы способны, какъ сказано въ статьѣ, *сообщенной* въ *Рижскую Газету*, «выразить предъ правительствомъ особенное юридическое убѣжденіе, присущее этимъ провинціямъ и коренящееся въ ихъ особыхъ учрежденіяхъ (die in den eigenthümlichen Institutionen wurzelnde besondere Rechtsüberzeugung dieser Provinzen der Staats-Regierung zu übermitteln).» Нѣкоторую аналогію съ этою центральною прибалтійскою коммиссіей представляютъ бывшіе губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу. Но и тутъ тотчасъ же оказываются существенныя различія. Тамъ дѣло шло о реформѣ,

которая, правда, имѣетъ величайшее государственное значеніе, но которой придавался съ самаго начала по преимуществу сословный характеръ; здѣсь дѣло идетъ о реформѣ чисто-политическаго свойства, которая касается не какихъ-либо сословій, а всѣхъ и каждаго, о реформѣ судовъ и судопроизводства; тамъ имѣло своихъ представителей только дворянство, здѣсь же—и города, и полноправное земство, то-есть, рыцарство; тамъ совѣщались между собою представители дворянства каждой губерніи порознь; здѣсь же призваны къ совѣщаніямъ представители городовъ и земства трехъ губерній, какъ одного политическаго цѣлаго. Наконецъ, губернскимъ комитетамъ по крестьянскому дѣлу было поручено разсмотрѣніе не законодательной стороны этого дѣла, а примѣненіе началъ уже установленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ, и притомъ по указанію программы доходившей до мельчайшихъ подробностей; здѣсь же дѣло идетъ о самыхъ началахъ, какъ видно изъ приведенной выше цитаты, и притомъ вовсе не о началахъ права, а о началахъ судопроизводства и судоустройства, то-есть о вопросахъ политическихъ, имѣющихъ очень мало связи съ «юридическими убѣжденіями» трехъ «провинцій». Такимъ образомъ, не по своимъ размѣрамъ, а по принципамъ, которые послужили для нея основаніемъ, Дерптская центральная коммиссія представляетъ собою явленіе важное и почти небывалое у насъ, могущее идти въ сравненіе развѣ только съ Екатерининскою коммиссіей, которая не была однакоже учрежденіемъ мѣстнымъ. Замѣчательно при этомъ, что это важное преимущество—преимущество высказать предъ правительствомъ чрезъ своихъ выборныхъ представителей желанія и убѣжденія народонаселеній по одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ—досталось на долю прибалтійскихъ губерній совершенно случайно, порядкомъ административнымъ, безъ участія общей государственной власти, какъ и сказано въ статьѣ *Рижской Газеты*. Дѣло это поведено было слѣдующимъ образомъ.

Въ 8-й статьѣ высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о приведеніи въ исполненіе основныхъ положеній относительно преобразованія судебной части въ Россіи было

сказано, что эти положенія должны быть сообщены главнымъ начальникамъ тѣхъ губерній и областей которыя состоятъ на особомъ положеніи, съ тѣмъ чтобъ они высказали свое мнѣніе о тѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ которыя потребуются для приведенія въ исполненіе судебной реформы во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ. Потребность судебной реформы давно уже сознавалась въ прибалтійскихъ губерніяхъ, точно также какъ и въ цѣлой Россіи; но тогда какъ въ дворянскихъ собраніяхъ многихъ губерній высказывались по этому предмету лишь общія неопредѣленныя желанія, Рижская городская дума, пользуясь болѣе выгоднымъ положеніемъ своимъ, уже нарядила особую коммиссію для составленія проекта реформы городскаго судопроизводства. Но не прежде обнародованія основныхъ положеній 8-го сентября 1862 и приведенной сейчасъ статьи мнѣнія Государственнаго Совѣта убѣдилось рыцарство трехъ поименованныхъ губерній, что предположенная для Россіи судебная реформа должна коснутся и этого края. Тогда только начало оно серіозно заниматься этимъ вопросомъ, а между тѣмъ послѣдовало и официальное предложеніе, отъ 2-го апрѣля 1863 г., на имя главнаго начальника прибалтійскихъ губерній, сообщить свѣдѣнія о примѣненіи общихъ положеній къ этимъ губерніямъ. 26-го апрѣля главное начальство края уже обратилось къ депутатскимъ собраніямъ дворянства губерній Лифляндской, Курляндской, Эстляндской и острова Эзеля, а также и къ магистратамъ Риги, Митавы и Ревеля, съ предложеніемъ обсудить мысль о созваніи центральной коммиссіи, для составленія общаго тремъ губерніямъ (и слѣдовательно впервые соединяющаго ихъ какъ отдѣльное отъ Имперіи цѣлое) проекта основныхъ положеній для судебной реформы въ этомъ краѣ. «Главное начальство, сказано въ *сообщенной* статьѣ *Рижской Газеты*, было вполнѣ убѣждено, что предложенія его найдутъ самый радушный пріемъ со стороны чиновъ (то-есть, со стороны рыцарства и городовъ); но тѣмъ не менѣе оно должно было предоставить собственному свободному рѣшенію ихъ—принять или не принять предложенное имъ участіе въ дѣлѣ, такъ какъ къ этому участію они призывались не общею государственною властью и не были обязаны закономъ.»

Говорить ли о томъ, что это предложеніе было принято съ полною готовностью всѣми четырьмя депутатскими собраніями,— впрочемъ съ тѣмъ чтобъ окончательное рѣшеніе, а равно и выборъ уполномоченныхъ въ центральную коммиссію были предоставлены соотвѣтствующимъ сеймамъ? Оставалось только выбрать членовъ: по два отъ курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, и одного отъ эзельскаго, согласно съ предложеніемъ главнаго начальника края, что и было въ свое время исполнено.

Но города далеко не съ такимъ единодушіемъ одобрили проектъ главнаго начальника Прибалтійскаго края. Съ ихъ стороны сдѣлано было не мало возраженій—не противъ основной мысли созванія центральной коммиссіи для составленія общаго тремъ губерніямъ проекта новыхъ основныхъ положеній для судебной реформы края, но противъ состава предложенной коммиссіи, который болѣе обезпечивалъ интересы рыцарства чѣмъ интересы городовъ, такъ какъ въ числѣ 15 членовъ коммиссіи 7 должны быть по выбору рыцарства, и только 5 по выбору городовъ (по одному отъ Риги, отъ Митавы и отъ Ревеля, и двое отъ остальныхъ городовъ), изъ остальныхъ же трехъ—два профессора юридическаго факультета Дерптскаго университета, по назначенію попечителя, и третій, президентъ коммиссіи, по назначенію генералъ-губернатора, изъ числа президентовъ и вице-президентовъ высшихъ провинціальныхъ судебныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, большинство голосовъ заранѣе обезпечивалось за рыцарствомъ, особенно же еслибъ и самъ президентъ принадлежалъ къ этому сословію, какъ это дѣйствительно и случилось. Всѣ города, поэтому, сошлись въ желаніи, чтобы число представителей отъ малыхъ городовъ было увеличено. Такъ, Либава просила особаго представителя себѣ, и за тѣмъ по одному представителю отъ малыхъ городовъ каждой изъ трехъ губерній; число городскихъ представителей возросло бы такимъ образомъ до семи. Рига шла въ этомъ случаѣ еще дальше, и предлагала кромѣ трехъ представителей отъ большихъ городовъ и трехъ же отъ малыхъ городовъ, еще по одному представителю отъ Либавы, Пернова и Нарвы, такъ какъ ихъ

судебное устройство имѣетъ нѣкоторое отличіе: число уполномоченныхъ отъ городовъ дошло бы такимъ образомъ до 10, и поравнялось бы съ числомъ всѣхъ остальныхъ членовъ коммиссіи. Малые города, сверхъ того, желали избрать отъ себя избирателей, которые назначили бы сообща уполномоченныхъ въ центральную коммиссію. 13-го февраля 1864 генералъ-губернаторъ принялъ окончательное рѣшеніе, которое мало согласовалось съ желаніями городовъ. Число уполномоченныхъ отъ нихъ осталось прежнее—5, измѣнено было лишь распредѣленіе ихъ по губерніямъ, причемъ на долю городовъ Эстляндской губерніи достался только одинъ уполномоченный, избираемый Ревелемъ; на долю Лифляндской и Курляндской—по два (отъ Риги и Перновa, отъ Митавы и Либавы); но магистратамъ всѣхъ городовъ предоставлено снабдить ихъ особыми инструкціями. Отъ Нарвы будетъ приглашенъ только экспертъ, безъ права голоса. Затѣмъ оставалось рѣшить вопросъ о мѣстѣ засѣданій коммиссіи, и тутъ уже рѣшеніе было предоставлено самимъ чинамъ, которые и высказались въ пользу Дерпта, тѣмъ болѣе что только въ такомъ случаѣ къ коммиссіи могли быть прикомандированы два профессора. Издержки, которыя повлечетъ за собою коммиссія, временно приняло на себя рыцарство трехъ губерній. Такимъ образомъ состоялась эта центральная коммиссія трехъ прибалтійскихъ губерній по вопросу о судебной реформѣ, и засѣданія ея открылись 10-го сентября.

Чтобы понять сущность этого дѣла, надобно вникнуть въ тѣ соображенія которыми руководилось при этомъ главное начальство края. Эти соображенія изложены съ достаточною ясностью въ *сообщенной* статьѣ *Рижской Газеты*. Въ офиціальномъ предложеніи отъ 2-го апрѣля 1863 былъ поставленъ вопросъ только объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ какія могли бы потребоваться въ основныхъ положеніяхъ 8-го сентября 1862 для прямѣненія ихъ къ тремъ прибалтійскимъ губерніямъ. Задача эта была распространена; начальство края возымѣло желаніе «передать правительству особенное юридическое убѣжденіе присущее тремъ губерніямъ и коренящееся въ ихъ особыхъ учрежденіяхъ». До обнародованія основныхъ положеній

для судебной реформы, только Рига нарядила особую комиссію по этому предмету; теперь принято было въ соображеніе, что чины уже взялись за это дѣло самостоятельно, что останавливать начатыя ими работы не слѣдуетъ, и имъ было только рекомендовано ускорить доставленіе проектовъ реформы *туземнаго* судопроизводства (въ такую форму облекалось первоначальное туманное выраженіе: Rechtsüberzeugung). Не основныя, высочайше утвержденныя 8-го сентября и обнародованныя 17-го сентября 1862, положенія для судебной реформы, предположенной для цѣлой Россіи, послужатъ стало-быть основаніемъ работъ центральной Дерптской комиссіи, а эти проекты *туземнаго* судопроизводства и инструкціи которыми города снабдили своихъ уполномоченныхъ. Такимъ образомъ судебная реформа не сблизитъ Прибалтійскаго края съ остальною Россіей, а напротивъ, соединивъ его губерніи между собой, еще усилитъ разобщеніе ихъ съ Имперіей, между тѣмъ какъ единство судовъ и одинаковость формъ судопроизводства были бы особенно важны въ настоящее время, когда благодаря желѣзнымъ дорогамъ можно предвидѣть чрезвычайное усиленіе сношеній и всякаго рода промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ между Прибалтійскимъ краемъ и остальною Россіей, не говоря уже о томъ, что основныя положенія 8-го сентября, по самому духу своему, имѣли особенное право на сочувствіе и прибалтійскихъ губерній, такъ какъ собственные ихъ судебные порядки не могутъ быть даже и сравниваемы съ тѣми которые теперь предположены для всей Россіи.

Но при созваніи центральной комиссіи было принято во вниманіе еще то, что провинціальное устройство состоитъ въ неразрывной связи съ судебною организаціей, и что рано или поздно провинціальнымъ сеймамъ пришлось бы принять участіе въ обсужденіи предположенной судебной реформы. Какъ бы ни цѣнили высоко участіе самой страны въ собственныхъ ея дѣлахъ, однакоже никакъ нельзя согласиться, чтобы провинціальныя собранія могли имѣть право голоса въ общемъ государственномъ законодательствѣ по такимъ вопросамъ какъ судопроизводство и судоустройство. «Юридическія убѣжденія»

могутъ быть различны въ разныхъ краяхъ одного и того же государства, а потому въ нѣкоторыхъ государствахъ допускается существованіе мѣстныхъ законовъ и обычаевъ относящихся къ области гражданскаго права, но это различіе не имѣетъ ничего общаго съ реформой процесса и судоустройства. Что же касается до связи провинціальнаго устройства трехъ прибалтійскихъ губерній съ судебною организаціей, то та же связь существуетъ и во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ Россіи: вездѣ дворянскія собранія избираютъ предсѣдателей палатъ, засѣдателей и судей, купеческія и мѣщанскія общества избираютъ своихъ засѣдателей, и однакоже нигдѣ выработанный правительствомъ проектъ судебной реформы не поступалъ на разсмотрѣніе дворянскихъ собраній и городскихъ обществъ. Далѣе, какъ только придуманная въ Прибалтійскомъ краѣ центральная коммиссія выработаетъ общій проектъ этой реформы, то предполагается представить его на обсужденіе сеймовъ и городскихъ корпорацій; съ ихъ рѣшеніями онъ снова поступитъ для окончательной редакціи въ центральную коммиссію, послѣ чего уже, съ замѣчаніями губернаторовъ и генералъ-губернатора, будетъ препровожденъ въ С.-Петербургъ. Такимъ образомъ центральная коммиссія, очевидно, понадобилась не вслѣдствіе связи провинціальнаго устройства съ судебною организаціей, а по другимъ соображеніямъ. Она должна была послужить, во-первыхъ, средствомъ и первымъ опытомъ соединенія городовъ и рыцарства въ общемъ политическомъ дѣлѣ, а во-вторыхъ— первою попыткой политическаго объединенія трехъ прибалтійскихъ губерній. При этомъ, проектъ особой судебной реформы для трехъ прибалтійскихъ губерній, будучи проведенъ чрезъ столько инстанцій, долженъ, конечно, пріобрѣсти особенный авторитетъ въ глазахъ правительства. Все это высказано въ слѣдующихъ нѣсколько замысловатыхъ выраженіяхъ *сообщенной* статьи *Рижской Газеты*: «Центральная коммиссія возвышаетъ вопросъ о судебной реформѣ на степень вопроса обнимающаго всѣ три провинціи, и тѣмъ соотвѣтствуетъ какъ однородности политическихъ ихъ учрежденій, такъ и давнишнему стремленію законодательства къ возможно большему ихъ сближенію между

собою. Но въ то же время она совмѣщаетъ въ себѣ сословную инициативу, которая иначе могла бы заявлять свои права предъ правительствомъ только разрозненно. Вмѣстѣ съ тѣмъ она въ состояніи дать *общее* выраженіе юридическимъ убѣжденіямъ, основаннымъ на общемъ развитіи права.»

Обращаемъ вниманіе на слова: «Давнишнее стремленіе законодательства къ возможно-большему сближенію трехъ прибалтійскихъ губерній между собою.» Мы не знаемъ, въ чемъ выразилось это стремленіе законодательства, кромѣ учрежденія одного общаго для нихъ генералъ-губернаторскаго управленія, какое установлено и для всѣхъ окраинъ Россіи, въ томъ числѣ, напримѣръ, и новороссійскихъ губерній съ Бессарабскою областью, что̀ не мѣшаетъ послѣдней состоять на особомъ положеніи; мы знаемъ, что напримѣръ Курляндская губернія состоитъ на общемъ положеніи не съ Лифляндскою губерніей, а съ другими губерніями Россіи. Что новоучрежденная коммиссія представляетъ собою нововведеніе, и нововведеніе большой важности, это признаетъ и сама *сообщенная* статья *Рижской Газеты*. «Высшее начальство края, сказано въ ея заключеніи, созваніемъ центральной коммиссіи сдѣлало *первый* опытъ совмѣщенія инициативы чиновъ, и если этотъ опытъ удастся, то вліяніе его распространится и за предѣлы судебной реформы, и останется не безъ значенія для будущаго веденія дѣлъ, имѣющихъ общій интересъ для всѣхъ трехъ провинцій.» Вотъ почему *Рижская Газета* такъ торжественно привѣтствовала открытіе ея засѣданій. «Сегодня, сказано въ этой газетѣ, центральная коммиссія для реформы нашихъ судебныхъ порядковъ начала свои работы, и вмѣстѣ съ тѣмъ она стала сосредоточіемъ самаго всеобщаго участія въ Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи. Давнишнее и общее желаніе, чтобы дѣло, равно важное для всѣхъ частей Прибалтійскаго края, было ввѣрено органу въ которомъ различные чины и корпораціи имѣли бы своихъ представителей *отчасти* исполнилось; *впервые* по прошествіи цѣлыхъ столѣтій, снова дана тремъ провинціямъ давно желанная возможность сообща изыскать самимъ способы къ собственному ихъ устройству.» Три года тому назадъ, продолжаетъ *Рижская Газета*,

было еще очень сомнительно, чтобы когда-либо наступило такое событіе; но въ короткій промежутокъ времени положеніе дѣлъ измѣнилось въ этомъ желанномъ направленіи.

Мы имѣемъ причины не разбирать того, какъ совершилось это измѣненіе, а *Рижская Газета* имѣетъ въ свою очередь причины радоваться тому, что мы не можемъ подать нашего «диктаторскаго голоса», какъ она выражается, слѣдуя тактикѣ брюссельскаго публициста, г. Шедо-Ферротн.

XIV.

23-го сентября.

Мы знаемъ какъ поступаютъ Нѣмцы въ только что завоеванномъ и еще не присоединенномъ къ Германіи Шлезвигѣ; а вотъ и образъ дѣйствій Французовъ въ Альзасѣ, гдѣ все населеніе принадлежитъ по своему происхожденію къ нѣмецкому племени. Вотъ что пишетъ въ *Allgemeine Zeitung* изъ Страсбурга, отъ 14-го сентября, поселившійся тамъ, какъ видно, еще недавно, природный Нѣмецъ:

«Вчера, по случаю какой-то, къ сожалѣнію, непзвѣстной мнѣ замѣтки, помѣщенной въ *Börsenhalle*, французскій журналъ *Siècle* разразился рѣзкою статьей противъ «нѣмецкихъ притязаній на Альзасъ», и эта статья, исполненная ненависти и насмѣшекъ надъ Германіей, нашла въ здѣшнихъ (альзасскихъ) журналахъ живѣйшее одобреніе.

«Въ Альзасѣ нѣтъ нѣмецкой національности, а есть только «Французы, которые умѣютъ говорить и по-французски и по-«нѣмецки», восклицаетъ г. Леонъ Пле въ газетѣ *Siècle*. И дѣйствительно, онъ почти правъ, если подъ словомъ *національность* разумѣть патріотическое чувство. Проѣзжайте по всей провинціи вдоль и поперекъ, спросите у людей высшихъ и низшихъ сословій, и вы увидите, что, за исключеніемъ ничтожнаго числа, всѣ стоятъ за Францію, всѣ съ пыломъ истинныхъ прозелитовъ восклицаютъ: «Мы Французы!» Но тѣмъ не менѣе въ Альзасѣ существуетъ еще нѣмецкая національность. И

теперь еще нашъ народъ въ своихъ нравахъ и обычаяхъ, въ своихъ наклонностяхъ и чувствахъ, и въ основныхъ чертахъ своего характера насквозь проникнутъ нѣмецкимъ элементомъ. Онъ—Нѣмецъ въ своихъ добрыхъ качествахъ и недостаткахъ, въ своихъ трудахъ и забавахъ, въ своихъ вѣрованіяхъ и образѣ мышленія, въ своей вѣрности предержащимъ властямъ,— Нѣмецъ даже по недостатку нѣмецкаго патріотизма! Хотя многіе у насъ стыдятся своего нѣмецкаго происхожденія, имени и характера, однакожъ есть также многіе которые любятъ свою нѣмецкую національность, блюдутъ ее; многіе отцы семействъ ведутъ нѣмецкій образъ жизни въ домашнемъ быту, многіе художники воспроизводятъ въ своихъ произведеніяхъ нѣмецкія особенности нашего народа, во многихъ кружкахъ въ чести нѣмецкіе напѣвы.

«Но языкъ есть самое жизненное проявленіе національности, источникъ и вѣнецъ ея жизни. Хотя *Siècle* и говоритъ: «Нѣмецкій языкъ безпрепятственно существуетъ въ Альзасѣ», однакоже, развѣ нѣмецкій языкъ пользуется въ Альзасѣ равноправностью съ языкомъ французскимъ? развѣ признана за нимъ эта равноправность? «Въ школахъ преподается же нѣмецкій языкъ», отвѣчаетъ *Siècle*. Да, преподается, но только такъ же какъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ западной Франціи, то-есть какъ иностранный языкъ, не имѣющій права гражданства. Въ городскихъ школахъ ему посвящаютъ много что два часа въ недѣлю, а съ другой стороны такъ настаиваютъ на совершенномъ знаніи французскаго языка, что молодые люди большею частью пренебрегаютъ нѣмецкимъ языкомъ, какъ ненужнымъ, и вскорѣ совсѣмъ забываютъ его. Поэтому въ образованныхъ классахъ нѣмецкій языкъ быстро исчезаетъ; студенты, природные Альзасцы, уже не могутъ читать нѣмецкой книги безъ словаря. Въ народныхъ же школахъ противъ нѣмецкаго языка ведется истинная война: всячески заставляютъ дѣтей, чтобъ употребляли въ разговорѣ только французскій языкъ. По деревнямъ немногіе часы, въ которые преподается нѣмецкій языкъ, назначены въ послѣобѣденное время, то-есть въ такое когда школы большею частію почти не посѣщаются. Школы и учи-

тели здѣсь, какъ извѣстно, плохіе, но всѣ наперерывъ хвалятъ ихъ за успѣхи французскаго языка.»

Эта картина очень интересна. Она показываетъ, какое значеніе имѣютъ народныя школы въ рукахъ національнаго правительства. Вся сила заключается въ національности Французскаго правительства, которое остается французскимъ по отношенію ко всѣмъ элементамъ входящимъ въ предѣлы его государства, какого бы племени они ни были. Національность правительства, вотъ вся тайна этого могущественнаго усвоенія чуждыхъ элементовъ. Вслѣдствіе національности Французскаго правительства, нѣмецкое населеніе Альзаса легко проникается французскимъ чувствомъ и не только не протестуетъ противъ своего сближенія съ французскою народностію, а напротивъ *съ пыломъ истинныхъ прозелитовъ* восклицаетъ: «мы Французы!» И даже самые горячіе нѣмецкіе націоналы, въ родѣ приведеннаго нами корреспондента *Allgemeine Zeitung*, утѣшаются лишь тѣмъ, что нѣмецкая національность все еще уцѣлѣла въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ домашнемъ быту, въ характерѣ альзасскаго населенія. Кто бы и въ Россіи сталъ протестовать противъ сохраненія въ ея предѣлахъ какой бы то ни было національности, понятой въ такомъ смыслѣ? Напротивъ, разнообразіе и даже противоположность элементовъ входящихъ въ составъ великой національности есть одно изъ самыхъ главныхъ условій богатаго и плодотворнаго историческаго развитія.

XV.

24-го сентября.

Въ законодательныхъ распоряженіяхъ относящихся къ устройству народнаго просвѣщенія въ польскомъ краѣ заявлено, что на почвѣ этого края, въ устройствѣ начальныхъ школъ, правительство намѣрено соблюдать всевозможное безпристрастіе относительно населяющихъ его народностей. Такъ какъ въ Царствѣ Польскомъ есть русскіе народонаселенія, то въ силу принятаго такимъ образомъ начала, эти русскія народонаселенія

получаютъ возможность остаться русскими въ своихъ первоначальныхъ школахъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать, чтобы Русское правительство стало способствовать къ искорененію русской народности и русскаго языка гдѣ бы то ни было? Можно ли допустить мысль, чтобы верховная власть Русскаго народа, составляющая съ нимъ одно цѣлое,—верховная власть, въ которой народъ видитъ свое высшее выраженіе,—захотѣла гдѣ бы то ни было отречься отъ русской народности, отдать ее, пожертвовать ею, хотя бы дѣло шло не болѣе какъ о нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ людей русскаго языка? Еслибы судьба осудила какую-либо часть русскаго народонаселенія войти въ составъ инородческаго государства, на которое не простирается русская верховная власть, то можно было бы спокойно видѣть какъ эти люди переходили бы, напримѣръ, въ Нѣмцевъ. Весьма естественно, чтобы народонаселеніе, какого бы племени ни было оно первоначально, входя въ органическій составъ государства другаго языка, становилось въ своемъ образованіи частію народа которому принадлежитъ верховная власть. Участь національности живущей подъ иноплеменною властію и удерживающей свою особенность не завидна. Лишенная правильной жизни, служа началомъ недовольства и раздраженія въ людяхъ посящихъ ея имя, національность находящаяся подъ верховною властью другаго народа можетъ успокоиться только тогда, когда освободится изъ-подъ нея и создастъ свою собственную власть, или когда сродится съ господствующею народностью. Итакъ, мы могли бы безъ всякаго прискорбнаго чувства, нисколько не испытывая униженія и упадка нашего народнаго духа, видѣть превращеніе многихъ десятковъ и сотенъ тысячъ людей русскаго племени въ народность другаго государства, среди котораго имъ довелось бы жить. Совсѣмъ иное дѣло, еслибы вслѣдствіе какихъ бы то ни было недоразумѣній и случайностей, верховная власть народа сама стала отрывать отъ него живыя части его и усвоять ихъ другимъ народностямъ: это было бы самоубійствомъ, въ какихъ бы размѣрахъ ни происходило подобное явленіе. Итакъ, весьма естественно, что русская власть обратила вниманіе на русскія народонаселенія живущія въ поль-

скомъ краѣ, и пожелала оградить ихъ національность при устройствѣ народныхъ школъ. Какъ извѣстно, относящіеся сюда указы произвели довольно благопріятное впечатлѣніе за границей, и если вѣрить слухамъ, они были приняты хорошо даже въ парижскихъ офиціальныхъ сферахъ. Всякій судитъ по своему. Нѣкоторые быть-можетъ полагаютъ, что принятыя въ Царствѣ Польскомъ мѣры не помѣшаютъ развитію польскаго дѣла. Думая такимъ образомъ, тѣ или другіе изъ иностранныхъ политиковъ могутъ выражать свое удовольствіе; за то другіе, болѣе откровенные или болѣе рѣшительные въ своихъ видахъ и досадующіе на всякую задержку въ ихъ совершеніи, могутъ быть недовольны тѣмъ, что̀ по ихъ мнѣнію является нарушеніемъ правъ польской національности. Эти послѣдніе, съ своей точки зрѣнія, и жалуются, и негодуютъ на то, что русская власть въ краѣ пріобрѣтенномъ русскою кровью, неоднократно завоеваннымъ силой русскаго оружія, не отрекается отъ своего русскаго характера, и заботится о томъ, чтобъ оградить въ этомъ краѣ права своей народности. Еслибы русская власть дѣйствовала въ Царствѣ Польскомъ точно такъ же, какъ дѣйствуетъ Пруссія въ Познани, или какъ Австрія въ Галиціи, или какъ Франція въ Альзасѣ, или опять какъ Пруссія въ Шлезвигѣ, только что захваченномъ ею,—то и тогда была бы она въ полномъ своемъ правѣ, и никто не посмѣлъ бы оспаривать у ней это право. Но нѣкоторые иностранные публицисты негодуютъ на русскую власть за то что она вспомнила о русскихъ народонаселеніяхъ живущихъ въ тѣхъ мѣстахъ которыя нѣкогда были коренною Русскою землей, въ давнюю пору были захвачены Польшей и случайно вошли въ составъ искусственно созданнаго, такъ-называемаго, Царства Польскаго. Они негодуютъ на русскую власть за то что она предписываетъ заводить для русскихъ людей въ Царствѣ Польскомъ русскія школы. Вотъ что̀ пишутъ во французской газетѣ *Le Temps*, въ № отъ 1-го октября: «Польскія «школы не уничтожаются, но онѣ будутъ находиться подъ надзоромъ русскихъ властей, и вмѣстѣ съ ними создаются еще «школы для всѣхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, какіе только «могутъ оказаться въ Царствѣ Польскомъ: будутъ различныя

«школы для каждаго вѣроисповѣданія, гдѣ будутъ преподаваться «языки литовскій, русскій, нѣмецкій, и гдѣ польскій языкъ пре«подаваться не будетъ. Въ указѣ о начальныхъ училищахъ «есть въ этомъ отношеніи одинъ поистинѣ замѣчательный «пунктъ: «*Если училище*, сказано въ одномъ изъ параграфовъ «статьи 46, «*посѣщается дѣтьми принадлежащими къ раз«личнымъ племенамъ, то преподаваніе производится на языкѣ «большинства учениковъ или учениць*». Что сказали бы во «Франціи о законодательствѣ которое предписывало бы пре«подаваніе нижне-бретонскаго, оверньскаго и баскаго языковъ «въ училищахъ, гдѣ на которомъ-либо изъ этихъ языковъ го«воритъ большинство дѣтей посѣщающихъ школу? Подъ ви«домъ фальшиваго либерализма, очевидно, этою мѣрой поси«гаютъ на польскую національность, на ея единство.»

Итакъ, французскій критикъ сѣтуетъ на русскую власть за то, что она не чувствуетъ себя польскою, за то что она не слѣдуетъ польской національной политикѣ? Будемъ ли мы въ свою очередь сѣтовать на французскаго критика за его сужденіе? Сужденіе его по отношенію къ данному случаю несправедливо: но оно вполнѣ соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія принятой критикомъ. Съ своей точки зрѣнія критикъ судитъ послѣдовательно и правильно. Польская власть, еслибы существовала самостоятельная польская власть, должна была бы поступать такъ какъ желаетъ французскій критикъ. Но кто же виноватъ, что польская національность оказалась неспособною выработать изъ своихъ нѣдръ начало прочной верховной власти или не умѣла сохранить его? Кто виноватъ, что польская національность, утративъ почти весь кровный народъ свой, превратившійся большею частію въ Нѣмцевъ, живетъ надеждой на возстановленіе своего господства надъ инородными элементами? Кто виноватъ, что самостоятельнаго польскаго государства не существуетъ, и что стало-быть нѣтъ смысла требовать польской національной политики въ краѣ находящемся подъ русскою верховною властью? Неужели французскій ревнитель польской народности можетъ ожидать, что верховная власть составляющая почти все достояніе Русскаго народа, созиданію и утвержденію

которой онъ жертвовалъ всѣмъ и которой сила заключается въ его силѣ,—чтобы русская верховная власть могла быть органомъ какой-нибудь другой политики, кромѣ русской, чтобъ она могла быть органомъ польско-національной политики, и забыть даже то, что польская политика никогда не была и никогда не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ лишь прямымъ отрицаніемъ русской народности и Русскаго государства? Со стороны его понятно желаніе, чтобы верховная власть, простирающаяся на польскій край, была и чисто польскаго свойства; точно также какъ со стороны его было бы понятно и желаніе, чтобы на мѣстѣ Русскаго государства явилось польское. Но не наивно ли было бы ожидать, чтобы Русское правительство стало осуществлять подобныя желанія?

Но если нѣтъ на свѣтѣ польской верховной власти, то есть русская верховная власть, есть Русское государство, которое создавалось трудомъ цѣлаго тысячелѣтія. Что французскій публицистъ желаетъ видѣть въ не существующемъ польскомъ правительствѣ, то безспорно можетъ относиться къ правительству Русскому, которое не есть иное. Французскій публицистъ понимаетъ очень хорошо, что національная власть имѣетъ своимъ призваніемъ охранять интересы и права своей народности; онъ понимаетъ, что правительство какой-либо страны не можетъ допустить въ своихъ владѣніяхъ пропаганду чужой народности въ ущербъ своей: онъ откажется вѣрить въ возможность такой политики которая имѣла бы цѣлію раздробить народность, расколоть ее и искусственно организовать изъ нея двѣ чуждыя и неизбѣжно враждебныя одна другой народности. Но если спросить у него, желаетъ ли онъ чтобы Русское правительство въ Русской Имперіи дѣйствовало такимъ образомъ: онъ, по всему вѣроятію, найдетъ это весьма желательнымъ. Что въ его глазахъ было бы безумствомъ не имѣющимъ имени, еслибы рѣчь шла о Франціи, то по всему вѣроятію найдетъ онъ совершенно естественнымъ, справедливымъ и должнымъ, если рѣчь будетъ идти о Русскомъ государствѣ или о Русскомъ народѣ. Что называетъ онъ лжелиберализмомъ по отношенію къ польской національности, то по всему вѣроятію привѣтствовалъ бы онъ какъ истинный либерализмъ по отношенію къ русской, и сталъ

бы рекомендовать его Русскому правительству, какъ нѣчто весьма гуманное и прогрессивное. Въ примѣръ вопіющей нелѣпости которая поразила бы всю Францію, онъ предполагаетъ невозможную тамъ мѣру, которая предписывала бы преподаваніе нижне-бретонскаго языка, или оверньскаго *patois*. Но что сказалъ бы онъ о предположеніи устроить посреди Русскаго народа казенныя школы гдѣ преподаваніе должно было бы производиться на мѣстныхъ нарѣчіяхъ? Что сказалъ бы онъ, еслибы Русское правительство стало приводить такую мысль въ исполненіе? Похвалилъ ли бы онъ такую политику,—и еслибы похвалилъ, то въ какомъ смыслѣ должны были бы мы принять его похвалу?

Вспомнимъ, къ какимъ тягостнымъ и мучительнымъ объясненіямъ нужно было прибѣгать у насъ для доказательства того что нигдѣ не можетъ подлежать ни малѣйшему вопросу; вспомнимъ, какой опасности подвергалась русская народность вслѣдствіе затѣй, которыя сами по себѣ были бы совершенно ничтожны и безвредны, но которыя стали бы виной страшнаго и непоправимаго зла, еслибъ облеклись въ правительственную силу? Какая другая мысль можетъ таиться въ планахъ создать изъ одной русской народности двѣ или три;—какая другая мысль кромѣ той, которая теперь тонкимъ ядомъ распространяется повсюду, принимая въ разныхъ средахъ разныя формы, приспособляясь и приближаясь къ самымъ разнородным сферамъ идей,—какая другая мысль кромѣ мысли о раздробленіи Русскаго государства тихимъ, незамѣтнымъ, постепеннымъ процессомъ, — посредствомъ правительственныхъ распоряженій и мѣръ?

XVI.

25-го сентября.

Миѳическія сказанія петербургскихъ корреспондентовъ, высылаемыя въ иностранныя газеты, поистинѣ замѣчательны, а для насъ тѣмъ болѣе, потому что мы занимаемъ въ нихъ особенно видное мѣсто. Въ *Indépendance Belge* (въ № отъ 4-го

октября) пишутъ изъ Петербурга отъ 13-го (11-го) сентября, какъ о весьма важномъ симптомѣ нынѣшняго положенія дѣлъ, что «съ нѣкотораго времени» одно правительственное лицо стало предметомъ особенной предупредительности со стороны своихъ товарищей, которые до сихъ поръ держались къ нему въ холодныхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ «со стороны *Московскихъ Вѣдомостей* оно стало предметомъ открытыхъ нападеній...»

Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ справедливы сообщенія корреспондента о томъ что происходитъ въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества; но мы считаемъ себя въ полномъ правѣ подать голосъ въ нашемъ личномъ дѣлѣ и протестовать противъ той части показанія корреспондента, которая касается насъ. Мы рѣшительно не понимаемъ о какихъ сообщается европейской публикѣ личныхъ и открытыхъ нападеніяхъ будто бы учиненныхъ нами около того числа которымъ датировано петербургское письмо въ *Indépendance Belge*. Намъ пришлось упомянуть объ одномъ правительственномъ лицѣ, но отнюдь не въ смыслѣ нападенія, а въ видахъ обороны отъ нападеній, которыхъ предметомъ были мы сами. Въ памфлетѣ, извѣстномъ публикѣ, о которомъ говорили мы въ №№ 195 и 196 нашей газеты, мы представлены полудикими демагогами опирающимися въ своихъ мнѣніяхъ на сочувствіе малограмотныхъ и безсмысленныхъ слоевъ русскаго общества. Такъ какъ этотъ памфлетъ, впрочемъ болѣе оскорбительный для Русскаго народа и для Русскаго правительства, нежели для насъ лично, распространялся по учебнымъ заведеніямъ, то мы позволили себѣ сослаться на полученныя нами въ прошломъ году изъявленія сочувствія отъ правительственнаго лица состоящаго во главѣ управленія учебными заведеніями,—лица, которое приглашало насъ издать сборникъ нашихъ статей по польскому вопросу, и вызывалось взять за себя значительное количество экземпляровъ этого сборника для разсылки ихъ по учебнымъ заведеніямъ. Почему же корреспондентъ видитъ въ этомъ оправдательномъ объясненіи какое-то нападеніе? Мы не приняли сдѣланнаго намъ предложенія; но въ виду распространяемаго теперь по учеб-

нымъ заведеніямъ памфлета, направленнаго противъ насъ и нашихъ мнѣній, мы были въ правѣ сослаться на упомянутое обстоятельство, тѣмъ болѣе что сочувствіе изъявленное намъ правительственнымъ лицомъ, на которое мы сослались, не было случайнымъ и мимолетнымъ, а поддерживалось и подтверждалось въ продолженіе всего прошлаго года,—именно въ ту самую пору, когда по свидѣтельству памфлета, дѣятельность наша будто бы была особенно зловредна. Направленіе *Московскихъ Вѣдомостей* не измѣнялось съ тѣхъ самыхъ поръ какъ онѣ поступили въ наши руки до сего дня; характеръ нашей дѣятельности, какъ въ началѣ прошлаго года, такъ и въ концѣ его, а равно и въ настоящее время остается тотъ же самый; въ нашихъ воззрѣніяхъ на польское дѣло мы не измѣнялись; при всѣхъ измѣненіяхъ въ ходѣ этого дѣла, открывшихъ новыя стороны его, мы оставались и остаемся вѣрны однимъ и тѣмъ же началамъ, убѣждаясь и утверждаясь въ нихъ все болѣе и болѣе. Но автору памфлета почему-то было нужно провозгласить, что съ іюня мѣсяца прошлаго года наша дѣятельность стала особенно зловредною, а высказываемыя въ нашей газетѣ мнѣнія особенно пелѣпыми и не заслуживающими вниманія просвѣщенныхъ людей. Поэтому намъ было очень кстати сослаться на вниманіе котораго мы были предметомъ со стороны лицъ безспорно просвѣщенныхъ. Предложеніе о сборникѣ было сдѣлано намъ въ тотъ самый мѣсяцъ который указываетъ авторъ памфлета, именно 7-го іюня. Лестный отзывъ о нашихъ статьяхъ былъ повторенъ 27-го іюня. 16-го августа, въ самый разгаръ нашей зловредной дѣятельности, мы имѣли честь получить письмо которое еще въ большей степени чѣмъ прежнія заявленія свидѣтельствовало о вниманіи, сочувствіи и довѣріи къ намъ со стороны того же лица. Несмотря на то что мы по непростительной неаккуратности, вынуждаемой множествомъ заботъ и дѣлъ, были всегда плохими корреспондентами, и потому не успѣли отвѣчать на лестное письмо отъ 16-го августа, мы еще нѣсколько разъ въ концѣ прошлаго года получали отъ того же лица доказательства вниманія къ намъ, чего безъ сомнѣнія не было бы, еслибы мы въ самомъ дѣлѣ были глаша-

таями безсмысленныхъ мнѣній и трибунами непросвѣщенной черни, какъ свидѣтельствуетъ памфлетъ.

Къ слову объ этомъ памфлетѣ. По поводу его, мы получаемъ съ разныхъ сторонъ заявленія; но по нѣкоторымъ причинамъ мы затруднены печатаніемъ ихъ, хотя они и исполнены самаго лучшаго духа и иныя изъ нихъ вполнѣ заслуживаютъ быть доведенными до свѣдѣнія публики. Съ тѣмъ вмѣстѣ, особенно изъ провинціи, получаемъ мы запросы отъ многихъ почтенныхъ лицъ, встревоженныхъ извѣстіемъ о распространеніи этого памфлета по учебнымъ заведеніямъ. Они спрашиваютъ насъ, совершенно ли вѣренъ этотъ слухъ. Къ сожалѣнію, мы должны отвѣчать утвердительно. *) Экземпляры этой книжки, дѣйствительно, разсылались по университетамъ и гимназіямъ, и притомъ какъ мужскимъ, такъ и женскимъ. Какъ мы слышали, многіе директоры гимназій крайне смущены этимъ даромъ и не знаютъ что́ съ нимъ дѣлать; Московскій же университетъ, учрежденіе болѣе самостоятельное, единогласно постановилъ въ своемъ совѣтѣ возвратить, по принадлежности, экземпляры этой книги, какъ памфлета «оскорбительнаго для русскаго народнаго чувства и очевидно принадлежащаго перу враждебному Россіи.» Такое единогласное постановленіе совѣта достаточно для того чтобъ успокоить родителей за духъ и направленіе старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ.

---

*) До насъ доходятъ также слухи, что авторъ этого памфлета странствуетъ теперь по Россіи, со спеціальною цѣлію обозрѣвать учебныя заведенія и вѣроятно за тѣмъ чтобы вслѣдъ за экземплярами своей книги наблюдать за ея дѣйствіемъ.

ОКТЯБРЬ.

I.

2-го октября.

Въ № 210-мъ *Московскихъ Вѣдомостей* намъ пришлось доказывать всю неосновательность порицаній которыя газета *le Temps* расточаетъ указамъ 30-го августа за то, что русская верховная власть, при устройствѣ учебной части въ польскомъ краѣ, не отреклась отъ живущаго тамъ русскаго народонаселенія и предначертала для него способы которыми оно можетъ охранить свой языкъ и свою вѣру; теперь намъ приходится имѣть дѣло съ похвалами, которыя воздаютъ тѣмъ же указамъ нѣмецкія и французскія газеты, и которыя, по своему значенію, чуть ли не хуже всякихъ порицаній.

Обыкновенно во всѣхъ этихъ отзывахъ фигурируютъ *Московскія Вѣдомости*. Такъ, между прочимъ, петербургскій корреспондентъ, въ № 274 газеты *le Nord*, съ особеннымъ удовольствіемъ заявляетъ, будто бы указы 30-го августа вполнѣ разочаровали *Московскія Вѣдомости* въ ихъ ожиданіяхъ и даже будто бы вызвали съ нашей стороны «горькую, хотя и сдержанную критику», которая однакоже, по словамъ корреспондента, должна служить для этихъ указовъ наилучшею похвалой.

Итакъ, въ нѣкоторыхъ сферахъ, самый тонъ мнѣній *Московскихъ Вѣдомостей* служитъ основаніемъ для оцѣнки законодательныхъ мѣръ! Что, по сужденію этихъ господъ, не должно нравиться *Московскимъ Вѣдомостямъ*, то стало-быть и хорошо, тому стало-быть и нужно рукоплескать. Въ *Московскихъ Вѣдо-*

мостяхъ видятъ они органъ русской партіи, которой противополагаютъ партію французскую, какъ мы сейчасъ прочли въ газетѣ *France*. Французская партія въ Россіи, въ русскихъ дѣлахъ! Вотъ до чего мы дожили! Но объ этомъ поговоримъ мы послѣ, а теперь возвратимся къ русской партіи, которой органомъ мы, конечно, не можемъ не быть. Въ русскомъ интересѣ, для всѣхъ честныхъ русскихъ людей, можетъ быть только одна цѣль, одно направленіе; но средства и способы къ достиженію одной и той же цѣли могутъ съ разныхъ точекъ зрѣнія представляться разные. Что касается до насъ, то мы прежде всего цѣнимъ общее направленіе законодательныхъ мѣръ, сочувствуемъ всему что предпринимается въ интересѣ русскаго дѣла, хотя бы то или другое средство, тотъ или другой путь казались намъ болѣе соотвѣтствующими цѣли. Лица на отвѣтственности которыхъ лежитъ принятіе и исполненіе правительственныхъ мѣръ ближе стоятъ къ дѣлу и могутъ лучше судить о различныхъ обстоятельствахъ которыя его окружаютъ, и съ которыми слѣдуетъ соображаться для успѣшнаго дѣйствія. Въ данномъ случаѣ намъ не было надобности сдерживать себя, потому что не было никакого повода къ «горькой критикѣ», а былъ поводъ къ соображеніямъ относительно силы указовъ 30-го августа и также относительно дальнѣйшихъ распоряженій по этой части. Не съ указами 30-го августа расходятся воззрѣнія русскихъ людей, къ которымъ мы не можемъ не причислять себя, а съ тѣми истолкованіями этихъ указовъ на которыя такъ щедры разные петербургскіе корреспонденты иностранныхъ газетъ и сами эти газеты. Напримѣръ упомянутый корреспондентъ газеты *le Nord*, — которая основана на русскія деньги и продолжаетъ свое существованіе благодаря ежегоднымъ пособіямъ изъ Россіи, — восхваляетъ указы 30-го августа въ томъ предположеніи, что они будто бы провели новую черту раздѣленія между Польшей и Россіей, и признавали нераздѣльно и исключительно права только польскаго населенія въ *Конгрессовкѣ*. Корреспондентъ даже подшучиваетъ надъ тѣмъ, что мы какъ будто бы опасаемся, чтобы Поляки не ополячили Польшу: такъ несомнѣнно кажется ему, что и 500.000 Русскихъ,

и 300.000 Нѣмцевъ, и 215.000 Литовцевъ, и 600.000 Евреевъ должны стать неминуемо Поляками. Съ точки зрѣнія корреспондента, въ *Конгрессовкѣ* нѣтъ никого кромѣ Поляковъ; но съ точки зрѣнія указовъ, тамъ есть еще и Русскіе, и Нѣмцы, и Литовцы. Мы упомянули еще о Евреяхъ, о языкѣ которыхъ ничего не сказано въ указахъ, и которые, какъ извѣстно, уже болѣе тысячи лѣтъ утратили въ этомъ отношеніи свою національность: неужели желательно, чтобы Русское правительство дѣлало ихъ à toute force Поляками? Неужели также желательно, чтобы подъ русскою державой, и при столь значительномъ русскомъ народонаселеніи по сю сторону Вислы, не была признана равноправность русскаго языка съ польскимъ въ законодательствѣ, въ администраціи, въ судахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ? Мы полагаемъ, что выраженіе этихъ столь естественныхъ желаній не только не представляетъ собою «горькой критики» на указы 30-го августа, но напротивъ, касаясь ихъ примѣненія, входитъ въ кругъ воззрѣній которыя легли имъ въ основу, и въ этомъ смыслѣ наша «горькая критика» можетъ быть дѣйствительно названа наилучшею похвалой указамъ 30-го августа, потому что мы старались показать, какъ широко и полезно можетъ быть ихъ примѣненіе. Но для этого, конечно, необходимо стать на точку зрѣнія не петербургскаго корреспондента газеты *le Nord*, а на точку зрѣнія законодателя, и не предполагать, что онъ имѣлъ въ виду провести новую черту раздѣленія между Польшей и Россіей, и что ему будто бы нисколько не дороги ни сохраненіе русской народности, ни естественные успѣхи русскаго языка въ краѣ находящемся подъ русскою державой.

Впрочемъ, не всѣ петербургскіе корреспонденты иностранныхъ газетъ смотрятъ глазами корреспондента *Le Nord*. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ письмѣ изъ Петербурга, напечатанномъ въ *Morning Herald*, отъ 5-го октября:

«Если Польшѣ суждено навсегда быть соединенною съ Россіей, то можно надѣяться, что узы долженствующія связать между собою обѣ націи станутъ со временемъ тѣснѣе, и конечно, интересъ самихъ Поляковъ требуетъ чтобъ они научи-

лись по-русски. Говорятъ, что во многихъ мѣстахъ сельское народонаселеніе выразило желаніе ввести русскій языкъ въ элементарныя школы, и еслибы народъ принялъ его добровольно, это было бы первымъ шагомъ къ дѣйствительному соединенію двухъ націй и къ уничтоженію раздѣляющей ихъ преграды.»

Едва ли было бы согласно съ указами 30-го августа, еслибъ училищные директоры и мѣстныя власти въ Царствѣ Польскомъ полагали преграды подобнымъ влеченіямъ, или не заботились объ устраненіи преградъ которыя несомнѣнно будутъ полагаться имъ съ другой стороны. Точно также едва ли было бы согласно съ указами, еслибы директоры терпѣли въ народныхъ училищахъ или гимназіяхъ учителей внушающихъ ненависть къ Русскому народу и русскому языку, и не отличали бы тѣхъ изъ нихъ которые, пользуясь близкимъ сродствомъ обоихъ языковъ, въ преподаваніи самой польской грамоты заботились бы объ ознакомленіи своихъ учениковъ съ русскою рѣчью, указывая имъ до какой степени близка она къ рѣчи польской. Выражая желаніе многихъ славянистовъ, въ томъ числѣ самихъ Поляковъ, мы говорили между прочимъ, какъ было бы легко и удобно ввести теперь же въ польскихъ народныхъ училищахъ кириллицу, вмѣсто несвойственнаго славянскимъ звукамъ латинскаго алфавита, который теперь употребляется для польскаго языка. Почему же все это «горькая критика»!

Прислушаемся еще къ тому, что говоритъ объ этомъ предметѣ *Крестовая Газета*. Отзывъ ея особенно оригиналенъ. Онъ склоняется къ тому мнѣнію, что указы 30-го августа скорѣе будутъ вредны чѣмъ полезны. «Никакъ нельзя сказать,—читаемъ мы въ передовой статьѣ этой газеты, отъ 9-го октября,—чтобы нынѣшнее положеніе Польши дѣлало ее способною теперь же выдержать подобный училищный уставъ. Онъ идетъ такъ далеко въ признаніи идеи національности какъ только возможно, и тѣмъ самымъ легко можетъ породить новыя утопическія желанія въ Полякахъ.» Но это было бы справедливо только тогда, когда въ самихъ указахъ и въ сопровождающемъ ихъ высочайшемъ рескриптѣ не было бы очевидныхъ признаковъ того, какъ дорожитъ законодатель сохраненіемъ русской народ-

ности въ польскомъ краѣ, — безъ сомнѣнія, въ тѣхъ видахъ чтобъ она послужила связующимъ звеномъ между этимъ форпостомъ Руси и ея материкомъ,—и еслибъ изъ многихъ пунктовъ, сближающихъ училищную систему въ Польшѣ съ училищною системой въ Россіи, нельзя было заключать, что начало равноправности польскаго и русскаго языковъ будетъ въ польскихъ губерніяхъ примѣнено во всей силѣ. Въ такомъ случаѣ указы 30-го августа не возбудятъ «утопическихъ желаній» въ Полякахъ, а напротивъ проложатъ путь къ естественному сближенію двухъ вѣтвей одного племени,—сближенію, къ которому, повидимому, такъ склоненъ не початый исторіей народъ польскихъ крестьянъ. *Крестовая Газета* считаетъ особенно опаснымъ обѣщанное преобразованіе Главной Школы въ Варшавскій университетъ, котораго, какъ она припоминаетъ, никакъ не хотѣлъ допустить императоръ Николай I. Не рѣшаемъ въ какой мѣрѣ эти опасенія основательны. Но интересно то, что *Крестовая Газета*, считая указы 30-го августа опасными для Россіи и Польши, однакоже почла своимъ долгомъ восхвалять ихъ. За что же? Извѣстно, что *Крестовая Газета* менѣе всего славится либерализмомъ своего направленія, и однакоже она восхваляетъ указы 30-го августа именно за ихъ «чистый либерализмъ». Только-что высказавшись противъ возбужденія въ Полякахъ «утопическихъ желаній», она спѣшитъ вывести изъ законовъ 30 августа заключеніе къ которому они не подаютъ повода. «Должно-быть, говоритъ *Крестовая Газета*, Императоръ рѣшился идти еще далѣе впередъ на этомъ пути уступокъ въ пользу самостоятельной польской національности.» Мало того: *Крестовая Газета* приводитъ указы 30-го августа въ безсмысленное и оскорбительное сочетаніе съ доктринами памфлета, о которомъ было столько рѣчи: «Que fera-t-on de la Pologne?»

Неужели предположенія которыя въ отношеніи ко всякой другой политикѣ были бы въ высшей степени оскорбительны должны считаться похвалой по отношенію къ политикѣ русской? Мы понимаемъ, что есть много партій которыя пора-

довались бы раздроблению или уничиженію Россіи, но мы не понимаемъ той наглости съ которою они приписываютъ подобные виды русской политикѣ. Мы понимаемъ, что эти партіи желали бы подавить въ самомъ зародышѣ русское національное чувство, такъ чтобъ о немъ не было болѣе ни слуху, ни духу. Но мы не можемъ понять, какъ могла какая бы то ни было газета дозволить себѣ сказать, что верховная власть въ Россіи «совершенно порвала связи съ идеями всей многочисленной партіи русскихъ патріотовъ»? Или по мнѣнію *Крестовой Газеты* въ Россіи можетъ быть какой-нибудь другой, не русскій, патріотизмъ, и могутъ быть другіе, не русскіе, патріоты? И почему русскіе патріоты въ Россіи составляютъ только партію, хотя бы и многочисленную? Неужели прошедшій годъ не убѣдилъ этихъ господъ, что партію о которой они толкуютъ составляетъ весь Русскій народъ. Многіе, конечно, отъ всей души желали бы видѣть разрывъ между русскою верховною властью и Русскимъ народомъ; но утверждать, что это желаніе исполнилось, что этотъ разрывъ произошелъ, и утверждать это по поводу указовъ 30-го августа, это верхъ безсмыслицы.

Въ послѣднее время, какъ бы по данному сигналу, противъ *Московскихъ Вѣдомостей* открытъ непрерывный огонь по всей линіи иностранной журналистики. *Indépendance Belge, Le Nord, La France, Кельнская, Крестовая Газета,* и пр., напрягаютъ свои силы, чтобы поразить насъ на смерть, или представить пораженными. Мы очень хорошо понимаемъ, что дѣло идетъ тутъ не о насъ и не о нашей газетѣ. Атака направлена противъ русскаго національнаго дѣла, которое, лишь въ видахъ удобства, хотятъ локализировать въ нашей газетѣ. Будемъ надѣяться, что побѣда останется не за французскою или нѣмецкою партіей въ русскихъ дѣлахъ, а за «русскою партіей», къ которой принадлежитъ весь Русскій народъ съ Вѣнценоснымъ Вождемъ своимъ во главѣ.

II.

3-го октября.

Насъ занимаетъ исторія одной мысли. Въ то время когда шумно совершаются событія, тихо и незамѣтно зрѣетъ мысль, переходя изъ одной фазы въ другую. Мало слѣдить за ходомъ событій; надобно умѣть приглядываться и къ метаморфозамъ сопутствующей имъ идеи, въ которой заключается ихъ существенный смыслъ. Мысль порождаетъ событія, событія порождаютъ мысль. Время въ которое мы живемъ въ высшей степени поучительно. Наблюдатель поставленъ самымъ благопріятнымъ образомъ: онъ можетъ видѣть и то что происходитъ на сценѣ, и то что происходитъ за кулисами; онъ видитъ и маски, и то что подъ масками. Впрочемъ, хотя это и поучительно, однако нельзя сказать чтобъ это было пріятно; гораздо пріятнѣе сидѣть зрителемъ въ партерѣ и испытывать рядъ впечатлѣній производимыхъ творческимъ вымысломъ и игрой лицедѣевъ.

Насъ, какъ сказано, занимаетъ исторія одной мысли, которая развивалась и созрѣвала подъ шумъ событій. Мы переносимся воображеніемъ къ началу прошлаго года. На дворѣ стоитъ февраль; мятежъ въ Польшѣ только что вспыхнулъ; ея лѣса наполняются шайками; подземное правительство издаетъ декреты; подъ легкимъ исчезающимъ какъ февральскій снѣгъ въ тѣхъ мѣстахъ покровомъ законнаго порядка, обрисовалось Польское королевство временъ Люблинской уніи. Вся Европа въ страшномъ волненіи; открывается спектакль увлекательный и потрясающій.... Въ это время Россія имѣла видѣніе: предъ нею неожиданно явился господинъ весьма почтеннаго вида, хорошаго тона, нѣсколько старомодный въ оборотѣ своихъ мыслей и въ складѣ своей рѣчи; говорилъ онъ по-французски не весьма изящно, но удобопонятно. Рѣчь его дышала благочестіемъ, любовію къ порядку и законности, и ненавистью къ революціи и демагогіи. Онъ отрекомендовалъ себя самымъ доброкачественнымъ польскимъ патріотомъ. Онъ скорбѣлъ по случаю открывшагося мятежа, и съ горечью отзывался о мятежникахъ

Онъ упрекалъ ихъ въ томъ, что они соединяютъ польское дѣло съ замыслами европейской демагогіи, что они лишены истиннаго гражданскаго мужества и не умѣютъ вести дѣло съ соблюденіемъ должныхъ приличій; онъ упрекалъ ихъ въ томъ, что они не умѣютъ цѣнить государственныхъ мужей, которые съ большимъ искусствомъ управляютъ ходомъ польскаго дѣла, и которымъ они только мѣшаютъ. Онъ говорилъ объ опасностяхъ которыми угрожаетъ революція современному обществу. Россіи, продолжалъ онъ, не избѣжать революціи: она закипѣла въ Польшѣ, она доберется и до Москвы; въ Польшѣ она еще не такъ ужасна, потому что тамъ нравы мягче, но въ Москвѣ она будетъ ужасна. Есть одно средство предотвратить зло и пресѣчь ему путь. Пора еще не ушла, но надобно торопиться. Хотите ли вы, говорилъ онъ, чтобы маркизъ Велёпольскій подалъ руку графу Замойскому? Хотите ли вы, чтобы мятежъ въ Польшѣ прекратился и чтобъ изъ предѣловъ Россіи была на вѣки изгнана революція? Это возможно только «при согласіи Императора съ Поляками». «Неужели», спрашиваетъ достопочтенный польскій патріотъ, «невозможно соглашеніе между «Россіей и Польшей? Напротивъ, по моему мнѣнію, это самое «легкое дѣло, коль скоро приняться за него серіознымъ образомъ. Если правительство захочетъ удовольствоваться подавленіемъ возстанія, то, безъ сомнѣнія, оно успѣетъ въ этомъ, «но что̀ пользы? Дѣло попрежнему останется не рѣшеннымъ, «въ ожиданіи новаго и скораго взрыва неудовольствія. Что же «можетъ сдѣлать Императоръ для удовлетворенія законнаго «желанія Поляковъ? Умѣренная партія уже отвѣчала на этотъ «вопросъ. Великій Князь Константинъ спросилъ у графа Андрея «Замойскаго, человѣка облеченнаго довѣріемъ стравы: какія «у Поляковъ желанія, и при какихъ условіяхъ граждане, не «принадлежащіе къ революціонерамъ, могутъ искренно поддер«живать правительство? Графъ собралъ у себя многочисленныхъ «друзей и отвѣчалъ, что Царство *прежде всего* желаетъ со«единенія съ областями Литвы, Бѣлоруссіи и Малороссіи. Дво«рянство этихъ самыхъ губерній, лежащихъ за Бугомъ и

«Нѣманомъ, выразило то же желаніе, требуя своего присоединенія «къ Царству Польскому.»

Польскій патріотъ-джентльменъ съ улыбкой предоставлялъ ученымъ разбирать вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ эти области были колыбелью русской народности; онъ съ улыбкой соглашался, что огромное большинство народонаселенія этихъ областей—не Поляки. При этомъ онъ въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ отзывался о нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ, и подкрѣплялъ свою мысль слѣдующимъ соображеніемъ: «Представьте себѣ,» говорилъ онъ, «что къ землевладѣльцу у которого сто деревень, жители двадцати изъ этихъ деревень «приходятъ просить его чтобъ онъ поставилъ ихъ подъ одно «управленіе, отдѣленное отъ остальныхъ земель этого крупнаго «землевладѣльца. Они получаютъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «хорошо, лишь бы только мое богатство и мои доходы отъ «того не потерпѣли, а увеличились.... Императоръ Всероссійскій и Царь Польскій потерпитъ ли ущербъ въ своемъ могуществѣ, если часть этихъ Всѣхъ Россій будетъ тѣснѣе соединена съ Польшей? Напротивъ, онъ станетъ могущественнѣе, «потому что будетъ богаче.... Какое могущество и какое счастіе для императорскаго правительства! Императорское правительство будетъ имѣть тогда смиренныхъ, преданныхъ и покорныхъ подданныхъ.»

Затѣмъ онъ обращался къ нашимъ государственнымъ людямъ. «Позвольте», говорилъ онъ, «русскіе государственные мужи, «открыть вамъ средство управлять польскими провинціями». И вотъ этотъ почтенный господинъ, врагъ демагогіи и революціи, чтитель дворянскихъ привилегій, предложившій присоединить къ Царству Польскому весь западный край Имперіи, потому только что дворянство въ немъ по преимуществу польское, совѣтуетъ русскимъ государственнымъ мужамъ подсѣчь дворянство въ польскихъ провинціяхъ и опереться на крестьянъ. Для этой цѣли онъ предлагаетъ учредить въ распространенномъ такимъ образомъ Царствѣ Польскомъ представительный образъ правленія съ двумя камерами, и при томъ такъ чтобы представители народа выбирались поголовною подачей голосовъ. Онъ

съ удовольствіемъ помышляетъ, какъ въ варшавской палатѣ представителей будутъ засѣдать мужички въ овчинныхъ тулупахъ изъ Малороссіи и Бѣлоруссіи. «Такимъ способомъ», говорилъ онъ, «все было бы устроено какъ нельзя лучше. Польское дворянство «всегда было анархическихъ свойствъ... Богатые часто предаются «причудамъ честолюбиваго воображенія. Если богатому труднѣе «войти въ Царство Небесное, чѣмъ верблюду пройти чрезъ «игольныя уши, то по той же причинѣ богатому трудно имѣть «на политическіе предметы вѣрное воззрѣніе... Дворянство, «какъ богатое такъ и бѣдное, часто забываетъ законность своего «дѣла, ищетъ самоубійственнаго оружія въ арсеналѣ революціонныхъ идей. Если, говорилъ онъ, Царство Польское раз«двинетъ свои предѣлы за Бугъ и за Нѣманъ, и бѣлорусскіе «и малорусскіе крестьяне будутъ засѣдать въ варшавскомъ «сеймѣ, то императорское правительство найдетъ себѣ въ этомъ «великую опору. Чѣмъ обширнѣе будетъ Польша, тѣмъ стало«быть больше будетъ въ ней элементовъ русскихъ. Безъ со«мнѣнія, заключалъ онъ, всѣ эти мѣры не дадутъ вѣчнаго «союза между Россіей и Польшей: въ мірѣ семъ нѣтъ ничего «вѣчнаго. Но коль скоро мѣры эти будутъ приняты, то мар«кизъ Велёпольскій можетъ подать руку графу Замойскому.»

Таково было знаменіе въ первые дни февраля мѣсяца прошлаго года. Знаменіе это вышло брошюркой, изданною въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: *L'Armistice entre les Russes et les Polonais proposé par le comte Edouard Lubienski le 2 fevrier 1863.* Желающихъ ознакомиться съ этимъ явленіемъ ближе мы отсылаемъ къ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за прошлый годъ, гдѣ въ статьѣ подъ заглавіемъ *Русскій Вопросъ* идетъ рѣчь о вышеупомянутой брошюркѣ. Брошюрка эта могла показаться не заслуживающею серіознаго вниманія. Она показываетъ, какое тогда имѣли мнѣніе о насъ. Наши дѣла находились въ такомъ градусѣ, что считалось возможнымъ говорить съ нами какъ съ дѣтьми и уловлять насъ самыми патріархальными сѣтями. Брошюрка эта показала намъ, съ какою добродушною откровенностію могъ быть поставленъ вопросъ, который еще не появлялся въ дипломатіи, хотя онъ въ послѣднее время

у всѣхъ на умѣ,—вопросъ *русскій*, вопросъ о существованіи Русскаго государства. Мы обратили на эту брошюрку надлежащее вниманіе. Нѣкоторые изъ читателей удивлялись этому, точно также какъ стали бы удивляться серіозной критической статьѣ посвященной плохому роману, писанному для самыхъ невзыскательныхъ читателей; но мы не ошиблись, отличивъ именно эту брошюрку во множествѣ всякой всячины, печатавшейся тогда по польскому дѣлу. Только теперь стало извѣстно что въ цѣлой Россіи обрѣтается нѣсколько человѣкъ обладающихъ самостоятельнымъ сужденіемъ; это мы узнали изъ поучительнаго памфлета, о которомъ говорено было недавно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№№ 195 и 196), памфлета, вышедшаго въ Брюсселѣ подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти. Въ то время не было еще сдѣлано этого открытія, и потому досточтимый графъ Лубенскій полагалъ, что въ цѣлой Россіи не найдется ни одного человѣка, котораго не могла бы прельстить мудрость его политики. Онъ былъ въ положительной увѣренности, что имѣетъ дѣло съ ордой Чингисхана и что ему не было никакой надобности прибѣгать къ какимъ-нибудь искуснымъ пріемамъ и изворотамъ.

Но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ; дѣла значительно измѣнились; мятежъ давно уже подавленный въ западномъ краѣ вздыхалъ и въ Варшавѣ. Россія вышла побѣдительницей изъ дипломатическаго состязанія, и агитація европейская прекратилась. Русскій народъ обнаружилъ духъ, смыслъ и силу, какихъ не подозрѣвали въ немъ европейскіе политики и польскіе патріоты. Блестящіе замыслы разлетѣлись, дѣйствительность вступала въ свои права. Почтенный, благочестивый и обильный мудрыми совѣтами патріотъ, титулованный землевладѣлецъ, предлагавшій Русскимъ перемиріе съ Поляками, на столь выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, пропалъ безъ вѣсти; на горизонтѣ не оставалось и слѣда отъ февральскаго знаменія; брошюрка вышедшая въ Лейпцигѣ канула въ Лету. Въ то время явилось новое знаменіе... *Tu zeszła zmiana w scenach mojego widzenia*... Явился въ оборванной одеждѣ, изнуренный, на деревяшкѣ, благороднаго вида повстанецъ, испытавшій всѣ

бѣдствія лѣсной войны и еще болѣе испытавшій горечь разочарованія, погрузившаго въ скорбь его душу. Взоръ его исполненъ смиренія и покорности Провидѣнію, но уныніе въ немъ незамѣтно; онъ изнуренъ, но еще бодръ; онъ разочарованъ, но не утратилъ надежды. Онъ сталъ опытнѣе, онъ понялъ, что наступила пора интриги, тонкой, осмотрительной, снабженной средствами подѣйствовать на разумѣніе людей немножко болѣе разборчивыхъ чѣмъ та публика которую воображалъ предъ собою графъ Лубенскій. Интересный повстанецъ понялъ, что обстоятельства отнюдь не дозволяютъ дѣлать такія предложенія и совѣты, какія дѣлалъ польскій патріотъ въ февралѣ мѣсяцѣ. Онъ простеръ свою заботливость даже до того, что захотѣлъ обратиться къ публикѣ на хорошемъ французскомъ языкѣ. Онъ счелъ при этомъ приличнѣе адресоваться не прямо къ русскимъ государственнымъ мужамъ, но къ мужамъ подземнаго жонда. Онъ пишетъ письмо членамъ тайнаго польскаго правительства засѣдающаго въ Варшавѣ; но онъ желаетъ, чтобы письмо его не осталось тайною для свѣта, онъ желаетъ чтобы письмо его было прочтено всѣми, и безъ всякаго сомнѣнія онъ желаетъ, чтобъ оно было прочтено русскими государственными мужами. И вотъ мы видимъ, какъ этотъ меланхолическій повстанецъ ковыляетъ на своей деревяшкѣ якобы изъ Лемберга въ Брюссель, гдѣ живетъ наилучшій и истинный другъ Польши. Этотъ истинный другъ Польши есть нѣкто г. Шедо-Ферроти, причисляющій себя къ Русскимъ. Повстанецъ обращается къ нему съ просьбой облечь его смыслъ въ возможно лучшую французскую рѣчь и пустить въ свѣтъ. Возвратившійся изъ лѣсу повстанецъ, не менѣе чѣмъ титулованный польскій землевладѣлецъ, негодуетъ на революціонеровъ, которые привели Польшу на край гибели. При всемъ должномъ почтеніи къ достоинству правительственныхъ лицъ, руководившихъ мятежомъ, правдивый повстанецъ не щадитъ ихъ и изобличаетъ плутовство и ложь, которыя были его главными орудіями. Храбрый воинъ, потерявшій ногу на полѣ битвы, онъ говоритъ съ достоинствомъ: я сражался за родину, но лгать за родину не буду! Но странно, изъявляя глубокую антипатію ко лжи и ко всякаго рода недобросовѣстнымъ дѣйствіямъ

и интригамъ, онъ сѣтуетъ на вождей мятежа собственно не за то что они лгали, а только за то, что они не умѣли лгать съ толкомъ. Вся бѣда въ томъ, что они лгали неправдоподобно и плутовали неловко. Онъ хвалитъ ихъ тамъ, гдѣ они дѣйствовали ловко и успѣшно; но онъ негодуетъ на нихъ за то, что они не сумѣли до конца выдержать свою роль. Онъ проситъ ихъ кинуть игру, въ которой они оказались такими плохими артистами; но онъ не довольствуется простымъ урокомъ и хочетъ показать имъ собою примѣръ какъ поступать въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ. Настаивать, какъ настаивалъ титулованный землевладѣлецъ въ началѣ февраля, на немедленномъ присоединеніи Волыни и Подоліи *и пр. пр.* къ Царству Польскому было бы теперь глупо. Если это не удалось въ февралѣ мѣсяцѣ, то какъ могло бы это удасться въ сентябрѣ, когда мятежъ потерялъ всѣ свои надежды? Надобно, напротивъ, показать видъ, что польскій патріотизмъ отрезвился; что онъ вошелъ въ самые скромные предѣлы, что онъ не желаетъ болѣе ничего какъ сохраненія за польскою національностію того клочка земли, который находится теперь въ двусмысленномъ положеніи подъ именемъ Царства Польскаго. На этомъ клочкѣ земли польская національность должна возродиться къ новому существованію; но для этого ей слѣдуетъ порвать всякую связь съ своимъ прошедшимъ. А такъ какъ духъ старой Польши заключается главнымъ образомъ въ польскомъ дворянствѣ, то надобно опереться на крестьянство. Крестьянъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ созвать на варшавскій сеймъ оказывается теперь совершенно невозможнымъ, а потому надобно заявить, что всѣ здравомыслящіе польскіе патріоты согласны удовольствоваться одною Конгрессовкой, но на томъ условіи, чтобъ она, оставаясь подъ Русскою державой, получила полнѣйшую политическую самостоятельность и конституцію несравненно болѣе сильную чѣмъ конституція 1815 года, съ сеймомъ многочисленнымъ, составленнымъ на основаніи самаго низкаго ценза, или даже поголовщины, стало-быть преимущественно на основаніи крестьянскихъ выборовъ; наконецъ, чтобы сеймъ этотъ засѣдалъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году, и управлялъ всѣми

дѣлами края. Поймите, безмозглые,—таковъ былъ смыслъ рѣчи которую обращалъ онъ къ своимъ компатріотамъ,—поймите всю важность этого плана! Сосредоточьте на немъ всѣ ваши усилія; направьте всѣ ваши обманы въ эту сторону. Если вы не будете разбѣгаться въ сторону, если вы примѣните къ политическимъ предметамъ педагогическое правило *non multa sed multum*, то вы навѣрное достигнете цѣли. Употребляйте всѣ усилія къ тому чтобъ успокоить Россію относительно вашихъ притязаній на ея западный край: твердите, что присоединеніе этого края не только не желательно для васъ, но даже противно нашимъ видамъ. При такой съ вашей стороны благонравности, Русское правительство будетъ очень радо способствовать вамъ къ перерожденію Польши на новыхъ основаніяхъ. Оно не можетъ не знать, что польское крестьянство не сочувствуетъ мятежу и революціи, что оно исполнено антипатіи къ папамъ и шляхтѣ, что оно совершенно предано Царю. Изъявите же желаніе, чтобы будущее устройство Польши было основано на крестьянствѣ. Правительство Русское убѣдится изъ этого въ вашей искренности, и, если вы будете умно поступать, приметъ вашъ планъ и положитъ самое надежное основаніе дѣлу, которому вы служите и которому такъ вредите.

Вотъ смыслъ длинной и занимательной рѣчи, которую велъ польскій патріотъ, возвратившійся изъ лѣсовъ, устами человѣка, который, по мнѣнію этого повстанца, по преимуществу заслуживаетъ названіе «истиннаго друга Польши». Этотъ человѣкъ, plus Polonais que les Polonais eux-mêmes, есть, по странному стеченію обстоятельствъ, нѣкто г. Шедо-Ферроти, причисляющій себя къ Русскимъ. Мы сейчасъ говорили о брошюркѣ изданной въ половинѣ прошлаго года, въ Брюсселѣ, подъ заглавіемъ: *Lettre d'un patriote polonais au gouvernement national de la Pologne* avec une préface et quelques notes explicatives par M. Schédo Ferroti. Bruxelles 1863. Желающихъ ближе познакомиться съ этимъ знаменіемъ, или припомнить его подробности, мы отсылаемъ къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*, за прошлый годъ (№№ 225, 227, 228 и 229). Мы заключили тогда нашъ отзывъ объ этомъ явленіи слѣдующими словами:

«Дались же однако крестьяне польскимъ патріотамъ! Еще въ началѣ возстанія графъ Лубенскій, котораго цитуетъ и г. Питкевичъ, предлагалъ устроить въ Варшавѣ парламентъ, гдѣ засѣдали бы въ овчинныхъ тулупахъ наши мужички изъ Кіевской, Волынской, Минской и другихъ губерній. Планъ этотъ не удался, и вотъ теперь, предъ послѣднимъ издыханіемъ мятежа, другой польскій патріотъ, въ посланіи писанномъ къ таинственнымъ властямъ *жонда* и публикованномъ для свѣдѣнія Россіи, поневолѣ обрѣзываетъ планъ графа Лубенскаго и соглашается удовольствоваться обдѣлкой крестьянъ одного Царства Польскаго....»

Однако, кто же этотъ г. Шедо-Ферроти, съ которымъ такъ таинственно связано польское дѣло? Что онъ такое? Мы сейчасъ видѣли какъ относится къ нему польскій патріотъ. Онъ не Полякъ, онъ причисляетъ себя къ Русскимъ: почему же польскій патріотъ, который *бѣгалъ до лясу*, пожертвовалъ Польшѣ частію своей ноги, въ трудную минуту, когда дѣло его казалось почти совсѣмъ проиграннымъ, обращается къ нему какъ къ самому надежному охранителю и двигателю этого польскаго дѣла? «Я», говоритъ польскій патріотъ, обращаясь къ г-ну Шедо-Ферроти, «прочиталъ множество сочиненій касающихся Польши и ея нынѣшняго состоянія; авторы этихъ сочиненій, защищая ея дѣло каждый съ своей точки зрѣнія, «конечно доказали въ нихъ патріотизмъ и преданность Польшѣ, «и однако я не задумаюсь сказать, что изъ нихъ нѣтъ ни «одного, который бы въ такой мѣрѣ былъ истиннымъ другомъ «Польши какъ вы». Странно! Польскій патріотъ и повстанецъ объявляетъ, что сколько ни встрѣчалъ онъ польскихъ патріотовъ, онъ не знаетъ ни одного кто бы такъ радѣлъ польскому дѣлу, какъ этотъ таинственный господинъ вовсе не принадлежащій къ Полякамъ. Какъ объяснить это? Понятно, что Полякъ, въ которомъ возбуждено національное чувство, хлопочетъ о польскомъ дѣлѣ; понятно, что ему можетъ быть оно дорого; понятно, наконецъ, что польскій патріотъ знаетъ въ чемъ состоитъ его дѣло и чего онъ хочетъ; но рѣшительно непонятно какимъ образомъ человѣкъ посторонній и чужой, не имѣющій

никакого призванія служить этому дѣлу, не чувствующій его въ своей душѣ, можетъ знать его лучше чѣмъ самые преданные ему люди, проникнутые его интересами, и притомъ лучше чѣмъ самые просвѣщенные и благоразумные изъ нихъ.

И однако мы должны признать фактъ, признать его въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ выдается. Мы должны повѣрить что есть элементы, вовсе не проникнутые польскимъ чувствомъ и чуждые его дѣлу,—элементы и причисляющіе себя даже къ Русскимъ, но на которыхъ польскій патріотизмъ возлагаетъ свои надежды гораздо болѣе чѣмъ на польскихъ патріотовъ. И мы вѣримъ этому. Вникая въ дѣло, мы убѣждаемся, что такъ дѣйствительно и должно быть. Въ самомъ дѣлѣ, былъ ли бы возможенъ польскій патріотизмъ, еслибы въ русскихъ дѣлахъ не было ничего сомнительнаго? Польскій патріотизмъ не могъ бы возникнуть; ему не было бы ни почвы, ни пищи, еслибы въ русскихъ дѣлахъ, какъ и во всякихъ дѣлахъ, не было своихъ слабыхъ сторонъ, своихъ уязвимыхъ мѣстъ. Не присоединя къ себѣ Россія въ 1815 году герцогства Варшавскаго, подъ титуломъ Царства Польскаго, или присоединя она его къ своимъ владѣніямъ на другихъ основаніяхъ,—гдѣ былъ бы теперь польскій патріотизмъ, гдѣ была бы польская идея? Все что̀ не доброжелательствуетъ Русскому народу или государству, съ какой ты то ни было точки зрѣнія и въ какомъ бы то ни было интересѣ, все то есть корень и сила нынѣшняго польскаго патріотизма. Этотъ патріотизмъ не есть что-нибудь положительное, онъ—явленіе отрицательнаго свойства. Польской національности никому не нужно, никто о ней серіозно не заботится; весь вопросъ заключается въ русской національности, и всякій элементъ клонящійся къ ея ослабленію, униженію или раздробленію,—элементъ внутренній или внѣшній,—долженъ казаться въ глазахъ польскаго патріота наилучшимъ и надежнѣйшимъ изо всѣхъ элементовъ его дѣла.

И вотъ, теперь, когда повидимому все кончилось, но когда поистинѣ все только что начинается, предъ нами новое, третье знаменіе. Предъ нами не польскій графъ, не повстанецъ, возвратившійся изъ лѣсу,—предъ нами безличная личность, въ

которой нѣтъ ничего положительно-польскаго, но въ которой оказывается все отрицательно-русское, и польское, и лифляндское, и финляндское, и украйнофильское, и, если угодно, черкесское. Эта отрицательная величина обращается къ Россіи на хорошемъ французскомъ діалектѣ. Всѣ пріемы оратора отличаются полнѣйшею самонадѣянностію. Онъ повидимому совершенно увѣренъ, что публика, на которую нужно ему подѣйствовать, легко дастся ему въ руку,—и никогда еще, сколько мы знаемъ, интрига не была такъ дерзка и такъ безсовѣстна, никогда аргументы *ad hominem* не были такъ оскорбительны. Нѣтъ и тѣни той наивности, съ какою почтенный польскій графъ въ февралѣ прошлаго года обращался къ Россіи, воображая ее себѣ подъ видомъ монгольской орды; нѣтъ и тѣни того плутоватаго смиренія, которымъ украсилъ себя повстанецъ на деревяшкѣ. Предъ нами господинъ совершенно отложившій всякую надежду убѣдить кого-нибудь изъ людей способныхъ къ самостоятельному сужденію; предъ нами господинъ рѣшившійся на отважное дѣло говорить въ глаза противъ всякой очевидности, съ полною увѣренностію въ успѣхѣ. Онъ поступаетъ какъ фокусникъ, который очень хорошо знаетъ, что среди его публики есть нѣсколько человѣкъ у которыхъ нельзя отвести глаза, но которые ни мало не помѣшаютъ ему обаять остальную публику.

Онъ говоритъ какъ бы такимъ образомъ: въ Русскомъ народѣ, въ русскомъ обществѣ наберется лишь безконечно малое число людей (peu, infiniment peu) способныхъ къ самостоятельному сужденію, которыхъ можно было бы сравнить съ молодыми людьми кончившими университетское образованіе. Но я вовсе не хочу считаться съ ними; я говорю въ ихъ присутствіи, но не обращаю на нихъ никакого вниманія и не опасаюсь ихъ возраженій. Я не сдѣлаю ни одного шага, и не скажу ни одного слова, для того чтобы замаскировать мое дѣло. Мнѣ не нужно ни убѣждать, ни обманывать умныхъ людей; я имѣю въ виду подѣйствовать только на людей у которыхъ въ головѣ все развинчено и которые не смогутъ отличить бѣлаго отъ чернаго, а таковы почти всѣ господа Русскіе, и потому голосъ

здраваго смысла не можетъ подѣйствовать на ту среду въ которой я оперирую. Я буду явно издѣваться надъ здравымъ смысломъ, и всякій кто вздумалъ бы поднять голосъ на защиту его останется со стыдомъ. Пусть уличаютъ меня: всякаго кто заговоритъ съ точки зрѣнія здраваго смысла я ославлю сумасшедшимъ; всякаго кто въ Россіи скажетъ слово въ интересѣ Россіи я объявлю опаснымъ человѣкомъ и мятежникомъ. Я такъ увѣренъ въ скудоуміи среды къ которой я обращаюсь, что не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ моемъ успѣхѣ. Вотъ вамъ для примѣра блистательный фокусъ, который я сейчасъ покажу, и который всего лучше можетъ засвидѣтельствовать вамъ о моей отвагѣ и о моей увѣренности. Вотъ, смотрите, я подхожу къ человѣку больному, или мнимо-больному, и говорю ему: «Любезный другъ! Есть два средства, которыя тебѣ предлагаютъ: одно—добрая порція крѣпкаго яда, которая сразу переселитъ тебя въ вѣчность; другое—хлѣбъ и прочія съѣдобныя вещества, которыя могутъ возстановить твои силы. Оба эти средства заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, но и то, и другое едва ли годятся тебѣ; и то и другое—крайности, съ тою однако разницей, что первое средство гораздо благороднѣе и возвышеннѣе, между тѣмъ какъ другое слишкомъ грубо и вещественно. Ты, конечно, не рѣшишься на первое средство; ты не захочешь принять чистаго яду и отправиться разомъ на тотъ свѣтъ. Я понимаю твое сопротивленіе, и не буду понуждать тебя къ такому акту; но ты отнюдь не долженъ прибѣгать и ко второй, гораздо болѣе грубой, крайности. Всего лучше избрать середину и примирить обѣ противоположности. Это удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ и это будетъ дѣйствіемъ истинно философскимъ. Возьми мышьяку, который предлагаютъ тебѣ съ одной стороны, и вкушай его съ хлѣбомъ, который предлагаютъ тебѣ съ другой: ты незамѣтно избавишься отъ всѣхъ золъ и исцѣлишься». Что жъ? какъ вы думаете? Субъектъ мой послѣдуетъ, непремѣнно послѣдуетъ моему совѣту. Я обращаюсь къ Россіи, и говорю ей: «Предъ тобою двѣ партіи; вотъ съ одной стороны люди революціи, которые хотятъ уничтожить тебя; вотъ съ другой такъ называемые патріоты, которые хлопочутъ о твоемъ единствѣ, о

твоей цѣлости, о твоемъ процвѣтаніи; и та, и другая партія имѣютъ кое-что сказать въ свою пользу; и та и другая не лишены нѣкотораго основанія; однако и та и другая—не болѣе какъ крайности, съ тою только разницей, что партія которая желаетъ разрушить тебя отличается образомъ мыслей болѣе возвышеннымъ чѣмъ партія противоположная. «Точка зрѣнія «лондонскаго публициста возвышеннѣе чѣмъ та на которую «становятся московскіе патріоты. Вдохновляясь идеей гумани«тарною, г. Герценъ желалъ бы достигнуть рѣшенія соціальной «задачи для цѣлаго міра. Онъ дѣлаетъ отвлеченіе отъ очерта«нія границъ, обозначающихъ территоріальное протяженіе го«сударствъ, онъ желаетъ доставить *благосостояніе всѣмъ*; для «этой цѣли онъ предлагаетъ Россіи приступить къ политическому «самоубійству» *. «Что же касается до такъ называемыхъ патріотовъ, то они желаютъ твоего сохраненія. Ты, конечно, будешь съ яростію отбиваться отъ нападенія; ты, конечно, не согласишься съ тѣми которые откровенно скажутъ тебѣ: умирай. Я признаю за тобою инстинктъ самосохраненія, какъ не могу не признать его и за устрицей; но что воспретитъ тебѣ инстинктъ самосохраненія, то, я увѣренъ, исполнишь ты очень охотно по твоему слабоумію, которому я легко дамъ въ твоихъ глазахъ цѣну великодушія и мудрости. Ты не дашь раздробить себя, но ты повѣришь, непремѣнно повѣришь, что тебѣ грѣшно заботиться о своемъ единствѣ и блюсти свою цѣлость. Ты не поймешь того, что раздробить государство и разрушить его единство одно и то же; ты еще менѣе поймешь, что раздробить тебя можно всего вѣрнѣе и успѣшнѣе постепеннымъ и незамѣтнымъ процессомъ, такъ что ты и самъ не почувствуешь, какъ ты улетучишься въ человѣчество, и какъ различныя группы на которыя ты разложишься войдутъ въ составъ другихъ государствъ. Ты непремѣнно повѣришь мнѣ, когда я скажу тебѣ, что сохраненіе твоего единства есть дѣло невеликодушное и негуманное, что слѣдовать внушеніямъ твоего русскаго патріотизма значитъ идти ad absurdum, то-есть до нелѣпости. Тебѣ

* *Que ferait-on de la Pologne?* Стр. 208.

предлагаютъ съ одной стороны раздробиться. съ другой стороны тебѣ совѣтуютъ укрѣпить твое единство и собрать твои силы для жизни и развитія. Перваго ты не хочешь, втораго ты не должна хотѣть. Послушай же меня: соединя мышьякъ съ хлѣбомъ, и раздробись подъ видомъ мнимаго единства, которое не замедлитъ улетучиться, и ты незамѣтнымъ образомъ отыдешь отъ міра сего.»

Ни графъ Лубенскій, ни повстанецъ Питкевичъ на волю Русскаго народа не ссылались, они обращались къ правительству Русскому прямо или косвенно, и предлагали ему свои совѣты. Новый устроитель судебъ Польши вооружается волею Русскаго народа въ подкрѣпленіе своихъ совѣтовъ. Изобразивъ Русскій народъ какъ безсмысленную массу, на которую не стоитъ обращать вниманія и съ которою можно поступать какъ угодно, онъ тѣмъ не менѣе возвѣщаетъ мнѣнія этой массы дикарей и истолковываетъ ихъ какъ непреложный приговоръ. До сихъ поръ, говоря объ обязательствахъ Русскаго правительства относительно Польши, всѣ ссылались на Вѣнскій трактатъ, а новый ораторъ ссылается ужь и на волю Русскаго народа. Что Польша неразрывно соединена съ Россіей,—это, говоритъ ораторъ, свято, это непреложно; такъ пожелала орда, называемая Русскимъ народомъ; въ своихъ комиціяхъ она поголовно постановила, что Польша неразрывно соединена съ Россіей. Зачѣмъ бы кажется понадобилась этой массѣ дикарей Польша присоединенная къ Россіи? Зачѣмъ нужно справляться съ мнѣніями этой орды? Фокусникъ лукаво улыбается; онъ совершенно убѣдился, что всего благопріятнѣе для польскаго дѣла, всего выгоднѣе въ интересахъ враждебныхъ цѣлости Русскаго государства,— удержаніе Царства Польскаго подъ Русскою державой въ качествѣ особаго политическаго организма А потому, утвердивъ за Русскимъ престоломъ, на основаніи торжественнаго *плебисцита* дикарей, то право, котораго никто не оспаривалъ и которое ни одному изъ враждебныхъ Россіи интересовъ нѣтъ ни малѣйшей выгоды оспаривать въ настоящее время, превративъ это право въ обязанность для Русскаго правительства, онъ въ то же время настаиваетъ на другой священной обязанности

Русскаго правительства—даровать Царству Польскому положеніе чуждое и неизбѣжно враждебное относительно Россіи. Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы Россія оставалась въ неразрывномъ соединеніи съ врагомъ, не принимая никакихъ мѣръ ни къ тому чтобъ обезоружить его, ни къ тому чтобъ отдѣлаться отъ него. Съ неистощимою изворотливостію ябедника, онъ подыскиваетъ все что́ могло бы компрометтировать Русское правительство въ этомъ смыслѣ. Съ бо́льшимъ усердіемъ чѣмъ лордъ Россель или г. Друэнъ де-Люисъ въ своихъ депешахъ, съ большею ревностью чѣмъ всѣ благоразумные и неблагоразумные польскіе патріоты старается онъ растолковать каждое слово Русскаго правительства въ смыслѣ наиболѣе связывающемъ свободу его дѣйствій. И текстъ Вѣнскихъ трактатовъ, и прошлогодняя дипломатическая переписка, и высочайшіе рескрипты, и наконецъ воля русскаго мужичка, заявленная въ такой формулѣ: «*poust jivout po sroétou sakonou*», все употребляется для этой цѣли. Какъ бы ни было неопредѣленно какое-нибудь выраженіе, онъ непремѣнно истолковываетъ его въ опредѣленномъ смыслѣ, и о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій Русскаго правительства относительно Польши говоритъ какъ о дѣлѣ безповоротно рѣшенномъ, и всякое слово высказанное не въ ту сторону, въ какую ораторъ непремѣнно хочетъ склонить Русское правительство, выставляетъ какъ бунтъ, и виновныхъ въ томъ ставитъ предъ одну судную коммиссію съ жандармами-вѣшателями. Или вы должны принять программу повстанца Питкевича, говоритъ онъ, посматривая вокругъ, или вы мятежники и съ вами будетъ поступлено по законамъ.

Положивъ начала, онъ и развиваетъ ихъ. Онъ сравниваетъ Польскій народъ съ Русскимъ и приходитъ къ заключенію, что обѣ національности не могутъ быть устроены на однихъ и тѣхъ же политическихъ основаніяхъ, не могутъ быть одною и тою же политическою націей. Русскій народъ есть громадное сборище простодушнѣйшихъ дикарей, которымъ все равно какъ бы ими ни управляли; имъ все равно какая бы власть ни простиралась надъ ними, хотя бы польская, хотя бы нѣмецкая, хотя бы татарская. Нужды нѣтъ, что Русскій народъ имѣлъ

тысячелѣтнее политическое существованіе, что его свойства созданы долговременнымъ и труднымъ государственнымъ развитіемъ, что его склонности и инстинкты не случайность, также не первобытная наивность, а великій фактъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться всякому просвѣщенному уму ищущему правды и истины; нужды нѣтъ, что Русскій народъ находится не подъ какою-нибудь чуждою властію, а подъ своею собственною верховною властію, которую онъ свято соблюлъ и которую утвердилъ и возвеличилъ съ величайшими пожертвованіями; нужды нѣтъ, что Русскій народъ есть крѣпко организованное государство, что къ Русскому народу принадлежитъ и Русское правительство, что Русскій народъ прежде всего есть стоящая во главѣ его верховная власть.... Но ловкій фокусникъ не опасается этихъ возраженій: такъ увѣренъ онъ въ податливости своей публики. Онъ продолжаетъ развивать свою тему. Насколько Русскій народъ негоденъ или незрѣлъ въ политическомъ отношеніи, настолько годенъ и зрѣлъ народъ Польскій. Для Россіи онъ беретъ мѣркой понятія и взгляды не людей знакомыхъ съ правительственнымъ дѣломъ, также не тѣхъ общественныхъ классовъ которые имѣютъ политическое значеніе, а массы простодушныхъ людей, которые въ случаѣ войны съ Французами, говорятъ: «французскій Нѣмецъ бунтуетъ»; мѣркой же того что должно быть сдѣлано съ Польшей беретъ онъ не понятія или желанія большинства населяющаго деревни Царства Польскаго— людей которыхъ еще надобно прежде обратить въ Поляковъ, потому что они не хотятъ называть себя этимъ именемъ и менѣе всего довѣряютъ польскимъ патріотамъ, а понятія и желанія князей Чарторыйскихъ, графовъ Замойскихъ и Лубенскихъ, или повстанцевъ Питкевичей. Онъ не хочетъ знать, что въ Польскомъ краѣ, менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, и несравненно менѣе чѣмъ въ Россіи, можетъ быть согласіе въ желаніяхъ и чувствованіяхъ всѣхъ элементовъ народонаселенія. Онъ утверждаетъ, что верховная власть должна непремѣнно стать въ другія отношенія къ народу въ Царствѣ Польскомъ чѣмъ къ Русскому народу. Если Русскій народъ, какъ объясняетъ онъ, по невѣжеству, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, довѣряетъ

верховной власти, то Польскій народъ имѣетъ причины не довѣрять ей, какъ потому что онъ просвѣщеннѣе Русскаго, такъ и потому что агенты власти въ Царствѣ Польскомъ вели себя не хорошо и ознаменовали себя злоупотребленіями. Ему нужды нѣтъ, что горсть умныхъ людей можетъ возразить ему, что агенты власти могли ознаменовать себя злоупотребленіями не въ одномъ Царствѣ Польскомъ, но и посреди кореннаго Русскаго народа; что въ администраціи Имперіи насчитывается напримѣръ слишкомъ 30.000 мѣстъ занимаемыхъ людьми польскаго происхожденія, которые менѣе внушаютъ къ себѣ довѣріе народа, нежели польскимъ крестьянамъ русскіе чиновники, въ которыхъ они видятъ въ настоящее время единственную свою надежду и оборону отъ ксендзовъ и шляхты, всегда составлявшей особую націю.

Удержаніе Царства Польскаго при Россіи нужно вовсе не во исполненіе воли Русскаго народа, вовсе не въ интересѣ Россіи. Нечего тутъ ссылаться на волю Русскаго народа. Какою безсмысленною ордой ни казался бы кому-нибудь Русскій народъ, нельзя ожидать чтобъ онъ могъ кипѣть патріотизмомъ по отношенію къ краю совершенно ему чуждому и враждебному. При тѣхъ условіяхъ въ какія хотятъ польскіе патріоты поставить эту область относительно Русской державы, ея удержаніе можетъ быть полезно только какъ принципъ разложенія Россіи. Существованіе особаго польскаго государства подъ одною съ Россіей державой должно неизбѣжно оказывать разлагающее дѣйствіе на весь ея составъ, и прежде всего на тѣ губерніи которыя нѣкогда составляли Западную и Литовскую Русь и входили въ составъ старой Польши. Относительно западнаго края есть двѣ программы: одна требуетъ немедленнаго соединенія его съ Царствомъ Польскимъ и чрезъ то возможно полнѣйшаго возстановленія границъ Рѣчи Посполитой на востокъ, если не на западъ. Подъ вліяніемъ этой программы, подольское дворянство подавало свой адресъ въ 1862 году; эту программу предъявляли тѣ польскіе землевладѣльцы которые въ томъ же году собирались у графа Замойскаго въ Варшавѣ; эту программу излагалъ въ своей брошюрѣ графъ Лубенскій. Программа эта

соотвѣтствуетъ преимущественно настроенію польскаго чувства въ юго-западномъ краѣ. Но въ то же самое время, когда дѣлались попытки къ соединенію западныхъ губерній съ Конгрессовкой, въ сѣверо-западномъ краѣ предъявлялась другая программа, которая находилась въ прямомъ соотвѣтствіи съ планомъ маркиза Велёпольскаго. Рядомъ съ автономіей Царства Польскаго, эта программа ставитъ автономію западнаго края подъ титуломъ Великаго Княжества Литовскаго. Событія прошлаго года отняли всякую возможность у польскихъ патріотовъ настаивать на немедленномъ осуществленіи юго-западной программы, эти событія заставили также притаиться и программу сѣверо-западную. Но, притаившись, она не исчезла. Повстанецъ Питкевичъ, требовавшій особаго государственнаго устройства для Конгрессовки, великодушно отказывался отъ западнаго края, но онъ не счелъ нужнымъ скрыть, что желаетъ сохраненія польской національности въ этомъ краѣ. «Истинный другъ Польши», явившійся въ то время когда повидимому все кончилось, но когда въ сущности все только что начинается,— также великодушно отказывается отъ этого края. Но онъ не скрываетъ насмѣшливой улыбки, называя этотъ край русскимъ: онъ очень хорошо знаетъ, что хотя бы не три раза, а три тысячи разъ сряду провозгласить его русскимъ, край этотъ ни на волосъ не станетъ отъ этого русскимъ. И въ этомъ пунктѣ также онъ охотно ссылается на священную волю Русскаго народа, которую эта орда поголовно заявила въ своихъ комиціяхъ. Но ничего не можетъ быть коварнѣе той уловки съ которою онъ цитуетъ какую-то программу какой-то русской патріотической партіи относительно западнаго края, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ существуетъ организованная патріотическая партія, которая установила для себя общую программу. Онъ цитуетъ записку одного русскаго писателя, въ которой предлагается выселить Поляковъ изъ западнаго края въ Конгрессовку, а съ тѣхъ которые захотятъ остаться взять честное слово что они будутъ сидѣть смирно. Онъ цитуетъ эту программу, какъ будто кто-нибудь вѣрилъ въ ея дѣйствительность, и ни слова не говоритъ, что было сказано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по

поводу подобныхъ добродушныхъ плановъ очистить западный край отъ польскихъ элементовъ. Послѣ всего этого, говоритъ онъ, можно считать вопросъ о западномъ краѣ окончательно рѣшеннымъ, и за тѣмъ успокоиться за его участь. Но отзываясь такъ спокойно и дружественно о планахъ очищенія западнаго края посредствомъ выселенія Поляковъ, онъ съ величайшимъ азартомъ возстаетъ противъ всякой мѣры которая имѣетъ не шуточный характеръ, а дѣйствительно направлена къ водворенію русской народности въ этомъ краѣ. Все что вполнѣ законнымъ образомъ, и при томъ безъ всякихъ потрясеній и насилій, могло бы способствовать этой цѣли онъ торжественно провозглашаетъ нелѣпостью, безумiемъ и мятежомъ. Кто-то сказалъ, что національный вопросъ въ этомъ краѣ можетъ быть разобщенъ съ религіознымъ, и вотъ онъ употребляетъ неестественныя усилія, чтобъ эту простую мысль превратить въ какую-то безсмысленную инквизицію.

Если Конгрессовка должна быть отдѣльнымъ государствомъ подъ общею съ Россіей державой, то почему же не явиться на свѣтъ другимъ подобнымъ государствамъ, подъ тою же державой. Допустить принципъ значитъ допустить и послѣдствія. Рядомъ съ Царствомъ Польскимъ долженствующимъ состоять на особомъ государственномъ положеніи, нѣтъ причины не быть и Великому Княжеству Литовскому на особомъ государственномъ положеніи, до тѣхъ поръ пока обстоятельства не дозволятъ имъ слиться. Какъ Царство Польское, такъ и Лифляндія (которую фокусникъ имѣлъ нахальство назвать русскою Вандеей!) должна быть для Русскаго народа землей чужестранною, terre étrangère. Точно также и Кавказъ долженъ быть для Русскаго народа землей чужестранною. Этого мало: третье знаменіе, обнаруживающее сокровенный смыслъ польскаго вопроса,—третье знаменіе состоящее изъ всѣхъ отрицательно-русскихъ элементовъ, касается и того вопроса, который былъ недавно такъ дерзко брошенъ къ самую среду Русскаго народа. Ораторъ третьяго и послѣдняго знаменія настойчиво говоритъ о *московитскомъ* нарѣчіи, которое должно быть чуждо малороссійскому краю; онъ свидѣтельствуетъ, что благосостояніе

Малороссіи требуетъ развитія въ ней совершенно особой народности, которая неминуемо должна сдѣлать этотъ край чужестраннымъ для Русскаго народа. Несогласныхъ съ этимъ онъ громитъ какъ людей болѣе опасныхъ чѣмъ всѣ революціонеры.

И вотъ такимъ-то образомъ Русскому народу, а съ нимъ неизбѣжно и Русскому государству, отводятся предѣлы стараго Московскаго царства, какимъ оно было до временъ царя Алексѣя Михайловича! Вотъ перспектива которую намъ представляетъ будущность Россіи,—вотъ цѣль къ которой манитъ насъ «истинный другъ Польши»,—вотъ существенный смыслъ того памфлета, который наглостью своихъ разчетовъ превосходитъ всякое вѣроятіе и который такъ справедливо названъ произведеніемъ «пера враждебнаго Россіи».

III.

7-го октября.

Конвенція 15-го сентября, ставящая римскаго епископа въ такое затруднительное положеніе, естественно наводитъ на мысль объ отношеніяхъ Россіи къ Римскому престолу. Эти отношенія сдѣлались крайне тягостны вслѣдствіе образа дѣйствій принятаго Римскою куріей. Папы много разъ вели борьбу со свѣтскими государями римско-католическими и не римско-католическими; борьба эта бывала ожесточенная; почти всегда отличалась она притязательностью и неуступчивостью. Но всегда она была ведена съ достоинствомъ. Говорить сегодня одно, а завтра другое, съ тѣмъ чтобы послѣзавтра возвращаться къ тому что было сказано за день предъ тѣмъ,—это не было въ обычаяхъ Римской куріи, славившейся постоянною ровностью тона и необычайнымъ искусствомъ маскировать необходимые повороты. Въ сношеніяхъ съ нами Римская курія повидимому совсѣмъ забыла объ этихъ преданіяхъ, придававшихъ такой авторитетъ ея актамъ.

21-го сентября, во всѣхъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ газетахъ появилась телеграмма изъ Марсели *отъ 20-го*

числа, о томъ что въ Римѣ 17-го сентября *было розвано кардиналамъ* окружное посланіе папы къ польскому духовенству, и что въ этомъ посланіи начертывалась картина преслѣдованій, которымъ будто бы подвергается католицизмъ въ Россіи, а на Русское правительство призывалась кара Божія. Вскорѣ послѣ того полученъ былъ въ Европѣ и длинный текстъ этого посланія, исполненнаго клеветъ на Русское правительство и подстрекательствъ противъ него, но гдѣ, въ весьма немногихъ впрочемъ словахъ, папа выражалъ и неодобреніе свое польскому возстанію. Это посланіе оказалось энцикликическимъ, то-есть окружнымъ. Оно было разослано, по увѣренію газетъ, ко всѣмъ римско-католическимъ епископамъ. Ему была придана самая торжественная форма; это уже не аллокуція, а документъ подписанный папой. Неизвѣстно только почему замедлилось его обнародованіе. Посланіе было обнародовано 17-го сентября, а написано оно такъ: *30-е іюля, Кастель-Гандольфо.*

Между тѣмъ въ Россіи была получена изъ Рима, *отъ 20-го же сентября*, телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Присутствующія здѣсь польскія духовныя лица отправили къ папѣ депутацію съ просьбой о томъ чтобы въ ближайшей аллокуціи онъ упомянулъ и о польскомъ дѣлѣ. Папа далъ имъ вчера (19-го числа) аудіенцію, и отвѣчалъ: «Мнѣ очень пріятно, что я имѣю случай поговорить объ этихъ вопросахъ при «затворенныхъ дверяхъ и высказать откровенно мое мнѣніе. «Не хочу скрывать отъ васъ, что вовсе не одобряю вашего и «вашихъ братій образа дѣйствій. Я знаю, что вы пользовались «религіей для поддержанія революціи, *проповѣдывали возмущеніе, благословляли мятежныя шайки, освящали кинжалы и «пистолеты, сами съ крестомъ Спасителя въ рукахъ становились во главѣ бунтовщиковъ.* Это дерзновенное злоупотребленіе религіей я горько оплакиваю. Я не буду говорить въ «аллокуціи о вашей землѣ, *чтобъ опять не подать повода къ «недоразумѣніямъ*, но *буду писать къ вашимъ епископамъ* и «подвергну революцію порицанію.»

Получивъ эту телеграмму, мы было подумали что вышеупомянутое окружное посланіе было исполненіемъ этихъ словъ

папы къ польскимъ ксендзамъ въ Римѣ. Но когда пришелъ текстъ посланія, столь противорѣчащій приведеннымъ въ телеграммѣ словамъ папы, и когда извѣстно стало число которымъ посланіе датировано, тогда пришлось убѣдиться, что въ двухъ упомянутыхъ телеграммахъ рѣчь шла о двухъ совершенно различныхъ заявленіяхъ Римскаго престола.

Чѣмъ же объяснить это явное противорѣчіе между содержаніемъ окружнаго посланія папы и строгимъ тономъ его словъ къ польскимъ ксендзамъ въ Римѣ,—словъ повидимому не подлежащихъ сомнѣнію, несмотря на извѣстное нашимъ читателямъ отверженіе ихъ *Римскою Корреспонденціей?* Мы едва ли нашли бы объясненіе этому непонятному факту, еслибы намъ не помогъ предшествовавшій тому случай подобнаго же противорѣчія въ дѣйствіяхъ Римской куріи. Мы имѣемъ основаніе полагать, что римскій корреспондентъ *Morning Post* не ошибся (см. № 198 *Московскихъ Вѣдомостей*), и что дней черезъ шесть послѣ подписанія окружнаго посланія отъ 30-го іюля, папа дѣйствительно изъявилъ, черезъ г. Одо Россели, желаніе видѣть нашего повѣреннаго въ дѣлахъ барона Мейендорфа, который, получивъ на то разрѣшеніе отъ своего министра, тотчасъ же отправился въ Кастель-Гандольфо, гдѣ и получилъ частную аудіенцію у папы 9-го августа. Разговоръ происходившій при этомъ отчасти извѣстенъ нашимъ читателямъ; онъ отличался необыкновенною оживленностью и вмѣстѣ дружелюбіемъ. На десятый день послѣ подписанія окружнаго посланія, столь оскорбительнаго для Россіи, папа уже высказывалъ, говорятъ, увѣренность въ добромъ расположеніи Государя Императора къ Его римско-католическимъ подданнымъ, и чуть не выражалъ сожалѣнія, что говорилъ прежде такъ рѣзко въ пользу Польши. Такимъ образомъ между 30-мъ іюля и 9-мъ августа произошла явная перемѣна въ намѣреніяхъ папы по отношенію къ Россіи. Эта перемѣна получаетъ особенный интересъ, если припомнить что она какъ разъ совпадаетъ съ переговорами о франко-италіянской конвенціи, которые въ это самое время велъ генералъ Менабреа въ Парижѣ. Приближавшаяся гроза со стороны Франціи и Италіи могла естественно навести

папу на мысль, что было бы кстати смягчить дѣйствіе произведенное его окружнымъ посланіемъ и завязать съ Россіей дипломатическую переписку.

Спрашиваемъ однакожь, есть ли какое-нибудь достоинство въ подобномъ образѣ дѣйствій? Добросовѣстно ли бросить обвиненіе въ какое-либо правительство и потомъ начинать съ нимъ переговоры, которыхъ цѣлію могло быть не что иное какъ разъясненіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ, то-есть удостовѣреніе въ основательности или неосновательности брошеннаго обвиненія? Если Римская курія считала основательными нападки высказанныя въ окружномъ посланіи, то она должна была бы подождать что скажетъ на нихъ Русское правительство; ни въ какомъ случаѣ она не могла бы забѣгать окольными путями и заманивать русскую дипломатію въ переговоры. Въ окружномъ посланіи сказано, что папа въ своихъ обвиненіяхъ опирается «на свидѣтельства вполнѣ достойныя вѣры, на свѣдѣнія полученныя изъ несомнѣннаго источника». Такъ сказано въ документѣ подъ которымъ папа Пій IX поставилъ свое имя. Что же мы должны подумать о Римской куріи, обращающейся вслѣдъ за симъ къ источнику дѣйствительно несомнѣнному,—къ даннымъ имѣющимся въ распоряженіи Русскаго правительства,—за разъясненіемъ дѣла, о которомъ папа такъ торжественно говорилъ, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ? Стало-быть Римскій престолъ не вполнѣ былъ увѣренъ въ справедливости и основательности того что папа провозглашалъ на весь міръ? Но если такъ, то стало-быть папа завѣдомо клеветалъ на Русское правительство и первосвященническими руками возжигалъ угасавшее въ польскомъ краѣ пламя мятежа и измѣны?

Но какъ бы то ни было, неожиданный шагъ сдѣланъ; баронъ Мейендорфъ приглашенъ въ Кастель-Гандольфо; святой отецъ принимаетъ его въ частной аудіенціи, которая сама по себѣ есть уже *pater peccavi*; переговоры завязываются,—переговоры долженствующіе усилить расположеніе Римской куріи къ покаянію; кардиналъ Антонелли получаетъ возможность писать разныя *промеморіи*, въ которыхъ онъ однакоже по существу дѣла едва ли можетъ высказывать иначе какъ въ формѣ

вопроса то что было утвердительно высказано въ актѣ снабженномъ подписью самого папы. Что же мы видимъ далѣе? Канцеляріи начинаютъ работать надъ опроверженіемъ этого акта, а между тѣмъ 17 сентября обнародывается этотъ самый актъ. Въ своемъ ослѣпленіи Римская курія думаетъ произвести на насъ эффектъ этою выходкой,- но черезъ день послѣ того, 19 сентября, въ смягченіе нашего законнаго негодованія, Пій IX говоритъ келейно нѣсколько словъ, которыя слѣдовало бы сказать годъ назадъ, и о которыхъ къ тому же *Римская Корреспонденція* отзывается, что они вовсе не были сказаны! Могутъ ли эти слова, почти апокрифическія, и во всякомъ случаѣ сказанныя, какъ выразился самъ папа, при затворенныхъ дверяхъ, перевѣсить силу акта торжественно обнародованнаго и распространеннаго по всему міру? Не въ правѣ ли мы сказать, что они ничего не заглаживаютъ, никакого значенія не имѣютъ и могутъ служить развѣ свидѣтельствомъ того, въ какой степени двуличны дѣйствія папскаго престола относительно Россіи? Какъ послѣ 17-го, такъ и послѣ 19-го сентября, достоинство Россіи остается равно оскорбленнымъ, и слѣдовательно дальнѣйшій размѣнъ мыслей съ Римомъ равно невозможенъ.

Римскій престолъ постоянно считается теперь, что называется, безъ хозяевъ. Не сегодня, такъ завтра конвенція 15-го сентября окажетъ свое дѣйствіе на положеніе папы какъ свѣтскаго государя. Разрывая дипломатическія сношенія съ нами, онъ только предупреждаетъ естественный ходъ дѣлъ и даетъ намъ превосходный случай воспользоваться теперь же тѣми выгодами которыя должны быть слѣдствіемъ предстоящихъ въ скоромъ будущемъ измѣненій въ сношеніяхъ всѣхъ государствъ съ Римомъ. Не пройдетъ много времени, и всѣ эти буллы, всѣ эти *breve*, которыя еще недавно были такъ грозны, превратятся въ газетныя полемическія статьи, если Римская курія не будетъ соблюдать въ нихъ того духа и того тона безъ которыхъ государственная власть нигдѣ не можетъ признавать ихъ за буллы и *breve*, то-есть за церковные акты. Мы должны благодарить Римскую курію за то, что она даетъ намъ поводъ

прежде другихъ державъ материка Европы стать къ римскому епископу въ единственно выгодныя для насъ отношенія,—въ отношенія подобныя тѣмъ въ которыхъ стоитъ къ нему Англія.

Какая намъ надобность придавать государственное значеніе сношеніямъ римско-католическихъ подданныхъ Русскаго государства съ Римскимъ престоломъ и слѣдовательно дѣлать эти сношенія обязательными? Частныхъ сношеній мы преградить не можемъ; мы можемъ надзирать только за официальными. Но надзирая за ними мы отчасти облегчаемъ, отчасти узакониваемъ ихъ. Ни о томъ, ни о другомъ мы не имѣемъ ни малѣйшей причины заботиться. Какимъ бы путемъ ни дошелъ въ Россію тотъ или другой актъ римскаго епископа, съ насъ совершенно достаточно, чтобъ онъ не могъ быть обнародованъ въ Россіи безъ разрѣшенія государственной власти. Сколько бы епископскихъ каѳедръ римскій епископъ ни учреждалъ въ Россіи, и кого бы онъ ни назначалъ въ епископы на эти каѳедры, всѣ они останутся только въ спискахъ Римской куріи и будутъ числиться въ нихъ подобно титулярнымъ каѳедрамъ *in partibus infidelium*, пока государственная власть не заблагоразсудитъ признать ихъ. Дарованіе юрисдикціи, а также лишеніе ея будетъ тогда самымъ простымъ и совершенно свободнымъ дѣломъ свѣтской власти. Можетъ ли быть что-нибудь удобнѣе этого для государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выиграетъ ли отъ этого и религіозное значеніе римско-католической церкви? Она перестанетъ тогда быть государствомъ въ государствѣ и получитъ то право на свободу, котораго она теперь не имѣетъ и не можетъ имѣть ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ

IV.

9-го октября.

Въ Европѣ есть много вопросовъ, имѣющихъ большее или меньшее значеніе, возникшихъ изъ хода событій или поднятыхъ искусственно. Есть вопросъ Римскій, есть вопросъ Шлезвигъ-

Гольштейнскій, есть вопросъ Восточный; можно набрать еще много другихъ вопросовъ, о которыхъ трактовали и трактуютъ въ дипломатическомъ мірѣ и въ политическихъ кругахъ. Но есть вопросъ, который еще не былъ ясно высказанъ, и который однако серіознѣе всего что только можетъ имѣть въ Европѣ значеніе вопроса. Этотъ скрытный, невысказанный вопросъ господствуетъ надъ всѣмъ; онъ болѣе или менѣе присутствуетъ во всѣхъ политическихъ соображеніяхъ; онъ у всѣхъ на умѣ. Поднять его въ собственномъ его смыслѣ и во всей его силѣ— трудно, невозможно; но онъ поднимается по частямъ и подъ другими формулами. Въ прошломъ году онъ былъ скрытнымъ образомъ поднятъ подъ именемъ вопроса польскаго. Этотъ таинственный вопросъ—мы должны наконецъ назвать его прямо— есть вопросъ *русскій*. Давно уже виситъ онъ надъ Европой,— съ тѣхъ самыхъ поръ какъ Россія стала первоклассною европейскою державой. Ея громадные размѣры, ея могущественный ростъ, ея крѣпкое государственное единство съ одной стороны; мракъ господствовавшій внутри ея, совершенное отсутствіе всякихъ признаковъ которые могли бы свидѣтельствовать о характерѣ и значеніи той народности которой имя носитъ это государство, давно уже занимаютъ и пугаютъ всѣхъ. Вотъ держава, входящая въ составъ европейскихъ государствъ, оказывающая однимъ своимъ присутствіемъ громадное вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ, и въ то же время вотъ народъ, Богъ знаетъ что заключающій въ себѣ и Богъ знаетъ къ чему предназначенный. Вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ своей исторіи, русская народность была менѣе знакома образованному міру чѣмъ китайская или японская; все относящееся къ Русскому народу было долгое время предметомъ не меньшаго баснословія чѣмъ для древнихъ географовъ занимаемыя имъ нынѣ гиперборейскія страны. Но съ другой стороны, этотъ неизвѣстный, этотъ таинственный народъ, въ которомъ все казалось такъ безтолково, такъ непонятно, въ которомъ все было такъ темно, дѣйствовалъ въ лицѣ своего правительства и могущественно отзывался въ ходѣ всемірныхъ дѣлъ. Почти совершенное отсутствіе всякихъ видимыхъ проявленій общественной и нравствен-

ной энергіи, кромѣ государственной службы, которую несетъ съ тяжкими усиліями весь народъ, не могло быть причиной пріязни и довѣрія къ нему. Если въ лицѣ своего правительства Русскій народъ находился въ постоянномъ взаимнодѣйствіи съ европейскими государствами и былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ звеньевъ въ системѣ общаго равновѣсія, то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ почти не находился ни въ какомъ общеніи съ Европой. Между Россіей и остальнымъ міромъ, кромѣ отношеній правительственнаго порядка, не было, или почти не было, никакихъ живыхъ связей ни экономическаго, ни нравственнаго свойства. Вотъ почему Россія была въ одно и то же время и такъ близка къ Европѣ, и такъ далека отъ нея, такъ чужда ей; вотъ почему она должна была обращать на себя усиленное вниманіе, и въ то же время возбуждать противъ себя глубокую непріязнь и недовѣріе; вотъ почему къ тѣмъ элементамъ розни и антагонизма, которые могутъ возникать между всякими государствами, присоединяются по отношенію къ Россіи причины недоброжелательства, въ которыхъ всѣ другія государства солидарны. Есть политика Франціи относительно Англіи, есть политика Англіи относительно Франціи, есть политика германскихъ державъ между собою и къ каждой изъ двухъ западныхъ державъ, и есть также политика каждаго европейскаго государства по отношенію къ Россіи; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, по отношенію къ этой послѣдней державѣ, есть общая политика всѣхъ европейскихъ государствъ.

Все политическое искусство европейскихъ правительствъ по отношенію къ Россіи состояло въ томъ, чтобы вовлекать ея правительство въ такія положенія и сочетанія которыя наименѣе соотвѣтствовали бы ея собственнымъ интересамъ и въ которыхъ она служила бы постороннимъ для нея цѣлямъ, сколь можно болѣе въ ущербъ себѣ. Такая политика, повидимому, обезпечивала Европу до той поры, пока вопросъ о дальнѣйшемъ значеніи Россіи еще не возможно было считать вполнѣ созрѣвшимъ; такая политика служила какъ бы палліативнымъ средствомъ, останавливая развитіе того что̀ казалось зломъ, и по возможности употребляя это зло въ пользу. Тамъ гдѣ хоть

сколько-нибудь выступалъ наружу русскій интересъ въ европейскихъ дѣлахъ, можно было съ увѣренностію ожидать, что всѣ правительства станутъ противъ насъ заодно. Не могла быть допущена никакая комбинація выгодная для Россіи, не могъ быть поднятъ никакой вопросъ который хотя бы отдаленнымъ образомъ обѣщалъ разрѣшиться въ русскомъ смыслѣ. Русская политика въ Европѣ могла что-нибудь значить только въ той мѣрѣ, въ какой она отреклась отъ своего національнаго характера; она казалась напримѣръ сильною въ то время, когда Россія была членомъ Священнаго Союза и когда она, по собственному сознанію, жертвовала всѣми своими интересами въ пользу германскихъ правительствъ, усиливая тѣмъ ненависть къ ней народовъ. Такимъ образомъ, постоянною политикой относительно Россіи было по возможности изолировать Русское правительство отъ его страны, отъ его народа, поддерживать и даже усиливать его дѣйствіе въ интересахъ чуждыхъ, и тѣмъ существенно ослаблять его. Но такое положеніе вещей не можетъ же продолжаться вѣчно. Съ теченіемъ времени, при большемъ знакомствѣ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, русскій вопросъ созрѣвалъ и становился яснѣе; онъ освобождался отъ тѣхъ миѳическихъ элементовъ, которые соединялись съ нимъ прежде; Россія перестала пугать воображеніе ордами дикарей, ожидающихъ только сигнала чтобы вторгнуться въ Европу и покрыть ее развалинами. Но недоброжелательство къ Россіи не утратило своей силы,—напротивъ, оно стало опредѣленнѣе, и потому опаснѣе. Болѣе отчетливое знакомство съ положеніемъ дѣлъ внутри Россіи указало ея слабыя стороны, ея уязвимыя мѣста, указало пути для политической интриги.

Русскій вопросъ,—говоримъ это не безъ тяжелаго чувства, потому что вопросу подвергается только сомнительное, какъ напримѣръ свѣтская власть папы въ Римскомъ вопросѣ, или какъ существованіе Турціи въ Восточномъ,—русскій вопросъ въ настоящую пору считается созрѣвшимъ.

Восточная война, несмотря на ея несчастливый для Россіи исходъ, не потрясла ея основаній, но она значительно измѣнила ея европейское положеніе. Размѣры ея иностранной политики

сократились; Россія стала устраняться отъ дѣятельнаго участія въ европейскихъ вопросахъ, и потому прежніе пріемы обращенія съ нею оказываются недостаточными. Все вниманіе европейской политики перенеслось на наши внутреннія дѣла, и никогда еще не были они предметомъ столь тщательнаго и заботливаго изученія, входящаго во всѣ подробности дѣйствующаго у насъ правительственнаго механизма, общественныхъ настроеній и личныхъ элементовъ. Теперь или никогда: политика имѣющая цѣлію внести смуту въ наши дѣла, поколебать и разстроить ихъ, обставлена очень выгодно и находится въ обладаніи самыми разнообразными способами дѣйствія, заговоромъ, интригой, революціей, искусственнымъ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія; а съ другой стороны, переходное время, которое переживаетъ теперь Россія, и которое уже никогда не повторится, представляетъ самыя благопріятныя условія для дѣйствія.

Русскому народу предстоитъ въ наши дни выдержать послѣдній и можетъ-быть самый трудный искусъ въ своей исторіи; но мы не колеблемся въ вѣрѣ что Русскій народъ выйдетъ съ торжествомъ изъ своего послѣдняго испытанія. Какъ ни тщательно изучаютъ насъ, какъ ни тонко ведутъ свои разчеты политическіе мудрецы нашего времени, они все-таки обочтутся, отъ нихъ все-таки ускользнутъ тѣ самые элементы въ которыхъ вся сила.

V.

10-го октября.

Если вѣрить показаніямъ парижскихъ корреспондентовъ аугсбургской *Всеобщей Газеты* и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, Франція, увѣряя Австрію, Пруссію и вообще германскихъ государей въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, распускала изъ-подъ руки слухъ, будто бы сама Россія искала сближенія съ нею и насилу успѣла достигнуть его. Разчетъ очевиденъ: онъ направленъ къ тому, чтобъ убѣдить нѣмецкія государства въ томъ, что имъ нечего

надѣяться на дружбу съ Россіей, и что единственное ихъ спасеніе въ союзѣ съ Англіей и съ Франціей. Что обѣ западныя державы дѣйствуютъ заодно между собою, доказательствомъ служитъ желаніе Англіи привлечь Австрію къ союзу съ Франціей. Подъ условіемъ союза съ западными державами, Англія готова даже выручить Австрію изъ финансовыхъ затрудненій, и обѣщаетъ способствовать ей къ заключенію займа во 100 милліоновъ гульденовъ на Лондонскомъ рынкѣ. Пруссія, какъ теперь несомнѣнно, уже находится на сторонѣ западныхъ державъ.

Изолированное положеніе само по себѣ нисколько не было бы въ тягость Россіи, еслибъ оно и не прикрывалось, какъ въ настоящее время, дружественными отовсюду заявленіями. Враждебные Россіи замыслы устремлены къ тому чтобы въ ея внутреннихъ дѣлахъ произвести роковыя недоразумѣнія и замѣшательства. Сигналъ поданъ,—и вотъ нѣтъ иностраннаго журнала, сколько-нибудь распространеннаго и пользующагося извѣстностью, который не старался бы клеветать на Русскій народъ и на такъ-называемую русскую партію. Въ настоящее время всѣмъ хорошо извѣстно, что и сама всесвѣтная революція находится въ услуженіи политическихъ чародѣевъ западной Европы или лицъ къ нимъ близкихъ, и что агенты ея, среди которыхъ столько Поляковъ, направляются ими туда, гдѣ нужно имъ произвести смуты и народныя бѣдствія. Но надобно дать видъ, что эти бѣдствія причиняются не силами чуждыми и враждебными Русскому народу, а имѣютъ будто бы у насъ свой домашній источникъ, и вотъ иностранная печать успѣвается въ настоящее время изобразить Русскій народъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, исполненнымъ безпощадной ненависти ко всѣмъ основамъ государственнаго и общественнаго порядка, вполнѣ преданнымъ революціонному движенію, и готовымъ въ своей дикости и фанатизмѣ на всевозможныя злодѣянія, а въ противоположность этой картинѣ, которую будто бы представляетъ самая глубь Россіи, она указываетъ на ея окраины, съ господствующимъ шведскимъ, нѣмецкимъ или польскимъ населеніемъ, какъ на русскую Вандею, готовую пролить потоки крови за законную власть.

Въ послѣднее время такія изображенія господствуютъ преимущественно въ нѣмецкой журналистикѣ, и въ тѣхъ именно органахъ ея которые ратуютъ въ пользу союза Австріи съ Франціей и съ Англіей. Особенно занимательна въ этомъ отношеніи статья газеты *Wanderer*, отъ 15-го октября. Съ самаго начала и до конца она старается провести черту раздѣленія между «Россіей Царя», какъ она выражается, и «Россіей Русскаго народа». Со вступленіемъ на престолъ Александра II, по словамъ упомянутой газеты, въ Россіи началась новая эпоха, эпоха «Россіи Русскаго народа», и тотчасъ же ознаменовала себя «дикостью, фанатизмомъ, который только въ сценахъ ужасовъ и звѣрства находитъ себѣ удовлетвореніе». Продолжительное угнетеніе, въ которомъ находился народъ, будто бы породило въ немъ такія свойства которымъ чужды идеи нравственности и которыя дѣлаютъ его особенно доступнымъ ученію коммунизма и соціализма. Освобожденіе крестьянъ нисколько будто бы не удовлетворило ихъ: въ неволѣ они смотрѣли на помѣщичьи земли какъ на свою собственность,—а теперь вдругъ они должны уважать ихъ какъ исключительную собственность ихъ господъ! Къ этому присоединились еще усилія европейски-образованныхъ русскихъ либераловъ или революціонеровъ, продолжаетъ *Wanderer*, и Русскому царству несомнѣнно предстоитъ потрясеніе. «Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ», говоритъ эта газета, «болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о предстоящемъ Рос«сіи переворотѣ, но что кризисъ приближается, доказатель«ствомъ служатъ отовсюду приходящія извѣстія о пожарахъ».

Botschafter повторяетъ тѣ же обвиненія на Русскій народъ, на русскихъ крестьянъ, которые будто бы въ дикой ненависти къ помѣщикамъ поджигаютъ ихъ дома и истребляютъ ихъ имущества. «Соціальное броженіе, прибавляетъ эта газета, до«стигло въ Россіи крайней степени, и распространяется во всѣхъ «провинціяхъ. Повсюду въ Имперіи организуются тайныя обще«ства. Секта Русскихъ Рыцарей, основанная нѣкогда графомъ «Мамоновымъ, насчитываетъ множество приверженцевъ, а Ас«соціація Общественнаго Блага отличается еще болѣе революціоннымъ духомъ. Поляки, набранные въ русскія войска,—

«которымъ впрочемъ напрасно приписываютъ всѣ пожары,— «составили нѣчто въ родѣ пороховаго заговора, и Русскіе, при- «надлежащіе къ тайному обществу называемому *Нигилисты*, «присоединились къ этимъ Полякамъ, и намѣреваются сжечь «всѣ города и селенія въ приволжскихъ губерніяхъ.»

Иностранные публицисты, очевидно, не щадятъ красокъ чтобы представить въ самомъ ужасающемъ видѣ духъ всепожирающей, дикой, фанатической, дѣйствующей пожарами революціи, будто бы объявшей Русскій народъ и преимущественно русскихъ крестьянъ, и хотя при словѣ о пожарахъ и упоминаютъ о Полякахъ, но стараются по возможности выгородить ихъ, сваливая всю вину главнѣйшимъ образомъ на крестьянъ, «недовольныхъ своимъ освобожденіемъ, питающихъ ненависть «къ помѣщикамъ, преданныхъ идеямъ соціализма и коммунизма».

Бѣдный Русскій народъ, и особенно бѣдные русскіе крестьяне! Они и страдаютъ отъ пожаровъ, и ихъ же за то стараются представить въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ предъ лицомъ цѣлой Европы! Однакоже всему есть мѣра, и есть клеветы которыя превосходятъ всякую мѣру вѣроятія. Это такая наглая и ни съ чѣмъ несообразная ложь, что ее не стоило бы и опровергать; но мы живемъ въ такое трудное время, когда всякая ложь, какъ бы нелѣпа она ни была, можетъ, хотя бы и мгновенно, произвести свое дѣйствіе, и когда мнимое, лишь воображаемое зло можетъ легко породить зло дѣйствительное.

«Весь Русскій народъ», говорятъ намъ, «объятъ духомъ революціи». Въ чемъ же проявился этотъ духъ революціи? Въ томъ ли, что крестьяне сами ловили людей распространявшихъ въ ихъ средѣ такъ-называемыя «золотыя грамоты» и предавали ихъ въ руки законныхъ властей? Въ томъ ли, что въ западномъ краѣ Россіи они вязали польскихъ бунтовщиковъ и приводили ихъ къ начальствамъ, и потомъ, будучи призваны къ тому самою властью, составили изъ себя сельскія стражи? Въ томъ ли, наконецъ, что въ духѣ всеобщаго патріотическаго одушевленія, они отовсюду слали письма къ Царю, заявляя ему свою преданность и готовность на всѣ жертвы для спасенія отечества отъ угрожавшихъ ему непріятелей? Это ли народъ объятый

духомъ революціи? Среди ли этого народа можетъ, хотя бы и мгновенно, возникнуть мерзкая мысль о какой-то русской Вандеѣ на окраинѣ Русскаго царства.

Много было обстоятельствъ и много было условій какъ бы нарочно придуманныхъ для того чтобы раздражить высшій земледѣльческій классъ противъ правительства,—и однакоже что оказалось въ прошломъ году? Не дворянство ли подало первый голосъ народнаго чувства и государственнаго разума? Мы не говоримъ о купечествѣ, которое даже и враждебные Россіи публицисты не позволяютъ себѣ заподазривать въ революціонномъ духѣ. Гдѣ же русскіе элементы для революціи къ Россіи? Разчитывали на старообрядцевъ, но и тѣ посрамили людей питавшихъ такіе разчеты, и оказались вполнѣ преданными сынами Россіи. Весь настоящій Русскій народъ представляетъ собою самый здоровый, самый крѣпкій организмъ. Но эту-то крѣпость и старается сокрушить политическая интрига, поселяя духъ недовѣрія между верховною властью и народомъ. На народъ стараются подѣйствовать съ помощью революціонныхъ эмиссаровъ, съ помощью произведеній революціонной печати, наконецъ путемъ народныхъ бѣдствій, такъ какъ всѣ другія революціонныя попытки сокрушились о здравый смыслъ народа. На дальнѣйшемъ еще планѣ стоятъ разчеты на то уныніе и отчаяніе, которыя овладѣли бы народомъ, еслибы удалось дѣйствительно разрознить его съ верховною властью...

Нѣтъ, если есть у насъ дурные элементы, то они не изъ нѣдръ народа происходятъ, а *насильно навязываются* ему— всѣмъ извѣстно какими путями...

Впрочемъ газета *Wanderer* не сумѣла вполнѣ скрыть тѣ разчеты и побужденія которые заставили ее клеветать на Русскій народъ и заподазривать его отношенія къ верховной власти и къ основамъ общественнаго и государственнаго порядка. «Россію», говоритъ *Wanderer*, «уже и потому можно считать «великою державой, что всѣ другія великія державы, въ томъ «числѣ и Англія, съ самыми напряженными усиліями слѣдятъ «за развитіемъ ея могущества и стараются постоянно противо«поставлять ей преграды... Еще могущественнѣе чѣмъ Россія

«царя кажется намъ Россія Русскаго народа. Но много пройдетъ времени прежде чѣмъ Россія Русскаго народа станетъ «дѣйствительностью.»

Иностранная печать старается такимъ образомъ раздѣлить Русскаго царя и Русскій народъ, и надѣется, что Россія Русскаго народа не скоро еще станетъ дѣйствительностью. Но великъ Богъ Русской земли, и козни враговъ ея обратятся въ ничто. Между Россіей царя и Россіей народною не будетъ различія...

VI.

12-го октября.

Въ прошломъ году Россію пугали войной. О серіозности этихъ угрозъ были различныя мнѣнія. Для однихъ было очевидно,—и мы постоянно высказывались въ этомъ смыслѣ—что опасаться войны нечего, и что европейской агитаціи могъ быть положенъ конецъ однимъ заявленіемъ русскаго мнѣнія и народнаго чувства. По мнѣнію другихъ, слѣдовало готовиться къ серіозной войнѣ и только серіозными приготовленіями можно было предотвратить ее. Относительно настоящей минуты подобнаго разногласія быть не можетъ, и въ этомъ заключается сравнительная выгодность нашего теперешняго положенія. Австрія обезоруживается, Франція отказывается отъ сбора значительной части своихъ резервовъ, и даже Италія распустила нижнихъ чиновъ въ отпускъ. Ни одна изъ европейскихъ державъ не скрываетъ заботъ о поправленіи своихъ финансовъ. Всѣ утомились вооруженіями, истощающими силы даже такихъ богатыхъ странъ какъ Франція. Всѣ ясно сознаютъ, что нѣсколько лѣтъ подобныхъ усилій могутъ лишить любую державу способности къ успѣшному дѣйствію въ случаѣ надобности.

Итакъ Россія можетъ быть спокойна съ этой стороны. Внѣшней опасности не предвидится ни откуда. Каждое государство можетъ сосредоточить свои силы на своихъ внутреннихъ дѣлахъ, и конечно кто изъ нашихъ сосѣдей воспользуется этою рѣдко

случающеюся минутой затишья для поправленія своихъ финансовъ, тотъ значительно увеличитъ свое могущество. Россія въ этомъ отношеніи поставлена еще благопріятнѣе чѣмъ другія державы. Счастливо окончившаяся Кавказская война освобождаетъ стотысячную армію и слагаетъ съ государственнаго казначейства издержку по меньшей мѣрѣ въ 15 милліоновъ рублей, то-есть приблизительно весь дефицитъ по бюджету прошлаго года. Кавказъ покоренъ, польскій мятежъ подавленъ, прошлогодняя дипломатическая интрига раскрыта во всѣхъ ея нитяхъ, а съ другой стороны крестьянское дѣло окончательно установилось, народное сознаніе уяснилось и окрѣпло, вѣрное направленіе внутренней политики обрисовывается яснѣе чѣмъ когда-либо прежде,—какое соединеніе условій можетъ быть выгоднѣе этого для правильнаго развитія всѣхъ государственныхъ силъ, не только для исправленія финансовъ!

Но у всякаго дня есть своя забота, и день нынѣ переживаемый Россіей не свободенъ отъ заботъ тяжкихъ. Великая держава не можетъ совершенно отдѣлить свою внутреннюю политику отъ политики внѣшней. Эти двѣ стороны государственной жизни, повидимому разнородныя, находятся однакоже въ безпрерывномъ взаимнодѣйствіи между собой. Россія обставлена нынѣ условіями чрезвычайно благопріятными, но самая новизна пути, нужнаго для того чтобы ими воспользоваться, есть уже не малое затрудненіе, а международныя отношенія, по самому существу своему, не могутъ облегчать насъ въ этомъ затрудненіи. Каждая изъ четырехъ великихъ державъ, остающихся въ Европѣ кромѣ Россіи, всячески старается осуществлять свои интересы; какъ ни переплетены эти интересы, но ни порознь взятые, ни въ своей совокупности, они не могутъ совпадать съ интересами Россіи. Въ этомъ отношеніи Россія не только находится въ одинаковомъ положеніи съ другими державами, но, какъ мы недавно имѣли случай замѣтить, она поставлена еще менѣе выгодно чѣмъ любая изъ нихъ. Возьмите интересы Россіи, Англіи, Франціи и Пруссіи, сложите ихъ вмѣстѣ, и въ результатѣ вы, разумѣется, никакъ не получите интересовъ Австріи; вы сейчасъ же увидите, что Австріи нужно много

такого, въ чемъ остальныя четыре державы нисколько не нуждаются. Но хотя въ вашемъ счетѣ окажется пробѣлъ, вы не замѣтите однакоже, чтобы всѣмъ помянутымъ четыремъ великимъ державамъ было выгодно соединиться для общаго дѣйствія совершенно противнаго интересамъ Австріи. Вотъ почему Австрія возраждалась послѣ всѣхъ приключавшихся ей напастей, и притомъ возраждалась несмотря на искусственность своего государственнаго состава. Она необходимое колесо въ машинѣ европейскаго равновѣсія, и пока это равновѣсіе не пошатнулось, до тѣхъ поръ Австрія можетъ разчитывать на поддержку той или другой державы, которая ее въ случаѣ крайности выручитъ. Положеніе Россіи въ европейскомъ равновѣсіи совершенно иное. Она вступила въ число великихъ державъ собственными усиліями; своимъ мѣстомъ въ Европѣ она обязана не потребностямъ европейскаго равновѣсія; ея участіе въ европейскихъ дѣлахъ можетъ быть желательно той или другой державѣ только въ томъ случаѣ, когда на нее можно смотрѣть какъ на поддержку или орудіе для какихъ-либо чуждыхъ ей видовъ. Такова оригинальность положенія Россіи въ Европѣ, несомнѣнно составляющая одно изъ важныхъ затрудненій не только нашей внѣшней, но отчасти и внутренней политики.

Что Россія своимъ значеніемъ обязана лишь самой себѣ, въ этомъ нельзя не видѣть залоговъ прочности Русскаго государства. Сила его основана на его собственныхъ средствахъ. Оно сложилось не вслѣдствіе искусственныхъ комбинацій; его ростъ былъ труденъ потому именно, что это былъ ростъ естественный. Оно никому кромѣ себя не обязано тѣмъ что теперь способно стоять твердо. Мы дѣйствительно видимъ, что внѣшнія войны не вредили Россіи, а напротивъ въ окончательномъ результатѣ усиливали ея могущество. Такъ всегда бывало, когда только обстоятельства вызывали на сцену исторіи русскую народную силу. Вотъ почему самая опасная внѣшняя война намъ не опасна. Но мы должны сами сознаться предъ собой, что до сихъ поръ не имѣли еще самостоятельной политики для мирнаго времени. Всего продолжительнѣе былъ миръ послѣдовавшій съ низложеніемъ Наполеона I. Положеніе Россіи было

тогда сравнительно выгодное, но обнаружили ли мы тогда дѣйствительную самостоятельность въ нашей политикѣ? Не имѣемъ ли мы въ извѣстной депешѣ графа Нессельродѣ неоспоримаго свидѣтельства, что во время Священнаго Союза мы жертвовали въ пользу германскихъ державъ своими интересами и матеріальными, и нравственными? Въ сущности мы поддерживали ихъ политику, и имъ предоставляли инициативу, а сами только слѣдовали за ними. Германскія державы дорожили нами, потому что опирались на насъ. Князь Меттерних былъ душой тогдашней политики; имъ выработана та дипломатическая рутина, которая сдѣлалась привычною колеей политики сѣверныхъ державъ. Много злобы навлекло это на насъ, преимущественно въ самой Германіи; но нельзя не видѣть, что нашъ выборъ былъ тогда сдѣланъ сравнительно вѣрно. Если уже не имѣть самостоятельной политики, если примыкать къ чужимъ интересамъ, то намъ было несомнѣнно выгоднѣе усвоить себѣ интересы двухъ германскихъ державъ, чѣмъ интересы Франціи или Англіи. Священный Союзъ связывалъ Францію, онъ ставилъ ее въ невозможность дѣйствовать, и потому былъ терпимъ Англіей, которая была такимъ образомъ обезпечена въ такъ-называемой *entente cordiale* съ Франціей временъ Лудовика-Филиппа. Франція была принуждена тогда сидѣть смирно; робкая попытка г. Тьера прервать обычный ходъ дѣлъ тотчасъ же отозвалась четверным союзомъ, *quadruple alliance*, и Франція была съ позоромъ отведена въ границы. Пока дѣло не касалось Восточнаго вопроса, или вѣрнѣе пока оно не касалось его серіозно, до тѣхъ поръ Англія доброжелательствовала дружбѣ трехъ сѣверныхъ державъ; европейская политика не выходила изъ своей колеи, а мы продолжали блюсти совокупность интересовъ Пруссіи и Австріи и своимъ вліяніемъ поддерживали миръ между ними. Намъ не было надобности заботиться о выборѣ пути, самостоятельно обсуждать положеніе дѣлъ и приспособлять свои дѣйствія къ обстоятельствамъ. Эта забота лежала на германскихъ державахъ. Мы давали имъ свою вещественную силу и не чувствовали потребности въ развитіи другаго элемента международныхъ отношеній,—элемента мнѣнія. По этой

части мы были слабы, и обстоятельства не требовали отъ насъ чтобы мы по этой части становились сильнѣе.

Таково было положеніе дѣлъ до Восточной войны. Съ тѣхъ поръ, и въ особенности съ Италіянской войны, оно совсѣмъ измѣнилось. Теперь еслибы мы и хотѣли примкнуть къ нашимъ прежнимъ союзникамъ, это было бы невозможно для насъ уже потому что эти союзники не находятся болѣе въ союзѣ между собой. Пруссія и Австрія теперь не имѣютъ общей политики. Каждая изъ нихъ дѣйствуетъ на свою руку, и если не совершится чего-нибудь неожиданнаго въ Европѣ, между ними рано или поздно должно послѣдовать столкновеніе. Такимъ образомъ единственныя державы въ интересѣ которыхъ мы могли дѣйствовать съ наименьшимъ для себя ущербомъ не имѣютъ уже общаго интереса, который бы связывалъ ихъ, и который мы могли бы поддерживать. Сила обстоятельствъ вынуждаетъ, чтобы мы начали наконецъ дѣйствовать самостоятельно, чтобы мы сами, по собственному усмотрѣнію, избирали свой путь и соображали его исключительно съ интересами своего государства. Эта необходимость, въ сущности благодѣтельная для насъ, заключаетъ въ себѣ главное затрудненіе настоящей минуты.

На свою судьбу мы не можемъ жаловаться; наша звѣзда счастливая. Кто могъ ожидать чтобы крестьянская реформа кончилась такъ успѣшно? Кто могъ надѣяться, чтобы запутанный польскій вопросъ раскрылъ намъ съ такою ясностью всѣ свои сокровенные изгибы? Кто наконецъ имѣлъ чаяніе столь счастливаго окончанія Кавказской войны? Судьба несомнѣнно благопріятствуетъ намъ, принуждая насъ измѣнить характеръ своей внутренней и внѣшней политики, она окружаетъ насъ такими условіями которыя значительно облегчаютъ намъ эту трудную задачу. Но тѣмъ не менѣе задача предстоящая намъ велика. Она велика и сама по себѣ, а еще болѣе потому, что мы несомнѣнно должны ожидать при томъ самаго серіознаго противодѣйствія со стороны всѣхъ до одной великихъ державъ,— противодѣйствія посредствомъ именно тѣхъ элементовъ и вліяній съ которыми мы никогда еще не боролись успѣшно. Чѣмъ же условливается для насъ побѣда надъ теперешними затрудненіями?

Не тѣмъ ли единственно, чтобы мы усилили въ себѣ тотъ невещественный элементъ мнѣнія, на аренѣ котораго будетъ происходить борьба?

VII.

24-го октября.

Дѣло о преобразованіи гимназій близится къ рѣшенію. Классическое начало, какъ извѣстно, признано краеугольнымъ камнемъ предполагаемаго устройства этихъ заведеній, въ настоящее время лишенныхъ всякой жизненной силы, основанныхъ на мнимомъ реальномъ началѣ, но въ сущности безконечно далекихъ отъ всего реальнаго и серіознаго. Остается послѣдній и труднѣйшій шагъ—окончательное обсужденіе проекта устава въ нашемъ высшемъ и законодательномъ учрежденіи. Отъ этого шага будетъ зависѣть судьба русскаго образованія; имъ разрѣшится тревожный вопросъ, суждено ли на дѣлѣ осуществиться у насъ тому что́ кажется торжественно признаннымъ въ принципѣ. «Высоко и важно призваніе тѣхъ въ чьихъ рукахъ находятся заботы о преобразованіи учебныхъ заведеній, говорилъ знаменитый англійскій писатель Юэллъ по поводу вопроса о преобразованіи англійскихъ университетовъ:—это великое, можно сказать, святое дѣло. Тѣ отъ кого оно зависитъ должны дѣйствовать какъ люди которые строятъ для вѣчности.» Что́ значитъ признать въ принципѣ классическое образованіе? Это значитъ требовать такого устройства гимназій при которомъ классическіе языки получили бы то первенствующее мѣсто въ ряду преподаемыхъ предметовъ какое они имѣютъ повсюду гдѣ ученье зиждется на классической основѣ, то-есть во всѣхъ странахъ образованнаго міра, и какое необходимо для того чтобъ они могли приносить истинную пользу. Еслибы на долю древнихъ языковъ выпало недостаточное число уроковъ, такъ что основательное изученіе ихъ сдѣлалось бы невозможнымъ, то указанная и признанная цѣль не была бы достигнута, и вмѣсто серіозныхъ школъ мы вновь имѣли бы притоны поверх-

ностнаго ученія, разслабляющіе юношество вмѣсто того чтобъ укрѣплять его свѣжія силы: признанное въ принципѣ оказалось бы отвергнутымъ на дѣлѣ.

Признать классическую систему значитъ положить ее въ основаніе того общаго образованія которое необходимо для всякаго кто желаетъ продолжать ученіе въ университетѣ, по какой бы то ни было спеціальной отрасли. Классическія гимназіи и университетъ, это одна неразрывная, цѣльная система образованія. Университетъ безъ классическихъ гимназій далеко не уйдетъ. Безъ этой основы ученіе въ университетахъ не можетъ имѣть университетскаго характера; слабость нашего теперешняго университетскаго образованія всего болѣе происходитъ отъ того, что наши гимназіи до сихъ поръ еще не имѣли настоящей классической основы, не были тѣмъ чѣмъ должны быть университетскія гимназіи. Вотъ почему такъ-называемыя реальныя училища нигдѣ не принадлежатъ къ университетской системѣ. Открыть у насъ доступъ въ университетъ чрезъ реальныя гимназіи значило бы въ корнѣ наложить руку на классическое образованіе, и признавъ его въ принципѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнуть на дѣлѣ. Къ счастію, сколько намъ извѣстно, рѣчь идетъ только о превращеніи нѣкотораго числа изъ существующихъ нынѣ гимназій въ заведенія приготовляющія къ высшимъ спеціальнымъ школамъ и не дающія права вступленія въ университетъ. При такомъ ограниченіи существованіе реальныхъ гимназій не можетъ быть вредно университетамъ. Впрочемъ и тутъ нельзя не сдѣлать одного замѣчанія. Къ какимъ высшимъ спеціальнымъ школамъ будутъ готовить эти особыя заведенія? Если дѣло идетъ объ инженерномъ или горномъ и подобныхъ училищахъ, то какое можетъ быть лучшее для нихъ приготовленіе какъ не тѣ же общія классическія гимназіи, если въ нихъ математикѣ будетъ дано надлежащее мѣсто? Вѣдь служатъ же эти гимназіи и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи наилучшимъ приготовленіемъ къ высшему политехническому ученію. Не такъ давно мы приводили слова генерала Морена, одного изъ первыхъ двигателей техническаго образованія во Франціи. По мнѣнію этого

знаменитаго ученаго, классическій курсъ лицея, то-есть классической гимназіи, есть лучшій путь для молодаго человѣка стремящагося къ высшему техническому образованію въ спеціальныхъ заведеніяхъ. Что касается до нуждъ низшаго техническаго образованія или до распространенія образованія въ среднихъ и ремесленныхъ классахъ общества, то для этого требуются вовсе не семиклассныя гимназіи съ неопредѣленнымъ курсомъ какого-то общаго реальнаго образованія, а простыя, но хорошія школы безъ большихъ затѣй и претензій. Для развитія образованія въ среднихъ и ремесленныхъ классахъ общества желательно болѣе всего улучшеніе и умноженіе уѣздныхъ училищъ, устройство нѣсколькихъ прогимназій, наконецъ практическое техническое ученіе посредствомъ системы *волонтерства*, развитіе и поощреніе которой составляетъ теперь самую чувствительную изъ нашихъ потребностей. Различныя отрасли промышленности, наше сельское хозяйство, компаніи, дороги, почты, телеграфы нуждаются въ людяхъ съ порядочнымъ практическимъ образованіемъ, какихъ вовсе не доставляютъ наши реальныя гимназіи. Дадутъ ли ихъ и будущія реальныя гимназіи съ ихъ новоизобрѣтеннымъ *общимъ* реальнымъ образованіемъ?

Признать классическое образованіе, значитъ признать его въ его истинномъ смыслѣ, какъ образованіе общее и неодностороннее. Нельзя не сознаться, что въ нашихъ педагогическихъ кружкахъ ходятъ весьма неясныя понятія объ истинномъ значеніи классическаго образованія. Для однихъ, это образованіе филологическое, готовящее людей намѣревающихся спеціально посвятить себя языкознанію; другіе считаютъ классическое образованіе общимъ литературнымъ образованіемъ, въ которомъ математическія знанія могутъ занимать малое мѣсто. Противополагая классическому образованію реальное, подъ послѣднимъ обыкновенно разумѣютъ обученіе наукамъ естественнымъ. Но совершенно ошибочно думать, будто бы система классическаго образованія остается безплодною для той области знанія благодаря которой силы природы покорены волѣ человѣка. Основа и сила естествовѣдѣнія есть математика, а математика входитъ какъ одинъ изъ основныхъ предметовъ

въ систему ученія классическихъ гимназій, достойныхъ этого почетнаго имени. Только тогда будемъ мы имѣть истинно классическое образованіе и серіозную школу, когда въ нашихъ заведеніяхъ, рядомъ съ серіознымъ изученіемъ древнихъ языковъ, будетъ идти серіозное изученіе математики. Математика есть великое орудіе изученія природы, истинный ключъ естествовѣдѣнія — не того, конечно, естествовѣдѣнія, во имя котораго ратуютъ на страницахъ нѣкоторыхъ петербургскихъ изданій наши распространители знаній въ массахъ, такъ неожиданно почувствовавшіе себя естествоиспытателями,—клянущіеся Боклемъ, наивно перефразирующіе Дарвина, воображающіе Люиса первымъ авторитетомъ по физіологіи, не считающіе для себя обязательнымъ знаніе ариѳметики, полагающіе милліардъ равнымъ милліону милліоновъ, не знающіе что̀ значитъ процентъ, и на основаніи своего поразительнаго невѣдѣнія, съ одобренія редакціи, печатающіе, что въ Англіи теперь 80 милліоновъ жителей, утверждающіе, что Кеплеръ былъ великій практическій астрономъ, первый давшій точныя наблюденія движенія планетъ, простирающіе свое уваженіе къ астрономіи до наивной увѣренности, будто бы разстоянія неподвижныхъ звѣздъ извѣстны съ точностію до одной версты; дошедшіе наконецъ, подобно Гоголевскому судьѣ, своимъ умомъ до сотворенія міра. Отъ вторженія духа этого *вѣдьмія* въ наши новыя гимназіи да охранитъ ихъ Богъ: это значило бы остаться на старомъ. Но математикѣ должно быть дано почетное мѣсто въ учебномъ планѣ гимназій, приготовляющихъ къ университету. За то было бы полезно сократить время назначенное нынѣ на такіе предметы которыхъ преподаваніе, какъ показалъ опытъ, не приноситъ въ гимназіяхъ существенной пользы, а напротивъ нерѣдко причиняетъ большой вредъ. Въ ряду этихъ предметовъ самое видное мѣсто занимаетъ такъ-называемая *русская словесность*, то-есть не русскій и не церковно-славянскій языки, которыми гимназисты должны серіозно заниматься и которымъ они и теперь учатся съ пользой, а тотъ сборъ жалкихъ отрывковъ изъ эстетики, исторіи литературы и журнальныхъ критическихъ статей, который составляетъ истинный крестъ для

всякаго порядочнаго учителя, а молодыхъ людей только пріучаетъ къ фразерству и верхоглядству. Имѣя въ виду, что во многихъ гимназіяхъ учители исторіи пользуются предоставленными имъ часами для того чтобы *читать* свой предметъ по-университетски, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что и преподаваніе исторіи, по крайней мѣрѣ въ среднихъ гимназическихъ классахъ, можетъ быть сокращено съ большою пользой для учениковъ. Вотъ сподручныя средства для того чтобы доставить необходимый просторъ преподаванію древнихъ языковъ и математики, изъ которыхъ первые, по меньшей мѣрѣ, нуждаются въ 12 урокахъ, а вторая въ 4 урокахъ въ недѣлю, дабы преподаваніе ихъ могло идти удовлетворительно въ высшихъ классахъ гимназій.

VIII.

27-го октября.

Въ настоящее время Государь Императоръ снова находится среди своего вѣрнаго и преданнаго ему народа. Съ чувствомъ общей всѣмъ Русскимъ гордости, вспоминая о непоколебимой твердости Его Величества во все продолженіе прошлогодней дипломатической борьбы съ Европой по вопросу, который имѣетъ такое великое значеніе для будущихъ судебъ Россіи, мы можемъ утвердительно сказать, что всѣ толки и предположенія, къ которымъ подали поводъ свиданія въ Киссингенѣ, въ Берлинѣ и особенно въ Ниццѣ, были лишены основанія. Личныя объясненія между государями, безъ сомнѣнія, устранили тѣнь взаимнаго раздраженія, которая могла остаться отъ прошлыхъ лѣтъ, но они не связали ни внѣшней, ни внутренней политики Россіи, и не сообщили ей направленія, которое было бы не согласно съ интересами и съ чувствами Русскаго народа. Вопреки всѣмъ политическимъ разчетамъ и соображеніямъ, русская политика нисколько не станетъ ни французскою, ни прусскою, ни австрійскою, а останется политикой вполнѣ русскою. Національная политика не значитъ, что Россія будетъ

безучастною зрительницей событій, которыя совершаются или заготовляются въ Европѣ; но это значитъ, что при всякомъ новомъ оборотѣ въ ходѣ событій, она, не заручивъ себя ни интересамъ Франціи или Англіи, ни интересамъ Пруссіи или Австріи, можетъ принимать каждый разъ такое положеніе, какое требуется ея собственными интересами, и входить въ такія политическія сочетанія, которыя наиболѣе сообразны съ ея собственными цѣлями; это значитъ, что во всякомъ европейскомъ вопросѣ она можетъ имѣть свою собственную самостоятельную политику, какъ подобаетъ великой европейской державѣ, и не будетъ подчинять свой образъ дѣйствій въ одномъ вопросѣ отдаленнымъ видамъ относительно другаго вопроса,—видамъ, которымъ, какъ мы знаемъ по опыту, по большей части не суждено бываетъ осуществляться.

Въ настоящее время, на первомъ планѣ стоитъ римскій вопросъ и связанный съ нимъ, внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ, вопросъ венеціянскій. Несмотря на увѣренія иностранныхъ газетъ, будто бы Россія особенно дорожитъ дружественными отношеніями къ папѣ и расположена поддерживать свѣтскую власть его, мы не усматриваемъ никакихъ причинъ, почему бы она могла дорожить болѣе чѣмъ сомнительною дружбой римскаго первосвященника, и еще менѣе—что могло бы побудить ее поддерживать его свѣтскую власть. *Крестовая Газета*, какъ мы имѣли уже случай говорить, старается увѣрить, что для умиротворенія нашего Польскаго края необходимо чтобы папа былъ вполнѣ независимъ отъ вліянія и власти Франціи, и по интересамъ свѣтскаго своего владѣнія былъ болѣе или менѣе склоненъ къ примирительному образу дѣйствій въ отношеніи къ не католическимъ державамъ, имѣющимъ, въ числѣ своихъ подданныхъ, католиковъ. Но та же самая цѣль еще вѣрнѣе и еще лучше можетъ быть достигнута другими способами. На благосклонность и дружелюбіе папы Россіи нельзя разчитывать: несравненно было бы надежнѣе навсегда обезопасить себя отъ его вражды и отъ враждебныхъ замысловъ, орудіемъ которыхъ онъ можетъ стать и, дѣйствительно, не разъ уже становился. Это можетъ быть достигнуто, какъ намъ кажется, предоставленіемъ римско-католической церкви въ предѣлахъ Русской державы собственной

судьбѣ ея, безъ всякаго посредничества между ею и папой, безъ всякой заботы о ея особыхъ интересахъ со стороны Русскаго государства, и лишь съ неослабнымъ наблюденіемъ за тѣмъ чтобы дѣйствія мѣстнаго римско-католическаго духовенства не клонились ко вреду для государства или гражданскаго порядка, а въ этомъ отношеніи государство всегда имѣетъ достаточныя средства.

Что касается до венеціянскаго вопроса, то Россія непосредственно не заинтересована тѣмъ, потеряетъ ли Австрія или сохранитъ Венецію за собою; но она не могла бы допустить, чтобы вопросъ о Венеціи былъ непосредственно связанъ съ вопросомъ о вознагражденіи Австріи насчетъ турецкихъ владѣній, какъ того между прочимъ опасается *Daily News*, предполагая, что Россія въ этихъ именно видахъ можетъ войти въ тройственный союзъ съ Австріей и съ Франціей. Подобныя опасенія, какъ намъ кажется, лишены основанія уже по тому одному, что, сколько намъ извѣстно о расположеніи умовъ въ славянскихъ областяхъ Европейской Турціи, присоединеніе этихъ областей къ Австріи встрѣтило бы въ нихъ энергическое сопротивленіе.

Есть еще въ Европѣ вопросъ, который въ настоящее время быстрыми шагами подвигается къ своему разрѣшенію и въ которомъ интересы Россіи сходятся съ интересами Австріи. Это — вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій, который почти окончательно разрѣшенъ между Даніей и Германіей, но который теперь только еще будетъ рѣшаться между самими германскими государствами. Пруссія настаиваетъ на томъ, чтобы рѣшеніе это состоялось въ ея пользу; но ни Австрія, ни второстепенныя германскія государства не могутъ сочувствовать ея властолюбивымъ видамъ. Присоединеніе Шлезвига и Гольштейна къ Пруссіи, хотя бы только въ военномъ, морскомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ, было бы первымъ шагомъ не только къ утвержденію рѣшительной гегемоніи Пруссіи надъ цѣлою Германіей, но и къ расширенію прусской гегемоніи даже на страны, по существующимъ трактатамъ, не входящія въ составъ Германскаго Союза. Подобные планы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть согласны съ интересами Россіи, и въ этомъ отношеніи она смѣло можетъ подать руку Австріи.

Мы не говорим о скандинавскомъ вопросѣ, потому что въ настоящее время онъ стоитъ еще на весьма далекомъ планѣ. Но еслибъ онъ былъ выдвинутъ впередъ, то общіе въ этомъ отношеніи интересы Россіи, Пруссіи, а отчасти и Англіи могли бы сблизить ихъ между собою.

Время постоянныхъ, глухихъ союзовъ, на всѣ возможные случаи, невозвратно миновало для Европы, и если всѣ другія европейскія державы предоставляютъ себѣ сближаться между собою по требованіямъ своихъ выгодъ, то для Россіи подобная политика еще болѣе удобна чѣмъ для всякой другой державы.

Наибольшаго вниманія съ ея стороны требуютъ теперь не внѣшніе, а внутренніе ея вопросы. Вопросы иностранной политики никогда не должны преобладать надъ вопросами внутренней политики и затмевать ихъ собою, какъ это не рѣдко случалось въ Австріи къ большому для нея ущербу. Въ то время, когда еще предстояло свиданіе въ Ниццѣ, французскія газеты, къ томъ числѣ даже *la France*, предвѣщали торжество въ Россіи какой-то *французской* партіи. Подобнымъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Сами государи, при своихъ свиданіяхъ съ Русскимъ Царемъ, несомнѣнно должны были убѣдиться, что имѣютъ дѣло съ Государемъ великаго народа. Новѣйшіе отзывы иностранныхъ журналовъ служатъ самымъ лучшимъ доказательствомъ, что всѣ разчеты иностранныхъ публицистовъ на такое измѣненіе русской политики въ польскомъ вопросѣ, которое соотвѣтствовало бы ихъ недоброжелательнымъ къ Россіи видамъ, разлетѣлись въ прахъ. Пока эти разчеты еще поддерживались Богъ знаетъ на какихъ основаніяхъ, польское дѣло было какъ бы совсѣмъ позабыто въ Европѣ, и ни одинъ серіозный журналъ не рѣшался затрогивать его. Теперь, когда эти разчеты оказались неосновательными, серіозные журналы—*Revue des deux Mondes* и *Times*, одинъ въ статьѣ Шарля де-Мазада: «Le lendemain de la victoire en Pologne», другой въ передовой статьѣ отъ 3-го ноября—снова расточаютъ Россіи самыя гнѣвныя порицанія за ея политику въ польскомъ вопросѣ. Особенно замѣчателенъ поводъ къ ожесточенной филиппикѣ, появившейся на столбцахъ англійскаго журнала. Праздн-

нованіе годовщины спасенія графа Берга отъ опасности грозившей его жизни совершилось въ Варшавѣ 7-го (19-го) сентября, и вотъ по прошествіи болѣе чѣмъ полутора мѣсяца *Times* обращается къ этому скромному торжеству, чтобъ излить всю желчь свою на образъ дѣйствій Россіи въ Польшѣ. Надобно сознаться, что не мало времени понадобилось англійскому публицисту для того чтобы въ немъ вновь созрѣло сочувствіе къ «самой героической въ Европѣ націи» и отвращеніе отъ «русской наглости». Еслибы можно было еще надѣяться, что Россія послѣдуетъ англо-французскимъ внушеніямъ въ польскомъ вопросѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что газета *Times* совсѣмъ воздержалась бы отъ такихъ оскорбительныхъ выходокъ; но теперь, считая дѣло иностранныхъ публицистовъ въ польскомъ вопросѣ совершенно проиграннымъ, она не могла не высказать всей своей досады.

Г. де-Мазадъ еще находитъ возможнымъ указывать на то, будто бы политика Русскаго правительства въ польскомъ вопросѣ противна многимъ, какъ онъ говоритъ, просвѣщеннымъ Русскимъ; но странно, что къ числу Русскихъ, которымъ политика Русскаго правительства противна, относитъ онъ лица принадлежащія къ правительственнымъ сферамъ. По его мнѣнію, извѣстный памфлетъ Шедо-Ферротн вполнѣ отвѣчаетъ тому движенію, которое обнаруживается въ общественномъ мнѣніи самой Россіи и которому онъ противополагаетъ другое мнѣніе, «выдающее себя за національно-русское» и будто бы насильно навязываемое Русскому правительству. Это точь-въ-точь по книжкѣ вышеозначеннаго публициста. Впрочемъ, все предвѣщаетъ что вскорѣ иностранные опекуны наши будутъ принуждены свыкнуться съ тою мыслію, что политика Россіи можетъ быть впредь только русскою политикой, то-есть, политикой, согласною съ интересами и чувствами русскаго, а не французскаго, не англійскаго, не нѣмецкаго народа. Чѣмъ несомнѣннѣе будетъ это убѣжденіе, тѣмъ конечно болѣе возвысится Россія въ глазахъ всей Европы.

IX.

30-го октября.

По поводу вопроса о преобразованіи нашихъ гимназій въ смыслѣ классической системы, который такъ много обсуждался въ нашей газетѣ, мы получили не такъ давно письмо, въ которомъ просятъ насъ разъяснить по возможности, въ силу чего изученіе древнихъ языковъ можетъ имѣть столь важное приписываемое ему дѣйствіе на развитіе и образованіе ума. Эти лица, пожелавшія остаться неизвѣстными, пишутъ, что бо́льшая часть аргументовъ въ пользѣ классической системы основывается на примѣрѣ другихъ странъ и на авторитетѣ иностранныхъ ученыхъ и педагоговъ; а имъ хотѣлось бы получить болѣе внутреннее убѣжденіе въ пользѣ классической системы, имъ хотѣлось бы заглянуть въ тайну того процесса какимъ она дѣйствуетъ въ воспитаніи умственныхъ силъ. Мы понимаемъ и цѣнимъ потребность такого убѣжденія; но здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ, пріобрѣсти вполнѣ отчетливое, сознательное, внутреннее убѣжденіе можно не вслѣдствіе нѣсколькихъ строкъ прочтенныхъ въ журналѣ, какъ бы ни были онѣ убѣдительны, и даже не вслѣдствіе прочтенія цѣлой книги по этому предмету, а изъ живаго опыта, или по крайней мѣрѣ изъ внимательнаго и серіознаго изученія всѣхъ условій педагогическаго дѣла. Въ числѣ людей совершенно убѣжденныхъ и готовыхъ поклясться въ томъ, что не солнце обращается вокругъ земли, а земля вокругъ солнца, многіе ли дѣйствительно имѣютъ такое совершенно отчетливое, опредѣленное и ясное понятіе объ этомъ предметѣ, какое желали бы получить наши неизвѣстные корреспонденты о педагогическомъ дѣйствіи классическихъ языковъ? Физическіе законы и всякаго рода аксіомы, на которыхъ мы смѣло основываемъ наши сужденія и умозаключенія, суть дѣйствительное умственное достояніе только тѣхъ кто знаетъ путь какимъ они найдены въ наукѣ, и можетъ шагъ за шагомъ прослѣдить этотъ путь. Точно то же слѣдуетъ разумѣть и относительно аксіомъ нравственнаго міра. Вопросы педаго-

гическіе принадлежатъ къ области высшаго умозрѣнія и даются не легко. Никто не можетъ требовать ни отъ себя, ни отъ другихъ вполнѣ удовлетворительныхъ, совершенно опредѣленныхъ и ясныхъ, спеціальныхъ понятій обо всѣхъ предметахъ входящихъ тѣмъ не менѣе въ кругозоръ всякаго образованнаго человѣка. Въ оцѣнкѣ многихъ вещей люди довольствуются общими соображеніями и руководствуются просвѣщеннымъ тактомъ, смѣтливостію и прозорливостію, уловляя различные признаки, хотя и не характеризующіе дѣло въ его внутренней сущности, но болѣе или менѣе наводящіе на его истинный слѣдъ.

Примѣръ цѣлыхъ странъ и авторитетъ умовъ посвятившихъ себя спеціальному изученію дѣла и извѣдавшихъ всѣ глубины его, это немаловажно. Это не можетъ не послужить сильнымъ средствомъ убѣжденія для людей дѣйствительно желающихъ убѣдиться, дѣйствительно ищущихъ истины и дѣйствительно понимающихъ важность вопроса. Не формулы, не голословныя аргументаціи могутъ научать людей какъ въ частной жизни, такъ и во всякомъ общественномъ дѣлѣ, а живой примѣръ и могущественное краснорѣчіе фактовъ. Примѣръ другихъ странъ: но какихъ странъ? и въ чемъ примѣръ? Примѣръ въ дѣлѣ образованія и науки, подаваемый странами, гдѣ по преимуществу процвѣтаетъ наука во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, откуда она распространяетъ свой свѣтъ повсюду, и откуда мы сами заимствуемъ все что у насъ имѣется по этой части. Если мы завели у себя университеты и гимназіи, если мы изучаемъ и переводимъ на свой языкъ иностранныя руководства по всѣмъ наукамъ, если мы выписываемъ къ себѣ иностранныхъ педагоговъ, если мы отправляемъ нашихъ ученыхъ для усовершенствованія въ заграничные университеты, если мы со справедливою скромностію сознаемъ себя по всѣмъ частямъ лишь робкими учениками и подражателями иностранцевъ, если мы съ несправедливымъ и безсмысленнымъ злорадствомъ объявляемъ себя вслѣдствіе того неспособными къ умственной самостоятельности и производительности, и попрекаемъ себя незначительностію оказанныхъ нами успѣховъ въ теченіе болѣе нежели полутораста лѣтъ со времени нашего возвращенія въ Европу;

то слѣдуетъ подумать серіозно, въ чемъ существенно заключаются условія того образованія которое мы именуемъ европейскимъ и къ которому находимся въ столь странныхъ и двусмысленныхъ отношеніяхъ. Возвращеніе въ Европу стоило намъ страшно дорого; оно было куплено цѣпой величайшихъ усилій, какія когда-либо совершалъ историческій народъ въ борьбѣ съ внутренними затрудненіями и внѣшними препятствіями; оно было сопряжено съ величайшими пожертвованіями, какія когда-либо приносились народами по призыву историческихъ судебъ. Если же возвращеніе въ Европу стоило намъ такъ дорого и имѣетъ столь важное значеніе въ нашей исторіи, то не затѣмъ же оно совершилось, чтобы мы вѣчно оставались учениками чуждой намъ науки и подражателями чуждой намъ цивилизаціи; если возвращеніе на европейскую почву стоило намъ такъ дорого, то весьма естественно желать, чтобы мы твердо стали на этой почвѣ, крѣпко овладѣли ею, жили, дѣйствовали и чувствовали себя на ней не переряженными варварами, не карикатурными подобіями Французовъ или Нѣмцевъ, а сами собою, и чтобы дѣло цивилизаціи, образованія, науки, не было у насъ дѣломъ заимствованнымъ, пришлымъ, чуждымъ, а нашимъ собственнымъ, чтобы европейское значеніе, котораго мы добивались, было для насъ не иноземною стихіей, а живою производительною силой нашего собственнаго народнаго существованія, чтобы мы чувствовали себя Европейцами не въ качествѣ фальшивыхъ и потому никуда негодныхъ Французовъ или Нѣмцевъ, а въ качествѣ Русскихъ. Что такое эта европейская почва, на которой мы неизбѣжно хотимъ, неизбѣжно должны стоять, объ этомъ стоитъ подумать. Но прежде чѣмъ пускаться въ глубь, не худо повнимательнѣе осмотрѣть явленія, которыя представляются намъ на поверхности.

Въ продолженіе полутораста лѣтъ насъ загоняютъ въ европейскія школы, насъ заставляютъ учиться у европейскихъ наставниковъ: весьма естественно спросить, каковы тѣ европейскія школы въ которыхъ мы учимся и дѣйствительно ли мы учимся въ европейскихъ школахъ. Мы видимъ, мы откровенно сознаемся, что отъ нашего ученія въ такъ-называемыхъ евро-

пейскихъ школахъ выходитъ мало толку. Наше образованіе подвергается обидному сомнѣнію: мы положительно недовольны состояніемъ искусствъ и наукъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ; мы съ прискорбіемъ чувствуемъ во всемъ нашу безпомощность, наше ученичество; мы съ горестію видимъ что и въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ мы не обходимся безъ чужой помощи, безъ посторонняго руководства. Что же тому причиной? естественно спрашиваемъ мы самихъ себя. Неужели въ самомъ дѣлѣ мы какая-то обиженная порода людей, что несмотря на всѣ наши старанія и усилія овладѣть наукой и образованіемъ, мы должны оставаться только учениками, безъ всякихъ видовъ стать мастерами? Учатся не для того чтобы остаться на вѣкъ учениками, а для того чтобы сравняться съ учителями и, если можно, превзойти ихъ. Только при такомъ взглядѣ на ученіе можетъ имѣть оно смыслъ; только при такой увѣренности могли мы пойти въ науку къ чужимъ людямъ; только въ такихъ видахъ могли мы такъ дорого заплатить за возможность и право учиться въ европейскихъ школахъ! Лишь злонамѣренность или круглая глупость могутъ утверждать, что вина неудовлетворительныхъ результатовъ нашего ученія заключается въ какихъ-либо недостаткахъ или недочетахъ русской природы. Самые недоброжелательные наблюдатели Русскаго народа должны сознаться, что по своимъ природнымъ свойствамъ онъ ни въ чемъ не уступаетъ ни одной изъ самыхъ богатыхъ образованіемъ и наукой народностей европейскихъ. Нѣтъ, напротивъ, при всей скудости результатовъ нашего ученія въ европейскихъ школахъ, мы видимъ въ нашемъ народѣ самыя несомнѣнныя проявленія могущественныхъ природныхъ силъ, которыя обѣщаютъ блистательное развитіе всякаго умственнаго дѣла при благопріятныхъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ было бы нелѣпо думать, чтобы люди изъ нашей среды, воспитанные, образованные и развитые умственно при одинаковыхъ условіяхъ, въ одной и той же школѣ съ людьми какихъ бы то ни было другихъ народностей, могли отличаться отъ нихъ чѣмъ-либо существенно. А потому самъ собою возникаетъ вопросъ: нѣтъ ли какого существеннаго различія въ способѣ образованія, въ устройствѣ школы? Насъ

загоняли въ европейскія школы,—но точно ли въ европейскія? Насъ отдавали въ науку иностранцамъ,—но точно ли иностранцы учили насъ такъ какъ учились сами, и какъ вообще люди призываемые къ высшимъ умственнымъ сферамъ учатся въ Европѣ? Пользуемся ли мы всею полнотой тѣхъ условій, благопріятствующихъ воспитанію умственныхъ способностей, безъ которыхъ невозможно живое, плодотворное, самостоятельное развитіе науки? У насъ есть гимназіи, у насъ есть университеты и академіи; но, въ сущности, не учатся ли наши дѣти въ тѣхъ самыхъ школахъ которыя въ Европѣ не считаются годными для цѣлей высшаго образованія,—въ тѣхъ школахъ гдѣ сообщается полировка людямъ не предназначающимъ себя для высшихъ умственныхъ сферъ,—купеческимъ прикащикамъ и аптекарскимъ гезелямъ? Считая себя на европейской почвѣ и въ обладаніи способами европейскаго образованія, не воспитываемъ ли мы своихъ дѣтей въ тѣхъ школахъ которыя хотя и европейскою цивилизаціей устраиваются, но устраиваются ею для варваровъ, ищущихъ только наружнаго лоска цивилизаціи? Не окажется ли, что та мнимая европейская школа, гдѣ мы воспитываемъ цвѣтъ своего юношества, принадлежитъ въ сущности къ одной категоріи со школой турецкою или японскою, гдѣ чуждымъ Европѣ дѣтямъ сообщаютъ нѣкоторые полезные результаты ея цивилизаціи, но не сообщаютъ той силы которою эти результаты добыты? Въ самомъ дѣлѣ, и Турки, и Японцы тоже учатся въ европейской школѣ, пріобрѣтая свѣдѣнія по части разныхъ наукъ развивающихся въ Европѣ; извѣстно что Японцы уже давно и очень успѣшно обучились у Голландцевъ и математикѣ, и физикѣ, и астрономіи, но никому неизвѣстно, чтобъ эти и вообще какія бы то ни было знанія плодотворно процвѣтали въ Японіи, и чтобъ японскіе ученые, хотя бы и образовавшіеся подъ руководствомъ европейскихъ ученыхъ, могли что-нибудь значить въ сравненіи съ ними.

Итакъ, возникаетъ вопросъ, нѣтъ ли какихъ существенныхъ отличій въ устройствѣ нашей школы и устройствѣ той, гдѣ Европа воспитываетъ и приготовляетъ къ наукѣ и жизни свои лучшія умственныя силы? Сличая, мы находимъ дѣйствительно

большую разницу между истинною европейскою школой и тою въ которой воспитывается цвѣтъ нашего юношества. Мы находимъ, что именно въ тѣхъ странахъ Европы которыя стоятъ во главѣ цивилизаціи и отличаются преимущественно предъ всѣми плодотворнымъ развитіемъ искусствъ и знаній, есть одинъ надъ всѣми господствующій предметъ, котораго нѣтъ, или почти нѣтъ, въ нашей школѣ. Только въ глазахъ людей предзанятыхъ или не чувствующихъ живаго побужденія вникнуть въ дѣло, обстоятельство это не представится существенно важнымъ. Но всякій кто ищетъ убѣжденія, кто ищетъ истины, невольно остановится предъ этимъ фактомъ и подумаетъ о немъ серіозно. Вотъ три страны, три народности, равно европейскія, равно славящіяся цивилизаціей, наукой, искусствами, плодотворною техническою дѣятельностью, развитіемъ торговли и промышленности, и въ то же время рѣзко и глубоко отличающіяся одна отъ другой своимъ геніемъ, своимъ характеромъ, бытомъ, религіей, учрежденіями, отличающіяся до мельчайшихъ подробностей во всѣхъ родахъ своей дѣятельности и своихъ произведеній, во многомъ крайне антипатическія одна другой, и несмотря на то полагающія въ основаніе своего высшаго умственнаго образованія, почти въ одинаковой степени и силѣ, одно и то же ученіе, котораго именно не достаетъ нашей школѣ. Неужели это обстоятельство не заслуживаетъ серіознаго вниманія? Неужели оно не даетъ основанія для заключеній? Неужели оно не наводитъ насъ ни на какія соображенія? Мы видимъ, что у этихъ народовъ дѣло высшаго образованія и науки спорится; мы видимъ, что оно у насъ не спорится; мы находимъ, что при всей противоположности въ характерѣ и развитіи этихъ народовъ, при всемъ различіи въ ихъ умственномъ складѣ, при всей характеристической особенности умственнаго творчества и способовъ разработки знанія у каждаго изъ нихъ,—наконецъ, при всемъ разнообразіи ихъ педагогическихъ системъ, есть одинъ равно общій имъ признакъ, который бросается въ глаза, и который не можетъ быть простою случайностью. Съ другой стороны, мы находимъ, что наша школа, во всемъ повидимому сходствующая съ европейскою, лишена именно этого признака;

мы видимъ, что въ нашей школѣ есть все, за исключеніемъ только того въ чемъ почти исключительно сходствуютъ, при всемъ ихъ разнообразіи, школы всѣхъ европейскихъ народовъ, въ чемъ стало-быть состоитъ главная характеристическая черта европейской школы.

Какая же это характеристическая черта европейской школы, не находимая нами у себя? Что это за элементъ, который почти въ равной силѣ господствуетъ вездѣ въ истинно-европейской школѣ, и который отметается нами какъ ненужный, безполезный и безсмысленный? Характеристическая черта истинно-европейской школы есть то что на педагогическомъ языкѣ называется *концентрація*, сосредоточеніе, собираніе умственныхъ силъ; а тотъ элементъ посредствомъ котораго совершается это дѣло концентраціи,—элементъ нами отвергаемый въ качествѣ безплоднаго и безсмысленнаго, суть древніе и классическіе языки, греческій и латинскій. Истинно-европейская школа, какъ мы видимъ, и видимъ не въ теоріи, а на дѣлѣ, есть школа по преимуществу греко-римская; вотъ единственное характеристическое отличіе европейской школы отъ той которая заведена у насъ подъ этимъ именемъ.

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о свойствахъ того предмета посредствомъ котораго совершается въ школѣ самое существенное педагогическое дѣло,—дѣло сосредоточенія; посмотримъ прежде въ чемъ оно состоитъ, для чего оно нужно; уяснивъ себѣ этотъ вопросъ, мы лучше потомъ можемъ судить о томъ, какими способами и на какомъ предметѣ оно можетъ всего успѣшнѣе совершаться.

Школа имѣетъ цѣлію воспитаніе ума; она имѣетъ дѣло съ первыми начатками умственной организаціи, и ея призваніе состоитъ въ томъ чтобы воспитать и возрастить эти начатки. Она беретъ человѣческое существо тотчасъ по выходѣ его изъ младенчества и возводитъ его, шагъ за шагомъ, параллельно съ его физическимъ возрастаніемъ, въ силу и зрѣлость готоваго къ самостоятельной жизни ума. Въ школѣ не науки разрабатываются, не изслѣдованія совершаются, не открытія творятся, также не лекціи читаются,—въ школѣ воспитываются

дѣти, для того чтобъ они вмѣстѣ съ своимъ физическимъ возрастаніемъ созрѣвали и умственно, и могли стать способными какъ для науки, такъ и для всякой серіозной умственной дѣятельности. Но для такого воспитанія необходимо сосредоточеніе всѣхъ умственныхъ способностей и развитіе ихъ на одномъ трудѣ, который зрѣлъ бы изъ года въ годъ въ продолженіе всего отрочества. Воспитывать не значитъ развлекать, раздроблять, разслаблять; воспитывать значитъ собирать, сосредоточивать, усиливать и вводить въ зрѣлость. Школа дѣйствуетъ противно цѣлямъ воспитанія, если она ставитъ себѣ задачей поровну раздѣлять предоставленное ей время между многими разнородными науками, съ тѣмъ чтобы сообщать младенческимъ, только что народившимся умамъ разныя свѣдѣнія, которыя покажутся ей интересными и важными. Вмѣсто знаній, она внесетъ въ эти юные умы, ввѣренные ея попеченію, лишь неудобосваримый хламъ словъ и формулъ; вмѣсто приготовленія ихъ къ серіозной дѣятельности, она сдѣлаетъ ихъ неспособными къ ней; она не разовьетъ, не возбудитъ умственныхъ силъ, но замутитъ, разстроитъ и разслабитъ тѣ начатки умственной организаціи, которые поступаютъ къ ней прямо изъ рукъ матери. Оттого-то и выходитъ, что если добрая школа приноситъ великую пользу, то школа дурная не только не приноситъ пользы, но и причиняетъ положительный вредъ. Оттого-то такъ часто бываетъ, что простой человѣкъ, не прошедшій чрезъ педагогическую школу, оказывается зрѣлѣе, здравомысленнѣе, тверже умомъ и во всѣхъ отношеніяхъ почтеннѣе воспитанниковъ школы, не понимающей своего призванія и дѣйствующей вопреки ему.

Умственное воспитаніе требуетъ, чтобы надъ всѣми предметами, которые входятъ въ составъ школьнаго ученія, непремѣнно господствовалъ одинъ предметъ, или группа однородныхъ предметовъ, которой была бы посвящена бо́льшая часть школьнаго времени и къ которой воспитанники возвращались бы ежедневно, въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, до конца своего воспитанія, т.-е. во весь періодъ своего отрочества. Если такого предмета или такой группы однородныхъ предметовъ не окажется въ

школѣ,—если все школьное время будетъ раздроблено поровну, или почти поровну, между многими разнородными предметами, то воспитанія не будетъ, а будетъ порча. Что же мы видимъ въ дѣйствительной европейской школѣ? Мы видимъ, что тамъ надъ всѣми предметами ученія господствуетъ одинъ предметъ, которому посвящается гораздо болѣе учебнаго времени чѣмъ всѣмъ остальнымъ въ совокупности, и къ которому юные зрѣющіе умы возвращаются ежедневно, въ продолженіе цѣлыхъ восьми и девяти лѣтъ. Какой бы ни былъ этотъ предметъ, дѣло въ томъ что въ европейской школѣ есть одинъ господствующій предметъ, которому посвящается до шестнадцати часовъ изъ двадцати четырехъ и даже двадцати двухъ всего учебнаго времени въ недѣлю. Вотъ поразительный фактъ, которому мы не находимъ ни малѣйшаго соотвѣтствія въ нашей школѣ. Чего не преподается въ нашей школѣ? Загляните въ программу нашихъ гимназій, нашихъ кадетскихъ корпусовъ, нашихъ семинарій: чего въ нихъ нѣтъ, какихъ наукъ въ нихъ не преподается, и какая безобидная равномѣрность въ распредѣленіи занятій! Какой пантеонъ знаній! И естествовѣдѣніе, и законовѣдѣніе, и географія, и исторія отъ сотворенія міра по сіе число, и русская словесность, въ которой отражается земля и небо, и упоминается обо всемъ, начиная отъ санскритскаго языка до послѣдней модной повѣсти, до послѣдней журнальной рецензіи включительно; есть и математика и физика съ космографіей, есть и латынь по три часа въ недѣлю; есть въ семинаріяхъ еще и химія, и медицина, и сельское хозяйство съ геодезіей; наконецъ, всего не перечтешь что преподается въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ! И все это сообщается юнымъ умамъ въ продолженіе какихъ-либо семи лѣтъ, отъ девятилѣтняго до шестнадцатилѣтняго возраста! Сколько знанія должны были бы, кажется, разливать наши столь богатыя учебныя заведенія въ нашемъ обществѣ! Какое сравненіе, напримѣръ, съ тѣми скудными школами, гдѣ воспитывается цвѣтъ Англійскаго народа, почти исключительно на латинской и греческой грамматикѣ и на разборѣ классическихъ писателей.

Нельзя ли объяснить плохіе результаты нашихъ школъ не столько ихъ устройствомъ, сколько тѣмъ что программа положенная въ основаніе этого устройства плохо исполняется, тѣмъ что у насъ нѣтъ хорошихъ учителей, которые понимали бы свое дѣло и вели бы его какъ слѣдуетъ? Положимъ, что такъ; но отчего же нѣтъ у насъ хорошихъ учителей, которые понимали бы свое дѣло и умѣли бы вести его какъ слѣдуетъ? Отчего же мы послѣ нашихъ полуторастолѣтнихъ занятій по части всѣхъ наукъ, составляющихъ европейскую мудрость, остаемся только въ ученикахъ и не можемъ образовать изъ среды своей хорошихъ учителей? Во всякомъ случаѣ, если мы не имѣемъ въ достаточной мѣрѣ хорошихъ учителей при томъ множествѣ разнообразныхъ наукъ которыя преподаются въ нашихъ школахъ, зачѣмъ же мы вводимъ столько предметовъ въ наши школы; зачѣмъ же не ограничимъ ихъ числа, зачѣмъ мы не послѣдуемъ правилу понятному и безъ помощи науки для всякаго здраваго смысла, что лучше пріобрѣсти немногое, нежели хвататься за многое и не схватить ничего?

Прямая и главная цѣль школы, повторимъ, есть воспитаніе ума, и сосредоточеніе занятій есть необходимое средство для этой цѣли. Школа отрочества должна хлопотать не о томъ чтобы сообщить своимъ воспитанникамъ поболѣе разнообразныхъ свѣдѣній, которыхъ сущность неизбѣжно ускользаетъ отъ юныхъ субъектовъ, оставляя имъ на долю только шелуху и хламъ; нѣтъ, ея забота пріучить юныя силы мало-по-малу, безъ напряженія и надрыва, къ серіозному и сосредоточенному труду, вызывать всѣ способности необходимыя для полной умственной организаціи, развить ихъ по возможности равномѣрно, укрѣпить и умножить ихъ, утвердить въ умѣ лучшіе навыки, которые должны стать для него второю природой, поселить въ немъ здоровые инстинкты, ознакомить его со всѣми процессами и пріемами человѣческой мысли не на словахъ, а на дѣлѣ, на собственномъ трудѣ, вкоренить въ молодомъ умѣ чувство истины, чувство положительнаго знанія, чувство яснаго понятія, такъ чтобъ онъ во всемъ могъ явственно и живо различать дознанное отъ недознаннаго, понятое отъ непонятаго, усвоенное отъ

неусвоеннаго. Понимая такимъ образомъ свою задачу, школа сама становится дѣломъ жизни; она не толчетъ воду, но дѣлаетъ дѣло, и если дѣлаетъ хорошо, то получитъ хорошіе результаты, которыхъ она никогда не достигнетъ, если будетъ заниматься *полигисторствомъ*. Умъ воспитанный и окрѣпшій, самъ, безъ помощи учителей, легко пріобрѣтетъ всѣ разнообразныя свѣдѣнія, какія ему понадобятся. Поэтому-то въ европейской школѣ, поставляющей свою главную цѣль въ воспитаніи ума, сообщеніе разныхъ свѣдѣній, полигисторство, есть дѣло второстепенное, на которое отводится лишь столько времени, сколько остается его отъ главнаго дѣла.

Но почему европейская школа беретъ для цѣли умственнаго воспитанія именно древніе языки, и на нихъ сосредоточиваетъ учебныя занятія? Отчего непремѣнно древніе языки, отчего не другой какой предметъ, котораго польза была бы болѣе очевидна, который ближе былъ бъ къ подробностямъ текущей жизни? Греческій и латинскій языки—для чего они нужны, какая надобность сосредоточивать воспитаніе на этомъ отжившемъ мірѣ, отъ котораго осталось только воспоминаніе, и который не находится ни въ какихъ практическихъ связяхъ съ живою современною дѣйствительностію? Не лучше ли было бы взять что-либо изъ современной дѣйствительности, и на такомъ предметѣ сосредоточить занятія школы для воспитанія юныхъ умственныхъ силъ?

Но прежде чѣмъ пускаться въ поиски за какимъ-либо другимъ предметомъ, не худо однакожъ отдать себѣ отчетъ, почему въ тѣхъ самыхъ странахъ которыя по преимуществу отличаются живымъ развитіемъ всѣхъ интересовъ современной дѣйствительности, почему въ тѣхъ странахъ гдѣ процвѣтаютъ всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія, гдѣ одержываются всѣ тѣ побѣды человѣческаго ума надъ природой, которыми гордится наша современная цивилизація, почему въ этихъ образованныхъ, и по преимуществу практическихъ странахъ, избранъ для умственнаго воспитанія именно тотъ самый предметъ, на который, по нашему мнѣнію, было бы неразсчетливо и безполезно тратить золотое время школы? Чѣмъ безплоднѣе и безполезнѣе кажутся

намъ занятія древними языками, тѣмъ поразительнѣе выдается тотъ фактъ, что въ европейскихъ школахъ на этотъ предметъ тратятъ такую гибель времени въ ущербъ всѣмъ другимъ предметамъ ученія. Разсуждая такимъ образомъ, мы должны убѣдиться, что европейскія школы хуже всевозможныхъ школъ на свѣтѣ. Разсуждая такимъ образомъ, не придемъ ли мы весьма естественно къ необходимости воскликнуть: ахъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находится дѣло науки въ Европѣ, гдѣ школа употребляетъ на безплодный предметъ восемь и девять лѣтъ невозвратимаго времени въ жизни своихъ дѣтей, приготовляемыхъ ею къ сферамъ высшей умственной дѣятельности! Но мы, безъ сомнѣнія, согласимся, что нѣтъ серіозныхъ основаній скорбѣть такимъ образомъ объ участи науки въ Европѣ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ другими частями свѣта. Мы должны будемъ согласиться и въ томъ, что какимъ бы безплоднымъ предметомъ ни казались намъ древніе языки, они тѣмъ не менѣе приносятъ великую неоспоримую пользу, служа въ европейскихъ школахъ для педагогической концентраціи умственнаго труда.

Теперь спрашивается, какому иному предмету могли бы мы дать предпочтеніе предъ древними языками для той цѣли которой они служатъ въ европейскихъ школахъ? На какомъ другомъ предметѣ могли бы мы сосредоточить учебныя занятія въ той степени и силѣ, въ какой это оказывается необходимымъ въ интересѣ надлежащаго умственнаго воспитанія? Можемъ ли мы призвать для этой цѣли, напримѣръ, математику, которая прежде всего представляется нашему вниманію? Математика есть безспорно необходимый элементъ въ дѣлѣ умственнаго воспитанія; математикѣ безспорно должно принадлежать почетное мѣсто въ программѣ школы. Математика не есть сумма свѣдѣній; математика есть способность, органъ, сила; безъ надлежащаго развитія этой способности воспитаніе не достигнетъ своей цѣли, а потому не можетъ быть и вопроса о томъ, слѣдуетъ ли математикѣ предоставить столько учебнаго времени въ школѣ, сколько необходимо для правильнаго и полнаго развитія этой великой умственной силы. Но возможно

ли хотя на минуту поддерживать мысль, что математика можетъ исполнить то самое назначеніе какое древніе языки исполняютъ въ европейской школѣ? Есть ли возможность сосредоточить умственный трудъ дѣтей въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, отъ девятилѣтняго до шестнадцатилѣтняго возраста, преимущественно на математикѣ, такъ чтобъ они каждый день возвращались къ ней и употребляли на нее отъ десяти до шестнадцати часовъ въ недѣлю? Было ли бы желательно это, еслибъ это и оказалось возможнымъ? Получили-ли бы мы при такого рода концентраціи учебнаго времени тѣ результаты которые должны составлять цѣль умственнаго воспитанія? Математика есть необходимый предметъ, но она не соотвѣтствуетъ всей умственной организаціи человѣка. Сосредоточивая преимущественно на ней учебныя занятія, мы оставимъ въ небреженіи самыя существенныя силы, нарушимъ психическое равновѣсіе и сообщимъ развитію молодыхъ умовъ ввѣренныхъ попеченіямъ школы односторонее, уродливое, неестественное направленіе. Мы обезсилимъ и изнуримъ нашихъ воспитанниковъ, и въ концѣ концовъ, за немногими исключеніями, сдѣлаемъ ихъ неспособными къ самой математикѣ. Не естествовѣдѣніе ли взять для этой цѣли, ботанику, зоологію, физіологію, химію? Не превратить ли намъ наши гимназіи въ химическія лабораторіи и въ анатомическіе театры? Оставляя въ сторонѣ вопросъ, полезно или безполезно вводить до нѣкоторой степени въ программу школы назначенной для отроческаго возраста преподаваніе естественныхъ наукъ, мы не можемъ въ здравомъ умѣ допустить мысль о томъ чтобы концентрировать на этомъ предметѣ учебное устройство школы. Естественныя науки тѣсно связаны между собою; серіозное занятіе ими требуетъ болѣе или менѣе зрѣлаго ума. Для дѣтей отъ десяти до шестнадцатилѣтняго возраста свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ могутъ быть предметомъ лишь самаго поверхностнаго занятія; но могутъ ли занятія поверхностныя служить главною сосредоточивающею силой въ дѣлѣ воспитанія и соотвѣтствовать его цѣлямъ? Исторія почти вездѣ болѣе или менѣе вводится въ учебный планъ школы; но можно ли вообразить себѣ чтобъ

этотъ предметъ когда-нибудь занялъ то мѣсто какое въ европейскихъ школахъ предоставлено древнимъ языкамъ? Можно ли серіозно допустить мысль чтобы дѣти, въ продолженіе семи, восьми или девяти лѣтъ своего школьнаго времени, возвращались ежедневно къ этому предмету и сосредоточивали на немъ свои занятія? Что стали бы они дѣлать съ исторіей, употребляя на нее не только шестнадцать или десять, но даже по три часа въ недѣлю, въ продолженіе восьми и девяти лѣтъ? Въ какіе источники будутъ погружаться эти двѣнадцатилѣтніе изслѣдователи жизни народовъ и каузальной связи событій, эти юные и уже столь глубокомысленные цѣнители политическихъ учрежденій, историческихъ движеній и двигателей? Но не дать ли господствующую роль изученію новѣйшихъ языковъ, знаніе которыхъ можетъ оказать практическую пользу для жизни? Не пожелать ли намъ, чтобы въ продолженіе шестнадцати часовъ воспитанники нашихъ школъ тараторили съ своимъ учителемъ по-французски, по-нѣмецки или по-англійски? Пусть кто хочетъ представить себѣ такую школу, и спроситъ себя, что вынесутъ изъ нея ея воспитанники? При хорошемъ успѣхѣ они пріобрѣтутъ навыкъ объясняться на иностранныхъ языкахъ, и при наилучшемъ превратятся нравственно въ иностранцевъ. Наконецъ, не пожелать ли намъ, чтобы педагогическое сосредоточеніе умственнаго труда совершалось на изученіи роднаго языка? Родной языкъ, какъ пріятно звучитъ это! Но кто серіозно ищетъ истины, тотъ легко пойметъ, что отечественный языкъ отнюдь не можетъ служить тѣмъ педагогическимъ орудіемъ, какимъ служатъ древніе языки въ европейскихъ школахъ. Вездѣ есть отечественный языкъ, вездѣ учатъ дѣтей правильному употребленію ихъ отечественнаго языка, но нигдѣ не помышляютъ о томъ, чтобы посвящать ему для высшихъ педагогическихъ цѣлей то количество времени которое считается для этихъ цѣлей необходимымъ. Нигдѣ не помышляютъ о томъ, чтобы сдѣлать отечественный языкъ предметомъ такого изученія и анализа, какіе возможны лишь по отношенію къ языкамъ мертвымъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ изучать и анализировать живой предметъ, и при томъ такой который есть одно съ нами. Дѣти

могутъ учиться своему природному языку только для того чтобы регулировать его практическое употребленіе; но никогда не удастся возвести его для ихъ разумѣнія въ предметъ плодотворнаго теоретическаго изученія. Можно ли вынуть изъ устъ дѣтей живое слово, непосредственно понятное имъ и неразрывно связанное съ ихъ жизнію, и представить имъ его какъ нѣчто для нихъ внѣшнее, чуждое, требующее постояннаго ежедневнаго ученія? Что выпесутъ они изъ такого труда? Умѣнье правильно и хорошо писать на своемъ языкѣ? Но они могутъ достигнуть этого результата и безъ такого труда. Напротивъ, можно утвердительно сказать, что еслибъ они стали посвящать на изученіе своего языка излишнее количество времени и труда, то они всего менѣе достигли бы желаемаго результата. Своему языку учиться имъ нечего; они всосали его съ молокомъ матери, его грамоту они усвоили себѣ прежде чѣмъ поступили въ школу, которая должна воспитать ихъ умственныя силы. Правильному употребленію отечественной рѣчи они могутъ выучиться полагая на этотъ предметъ въ продолженіе школьнаго времени весьма ограниченное число часовъ, въ которые учитель будетъ занимать ихъ практическими упражненіями и чтеніемъ образцовыхъ писателей. На какую же сторону повернетъ школа отечественный языкъ для того чтобы сосредоточить въ немъ умственный трудъ своихъ воспитанниковъ? Будетъ ли она на формахъ отечественнаго языка раскрывать законы человѣческаго разума, насколько они отпечатлѣлись въ строеніи языка? Будетъ ли она водить дѣтскіе умы по лабиринту сравнительнаго языкознанія, которое, какъ наука, родилось на свѣтъ только вчерашняго числа, и какъ предметъ серіозныхъ занятій доступно только для спеціальныхъ ученыхъ? Будетъ ли она слѣдить со своими воспитанниками за историческими измѣненіями ихъ отечественнаго языка, посвящать ихъ въ спеціальности, которыя не представятъ для дѣтей ни интереса, ни смысла?

Не даромъ лишь европейская школа могла успѣшно примѣнить то великое педагогическое начало которое требуетъ сосредоточенія учебныхъ занятій; не даромъ лишь въ европейской школѣ оказался удобный для того предметъ. Европейская

школа не есть школа нѣмецкая, или французская, или англійская; европейская школа есть школа греко-римская. Европейская почва не значитъ та или другая изъ нынѣшнихъ европейскихъ народностей, или всѣ въ совокупности; европейская почва, это—почва нейтральная, общая для всѣхъ народностей, это тотъ міръ который называется классическою древностію, міръ который на вѣки вѣковъ и всецѣло совершилъ циклъ своего развитія, міръ съ началомъ и концомъ. Только европейская цивилизація имѣетъ прошедшее; только она владѣетъ завѣщаннымъ ей капиталомъ, только она получила наслѣдство. Отказываясь отъ древнихъ языковъ, наша школа не только отказалась бы отъ наплучшаго, вѣрнѣе сказать, отъ единственнаго средства для полнаго умственнаго воспитанія, но и отказалась бы за нашу народность отъ прямаго участія въ этомъ великомъ наслѣдствѣ. Устраняясь отъ прямаго участія въ завѣщанномъ классическою древностію капиталѣ, мы тѣмъ самымъ лишили бы себя той европейской почвы, на которой желаемъ основаться, и на которую имѣемъ не меньшее чѣмъ другіе право.

Не какая-либо случайность положила классическіе языки въ основаніе европейской школы. Напрасно иные хотятъ объяснить этотъ многознаменательный фактъ тѣмъ, будто народы центральной и западной Европы находятъ практическіе поводы къ изученію древнихъ языковъ. Напрасно указываютъ на употребленіе латинскаго языка въ римско-католической церкви; напрасно также указываютъ на римское право, вошедшее въ жизнь нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ. Въ Англіи римское право почти не дѣйствовало; ни въ Англіи, ни въ протестантской Германіи латинскій языкъ не имѣетъ богослужебнаго значенія. Наконецъ, ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не имѣетъ историческихъ преданій которыя сближали бы его съ Греціей, по крайней мѣрѣ ни одинъ болѣе нашего. Древніе классическіе языки положены въ основаніе европейской школы силою вещей и тѣмъ разумомъ который господствуетъ въ исторіи. Только эти языки, въ ихъ неразрывномъ единствѣ, обладаютъ всѣми тѣми свойствами которыя дозволяютъ сосре-

доточить на нихъ трудъ юныхъ зрѣющихъ умовъ, и щедро вознаграждаютъ ихъ за этотъ трудъ. Эти языки не только соединяютъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для правильнаго и здороваго упражненія умственныхъ силъ, но и вносятъ въ нихъ съ тѣмъ вмѣстѣ богатое содержаніе. Усвоивая себѣ логику отпечатлѣвшуюся въ организаціи этихъ языковъ, юные умы шагъ за шагомъ овладѣваютъ сверхъ того цѣлымъ историческимъ міромъ, исполненнымъ неистощимыхъ богатствъ, тѣмъ міромъ который лежитъ въ основѣ современной цивилизаціи. Изучая эти языки, и все то къ чему они даютъ ключъ, юная мысль зрѣетъ, знакомясь на практикѣ со всѣми пріемами серіозной умственной дѣятельности, со всѣми способами борьбы съ фактомъ, со всѣми методами изслѣдованія и познанія. Здѣсь невозможно поверхностное обращеніе съ дѣломъ, здѣсь невозможна никакая неопредѣленность и неточность, никакое двусмысліе; здѣсь узнанное съ рѣзкою явственностію отличается отъ неузнаннаго, понятное отъ непонятнаго, усвоенное отъ неусвоеннаго. Здѣсь юный умъ, трудомъ собственной жизни, знакомится со всѣми родовыми оттѣнками человѣческой мысли, со всѣми родами человѣческаго творчества въ ихъ первоначальныхъ, простыхъ и чистыхъ линіяхъ. Здѣсь вызываются и приводятся въ игру всѣ способности духовной организаціи человѣка, и всѣ равномѣрно воспитываются, усиливаются и развиваются. Наконецъ, благодаря этимъ занятіямъ, юные умы пріобрѣтаютъ то историческое чувство, тотъ смыслъ дѣйствительности, который составляетъ главное отличіе умственной благовоспитанности. Учебники исторіи никогда не сообщатъ имъ этого чувства исторіи, учебники исторіи дадутъ имъ только ряды словъ и чужихъ воззрѣній, которыя коснутся ихъ лишь поверхностно. Но усвоя шагъ за шагомъ букву и духъ древнихъ языковъ, учащіеся самолично входятъ въ міръ исторіи и овладѣваютъ первоначальными источниками историческаго вѣдѣнія. Они усвояютъ себѣ исторію на самомъ дѣлѣ, всѣми своими способностями и инстинктами. Они овладѣваютъ дѣйствительно бывшимъ, а не заучиваютъ чужіе разказы и разсужденія въ учебникѣ переложенномъ съ нѣмецкаго.

Но мы никогда бы не кончили, еслибы стали развивать эту тему. Въ заключеніе, мы припомнимъ одинъ многозначительный фактъ изъ исторіи нашего собственнаго народнаго образованія. Съ чего началась исторія нашей новой литературы, съ чего начался нашъ нынѣшній литературный языкъ? Кто далъ намъ грамматику нашего языка? Кто вышколилъ нашъ языкъ въ латинскомъ періодѣ? Кто далъ намъ русскую прозу и русскій стихъ? Кто первый внесъ въ нашу народность духъ науки, и коснулся рукою мастера почти всѣхъ спеціальныхъ знаній своего времени, и физико-математическихъ, и естественныхъ, и филологическихъ? Архангельскій рыбакъ воспитавшійся въ греко-латинской школѣ. Вотъ съ чего началась исторія русскаго образованія на европейской почвѣ; вотъ откуда пошла наша литература, наша наука! Мальчикъ выхваченный судьбою изъ самой глубины Русскаго народа и приведенный ею въ греко-латинское училище, вотъ кто первый у насъ сталъ на почву европейской науки. Вотъ многознаменательный символъ и примѣръ взятый изъ нашей собственной исторіи. Ломоносова одушевляла мысль:

Что будетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Увы, эта надежда, одушевлявшая Ломоносова, до сихъ поръ сбывается плохо! Не потому ли это, что мы, погнавшись за европейскою цивилизаціей, потеряли ту почву на которой только и возможно сравняться съ Европой и на которой стоялъ нашъ крестьянинъ изъ Архангельска?

X.

31-го октября.

Свиданіе въ Ниццѣ,—замѣчаетъ газета *Wanderer*,—не осталось безъ нѣкоторыхъ благотворныхъ послѣдствій для Поляковъ: по возвращеніи Наполеона III въ Парижъ, тотчасъ же послѣдовало распоряженіе о производствѣ нуждающимся польскимъ выходцамъ содержанія, по 25 франковъ ежемѣсячно.

Конечно, продолжаетъ вѣнская газета, не такихъ послѣдствій ожидали Поляки и друзья ихъ отъ свиданія въ Ниццѣ; но какъ бы то ни было, эти 25 франковъ имѣютъ бо́льшую цѣнность чѣмъ извѣстныя депеши съ тождественными предложеніями, отправлявшіяся въ прошломъ году въ Петербургъ. Дѣйствительно, судя по всѣмъ извѣстіямъ, никакихъ другихъ послѣдствій въ отношеніи къ польскому дѣлу свиданіе въ Ниццѣ не имѣло. Россія не стѣснила своей свободы дѣйствій никакими обѣщаніями, не заручила себя никакой чужой политикѣ. Внѣшнимъ своимъ положеніемъ, своими отношеніями къ иностраннымъ державамъ она можетъ быть вполнѣ довольна, и отъ нея самой зависитъ извлечь изъ настоящихъ обстоятельствъ наибольшую для себя пользу. Съ другой стороны, и въ польскомъ ея краѣ, и въ западныхъ губерніяхъ, повидимому, все смирно, и тихо, и спокойно: мятежническихъ шаекъ нигдѣ уже нѣтъ, за исключеніемъ развѣ шайки ксендза Бжозко, неизвѣстно какъ укрывающейся; слѣды революціонной организаціи также исчезли, или скрылись; открытаго сопротивленія никто болѣе не оказываетъ, и вездѣ господствуетъ законная власть. Повидимому, повсюду достигнуты самые удовлетворительные результаты.

Однакоже, кто рѣшится сказать, что дѣйствительно побѣждены всѣ тѣ опасности которыя такъ рѣзко выступили наружу въ прошломъ году, что мы раздѣлались съ польскими притязаніями и разрѣшили такъ-называемый польскій вопросъ, который справедливѣе было бы назвать русскимъ вопросомъ, потому что польскій вопросъ нашелъ себѣ единственно-возможное рѣшеніе въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ царствованіе императрицы Екатерины II?

Кто вообразилъ бы себѣ, что польско-русскій вопросъ рѣшенъ, или, по крайней мѣрѣ, близокъ къ своему рѣшенію, тотъ жестоко ошибся бы. Кто бы сталъ утверждать, что польскіе національ сознаютъ себя окончательно побѣжденными, что они считаютъ борьбу свою противъ Россіи невозможною и несообразною со здравымъ смысломъ, и отказались или готовы отказаться отъ надежды побѣдить ее, отобрать у нея ея значительнѣйшія области и отбросить ее въ Азію, тотъ погрѣ-

шилъ бы противъ самыхъ очевидныхъ фактовъ. Предъ верховнымъ государственнымъ судомъ въ Берлинѣ, подсудимые познанскіе Поляки, правда, утверждаютъ, что борьба противъ Пруссіи и даже противъ Австріи кажется имъ нелѣпостью; но они прямо говорятъ, что съ Россіей надѣются совладѣть. Правда, польскіе патріоты раздѣляются на разныя партіи, и каждая изъ этихъ партій въ средѣ своей представляетъ еще нѣсколько оттѣнковъ; но всѣ эти партіи согласны между собою въ томъ, что борьба противъ Россіи должна быть неослабно продолжаема, въ той увѣренности, что рано ли, поздно ли, она увѣнчается полнымъ успѣхомъ. Разница заключается въ томъ, что такъ-называемая красная, или демократическая партія, примыкающая за границей къ Мѣрославскому, какъ видно изъ ея манифеста, недавно напечатаннаго въ *Patrie*, и изъ ея продолжающихся попытокъ, настаиваетъ на томъ, чтобъ эта борьба была ведена открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, посредствомъ вооруженныхъ шаекъ,—которыя отъ времени до времени вербовались бы въ самой Польшѣ, или вторгаясь въ нее изъ сосѣднихъ странъ, препятствовали бы установленію въ ней прочнаго порядка вещей,—и посредствомъ водворенія системы устрашенія, которая освободила бы Польшу, независимо отъ Европы и вопреки ей; тогда какъ партія клерикальная и партія аристократическая переносятъ эту борьбу въ сферу духовную и нравственную. Читателямъ, безъ сомнѣнія, еще памятны недавнія заявленія въ этомъ смыслѣ князя Чарторыйскаго, князя Льва Сапѣги, *Ойчизны*, и т. д. Особенно знаменательны слова князя Сапѣги въ письмѣ его къ князю Чарторыйскому (см. № 220 *Московскихъ Вѣдомостей*). Совершенно согласно съ показаніемъ доктора Нѣголевскаго, предъ Берлинскимъ судомъ, князь Сапѣга, въ освобожденіи крестьянъ и въ признаніи равноправности всѣхъ классовъ и всѣхъ вѣроисповѣданій видитъ важнѣйшія и наиболѣе благопріятныя, съ польской точки зрѣнія, послѣдствія прошлогодняго возстанія. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, Польша пріобрѣтаетъ болѣе широкія основы для своей дѣятельности и болѣе способовъ для сосредоточенія всѣхъ силъ своихъ въ борьбѣ противъ Россіи. Усилія Поляковъ, по

словамъ его, должны быть направлены, съ одной стороны, къ тому чтобы связать всѣ классы польскаго населенія общими интересами, а съ другой—къ тому чтобы, минуя европейскія правительства, дѣйствовать на другія силы европейскаго общества, которыя увлекли бы правительства за собою въ борьбу за польское дѣло противъ Россіи. Усилія эти уже начались: мы видимъ, сверхъ того, обширныя приготовленія къ будущей дѣятельности въ Римѣ, гдѣ предполагается основать польскую римско-католическую семинарію, въ которой, подъ руководствомъ патера Семененка, молодые польскіе выходцы воспитывались бы въ духѣ фанатической ненависти къ Россіи и русскому православію, и въ Парижѣ, гдѣ съ тою же цѣлью основывается польская римско-католическая ассоціація, имѣющая въ виду составить свой собственный капиталъ, учредить свои семинаріи и направить всѣ эти закаленныя въ ненависти къ Россіи силы противъ нашего отечества.

Одинъ изъ способовъ борьбы, къ которому, согласно съ программой Льва Сапѣги, уже обратились польскіе патріоты и ревностные друзья ихъ, выдающіе себя, впрочемъ, за «благожелателей Русскаго народа», заключается въ томъ, чтобы безпощадно клеветать на Россію, всячески чернить ее въ глазахъ Европы, возбуждать противъ нея общественное мнѣніе всѣхъ образованныхъ народовъ міра. Съ этою цѣлью шлются въ наиболѣе распространенныя газеты, какъ напримѣръ, въ *Indépendance Belge*, датируемыя изъ С.-Петербурга корреспонденціи—авторомъ этихъ корреспонденцій *Allgemeine Zeitung* прямо называетъ знакомаго нашимъ читателямъ Шедо-Ферроти—корреспонденціи, въ которыхъ «благожелательный» авторъ рисуетъ картины будущей русской инквизиціи, объ учрежденіи которой будто бы хлопочетъ старая русская партія, или вдругъ, для развлеченія читателей, среди этихъ ужасовъ разсказываетъ имъ до мельчайшихъ подробностей сцену ограбленія помѣщика въ Орлѣ орловскимъ полицеймейстеромъ, который при этомъ былъ будто бы застрѣленъ, что не помѣшало однако этому послѣднему протестовать противъ этой грубой лжи (см. № 232 *Московскихъ Вѣдомостей*). Европа должна была узнать что

за порядки господствуютъ въ этой Россіи, отъ которой отбивается Польша. Въ послѣднее время подлоги, имѣющіе цѣлью сбить съ толку общественное мнѣніе, стали особенно часто появляться въ иностранныхъ газетахъ. Въ нѣмецкой *Познанской Газетѣ*, а вслѣдъ за нею и во многихъ другихъ нѣмецкихъ газетахъ, появилась на дняхъ, въ доказательство того какою свободой печати пользуется у насъ «старая русская партія», выписка, будто бы сдѣланная изъ газеты преданной этой партіи,—выписка, гдѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ порицается то, что Россія въ настоящее время будто бы заискиваетъ въ тѣхъ правительствахъ которыя она едва рѣшалась признавать при Николаѣ I. Мы желали бы, чтобы *Познанская Газета* указала тотъ русскій журналъ, гдѣ было напечатано хотя что-либо близко подходящее къ этому порицанію. Или въ *Public Opinion*, между выписками изъ текущихъ газетныхъ извѣстій и сужденій, приведено безъ всякаго объясненія мѣсто заимствованное будто бы изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, и рѣзко угрожающее Англіи въ ея остъ-индскихъ владѣніяхъ, на которыя наша газета будто бы совѣтуетъ Россіи сдѣлать въ настоящую минуту нападеніе, чтобъ отмстить въ Калькуттѣ за двусмысленную политику англійскаго министерства по польскому дѣлу.

По намъ скажутъ, что вся эта агитація производится за границей немногими интриганами, пользующимися денежною поддержкой со стороны тамошнихъ друзей польскаго дѣла, а что въ предѣлахъ Русской державы Поляки вполнѣ примирѣли, и если внутренно не помирились съ Россіей, то по крайней мѣрѣ самимъ опытомъ убѣдились въ невозможности борьбы за воз становленіе Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ. Ничуть не бывало: что за границей дѣлается и подготовляется болѣе или менѣе явно, то въ Россіи совершается путемъ подземныхъ интригъ и негласныхъ агитацій. Прислушайтесь къ толкамъ польскихъ круговъ, въ Вильнѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, и вы убѣдитесь, что тамъ еще не отказались ни отъ одной изъ своихъ прежнихъ надеждъ. Напротивъ, именно теперь эти надежды еще оживляются.

Въ самомъ дѣлѣ, не радостныя извѣстія приходятъ къ намъ изъ западнаго края. Въ юго-западной Руси сѣется духъ глубокаго взаимнаго недовѣрія между тамошними властями и крестьянскимъ населеніемъ, которое мѣстами, какъ насъ увѣряютъ очевидцы, начинаетъ оказывать явное сопротивленіе законнымъ требованіямъ, не хочетъ сдавать оружія выданнаго ему въ прошлогодній мятежъ, уходитъ въ лѣса, и даже помышляетъ о совершенномъ выселеніи изъ Россіи. Православное духовенство, которое служитъ самою надежною оградой для русской народности въ западномъ краѣ, нерѣдко встрѣчаетъ преграды тамъ, гдѣ было бы въ правѣ ожидать полнѣйшаго сочувствія и содѣйствія. Какъ не радоваться врагамъ Россіи такому обороту событій, который разъединяетъ и парализуетъ живыя русскія силы? Если ксендзы въ своей польско-католической пропагандѣ встрѣчаютъ препятствія со стороны русскихъ властей, то эти препятствія нисколько не приводятъ ихъ въ уныніе, а напротивъ, еще болѣе возбуждаютъ ихъ ревность; но еслибы, чего избави Боже! наши священники, въ своей дѣятельности на возвышеніе русской народности въ нѣкогда польскихъ областяхъ стали подвергаться административнымъ стѣсненіямъ, подозрѣніямъ, придирчивому и ревнивому надзору, то весьма естественно, что они не были бы въ состояніи продолжать съ прежнимъ рвеніемъ свое общеполезное дѣло. Если мы не будемъ довѣрять живымъ общественнымъ и личнымъ силамъ, если мы не призовемъ ихъ на помощь въ дѣлѣ огражденія западнаго края Россіи отъ римско-католической пропаганды и отъ польскихъ козней, то можно смѣло сказать, что изъ той борьбы которую польская организація ведетъ теперь и которую она заготовляетъ въ будущемъ еще въ бо́льшихъ размѣрахъ, мы выйдемъ нравственно побѣжденными, и это нравственное пораженіе не замедлитъ обнаружиться въ послѣдующихъ матеріальныхъ невзгодахъ.

Время не терпитъ; враги приготовляютъ всѣ средства къ нравственной борьбѣ противъ Россіи, и будутъ дѣйствовать съ единодушіемъ, съ полнымъ довѣріемъ другъ къ другу; останется ли побѣда за нами, когда на нашей сторонѣ будетъ только

внѣшняя сила и полнѣйшее недовѣріе ко всякому свободному движенію жизни, связанное съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ другъ къ другу? Еслибъ однѣми военно-полицейскими мѣрами, направленными на подавленіе польской національности, возможно было упрочить русское владычество въ Польшѣ и оградить навсегда отъ польскихъ притязаній западный край Россіи, то это дѣло давно уже было бы сдѣлано: за прежнее время не было недостатка въ энергическихъ мѣрахъ этого рода; обличившаяся на дѣлѣ несостоятельность ихъ служитъ наглядчимъ доказательствомъ, что впредь надежды, главнѣйшимъ образомъ, должны быть возложены на силы нравственныя, на тотъ духъ въ которомъ будутъ дѣйствовать власти, чтобы поднимать эти силы и давать имъ просторъ въ русскомъ обществѣ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться безуміемъ, что Поляки, отказываясь,—по крайней мѣрѣ, на словахъ,—отъ всякой борьбы противъ Пруссіи и Австріи, похваляются однакоже тѣмъ, что будутъ въ состояніи совладать съ Россіей, повидимому несравненно болѣе могущественною. И однакожь, если вникнуть въ дѣло, не трудно открыть, на чемъ основаны подобныя надежды. Въ Пруссіи и въ Австріи нѣтъ польскаго вопроса, потому что самое существованіе его тамъ не признается. Мы получили сейчасъ изъ Петербурга телеграмму передающую содержаніе рѣчи которую вчера произнесъ бывшій посолъ ея британскаго величества при Императорскомъ Дворѣ, лордъ Непиръ, прощаясь съ англійскою колоніей въ Петербургѣ. Благородный лордъ приписываетъ сохраненіе европейскаго мира воздержности и твердости англійскихъ министровъ, которые, въ своихъ рѣшеніяхъ, не поддались впечатлѣнію временнаго зла происходившаго предъ ихъ глазами. Не въ томъ ли состоитъ это зло, что у насъ допускается существованіе польскаго вопроса? Мы не понимаемъ, какое временное зло въ прошломъ году могло бы своимъ видомъ подѣйствовать на рѣшенія министровъ британской коропы, и въ чемъ эти рѣшенія способствовали охраненію мира. Въ прошломъ году, мы знаемъ, противъ Россіи воздвигался Вѣнскій трактатъ, — этотъ трактатъ потерявшій

силу почти во всѣхъ своихъ пунктахъ. Туманнымъ строкамъ его, касающимся Царства Польскаго, была вдругъ придана магическая сила грозившая нарушить миръ въ Европѣ. Россія поставлена была къ отвѣту за несоблюденіе этихъ строкъ Вѣнскаго трактата, несмотря на то что Россія, вновь завоевавъ этотъ край, возымѣла на него право не зависящее отъ условій Вѣнскаго трактата, что̀ и было ею тогда же объявлено. Дѣйствительно, во все продолженіе прошлаго царствованія Русское правительство дѣйствовало по отношенію къ польскому краю, не заботясь ни о разъясненіи, ни о приведеніи въ дѣйствіе условій Вѣнскаго трактата относительно Царства Польскаго. Ни объ автономіи, ни о національной администраціи не было и рѣчи; польскій вопросъ въ сущности не былъ рѣшенъ, но европейская дипломатія считала его рѣшеннымъ. Въ послѣдніе годы произошла нѣкоторая перемѣна: Царство Польское получило полную національную автономію, которая буквально соотвѣтствовала условіямъ Вѣнскаго трактата; польская національность въ этомъ краѣ была признана на самыхъ широкихъ основаніяхъ; его администрація стала отличительно польская; было даже исполнено условіе относительно національнаго польскаго представительства, котораго политическій характеръ и размѣры предоставлены Вѣнскимъ трактатомъ выразительно благоусмотрѣнію Русскаго правительства. Прямымъ послѣдствіемъ этихъ перемѣнъ, дѣйствительно, были, какъ извѣстно, сначала глухія, а потомъ явныя волненія, польскій вопросъ, мятежъ, дипломатическая кампанія на Россію. Это ли то временное зло о которомъ говорилъ лордъ Непиръ обращаясь къ своимъ соотечественникамъ въ С.-Петербургѣ?...

НОЯБРЬ.

I.

7-го ноября.

Недавно дошли до насъ съ юга Россіи два извѣстія прямопротивоположнаго другъ другу характера по одному и тому же предмету. Въ *Кіевлянинѣ*, отъ 13-го октября, писали въ *сообщенной* статьѣ, что изгнаніе жившихъ въ Кіевѣ, въ числѣ 8 тысячъ человѣкъ, Евреевъ, возвѣщенное лѣтомъ прошлаго года и производившееся съ большою энергіей съ марта нынѣшняго года, будетъ неослабно продолжаемо, такъ что и изъ двухъ тысячъ Евреевъ остающихся теперь въ Кіевѣ, весьма многіе будутъ удалены по истеченіи разрѣшенныхъ имъ сроковъ пребыванія. Первоначально имѣлось въ виду разомъ очистить Кіевъ отъ этой *заразы*, и 21-го декабря всѣ они были обязаны подпиской покинуть городъ чрезъ три дня; но по поданной ими просьбѣ главный начальникъ края отсрочилъ ихъ удаленіе до марта. Напротивъ, въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, отъ 13-го же октября, писали изъ Харькова, что дворянство Харьковской губерніи, въ своемъ собраніи по случаю выборовъ, сознавая пользу какую Евреи могутъ принести губерніи, рѣшило просить въ вѣрноподданнѣйшемъ адресѣ о дозволеніи имъ жительствовать въ Харьковской губерніи, и вручило этотъ адресъ, для поднесенія Государю Императору, бывшему въ то время въ Харьковѣ министру Внутреннихъ Дѣлъ. Въ то же время отставные солдаты изъ Евреевъ подали министру прошеніе объ оставленіи ихъ въ Харьковѣ, и его высокопревосхо-

дительство, принявъ прошеніе, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы до полученія отвѣта изъ Петербурга проспителей не тревожили.

Итакъ въ числѣ русскихъ подданныхъ есть до двухъ милліоновъ лицъ родившихся и воспитавшихся на Русской землѣ, призываемыхъ къ защитѣ ея въ рядахъ нашего храбраго войска, несущихъ на себѣ всѣ государственныя и земскія повинности, и не имѣющихъ права считать *всю* Россію своимъ отечествомъ. На какомъ же основаніи мы не хотимъ признавать этихъ уроженцевъ Русской земли русскими гражданами, не хотимъ дать отечество которое они могли бы любить не изъ страха, а по влеченію сердца, и желаемъ во что бы ни стало держать ихъ въ исключительномъ положеніи? Еслибъ это было на основаніи религіозныхъ чувствъ и соображеній, то нашъ образъ дѣйствій могъ бы еще быть понятенъ. Но нѣтъ; религіозныя соображенія и чувства не объясняютъ этого явленія. Еслибы мы точно были убѣждены, что своимъ присутствіемъ, напримѣръ въ Кіевѣ, Евреи оскорбляютъ эту колыбель нашего православія и тамошнюю святыню, на поклоненіе которой стремятся русскіе люди со всѣхъ концевъ Русской земли,—въ такомъ случаѣ тамъ не было бы дозволено селиться ни Евреямъ-купцамъ двухъ первыхъ гильдій, ни Евреямъ дѣти которыхъ желаютъ обучаться въ тамошнихъ заведеніяхъ учебныхъ, ремесленныхъ, фабричныхъ и заводскихъ, ни самимъ этимъ дѣтямъ, и однакоже всѣмъ имъ дано это право законоположеніями 1859—61. Мало того: мы лишаемъ Евреевъ права жить въ Россіи, гдѣ они пожелаютъ, и въ то же время мы готовы ставить ихъ начальниками надъ христіанами повсемѣстно, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобъ эти Евреи пріобрѣли себѣ высшее научное образованіе. Мы лишаемъ ихъ низшаго изъ гражданскихъ правъ,—права жить гдѣ пожелаютъ, и даемъ имъ права которыя у насъ достаются на долю лишь немногихъ привилегированныхъ лицъ, — права почетной государственной службы. Мы не считаемъ ихъ даже гражданами Русской земли, и однакоже полагаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть облечены въ ней властію, могутъ быть ея администраторами и просвѣтителями ея юношества. Очевидно, что мы

руководствуемся не религіозными мотивами въ нашемъ образѣ дѣйствій относительно Евреевъ. Какими же?

Говорятъ что Евреи—язва и зараза того края гдѣ они поселены. Но вотъ дворянство Харьковской губерніи, находящееся въ сосѣдствѣ губерній Екатеринославской и Полтавской, гдѣ дозволено жить Евреямъ, совершенно напротивъ считаетъ ихъ полезнымъ классомъ населенія. Въ *сообщенной* статьѣ *Кіевлянина* мы также читаемъ, что незаконному проживательству ихъ въ Кіевѣ способствовала и нѣкоторая часть домовладѣльцевъ. Такимъ образомъ и коренное кіевское населеніе не считало ихъ такими зловредными людьми. Тѣмъ не менѣе мы готовы согласиться, что Евреи дѣйствительно язва юго-западнаго края Россіи; но слѣдуетъ ли изъ этого, что этотъ край навсегда долженъ страдать этою язвой? Евреямъ проживающимъ въ этихъ мѣстахъ поставляютъ въ вину, что въ ихъ рукахъ монополія всего тамошняго промышленнаго и торговаго движенія, и что они крайне злоупотребляютъ ею во вредъ всѣмъ другимъ классамъ населенія. Но не объясняется ли эта монополія самымъ составомъ и положеніемъ тамошняго населенія, какъ оно вышло изъ рукъ Польши, рѣзко раздѣленнаго на польскихъ пановъ и шляхту, пренебрегающихъ всякимъ полезнымъ промысломъ, и на забитыхъ, загнанныхъ хлоповъ, которые естественно не могли ни въ чемъ конкуррировать съ Евреями и должны были стать ихъ жертвой? Возможно ли думать, чтобъ Евреи явились съ этимъ характеромъ монополистовъ и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи? Примѣръ Одессы, да и всей Новороссіи, несмотря на рѣдкость ея великорусскаго населенія, рѣшительно говоритъ противъ этого предположенія.

Обвиняютъ Евреевъ бывшаго польскаго края въ ихъ готовности на всѣ плутни и въ крайней неразборчивости средствъ для наживы; но и въ этомъ случаѣ значительнѣйшая доля вины падаетъ на то положеніе въ которомъ они находятся. Перерожденія этой темной массы людей, изъ которыхъ одна часть погружена въ жизнь созерцательную, и питается воспоминаніями отдаленной древности, надеждами на будущее возстановленіе

Іерусалимскаго царства и талмудическими тонкостями и словопреніями, а другая, наибольшая, живетъ изо дня въ день напрягая всѣ свои силы, чтобъ обезпечить себѣ кусокъ хлѣба въ страшной конкурренціи другъ съ другомъ, которая превосходитъ всякую степень вѣроятія въ населенныхъ Евреями городахъ и мѣстечкахъ западнаго края,—перерожденія этой массы людей въ полезныхъ и честныхъ гражданъ можно ожидать только тогда, когда имъ будутъ открыты пути къ выходу изъ той неестественной атмосферы, которая питаетъ въ нихъ и расположеніе къ религіозной замкнутости, и привычку пользоваться всякимъ средствомъ къ стяжанію.

Наконецъ, Евреевъ называютъ язвой западнаго края Россіи и съ національно-русской точки зрѣнія. Дѣйствительно, и въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ они не обнаружили особенной преданности Россіи, и во многихъ случаяхъ принимали сторону польскихъ мятежниковъ не изъ сочувствія къ ихъ дѣлу, совершенно имъ чуждому, а изъ разчета и въ невѣдѣніи на чьей сторонѣ окончательно останется побѣда. Но удивляться ли въ Евреяхъ отсутствію русскаго патріотизма, когда они почти исключительно сосредоточены въ краѣ который на ихъ глазахъ все болѣе и болѣе пропикался польскимъ духомъ? Однакоже, тѣмъ не менѣе, болѣе образованные Евреи несомнѣнно обнаружили желаніе стать Русскими по языку и по гражданскому чувству. Въ эту самую пору, когда Поляки замышляли свое дѣло, въ Вильнѣ выходилъ еврейскій журналъ *Га-кармель*, на древне-еврейскомъ языкѣ; по еженедѣльныя приложенія къ нему издавались не на польскомъ, а на русскомъ языкѣ. Въ Одессѣ точно также издавался еврейскій журналъ на русскомъ языкѣ, сначала подъ именемъ *Разсвѣта*, а потомъ *Сіона*, и этотъ журналъ имѣлъ своею цѣлью распространеніе русскаго языка и чисто-русскаго, патріотическаго духа въ еврейскомъ населеніи. Доказательствомъ можетъ служить его энергическая полемика противъ *Основы*, которая укоряла Евреевъ, что они не увлекаются украйнофильствомъ. Этотъ журналъ пользовался сочувствіемъ между Евреями. Да и теперь вотъ что́ читаемъ

мы въ только-что полученномъ здѣсь *Западно-Русскомъ Мѣсяцесловѣ на 1865 годъ*:

«Одновременно съ улучшеніемъ положенія приходскихъ училищъ, приняты мѣры къ основанію народныхъ школъ русской грамотности для Евреевъ и къ исправленію учебнаго курса въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ 1-го разряда. Исправленіе это заключается въ томъ, что нѣкоторые еврейскіе предметы, именно: Хаіеадамъ и Маймонидъ, по безполезности своей, исключены изъ учебнаго курса и замѣнены уроками русскаго языка. На мѣсто бывшихъ въ Вильнѣ и Ковнѣ двухъ перворазрядныхъ училищъ, открыты въ Ковнѣ три, а въ Вильнѣ восемь двухклассныхъ народныхъ еврейскихъ училищъ, на что, въ дополненіе къ 2.700 р., отпускаемыхъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на два училища 1-го разряда въ поименованныхъ городахъ, назначено военнымъ генералъ-губернаторомъ къ ежегодному отпуску 9.664 р. с.

«Открытіе начальныхъ училищъ для обученія русской грамотѣ встрѣтило въ еврейскомъ народѣ полное къ себѣ сочувствіе. Отовсюду отъ еврейскихъ обществъ поступаютъ просьбы о преобразованіи казенныхъ училищъ 1-го разряда въ двухклассныя народныя. Въ Пружанскомъ уѣздѣ, еврейскія общества города Пружанъ и мѣстечекъ Мальчи, Шпрышова, Сельца и Картузской Березы подали прошенія о разрѣшеніи имъ открыть на ихъ собственный счетъ народныя училища, на что Евреи жертвуютъ ежегодно отъ 150 до 200 р. на жалованье учителю и даютъ сверхъ того помѣщеніе. При извѣстномъ практическомъ умѣ Евреевъ и при ясномъ сознаніи ими пользы усвоенія русскаго языка, нельзя сомнѣваться что примѣру пружанскихъ Евреевъ послѣдуютъ многіе. Какъ ученіе въ народныхъ школахъ кончается въ полдень, и затѣмъ классныя комнаты остаются свободными, то почти во всѣхъ еврейскихъ народныхъ училищахъ есть двойной комплектъ учениковъ, съ особыми для каждой смѣны наставниками изъ кончившихъ курсъ и хорошо знающихъ по-русски воспитанниковъ Виленскаго раввинскаго училища.»

Мѣры принимаемыя противъ Евреевъ въ Кіевѣ вызваны, конечно, огромнымъ наплывомъ Евреевъ въ этотъ городъ, причемъ естественно конкурренція ихъ должна была значительно стѣснить дѣятельность русскихъ купцовъ. Конечно, вовсе не желательно, чтобы въ Кіевѣ скоплялось еврейское населеніе; но этого и не могло бы быть, еслибы Евреи не были стѣснены въ выборѣ себѣ мѣста жительства.

Освобожденіе Евреевъ отъ стѣсненій, совершенное теперь уже во всей христіанской Европѣ, за исключеніемъ одной лишь Испаніи и Папской Области, идетъ у насъ путемъ, какъ кажется, не совсѣмъ нормальнымъ. Если въ такомъ дѣлѣ необходимо соблюденіе постепенности, то эта постепенность должна соблюдаться не съ верху внизъ, а снизу вверхъ. Во всѣхъ другихъ странахъ Европы, гдѣ только была соблюдаема эта постепенность, сначала были отмѣняемы стѣсненія тяготившія на жизнь Евреевъ, и имъ были предоставляемы общія человѣческія и гражданскія права, какъ напримѣръ право всеобщаго мѣстожительства, а потомъ уже, въ концѣ концовъ, было открываемо для нихъ и поприще почетной государственной службы; у насъ же, какъ мы уже замѣчали, наоборотъ, не дозволено еще Евреямъ вообще жить повсюду въ Россіи, не дозволено даже ветеранамъ изъ Евреевъ, выслужившимъ отставку, списывать себѣ пропитаніе на всемъ пространствѣ Имперіи, а тѣмъ изъ Евреевъ которые пріобрѣтутъ высшее научное образованіе дозволено вступать въ государственную службу, занимать должности, и пріобрѣтать власть надъ христіанами, съ которыми ихъ единовѣрцамъ не дозволяется даже и проживать въ сосѣдствѣ. Естественныя послѣдствія такой мѣры начинаютъ уже обнаруживаться. Евреи искусственно привлекаются въ наши университеты, потому что этимъ путемъ они могутъ достигнуть не только общихъ, но и почетныхъ гражданскихъ правъ. Въ Петербургѣ тамошніе Евреи—банкиры, купцы 1-й гильдіи, и т. д.—образовали изъ себя особое общество, средства котораго, главнѣйшимъ образомъ, будутъ идти, конечно, на приготовленіе молодыхъ людей изъ Евреевъ къ университету и на содержаніе ихъ во время студенчества. Какъ мы

слышали, уже въ настоящее время во всѣхъ русскихъ университетахъ насчитывается до 500 студентовъ-Евреевъ, и въ томъ числѣ въ одномъ Московскомъ университетѣ до 120 человѣкъ. Такимъ образомъ, очень скоро или наши присутственныя мѣста должны будутъ переполниться Евреями, и они будутъ имѣть въ своихъ рукахъ значительную долю власти надъ христіанскимъ населеніемъ, или же Евреямъ, кандидатамъ университетовъ, будутъ отказывать въ отыскиваемыхъ ими должностяхъ на томъ основаніи, что они Евреи, — что уже и случается въ самомъ дѣлѣ, — и тогда эти Евреи искусственно извлеченные изъ своей среды, оторванные отъ промысловъ своихъ отцовъ, принесшіе многія жертвы для достиженія указанной имъ цѣли, могутъ, ставъ въ ряды недовольныхъ, сознательно и безсознательно увеличить собою элементы разложенія, которые съ нѣкоторыхъ поръ заготовляются и успѣшваются у насъ разными искусственными способами. Это предметъ на который нельзя не обратить серіознаго вниманія.

Еврейскій вопросъ есть вопросъ весьма сложный, и мы отнюдь не имѣемъ претензіи предрѣшать его изложенными выше бѣглыми замѣчаніями. Особенное вниманіе должно быть, кажется, обращено на еврейскую замкнутость и ея причины. Теперь Евреи составляютъ у насъ какъ бы общество въ обществѣ и государство въ государствѣ. Эта замкнутость въ нѣкоторыхъ случаяхъ поддерживается у насъ даже государственнымъ закономъ, подчиняющимъ Евреевъ особымъ еврейскимъ властямъ. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса должно бы, кажется, начаться съ отмѣны указанной организаціи еврейскихъ обществъ и съ освобожденія Евреевъ отъ деспотизма еврейскихъ властей, поддерживающаго между ними духъ замкнутости. Но къ этому предмету мы предоставляемъ себѣ возвратиться въ послѣдствіи.

II.

9-го ноября.

Все на свѣтѣ имѣетъ своихъ враговъ. Нѣтъ такой скромной, малой, ничтожной жизни, которой не угрожали бы смертельныя опасности. И устрица имѣетъ своихъ враговъ: можетъ ли не имѣть ихъ такое громадное и могущественное государство, какъ Россія? Мы можемъ допустить это a priori; можемъ допустить, что есть множество интересовъ всякаго рода, радикально враждебныхъ существованію Россіи. Допустивъ это, мы можемъ спросить себя: какой путь должны были бы избрать эти враждебные Русскому государству интересы, еслибъ они оказались въ дѣйствительности? Мы еще не говоримъ, что такіе интересы дѣйствительно существуютъ: мы только дѣлаемъ предположеніе. Въ этомъ предположеніи, мы спрашиваемъ себя: что могло бы съ точки зрѣнія этихъ интересовъ казаться наиболѣе желательнымъ? Допуская существованіе такихъ интересовъ, мы хотимъ допустить еще и то, что они здравомысленны, разсудительны, опытны, что они понимаютъ ясно чего хотятъ и умѣютъ согласовать средства съ своими цѣлями. Итакъ, что было бы желательно съ точки зрѣнія радикальной, но въ то же время умной вражды относительно Русскаго государства? Желательно ли было бы пойти на Россію войной, возбудивъ противъ нея всѣ антипатіи? Нѣтъ, умная вражда этого не пожелаетъ; только безуміе и глупость могли бы мечтать о томъ, чтобъ одною блестящею кампаніей потрясти и разрушить такое государство, какъ Россія. Умная вражда пойметъ, что такой путь ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть желателенъ, и что онъ не можетъ быть предметомъ здравыхъ политическихъ разчетовъ. Война стоитъ дорого; тяжесть войны падаетъ на обѣ стороны; война сопряжена съ рискомъ. Вредъ ожидаемый отъ войны можетъ быть купленъ слишкомъ дорогою цѣной и въ результатѣ можетъ еще оказаться не вредомъ, а пользой. Русское государство выдержало страшныя войны; но онѣ не только не разрушили его, а напротивъ способствовали его усиленію.

Война возбуждаетъ народныя силы, вызываетъ народное чувство, которое тѣснѣе и крѣпче связываетъ всѣ элементы государственнаго организма и всѣ части народонаселенія. Что́ можно представить себѣ громаднѣе той войны которую выдержала Россія въ 1812? Но чѣмъ же кончился этотъ крестовый походъ противъ нея всей Европы, предводимой великимъ завоевателемъ? Было ли разрушено Русское государство? была ли раздроблена его государственная область? понесло ли оно какой-нибудь ущербъ? ослабѣло ли оно внутри или въ своемъ европейскомъ положеніи? Нѣтъ, этотъ крестовый походъ, въ которомъ соединились всѣ силы Европы противъ Россіи, кончился полнымъ торжествомъ ея; никогда не была она такъ могущественна какъ послѣ этой войны; патріотизмъ народной войны послужилъ къ обновленію общества и положилъ начало болѣе самостоятельному развитію его нравственныхъ силъ. Въ послѣднюю, Восточную, войну противъ Россіи соединились также силы почти всей Европы; война была ведена при самыхъ неблагопріятныхъ для Россіи условіяхъ; она не имѣла народнаго характера; исходъ ея былъ очень несчастливъ для Россіи; Россія понесла значительный ущербъ, она потеряла свой Черноморскій флотъ, лишилась своего лучшаго морскаго заведенія; ея значеніе было ослаблено, обаяніе военной силы, которое давало ей такой великій вѣсъ въ европейскихъ союзахъ и совѣтахъ, померкло; но за то какихъ усилій, какого напряженія, какихъ жертвъ, стоило противной сторонѣ достиженіе этого результата! И что́ же однако? Какъ ни былъ чувствителенъ уронъ понесенный Россіей, подвергъ ли онъ опасности ея существованіе? Мы видимъ, что даже тѣ невзгоды которыя были слѣдствіемъ Восточной войны стали обращаться мало-по-малу ей въ пользу. Россія вошла внутрь себя; она предприняла цѣлый рядъ преобразованій, которыя при благопріятномъ исходѣ должны были бы поставить ее гораздо выше, чѣмъ стояла она когда-либо. Итакъ, послѣдствія даже самой несчастной для Россіи войны оказались благодѣтельными для нея.

Но предположимъ возможность такой войны въ которой Русское государство совершенно изнемогло бы подъ ударами

враговъ; предположимъ войну въ которой удалось бы разрушить его. Паденіе такого громаднаго государства покрыло бы цѣлый міръ своими обломками, и Европа была бы потрясена въ своихъ основаніяхъ. Желать такой всеобъемлющей, всепотрясающей катастрофы не можетъ ни одинъ здравомыслящій политическій человѣкъ, и только самая необузданная фантазія допуститъ возможность разрушенія Русскаго государства посредствомъ войны.

Итакъ, предполагая что есть интересы которые враждуютъ противъ самого существованія Русскаго государства, предполагая съ тѣмъ вмѣстѣ что эти интересы руководятся благоразумiемъ, мы приходимъ къ заключенію, что война есть дѣло наименѣе желательное съ точки зрѣнія этихъ интересовъ. Гораздо желательнѣе было бы найти внутри Россіи элементы разложенія, которые могли бы привести ее къ смутамъ и распаденію. Нѣтъ сомнѣнія, что всякое революціонное движеніе въ Россіи встрѣтило бы сочувствіе съ точки зрѣнія непріязненныхъ ей интересовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти интересы должны благопріятствовать всему что̀ можетъ порождать смуты и недоразумѣнія внутри Россіи, всему что можетъ поселять раздоръ между началами ея общественной организаціи, всему что̀ можетъ ослаблять въ ней основы человѣческаго общежитія, что̀ можетъ отклонять движеніе ея жизни отъ правильнаго пути, что̀ можетъ отнимать у народа его молодыя и свѣжія силы, губить ихъ и обращать ихъ противъ него. Враждебные интересы естественно будутъ пользоваться всякою неясностію, всякою ошибкой, всякимъ дурнымъ элементомъ въ нашей жизни, чтобъ употреблять ихъ въ дѣло. Однако ни политическое благоразуміе, ни простой здравый смыслъ не могутъ желать продолжительнаго дѣйствія подобныхъ факторовъ, продолжительнаго развитія ядовитыхъ міазмовъ разрушенія.

Какъ война, такъ и внутреннія смуты могутъ служить только вспомогательными средствами; но ни то ни другое не можетъ быть благоразумно избрано въ орудіе разрушенія громаднаго и сильнаго государства; и то и другое угрожало бы потрясеніемъ цѣлому міру; и то и другое было бы катастрофой, которая

никакъ не можетъ входить въ разчеты благоразумной политики, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ей пріятна.

Что же могло бы быть желательно въ интересахъ политики самой радикальной относительно Русскаго государства, но въ то же время благоразумной? Нѣтъ сомнѣнія, что всего желательнѣе было бы безъ усилій, безъ пожертвованій, безъ рисковъ, безъ всякихъ опасностей и потрясеній произвести то что могло бы быть слѣдствіемъ только самой бѣдственной войны, или самыхъ разрушительныхъ внутреннихъ смутъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что мирное, тихое, постепенное, незамѣтное дѣйствіе было бы предпочтительнѣе и разгрома, и продолжительнаго разложенія нравственныхъ основъ общества. Торжествомъ политики клонящейся къ разрушенію могущественнаго и громаднаго тѣла, политики благоразумной и здравомыслящей, было бы замутить его душу и убѣдить ее въ томъ, что она совершитъ наилучшее дѣло, если сама постепенно и въ видахъ прогресса раздробитъ и разрушитъ его.

Ни война, ни революція не страшны для Русскаго государства; никакой серіозной опасности не могутъ представлять для него сепаративныя наклонности, которыя обнаруживаются въ нѣкоторыхъ владѣніяхъ Русской державы. Сами по себѣ всѣ дурные элементы разложенія и отложенія не имѣютъ и не могутъ имѣть силы; но чего не можетъ сдѣлать война, чего не могутъ произвести никакія внутреннія потрясенія и смуты, то было бы прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ систематическаго разъединенія верховной власти съ народомъ.

Давно уже пущена въ ходъ одна доктрина, нарочно сочиненная для Россіи и принимающая разные оттѣнки, смотря по той средѣ, гдѣ она обращается. Въ силу этого ученія, прогрессъ Русскаго государства требуетъ раздробленія его области по-національно на многія чуждыя другъ другу государства, долженствующія тѣмъ не менѣе оставаться въ тѣсной связи между собой. Эта мысль можетъ проникать во всевозможныя трущобы; она же, перемѣнивъ костюмъ, можетъ занять мѣсто въ весьма благопристойномъ обществѣ, и люди самыхъ противоположныхъ міровъ, сами не замѣчая того, могутъ черезъ нее подавать

другъ другу руку; она возбуждаетъ и усиливаетъ всѣ элементы разложенія, какіе только могутъ оказаться въ составѣ Русскаго государства, и создаетъ новые. Людямъ солиднымъ она лукаво шепчетъ о громадности Россіи, о разноплеменности ея народонаселенія, объ удобствахъ управленія, будто бы требующаго не одной административной, но и политической децентрализаціи; людямъ либеральныхъ идей она съ лицемѣрною услужливостью объявляетъ, что въ Россіи невозможно политическое благоустройство иначе какъ въ формѣ федераціи; для молодыхъ, неокрѣпшихъ или попорченныхъ умовъ она соединяется со всевозможнымъ вздоромъ взятымъ изъ революціоннаго арсенала.

Припомнимъ, что воззванія къ революціи, какія появились у насъ, прежде всего требовали раздѣленія Россіи на многіе отдѣльные государственные центры. Еще въ прошломъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ то самое время, когда началось въ обществѣ патріотическое движеніе, появился подметный листокъ, въ которомъ чья-то искусная рука съумѣла изложить эту программу такъ что въ ней нашлось мѣсто и для идеи Царя, и для самаго нелѣпаго революціоннаго сумбура. Первое мѣсто въ этой программѣ будущаго устройства Россіи занимаетъ, конечно, Польша; сверхъ того, кромѣ Финляндіи, помнится призывались такимъ же образомъ къ отдѣльной жизни Прибалтійскій край, Украйна, Кавказъ. Въ другихъ программахъ появлялась еще Сибирь.

Но достигнуть осуществленія этихъ программъ мятежомъ или революціей было бы трудно. Польскій мятежъ, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, оказался безсильнымъ; революція оказалась фантасмагоріей, которая исчезла при первомъ движеніи здоровыхъ общественныхъ силъ. Осталась надежда воспользоваться нашими собственными недоразумѣніями, и въ нашихъ собственныхъ рукахъ повернуть нашъ прогрессъ на эту сторону; остается надежда, что мы сами спокойно и подъ видомъ прогресса совершимъ надъ собою то что могло бы быть только слѣдствіемъ сокрушительнаго удара нанесеннаго намъ извнѣ, или какого-либо страшнаго взрыва. И вотъ намъ представляютъ перспективу Россіи превращенной изъ одной могущественной націи въ собраніе многихъ націй, которыя нужно еще для этой

цѣли сдѣлать. Предъ нашимъ воображеніемъ резвертываютъ картину многихъ, совершенно отдѣльныхъ и чуждыхъ другъ другу государствъ подъ сѣнію одной державы; насъ плѣняютъ изображеніемъ этой державы, возносящейся надъ цѣлымъ сонмомъ народовъ и государствъ, какъ бы надъ особымъ человѣчествомъ.

О тѣхъ доводахъ которые могутъ улыбаться умамъ совершенно незрѣлымъ или испорченнымъ говорить не стоитъ. Но любопытны тѣ аргументы которые употребляются для совращенія людей солидныхъ, съ одной стороны консервативнаго, а съ другой—либеральнаго образа мыслей.

Россія,—такъ говорятъ проповѣдники новой доктрины, нарочно сочиненной во исполненіе будущихъ судебъ нашего отечества,—Россія занимаетъ слишкомъ громадное пространство; она представляетъ собою цѣлый міръ, въ которомъ живетъ не одинъ какой-нибудь народъ, а цѣлыхъ двадцать.

Итакъ, громадное протяженіе Русской Имперіи, съ одной стороны, и страшное множество народностей населяющихъ ея неизмѣримое пространство, съ другой,—вотъ главные аргументы которыми хотятъ уловить нашу мудрость и направить ее къ предустановленной цѣли. Но русская территорія, по своимъ естественнымъ условіямъ, не можетъ не быть громадна: она не можетъ служить поприщемъ для самостоятельной и сильной государственной жизни иначе какъ въ тѣхъ размѣрахъ которые были намѣчены съ точностію при самомъ рожденіи Русскаго государства. Попытайтесь мысленно раздѣлить то пространство которое нынѣ занимаетъ Русская Имперія, такъ чтобы на ея мѣстѣ образовалось нѣсколько особыхъ государствъ способныхъ къ самостоятельному и могущественному развитію, и вы сейчасъ же убѣдитесь, что это дѣло невозможное. Территорія Русскаго государства на всемъ своемъ протяженіи запечатлѣна характеромъ нераздѣльности и единства. До такой степени нынѣшнія границы Русскаго государства необходимы ему, что оно до тѣхъ поръ не могло успокоиться и войти въ себя, пока не пріобрѣло или не возвратило ихъ себѣ, пока не возстановило цѣлости своей земли предназначенной ему Провидѣніемъ. Вся энергія народа, весь разумъ его правительства, весь геній его

государственныхъ дѣятелей, были направлены къ этому необходимому результату, достиженіе котораго должно было предшествовать развитію гражданственности, свободы и всѣхъ искусствъ мира. Только съ возстановленіемъ своихъ естественныхъ границъ, и стало-быть съ занятіемъ всего огромнаго протяженія своей территоріи, Русское государство могло успокоиться, замириться и открыть возможность для свободнаго развитія человѣческой жизни. Въ чемъ состоялъ смыслъ неугомонныхъ движеній нашихъ князей въ эпоху Кіевской Руси? Въ чемъ смыслъ той великой, почти безпримѣрной колонизаціонной силы которую обнаружилъ нашъ Новгородъ? Чего добивалась, о чемъ съ такими усиліями заботилась Москва съ тѣхъ поръ какъ въ ней сосредоточилась жизненная сила Русскаго государства, послѣ понесеннаго имъ разгрома? Не въ собраніи ли Русской земли заключалось все призваніе Москвы? Изъ чего она билась и съ Ливонскимъ орденомъ, и съ польскою Рѣчью Посполитою? На что было положено столько труда, для чего было пролито столько крови? Что придаетъ колоссальное величіе и силу образу Петра, и что мирить Русскій народъ съ жестокостію и насиліемъ его преобразованій? Не то ли, что онъ возстановилъ нашу связь съ Западомъ, что онъ добился до нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ окраинъ, что онъ добрался до русскаго моря, что онъ положилъ начало возстановленію Руси въ ея западныхъ границахъ? Не то ли придало безсмертный блескъ царствованію Екатерины II, что она довершила начатое Петромъ, и приблизительно возстановила первопачальную грань Русской земли въ ея протяженіи на западъ, и что она овладѣла другимъ русскимъ моремъ? И вотъ теперь, когда это великое многотрудное дѣло столькихъ вѣковъ, столькихъ усилій, столькихъ жертвъ, совершилось,—намъ говорятъ, что Русская земля черезъ мѣру обширна, что мы обязаны отречься отъ нашей исторіи, признать ее ложью и призракомъ и принять всѣ завпсящія отъ насъ мѣры, чтобъ обратить въ ничто великій результатъ добытый тяжкимъ трудомъ столькихъ поколѣній. Намъ говорятъ, что именно теперь, когда первая часть нашего историческаго дѣла совершена и когда вслѣдствіе того для нашей народности

открывается новый періодъ существованія, въ который намъ предстоитъ оправдать трудъ нашихъ предковъ и достойно воспользоваться его плодами,—намъ говорятъ, что обширное протяженіе русской территоріи и тягостно и неудобно, и что оно должно быть снова раздроблено,—раздроблено de gaieté de coeur, раздроблено нашими собственными руками; намъ говорятъ, что съ нашей стороны и невеликодушно, и нелиберально занимать столь большое пространство; намъ говорятъ, что мы должны возгнушаться громадностію нашей государственной области, что мы должны отдѣлить отъ нея преимущественно ея западныя окраины, возвращеніе которыхъ стоило такъ дорого, возвращеніе которыхъ составляетъ весь смыслъ и московскаго, и петербургскаго періода нашей исторіи. Намъ говорятъ, что мы должны, хотя и съ другими видами и въ другой формѣ, раздѣлить Русскую землю, какъ раздѣлили ее, тоже въ видахъ удобства, старые кіевскіе князья. Намъ говорятъ, что Русская земля, по своимъ громаднымъ размѣрамъ, не можетъ служить территоріей одному цѣльному государству. Нѣтъ, этого мало: намъ говорятъ это въ ту самую пору, когда пространство и время, благодаря телеграфамъ, желѣзнымъ дорогамъ и другимъ пособіямъ науки и гражданственности, почти исчезаютъ предъ человѣкомъ. Каково это! Русское государство не тяготилось громадностію своей территоріи въ тѣ времена, когда эта громадность дѣйствительно могла казаться тягостною, и должно пзнемочь подъ ея бременемъ теперь, когда при условіяхъ современной цивилизаціи обширность сплошной территоріи освобождается отъ всѣхъ своихъ неудобствъ и становится самымъ несомнѣннымъ элементомъ государственнаго благоустройства и народнаго процвѣтанія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Русь не чувствовала тягости быть «всею Русью»; а вотъ теперь, когда мысль и слово почти въ одно мгновеніе ока передаются изъ Петербурга на Кавказъ, и когда въ какихъ-нибудь двое-трое сутокъ можно съ устьевъ Западной Двины или съ береговъ Вислы очутиться на берегахъ Волги, теперь намъ говорятъ, что громадность нашей территоріи отяготительна для насъ, и что мы должны какъ можно скорѣй отдѣлаться отъ нея.

Заставляя насъ помышлять съ ужасомъ о громадности нашей государственной области, насъ приготовляютъ къ покушенію на самоубійство еще мыслію о страшной разноплеменности народонаселенія Русской державы. Предъ нашею смущенною мыслію воздвигаютъ цѣлыхъ двадцать народовъ, населяющихъ нашу государственную область. Намъ говорятъ, что каждая изъ этихъ двадцати націй, насильственно связанныхъ въ одно государство, требуетъ особаго для себя государства, и что Россія непремѣнно должна удовлетворить этому требованію. Россія есть не что иное какъ химера; въ дѣйствительности же существуютъ двадцать націй, которымъ эта химера, называемая Россіей, препятствуетъ жить и развиваться самостоятельно. Двадцать народовъ! Да это болѣе чѣмъ сколько можно насчитать полныхъ народовъ въ цѣлой Европѣ! Каково это! А мы и не знали, что обладаемъ такимъ богатствомъ; подъ обаяніемъ химеры, мы все думали, что подъ Русскою державой есть только одна нація, называемая русскою, и что мало государствъ въ Европѣ, гдѣ отношенія господствующей народности ко всѣмъ обитающимъ въ ея области инородческимъ элементамъ были бы такъ благопріятны во всѣхъ отношеніяхъ какъ въ Русскомъ государствѣ.

Недавно одна французская газета, въ оскорбительной и наглой выходкѣ противъ Россіи, попрекнула ее цѣльностію и однородностью французской націи.

«Вотъ городъ Мильгаузенъ», сказано въ укоръ намъ въ *Opinion Nationale:* «Мильгаузенъ былъ вольный городъ, принад-«лежалъ потомъ Австріи, былъ присоединенъ къ Франціи въ «1798, то-есть только 66 лѣтъ тому назадъ. Языкъ его оби-«тателей, также какъ и всѣхъ обитателей Альзаса, еще явст-«венно изобличаетъ его германское происхожденіе; и однакожь «пѣтъ города болѣе французскаго чѣмъ Мильгаузенъ, пѣтъ про-«винціи гдѣ чувство французской національности держалось бы «на такой высотѣ какъ въ Альзасѣ. Франція во все время *какъ «прежде*, такъ и послѣ 1789 года, обладала дивнымъ даромъ «уподоблять себѣ, сливать въ своемъ симпатическомъ единствѣ «самыя разнообразныя племена, и дѣлать своими по сердцу.—

„Des enfants qu'en son sein elle n'a point portés".

«Этотъ драгоцѣнный даръ, которому она обязана своею одно-
«родностію, своею силой и этимъ могущественнымъ единствомъ,
«дозволившимъ ей въ продолженіе двадцати лѣтъ держаться со
«славой противъ цѣлой Европы, происходитъ, конечно, отъ того,
«что послѣ каждаго завоеванія, Франція, влагая въ ножны
«мечъ, открывала свои объятія для своихъ новыхъ подданныхъ
«и ставила ихъ относительно своихъ старшихъ дѣтей въ по-
«ложеніе полнѣйшаго равенства. Народонаселенія Лотарингіи,
«Альзаса, Франшконте, Прованса, Руссильйона, всѣ промѣняли
«свое имя на это великое имя Французовъ, которымъ они гор-
«дятся.»

Но тутъ еще не всѣ перечислены инородческіе элементы; разныхъ инородческихъ народонаселеній наберется еще болѣе и на сѣверѣ, и на западѣ, и на югѣ Франціи. Скажемъ болѣе: весь французскій народъ, подъ тѣмъ могущественнымъ единствомъ, которое дѣйствительно должно быть за нимъ признано и которое связываетъ его неразрывно въ одномъ чувствѣ французской національности, таитъ въ себѣ множество элементовъ, изъ которыхъ каждый могъ бы стать основаніемъ особой народности, еслибы національность Французскаго государства хотя нѣсколько ослабѣла или гдѣ-нибудь измѣнила себѣ. Всѣ эти элементы, рѣзко обозначенные и крайне разнородные, дѣйствительно сливаются въ одну цѣльную націю, которая высится надъ этимъ міромъ разнородныхъ элементовъ упавшихъ на степень провинціализмовъ. Дѣйствительно, французская нація можетъ гордиться своею однородностью. Но чему же Франція обязана тѣмъ что безчисленное множество разноплеменныхъ и взаимно отталкивающихъ другъ друга элементовъ сливаются въ столь могущественное единство? Чему иному какъ не неизмѣнному характеру своего правительства, которое сознавало себя головою и рукою единственно только французскаго народа, которое жило, двигалось, существовало единственно только въ элементѣ французской національности, и которое во всей Франціи признавало единственно только французскую народность? Еслибы Французское правительство было въ Бретани бретонскимъ, или въ Альзасѣ нѣмецкимъ, а въ сѣверо-восточномъ углу

своей территоріи фламандскимъ, въ юго-восточномъ углу своемъ италіянскимъ, въ юго-западномъ—басскимъ и т. д., и т. д., то гдѣ была бы тогда Франція; гдѣ было бы ея могущественное единство, гдѣ была бы ея цивилизація, гдѣ было бы ея историческое призваніе, гдѣ былъ бы тотъ элементъ который вноситъ она въ общую жизнь человѣчества? Всякій во Франціи хочетъ быть Французомъ; но почему это? Потому что во Франціи признаются только Французы; инородческіе элементы, присоединявшіеся къ Франціи, никогда, въ качествѣ инородцевъ, не пользовались равенствомъ съ элементомъ французскимъ. Они не только не ставились рядомъ съ французскою національностію,—они вовсе не признавались. Франція принимала ихъ въ свое лоно, но лишь въ качествѣ Французовъ, и они сами собою уподоблялись общей, для всѣхъ неизмѣнно равной, всѣхъ равно принимавшей, все покрывавшей собою національности Французскаго государства.

Что касается до Россіи, то въ новѣйшій періодъ ея исторіи она, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, не была вполнѣ національною въ своей политикѣ. Напротивъ, часто совершенно независимо отъ воли и сознанія лицъ стоявшихъ во главѣ Русскаго государства, правительство ея уклонялось отъ своего народа, въ силу роковаго сцѣпленія нѣкоторыхъ обстоятельствъ неизбѣжно послѣдовавшихъ за реформой Петра. Образовавшаяся у насъ система заключалась въ томъ, чтобы правительственными мѣрами разобщать и, такъ сказать, *казировать* разнородные элементы вошедшіе въ составъ Русскаго государства, развивать каждый изъ нихъ правительственными способами не только по племенамъ, но и по религіи. Мы распространяемъ магометанство между Киргизами, которые не хотятъ быть магометанами, мы возсоздаемъ, укрѣпляемъ и возводимъ въ силу остатки ламайства между Бурятами, мы беремъ на себя обязанность блюсти дисциплину и чистоту всѣхъ сектъ и вѣроисповѣданій. Извѣстно также, что мы пріобрѣли безсознательную склонность давать не только особое положеніе инородческимъ элементамъ, но и сообщать имъ преимущества надъ русскою народностью, и тѣмъ развивать въ нихъ не только

стремленіе къ отдѣльности, но и чувство гордости своею отдѣльностію; мы пріобрѣли инстинктивную склонность унижать свою народность. Но естественныя условія въ которыхъ находится русская народность такъ благопріятны, что всѣ эти искусственныя причины, клонящіяся къ тому чтобъ обезсилить ее, до сихъ поръ не могли значительно повредить ей. Почти нѣтъ другаго примѣра, чтобы народность, объемлющая собою почти шестьдесятъ милліоновъ людей, представляла такое единство, какъ народность русская: такъ велика ея природная сила. Самыя рѣзкія противоположности языка и обычая русской народности какія оказываются, напримѣръ, между великорусскою, малороссійскою и бѣлорусскою частями ея, покажутся сплошнымъ единствомъ, въ сравненіи съ тѣми безчисленными рѣзкими контрастами, на которые распадается народность нѣмецкая или французская и которые сдерживаются въ національномъ единствѣ только лишь силою національнаго государства.

Естественныя условія въ которыхъ находится русская народность такъ благопріятны, что даже и наиболѣе спорный, наиболѣе значительный своею численностію и наиболѣе стремящійся къ отторженію инородческій элементъ, съ нею связанный,— элементъ польскій, гораздо родственнѣе по своему языку, которому въ вопросѣ національности принадлежитъ первое мѣсто, нежели французскіе или нѣмецкіе провинціализмы въ отношеніи другъ къ другу. Русскій крестьянинъ изъ Ярославля, изъ Полтавы, съ помощію своего языка, можетъ удобно исходить весь польскій край, ни мало не затрудняясь въ сношеніяхъ съ его жителями; между тѣмъ какъ во Франціи или въ Германіи чуть не съ каждымъ приходомъ мѣняется народный языкъ, и до такой степени, что люди различныхъ мѣстностей не могли бы понимать другъ друга, еслибы каждый не былъ болѣе или менѣе знакомъ съ языкомъ государственнымъ, не рѣдко не имѣющимъ ничего общаго съ мѣстными нарѣчіями.

Итакъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ политической системы, клонящейся къ тому, чтобы выдѣлять инородческія населенія, поддерживать и развивать правительственными способами чуждые русской народности элементы, встрѣчающіеся

на ея громадной территоріи, и наконецъ въ этой искусственной отдѣльности возвышать ихъ надъ русскою народностью,—несмотря на все это, нигдѣ, скажемъ мы опять, отношенія господствующей народности ко всѣмъ инородческимъ элементамъ такъ не благопріятны какъ въ Россіи. Это говоримъ мы, Русскіе: но это же скажетъ и свѣдущій иностранецъ, скажетъ даже Французъ, который по справедливости гордится единствомъ и цѣльностію своей народности. Мы приведемъ сейчасъ мнѣніе человѣка вполнѣ добросовѣстнаго, какъ нельзя болѣе свѣдущаго во всемъ что̀ касается статистики Русскаго государства,—притомъ Француза, носящаго нѣмецкое имя. Мы разумѣемъ г. Шницлера. Перебравъ народонаселенія всего Русскаго государства, вотъ что̀ говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ статистическомъ трудѣ *): «Предыдущее служитъ отвѣтомъ на вопросъ, однородно ли русское народонаселеніе. На первый взглядъ оно можетъ, въ самомъ дѣлѣ, показаться неоднороднымъ; но нѣсколько мгновеній размышленія дадутъ понять, что нѣтъ на свѣтѣ національности болѣе цѣльной и однородной, какъ эти пятьдесятъ шесть милліоновъ Русскихъ, составляющихъ громадное большинство населенія Имперіи и заключающихъ въ себѣ истинный центръ ея тяжести. Эта національность одарена большою расширительною силой: она захватываетъ и уподобляетъ себѣ мало-по-малу чуждые ей элементы, изъ которыхъ только польскій имѣетъ еще нѣкоторое значеніе, между тѣмъ какъ другіе представляютъ собою малыя доли, и изъ нихъ самая значительная едва превышаетъ три милліона, а остальные, слѣдуя въ нисходящемъ порядкѣ, теряются въ самыхъ ничтожныхъ цифрахъ.»

Инородческаго народонаселенія, взятаго въ совокупности, насчитывается въ Россіи отъ четырнадцати до девятнадцати милліоновъ,—съ Сибирью, съ Кавказомъ и Закавказьемъ, съ Киргизскими степями, съ Финляндіей, съ Прибалтійскими губерніями, наконецъ съ Царствомъ Польскимъ. Девятнадцать милліоновъ,

*) *L'Empire des Tsars au point actuel de la science.* Par. M. I. H. Schnitzler. Paris 1862. Tom. II p. 280.

правда, это почтенная цифра. Численность народонаселенія всего Прусскаго королевства почти не превышаетъ этой цифры. Съ нею было бы можно посчитаться, еслибъ она представляла собою что-нибудь дѣйствительное; но она при малѣйшемъ вниманіи разлетится какъ призракъ, и предъ нами окажется множество элементовъ до такой степени ничтожныхъ, что ихъ ни въ какой счетъ ставить невозможно, или же окажутся такіе элементы которыхъ ни въ какое соображеніе нельзя взять при вопросѣ о политическихъ національностяхъ. Г. Шницлеръ замѣчаетъ, что кромѣ польскаго элемента, изъ остальныхъ самый значительный едва простирается свыше трехъ милліоновъ. Онъ считаетъ эту цифру невозможною; мы сочли бы ее довольно значительною, еслибы таковая оказалась въ дѣйствительности; но такой не окажется. Вотъ, напримѣръ, почтенная цифра 3.700.000, полагаемая на такъ называемую чудскую, или финскую національность. Но что представляетъ она собою? Она представляетъ собою не что-либо дѣйствительное, а этнографическую отвлеченность. Предметъ который ею обозначается существуетъ только въ понятіи ученаго, логическимъ путемъ группирующаго элементы разрозненные и чуждые другъ другу въ дѣйствительности. Подъ эту цифру подходятъ народонаселенія болѣе чуждыя другъ другу чѣмъ многія изъ нихъ относительно русской народности; подъ эту цифру подходятъ народонаселенія разрозненныя между собою огромными пространствами, чуждыя другъ другу и бытомъ, и религіей, и языкомъ. Сюда относятся и собственно такъ-называемые Финны въ Финляндіи, и Эсты въ Лифляндіи и Эстляндіи, и Пермяки, и Чуваши, и Черемисы и Мордва по Волгѣ, и Вогулы и Остяки въ Сибири. Не только Черемисъ совершенно не пойметъ обитателя Суоміи, или Финляндіи, но и Эстонецъ, который ближе къ этому послѣднему, не въ состояніи понимать его. Это разбросанные обломки послѣ взрыва. Точно также взорвано, разбросано и лишено всякой связи племя Татарское. Племя Литовское, очень близкое къ Славянскому, представляетъ собою до такой степени разнородныя группы, что онѣ лишь въ этнографической росписи могутъ быть собраны во едино: сюда относится Литва въ тѣснѣйшемъ

смыслѣ, Жмудь и Латыши, чуждые другъ другу, какъ и Финскія племена, и по образу жизни, и по религіи, и по языку, распавшемуся на взаимно непонятныя нарѣчія. Не взять ли племя Еврейское, котораго въ предѣлахъ Имперіи числится почти до двухъ милліоновъ? Не для него ли требуется особая политическая организація—племя разбросанное по цѣлому міру, живущее отдѣльными группами среди христіанскихъ народонаселеній? Не взять ли для соображенія Кавказъ съ Закавказьемъ, гдѣ этнологъ и лингвистъ теряется въ безднѣ мелкихъ племенъ и языковъ, совершенно разнородныхъ, и гдѣ самая значительная группа, Грузинская, намъ единовѣрная, своею численностію едва достигаетъ девятисотъ тысячъ, и притомъ сама распадается на особыя группы? Не нѣмецкая ли національность есть одна изъ тѣхъ двадцати націй, живущихъ въ Россіи, которыя должны послужить основаніемъ для отдѣльныхъ государствъ? Въ Россійской Имперіи всего на все числится до трехсотъ семидесяти тысячъ Нѣмцевъ, съ колоніями по Волгѣ, въ Новороссіи и на Кавказѣ, и съ Прибалтійскими губерніями, гдѣ нѣмецкаго элемента считается до ста семидесяти тысячъ. Сто семьдесятъ тысячъ и притомъ не народа, который долженъ представлять собою полную организацію общественныхъ классовъ,—а лишь землевладѣльцевъ и горожанъ! Вотъ особая нація и особое государство! Или взять Шведовъ, которые играютъ господствующую роль въ Финляндіи и которыхъ числится до двухсотъ тысячъ? или Румыновъ, которыхъ считается до пятисотъ тысячъ? или Армянъ, которыхъ наберется до трехсотъ тысячъ? или Грековъ, которыхъ числится до пятидесяти тысячъ? или Цыганъ, которыхъ считается столько же? или Алеутовъ, которыхъ считается до двухъ тысячъ? Вотъ націи таящіяся въ нѣдрахъ Россіи! Вотъ тотъ міръ народовъ и государствъ на которыя она должна распасться, дабы превратиться въ *гуманитарную* державу!

Но для чего же, въ какихъ видахъ Россія должна раздробить свою государственную область, которая такъ дорого ей стоила, и за неимѣніемъ націй, между которыми бы должно подѣлить ее, нарочно сдѣлать изъ себя множество отдѣльныхъ

націй,—нарочно сдѣлать Нѣмцевъ изъ Латышей и Эстонцевъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, чтобы тамъ была компактная нѣмецкая національность, нарочно сдѣлать Русскихъ живущихъ въ Финляндіи Финнами, или Финновъ Шведами, нарочно дать сдѣлать милліоны Русскихъ въ западной Россіи—Поляками, а польскія, такъ родственныя намъ народонаселенія въ Конгрессовкѣ, окончательно разобщить съ Русскимъ народомъ, и подготовить ихъ къ той судьбѣ которая уже постигла всю остальную часть когда-то многочисленной польской націи, то-есть сдѣлать ее легкою добычей германизаціи? Въ какихъ видахъ Россія должна устраивать новую Біармію, или Царства Казанское и Астраханское? Въ какихъ видахъ Россія должна нарочно сдѣлать Кавказъ, котораго почти каждый утесъ облитъ русскою кровью, чуждымъ для Русскаго народа съ государствомъ? Въ какихъ видахъ должна она расторгнуть и сдѣлать чуждыми и стало-быть враждебными другъ другу части своей собственной природной національности? Чѣмъ хотятъ подѣйствовать на наше воображеніе, чѣмъ хотятъ заманить насъ къ совершенію подобныхъ неслыханныхъ операцій? Объ этомъ стóитъ поговорить особо.

III.

10-го ноября.

... Отъ великаго до смѣшнаго, говорятъ, одинъ только шагъ. Мы рѣшаемся на этотъ шагъ, и разомъ переходимъ отъ великихъ вопросовъ общеевропейской политики къ забавнымъ замѣткамъ по ихъ поводу въ петербургской газетѣ *Голосъ*. *Голосъ* отказывается имѣть собственное мнѣніе о томъ чтó согласно или не согласно съ пользами Россіи во внѣшней ея политикѣ, или, какъ выражается эта газета, отказывается «сочинять собственныя свои предположенія о политикѣ Россіи». Въ этомъ случаѣ означенная газета совершенно права. Мы готовы были бы даже похвалить ее за такую рѣдкую у насъ скромность; но къ сожалѣнію, похвала была бы преждевременна,

потому что *Голосъ*, не имѣя собственнаго мнѣнія, считаетъ себя однако въ правѣ разбирать чужія и при случаѣ передавать ихъ въ самомъ искаженномъ видѣ. Петербургская газета Богъ знаетъ откуда взяла, будто бы мы хлопочемъ о сохраненіи мира въ Европѣ во что бы то ни стало. Забывая, что она же сама и «политическіе друзья ея» обвиняютъ насъ въ томъ, будто бы въ прошломъ году мы вызывали всю Европу на борьбу съ Россіей, она чуть ли не причисляетъ насъ теперь къ членамъ общества друзей вѣчнаго мира. Какъ Россія, такъ и другія европейскія державы, въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо заинтересованы сохраненіемъ мира въ Европѣ, и однакоже, кромѣ мечтательныхъ «друзей вѣчнаго мира» и еще можетъ-быть кромѣ невинныхъ петербургскихъ публицистовъ, не найдется ни одного серіознаго человѣка который не понималъ бы, что миру Европы могутъ грозить разныя опасности. При всѣхъ успѣхахъ своихъ Россія была бы не въ состояніи оградить миръ Европы отъ всѣхъ опасностей, и при всемъ миролюбіи своемъ она не могла бы принять на себя эту невозможную задачу; но она очень можетъ употребить свое вліяніе въ Европѣ на поддержаніе тѣхъ условій которыя могутъ до нѣкоторой степени оградить миръ. Такъ напримѣръ, не пугая Австрію непзвѣстностью своихъ видовъ отпосительно ея, въ случаѣ какого-либо столкновенія, Россія можетъ направить силу франко-италіянской конвенціи на Римъ и отсрочить на неопредѣленное время рѣшеніе венеціянскаго вопроса. Этимъ образомъ дѣйствій она не установитъ прочнаго мира въ Европѣ, она не водворитъ дружбы между Австріей и Франціей, между Италіей и Австріей; но она вовсе и не обязана заботиться о дружбѣ между ними; этого вовсе и не требуютъ ея интересы. Пусть между ними будетъ продолжаться разладъ: вина падаетъ на нихъ же самихъ, а не на Россію, и Россіи отъ ихъ разлада нисколько не будетъ хуже, а напротивъ, ея интересы подверглись бы немаловажной опасности, еслибы, миновавъ римскій вопросъ и порѣшивъ наскоро вопросъ венеціянскій, западныя державы за одно съ Австріей и съ Италіей приняпись тотчасъ же за рѣшеніе восточнаго вопроса. Отъ Россіи

немедленно потребовались бы тяжкія жертвы, на которыя, безъ сомнѣнія, она нашла бы въ себѣ достаточно патріотической готовности; но тѣмъ не менѣе нельзя не пожелать, чтобъ ей удалось разумною внѣшнею и внутреннею политикой устранить или по крайней мѣрѣ отсрочить необходимость этихъ жертвъ.

Если намъ не удалось убѣдить петербургскаго публициста, что такою политикой для Россіи можетъ быть въ настоящее время совокупное до извѣстной степени дѣйствіе съ Австріей, то намъ пріятно заявить, что въ вопросахъ о внутренней политикѣ государствъ петербургская газета начинаетъ смотрѣть нашими глазами, къ сожалѣнію, впрочемъ, пока только въ примѣненіи къ Турціи, а отнюдь не къ самой Россіи. Въ № 240 *Московскихъ Вѣдомостей* было высказано, что Россія никакъ не менѣе Англіи заинтересована сохраненіемъ въ настоящую пору Турецкой имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смягченіемъ турецкаго владычества надъ христіанскими племенами. «Пусть власть султана, сказано было въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, все болѣе и болѣе теряетъ свой національный характеръ, и получаетъ значеніе отвлеченное, — если угодно, *гуманитарное* (петербургскій публицистъ страннымъ образомъ не замѣчаетъ, что это выраженіе взято изъ брошюры г. Шедо-Ферроти; въ наивности своей публицистъ газеты, высказавшейся въ пользу этой брошюры, не можетъ довольно надивиться, какъ это власть мусульманскаго государя можетъ стать *гуманитарною*, и думаетъ что *гуманитарная* значитъ *гуманная*); но пусть вмѣстѣ съ тѣмъ эта власть, постепенно слабѣющая ради блага христіанскихъ населеній, ревниво и добросовѣстно охраняется Европой отъ всякаго внѣшняго покушенія». Петербургская газета поспѣшила истолковать нашу мысль: «Другими словами, говоритъ она, нужно чтобы власть султана пала сама собою, и изъ его владѣній возникла федерація турецкихъ христіанъ. И это, прибавляетъ *Голосъ*, называется сохраненіемъ Турецкой имперіи!» Да, это называется сохраненіемъ Турецкой имперіи въ наилучшей и наиудобнѣйшей для Турецкой имперіи формѣ.

Впрочемъ не о Турецкой имперіи идетъ рѣчь. Ниже, подъ рубрикою: «Турція», наши читатели найдутъ статью, изъ

которой они убѣдятся, что турецкіе государственные люди хорошо понимаютъ, что политическое обособленіе отдѣльныхъ частей государства, хотя и съ сохраненіемъ надъ ними общей верховной власти, равносильно разложенію государства, и что съ своей стороны, они стараются принимать мѣры противъ этого процесса,—мѣры, которыя, мы не сомнѣваемся въ томъ, окажутся безплодными, потому что Турція уже принуждена была допустить принципъ своего разложенія въ Сербіи, въ Румыніи, въ Египтѣ, а допустивъ его, она не въ состояніи будетъ предотвратить и дальнѣйшія его послѣдствія въ примѣненіи къ Босніи и Герцеговинѣ, къ Болгаріи, если ходъ европейскихъ дѣлъ не рѣшитъ иначе участь той или другой изъ этихъ областей. Къ тому же турецкая національность не только не имѣетъ живучести въ себѣ, но даже и физически вымираетъ. Она ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на объединеніе своихъ христіанскихъ областей въ духѣ Корана, и никто ея до этого не допуститъ. Но не объ этомъ дѣло. Насъ наиболѣе занимаетъ теперь вопросъ, почему въ примѣненіи къ Турціи газета *Голосъ* понимаетъ, что принципъ политическаго обособленія отдѣльныхъ областей долженъ рано или поздно повлечь за собою паденіе этой имперіи, и почему эта же самая газета оказывается рѣшительно не способною понять эту простую истину въ примѣненіи къ Россіи. Политическое обособленіе Болгаріи, Босніи, Герцеговины, при сохраненіи надъ ними верховной власти султана, кажется публицистамъ *Голоса* постепеннымъ паденіемъ Турецкой имперіи; но политическое обособленіе Польши, Финляндіи, Прибалтійскаго края, Кавказа, какое отчасти существуетъ, а отчасти рекомендуется Россіи для дальнѣйшаго развитія «благожелательными публицистами», находитъ въ петербургской газетѣ сочувствіе до такой степени, что въ нумерѣ отъ 8 го ноября она поставляетъ намъ въ вину мнѣнія, которыя должны были бы быть общимъ достояніемъ русской журналистики, точно также какъ они несомнѣнно коренятся въ общемъ убѣжденіи всѣхъ русскихъ людей. Въ фельетонѣ этого же нумера *Голоса*, мы, несмотря на пріобрѣтенную уже нами привычку не изумляться ничему встрѣчающе-

муся въ нѣкоторыхъ петербургскихъ изданіяхъ, не безъ изумленія прочли слѣдующее:

«Не безизвѣстно вамъ, что *Московскія Вѣдомости* страдаютъ сепаратизмоманіей: ратуя противъ сепаратизма, онѣ и слышать не хотятъ ни о какой автономіи, которая давала бы бо́льшія политическія права гражданамъ какой-либо присоединенной къ Россіи провинціи, нежели тѣ, которыми пользуется коренная Русь: все это ведетъ къ сепаратизму».

Петербургская газета находитъ, что со всѣмъ этимъ безусловно согласиться нельзя, на томъ основаніи, что нельзя проповѣдывать смѣшеніе интеллигенціи (то-есть привилегированныхъ инородцевъ) съ невѣжественною массой (то-есть съ кореннымъ русскимъ населеніемъ). Она выписываетъ наши слова, сказанныя по поводу абсентіизма, печатаетъ курсивомъ, повторяетъ на всѣ лады и всячески выставляетъ на видъ своихъ читателей, что, по нашему мнѣнію, русская жизнь обставлена безчисленными неудобствами вещественными и нравственными. Она ловитъ насъ на этихъ словахъ и заставляетъ насъ обращаться къ привилегированнымъ инородцамъ съ слѣдующею рѣчью: «Живите, молъ, всѣ такъ, какъ мы живемъ, а потомъ бѣгите тоже за границу». Какъ это игриво, и какимъ уваженіемъ это проникнуто къ русской публикѣ, къ Русскому народу, наконецъ къ Русскому государству! Если суды у насъ неудовлетворительны, если собственность у насъ недостаточно ограждена, если училища у насъ плохи (это послѣднее газета *Голосъ* не любитъ перепечатывать даже и курсивомъ), то изъ этого слѣдуетъ, что Русское государство должно заботиться о снабженіи не всей Россіи, а привилегированныхъ провинцій хорошими судами, школами и т. д.!

Можно ли найти во всей европейской журналистикѣ что-либо болѣе безобразное чѣмъ это заявленіе готовности на расширеніе политическихъ привилегій въ пользу инородцевъ и въ ущербъ коренному и основному населенію своего государства въ связи съ заявленнымъ по отношенію къ Турціи сознаніемъ, что подобное политическое обособленіе отдѣльныхъ областей государства ведетъ къ несомнѣнному его паденію? Газета

Голосъ не можетъ даже сослаться на то, что благоговѣетъ передъ такъ-называемыми благопріобрѣтенными историческими правами той или другой провинціи, присоединенной къ Россіи. Прогрессивная газета говоритъ не о сохраненіи, а о расширеніи, и притомъ не правъ, а привилегій. Но положимъ, рѣчь шла бы о существующихъ правахъ. Не долженъ ли состоять прогрессъ въ ихъ согласованіи съ общими потребностями государства? Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на исполненныя истины и глубокаго смысла слова президента палаты депутатовъ австрійскаго имперскаго совѣта. Они увидятъ, какъ смотрятъ политическіе люди въ западной Европѣ на историческія права отдѣльныхъ областей, даже и такихъ какъ Венгрія, какъ Богемія, которыя были нѣкогда вполнѣ самостоятельными государствами. «Различные могутъ быть виды и формы государственной власти», говорилъ между прочимъ г. Газперъ; «но та форма, при которой власть, принадлежащая цѣлому государству, была бы раздроблена и предоставлена отдѣльнымъ его частямъ, была бы рѣшительнымъ отрицаніемъ государства... Основное начало современнаго государственнаго права заключается въ томъ, что государству принадлежатъ безусловныя, какъ бы прирожденныя права. Стремленія ограничить эти права во имя историческихъ правъ отдѣльныхъ областей обличаютъ совершенно превратное пониманіе этихъ историческихъ правъ.» Вотъ здравое и современное политическое ученіе, которое надобно было бы усвоить нѣкоторымъ изъ нашихъ петербургскихъ публицистовъ и научиться примѣнять его не только къ Турціи, а также и къ своему отечеству—Россіи.

IV.

16-го ноября.

Люди не желающіе понять въ чемъ дѣло или желающіе замаскировать его обыкновенно глумятся надъ словомъ *сепаратизмъ*. «Гдѣ у насъ сепаратизмъ, какой у насъ сепаратизмъ? восклицаютъ они: сами Поляки, по крайней мѣрѣ благораз-

умнѣйшіе изъ нихъ, вовсе не думаютъ отдѣляться отъ Россіи,— по крайней мѣрѣ въ настоящее время. А также можно ли давать серіозное значеніе фантазіямъ какихъ-нибудь горячихъ головъ въ Финляндіи или Лифляндіи, если тамъ кто-либо думаетъ о возможности отторженія отъ Русской державы? Равно и повсюду въ Россіи, гдѣ замѣчается стремленіе пріобрѣсти отдѣльное государственное положеніе, или организовать политически особую національность, нѣтъ рѣчи о томъ чтобъ отложиться отъ Россіи, и появиться въ мірѣ отдѣльною державой.»

Вотъ такими-то фокусами ловкіе мастера своего дѣла морочатъ у насъ людей которые мыслятъ болѣе словами нежели понятіями, или которымъ недосугъ серіозно подумать о вопросѣ! Сепаратизмъ, отсутствіемъ котораго насъ утѣшаютъ, есть несравненно меньшее зло чѣмъ тотъ сепаратизмъ, присутствіемъ котораго насъ тоже, кажется, утѣшаютъ. Государство можетъ лишиться какой-либо части своей территоріи безъ потрясенія своихъ основаній, и даже безъ особеннаго ущерба. Но несравненно серіознѣе всякаго внѣшняго отложенія было бы для государства внутреннее разложеніе его территоріи или его народа. Сепаратизмъ, въ смыслѣ отторженія какой-либо части, гораздо менѣе страшенъ нежели сепаратизмъ въ смыслѣ внутренняго расторженія. Война или возстаніе,—во всякомъ случаѣ дѣло отторженія рѣшается жребіемъ битвъ. Нѣтъ государства которое бы ни разу на своемъ вѣку не понесло какой-либо утраты, и нерѣдко также случалось, что государство, послѣ утраты, набиралось внутри новыхъ силъ, которыми въ послѣдствіи съ избыткомъ вознаграждалось утраченное. Но начало разложенія внесенное внутрь государства есть положительное зло, есть несомнѣнная пагуба. Мы видимъ теперь въ Сѣверной Америкѣ кровопролитную борьбу: великая нація не щадитъ ничего для возстановленія нарушенной цѣлости своего государства. Вторичный выборъ Авраама Линкольна на должность президента свидѣтельствуетъ, что три года кровопролитной борьбы не утомили этого народа, не лишили его энергіи, не склонили его къ уступчивости,—и онъ будетъ биться за цѣлость своего государства пока есть у него силы, до послѣдняго доллара, до

послѣдней капли крови. Вотъ какъ великіе народы цѣнятъ святыню государственной цѣлости! Вотъ какія жертвы приносятъ они для ея спасенія или возстановленія! А между тѣмъ, кажется, какое бы дѣло этимъ милліонамъ людей, изъ которыхъ у каждаго есть свои личныя заботы и семейныя дѣла,—какое дѣло до того, будутъ ли граждане Южныхъ Штатовъ высылать своихъ представителей въ одно и то же политическое собраніе со Штатами Сѣверными и управляться однимъ и тѣмъ же верховнымъ закономъ!... Но теперь, предположимъ вотъ какой случай; вообразимъ себѣ, что вмѣсто временнаго выборнаго правителя, во главѣ Штатовъ появился бы наслѣдственный монархъ, и вообразимъ себѣ, что граждане Южныхъ Штатовъ, изнуренные войной, но еще не побѣжденные, рѣшились бы положить оружіе на томъ условіи чтобы во главѣ ихъ находилось одно и тоже верховное лицо, что и во главѣ Сѣверныхъ Штатовъ, но такъ чтобы въ этомъ лицѣ строго различалось верховенство надъ Южными Штатами отъ верховенства надъ Сѣверными, то-есть чтобы въ одномъ лицѣ этого государя соединялись оба государя, и чтобы въ силу того территорія Южныхъ Штатовъ была государствомъ чужестраннымъ для Сѣверныхъ Штатовъ. Принимая въ соображеніе ту энергію съ которою граждане Сѣверныхъ Штатовъ борются за возстановленіе нарушенной цѣлости своего государства,—принимая въ соображеніе ту страшную цѣну какую они даютъ политическому единству всѣхъ частей своей территоріи,—можемъ ли сомнѣваться въ смыслѣ отвѣта который дали бы они на подобное предложеніе? Можемъ ли сомнѣваться, что они отвергли бы его съ негодованіемъ какъ вражескую насмѣшку, и заставили бы своихъ противниковъ либо снова взяться за оружіе, либо войти безусловно въ составъ одного государственнаго цѣлаго? Нельзя также сомнѣваться, что еслибы возстановленіе этого государственнаго цѣлаго оказалось невозможнымъ, то граждане Сѣверныхъ Штатовъ предпочли бы остаться при одной части разрушеннаго цѣлаго, лишь бы только оно было единымъ государствомъ, нежели бы частію разломленнаго цѣлаго, и находиться въ фальшивомъ единеніи съ государствомъ чужимъ,—

единеніи столько же оскорбительномъ, сколько опасномъ и пагубномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Недавно, когда у несчастной Даніи былъ отнятъ Шлезвигъ германскими державами, и когда нѣкоторыя изъ державъ нейтральныхъ, отчасти въ предупрежденіе дальнѣйшихъ затруднительныхъ вопросовъ о судьбѣ этого герцогства, отчасти изъ желанія сохранить за Датскимъ королевствомъ тѣнь прежняго государственнаго состава, предложили ему удержать за собою какъ Шлезвигъ, такъ и Гольштейнъ на правѣ личнаго соединенія, то главное препятствіе къ тому оказалось въ самой Даніи: гражданское чувство народа этой маленькой монархіи было болѣе оскорблено и взволновано этимъ предложеніемъ нежели исходомъ несчастной войны, отнявшей у нея столь значительную часть ея территоріи. Безъ сомнѣнія, Датчане отказались бы отъ такого предложенія даже и въ томъ случаѣ, еслибъ оно простиралось не только на Шлезвигъ, но и на весь Ютландскій полуостровъ.

Насъ успокоиваютъ, что у насъ нѣтъ рѣчи о сепаратизмѣ, и въ то же время, съ удивительною безсовѣстностью, тѣ же самые голоса только и ведутъ рѣчь о раціональности, прогрессивности, гуманности такого хода дѣлъ который имѣлъ бы своимъ результатомъ приведеніе той или другой части Русскаго государства въ совершенно сепаратное положеніе относительно цѣлаго. Намъ говорятъ, что у насъ нѣтъ и рѣчи о сепаратизмѣ, и въ то же время съ неслыханною наглостью перебираютъ одну за другою разныя части Русскаго государства, которыя должны стать особымъ государствомъ, чуждымъ Русскому народу на основаніи особой національности, хотя бы для этой цѣли и пришлось искусственно выдѣлывать годныя къ тому національности, и даже употреблять части самого Русскаго народа матеріаломъ для такихъ созданій. Никто не сомнѣвается, что ни одна изъ окраинъ Русской державы не будетъ въ силахъ оторваться отъ нея вооруженнымъ возстаніемъ; никто не опасается европейской войны, которая могла бы оторвать у Россіи Царство Польское, или Финляндію, или Прибалтійскія губерніи, никто не опасается раздробленія Россіи посредствомъ войны или иноплеменнаго мятежа. Но опасаться этого нѣтъ

основаній только теперь, то-есть пока Россія остается еще Россіей, пока внутри Русской державы еще не данъ полный ходъ началу разложенія, пока еще дѣло не остается при однихъ начаткахъ, пока еще Русскій народъ не пріучился отдѣлять себя въ своемъ чувствѣ отъ Русской державы, пока еще онъ не изъ всѣхъ ея окраинъ выгнанъ, какъ выгнаны Турки изъ Сербіи или изъ Молдо-Валахіи. А когда бы все это могло совершиться, когда бы внутренній сепаратизмъ окончательно сдѣлалъ свое дѣло, тогда и вовсе не потребовалось бы войны для того чтобъ отторгнуть отъ Русской державы ту или другую часть ея, тогда она распалась бы сама безъ малѣйшаго толчка со стороны. И не то для Россіи было бы опасно, не то было бы для нея пагубно, еслибы какія-либо обстоятельства оторвали отъ нея, напримѣръ, Царство Польское или Финляндію. Каковъ бы ни былъ ущербъ для Россіи вслѣдствіе отторженія нѣкоторой части ея государственной области, онъ не могъ бы потрясти ея основаній; оставаясь въ существѣ своемъ нетронутою, она легко могла бы вознаградить себя за всякій ущербъ; оставаясь здоровымъ и могущественнымъ организмомъ, она могла бы легко заживить всякое поверхностное уязвленіе. Итакъ, не этого рода сепаратизмъ страшенъ для Россіи, еслибъ и дѣйствительно въ составѣ Русской державы оказались цѣльныя націи достаточно сильныя для того чтобъ оторваться отъ нея собственною внутреннею силой. Мы знаемъ, что такихъ націй нѣтъ въ государственномъ составѣ Россіи, пока еще сами мы не надѣлали ихъ искусственными способами; но еслибъ у насъ и оказалось что-нибудь въ этомъ родѣ и еслибы что-нибудь въ этомъ родѣ возымѣло силу отложиться и возвратить свою самостоятельность, то это не могло бы глубоко взволновать и встревожить чуткій народный духъ, не могло бы коснуться болѣзненно самаго существованія великой націи.

Нѣтъ, не этотъ сепаратизмъ можетъ быть опасенъ для насъ. Опасенъ, напротивъ, тотъ внутренній сепаратизмъ, въ духѣ котораго было, въ 1815 году, присоединено Царство Польское. Въ этомъ сепаратизмѣ—вся сила; этотъ сепаратизмъ есть та внутренняя язва которая въ своемъ развитіи могла бы стать

непзлѣчимымъ недугомъ. Есть два года въ русской исторіи, два роковые года, когда Россія торжествовала свои блистательнѣйшія побѣды, и когда въ упоеніи торжества она получила первыя уязвленія того внутренняго сепаратизма, который всего опаснѣе и который еще не проявилъ всѣхъ своихъ послѣдствій. Это начало подкралось извнѣ, и ядъ его сначала былъ сладокъ, Русская держава повидимому увеличивалась и возвышалась; но это было самое коварное обольщеніе. Правдивый историкъ скажетъ, что для Россіи было бы лучше утратить, въ тѣ дни побѣдъ, какую-либо часть своей территоріи, нежели пріобрѣсти новыя части въ томъ смыслѣ какъ было пріобрѣтено, напримѣръ, герцогство Варшавское по Вѣнскому трактату. За русскую кровь пролитую въ эту годину, за тяжкія жертвы принесенныя Россіей въ борьбѣ со всемірнымъ завоевателемъ, за великія услуги оказанныя ею въ то время всему цивилизованному міру, она была бы въ правѣ ожидать себѣ иного, и она была бы вознаграждена несравненно лучше, еслибъ осталась безъ всякаго вознагражденія, съ однимъ чувствомъ сдѣланнаго дѣла. Ея могущественная и цѣльная народность, предъ которою разсыпаются въ прахъ всѣ инородческіе элементы, захваченные ея громадною территоріей, крѣпкіе завѣты ея исторіи, столь тягостно устанавливавшей единство Русской земли, не допускали возможности зародиться началу внутренняго сепаратизма изъ ея собственныхъ нѣдръ: надобно было привить его извнѣ, въ видѣ новыхъ придатковъ къ ея территоріи. И въ тѣ роковые годы оно было привито къ ней: вопросъ теперь въ томъ, будетъ ли оно развивать свои дальнѣйшія дѣйствія, или же обратится въ ничто, побѣжденное дальнѣйшимъ развитіемъ жизни въ Русскомъ государствѣ. Середины быть не можетъ: либо это начало, прокрадываясь темными путями, совершитъ дѣло разрушенія во всемъ составѣ нашего отечества; либо оно потеряетъ свое дѣйствіе и въ тѣхъ частяхъ черезъ которыя оно впервые къ намъ проникло.

Спросимъ себя, что могло бы заставить насъ желать чтобы подъ фальшивымъ видомъ одного государства находились въ дѣйствительности многія, чуждыя одно другому государства?

Почему можетъ быть желательно видѣть, на мѣстѣ нынѣшней Россіи, нѣсколько государствъ раздѣленныхъ по-національно?

Слѣдуетъ замѣтить, что въ основаніе всѣхъ тѣхъ особыхъ государственныхъ группъ, на которыя, въ видахъ прогресса, предлагается раздѣленіе Россіи, полагается національность. Раздѣленіе должно быть произведено по-національно, и за неимѣніемъ готовыхъ, пригодныхъ къ тому національностей, таковыя должны быть всякими искусственными способами нарочно для этой цѣли устроены или развиты. Ни Германскій Союзъ, ни союзъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ что предлагается подъ видомъ федераціи для Россіи. Оба упомянутые союза сами не имѣютъ между собою ничего общаго: Германія есть совокупность отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою верховную власть и во внутреннихъ дѣлахъ своихъ не зависитъ отъ другаго; что же касается до Сѣверо-Американской федераціи, то она по сущности своей есть одно государство, съ одною верховною властью и съ обязательнымъ для всѣхъ штатовъ законодательствомъ. Но при всемъ радикальномъ различіи своемъ, и Германскій Союзъ и Сѣверо-Американскіе Штаты въ томъ однако существенно сходствуютъ, что какъ тамъ, такъ и тутъ господствуетъ одна національность и не допускается принципа разныхъ національностей. Государства входящія въ составъ Германскаго Союза государства германскія; каждое изъ нихъ имѣетъ свою верховную власть; каждое изъ нихъ самостоятельно; но всѣ они представляютъ собою одну націю, и на этомъ основаніи образуютъ неразрывный союзъ и стремятся къ тѣснѣйшему соединенію. Въ этомъ отношеніи Германія есть нѣчто діаметрально противоположное тому виду какой должна принять Россія еслибъ осуществились программы сочиняемыя для ея прогресса. Германія есть одна нація, раздѣленная на многія государства, и господствующее въ ней стремленіе есть стремленіе къ государственному единству, которое соотвѣтствовало бы ея національному единству; Россія, наоборотъ, должна представлять собою совокупность государствъ, которыя главнымъ образомъ отличались бы между собою по національностямъ; для чего таковыя

и должны быть искусственно организованы; стало-быть въ этомъ конгломератѣ, въ этой кучѣ государствъ, должно господствовать непреодолимое, инстинктивное стремленіе къ обособленію, ко взаимному отчужденію, къ отдѣленію. Въ свою очередь, Американскіе Штаты, какъ Сѣверные, такъ и Южные, представляютъ собою одну національную стихію, и если, несмотря на то, все-таки въ нихъ возникъ тотъ антагонизмъ, котораго послѣдствія мы видимъ теперь, то онъ самымъ убѣдительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что федеративная форма, даже и при національномъ единствѣ, не представляетъ залоговъ прочности; что же было бы, еслибы къ этой пепбѣжной розни, проистекающей изъ самаго свойства федеративной формы, которая представляетъ слишкомъ значительныя аттрибуціи государственной самостоятельности отдѣльнымъ частямъ государства, присоединилось еще начало племенной розни, самое могущественное изо всѣхъ, потому что самое инстинктивное и самое слѣпое? Могли ли бы Соединенные Штаты, при своемъ федеративномъ устройствѣ, просуществовать не только шестьдесятъ лѣтъ съ блескомъ и славой, но и шесть лѣтъ со всевозможнымъ позоромъ и безславіемъ, еслибы въ ихъ нѣдрахъ, ко всѣмъ другимъ элементамъ сепаратизма, присоединилась слѣпая страсть разныхъ національностей?

А намъ хотятъ навязать такое устройство которое было бы именно основано на національной розни, и въ которомъ между частями чудовищнаго цѣлаго не было бы и того общенія которое условливается федеральными связями, какъ бы ни были онѣ слабы. Всякая федерація—потому только и федерація, что имѣетъ общее, обязательное для всѣхъ ея членовъ, общенаціональное учрежденіе, въ которомъ всѣ они должны принимать прямое и дѣятельное участіе въ интересѣ цѣлаго. Стало-быть, федерація требуетъ, какъ необходимаго условія, чтобъ ея члены были, при всемъ разнообразіи ихъ мѣстныхъ особенностей и интересовъ, дѣтьми одной національности, принимая это слово въ его обширнѣйшемъ и самомъ общемъ значеніи. Необходимо чтобы части одного Союза не разнились между

собою основнымъ элементомъ національности, самымъ необходимымъ органомъ общенія и связи людей между собою,—языкомъ.

Отдѣльныя націи могутъ находиться между собою въ дипломатическихъ сношеніяхъ какъ равныя державы. Вся Европа представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ союзъ государствъ. Съ какой-либо абсолютной точки зрѣнія, все человѣчество можетъ быть разсматриваемо какъ одно органическое цѣлое. Но никому не можетъ придти въ голову считать не только человѣчество, но и Европу, съ ея кодексами международнаго права, за одну державу или за одинъ политическій составъ. Система самостоятельныхъ государствъ, въ какихъ бы отношеніяхъ ни находились они между собою, представляетъ собою отрицаніе государственнаго единства, а отнюдь не образецъ тѣхъ отношеній въ какихъ могутъ находиться между собою части одного государственнаго цѣлаго. Сказать, что Россія должна представлять собою подобіе человѣчества, долженствующаго состоять изъ разныхъ націй, организованныхъ въ чуждыя одно другому государства, какъ въ настоящемъ человѣчествѣ,—не значитъ ли это сказать, что Русское государство должно прекратить свое существованіе? И не оскорбительнѣе ли подобная доктрина тѣмъ, что она имѣетъ видъ наглой насмѣшки? Что можно сказать враждебнѣе по отношенію къ существующему государству какъ сказать, что надобно покончить съ его существованіемъ? Что можетъ быть съ тѣмъ вмѣстѣ оскорбительнѣе, какъ облечь эту простую сентенцію во фразу гласящую, что государство о которомъ идетъ рѣчь должно улетучиться въ человѣчество, и для этой цѣли превратиться въ нѣсколько одно другому чуждыхъ государствъ? Не все ли это равно, что замахиваясь ножомъ на человѣка, съ любезною улыбкой привѣтствовать переселеніе его въ горнія обители?

Устраивать какое-либо государство такъ чтобъ оно походило на человѣчество или на систему государствъ, какъ Европа, значитъ разлагать и разрушать его. Всякая мѣра принятая въ этомъ смыслѣ была бы мѣрой разрушенія. Всякій шагъ въ этомъ направленіи былъ бы шагомъ къ разрушенію.

Намъ говорятъ, что раздѣленіе Россіи на чуждыя одно другому государства должно тѣмъ не менѣе оставаться дѣломъ внутреннимъ и не нарушать единства Русской державы. Превращая Россію въ человѣчество, насъ плѣняютъ возвышеніемъ верховной власти, долженствующей простираться надъ этимъ импровизованнымъ человѣчествомъ и соединять его. Но монархъ можетъ находиться лишь во главѣ государства; а во главѣ человѣчества никогда никого не было и не будетъ кромѣ Бога. Надъ системой чуждыхъ другъ другу государствъ, какова напримѣръ Европа, невозможно и въ фантазіи постановить какую-либо общую верховную власть. Властолюбивыя попытки основать всемірную монархію были направляемы не къ поддержанію существовавшихъ государствъ и народовъ, а къ подавленію и уничтоженію ихъ. Совокупность чуждыхъ другъ другу государствъ и единство верховной власти, долженствующей простираться надъ ними и связывать ихъ, есть абсурдъ, внутреннее противорѣчіе, невозможность. Одно изъ двухъ: или верховная власть, силой своего существованія, дѣйствительно соединитъ подвластныя ей части и совокупность націй въ одну цѣльную политическую націю; или же верховная власть, возносясь надъ совокупностію народовъ и государствъ, утратитъ всякое дѣйствительное значеніе и упразднится какъ символъ ничего не означающій.

Нѣчто подобное тому во что́ желаютъ превратить Россію отчасти существуетъ въ настоящее время подъ образомъ Турціи, гдѣ власть султана дѣйствительно высится надъ многими государствами и народами чуждыми другъ другу: и надъ Румыніей, и надъ Сербіей, и надъ Египтомъ, и надъ иными; но возносясь въ заоблачную высоту, не является ли власть великаго падишаха только символомъ умирающей и исчезающей изъ исторіи оттоманской народности? Нѣчто подобное существовало въ древнія времена подъ образомъ восточныхъ всемірныхъ монархій, каковы: Ассирійская, Персидская и проч. Мы знаемъ какую цѣну имѣетъ могущество этихъ *гуманитарныхъ* монархій древняго Востока, которыя такъ же быстро рушились, какъ и возникали, и исторія повѣствуетъ намъ, какъ несмѣтныя

силы Ксерксовыхъ армій и флотовъ обращались въ ничто предъ горстію Грековъ. Но и эти монархіи могли образоваться лишь въ силу одной господствующей національности, сообщавшей свое имя цѣлому.

Мы не будемъ останавливаться на крайнихъ терминахъ; между крайними терминами мы возьмемъ середину. Мы возьмемъ верховную власть на полупути между ея истиннымъ назначеніемъ быть живымъ выраженіемъ одной государственной націи, и тѣмъ призракомъ въ которой она должна превратиться, становясь символомъ человѣчества. Верховная власть, относящаяся безразлично ко многимъ націямъ, не утратитъ ли живой связи съ каждою изъ нихъ порознь, не станетъ ли для каждой предметомъ недовѣрія и опасеній, не станетъ ли олицетвореннымъ знаменіемъ взаимной ненависти и вражды народовъ, которые еще могли бы находиться между собою въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, если-бъ, отдѣлившись одинъ отъ другаго, жили подъ разными державами, а находясь подъ одною державой, непзбѣжно будутъ злоумышлять противъ другъ друга, то домогаясь своего, то опасаясь чужаго преобладанія? Не будетъ ли союзъ между ними союзомъ вражды и злобы, и то чѣмъ держится этотъ союзъ, тотъ единственный символъ которымъ онъ знаменуется, не станетъ ли непзбѣжно предметомъ ихъ общей ненависти? Не будутъ ли эти націи внутренно соединены между собой только общимъ чувствомъ ненависти къ тому что̀ держитъ ихъ вмѣстѣ?

Каждой политически-организованной національности свойственно стремленіе имѣть свою собственную верховную власть, которая увѣнчиваетъ національную независимость и сообщаетъ ей полноту государственнаго существованія. Нація политически организованная и въ то же время подчиненная чуждой верховной власти непзбѣжно будетъ чувствовать себя угнетенною и подавленною, и непзбѣжно будетъ развиваться въ ней стремленіе пріобрѣсти полную независимость. Но верховная власть, безразлично относящаяся ко многимъ національностямъ, не окажется ли чужою для каждой, и не очутится ли «entre deux chaises», какъ говорятъ Французы?

Что́ значитъ существованіе многихъ государствъ въ одной связи? Если связь долженствующая соединить эти государства окажется достаточно сильною чтобы между ними образовалось дѣйствительное соединеніе, то дѣло очевидно будетъ направлено къ тому чтобъ отдѣльныя государства превратились въ простыя части одного государства. Всякая федерація существующая въ такомъ смыслѣ и развивающаяся въ такомъ направленіи есть стремленіе стать цѣльнымъ государствомъ; но для этого требуется чтобы въ ея организацію не было принято начало національной розни. Также, всякое государство состоящее изъ инородныхъ государствъ будетъ клониться къ совершенному распаденію, если между этими отдѣльными государствами не окажется преобладающаго элемента, которому по преимуществу принадлежала бы верховная власть, и который крѣпко связывалъ бы всѣ части государственнаго цѣлаго и уподоблялъ бы ихъ себѣ. Если такой элементъ есть, то въ немъ сосредоточивается сила государственнаго цѣлаго, и отъ судебъ этого господствующаго элемента, отъ его дальнѣйшаго развитія, будетъ зависѣть судьба цѣлаго. Какъ федераціи, такъ и монархіи состоящія изъ многихъ отдѣльныхъ государствъ, суть по своей сущности государства не полныя, не совершенныя; это организаціи не готовыя, переходныя, случайныя, находящіяся въ положеніи сомнительномъ и зависящемъ отъ всякихъ случайностей. Въ такомъ положеніи находилась Русская земля въ удѣльный періодъ своего существованія, кончившійся ея расторженіемъ и паденіемъ; въ такомъ критическомъ положеніи находилось Русское государство, когда оно, сосредоточившись въ Москвѣ, только еще собирало мало-по-малу Русскую землю и утверждало ея единство. Изъ этой борьбы за свое существованіе Русская земля вышла съ торжествомъ, благодаря утвердившемуся единству своей верховной власти, благодаря наконецъ неразрывному единству ея національности съ ея верховною властью. Австрійская имперія составилась изъ отдѣльныхъ государствъ, имѣвшихъ нѣкогда самостоятельное историческое существованіе и вошедшихъ въ нее всею полнотой своихъ территорій и народонаселеній,—государствъ разнящихся и національ-

ностію, и внутреннимъ устройствомъ. Но къ чему всегда была направлена внутренняя политика этой имперіи? Къ тому ли чтобъ усилить особое государственное значеніе каждой изъ ея частей, или къ тому, напротивъ, чтобы связать ихъ интересами общаго государства, усилить ихъ единеніе, и изъ многихъ данныхъ государствъ создать цѣльное государство? Австрійская имперія не сдѣлала разныхъ государствъ изъ цѣльнаго государства, разныхъ націй изъ одной націи; напротивъ, разныя націи, разныя государства были даны ей, а она своимъ существованіемъ болѣе или менѣе дѣлаетъ ихъ цѣльнымъ государствомъ, одною націей. Что Австрія состоитъ изъ многихъ государствъ подлежащихъ объединенію, въ этомъ заключается не сила этой имперіи, а слабость. Насколько это объединеніе еще встрѣчаетъ себѣ препятствій, насколько оно далеко отъ совершенства, настолько Австрійская имперія слаба, и ея существованіе подвержено случайностямъ. Вслѣдствіе того что Австрійская имперія не есть вполнѣ цѣльное государство, что единство этой имперіи не есть совершенное единство, она несмотря на громкій титулъ своей династіи, несмотря на величавыя преданія соединяющіяся съ ея короной, несмотря на естественныя богатства своихъ владѣній; несмотря на многочисленность своихъ народонаселеній, почти равняющуюся численности народонаселеній Франціи, есть безспорно изо всѣхъ великихъ державъ Европы самая слабая и наиболѣе зависящая отъ внѣшнихъ условій. Правда, ея арміи многочисленны и принадлежатъ къ наилучшимъ въ Европѣ и по вооруженію, и по дисциплинѣ, и по военной доблести; но исторія Австрійской имперіи всего лучше свидѣтельствуетъ какъ недостаточны самыя лучшія во всѣхъ отношеніяхъ арміи безъ высокаго національнаго духа, какъ недостаточны не только наступательныя, но и оборонительныя силы государства безъ общаго патріотическаго духа его народонаселеній. Исторія Австрійской имперіи свидѣтельствуетъ, въ какомъ постоянно критическомъ положеніи находятся эти сборныя державы, пока не утвердилась въ нихъ, безспорно и могущественно, одна національность какъ главное условіе прочности государственнаго состава, и вмѣстѣ какъ

главное условіе внутренняго процвѣтанія и развитія. Пруссія по численности своего народонаселенія вдвое слабѣе Австріи. Пруссія есть государство недавняго происхожденія, лишенное того историческаго обаянія и величія которыя соединяются съ императорскою династіей Габсбурговъ; но пусть скажутъ, которая изъ этихъ двухъ германскихъ державъ представляетъ болѣе залоговъ прочности и прогресса: сборная ли Австрійская держава, находящаяся въ трудномъ, еще далеко не конченномъ, процессѣ объединенія своихъ частей, или Пруссія, которой при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ уже удалось совершить это первое дѣло государственной необходимости, и которая на своей территоріи не имѣетъ надобности признавать иныя національности, кромѣ одной германской?

Раздѣлить государство не значитъ ли раздѣлить и верховную власть которою увѣнчивается государство? Пусть не говорятъ что верховная власть раздѣляемаго государства будетъ оставаться единою, если во главѣ многихъ государствъ будетъ находиться одно лицо: единство лица не воспрепятствуетъ раздробленію самаго принципа верховной власти, коль скоро вмѣсто одного государства должно появиться нѣсколько государствъ. Въ какой мѣрѣ, въ какой силѣ произошло бы раздѣленіе одного государства на многія, въ той самой мѣрѣ, въ той самой силѣ произошло бы раздробленіе и самого начала верховной власти. Какъ государство подвергшееся внутреннему сепаратизму пришло бы въ состояніе сомнительное и двусмысленное, такъ точно пришло бы въ сомнительное и двусмысленное положеніе и начало верховной власти. Государство и верховная власть, это одно и то же. Область получающая основаніе и право считать себя особымъ государствомъ тѣмъ самымъ получаетъ основаніе и право желать своей особой верховной власти, и если она находится въ личномъ соединеніи съ другимъ государствомъ, то получаетъ право желать чтобы верховное лицо посредствомъ котораго она соединяется съ другимъ государствомъ было не однимъ государемъ, а совокупно двумя, тремя, четырьмя, смотря по числу государствъ. Дѣло, конечно, не въ титулѣ, а въ томъ чтобы титулъ имѣлъ существенное,

значеніе, чтобъ онъ былъ истиной, чтобъ онъ былъ дѣйствительностію. Потребуется, чтобы монархъ соединяющій въ себѣ верховныя права разныхъ государствъ, долженствующихъ находиться въ полнѣйшемъ внутреннемъ разобщеніи между собою, разобщалъ ихъ точно также и въ своемъ лицѣ; потребуется, чтобы въ немъ верховная власть представляла собою совокупность чуждыхъ одна другой верховныхъ властей. Но такъ какъ особыя государства имѣютъ и особые интересы, которые могутъ между собою сталкиваться, и должны неизбѣжно сталкиваться при ихъ сосѣдствѣ и тѣхъ отношеніяхъ недовѣрія и опасенія которыя естественно должны развиваться изъ ихъ взаимнаго положенія; то верховная власть, чтобы служить истиннымъ выраженіемъ такого положенія вещей, должна быть сама поприщемъ развитія всѣхъ этихъ взаимно чуждыхъ и непріязненныхъ интересовъ, въ ней самой должна безпрерывно происходить эта внутренняя, глухая борьба.

Какъ ни страннымъ, какъ ни чудовищнымъ покажется такое заключеніе, но къ нему естественно должна клониться исторія, тамъ гдѣ вводится начало разныхъ государствъ въ одномъ государствѣ, или гдѣ многія части одной державы клонятся къ тому чтобы стать особыми государствами.

Но націи долженствующія находиться между собою въ такомъ соединеніи могутъ быть неравносильны. Возьмемъ напримѣръ Россію. Въ ней числятся пятьдесятъ шесть милліоновъ цѣльной чисто-русской народности: какъ другая народность можетъ соперничать съ ней въ составѣ Русскаго государства? Возьмемъ ли мы три милліона польскихъ народонаселеній въ Царствѣ Польскомъ, или сто семьдесятъ тысячъ лицъ нѣмецкаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ, или двѣсти тысячъ Шведовъ въ Финляндіи,—все это и порознь, и вмѣстѣ, совершенное ничтожество въ сравненіи съ Русскимъ народомъ. Могутъ ли эти элементы оспаривать у Русскаго народа Русскую державу? Если эти элементы должны каждый составлять особое государство въ связи съ Русскою державой, то могутъ ли они держаться собственною внутреннею силой? Не будутъ ли они весьма естественно и весьма основательно чувствовать опасеніе за свое

существованіе, и не должны ли они будутъ употреблять всевозможныя съ своей стороны усилія, чтобъ ослаблять русскую національность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Русское государство? Не будетъ ли интересъ ихъ состоять въ томъ, чтобы политика Русскаго правительства была сколь можно менѣе запечатлѣна національнымъ характеромъ какъ внутри, такъ и внѣ? Не будутъ ли менѣе сильные элементы, не тѣмъ такъ другимъ путемъ, домогаться преимуществъ которыя дали бы имъ господствующее положеніе въ общемъ составѣ? Спрашивается, какъ должна была бы соразмѣрять верховная власть свои отношенія къ разнороднымъ и столь неравносильнымъ государствамъ, которыя должны развиваться въ возможно болѣе полномъ внутреннемъ разобщеніи между собою и въ то же время внѣшнимъ образомъ составлять одну державу?

V.

17-го ноября.

Возвращеніе Государя Императора изъ заграничнаго путешествія, послѣдовавшее 26-го октября, ознаменовалось новымъ законодательнымъ актомъ относительно Польши, именно Высочайшимъ указомъ о римско-католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ Польскомъ, который былъ подписанъ Его Величествомъ 27-го октября. Этотъ актъ имѣетъ великую важность во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ знаменуетъ собою непзмѣнно-твердую волю Государя Императора спасти польскій край отъ преобладавшихъ въ немъ и губившихъ его силъ и тѣмъ упрочить въ немъ законный порядокъ.

Римско-католическіе монастыри въ Царствѣ Польскомъ были однимъ изъ главныхъ орудій послѣдняго мятежа, а монахи принадлежали къ числу самыхъ дѣятельныхъ двигателей и пособниковъ его. Въ монастырскихъ церквахъ впервые стали раздаваться революціонныя польскія пѣсни; тамъ продавались цѣлые печатные томы этихъ пѣсней, а равно и портреты наиболѣе враждебныхъ Россіи вождей прежнихъ революцій; оттуда

исходили всѣ религіозно-политическія демонстраціи; тамъ собирались деньги для «польской справы», и сверхъ того монахи нищенствующихъ орденовъ, ходя изъ края въ край, повсюду собирали такъ-называемую «офяру народову» (то-есть, народныя пожертвованія) для революціонныхъ цѣлей. Ещё съ осени 1861 начались многолюдные съѣзды монаховъ и бѣлаго латинскаго духовенства, цѣлью которыхъ было содѣйствовать организаціи мятежа, распространеніемъ ея на все духовенство, а также обезпечить средства къ мятежу денежными сборами, и побудить сельскихъ ксендзовъ, еще колебавшихся, къ участію въ революціонномъ движеніи. Особенно важенъ былъ въ этомъ отношеніи съѣздъ Подлясскаго духовенства, который 13-го ноября 1862 при участіи депутатовъ отъ другихъ епархій, рѣшилъ споръ между шляхетскимъ (аристократическимъ, бѣлымъ) комитетомъ и центральнымъ (демократическимъ, краснымъ) въ пользу послѣдняго, подчинившись распоряженіямъ его, избравъ для сношеній съ нимъ въ каждой епархіи одно духовное лицо и призвавъ къ такой же организаціи и такому же подчиненію духовенство всѣхъ епархій какъ «Конгрессовки, такъ и другихъ провинцій *единой и нераздѣльной Польши*». Затѣмъ монахи предводительствовали навербованными ими шайками при нападеніи ихъ на спящихъ русскихъ солдатъ, вербовали шайки для вооруженной борьбы, обучали ихъ стрѣльбѣ въ цѣль, укрывали ихъ въ монастыряхъ, держали у себя склады оружія, — въ томъ числѣ въ монастырѣ ксендзовъ-Бернардиновъ, въ Варшавѣ, 9-го (21-го) сентября 1863 найдено было 100 отравленныхъ кинжаловъ, предназначавшихся для вооруженія жандармовъ-кинжальщиковъ. Многіе изъ монаховъ сами предводительствовали вооруженными шайками, другіе участвовали въ нихъ, третьи благословляли жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ на ихъ подвиги; наконецъ, были и такіе которые собственноручно умерщвляли мирныхъ крестьянъ и потомъ зажигали ихъ домы, за то что они не хотѣли бунтовать противъ законнаго правительства. Наконецъ, мѣра долготерпѣнія переполнилась, и указъ 27-го октября 1864, какъ можно надѣяться, навсегда оградитъ польскій край отъ

нестоевствъ монаховъ, равно измѣнявшихъ и долгу пастырей, и долгу подданныхъ.

И въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, положеніе Царства Польскаго было въ высшей степени непормальное. На 3.805.000 душъ обоего пола римско-католическаго вѣроисповѣданія тамъ состояло до сихъ поръ 197 монастырей (155 мужскихъ и 42 женскихъ), съ 2184 монашествующими лицами (1635 мужескаго пола и 549 женскаго), не считая не признанныхъ закономъ конгрегацій, братствъ, архибратствъ и обществъ фелиціанокъ, особенно размножившихся въ послѣднее время и отчасти захватившихъ въ свои руки начальное народное образованіе. Всѣ эти монастыри и конгрегаціи располагаютъ болѣе или менѣе значительными недвижимыми имуществами, капиталами и доходами, и до сихъ поръ, подчиняясь орденскимъ генераламъ, провинціаламъ и т. д., почти не подлежали ни контролю свѣтской власти, ни надзору епархіальныхъ начальствъ. Многіе изъ нихъ существовали вопреки каноническому правилу, которымъ постановлено, чтобы въ каждой обители было не менѣе 8 монашествующихъ лицъ. Такихъ монастырей оказывается теперь 75 (въ томъ числѣ мужскихъ 71, въ коихъ въ общей сложности находилось 304 монаховъ, и 4 женскихъ, въ коихъ 14 монахинь); всѣ они, въ силу указа 27-го октября, должны быть безотлагательно упразднены. Сверхъ того, немедленно же закрываются еще 39 римско-католическихъ монастырей съ 674 монахами, какъ уличенные въ явномъ, судебно-доказанномъ участіи въ мятежѣ. Всего пока закрываются 114 монастырей, заключающихъ въ себѣ въ общей сложности до 992 монашествующихъ лицъ. Остающіеся за тѣмъ 83 монастыря раздѣляются на штатные, которыхъ полагается 35 (25 мужскихъ съ 360 монахами, и 10 женскихъ со 140 монахинями), и нештатные, то-есть, подлежащіе упраздненію, коль скоро число монаховъ въ которомъ-либо изъ нихъ окажется менѣе 8.

Сверхъ того, весьма важно то, что зависимость какъ штатныхъ, такъ и нештатныхъ монастырей отъ ихъ орденскихъ генераловъ и провинціаловъ прекращается, и воспрещаются всякія

съ ними сношенія, а подчиняются монастыри исключительно общему епархіальному начальству, то-есть римско-католическимъ епископамъ. Въ послѣднемъ мятежѣ чуть ли не дѣятельнѣе всѣхъ другихъ монастырей участвовали монастыри ордена миссіонеровъ, и это, несомнѣнно, проистекло отъ того, что орденскій генералъ которому они подчинялись имѣетъ свое мѣстопребываніе въ Парижѣ, откуда такъ усердно поддерживалось такъ-называемое *національное* польское возстаніе.

Твердости законодателя въ отношеніи къ самимъ учрежденіямъ, такъ далеко уклонившимся отъ первоначальной своей цѣли, соотвѣтствуетъ всевозможное снисхожденіе къ лицамъ находившимъ въ нихъ пріютъ.

Монашествующимъ лицамъ въ упраздняемыхъ или закрываемыхъ монастыряхъ, буде они не окажутся виновными въ преступленіяхъ и мятежныхъ дѣйствіяхъ, предоставляется или продолжать монашескую жизнь въ другихъ монастыряхъ Царства Польскаго, и въ такомъ случаѣ въ пособіе этимъ монастырямъ выдается отъ казны ежегодно до 40 рублей на каждаго такого монаха или монахиню, или отправиться за границу для всегдашняго тамъ пребыванія, причемъ до границы они перевозятся на казенный счетъ, для дальнѣйшаго пути имъ выдается по 25 р., а затѣмъ каждому лицу производится черезъ посредство русскихъ заграничныхъ миссій пожизненная пенсія во 150 р. въ годъ, до тѣхъ поръ пока эти лица не будутъ принимать никакого участія во враждебныхъ Русскому правительству замыслахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, церкви при упраздняемыхъ или закрываемыхъ монастыряхъ сохраняются, и приняты всѣ мѣры чтобы въ нихъ безъ всякаго перерыва происходило богослуженіе. Необходимость этого постановленія видна, между прочимъ, изъ того, что въ Варшавѣ, напримѣръ, всего 6 костеловъ и 18 монастырскихъ церквей, съ болѣе или менѣе значительными приходами. Богоугодныя заведенія: богадѣльни и больницы, состоявшія при упраздняемыхъ монастыряхъ, сохраняются, но поступаютъ въ вѣдѣніе правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ; начальныя училища — также, но переходятъ немедленно

въ вѣдѣніе правительственной коммиссіи народнаго просвѣщенія, которая въ отношеніи къ нимъ руководствуется указами 30-го августа; семинаріи конгрегацій ордена миссіонеровъ поступаютъ въ завѣдываніе епархіальныхъ начальствъ, и соединяются съ семинаріями епархіальными.

Къ числу важнѣйшихъ мѣръ принятыхъ указомъ 27-го октября принадлежитъ секуляризація всѣхъ монастырскихъ имуществъ въ Царствѣ Польскомъ, безъ исключенія, какъ недвижимыхъ, такъ и капиталовъ, то-есть поступленіе ихъ въ вѣдѣніе казны. Подобныя мѣры относительно монастырскихъ имуществъ давно уже приняты почти повсемѣстно въ римско-католическихъ государствахъ западной Европы. Воля жертвователей и право собственности въ этомъ случаѣ вполнѣ уважены и ограждены тѣмъ, что всѣ доходы, за вычетомъ 10 процентовъ на управленіе монастырскими имуществами, опредѣляются согласно съ первоначальнымъ ихъ назначеніемъ, какъ это указано въ статьѣ 21-й, и слѣдить за этимъ ихъ употребленіемъ предоставляется присоединяемымъ съ этою цѣлью къ коммиссіи погашенія долговъ Царства Польскаго нѣсколькимъ членамъ изъ среды римско-католическаго духовенства. Въ немногихъ странахъ, даже состоящихъ подъ властью римско-католическихъ государей, оказывалось въ подобныхъ случаяхъ такое вниманіе къ римско-католическому духовенству. Въ политическомъ отношеніи особенно важно назначеніе части этихъ доходовъ на улучшеніе быта приходскаго духовенства и тѣхъ членовъ его которые окажутъ особенныя услуги церкви и государству, и на поддержаніе и развитіе народнаго образованія, особенно же народныхъ училищъ.

Впрочемъ, правительство предоставляетъ себѣ продать въ частныя руки всѣ тѣ недвижимыя монастырскія имущества, казенное завѣдываніе которыми окажется невыгоднымъ или неудобнымъ, а также употребить свободныя монастырскія земли для надѣленія ими безземельныхъ крестьянъ, предназначая во всякомъ случаѣ выручаемый такимъ образомъ доходъ въ пользу монастырей, римско-католическаго духовенства, благотворительныхъ и учебныхъ заведеній. Извѣстно, что монашеское

у правленіе имуществами способно извлекать изъ нихъ наимень шую пользу; казенное управленіе, хотя оказывается обыкновенно лучшимъ, все-таки далеко уступаетъ управленію и хозяйничанью частныхъ лицъ въ собственномъ ихъ интересѣ.

Въ двоякомъ еще отношеніи указъ 27-го октября представляетъ большую важность. Въ 1817 году, когда были составлены правительственною коммиссіей духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго предположенія объ упраздненіи нѣкоторыхъ монастырей, эти предположенія были предметомъ продолжительныхъ переговоровъ съ Римскимъ дворомъ, вслѣдствіе которыхъ издана была особая папская булла. Въ настоящее время мѣра несравненно большей важности принята безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ папой, путемъ внутренняго государственнаго законодательства. Это очень важный и, какъ намъ кажется, многознаменательный шагъ впередъ.

VI.

18-го ноября.

Мы знаемъ, что подъ Русскою державой нѣтъ многихъ націй, которыя заслуживали бы этого названія, а есть только одна нація—Русская. Но въ составѣ Россійской Имперіи есть одинъ элементъ который можетъ претендовать на названіе націи,—это элементъ польскій. Въ какомъ смыслѣ польскій элементъ можетъ претендовать на значеніе особой политической національности? Когда рѣчь идетъ о политической національности, то имѣются въ виду не племенныя, этнографическія особенности, которыми характеризуется то или другое народонаселеніе, и которыхъ во всякомъ государствѣ бываетъ множество, и особенно много напримѣръ во Франціи, по преимуществу гордящейся своимъ національнымъ единствомъ. Итакъ, не въ мѣстныхъ и племенныхъ особенностяхъ сила, но онѣ принимаются въ соображеніе, когда рѣчь идетъ о польской національности. Напротивъ, если принимать въ соображеніе племя и языкъ, то между польскою и русскою національно-

стями есть гораздо болѣе основаній къ сближенію и единенію нежели къ антагонизму и разобщенію. Съ точки зрѣнія этнографической, польскій элементъ, столь ничтожный своею численностію въ сравненіи съ единоплеменнымъ ему Русскимъ народомъ, никакъ не могъ бы являться началомъ разложенія Русскаго государства, а напротивъ долженъ былъ бы усиливать собою его единство. Національное единство не есть однообразіе. Чѣмъ могущественнѣе и плодотворнѣе должна развиваться жизнь цѣлаго, тѣмъ болѣе, при основномъ и незыблемомъ единствѣ, требуется разнообразія элементовъ входящихъ въ составъ государства. При единствѣ національно-политической жизни, которая предстоитъ Россіи какъ еще непочатая будущность, не только не требуется, чтобы всѣ особенности быта, обычая, нравственной физіономіи, умственнаго склада, общественнаго строя, были сглажены; напротивъ, желательно, чтобы всѣ подобныя особенности сохранялись, дѣйствовали въ свою мѣру и силу, взаимно уравновѣшивались и вступали между собою въ новыя сочетанія, и такимъ образомъ способствовали полнотѣ и богатству цѣлаго. Но нація не есть просто какой-либо этнографическій элементъ. Признать какой-либо элементъ въ качествѣ націи, это совсѣмъ не то, что предоставить тѣмъ или другимъ людямъ свободу жить по своему обычаю, исповѣдывать свою вѣру, и т. д. Это дѣло свободы, и чѣмъ безспорнѣе единство государства, тѣмъ болѣе выигрываетъ дѣло свободы. Именно въ томъ интересѣ, чтобы государство могло безопасно расширять сферу личной и общественной свободы, которая всегда служитъ наилучшимъ выраженіемъ государственной прочности, именно въ этомъ интересѣ свободы, о которой такъ много говорятъ всуе и такъ часто употребляютъ ея имя во зло, требуется чтобы не было государствъ въ государствѣ, требуется чтобы государство было едино и нераздѣльно, чтобъ оно было неразрывно соединено съ одною безспорною національностію. Итакъ, признать какой-либо элементъ въ качествѣ особой націи не значитъ предоставить ему свободу, но дать ему власть, сообщить ему обязательную силу. Въ признаніи націи рѣшается вопросъ о власти, о правитель-

ствѣ, о государствѣ. Признать польскій элементъ въ качествѣ націи, это все равно что признать его въ качествѣ польскаго владычества, польскаго государства. А польское государство не есть что-либо новое, неизвѣстное, вновь создаваемое. Это очень хорошо извѣстный историческій фактъ. Государство не на воздухѣ, а на землѣ; оно не можетъ быть равнодушно къ границамъ своей территоріи; мы видимъ, напротивъ, какое великое значеніе оно придаетъ имъ, мы видимъ какія страшныя жертвы приносятся для ихъ расширенія, сохраненія или возстановленія; коль скоро государство вступаетъ въ силу, то мы не должны удивляться, если съ тѣмъ вмѣстѣ въ чувствѣ и помыслахъ людей ему служащихъ вступаетъ въ силу и вся его исторія. Съ признаніемъ польской націи неразрывно соединяется мысль о польскомъ владычествѣ глубоко внутрь Русской земли и Русскаго народа. Это такъ вѣрно, что когда въ Вѣнскомъ трактатѣ, въ туманныхъ параграфахъ, возстановлялась тѣнь Польскаго королевства, въ такихъ же туманныхъ выраженіяхъ слѣдовалъ неизбѣжный коронаріи о его расширеніи во внутрь Имперіи. Польская національность, повторимъ, не есть какая-либо этнографическая особенность: это цѣлый міръ воспоминаній и притязаній. Поднять эту національность значитъ поднять весь этотъ міръ воспоминаній и притязаній. Нынѣшнее Царство Польское есть случайный отрывокъ Польши. Съ признаніемъ верховныхъ правъ польской національности въ этомъ краѣ непосредственно соединяется вопросъ о западной Руси. Съ точки зрѣнія этнографической или исторической, нѣтъ рѣзкой черты разграниченія между нынѣшнимъ Царствомъ Польскимъ и Русскою землей. Бо́льшая часть собственно польскимъ племенемъ заселенной земли германизована и вошла въ составъ Пруссіи и Австріи. Пруссія преимущественно стоитъ на прежнихъ польскихъ земляхъ, въ которыхъ ничего или почти ничего не осталось польскаго, за исключеніемъ небольшой части Познанскаго княжества. Что́ же касается до нынѣшняго Царства Польскаго, то въ его составъ входятъ земли на которыя Польша имѣетъ ни больше ни меньше правъ въ племенномъ отношеніи чѣмъ на области всей западной Руси или бывшаго

великаго княжества Литовскаго,—земли искони принадлежавшія къ этой части Руси и заселенныя русскимъ и литовскимъ людомъ. Еслибы вопросъ ограничивался только одною Конгрессовкой или тѣми ея частями которыя заселены собственно польскимъ племенемъ (хотя польскаго племени, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, очень мало даже въ самомъ Царствѣ Польскомъ, потому что Мазуры, напримѣръ, не только въ племенномъ отношеніи разнятся отъ чисто-польскаго элемента, но и въ историческомъ, ибо Мазовія была нѣкогда самостоятельнымъ государствомъ), то никакого польскаго вопроса не могло бы возникнуть, и не было бы надобности поднимать польскую націю или создавать Польское государство. Кому нужно это Польское государство? Народонаселеніямъ ли польскаго языка, живущимъ въ Конгрессовкѣ, этому люду который такъ легко переходитъ въ Нѣмцевъ и съ такою готовностію отказывается отъ названія Поляковъ? Нѣтъ; какъ извѣстно этому люду такъ же мало требуется особое польское государство, какъ и литовскимъ народонаселеніямъ требуется особое государство литовскаго языка; а въ противномъ же случаѣ пришлось бы и Мазурамъ въ Польшѣ дать особое государственное положеніе. Кому же требуется польское государство? Оно требуется тѣмъ общественнымъ классамъ которые во времена старой Польши имѣли все польское государство въ своихъ рукахъ. Польское государство требуется польской шляхтѣ и польскимъ магнатамъ, изъ которыхъ каждый въ былыя времена былъ кандидатомъ на тронъ. А эта шляхта и эти магнаты, несравненно болѣе чѣмъ въ самой Конгрессовкѣ, находятся въ тѣхъ частяхъ старой Польши которыя либо безвозвратно онѣмечены, либо возвращены Русскому народу. Сила всѣхъ притязаній польской національности сосредоточена главнымъ образомъ въ этихъ русскихъ земляхъ, гдѣ польская національность почувствовала и чувствуетъ себя господствующею. Отнимите у польской національности эти земли, лишите ее всякой надежды на обладаніе ими, и вы полагаете конецъ польской національности въ государственномъ смыслѣ этого слова. Ни одинъ польскій шляхтичъ не захочетъ возстановленія польской національности безъ

надежды на возстановленіе восточной границы ея территоріи; но ни одинъ польскій шляхтичъ въ то же время не откажется отъ этихъ надеждъ, пока гдѣ-нибудь или въ какой-либо мѣрѣ польскій элементъ будетъ признанъ въ качествѣ политической націи и будетъ имѣть хоть тѣнь своего государства. Итакъ, польская нація, выставляемая противъ русской, есть или призракъ, или самъ же Русскій народъ разломанный на части и возвращенный государству, которое давно пало, котораго народъ и территорія давно растеряны, и котораго вся сила остается только въ его притязаніяхъ на тѣ области безъ которыхъ Россія не можетъ быть Россіей, а Русскій народъ не можетъ удержывать свое европейское значеніе. Возстановленіе польской націи въ томъ смыслѣ и силѣ какъ ей требуется, есть возвращеніе Русской націи въ предѣлы стараго Московскаго государства.

Но намъ услужливо подскажутъ, что нѣтъ надобности, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, отрывать отъ Русской державы тѣ части на которыя польская національность, или, что все тоже, польское владычество предъявляетъ свои притязанія. Оба государства, возставленное Польское и умаленное Русское, оставаясь подъ одною державой, не измѣнили бы ея объема и вида снаружи; требуется только произвести иное внутреннее распредѣленіе, требуется только раздѣлить территорію Русской державы на двѣ половины, восточную и западную, изъ которыхъ первая соотвѣтствовала бы старому Московскому царству, а другая польско-литовскому королевству. А въ послѣдствіи, скажутъ намъ въ утѣшеніе, можно будетъ положить конецъ этому раздвоенію: утвердить центръ тяжести въ польской, ближайшей къ Европѣ половинѣ, и такимъ образомъ на мѣсто Русскаго государства поставить одно государство Польское. Этого рода утѣшеніе было уже на дняхъ предложено намъ г. Гнейстомъ въ адвокатской рѣчи его, сказанной въ Берлинскомъ верховномъ судѣ. Подобные виды несомнѣнно существуютъ. Говорилъ же намъ одинъ изъ польскихъ патріотовъ, графъ Лубенскій, что чѣмъ больше русскихъ элементовъ войдетъ въ составъ Польши, тѣмъ будетъ лучше. Подъ этимъ условіемъ,

Русскій народъ, которому и свои и чужіе наперерывъ отказываютъ въ качествахъ политической націи, вдругъ оказался до такой степени зрѣлымъ, что даже простымъ русскимъ крестьянамъ было обѣщано почетное мѣсто въ варшавскомъ парламентѣ.

Но оставляя въ сторонѣ эти фантастическіе виды на возстановленіе старой Польши или на перемѣщеніе центра тяжести нынѣшней Русской державы, ограничимся зрѣлищемъ тѣхъ мелкихъ государствъ которыя могли бы окончательно организоваться по западной окраинѣ Русской державы, въ ожиданіи дальнѣйшаго разложенія ея территоріи. Кто не пойметъ какую цѣну имѣетъ западная окраина для Русской державы? Кому не извѣстно, какою великою цѣной она была пріобрѣтена? Кто не знаетъ, что со всею этою окраиной соединяется европейское значеніе Русской державы? Но укрѣпятся ли эти окраины за Русскою державой, если Русскій народъ будетъ оттѣсненъ отъ нихъ и онѣ станутъ для него чужими странами? Нигдѣ не требуется въ такой степени крѣпость Русской державы какъ съ этой стороны: будутъ ли увеличиваться залоги этой крѣпости при большемъ отчужденіи этихъ краевъ отъ Русскаго народа и при внутреннемъ упадкѣ русской національности, который былъ бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого отчужденія?

Есть старинный политическій пріемъ, къ которому прибѣгаетъ политика во имя государственной пользы. Этотъ пріемъ выражается формулой: *divide et impera* (дѣли и дроби, для того чтобы крѣпче была власть). Не съ точки ли зрѣнія этого правила было бы полезно образованіе въ Русской державѣ разныхъ національностей государственно-организованныхъ, и такимъ образомъ радикально отчужденныхъ одна отъ другой? Но дѣлятъ то что въ государствѣ является особымъ государствомъ, или то что можетъ принять такой характеръ, и тѣмъ угрожать единству власти или единству государства, что одно и то же. Австрійское правительство пыталось раздробить Венгрію принципомъ національностей, признавая права каждаго племени, каждаго языка въ ея предѣлахъ, и такимъ образомъ разлагая и обезсиливая мадьярскую національность, на которой

основывается объединеніе Венгерскаго королевства. Но никто никогда не помышлялъ о томъ чтобы въ интересахъ утвержденія или усиленія власти создавать государства въ государствѣ. Если всякая сила общественная и принимающая въ государствѣ подобіе особаго государства признается опасною и вредною, то какже съ точки зрѣнія государственной пользы можно объяснить образованіе многихъ дѣйствительныхъ государствъ въ государствѣ?

Обратимъ вниманіе на одно весьма важное обстоятельство. Если допускать существованіе государствъ въ государствѣ, то естественно спросить, въ какихъ отношеніяхъ должны находиться подданные каждаго изъ этихъ государствъ относительно другаго, или, лучше сказать, относительно подданныхъ цѣлаго государства. Возьмемъ примѣръ, чтобы не оставаться въ отвлеченностяхъ: въ какомъ отношеніи должны находиться подданные тѣхъ государствъ которыя выросли бы по западнымъ окраинамъ Русской державы къ Русскому народу, оттѣсненному далѣе отъ этихъ окраинъ? Каждое изъ этихъ государствъ весьма естественно должно быть заинтересовано преимущественно тѣмъ чтобы сколь можно болѣе оградить и обезпечить свою отдѣльность. Мы знаемъ, что уже и теперь, въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ окраинъ, русскій подданный не имѣетъ права гражданства. Русскій дворянинъ, для того чтобы, съ пріобрѣтеніемъ поземельной собственности въ Финляндіи, пользоваться тамъ правомъ гражданства, долженъ прежде просить финляндское правительство о перименованіи его въ *финляндскіе подданные* (!), а не дворянинъ долженъ для этого предварительно прожить въ Финляндіи шесть лѣтъ; но и удостоившись чести стать финляндскимъ «подданнымъ», онъ все еще будетъ далекъ отъ того чтобы пользоваться полнотой гражданскихъ правъ финляндскаго подданнаго. Мы не говоримъ уже о томъ, что если онъ не обладаетъ знаніемъ шведскаго или финскаго языка, то онъ все-таки останется чужестранцемъ въ этомъ краѣ, что ни въ судъ, ни къ администраціи не можетъ онъ обратиться съ своимъ русскимъ языкомъ, котораго существованіе на финляндской почвѣ не признается, и котораго каѳедра при Гель-

сингфорскомъ университетѣ, существовавшая еще недавно, теперь упразднена; объ этомъ мы уже не говоримъ; но вотъ въ чемъ дѣло: если этотъ Русскій человѣкъ, искони живущій на финляндской почвѣ или поступившій въ финляндскіе подданные, не имѣетъ счастія исповѣдывать лютеранскую вѣру, а остается вѣренъ своей православной церкви, то онъ лишенъ возможности пользоваться полнотой политическихъ правъ финляндскаго гражданина. Хотя ему и было бы предоставлено право выбирать представителей въ законодательный сеймъ, однако, въ качествѣ православнаго, онъ не можетъ быть самъ выбранъ, не можетъ быть допущенъ на финляндскій сеймъ, не можетъ участвовать въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ этого своего «отечества». Вотъ область составляющая часть Русскаго государства, а такъ огражденная отъ русской народности, какъ немногія изъ государствъ Европы, не находящихся ни въ какой связи съ Русскою державой! Если русскій подданный натурализуется въ Германіи или во Франціи, то по крайней мѣрѣ его православная вѣра не послужитъ ему препятствіемъ пользоваться тамъ полнотой политическихъ правъ, между тѣмъ какъ на финляндской почвѣ, составляющей нераздѣльную часть Русскаго государства, онъ и все его потомство должны отказаться отъ политической полноправности, доколѣ будутъ сохранять вѣрность своей церкви, доколѣ будутъ удерживать эту единственную и послѣднюю связь свою съ Русскимъ народомъ. А между тѣмъ извѣстно, что всякій финляндскій дворянинъ пользуется во всей остальной Россіи (за исключеніемъ лишь другой привилегированной окраины по берегамъ Балтійскаго моря) всею полнотой гражданскихъ правъ, не нуждаясь въ натурализаціи и нисколько ни въ чемъ не стѣсняясь своимъ лютеранскимъ вѣроисповѣданіемъ. Будемъ ли мы сѣтовать на Финляндію за ту замкнутость которою она ограждаетъ себя со стороны Русскаго народа? Коль скоро этотъ край находится въ такомъ положеніи что можетъ считать себя особымъ государствомъ, то всѣ усилія его естественно должны клониться къ отчужденію отъ Россіи, и къ тому чтобы сохранить и обезпечить свое отдѣльное, привилегированное положеніе.

Мы часто слышимъ отъ многихъ почтенныхъ лицъ изъ прибалтійскихъ губерній, что этотъ край всегда отличался и отличается искреннею преданностію царствующему въ Россіи Дому. Это справедливо; справедливо также и то что преданность государю не можетъ быть отдѣлена отъ преданности государству. Служить государю значитъ служить государству, сохранять вѣрность государю значитъ съ тѣмъ вмѣстѣ радѣть о государственной пользѣ. «Государственная польза» входитъ въ формулу нашей присяги: одно съ другимъ нераздѣльно. Но государя и государство точно также невозможно отдѣлять отъ націи. Господствующая въ государствѣ нація есть само государство. Государственная польза не можетъ быть отдѣлена отъ пользы той націи въ которой заключается вся сила Русскаго государства, и стало-быть все величіе вѣнчающей его верховной власти. Одно съ другимъ нераздѣльно, и вполнѣ вѣрное служеніе государству требуетъ, чтобы мы не чуждались той націи на которой основана вся его сила. Справедливо, что уроженцы прибалтійскихъ губерній всегда служатъ вѣрой и правдой Русскому царю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Русскому государству. Но почему это? Потому ли, что эти провинціи составляли особое государство? Нѣтъ, а потому что, несмотря на нѣкоторыя особенности и даже привилегіи, которыя въ силу историческихъ обстоятельствъ были имъ предоставлены, онѣ тѣмъ не менѣе считались провинціями цѣлаго и нераздѣльнаго Русскаго государства. Пока дѣла остаются въ такомъ положеніи въ какомъ они были доселѣ, не было бы основаній опасаться какихъ-либо неблагопріятныхъ результатовъ. Но еслибы возникъ вопросъ о томъ, чтобы, при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, вести этотъ край не къ сближенію съ остальною Россіей, которая вступаетъ въ новую и высшую фазу своего историческаго существованія, а о томъ чтобы вести его къ отчужденію отъ ней, и сообщить ему форму особаго нѣмецкаго государства на окраинѣ Русской державы, — то чего же еще ожидать хуже этого? Обращаемъ вниманіе читателей на печатаемый ниже отрывокъ изъ любопытнаго документа вышедшаго, какъ значится въ книгѣ откуда мы заимствовали его, изъ-подъ пера нѣкоего Курляндца,

г. Ф... Книга гдѣ этотъ документъ напечатанъ вышла въ Лейпцигѣ въ 1862 году и носитъ заглавіе: «Крестьянскія отношенія въ Лифляндіи съ точки зрѣнія современной Россіи.» Этотъ документъ есть письмо г-на Ф. адресованное изъ Брюсселя въ Курляндію. Авторъ старается запугать курляндскихъ дворянъ общимъ ходомъ дѣлъ въ Россіи, возбуждаетъ въ нихъ опасенія, которыхъ сущности мы не имѣемъ даже возможности передать нашимъ читателямъ, и указываетъ какъ на единственный путь къ спасенію, на соединеніе трехъ прибалтійскихъ губерній, такъ чтобъ онѣ въ общемъ своемъ составѣ получили такую же самостоятельность и такую же отдѣльность отъ Россіи, какая уже и предоставлена Царству Польскому и Великому Княжеству Финляндскому. Еслибъ осуществились фантазіи этого барона: еслибы три губерніи составили окончательно одно цѣлое, съ одною администраціей и общимъ сеймомъ, еслибы народонаселеніи этого края подверглись германизаціи, были бы окончательно разобщены съ Русскимъ народомъ, еслибъ исполнились тѣ предположенія которыя высказывались и высказываются въ остзейской печати, и о которыхъ, какъ недавно было замѣчено въ *Рижской Газетѣ*, за три года предъ симъ никто ни думалъ, ни гадалъ, то дѣла въ этой части Русской державы безспорно измѣнились бы самымъ неблагопріятнымъ для нея образомъ. Намъ скажутъ, что и при такихъ измѣненіяхъ все-таки не было бы серіозныхъ основаній для опасенія; намъ скажутъ, что порукой за благонадежность какихъ бы то ни было измѣненій въ этомъ краѣ служитъ испытанная вѣрность дворянства всего Прибалтійскаго края; намъ скажутъ, что даже предоставленіе полной государственной автономіи этому краю нисколько не поколеблетъ вѣрноподданническихъ чувствованій и преданности одушевляющей дворянство этого края въ отношеніи къ Русскому Царю, а стало-быть и къ Россіи. Но на свѣтѣ нѣтъ человѣка который могъ бы ручаться за будущее; за то всякій мыслящій человѣкъ легко пойметъ, что съ измѣненіемъ условій существованія, измѣняется и характеръ существованія, измѣняются интересы и чувствованія людей. Что совершенно вѣрно при нынѣшнемъ положеніи

вещей и относительно нынѣ живущихъ поколѣній, то можетъ оказаться крайне-ошибочнымъ разчетомъ въ виду иного порядка вещей и посреди новыхъ поколѣній, которыя возрастутъ и воспитаются при иныхъ условіяхъ. Намъ говорятъ о вѣрности и преданности остзейскаго дворянства: кто же сомнѣвался въ этомъ? Но осуществленіе тѣхъ плановъ которые высказывались въ послѣднее время не должно ли неизбѣжно вызвать въ этомъ краѣ и новыхъ дѣятелей, кромѣ дворянства, и новые элементы въ нѣдрахъ самого дворянства?

Впрочемъ, зачѣмъ разсуждать о чувствованіяхъ, зачѣмъ подвергать анализу такой щекотливый предметъ? Мы только спросимъ о томъ, будетъ ли Россія крѣпче владѣть побережьемъ своего Балтійскаго моря, которое такъ необходимо для нея, и котораго она добивалась съ такими усиліями, когда вмѣсто трехъ провинцій появилось бы здѣсь довольно значительное по своему объему нѣмецкое государство, только номинально соединенное съ Россіей и граничащее съ Пруссіей, этимъ передовымъ постомъ германской національности, невольно въ своемъ расширеніи тяготѣющей къ Востоку?

Но это не все, и не въ этомъ еще самая серіозная опасность. Начатки особыхъ государствъ въ государствѣ—тѣла чужеядныя, и развитіе ихъ есть развитіе внутренней болѣзни цѣлаго состава. Пусть они недостаточно сильны, чтобы пріобрѣсть полную самостоятельность или преобладаніе; пусть всѣ явныя попытки ихъ къ отложенію еще могутъ быть легко подавлены; но отъ этого не легче, и такое положеніе вещей не можетъ казаться удовлетворительнымъ въ интересѣ верховной власти и государства; но оно точно также не можетъ казаться удовлетворительнымъ и съ точки зрѣнія разныхъ національностей, осужденныхъ на танталовскую жажду. Оно еще менѣе можетъ показаться удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія человѣчества, которому не было бы ни малѣйшей причины радоваться при видѣ великой страны лишенной возможности правильнаго существованія и плодотворнаго развитія, при видѣ великаго народа пожираемаго мелкими чужеядными тѣлами, при видѣ государства находящагося въ постоянной внутренней

опасности и постоянно вынуждаемаго прибѣгать къ мѣрамъ государственной необходимости. Національный антагонизмъ есть спасательная сила, когда онъ обращенъ ко внѣшнему дѣйствію и когда дѣло идетъ объ охраненіи государства отъ внѣшнихъ опасностей. Но что̀ можетъ быть ужаснѣе того зла которое должно развиваться изъ національнаго антагонизма обращеннаго внутрь и принятаго въ нѣдра одного и того же государственнаго состава? Что̀ для человѣчества можетъ быть оскорбительнѣе тѣхъ темныхъ, безчестныхъ и безправственныхъ дѣйствій, въ которыхъ неизбѣжно выражается этотъ внутренній антагонизмъ, развивая свой ядъ во всѣхъ сферахъ человѣческаго существованія, подкапывая всѣ основы общежитія, губя лучшія силы въ безславной и безплодной борьбѣ, задерживая и извращая развитіе самыхъ дорогихъ для человѣчества интересовъ?

Каждое особое государство въ государствѣ непремѣнно должно имѣть и свои особыя необходимости, и свои особыя пользы. У гражданъ сепаратнаго государства не можетъ не быть своей сепаратной государственной необходимости, своей сепаратной государственной пользы. Предположимъ, что совѣсть ихъ умѣла бы до нѣкоторой степени согласить пользу ихъ особаго государства съ пользой цѣлаго государства, но такое соглашеніе, ограниченное и условное, зависѣло бы отъ обстоятельствъ которыми всегда могутъ быть вызваны самые существенные элементы разногласія. Даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, государственная польза цѣлаго будетъ дѣломъ чужимъ для гражданъ особаго государства; и во многихъ случаяхъ ихъ особая государственная польза неизбѣжно потребуетъ, чтобы дѣла въ цѣломъ государствѣ шли не къ лучшему, а къ худшему. При такомъ положеніи дѣлъ естественно возникаетъ вопросъ, могли ли бы граждане особыхъ государствъ пользоваться полнотой гражданскихъ правъ въ цѣломъ государствѣ? Могутъ ли они быть безопасно допускаемы къ участію въ общихъ дѣлахъ государства? Можетъ ли быть не только полезно, но даже и безопасно, чтобы подобные элементы, пользуясь политическою полноправностью, могли проникать во всѣ сферы правитель-

ственной организаціи и имѣть вліяніе на дѣла націи къ которой они не хотятъ принадлежать и съ которою они имѣютъ разные счеты? Принятіе чистыхъ иностранцевъ на государственную службу и сообщеніе имъ политической полноправности представляетъ менѣе затрудненій и опасностей. Иностранецъ, переселяясь въ Россію и становясь ея подданнымъ, становится гражданиномъ одного государства и видитъ въ немъ свое второе отечество. Во всякомъ случаѣ, здѣсь рѣчь можетъ идти только объ отдѣльныхъ лицахъ; но совсѣмъ иное дѣло—граждане особыхъ государствъ въ государствѣ. Состоя на службѣ цѣлаго государства, они въ то же время не могутъ не служить интересамъ своего особаго отечества, не могутъ не отзываться на призывъ его необходимостей и пользъ; они существа двойственныя, ихъ положеніе двусмысленное, а стало-быть, волей или неволей, должны они и дѣйствовать болѣе или менѣе двусмысленно.

VII.

20-го ноября.

Европейская революціонная партія, о которой такъ много было рѣчи въ прошлогоднихъ депешахъ князя Горчакова, которой приписывалось начало всѣхъ революціонныхъ движеній въ Царствѣ Польскомъ, и которая, повидимому, снова начинаетъ волноваться, сама по себѣ не имѣетъ никакой силы, никакого значенія. Партію эту составляютъ выходцы изъ всѣхъ странъ Европы, преимущественно Поляки, Италіянцы, Венгерцы, средоточіями которыхъ служатъ Лондонъ, Парижъ, Туринъ съ Генуей и съ Капрерой, отчасти Женева, и въ новѣйшее время Молдо-Валахія. За ними нельзя признать ни дѣйствительной нравственной силы, ни силы матеріальной. Они не представляютъ собою какой-либо одной великой положительной идеи, и даже не связаны между собою единствомъ видовъ, цѣлей и намѣреній. За исключеніемъ русскихъ выходцевъ, у которыхъ никогда не было дѣйствительной почвы подъ ногами,

которые не представляютъ никого и ничего, кромѣ самихъ себя, и вступали въ заговоры съ отъявленными врагами своего народа, всѣ другіе являются представителями партій, на сторонѣ которыхъ, въ ихъ собственномъ отечествѣ, не оказалось ни большинства, ни перевѣса силы, и которыя были принуждены признать себя побѣжденными. Какъ разрозненны сами эти партіи, такъ же разобщены между собою и ихъ представители за границей. Достаточно вспомнить о трехъ или четырехъ партіяхъ въ нѣдрахъ польской эмиграціи. Въ одномъ лишь отношеніи всѣ эти выходцы болѣе или менѣе сходятся между собою—во враждѣ къ существующему политическому и отчасти также соціальному порядку вещей въ Европѣ, и въ желаніи какими бы то ни было происками и насиліями упразднить его, безъ всякаго яснаго представленія чѣмъ бы онъ могъ быть замѣненъ въ послѣдствіи, въ случаѣ успѣха ихъ замысловъ.

Но и эта исключительно-отрицательная сила всесвѣтной революціи можетъ быть опасна для той или другой страны только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, чтобы въ самой странѣ, и именно въ правительствѣ ея, вслѣдствіе ли существующаго въ ней порядка вещей, или вслѣдствіе случайныхъ внутреннихъ недоразумѣній, были сочувственные или согласные съ ней элементы, какъ напримѣръ Ипполіо Романо въ покойномъ Неаполитанскомъ королевствѣ, и во-вторыхъ, чтобы въ своихъ усиліяхъ, направленныхъ на ту или другую страну, эта революціонная партія была руководима и поддерживаема какимъ-либо иноземнымъ правительствомъ. Безъ перваго условія, никакія усилія ни самой революціонной европейской партіи, ни покровительствующихъ ей правительствъ не могутъ имѣть ни малѣйшаго успѣха. Такъ, напримѣръ, Англія, благодаря своему политическому и соціальному быту, ограждена вполнѣ отъ всѣхъ попытокъ всесвѣтной революціи. Но точно также и въ другихъ странахъ, при честности и правильномъ дѣйствіи законныхъ властей, всѣ усилія всесвѣтной революціи могутъ быть уничтожены въ самомъ зародышѣ. Такъ, въ 1860 Гарибальди могъ предпринять и отчасти совершить завоеваніе королевства Обѣихъ Сицилій, благодаря содѣйствію съ одной стороны Турин-

скаго правительства, а съ другой измѣнникамъ въ правительствѣ самого Франциска I, но когда въ 1862 тотъ же Гарибальди вздумалъ, самъ собою и пользуясь лишь сочувствіемъ массъ народныхъ, завладѣть Римомъ, послѣдствіемъ его попытки было пораженіе при Аспромонте. Всесвѣтная революціонная партія стала сама теперь покорнымъ и раболѣпнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкихъ политиковъ, и этимъ орудіемъ умѣютъ очень искусно пользоваться въ Лондонѣ, въ Парижѣ, и по ихъ примѣру и наставленію, въ Туринѣ. Польскій мятежъ 1863 года служитъ самымъ убѣдительнымъ тому доказательствомъ. Берлинскій прокуроръ Миттельштедтъ совершенно справедливо утверждаетъ, что польская эмиграція была посредницей между мечтавшими о возстановленіи прежней Польши Поляками и могущественными державами, отъ которыхъ они надѣялись получить помощь. Безъ этого посредничества и безъ этихъ надеждъ, да безъ содѣйствія самой польской администраціи, которая была наполнена измѣнническими элементами, не было бы никакого движенія въ Польшѣ противъ русскаго владычества.

Въ настоящее время всесвѣтная революціонная партія, повидимому, вновь призывается къ дѣятельности, и усилія ея, главнѣйшимъ образомъ, направляются одною искусною и опытною рукой. Прежде всего направляются они противъ Австріи, а потомъ, можетъ-быть, и противъ Россіи. Въ послѣднихъ нумерахъ *Московскихъ Вѣдомостей* (особенно въ № 252, подъ рубрикой: «Венеціянскій вопросъ и европейская партія дѣйствія») собрано не малое число фактовъ сюда относящихся. Изъ этихъ фактовъ видно, что приготовленія дѣлаются какъ въ Италіи, такъ и на сѣверныхъ окраинахъ Балканскаго полуострова, и что по желанію руководителей пожаръ долженъ прежде всего начаться здѣсь, а отсюда уже охватить, если возможно, южныя области Австріи и юго-западныя Россіи. Партія дѣйствія вошла въ сношенія и въ дружбу съ Черногорцами и съ княземъ Кузой, котораго довольно мѣтко прозвали префектомъ Франціи по нижнему теченію Дуная. Нѣкоторое время полагали, что сербскій князь Михаилъ будетъ дѣйствовать заодно, но эти разчеты были невѣрны. Въ Молдавіи, тѣмъ не менѣе, снова

сосредоточиваются и организуются шайки польскихъ и венгерскихъ революціонеровъ; туда направляются изъ Галиціи транспорты особыхъ пистоновъ, приноровленныхъ къ американскимъ ружьямъ, и взрывной хлопчатой бумаги, неизвѣстно для какого употребленія, наконецъ, даже въ Польскій край прибыло изъ Парижа, въ концѣ октября, 10 революціонныхъ эмиссаровъ, которые старались вновь взволновать страну, обѣщая къ веснѣ помощь 30.000 вооруженныхъ Венгерцевъ. Мы въ правѣ сказать, что революціонные прописки направляются съ новою силой противъ австрійскихъ и русскихъ владѣній, и—что особенно замѣчательно—операціонною линіей для этихъ прописковъ преимущественно избрана сѣверная полоса Балканскаго полуострова.

Впрочемъ, послѣ перваго взрыва, послѣдовавшаго было въ предѣлахъ Венеціянской области, революціонное движеніе было какъ бы пріостановлено въ угоду Франціи усиліями самого Италіянскаго правительства. Изъ этого очевидно, что революціонные прописки разчитаны прежде всего не на серіозный взрывъ, а только на то чтобы встревожить и смутить Австрію, а отчасти и Россію, и расположить ихъ къ разнаго рода уступкамъ въ вопросахъ которыми заинтересованы какъ Франція, такъ и Англія. На первомъ планѣ стоитъ вопросъ Венеціянскій, къ разрѣшенію котораго, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, склоняется теперь и послѣдняя изъ упомянутыхъ державъ.

Франція, поднявъ Римскій вопросъ, вовсе не была намѣрена принятся за окончательное его разрѣшеніе, и даже, какъ говорятъ, успѣла теперь вынудить у Италіи отреченіе отъ Рима. Папство еще необходимо для Наполеоновской Франціи: она еще надѣется обратить его въ свое покорное орудіе, особенно если ей удастся, по смерти нынѣшняго папы, которая ожидается въ непродолжительномъ времени, возвести на Римскій престолъ преданнаго ей кардинала ди-Пьетро (Римлянина, родившагося въ 1806). Съ помощью папы и имѣя въ рукахъ Римъ, Франція можетъ производить различные политическіе опыты, въ родѣ тѣхъ поприщемъ которыхъ стала Польша въ 1863 году и въ которыхъ такое значительное участіе принадлежало латинскому духовенству. Такимъ образомъ можно ожидать, что Римскій

вопросъ вскорѣ исчезнетъ съ политическаго горизонта. Но, исчезая, онъ не можетъ оставить за собою пустоту. Въ Италіи снова возбуждены національныя страсти. Она не могла даромъ, въ угоду лишь императору Наполеону, принести тяжкія жертвы, связанныя съ вопросомъ о перенесеніи ея столицы, и едва ли удовольствуется, если въ награду за то ей будетъ доставлено только признаніе со стороны Австріи, Баваріи и Испаніи. Исходомъ для возбужденнаго италіянскаго патріотизма можетъ послужить только Венеція, и вотъ, по новѣйшимъ извѣстіямъ, между Франціей и Англіей ведутся дѣятельные переговоры, и Англія будто бы все болѣе склоняется къ тому, чтобы Венеція досталась окончательно Италіи.

Если это дѣйствительно такъ, то уже одно сосредоточеніе революціонныхъ пропсковъ въ предѣлахъ турецкихъ владѣній указываетъ на желаніе западныхъ державъ связать разрѣшеніе Венеціянскаго вопроса съ вопросомъ Восточнымъ. Повидимому, однакоже, желаніе это встрѣчаетъ пока дружный отпоръ со стороны и Австріи, и Россіи. Судя по всѣмъ извѣстіямъ, ихъ дипломатическіе агенты согласно дѣйствуютъ на Востокѣ, стараясь образумить князя Кузу и остановить его на томъ скользкомъ пути на который онъ вступилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они уже успѣли отклонить князя Сербіи отъ революціонныхъ союзовъ. Въ то же время мы встрѣчаемъ снова извѣстіе, будто бы русскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Штакельбергъ, принялъ на себя посредничество между Италіей и Австріей исключительно по Римскому вопросу. Это подаетъ поводъ предполагать полное согласіе между обѣими державами относительно того направленія которое желательно для конвенціи 15-го сентября. Дѣйствительно, интересы обѣихъ державъ до извѣстной степени одинаковы въ виду пропсковъ средоточіемъ которыхъ стараются сдѣлать Молдавію и которые отсюда могутъ быть направлены равно и противъ австрійскихъ, и противъ русскихъ владѣній, а также и въ виду властолюбивыхъ замысловъ Пруссіи, которые она, повидимому, намѣрена приводить въ исполненіе всѣми способами, сподручными беззастѣнчивому фонъ-Бисмарку.

Въ послѣднее время обстоятельства сложились такъ, что Австрія и Россія, въ своей внѣшней политикѣ, каждая въ собственныхъ своихъ интересахъ, побуждаются идти до извѣстной степени однимъ и тѣмъ же путемъ. Однакоже, очевидно, что во всѣхъ возбужденныхъ теперь вопросахъ интересы Австріи гораздо прямѣе и болѣе замѣшаны чѣмъ интересы Россіи, а потому естественно было бы, чтобы наибольшія заботы пали на ея долю, чтобъ она дѣйствовала на первомъ планѣ, находя себѣ лишь опору въ Россіи. Государственные люди Австріи, конечно, не преувеличиваютъ своихъ ожиданій въ этомъ отношеніи, и знаютъ хорошо, что кровь и достояніе сыновъ Россіи исключительно принадлежатъ самой Россіи, и что менѣе всего могутъ они разчитывать на Россію въ разрѣшеніи внутреннихъ затрудненій, которыми такъ сильно страдаетъ сложившаяся изъ многихъ государствъ и не преодолѣвшая еще этого политическаго многообразія Австрійская имперія. Внѣшняя политика Россіи и Австріи можетъ быть одинакова въ виду развивающихся замысловъ Франціи и Англіи, въ виду властолюбивыхъ стремленій Пруссіи, и наконецъ, въ виду начавшихся съ новою силой происковъ всесвѣтной революціи; но за тѣмъ пусть Австрія развѣдывается сама какъ знаетъ и какъ можетъ съ подвластными ей Италіянцами, Венгерцами и Поляками: какіе бы внутренніе перевороты не предстояли Австріи, они не могутъ причинить Россіи существеннаго вреда, если сама Россія своевременно позаботится объ устраненіи вредныхъ условій національной розни, какія существуютъ теперь въ ея предѣлахъ. Въ настоящее время удары государствамъ наносятся не только съ помощью военныхъ силъ, но и съ помощью интригъ подыскивающихъ элементы внутренней измѣны.

VIII.

24-го ноября

Одна великая мѣра слѣдуетъ за другою: на прошлой недѣлѣ печатали мы высочайшій указъ объ упраздненіи римско-католическихъ монастырей, который будетъ имѣть неисчислимыя

послѣдствія, а сегодня печатаемъ высочайшій указъ о великомъ коренномъ преобразованіи, которому подвергается наше судебное устройство, и на которое, вмѣстѣ съ Монархомъ, каждый Русскій всѣмъ сердцемъ своимъ призоветъ «благословеніе Всевышняго». Мы возвратимся къ этому великому событію нашей государственной жизни: съ небольшимъ черезъ недѣлю будетъ обнародованъ полный текстъ всѣхъ относящихся сюда законоположеній. А теперь спѣшимъ обратить вниманіе читателей на нѣкоторые признаки новаго настроенія общественнаго мнѣнія въ Европѣ вызванные принятою нашимъ правительствомъ политикой въ польскомъ дѣлѣ.

Вслѣдъ за обнародованіемъ высочайшаго указа объ упраздненіи и закрытіи большей части римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ, по всей Европѣ распространилось извѣстіе о намѣреніи Русскаго правительства безотлагательно отмѣнить военное положеніе въ тѣхъ частяхъ края, гдѣ это будетъ признано возможнымъ, и на основаніи всеобщей подачи голосовъ со стороны мѣстнаго населенія окончательно соединить польскій край въ одно цѣлое съ Россіей. Мы не знаемъ, изъ какого источника вышло это извѣстіе. Но интересно то, что общественное мнѣніе Европы не только не волновалось и не возбудилось противъ Россіи, а напротивъ какъ бы еще болѣе успокоилось въ ожиданіи что Россія, наконецъ, твердо рѣшилась разъ навсегда покончить со смутами которыя болѣе или менѣе отражаются и на состояніи не только сосѣднихъ странъ, но и цѣлой Европы. Ни въ одной сколько-нибудь серіозной иностранной газетѣ мы не встрѣтили какихъ-либо возраженій противъ окончательнаго сліянія Польши съ Россіей, ни даже какихъ-либо сомнѣній относительно достовѣрности этого извѣстія: означенный въ немъ результатъ кажется общественному мнѣнію Европы самымъ простымъ, самымъ естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ предшествовавшихъ событій и всѣхъ мѣръ принятыхъ въ нынѣшнемъ году Русскимъ правительствомъ. Ссылаемся въ этомъ отношеніи на помѣщенную ниже статью газеты *Times*, которая, какъ извѣстно вѣрнѣе всѣхъ другихъ англійскихъ газетъ отражаетъ собою настроеніе

общественнаго мнѣнія Англіи, а послѣднее направляетъ и опредѣляетъ собою общественное мнѣніе цѣлой Европы. Главная англійская газета какъ бы привѣтствуетъ окончательное включеніе Польши въ составъ Русской Имперіи, и въ этомъ видитъ единственно-возможное рѣшеніе такъ-называемаго польскаго вопроса.

Дѣйствительно, это единственный исходъ какого можно желать въ интересахъ Россіи, самихъ Поляковъ и европейскаго мира, спокойствія и порядка. Конечно, не въ видахъ сохраненія мира и спокойствія Европы было создано Наполеономъ I, въ 1807 году, послѣ несчастной для Пруссіи и Россіи войны, герцогство Варшавское, изъ котораго образовалось нынѣшнее Царство Польское. Какъ извѣстно, желанію Императора Александра I образовать отдѣльное Царство Польское первоначально противились всѣ великія державы, за исключеніемъ одной Франціи, и лишь въ послѣдствіи Англія стала благопріятствовать этой административно-политической отдѣльности Польши, въ надеждѣ постоянно ослаблять посредствомъ нея Россію. Для Австріи и для Пруссіи этотъ порядокъ вещей, созданный Наполеономъ I и довершенный на Вѣнскомъ конгрессѣ, сталъ источникомъ періодически повторяющихся смутъ и замѣшательствъ въ ихъ собственныхъ нѣкогда польскихъ владѣніяхъ. И замѣчательно, что всѣ другія созданія Наполеона I въ Европѣ, повидимому болѣе прочныя, болѣе близкія къ Франціи, болѣе способныя разчитывать на ея поддержку, рушились съ его паденіемъ, а уцѣлѣло это одно, внушенное ему, очевидно, замыслами враждебными Россіи, Пруссіи и Австріи. Являясь продолженіемъ дѣла Наполеона I, имѣя свои особыя учрежденія и тѣнь нѣкоторой политической самостоятельности, признавая до нѣкоторой степени политическое значеніе польской національности, Царство Польское самымъ существованіемъ своимъ не переставало и не перестаетъ возбуждать и питать во всѣхъ Полякахъ, подвластныхъ Россіи, Пруссіи и Австріи, національно-политическія притязанія и надежды, направленныя къ возстановленію Польши въ ея предѣлахъ. Эти притязанія и надежды ставятъ Поляковъ въ самое невыносимое по своей

двусмысленности положеніе, не дозволяя имъ быть вполнѣ гражданами тѣхъ государствъ которымъ они подвластны, и отъ времени до времени, при благопріятствующихъ условіяхъ, увлекая ихъ на путь явной государственной измѣны. И въ этихъ случаяхъ Поляки подвластные всѣмъ тремъ государствамъ дѣйствуютъ заодно между собою, и зло обнаружившееся въ одномъ изъ государствъ охватываетъ оба другія. Главнѣйшимъ образомъ эти явныя попытки возстановленія прежней Польши шли до сихъ поръ изъ Царства Польскаго, въ немъ начинались и сосредоточивались, и изъ него распространялись на другія нѣкогда польскія области. Царство Польское, по выраженію одной изъ прошлогоднихъ французскихъ депешъ, стало очагомъ, вѣчно поддерживающимъ пламя возстанія во всѣхъ Полякахъ. Причина заключается отнюдь не въ томъ чтобы Царство Польское пользовалось меньшими правами чѣмъ Познань и Галиція: по крайней мѣрѣ въ 1830 году Царство Польское, объявившее тогда войну Россіи, обладало такими правами о которыхъ Поляки Галиціи и Познани и помыслить не могли; причина очевидно заключается въ томъ, что нашъ польскій край пользуется въ большей степени политическо-административною отдѣльностью, тогда какъ Галиція и Познань уравнены со всѣми другими областями Австріи и Пруссіи. Но не только Россія, Австрія и Пруссія непосредственно заинтересованы устраненіемъ этой главнѣйшей причины всѣхъ польскихъ смутъ: спокойствіе и законный порядокъ въ цѣлой Европѣ много выиграли бы еслибъ административно-политическая особность Царства Польскаго исчезла, а вмѣстѣ съ нею сами собою пали бы національно-политическія притязанія Поляковъ. Достаточно вспомнить, какое бремя почти для всѣхъ государствъ Европы составляютъ польскіе выходцы (въ одномъ Парижѣ ихъ насчитывается до 5¼ тысячъ), которые въ значительной степени усиливаютъ собою всесвѣтную революціонную партію и которые въ 1848 году, напримѣръ, были дѣятельными участниками, а нерѣдко начинателями почти всѣхъ тогдашнихъ политическихъ переворотовъ.

Если Европа, до нѣкоторой степени, въ правѣ ожидать что Россія приметъ наконецъ мѣры которыя прекратили бы

навсегда самый источникъ польскихъ мятежей, то для Россіи этотъ вопросъ имѣетъ значеніе вопроса о самомъ существованіи ея въ качествѣ великой, единой и нераздѣльной европейской державы. Обыватели Царства Польскаго, по Своду Законовъ (см. приложеніе къ статьѣ 195 IX тома), признаются состоящими въ томъ же подданствѣ какъ и всѣ Русскіе; первая статья основной грамоты данной императоромъ Николаемъ Царству Польскому, 14-го февраля 1832 гласитъ, что это Царство составляетъ *нераздѣльную часть Русской Имперіи*. Тѣмъ не менѣе однакоже этой нераздѣльной части Русской Имперіи предоставляется, до извѣстной степени, административно-политическая автономія, и тѣмъ самымъ эти обыватели, состоящіе въ томъ же подданствѣ какъ и всѣ Русскіе, признаются до нѣкоторой степени въ качествѣ особой политической націи, такъ что въ Русской Имперіи существуютъ рядомъ другъ съ другомъ двѣ особыя политическія націи. Допущеніе такого начала можетъ имѣть и дѣйствительно имѣетъ самыя пагубныя послѣдствія. Этимъ только объясняется постоянное стремленіе Поляковъ западнаго края Россіи примкнуть къ той политической націи съ которою они состоятъ въ наибольшемъ сродствѣ, и которая признается въ составѣ самой Русской Имперіи. Если польская національность пользуется политическимъ значеніемъ въ шести губерніяхъ, соединенныхъ подъ общимъ именемъ Царства Польскаго, то Поляки западнаго края Россіи не побуждаются ли тѣмъ самымъ къ надеждѣ что то же самое значеніе достанется и на ихъ долю, тѣмъ болѣе что и они состоятъ въ томъ же самомъ подданствѣ? Признавать Поляковъ въ качествѣ особой политической націи (то-есть, въ качествѣ народа составляющаго особое, до нѣкоторой степени самостоятельное государство) въ одной части Русской Имперіи (именно въ Царствѣ Польскомъ) и не признавать ихъ въ другой части той же Имперіи значитъ держать ихъ въ самомъ ненормальномъ положеніи. Непослѣдовательность эта тѣмъ болѣе опасна, что Россія признала Поляковъ (впрочемъ въ самыхъ неясныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ) за особую политическую націю въ тѣхъ же самыхъ актахъ въ которыхъ

она дала и надежды на распространеніе предѣловъ Царства Польскаго внутрь Россіи. Въ понятіяхъ Поляковъ то и другое естественно самымъ тѣснымъ образомъ связывается между собою, и опыты 1861—63 годовъ показали, что чѣмъ болѣе обособляется Царство Польское отъ Россіи въ административно-политическомъ отношеніи, чѣмъ, слѣдовательно, болѣе признаются Поляки въ качествѣ особой націи въ Царствѣ Польскомъ, тѣмъ болѣе обнаруживается въ нихъ стремленіе распространить это признаніе на ихъ соплеменниковъ въ западномъ краѣ Россіи, въ которыхъ, въ свою очередь, возникаетъ подобное же стремленіе обособиться отъ Россіи и присоединиться къ тому государству, которое, состоя подъ одною верховною властью съ Россіей, является особымъ польскимъ государствомъ. Національно-политическія притязанія Поляковъ на западный край Россіи, въ которыхъ преимущественно проявляется такъ-называемый польскій духъ, никогда не исчезнутъ, пока этотъ духъ будетъ питаемъ признаніемъ Поляковъ въ качествѣ особой политической націи со стороны самой же Россіи и въ предѣлахъ самой Русской Имперіи, въ тѣхъ областяхъ ея которыя соединены въ особое политическое цѣлое подъ именемъ Царства Польскаго. Призракъ самостоятельной Польши сохраняющійся подъ видомъ Царства Польскаго долженъ напередъ исчезнуть, и только тогда Полякамъ на всемъ пространствѣ Русской Имперіи дана будетъ возможность слиться воедино съ близкородственнымъ Русскимъ народомъ, причемъ нѣтъ ни малѣйшей надобности желать, какъ сказано въ *Times*, искорененія всѣхъ особенностей ихъ характера, поскольку они не враждебны Россіи. До того же времени положеніе ихъ не перестанетъ быть двусмысленнымъ и колеблющимся, влекущимъ ихъ то къ тайной, то къ явной измѣнѣ; они не перестанутъ мечтать о борьбѣ противъ Россіи и подготовлять къ ней всѣ возможные способы и средства. Отъ борьбы противъ Австріи или противъ Пруссіи подвластные имъ Поляки рѣшительно отрекаются, по крайней мѣрѣ на словахъ, но съ Россіей они имѣютъ еще въ виду продолжать борьбу, и на дняхъ еще французско-польскій центральный комитетъ въ Парижѣ, взывая о пожертвованіяхъ

въ пользу польскихъ выходцевъ, провозгласилъ, что борьба Поляковъ противъ Россіи только отсрочена, но не оставлена совсѣмъ. Надежды на возможность и на успѣшный исходъ подобной борьбы поддерживаются только особымъ политико-національнымъ существованіемъ Поляковъ въ предѣлахъ Русской Имперіи.

Въ самой тѣсной связи съ этимъ вопросомъ находится чрезвычайно важный въ практическомъ отношеніи вопросъ объ опредѣленіи Поляковъ въ почетную государственную службу въ Россіи. Въ этомъ отношеніи законъ не полагаетъ никакого различія между природными Русскими и Поляками не только западнаго края Россіи, но и Царства Польскаго. Польскіе дворяне, сравнительно чрезвычайно многочисленные и притомъ имѣющіе подъ рукою больше средствъ къ образованію, при опредѣленіи ихъ въ русскую службу, признаются наравнѣ съ дворянами русскими. Еслибы Поляки сдѣлались вполнѣ гражданами Русской земли и перестали быть наполовину гражданами воображаемаго польскаго королевства, возстановить которое они стремятся на развалинахъ Россіи, еслибы между ими и Русскимъ народомъ не стоялъ призракъ Польши, мѣшающій имъ жить одною общею жизнью и служить одному и тому же дѣлу съ Русскимъ народомъ, среди котораго они очутились, утративъ почти всѣ свои народныя массы, еслибы нигдѣ въ предѣлахъ Русской Имперіи они не составляли особаго политическаго цѣлаго, въ такомъ случаѣ примѣненіе этого закона уравнивающаго польскихъ дворянъ съ русскими дворянами не представляло бы никакой опасности, и могло бы быть допускаемо въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но національныя стремленія польской шляхты, поддерживаемыя въ Россіи признаніемъ ея въ качествѣ особой политической націи, и столь враждебныя Россіи, направленныя къ совершенной ея погибели, объясняютъ, съ одной стороны, то недовѣріе которое русскій человѣкъ поневолѣ питаетъ къ Поляку, хотя бы онъ и состоялъ на русской государственной службѣ, и съ другой стороны, тѣ опасенія вслѣдствіе которыхъ въ послѣднее время все чаще и чаще преграждаются Полякамъ пути къ почетной и вліятельной

государственной службѣ. Замѣчательно, что законъ допускаетъ дворянъ Царства Польскаго вступать въ русскую государственную службу наравнѣ съ дворянами русскими; и въ то же время значительно затрудняетъ разными условіями и формальностями простое перечисленіе изъ Царства Польскаго въ другія части Имперіи, и обратно. Чтобы поступить на службу Россіи обывателю Царства Польскаго достаточно быть дворяниномъ, но чтобы перечислиться на постоянное жительство въ другія части Имперіи (или наоборотъ) необходимо представить напередъ свидѣтельство, что пріобрѣтено уже въ Имперіи или въ Царствѣ недвижимое имущество, и исполнить различныя другія болѣе или менѣе стѣснительныя формальности. Такимъ образомъ политическія границы между остальною Россіей и Царствомъ Польскимъ исчезаютъ для желающихъ пользоваться тамъ или здѣсь правами и преимуществами государственной службы, но они тотчасъ же возстановляются для желающихъ водвориться въ той или другой части этихъ русскихъ владѣній и пользоваться присвоенными имъ гражданскими правами. И притомъ, если не ошибаемся, порядокъ и обряды перечисленія изъ прочихъ частей Имперіи въ Царство Польское гораздо затруднительнѣе и тяжелѣе чѣмъ обратно. Эти затрудненія, очевидно, объясняются тѣмъ, что безусловное перечисленіе изъ другихъ частей Имперіи въ Царство Польское, вслѣдствіе правъ предоставленныхъ тамъ польской національности, почти незамѣтно повлекло бы за собою умноженіе числа его подданныхъ на счетъ западнаго края Россіи. Въ интересахъ Россіи и Польши было бы возможно-большее сближеніе и взаимнодѣйствіе между причисленными къ нимъ лицами; но при крайней ненормальности ихъ отношеній, по необходимости, пришлось полагать преграды этому сближенію. Въ такомъ ненормальномъ положеніи трудно оставаться дѣламъ, и извѣстіе распространяемое иностранными газетами объ окончательномъ изъятіи польскаго края изъ международнаго вѣдомства, если еще и преждевременно, то вытекаетъ изъ самой сущности вещей, и чѣмъ скорѣе наступитъ это время, тѣмъ будетъ лучше для Россіи, для Поляковъ и для всей Европы.

ДЕКАБРЬ.

I.

2-го декабря.

Кѣмъ бы ни было пущено въ ходъ извѣстіе о томъ, что въ непродолжительномъ времени военное положеніе будетъ снято въ нѣкоторыхъ частяхъ Польши и она будетъ окончательно поставлена подъ одно управленіе съ остальными частями Русской Имперіи, несомнѣнно, что оно послужило бы въ пользу русскому дѣлу. Россія могла вполнѣ убѣдиться, что общественное мнѣніе Европы или сочувствуетъ этому единственно-возможному рѣшенію такъ называемаго польскаго вопроса, или по меньшей мѣрѣ остается къ нему равнодушною. Особенно интересно въ этомъ отношеніи приведенное въ № 262 *Московскихъ Вѣдомостей* свидѣтельство *Daily News*, что въ Англіи самое либеральное мнѣніе видитъ въ полномъ соединеніи польскаго края съ Россіей счастливѣйшій жребій какого можетъ пожелать себѣ Польша, тѣмъ болѣе что Россія вступаетъ теперь въ новую лучшую пору своего существованія.

Варшавскій Дневникъ опровергъ это извѣстіе въ томъ что было въ немъ очевидно невѣрнаго и вымышленнаго, какъ-то немедленное снятіе военнаго положенія и распоряженіе будто бы сдѣланное правительствомъ о поданіи адреса съ просьбой о полномъ слияніи Царства Польскаго съ прочими областями Русской Имперіи. Но въ замѣчательной какъ по содержанію, такъ и по изложенію статьѣ недавно появившейся въ *Варшавскомъ Дневникѣ* (русскомъ) сказано между прочимъ:

.....«Эта идея, противъ которой мы боролись желѣзомъ и «боремся теперь духомъ реформы, есть идея отдѣльной, само-«стоятельной Польши, идея которая въ продолженіе почти «столѣтія тревожитъ польское народонаселеніе, находящееся «подъ властію трехъ раздѣлившихъ Польшу державъ, идея «которая составляетъ постоянно открытую язву этихъ державъ «и служитъ одною изъ главныхъ помѣхъ къ утвержденію проч-«наго мира въ Европѣ»...

«Всякая мысль со стороны какой-либо группы этихъ граж-«данъ объ отдѣльной самостоятельности не можетъ быть при-«знана иначѣмъ инымъ какъ вредною мечтой, а попытка къ ея «осуществленію—какъ преступленіемъ. Политическая и граж-«данская жизнь Царства Польскаго неразрывно связана съ по-«литическою и гражданскою жизнію всего государства Русскаго, «и дальнѣйшее развитіе того и другаго не можетъ совершаться «иначе какъ совокупно.»

Въ настоящее время, когда, по свидѣтельству австрійскаго министра полиціи, всесвѣтная революціонная партія имѣетъ въ виду направить всѣ свои удары на Австрію, и избрать свою главную операціонную линію въ нашемъ сосѣдствѣ—въ Галиціи, когда крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ, послѣ долгихъ, слишкомъ затянувшихся приготовительныхъ работъ, вступаетъ еще въ первый свой періодъ,—періодъ, когда правительству придется сводить счеты и съ помѣщиками, и съ крестьянами,—когда школьная и монастырская реформы и еще предстоящая реформа латинскаго духовенства, безъ сомнѣнія, возбудили всю злобу его противъ Россіи, въ настоящее время невозможно было ожидать, чтобы правительство рѣшилось снять военное положеніе. Но не будетъ же военное положеніе и военно-полицейская диктатура вѣчною формой правленія въ Польшѣ: можно надѣяться, что, несмотря на возбужденія извнѣ, страсти мало-по-малу улягутся, предпринятыя реформы будутъ до извѣстной степени осуществлены и принесутъ краю добрые плоды, общественный порядокъ будетъ установленъ на прочныхъ основаніяхъ, и тогда мы встрѣтимся лицомъ къ лицу съ вопросомъ: «Что намъ дѣлать съ Польшей?

Въ какія отношенія слѣдуетъ поставить ее къ остальнымъ частямъ Россіи?» Вопросъ этотъ теоретически долженъ быть рѣшенъ уже въ настоящее время, съ тѣмъ чтобы когда наступитъ время, возможно было привести въ исполненіе принятое рѣшеніе безъ малѣйшихъ колебаній; къ тому же отъ того или другаго рѣшенія его зависитъ въ настоящее время и то или другое направленіе предпринятыхъ въ польскомъ краѣ реформъ.

Впрочемъ, этотъ вопросъ уже предрѣшенъ отчасти самимъ ходомъ событій, и не измѣняя своему историческому призванію, не отрекаясь отъ своего прошедшаго, не впадая въ крайнюю непослѣдовательность, Россія не можетъ идти въ этомъ вопросѣ другимъ путемъ, кромѣ того на который какъ бы насильно, какъ бы вопреки собственной ея волѣ, наводятъ ее событія. Въ 1815 году изъ частей великаго герцогства Варшавскаго было искусственно создано Царство Польское, почти только въ личномъ соединеніи съ Россіей. Интересы Россіи были въ этомъ случаѣ ограждены лишь немногими условіями: а именно, право объявлять войну и заключать какіе бы то ни было трактаты и конвенціи было предоставлено конституціей 1815 года исключительно Царю Польскому (ст. 40); отношенія по внѣшней политикѣ объявлены общими для Царства Польскаго со всею Россійскою Имперіей (ст. 8), хотя, впрочемъ, и у Польши не было отнято право непосредственныхъ сношеній съ иностранными государствами, и насколько эти сношенія касаются одной Польши, они ввѣрялись состоявшему при особѣ Государя министру статсъ-секретарю Царства Польскаго (ст. 81); Государь предоставлялъ исключительно себѣ одному право опредѣлять мѣру участія Польши въ войнахъ Россіи, а равно и въ мирныхъ или торговыхъ ея договорахъ, впрочемъ съ тѣми ограниченіями, что польская армія не могла быть употребляема внѣ Европы (ст. 9 и 10). Но за этими немногими исключеніями, Польша была вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ, имѣла свое особое войско, свою администрацію, представительныя учрежденія, правда, весьма неудовлетворительныя и поставленныя въ ложное положеніе къ верховной власти, но тѣмъ не менѣе предоставлявшія этому краю важное преимущество:

общественныя должности, гражданскія и военныя, не могли быть замѣщаемы иначе какъ Поляками (ст. 29), и всѣ публичныя дѣла: административныя, судебныя и военныя должны были вестись, *безъ всякаго исключенія*, на польскомъ языкѣ, такъ что русскій языкъ въ этомъ краѣ, присоединенномъ къ Россіи силой русскаго оружія, русскій языкъ лишенъ былъ всякихъ правъ гражданства. Впрочемъ, если Русскій пріобрѣтетъ помѣстье и право гражданства въ Царствѣ Польскомъ и преобразится въ Поляка, то дозволялось допускать его къ публичнымъ должностямъ, требуя, впрочемъ, чтобъ онъ прожилъ пять лѣтъ въ новомъ своемъ отечествѣ и былъ безукоризненнаго поведенія (ст. 38). Вотъ въ какое положеніе поставлялись въ Царствѣ Польскомъ уроженцы той самой Россіи, которая, съ своей стороны, въ то же время не полагала никакого различія между коренными русскими дворянами и дворянами польскаго, нѣмецкаго и шведскаго происхожденія, и всѣхъ съ равною охотой принимала къ себѣ въ почетную государственную службу. Наконецъ, при самомъ зарожденіи этого новаго польскаго государства, ему дано было обѣщаніе, правда неопредѣленное, распространить его за предѣлы истинно-русской земли.

Противоестественное положеніе которое было создано въ 1815 году не замедлило принести свои плоды: Поляки подняли свое оружіе противъ той же самой верховной власти которой были обязаны возстановленіемъ и своего національнаго имени и своей политической самобытности. Россія снова покорила эту страну силой своего оружія, и императоръ Николай I, въ манифестѣ отъ 14-го февраля 1832, заявилъ свою твердую державную волю «установить будущія судьбы Царства Польскаго «на прочныхъ основаніяхъ, сообразно съ потребностями и съ «благосостояніемъ всей Русской Имперіи, такъ чтобы Царство «Польское было лишь одною изъ составныхъ частей Всероссій-«ской Имперіи, и чтобъ обитатели Царства Польскаго впредь «составляли одну націю съ Русскими.» Эта мысль высочайшаго манифеста получила почти полное развитіе въ сопровождавшей его основной грамотѣ Царства Польскаго. Въ силу этой грамоты Царство Польское объявлялось навсегда присоединеннымъ

къ Русской Имперіи и составляющимъ нераздѣльную часть ея (ст. 1), должно было въ извѣстной пропорціи участвовать въ общихъ издержкахъ и нуждахъ Имперіи (ст. 14), имѣть общую съ ней армію, безъ различія въ ней русскихъ и польскихъ войскъ (ст. 20), при чемъ всѣ законодательныя мѣры и другія мѣры великой важности, которыя должны быть предварительно соглашены съ законами дѣйствующими въ другихъ частяхъ Имперіи и съ общимъ благомъ, должны были впредь подвергаться предварительному разсмотрѣнію: съ этою цѣлью былъ учрежденъ департаментъ польскихъ дѣлъ, съ назначеніемъ членовъ его какъ изъ Русскихъ, такъ и изъ Поляковъ (ст. 31). Въ послѣдствіи, 6-го сентября 1841, государственный совѣтъ Царства Польскаго и особый верховный судъ были вовсе упразднены и замѣнены двумя варшавскими департаментами Правительствующаго Сената Имперіи.

Какъ мы уже имѣли случай замѣтить однажды, разсуждая о системѣ народнаго образованія господствовавшей въ Царствѣ Польскомъ въ царствованіе императора Николая I, въ сужденіи о временахъ недавнихъ мы очень наклонны смѣшивать цѣль со средствами употребленными для ея достиженія, и осужденіе послѣднихъ распространять и на первую. Цѣль заявленная въ манифестѣ 14-го февраля 1832 была по истинѣ высокая: она внушена была русскимъ патріотическимъ чувствомъ и истинно государственнымъ умомъ, и была согласна съ общимъ благомъ и Россіи и Польши. Но по несчастію, средства употребленныя для ея достиженія не вполнѣ ей соотвѣтствовали, и должны были поселить между Русскими и Поляками не духъ братскаго единенія, какъ сказано было въ манифестѣ, а чувства раздѣляющія обыкновенно притѣснителей и притѣсненныхъ. Приняв въ основаніе, что Царство Польское есть только часть Русской Имперіи, и что въ Русской Имперіи можетъ быть только одна политическая нація—русская, основная грамота 1832 года, съ одной стороны, останавливалась на половинѣ пути, а съ другой, была примѣняема въ духѣ рѣшительнаго недовѣрія къ свободному теченію жизни и къ силамъ общественнымъ. Политическому сліянію Польши съ

Россіей много препятствовала ея административная отдѣльность. Прекращая политическую самобытность ея, императоръ Николай I сохранилъ за нею очень близко подходящую къ ней самобытность административную, по всѣмъ отраслямъ управленія и особую отъ Имперіи казну, причемъ перечисленіе изъ Россіи въ Польшу и обратно было затруднено, и русскому языку не были даны по крайней мѣрѣ равныя съ языкомъ польскимъ политическія права: послѣдній остался офиціальнымъ языкомъ въ Царствѣ Польскомъ для всѣхъ дѣлъ административныхъ, военныхъ и гражданскихъ (ст. 16 и 34 основной грамоты). Недостаточное вниманіе къ живымъ общественнымъ силамъ обнаружилось, между прочимъ, и въ томъ, что рука законодателя, до самаго указа 1864 (о крестьянахъ въ Царствѣ, Польскомъ), нисколько не коснулась крайне ненормальныхъ общественныхъ отношеній въ этомъ краѣ.

Для исполненія той великой задачи которая имѣлась въ виду въ 1832, для объединенія Русскихъ и Поляковъ, для созданія изъ нихъ одной политической націи, настоящее время располагаетъ совсѣмъ другими, несравненно бо́льшими и лучшими способами. Послѣ недавняго тяжкаго опыта, который еще разъ убѣдилъ какъ невозможно предоставлять Полякамъ какую бы то ни было самобытность въ политической сферѣ, Россія вступила на путь преобразованій въ Царствѣ Польскомъ, завершеніемъ которыхъ можетъ быть только окончательное включеніе этого края въ общій составъ Русской Имперіи. Крестьянская реформа, которая въ этомъ отношеніи имѣетъ наибольшее значеніе, только въ такомъ случаѣ не обратится противъ Россіи, если крестьяне Царства Польскаго будутъ считать себя не Поляками, а гражданами Русскаго государства и стало-быть Русскими, но для этого необходимо, чтобы губерніи Польши считались составными частями Русской Имперіи, на общемъ положеніи со всѣми русскими губерніями. Въ противномъ случаѣ, разобщенные съ Россіей и призванные къ новой общественной жизни, польскіе крестьяне могутъ стать опорой не правительства законнаго и Русскаго, а національныхъ польскихъ притязаній, пока будетъ оставаться хоть тѣнь особаго польскаго

государства. Въ настоящее время въ польскихъ крестьянахъ еще не возникло чувство польской національности; но неужели можно думать, что мы въ состояніи создать изъ нихъ совсѣмъ другую польскую національность, взамѣнъ той которая существуетъ въ наличности и отличительный признакъ которой есть ничѣмъ незамиримая враждебность къ Россіи?

Впрочемъ, направленіе въ которомъ совершается крестьянская реформа въ польскомъ краѣ идетъ теперь согласно съ интересами Россіи: она служитъ естественнымъ проводникомъ русскаго языка въ польскихъ населеніяхъ. Ликвидаціонные проекты и табели должны быть составляемы на русскомъ и польскомъ языкахъ вмѣстѣ; просьбы и жалобы участковымъ коммиссарамъ и крестьянскимъ коммиссіямъ могутъ быть равно приносимы на русскомъ и польскомъ языкахъ; надписи на тѣхъ билетахъ которые служатъ отличительнымъ признакомъ новыхъ гминныхъ войтовъ точно также сдѣланы на обоихъ языкахъ; наконецъ высочайшіе указы и постановленія учредительнаго комитета печатаются въ офиціальной польской газетѣ на обоихъ языкахъ, и правительство считаетъ нужнымъ имѣть свою газету и на русскомъ языкѣ. Русская рѣчь послышалась польскимъ крестьянамъ одновременно съ вѣстью объ ихъ освобожденіи. Будемъ же надѣяться, что близко то время, когда польскій вопросъ навсегда будетъ изъятъ изъ международнаго вѣдомства съ большею рѣшительностью чѣмъ это было сдѣлано въ 1832 году, и что онъ будетъ вовсе упраздненъ внутри самой Русской Имперіи: ближайшій и надежнѣйшій путь къ тому указанъ исторіей...

II.

3-го декабря.

Одно изъ самыхъ существенныхъ и глубокихъ отличій хода дѣлъ въ Англіи есть то, что законодательныя мѣры никогда не условливаются тамъ какими-либо отвлеченными соображеніями или законодательствомъ другихъ странъ. Въ Англіи законодатель отправляется отъ даннаго положенія дѣлъ, на которое

простирается его дѣятельность, и имѣетъ въ виду измѣнить его лишь по тѣмъ мотивамъ которые представляются въ самомъ же этомъ положеніи дѣлъ. Ему нѣтъ надобности до того, что во Франціи и Германіи есть по такому-то предмету такой-то законъ; ему надобно только знать, требуется ли и въ какой мѣрѣ, въ какомъ смыслѣ, требуется измѣненіе въ существующемъ положеніи вещей. Законъ имѣетъ своею единственною цѣлью опредѣлить и устроить возможно удовлетворительнѣйшимъ способомъ дѣйствительно существующія въ данной средѣ отношенія; онъ имѣетъ своимъ назначеніемъ вѣдать данное положеніе вещей и опредѣлять ту или другую сферу общественной дѣятельности; а потому въ немъ не должно быть ни общихъ мѣстъ, которыя къ дѣлу не относятся,—безсильныхъ и незрячихъ отвлеченностей,—ни случайныхъ заимствованій изъ чужихъ законодательствъ. Такъ, впрочемъ, исторически развивалось законодательство не въ одной Англіи, но и во всѣхъ странахъ на свѣтѣ. Только лишь начиная съ нынѣшняго столѣтія образовался на Европейскомъ материкѣ навыкъ законодательствовать по отвлеченнымъ понятіямъ и по чужимъ образцамъ. Начинаютъ не съ того что дано въ подлежащей законодательству средѣ, а съ какой-либо отвлеченной аксіомы, и вниманіе главнымъ образомъ обращаютъ не на то что дано въ отношеніяхъ подлежащихъ законодательству, а на готовыя законоположенія другихъ странъ. Французскій законодатель смотритъ прямо или искоса на англійскіе законы, и прилаживается къ нимъ, а нѣмецкій къ французскимъ, и т. д. Съ тѣмъ вмѣстѣ въ континентальной Европѣ развилась склонность къ такого рода законодательнымъ мѣрамъ которыя являлись бы на свѣтъ какъ Минерва изъ головы Юпитера, и которыхъ главное достоинство заключалось бы не въ томъ чтобъ уловлять жизненный нервъ существующаго положенія дѣлъ, а чтобы представлять собою возможно болѣе симметрическую систему главъ и параграфовъ.

Когда возникъ у насъ вопросъ о необходимости измѣненія тѣхъ условій въ которыхъ находится наша печать, то мы высказались въ пользу такихъ мѣръ, которыя, отправляясь отъ

даннаго положенія, имѣли бы въ виду не столько систематическій, все предусматривающій и предопредѣляющій кодексъ, сколько рядъ частныхъ законоположеній, которыя на самой практикѣ развивались бы и дополнялись бы одно изъ другаго. Рядъ частныхъ законодательныхъ мѣръ имѣетъ то неоцѣненное преимущество, что онъ ведетъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ, къ уразумѣнію истинныхъ потребностей и къ вѣрнѣйшей оцѣнкѣ существующихъ отношеній. Частныя законодательныя мѣры, удовлетворяющія каждый разъ ясно сознанной потребности, явственно обозначаютъ какія правила могутъ имѣть силу, какія не могутъ и какія окажутъ на практикѣ дѣйствіе совершенно противное мысли законодателя. Рядъ частныхъ мѣръ избавляетъ отъ необходимости приглядываться къ чужимъ законодательствамъ, съ намѣреніемъ заимствовать изъ нихъ готовыя положенія для пополненія пробѣловъ искусственно-созидаемой системы, и такимъ образомъ проектировать для существующаго у насъ положенія вещей правила часто не имѣющія у насъ никакого примѣненія, ни изъ чего не вытекающія, представляющія формулы отношеній принадлежащихъ совершенно иной средѣ. Могутъ ли, напримѣръ, соотвѣтствовать положенію печати у насъ постановленія французскаго законодательства по этому предмету, которыя слагались путемъ столькихъ революцій, и которыя часто носятъ на себѣ случайные отпечатки борьбы столькихъ партій, столькихъ династій, столькихъ формъ правленія? Или, можетъ ли, въ какой бы то ни было мѣрѣ, послужить намъ образцомъ исторія законодательства по дѣламъ печати въ Германіи, при той громадной общественной разнородности какую представляетъ, въ сравненіи съ Россіей, эта страна книгодѣлія, университетовъ и профессоровъ. Еще не такъ давно въ Пруссіи журналистика не имѣла почти никакого значенія и подлежала строгой предварительной цензурѣ, въ то время какъ книжная литература по всѣмъ частямъ пользовалась почти неограниченною свободой. Въ Германіи теоретическое мышленіе поглощало всѣ лучшія умственныя силы общества; интересы этой сферы господствовали надъ всѣмъ; политической жизни не было, и общественные интересы

группировались главнымъ образомъ вокругъ университетовъ. При жалкомъ состояніи журналистики книжное дѣло развивалось въ громадныхъ размѣрахъ. При такомъ положеніи дѣлъ весьма естественно произошло законодательство которое рѣзко отличило книгу, посвященную отвлеченному изслѣдованію, отъ журналистики и литературныхъ явленій вызванныхъ текущимъ моментомъ. Законодатель, съ одной стороны, имѣлъ предъ собой страшное плодородіе книгъ, преимущественно научнаго содержанія, въ которыхъ выражалась главнымъ образомъ вся производительность націи, а съ другой—ничтожную, не имѣющую никакого значенія журналистику; и потому онъ весьма естественно пришелъ къ распоряженію предоставившему полную свободу сочиненіямъ посвященнымъ теоретическому изслѣдованію, которыя онъ сгруппировалъ посредствомъ внѣшняго признака *книги въ двадцать листовъ*. Законодатель былъ увѣренъ, что эта группа представитъ собою главнымъ образомъ ту дѣйствительную силу которая въ Германіи уже издавна пользовалась полнымъ и безпрепятственнымъ развитіемъ, и которая въ своемъ развитіи приняла громадные размѣры, такъ что законодательство сформулировало только то что уже было признано въ принципѣ и существовало на практикѣ. Но теперь спрашивается, могла ли бы прямо соотвѣтствовать существующему у насъ положенію дѣлъ подобная формула, заимствованная изъ исторіи прусскаго законодательства? Оказалось ли бы что-нибудь опредѣленное, изъ дѣйствительности взятое, въ законодательной формулѣ которая отличила бы сочиненія заключающія въ себѣ не менѣе 20-ти листовъ и изъяла бы ихъ отъ цензуры преимущественно предъ всѣми прочими явленіями печатнаго дѣла? Гдѣ у насъ ученые и мыслители, которые, зарывшись въ своемъ кабинетѣ, пишутъ многотомныя книги? Гдѣ у насъ тотъ особый классъ книгоиздателей, *фертегеровъ*, которые въ Германіи сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ все книгопечатаніе, такъ что мимо ихъ тамъ почти ничего не печатается и печататься не можетъ? Книга о двадцати листахъ есть признакъ совершенно случайный; но въ Германіи законодателю онъ бросался въ глаза и какъ бы навязывался ему,—

а у насъ бросается ли этотъ признакъ въ глаза, характеризуетъ ли онъ что-нибудь? Руководствуясь этимъ признакомъ, можетъ ли законодательство разчитывать на достиженіе какой-либо опредѣленной цѣли? Будетъ ли оно имѣть въ виду цѣли охранительныя или цѣли либеральныя, во всякомъ случаѣ оно можетъ пройти какъ мимо тѣхъ, такъ и мимо другихъ? У насъ книга въ двадцать листовъ не представляетъ собою явленія характеристическаго. Для того чтобы выпустить въ свѣтъ книгу о двадцати листахъ не требуется непремѣнно быть солиднымъ ученымъ или серіознымъ мыслителемъ: у насъ для этого чаще всего требуется быть недоучившимся школьникомъ, маракующимъ по-французски или по-нѣмецки настолько чтобы перевести съ того или съ другаго языка, съ грѣхомъ пополамъ и полуграмотно, книгу какого-нибудь односторонняго мыслителя, подходящаго подъ какой-либо извѣстный цвѣтъ, напечатать ее на дешевой бумагѣ и крупнымъ шрифтомъ, который бы разогналъ ея содержаніе на 20 листовъ, и потомъ сдать ее ярмарочнымъ книгопродавцамъ. Развѣ не расходятся у насъ во множествѣ переводныя сочиненія, которыя либо вовсе не имѣютъ серіознаго значенія у себя на родинѣ, либо уравновѣшиваются тамъ множествомъ капитальныхъ сочиненій по той же части, среди которыхъ они имѣютъ значеніе весьма скромное? Не поражаетъ ли у насъ на каждомъ шагу прекуріозное явленіе, представляемое людьми малограмотными, которые въ дикомъ сумбурѣ вычурныхъ словъ будутъ цитовать вамъ, напримѣръ, Бокля, извѣстнаго у себя на родинѣ лишь въ литературно-образованныхъ кругахъ, не говоря уже о другихъ странахъ Европы. Если сообразить появляющіяся у насъ книги, то окажется, что несравненно бо́льшая часть состоитъ изъ переводовъ, которые дѣлаются не столько въ интересѣ науки, сколько въ угоду какому-либо случайно возникшему среди пишущей братіи новѣтрію, и назначаются вовсе не для спеціальной и даже не для образованной публики, а для людей по бо́льшей части совершенно неприготовленныхъ къ чтенію которое имъ предлагается. Что же касается до сочиненій серіозныхъ, на которыя полагается капиталъ умственнаго труда, то

окажется весьма немного такихъ которымъ законъ о 20 листахъ окажетъ подобающее уваженіе. Выгодой этого закона главнымъ образомъ воспользуется трудъ переводчика, большею частію поверхностный, несамостоятельный, ученическій. Серіозный ученый или писатель пользующійся извѣстностью въ обществѣ, если пожелаетъ издать свою книгу экономнѣе, подвергнется предварительной цензурѣ какъ скоро его книга не дойдетъ до 20 листовъ, а переводъ сдѣланный по заказу какимъ-либо борзописцемъ, и въ случаѣ надобности разогнанный на 20 листовъ типографскими средствами, будетъ пользоваться привилегіей безконтрольнаго выхода въ свѣтъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что не было бы опасности выдавать лицамъ уже извѣстнымъ въ наукѣ и литературѣ, или занимающимъ извѣстное общественное положеніе, разрѣшеніе на безцензурный выпускъ ихъ трудовъ, безъ опредѣленія числа листовъ.

Во французскомъ кодексѣ относительно книгопечатанія находимъ мы законъ которымъ поставляется въ обязанность журналу печатать отвѣтъ всякаго лица названнаго или обозначеннаго въ томъ журналѣ, и при томъ такъ чтобы помѣщеніе отвѣта послѣдовало въ теченіе трехъ дней, а въ противномъ случаѣ издатель подвергается пенѣ отъ 50 до 500 франковъ; отвѣтъ же, который такимъ образомъ долженствуетъ быть напечатанъ, можетъ своимъ объемомъ превосходить вдвое первоначальную статью, въ которой названъ, либо обозначенъ авторъ этого отвѣта. Мы не будемъ входить въ изслѣдованіе тѣхъ обстоятельствъ которыя заставили французскаго законодателя прибѣгнуть къ подобной мѣрѣ; но извѣстно, что на практикѣ, благодаря существованію сильной преданіями и авторитетомъ судебной власти, которая регулируетъ примѣненіе закона, благодаря также вліянію сильнаго общественнаго мнѣнія, мѣра эта смягчается на практикѣ и становится почти нечувствительною для французской журналистики. Спрашивается, есть ли у насъ такого рода обстоятельства которыя вызывали бы законодателя на подобную мѣру? Можно ли въ какомъ-либо существенномъ интересѣ пожелать чтобы всякое лицо котораго коснется статья журнала могло явиться въ его редакцію съ

требованіемъ немедленно напечатать отвѣтъ въ томъ же отдѣлѣ, тѣмъ же шрифтомъ, и притомъ въ размѣрахъ вдвое превосходящихъ первоначальную статью? Можетъ ли законъ, постановляя у насъ такое правило, не оградить ничѣмъ издателя журнала отъ произвола глупости, наглости, дерзости и всякаго рода интриги, въ особенности если журналъ имѣетъ политическій характеръ? У насъ политическая журналистика только что нарождается; у насъ журнальное дѣло, если вести его порядочно, добросовѣстно и честно, требуетъ самыхъ тяжкихъ усилій, нравственныхъ и физическихъ; а такое положеніе не отобьетъ ли порядочныхъ людей отъ журналистики? Не окажется ли подобная мѣра столько же излишнею для огражденія честныхъ лицъ, которыя всегда могутъ разчитывать на принятіе добросовѣстнаго объясненія во всякомъ честномъ журналѣ, пользующемся довѣріемъ и уваженіемъ публики, сколько пагубною для печати независимой и честной? Еслибы какая-либо мѣра въ этомъ родѣ оказалась нужною, то не требуется ли сформулировать ее такъ чтобъ она не оставляла мѣста ни для какой недобросовѣстной придирки и лжетолкованій? Рецензія книги касается также какого-либо лица, называетъ, обозначаетъ его. При неопредѣленности закона не сочтетъ ли себя каждый обиженный авторъ въ правѣ требовать помѣщенія его отвѣта? Въ передовой статьѣ газеты рѣчь можетъ коснуться того или другаго лица, въ какомъ бы то ни было смыслѣ: неопредѣленность закона, скопированнаго съ французскаго образца, не подастъ ли поводъ недобросовѣстному человѣку и интригану требовать помѣщенія въ томъ же отдѣлѣ, тѣмъ же шрифтомъ, статьи вдвое обширнѣе первоначальной, хотя бы въ этой послѣдней заключалось лишь нѣсколько словъ которыя относились бы къ автору возраженія? Не послужила ли бы эта неопредѣленность удобнымъ предлогомъ для вражды политической или личной принуждать редакцію къ печатанію мнѣній противныхъ направленію журнала? Не слѣдуетъ ли по крайней мѣрѣ обозначить, въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, случаи которые могутъ давать право на обязательное помѣщеніе рекламацій отъ частныхъ лицъ въ журналѣ? Не

слѣдуетъ ли ограничить право возраженія лишь поправкой фактической невѣрности? Опозореніе и поруганіе подлежитъ разбирательству уголовнаго суда. Но и во всякихъ другихъ случаяхъ, когда кто-либо считаетъ себя недовольнымъ или обиженнымъ, законодательство не должно предоставлять всякому быть судьей въ своемъ дѣлѣ и развѣдываться самоуправно. Сколько мы знаемъ, новый уставъ о книгопечатаніи не имѣетъ въ виду упразднить цензурные комитеты; а потому, еслибы потребовалось ввести въ наше законодательство право возраженія,—конечно, несравненно опредѣлительнѣе формулированное чѣмъ французское законоположеніе,—то нѣтъ никакой надобности отсылать возражателя непосредственно въ редакцію журнала. Управленіе по дѣламъ книгопечатанія и его комитеты могутъ служить естественными посредниками между обѣими сторонами, и они, на основаніи закона и по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, могли бы рѣшать, должно ли, и въ какой мѣрѣ должно быть удовлетворено желаніе лица считающаго себя въ правѣ рекламировать.

Кстати, мы припоминаемъ, что въ одномъ изъ проектовъ новаго устава предоставляется цензурному комитету цѣлый годъ сроку для извѣщенія прокурора объ обнаруженныхъ преступленіяхъ или проступкахъ учиненныхъ печатью. Мы позволяемъ себѣ замѣтить, что обстоятельства отнюдь не требуютъ предоставленія цензурнымъ комитетамъ столь долгаго срока для исполненія этой существенной возлагаемой на нихъ обязанности. Нѣтъ никакой надобности оставлять Дамокловъ мечъ въ продолженіе цѣлаго года надъ журналомъ, между тѣмъ какъ для исполненія вышеозначенной обязанности съ избыткомъ достаточно шестинедѣльнаго срока или двухъ мѣсяцевъ.

Еще стѣснительнѣе и тягостнѣе трехлѣтній срокъ для подачи жалобы на оскорбленіе печатью, который предполагался въ проектѣ новаго устава. Три года! Но въ три года и журналъ можетъ прекратить свое существованіе, и умереть его издатель! Непонятно, для чего могъ бы требоваться столь долгій срокъ для вчиненія иска по личному оскорбленію совершенному путемъ печати. Личное оскорбленіе въ печати

дѣйствуетъ только тогда, когда оно еще въ свѣжей памяти у читателей, а не въ то время когда книга уже гніетъ на заднихъ полкахъ библіотекъ, а листокъ газеты можетъ-быть и вовсе не существуетъ на свѣтѣ. При нынѣшнихъ средствахъ сообщенія, человѣкъ проживающій въ Америкѣ можетъ въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ самымъ льготнымъ образомъ освѣдомиться объ оскорбленіи нанесенномъ ему печатью въ Россіи и выслать довѣренность на начатіе судебнаго иска. Мы полагаемъ, что и одного года съ избыткомъ достаточно на начатіе судебнаго иска за личное оскорбленіе учиненное путемъ печати.

III.

4-го декабря.

Назадъ тому нѣсколько времени въ иностранныхъ газетахъ появилось извѣстіе будто бы мы, предвидя запрещеніе которому должны были подвергнуться нѣкоторыя изъ нашихъ статей, заранѣе посылали въ цензурный комитетъ штрафныя деньги. Послѣ былъ распущенъ слухъ, будто бы мы отказываемся платить падающіе на насъ штрафы за несоблюденіе цензурныхъ правилъ. И то, и другое—выдумка, которую мы считаемъ своимъ долгомъ опровергнуть. Мы никогда не имѣли ни намѣренія, ни побужденія печатать что-либо противное существующимъ цензурнымъ правиламъ, которыя въ точности соблюдали, стало-быть не могли и ожидать, что подвергнемся штрафу, а тѣмъ менѣе посылать штрафъ заранѣе. Когда же цензурный комитетъ отнесся къ полиціи о взысканіи съ насъ штрафовъ за нѣкоторыя изъ статей помѣщенныхъ въ нашей газетѣ, то мы даже не воспользовались законными основаніями для отклоненія отъ себя этого распоряженія. Мы могли желать, чтобы на основаніи высочайшаго постановленія дѣло предварительно подверглось судебно-полицейскому разбирательству, но встрѣтивъ нѣкоторыя затрудненія, не настаивали и на этомъ, а по предъявленному намъ отъ Московской управы благочинія требованію цензурнаго комитета сполна уплатили сумму, которая

была на насъ насчитана: въ № 212 за передовую статью по поводу брошюры Шедо-Ферроти (и за статью г. Маслова); въ № 216 за передовую статью по поводу брошюры Шедо-Ферроти (и за статью г. Лонгинова, и также за письмо въ редакцію за подписью «Русскій»); къ № 250 за передовую статью объ эстляндскомъ дворянствѣ; въ № 254 за передовую статью о сепаратизмѣ (и также за статьи: агитація въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, за перепечатанный отрывокъ изъ письма курляндско-бельгійскаго публициста Ф., и за перепечатанные изъ кіевскихъ газетъ съ значительными, впрочемъ, выпусками, отзывы о брошюрѣ Шедо-Ферроти).—Всего въ сложности пятьсотъ пятьдесятъ рублей серебромъ.

IV.

5-го декабря.

Въ № 265 *Московскихъ Вѣдомостей* мы сослались въ передовой статьѣ на замѣчательную по своему содержанію и изложенію статью *Варшавскаго Дневника* (русскаго), которую и перепечатали въ томъ же нумерѣ почти сполна. Въ этой статьѣ было, между прочимъ, сказано: «Идея противъ которой мы «боролись желѣзомъ и боремся теперь духомъ реформы есть «идея *отдѣльной*, *самостоятельной* Польши.... Политическая «и гражданская жизнь Царства Польскаго неразрывно связана «съ политическою и гражданскою жизнію всего государства «Русскаго, и дальнѣйшее развитіе того и другаго не можетъ «совершаться иначе какъ совокупно. *Чѣмъ скорѣе и чѣмъ пол-«нѣе уничтожатся всякая между ними рознь и всякое раздѣ-«леніе, тѣмъ будетъ лучше для обоихъ*». И вотъ черезъ нѣсколько дней, въ № 49-мъ той же самой газеты, мы встрѣчаемъ статью гдѣ доказывается, что единство Царства Польскаго съ Русскою Имперіей есть нелѣпость, и говорится между прочимъ слѣдующее по поводу другаго слуха пущеннаго въ газетѣ *Wanderer* о предполагающемся будто бы разграниченіи національностей въ Познанской провинціи Прусскаго королевства:

«Планъ этотъ, насколько извѣстно изъ журнальныхъ толковъ, есть ни что иное, какъ проектъ новаго раздѣла или передѣла Польши, о которомъ такъ шумѣли, въ началѣ этого года, разные польскіе и не польскіе журналы, въ то время, когда Августовская губернія, въ видахъ военно-административныхъ, была на время отдана въ управленіе главнаго начальника западнаго края. Предоставляя себѣ въ свое время сказать еще словцо объ этомъ проектѣ раздѣла, какъ процессѣ который уже съ XVI-го вѣка повисъ, словно Дамокловъ мечъ, надъ Польшей, мы обратимся» и т. д.

Позволяемъ себѣ обратить вниманіе почтенной редакціи *Варшавскаго Дневника* на то, съ какою осторожностью слѣдуетъ принимать и печатать въ ея газетѣ, издаваемой въ Варшавѣ,—городѣ еще исполненномъ враждебныхъ чувствъ къ Россіи,—статьи случайныхъ сотрудниковъ. Въ настоящемъ случаѣ обманувшій ея довѣріе писака только того повидимому и добивался, чтобы компрометтировать первую русскую газету которую постановило издавать Русское правительство въ Царствѣ Польскомъ, и доказать своимъ соплеменникамъ, что въ органъ правительства, издаваемый на русскомъ языкѣ въ Варшавѣ, можно пробраться со статьей въ которой сквозятъ воззрѣнія напоминающія прошлогодній краковскій *Часъ* или въ нынѣшнемъ году *Обчизну*, *Гласъ Вольный*, и т. д. Если требуются осторожность и осмотрительность даже въ частномъ изданіи, которое никто не компрометтируетъ кромѣ самихъ издателей и ихъ сотрудниковъ, то во сколько разъ она необходимѣе въ изданіи правительственномъ, которое къ тому же выходитъ въ свѣтъ въ центрѣ края гдѣ еще такъ недавно кипѣло открытое возстаніе?

Въ самомъ дѣлѣ, что читаемъ мы въ № 49 этой газеты? Мы читаемъ, что раздѣлъ, словно Дамокловъ мечъ, еще съ XVI столѣтія повисъ надъ Польшей. Какая это Польша? Польша XVI столѣтія обнимала собою, сверхъ многихъ другихъ областей принадлежащихъ теперь Пруссіи и Австріи, сверхъ Царства Польскаго, еще весь западный край Россіи и въ добавокъ всю Малороссію. Всѣ знаютъ въ какомъ положеніи была тогда

Россія и могла ли она висѣть, какъ мечъ Дамокловъ, надъ этою бѣдною, ни въ чемъ неповинною Польшей, надъ этою жертвой вражды своихъ сосѣдей.

Польша XVI вѣка! Умные Поляки клянутся всѣми святыми, что и не помышляютъ объ этой Польшѣ XVI вѣка. Даже подземный жондъ ограничивалъ свою Польшу предѣлами 1771 года. Послѣ недавней кровавой развязки дѣла затѣяннаго польскимъ мятежомъ, самые завзятые изъ польскихъ національовъ отрекаются отъ притязанія народнаго жонда на Кіевъ и на нѣкоторую часть сѣверо-западныхъ губерній. Наиболѣе ловкіе защитники польской справы всячески стараются увѣрить насъ, что вовсе не помышляютъ о западномъ краѣ и считаютъ весь этотъ край русскимъ, а хлопочутъ только объ отдѣльномъ существованіи Конгрессувки. Многимъ Русскимъ всегда казалось, что на подобныя завѣренія должно смотрѣть со скептицизмомъ. Нельзя было лучше оправдать эту недовѣрчивость какъ тѣмъ, что̀ написала неумѣлая рука автора статьи въ № 49 *Варшавскаго* (русскаго) *Дневника*. Этотъ писатель неумышленно приподнялъ завѣсу съ той системы мыслей которая составляетъ внутреннее *credo* подобныхъ ему защитниковъ «господствующей» въ Царствѣ Польскомъ народности. Предполагаемую мѣру Прусскаго правительства, мы не знаемъ «нелѣпую» или лѣпую, но во всякомъ случаѣ мѣру которая можетъ относиться только въ Познанской провинціи Прусскаго королевства, онъ называетъ новымъ раздѣломъ Польши. Итакъ Познанская провинція— Польша. Но если Познань—Польша, то и Могилевъ—Польша. Признавая Познань за Польшу, вы сами сознаетесь, что надъ вашею мыслью властвуетъ тотъ самый призракъ который борется съ Россіей и мятежомъ и интригой, но въ дѣйствительность котораго мы не можемъ вѣрить, пока вѣримъ въ дѣйствительность Россіи. Вотъ какъ наивно вы обнаружили то что̀ другіе стараются замаскировать. Вы заговорили о политической отдѣльности Царства Польскаго; вы хотѣли заявить, что тѣснѣйшее соединеніе Царства Польскаго съ прочими частями Имперіи, хотя и «возможно», но «немыслимо» (куріозное заявленіе о немыслимости того что̀ возможно!). Но вы прого-

ворились, и Польша которую вы ограждаете отъ «нелѣпыхъ слуховъ» оказалась Польшей 1771 года, а отъ Польши 1771 года вы незамѣтно перешли и къ Польшѣ XVI вѣка. Вотъ оно это сцѣпленіе мыслей, какъ нельзя яснѣе показывающее куда ведетъ признаніе политическаго значенія за польскою національностію въ какомъ бы то ни было маленькомъ уголку старой Польши, окончившей свое политическое существованіе, не возстановимой никакими силами, и мучащей живыхъ людей только потому, что мы не рѣшаемся лишить ихъ надеждъ, которыхъ осуществленія мы ни въ какомъ случаѣ не допустимъ.

Мысль о единствѣ Царства Польскаго съ Русскою Имперіей— мысль вовсе не новая, и провозглашена она не газетчиками и журнальными глашатаями, а Императоромъ Николаемъ I.

Основнымъ актомъ для Царства Польскаго попрежнему остается грамота Императора Николая I, отъ 14-го февраля 1832, съ тѣми немногими измѣненіями которыя были сдѣланы въ ней въ послѣдствіи. Значеніе и направленіе этого акта указаны въ Высочайшемъ манифестѣ отъ того же числа. Вотъ подлинныя слова его:

«Желая съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы подданные Наши Царства Польскаго продолжали пользоваться всѣми выгодами кои нужны для счастія каждаго изъ нихъ и для общаго благоденствія края, чтобъ уваженіе къ личной безопасности и собственности, свобода совѣсти и всѣ мѣстныя гражданскія права и преимущества были непарушимо охраняемы, чтобы Царство Польское, имѣя особое соотвѣтствующее потребностямъ его управленіе, не переставало быть нераздѣльною частію Имперіи Нашей, и чтобъ отнынѣ жители онаго составляли съ Россіянами единый народъ согласныхъ братій, Мы на сихъ основаніяхъ начертали и постановили, въ новой, въ сей же день изданной Грамотѣ, новый порядокъ Управленія и Образованія Нашего Царства Польскаго.»

Основная мысль новаго порядка управленія, состоявшая въ томъ чтобы Царство Польское «не переставало быть нераздѣльною частью Русской Имперіи» и чтобы «жители его составляли съ Россіянами единый народъ», а не особую политическую

націю,—эта мысль должна быть признана высокою и мудрою мыслію, и мы смѣло можемъ пригласить *Варшавскій Дневникъ* и всѣхъ его сотрудниковъ, русскихъ и не-русскихъ, указать намъ, гдѣ и когда русская верховная власть отреклась отъ этой основной мысли съ тѣхъ поръ какъ она была такъ вразумительно выражена. Намъ укажутъ, быть-можетъ, на высочайшіе указы 14-го марта и 23-го мая 1861 года; но эти указы заключаются вполнѣ въ предѣлахъ актовъ 1832 года, такъ что государственный совѣтъ Царства Польскаго былъ собственно только возстановленъ въ 1861 году, въ томъ самомъ видѣ и съ тѣми же правами какъ это обозначено въ грамотѣ 1832 года, только съ точнѣйшимъ опредѣленіемъ изъ кого будутъ назначаемы верховною властью члены засѣдающіе въ одномъ лишь общемъ собраніи государственнаго совѣта; установленные этими указами городскіе, уѣздные и губернскіе совѣты соотвѣтствуютъ прежнимъ собраніямъ дворянскимъ, окружнымъ и совѣтамъ воеводствъ, съ тою лишь разницей, что въ прежнихъ собраніяхъ голосъ предоставлялся всѣмъ по личному праву, а въ новыхъ совѣтахъ, также какъ въ прежнихъ совѣтахъ воеводствъ, предоставляется по избранію. Предположенія грамоты 1832 шли въ нѣкоторомъ отношеніи даже далѣе, потому что въ ней предположено, хотя и не было никогда приведено въ исполненіе, созваніе областныхъ чиновъ для разсужденій о дѣлахъ относящихся къ общимъ пользамъ края (ст. 53).

Авторъ статьи *Варшавскаго Дневника* ссылается на указы 30-го августа о народныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ, въ доказательство что о сліяніи Царства Польскаго съ Русскою Имперіей не должно быть и рѣчи. Но эта ссылка неудачна. Указы 30-го августа дѣлаютъ значительный шагъ впередъ въ направленіи основной мысли манифеста 1832, и мы не видимъ, какимъ образомъ на основаніи признанной въ этихъ указахъ равноправности языковъ въ польскомъ краѣ русскому языку можетъ быть впредь отказано въ официальномъ характерѣ. И дѣйствительно, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ крестьянской реформы, онъ совершенно уравненъ съ языкомъ польскимъ.

Но основная мысль манифеста и грамоты 1832 о томъ, чтобы Царство Польское стало нераздѣльною частью Русской имперіи, и чтобы жители его составляли съ Русскими одинъ народъ, не могла быть осуществлена на практикѣ, отчасти по несоотвѣтствію употребленныхъ въ дѣло средствъ, а отчасти потому что отмѣняя всякую политическую самобытность Царства Польскаго, грамота 1832 сохранила за нимъ близко подходящую къ политической самобытности отдѣльность административную, въ томъ предположеніи, что это особое управленіе Царства Польскаго соотвѣтствуетъ его потребностямъ. Въ настоящее время весь вопросъ заключается только въ томъ, что соотвѣтствуетъ ли особое управленіе потребностямъ Царства Польскаго? Но вопросъ этотъ можетъ считаться рѣшеннымъ. Если считать потребностью Царства Польскаго безпрерывные, періодически-повторяющіеся мятежи, направленные на отторженіе отъ Россіи не только этого края, но и всего западнаго края Россіи, въ такомъ случаѣ, конечно, административная отдѣльность Царства Польскаго, его особое польское управленіе, вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ потребностямъ.

Царство Польское уже не находится на европейской картѣ; оно—нераздѣльная часть Русской Имперіи; но за Царствомъ Польскимъ было сохранено его особое управленіе въ томъ предположеніи, что оно соотвѣтствуетъ его потребностямъ, а главное по памяти объ извѣстныхъ параграфахъ Вѣнскаго трактата, параграфахъ, которые изо всего трактата почти только одни и остались въ силѣ,—и что же оказалось? Въ мирную пору это особое управленіе обратило указъ 1846, вездѣ, гдѣ только могло, въ мертвую букву, а въ пору смутъ оно, наравнѣ съ ксендзами и монахами, содѣйствовало вооруженному мятежу и водворенію въ странѣ устрашеній. Что же изъ этого слѣдуетъ? Желательно ли сохраненіе этого особаго управленія за польскимъ краемъ, или чтобъ онъ былъ поставленъ въ совершенно одинаковое положеніе со всѣми другими частями Имперіи? Дѣло до такой степени ясно, что выборъ можетъ быть предоставленъ всякому простому человѣку, одаренному лишь здравымъ смысломъ.

Опасеніемъ, что полнымъ соединеніемъ съ собою Царства Польскаго Россія «вгонитъ себѣ Польшу внутрь, привьетъ себѣ гангрену» и т. д., и выпиской изъ одной московской газеты лукавый авторъ *Варшавскаго Дневника* заключаетъ свою статью. Что это значитъ: «вогнать Польшу себѣ внутрь, привить себѣ гангрену, наводнить Россію новыми милліонами политическихъ пролетаріевъ, и допустить Поляка въ его качествѣ Русскаго, съ его полноправностью русскаго гражданина, въ такія должности и на такія мѣста, куда бы никогда не допустили Поляка какъ Поляка?» Что значитъ этотъ потокъ словъ, безвредный въ частной газетѣ, но едва ли умѣстный въ столбцахъ офиціальной русской газеты польскаго края? Кому неизвѣстно, что и при отдѣльности Царства Польскаго, по закону и на практикѣ, не дѣлалось никакого различія, при опредѣленіи въ русскую государственную службу, между русскими и польскими дворянами, все равно будь они уроженцами Царства Польскаго, или западнаго края Россіи? Кому неизвѣстно, что благодаря безпрерывнымъ возбужденіямъ изъ призрака національной самостоятельности Царства Польскаго, польскій духъ еще гораздо сильнѣе и опаснѣе въ Полякахъ западнаго края Россіи чѣмъ въ шляхтѣ самого Царства, но что въ настоящее время онъ вовсе не развитъ въ польскихъ крестьянахъ, которые не питаютъ еще ненависти къ Россіи и не чуждаются Русскаго народа? Кому неизвѣстно, что русская армія набирается изъ жителей Царства Польскаго, какъ изъ остальныхъ частей Россіи, и что еслибъ и былъ польскимъ дворянамъ затрудненъ доступъ къ гражданскимъ должностямъ внутри Россіи, то они тѣмъ не менѣе могли бы достигать самыхъ высокихъ почетныхъ и вліятельныхъ должностей путемъ военной службы? Неужели же лучше принимать ихъ въ эту службу въ качествѣ Поляковъ, со всею ихъ ненавистью къ Россіи, со всѣми надеждами разрушить ее и создать на ея мѣстѣ Польшу, чѣмъ принимать ихъ въ качествѣ русскихъ гражданъ, у которыхъ не было бы польской почвы подъ ногами и польскихъ мечтаній въ головѣ?

Дѣло не въ томъ, чтобы полное сліяніе Царства Польскаго съ Россіей совершилось сейчасъ же, безъ подготовленія къ тому этого края. Вопросъ касается только направленія мѣръ и духа въ которомъ онѣ принимаются: слѣдуетъ ли желать чтобы принимаемыя мѣры клонились къ отчужденію еще нетронутыхъ исторіей народопаселеній польскаго края, къ дальнѣйшему отчужденію отъ русской національности, отъ Россіи, или напротивъ къ сближенію?

V.

8-го декабря.

Передовая статья въ № 254-мъ *Московскихъ Вѣдомостей* не понравилась *Рижской Газетѣ*. Сообщивъ изъ нея въ довольно вѣрномъ переводѣ то мѣсто которое относится къ Прибалтійскому краю, упомянутая газета сочла за должное, въ предпосланномъ этому переводу толкованіи, извратить ея смыслъ и значеніе, и вывести изъ нея заключенія, противъ которыхъ мы должны рѣшительно протестовать.

Въ № 254 *Московскихъ Вѣдомостей* было сказано: «Справедливо, что уроженцы прибалтійскихъ губерній всегда служили вѣрой и правдой Русскому Царю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Русскому государству.» Это категорическое заявленіе нисколько не успокоило *Рижской Газеты*, и она говоритъ, что мы возвели на уроженцевъ прибалтійскихъ губерній уголовное обвиненіе въ сепаратизмѣ. Спохватившись, она спѣшитъ прибавить, что мы обвиняемъ только будущія поколѣнія въ возможной измѣнѣ Русскому государству. Обвиненіе (Anklage) людей еще не родившихся! Какими, однако, дураками считаютъ насъ эти господа Рижане! Не обвинять кого бы то ни было и въ чемъ бы то ни было, а излагать факты въ настоящемъ, хотя и значительно смягченномъ ихъ видѣ и указывать на возможныя ихъ послѣдствія, вотъ что́ мы считали своею обязанностью, и статья такъ не понравившаяся *Рижской Газетѣ* вполнѣ заключается въ предѣлахъ этой обязанности. Если нашъ топъ, крайне

сдержанный, никому неоскорбительный, вызываетъ раздраженіе, то въ этомъ мы, къ сожалѣнію, не можемъ видѣть хорошій признакъ.

Приписываемое намъ *Рижскою Газетой* «худшее изъ обвиненій, которыя когда-либо были возводимы на уроженцевъ прибалтійскихъ губерній, есть въ то же время, по словамъ ея, и самое легкомысленное.» Легкомысліе наше заключается въ томъ, что мы будто бы основали наши сужденія о томъ что происходитъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ не на фактахъ и дѣйствіяхъ, а на приведенномъ въ томъ же № 254-мъ *Московскихъ Вѣдомостей* отрывкѣ письма курляндско-бельгійскаго публициста Ф*.

Письмо это не было, и не могло быть новостью для *Рижской Газеты*, такъ какъ оно и намъ было заимствовано изъ вышедшей въ Лейпцигѣ книги: *Die Zustände des freien Bauernstandes in Kurland nach dem Gesetze und nach der Praxis im Lichte des modernen Russlands*, dargestellt von einem Patrioten (заглавіе этой книги было неточно передано нами въ № 254-мъ, и мы благодаримъ *Рижскую Газету* за поводъ привести его сполна). *Рижская Газета* не отрицаетъ его подлинности, и упрекаетъ насъ только за то, что мы не сообщили письма въ цѣломъ его объемѣ, хотя и сама знаетъ, что сообщить его вполнѣ не было никакой возможности: мы исключили изъ него только тѣ мѣста которыя невозможно было напечатать, и дѣйствовали въ этомъ случаѣ вовсе не по свободному выбору. Хотя *Рижская Газета* и называетъ идеи курляндско-бельгійскаго публициста «фантазіями Курляндца», «продуктомъ встревоженной фантазіи», и указываетъ, съ одной стороны, на то, что *Baltische Monatsschrift* недѣли четыре тому назадъ отреклась отъ этого письма, а съ другой, на то, что самъ авторъ письма говоритъ, что онъ поверхностно знаетъ дворянскія учрежденія Остзейскихъ провинцій (а не Остзейскія провинціи и ихъ дворянскія учрежденія, какъ передаетъ это мѣсто *Рижская Газета*); тѣмъ не менѣе однакоже она до нѣкоторой степени беретъ это письмо подъ свою защиту. По словамъ ея, оно вызвано было нѣкоторыми опасеніями,

состоявшими въ связи съ событіями 1862 и прибавляетъ только, будто бы высказанныя въ немъ стремленія давно уже исчезли вмѣстѣ съ самими опасеніями. Далѣе, онъ говоритъ, что все-таки Курляндецъ мечталъ о единой провинціи, которая образовалась бы изъ трехъ прибалтійскихъ губерній, а вовсе не о настоящемъ государствѣ, которое изъ нихъ составилось, бы, какъ будто бы г. Ф* не мечталъ объ общемъ для нихъ парламентѣ, о совершенномъ ихъ изолированіи отъ всей остальной Россіи, о полномъ усвоеніи ихъ нѣмецкою національностью и о поставленіи ихъ въ тѣ двусмысленныя отношенія къ Россіи, въ какихъ стоятъ къ ней Польша и Финляндія.

Впрочемъ, какъ бы ни относилась *Рижская Газета* къ идеямъ курляндско-бельгійскаго публициста, во всякомъ случаѣ, въ письмѣ его мы не нашли для себя ничего новаго. Въ немъ нѣтъ ничего такого что, съ его легкой руки, не высказывалось бы тысячу разъ въ разныхъ органахъ нѣмецкой прибалтійской печати, и въ разныхъ статьяхъ прибалтійскихъ публицистовъ. Письмо это послужило какъ бы камертономъ, или темой для варіацій въ остзейской печати. *Рижская Газета* ошибается, если надѣется кого бы то ни было увѣрить, что наши сужденія о томъ движеніи которое происходитъ теперь въ Прибалтійскомъ краѣ основываются не на фактахъ и дѣйствіяхъ, а только на идеяхъ высказанныхъ въ письмѣ г. Ф*. Считаемъ не лишнимъ здѣсь же указать, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые изъ этихъ фактовъ и соотвѣтствующихъ имъ надеждъ и стремленій. Въ *Nordische Revue*, за іюль нынѣшняго года, въ статьѣ г. Эдуарда фонъ-Германа: *Aus der Vergangenheit und Gegenwart der Ostseeprovinzen Russlands.* («Изъ прошедшаго и настоящаго прибалтійскихъ губерній Россіи») мы читаемъ, между прочимъ:

«Живымъ выраженіемъ этого чувства (чувства нѣмецкаго патріотизма) и вмѣстѣ свидѣтельствомъ окрѣпшаго стремленія къ единству всѣхъ трехъ провинцій, которыя, несмотря на многоразличные поводы къ разъединенію, чувствуютъ себя членами *единаго* тѣла, послужило состоявшееся въ 1861 году въ Ригѣ

празднество прибалтійскихъ пѣвцовъ. Изо всѣхъ трехъ провинцій на это празднество собралось множество гостей; концерты и пиры слѣдовали одинъ за другимъ, и вмѣсто многихъ признаковъ зависти, господствовавшей прежде между провинціями, эти дни приняли характеръ празднества братскаго между ними единенія, на которомъ было дозволено даже пѣть нѣмецкій національный гимнъ: *Was ist des Deutschen Vaterland?* («Какая страна есть отечество Нѣмцевъ?»)

«Годы съ 1861 по 1864 отличаются движеніемъ журналистики, безпрерывно возрастающимъ. *Baltische Monatsschrift, Revaler-Zeitung. Rigasche Zeitung*, и наконецъ три дерптскія газеты безпрерывно вовлекали въ кругъ своихъ сужденій болѣе и болѣе вопросовъ. Затронули право землевладѣнія, обсуждали формы городоваго уложенія, заявили желаніе всѣхъ трехъ провинцій имѣть одно общее устройство, общій высшій судъ, общій синодъ; и т. д.

«Весной 1862 года, которая была обильна разнаго рода надеждами и стремленіями, въ тогдашнемъ лифляндскомъ сеймѣ одинъ патріотъ представилъ четыре предложенія, которыя всѣ имѣли видъ уступки со стороны дворянства (рыцарства), и которыя, какъ признаніе съ его стороны стремленія къ объединенію трехъ провинцій, повсюду возбудили живѣйшее сочувствіе, и были разнесены по всей странѣ телеграммами и письмами. Однакожъ эти предложенія были переданы для обсужденія въ нарядженную для того коммиссію; этимъ и порѣшилась ихъ судьба. Впрочемъ, кто видѣлъ тогда къ Ригѣ распущенный образъ жизни дворянства, особенно его младшаго поколѣнія, тотъ невольно приходилъ къ увѣренности, что съ его стороны нельзя ожидать никакой серіозной общей помощи, и потому не могъ не пожелать, чтобы скорѣе настало время, когда въ старомъ ганзейскомъ городѣ собрались бы болѣе достойные представители всѣхъ трехъ провинцій, снабженные опредѣленными инструкціями отъ своихъ избирателей...

«Неизвѣстно, можно ли будетъ, путемъ справедливыхъ сдѣлокъ, достигнуть соглашенія относительно распространенія политическихъ правъ на города и личныхъ льготъ на ихъ

гражданъ; но во всякомъ случаѣ послѣ многихъ неоправдавшихся надеждъ, лучше довести до конца борьбу, которой результатъ не подлежитъ сомнѣнію. Полууступки не соотвѣтствовали бы ни важности дѣла, ни послѣдствіямъ принципа который повсюду расторгъ замкнутыя формы и явилъ себя способнымъ образовать изъ разсѣянныхъ атомовъ новые организмы, одушевленные новымъ духомъ.

«Политическіе успѣхи, точно также какъ умственные и нравственные, невозможны безъ борьбы и пожертвованій. Только въ то время, когда каждый частный человѣкъ имѣетъ духъ бросить на вѣсы всю силу своей личности, только тогда можно ожидать дѣлъ которыя по средствамъ своимъ будутъ человѣческія, а по цѣлямъ—божественныя.»

Дѣло очевидно идетъ здѣсь объ уравненіи политическихъ правъ всѣхъ классовъ *нѣмецкаго* или *онѣмеченнаго* населенія, объ усиленіи нѣмецкаго элемента новыми, свѣжими притоками изъ Германіи, объ обращеніи въ Нѣмцевъ по крайней мѣрѣ высшихъ слоевъ крестьянскаго, то-есть эстонскаго и латышскаго населенія, о политическомъ соединеніи трехъ губерній въ одно цѣлое, съ общимъ представительнымъ сеймомъ, пользующимся политическими правами, то-есть, въ послѣднемъ результатѣ, объ образованіи, подъ общею съ Россіей верховною властью, новаго нѣмецкаго государства—Лифляндскаго (именемъ Лифляндіи, по мнѣнію автора, слѣдуетъ обозначить всѣ три губерніи: Лифляндскую, Курляндскую и Эстляндскую). Мѣстный патріотизмъ лифляндскихъ мечтателей можетъ почитать эти цѣли божественными; но можетъ ли быть желательно для Россіи такое политическое обособленіе одной изъ ея составныхъ частей? можетъ ли быть желательно для нея, чтобы такимъ путемъ на западной ея окраинѣ, кромѣ вопроса польскаго, кромѣ вопроса скандинавскаго (или, собственно, финляндскаго), возникъ еще вопросъ лифляндскій, который, при возрастающемъ могуществѣ и предпріимчивости Пруссіи, представилъ бы несравненно бо́льшія и скорѣйшія опасности чѣмъ вопросъ скандинавскій и даже польскій?

Но это далеко не единственные факты и заявленія которые мы имѣли и имѣемъ въ виду при нашихъ сужденіяхъ о ходѣ дѣлъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Вотъ что читаемъ мы въ 81-мъ выпускѣ (за 1864) извѣстнаго *Deutsches Staats-Wörterbuch von Bluntschli*, въ статьѣ г. Бульмеринка объ остзейскихъ провинціяхъ:

«Если отдѣльныя сословія внутри каждой провинціи и всѣ три провинціи захотятъ и будутъ въ состояніи соединиться для общихъ учрежденій и цѣлей, то настанетъ для нихъ новая эра развитія, и *дѣло германской колонизаціи* будетъ продолжаться достойнымъ образомъ. Признаки такой перемѣны уже существуютъ; но для того чтобъ осуществить эту перемѣну, нужна не одна добрая воля нѣсколькихъ дѣятельныхъ патріотовъ; для этого должно все общество придти въ движеніе, *дабы вновь преобразовать провинціи собственными силами*. Если *старая* Лифляндія должна сдѣлаться *новою* Лифляндіей, то для этого *старые Лифляндцы* должны сдѣлаться *новыми* Лифляндцами, должны исчезнуть различныя названія: Лифляндцы, Курляндцы, Эстляндцы, и уступить мѣсто общему названію: *Прибалтійскіе Нѣмцы.*»

Но къ чему намъ заходить такъ далеко? Въ самой *Рижской Газетѣ* заявляются всѣ тѣ же стремленія и надежды относительно соединенія трехъ губерній и, наконецъ, относительно совершеннаго онѣмеченія этого края. Статья «сообщенная» въ № 207 *Рижской Газеты* такъ объясняетъ значеніе недавноустроенной общей для всѣхъ трехъ губерній центральной юстицъ-коммиссіи:

«Центральная юстицъ-коммиссія возвышаетъ вопросъ о судебной реформѣ на степень вопроса обнимающаго всѣ три провинціи, и идетъ на встрѣчу издавна существующему стремленію законодательства къ возможно-большему сближенію этихъ провинцій. Но сверхъ того центральная юстицъ-коммиссія соединяетъ *инициативу всѣхъ сословій*, которая до сихъ поръ могла въ отношеніи къ правительству являться только отдѣльно, одиночно, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ дать *общее, совокупное* выраженіе юридическимъ убѣжденіямъ, зиждущимся на общемъ,

совокупномъ развитіи права (и коренящимся въ особыхъ учрежденіяхъ этого края, какъ было сказано выше въ той же самой статьѣ). Она впервые дѣлаетъ истинно-возможнымъ участіе сословій въ дѣлѣ реформы, насколько это дѣло должно обнимать совокупность провинцій.»

«Высшее гражданское управленіе, сказано далѣе, возлагая центральную юстицъ-коммиссію, сдѣлало первую попытку *соединенія сословной инициативы*, попытку, значеніе которой, если она будетъ удачна, выходитъ за предѣлы судебной реформы, и можетъ остаться не безъ вліянія на будущее завѣдываніе дѣлами имѣющими общій интересъ для всѣхъ трехъ провинцій.»

Эта центральная юстицъ-коммиссія и сопровождающее ее официальное заявленіе представляютъ собою уже не одни простыя слова, надежды и стремленія, а и самое начало ихъ осуществленія. Здѣсь точно также выразилось стремленіе соединить всѣ сословія нѣмецкаго населенія и призвать всѣ три провинціи къ одному общему политическому дѣлу, къ одной общей политической жизни. Это уже не фантазіи, какъ выражается *Рижская Газета*, курляндско-бельгійскаго публициста, а сама дѣйствительность. Приведемъ, напослѣдокъ, въ самомъ точномъ переводѣ, подлинныя слова которыми *Рижская Газета* привѣтствовала открытіе центральной юстицъ-коммиссіи и которымъ теперь она старается придать совсѣмъ другой смыслъ и значеніе. Вотъ эти слова:

«Давно питаемое, съ разныхъ сторонъ высказанное желаніе, чтобы дѣло (судебной реформы), имѣющее для всѣхъ частей Остзейскихъ провинцій одинаковое значеніе, было ввѣрено одному органу, въ которомъ *различныя* сословія и корпораціи имѣли бы своихъ представителей, отчасти осуществилось: по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, тремъ провинціямъ снова предоставленъ давно желанный случай сообща помочь самимъ себѣ.

«Ужели же мы не сумѣемъ помочь самимъ себѣ тамъ, гдѣ правительство ожидаетъ этого самовспомоществованія, которое оно поручило чинамъ нашего края?

«Три года назадъ на этотъ вопросъ отвѣчали бы утвердительно, и усомнились бы только въ возможности предположенія изъ котораго онъ проистекаетъ. Краткій промежутокъ между тѣмъ временемъ и теперешнимъ измѣнилъ *обстоятельства* въ желаемомъ направленіи, но значительно ослабилъ нашу самоувѣренность, и едва ли найдется теперь хотя бы одинъ мыслящій человѣкъ который бы сталъ утверждать что достаточно дозволенія правительства для того чтобы сословными силами совершить необходимыя реформы въ Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи.»

Мы спрашиваемъ любаго изъ нашихъ читателей, въ возможности чего именно, по словамъ *Рижской Газеты*, три года тому назадъ сомнѣвались уроженцы прибалтійскихъ губерній? *Рижская Газета* увѣряетъ теперь, что сомнѣвались въ возможности судебной реформы въ предѣлахъ Русской Имперіи; мы же утверждаемъ, что въ половинѣ 1861 года въ этомъ не могло уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Сомнѣніе, какъ ясно выражено въ приведенныхъ выше словахъ *Рижской Газеты*, могло относиться только къ тому, будетъ ли предоставлена судебная реформа въ Остзейскомъ краѣ собранію, въ которомъ различные чины и корпораціи имѣли бы своихъ представителей и въ которомъ всѣ три провинціи участвовали бы какъ одно цѣлое. То что три года тому назадъ, по словамъ *Рижской Газеты*, казалось едва ли возможнымъ, то теперь сбылось, и правительство не установило для Остзейскаго края общихъ со всею Имперіей судовъ и судебныхъ порядковъ, а дозволило прибалтійской центральной юстицъ-коммиссіи заняться дѣломъ особой судебной реформы для трехъ прибалтійскихъ губерній. Вотъ чего въ половинѣ 1861 никакъ не ожидали въ этихъ губерніяхъ и вотъ чему онѣ особенно радуются въ настоящее время. Съ другой стороны, тогда болѣе надѣялись на свои силы, а теперь желаютъ чтобы само правительство своими способами постаралось устранить ихъ несогласія и устроило для нихъ сепаратную государственную организацію. Нигдѣ, въ нашихъ статьяхъ, мы не навязывали *Рижской Газетѣ* того чего она не говорила и сказать не

могла; нигдѣ не объясняли мы вышеприведенныхъ ея словъ въ томъ смыслѣ, будто бы три года тому назадъ никто въ остзейскихъ губерніяхъ не думалъ объ отпаденіи отъ Россіи, а только за послѣдніе три года возникли подобные планы. Мы никогда не говорили ничего подобнаго, и сослались на нее только въ доказательство, что центральная юстицъ-коммиссія была нововведеніемъ для прибалтійскихъ губерній, на которое они три года тому назадъ вовсе и не разчитывали: *Рижская Газета* могла бы освободить себя отъ труда искажать наши слова и давать превратное толкованіе своимъ собственнымъ. Отпаденія прибалтійскихъ губерній отъ Россіи, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, никто не опасается и не можетъ опасаться, и едва ли найдется тамъ хотя бы одинъ безумецъ въ которомъ бы подобные планы возникли въ совершенно ясной формѣ. Но *Рижская Газета*, конечно, не рѣшится отрицать, хотя бы изъ опасенія что мы обличимъ ее собственными же ея словами, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и особенно въ средѣ городскаго ихъ нѣмецкаго населенія, въ послѣднее время чрезвычайно усилилось стремленіе, съ одной стороны, къ германизаціи этого края, а съ другой—къ политическимъ нововведеніямъ, которыя въ результатѣ своемъ могутъ только усилить этотъ нѣмецкій элементъ на окраинѣ Россіи въ значеніи особой государственно-устроенной національности. Уже и въ настоящее время, когда три прибалтійскія губерніи еще раздѣлены, когда между крестьянами и рыцарствомъ, между крестьянами и горожанами, между горожанами и рыцарствомъ проходитъ почти цѣлая бездна, раздѣляющая ихъ другъ отъ друга, уже и въ настоящее время, 180 тысячъ Нѣмцевъ и онѣмеченныхъ Латышей и Эстонцевъ считаютъ себя какъ бы особою политическою націей, и ссылаясь на свои документально изложенныя права и привилегіи, противополагаютъ себя остальной Россіи. Такъ, въ *Рижской* же *Газетѣ* мы безпрестанно читаемъ о «политической задачѣ сеймовъ» (№ 181), о томъ, что «лифляндское дворянство вступило на путь движенія къ дальнѣйшему политическому развитію» (№ 263), о томъ, что «случаи, въ которыхъ, по недоразумѣнію, пытались примѣнять

общіе законы Имперіи къ Остзейскимъ провинціямъ, лишь обнаруживали съ большею очевидностью всю особенность ихъ быта» (№ 262), и наконецъ, встрѣчаемъ въ № 269-мъ такое истолкованіе 2-й статьи первой части свода Мѣстныхъ Узаконеній Остзейскихъ Губерній, которое никакъ не можетъ быть допущено, и которое только свидѣтельствуетъ о желаніи отдѣлаться отъ примѣненія общихъ законовъ Имперіи къ этимъ ея губерніямъ, а именно будто бы въ силу этой статьи законъ, общій для всей Имперіи, только въ томъ случаѣ отмѣняетъ или измѣняетъ какія-либо мѣстныя узаконенія этихъ губерній, когда въ немъ прямо обозначено, что эта отмѣна или перемѣна распространяется прямо и на остзейскія губерніи, тогда какъ упомянутая статья, совершенно наоборотъ, гласитъ: «Сіи (то-есть, мѣстныя) узаконенія простираются на тѣ только губерніи и области, коимъ они особенно предоставлены, и объясняютъ тѣ только случаи, на кои именно постановлены, какъ изъятіе изъ общихъ правилъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствіе общихъ законовъ Имперіи сохраняетъ и въ сихъ губерніяхъ и областяхъ полную свою силу». Что же было бы, еслибы прибалтійскимъ новаторамъ дѣйствительно удалось достигнуть предположенныхъ «божественныхъ цѣлей»?

Мы охотно согласимся съ *Рижскою Газетой* и съ политическими нововводителями въ остзейскихъ губерніяхъ, что бытъ этого края и взаимныя отношенія различныхъ классовъ его населенія требуютъ коренныхъ преобразованій. Но мы никакъ не можемъ согласиться со слѣдующими ихъ положеніями, которыя выписываемъ прямо изъ *Рижской Газеты* и которыя вызваны замѣчаніями *Русскаго Инвалида*, возбудившими ихъ желчь: «Если устройство городовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ плохо, говоритъ *Рижская Газета*, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что въ нихъ должно быть введено общее городовое устройство Имперіи» (№ 262); «устройство этихъ городовъ развилось на нѣмецкой основѣ; почему же *Русскій Инвалидъ* не хочетъ согласиться, чтобъ и дальнѣйшее его развитіе совершалось на той же основѣ?» (№ 269), и въ заключеніе: «Пусть предоставятъ собственной инпціативѣ провинцій,—какъ

это и случалось не разъ въ послѣднее время и сопровождалось самымъ счастливымъ успѣхомъ,—находить путь и направленіе для необходимыхъ реформъ, и пусть съ другой стороны дадутъ новымъ формамъ ихъ устройства ту же массу правъ, тѣ же размѣры автономіи и самоуправленія, какіе были обезпечены намъ нашими старинными средневѣковыми учрежденіями.» Другими словами, *Рижская Газета* уже въ настоящее время желала бы присвоить различнымъ чинамъ прибалтійскихъ губерній, или какому-нибудь общему ихъ органу, въ родѣ вновь придуманной юстицъ-коммиссіи, право законодательства во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ, и притомъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ они воспользовались этимъ правомъ не для тѣснѣйшаго соединенія съ Россіей, а напротивъ, для возможно-бо́льшаго обособленія и для дальнѣйшихъ успѣховъ германизаціи края.

Эти и подобные имъ многіе другіе факты имѣли мы въ виду, когда въ № 254-мъ высказали наши соображенія относительно того вреда какой могъ бы произойти отъ образованія особаго нѣмецкаго государства на окраинѣ Россіи и въ личномъ соединеніи съ нею.

Замѣчательно, что наши слова подали поводъ *Рижской Газетѣ* къ заключенію которое рѣшительно ни съ чѣмъ не сообразно и которое вновь обличаетъ совершенно ненормальное настроеніе этой остзейской газеты. Мы сказали что уроженцы прибалтійскихъ губерній всегда служили вѣрой и правдой Русскому государству, потому что эти губерніи считались провинціями цѣлаго и нераздѣльнаго Русскаго государства, несмотря на нѣкоторыя предоставленныя имъ привилегіи и особенности, а *Рижская Газета* спѣшитъ вывести странное заключеніе, что эти-то особенности и привилегіи мы и считаемъ необходимымъ условіемъ вѣрности уроженцевъ прибалтійскихъ губерній. Глубоко ошибается въ этомъ отношеніи *Рижская Газета*: мы имѣемъ, очевидно, гораздо высшее чѣмъ она понятіе о вѣрности и преданности Русскому Царю и Россіи нынѣшнихъ уроженцевъ прибалтійскихъ губерній; мы думаемъ, что эта вѣрность и преданность ихъ Россіи безусловны, и что они сами

были бы готовы отречься отъ такихъ изъ особенностей своего устройства которыя когда-нибудь оказались бы несовмѣстимыми съ пользою Россіи, которой они дѣти.

VI.

10-го декабря.

Сколько преобразованій,—и какихъ,—и въ какое короткое время! Сколько новыхъ началъ внесенныхъ въ нашу жизнь, которыхъ дѣйствіе еще не можетъ быть оцѣнено теперь во всей силѣ, и плоды которыхъ окажутся только въ послѣдствіи! Сколько сторонъ нашего быта приведено и приводится въ ясность, благодаря новой возникающей у насъ силѣ,—силѣ публичности, которая мало-по-малу распространяется повсюду и связываетъ людей въ одномъ великомъ общемъ дѣлѣ! Не имѣемъ ли мы права сказать, что Россія совершенно обновляется, что она вступаетъ въ новый періодъ своего историческаго существованія, который раскроетъ и приведетъ въ дѣйствіе доселѣ еще невѣдомыя силы нашей народной жизни, который оправдаетъ наше прошедшее, какъ близкое, такъ и дальнее, вызоветъ всѣ уснувшія стихіи его, и дастъ почувствовать внутреннее единство всѣхъ частей нашего народа и живую связь съ нимъ тѣхъ иноплеменныхъ элементовъ которымъ судьба судила примкнуть къ нему чтобы войти въ его жизнь и способствовать полнотѣ и равновѣсію ея развитія. И вотъ теперь, когда въ нашей газетѣ еще только начато печатаніе обширнаго текста новаго закона который даетъ Россіи правый судъ, — теперь когда рѣшается вопросъ о проложеніи великаго національнаго пути сообщенія, которымъ обозначится вся Россія не только въ главныхъ пунктахъ своего пространства, но и въ главныхъ моментахъ своей исторіи, — пути, который столько же будетъ желѣзнымъ путемъ государственной необходимости, сколько и золотою цѣпью торговли,—пути, который свяжетъ непрерывною линіей главные центры нашей цивилизаціи, главные разсадники нашего университетскаго образованія,—теперь печатаемъ

мы въ столбцахъ нашей газеты новый важный законъ,—уставъ новаго устройства гимназій. Въ ряду блистательныхъ реформъ которыми ознаменовалось нынѣшнее царствованіе, преобразованіе среднихъ учебныхъ заведеній, долженствующихъ служить приготовленіемъ къ университету, какъ бы теряется; въ сравненіи со всѣмъ что сдѣлано и что дѣлается, оно можетъ показаться незначительнымъ; обозрѣвающая мысль можетъ скользнуть по этому новому пріобрѣтенію Россіи, не придавая ему особенной важности. Но мы смѣло можемъ сказать, что эта скромная по своимъ размѣрамъ реформа, не громкая и малозамѣтная, окажется въ своихъ послѣдствіяхъ однимъ изъ плодотворнѣйшихъ дѣлъ нынѣшняго царствованія и будетъ его славой, если только начала положенныя въ основаніе этой реформы получатъ надлежащее развитіе и силу. Реформа эта тѣмъ болѣе будетъ оцѣнена въ послѣдствіи, что педагогическій вопросъ, менѣе чѣмъ какой-либо другой, былъ приготовленъ у насъ къ правильному рѣшенію, и что надъ нимъ носились тучи недоразумѣній, которыя ежеминутно могли дать его рѣшенію направленіе фальшивое, такъ что наше народное просвѣщеніе могло не приблизиться къ своимъ истиннымъ цѣлямъ, а отойти отъ нихъ еще далѣе и на долго, въ то самое время когда Русскій народъ болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждается въ правильномъ и плодотворномъ развитіи своихъ умственныхъ силъ. Новый уставъ о гимназіяхъ впервые и съ полною рѣшимостію призналъ начала классической системы, долженствующей стать отнынѣ основаніемъ нашего университетскаго образованія. Разныя соображенія воспрепятствовали единовременному примѣненію полной классической системы во всѣхъ нашихъ гимназіяхъ; но довольно и того, что она принята теперь, и принята впервые во всей своей силѣ нашимъ законодательствомъ. Великій шагъ совершенъ. Отнынѣ, начала истинно европейскаго образованія становятся нашимъ народнымъ достояніемъ; отнынѣ, эти начала не будутъ уже подвергаться вопросу, не будутъ уже подлежать спору. Дальнѣйшія задачи могутъ касаться только ихъ развитія и примѣненія.

Итакъ, повторимъ, начала классической системы признаны новымъ уставомъ во всей силѣ и съ полною рѣшимостію. Хотя въ числѣ нашихъ гимназій новый уставъ обозначаетъ особую группу такъ-называемыхъ реальныхъ гимназій, гдѣ древніе языки преподаваемы не будутъ; но эти училища, составляющія особую группу, новымъ уставомъ лишены университетскихъ правъ. Въ университеты могутъ поступать лишь воспитанники классическихъ гимназій. Подъ классическими гимназіями уставъ разумѣетъ гимназіи основанныя на обоихъ древнихъ языкахъ, и даетъ преподаванію ихъ то значеніе концентрирующей и воспитывающей молодые умы силы, какое имѣютъ они въ школѣ истинно европейской. Въ гимназіяхъ съ однимъ латинскимъ языкомъ уставъ видитъ организацію неполную; онъ удерживаетъ ихъ какъ положеніе переходное и временное, и министру Народнаго Просвѣщенія предоставляется съ теченіемъ времени превращать эти латинскія школы, смотря по требованію мѣстныхъ условій, либо въ полныя классическія гимназіи, либо въ реальныя гимназіи, которыя лишены университетскихъ правъ, и типъ которыхъ въ сущности мало разнится отъ нынѣ существующихъ гимназій. Такъ какъ поступленіе въ университетъ есть главная цѣль гимназическаго ученія, и такъ какъ во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ гдѣ существуетъ только по одной гимназіи, безъ сомнѣнія, потребуется гимназія классическая, для того чтобъ ея воспитанники могли имѣть доступъ въ университетъ, то надобно полагать, что большинство существующихъ нынѣ гимназій пріобрѣтетъ характеръ классическій, то-есть университетскій.

Въ гимназіяхъ съ полною классическою программой преподаваніе греческаго языка, начинаясь съ третьяго класса, восходитъ въ послѣднихъ трехъ классахъ до шести часовъ въ недѣлю, такъ что на трехъ послѣднихъ классахъ обоимъ языкамъ въ сложности будетъ посвящаться до одиннадцати часовъ въ недѣлю. Взыскательный европейскій педагогъ найдетъ не совсѣмъ достаточнымъ для цѣли надлежащаго умственнаго воспитанія число часовъ посвящаемыхъ уставомъ преподаванію древнихъ языковъ на нѣкоторыхъ классахъ: мы отнюдь не будемъ

съ нимъ спорить, однако думаемъ, что можно довольствоваться и тѣми размѣрами которые даны классическому преподаванію въ нашихъ новыхъ гимназіяхъ, предоставляя времени и практикѣ уяснить и пополнить недостающее, равно какъ и устранить излишнее. Время и раціональная педагогическая практика, при дальнѣйшемъ разъясненіи и развитіи педагогическихъ началъ, обнаружитъ, что каждый излишній часъ полагаемый на нѣкоторые предметы не только безполезенъ, но и положительно вреденъ, превращая преподаваніе въ болтовню и фразерство, что̀ очень часто случается съ такъ-называемою русскою словесностью, или въ чтеніе широковѣщательныхъ и безсмысленныхъ въ гимназіи лекцій, что̀ приключается и съ уроками исторіи при излишествѣ времени, отведеннаго на ея преподаваніе. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностію сказать, что при дѣятельномъ, усердномъ и добросовѣстномъ примѣненіи началъ положенныхъ въ основу новыхъ гимназій надобно ожидать отъ нихъ благихъ послѣдствій и плодотворныхъ результатовъ.

Главнымъ затрудненіемъ законодателя въ примѣненіи классической системы къ нашимъ гимназіямъ,—затрудненіемъ побудившимъ его удержать болѣе или менѣе значительное число ихъ на положеніи переходномъ, былъ недостатокъ учителей классическихъ языковъ, особенно греческаго, который несчастною мѣрой 1849 года былъ почти совершенно искорененъ изъ системы нашего народнаго просвѣщенія. Затрудненіе дѣйствительно важное, но едвали непобѣдимое. Слѣдуетъ взять въ разчетъ, что уставъ вводитъ преподаваніе греческаго языка съ третьяго класса; слѣдовательно, и при одновременномъ введеніи полной классической системы во всѣ университетскія гимназіи правительство имѣло бы два года въ запасѣ для пріисканія и приготовленія учителей греческаго языка. На первый разъ потребовалось бы лишь по одному учителю на каждую гимназію, и въ два года, нѣтъ сомнѣнія, можно было бы, при энергіи и усердіи, пріобрѣсти изъ разныхъ источниковъ требуемое количество хорошихъ учителей, которые положили бы прочное основаніе классическимъ языкамъ въ нашихъ гимназіяхъ. Вопервыхъ, мы можемъ обратиться къ Дерптскому универ-

ситету. Не даромъ же этотъ нѣмецкій университетъ на Русской землѣ пользовался привилегіей, благодаря которой онъ удержалъ за собою европейскія основы науки, въ то время какъ дѣло русскаго народнаго просвѣщенія подвергалось всевозможнымъ невзгодамъ. Вотъ долгъ который лежитъ на нашихъ прибалтійскихъ согражданахъ, и вотъ оправданіе тѣхъ преимуществъ которыми они пользовались: то что они уберегли и что развилось у нихъ подъ охраной этихъ привилегій должны они сполна внести въ капиталъ той націи которой часть они составляютъ. При выгодахъ старой европейской цивилизаціи и науки, которыми пользуются уроженцы этихъ провинцій, они могутъ приносить теперь истинную пользу русскому дѣлу, искренно признавая его своимъ роднымъ. Дерптскій университетъ можетъ дать намъ нѣсколько хорошихъ преподавателей по части древнихъ языковъ. Еслибы стипендіи были назначены заблаговременно, то по истеченіи двухъ лѣтъ порядочное число воспитанниковъ этого университета могло бы изготовиться настоящимъ образомъ къ преподаванію своего предмета и съ тѣмъ вмѣстѣ усовершенствоваться въ русскомъ языкѣ, который и безъ того долженъ бы быть хорошо знакомъ имъ. Мы можемъ обратиться также въ нѣкоторыя изъ славянскихъ странъ, гдѣ процвѣтаетъ германская наука, напримѣръ къ Чехамъ или къ Лужичанамъ, откуда часто выходятъ ученые служащіе украшеніемъ германскихъ университетовъ. По своему образованію, филологи изъ Славянъ ничѣмъ не разнятся отъ нѣмецкихъ, но для насъ они имѣютъ то преимущество, что могутъ въ самомъ скоромъ времени усвоить себѣ русскій языкъ. Двухъ лѣтъ слишкомъ для этого достаточно. Приведемъ въ примѣръ профессора Ламбля, изъ Чеховъ, который преподаетъ теперь въ Харьковскомъ университетѣ микроскопическую анатомію: въ самое короткое время онъ настолько овладѣлъ русскимъ языкомъ, что могъ преподавать на немъ съ университетской каѳедры. Наконецъ, наши внутренніе, чисто-русскіе университеты, если заблаговременно будутъ устроены при нихъ семинаріи со стипендіями и преміями, могутъ выставить, въ свою очередь, въ теченіе тѣхъ же двухъ лѣтъ, вполнѣ удовле-

творительныхъ преподавателей. Но для этого, повторимъ, нужно устройство семинаріи (со стипендіями и преміями); что же касается до такъ-называемыхъ педагогическихъ курсовъ, то они равно никакой пользы не приносятъ и приносить не могутъ.

VII.

12-го декабря.

Въ четырехъ нумерахъ *Русскаго Инвалида*, начиная съ 260-го, напечатанъ отчетъ о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, основанный на офиціальныхъ данныхъ. Онъ появился какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ послѣднее время даже наименѣе пристрастные къ Полякамъ органы иностранной печати, какъ напримѣръ *Крестовая Газета*, начали громко вопіять противъ способовъ которыми приводится въ исполненіе крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ.

Надобно сказать правду, что дѣло это, по необыкновенной многосложности и запутанности поземельныхъ отношеній въ Царствѣ Польскомъ, и при ненормальныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ теперь находятся всѣ классы тамошняго народонаселенія, представляло и представляетъ величайшія затрудненія. Съ самаго начала уже понадобилось значительно усилить личный составъ тѣхъ 14-ти коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ, между которыми распредѣлено въ этомъ отношеніи все Царство Польское. Въ настоящее время число ихъ членовъ простирается до 133 человѣкъ. Поспѣшимъ прежде всего отдать полную справедливость усердію и самоотверженію этихъ призванныхъ исключительно изъ Россіи дѣятелей. Имъ приходится дѣйствовать среди величайшей ненависти, съ одной стороны, и чрезмѣрныхъ надеждъ, съ другой, и пользоваться содѣйствіемъ только военныхъ начальниковъ края, тогда какъ туземныя гражданскія власти долгое время дѣйствовали такъ, какъ будто бы высочайшихъ указовъ 19-го февраля 1864 вовсе не было. Помѣщики, большею частью, противопоставляютъ имъ тупое, пассивное сопротивленіе, и не справляясь съ указами, завали-

ваютъ ихъ просьбами о взысканіи всякаго рода недоимокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стараются замедлить и затруднить ихъ дѣйствія всякаго рода жалобами на участковыхъ коммиссаровъ и на сами коммиссіи. Даже тѣ изъ нихъ которые принимаютъ личину миролюбія, заботятся при этомъ болѣе всего о томъ чтобы подорвать къ нимъ довѣріе въ крестьянахъ, и съ этою цѣлью во время разбора жалобъ въ присутствіи крестьянъ нерѣдко заговариваютъ съ ними на французскомъ языкѣ, или расточаютъ имъ любезности, приглашая ихъ къ себѣ, приготовляя для нихъ, въ мѣстахъ самаго разбирательства жалобъ и на глазахъ у крестьянъ, угощеніе, завтраки, и т. д., или стараются по меньшей мѣрѣ проскользнуть въ комнату, гдѣ члены коммиссій собираются для совѣщаній, чтобы заранѣе вселить въ крестьянъ предубѣжденіе противъ изготовляющихся рѣшеній. Но члены коммиссій не поддаются ни на какія приманки, и предпочитаютъ неудобства и лишенія кочевой жизни такому своекорыстному гостепріимству сословія которое доказало свою враждебность къ Россіи. Съ другой стороны, по свидѣтельству самого «Отчета», многіе изъ крестьянъ ожидали гораздо бо́льшаго чѣмъ то что̀ имъ предоставлено новымъ закономъ, и предполагали даже, что въ наказаніе за мятежъ всѣ земли будутъ отобраны отъ бунтовавшей шляхты и розданы имъ. Нерѣдко крестьянскія громады, во время предварительнаго объѣзда страны коммиссіями, провожали ихъ отъ одной деревни до другой, и не давали имъ покою ни днемъ, ни ночью, умоляя поскорѣе выдать имъ *декизію* (рѣшеніе) на ихъ просьбы. Многіе изъ крестьянъ проспрали, а нѣкоторые изъ нихъ и теперь простираютъ претензіи на земли и угодія давно и безвозвратно перешедшія отъ нихъ въ руки помѣщиковъ, и при этомъ не различаютъ того что̀ было до указа 1846 и того что̀ совершилось въ послѣдствіи, въ нарушеніе этого указа. На первыхъ порахъ притязанія предъявлялись даже на помѣщичьи строенія и земли, никогда не бывшія въ пользованіи крестьянъ. Достаточно сказать, что число крестьянскихъ жалобъ поступившихъ къ военнымъ властямъ въ короткій срокъ по обнародованіи указовъ и до пріѣзда коммиссій на мѣста ихъ дѣятельности

простиралось свыше 50.000, да съ того времени по 3-е октября поступило болѣе 20.000 прошеній, такъ что общее число ихъ доходитъ до 74.557, изъ коихъ 22.405 получили рѣшеніе. При этомъ разбирательство споровъ между крестьянами и помѣщиками рѣдко когда обходится безъ самыхъ непріятныхъ сценъ. Такъ, между прочимъ, въ присутствіи Келецкой коммиссіи, когда помѣщикъ на всѣ жалобы крестьянъ кротко отвѣчалъ, что онъ всегда былъ ихъ отцомъ и благодѣтелемъ, послѣдніе пришли въ величайшее негодованіе, и тутъ же принялись обличать его, что онъ отрѣзывалъ языки ихъ братьямъ и закапывалъ ихъ живыми въ землю. Коммиссіи не оставалось болѣе ничего, какъ передать *человѣколюбиваго* пана въ руки правосудія. Нерѣдко случалось, что члены коммиссій почти успѣвали склонить того или другаго помѣщика къ добровольному соглашенію съ крестьянами; но какое-нибудь неосторожное слово крестьянъ тотчасъ же выводило помѣщика изъ себя и заставляло его дѣйствовать вопреки собственнымъ его интересамъ: помѣщики никакъ не могутъ примириться съ мыслію о какихъ бы то ни бы добровольныхъ уступкахъ въ пользу людей которыхъ они привыкли считать и называть не иначе какъ *быдломъ* (скотомъ).

Еще менѣе примиряются они съ новымъ крестьянскимъ и гминнымъ самоуправленіемъ. До сихъ поръ помѣщики имѣли патримоніальную власть надъ крестьянами, и могли сами наказывать ихъ розгами, хотя и не свыше 16-ти ударовъ: но теперь имъ пришлось разстаться съ этою властью и подчиниться *хлопскому жонду*, какъ они называютъ новое гминное управленіе. Мелкая же шляхта, изъ которой прежде брались большею частію гминные войты, съ новымъ устройствомъ лишилась значительной части своихъ матеріальныхъ выгодъ. Когда дѣло шло объ избраніи новыхъ войтовъ, съ этой стороны были употреблены всѣ усилія, чтобы народъ выбиралъ прежнихъ войтовъ. Усилія эти не увѣнчались, однакоже, успѣхомъ, и по свѣдѣніямъ доставленнымъ изъ 34-хъ уѣздовъ, изъ крестьянъ было выбрано 2.027 войтовъ, изъ шляхты 120, а изъ другихъ классовъ 155. «Отчетъ» говоритъ съ большою похвалой о гминныхъ войтахъ выбранныхъ изъ числа крестьянъ. Какъ велики

въ этомъ отношеніи переворотъ совершенный указами 19-го февраля, видно изъ того что «Отчетъ» счелъ не лишнимъ упомянуть что крестьяне облеченные званіемъ войтовъ тотчасъ же бросали общую всѣмъ польскимъ крестьянамъ привычку помимутно кланяться въ ноги панамъ, и что они, выслушивая показанія бывшаго своего помѣщика, дѣлаютъ возраженія большею частью съ тактомъ и вѣжливостью. По свидѣтельству военно-уѣздныхъ начальниковъ, гминные войты изъ крестьянъ, при разбирательствѣ взаимныхъ жалобъ, нерѣдко налагаютъ большіе штрафы на крестьянъ чѣмъ на помѣщиковъ, и вообще нынѣшнее гминное управленіе отличается быстрою и точною исполнительностію, неизвѣстною прежде. Съ этими показаніями не совсѣмъ согласно то что мы читаемъ въ *Крестовой Газетѣ*. По словамъ ея, въ польскихъ селеніяхъ въ настоящее время господствуетъ почти совершенная анархія: крестьянскій скотъ пасется безразлично на хлѣбныхъ поляхъ и лугахъ помѣщиковъ; помѣщичьи лѣса расхищаются, свиньи бѣгаютъ свободно повсюду и взрываютъ землю. Власть новыхъ гминныхъ войтовъ совершенно безсильна чтобы держать крестьянъ въ порядкѣ. За такого рода попытки, крестьяне, которые обыкновенно каждый вечеръ держатъ свои сходки въ шинкѣ, приговариваютъ своего войта къ наказанію, и тутъ же съ нимъ расправляются. Показанія *Крестовой Газеты*, безъ сомнѣнія, преувеличены, хотя и нѣтъ ничего мудренаго, что на первыхъ порахъ, въ нынѣшнее переходное время, крестьяне и дозволяютъ себѣ безпорядки, и неохотно нанимаясь въ работники къ прежнимъ своимъ панамъ, проводятъ свое время въ праздности и пьянствѣ. Нечего и говорить, какъ желательно во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы власть новыхъ гминныхъ войтовъ оказалась вполнѣ дѣйствительною какъ въ отношеніи къ крестьянамъ, такъ и въ отношеніи къ прочимъ классамъ населенія.

Дѣятельность коммиссій по жалобамъ крестьянъ на неправильное отобраніе у нихъ помѣщиками участковъ возбуждаетъ еще наименьшее неудовольствіе со стороны послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, крестьянскія учрежденія Царства Польскаго дѣйствуютъ съ большою осторожностью,

и участковые коммиссары только въ такомъ случаѣ постановляютъ сами рѣшеніе, когда справедливость жалобъ подтверждается престаціонными табелями или контрактами. Въ другихъ же случаяхъ дѣло восходитъ или на разсмотрѣніе цѣлой коммиссіи, или даже и самого учредительнаго комитета. Подъ покровомъ особыхъ правительственныхъ учрежденій, которыми до сихъ поръ пользовалось Царство Польское, указъ 1846 года о неприкосновенности крестьянскихъ участковъ и о неувеличеніи крестьянскихъ повинностей былъ нарушаемъ сплошь и рядомъ. Теперь нерѣдко оказывается, что цѣлыя деревни, записанныя въ престаціонныя табели 1845 года, уже вовсе не существуютъ: крестьяне были прогнаны изъ своихъ усадьбъ, строенія ихъ сняты, а мѣсто гдѣ была прежде деревня запахано и даже продано въ третьи и въ четвертыя руки. Вообще же, по 10-е октября открыто коммиссіями 3.755 цѣльныхъ крестьянскихъ участковъ, величиною отъ 3-хъ до 30-ти морговъ, и сверхъ того разныхъ крестьянскихъ земель непразильно присоединенныхъ къ помѣщичьимъ 30.638 морговъ, изъ которыхъ 2.351 участокъ и 18.646 морговъ розданы 7.395 крестьянамъ, преимущественно безземельнымъ.

Главнѣйшія жалобы иностранной журналистики, или—что то же—польскихъ помѣщиковъ, направлены противъ раздачи земель такъ-называемымъ огородникамъ, халупникамъ, копяржамъ, и другимъ малоземельнымъ или вовсе безземельнымъ крестьянамъ. Они жалуются въ этомъ случаѣ не столько на утрату своего имущества, за которое имъ, впрочемъ, назначается вознагражденіе, сколько на потерю работниковъ, обязавшихся работать на нихъ по самой умѣренной цѣнѣ, а также на утрату строеній, въ которыхъ они могли бы пріютить новыхъ рабочихъ, и на увеличеніе черезполосицы отъ предоставленія крестьянамъ ничтожныхъ участковъ земли, которые большею частью разбросаны во многихъ мѣстахъ, хотя въ устраненіе этой черезполосицы помѣщикамъ и предоставляется право требовать немедленнаго разверстанія этихъ участковъ къ одному мѣсту. Помѣщики утверждаютъ, что вредъ наносимый такимъ образомъ ихъ хозяйству несравненно значительнѣе чѣмъ польза достав-

ляемая крестьянамъ чрезъ надѣленіе ихъ такими ничтожными клочками земли, или чрезъ предоставленіе имъ *дворокъ* и *осьморокъ* (то есть, зданій въ которыхъ поселены четыре, восемь и болѣе крестьянскихъ семействъ). Съ экономической точки зрѣнія въ этомъ случаѣ помѣщики могутъ быть и правы; но это служитъ только доказательствомъ, что па указы 19-го февраля и на ихъ выполненіе отнюдь не слѣдуетъ смотрѣть съ исключительно экономической точки зрѣнія. Цѣлью этихъ указовъ было не развитіе сельско-хозяйственной промышленности въ Царствѣ Польскомъ, а возстановленіе крестьянскаго права, нарушеннаго панами, и вообще водвореніе въ Царствѣ спокойствія и гражданскаго порядка. Надѣленіе возможно бо́льшаго числа крестьянъ хотя бы незначительною собственностью стало необходимостью въ виду обѣщаній бывшаго «народоваго жонда» и продолжающихся еще и теперь усилій польскихъ революціонеровъ обратить безземельныхъ крестьянъ въ орудіе для борьбы противъ Русскаго правительства. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, всего признано поземельными собственниками изъ числа халупниковъ, коморниковъ, коняржей и другихъ 20.316 хозяевъ.

Столь же сильныя жалобы раздаются и противъ возвращенія крестьянамъ обмѣненныхъ ими, какъ будто бы добровольно, земель, а также и противъ возстановленія ихъ правъ на сервитуты, то-есть на пользованіе господскими пастбищами и валежникомъ въ лѣсахъ. Въ этихъ и во многихъ другихъ случаяхъ польскіе помѣщики и ратующіе за нихъ иностранные журналы кричатъ, что Русское правительство нарушаетъ законно состоявшіеся контракты. Но контракты контрактамъ рознь, и значительное число тѣхъ добровольныхъ договоровъ на которые ссылаются помѣщики и по которымъ крестьяне будто бы отказались отъ права на сервитуты или согласились на обмѣнъ своихъ земель состоялись не только безъ согласія, но даже и безъ вѣдома крестьянъ. Это произошло вслѣдствіе того, что особые гражданскіе законы, которыми пользуется Царство Польское, не требуютъ чтобы безграмотные, при заключеніи договоровъ, сами ихъ подписывали или поручали подписывать довѣреннымъ отъ нихъ лицамъ, а требуютъ только, чтобы договоръ

былъ скрѣпленъ двумя полноправными свидѣтелями и утвержденъ нотаріусомъ, или даже и гминнымъ войтомъ. Вслѣдствіе того договоры объ обмѣнѣ земель и объ отреченіи отъ права на сервитуты заключались нерѣдко однимъ помѣщикомъ безъ вѣдома крестьянъ. По 10-е октября коммиссіи возвратили крестьянамъ неправильно обмѣненныя у нихъ земли въ 226 имѣніяхъ, и возстановили сервитуты пастбищные въ 1908 имѣніяхъ и сверхъ того на 12.400 дворовъ, а лѣсные въ 1660 имѣніяхъ и сверхъ того 11.384 двора.

Нѣтъ сомнѣнія, что право на угодья въ господскихъ лѣсахъ и пастбищахъ несовмѣстно съ раціональнымъ хозяйствомъ. Но по объясненію «Отчета», безъ этихъ правъ крестьянское хозяйство положительно невозможно въ Царствѣ Польскомъ, и рѣдко можно встрѣтить тамъ имѣніе въ которомъ крестьяне, пока они состояли на барщинѣ, не пользовались бы сервитутами, хотя бы права на нихъ и не были записаны въ престаціонныя табели. Что же касается до обмѣна земель, въ видахъ устраненія черезполосицы, то законъ 19-го февраля указываетъ въ будущемъ на окончательныя правила о принудительномъ разверстаніи.

Сверхъ того, крестьяне почти повсемѣстно жаловались на тяжесть десятины платимой въ пользу духовенства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ латинское духовенство заставляло крестьянъ вносить ему десятину рожью, которой тамъ не сѣютъ, и которую приходилось покупать за двойную цѣну. Нѣкоторые крестьяне, сверхъ десятины въ пользу своего приходскаго ксендза, обязаны были платить десятину духовенству другихъ, нерѣдко очень отдаленныхъ, приходовъ. Высочайшимъ повелѣніемъ платежъ десятины предоставленъ теперь доброй волѣ крестьянъ, взиманіе ея экзекуціоннымъ порядкомъ запрещено.

Для крестьянъ Царства Польскаго началась новая пора существованія. Всѣ они освобождены теперь отъ произвольной и крайне тяжкой власти помѣщиковъ, и бо́льшая половина ихъ до нѣкоторой степени обезпечена въ матеріальномъ своемъ бытѣ. Въ настоящее время они чувствуютъ, какъ велики благодѣянія оказанныя имъ Россіей. По словамъ «Отчета», крестьяне благо-

дарятъ Царя не только за благодѣтельные его указы, но и за то, что они приводятся въ исполненіе русскими, а не польскими чиновниками. «Наконецъ, восклицаютъ они, и до насъ, хлоповъ, дошла Царская правда». Россія должна быть благодарна дѣятелямъ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ за то что они успѣли внушить такое полное довѣріе крестьянамъ къ правдивости и безпристрастію русскихъ людей, и тѣмъ несомнѣнно облегчили окончательное соединеніе Царства Польскаго съ Россіей. Вотъ та цѣль къ которой должна естественно вести крестьянская реформа и безъ которой она едва ли окажется полезною въ политическомъ отношеніи. На вѣчную благодарность польскихъ крестьянъ разчитывать невозможно: считать ихъ могущественною консервативною силой было бы совершенно ошибочно, потому что польскіе крестьяне не были постоянно связаны съ своею землей, а были большею частію наемниками, то-есть бродячимъ населеніемъ, которое никогда не отличается консервативнымъ духомъ. Польскимъ революціонерамъ, правда, не удавалось до сихъ поръ увлекать за собою крестьянъ, но только потому, что революціонеры принадлежали къ шляхтѣ, а шляхта и крестьяне составляли какъ бы двѣ особыя породы людей. Теперь шляхтѣ нанесенъ смертельный ударъ, и она не замедлитъ переродиться. Крестьяне, въ свою очередь, не останутся прежними крестьянами: въ нихъ неминуемо разовьется гражданское чувство, и призванные къ новой для нихъ гражданской жизни, они почувствуютъ себя или Русскими, или Поляками, то-есть, или преданными Россіи и настоящими подданными Русскаго Царя, или же напавистниками русскаго имени и гражданами мечтательной Польши. Нѣтъ нужды, что въ Польшѣ, когда она дѣйствительно существовала, не было имъ мѣста и не признавались за ними никакія права: не трудно убѣдить ихъ, что какъ они сами стали другими людьми, такъ и новая Польша будетъ совсѣмъ другая. Предполагать, что польскіе крестьяне послужатъ матеріаломъ для созданія какой-то новой національности, ни польской, ни русской, это значило бы быть не болѣе какъ мечтателемъ. Весь вопросъ заключается теперь только въ томъ, что одолѣетъ: враждебное ли Россіи вліяніе

наповъ, шляхты и латинскаго духовенства, или же вліяніе русскаго государственнаго начала, проводниками котораго могутъ быть только русскіе люди, общія съ Россіей государственныя учрежденія. Настоящее время особенно важно, но по счастію, дѣятели крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, повидимому, понимаютъ всю его важность, и умѣютъ имъ пользоваться ко благу и Россіи, и ея польскаго края.

VIII.

19-го декабря.

Извѣстіе, будто бы дворянство Харьковской губерніи ходатайствовало о дозволеніи Евреямъ селиться въ предѣлахъ этой губерніи, оказалось ложнымъ. Харьковскій корреспондентъ *Одесскаго Вѣстника*, скрѣпившій это показаніе подписью своего имени, былъ, по всей вѣроятности, самъ введенъ въ заблужденіе. Тѣмъ не менѣе, однакоже, соображенія высказанныя нами по поводу этого извѣстія въ № 245 *Московскихъ Вѣдомостей* нисколько не теряютъ своей силы. Дѣло не въ томъ, высказалось ли дворянство или земство той или другой губерніи въ пользу предоставленія Евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи: вопросъ этотъ, имѣя значеніе общегосударственное, можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи общихъ государственныхъ, а не какихъ-либо мѣстныхъ соображеній. Вопросъ этотъ имѣетъ большую важность особенно для западнаго края Россіи, а потому мы охотно возвращаемся къ его обсужденію.

Въ девяти губерніяхъ западно-русскаго края, въ составѣ 10.660.000 жителей считается 1.180.000 Евреевъ, или слишкомъ 11 процентовъ всего населенія. Значительность этого племени для тамошняго края увеличивается еще отъ того, что почти вся торговля и почти всѣ оборотные капиталы края сосредоточиваются въ его рукахъ. При такихъ условіяхъ, для Россіи не можетъ быть безразлично, въ какихъ къ ней отношеніяхъ стоятъ Евреи, и смотрятъ ли они на себя какъ на

ея гражданъ, или же какъ на людей чужихъ, которые, соображаясь только съ своими временными интересами, могутъ переходить на ту или другую сторону, то-есть или на сторону русской, или на сторону польской народности. Чтобы воспитать и усилить въ этихъ обитателяхъ Россіи русское гражданское чувство, необходимо даровать имъ возможность считать своимъ отечествомъ всю Россію, а не одинъ лишь окраины ея. Къ тому же при дальнѣйшемъ развитіи нашего экономическаго быта, при устройствѣ желѣзныхъ путей, которые, быть-можетъ, свяжутъ юго-западный край съ сердцемъ Россіи, ограниченія тяготѣющія на Евреяхъ относительно мѣста ихъ жительства будутъ оказываться все болѣе несоотвѣтствующими общимъ интересамъ.

Но, какъ замѣтили мы въ упомянутой выше статьѣ посвященной еврейскому вопросу, при разрѣшеніи вопроса о мѣстѣ жительства Евреевъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на внутреннюю общественную организацію Евреевъ и на особыя отношенія къ нимъ государственной власти.

До 1844-го года Евреи жили отдѣльными общинами (кагалами), и въ своихъ общественныхъ дѣлахъ управлялись собственными выборными, такъ-называемыми кагальными, на которыхъ они, хотя и безъ законнаго основанія, привыкли смотрѣть какъ на своихъ властителей и защитниковъ, и къ которымъ они, между прочимъ, въ 1827 году, при введеніи рекрутской повинности, обратились даже съ требованіемъ объ ея отмѣнѣ. Хотя Положеніемъ 19-го декабря 1844 года кагальное устройство и было отмѣнено, и Евреи были подчинены общему порядку управленія и считаются въ городахъ гдѣ они приписаны членами тамошнихъ обществъ, однакоже за ними сохранено нѣсколько особенностей, которыя дѣлаютъ изъ нихъ особое общество въ составѣ цѣлаго городскаго общества. Такъ, Евреи въ качествѣ особаго городскаго общества и изъ собственной среды своей, избираютъ членовъ въ разныя судебныя и хозяйственныя надъ ними управленія; точно также изъ своей среды избираютъ они особыхъ рекрутскихъ старостъ, особыхъ сборщиковъ податей и ихъ помощниковъ, имѣютъ

свои особыя рекрутскія очереди, подлежать нѣкоторымъ особымъ налогамъ, а именно такъ - называемому коробочному сбору (съ кошернаго мяса), отдаваемому обыкновенно на откупъ, и свѣчному сбору (со свѣчъ, зажигаемыхъ по субботамъ). Достаточно этихъ однихъ узаконеній для того чтобъ изолировать Евреевъ отъ всѣхъ другихъ классовъ городскаго населенія и составить изъ нихъ особое общество съ особыми интересами и цѣлями. Въ 1844 году русское законодательство сдѣлало очень важный шагъ впередъ, отмѣнивъ кагальное устройство, но оно не дошло въ этомъ направленіи до конца, и сохранило до сихъ поръ много узаконеній которыя искусственно обособляютъ Евреевъ отъ всѣхъ другихъ классовъ населенія.

Но еще важнѣе то, что государство, признавая Евреевъ въ качествѣ особаго гражданскаго общества, вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ ихъ и въ качествѣ религіознаго общества, и въ этомъ отношеніи налагаетъ на себя обязанность заботиться о благоустройствѣ еврейскихъ религіозныхъ обществъ и даже о чистотѣ и единствѣ еврейской вѣры. Относительно еврейской религіи, какъ и вообще относительно всякаго иновѣрія, возможна только терпимость, но оказывать покровительство еврейскому религіозному закону или придавать ему обязательную силу для членовъ еврейскаго общества, это значитъ уже выходить за предѣлы вѣротерпимости. Между тѣмъ, что́ мы видимъ на дѣлѣ? Еврейскіе раввины утверждаются въ своемъ званіи губернскимъ начальствомъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ и договоры заключаемые ими съ еврейскими обществами. Раввинъ, утверждаемый въ своей должности правительствомъ, становится и самъ правительственнымъ лицомъ, не говоря уже о томъ, что законъ вмѣняетъ ему въ обязанность наблюдать чтобы въ общественномъ богослуженіи и обрядахъ вѣры были сохраняемы установленныя правила, вразумлять Евреевъ въ истинномъ смыслѣ еврейскаго религіознаго закона и вести по всему своему вѣдомству метрическія книги. Неудобства такого порядка вещей давно уже даютъ себя чувствовать. Одно изъ двухъ: или раввинъ получившій утвержденіе отъ правительства

пріобрѣтаетъ черезъ то особый авторитетъ въ средѣ своихъ единовѣрцевъ, — авторитетъ, который при смѣшеніи гражданскихъ и религіозныхъ предписаній въ еврейскомъ законѣ очень легко переносится и на гражданскія отношенія Евреевъ въ ущербъ единенію ихъ съ прочими классами населенія; или же, несмотря на утвержденіе правительствомъ, Евреи не признаютъ никакого авторитета за своимъ *казеннымъ* раввиномъ и помимо его избираютъ другихъ раввиновъ. Въ такомъ случаѣ подвергается ущербу авторитетъ правительственной власти. При томъ же Евреи распадаются въ настоящее время на нѣсколько сектъ или нѣсколько религіозныхъ направленій. Давая утвержденіе одному раввину, и еще болѣе, предписывая изъ какого круга лицъ должны быть избираемы раввины, правительство тѣмъ самымъ становится на сторону одного направленія, и возбуждаетъ противъ себя крайнее неудовольствіе всѣхъ Евреевъ принадлежащихъ къ другому направленію. Такъ, между прочимъ, въ апрѣлѣ прошлаго года намъ писали изъ Вильны, что тамошніе Евреи только потому вовсе не дѣйствовали противъ польской измѣны, что они принуждены были избрать своимъ раввиномъ лицо которое не пользовалось ихъ сочувствіемъ по своему религіозному направленію.

Заботы правительства о религіозныхъ интересахъ Евреевъ не ограничиваются избраніемъ и утвержденіемъ раввиновъ въ ихъ должности; до нѣкоторой степени оно беретъ на себя обязанность заботиться о сохраненіи единства религіозныхъ еврейскихъ обществъ и о соблюденіи чистоты ихъ вѣроученія. Этимъ обществамъ дозволяется, правда, раздѣляться на нѣсколько новыхъ обществъ, въ случаѣ возникновенія въ какомъ-либо мѣстѣ различныхъ религіозныхъ сектъ или толковъ, но учрежденіе особаго религіознаго общества, по Положенію 1835 года, дозволяется не иначе, какъ съ разрѣшенія министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣ изслѣдованія разности толка отъ обыкновеннаго ученія еврейской вѣры, что̀ можетъ быть дѣлаемо только самими же Евреями, которыхъ показанія въ этомъ отношеніи служатъ болѣе или менѣе основаніемъ для правительственныхъ мѣръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что государство обязано

прекращать всѣ дѣйствія пагубныя для нравственности и общественнаго спокойствія; но этими общими заботами и ограничивается его обязанность, и оно могло бы совершенно освободить себя отъ всякаго другаго вмѣшательства въ религіозныя еврейскія дѣла, и въ особенности отъ всѣхъ усилій поддерживать внѣшнимъ образомъ дисциплину и единомысліе въ еврейской средѣ. Но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ выходитъ не такъ: мѣстныя правительственныя власти нерѣдко преслѣдуютъ, по указанію раввиновъ, такъ-называемыхъ *цадиковъ* («праведниковъ», которымъ, вопреки духу еврейской религіи, секта хасидовъ приписываетъ чудотворную силу, даже силу отмѣнять талмудическія и другія постановленія), запрещаютъ преподаваніе однимъ еврейскимъ законоучителямъ (меламедамъ), дозволяютъ другимъ, и дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи такъ, какъ будто бы правительство было обязано блюсти единство и чистоту еврейскаго вѣроученія. Съ этою цѣлью, между прочимъ, въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ установлены извѣстныя правила для преподаванія еврейскаго закона, опредѣлены для этого особыя, одобренныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія руководства, установлены особыя еврейскія училищныя коммиссіи, которыя испытываютъ желающихъ получить званіе учителей еврейскаго закона. На раввиновъ и ихъ помощниковъ возложена обязанность строго наблюдать, чтобы никто, не имѣющій свидѣтельства на званіе меламеда, не занимался обученіемъ дѣтей Евреевъ предметамъ еврейскаго закона, и чтобъ эти лица въ частномъ своемъ преподаваніи строго сообразовались съ руководствами и программами утвержденными училищнымъ начальствомъ. Кругъ власти раввиновъ, такимъ образомъ, значительно расширяется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сама еврейская религія становится на степень не только терпимой въ государствѣ, но и ограждаемой всѣмъ авторитетомъ государственной власти. Между тѣмъ очевидно для каждаго, что только религія большинства населенія можетъ имѣть значеніе религіи государственной, и только ея интересы важны для цѣлаго государства. Покровительство же оказываемое какимъ бы то ни было вѣроисповѣданіямъ меньшинства (а особенно религіямъ

не-христіанскимъ) никакъ не можетъ входить въ кругъ обязанностей правительства, и подвергаетъ его двоякой опасности: или нарушить свободу совѣсти иновѣрцевъ черезъ вмѣшательство въ ихъ религіозныя дѣла и интересы, или же придать иновѣрію тотъ характеръ признаваемаго государствомъ вѣроисповѣданія который можетъ быть свойственъ только вѣроисповѣданію цѣлаго народа, религіи національной. Русское правительство, естественно, можетъ быть только православнымъ правительствомъ, свои заботы, матеріальныя и нравственныя средства, которыми оно располагаетъ, оно можетъ употреблять только на пользу православной церкви: всѣ же другія вѣроисповѣданія, а въ особенности нехристіанскія религіи, могутъ быть только терпимы, могутъ пользоваться свободой и обезпеченіемъ гражданскихъ правъ ихъ послѣдователей, но безъ всякаго охраненія ихъ религіозныхъ интересовъ. Было бы желательно вообще, чтобы религіозныя дѣла и интересы католиковъ, протестантовъ, а тѣмъ болѣе Евреевъ и магометанъ, были предоставлены исключительно собственной судьбѣ ихъ, и чтобы въ этомъ отношеніи государство, отказавшись отъ всякаго блюстительства и вмѣшательства съ своей стороны, наблюдало только за соблюденіемъ общихъ государственныхъ постановленій и правилъ, не поддерживая своими средствами внутренней дисциплины въ иновѣрческихъ обществахъ, и не допуская возникать въ нихъ никакой обязательной для послѣдователей силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по отношенію къ Евреямъ мы не видимъ, почему бы они не могли относительно сбора податей и налоговъ, относительно отправленія рекрутской повинности и т. п. входить въ составъ цѣлаго городскаго общества и отдѣльныхъ его классовъ, по сословіямъ, не составляя своего особаго общества.

Какъ только исчезла бы эта особая организація еврейскихъ обществъ, и Евреи распредѣлились бы по тѣмъ городскимъ классамъ къ которымъ они принадлежатъ по своему разряду, какъ только религіозныя ихъ дѣла и интересы предоставлены были бы исключительно собственному ихъ завѣдыванію, переставъ быть предметомъ заботливости для правительства, пѣтъ

сомнѣнія, что Евреи вышли бы изъ этой замкнутости, въ которой ихъ теперь упрекаютъ. Въ религіозномъ отношеніи они распались бы на многое множество отдѣльныхъ обществъ; раввины ихъ утратили бы значительную долю своего авторитета, и затѣмъ не оказалось бы ни малѣйшаго препятствія къ дарованію Евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи.

IX.

29-го декабря.

Какая судьба ожидаетъ новый гимназическій уставъ? Поблагопріятствуютъ ли обстоятельства тому чтобы плодотворныя начала положенныя въ его основаніе оказали свое полезное дѣйствіе? Какъ свершится великое дѣло исполненія? Вотъ вопросы которые въ настоящее время, естественно, занимаютъ всякаго кому дорого дѣло воспитанія, находящееся нынѣ въ столь безотрадномъ состояніи въ нашихъ школахъ, съ ихъ разслабляющею атмосферой. Къ счастію, новый уставъ, по отношенію къ системѣ университетскихъ гимназій, носитъ всѣ задатки удачнаго исполненія, если только исполнители честно поймутъ свою нелегкую задачу, приступятъ къ дѣлу съ искреннимъ убѣжденіемъ въ пользѣ предстоящаго преобразованія и съ твердою послѣдовательностью поведутъ его къ указанной цѣли; если, наконецъ, дѣло не остановится на половинѣ дороги, и всѣ университетскія гимназіи сдѣлаются классическими въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Уже въ третій разъ въ теченіе нынѣшняго столѣтія преобразуются уставы нашихъ учебныхъ заведеній; не мало разнообразныхъ опытовъ производилось надъ нашимъ образованіемъ, но еще въ первый разъ рѣшаемся мы сдѣлать простѣйшій изъ нихъ и вступить на путь общій всѣмъ образованнымъ народамъ; еще въ первый разъ нашимъ воспитателямъ придется имѣть дѣло съ планомъ ученья простымъ и яснымъ, соединеннымъ съ очевидными практическими трудностями и очевидною возможностію ихъ побѣдить. Планъ непонятный,—чрезъ то самое

освобождающій отъ необходимости выполненія,—планъ съ широкими затѣями, требующій отъ исполнителей не труда, а взглядовъ и прогрессивныхъ убѣжденій самаго послѣдняго изданія, конечно, болѣе улыбнулся бы, своими радужными красками, извѣстному классу нашихъ педагоговъ; но нѣтъ сомнѣнія, что только строгая простота учебнаго плана и неуклонное слѣдованіе по пути классическаго ученья, составляющаго основу европейской школы, въ состояніи положить конецъ поверхностному пустословію нашихъ школъ и послужить великому дѣлу самобытнаго развитія умственной жизни въ нашемъ отечествѣ Опыты прошедшаго не должны быть забыты, а эти опыты уже, конечно, не говорятъ въ пользу поверхностнаго многоученія, которымъ до сихъ поръ страдали наши гимназіи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, со вступленіемъ на престолъ Императора Александра, началось обширное преобразовательное движеніе въ нашемъ отечествѣ, коснувшееся, между прочимъ, и важнаго дѣла народнаго образованія. Учреждено Министерство Просвѣщенія, учебное управленіе раздѣлено на округи, основаны новые университеты, начертаны уставы среднихъ и низшихъ заведеній. Плодами преобразовательныхъ заботъ правительства прежде всего воспользовались западныя окраины нашего отечества. Въ декабрѣ 1802 года вышло постановленіе объ учрежденіи комитета въ Дерптѣ, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года подписанъ «актъ учрежденія для императорскаго университета въ Вильнѣ.» Уставы этихъ двухъ университетовъ послужили оригиналомъ для болѣе слабыхъ копій, какими явились, въ концѣ слѣдующаго года, уставы университетовъ: Московскаго и двухъ новыхъ—Казанскаго и Харьковскаго. Дерптскій университетъ получилъ прочное корпоративное устройство, и забота объ охраненіи этого устройства выразилась въ самомъ уставѣ, гдѣ въ § 27 (не вошедшемъ въ уставы другихъ университетовъ) сказано: «Совѣтъ, представляя собою весь университетъ, управляетъ онымъ, дѣйствуетъ по его правамъ и сіи защищаетъ.» Въ матеріальномъ отношеніи самымъ богатымъ былъ въ то время Виленскій университетъ, имѣвшій на свое содержаніе болѣе ста тысячъ рублей серебромъ. На

Дерптскій университетъ отпускалась приблизительно та же сумма какая опредѣлялась для внутреннихъ русскихъ университетовъ (130 тысячъ рублей ассигнаціями); но дерптскіе профессора были сравнительно въ лучшемъ положеніи, такъ какъ пользовались платой отъ слушателей (содержаніе Дерптскаго университета было значительно усилено въ 1817 году, когда жалованье профессоровъ было возвышено до той цифры до какой въ остальныхъ университетахъ оно достигло только съ уставомъ 1835 года).

Отъ университетовъ зависѣли гимназіи. Если сравнить устройство какое было дано гимназіямъ Дерптскаго округа, вопервыхъ, съ устройствомъ гимназій Виленскаго округа, а потомъ съ гимназіями прочихъ округовъ, то легко замѣтить въ высшей степени любопытную градацію. Гимназіи Дерптскаго округа были устроены на общеевропейскихъ началахъ. Классическое образованіе полагалось въ основу ихъ устройства. «Языки и творенія классической древности (такъ сказано въ уставѣ этихъ гимназій, въ главѣ обо учебномъ планѣ) всегда признаваемы были за истинное основаніе всякой учености, за лучшее средство не токмо къ изощренію и укрѣпленію душевныхъ силъ юноши, но и къ приготовленію его ко всякому другому ученію и къ открытію ему хода къ каждой наукѣ. Посему основательное и соотвѣтственное цѣли ученіе симъ языкамъ, вмѣстѣ съ математикой, составляетъ самую первую и существенную часть учебнаго плана гимназій.» Въ пяти классахъ, изъ которыхъ состояли тогдашнія гимназіи Дерптскаго округа, на преподаваніе латинскаго языка было назначено 38 часовъ, на преподаваніе греческаго—24 часа въ недѣлю, 19 на математику и только 12 на нѣмецкій языкъ; французскому языку обучались внѣ обычнаго класснаго времени. Это раціональное устройство принесло свои плоды: всѣмъ извѣстно, насколько нынѣ гимназіи Дерптскаго округа превосходятъ гимназіи остальныхъ частей нашего отечества. Переходя къ уставу заведеній Виленскаго округа, мы видимъ, что онъ значительно разнился отъ Дерптскаго, и уже значительно отступалъ отъ общеевропейскаго образца. Греческій языкъ.—за исключеніемъ заведеній которыя,

какъ Волынская гимназія (переименованная потомъ въ лицей) и Полоцкая іезуитская академія, должны быть причислены къ высшимъ,—не преподавался въ гимназіяхъ обширнаго Виленскаго округа, обнимавшаго тогда весь западный край, съ нынѣшними девятью его губерніями; по латинскій языкъ изучался серіозно по 38 часовъ въ семи классахъ гимназіи (онъ преподавался также и въ уѣздныхъ училищахъ, тогда какъ въ Дерптскомъ округѣ эти заведенія имѣли болѣе реальный характеръ). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ учебномъ планѣ гимназій Виленскаго округа было замѣтно стремленіе къ многоученію. Въ числѣ учебныхъ предметовъ встрѣчаемъ и законовѣдѣніе, и политическую экономію, и пятиклассный курсъ естественной исторіи: преподаваніе новыхъ языковъ выдвинуто на болѣе видный планъ. Наконецъ, еще несравненно далѣе отъ простоты плана классическаго ученія отступалъ учебный планъ остальныхъ русскихъ гимназій. Всѣ отрасли человѣческаго знанія нашли мѣсто въ этомъ широкомъ планѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и эстетику, и всеобщую грамматику, и политическую экономію, и технологію, и естественныя, и коммерческія науки, и право естественное, и право народное,—и все въ четыре года ученья. Реальное направленіе стоитъ, повидимому, на первомъ планѣ; о греческомъ языкѣ нѣтъ помину, латинскій преподается понемногу лишь въ трехъ классахъ; за то учитель математики «показываетъ на прогулкахъ различные роды мельницъ, гидравлическихъ машинъ и другихъ механическихъ предметовъ; учитель естественной исторіи и технологіи собираетъ травы, различные роды земель, камней; въ зимнее время осматриваетъ въ городѣ фабрики, мануфактуры и мастерскія художниковъ.» Программа, какъ видимъ, обширная, шестьюдесятью годами опередившая фантазіи нашихъ новѣйшихъ педагоговъ, но принесшая лишь жалкіе плоды. Въ 1819 году попечитель Московскаго учебнаго округа, князь Оболенскій, донося министру о состояніи своего управленія, писалъ, «что во всѣхъ почти гимназіяхъ число учащихся весьма не велико, а высшіе классы въ нѣкоторыхъ и вовсе пусты, отчего и число студентовъ въ университетѣ значительно быть не можетъ; въ гимназіяхъ

обучаются дѣти или однихъ бѣдныхъ губернскихъ чиновниковъ, или купцовъ и мѣщанъ: ни тѣ, ни другія не оканчиваютъ всего курса наукъ.» Попечитель предлагалъ имѣть въ каждой гимназіи по десяти казенныхъ воспитанниковъ, обязавъ ихъ службой въ вѣдомствѣ училищнаго начальства.

Между тѣмъ въ Виленскомъ округѣ кипѣла дѣятельность. Значительная часть дѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за первую эпоху его существованія относится къ управленію Виленскимъ округомъ: устраивались новыя заведенія, ревниво охранялись и увеличивались богатыя средства уже существующихъ; польскій элементъ торжествовалъ, и въ лицѣ Чарторыйскихъ и Чацкихъ пользовался правительственною властью (о Чацкомъ въ уставѣ Волынской гимназіи сказано, что онъ «своимъ усердіемъ, любовью къ отечеству и дарованіями пріобрѣлъ довѣренность согражданъ своихъ и явилъ благоуспѣшные опыты стараній своихъ о приведеніи въ дѣйствіе намѣреній правительства, пекущагося о успѣхахъ народнаго просвѣщенія»). Польское Кіевское дворянство, слѣдуя, какъ оно говорило, примѣру Волынскаго, ходатайствовало въ 1806 году объ учрежденіи въ Кіевѣ гимназіи, и давало значительный капиталъ, разчитанный по числу крестьянскихъ ревизскихъ душъ и слѣдовательно собиравшійся съ православнаго русскаго люда, но постановляло при этомъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы преподаваніе происходило на польскомъ языкѣ. Оно утверждало, что «число дворянства въ Кіевской губерніи, употребляющаго польскій языкъ (замѣтимъ: не польскаго происхожденія, а *употребляющаго польскій языкъ*) 43.000, россійскаго же съ безпомѣстными чиновниками только 1.170.» Оно забывало при этомъ, что живетъ въ исконно-русскомъ краѣ и подъ Русскою державой. Впрочемъ, русскій элементъ не признавался на пространствѣ Виленскаго округа. Заботливое управленіе этого округа исходатайствовало въ 1807 году уставъ для приходскихъ училищъ Волынской, Подольской и Кіевской губерній. Уставъ, упоминающій о пожертвованіяхъ и стараніяхъ дворянства и католическаго духовенства, приложенъ, очевидно, къ училищамъ этого исповѣданія, и въ одномъ изъ параграфовъ своихъ

заботливо упоминаетъ: «Гдѣ есть приходская церковь, тамъ дѣти римско-католическаго исповѣданія вмѣстѣ съ учителемъ во время литургіи должны бывать въ оной». О православномъ народѣ и православномъ духовенствѣ нѣтъ и помину. Въ «предначертаніи объ устроеніи училищъ въ округѣ Виленскаго университета» 1804 однажды упоминается впрочемъ о православномъ духовенствѣ, по случаю училища въ Пинскѣ: именно говорится о помѣщеніи училища въ іезуитскомъ домѣ, отданномъ «грекороссійскому архимандриту, который за отдѣльную подъ учителей и училище очень невыгодную часть онаго требуетъ въ годъ 100 рублей изъ эдукаціоннаго фундуша». Въ «предначертаніи» говорится и о «россійскихъ народныхъ школахъ», но относительно ихъ найдено необходимымъ подождать, пока визитаторъ соберетъ обстоятельныя свѣдѣнія, а пока было предложено «оставить ихъ на прежней степени».

Болѣе полувѣка прошло съ тѣхъ поръ какъ такимъ образомъ устроялось дѣло русскаго просвѣщенія на Русской землѣ. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ; но значительный перевѣсъ въ средствахъ для общаго образованія до сихъ поръ еще остался на сторонѣ областей входящихъ въ составъ Дерптскаго и Виленскаго учебныхъ округовъ, сравнительно съ внутренними областями Россіи, и знаменательные факты приведенные здѣсь еще не потеряли своего поучительнаго значенія.

X.

30-го декабря.

Botschafter,—какъ извѣстно, органъ государственнаго министра Австріи, г. фонъ-Шмерлинга, — отдавая отчетъ о положеніи общеевропейскихъ дѣлъ за прошлый годъ, съ самодовольствомъ заявляетъ, что нѣтъ не только вообще австрійскаго, но даже и венгерскаго вопроса на общеевропейской политической сценѣ. Мы же съ большею скромностью, но за то и съ большею правдой, должны сознаться, что даже и 1864 годъ, окончательно сокрушившій польскую революціонную организацію и

положившій начало важнѣйшимъ соціальнымъ преобразованіямъ въ польскомъ краѣ Россіи, не успѣлъ, однакоже, вполнѣ упразднить такъ-называемый польскій, или—что то же—русскій вопросъ, и не уничтожилъ слѣпой вѣры Поляковъ въ возможность возстановленія Польскаго королевства въ предѣлахъ 1771 года. Въ виду значительныхъ реформъ, совершающихся въ Россіи вообще, и въ польскомъ ея краѣ въ особенности, реформъ такъ быстро слѣдующихъ одна за другою, европейское общественное мнѣніе, очевидно, озадачено; не менѣе озадачены и ошеломлены сами Поляки. Россія, которой до сихъ поръ приписывали одну матеріальную силу, оказывается теперь силой мыслящею, нравственною, способною не только разрушать и подавлять, но и создавать. Политическая важность реформъ предпринятыхъ въ Царствѣ Польскомъ болѣе или менѣе понимается и Поляками, и европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, несмотря на убѣжденіе страннымъ образомъ укоренившееся въ Европѣ, будто польская крестьянская реформа имѣетъ по преимуществу соціалистическій характеръ. При этомъ совершенно упускаются изъ виду два существенныя условія этой реформы, а именно, что польскіе помѣщики получаютъ узаконенное вознагражденіе за земли которыя отъ нихъ отходятъ (и на которыя они еще съ 1846 года не имѣютъ полнаго права распоряженія, не говоря уже о всеобщемъ согласіи помѣщиковъ уступить ихъ крестьянамъ въ силу декретовъ подземнаго жонда), и что эти земли раздаются польскимъ поселянамъ съ обязанностью платить за нихъ вновь установленный съ этою цѣлью налогъ. Такимъ образомъ обвиненіе въ соціалистическомъ направленіи, очевидно, не можетъ быть по справедливости отнесено къ крестьянской реформѣ въ Царствѣ Польскомъ. Но политическое ея значеніе несомнѣнно обнаружилось бы съ полною силой только въ томъ случаѣ, еслибъ, обставленная другими мѣрами, она могла повести къ дѣйствительному упраздненію польскаго вопроса.

По отношенію къ реформамъ совершающимся въ польскомъ краѣ Россіи, какъ между самими Поляками, такъ и въ европейскомъ общественномъ мнѣніи и даже, какъ увѣряютъ, въ

убѣжденіяхъ самихъ европейскихъ правительствъ замѣчается двоякое настроеніе. Одни рѣшительно отказываются вѣрить чтобы Русское правительство довело предпринятыя имъ реформы до ихъ естественнаго результата, именно до полнаго сліянія Поляковъ въ одну политическую націю съ Русскими, или говоря иначе, до совершеннаго упраздненія административно-политической отдѣльности Царства Польскаго. Они полагаютъ, что Русское правительство, по какимъ бы то ни было соображеніямъ или причинамъ, будетъ еще колебаться въ этомъ вопросѣ, что оно способно по собственной своей доброй волѣ остановиться на полудорогѣ, или даже пойти назадъ. Только существованіемъ такого предположенія возможно объяснить себѣ то, что польскій вопросъ продолжаетъ существовать, что онъ не сошелъ еще съ общеевропейской политической сцены, что онъ еще входитъ въ различные политическіе разчеты и соображенія иностранныхъ государствъ, особенно Франціи, и состоитъ даже въ связи съ вопросами ихъ внутренней политики. Такъ, мы читаемъ въ газетѣ *Botschafter*, что Франція желала бы въ настоящее время сближенія съ Россіей, съ тѣмъ чтобы сближеніе это ознаменовалось со стороны Россіи какою-либо существенною перемѣной въ ея внутренней политикѣ,—перемѣной, которую можно было бы представить законодательнымъ палатамъ Франціи въ видѣ уступки прошлогоднимъ ея требованіямъ по польскимъ дѣламъ.

Съ другой стороны, мы читаемъ въ приведенныхъ ниже извѣстіяхъ иностранныхъ газетъ, что въ средѣ польской эмиграціи, несмотря на всѣ раздоры въ ея нѣдрахъ, жива еще вѣра въ возможность борьбы съ Россіей и даже побѣды надъ нею. Болѣе умѣренная партія, органомъ которой служитъ *Oświata*, желаетъ пока дѣйствовать въ тиши, давъ, однакоже, твердую организацію разсѣяннымъ по всей Европѣ польскимъ эмигрантамъ; но партія дѣйствія считаетъ возможнымъ возобновить борьбу съ Россіей будущею весной, и если вѣрить показаніямъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, изготовляетъ уже средства къ тому. При этомъ она увѣрена, что предпринятыя Россіей реформы, не будучи еще доведены до естественнаго

своего конца, послужатъ только въ пользу «польской справы». Такимъ образомъ, и эти замыслы, главнѣйшимъ образомъ, основываются на предположеніи, что Русское правительство остановится на полудорогѣ, и не рѣшится довершить начатое имъ дѣло.

Но, какъ сказано, далеко не всѣ въ западной Европѣ и среди самихъ Поляковъ держатся такого оскорбительнаго для Россіи предположенія: многіе начинаютъ уже замѣтнымъ образомъ болѣе прежняго вѣрить въ послѣдовательность Русскаго правительства, и при враждебномъ настроеніи къ Россіи, не безъ смущенія ожидаютъ въ ближайшемъ уже времени такихъ мѣръ съ ея стороны которыя окончательно упразднятъ такъ-называемый польскій вопросъ и дадутъ Россіи новую силу и несравненно большее чѣмъ прежде вліяніе въ цѣломъ славянскомъ мірѣ. Эти опасенія особенно часто высказываются въ органахъ австрійской печати. Мы не можемъ поручиться за достовѣрность сообщаемыхъ ими извѣстій о предполагаемыхъ Россіей мѣрахъ; но для насъ не безъинтересно ознакомиться ближе съ ихъ воззрѣніями на этотъ предметъ, и указать на то, какія мѣры, по ихъ мнѣнію, способны поддержать въ Полякахъ и какія способны уничтожить въ нихъ надежду на возможность возстановленія самобытной Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительно письмо варшавскаго корреспондента газеты *Wanderer*, писанное отъ 31-го декабря.

Этотъ корреспондентъ, явно преданный польскимъ національнымъ притязаніямъ, сравниваетъ, между прочимъ, правительственную систему которою руководствовалась Россія относительно Польши противъ мятежа 1830—31 года съ тою которую она усвоила себѣ въ настоящее время, и съ своей точки зрѣнія отдаетъ предпочтеніе первой изъ нихъ. «Правленіе князя Паскевича, пишетъ онъ, все-таки до нѣкоторой степени потворствовало польскому дворянству, и воздерживаясь отъ мѣръ направленныхъ къ окончательному включенію Царства Польскаго въ составъ Имперіи, тѣмъ самымъ давало дворянству возможность пользоваться привилегированнымъ положеніемъ его для приготовительныхъ работъ, имѣвшихъ цѣлью полное возрожденіе

Польши; нынѣшняя же система направлена прямо противъ этого дворянства, съ его національными историческими преданіями, прямо противъ поборниковъ польской аристократической Рѣчи Посполитой и къ полному сліянію польскаго элемента съ русскимъ». Обезкураженный поборникъ этой soi disants аристократической, а въ сущности только шляхетской Рѣчи Посполитой взываетъ къ помощи западной Европы, которая, однакоже, по собственному его сознанію, совершенно стала равнодушна къ польскому дѣлу, и которая, конечно, не обратитъ никакого вниманія на его призывъ. Но намъ, Русскимъ, не худо принять къ свѣдѣнію, что даже среди величайшихъ строгостей правленія князя Паскевича, Поляки, по собственному ихъ признанію, находили возможность заготовлять средства къ возрожденію Польши, потому только что Русское правительство не рѣшилось тогда на полное присоединеніе Царства Польскаго къ Имперіи и сохранило за нимъ его административную отдѣльность. Напротивъ, теперь они начинаютъ убѣждаться въ невозможности для нихъ такого образа дѣйствій, замѣчая, что въ настоящее время реформы Русскаго правительства въ Царствѣ Польскомъ клонятся къ упраздненію административно-политической его отдѣльности и къ сліянію польскаго элемента съ русскимъ.

Въ послѣднемъ отношеніи было бы особенно важно, еслибъ оказалось достовѣрнымъ сообщаемое иностранными газетами извѣстіе о намѣреніяхъ Русскаго правительства относительно реформъ въ организаціи и въ положеніи римско-католической церкви какъ польскаго края, такъ и западной Россіи. Такъ, между прочимъ, въ *Botschafter* пишутъ изъ Львова, отъ 31-го декабря, что лишь только вполнѣ уяснятся отношенія Франціи къ папству, и въ отпоръ ученіямъ содержащимся въ недавнемъ окружномъ посланіи папы, опредѣлится точнѣе независимость Галликанской церкви отъ Римскаго престола, тотчасъ же и Россія объявитъ римско-католическую церковь въ подвластныхъ ей странахъ независимою отъ папы, и ввѣритъ ея управленіе особому синоду; власть епископовъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ ограничена: раздача приходовъ будетъ у нихъ отнята, и предоставлена гминнымъ и сельскимъ сходамъ, подъ надзоромъ и

съ утвержденія правительства; церковныя наказанія будутъ назначаемы епископами также не иначе какъ съ утвержденія правительства; наконецъ, что особенно важно, богослужебнымъ языкомъ станетъ, вмѣсто латинскаго, равно понятный всѣмъ славянскимъ племенамъ древне-славянскій, такъ-называемый церковно-славянскій языкъ, употребительный въ нашемъ православномъ богослуженіи и уже допускаемый въ нѣкоторыхъ случаяхъ Римскою церковью. Осуществленіе всѣхъ этихъ реформъ, по мнѣнію корреспондента, не встрѣтило бы въ настоящее время никакого противодѣйствія со стороны народа и низшаго духовенства, и только высшее духовенство и высшее дворянство стали бы имъ противиться.

Повторяемъ, что мы нисколько не ручаемся за достовѣрность этого извѣстія, и приводимъ его только какъ указаніе, какихъ мѣръ ожидаютъ отъ Россіи съ точки зрѣнія ея интересовъ. Но еслибъ изложенный здѣсь планъ оказался, дѣйствительно, удобоисполнимымъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ какъ нельзя болѣе содѣйствовалъ бы осуществленію той высокой цѣли которую Россія имѣла въ виду еще въ 1832 году, именно слiянію Русскихъ и Поляковъ «въ одинъ народъ согласныхъ братій» и прекращенію вѣковой вражды между ними, еще болѣе пагубной для Поляковъ, нежели для Русскихъ. Усилія Русскаго правительства, направленныя къ этой цѣли, еслибы только имъ соотвѣтствовали и самыя средства, какъ того можно ожидать въ настоящее время, нашли бы полное себѣ оправданіе и заслуженную хвалу предъ безпристрастнымъ судомъ исторіи; очень можетъ быть, что даже современная Европа, несмотря на свое недоброжелательство къ Россіи, не отказала бы имъ въ сочувствіи. Нѣтъ ни одной образованной страны въ Европѣ, гдѣ просвѣщенное правительство не заботилось бы объ устраненіи племенной розни между членами одного и того же государства, и не принимало бы рѣшительныхъ мѣръ въ тѣхъ видахъ чтобы различныя по происхожденію и языку племена могли образовать изъ себя одну политическую націю, пользующуюся одними и тѣми же правами. Пруссія въ недавнее еще время сдѣлала въ этомъ направленіи одинъ новый шагъ впередъ

по отношенію къ своимъ польскимъ подданнымъ. Въ началѣ пятнадцатаго декабря, какъ пишутъ изъ Маріенвердера въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, Прусское правительство вмѣнило въ обязанность всѣмъ духовнымъ лицамъ и учителямъ, состоящимъ при католическихъ школахъ, чтобы польскій языкъ былъ употребляемъ въ преподаваніи только въ низшемъ классѣ, и притомъ только съ цѣлью подготовить польскихъ дѣтей къ пониманію нѣмецкаго языка и къ успѣшному усвоенію предметовъ, которые въ двухъ высшихъ классахъ должны быть преподаваемы исключительно на языкѣ нѣмецкомъ. Франція, которая является такою поборницей такъ-называемаго начала національностей, тѣмъ не менѣе не признаетъ, по дѣйствующему теперь школьному закону 1832, никакого другаго языка языкомъ училищъ кромѣ французскаго. Училищные инспекторы въ Альзасѣ и въ Лотарингіи, какъ пишутъ въ *Allgemeine Zeitung*, отъ 1-го января, съ величайшею строгостью слѣдятъ за выполненіемъ этого закона, и не дозволяютъ духовнымъ лицамъ преподавать священную исторію и катехизисъ дѣтямъ природный языкъ которыхъ есть нѣмецкій иначе какъ по-французски. Почему бы Россія должна была, вопреки интересамъ своихъ подданныхъ русскаго и польскаго происхожденія, способствовать сохраненію племенной между ними розни и вражды, когда по самому своему происхожденію и языку они такъ близки между собою и когда Поляку усвоить себѣ русскій языкъ несравненно легче чѣмъ языкъ нѣмецкій, или чѣмъ Нѣмцу усвоить себѣ языкъ французскій? Посредствующимъ звеномъ между обоими языками, русскимъ и польскимъ, дѣйствительно, могъ бы какъ нельзя лучше послужить языкъ церковно-славянскій. Самая Римская курія согласилась на то чтобы въ хорватскихъ и словинскихъ храмахъ богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ. Впрочемъ, если справедливо показаніе львовскаго корреспондента газеты *Botschafter*, что само низшее духовенство въ польскомъ краѣ склонилось бы въ пользу этихъ реформъ, то очевидно, что онѣ могли бы совершиться легко и безъ всякаго насилія.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Польскій вопросъ. Страницы: 22—32, 48—50, 75—79, 112—117, 121—124, 130—135, 147—154, 162—166, 181—197, 210—220, 267—270, 280—284, 317—349, 356—367, 390—393, 416—418, 466—478, 487—507, 524—543, 574—586, 614—619, 643—722, 729—733, 744—783, 823—830, 873—878, 895—925, 941—949 и 961—966.

II. Прибалтійскій вопросъ. Стр. 102—107, 350—355, 399—406, 434—439, 457—466, 609—614, 734—742, 925—936.

III. Украйнофильство. Стр. 117—121, 586—588.

IV. Русскій литературный языкъ и славянскія нарѣчія. Стр. 167—176.

V. Теорія раздробленія Русскаго государства по-національно. Стр. 838—873, 878—890.

VI. Русскій вопросъ. Стр. 562—570, 595—609, 627—628, 783—797.

VII. Значеніе независимости и національности русской политики. Стр. 202—205, 801—805, 890—895.

VIII. Подъемъ народнаго духа и вліяніе его на ходъ событій. Стр. 9—13, 107—112.

IX. Національность правительства. Стр. 742—744.

X. Мнимое и дѣйствительное. Стр. 127—130.

XI. Что такое консерватизмъ. Стр. 1—9.

XII. Фальшивый либерализмъ. Стр. 367—370.

XIII. Политическій смыслъ Русскаго народа. Стр. 176—181.

XIV. Крестьянское дѣло. Стр. 197—202, 249—257, 270—280, 570—574.

XV. Учебное дѣло. Стр. 79—95, 138—147, 155—162, 205—210, 236—244, 297—301, 387—389, 393—398, 406—411, 418—427, 440—457, 508—524, 544—562, 589—595, 628—643, 722—729, 797—801, 806—823, 936—941, 955—960.

XVI. Земскія учрежденія и судебная реформа. Стр. 32—47, 68—75, 244—249, 257—266, 371—376, 427—433.

XVII. Вопросъ о расколѣ. Стр. 50—62, 220—236, 285—297, 949—955.

XVIII. О подъемѣ самодѣятельности православной церкви. Стр. 306—311.

XIX. Приходскія попечительства. Стр. 135—138.

XX. Еврейскій вопросъ. Стр. 124—126, 831—837.

XXI. Законъ о печати. Стр. 96—102, 301—306, 909—918.

XXII. О казенныхъ газетахъ. Стр. 14—22.

XXIII. О воинской повинности. Стр. 376—384.

XXIV. О русскомъ военномъ флотѣ. Стр. 484—487.

XXV. Поземельный кредитъ Стр. 619—627.

XXVI. Значеніе для Россіи усиленія Германіи. Стр. 384—387, 411—416.

XXVII. Къ Восточному вопросу. Стр 484—487.

XXIII. Германскія конституціи. Стр. 62—68.

XXIX. По поводу 300-лѣтней годовщины рожденія Шекспира. Стр. 311—317.

Цѣна **ТРЕТЬЯГО ТОМА** 3 р.

Покупающіе всѣ **ТРИ ТОМА** вмѣстѣ получаютъ ихъ за 6 руб.

Duke University Libraries
D04058423Q